Тр-999
55

Б. О. ДОЛГИХ

РОДОВОЙ и ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ НАРОДОВ СИБИРИ в XVII ВЕКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ LV

Тр-999
55

Б. О. ДОЛГИХ

РОДОВОЙ И ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ НАРОДОВ СИБИРИ В XVII В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1960

582(06)+39
(06)

39
(10)

Ответственный редактор

Г. Ф. ДЕБЕЦ

В-41558
62671
Библиотека
Башкирского филиала
Академии наук СССР

ВВЕДЕНИЕ

Основной задачей настоящей работы, как показывает ее название, является установление племенного и родового состава коренного населения Сибири в XVII в., т. е. ко времени прихода в эту страну русских. Поскольку коренное население Сибири в тот период находилось в основной своей массе на ступени патриархально-родового строя и поэтому состояло из родов и племен, то установление родоплеменного состава народов Сибири в XVII в. фактически является установлением с возможной подробностью всей этнографической структуры и этнического состава коренного населения Сибири в период включения его в пределы Русского государства.

Одним из итогов данной работы является карта, на которой показаны территории этнических общностей, складывающиеся из контуров территорий, занятых племенами и родами, известными нам по письменным источникам XVII—XVIII вв.

Нельзя не отметить, что одно время в русской и даже в советской науке в отношении народов Сибири существовал некоторый разрыв между этнографией и собственно гражданской историей Сибири. Историки в своих работах на сибирские темы оперировали большим количеством родоплеменных названий народов Сибири, заимствованных из архивных источников. Но обычно не было известно точного расселения упомянутых родов и племен, их численности, того, что часто под разными названиями имелась в виду одна и та же группа, и не знали, как правило, потомков данной группы в современном населении Сибири. Этнографы же устанавливали существование у народов Сибири родов, фратрий, племен, но названия, расселение, сочетания этих родов в племена не увязывались, не совпадали с родоплеменными группами, установленными по архивным источникам. Даже если такие соответствия между родовыми группами XVII в. и позднейшими родами конца XIX и начала XX в. иногда устанавливались, то это были обычно частные случаи.

Такой разрыв между этнографией и историей народов Сибири привел даже к тому, что его стали объяснять теоретически. Наблюдая, например, случаи несоответствия современной родоплеменной структуры народов с исторически сложившимся на базе родоплеменных делений старым административным устройством народов Сибири, некоторые этнографы стали на путь огульного отрицания за историческими источниками, историческими данными и исследованиями всякого этнографического значения и даже отрицали научное значение данных о родоплеменном составе народов Сибири, заимствованных из архивных источников. Появилось утверждение, что все административное устройство народов Сибири в прошлом — это лишь «скверный анекдот» (Штернберг, Рычков), другие считали, что русские в XVII в. не сумели разобраться в родовом составе народов Сибири

и поэтому искусственно приписывали одни роды к другим (Широкогоров), третьи предполагали, что русские создавали какие-то особые «ясачные роды» и т. д. О родоплеменной структуре народов Сибири писали и говорили как о какой-то всеобщей конспиративной организации, противопоставленной официальному административному устройству и не имеющей ничего, или очень мало, общего с родовыми делениями народов Сибири, выявленными уже в XVII в.

На самом деле та родоплеменная структура народов Сибири, которая в конце XIX и в начале XX в. выявлялась этнографическим путем, целиком восходила к родовым и племенным подразделениям народов Сибири, установленным в XVII в. Суть дела заключалась лишь в том, что некоторые роды, существовавшие в XVII в., вымерли, другие размножились и разветвились, в результате чего появились новые роды с новыми названиями, не известными в XVII в., и т. д. С другой стороны, административная система царизма была очень консервативна. Ее развитие отставало от процессов, указанных выше, что и привело к тем несоответствиям, которые отмечались этнографией. Происходили и другие процессы, например перерастание патриархально-родовых общин в соседские, но все эти процессы поддаются учету и изучению как по историческим источникам, так и методами полевой этнографии. При этом данные истории и этнографии не только не противоречат, но и взаимно дополняются, способствуя уяснению действительно происходивших процессов.

В качестве своего практического результата данная работа стремится содействовать:

1. Разрешению этногенетических проблем, связанных с народами Сибири, путем реконструкции этнографического состава населения Сибири со всеми возможными деталями, до того, как наступили изменения, вызванные дальнейшим развитием этих народов уже в составе Русского государства.

2. Уточнению и конкретизации процесса освоения русскими Сибири в XVI—XVIII вв. путем введения в научный оборот сведений о численности, расселении и дальнейшей судьбе всех тех народов, племен и родов, с которыми входили в контакт русские при своем движении по территории Сибири в указанные столетия.

3. Разработке истории современных народов Сибири путем уточнения данных об их предках в эпоху прихода в Сибирь русских.

4. Разработке теоретических вопросов, связанных с изучением форм родового строя у народов Северной Азии.

Основными источниками для выполнения данной работы явились архивные материалы, а именно фонды Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве, Архивов Академии наук СССР и Института истории Академии наук СССР в Ленинграде. Из фондов ЦГАДА следует в первую очередь отметить фонд Сибирского приказа (№ 214) и фонды приказных изб (т. е. воеводских канцелярий) Якутской (№ 1177), Иркутской (№ 1121), Нерчинской (№ 1142) и Баргузинской (№ 1105). Использованы были также и некоторые так называемые «Приказные дела старых лет». Очень важные данные были извлечены из известных портфелей Миллера, хранящихся как в ЦГАДА (ф. 199), так и в Архиве АН СССР (ф. 21, оп. 4). Из материалов, хранящихся в Архиве Института истории АН СССР в Ленинграде, особенную ценность для нас представляют так называемые «Якутские акты». Но отметим, что фонды архивов, особенно ленинградских, нами использованы далеко не полностью и мы можем рассчитывать поэтому на существование ряда неизвестных еще данных как подтверждающих, так и уточняющих, дополняющих и исправляющих известные нам сведения о родоплеменном составе и расселении народов Сибири в XVII в. Надо также оговорить, что мы не ставили

перед собой задачи исчерпать имеющийся по нашей теме архивный материал, да это и вряд ли было бы под силу одному человеку. Мы стремились лишь найти нужные нам сведения для выполнения поставленных задач. Правда, по некоторым этнографическим группам данных было обнаружено нами недостаточно и здесь в дальнейшем необходимо продолжить поиски для окончательного установления отдельных фактов.

Важной категорией источников являются и историко-этнографические материалы, собранные исследователями Сибири в XVII в. Здесь в первую очередь мы имеем в виду два имени — С. И. Крашенинникова и Г. Ф. Миллера.

«Описание земли Камчатки», особенно в его новом академическом издании 1949 г., в котором напечатано несколько до сих пор неопубликовавшихся рукописей Крашенинникова, остается главнейшим источником для реконструкции расселения и племенного состава камчадалов и отчасти курильских айнов и коряков. Дополнить данные Крашенинникова о камчадалах мы смогли по существу лишь сведениями, почерпнутыми из нескольких разрозненных ясачных книг Камчатки 1715—1717 гг., хранящихся в рукописном фонде Библиотеки им. Ленина, а также из ясачной книги камчатского приказчика Тимофея Кобелева за 1702—1703 гг. из фондов ЦГАДА.

Из материалов Миллера, помимо известных коий с дел сибирских архивов, хранящихся в Архиве АН СССР (ф. 21, оп. 4), большое значение для нашей работы имели его рукописные этнографические заметки о народах Сибири, хранящиеся в ЦГАДА (ф. 199). Особенно ценны в плане настоящей работы его сведения о родовом составе и расселении родов коттов, асанов, моторов, кашинцев, камасинцев, родов предков карагасов и родов других народов, живших на территории Красноярского уезда. Сопоставление этих данных Миллера с соответствующими данными из фонда Сибирского приказа позволило уточнить расселение всех этих, по большей части исчезнувших, родов, а главное — установить в ряде случаев языковую принадлежность членов этих родов. Большое значение рукописные материалы Миллера имели для описания родов и племен Нерчинского уезда и для описания населения других уездов. Из литературы XVIII в. следует отметить также труды И. Г. Георги, Г. В. Штеллера и рукописные материалы К. Мерка, изученные И. С. Вдовиным.

Много данных было извлечено из изданных в XIX в. известного собрания исторических документов «Дополнения к актам историческим» и различных других сборников документов, из материалов Николая Спафария, из атласа Семена Ремезова и т. д. Из исследователей конца XIX и начала XX в. отметим большие статьи профессора Харьковского университета П. Н. Буцинского, работы известного архивиста Н. Н. Оглоблина и этнографа-статистика С. К. Патканова [1].

Очень большое значение для осуществления настоящей работы имели также труды советских историков и этнографов, изучавших народы Сибири, в которых подытоживаются литературные данные и используется большое количество опубликованных и неопубликованных архивных материалов,— С. В. Бахрушина, З. Я. Бояршиновой, И. С. Вдовина, И. С. Гурвича, А. П. Окладникова, Л. П. Потапова, Н. Н. Степанова, С. А. Токарева, В. И. Шункова и др. Особо следует отметить источниковедческие исследования А. И. Андреева, А. В. Ефимова, М. О. Косвена и ряд советских публикаций архивных документов: «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», «Колониальная политика царизма на

[1] Все сопоставления и ссылки на данные переписи 1897 г. сделаны по труду С. К. Патканова «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев», т. I, II, III, СПб., 1912.

Камчатке и Чукотке в XVIII в.», приложения к академическому изданию «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» М. М. Белова, «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии» Н. С. Орловой и др.

Помимо опубликованных и неопубликованных документальных источников, были привлечены также данные топонимики, землепользования, исторические предания и другие этнографические источники. В качестве главнейшего итога своей работы автор, как уже было сказано, представляет этнографическую карту Сибири XVII в. Естественно, что для составления такой карты данные топонимики и землепользования имели очень важное значение.

Данные топонимики помогали уточнить границы народов на стыках этнических групп, которые говорили на языках, принадлежавших к различным лингвистическим семьям, например кетов, асанов и коттов, с одной стороны, и тунгусов, с другой, между юкагирами и чукчами и в других местах. В некоторых случаях в названиях рек и гор сохранились названия родов или имена лиц, возглавлявших эти роды и некогда кочевавших здесь.

Материалы землепользования особенно заметную роль играли в районах, населенных скотоводами. Они помогали установить границу между этими скотоводами и охотниками-оленеводами, а также между племенами и родами внутри территорий, осваиваемых этническими группами скотоводов. По данным землепользования нанесено, например, на карту расселение амгинско-ленских якутов и их подразделений, части бурятских племен и родов и некоторых других этнографических групп.

Полевые этнографические материалы, предания и т. п. особенно большую роль играли для районов, сравнительно слабо освещенных в документальных источниках XVII в., а именно для низовьев Енисея, бассейнов Хатанги, Нижней и Средней Тунгусок, словом для той территории, которая в XVII в. вся входила в Мангазейский (Туруханский) уезд. Недоставало здесь главным образом данных о территориальном размещении племен и родов в XVII в. Но как раз большую часть именно этой территории автор объездил лично во время своей полевой этнографической работы, и поэтому здесь он обладал наибольшим количеством этнографических материалов, которые восполнили в некоторой степени пробелы документальных источников.

Мы стремились к сочетанию всех видов источников. Но в процессе работы выяснилось, что только архивные материалы имеются у нас в достаточном количестве почти по всей Сибири. Практически работа свелась к дополнению и корректированию архивных данных другими видами источников.

Оговорим следующее обстоятельство. Почти все наши данные о чукчах, эскимосах, коряках, камчадалах и айнах относятся к XVIII в., главным образом к его первой половине. Используя их, мы пытались установить численность и расселение этих народов к концу XVII — началу XVIII в., когда русские вошли в контакт с ними. Здесь, конечно, имеется элемент условности. Но так как развитие этих народов до прихода русских протекало очень медленно, грубых ошибок здесь не должно быть, тем более, что в каждом отдельном случае мы учитывали по возможности направление их развития и сообразовывали с этим наши расчеты численности населения и контуры территорий отдельных групп населения на карте.

Отметим также, что у чукчей, эскимосов, коряков и камчадалов наши источники не выявляют родовые деления и поэтому нам здесь приходится ограничиваться выявлением территориальных и диалектальных групп, которые, весьма вероятно, в ряде случаев соответствуют племенам (см. ниже).

Что касается курильских айнов, то вопрос о родах у них остается открытым. Слово «род» в отношении группировок айнов иногда источниками употреблялось, но оно же иногда употреблялось и в отношении оленных коряков, у которых родов не было, что признают иногда сами авторы этих документов.

Среди коренного населения Сибири (с Приамурьем, Сахалином и Курильскими островами) выделяется 12 лингвистических групп. Это обские угры, самоеды, кеты, тюрки, монголы, маньчжуры, тунгусы, юкагиры, северо-восточные палеоазиаты (коряки с чукчами и камчадалы), эскимосы, айны (курилы) и гиляки. Эти лингвистические группы мы выделяем на карте разными цветами. Надо сказать, что в архивных источниках большая часть этих названий не встречается. Обские угры были известны русским в XVII в. под названиями остяков и вогулов. Самоедоязычные селькупы были известны также под названием остяков, а саянские самоеды — под названием татар или под племенными и родовыми названиями моторов, камасинцев, карагасов и т. д. Северные кеты тоже были известны под названием остяков, а южные кетоязычные племена назывались татарами («канские татары», «аринские татары» и т. д.). Тюркоязычные народы назывались татарами (большинство), а также «белыми калмыками» на Оби, киргизами на Енисее и якутами на Лене. Тунгусами назывались, помимо собственно тунгусов (эвенков), и предки ламутов (эвенов) и негидальцев. Маньчжуроязычные народы Амура были известны русским XVII в. под названиями дючеров, натков и др. Эскимосов русские не отличали от приморских чукчей. Айны были известны под названием курилы или «черные люди куи». Среди монголоязычных народов, русские различали собственно монголов («мугалы»), предков бурят («братские люди») и даур (на Амуре). Юкагиры и гиляки были известны под этими же названиями. Часть юкагиров фигурировала также под племенными и территориальными названиями — чуванцы, ходынцы, анаулы.

Чрезвычайно заманчивой задачей было дать в настоящей работе, наряду с характеристикой этнографического, родоплеменного состава населения, его хозяйственную и социально-экономическую характеристику. Но работа, даже в пределах нашей суженной тематики, так разрослась, что какое-либо ее расширение не представлялось возможным. Кроме того, более или менее детальная разработка вопроса о хозяйственном типе и социально-экономическом строе даже одного какого-нибудь народа Сибири в XVII в. представляет по существу самостоятельную большую тему, требующую привлечения значительного количества материалов, которые при разработке темы об этнографическом, родоплеменном составе населения не привлекались и не разыскивались в архивах. На это мы без риска ослабить работу по нашей основной теме пойти не могли. Тем не менее в тех случаях, когда наши источники сообщали некоторые данные о хозяйстве и социально-экономическом строе, мы попутно вкратце излагаем их, не претендуя на то, чтобы эти сведения представляли какое-либо самостоятельное значение.

Поскольку данная работа посвящена родоплеменному составу населения Сибири в XVII в., то нам надо изложить, что мы принимаем под терминами «род» и «племя», что сообщают нам о них первоисточники.

По описанию Моргана, принятому Энгельсом, род является экзогамной группой кровных родственников, происходящих по мужской или женской линии (но обязательно по одной линии) от одного общего предка, имеющих свое общее родовое название, обязанных помогать друг другу, защищать друг друга, мстить друг за друга, имеющих свое самоуправление с должностными лицами (представляющими также род в органах самоуправления племени) и, кроме того, некоторые другие общие социальные и религиозные права, обязанности и традиции.

Термин «род» в документах XVII в. встречается очень часто, но содержание этого термина чрезвычайно варьирует. Иногда род — это просто большая семья. На это обратил внимание в свое время С. В. Бахрушин. Но иногда род — это народность, например в выражении «детина мунгалского роду». Таким образом, терминология источников нам не всегда может помочь. Однако если отвлечься от крайних случаев, то наиболее обычными для народов северной Сибири XVII в. окажутся три типа родов. Во-первых, выделяются большие роды (в несколько десятков и даже сотен трудоспособных мужчин), имеющие характерные родовые названия, свойственные данному народу. Такие большие роды с характерными, типичными родовыми названиями отмечены источниками XVII в. у северных самоедов, тунгусов, юкагиров, предков бурят; сюда же можно отнести и многие якутские «волости». Во-вторых, источники XVII в. выделяют обычно небольшие, в 10—20 трудоспособных мужчин, порой и меньше, но иногда и довольно многочисленные роды, которые, как правило, называются по именам лиц, эти роды возглавлявших. Иногда роды этой категории называются в источниках XVII в. улусами. Очень часто вышеуказанные большие роды первого типа распадаются на несколько таких родовых новообразований. В-третьих, некоторые маленькие роды (у ненцев, тунгусов и др.) самостоятельно существуют наряду с большими и имеют типичные для последних специфические для данного народа родовые названия.

Мы предполагаем, что вышеописанные большие роды — это фратрии, а их подразделения — собственно роды. Как известно, фратрией называется в этнографии дуальное подразделение племени, распространяющееся иногда даже на несколько племен. Но кроме фратрии этого архаичного типа, существовали, по Энгельсу, в частности в отцовско-родовых обществах, фратрии, которые были «первоначальным родом, расчленившимся на несколько дочерних родов» [2]. Таких фратрий в племени могло быть не только две, но и больше, до десяти, как было в племенах древних римлян. По-видимому, большие роды народов Сибири, упомянутые выше, можно приравнять к такого позднейшего типа фратриям, а подразделения этих родов — к собственно родам, входившим в данные роды-фратрии. Что касается небольших родов, не входивших во фратрии, но имевших названия того типа, какие были у фратрий данного народа, то в этих родах можно видеть старые роды, которые в силу неблагоприятного стечения обстоятельств не смогли размножиться, образовать новые роды-подразделения и таким образом превратиться во фратрию. Это могли быть также роды сравнительно недавно образованные разными пришельцами, иноплеменниками и т. д.

Итак, мы можем различать у народов Сибири три категории отцовских родов: 1) древние большие роды — фратрии; 2) подразделения и ответвления этих родов — фратрий, вновь образованные и образующиеся собственно роды; 3) старые небольшие роды, не имевшие условий превратиться в роды-фратрии, а также небольшие роды, образованные пришельцами и т. п.

У разных народов имеются особенности, которые отличают их родовые образования от средних типов, указанных выше. Эти отличия читатель усмотрит сам в тех главах, где будет излагаться материал о родовом составе соответствующих народов.

Надо заметить, что не всегда имеются налицо в наших материалах одновременно и фратрия и род. Иногда в источниках зафиксированы только большие роды-фратрии и лишь случайно мы узнаем о существовании мелких родовых подразделений в этих родах. Наоборот бывают случаи,

---

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 105.

когда в источниках фигурируют только мелкие подразделения (роды, улусы) и лишь косвенным путем, иногда по этнографическим данным, можно установить существование группировок этих родов, т. е. фратрий. Возможны, конечно, случаи, когда фратрии были утрачены совершенно.

Отметим, что в двух областях Сибири источники XVII в. не выделяют роды (улусы) в качестве социальных группировок, использованных русскими служилыми людьми в качестве административно-податных единиц. Это, с одной стороны, крайний юго-запад Сибири (обские угры и сибирские татары), а с другой, как уже было сказано,— крайний северо-восток (северо-восточные палеоазиаты и эскимосы). Но в то время как у обских угров отцовский род все же упомянут В. Ф. Зуевым и выявлен В. Н. Чернецовым в процессе полевой этнографической работы, у северо-восточных палеоазиатов и эскимосов обнаруживаются лишь слабые пережитки материнского родового строя (матрилокальный брак у ительменов, отработка жены в хозяйстве тестя и др.) и, с другой стороны, некоторые элементы отцовско-родового строя (патриархальная семья, имущественное неравенство, патриархальное рабство и др.), однако самой родовой организации, как таковой, не обнаружено.

Большие роды-фратрии не являлись экономическими ячейками общества. Ими были большие семьи и собственно роды, подразделения и ответвления больших родов-фратрий. Иногда трудно решить, имеем ли мы дело с большой семьей или маленьким родом. В некоторых случаях можно возвести современный род к большой семье XVII в., от которой этот род произошел. Не будучи экономическими хозяйственными ячейками, большие роды-фратрии несли важные социальные функции: они обеспечивали существующий правопорядок и защиту интересов как отдельных своих членов, так и входящих во фратрию малых родов и всей фратрии в целом. Поэтому чем сильнее, т. е. многочисленнее, была фратрия, тем, конечно, лучше обеспечивалась защита интересов всей фратрии в целом, а также входящих в нее родов и составляющих эти роды лиц. Это обстоятельство, очевидно, и стимулировало существование больших, в несколько сот человек, родов-фратрий у некоторых народов Сибири. Наоборот, большие роды-фратрии быстро утрачивали свои социальные функции и распадались там, где появлялись другие силы, которым они не могли противостоять. Так было, например, в зонах контакта малых народов севера Сибири с сибирскими татарами, киргизами, предками бурят, даурами и т. д. Естественно, что русские завоеватели использовали фратрию в качестве административно-податной единицы, если она сохраняла свою жизнеспособность, и избирали в качестве административно-податных единиц другие объединения туземцев, в частности собственно роды, если она распадалась и утрачивала свои социальные функции.

Еще сложнее вопрос о существовании в XVII в. у народов Сибири племен и племенной организации. Мы исходили из утверждения Энгельса, что «встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и организацию племени...» [3]. И действительно, на основании данных XIX — начала XX в., когда появились этнографические описания, характеризующие социальную организацию народов Сибири, и лингвистические исследования, установившие существование диалектных групп внутри народов, говорящих на одном языке, можно говорить о существовании у народов Сибири племенных группировок и элементов племенной организации, по крайней мере у некоторых из них.

По описанию Моргана, племя является этнографической группой, обычно частью более широкой этнолингвистической общности, состоящей из

[3] Там же, стр. 99.

определенных родов и фратрий, имеющей свое название, занимающей определенную территорию, говорящей на одном диалекте, обладающей своей организацией самоуправления и общими элементами материальной и духовной культуры.

Организация племенного самоуправления появляется на определенной ступени исторического развития. В определенных условиях племенное самоуправление может распадаться и тогда высшей формой социальной организации остается род (фратрия). Но такое положение, т. е. отсутствие организации самоуправления в племени, не означает, по нашему мнению, что племя перестало существовать как определенная этнографическая единица, обладающая всеми вышеуказанными признаками, за исключением организации самоуправления.

В источниках XVII в. почти нет данных о том, как функционирует организация племенного самоуправления у народов Сибири. Наиболее явственно выступает племя в качестве социальной единицы у тех народов Сибири, у которых во главе племени стоит более или менее резко обособившаяся от остальных членов племени родовая или племенная аристократия. Так обстояло дело у «белых калмыков» (телеутов, видимо предков современных алтай-кижи), у енисейских киргизов, у племен предков бурят (у хоринцев и особенно у табунутов). У северных обских угров хорошо выражена родовая или племенная аристократия, возглавлявшая волости Обдор, Куноват, Казым, Ляпин, Сосьва и «княжества» Пелымское, Большая Конда, Кодское, Вардаково. Для нас неясно соотношение всех этих «волостей» («княжеств») с диалектными группами хантов и манси. Если мы здесь имеем соответствие, то несомненно, что все эти волости и «княжества» представляли в XVII в. племена, возглавлявшиеся племенной аристократией. Весьма вероятно, что племенами, хотя уже утратившими родовое деление, являлись такие группировки сибирских татар, как Сартач (с волостями Тав, Отуз и Тав-Отуз), Коурдак, Аялы и Бараба с ее ответвлениями. Волости Коурдак и Аялы считал племенами и В. В. Радлов [4].

Без сомнения, единое племя образовали обдорские самоеды, предки современных сибирских тундровых ненцев. Но если в источниках и фигурируют среди обдорских самоедов отдельные «лучшие люди», например известный глава Большой Карачеи Пось Хулеев, все-таки никакой племенной организации у обдорских самоедов обнаружить нельзя. Пось Хулеев пользовался некоторым влиянием, видимо, лишь как богач и глава самого многолюдного и потому сильного рода Большие Карачеи. Мы предполагаем также, что роды предков лесных энцев Бай, Муггади, Салярта, Нгасяда, Ючи и другие образовывали одно племя пэ-бай, а многочисленные роды тундровых энцев — другое племя, сомату. Но эти предположения мы делаем лишь на основании современных этнографических и лингвистических данных. В источниках XVII в. никаких сведений о существовании организации самоуправления племен пэ-бай и сомату не содержится, кроме разве того факта, что сначала большая часть, а затем и все роды племени сомату платили ясак в одном Хантайском ясачном зимовье.

Мы считаем, что племенами являлись основные группировки предков иганасанов — пясидские самоеды и тавги. Но это тоже устанавливается главным образом на основании современных этнографических данных. У тунгусов XVII в. мы считаем племенами ванядов, шиляров, налягов и некоторые другие многочисленные группы, состоящие из нескольких устойчивых подразделений, обычно с типичными родовыми названиями. Правда, нам ничего не известно о формах брачных отношений и экзогамных или

[4] В. В. Радлов. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929, стр. 23. Радлов пишет не «коурдак», а «курдак».

эндогамных ограничений в этих племенах. Если эти группы, называемые нами племенами, являлись и экзогамными единицами, то это, конечно, вероятнее всего фратрии, а не племена. Можно предполагать, например, что все роды предков современных оленных ламутов (эвенов), т. е. роды Долган, Уяган, Годыкан, Горбикан, Килар, Дельян, Кукугир, Мемель, Буяксир и, может быть, некоторые другие, образовывали одно большое племя и, следовательно, современный ламутский (эвенский) язык восходит к племенному диалекту. Весьма вероятно, что конные тунгусы Забайкалья родов Дуликагир, Баягир, Колтагир, Почегор, Луникир, Шунии, Челкагир, Баликагир, Чемчагир образовывали одно племя конных тунгусов-нелюдов. Если эти наши предположения правильны, то окажется, что тунгусское племя XVII в. охватывало иногда огромную территорию. Но для большинства тунгусов XVII в. мы пока не могли выяснить племенных границ и произвести группировку родов по племенам.

Также и у юкагиров: в то время как ходынцев, чуванцев и омоков мы имели некоторые основания считать племенами, вопрос о том, где проходили племенные границы остальных группировок юкагиров, остается неясным. Не выяснен также вопрос, представляло ли большинство юкагирских группировок, существовавших в XVII в., экзогамные единицы или они состояли из экзогамных родов, а это очень важно для определения характера этих группировок.

У северо-восточных палеоазиатов и эскимосов благодаря трудам старых и современных исследователей хорошо выделяются территориальные диалектальные группировки, которые можно считать племенами. Но и здесь отсутствуют данные о существовании специальных органов племенного самоуправления. В итоге можно констатировать, что организационные основы племени у многих народов Сибири в XVII в. отсутствовали. Это обстоятельство помешало выявить племенную принадлежность всех родов и дать исчерпывающий племенной состав всех этих народов.

Можно считать, что высшие ступени развития материнско-родового строя ведут к укреплению и развитию племенных объединений и даже к появлению конфедераций племен, ранние же этапы отцовско-родового строя, по-видимому, ведут к ослаблению племенной организации, к обособлению отцовских родов и только на высших этапах развития патриархально-родового строя, с появлением родоплеменной аристократии и развитием так называемой военной демократии, снова происходит консолидация и укрепление племенной организации и опять проявляется тенденция к образованию объединений племен.

В Западной Сибири, у хантов, манси, селькупов, татар и других встречались разной величины группировки коренного населения, которые русские обычно называли неопределенным термином «волости». По большей части эти волости имели чисто территориальные названия и именовались по тем рекам, на которых они были расположены, или же по именам тех лиц, которые эти волости возглавляли. Некоторые из этих западносибирских волостей [5], судя по их размерам, представляли, вероятно, племена (см. выше), но часто это были роды. Возможно также, что некоторые из этих волостей представляли уже территориальные общины, например у южных хантов и манси и у тюменских, тобольских и тарских татар.

Мы не будем останавливаться на всем том многообразии и своеобразии локальных форм, которые имели в Сибири XVII в., судя по дошедшим до нас документам, те этнографические единицы, которые были выявлены русской администрацией. Несомненно, что многие племена и роды сибирских народов XVII в., известны нам под территориальными названиями и

[5] Волостями назывались также родоплеменные группы якутов и других народов Восточной и Средней Сибири.

названиями, образованными от имен, возглавлявших эти племена и роды лиц, кроме того, имели другие названия — специфические племенные, тотемического характера или по предкам эпонимам. В ряде случаев, как уже указывалось выше, используя данные диалектологии, сохранившиеся традиции и другие этнографические материалы можно установить имевшую место группировку родов в племена. Дальнейшие исследования и реконструкции в этом направлении — дело ближайшего будущего. Несомненно, что такая работа необходима и может дать интересные результаты.

Но на данном этапе изучения родоплеменного состава коренного населения Сибири в XVII в. мы стремились лишь к тому, чтобы дать по возможности точное и подробное отображение тех материалов, которые нам оставили наши предки, ничего не внося в них от себя. Мы лишь систематизировали эти материалы, обобщали, картографировали их, устанавливали преемственность между группами XVII в. и современными и расшифровывали такие неопределенные термины XVII в., как «татары», «остяки» и т. п. В ряде случаев мы сохраняли и терминологию источников и во всяком случае всегда приводили ее. Мы поступали так потому, что хотели дать материал для различных дальнейших более глубоких исследований в данной области. Внесение же в материалы наших взглядов, соображений и предположений несомненно создало бы известный налет субъективности, который, конечно, никогда не является желательным.

Только в очень ограниченном числе случаев мы позволили себе бесспорно установленные этнографическим путем племенные и родовые названия давать в нашем тексте, таблицах и на карте, хотя в XVII в. они, насколько нам известно, зарегистрированы не были. В отдельных случаях мы исправили также транскрипцию, исходя из современных данных.

Таким образом, наши материалы в основном отражают этнографическую структуру коренного населения Сибири в том ее виде, в каком она была известна русским людям того времени. Мы, однако, считаем, что эти материалы вполне адэкватно отражали действительность, так как те люди, сведениями которых мы пользуемся, были практики, меньше всего преследовавшие при своем знакомстве с народами Сибири теоретические цели. Поэтому выявленные ими группировки коренного населения Сибири, очевидно, были именно теми, которые являлись тогда наиболее реальными в экономической и общественной жизни. Но это обстоятельство не мешает предполагать, что между выявленными в XVII в. группировками народов Сибири существовали различные связи, тогда незарегистрированные, и что сами эти группировки распадались на более мелкие этнографические единицы. Последнее обстоятельство, впрочем, во многих случаях материалы XVII в. так или иначе фиксируют.

Основной методологической идеей данной работы является стремление к полному, сплошному обследованию, с точки зрения родоплеменного состава, всего коренного населения Сибири в XVII в. Практически наша работа по установлению родоплеменного состава народов Сибири в XVII в. сводилась в основном к четырем задачам:

Во-первых, надо было установить те объекты, те основные первичные группировки населения Сибири, которые подлежали описанию и нанесению на карту.

Во-вторых, надо было установить численность каждой из этих группировок.

В-третьих, надо было каждую из этих группировок нанести на карту отдельным контуром.

В-четвертых, надо было установить все названия каждой из выявленных и нанесенных на карту группировок.

По первому вопросу, о выборе объектов, тех основных этнографических группировок — родов, фратрий, племен,— которые подлежат описанию и

картографированию, мы в конце концов, как сказано уже выше, решили следовать за нашими источниками. Список всех этнографических группировок каждого сибирского уезда устанавливался в основном по «ясачным» книгам (сметным, пометным и, реже приправочным и сборным), т. е. по тем документам, которые составлялись русскими властями в Сибири в XVII в. для собирания со всего взрослого мужского населения Сибири натурального налога-ясака, уплачивавшегося почти исключительно пушниной, преимущественно, особенно первое время, соболями. Эти сведения об обложенных ясаком мужчинах составлялись ежегодно подьячим ясачного стола в приказной избе (т. е. воеводской канцелярии) каждого уезда. Как правило, эти сведения составлялись по родам, улусам, волостям, редко деревням, юртам и т. п. Часто ясачные книги содержали полные поименные списки плательщиков ясака, сгруппированные по родам, волостям и т. д. При использовании этих материалов главной задачей было дать исчерпывающий перечень племен и родов (зачастую фигурировавших, как мы знаем, под названием волостей, улусов и т. д.) и в то же время избежать внесения в список одной и той же группы под разными названиями. Сведения ясачных книг дополнялись и проверялись данными других документов и этнографическими материалами. При этом, если в архивных источниках первоначально фигурировала одна группировка, а затем она оказывалась разделенной и это разделение было постоянным, мы описывали в тексте и показывали на карте две группировки под двумя разными названиями.

Численность установленных нами и нанесенных на карту группировок коренного населения мы определяем, исходя из численности плательщиков ясака, т. е. трудоспособных мужчин, число которых умножали на четыре. Правильность коэффициента 4 мы проверили по данным переписи 1926/27 г. По этим данным, число трудоспособных мужчин в возрасте от 18 до 59 лет у народов Севера составляет в среднем около четверти всего населения. Приводим соответствующие данные (см. таблицу на стр. 14) [6].

Как видим, цифры этой таблицы вполне оправдывают определение численности населения по численности плательщиков ясака путем умножения последней на четыре. Конечно, в XVII в. ясак платили люди не только в возрасте от 18 до 59 лет. Тогда ясак начинали платить с 15 лет и платили его до наступления инвалидности или старческой дряхлости. Поэтому процент плательщиков ясака в населении XVII в. в Сибири был несколько выше, чем процент мужчин в возрасте 18—59 лет у этих же народов в 1926/27 г. С другой стороны, из вышеприведенных данных переписи 1926/27 г. не исключены инвалиды, в XVII в. ясака не платившие. Такие нетрудоспособные инвалиды в 1926/27 г. у народов Севера составляли около 0,7% всех мужчин в возрасте от 18 до 59 лет. По нашим расчетам, плательщика ясака у народов Северной Сибири составляли в XVII в. около 27—28% всего населения. Но так как несомненно был известный процент лиц, уклонявшихся от уплаты ясака, то, принимая коэффициент 4, мы несколько (примерно на 10%) страхуем себя от излишнего преуменьшения численности населения.

В ряде случаев, например, у некоторых групп юкагиров в списки плательщиков ясака были внесены лишь главы родов, которые платили ясак за весь род. В этих случаях приходилось определять численность родов разными способами. Иногда о числе плательщиков ясака по родам и по зимовьям, где они платили ясак, были указания в других документах (например, в материалах специальных переписей плательщиков ясака),

---

[6] ЦСУ СССР, Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года, М., 1929, стр. 2.

иногда численность плательщиков ясака в родах юкагиров приходилось определять по размерам ясака, путем специальных расчетов.

Для определения численности некоторых скотоводческих племен южной Сибири, например предков бурят, конных тунгусов Забайкалья и других, мы умножали численность плательщиков ясака не на 4, а на 5. Это

Народ	Всего населения	Мужчин в возрасте 18—59 лет	% этих мужчин ко всему населению
Вогулы оседлые	5 392	1 242	23,0
Гиляки оседлые	1 664	469	27,6
Долганы кочевые	1 024	253	24,7
Кеты кочевые	949	249	25,7
Коряки оседлые	3 336	841	25,5
Коряки кочевые	4 051	1 036	25,3
Ламуты кочевые	1 947	505	26,6
Лопари кочевые	1 292	307	23,6
Ханты оседлые	12 329	2 901	23,6
Селькупы кочевые	1 324	315	24,4
Ненцы кочевые	14 098	3 605	25,6
Тунгусы кочевые	15 084	3 768	25,0
Тунгусы оседлые	2 429	617	25,7
Чукчи оседлые	3 496	853	24,3
Чукчи кочевые	8 756	2 060	23,4
Эскимосы оседлые	1 250	305	24,4
Якуты оседлые	17 591	3 979	22,6
Якуты кочевые	4 857	1 247	25,4
Все оседлое население (включая русских)	106 263	26 168	24,6
Все кочевое население	58 324	14 446	24,8
Все [7] население севера	164 587	40 614	24,7

вызвано тем, что у этих народов, судя по их быстрому естественному приросту, было больше детей. Кроме того, у более зажиточной части бурят и конных тунгусов и других подобных групп были холопы, ясака не платившие. Для хоринских бурят нам пришлось принять даже коэффициент 10, так как у них не платили ясак не только холопы, но и все неженатые трудоспособные мужчины.

Для определения численности населения, не платившего ясак, например для служилых татар Западной Сибири, а также чукчей и эскимосов, использовались разные документы, например списки служилых татар, получавших жалование, оценки современников в отношении населения «Чукоцкой земли». Делались расчеты и по более поздним данным о численности населения этих групп, по аналогии с другими народами и т. д.

Наиболее сложным делом было нанесение выявленных этнографических группировок на карту. Для этого мы использовали всевозможные указания на местожительство той или иной группировки населения или отдельных лиц из этой группировки в описаниях маршрутов служилых людей, в описаниях их столкновений с местным населением, в челобитных коренного населения по поводу военных столкновений разных родов между собой, в челобитных по территориальным спорам и т. д. Даже показа-

[7] Учтенное в порядке приполярной переписи.

ния коренного населения о местонахождении тех или иных полезных ископаемых можно было использовать для наших целей, так как естественно предположить, что о полезных ископаемых в том или ином месте знали люди, часто бывавшие там. Известную ценность имели для нас также документы о мелких уголовных делах и гражданских тяжбах, так как в них часто указывалось место происшествия или местонахождение объекта спора. Обычно во всех подобных делах указывалась родовая принадлежность упомянутых в них лиц из коренного населения. Если же указания о роде в документах не было, то мы искали имена интересующих нас лиц в списках плательщиков ясака, всегда составленных по волостям, родам, улусам и т. д. и обычно их находили. Конечно, следовало различать указания на места постоянного жительства и случайные появления отдельных групп в районах, отдаленных от мест их постоянного обитания. Поэтому мы старались получить возможно большее количество указаний на местожительства группы и учитывали все доступные нам факты, связанные с данной группой. От грубых ошибок нас в известной степени гарантировало то обстоятельство, что во многих случаях, особенно в Западной Сибири, этнографические группы имели территориальные названия, а в Восточной Сибири они все были приписаны к тем или иным определенным пунктам для уплаты ясака. Если в первое время после прихода русских бывали случаи, что отдельные роды попадали в число плательщиков ясака очень отдаленных зимовий (например, жители бассейнов Оленека и Хатанги платили ясак в зимовья в верховьях Нижней Тунгуски), то с течением времени обычно каждое зимовье стало иметь постоянный контингент плательщиков из населения жившего или кочевавшего поблизости от данного зимовья.

Использованы нами были и специальные описания («росписи») расселения коренного населения отдельных районов Сибири, составленные в XVII в. Таковы, например, роспись Андрея Палицына 1633 г. о населении Лены, роспись Петра Головина 1640 г. о населении по Ангаре, Илиму и верховьям Лены, роспись Ивана Москвитина 1641 г. о населении бассейна Маи и Охотского побережья и ряд других[8]. Некоторые из этих росписей (Головина, Москвитина) дают очень ценный материал, другие (например, роспись Палицына) сообщают лишь очень общие и не всегда точные сведения. Но даже лучшие росписи (например, Москвитина, опубликованная Н. Н. Степановым) нуждаются в проверке и коррективах по деловым документам, хотя, с другой стороны, содержат в себе некоторые сведения, отсутствующие в последних.

При нанесении на карту контуров территорий племен и родов мы также учитывали их численность. На севере на одного человека у охотников и оленеводов тунгусов приходилось по 100—300 кв. км территории, у скотоводов якутов и бурят — по 3 *кв. км*. Конечно, многое зависело от местных условий. Так, у охотских тунгусов-оленеводов на одного человека приходилось 100—150 кв. км, на западе и северо-западе у таких же тунгусов-оленеводов — 250—300 кв. км. Эти данные мы тоже старались учитывать при определении контуров территорий.

В результате сопоставления расселения племенных и родовых групп Сибири XVII в. с современным расселением их потомков выявились группы, совсем или очень мало изменившие свое местоположение. Таковы, например, шиляги и мучугиры в верховьях Нижней Тунгуски, чемдали в верховьях Подкаменной Тунгуски, кипдигиры и чильчагиры на Верхней Ангаре, баунтовские кипдигиры и чильчагиры, вилюйские шелогоны,

---

[8] Мы имеем в виду, в частности, росписи «рекам и землицам», составленные в Енисейском остроге около 1630 г. (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, лл. 452—453, 488, 491—497, 498).

фугляды (уголяты), почти все ханты, манси, западносибирские татары, многие группы бурят и якутов и др.

Некоторые группы коренного населения Сибири, оставшись в основном на прежних местах жительства, или значительно расширили или очень сузили свою территорию. Примером племени, расширившего свою территорию, могут являться нюрумняли (илимпейские тунгусы), распространившиеся с XVII в. далеко на северо-запад, но частью сохранившие и свою первоначальную территорию. Наоборот, соседние им баягиры сейчас сохранились лишь в виде небольшого островка, со всех сторон окруженного нюрумнялями. Очень расширили свою территорию также подкаменнотунгусские чапагиры и ряд других этнографических групп Сибири, в частности чукчи и обдорские ненцы.

Наконец, некоторые этнографические группы северной Сибири совершенно изменили свое местожительство. Таковы тюгесиры с Алдана, перешедшие в бассейны Яны и Индигирки, лалагиры из бассейна Алдана, перешедшие в бассейн Амура и на Сахалин, лесные энцы из бассейнов Таза и Турухана, перешедшие к низовьям Енисея, предки долган, перешедшие с Лены в бассейн Хатанги и многие другие.

Таким образом, в ряде случаев мы могли использовать современное расселение ряда этнографических групп народов Сибири для уточнения расселения предков этих групп в XVII в. Но существование групп, совершенно изменивших свое местоположение, требует конкретного изучения каждого отдельного случая. Здесь необходим дифференцированный подход к каждой этнографической группе и недопустимы шаблоны. В отношении групп, не изменивших своего местожительства, мы использовали, как указано выше, старые данные землепользования и старые административные границы.

Определяя расселение племен и родов, мы по мере возможности учитывали и физико-географические условия, в частности существование естественных районов по бассейнам рек, естественных рубежей в виде горных хребтов и т. п. Учитывались также занятия населения, характер кочевок и землепользования по сезонам, сохранявшиеся до последнего времени.

Местожительство многих групп коренного населения Западной Сибири в XVII в. довольно детально указано на картах известного атласа С. У. Ремезова. Особенно это относится к Пелымскому уезду Западной Сибири.

Установление того факта, что одни и те же группы коренного населения Сибири были в XVII в. и позже известны под разными названиями, тоже являлось очень важной задачей. Не проделав работы по внесению ясности в этот вопрос, мы рисковали запутаться в массе родоплеменных и территориальных названий, сообщаемых разными категориями источников и даже одной категорией источников, но в разное время. В некоторых случаях такая множественность названий была вызвана искажениями одного и того же названия при записи его разными людьми. В других случаях мы имеем описки, сделанные подьячими в приказных избах при сводке и переписке набело первичных данных. Большие искажения родоплеменных названий были сделаны и копиистами Миллера, снимавшими в XVIII в. в сибирских архивах копии с документов XVII в. Так, например, у нас есть основания считать, что названия молчаги, Молгачеев род, Муанский род — это все искажения названия рода Малгачагир. Названия чанбуляна, целбуяна представляют варианты транскрипции названия рода Чандадуль, а название «гуляши» — искаженное название буляши и т. д. В 30-х годах XVII в. енисейские подьячие при переписке переделали название Кадской волости в Надскую волость. И название Надская (иногда Натская) дожило до начала XX в.

Очень часто племенная группа была известна то под своим племенным названием, то под названием какого-либо из входящих в нее родов. Так, вышеупомянутые шиляги у тунгусов были известны также под названиями входящих в них родов Маугир и Сичогир («сычуги», «сычегурцы»). С конца XVII в. шиляги стали известны под названием курейских тунгусов, так как платили ясак в Курейском зимовье у Зобпины курьи, в районе устья р. Еромо в верховьях Нижней Тунгуски. Тунгусы-нюрумпяли были известны также под названиями буляши, юрильцы, нюрильцы, нюрюмцы и т. д.

Сюда надо еще добавить русское название этих тунгусов — илимпейские тунгусы и якутское — джурумджаль.

Такие русские названия, как летние, турыжские, чушские, сменили к концу XVII и в XVIII в. старые родоплеменные названия Горагир, Елегир, Чипчагир, Баягир, ваяды (баяки) и др.

Самыми сложными были случаи, когда этнографическая группа (племя, род) имела несколько названий независимо от своего родового состава и от названий русского происхождения. Так обстоит дело, например, с чуванцами. Это название, впервые употребленное Семеном Дежневым, было, очевидно, принято в бассейне Анадыря у ходынцев и анаулов и, вероятно, употреблялось самими чуванцами. Может быть, оно происходит от названий р. Чауна и Чаунской губы. Отсюда и чукотское название чуванцев — чаваны.

Наоборот, на Колыме чуванцы были известны у русских под названием шелагов, которое наверное происходит от названия «шолилау», как называли чуванцев колымские юкагиры. Отсюда и название Шелагского мыса, открытого русскими, плывшими со стороны Колымы. Эта двойственность названия чуванцев, как известно, привела к появлению легенды об исчезнувшем народе шелагах.

Нижнеколымские юкагиры были известны под племенным названием омоков, очевидно данного им их соседями алазейскими юкагирами. С этим названием тоже связана легенда об исчезнувшем народе — омоках, хотя обрусевшие нижнеколымские юкагиры (омоки) остались на своих прежних местах и лишь частично переселились на Анадырь.

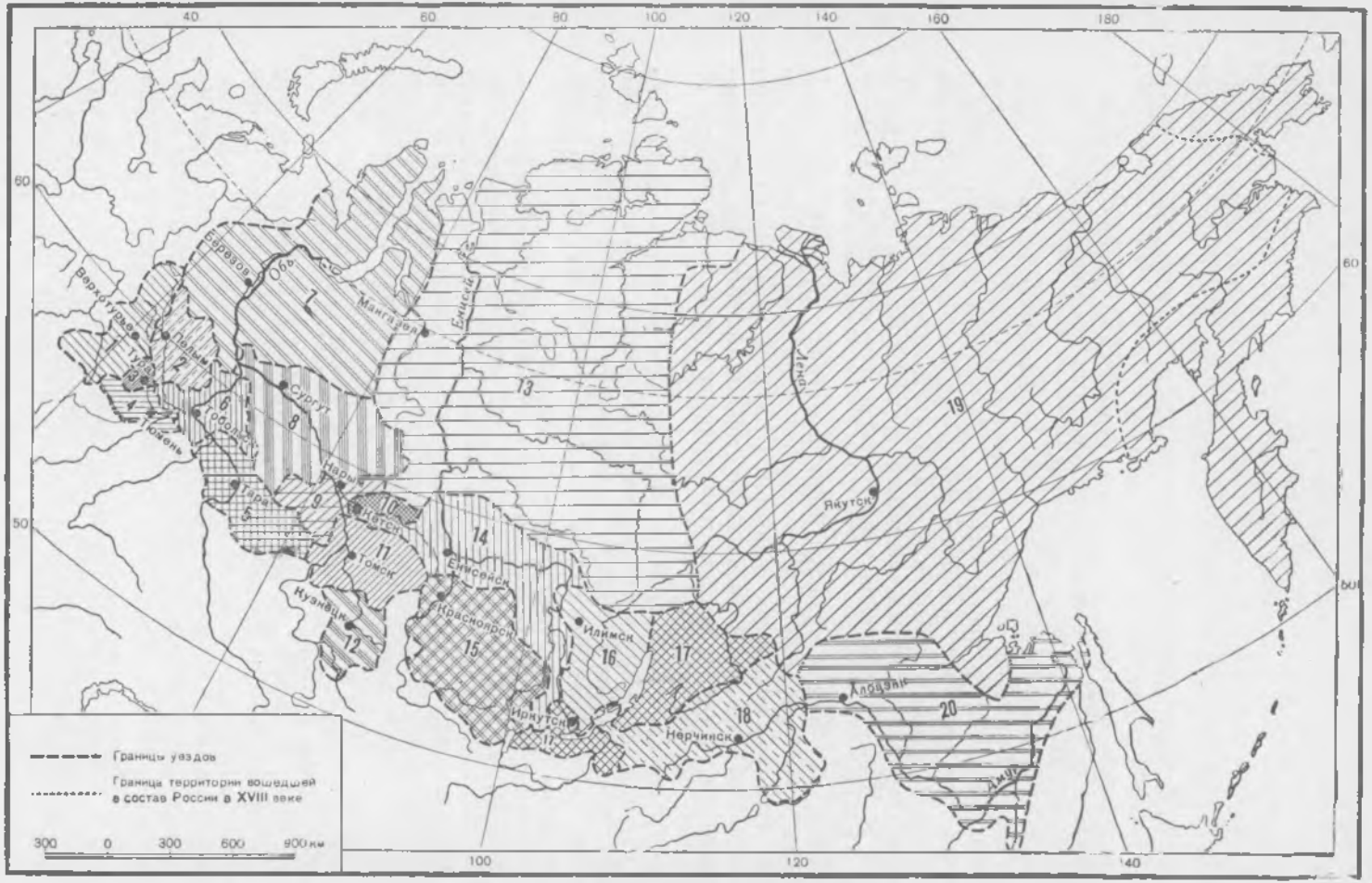
Для установления того факта, что одна и та же группа коренного населения фигурирует в разных документах под разными названиями, мы широко использовали сличение собственных имен в списках плательщиков ясака. Так удавалось установить, что одни и те же люди входили в различно озаглавленные списки. Эта трудная и на первый взгляд малопродуктивная работа давала подчас очень интересные результаты. Только таким образом удалось выяснить, что род Макагир имел другое название — Маймаканский, что предки тюгесиров тугочары имели первое время другое название — ичаны и т. д.

Очень важную задачу представляло установление преемственности между этнографическими группами XVII в. и более поздними. С этой целью использовались сведения по истории родов и их переселений, сходство родовых названий и специальные исследования о происхождении отдельных современных народов Сибири. Для этой части нашей работы особое значение имели известные статистико-этнографические труды С. К. Патканова.

В XVII в. Сибирь в административном отношении делилась на 20 уездов, образованных в разное время по мере движения русских от Урала на восток. В Западной Сибири было 12 уездов, в Средней Сибири с Забайкальем — шесть и в Восточной Сибири — два. Территория и границы всех уездов показаны на карте «административно-политического деления Сибири в XVII в.», которая также прилагается к настоящей работе (см. карту 1).

Библиотека
Башкирского филиала
Академии наук СССР

6267
В-41572



Административное деление Сибири в XVII в.

Примечание 1. Номера соответствуют номерам глав, в которых описывается этнографический состав населения данного уезда.

Примечание 2. Албазинский уезд показан в пределах наибольшего расширения территории русских владений в бассейне Амура в 50-х годах XVII в. Нерчинский уезд показан в границах до 1689 г. Территориальные приобретения России в XVIII в. показаны лишь на Северо-Востоке.

Поскольку архивные материалы, на которых базируется данная работа, за небольшими исключениями отражают это деление на уезды, то мы принимаем его в качестве основы для группировки материалов, составления сводок о родоплеменном составе населения и кладем в основу 20 глав, на которые делится работа. Распределение 20 уездов между Западной, Средней и Восточной Сибирью, положено нами в основу деления всей работы на три части. Главы и части носят соответствующие названия уездов и географических подразделений Сибири.

В XVII в. сибирские уезды группировались в более крупные административные объединения именовавшиеся разрядами. В Тобольский разряд входили уезды Верхотурский, Пелымский, Туринский, Тюменский, Тарский, Тобольский, Березовский, Сургутский и Мангазейский; в Томский разряд — уезды Нарымский, Кетский, Томский, Кузнецкий и Красноярский; в Енисейский разряд — уезды Енисейский, Илимский, Иркутский, Нерчинский и Албазинский. Якутский разряд образовывал один, но зато огромный, Якутский уезд. Однако эта группировка уездов очень искусственна с географической точки зрения. Она была вызвана специфическими военно-административными условиями XVII в. Поэтому мы не стали ее придерживаться, а приняли при разбивке работы на части указанный географический принцип.

Первая часть работы состоит из 12 глав, вторая — из шести, а третья — только из двух. Но в уезды, описанные в первой части, входило лишь около 20% коренного населения Сибири XVII в., в уезды, описанные во второй части,— около 25%, а в уезды, описанные в третьей части,— до 55%. Естественно поэтому, что XIX глава, описывающая население Якутского уезда, получилась очень большой по объему. Нам пришлось ее разбить на пять разделов.

Поскольку в данной работе имеется большое количество ссылок на архивные источники, то для сокращения и упрощения мы не называем при каждой ссылке фонда, а указываем его номер, номер столбца или книги и листы. Например: ф. 1177, ст. 48, л. 96. Это значит: фонд 1177 (Якутская приказная изба), столбец 48, став 96. Мы называем ставы листами потому, что столбцы в ЦГАДА давно разрезаны и разложены листами в папках. Если в ссылке не указана опись, это значит, что опись 1-я. Если же материал взят из другой описи этого же фонда, то опись указывается.

Часть I

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Глава 1

ВЕРХОТУРСКИЙ УЕЗД

Верхотурский уезд был расположен вдоль Уральского хребта от верховьев Уфы на юге до истоков Печоры на севере. Западная часть уезда находилась в бассейне Камы, восточная — в бассейне Иртыша. В целом уезд представлял горную лесистую область, только на юге, в районе современного Свердловска, имелись степные места.

До основания Верхотурья на восточном склоне Урала близ впадения Ивдели в Лозьву, стоял с 1590 г. Лозьвинский городок, к которому было приписано несколько вогульских волостей [1]. Существование этого городка обусловливалось тем, что первоначально главной дорогой, по которой русские двигались в Сибирь, была дорога от Перми Великой (Чердыни) вверх по Вишере на Лозьву. Но в 1597 г. Артемий Бабинов открыл новую, более удобную дорогу в Сибирь от Соли Камской на верховье Туры. Там, где эта дорога выходила на Туру, и был поставлен в 1598 г. воеводами В. П. Головиным и И. В. Воейковым новый г. Верхотурье. Лозьвинский городок в связи с этим упразднили, а его волости перешли к Верхотурью. Они образовали северную часть Верхотурского уезда. Впоследствии, в 1602 г., к Верхотурскому уезду было присоединено и несколько расположенных вдоль Уральского хребта волостей Туринского уезда, выделенных в 1600 г. из Тюменского уезда. Эти волости образовали южную часть Верхотурского уезда.

Кроме того, в Верхотурский уезд при его образовании в 1598 г. отошли также из Чердынского уезда чусовские и сылвенско- иренские вогулы («остяки»). Последние две группы в 1607 г. были вновь приписаны к Чердынскому уезду. В этом же году отошли к Чердыни вишерские вогулы, которые вместе с другими волостями Лозьвинского городка в 1598 г. вошли в Верхотурский уезд.

Таким образом, хотя г. Верхотурье был самым западным городом Сибири, его построили несколько позже Тюмени, Тобольска, Тары и некоторых других западносибирских городов. В течение всего XVII в. Верхотурье служило таможенной заставой между Сибирью и Европейской Россией и первым сибирским городом, которого достигали едущие из Европы в Сибирь сухим путем. Подробные данные о волостях (сотнях) «ясачных людей» Верхотурского уезда у нас имеются начиная с 1626 г. Часть этих материалов сведена в табл. 1.

[1] Нижеследующая историческая справка об основании города и образовании уезда, как и аналогичные справки по другим уездам, составлена по данным Г. Ф. Миллера, П. Н. Буцинского и С. В. Бахрушина.

Таблица 1

Численность плательщиков ясака Верхотурского уезда[2]

Волость	Годы													
	1626	1629	1630	1631	1634	1645	1651	1660	1663	1671	1681	1691	1701	1710
Подгородная на Ляле	19	16	15	15	14	11	11	15	14	10	9	8	6	2
Подгородная на Ляле	17	16	16	16	16	6	11	10	10	13	15	13	22	26
На Косьве	8	7	8	9	9	7	7	5	5	3	2	1	1	—
На Сосьве	65	59	58	64	59	49	48	58	55	66	66	79	78	65
На Лозьве	26	30	30	25	23	19	16	15	17	17	19	17	20	21
На Туре	56	52	48	50	50	46	57	47	53	52	49	45	46	57
На Мулгае	18	13	14	15	16	11	13	9	7	2	2	—	5	23
«Верх Туры реки»	27	24	24	24	24	19	22	22	23	15	22	19	32	28
«Верх Чусовой реки»	30	26	28	28	27	33	33	39	36	28	51	62	72	76
«В поле над Аятом озером»	43	52	53	53	53	28	30	44	34	2	—	—	—	—
«Верх Чусовой реки»	19	19	20	20	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Верх Уфы реки»	20	12	12	15	17	18	7	13	14	—	—	—	—	—
«Верх Уфы реки»	—	—	—	—	—	9	6	7	7	—	—	—	—	—
Новая Уткинская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	14	21	6
Всего	348	326	326	334	328	256	261	284	275	208	248	258	303	304

Новая Уткинская волость была образована переселенцами татарами и черемисами. Поскольку она не представляет коренных жителей уезда и появилась лишь в конце XVII в., а в начале XVIII в. вследствие побегов ее жителей почти исчезла, мы ее рассматривать не будем.

Источники называют в составе плательщиков ясака Верхотурского уезда, вогулов, остяков и татар. Под остяками здесь имелись в виду, очевидно, те же угроязычные обитатели Урала, только названные не русско-зырянским термином «вогул», а татарским термином «остяк» («иштек») [3]. В 1626 г. три остяка входили в волость на Мулгае и целая группа их — в волость «в поле над Аятом озером». Татары (башкиры?) образовывали волости «вверх Чусовой» (они же «верхние терсяки») и в верховьях Уфы. Входили татары (терсяки) и в волость «в поле над Аятом озером». Остальные волости Верхотурского уезда были чисто вогульские. Вогулы образовывали так же большинство населения Мулгайской волости и входили в состав населения Аятской волости [4].

Хотя наши источники называют население верховьев Уфы татарами, мы предполагаем, что это все-таки были вогулы. Переписью 1897 г. коренные обитатели р. Бисерть (притока Уфы в ее верховьях) в Кленовской волости Красноуфимского уезда зарегистрированы как вогулы [5]. В вогулах Кленовской волости трудно предполагать кого-либо иного, кроме потомков

---

[2] Эта таблица составлена по следующим книгам ЦГАДА фонда 214: 10 (лл. 2—51), 19 (лл. 424—447), 22 (лл. 432—452), 32 (лл. 105—126), 57 (лл. 2—91), 177 (лл. 7—17), 260 (лл. 11—24), 411 (лл. 84—99), 442 (лл. 39—41), 548 (лл. 96—103), 723 (лл. 8—13), 1004 (лл. 926—1262), 1313 (лл. 1209—1318), 1535 (лл. 575—659).

[3] См. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, М.— Л., 1937, стр. 211. В указе о постройке гостиного двора в Верхотурье от 1627 г. жители Верхотурского уезда называются остяками (там же, стр. 458).

[4] ЦГАДА, ф. 214, кн. 10, лл. 2—51.

[5] См. Ф. А. Фиельструп. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926, стр. 16—17, 24.

«татар» Верхотурского уезда XVII в. с верховьев Уфы. Поэтому мы будем причислять «татар» Верхотурского уезда с верховьев Уфы к вогулам.

Что касается татар с верховьев Чусовой, так называемых «верхних терсяков», то отметим, что, помимо этих терсяков, была еще Терсяцкая волость в Тюменском уезде [6]. Тех и других терсяков можно рассматривать как предков современных башкир Терсатского аймака. Являлись ли они тюркоязычным племенем по происхождению или представляли потомков старого угроязычного населения Приуралья, лишь впоследствии тюркизированного, нам неизвестно. Еще в 1668 г. в Верхотурском уезде упоминается Терсяцкое озеро, у которого поселились пашенные крестьяне [7]. В 1603 г. терсяки Верхотурского уезда вместе с «татарами» Бачкырской волости Тюменского уезда промышляли в бассейне Тобола, в частности на притоке Уя Тогузаке [8].

По большей части волости Верхотурского уезда можно рассматривать как однородные по своему этническому составу. Мулгайских остяков, как указано выше, мы считаем тоже вогулами. Сылвенские и иренские вогулы сначала пишутся как остяки (1606 г.), а затем как «татары и остяки» (1613 и 1626 гг.) или даже просто как «татары» (1617 г.). Мы в определении их этнической принадлежности исходим из их первоначального определения как остяков, т. е. вогулов. Но в Аятскую волость, по документам, как будто входили и вогулы и татары. По всей вероятности, эти татары представляли отатарившихся, тюркизированных вогулов. Из 43 плательщиков ясака Аятской волости — 15, жившие по Салве, являлись несомненно вогулами, а остальные 28, жившие на самом оз. Аят, характеризуются источником как «татары и остяки». Но в других документах по р. Реж вверх от нижнего Сана упоминаются вогульские аятские пашни [9]. Есть известие о сборе в 1625 г. «на Ояти» двухсот луков вогулов [10]. Возможно, первоначально все жители Аятской волости были вогулами. Если в ней имелись татары, или башкиры (терсяки), то они присоединились к этой волости позднее и их было, вероятно, немного. В 1626 г. в Аятской волости, например, упоминается один тюменский татарин. Может быть, из-за него и нескольких других подобных пришельцев и считалось, что в волости живут татары.

До 1607 г. в Верхотурский уезд, как мы знаем, входили также сылвенские и иренские вогулы («остяки») и виперские вогулы. О последних известно, что у них в 1607 г. было 35 плательщиков ясака [11]. Численность сылвенских и иренских вогулов П. Н. Буцинский определяет в 40 плательщиков ясака [12]. По данным А. А. Преображенского, в 1623/24 г. на Сылве и Ирени было 72 юрты и 86 мужчин, по-видимому, глав семей. Из этих юрт четыре были черемисские, одна мордовская, а остальные — «татарские и остяцкие» [13]. Мы будем считать, что в 1623/24 г. было 80 ясачных сылвенских и иренских вогулов («татар»). Следовательно, численность плательщиков ясака Верхотурского уезда к началу XVII в. надо увеличить по меньшей мере еще на 115 чел.

Прежде чем приступить к определению численности населения Верхотурского уезда, остановимся на одном обстоятельстве. В отличие от других уездов Сибири, в Верхотурском уезде в конце XVII и в начале XVIII в.

---

[6] См. гл. IV.
[7] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 283.
[8] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 148.
[9] См. там же, стр. 536.
[10] Там же, стр. 321.
[11] ДАИ, т. II, стр. 111—112.
[12] См. П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьков, 1889, сотр. 5.
[13] Л. А. Преображенский. Очерки колонизации западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956, стр. 12—13.

среди плательщиков ясака числились также и русские. Так, в 1710 г. в числе 26 плательщиков ясака 2-й Лялинской волости русских было два, 65 чел. Сосвинской волости — один, 57 чел. Туринской волости — 12, 28 чел. Верхотуринской волости — четыре, 76 чел. Чусовской волости — 33, из 23 чел. Мулгайской волости — 22 [14]. Таким образом, всего в вогульских волостях Верхотурского уезда в 1710 г. русских было 74 чел. Следовательно, в 1710 г. в Верхотурском уезде было всего 224 ясачных вогула (без уткинских татар и черемис). Это включение в число плательщиков ясака также и русских отметил В. И. Шунков [15]. В 1710 г. 29 чел., плативших ясак в Верхотурском уезде, работало на Невьянских заводах Никиты Демидова. Поэтому в конце XVII в. и в начале XVIII в. в Верхотурском уезде численность плательщиков ясака не совпадала с количеством трудоспособного мужского вогульского населения. Это обстоятельство надо иметь в виду.

Изменение численности коренного населения Верхотурского уезда в течение XVII в. показано в табл. 2.

Таблица 2

Численность коренного населения Верхотурского уезда

Этническая группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Вогулы . . .	329	1320	291	1170	224	900
Татары	19	80	—	—	—	—
Всего . . .	348	1400	291	1170	224	900

Кроме того, в начале XVII в. в Верхотурский уезд входило еще 115 плательщиков ясака (всего 460 вишерских, сылвенских и иренских вогулов). Таким образом, в начале XVII в. в Верхотурском уезде было 444 ясачных вогула (всего 1780 чел. населения). Все коренное население уезда тогда соответственно состояло из 463 плательщиков ясака (всего 1860 чел. населения).

У нас нет оснований предполагать, что до 1626 г. численность вогулов Верхотурского уезда была значительно больше. Так, например, в Туринской волости в 1601 г. было 38 плательщиков ясака [16], а в 1626 г.— 51, лялинских вогулов в 1597 г. было 30 [17], а в 1626 г.— 36.

В уменьшении в Верхотурском уезде к середине и к концу XVII в. числа плательщиков ясака сказались следующие обстоятельства. «Татары» (башкиры) Терсяцкой волости («верхние терсяки») с верховьев Чусовой уже в 1630 г. бежали в Тюменский уезд к соплеменникам, хотя еще в 1634 г. продолжали формально числиться в Верхотурском уезде. Часть верхуфимских «татар» (башкир) в 1641, 1646 и 1648 гг. «отошла на Уфу», хотя некоторые из них в 1645 г. продолжали еще числиться в Верхотурском уезде. Остальные верхуфимские татары (в том числе одна

---

[14] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1535, лл. 675—660.

[15] См. В. И. Шунков. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 186.

[16] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 405—406.

[17] См. там же, стр. 380.

новая волость) и аятские вогулы («остяки и татары») в 1663 г. в количестве 52 человек «изменили и отъехали в поле». Это произошло, очевидно, в связи с появлением в 1662—1663 г. калмыков на юге Верхотурского уезда.

Из Лозьвинской волости два вогула с семьями в 1636 г. ушли в Чердынский уезд на Вишеру. Косьвинские и Мулгайские вогулы в течение XVII в. постепенно смешивались с окружающим их русским населением. То же произошло, по-видимому, и с вогулами первой Лялинской волости.

Подробную картину расселения ясачных волостей Верхотурского уезда и данные о подразделениях внутри этих волостей (первоначально называвшихся «сотнями») дают материалы ясачной книги Верхотурского уезда за 1625—1626 гг.[18]

1. Юрт Подгородный на р. Ляле, сотник Подгибало Шувалов и др. Восемь человек.

2. Юрт Сабров на Ляле, Динца Акишев и др. 11 чел.

Всего в Подгибаловой сотне 19 чел. В дальнейшем это 1-я Подгородная волость на Ляле.

3. Юрт на Ляле, сотник Меркуша Кушкин и др. 17 чел. В дальнейшем это 2-я Подгорная волость на Ляле.

4. Юрт на р. Косьве, десятник Петруша Туртаев и др. 8 чел. Эти косьвинские вогулы образовали в дальнейшем волость на Косьве.

5. Юрт в устье Ляли, сотник Гриша Кумычев и др. 12 чел.

6. Юрт Чаипаев на р. Сосьве, Махла Чангин и др. 11 чел.

7. Юрт Мосеев на р. Мосе, Пыглох Шувалов и др. Два человека.

8. Юрт Сатинов на р. Турве, Елес Шигирев и др. Шесть человек.

9. Юрт на р. Лонгуле, Данка Тулуков и др. Четыре чел.

10. Юрт на оз. Вагране, Онтан Байсарин и др. Семь человек.

11. Юрт Сантинов на Сосьве, Чюма Тюлин и др. Пять человек.

Юрты с 5-го по 11-й образовывали Гришкину сотню сосьвинских вогулов. Кроме указанных в этой сотне 47 чел., в ней было еще 18 подростков. Эта сотня в дальнейшем называлась волостью на Сосьве.

12. Юрт на р. Лозьве, пятидесятник Богдаша Чалманов и др. 13 чел.

13. Юрт на Лозьве, десятник Алемет Кокорин и др. 13 чел.

Эти два юрта лозьвинских вогулов в дальнейшем назывались волостью на Лозьве.

14. Юрт на р. Салде, сотник Белгилда Юмашев и др. 12 чел.

15. Юрт на р. Туре, Ыганко Микиткин и др. Три человека.

16. Юрт на Туре, Ерш Кантамышев и др. 13 чел.

17. Юрт в устье р. Тагила, Тоун Нелуков и др. 12 чел.

18. Юрт на Тагиле, Бетайко Хабарчин и др. Восемь человек.

Юрты с 14-го по 18-й образовывали Белгилдину сотню туринских вогулов. Кроме 48 чел., указанных выше, в этой сотне было еще девять подростков. В дальнейшем эта сотня называлась «волостью на Туре реке». В 1601 г. в эту же сотню входили вогулы, жившие в юрте Неромкары, на месте которого был поставлен г. Верхотурье. Тогда в этой сотне было семь юртов, 38 плательщиков ясака (см. выше).

19. Юрт (?) сотника Акберва Алагузова и др., этническая принадлежность не указана. Три человека.

20. Юрт на р. Невье, Кызбай и др. Четыре человека.

21. Юрт на р. Абаре (Мулгаре?), Ылыпай Сарабашев и др. 11 чел.

Вся эта группа из трех юртов Акбервиной сотни называлась «невьян-

---

[18] ЦГАДА, ф. 214, кн. 10, лл. 2—51. Во всех юртах в нижеследующем перечне, относительно которых не указана этническая принадлежность, жили вогулы. Если этническая принадлежность в подлиннике не указана, это оговаривается.

ские остяки и мулгарские вагуличи»; в дальнейшем — это волость на р. Мулгае [19].

22. Юрт тагильских вогулов на р. Салве, сотник Баянко и др. Шесть человек.

23. Юрт «вверх Туры реки», Вертка и др. Шесть человек.

24. Юрт «вверх Усьвы реки» (в подлиннике Уфы), вогулы, Савда Кокочев и др. Девять человек (в том числе один из «Багишевы» сотни).

Юрты 22 и 24-й образовывали Баянкову сотню, которая в дальнейшем называлась волостью «вверх Туры реки». Кроме указанного 21 чел., в ней было еще шесть подростков.

25. Юрт на «другой» Салве, тагилские вогулы, сотник Койбагиш Брилин и др. четыре человека.

26. Юрт на «другой» Салве, вогулы Баранчук Ивашков и др. Четыре человека.

27. «Булкурцы да шигирцы», этническая принадлежность не указана, Батыкубай. Один человек.

28. Юрт в поле на оз. Аят, татары [20] и остяки, Кубай Алпартов и др. 28 чел. (в том числе один тюменский татарин).

Юрты с 25-го по 28-й образовывали Койбагишеву сотню, а в дальнейшем «волость в поле над Аятом озером». Помимо указанных выше 37 чел., в Койбагишеву сотню перешли два вогула из Копчиковой (см. ниже) сотни. Кроме того, в ней было также четыре подростка. Название «шигирцы», видимо, географическое (ср. ст. Шигир близ Невьянска), в 40 км от оз. Аят.

29. Юрт «вверх р. Чусовой» («верхние терсяки»), татары, сотник Токозя Байтинов и др. 16 взрослых и три подростка. В дальнейшем это волость «вверх Чусовой реки».

30. Чусовские вогулы, сотник Копчик Ямашев и др. 30 чел. (не считая двух перешедших в Койбагишеву сотню). В дальнейшем это волость «вверх Чусовой реки» [21].

31. «Верх уфинские татаровя», сотник Илцыбай Тулубаев и др. 17 взрослых и три подростка. В дальнейшем это волость «вверх Уфы реки».

В подлиннике численность чусовских вогулов и «вверх уфимских татар» подытожена. Очевидно, это были соседние группы населения.

Переходим к вишерским вогулам (данные 1607 г.) [22].

32. Юрт сотника Бурундука, видимо на самой Вишере. Восемь человек. Но возможно, что это современное сел. Бурундук на р. Березовой в бассейне Вишеры.

33. Юрт на р. Велсуе, 18 чел.

34. Юрт «печерские остяки», «за каменем», на р. Пеыре (Печоре?). Девять человек.

Сылвенские и иренские вогулы кочевали по Сылве, Ирени и по притокам этих рек Юрману, Носадке, Тазу, Бабе, Шакве, Большому и Малому Сюду, Кишерти, Кошелге, Чису, его притоку Сырею, Мечке, Барде. На Сылве у вогулов известен Рожин улус [23]. Место, на котором был поставлен г. Кунгур тоже входило в территорию сылвенских и иренских вогулов.

---

[19] На современных картах р. Мугай. Еще Миллер отметил, что приток Тагила Мугай вогулы называют Мулгай (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. т. II, стр. 16). От имени Ылынай, вероятно, образовано название р. Алапаихи, на которой стоит г. Алапаевск.

[20] По-видимому, это были все же башкиры-терсяки (ДАИ, т. IV, стр. 290).

[21] В дер. Копчик на Чусовой еще в XVIII в. жили вогулы Верхотурского уезда (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 218).

[22] ДАИ, т. II, стр. 111—112.

[23] См. А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 12—14, 27—37.

Таблица 3

Этнографический состав коренного населения Верхотурского уезда

Этнические, племенные и территориальные группы, отдельные большие роды	Число юртов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			Плательщиков ясака	всего населения	
Вогулы					
Лялинские, сотен Подгибалы Шувалова и Меркуши Кушкина	3	1626	36	145	Вогулы Верхотурского уезда, Меркушинской волости; частью слились с русскими
Косьвинские, десятни Петруши Туртаева	—	1626	8	30	Слились с русскими
Сосьвинские, сотни Гриши Кумычева	7	1626	65	260	Вогулы верхотурского уезда (на реках Сосьве, Лозьве, Туре)
Лозьвинские, пятидесятни Богдаши Чалманова	2	1626	26	105	
Туринские, сотни Белгилды Юмашева	5	1626	56	225	
Мулгайские, сотня Акбервы Алагузова	3	1626	18	70	Слились с русскими
Верхнетуринские (тагильские), Баяновой сотни	3	1626	27	110	Вогулы Верхотурского уезда
Чусовские, сотни Копчика Ямашева	Св. нет	1626	30	120	Вогулы Кыновской волости, Кунгурского уезда, на р. Чусовой (деревни Копчик и Бабенки)
Аятские (тагилские), сотни Койбагина Брилина	4	1626	43	175	Выселились в степь, частью слились с русскими
Вишерские, сотни Бурундука	3	1607	35	140	Вогулы Чердынского уезда, Сыпучинской волости, дер. Бурундук и др.
Сылвенские и иренские	Св. нет	1607	80	320	Слились с русскими и, может быть, с башкирами и татарами
Уфимские, сотника Илцыбая Тулубаева	»	1626	20	80	Вогулы на р. Бисерть Кленовской волости, Красноуфимского уезда
Итого . .			444	1780	
«Татары» (башкиры?)					
Чусовские (терсяки)	Св. нет	1626	19	80	Башкиры Терсатского аймака
Всего . .			463	1860	

Исходя из приведенных данных, мы и нанесли территории волостей Верхотурского уезда на карту. При этом широко использованы уездные границы б. Пермской губернии, соответствовавшие, по всем данным, как уездным границам XVII в., так и некоторым границам землепользования волостей. Обе волости на Ляле, как и обе волости в верховьях Уфы, мы показали одним контуром, так как у нас не было данных для показа этих волостей отдельно.

Вогулы волостей на Сосьве, Лозьве и Виннере не имели лошадей [24]. У остальных вогулов Верхотурского уезда лошади были, вероятно многие из них имели рогатый скот, а на юге даже занимались немного земледелием.

В табл. 3 приведены известные нам данные о составе населения тех этнографических единиц Верхотурского уезда, контуры территорий которых показаны на прилагаемой к этой работе сводной этнографической карте.

---

[24] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 380.

Глава II

ПЕЛЫМСКИЙ УЕЗД

Город Пелым был построен воеводой князем Петром Горчаковым в 1593 г. на месте резиденции вогульских пелымских князей у впадения р. Пелыма в Тавду. Ближайшей базой похода Горчакова на Пелым явился все тот же Лозьвинский городок у Ивделя, с основания которого начинается и история Верхотурского уезда (см. гл. I).

Самостоятельная часть Пелымского княжества, так называемое Кондинское княжество, или Большая Конда, с 1589 г. стала платить ясак в Тобольск. Сюда же платила ясак с 1592 г. Малая Конда.

Когда в 1593 г. был построен г. Пелым, в его уезд были записаны все вогульские волости по Тавде, Пелыму, Сосьве и Лозьве до границ Лозьвинского (с 1598 г., Верхотурского) уезда. Кроме того, из Тобольского уезда в Пелымский были переданы табаринские вогулы, которых наши источники иногда называют «татарами». В 1595 г. из Тобольского уезда были переданы в Пелымский также Большая и Малая Конда [1]. Так оформились основные составные части Пелымского уезда: собственно Пелым — в бассейне верхней Тавды (с Пелымом, Сосьвой и Лозьвой), Конда — в бассейне одноименной реки и Табары — на среднем течении Тавды.

С. В. Бахрушин считает, что разрушенное русскими «государство Пелымское» тоже включало в себя Конду и Табары. Таким образом, Пелымский уезд, видимо, совпадал по своей территории и населению с бывшим Пелымским княжеством и с территорией других, зависимых от последнего, групп вогулов.

Мы не имеем никаких оснований считать Пелымское и Кондинское княжества феодальными образованиями, а господствовавший в них элемент — феодальным сословием. Несомненно, это племенные группировки, во главе которых стояла довольно мощная племенная аристократия, в значительной степени уже обособившаяся от массы своих соплеменников. Русский термин «князь» и татарский термин «мурза», употреблявшиеся в отношении социальной верхушки вогулов Пелымского уезда, не совсем точно отражают социальное лицо этой родоплеменной аристократии. Употребляемые С. В. Бахрушиным термины «княжество», «удел» также очень модернизируют характер этих племенных группировок. Несомненно, что русские и татары, как люди феодального общества, и общественные отношения в среде сибирских народов расценивали по своему, но это не значит, что сущность этих отношений была уже феодальной. Подобно тому как родовая аристократия пелымских вогулов, несмотря на свои татар-

[1] Малая Конда между 1609 и 1629 гг. была снова возвращена в Тобольский уезд.

ские имена — Юсуп, Емелдеш, Ак-сеит, Аблегирим [2] — оставалась вогульской, так и социальные отношения в вогульской среде, несмотря на официальную русско-татарскую феодальную терминологию, оставались отношениями родоплеменного общества. Власть, богатство и обособленность племенной и родовой аристократии вогулов — это еще не феодальный строй с его неизбежным спутником — государством.

И русское феодальное государство и татарские феодалы стремились использовать родоплеменную аристократию в своих классовых целях. Родовая и племенная аристократия сибирских народов, если не задевались ее экономические и социальные привилегии, охотно шла на сближение с господствующим классом завоевателей и их государством. Значительная часть событий гражданской истории сибирских народов под

Таблица 4

Численность плательщиков ясака Нелымского уезда [3]

Волость	Год													
	1629	1630	1631	1634	1636	1645	1651	1660	1662	1671	1680	1694	1703	1710
Низ-Тавдинская	20	20	18	18	17	19	20	12	12	11	13	22	26	30
Тахтанская	42	42	40	40	35	39	36	42	42	39	33	34	36	43
Верх-Нелымская	41	43	45	42	42	34	40	46	43	34	24	38	36	53
Ворпиская	38	38	38	37	32	26	23	25	28	19	19	17	12	17
Вагильского озера	22	21	24	24	23	24	24	26	27	27	28	27	24	29
Сосьвинская	27	27	26	26	21	21	23	23	26	21	23	21	31	27
Лиственичная (Подгородная)	21	23	22	23	20	14	13	15	16	20	19	21	26	31
Итого Нелым	211	214	213	210	190	177	179	189	194	171	159	180	191	230
Табары (ясачная)	14	31	51	51	54	54	62	71	76	72	83	80	81	86
Табары (пашенная)	88	90	70	61	50	36	28	16	14	7	2	—	—	—
Итого Табары	102	121	121	112	104	90	90	87	90	89	85	80	81	86
Леупи	33	33	33	33	33	32	31	26	27	5	7	9	15	14
Леупи (в Тобольском уезде)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	14	13	16	16
Конда	241	322	305	305	260	208	235	320	318	239	234	207	203	215
Конда (в Тобольском уезде)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88	90	80	128	129
Итого Конда	274	355	338	338	293	240	266	346	345	345	345	309	362	374
Всего	587	690	672	660	587	507	535	622	629	605	589	569	634	690

[2] См.: С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 143.

[3] Эта таблица составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 646—676), 22 (лл. 821—836), 32, ч. 1 (лл. 208—238), 57 (лл. 176—215), 71 (лл. 762—825), 177 (лл. 34—51), 260 (лл. 49—62), 411 (лл. 120—133), 442 (лл. 47—56), 548 (лл. 143—155), 673 (лл. 240—254), 1085 (лл. 71—80), 1362 (лл. 66—72), 1514 (лл. 45—50). Данные по частям Нелымских волостей, перешедших в Тобольский уезд, составлены по книгам: 548 (лл. 34, 47), 674 (лл. 28, 38), 987 (лл. 71—72), 1376 (л. 979), 1473 (лл. 436—437). Надо иметь в виду, что данные ясачных книг Тобольского уезда взяты не всегда за те годы, которые указаны в таблице, а именно: для определения численности плательщиков ясака в 1680 г. по Тобольскому уезду использованы данные 1679 г., в 1694 г.— данные 1691 г., в 1710 г.— данные 1707 г.

русской властью в XVII—XVIII вв. является, собственно говоря, борьбой родовой аристократии разных народов Сибири за уравнение ее в правах с господствующим классом Московского государства. Однако как известно, такое уравнение коснулось лишь отдельных лиц, но отнюдь не всей этой социальной прослойки.

Этнический состав населения Пелымского уезда был однороден. Все коренные обитатели уезда были вогулами. Табаринские вогулы, выделявшиеся развитием земледелия и, вероятно, коневодства и скотоводства, иногда именовались «татарами», но, очевидно, лишь потому, что их занятия и быт в какой-то степени были сходны с занятием и бытом сибирских татар.

В табл. 4 (стр. 29) приведены данные о составе вогулов Пелымского уезда по волостям и числе плательщиков ясака в последних.

У нас есть основания считать, что с конца XVI в. до 1629 г. численность плательщиков ясака в Пелымском уезде не отклонялась резко от цифр, приведенных в табл. 4.

О табаринских ясачных вогулах («татарах») мы, например, знаем, что их «при Кучуме» было 60. По «сыску», произведенному, видимо, в 1591 г., их оказалось 50. Кроме того, к табаринцам тогда же была приписана «для подвод» волость Тырбынь из пяти плательщиков ясака [4]. В 1595 г. табаринских пашенных вогул («татар») было 60 [5], в 1608 г.— 73 [6]. Все эти цифры не превышают численность табаринских вогулов в 1629—1694 гг., приведенную в табл. 4.

Относительно остальных вогулов Пелымского уезда мы знаем, что в 1598 г. собственно пелымские вогулы заплатили 1179 соболей, а Большая Конда — 980 соболей. Зная, что пелымские вогулы фактически платили в среднем по пять соболей в год, а кондинские по четыре, можно подсчитать, что пелымских вогулов было тогда 236, а в Большой Конде — 245. В 1608 г. в Пелымском уезде было (без табаринцев, но с Малой Кондой) 526 или 535, а в 1609 г.— 555 ясачных вогулов [7]. При этом в Малой Конде числилось в 1592—1596 гг. только 20 [8], а в 1629—1631 гг.— 41 плательщика ясака [9]. Таким образом, собственно пелымских ясачных вогулов и в Большой Конде в 1598—1609 гг. было 440—515, т. е. примерно столько же, сколько в 1629 г.

В общем данные о численности ясачных вогулов Пелымского уезда на рубеже XVI—XVII вв. в целом не противоречат данным об их численности в 1629—1694 гг. Можно предполагать, что примерно столько же их было во времена похода Ермака.

Увеличение численности ясачных табаринских вогулов с 1629 на 1630 г. объясняется тем, что в их число было включено 18 ясачных пашенных вогулов. Число же пашенных вогулов увеличилось в 1630 г. по сравнению с 1629 г. за счет подростков. За это время и в Большой Конде было отыскано 76 «захребетников» и 16 подростков.

С 1630 по 1631 г. в Большой Конде 27 плательщиков ясака умерло с голода. В 1631 г. «подгородные», т. е. собственно пелымские, волости уплатили за голодавших вогулов Леушей и Большой Конды 117 соболей и 220 белок (из расчета 20 белок за соболя). Все это вогулы Конды и Леушей затем должны были вернуть. В 1651 г. в Большой Конде вновь было «сыскано» 68 чел. «подросли» и т. д.

На основании вышеприведенных данных, мы составили табл. 5 изменения численности вогулов Пелымского уезда.

---

[4] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.— Л., 1941, стр. 206.
[5] См. там же, стр. 150.
[6] См. там же, стр. 206.
[7] См. там же, стр. 19, 151, 214.
[8] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.— Л., 1937, стр. 374.
[9] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 400 об.; кн. 22, л. 373 об.; кн. 32, л. 79.

Таблица 5

Численность коренного населения Пелымского уезда

Племенная или территориальная группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Пелым	220	880	190	760	180	720
Табары . . .	120	480	100	400	80	320
Конда	355	1420	350	1400	310	1240
Всего . .	695	2780	640	2560	570	2280

Надо отметить, что в начале XVIII в. численность вогулов Пелымского уезда, за исключением табаринцев, значительно возросла и по собственно пелымским и кондинским вогулам превысила их численность в начале XVII в.

Что касается расселения собственно пелымских вогулов Пелымского уезда, то очень подробные данные об этом содержатся в известном атласе С. У. Ремезова [10]. Только Низ-Тавдинская волость нанесена нами не по Ремезову, а по ее названию и находится ниже других собственно пелымских волостей по р. Тавде (но выше Табаров).

Собственно пелымские волости нанесены следующим образом: Верх-Пелымская — в верховьях Пелыма, Лиственичная (Подгородная) — в низовьях этой же реки близ города; волость Вагильского озера — в бассейне р. Вагиль, начиная с сел. Вагильского, в территорию этой волости включено большое оз. Туман-Вагильское; Тахтанская — по р. Лозьве (в пределах Пелымского уезда) и по Тавде выше Пелыма, а Сосьвинская — по р. Сосьве (тоже только в пределах Пелымского уезда); Воринская — по Тавде, ниже устья Пелыма. Надо иметь в виду, что есть р. Ворья — приток Тапсуя в бассейне северной Сосьвы в пределах Березовского уезда и еще одна Ворья — в бассейне Конды. Но, судя по чертежу Ремезова, эти Ворьи не имели отношения к Воринской волости Пелымского уезда. Как сказано выше, Низ-Тавдинская волость нанесена по ее названию вниз по р. Тавде, т. е. ниже Воринской волости. Из семи пелымских волостей четыре носят территориальные названия. Происхождение названий остальных трех волостей — Лиственичной, Тахтанской и Воринской — неясно.

Табаринская волость находилась на Тавде в районе ее притоков Табаринки и Иксы, очевидно там, где и сейчас находится сел. Табары. В этих же местах помещает Табаринскую волость и С. В. Бахрушин [11]. Учитывая многочисленность табаринцев, мы показываем в качестве их территории все пространство от предполагаемых пределов Низ-Тавдинской волости до границ Тобольского уезда и от границы Туринского уезда до территории Большой Конды.

Центром Большой Конды был «городок» Картауж, расположенный на р. Картауже, притоке Евры, впадающей в оз. Сатыгинский Туман. На этом озере находится и поселок Сатыга, напоминающий о вогульском князце Сатыге, возглавлявшем Большую Конду в начале XVIII в. [12]

---

[10] См. С. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882, «Чертеж земли Пелымского города».

[11] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2, стр. 146—147.

[12] См. там же, стр. 146, 150.

Восточнее оз. Сатыгинский Туман (к западу от которого находился центр Большой Конды) расположено оз. Леушинский Туман; близ его юго-восточной оконечности находится сел. Леуши, в прошлом, вероятно, центр Леушинской волости. В территорию последней, из-за малочисленности ее населения мы включаем лишь район, расположенный около юго-восточной оконечности оз. Леушинский Туман, в том числе и бассейн р. Леушинки.

Остальная часть бассейна Конды в пределах Пелымского уезда отнесена к территории Большой Конды.

Как мы видели выше, вогулы Пелымского уезда четко делились на три части: собственно пелымских вогулов в составе семи волостей, табаринских вогулов, к которым примыкали и немногочисленные вогулы волости Тырбынь, и вогулов Большой Конды, к которым, очевидно, примыкали и

Таблица 6

Этнографический состав коренного населения Пелымского уезда

Племенные и территориальные группы, большие роды	Число юртов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			Плательщиков ясака	Всего населения	
Пелымские вогулы					
Низ-тавдинские . .	Св. нет	1630	20	80	Слились с русскими
Тахтанские	12	1630	42	170	Тахтанская волость Туринского округа
Верх-Пелымские . .	8	1631	45	180	Верх-Пелымская волость Туринского округа
Воринские	4	1630	38	150	Усть-Кондинская волость Туринского округа
Лиственичные . . .	4	1630	23	90	
Сосьвинские	6	1630	27	110	Сосьвинская волость Туринского округа
Вагильские	8	1631	24	100	Вагильская волость Туринского округа
Итого	—	—	219	880	
Кондинские вогулы					
Большая Конда . .	51	1630	322	1290	Больше-, Мало- и Верхне-кондинская волости Туринского округа, большая часть Кондинской волости Тобольского округа
Леуши	1	1630	33	130	
Итого	—	—	355	1420	
Табаринские вогулы					
Табаринцы ясачные	15	1630	31	120	Верхне- и Нижнетабаринская волости Туринского округа
Табаринцы пашенные		1630	90	360	
Итого	—	—	121	480	
Всего . . .	—	—	695	2780	

леушинские вогулы. Вероятно, здесь перед нами три племенные группировки. Одна из них, пелымские вогулы, в свою очередь делилась на семь волостей. Ремезов для каждой из этих волостей указывает несколько населенных пунктов, соответствующих юртам вогулов Верхотурского уезда. Таким образом, для собственно пелымской группы (племени) вогулов можно констатировать три степени их социально-территориальных объединений: племя («княжество»), волость и юрт. Можно предполагать, что такой же тип социально-территориальной структуры имела и Конда. Вероятно, и она делилась на группировки типа собственно пелымских и верхотурских волостей. Леуши и являлись одной из этих группировок, несколько более обособленной. Волости Большой Конды, как и другие, оставшиеся нам неизвестными, вероятно, тоже состояли из поселков — юртов.

Что представляли собой вогульская волость и юрт в Пелымском (а также и в Верхотурском) уезде? Можно предположить, что в волости преобладал отцовский род, может быть усложненный в результате внедрения в него некоторых посторонних элементов. Что касается юрта, то здесь перед нами, очевидно, подразделение рода, или большая семья, или группа из нескольких семей, возглавленная наиболее сильной из них как в экономическом, так и в социальном отношении. Многочисленный и обособленный юрт, конечно, легко мог превратиться в волость, т. е. в род, а слабая волость могла в качестве юрта примкнуть к соседней волости. Но фиксация волостей и юртов в русских административно-фискальных документах затрудняла и, может быть, иногда и совсем приостанавливала такие процессы.

Что касается табаринцев, то они вместе с кошуками Тобольского уезда, по-видимому, тоже составляли отдельное вогульское племя, однако, в отличие от пелымцев и кондинцев, занимались не только охотой и рыболовством, но и земледелием и скотоводством. Подобно плательщикам ясака Туринского уезда (см. гл. III), табаринские вогулы подразделялись, вероятно, на ряд мелких территориально-родовых единиц, но нам известно название только одной из них — Тырбынь.

Сведения относительно состава коренного населения Пелымского уезда приведены в табл. 6.

Глава III

ТУРИНСКИЙ УЕЗД

Город Япанчин, или Тура (Туринск), был построен по указу Бориса Годунова в 1600 г. тюменским головою Федором Осиповым Яновым. Первоначально Тура была построена как ям, т. е. как промежуточная станция для перевозки казенных грузов и пассажиров, между Верхотурьем и Тюменью. Одновременно с устройством яма и постройкой острога около Туры были посажены на пашню крестьяне.

Осенью того же 1600 г. к новому городу были приписаны «татарове и остяки и вогуличи», которые жили здесь по рекам Туре и Нице и до постройки Туры платили ясак в Тюмень. Так образовался Туринский уезд. Возглавлял местное коренное население Япанча. Около его юрта и был построен острог, который поэтому обычно назывался Япанчиным.

Туринский уезд был самым маленьким сибирским уездом по величине и одним из самых малых по численности коренного населения. Первоначально в Туринский уезд, правда, входили еще некоторые другие волости (расположенные на Туре выше устья Тагила), но в 1602 г. они отошли к Верхотурью. Туринским воеводам приходилось поэтому «кормиться» главным образом за счет пашенных крестьян и разных поборов с проезжих, а не за счет коренного населения. Вместе с Тюменью и Верхотурьем Тура являлась одной из застав, которую не могли в XVII в. миновать едущие в Сибирь и из Сибири. Существование Туры как самостоятельного города оправдывалось, кроме того, тем, что она прикрывала от набегов степняков дорогу от Верхотурья на Тюмень, т. е. один из важнейших участков большого пути, связывавшего Сибирь с Европейской Россией.

Территория Туринского уезда охватывала долину Туры от устья Тагила и долину Ницы от устья р. Реж почти до устья Ницы. На северо-востоке рубеж уезда проходил по водоразделу между Турой и Тавдой, на юге-западе — между Ницей и Пышмой [1].

Этническую принадлежность коренного населения Туринского уезда определить довольно трудно. Наши источники с 20-х годов XVII в. называют людей, плативших ясак в Туринский уезд, только татарами. До этого времени они назывались не только татарами, но и вогулами и остяками, а иногда всеми этими тремя названиями одновременно. В частности, глава коренного населения Туринского уезда Япанча и его сородичи и соседи юртов Япанчина, Кокузова, Ургунчина (Индричеева), Байгарина, Колмакова (Куртумова), Санкина, Нагаева, Енбайкова — всего до 50 плательщиков ясака — назывались в 1600—1601 гг. остяками [2].

---

[1] О границе между Верхотурским и Туринским уездами в 1645 г. см.: Акты Исторические, собранные и изданные Археологической комиссией, т. IV, СПб., 1848, стр. 22—24, № 5; ДАИ, т. VIII, № 51, стр. 230 и далее.

[2] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.— Л., 1937, стр. 386—387, 393.

С. В. Бахрушин колебался, называть ли население Туринского уезда вогульским племенем, возглавлявшимся татарским князьком, или отатарившимися вогулами [3]. В другом случае Бахрушин употребляет выражение «татаро-мансийское княжество Епанчи» [4].

От соседних вогулов Верхотурского уезда обитатели Туринского уезда отличались главным образом тем, что занимались земледелием. Исходя из того, что название «остяк» на Южном Урале обозначало коренных его жителей — угров, в отличие от пришельцев тюрок («татар»), мы можем считать население Туринского уезда вогулами, подвергшимися татарскому влиянию.

В табл. 7 приведены данные о «волостях» (фактически, как увидим ниже, юртах) и численности плательщиков ясака Туринского уезда [5].

Таблица 7

Численность плательщиков ясака Туринского уезда

Волость	Год														
	1629	1630	1631	1634	1636	1642	1645	1651	1660	1662	1671	1679	1691	1702	1706
Яланчина	12	11	10	12	10										17
Янбаева	3	3	3	3	3	51	46	46	41	43	44	49	24	39	
Кокузова	12	9	9	10	9										8
Индрисева	17	17	13	18	15										18
Илясова	10	10	7	9	11										8
Тюрютиева	5	4	3	4	2										—
Куртумова	8	8	5	9	8	30	36	34	34	33	30	36	23	27	13
Байгарина	4	4	3	4	5										9
Санкина	18	18	11	16	16										11
Нагаева	1	1	1	1	1										—
Тентюкова	1	1	1	2	8	38	41	37	35	37	26	26			—
Ермолаева	9	7	6	8											—
Колмакова	5	5	4	5	6								27	15	—
Кичюбаева	7	7	4	8	7										—
Зензярова	5	5	5	5	10	21	21	22	21	22	9	8			—
Илчибаева	4	4	3	5											—
Всего	121	114	88	119	111	140	144	139	131	135	109	119	74	81	84

Все без исключения названия «волостей» Туринского уезда образованы от собственных имен лиц, в то или иное время их возглавлявших.

Между 1637 и 1641 гг. соседние «волости» были объединены в более крупные группировки, не получившие, однако, особых названий. Это объединение «волостей» Туринского уезда также отметил в свое время В. И. Шунков [6].

[3] См. там же, примечание на стр. 476—477.

[4] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 147.

[5] Эта таблица составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 532—556), 22 (лл. 771—793), 32 (лл. 173—195), 57 (лл. 124—166), 71 (лл. 330—389), 154 (лл. 644—658), 177 (лл. 71—78), 260 (лл. 79—85), 411 (лл. 148—153), 442 (лл. 70—75), 548 (лл. 126—131), 674 (лл. 126—130), 998 (лл. 25—26), 1291 (лл. 45—46), 1463 (лл. 73—75). К 1642 г. Нагаева волость уже не упоминается. К 1671 г. не упоминаются волости Зензярова и Илчибаева. В 1702 г. не упоминаются волости Янбаева, Тюрютиева, Тентюкова, Ермолаева, Колмакова и Кичюбаева.

[6] См. В. И. Шунков. Ясачные люди в Западной Сибири XVII века. «Советская Азия», 1930, № 3-4, стр. 189.

До 1662 г. численность плательщиков ясака в Туринском уезде держалась в общем на одном уровне. Незначительное число их в 1630 г.— вероятно, результат недоучета. Но между 1663 и 1670 гг., а затем между 1680 и 1690 гг. численность плательщиков ясака в Туринском уезде резко упала. До этого сокращение численности плательщиков ясака, например Зензяровой и Тюрютиевой «волостей», объяснялось их бегством, в частности в Уфимский уезд. Между 1663 и 1670 гг. из Туринского уезда целиком выбыли «волости» Зензярова и Илчибаева и сократилась численность населения ряда других «волостей», затем выбыли «волости» Кичюбаева, Тентюкова, Ермолаева, Колмакова и Тюрютиева.

Это исчезновение целых «волостей», очевидно, связано с имевшей место в 1662—1663 гг. «изменой» плательщиков ясака Туринского уезда и набегами калмыков в 60-х и 80-х годах XVII в.

Надо также сказать, что по р. Нице в первоначальных пределах Туринского уезда было построено несколько слобод Верхотурского и Тобольского уездов. В конце концов в ведении туринского воеводы на Нице осталось лишь несколько русских деревень, окруженных деревнями и слободами, подчиненными Верхотурью и Тобольску. Но зато к концу XVII в. Туринский уезд распространился вниз по Туре. В начале XVII в. самые нижние юрты Туринского уезда. Янбаевы, находились лишь в 5 км от острога. В конце XVII в. в Туринский уезд входили русские деревни в районе устья р. Сарагулки в 50—60 км от города, там где в начале XVII в. жили лишь тюменские ясачные татары.

В начале XVIII в. туринская администрация отказалась от объединения «волостей» в более крупные группировки и снова стала собирать ясак с каждой «волости» отдельно. Но вместо 16 «волостей» 1629 г. в 1706 г. осталось только восемь.

У нас нет оснований предполагать, что численность плательщиков ясака в Туринском уезде в год его образования была значительно больше, чем в 1629 и последующие годы. В 1600 г. у Япанчи в юрте было восемь плательщиков ясака, в Кокузовом юрте — шесть, Ургунчином (Индричеевом) — шесть, Байгарином и Колмаковом — шесть, Санкином — восемь, Енбайковом (Янбаевом) — двое и только в Нагаевом юрте значительно больше, чем в 1629 г., а именно 13 [7]. В целом по этим восьми юртам в 1600 г. было 49 плательщиков ясака, а в 1629 г.— 54. Вероятно, в 1600 г. в Нагаев юрт были зачислены соседние с ним Тентюков и Ермолаев юрты.

При изучении расселения плательщиков ясака Туринского уезда в первую очередь бросается в глаза упомянутая выше группировка их «волостей», которые в 1600—1601 гг. назывались юртами, в четыре более крупных объединения. Рассмотрим расселение каждой такой группы юртов в отдельности. При этом группы юртов будем называть, как и в других уездах, волостями, а «волости» Туринского уезда так, как они назывались первоначально в 1600—1601 гг., т. е. юртами.

Первую волость, состоявшую из юртов Япанчина, Янбаева, Кокузова и Индричеева (Ургунчина), назовем Япанчиной. Япанчин юрт находился на месте, где был построен г. Тура; Янбаев — в 5 *км* от острога вниз по Туре; Кокузов — в 5 км от города, вверх по Туре, где сейчас находится дер. Кокузова; Индричеев — в 5 км по Туре выше Кокузова [8], где сейчас находится дер. Андричанская. Таким образом, вся эта волость из четырех юртов находилась на р. Туре в районе г. Туры.

---

[7] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 386—387.

[8] См. там же, стр. 387. По Миллеру, Енбаевы юрты находились в 14 *км* ниже Гуры (см. там же, стр. 308). Туда переселился и Япанчин юрт. Именно здесь он показан и у Ремезова.

Вторую волость назовем Куртумовой. Она состояла из юртов Илясова, Тюрютиева, Куртумова (Колмакова) и Байгарина. В 1897 г. Куртумовская волость состояла из деревень Байгариной (Ильтеевой), Куртумовой, Илясовой (Калтышевой) и Андричанской. В XVII в. юрты Илясов, Куртумов и Байгарин стояли на р. Туре, Байгарин и Куртумов (Колмаков) в полудне пути вверх от острога, Илясов — между Байгариным и Кокузовым (см. выше) [9]. Местоположение Куртумова юрта хорошо устанавливается также местонахождением дер. Куртумовой на Туре у устья р. Турузваевки [10]. В 1600—1601 гг. юрт Куртумов назывался также Колмаковым (Колмак), так как его возглавлял Колмак, а в дальнейшем его сын Елгилдей Колмаков. Один юрт Куртумовой волости, Тюрютиев, находился не на Туре, а на Нице, где позже были построены Чубарова и Киргинская слободы [11]. В 1636 г. в этом юрте было уже двое беглых, а к концу XVII в. этот юрт, как и все волости, расположенные по Нице ближе к степи, исчез совсем.

Третьей волостью будем считать юрт Санкин. По данным XVII в., он был расположен в 100 *км* от города вверх по Туре у устья Тагила [12]. Там действительно и сейчас имеется дер. Санкина. Мы будем юрт Санкин из-за его территориальной обособленности и относительной многочисленности считать отдельной волостью (родом), хотя наши источники объединяют этот юрт в одну волость с юртами Нагаевым, Тентюковым, Ермолаевым и Колмаковым [13], расположенными по Нице.

Четвертую волость Туринского уезда назовем Верх-Ницынской. Она состояла из юртов Нагаева, Тентюкова, Ермолаева и Колмакова. Нагаев юрт находился на Нице «против острогу», а его вотчины располагались на Нице «усть Режу». Вотчины юртов Тентюкова и Ермолаева тоже находились на Нице у устья Режи и в том районе на Нице, где была поставлена Нацынская (Ощепкова) слобода. Об Ермолаеве юрте известно, что от города до него был один день пути и что на его территории в 5 *км* от Ницынской слободы «над Ключом» (т. е. там, где сейчас стоит на Нице дер. Ключи) находилось священное место «остяков» Туринского уезда. Колмаков юрт был расположен тоже на Нице, но ниже Ермолаева и Тентюкова юртов, ближе к устью Ирбита [14].

Пятую волость Туринского уезда будет называть Ницынской. В нее входили юрты Кичюбаев, Зензяров и Илчибаев. Фактически здесь же находился Тюрютиев юрт Куртумовой волости. Зензяров и Илчибаев юрты находились на Нице близ устья Ирбита, а Кичюбаев и Тюрютиев — тоже на Нице, ниже устья Ирбита, в районе, где были основаны Чубарова и Киргина слободы [15].

Обе эти волости, Верх-Ницынская и Ницынская (и все составлявшие их юрты), к концу XVII в. совершенно исчезли. Волости же и все составлявшие их юрты, расположенные по Туре — Япанчина, Куртумова, Санкина — сохранились и в XVIII в., а частично и до наших дней.

У Ремезова на карте Туринского уезда упомянуты юрты Санкин, Куртумов и Байгарян, Турузбаев, Кокузов юрт Илясовой волости, Япанчинская волость. Названия трех юртов не указаны.

---

[9] См. там же, стр. 387, 393.

[10] У Куртума было два сына — Янгул и Турузбай (см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.— Л., 1941, стр. 511—512).

[11] См. там же, стр. 431, 482.

[12] См. там же, т. I, стр. 387.

[13] Этот Колмаков юрт не следует смешивать с Куртумовым юртом, который тоже сначала назывался Колмаковым.

[14] См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 252—254, 338, 430—431, 455, 471, 475, 482.

[15] См. там же, стр. 430—431, 482.

На карте мы показываем лишь контуры территорий пяти волостей, но не составляющих их юртов.

В табл. 8 на основании выявленной группировки юртов по территории, представлено изменение численности населения Туринского уезда в течение XVII в

Таблица 8

Численность коренного населения Туринского уезда

Территориальная или родовая группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Япанчина . .	51	200	46	180	43	170
Куртумова . .	30	120	36	140	30	120
Санкина . . .	18	75	20	80	11	45
Верх-Ницынская	20	80	21	80	—	—
Ницынская . .	26	105	22	90	—	—
Всего . .	145	580	145	570	84	335

До сих пор у вогулов Западной Сибири мы отмечали три разряда объединений. Наиболее крупным из них было племя, изредка фигурировавшее в виде отдельной административной единицы, например волость Большая Конда в Пелымском уезде. Но по большей части племя в качестве единой административной единицы не выступало. Другим социальным объединением был род, обычно фигурировавший под названием волости. Из таких волостей — родов и состояло административное устройство большей части Верхотурского и собственно Пелымской части Пелымского уезда. Третьим разрядом социальных объединений был юрт — населенный пункт, подразделение рода-волости. В отличие от других уездов, в Туринском в основу административного устройства коренного населения был положен именно этот юрт, также затем названный «волостью». Отмеченные выше группировки юртов («волостей») Туринского уезда можно сопоставить с родами-волостями других уездов, а все коренное население Туринского уезда можно рассматривать как племя отатарившихся вогулов. Туринские отатарившиеся вогулы по типу своего хозяйства и культуре были близки к своим соседям, таким же земледельцам, табаринским вогулам на Тавде, с которыми они заключали браки [16].

Нам надо объяснить следующее обстоятельство. До нас дошел список 12 пашенных юртов Туринского уезда 1601 г.; в этом году упомянуты, но не названы, два непашенных юрта. Из восьми известных нам на Туре юртов в 1601 г. названы шесть. Пропущены только юрты Санкин и Янбаев. Но эти два юрта названы в 1600 г., когда из юртов, расположенных на Туре, пропущен лишь юрт Илясов. В общем в документах от 1600—1601 гг. упоминаются на Туре все восемь юртов, бывших здесь позднее [17].

Но из восьми юртов, известных нам в 1629—1634 гг. на Нице, в 1600 и 1601 гг. знакомым именем назван лишь юрт Нагаев; помимо него упомянуты юрты с неизвестными названиями: Аккана, Небольсин, Берсегенев, Девлетев и Кабачин. Вероятно, упомянутые, но не названные два непашенных юрта тоже находились на Нице.

[16] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 128.
[17] См. там же, стр. 386—387, 393.

Таблица 9

Этнографический состав коренного населения Туринского уезда [18]

Этнические и территориальные группы (волость)	Юрты	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Япанчина группа юртов	Япанчин	1642	14	55	Обрусели. Потомки их живут, видимо, в деревнях по реке Туре выше г. Туринска (Городище и др.)
	Янбаев	1642	4	15	
	Кокузов	1642	13	50	Обрусели, дер. Кокузова Туринского округа
	Индричеев . . .	1642	20	80	Куртумова волость Туринского округа, дер. Андричеева
	Итого . . .		51	200	
Куртумова группа юртов	Илясов	1642	12	50	Куртумова волость Туринского округа, деревни Куртумова, Илясова, Байгарина
	Куртумов . . .	1642	11	40	
	Байгарин	1642	7	30	
	Итого . . .		30	120	
Санкин юрт	—	1630	18	75	Обрусели. Дер. Санкина Туринского округа
Верх-Ницынская группа юртов	Нагаев	1629	1	5	Исчез в 1642 г.
	Тентюков . . .	1642	3	15	Исчезли к 1702 г.
	Ермолаев . . .	1642	9	35	
	Колмаков . . .	1642	7	25	
	Итого . . .		20	80	
Ницынская группа юртов	Кичюбаев . . .	1642	9	35	Исчез к 1702 г.
	Зензяров . . .	1642	6	25	Исчезли к 1671 г.
	Илчибаев . . .	1642	6	25	
	Тюрютиев . . .	1642	5	20	Исчез к 1702 г.
	Итого . . .		26	105	
	Всего . . .		145	580	

[18] Поскольку за 1642 г. у нас сведения имеются лишь по группам юртов, то численность плательщиков ясака в каждом отдельном юрте исчислена с учетом данных об их численности по юртам в предыдущие годы.

Выше мы указывали, что самый нижний по Туре юрт Янбаев был расположен всего в 5 *км* от острога.

Поэтому, кроме того обстоятельства, что из названий ницынских юртов 1601 и 1629 гг. совпадает лишь одно название, в тупик ставит тот факт, что в 1601 г. перед перечнем юртов Нагаева, Аккана (Акманова), Небольсина, Берсегенева, Девлетева и Кабачина стоит подзаголовок: «От острогу к Тюмени». Поскольку перед перечнем юртов Байгарина, Колмакова (Куртумова), Илясова, Ургупчина (Индричеева) и Кокузова в этом документе стоит подзаголовок «От Верхотурья к острогу», можно подумать, что юрты Нагаев и другие в 1601 г. были расположены по Туре ниже г. Туры, а не по Нице, как в 1629—1634 гг. Но в 1600 г. юрт Нагаев определенно указан на Нице. Видимо, выражение «от острогу к Тюмени» имело в виду именно юрты, расположенные по Нице. Юрт Небольсин характеризуется как «городище Кучумова брата». Это, вероятно, то городище, по которому получило название с. Городище на Нице близ устья р. Иленки [19]. В 1601 г. упоминаются тюменские ясачные татары бачкурские [20] волости Ахкоза (ср. выше Аккана) и Иленской волости Бесергень, Девлетбай, Сарагул [21], Небылса Юлаев (ср. выше Небольсин) [22]. В некоторых этих именах нельзя не узнать прототипы ряда названий, упомянутых выше пашенных юртов на Нице, перечисленных под подзаголовком «От острогу к Тюмени». Следовательно, здесь речь идет о тюменских татарах [23], а не о туринских.

В табл. 9 приведен этнографический состав коренного населения Туринского уезда (см. стр. 39).

---

[19] См. гл. IV.
[20] В оригинале неправильно «Балкурские».
[21] В оригинале «Сарачун».
[22] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 169.
[23] См. гл. IV.

Глава IV

ТЮМЕНСКИЙ УЕЗД

Город Тюмень был основан в 1586 г. воеводами Василием Сукиным, Иваном Мясным и письменным головой Данилой Чулковым поблизости от старого татарского городка Чимгитура. Тюмень — самый старый русский город Сибири. С его постройки и началось прочное освоение Сибири русскими.

Первоначально в состав Тюменского уезда входила вся территория Сибири, занятая русскими по рекам Туре, Тавде, Тоболу и Пышме. В дальнейшем, как это указал уже Миллер, площадь Тюменского уезда уменьшилась в результате потери тех территорий, которые в связи с постройкой новых городов отходили к вновь образованным уездам. В конце концов территория Тюменского уезда ограничилась низовьями Туры и ее притока Ницы, низовьями и средним течением другого притока Туры — Пышмы, бассейном Тобола между устьями Туры и Исети и низовьями и средним течением последней.

Тюменские татары образовывали отдельную группировку в составе Сибирского татарского царства. Помимо территории Тюменского уезда, в это объединение входили, видимо, территория Туринского уезда, а может быть, также некоторые вогулы южной части Верхотурского уезда. Ядро этого Тюменского царства, как его называет С. В. Бахрушин, составляли, вероятно, те татары, которые после прихода русских стали известны под названием тюменских служилых татар и татар Каскаринской и Шикченской волости.

Наши источники называют всех коренных обитателей Тюменского уезда татарами. Фактически же в составе коренного населения Тюменского уезда были не только сибирские татары, но и предки некоторых групп современных башкир.

В табл. 10 приведены данные об ясачных волостях Тюменского уезда. Надо иметь в виду, что здесь показаны не все трудоспособные мужчины коренного населения уезда, так как в уезде, кроме ясачных татар, были служилые и пашенные татары, данные о численности которых будут приведены особо.

Резкое колебание численности плательщиков ясака в Шикчинской и Каскаринской волости объясняется тем, что группу татар этой волости в 1634 г. увели в степь наследники Кучума (кучумовичи), а в 1661 г. 38 из них вернулось в Тюменский уезд [1]. Такими же событиями объясняются и другие колебания в численности плательщиков ясака в Тюменском уезде Шикчинская и Каскаринская волость росла и в результате зачисления в

[1] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.— Л., 1941, стр. 546.

Таблица 10

Численность плательщиков ясака Тюменского уезда [2]

Волость	Год											
	1629	1630	1631	1645	1651	1660	1662	1671	1682	1690	1701	1705
Кынырский городок . .	78	77	57	73	85	90	96	59	78	61	82	79
Бачкырская	25	25	24									
Терсяцкая	26	27	25	13	12	20	26	28	31	27	38	34
Иленский городок . . .			74	67	72	73	70	64	78	69	73	70
Шикчинская	164	(164)	74	54	47	52	89	87	100	73	83	88
Каскаринская												
Пышминская и Исетская	—	—	24	23	21	29	30	25	37	26	39	38
Всего . . .	293	293	278	230	237	264	311	263	324	256	315	309

нее детей служилых тюменских татар. Эта волость и появляется впервые в 1631 г. в качестве «захребетных татар».

Из этого населения башкирами, или, точнее, предками некоторых групп современных башкир, можно считать людей Бачкырской, Терсяцкой, Пышминской и Исетской волостей. Население Бачкырской (Баскурской, Башкурской) волости можно считать башкирами по ее названию и местоположению между Пышмой и Исетью по соседству с Катайской волостью Уфимского уезда. Название Терсяцкой волости соответствует названию Терсатского аймака, входившего в состав башкирской Катайской волости за Уралом в XVIII в. [3] Группа терсяков (верхние терсяки), как мы знаем, жила и в Верхотурском уезде по соседству с башкирами. Относительно Пышминской и Исетской волости наши источники прямо указывают, что это «уфимские пришельцы».

Кроме этих групп башкир, на территории Тюменского уезда жили также предки еще одной группы башкир — синрянцы, или, как их называют источники, «сырянцы», «зырянцы». Но, как сообщает Миллер, эти «зырянцы» ушли от русских в отдаленные места [4]. В начале XVII в. «зырянцы» и башкиры-табынцы были главной опорой Кучумовичей в степях к западу от Тобола. Возможно, впрочем, что Бачкырская волость представляла остаток синрянцев в пределах Тюменского уезда.

Миллер считал, что башкиры Тюменского уезда — это перебежчики из Уфимского уезда [5], а «зарянцев» и терсяков он не отличал от других сибирских татар. Но как мы видели, и синрянцы и терсяки в настоящее время входят в состав башкирского народа. Надо, однако, отметить, что

---

[2] Эта таблица составлена по данным следующих ясачных книг фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 521—528), 22 (лл. 805—810), 32, ч. 1 (лл. 150—165), 177 (лл. 93—98), 260 (лл. 99—106), 411 (лл. 169—176), 442 (лл. 94—138), 685 (лл. 12—19), 715 (лл. 30—35), 993 (лл. 408—416), 1267 (лл. 537—538), 1431 (лл. 305—314).

Цифра 164 по Иленскому городку и другим волостям за 1629 г. заимствована нами у В. И. Шункова (см.: «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 165). Эта же цифра нами повторена и для 1630 г., по которому у нас тоже не было аналогичных данных.

[3] См.: С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 57. Следует отметить, что Катайский острог был в Верхотурском уезде, но башкирская Катайская волость принадлежала к Уфимскому уезду (см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 105, 293).

[4] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 288. В 1623 г. «сырянцы» числились в Верхотурском уезде (см. там же, т. II, стр. 293).

[5] См. там же, стр. 12.

Миллер делает оговорку, что даже такие несомненные для нас в настоящее время башкиры, как катайцы, раньше считались татарами[6]. Поскольку остается неясным, где в XVII в. проходила граница между башкирами и небашкирами, ограничимся вышеприведенными оговорками и замечаниями и не будем выделять эти группы предков башкир из остальных сибирских татар. По нашему мнению, такие группы современных башкир, как сипрянцы и терсатцы, должны считаться не ответвлениями катайцев, а скорее местными группами, вошедшими в состав катайцев. Таков был, вероятно, путь формирования всей тюркоязычной башкирской этнической общности. Степные тюркские и отюреченные племена и части племен включали в свой состав местные племена и роды на положении своих подразделений и ассимилировали их.

Так как, судя по числу плательщиков ясака, общая численность коренного населения Тюменского уезда в середине и в конце XVII в. была приблизительно одинакова, мы дадим одну цифру численности коренного населения Тюменского уезда как на середину, так и на конец XVII в.

Но в Тюменском уезде, кроме ясачных татар, были татары и других категорий.

Служилых татар в 1645 г. здесь было 108[7], в 1691 г.— тоже 108[8], в 1701 г.— 107[9].

Наконец, в Тюменском уезде находилась Искинская татарская волость, которая платила ясак хлебом. В 1627 г. в ней было 23 плательщика ясака, а в 1690 г.— 38[10].

Данные относительно численности коренного населения Тюменского уезда в середине и в конце XVII в. приведены в табл. 11.

Таблица 11

Численность коренного населения Тюменского уезда

Группа	Численность	
	плательщиков ясака	всего населения
Кинырский городок	73	290
Бачкырская волость	23	90
Терсяцкая волость	38	150
Иленский городок	78	310
Шикчинская и Каскаринская волость	100	400
Пышминская и Исетская волость	39	160
Искинская волость	38	150
Служилые юртовские татары . .	108	430
Всего . . .	497	1980

По вопросу о составе и численности коренного населения Тюменского уезда в конце XVI и начале XVII в. позволим себе высказать следующие соображения. Мы предполагаем, что данные о численности плательщиков

[6] См. там же, стр. 105.
[7] См. П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьков, 1889, стр. 100.
[8] ЦГАДА, ф. 214, кн. 993, лл. 122—128; см. также лл. 248—252.
[9] Там же, кн. 1267, л. 224.
[10] Там же, кн. 993, лл. 140, 166. Данные за 1627 г. приведены по В. И. Шункову (Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., М.— Л., 1946, стр. 106).

ясака по Кинырской волости за 1629 г., по Иленской, Шикчинской и Каскаринской, Пышминской и Исетской за 1631 г., по юртовским служилым татарам за 1645 г. и по Искинской волости за 1690 г. в общем могут быть использованы для реконструкции численности этих групп на рубеже XVI—XVII вв.

Например, искинские татары платили поминок в 1645 г. 5 р. 22½ к., а с 1651 по 1690 г.— 6 р. 37½ к. Вероятно, численность их сильно не изменилась.

Относительно Бачкырской волости мы знаем, что в 1595 г. из Тюменского уезда бежало 30 башкир и кипырцев, очевидно плательщиков ясака [11]. У нас есть основания предполагать, что это в основном были бачкырцы. Поэтому мы считаем, что у них было в 1594 г. не 25 плательщиков ясака, как в 1629 г., а на 30 больше, т. е. 55.

Известно также, что в 1615 г. «изменили» и ушли тюменские татары Терсяцкой волости [12]. Мы не знаем, сколько бежало ясачных терсяков в 1615 г., но, судя по размерам территории терсяков, их было в 1615 г. не 26, как в 1629 г., а по крайней мере вдвое больше, т. е. 52.

Выше мы указывали, что в Тюменском уезде жило племя предков башкир-сипрянцев («сырянцы», «зырянцы»), которое затем ушло в степь, где являлось опорой кучумовичей. В 1600 г., когда четыре сына Кучума находились в верховьях Ишима, с ними было 250 «сырянцев» и башкир-табынцев [13]. В том же году два из этих царевичей находились между Ишимом и Абугой. С ними было 150 башкир-табынцев. Третий царевич, Алей, оставался на Ишиме, с ним было 300 сырянцев и мякотинцев [14]. В 1603 г. Алей кочевал на пяти «боровых» озерах, в пяти днях пути от Тюмени. С ним были только «зырянцы» [15]. В 1635 г. два «зырянца», платившие уже ясак в Уфимский уезд, вместе с одним человеком из Бачкырской волости жили за Исетью, в пяти днях пути от Тюмени [16]. Мы, очевидно, не очень ошибемся, если определим первоначальную общую численность этих «сырянцев» в 150 трудоспособных мужчин (всего 600 чел. населения).

До своего ухода в степь эти сипрянцы, вероятно, занимали верховья Пышмы (выше Камышлова) и Исети (выше Катайска). Здесь у нас получается на карте свободное место как раз для скотоводческого племени в 500—600 чел. После ухода сипрянцев эти места частично заселили деревни и слободы Верхотурского и Тобольского уездов, но первоначально эта территория, как и весь Туринский уезд и южная часть Верхотурского, входила в Тюменский уезд и поэтому, очевидно, считалось, что сипрянцы ушли из Тюменского уезда.

О татарах Кинырского городка Миллер сообщает, что они «первоначальные обитатели местности выше Тюмени по реке Туре, на северном берегу которой в 13 верстах ниже устья Ницы у них было укрепленное местечко, называвшееся Кинырским городком» [17]. А. И. Андреев указывает, что Кинырский городок Тюменского уезда находился «против Елкиных юрт» [18]. Деревня Елкина находится сейчас на р. Туре, примерно в 15 *км* ниже устья Ницы. Очевидно, напротив дер. Елкиной, у устья р. Тегень, и находился Кинырский городок. Название городка, как и всей этой группы татар, происходит от собственного имени. Во всяком случае, еще

---

[11] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 12.
[12] См. там же, стр. 243.
[13] См. там же, стр. 27, 167.
[14] См. там же, стр. 165—168.
[15] См. там же, стр. 29.
[16] См. там же, стр. 424.
[17] Там же, стр. 12.
[18] Там же, стр. 549.

в 1600 г. среди татар Кинырской волости жил некий Буланча Кынырев [19]. Но надо иметь в виду, что у Ремезова есть и р. Кинырка, впадающая в Туру ниже устья Ницы.

На карте Тюменского уезда в атласе Ремезова Кинырская волость показана на Туре выше Тюмени и ниже устья Ницы, близ устья р. Салаирки. Здесь ее показываем и мы, отводя ей всю территорию от водораздела между реками Иской и Турой на северо-востоке до р. Пышмы на юго-западе. Кроме Кинырского городка и Елкиных юрт, мы к Кинырской волости относим показанные у Ремезова юрты на р. Салаирке — Езеякские, Утямышевы, Бегуны, Качангуловы, Акмановы (ср. в гл. III юрты Аккана), Чаклинские и др.

К татарам Иленского городка (волости) относились также татары Обуховых юрт (городка) [20]. Может быть, Обухов городок — это другое название Иленского городка, образованное от собственного имени некоего Обуха (он же Щербак) Бессергенева [21], тогда как название Иленский — территориальное, происшедшее от названия правого притока Ницы р. Иленки, или (на некоторых современных картах) Илейки. Татары Иленской волости жили и по Туре, выше устья Ницы, до границ Туринского уезда. Имя одного из них, Сарагула Беглова [22], сохранилось в названии р. Сарагулки, левого притока Туры, впадающего в Туру, выше Ницы. У Ремезова Иленская волость показана выше Кинырской, у впадения Ницы в Туру, затем (ошибочно) на р. Тегенке и на Нице у устья Иленки. Речку Сарагулку Ремезов показывает в пределах Туринского уезда, но это уже результат позднейшего расширения уезда вниз по Туре. Деревня Городище на Нице близ впадения в нее Иленки стоит, по нашему предположению, именно там, где находился на месте «городища Кучумова брата» юрт Небольсин (см. гл. III) [23]. Небылса же Юлаев был из Иленского городка [24]. Таким образом, в Иленскую волость мы включаем реки Туру и Ницу до границ Туринского уезда. Кроме того, на юго-западе показываем территорию этой довольно многолюдной волости до Пышмы, тоже входившей в этом районе в пределы Тюменского уезда [25].

Помимо Иленского городка, Обуховых (Енбуховых) юрт на Нице и Сарагуловых на Туре, мы относим к этой волости также Катаргуловы юрты, показанные Ремезовым на Туре близ устья Ницы, и юрты Небольсин, Берсегенев, Кабачин и Девлетев на Нице, упомянутые в перечне 1601 г. как расположенные от Туринского острога к Тюмени (см. гл. III).

Татары Кинырской и Иленской волостей первоначально, в XVI в., назывались верхотурскими, так как находились от Тюмени вверх по Туре. Возможно, что до основания Туры под названием верхотурских татар подразумевались также и отатарившиеся вогулы (остяки), в дальнейшем образовавшие коренное население Туринского уезда.

Шикчинскую и Каскаринскую волости мы показываем в районе самой Тюмени. Здесь, к востоку от нее, до настоящего времени находятся татарские деревни Большая и Малая Каскарка и Чикчинские юрты. В этом же месте Шикчинская волость и юрты у оз. Каскарина показаны и у Ремезова. Мы, насколько могли, расширили территорию этой волости, предполагая, что многочисленные татары этой волости должны были иметь

---

[19] См. там же, стр. 150.
[20] О них упоминает Миллер (см. там же, стр. 323, 357, 418, 550).
[21] См. там же, стр. 159, 323, 357.
[22] См. там же, стр. 159, 169, 204, 411.
[23] См. там же, т. I, стр. 393.
[24] См. там же, т. II, стр. 169.
[25] Ремезов доводит границы Тюменского уезда вверх по Пышме лишь до р. Тугулым, а по Исети — до р. Ирюм. Этим он, как нам кажется, уменьшает территорию Тюменского уезда. Впрочем, для конца XVII в., может быть, это и верно.

и соответственную хозяйственную область. На территории этой волости оказывается и сама Тюмень. Но надо иметь в виду, что в районе Тюмени жили, по-видимому, хотя бы временно, и служилые татары (см. ниже).

Мы относим к Шикчинской и Каскаринской волости следующие юрты, показанные у Ремезова (кроме названных выше Шикчинских и Каскаринских): Назаровы, Янтыковы (два), Янбаевы, Тураевы, Ясауловы, Кобеняковы, Качангуловы, Акиарковы, Нанкибашевы, Матмасовы, Черноярские. Некоторые из этих юртов, возможно, были населены служилыми юртовскими татарами (Ясауловы, Матмасовы).

Искинскую волость мы помещаем в бассейне р. Иски, в ее верхнем и среднем течении, где Ремезов помещает юрты Антыковы, Кунцевы, Кучины, Бурсучковы, Баярские и Магаитские.

Местожительство тюменских юртовских татар мы показываем по р. Тоболу от устья Исети до устья Иски. Как известно, в начале XVII в. главой тюменских юртовских татар был Майтмас Ачекматов. Миллер также рассказывает о татарских князцах Кашкаре, Варваре и Майтмасе, с которыми Ермак имел столкновение на Тоболе у устья Туры. Имена этих князцов, по словам Миллера, сохранились в названиях татарских деревень на Туре и Тоболе [26]. С. В. Бахрушин не сомневался, что князь (мурза) Майтмас и глава тюменских служилых татар в период с основания Тюмени до 1618 г. Майтмас Ачекматов — одно и то же лицо [27]. Имя князя Кашкары сохранилось в известной нам Каскаринской волости в названиях деревень Большая и Малая Каскара; имена Варвары и Майтмаса — в названиях татарских деревень на Тоболе: Варваринские юрты, Большие Матмасы, Малые Матмасы — в названии всей волости 1897 г.— Варваринской (Нердинской). Волость эта целиком расположена по Тоболу между устьями Туры и Иски. Выше Варваринской волости по Тоболу находились в 1897 г. деревни Авазбакеевской волости. Ремезов показывает по Тоболу между устьями Исети и Туры юрты Авезбакины, Катаргуловы, Куташевы, Астанкины и два юрта без названий.

У Бахрушина есть прямое указание на то, что тюменские служилые татары, в частности Майтмас Ачекматов и его потомство, владели землями на Тоболе, «пониже Исетского устья» [28]. Нам кажется, есть все основания считать, что тюменские служилые татары жили в Тюменском уезде по р. Тоболу. Следует отметить, что Кашкара, как и Майтмас, был исторической личностью. В 1596 г. тюменские служилые татары Кашкара и Майтмас ездили за беглыми кипырцами и «башкирцами» (т. е. татарами Бачкырской волости) на Исеть и были последними ограблены [29]. Таким образом, устанавливается, что глава Каскаринской волости в прошлом тоже был служилым татарином.

В частности, заметим, что Ремезов показывает Матмасовы юрты близ самой Тюмени к северо-востоку от нее, т. е. в пределах территории татар Шикчинской и Каскаринской волости. Можно предполагать, что служилые татары Тюменского уезда и татары Каскаринской волости в прошлом составляли нечто целое и лишь затем часть их была включена в число плательщиков ясака, а другая — в число служилых татар. Поэтому мы не проводим границы между территориями татар Каскаринской и Шикчинской волости, с одной стороны, и тюменскими служилыми татарами, с другой, а даем их одним контуром, в котором лишь надписями показано приблизительное взаимное расположение всех этих групп. По-видимому, все эти татары первоначально были известны под названием андреевских. Так они

---

[26] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 223.
[27] См. там же, стр. 486.
[28] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 168.
[29] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 148.

назывались по оз. Андреевскому, расположенному недалеко от Тюмени, по дороге в Ялуторовск. На этом озере, вероятно, был их центр.

Пышминскую и Исетскую волости мы помещаем на карте по Пышме, к югу от Тюмени, и в низовьях Исети, где находилась в конце XIX в. татарская Сингульская волость. У Ремезова в этом районе показаны юрты Сенгульские, Летние, Бесергеневы, Бешкильские, Кучумбетевы и Тенишевы. В Сингульской волости 1897 г. были юрты Летне-сингульские, Зимне-сингульские, а юрты Сунгуровские находились на речке Бишкиле. Мы предполагаем, что была лишь одна волость Пышминская и Исетская, а не две, как можно заключить из ее официального названия в XVII в.

Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети, вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсюк. Других данных для нанесения на карту этой волости нет. Но надо иметь в виду, что если в районе речки Терсюк не показывать Терсяцкую волость, то эта местность на карте останется пустой. Отметим, что речка Терсюк имеется и на карте Ремезова.

О местоположении Бачкырской (Башкурской) волости у нас данных больше. Известно, что она была расположена на р. Исети [30]. Юрты бачкырцев находились у оз. Утеше, или Устюше [31] (современное оз. Атяж), у оз. Аксаргула (Сараткул?) и на самой Исети (Баишевы юрты) [32]. Мы также считаем, что упоминавшиеся в 1594 г. татары-белаковцы, т. е. жившие у речки Белаковки [33] (современная Беляковка), притоке Пышмы, являются тоже бачкырцами. Поэтому мы помещаем Бачкырскую волость между Исетью и Пышмой в бассейне речки Беляковки и оз. Атяж. Территория этой волости довольно большая, но надо учесть, что она осваивалась бачкырцами, вероятно, вместе с кинырцами, с которыми бачкырцы и ясак платили вместе. Кроме того, есть основания предполагать, что первоначально бачкырцев было больше, но часть их ушла «в степь» к кучумовичам (см. выше).

Помимо основной территории уезда, показанной нами на карте и слагающейся из территорий отдельных волостей, плательщики ясака Тюменского уезда, выезжая на охоту и рыбную ловлю, уже в первой половине XVII в. осваивали большую территорию к югу от Исети и к востоку от Тобола в бассейнах рек Тапа, Юрги, Емуртлы, Суера, Ика, в районе современного г. Кургана и около озер Черного, Щучьего и Медвежьего. Вверх по Тоболу они доезжали до рек Уя с Тоузаком и Абуги (Убагана). Бассейны Тапа и Юрги мы включили в территорию соседних юртовских татар. Остальная территория, видимо, осваивалась всеми группами коренного населения Тюменского уезда и даже уфимскими башкирами и поэтому осталась нами не разделенной.

Татары Тюменского уезда занимались не только скотоводством, охотой и рыболовством, но и земледелием. Искинская волость в течение всего XVII в. платила ясак хлебом. По данным В. И. Шункова, до 1624 г. хлебом платила ясак и Иленская волость. Есть все основания предполагать, что земледелием занимались также татары Кинырской, Шикчинской и Каскаринской волостей и юртовские служилые татары.

В табл. 12 отражен состав коренного населения Тюменского уезда на конец XVI — начало XVII в.

В то время как в Туринском уезде русское население распространялось вниз по Туре в пределы первоначального Тюменского уезда, в последнем можно отметить некоторое продвижение татарского населения вниз

---

[30] См. там же, стр. 169.
[31] См. там же, стр. 357.
[32] См. там же, стр. 407, 480.
[33] См. там же, т. I, стр. 288.

Таблица 12

Этнографический состав населения Тюменского уезда

Волость	Число юртов	Время учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие группировкам XVII в.
			плательщиков	всего населения	
Татары					
Кинырская	10—11	1629 г.	78	310	
Иленская	8—9	1631 г.	74	300	
Искинская	6	1690 г.	38	150	Кашегальская волость Тюменского округа
Шакчинская и Каскаринская	13—14	1631 г.	74	300	
Юртовская	6—7	1645 г.	108	430	Барваринская волость Тюменского округа и, может быть, Авазбакеевская Ялуторовского округа
Башкиры (?)					
Бачкырская	3—4	1594 г.	55	220	Вероятно, в составе зауральских башкир
Терсяцкая	Св. нет	(исчисление 1615 г.)	52	210	Башкиры Терсятского аймака
Пышминская и Исетская	5—6	(исчисление 1631 г.)	24	100	Сингульская волость Ялуторовского округа
Итого в 30—40-х годах XVII в.			503	2020	
«Сыряицы» верховьев Пышмы и Исети	Св. нет	Конец XVI в.	150	600	Башкиры Синрянского аймака
Всего			653	2620	

по Туре. Так, в юртах в устье р. Тегенки, где в начале XVII в. жили кинырские татары, в конце XVII в. Ремезов помещает уже иленских татар. В целом же Тюменский уезд к концу XVII в. был вынужден уступить Верхотурскому и Тобольскому (!) уездам всю территорию вверх по Пышме и Исети, включая и территории Бачкырской и Терсяцкой волостей, на которых татарское население сменилось русским. По данным П. Н. Буцинского, к 1645 г. в Тюменском уезде русского населения было уже не менее 1750 семейств, т. е. около 7 тыс. чел. [34]

Буцинский считал, что в конце XVI и начале XVII в. «в Тюменском уезде жило гораздо больше татар». В частности, он указывает, что в 1617 г. в Тюменском уезде была волость Ерзовская, которая в 1629 г. и позже в нем не значится [35]. Деревни с названием Ерзовка имеются под Туринском, к северо-западу от Камышлова и у устья Ницы. Здесь же у устья Ницы у Ремезова показано оз. Ерзовка. Вероятно, Ерзовской волостью была названа какая-то группа кинырцев, так же как по оз. Андреевскому часть тюменских татар первоначально называли андреевскими (см. выше).

[34] См. П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьков, 1889, стр. 100.
[35] См. там же, стр. 8.

Глава V

ТАРСКИЙ УЕЗД

Город Тара был построен в 1594 г. воеводой князем А. В. Елецким для сбора ясака с сибирских татар, живших вверх по Иртышу, для приведения в русское подданство барабинских и некоторых других групп татар и для защиты русских владений в Сибири от продолжавшихся набегов скрывавшегося в прииртышских степях Кучума. Первоначально город намечалось построить у впадения в Иртыш р. Тары, и хотя в конце концов город был построен на левом берегу Иртыша, на р. Агарке, название Тары так и осталось за ним. Вскоре после основания города, в 1598 г., тарский воевода Иван Мосальский на Оби (где-то, видимо, в районе современного Новосибирска) окончательно разбил Кучума.

Тарский уезд выделялся из других западносибирских уездов большим количеством ясачного татарского населения. Вместе с тем в течение всего XVII в. Тара продолжала быть важнейшим опорным пунктом русских в борьбе как с преемниками Кучума, его многочисленными сыновьями и внуками, так и с появившимся в начале XVII в. в прииртышских степях ордами калмыцких тайшей.

В территорию Тарского уезда входили долина Иртыша с его притоками примерно от устья Ишима до устья Тары, бассейн р. Тары, почти весь бассеин р. Оми (кроме низовьев), районы озер Чаны и Убинского и верховья рек Каргата и Чулыма из бассейна оз. Чаны.

Все ясачное население Тарского уезда в наших источниках называется татарами. Если среди этих татар и были группы иного (угорского, самоедского) происхождения, то к концу XVI — началу XVII в. они были, видимо, полностью тюркизированы. Только в конце XVII в. в Тарском уезде появились калмыки и остяки.

Список ясачных волостей Тарского уезда и данные о числе плательщиков ясака в них за ряд лет приводятся в табл. 13.

Для лучшего понимания данных этой таблицы, надо иметь в виду, что сведения за 1593 г. имеют разный характер. По волости Саргач и примыкающим к ней волостям Тав и Отуз данные, по-видимому, более или менее близки к действительности, хотя и неполны. Но по волостям Коурдак и Аялы данные производят впечатление преувеличенных. Насколько им можно верить?

Мы знаем, что в волости Аялы в 1625 г. было 217 плательщиков ясака. Можно предполагать, что тарские служилые татары, которых в 1626 г. было 57 [1], тоже происходили из этой волости. Известно также, что в 1595 г. 90 аялынцев с семьями, не желая принять русское подданство, бежало

[1] ЦГАДА, ф. 214, кн. 11, лл. 402—403.

Таблица 13

Численность плательщиков ясака Тарского уезда [2]

Волость	Год													
	1593	1624	1625	1634	1636	1645	1651	1660	1662	1671	1678	1691	1701	1707
Саргач (Ишим-томак) .	80	36	46	48	43	70	70	70	70	72	70	88	88	95
Тебендя	—	19	26	25	25	25	25	25	25	25	25	28	28	28
Котлубахтина	—	9	13	12	15	13	13	13	13	13	13	13	13	13
Я-Иртиш	—	4	31											
Отуз	15	8		13	13	13	13	13	13	13	13	15	15	19
Тав	10	6	11	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
Тав-отуз (Куллары) . .	—	25	32	23	25	27	27	27	27	27	27	27	27	26
Коурдак	350	154	214	195	195	195	195	150	150	150	151	187	188	191
Аялы	500	152	217	170	188	188	188	189	158	158	158	195	196	198
Тураш (Кулеба)	—	15	33	18	18	14	14	18	18	19	23	23	23	23
Любай	—	14	28	16	16	16	16	17	17	8	13	11	11	11
Тунус (или Чангула) и Лугуй (Угуй) . . .	—	16	31	21	21	21	21	22	22	22	26	26	26	26
Бараба (и Кирлики) .	—	56	116	84	70	70	70	74	74	68	78	78	78	78
Чой	—	7	17	15	17	12	15	15	17	17	22	22	22	22
Тереня	—	12	28	8	8	8	8	9	9	10	15	15	15	15
Карагалинские поручные татары	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	34	37
«Калмыки»-коурчаки .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	106	106	110
Приезжие остяки . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5	9
Всего . . .	955	533	843	657	663	681	684	651	622	611	643	853	884	910

из Черного городка на Иртыше, взятого тарским головой Борисом Доможировым. Вместе с этими аялынцами из Черного городка убежало и 50 «малогородцев» [3]. Очевидно, эти «малогородцы — тоже часть аялынских татар. В том же 1595 г. служилый человек Гр. Ясырь привел с Вузюкова озера, находившегося в Малогородской волости, 28 (или 23) аялынцев, перебив остальных [4]. Если предположить, что Ясырь перебил 20—30 чел., то, сложив все предыдущие цифры, получим, что первоначально аялынских татар, вместе с «малогородцами», было до 440 трудоспособных мужчин. Предполагая существование известного количества захребетников, можно считать, что цифра 500 в какой-то степени отражает первоначальную численность трудоспособных мужчин у аялынских татар.

По Коурдакской волости у нас нет данных, объясняющих уменьшение ее численности, но, очевидно, и для нее не прошли бесследно эти бурные годы присоединения Западной Сибири к России. Кроме того, сокращение числа членов Коурдакской волости с 350 в 1593 г. до 212 в 1625 г. не так велико по сравнению с сокращением числа аялынцев. В общем и для ая-

[2] Эта таблица составлена по следующим данным: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 561; ЦГАДА, ф. 214, кг. 11, лл. 231—283, 214—222; кн. 57, лл. 253—276; кн. 71, лл. 404—418; кн. 177, лл. 106—136; кн. 260, лл. 162—193; кн. 411, лл. 188—223; кн. 442, лл. 121—128; кн 548, лл. 174—183; кн. 684, лл. 229—232; кн. 995, лл. 161—250; кн. 1301, лл. 231—264; кн. 1487, лл. 2—53. Из данных за 1593 г. мы не включили в таблицу волости Токус, Урус (?) и Супра, так как это, очевидно, группы татар Тобольского уезда.

[3] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 367.

[4] См. там же, стр. 294, 367.

лынцев и для коурдаков мы решили принять в качестве исходных данные 1593 г., несмотря на явную некоторую их округленность. Возможно, что уменьшение численности аялынцев и коурдаков объясняется какими-либо эпидемиями.

По Саргачской волости и примыкающим к ней волостям и деревням в качестве исходных придется взять сведения 1625 г., так как за 1593 г. по этой группе татар Тарского уезда данные явно преуменьшены, или, может быть, не являются полными.

По барабинским волостям (Бараба, Тураш, Любай, Тунус, Чой, Терепя) тоже пришлось, за неимением других, взять в качестве исходных данные 1625 г., за исключением волости Тунус, о которой известно, что в ней было в 1595 г. 40 мужчин [5], а не 31, как в 1625 г.

На численности тарских татар сказывались следующие события. В 1610 г. несколько татар Тарского уезда сбежало к калмыкам, приходившим под самую Тару [6]. В 1625 г. «белые калмыки» коурчаки убили в Барабе двух плательщиков ясака [7]. В 1628—1629 гг. произошло восстание и массовый уход тарских татар в степи к калмыкам и кучумовичам [8]. В 1631 г. калмыки-чоросы, внук Кучума Девлеткирей и тарские изменники разгромили Саргачскую и Коурдакскую волости [9]. В 1634 г. калмыки разрушили татарские деревни под Тарой [10]. В 1636 г. в волости Тураш калмыки убили пять плательщиков ясака [11]. К 1671 г. выяснилось, что шесть барабинцев побили калмыки в 1660 г. [12], и т. д. Рост населения к 1691 г. и позже объясняется не только естественным приростом населения, но и «выходом из степей» и, вероятно, уточнением учета.

Численность юртовских служилых татар в Тарском уезде изменялась следующим образом: в 1626 г. их было 57, в 1691 г.— 65 и в 1701 г.— 84 [13]. Мы будем ниже причислять тарских служилых татар к Аялынской волости.

Выше мы рассматривали волости Тарского уезда по четырем группам: Саргач, Коурдак, Аялы и Бараба. Выделение Коурдака и Аялы в объяснении не нуждается. Волости Тав, Отуз, Тав-Отуз и Я-Иртиш, а также деревни Котлубахтину и Тебендю мы объединяем с волостью Саргач по следующим соображениям. Уже из табл. 13 видно, что некоторые из этих волостей и деревень объединялись в ясачных книгах. Кроме указанных в таблице объединений, встречались еще объединения волостей Тав-Отуз, Я-Иртыш и дер. Котлубахтиной; Саргач и дер. Тебенди. В ясачных книгах имеются также указания, что дер. Тебендя входит в Саргачскую волость. Миллер сообщает, что глава городка Тебенда был потомком ишимского хана Сартачика [14]. При этом надо иметь в виду, что названия волостей Тав (ср. приток Ишима Тав) и Я-Иртиш (ср. название оз. Ян-Иртыш) чисто территориальные, так же как и название Ишим-томак («Ишима-устье»), которым называли основную часть Сартачской волости, очевидно для того, чтобы показать, что эта группа представляет все же не всю Саргачскую волость, а лишь ту ее часть, которая живет в устье Ишима. Также и название Отуз («тридцать»?) является в настоящее время названием дер. Утуз на Иртыше в этом же районе. Название дер. Котлубахтиной (Котлу-

[5] См. там же, стр. 370.
[6] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 33.
[7] См. там же, стр. 580 (примечание А. И. Андреева).
[8] См. там же, стр. 97—98, 343—344, 358—359, 387—390, 447.
[9] См. там же, стр. 102, 381—385, 394.
[10] См. там же, стр. 107.
[11] ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 417 об.
[12] Там же, кн. 548, л. 182.
[13] Там же, кн. 11, лл. 402—403; кн. 995, лл. 71—74; см. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 163.
[14] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 259.

бахтыевой) происходит от собственного имени плательщика ясака Котлубахты Суюлдюкова, возглавлявшего эту деревню в 1624 г.

То, что волость Саргач (Ишим-томак) и дер. Тебендя составляют одну территориально-этнографическую группу, несомненно. Вполне вероятно, что волости Отуз, Тав-Отуз, Тав, Я-Иртиш и дер. Котлубахтина образуют другую такую группу. Еще по переписи 1897 г. отмечены отдельные татарские волости — Саргачская в районе устья Ишима и вверх по последнему и Тав-утузская, включавшая, в частности, дер. Утуз, по Иртышу, вверх от устья Ишима, немного не доходя устья Туя, там же, где эти волости находились и в XVII в. Мы склоняемся к тому,чтобы рассматривать обе эти группировки, и собственно саргачскую, и тав-отузскую, с примыкающими к ним волостями и деревнями в качестве одного племени приртышских татар. Это племя восходит, очевидно, к племени Он-Сомхана, жившего якобы когда-то в устье Ишима в городке Кизыл-тура (Красном городе), и его преемникам Иртышаку и затем Саргачику [15]. На карте все это племя Саргач мы показываем одним контуром, но выделяем надписями входящие в него вышеназванные группы.

По нашему мнению, одно племя татар составляет и Бараба с примыкающими к нему группами Тунус, Тураш (Кулеба), Любай, Чой, Тереня и др. Миллер так характеризует Барабинскую волость: «Волость Бараба имела всегда преимущество перед всеми остальными волостями из-за знатности живших там людей, а также из-за числа ее жителей. Поэтому татары называют ее Улу-Бараба, и вся местность между Иртышом и Обью получила у русских название Барабы и Барабинской степи, а все прочие тамошние волости названы по ее имени Барабинскими волостями. Говорят просто: «ехать Барабою» или через «Барабу»... Теренинскую волость иногда присоединяли также к первой и таким образом говорили: путь «через Барабу и Теренью» [16].

Поэтому мы всю эту группу волостей будем рассматривать как одно племя, но из-за обширности территории, которую занимали барабинские волости, на карте не только покажем малые Барабинские волости надписями, но и попытаемся выделить их территории. Это надо сделать также

Таблица 14

Численность коренного населения Тарского уезда

Племенная группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Рубеж XVII—XVIII вв.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Саргач	159	640	157	630	190	760
Коурдак . . .	350	1400	195	780	191	760
Аялы	500	2000	253[17]	1010	282[17]	1130
Бараба	253	1010[18]	157	630	212[19]	850
«Калмыки»-коурчаки . .	—	—	—	—	110	440
Всего . .	1262	5050	762	3050	985	3940

[15] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 490.
[16] Там же, стр. 297.
[17] Со служилыми татарами.
[18] Без карагалинских татар и поправок по волостям Тунус и Чой. См. табл. 15.
[19] С карагалинскими татарами.

потому, что волость Тереня в качестве более или менее самостоятельной группировки упоминается и в Тарском и в соседнем Томском уезде.

В табл. 14 отражено изменение численности коренного населения Тарского уезда в течение XVII в. по четырем племенным группировкам, описанным выше.

Подразделениями волостей в Тарском уезде были деревни. Маленькие волости совпадали с деревней. Например, в Саргачской группировке, помимо названных выше деревень и волостей, известны еще лишь две деревни — Аксипова и Улу-бурен. Таким образом, в этой группировке племени татар в 1625 г. было всего девять деревень (в скобках указано число плательщиков ясака): Ишим-томак [20] (31), Тебенда (26), Аксипова (10), Котлубахтыева и Улу-бурен (13), Тав (11), Я-Иртиш (7), Тав-Отуз (32), Отуз (13). Кроме того, два захребетника Саргачской волости жили вверх по Ишиму.

В волости Коурдак известно 13 деревень: Кова, или Кау (10), Кочеук (15), Сартаул (14), Ош-томак (9), 2-й Ош-томак (15), 1-й Аю (15), Байгильдеева (5), Теткешова (24), 2-й нижний Аю (14), Ташьетканова (11), Икъир (29), Людемак (14), нижний Коурдак (36)[21].

В волости Аялы известно 15 деревень: Верхний Тунус (6), Кетешева (3), Кошбахтина (17), Бергомак (28), Абай-томак (11), Сеиткулова (16), Чеплярева (31), Тар-томак (23), Рухлерь (13), Буксунова (13), Буян (8), Большая (23), Байгильдеева (15), Уй-томак (6), Ашут (3).

В волости Бараба известно 10 деревень: Сарыбекбулатова (18), Бекбулатова (8), Мумракова (13), Кугутаева (30), Сергулова (14), Иргеева (18), Красный яр на Оми реке (7), Саурикамова (2), Елызакова (3), Колтаева (3). Волость Тереня образовывала одну деревню (28). В волости Чой было две деревни: Сулбуева (16) и Икульская (1). В волости Тураш (Кулеба) было шесть деревень: Ельбаева (10), Ачимовская (4), Байбохтина (4), Иткурюколская (3), Толубаевская (10), Бахманова (3). В волости Любай было три деревни: Саболина (8), Ахматовская, или Шоккулина (12), Майдарова (8). В волости Тунус тоже было три деревни: Чок (17), Будалина (8), Чичакова (6).

Все названия этих деревень имеют или территориальное происхождение или происходят от имен возглавлявших их лиц, иногда называемых есаулами и редко князцами.

В Тарском уезде уже в первой половине XVII в. жили «бухарцы», т. е. выходцы из Средней Азии. Вначале их было немного, всего 21 трудоспособный мужчина, но позже, к 1672 г. их уже было 53 двора (всего более 200 чел. населения). Мы на карте их особо не выделяем (они жили в пределах Аялынской волости), но показываем в итоговой таблице этнографического состава и численности населения Тарского уезда.

Нанесение территорий тарских волостей на карту облегчило то обстоятельство, что все они сохранились до конца XIX в. В некоторых волостях тарских татар, по переписи 1897 г., и деревни сохранили те же названия, какие у них были в XVII в. Например, в Коурдакской волости из 13 деревень, бывших в этой волости в 1625 г., к 1897 г. сохранилось девять с такими же названиями и т. д.

При определении общих внешних границ Тарского уезда в XVII в. приняты во внимание границы Тарского округа Тобольской и Каинского округа Томской губерний конца XIX в., в которые входили все татарские волости, бывшие в Тарском уезде в XVII в.

---

[20] Томак — значит устье.

[21] Миллер ошибочно считает, что волость Коурдак была самой нижней по Иртышу во всем Тарском уезде (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 291). В действительности самой нижней волостью была Саргач.

Таблица 15

Этнографический состав коренного населения Тарского уезда

Племенные группы, крупные роды	Число деревень и городков	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Татары					
Саргач	3	1625	72	290	Саргатская волость Тарского округа
Я-Иртиш	2	1625	20	80	Тав-Утуаская волость Тарского округа
Отуз	—	1625	24	100	
Тав	—	1625	11	40	
Тав-Отуз (Куллары)	—	1625	32	130	
Итого Саргач			159	640	
Коурдак	13	1593	350	1400	Коурдакская волость Тарского округа
Аялы	15	1593	400	1600	Аялынская волость Тарского округа
Юртовские татары	Св. нет	1593	50	200	
«Малогородцы»	2	1593	50	200	В 1595 г. убежали в степь к Кучуму
Итого Аялы			500	2000	
Бараба и кирпики	10	1625	116	470	Барабинская волость Каинского округа
Тунус (Чангула, Лугуй)	3	1595	40	160	Тунужская волость Каинского округа
Тураш (Кулеба)	6	1625	33	130	Туражская волость Каинского округа
Любай	3	1625	28	110	Любейская волость Каинского округа
Карагала	Св. нет	1707	37	150	Каргалинская волость Каинского округа
Чой	2	1678	22	90	Чойская волость Каинского округа
Тереня	Св. нет	1625	28	110	Терепинская волость Тарского округа
Итого Бараба			304	1220	
Бухарцы	—	1622	21	80	Бухарская волость Тарского округа
Всего			1334	5340	

В Аялынской волости на карте отдельно показаны вышеупомянутые «малогородцы». Известно, что в Малогородской волости находились Черный городок и Вузюково озеро, которое Миллер отождествляет с оз. Большим, расположенным близ Иртыша, выше Татмыцкой слободы. (Очевидно, это оз. Большие Мурлы выше с. Такмык в Большерецком районе Омской области). Известно также, что Малый городок находился у этого Вузюкова озера, а Черный городок — на Иртыше, ниже Черполуцкой слободы, в 40 *км* от нее [22].

Карагалинские татары, насколько нам известно, появляются в ясачных книгах Тарского уезда с 1691 г. (как захребетные), а под названием карагалинские — с 1701 г. В 1897 г. в Каинском округе Томской губернии имелась Караталинская волость, расположенная в верховьях р. Тартаса. По-видимому, карагалинские (может быть, карагайлинский) татары занимали большую территорию в верховьях рек Тары и Тартаса, по соседству с нарымскими селькупами. В ясачных книгах 1701 и 1707 гг. часть их (23 чел.) записана под заголовком «С карагайлинских с порушных татар», а остальные — «Барабинской и Чойской волостей с порушных татар» [23]. По-видимому, эта группа первоначально или совсем ускользала от обложения ясаком, или облагалась им в составе других волостей. Мы все же показываем Карагалинскую волость в итоговой табл. 15, несмотря на ее позднее появление в ясачных книгах [24].

В этой таблице даны также отдельно служилые юртовские татары (их численность к приходу русских условно определена в 50 мужчин) и «малогородцы» (численность обоих этих групп вычтена из численности плательщиков ясака Аялынской волости за 1593 т.).

Что касается «калмыков»-коурчаков, то они в итоговой таблице не учтены и на карте не показаны. Они кочевали в Тунусской, Любайской, Турашской (Кулебинской) и Барабинской (на Сартлане-озере) волостях. Но в ясачных книгах за 1701 и 1707 гг. в отношении калмыков-коурчаков есть такие записи: «В прошлых годех многих их взял к себе сильно тайша Кокон и калмыки эти от него розбежались». Мы даже не можем сказать с уверенностью, «белые» ли это или «черные» калмыки, т. е. тюрки или монголы. Что касается «приезжих остяков», то они зарегистрированы в Аялынской волости. Вероятно, это выходцы из Васьюганья. Один из этих остяков в 1700 г. сбежал еще дальше от своих васьюганских болот и лесов — в степь.

Все татары Тарского уезда были скотоводами и коневодами. Они промышляли в больших масштабах также охотой и рыболовством. Занимались татары Тарского уезда, по крайней мере аялынские, и земледелием, но в относительно небольших масштабах. В итоговой табл. 15 приведен родоплеменной состав населения Тарского уезда в XVII в.

Тав-Отузская волость соответствовала, вероятно, позднейшей дер. Куллары. Тураш и Кулеба были, видимо, две разные волости, слившиеся в одну. Волость Тунус так называлась по ее «городку» (вероятно, это и был так называемый «Мерзлый городок»). Она называлась также Чангулой — по имени возглавлявшего ее мурзы. Волость Лугуй, находившаяся, по предположению Миллера, на оз. Угуй, слилась с волостью Тунус. Волость Кирпики называлась по имени своего есаула. Она затем вошла в состав Барабы как одна из ее деревень (см. выше).

---

[22] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 294—295, 367, 476, 501.

[23] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1301, лл. 247, 248; кн. 1487, лл. 22—23.

[24] Надо также заметить, что Миллер один раз упоминает Карагалинскую волость вместе с Чойской и Теренинской как волости, вошедшие в состав Тарского уезда в конце XVI в. (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 297). Хорошее описание расселения волостей тарских татар дано у Радлова (W. Radloff. Aus. Sibirien. Bd. 1. Leipzig, 1884).

Глава VI

ТОБОЛЬСКИЙ УЕЗД

Столица русской Сибири XVII—XVIII вв. г. Тобольск был основан против устья Тобола на р. Иртыше в 1587 г. письменным головой Данилой Чулковым, по соседству с прежней татарской столицей Сибири Кашлыком (Искером). Поход Данилы Чулкова, одного из основателей Тюмени (см. гл. IV), был совершен по прямому указанию из Москвы и имел целью закрепиться в центре татарских владений в Западной Сибири. Базой похода Чулкова служила Тюмень, куда специально для этого похода было дополнительно прислано 500 служилых людей. В 1588 г. Чулков взял в плен и отправил в Москву хана Сейдяка, соперника Кучума, сумевшего после бегства последнего на некоторое время возглавить Сибирское ханство. В 1590 г. в Тобольск прибыл первый воевода, князь В. В. Кольцов-Масальский, и Тобольск перестал подчиняться Тюмени, превратившись в самостоятельный уездный город Сибири.

В начале территория Тобольского уезда охватывала, помимо низовьев Тобола, все русские владения по Иртышу, Оби Тавде и Конде. Но с постройкой в 1593 г. Пелыма и Березова, а в 1594 г. Сургута и Тары площадь Тобольского уезда значительно сократилась.

Перейдем к рассмотрению коренного населения Тобольского уезда в тех его границах, которые определились примерно к началу XVII в. Следует, однако, заметить, что в дальнейшем в Тобольский уезд перешли из Пелымского уезда волости Меньшая (Малая) Конда (1629 г.), Большая Конда и Леуши (1674 г.), Табаринская (1706—1711 гг.); из Березовского уезда — Кодские городки, Белогорская, Ендырская, Ястыльская (около 1677 г.); из Сургутского уезда — Темличеева и Салымская (Салинская?). Все эти группы населения, за исключением Малой Конды, мы показываем в соответствующих вышеназванных уездах. Малая Конда отнесена нами к Тобольскому уезду потому, что расположенная выше ее по Конде волость Юконда издавна числилась в Тобольском уезде. Если бы мы Юконду показали в Тобольском уезде, а Малую Конду — в Пелымском, то получилась бы совершенно невероятная конфигурация границ между этими уездами. По этим и ряду других соображений мы Малую Конду показываем вместе с Юкондой в составе Тобольского уезда, в который Малая Конда входила и первоначально — в 1590—1593 гг.

В тех границах, которые определены нами выше, Тобольский уезд занимал территорию вдоль Иртыша вниз от устья Ишима до района устья Конды, низовья Конды, низовья Тобола, вниз от района устья Тавды, и низовья Тавды. Между Тоболом и Иртышом в пределы Тобольского уезда входили также низовья Вагая. Река Демьянка почти вся находилась в пределах Тобольского уезда.

Население Тобольского уезда состояло из остяков (хантов) и татар. В табл. 16 приводится список ясачных волостей Тобольского уезда с данными об изменении в них численности плательщиков ясака за ряд лет XVII и начала XVIII в.

Первые 18 волостей, указанные в табл. 16, являются татарскими, остальные девять — остяцкими или (Юконда) вогульскими.

Таблица 16

Численность плательщиков ясака Тобольского уезда [1]

Волости	Год													
	1629	1630	1631	1644	1652	1660	1671	1674	1679	1691	1700	1703	1707	1717
Ясколба и Лоймытомак	54	54	54	85	95	121	136	137	144	143	199	195	209	215
Вачиер	18	18	18	13	9	16	17	16	14	10	18	14	11	19
Аремзян	17	17	17	22	19	25	29	30	31	20	29	34	34	32
Карбина и Ук	28	28	28	34	25	37	32	31	30	19	36	34	35	26
Би-туртас, Кул-туртас и Уват	43	43	43	64	50	56	75	81	101	80	104	106	107	85
Надцы	56	56	56	56	56	69	81	76	91	69	106	102	113	80
Лобутан	1	1	1	2	4	6	7	9	6	3	9	9	8	4
Калыма	10	10	10	9	10	18	30	30	29	34	46	48	57	47
Кошуки	85	85	85	93	88	106	133	131	122	102	152	143	133	123
Ашла (Лаймы)	12	12	12	11	13	18	19	20	24	19	43	46	49	45
Бабасан (на Нерде)	28	28	28	30	36	49	56	57	55	58	90	97	99	90
Бабасан (отдельная)	14	14	14											
Кречатники на Ашле	20	20	20	12	16	31	31	27	25	45	62	66	66	60
Кречатники на Вагае (Капканы)	6	6	6	7	8	8	8	8	8	6	12	14	19	18
Кречатники (без указания места жительства)	11	11	11	6	9	12	12	10	12	8	9	9	8	7
Индерь	14	14	14	12	11	12	10	9	9	8	23	26	27	38
Уват	27	27	27	23	29	28	38	35	31	34	43	41	44	54
Супра	5	5	5	5	3	3	4	2	2	3	2	2	3	2
Назым (Лебоут)	60	60	60	60	57	63	80	79	97	89	110	108	103	82
Демьян	37	37	37	48	49	56	68	68	75	74	93	89	77	67
«Верх Демьянки Митькина»	5	5	5	6	7	8	6	5	4	—	—	—	—	—
«Верх Демьянки Григорова»	9	9	9	13	12	12	16	13	17	13	13	10	11	15
Нарым	56	56	56	63	68	79	102	101	119	101	129	107	96	83
Тархан (Колпугол)	38	38	38	44	44	49	45	47	53	45	92	86	87	73
Цынга	7	7	7	4	5	9	10	10	8	5	16	16	14	9
Юконда	62	62	62	56	65	76	73	65	69	53	89	80	76	58
Малая Конда	41	41	41	52	54	74	81	79	90	80	116	105	95	91
Всего	764	764	764	830	842	1041	1199	1176	1256	1121	1641	1587	1581	1423

[1] Эта таблица составлена по данным следующих книг фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 371—402), 22 (лл. 303—375), 32, ч. I (лл. 1—81), 271 (лл. 9—31), 281 (лл. 12—49), 411 (лл. 11—48), 548 (лл. 14—52), 674 (лл. 8—83), 987 (лл. 50—95), 1376 (лл. 970—989), 1473 (лл. 204—479), 1602 (лл. 2—304), 1598 (лл. 2—283). Данные за 1674 и 1700 гг. заимствованы из труда В. И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв.» (М.—Л., 1946, стр. 95—96). Колпуголскую волость, бывшую в ведении князей Алачевых, мы присоединили к ясачной Колпуголской (Тарханской) волости Тобольского округа.

Из 27 волостей Тобольского уезда три именовались городками (Демьян, Нарым, Кошуки), одна — деревней (Калыма), остальные официально именовались волостями.

В отличие от большинства других уездов Сибири XVII в., численность плательщиков ясака в Тобольском уезде значительно возросла (к началу XVIII в. более чем вдвое). Мы склонны считать, что до начала 60-х годов XVII в. плательщики ясака не были еще полностью учтены, особенно у татар, у которых очень большая часть населения числилась в качестве захребетников служилых татар. Волости Ашла (Лаймы), обе Бабасанские, все кречатники[2] и Индерь, Уват и Супра целиком являлись такими «захребетниками», положенными в ясак. Но нельзя отрицать и естественного прироста коренного населения в XVII в., особенно татарского. Исходя из всех этих соображений, мы решили число плательщиков ясака в Тобольском уезде в начале XVII в. (и ко времени прихода русских, т. е. к концу XVI в.) определить по данным 1660 г., численность же коренного населения Тобольского уезда в середине и конце XVII в. — по данным 1671 и 1700 гг. Данные 1671 г. представляют результат уточнения учета в процессе реформаторской деятельности воеводы П. И. Годунова в 1667—1670 гг., и можно считать, что они отражают действительную численность плательщиков ясака.

Но, кроме плательщиков ясака, в Тобольском уезде жили служилые татары и бухарцы, ясака не платившие. Служилых татар в 1660 г. числилось 257, в 1707 — 260; трудоспособных бухарцев-мужчин в 1631 г. числилось 59, в 1686 г.— 44[3].

Тюркоязычное (татарское) население Тобольского уезда (не считая бухарцев) можно разделить на две большие части: на юртовских служилых татар с примыкающими к ним волостями их бывших захребетников, занимавших южную часть уезда, и остальных татар, вероятно отатарившихся вогулов и остяков, живших в северной части уезда по соседству с вогулами и остяками[4]. Их волости Кошуки, Ясколба и Вачиер, очевидно, по своему происхождению были связаны с пелымскими вогулами (Кошуки с табаринцами, а Ясколба и Вачиер с Кондой), а остальные северные татарские волости, расположенные по Иртышу (Аремзян, Надцы, Карбина и Ук, Би-туртас, Кул-туртас и Уват), представляли южное ответвление прииртышских хантов. Неясно лишь положение Лобутана и Калымы.

В источниках XVII в. все нетатарское население Тобольского уезда считается остяками. В настоящее время жителей волости Юконда считают вогулами (манси), а остальных — хантами. Здесь мы лишний раз видим условность существующего деления обских угров на хантов и манси.

В табл. 17 показано изменение численности плательщиков ясака в Тобольском уезде в течение XVII в.

Как видно из этой таблицы, в Тобольском уезде в течение XVII в. не только возросла общая численность населения, но, что особенно любопытно, хантыйское население увеличивалось быстрее, чем татарское.

При нанесении на карту территорий, занятых разными волостями коренного населения Тобольского уезда, мы в ряде случаев показываем несколько волостей одним контуром. Так, у остяков объединены волость Колпуголская (Тарханская) с той частью волости, которая находилась

---

[2] Кречатниками назывались волости, которые платили ясак не пушниной, а ловчими птицами, кречатами.

[3] См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.— Л., 1941, стр. 549—550, примечание С. В. Бахрушина; В. И. Шунков, Ясачные люди в Западной Сибири XVII века. «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 185.

[4] Исследования В. В. Храмовой показали, что в культуре современных «заболотных» татар (в XVII в. это были волости Ясколба и Вачиер) много черт, сближающих их с хантами и манси (см.: Народы Сибири, М.— Л., 1956, стр. 473—491).

Таблица 17

Численность коренного населения Тобольского уезда

Этническая группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения
Татары . . .	872	3500	975	3900	1243	4970
Бухарды . . .	59	240	44	180	70[5]	280
Остяки	426	1700	481	1920	658	2630
Всего . .	1357	5440	1500	6000	1971	7880

в ведении кодских князей Алачевых, а городок Демьян объединен с двумя верхнедемьянскими волостями — Митькиной и Григоровой.

Объединение в наших материалах обеих частей Колпуголской волости в комментариях не нуждается. Демьянский городок, находившийся на Иртыше несколько ниже устья Демьянки, мы объединили с демьянскими волостями, расположенными вверх по этой реке, исходя из предположения, что для многочисленного населения Демьянского городка нужна была и соответствующая промысловая территория. Можно предполагать поэтому, что обширные пространства бассейна Демьянки осваивали не одни малочисленные жители верхнедемьянских волостей, но и жители Демьянского городка. Общее название всех этих административно-податных единиц и р. Демьянки, восходящее к имени остяцкого князца Нимняна (Нимньюяна), подтверждает это предположение, хотя надо иметь в виду, что, по мнению С. В. Бахрушина, городок Демьян во времена похода Ермака возглавлял особый князец Бояр, а Нимньюян возглавлял лишь верхнедемьянские волости[6].

У татар Тобольского уезда мы показываем одним контуром волость Лобутан и дер. Калыму, а другим — обе Бабасанские волости. В случае с Лобутаном и Калымой мы имеем выделение господствовавшей в прошлом в деревне семьи «князя» Лобутана, по имени которой называлась вся волость, в отдельную административную единицу. Все остальное население образовало другую административную единицу. Конечно, не имеет смысла показывать отдельно семью Васьки Лобутанова, из которой одно время состояла вся эта «волость». Да и в дальнейшем «волость» Лобутан была малочисленнее дер. Калымы. Что касается Бабасанских волостей, то их разделение произошло уже после прихода русских и показывать отдельно эти вновь образованные волости нет основания.

Надо указать, что русская администрация в Сибири в начале XVII в. сама объединила ряд туземных волостей Тобольского уезда. Так, к 1629 г. Би-туртас, Кул-туртас и Уват были объединены в одну волость, Ясколба и Лоймы-томак (т. е. «Устье Лоймы») — в другую, Карбина и Ук — в третью[7].

Нанесение на карту волостей, городков и деревень Тобольского уезда не представило особых затруднений. Даже на современных картах мы находим с. Конпукское на Тавде, р. Калыму (приток Тавды), дер. Бабасан

[5] Цифра ориентировочная.

[6] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937, стр. 490, примечание С. В. Бахрушина.

[7] См. В. И. Шунков. Ясачные люди в Западной Сибири XVII века. «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 188—189.

Таблица 18

Этнографический состав населения Тобольского уезда

Этнические, племенные и родовые группы	Подразделение племен и родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Остяки (ханты и манси)					
Назым (Лебоут)	Св. нет	1660	63	250	Назымская волость Тобольского округа
Демьян	Городок Демьян. волости Митькина и Григорова	1660	76	300	Верхнедемьянская волость Тобольского округа
Нарым	Св. нет	1660	79	315	Нарымская волость Тобольского округа
Цынга	—	1660	9	35	
Колпугол (Тархан)	Св. нет	1660	49	200	
Малая Конда	»	1660	74	300	Меньшекондинская волость Тобольского округа
Юконда	»	1660	76	300	Кондинская волость Тобольского округа
	Итого . . .		426	1700	
Татары (и «бухарцы»)					
Юртовские	Св. нет	1660	257	1030	Городовая и другие волости Тобольского округа
Бабасан	Две деревни . .	1660	49	200	Бабасанская волость Тобольского округа
Лаймы на Ашле	— . . .	1660	18	70	В разных волостях Тобольского округа
Кречатники на Ашле	— . . .	1660	31	120	
Капканы на Багае	— . . .	1660	8	30	
Кречатники	— . . .	1660	12	50	Кречетинская волость Тюменского округа
Индерь	— . . .	1660	12	50	В разных волостях Тобольского округа
Уват	— . . .	1660	28	110	
Супра	— . . .	1660	3	15	
Ясколба и Лоймы	Св. нет	1660	121	480	Эскалбинская волость Тобольского округа
Томак					
Вачпер	— . . .	1660	16	65	
Аремзян	—	1660	25	100	Надаинская волость Тобольского округа
Надцы	Св. нет	1660	69	280	
Карбина и Ук	Две деревни . .	1660	37	150	
Уват, Би и Културтас	Три деревни . .	1660	56	225	Уватская волость Тобольского округа
Кошуки	Св.нет	1660	106	425	Кошукская волость Туринского округа

Таблица 18 (продолжение)

Этнические, племенные и родовые группы	Подразделение племен и родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Лобутан и Калыма	Две деревни . .	1660	24	100	Калымская волость Тюменского округа
Бухарцы	— . . .	1631	59	240	Бухарская волость Тобольского округа
	Итого . . .		931	3740	
	Всего . .		1357	5440	

на Тоболе и речку Нерду (приток Тобола). У Иртыша есть приток Аремзянка, на котором стоят села Верхний и Нижний Аремзян. Ниже по Иртышу расположена дер. Надцы, а за ней Карбина и Уки. За Уками находится устье Туртаса и с. Уват, далее — Лебоут, а за ней устье р. Демьянки и с. Демьянское. Еще ниже по Иртышу находилась на рубеже XIX и XX вв. Нарымская волость, в состав которой входили Цингалинские юрты на Иртыше. На современных картах сел. Цынга обозначено к востоку от Иртыша, в бассейне р. Кеум, притока Демьянки. Наконец, близ устья Конды на Иртыше находились Колпуховские юрты, в которых мы можем видеть преемника Колпуголской (Тарханской) волости. Известно, что Малая Конда была расположена в низовьях р. Конды [8]. Волость Юконда охватывала большую часть бассейна р. Юконды, а центр ее, Нахрачи, находился на самой Конде. Названия Ясколба, Вачиер (Ачиры) и Лоймы-Томак сохранились и на современных картах в верхней части бассейна р. Носки, притока Иртыша. Известны Ескальбинские болота между Иртышом и Кондой [9]. Река Супра впадает в Иртыш выше Вагая. Озеро Уват находится к западу от устья Ишима, сел. Индерь — на Вагае, а сел. Лаймы — на р. Ашле.

Здесь же на Вагае и Ашле жили кречатники. Что касается юртовских служилых татар, то мы их показали на всем незанятом перечисленными волостями пространстве в районе впадения Тобола в Иртыш и вверх по Иртышу до границ Тарского уезда. На этой территории был построен г. Тобольск, здесь же находились татарские городки Сузгун, Бицик, Чувашев, Аттиков, Ебалаков, Карачев, часть которых сохранилась до настоящего времени в виде юрт Соусканских, сел Бизина, Абалак, Карачина. Можно вслед за С. В. Бахрушиным считать, что тобольские служилые татары — это прямые потомки господствовавшего татарского ядра Сибирского царства.

Указанное выше расположение волостей по Тавде и Иртышу хорошо соответствует описаниям походов Ермака и особенно его сподвижника Богдана Брязги, ходившего в 1582 г. к остякам вниз по Иртышу [10].

При нанесении контуров территорий волостей на карту мы использовали также старые уездные границы и позднейшие данные о землепользо-

[8] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 554, примечание А. И. Андреева.

[9] См. там же, т. I, стр. 231, 235—236.

[10] См. там же, стр. 240—247, 259—262.

вании разных групп коренного населения б. Тобольского уезда. В некоторых случаях подобных данных все же не хватало. Нельзя быть уверенным, например, в том, что бассейн Демьянки осваивали лишь обитатели Демьянского городка и обеих верхнедемьянских волостей и т. д.

В сводной табл. 18 показан родоплеменной состав населения Тобольского уезда.

О родоплеменных группировках остяков и татар Тобольского уезда трудно сказать что-либо определенное. Несомненно, какое-то этнографическое единство представляли юртовские татары со своими захребетниками. Другое единство, вероятно, образовывали прииртышские остяки (ханты), остяки с Демьянки и Малой Конды.

Часть волостей Тобольского уезда представляли, видимо, как мы уже указывали, оторвавшиеся от своих племенных объединений группы обских угров, подвергшихся татарскому влиянию. Такие раздробленные группы, осколки племен, очень типичны на стыке крупных, господствующих этнических образований с более отсталой периферией, принадлежащей к другой этнолингвистической общности. Обычно эти мелкие оторвавшиеся от своих племен группки жестоко эксплуатировались господствующим элементом их более многочисленных, экономически более сильных и культурных соседей и постепенно ассимилировались, как это имело место и в данном случае.

Такие же явления мы ниже увидим в местах соприкосновения енисейских киргизов с их окружением и в области расселения западных бурят и их киштымов (данников).

Что касается вопроса о том, представляли ли в Тобольском уезде отдельные волости, деревни, городки родовые или территориальные общины, то определенных данных об этом нет, но, вероятно, здесь уже преобладали общины территориального типа.

Как известно, часть сибирских татар в конце XVII в. ушла в степь вместе с Кучумом. В 1598 г. было «в собранье... с Кучюмом» 500 человек» [11]. Мы знаем, что в решительной битве 20 августа 1598 г. на р. Оби погибло около 370 сторонников Кучума, после чего с Кучумом осталось еще человек 30, да 30 членов семьи Кучума (в том числе 16 женщин) было взято в плен [12]. Кроме того, у оз. Ик жило около 30, а в одном-двух днях пути от становища Кучума кочевало еще 20 семей его людей [13]. Если считать, что в этих 50 семьях было по пяти человек, то получится, что с Кучумом перед его окончательным разгромом было около 630—640 чел., да еще около 50 бухарских торговцев [14]. Из осторожности можно предположить, что в степи было в разных местах еще 300—400 татар, ушедших после прихода Ермака. Таким образом, общую численность населения, ушедшего в степь с Кучумом, можно определить примерно в 1000 чел. Эта цифра подтверждается также тем, что в дальнейшем у кучумовичей было очень немного бойцов из собственно сибирских татар и силы их состояли главным образом из башкир и калмыков. Можно, следовательно, считать, что к приходу русских при Кучуме сибирских татар было примерно на 1000 чел. больше, чем в начале XVII в.

Но при этом надо иметь в виду, что Кучум был по происхождению среднеазиатский шейбанид и когда он захватил Сибирское царство, в его войске, вероятно, были и выходцы из Средней Азии. Поэтому есть осно-

---

[11] См. В. С. Синяев. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году. Вопросы географии Сибири, сборник 2. Томск, 1951, стр. 144—145.

[12] Там же, стр. 148.

[13] Там же, стр. 144—145.

[14] Там же.

вания предполагать, что когда разбитый Ермаком Кучум бежал в степь, то его сопровождали в основном те же люди, которые пришли с ним из Средней Азии, а не коренные сибирские татары.

Занимались тобольские татары, помимо скотоводства, земледелием, но в очень скромных размерах, едва ли обеспечивавших потребности самого татарского населения. Наряду с этим тобольские татары промышляли рыболовством и охотой. Охотясь по Ишиму, Вагаю и Тоболу, они заходили довольно далеко на юг.

Уже в 30-х годах XVII в. и русские продвинулись в степь. В 1632 г. передовая русская застава находилась у оз. Белого, в шести днях езды от Тобольска.

Тобольские остяки занимались главным образом рыболовством и охотой. Самые южные группы их, по-видимому, имели в небольшом количестве лошадей и крупный рогатый скот.

Глава VII

БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД

Березовский уезд вместе с Мангазейским (см. гл. XIII) и Якутским (см. гл. XIX) являлся одним из трех северных сибирских уездов, частично расположенных в полосе тундры. Город Березов был построен в 1593 г. воеводой Никифором Траханиотом на левом берегу р. Сосьвы у устья речки Вогулки, на месте остяцкого городка Сугмут-ваш. Березовский уезд включал остяцкое (хантыйское) население Оби вниз от устья Иртыша, осняков по притокам Оби Сосьве, Казыму, Куновату и другим, а также самоедов (ненцев) в низовьях Оби. по Пуру, на полуострове Ямал, в районе Обской и Тазовской губ. Население басейна Сосьвы в настоящее время считается вогулами (манси), но в XVII в. в отношении его употреблялось лишь лазвание остяки.

Кроме сбора ясака с остяков и самоедов, на администрацию Березовского уезда была возложена задача сбора таможенных пошлин со всех едущих из Европейской России в Сибирь и обратно различными северными путями. Для этой цели в Березовском уезде существовало три заставы: Обдорская, Собская, Киртасская. Четвертая застава — на волоке между реками Мутной и Зеленой на южном Ямале — должна была с 1619—1620 гг. препятствовать пользованию северным морским путем.

По своей территории Березовский уезд был одним из самых крупных и уступал в этом отношении лишь Якутскому и Мангазейскому.

В состав Березовского уезда входило и так называемое Кодское княжество. Оно состояло из собственно Коды («Кодских городков»), Ендырской волости и Васпуколской волости в Березовском уезде, части Ваховской волости в Сургутском уезде и части Колпуколской (Тарханской) волости в Тобольском уезде. Последние два владения кодских князей нами рассматриваются в главах VI и VIII. Остяки, составлявшие население Кодских городков, до 1644 г. ясака не платили, а несли военную службу. Остяки Ендырской, Васпуколской и других волостей платили ясак, но не в царскую казну, а кодским князьям Алачевым. Поэтому до 1645 г. нет данных о численности плательщиков ясака в Коде, Ендырской и Васпуколской волостях за исключением 1631 г. (см. ниже).

Мы будем рассматривать Кодские городки, Ендырскую и Васпуколскую волости в составе Березовского уезда без всяких оговорок, хотя до 1644 г. эти группы остяков фактически в ведении администрации Березовского уезда не состояли.

Небольшая часть остяков другой волости Березовского уезда, Белогорской, с 1610 г. была причислена к Сургутскому уезду [1]. Но мы показываем Белогорскую волость всю целиком в Березовском уезде.

[1] В Сургутский уезд из Белогорской волости перешел Муалымский городок в устье Иртыша.

Таблица 19

Численность плательщиков ясака Березовского уезда[2]

Волость	Год															
	1629	1630	1631	1634	1636	1642	1645	1651	1660	1662	1671	1680	1691	1695	1701	1712
Казым	119	118	118	121	136	147	137	150	178	190	173	209	221	235	158	170
Обдор	144	143	143	164	163	186	161	226	227	225	306	308	371	390	353	439
Куноват	105	103	103	109	125	138	118	150	184	198	216	271	284	310	276	318
Сосьва	292	290	290	325	330	277	312	400	427	444	384	439	429	455	386	338
Естыл						53					73	83	62		52	47
Ляпин	149	146	146	147	156	160	148	209	232	234	214	244	251	259	243	276
Белогорье	82	76	76	82	79	84	88	116	93	83	72	83	84	(84)	(84)	127
Подгородная	40	40	40	56	57	58	51	61	110	128	126	132	114	181	89	117
Итого	931	916	916	1004	1046	1103	1015	1312	1451	1502	1564	1769	1816	1914	1641	1832
Кода	Св. нет	Св. нет	425	Св. нет	Св. нет	Св. нет	396	428	536	414	575	651	627	Св. нет	617	725
Ендыр	»	»	63	»	»	»										
Васпукол	»	»	9	»	»	»	10	12	11	5	13	18				
Итого			497	—	—	—	406	440	547	419	588	669	627	—	617	725
Всего			1413	—	—	—	1421	1752	1998	1921	2152	2438	2443	—	2258	2557

[2] Эта таблица составлена по данным следующих книг фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 682—712), 22 (лл. 643—675), 32, ч. 1 (лл. 246—312), 57 (лл. 286—322), 71 (лл. 589—749), 154 (лл. 377—502), 177 (лл. 329—363), 260 (лл. 239—270), 411 (лл. 331—358), 442 (лл. 187—210), 548 (лл. 203—215), 761 (лл. 64—76), 1008 (лл. 26—43), 1095 (лл. 106—127), 1305 (лл. 13—34), 1580 (лл. 62—71). Данные по Коде, Ендырю и Васпуколу за 1631 г. заимствованы из работы С. В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв.» (см.: С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 117, 120).

С 1668 г. из Березовского уезда перешли в Тобольский Кодские городки, Ендырская, Белогорская и Ястылская волости. Но мы эти группы хантов будем условно рассматривать в составе Березовского уезда в течение всего XVII в.

Сведения об остяках и самоедах Березовского уезда носят весьма различный характер. Поэтому нам придется сначала исчерпать наши данные об остяках (хантах) Березовского уезда и затем уже отдельно рассмотреть самоедов (ненцев), плативших ясак березовским служилым людям в Обдорском (Носовом), Войкарском и Юильском городках.

Данные о численности ясачных остяков Березовского уезда за ряд лет XVII и начала XVIII в. приведены в табл. 19.

В Березовском, как и в Тобольском, уезде численность остяков в течение XVII в. довольно быстро возрастала. Но есть основание предполагать, что первое время они не были учтены полностью. Поэтому для определения численности березовских остяков к началу XVII в. мы возьмем данные 1642 г., а для Коды — 1645 г.; для середины XVII в. мы берем данные 1660 г. и для конца столетия — данные 1691 г. Изменение численности березовских остяков в течение XVII в показано в табл. 20.

Таблица 20

Численность остяков Березовского уезда

Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения
1509	6040	1998	8000	2443	9770

В ясачных книгах Васпуколская волость записана всегда такой формулой: «Городка Нангакора да Аспуколской волости, которые были за князем Никифором Алачевым». Поскольку городок Нангакор — это один из основных кодских городков, входящих в собственно Коду (Кодское княжество), то мы его название в табл. 19 опустили. Очевидно, здесь дело в том, что младшая линия князей Алачевых, представителем которой был Никифор Алачев, имела в Нангакоре своих служилых остяков (по данным С. В. Бахрушина, шесть человек [3]), но вряд ли этими остякамп исчерпывалось все население Нангакора. Однако отсюда следует, что данные о численности плательщиков ясака в Васпуколской волости, может быть, включают и несколько (не более шести) человек собственно кодских остяков из городка Нангакора, находившихся до 1644 г. в ведении князя Никифора Алачева. Известно, что в 1594 г. в Васпуколской («Васпалукук») волости было восемь плательщиков ясака [4].

Миллер помещает Васпуколскую волость в 130 *км* ниже Березова на левом берегу Оби[5]. К. Н. Сербина на своих картах, приложенных к изданным в 1937 и 1941 гг. томам «Истории Сибири» Миллера, показывает юрты «Аспугль» выше Березова. Мы думаем, что Васпуколские (Аспуколские) юрты (волость) XVII в. надо отождествить с Васпухолскими юртами на левобережье Оби в бассейне р. Сеул, примерно в 120 *км* от места впадения Иртыша в Обь. Территория этих Васпухолских юрт вплотную

[3] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2, стр. 118.
[4] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, М.— Л., 1937, стр. 361.
[5] См. там же, стр. 285—286.

примыкает к территории других владений кодских князей, в частности к Ендырской волости.

Местоположение остальных остяцких волостей Березовского уезда определяется легко. Почти все их названия происходят от названий географического характера. Реки Казым, Куноват, Сосьва, Ляпин, Ендыр нанесены на всех географических картах. Река Естыл имеется в атласе Ремезова. Известны и такие местности, как Обдор, Белогорье. Совершенно определенно и название Подгородная. Нам известны и названия кодских городков: Нангакор, Низямский, Шоркарские юрты, Килдесянские юрты, Чемашевский юрт, Нарыкорские юрты, Вежакор, Вонжакирские юрты, Карымкарские юрты и Большой и Малый Атлым. В начале XX в. из этих населенных пунктов на картах отмечены: Нангакор, Низямские юрты, Шоркалинское, Чемашевское, Карымкарские юрты, Вежикорские юрты, Большие Атлымские и Малые Атлымские и т. д. Из юрт Ендырской волости XVII в. до настоящего времени сохранились Сухоруковские юрты и др.

Некоторое затруднение вызвало лишь следующее обстоятельство. Волости, называвшиеся по притокам Оби (например, Казым, Куноват), включали в свои пределы части долины самой Оби. Также и волость Ляпин включала в свои пределы низовья р. Сосьвы. Все это удалось установить благодаря спискам населенных пунктов, входящих в ту или иную волость, опубликованным С. К. Паткановым по данным переписи 1897 г. В устойчивости хантыйских поселков мы могли убедиться на примере Коды. Можно предполагать, что так было и в других волостях хантов, и поэтому использование в данном случае для наших реконструкций материалов переписи 1897 г. нам кажется вполне оправданным.

Наибольшие трудности вызвало установление территории Белогорской волости. Вниз по Оби она ограничивалась местоположением Сухоруковских юрт, принадлежавших уже Ендырской волости. Вверх по Оби район устья Иртыша осваивали еще остяки Муалымского городка Белогорской волости [6], но район устья Назыма (Мозыма) осваивали уже остяки Темличеевой (Базьянской) волости Сургутского уезда. Вверх по Иртышу район Самарова осваивать должны были остяки Белогорской волости, так как здесь жил во времена Ермака глава Белогорской волости князь Самар [7]. Однако выше Самарова по Иртышу находится сел. Базьяны, получившее свое название от имени главы Темличеевой волости и еще в 1897 г. входившее в Темличееву волость. Пределы Белогорской волости нами установлены с учетом всех этих обстоятельств.

Что касается социального лица остяцких волостей Березовского уезда, то некоторые из них, за исключением, конечно, таких мелких, как Подгородная, Естылская, Васпуколская, представляли, по-видимому, племена. Это предположение основывается на размерах наиболее крупных волостей, на том, что они иногда соответствовали диалектным группам, являлись единицами общественной организации остяков и возглавлялись обычно аристократическим родом. Вероятно, такие волости-племена распадались на роды, каждый из которых имел свою тамгу, видимо тотемического происхождения. Может быть, и некоторые селения (юрты, городки) соответствовали роду и имели свою тамгу. Так, из 12 кодских городков три имели тамгу с изображением птиц (утки, орла), один — оленя, один — стрелы, пять — скобеля, один — «три рубежки», один — «шайтанский мыс» [8]. В. Н. Чернецев подобрал большой материал о родах и тамгах

---

[6] См. там же, стр. 431—432; С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. II, ч. 2. М., 1935, стр. 89.

[7] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. II, ч. 2, стр. 113, 140.

[8] ЦГАДА, ф. 214, ст. 220, л. 254 об.

обских угров [9]. Но в общем создается впечатление, что у обских угров Березовского уезда даже в XVII в. в качестве общественного объединения на первый план выступало или племя в целом, или территориальное объединение, обособившееся подразделение племени, и только очень редко остяцкие волости XVII в. совпадали с родом.

Все, что мы знаем о хозяйстве березовских остяков в XVII в., заставляет видеть в них таких же рыболовов и, в меньшей степени, охотников, какими они оставались и позже. Но уже в XVII в. остяки в северной части Березовского уезда занимались оленеводством в таких значительных размерах, что самоеды выменивали у них оленей на пушнину. Южная часть приобских хантов, в частности кодские, имела лошадей и коров.

Переходим к самоедам Березовского уезда. В ясачных книгах они разделяются на казымских и обдорских. Последние в свою очередь делятся на собственно обдорских, плативших ясак в Носовом городке (Обдорске), и на плативших ясак в Войкарском городке. Иногда в Обдорском и Войкарском городках платили ясак и довольно значительные группы пустозерских самоедов. Обдорские самоеды — это собственно ненцы, или тундровые ненцы, а казымские самоеды — так называемые лесные ненцы, или цян-хасаво. В XVI—XVII вв. казымские лесные самоеды (ненцы) назывались также «кунной самоядью», очевидно потому, что платили ясак «кунами» (беличьим мехом).

До 1696 г. мы имеем данные о количестве ясака, собранного только с казымских и обдорских самоедов (табл. 21).

Таблица 21

Сбор ясака с самоедов Березовского уезда (в руб.)[10]

Год	Волость		Год	Волость	
	Казымская	Обдорская		Казымская	Обдорская
1629	180,90	111,14	1660	102,20	131,10
1630	185,90	134,55	1662	119,10	185,20
1631	156,00	49,04	1671	145,80	205,40
1634	107,50	116,75	1680	121,60	179,44
1636	105,00	87,24	1691	223,45	239,00
1642	143,35	100,00	1695	197,50	293,80
1645	155,50	83,38	1701	100,05	363,50
1651	156,00	105,00	1712	167,25	301,63

Колебания в количестве собранного ясака объясняются главным образом неполной явкой самоедов к платежу ясака. В ясачных книгах из года в год повторяется по этому поводу одно стереотипное объяснение: «А платят государев ясак казымская и обдорская самоядь не по окладу; хто что ясаку и какою мяхкою рухлядью даст, то у них и емлют. А приезжают самоядь в Казымскую и в Обдорскую волость для торгу в одно время по первому зимнему пути покупают у остяков рыбные запасы и быв в Казымской и в Обдорской волости отъезжают в тундры. И год перед годом самоядь приезжает неровно» [11].

Но иногда в ясачных книгах все же даются и другие объяснения причин уменьшения сбора ясака с самоедов Березовского уезда. Так, умень-

[9] В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. «Советская этнография», т. VI—VII, стр. 159—183.

[10] По тем же ясачным книгам, по которым составлена предыдущая таблица.

[11] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 712 об.

шение сбора ясака с казымских самоедов в 1631 г. объяснено тем, что у них умерло от оспы 25 «лучших людей» и 11 казымских самоедов с ясаком не приезжали, так как уехали куда-то в «дальние места». Также и у обдорских самоедов рода Евасида многие в 1631 г. умерли от оспы, а обдорские каменные самоеды (т. е. кочующие на левобережье Оби) не приезжали с ясаком в Обдорск, потому что слышали, что у остяков голод [12].

В 1634 г. обдорские карачейские самоеды убили 17 казымских самоедов и двух взяли в плен. Шесть казымских самоедов в этом же году жили в Сургутском уезде [13]. В 1654 г. 39 юраков (т. е. самоедов Березовского уезда) платили ясак в Мангазейском уезде [14].

Таковы обстоятельства, влиявшие на платеж ясака самоедами Березовского уезда. Но в целом табл. 21 все же оставляет впечатление, что численность казымских лесных самоедов в течение XVII в. мало изменилась, тогда как численность обдорских самоедов за это же время значительно выросла.

Правда, при этом надо учитывать, что, как мы уже отмечали выше, временами значительное количество обдорских и казымских самоедов платило ясак в Мангазейском уезде.

В 1634 и 1636 гг. в Верхотазском зимовье платило ясак пять человек «юрацкой каменной самояди» [15].

В 1637 г. в Мангазею платило ясак девять человек рода Пяк [16].

В 1651 г. в Мангазее «юрацкая самоядь» заплатила 104 соболя [17].

В 1658 г. в Мангазее юраки заплатили 35 соболей, 145 песцов, 120 оленьих шкур, одну норку и одни пимы, а в Хантайском зимовье — одного бобра и 26 оленьих шкур [18].

В 1662 г. в Мангазее юраки заплатили 24 оленьих шкуры, на Хантайке — семь оленьих шкур [19].

В 1672 г. в Мангазее было заплачено 18 песцов, 80 горностаев и 80 белок; на Хантайке — четыре оленьих шкуры [20].

В 1680 г. в Мангазее с юраков Хынина и Качеева родов было взято 49 песцов и 33 оленьих шкуры [21].

В 1691 г. в Мангазее было взято 87 песцов, два волка, 10 белок, 31 оленья шкура, семь пар пим; на Хантайке — семь оленьих шкур и в Авамском зимовье — три ровдуги и одна лисица [22].

В 1693 г. в Мангазее было взято четыре лисицы, три россомахи, 60 горностаев и 14 оленьих шкур; на Хантайке — 20 песцов [23].

В 1701 г. на Хантайке с 22 юраков было взято 51 песец, один волк и 16 оленьих шкур [24].

В 1703 г. в старой Мангазее было взято 20 песцов, 20 горностаев, 15 постелей; на Хантайке — 19 песцов [25].

Эти данные нами приведены выборочно. Вообще же то или иное количество юраков платило в Мангазейском уезде ясак почти каждый год.

---

[12] Там же, кн. 32, лл. 313—314.
[13] Там же, кн. 57, лл. 323—324.
[14] Там же, кн. 320, л. 74 об.
[15] Там же, кн. 986; кн. 117, л. 478 об.
[16] Там же, кн. 95, л. 175.
[17] Там же, ст. 382, л. 134.
[18] Там же, ст. 572, лл. 97, 98.
[19] Там же, кн. 442, л. 247.
[20] Там же, кн. 561.
[21] Там же, ст. 726.
[22] Там же, кн. 986, лл. 123—147.
[23] Там же, кн. 1050.
[24] Там же, кн. 1293, л. 63 об.
[25] Там же, кн. 1422, л. 212.

Более полные данные о родовом составе и числе плательщиков ясака у самоедов Березовского уезда у нас имеются лишь за 1695, 1701 и 1712 гг.[26] Рассмотрим эти данные сначала по казымским самоедам, предкам современных лесных ненцев (табл. 22).

Таблица 22

Численность плательщиков ясака у казымских самоедов

Род	Год		
	1695	1701	1712
Айвасида	20	18	15
Карсы (Карс)	19	22	24
Недевятковой станицы	27	28	21
Ракай	39	37	47
Ватцыны станицы	22	22	19
Нирямовы Логочи	65	51	42
Всего	192	178	168

Сравнив данные табл. 22 с предыдущей, можно заключить, что лесные казымские самоеды платили ясак из расчета в среднем по рублю с человека в год. В 1701 г. имела, видимо, место массовая неявка к ясачному платежу.

В названии рода Айвасида (он же Евасида) легко узнать название современного ненецкого рода Нгэвасяда (Нгаэващата у лесных ненцев). Но названия остальных пяти родов этнографии неизвестны. По данным Г. Д. Вербова, среди лесных ненцев было четыре рода: Нгаэващата, Пяк, Вэла, Ивши[27]. По переписи 1926—1927 гг. в Сургутском районе в роде Нгаэващата было 82 семьи, в роде Пяк — 55, в роде Вэла — 13, а в роде Еуши — 7. В Самаровском районе в 1926—1927 гг. у лесных ненцев отмечены роды Вэнко (три семьи), Маганы (одна семья), Нечу (пять семей), Ноны (одна семья)[28]. По переписи 1897 г. у самоедов Казымской управы (т. е. у лесных ненцев) отмечены роды Ларку (43 семьи), Сыпгу (26 семей), Халь (20 семей), Лянкпе (восемь семей), Нитю (девять семей), Ланку (пять семей)[29].

Некоторые названия родов казымских самоедов 1897 г. напоминают названия родов лесных ненцев, зарегистрированные в 1926—1927 гг. в Самаровском районе, но большинство этих названий не совпадает.

В целом можно признать, что казымские лесные самоеды, за исключением рода Нгаэващата в 1695—1712 гг., были до революции официально известны не под своими настоящими родовыми названиями, а под какими-то другими названиями, вероятно образованными от имен возглавлявших эти роды лиц. У нас нет также уверенности в том, что в XVII в. казымские лесные самоеды состояли из тех же родов, которые установил у них Г. Д. Вербов. Род Нгаэващата (Нгэвасяда, Айвасида) зарегистрирован,

[26] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1095, лл. 140—268; кн. 1305, лл. 48—165; кн. 1560, лл. 2—122.

[27] Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев. «Советская этнография», 1939, вып. II, стр. 58; его же. Лесные ненцы. «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 67.

[28] Населенные пункты Уральской области, т. XII, Свердловск, 1928, стр. 164—165.

[29] С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II. СПб., 1911, стр. 28—29.

как мы только что видели, в 1695 г. и упоминается по разным поводам и раньше. Но если в 1926—1927 гг. род Нгаэващата составлял половину всех лесных ненцев, то в 1695 г. он включал десятую часть их общего числа. Такие изменения удельного веса родов в составе племени довольно обычное явление, причем, как правило, разрастаются пришлые роды, а сокращаются коренные роды. Что касается остальных пяти родов казымских самоедов с их странными, даже несамоедскими как будто названиями, то мы предполагаем, что это все подразделения одного большого рода, название которого ясачные сборщики в своих книгах опустили, сохранив лишь название его подразделений. Таким основным родом казымских лесных самоедов мы считаем род Пяк.

Название рода Пяк неоднократно упоминается в XVII в. Уже в «Книге Большому чертежу» 1627 г. говорится: «А за рекою за Обью 200 верст пал в море река Таз. А в Таз реку пала (река) Пур; протоку Таза реки 890 верст, а реки Пура протоку 460 верст. А по реке по Тазу, Мангазея, Самоядь Пяки»[30]. В 1636 г. девять человек «пуровской юрацкой самояди» из рода «Пеки» заплатили ясак в Мангазейском уезде[31]. В 1641 г. в Мангазее был пойман и посажен в тюрьму «юрацкий самоедин Пекиева роду Ювага» за то, что он «побивал» в Мангазейском уезде близ Мангазеи на рыбных и заячьих промыслах русских людей[32]. В 1645 г. женщины «пуровской воровской самояди Евасидина роду» рассказали про жену убитого стрельца, «что де шла она морем возле землю в корбасе и карбас де у нее к горам отбило и она де шла по кошке пеша и нашла де сама своих родников юраков именем Пеков...»[33]. Наконец, у обдорских самоедов в ясачных книгах за 1695 и 1701 гг. отмечен небольшой «род Пяки». Очевидно, это выходцы из лесных казымских самоедов (см. ниже). Таким образом, род Пяк несомненно существовал у казымских самоедов в XVII в., но в ясачных книгах, как мы считаем, он записан под другими названиями.

Никакие другие родовые названия у лесных казымских самоедов в XVII в. нам неизвестны. Что же касается родов Вэла и Ивши (Еуши), отмеченных у лесных ненцев в XX в., то с ними дело, по-видимому, обстоит следующим образом.

По Вербову, роды Вэла и Ивши не заключают между собой браков. У самоедов запрещение браков между родами может свидетельствовать об общем происхождении. В данном случае род Ивши надо считать основным, а род Вэла или ответвлением рода Ивши, или происшедшим от человека, когда-то породнившегося с родом Ивши. Так или иначе в материалах XVII в. о роде Вэла никаких данных нет, о роде же Ивши много разных сведений. Как нам удалось установить с помощью наших информаторов энцев и ненцев, род Ивши, он же Еуши,— это тот же род, который известен у энцев под названием Ючи (Дючи) или Юхуди и который ненцы называют Пучи (Пуци, Пути). В XVII в. род Ючи (Ючейский) был одним из основных родов лесных энцев Мангазейского уезда (см. гл. XIII), живших в верховьях р. Таза. Это был довольно многочисленный род, потомки которого сейчас имеются и среди энцев (род Ючи) и среди лесных ненцев (род Ивши, или Еуши). В XVII в. члены этого рода жили и среди тундровых ненцев. В 1636 г. «юрацкая самоядь Тыютова роду Юхи» в районе Надымской губы «побила» гонцов, ехавших из Мангазеи в Обдорск[34]. Род Пучей упоминается у обдорских самоедов в 1695 г., а род Пучейский — в 1701 г. (см. ниже).

---

[30] Книга Большому чертежу, М.— Л., 1950, стр. 168.
[31] ЦГАДА, ф. 214, кн. 95, л. 175.
[32] Там же, кн. 144, л. 1031 об.
[33] Там же, ст. 143, л. 203.
[34] Там же, ст. 178, лл. 146, 152. По другим данным, этих гонцов побили самоеды рода Пяк.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что в XVII в. лесные казымские самоеды, предки современных лесных ненцев, состояли преимущественно из членов рода Пяк и сравнительно небольшого количества членов рода Айвасида (Нгаэващата). Все остальные названия родов казымских самоедов XVII в., кроме названия Аивасида, мы считаем названиями подразделений рода Пяк. Что касается родов Ючи (Еуши, Ивши) и Вэла, то они в XVII в. в состав лесных казымских самоедов не входили.

Численность казымских самоедов мы будем определять, исходя из данных 1695 г. Известно, что в этом году в роде Айвасида было 20 плательщиков ясака (всего 80 чел. населения), а в роде Пяк — 172 плательщика ясака (всего около 700 чел. населения). В общей сложности в 1695 г. насчитывалось 192 ясачных казымских самоеда и всего около 770 чел. населения. В этом году не отмечался платеж юраками ясака в Мангазейский уезд, так что эти данные можно считать более или менее полными. Не явившихся к платежу мы тоже считаем в числе плательщиков ясака. Следовательно, если даже некоторые казымские самоеды платили ясак в Мангазейском уезде, они все равно продолжали числиться в составе плательщиков ясака Березовского уезда, и это обстоятельство позволяет считать вышеприведенные цифры не преуменьшающими численность казымских самоедов на 1695 г.

Поскольку у нас нет никаких других данных и поскольку казымские самоеды в начале XVII в. платили такой же ясак, как в конце этого столетия, мы будем считать, что и в начале и в середине XVII в. казымских самоедов было столько же, сколько в 1695 г.

Расселение казымских самоедов XVII в. должно было совпадать с расселением лесных ненцев в XX в. Мы знаем, что они платили ясак в Юильском городке в верховьях Казыма, жили в бассейне Пура и уходили иногда в Сургутский уезд, а иногда появлялись на Тазу и у берегов Надымской губы. Все это соответствует территории современных лесных ненцев, которая, по данным Г. Д. Вербова и др., охватывает верхнее и среднее течение Пура, верховья притока Таза Чесалькы, верховья некоторых правых притоков Агана, верховья Лямина, Сыньяха, Казыма и Надыма. Исходя из этих данных, мы и показали казымских самоедов на карте.

Переходим к обдорским самоедам. Сначала приведем табл. 23 (стр. 73), показывающую родовой состав обдорских самоедов в 1695—1712 гг.

Отметим, что временами в Обдорске и в Войкарском городке платили ясак и пустозерские самоеды.

В 1695 г. в Березовском уезде числилось пустозерских самоедов рода Тысина 103 чел., рода Лохей — 44 чел., рода Хатанзеи — шесть человек и рода Валеи — четыре человека. Кроме того, 23 имени даны под заголовком «Обдорская и Пустозерская».

В 1701 г. в Березовском уезде было пустозерских самоедов родов Тысина и Лохей 27 чел. и какого-то рода Елы пять человек.

В 1712 г. в Березовском уезде отмечен 61 пустозерский самоед родов Тысина и Лохей и 32 пустозерских самоеда без указания рода. Кроме того, в Войкарском городке заплатил ясак некий Тыяка рода Анимат (?).

Помимо того, в Березовском уезде в Обдорск одно время платили ясак самоеды Мангазейского уезда рода Аседа. В 1695 г. их было 25 чел., в 1701 г.— 19 и в 1712 г.— восемь. Появились эти самоеды в Березовском уезде после того, как они весной 1695 г. перебили ясачных сборщиков в старом Мангазейском городе. В дальнейшем все они вернулись в Мангазейский уезд. Мы их, а также пустозерских самоедов в состав постоянного населения Березовского уезда не включаем.

Данные 1701 г. явно неполны и мы на них останавливаться не будем. При сопоставлении же данных 1695 и 1712 гг. выявляется ряд несоответствий, которые следует объяснить. Обращает на себя внимание сокраще-

ние численности рода Карачея при резком увеличении численности рода Сигуней. Поскольку это родственные роды одной фратрии, вероятно, часть карачеев была в 1712 г. каким-то образом приписана к сигуняям. Уменьшение численности рода Ванюта и увеличение численности родственного рода Соль-Ванюта также объясняется перетасовкой людей между этими двумя родами.

Таблица 23

Численность плательщиков ясака у обдорских самоедов

Роды (в скобках современные названия)	Год		
	1695	1701	1712
Карачейской (Харючи)	391	271	323
Яры (Яр)	45	42	83
Сигуней (Сюхуней)	50	112	183
Адеры (Нгадер)	91	69	71
Ану-Карачей (Нгано-Харючи)	43	38	53
Сабеи яптики (Сабы и Яптик)	146	97	110
Югучейской (Нгуучи)	16	12	17
Выпги (Вэнонгка)	3	—	—
Айвасида (Нгэвасяда)	62	73	124
Парабы (Паравы)	12	14	11
Сопли и Япти (?)	15	10	12
Пяки (Пяк)	8	7	—
Обдорской (Саляндер)	14	8	6
Лодокуйской (Ладукай)	22	19	21
Вапюты (Вануйта)	188	105	87
Луца-Ванюта	27	23	26
Соль-Ванюта	30	60	133
Пучей (Пуци)	5	6	—
Итого обдорских	1168	966	1260
Синевская самоядь	53	53	52
Ляпинская самоядь	19	21	18
Итого войкарских	72	74	70
Всего	1240	1040	1330

Обращаем внимание на то обстоятельство, что род Айвасида (он же Евасида, Наусицкий, Нгэвасяда, Нгаэващата) в 1631 г. и в 1695—1712 гг. был преимущественно родом тундровых самоедов (ненцев), а не лесных, как в настоящее время. Проникновение рода Айвасида в состав лесных самоедов (ненцев), большинство которых составляют в настоящее время его потомки, в XVII в., по-видимому, еще только началось.

Род Пяки — это группа лесных самоедов рода Пяк (см. выше), видимо жившая в тундре отдельно от остальных своих сородичей. Род Пучей — это, вероятно, ассимилированная ненцами группа лесных энцев рода Ючи (Пуци, Пути по-ненецки). Род Обдорский мы отождествляем с современным родом Саляндер потому, что слово «саляндер» в переводе на русский

язык значит «обдорский» (дословно «мысовой»; Обдорск, как мы знаем, назывался «носовым городком»). Роды Луца-Ванюта («русский ванюта») и Соль-Ванюта несомненно представляют подразделение рода Ванюта (Вануйта). Род Сопли — видимо, подразделение рода Яптик. Может быть, название этого рода связано с ненецким преданием о «сопливых» людях, живущих где-то на Севере. Род Парабы был в Мангазейском уезде известен как Барайский род.

К сожалению, мы не можем отождествлять с современными родами ненцев роды войкарских самоедов Синевский (Иневский) и Ляпинский. Оба эти названия территориальные — по рекам Сыне и Ляпину,— а не родовые.

Исчезновение родов Пяк и Пучей к 1712 г., очевидно, связано с их переходом к лесным казымским самоедам. Исчезнувший к 1712 г. род Вынги, вероятно, присоединился к какому-либо другому роду. Но в настоящее время этот род существует под названием Вэнонгка (Вэнга).

Главным отличием родового состава обдорских самоедов XVII в. от современного родового состава обдорских ненцев является большая численность рода Карачея в XVII в., тогда как к настоящему времени он распался на ряд новых родов. Такими родами, выделившимися из рода Харючи (Карачея) после XVII в., но в эмбриональном состоянии, может быть, существовавшими и в XVII в., являются Нгокатэта, Сэротэта, Ябтонгэ, Тэсяда, вероятно Худя и др. Выделились новые роды и из других родов обдорских самоедов, перечисленных выше. В целом вместо 20 родов XVII в. в настоящее время у обдорских ненцев их насчитывается не менее 70, среди них находится, правда, несколько родов из оненечившихся, вероятно уже после XVII в., хантов (не считая рода Саляндер, который, как мы видели, под названием Обдорский существовал уже в XVII в.).

Численность обдорских самоедов приходится определять по данным 1695 г. Собственно ясачных обдорских самоедов было, как мы знаем, 1168 (всего 4670 чел. обоего пола). Войкарских ясачных самоедов было 72 (всего 290 чел. населения). В общей сложности ясачных обдорских самоедов, следовательно, было 1240 (всего 4960 чел. населения). Как и в отношении лесных казымских самоедов, эту цифру 1695 г. мы примем в качестве показателя численности обдорских самоедов в течение всего XVII в., хотя, как указывалось выше, есть основание предполагать, что численность обдорских самоедов в течение XVII в. несколько возросла.

О местах кочевок обдорских самоедов Березовского уезда у нас имеются такие данные. На местожительство войкарских самоедов указывают названия их родов по рекам Сыня и Ляпин и их тяготение к Войкарскому городку, где они платили ясак.

В отношении обдорских самоедов известно, что они тяготели к низовьям Оби, куда приезжали для товарообмена с остяками Обдорской волости и для уплаты ясака в Обдорский городок. Известно также, что они кочевали в полосе тундр и лишь зимой заходили в лесотундру. Мы имеем данные о том, что уже в 1601 г. обдорские самоеды кочевали на полуострове Ямал. «По обе стороны Мутные реки временами кочует самоядь Карачея и иные роды, а дают та самоядь ясак в Пустозеро» [35]. Карачея — это основной род обдорских самоедов. По-видимому, они в конце XVI — начале XVII в. иногда платили ясак в Пустозерске. Среди европейских самоедов в XVII в. рода Карачея во всяком случае не было. Мутная река (Се-яха) впадает в Карское море на западном берегу Ямала севернее 70-й параллели. Другая Се-яха, или по-русски Зеленая река, носила название Се-яга Бануйта, т. е. «проходная река племени Вануйта» [36]. Вануйта — другой

[35] РИБ, т. II, 1616—1624, № 254, стб. 1089.
[36] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III., ч. 1. М., 1955, стр. 88.

большой род обдорских самоедов. Эта Се-яха впадает в Обскую губу на восточном берегу Ямала тоже севернее 70-й параллели. Таким образом, можно считать, что уже в начале XVII в. средняя часть Ямала была местом самоедских кочевий.

Без сомнения, обдорские самоеды (юраки) кочевали по южному берегу Обской губы и по берегам Тазовской губы. Документы XVII в. полны сообщениями о нападениях самоедов (юраков) на русских, высаживавшихся на берег в этих районах. В этой связи упоминаются роды Адер, Яры, Карачея [37]. Есть основания предполагать, что здесь в низовьях Пура и Таза кочевал, в частности, род Айвасида [38], впоследствии вошедший в состав лесных ненцев. О давних кочевках юраков (т. е. обдорских ненцев) в районе Тазовской губы и по восточному берегу Обской губы свидетельствует и энецкий фольклор. Однако в районе самой Мангазеи и ниже ее, близ зимовья Леденкин шар, в начале XVII в. кочевали еще предки энцев [39]. В течение XVII в. предки ненцев — обдорские самоеды — расширили свою территорию за счет территории энцев. На Тазу граница между предками ненцев и энцев стала проходить у старого Мангазейского города [40]. В атласе Ремезова есть указания, что юраки приходят на приток Енисея р. Большую Хету. Появлялись они и в районе Хантайки в низовьях Енисея и в районе современной Дудинки, к югу от которой находился филиал Авамского зимовья [41]. Но поскольку мы стремимся показать наиболее раннюю дислокацию племен и народов, то это позднейшее распространение юраков на карте не отражаем. Нет у нас также достаточного материала для того, чтобы показать на карте распространение отдельных родов.

Все обдорские и казымские самоеды были оленеводами, хотя, за исключением отдельных семей, не особенно крупными. Ясак платили обдорские самоеды главным образом песцами, а также горностаями и оленьими шкурами, но отдельные роды, например Ану-карачей,— белкой. Войкарские самоеды платили ясак соболями, белкой, песцами, горностаями и оленьими шкурами. Казымские самоеды — белкой и соболями.

В лице самоедов (ненцев) Березовского уезда мы впервые встречаемся с термином «род» в русских ясачных книгах XVII в. Ни в отношении остяков (хантов), ни в отношении вогулов (манси), ни в отношении западносибирских татар этот термин в ясачных книгах не применялся.

Как мы видели, у обских угров Березовского уезда род не выступал на первый план по сравнению с племенной или территориальной группировкой. У самоедов было другое положение. Здесь род явился той основной социальной группировкой, которая была обнаружена у этого народа. Ниже это мы увидим и у предков энцев и у предков нганасанов. Правда, здесь не всегда ясно, имеем ли мы дело с родом или фратрией. Те роды обдорских самоедов, которые нам известны в XVII в., можно почти все по современным этнографическим данным распределить между фратриями Харючи и Вануйта, причем окажется, что в фратрии Харючи было около 600 чел., а во фратрии Вануйта — около 500 чел., но у нас нет уверенности в том, что фратриальное деление обдорских ненцев в том виде, в каком оно наблюдалось в XX в., уже существовало в XVII в. Во всяком случае в лице самоедов Березовского уезда, как обдорских, так и казымских, мы встречаемся с народом, который представляет, по сравнению с остяками и татарами, другой тип социальной организации, с явственным

---

[37] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 246.
[38] ЦГАДА, ф. 214, ст. 143, л. 203.
[39] См. гл. XIII.
[40] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1533, л. 446.
[41] См. гл. XIII.

Таблица 24

Этнографический состав коренного населения Березовского уезда

Этнические группы, племена, волости	Подразделения племен	Год учета	Численность		Группы XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Остяки (ханты)					
Казым	10 городков .	1642	147	590	Казымская управа Березовского округа
Обдор	2 юрты . . .	1642	186	740	Обдорская волость Березовского округа
Куноват	14 юрт	1642	138	550	Куноватская волость Березовского округа
Сосьва	28 юрт	1642	277	1 110	Сосьвинская волость Березовского округа
Естыл	Св. нет	1642	53	210	
Ляпин	10 юрт	1642	160	640	Ляпинская волость Березовского округа
Подгородная	14 юрт	1642	58	230	Подгородная управа Березовского округа
Белогорье	Св. нет	1642	84	340	Котская управа Березовского округа
Кода	12 городков .	1645	304	1 220	
Ендыр	Св. нет	1645	92	370	
Васпукол	—	1645	10	40	
Итого остяков			1 509	6 040	
Самоеды	**Роды**				
Обдорские	Карачея . . .	1695	391	1 560	Обдорская волость Березовского округа
	Яры	1695	45	180	
	Сигуней . . .	1695	50	200	
	Адеры	1695	91	360	
	Ану-Карачей .	1695	43	170	
	Сабе и Яптики	1695	146	580	
	Югучейский .	1695	16	65	
	Вынги	1695	3	15	
	Айвасида . .	1695	62	250	
	Парабы . . .	1695	12	50	
	Сопли и Япти	1695	15	60	
	Пяки	1695	8	30	
	Обдорский . .	1695	14	60	
	Лодокуйский .	1695	22	90	
	Ванюты . . .	1695	188	750	
	Луца-Ванюта .	1695	27	110	
	Соль-Ванюта .	1695	30	120	
	Пучей	1695	5	20	
Итого			1 168	4 670	
Войкарские	Синевский . .	1695	53	210	Сведений нет
	Ляпинский . .	1695	19	80	
Итого			72	290	

Таблица 24 (продолжение)

Этнические группы, племена, волости	Подразделения племен	Год учета	Численность		Группы XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Казымские	Айвасида . .	1695	20	80	Казымская волость Березовского округа
	Пяк	1695	172	700	
	Итого		192	780	
	Итого самоедов		1 432	5 740	
	Всего		2 941	11 780	

делением на племена, роды и, может быть, даже на фратрии. Не случайно, вероятно, и то обстоятельство, что эти ясно выраженные родовые деления обнаруживаются у первого же народа, ведшего кочевой образ жизни, и что эти родовые деления не были столь явственно выражены в XVII в. у оседлых остяков и вогулов.

Родоплеменной состав населения уезда приведен в табл. 24.

Глава VIII

СУРГУТСКИЙ УЕЗД

В Сургутский уезд входило все хантыйское население, жившее по Оби и ее притокам выше устья Иртыша, несколько групп селькупов, живших в низовьях Васюгана, по Тыму, в верховьях Ваха, и одна группа кетов с верховьев Сыма. Все это население наши источники называют остяками и отнесение отдельных групп его к хантам, селькупам и кетам мы сделали уже сами, руководствуясь этнографическими данными, топонимикой и отчасти, в отношении кетов, по собственным именам этих остяков.

Город Сургут был построен в 1594 г. воеводами Ф. Борятинским и В. Аничковым в качестве опорного пункта на Оби выше устья Иртыша. Сургут должен был прикрывать русские владения от нападения главы нарымских селькупов князца Вони и служить базой для дальнейшего продвижения русских вверх по Оби. В некоторой степени Сургут явился преемником так называемого Обского городка, построенного воеводой Мансуровым в 1585 г. на правом берегу Оби близ устья Иртыша. Из этого Обского городка тобольские служилые люди собирали ясак с остяков, живших по Оби выше устья Иртыша. Постоянного контингента служилых людей Обский городок не имел, и в него посылались «годовальщики» из Тобольска. С основанием Сургута Обский городок прекратил свое существование.

Свое название г. Сургут и Сургутский уезд получили от какого-то старого названия местности, где был построен город. Может быть, так называлось хантыйское племя, возглавлявшееся князцом Бардаком (см. ниже).

Территория и население Сургутского уезда в течение XVII в. претерпели ряд изменений.

В самом конце XVI и начале XVII в. в Сургутский уезд входили также территория и население будущих Нарымского и Кетского уездов. Около 1670 г. из Сургутского уезда в Тобольский отошли волости Темличеева (Базьянская) и часть Салымской и Селиарской. В 1610 г. из Березовского уезда в Сургутский перешла часть Белогорской волости, но с 1668 г. эта часть Белогорской волости, за исключением пяти человек (как и та часть Белогорской волости, которая осталась в Березовском уезде), перешла в Тобольский уезд. С 1644 г. в Сургут стала платить ясак и Ваховская волость, до этого находившаяся в ведении кодских князей Алачевых. В конце XVII в. из Сургутского уезда были переданы в Нарымский уезд волости Ларьятская, Васюганская и часть Тымской.

Но мы не будем учитывать все эти изменения и рассмотрим Сургутский уезд в его первоначальном виде, без Белогорской волости, включая целиком волости Темличееву, Салымскую, Васюганскую, Ларьятскую, Тымскую и Ваховскую.

По этнической принадлежности населения мы считаем хантскими волости Темличееву (Базьянскую), Салымскую, Селиарскую, Аслыпскую, Юганскую (в том числе и отделенную от нее и поселенную под городом «для подвод» Подгородно-Юганскую), Бардакову, все три Луппоколские волости, Ваховскую и Васюганскую. Селькупскими мы считаем волости Ларьятскую, Тымскую и Караконскую [1]. Наконец, Сымскую волость — считаем кетской.

Одна небольшая группа населения Сургутского уезда первоначально фигурирует в ясачных книгах под названием «ваховских татар и остяков». П. Н. Буцинский предполагает, что это те же остяки, но «принявшие магометанство» [2]. Поскольку трудно предполагать, что какая-либо группа татар в начале XVII в. оказалась на Вахе, мнение Буцинского по этому вопросу кажется наиболее вероятным. Поэтому мы не будем в дальнейшем выделять в составе населения Сургутского уезда татар, хотя это название и имеется в источниках. В табл. 25 (стр. 80) приводятся данные о плательщиках ясака Сургутского уезда по годам.

В 1636 г. был произведен переучет плательщиков ясака, в результате которого выявилось много «новиков», отчего численность плательщиков ясака резко возросла. К 1642 г. в Луппуколских волостях два плательщика ясака были убиты самоедами. Вообще пометки об убийстве плательщиков ясака самоедами встречаются в сургутских ясачных книгах часто. В 1645 г. самоеды убили двух человек в Караконской волости, в 1651 г.— четырех человек в Бардаковой волости и т. д. В 1660 г. снова был произведен переучет плательщиков ясака, отчего их численность по ясачным книгам опять возросла. Особенно быстро увеличивалась численность тымских селькупов и одновременно столь же быстро сокращалась численность сымских кетов.

Увеличение численности тымских селькупов, вероятно, связано с их продвижением на север и освоением вместе с караконскими селькупами верховьев Таза. Мы одно время были склонны связывать увеличение численности тымских селькупов с уменьшением численности закаменных кетов Мангазейского уезда (см. гл. XIII). Однако оба эти процесса не совпадают хронологически. Вполне вероятно, что отдельные выходцы из кетов и разных групп селькупов, в частности из Кетского уезда, пополняли ту часть тымских селькупов, которая продвигалась на север, на Таз. Что касается уменьшения численности сымских кетов Сургутского уезда, то она происходила, судя по пометкам в ясачных книгах, главным образом в результате ухода на Енисей и «Инбак» (вероятно, Елогуй).

Для определения первоначальной численности населения Сургутского уезда мы берем данные по разным волостям за разные годы, смотря по тому, в каком году есть основания считать, что плательщики ясака данной волости были учтены наиболее полно. Для начала XVII в. мы взяли данные 1625, 1636 и 1645 гг., для середины XVII в.— данные 1660 и 1662 гг. и для конца этого столетия — данные 1701 и 1706 гг. Результаты подсчетов приведены в табл. 26 (стр. 81).

---

[1] Тымскую и Караконскую волости мы считаем селькупскими потому, что потомки членов этих волостей, переселившиеся на Таз, являются селькупами, хотя ассимилировавшими некоторые кетские элементы, как и потомки тех членов Тымской волости, которые остались на Тыме. Ларьятскую волость мы считаем селькупской потому, что селькупами были члены этой волости еще в XIX в. (см. Н. Григоровский. Описание Васюганской тундры. «Записки западно-сибирского отдела РГО», кн. VI, Омск, 1884, стр. 51, 61). Хантами Васюган заселялся с запада, с Югана (там же, стр. 37), а селькупов приходится считать аборигенами низовьев Васюгана. С XVII в., вероятнее всего, ханты могли здесь потеснить селькупов, а не наоборот.

[2] П. Н. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского ун-та», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 63.

Таблица 25

Численность плательщиков ясака Сургутского уезда[8]

Волости	Год																
	1624	1625	1626	1629	1630	1631	1636	1642	1645	1651	1660	1662	1671	1680	1692	1701	1706
Юганская	102	108	108	96	98	99	118	113	102	126	172	161	130	133	140	127	148
Подгородно-Юганская	18	20	20	20	19	18	24	24	23								
Салымская	79	81	81	69	68	66	70	73	69	90	78	73	63	76	48	50	56
Селиарская	31	37	37	30	30	31	33	28	24	23	27	27	14	18	13	16	17
Аслыпская	3	4	4	4	4	3	5	4	4	—	1	1	2	2	2	2	3
Темличеева	42	60	60	56	56	55	70	64	63	62	71	69	68	68	55	76	75
Ваховские татары и остяки	9	6	6	4	4	3	5	5	5	4	6	6	3	4	6	4	5
Ваховская (б. князя Алачева)	(60)	(60)	(60)	(60)	(60)	57	(100)	(100)	95	89	102	100	69	60	52	42	43
Лунпуколские	176	173	173	167	165	167	229	190	179	161	272	269	251	233	171	177	192
Васюганская	84	84	81	75	75	74	88	84	68	68	100	106	98	100	87	91	91
Бардакова	89	89	87	81	80	74	78	85	89	77	102	94	71	72	70	62	66
Итого хантов	693	722	717	662	659	647	820	770	701	680	931	906	769	766	644	647	696
Ларьятская	34	34	33	28	29	29	42	40	32	31	38	39	34	24	26	17	17
Тымская	57	61	50	49	49	51	96	90	84	91	109	106	104	92	97	120	120
Караконская	22	22	20	18	18	17	22	20	24	24	26	24	31	31	27	28	28
Итого селькупов	113	113	103	95	96	97	160	150	140	146	173	169	169	147	150	165	196
Сымская	16	16	15	9	9	8	7	6	6	5	8	8	8	6	4	2	2
Всего	822	851	835	835	767	752	987	926	847	831	1112	1083	946	919	798	814	863

[8] Эта таблица составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 1 (лл. 262—319), 19 (лл. 581—624), 22 (лл. 580—622), 32 (лл. 1095—1133), 154 (лл. 515—610), 177 (лл. 179—259), 260 (лл. 123—141), 271 (лл. 796—926), 274 (л. 209 об.), 411 (лл. 287—313), 442 (лл. 150—166), 548 (лл. 236—250), 674 (лл. 93—107), 1009 (лл. 74—76), 1297 (лл. 98 об—116), 1448 (лл. 40—69).

Данные по Ваховской волости за 1631 г. заимствованы нами у С. В. Бахрушина (Научные труды, т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 121). Данные по Ваховской волости за 1624, 1625, 1626, 1629, 1630, 1636 и 1642 гг., взятые в скобки, указаны нами ориентировочно, но в итоги они включены. Ряд данных по Салымской (Салинской), Селиарской и Темличеевой волостям заимствованы из материалов по Тобольскому уезду, начиная с 1671 г. В течение всего XVII в. платило ясак в Сургутском уезде, как указано выше, и небольшое количество остяков Белогорской волости: 9—10 чел. в 1624—1636 гг., 13—16 чел. в 1642—1662 гг. и пять человек в 1671—1706 гг. Как указано выше, Белогорская волость полностью, включая и ту ее часть, которая платила ясак в Сургутский уезд, показана в составе Березовского уезда.

Таблица 26

Численность коренного населения Сургутского уезда

Этническая группа	Начало XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения
Ханты	841	3380	937	3750	697	2800
Селькупы . .	160	645	174	700	165	660
Кеты	16	65	8	30	2	10
Всего	1017	4090	1119	4480	864	3470

При определении окончательного списка волостей Сургутского уезда мы объединили волости Юганскую и Подгородно-Юганскую в одну Юганскую волость, а ваховских «татар и остяков» и Ваховскую волость князей Алачевых в одну Ваховскую волость. Разделение этих волостей было искусственным, вызванным текущими нуждами русской администрации и политическими отношениями с кодскими князьями Алачевыми, и поэтому оно нами не учтено при составлении окончательного списка волостей. Также и Лунпуколскую волость мы показываем целиком, не деля ее на 1, 2 и 3-ю Лунпуколские волости. В отношении Аслыпской волости в ясачных книгах имеется указание, что она являлась подгородной. Мы предполагаем, что эта волость представляет немногочисленную группу хантов Салымской волости, посаженных под городом для «подводной гоньбы», так же как для этой цели из состава Юганской волости была выделена Подгородно-Юганская. Поэтому мы ее отдельно в итоговой таблице и на карте не показываем, а объединяем с Салымской волостью.

П. Н. Буцинский указал местоположение волостей Сургутского уезда [4] в общих чертах, а в отношении Ларьятской (Лариатской) волости — неверно. Мы руководствовались при определении территорий волостей, кроме их названий, данными С. К. Патканова о местоположении волостей и входящих в них населенных пунктов, взятыми из материалов переписи 1897 г. и др.[5] При этом надо заметить, что волости, входившие в XVII в. в Сургутский уезд, входили в 1897 г. в три округа — Сургутский и Тобольский Тобольской губернии и Томский Томской губернии. Кроме того, надо иметь в виду, что из части волостей выделились новые волости с чисто территориальными названиями. Соответствие этой новой системы волостей, существовавшей к 1897 г., с системой волостей Сургутского уезда в XVII в. показано в табл. 27 (стр. 85) этнографического состава населения Сургутского уезда в XVII в.

Известно, что центром остяцкого княжества Бардака (в дальнейшем Бардаковой волости) был городок в устье р. Тром-югана и что сам г. Сургут был основан на территории этого княжества (волости). Некоторые указания дает также топонимика. Так, название с. Селиарова указывает, очевидно, на местоположение Селиарской волости, а название с. Базьяны уточняет на Иртыше пределы Темличеевой (Базьянской) волости, которая занимала главным образом низовья р. Назыма (Мозым), впадающей в Обь справа немного выше устья Иртыша.

---

[4] См. П. Н. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского ун-та», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 63.

[5] См., например, описание местоположения волостей Сургутского уезда у С. К. Патканова. (Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири т. II, СПб., 1911, стр. 123—127).

Обычно Ларьятскую волость Сургутского уезда XVII в. помещают на р. Вах, предполагая, что название с. Лариакского, административного центра бассейна Ваха, восходит к названию этой волости. Такого мнения придерживаются, например, Буцинский [6] и Шатилов [7]. Но эти авторы не учли, что вплоть до начала XX в. существовала Ларьятская волость в низовьях Васюгана. Судя по тому, что Ларьятская волость в XVII в. в перечнях волостей Сургутского уезда всегда упоминается между Васюганской и Тымской, вероятно, она является именно этой Ларьятской волостью в низовьях Васюгана. Это подтверждается тем, что в конце XVII в. Ларьятская волость вместе с Васюганской и Тымской перешла в Нарымский уезд. Если бы Ларьятская волость находилась на Вахе, то вместе с ней должны были бы перейти к Нарыму Луппуколская и Ваховская волости, но этого не произошло. Что касается названия с. Лариакского, то оно, видимо, образовалось независимо из хантыйского словосочетания «лар-ях», что значит «народ с сора» [8]. Так могли ханты называть в XVII в. селькупов низовьев Васюгана, и таким образом получилось официальное название этой волости. Но еще в начале XX в. население Ларьятской волости на Васюгане было селькупским.

Караконскую волость мы показываем в верховьях Ваха. Здесь находится и речка Каралькы-йоган, от селькупского названия которой Каралькы («йоган» — это река по-хантски, «кы» — река по-селькупски, Каралькы — значит Журавлиная река) и получила, вероятно, свое название Караконская волость. Еще в XIX в. «Каракольская» волость числилась в верховьях Ваха. Ниже мы увидим, что в 1668 г. Вах и Таз упоминаются в качестве местожительства тымских и караконских остяков. Да и попасть на Таз селькупы могли, только пройдя верховья Ваха.

С селькупами Сургутского уезда связан интересный эпизод в этнической истории Сибири, а именно — проникновение селькупов на Таз и Туруханский. Так как оно происходило в основном в XVII в., то нашло свое отражение и в документальных источниках. Изложим некоторые из них.

В 1629 г. в ясачных книгах отмечено, что тымские и караконские остяки «сошли» для «вешних звериных промыслов» в далекие места. Сымские остяки в этом же году «сошли на Енисею» и до 21 июня в Сургут не приходили [9].

В 1630 г. отмечалось, что многие караконские остяки «сошли на Енисею» и в свои юрты не возвращались [10].

В 1631 г. некоторые тымские остяки уходили в дальние места и не возвращались в свою волость. Караконские и сымские остяки частью «сошли на Енисею безвестно» [11].

В 1632 г. в Тымскую волость вернулся один плательщик ясака, который в 1631 г. «был на промыслу на самоедской стороне и сказали про него, что ево самоядь убили». Относительно некоторых тымских остяков помечено, что они «сошли на Енисею реку безвестно». В Караконскую волость вернулось три человека, которые «в прошлом де во 139 году были... на промыслу в далних местах на Тазовской стороне». В Сымской волости один человек, про которого думали, что его убили тунгусы, вернулся с Енисея. «Иные ясашные люди с Сыму сошли на Инбак реку безвестно». В этом же году из Бардаковой волости три человека тоже были на про-

---

[6] См. П. Н. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского ун-та», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 63.

[7] См. М. Б. Шатилов. Ваховские остяки. Томск. 1931, стр. 22, 26, 28.

[8] Сор — это заливной луг (см. М. Б. Шатилов. Выховские остяки, стр. 22).

[9] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, лл. 614—619.

[10] Там же, кн. 22, лл. 611—616.

[11] Там же, кн. 32, ч. II, лл. 1123—1129. Сымские «ясачные люди» «сошли на Енисею» именно «с Сымской реки».

мысле в «самоедской стороне», а «ларъяцкие люди сошли на ваховские вершины» [12].

В 1637 г. три остяка Закаменского зимовья Мангазейского уезда были взяты в Сургут как бывшие сургутские плательщики ясака [13].

В 1642 г. сургутский воевода Андрей Вельяминов писал, что сургутские плательщики ясака ходили на промысел «в далние места на Енисею и на Тазовскую сторону» [14].

В 1645 г. двух караконских остяков убили самоеды [15].

В 1649 г. самоеды мангазейского уезда Ледерей и Подсадик узпали от остяков (кетов) Инбатского зимовья, что сургутские остяки ограбили двух кетов и хотят идти войной на Мангазейский уезд [16].

В 1653 г. вышеупомянутый верхотазский самоедский (рода Муггади) князец Ледерей «с товарищи» сдал в Мангазею 20 соболей, взятых «на бою у воровских остяков» [17].

В 1654 г. эти «воровские остяки» убили на Тазу, на Большой соболиной реке, десять верхотазских самоедов мужчин и женщин, в том числе Ледерея, а шесть женщин и ребенка взяли в плен [18].

В 1656 г. мангазейский воевода Игнатий Корсаков послал стрельца Ивана Сорокина мирить живших на Тазу тымских и караконских остяков с мангазейскими ясачными самоедами. В результате этой миссии было заключено перемирие. В 1660 г. тымские и караконские остяки встретились с самоедами на промысле и самоеды предложили остякам приехать в Мангазею «и помиритца б им промеж собою в съезжей избе перед воеводой вековым миром чтоб им тымским и караконским ясачным людям с тою мангазейскою самоядью жить вместе и промышлять.. безо всякого опасу». Остяки послали мириться Коготайка Сюдина (Сюксина?) и Сайгодку Дедегитова «с товарищи» [19]. От последнего произошла многочисленная патронимия караконских селькупов на Тазу — Сайготины «Дедэгэт» по-кетски значит «орлиный человек». Сайготины, как все караконские селькупы в последнее время, принадлежали к роду Лимбыль-тамдыр, что значит «Орлиный род».

С 1665 г. в Мангазее с парымских и сургутских остяков брались ясак и поминки: в 1665 г.— 16 соболей, в 1666 г.— 24 соболя, в 1667 г.— 16 соболей, в 1668 г.— четыре соболя [20].

В 1668 г. в Сургуте остяки Тымской волости Чомонак Мучин и Максар Нюнголин и Караконской волости Тиан Пышиков заявили, что с тымских остяков Калиша и Чокура Варкотяровых и караконских Магача и Кени Тадебиных ясак взят в Туруханске. В том же документе указано, что из Сургутского уезда, с Ваха и «Тазовской стороны», сбежали Тымской волости Чокур Варкотяров, Карлака Тогин, Караконской волости Молгет Коктанов с сыном Чонком, Магыча Тадебин и Сымской волости Онега Тымин [21]. Фамилии Нюголин, Калишев, Чокуров, Молгетов, Чомкин, Магычев, Онин существовали у селькупов на Тазу и Турухане еще в XIX в.

В 1683 г. прошел слух, что тымские остяки хотят идти «побивать на смерть» обдорских самоедов. В сыске по этому делу Тымской волости

---

[12] Там же, кн. 34, лл. 159, 173, 174, 177, 178, 182, 186.
[13] Там же, кн. 117, л. 516 об.
[14] Там же, ст. III, л. 20.
[15] Там же, кн. 177, лл. 229—233.
[16] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 231.
[17] ЦГАДА, ф. 214, кн. 320, л. 77.
[18] ЦГАДА, ф. 214, кн. 320, л. 57; см.: С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 9.
[19] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 253.
[20] ЦГАДА ,ф. 214, кн. 478, ст. 797, 864; кн. 513.
[21] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 258 об., 260.

Когота Сюксин, Келдеяр Ерганов и Караконской волости Чомка Молгетов, Кирка Дедегитов и Тоглемко Сайгодин «с товарищи» в свою очередь предъявили претензию березовским самоедам за то, что они «по многие времена к ним на Тазовскую сторону прихаживали и многих ясашных остяков побивали» [22].

В 1693 г. шесть сургутских остяков пришли в Мангазею (т. е. Туруханск) и били челом, чтобы им платить здесь ясак. Им разрешили платить по три соболя с человека [23]. В 1696 г. в Туруханске платило ясак восемь сургутских остяков, в 1697 г.— 12, в 1698 г.— 16, в 1699 г.— девять, а семь по-прежнему платило ясак в Сургут. В 1700 г. в Туруханске платило ясак 12 сургутских остяков, в 1701 г.— 18, в 1702 и 1703 гг., судя по количеству сданной пушнины,— около 20 [24].

К 1701 г. Тымская волость была разделена. Та часть ее (73 плательщика ясака), которая осталась на Тыме вместе с Ларьятской и Васюганской волостями, перешла в Нарымский уезд. В Тымской же волости жили оставшиеся два человека Сымской волости. Остальные 42 чел. Тымской и все 28 чел. Караконской волостей жили тогда на Тазе и продолжали состоять в Сургутском уезде. Для этой части Тымской волости появляется новое название — «Тымская волость Тазовской стороны» [25].

В 1706 г. в «Тымской волости Тазовской стороны» был 31 плательщик ясака, а остальные 65 тымских остяков жили на Тыме и платили ясак в Нарым. Кроме того, еще восемь тымских остяков находились в «Торуханском уезде», а шесть — «в побегах на Тыму и Сыму реках в Нарымском уезде». В 1706 г. два человека Сымской волости продолжали жить в Тымской волости на р. Тым. В Караконской волости на Тазу было 18 чел. и семь человек жило «в побегах в Торуханском и в Нарымском уездах на Енисее и на Тыму и на Сыму реках» [26].

Так в течение XVII в. образовалась группа тымских и караконских селькупов на Тазе. Что касается баихинских селькупов на Турухане, то они образовались от смешения вышеупомянутых остяков (селькупов), которые стали платить ясак непосредственно в Туруханск и поселились по рекам Верхней и Нижней Баихам в бассейне Туруханска, вместе с поселившимися здесь же кетами.

У всех остяков Сургутского уезда в качестве главного занятия указывается в источниках рыболовство. Обеспечение себя запасами рыбы на зиму являлось и главным условием успешного охотничьего промысла. Ни об оленеводстве, ни о коневодстве и скотоводстве у сургутских остяков XVII в. в известных нам материалах ничего не сказано.

По этнографическим данным известно, что потомки Ларьятской и оставшейся на Тыме части Тымской волости называют себя «чумылькуп». Так же называют себя и потомки остяков Верхней и Нижней Нарымских волостей [27]. По-видимому, это было одно племя. Потомки Караконской и Тымской «Тазовской стороны» волостей называют себя «селькуп». Вероятно, сначала так себя называли лишь остяки Караконской волости, в которых можно видеть ассимилированных кетов, а затем, после переселения на Таз и установления тесного контакта с караконскими остяками, так стала называть себя и тазовская часть Тымской волости.

Что касается волостей хантов Сургутского уезда, то они, как и волости хантов Березовского уезда, тоже, вероятно, представляли собой племена и территориальные подразделения племен.

---

[22] ДАИ, т. XI, № 28, стр. 87.
[23] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1050, л. 97.
[24] Там же, кн. 1107, 1165, 1220, 1293, 1353, 1422.
[25] Там же, кн. 1297, лл. 109—113.
[26] Там же, кн. 1448, лл. 66—68.
[27] См. гл. IX.

Таблица 27

Этнографический состав коренного населения Сургутского уезда

Этнические группы, племена (волости), отдельные роды	Число юртов	Год учета	Численность		Группы XIX в., соответствующие племенам (волостям) и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Остяки (ханты)					
Юганская	38	1636	142	570	Подгородно-, Больше- и Мало-Юганская волости Сургутского округа
Салымская (с «Аслыпской»)	12	1625	86	340	Салымская волость Сургутского округа
Селиарская	11	1625	37	150	Селиаровская и Пимская волости Сургутского округа
Темличеева	Св. нет	1636	70	280	Темлячевская волость Тобольского округа
Ваховская	12	1645	100	400	Верхне- и Нижневаховская, Ваховская и 2-я Салтыкова Сургутского округа
Аганская (Бардакова)	14	1625	89	360	Аганская и тром-юганские волости Сургутского округа
Лунпуколские . . .	16	1636	229	920	Лумпокольские, 1-я Салтыкова, Пирчинская волости Сургутского округа
Васюганская	17	1636	89	360	Васюганская волость Томского округа
Итого			842	3380	
Остяки (селькупы)					
Ларьятская	6	1636	42	170	Лариатская волость Томского округа
Тымская	12	1636	96	385	Тымские волости Томского округа и Тымская управа Туруханского края
Караконская	Св. нет	1636	22	90	Караконская управа Туруханского края
Итого			160	645	
Остяки (кеты)					
Сымская	Св. нет	1626	16	65	Частью слились с караконскими и тымскими остяками (селькупами), частью вошли в состав енисейских остяков (кетов)
Всего			1018	4090	

Волости остяков Сургутского уезда или составлявшие эти волости роды имели свои эмблемы (так называемые «знамена»). Так, эмблемой 1-й Луппуколской волости была ель, 2-й — филин, 3-й — соболь. Кроме того, у остяков луппуколских волостей была еще эмблема — месяц. Очевидно, в связи с переселением луппуколских остяков на Вах позже здесь у остяков Ларьятской управы тоже появилась эмблема — ель. В XVII в. ваховские остяки имели в качестве эмблем изображения лука и оленя. Эмблемой Бардаковой волости был тоже олень, хотя позже Г. Д. Вербов установил у потомков остяков Бардаковой волости, у аганских хантов, роды Лося, Бобра и Медведя. Бобра в качестве эмблемы имела в XVII в. Васюганская волость. У Юганской волости в XVII в. эмблемой была тетеря. Глава Темличеевой волости Тимошка Темличеев в 1647 г. в качестве своей эмблемы нарисовал лисицу, а другой остяк этой же волости — оленя. У селькупов Ларьятской волости с низовьев Ваха эмблемой была выдра, а кет Сымской волости Лефинкет Даншин в 1647 г. вместо подписи нарисовал орла [28].

По этнографическим данным, у селькупов Каракопской волости известны эмблемы журавль (старая, к которой, вероятно, и восходит название волости) и орел (современная, которую, может быть, принесли ассимилированные каракопскими селькупами сымские кеты). У селькупов Тымской волости, живущих на Тазе, эмблемой была, по этнографическим данным, птица кедровка или рыба окунь, у тымских селькупов, оставшихся на Тыме,— медведь, ворона, глухарь, ястреб и др. [29] Род Глухаря известен и у переселившихся на Туруханн банхинских селькупов..

К сожалению, до сих пор не удалось найти тамг («знамен») остяков Тымской и Каракопской волостей XVII в. В случае их обнаружения можно было бы опираться на этот материал при решении вопроса о происхождении современных эмблем тымских и каракопских селькупов. Но надо иметь в виду следующее: и на Тым и на Таз и Туруханн после XVII в. проникали селькупы с Кети и Оби, в результате чего с XVII в. родовой состав тымских, каракопских и банхинских селькупов мог усложниться.

Остается также неясным, в каком соотношении находились группы остяков Сургутского уезда, имевшие эмблемами изображения животных и птиц, с известными нам волостями. Здесь необходимо еще специальное исследование. Вероятно, в ряде случаев волость совпадала с родовой группой, имевшей единую эмблему, но возможно, что в волости, как в племени, было объединено несколько родов с разными эмблемами.

В итоговой табл. 27 (стр. 85) мы приводим данные о составе населения Сургутского уезда в XVII в.

---

[28] См. В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. «Советская этнография» 1947, т. VI—VII, стр. 163—165; Г. Д. Вербов. Лесные ненцы. «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 69; ЦГАДА, ф. 214, ст. 308, лл. 120—126.

[29] См. Е. Д. Прокофьева. К вопросу о социальной организации селькупов. «Труды Ин-та этнографии», т. XVIII, М.— Л., 1952, стр. 90—91.

Глава IX

НАРЫМСКИЙ УЕЗД

Можно считать, что Нарымский уезд по входившему в него населению соответствовал объединению селькупов XVI в., известному в истории освоения русскими Сибири под названием Пегой орды, возглавлявшейся князцом Воней.

Нарымский острог был построен в 1596 г.— в год приведения в русское подданство Пегой орды. В 1619 г. после пожара он был перенесен на новое место, а в 1632 г. туда, где сейчас находится с. Нарым. Еще в 1610 г. территория и население будущего Нарымского уезда входили в Сургутский уезд [1] и в Нарымский острог присылался гарнизон («годовальщики») из Сургута. Но в 1619 г. в Нарыме уже был самостоятельный воевода. По Буцинскому, Нарым стал самостоятельным городом со своим воеводой и, следовательно, с уездом между 1612 и 1618 гг.[2]

В пределы Нарымского уезда входила р. Обь от устья Кети до устья Васюгана, а также бассейны притоков Оби на этом пространстве — Парабели, Пайдугины, Пиковки и др. Как мы знаем, в конце XVII в. в Нарымский уезд из Сургутского перешли волости Васюганская, Ларьятская и Тымская. С другой стороны, в 1635 г., а окончательно с 1641 г. из Нарымского уезда в Томский перешли волости Чаинская и Большая и Малая Чурабарские. В конце XVII в. к Нарымскому уезду фактически был присоединен целиком и весь Кетский уезд (см. ниже). Но мы будем рассматривать Нарымский уезд в его первоначальных границах.

Все население Нарымского уезда составляли остяки (селькупы). В табл. 28 (стр. 88), приведен список волостей Нарымского уезда с данными об изменении численности плательщиков ясака в них в течение XVII в.

Уменьшение численности нарымских остяков к 1632 г., вероятно, является следствием эпидемии оспы в 1630 г. В 1664 г. в Нарымском и Кетском уездах тоже была эпидемия оспы. Известно также, что в 1-й Парабельской волости между 1630 и 1665 гг. «умерли и откочевали в колмаки и сбежали в Тарский уезд в Барабу» 13 плательщиков ясака. С другой стороны, в 1670 г. в 1-й Парабельской волости жило три выходца из Барабы. В 3-й Парабельской волости к 1665 г. умерло и сбежало в Барабу девять человек. Надо также иметь в виду, что в 1681 г. в Нарымском уезде было 38 захребетных остяков, которые помогали платить ясак своим родственникам, но в ясачные книги вписаны не были. Следовательно,

---

[1] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.— Л., 1937, стр. 431.

[2] См. П. Н. Буцинский. К истории Сибири. «Записки Харьковского ун-та», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 75—76.

Таблица 28

Численность плательщиков ясака Нарымского уезда[3]

Волости	Год										
	1629	1630	1631	1632	1635	1641	1661	1670	1681	1693	1702
Нарымская Нижняя . . .	40	43	43	43	42	40	45	42	39	36	36
Нарымская Верхняя . . .	55	57	57	51	49	46	32	25	21	17	17
Нарымская отдельная . .	—	—	—	—	—	—	—	19	18	14	14
Парабельская 1-я	32	33	33	31	29	21	27	25	23	20	20
Парабельская 2-я	20	20	20	20	19	17	19	17	12	11	11
Парабельская 3-я	38	40	40	38	37	34	36	12	13	10	10
Парабельская 3-я отдельная	—	—	—	—	—	—	—	12	10	9	9
Парабельская 4-я	18	18	18	14	14	12	15	13	13	9	9
Ларпицкая	26	30	30	27	25	24	25	23	22	16	16
Пиковская	16	20	20	20	19	17	16	11	11	7	7
Тогурская	30	32	32	31	29	24	23	19	18	12	14
Чурабарская Большая . .	20	22	22	21	19	19	13	7	11	7	7
Чурабарская Малая . . .	10	13	13	13	13	13	4	4	6	4	4
Чаинская	32	30	30	20	17	17	14	7	10	7	7
Всего . . .	337	358	358	329	312	284	269	236	227	179	181

уменьшение числа плательщиков ясака к 1681 г. фактически было меньшее, чем явствовало из вышеприведенных данных.

В общем можно считать, что в начале XVII в. в Нарымском уезде было 360 плательщиков ясака (всего 1440 чел. населения), в середине XVII в.— около 270 плательщиков ясака (примерно 1080 чел. населения) и в конце XVII в.— до 220 плательщиков ясака (около 880 чел. населения).

Первоначально Нарымская волость не делилась на Верхнюю и Нижнюю, Парабельская волость — на 1, 2, 3 и 4-ю, а Чурабарская — на Большую и Малую. Поэтому мы на карте и в итоговой табл. 29 будем давать все эти волости без их позднейших подразделений. Но надо иметь в виду, что внучка главы Нарымской Нижней волости Кичея была замужем за главой Нарымской Верхней волости Тойбохтой Вопиным[4]. Таким образом, можно предположить, что подразделения Нарымской волости представляли экзогамные единицы, а Нарымская волость в своем первоначальном составе, следовательно, не являлась экзогамной фратрией или родом. Весьма вероятно, что родами были и подразделения Парабельской и Чурабарской волостей.

Судя по этнографическим данным Е. Д. Прокофьевой и Г. Ф. Дебеца, потомки членов Нарымской волости называют себя чумылькуп, Ларпицкой, Пиковской и Тогурской — сюссекум, Чурабарской и Чаинской — шешкум и Парабельской — массун (или мась)-кула. Распространение чумылькупов соответствует распространению северного, или нарымского,

[3] Эта таблица и комментарии к ней составлены по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 735—767), 22 (лл. 850—872), 32 (лл. 1007—1029), 34, 271 (лл. 248—270), 127 (лл. 154—158), 144, 150 (лл. 53—81), 438 (лл. 471—488), 713 (лл. 247—264, 364, 368, 373), 716 (лл. 906—921), 1045 (лл. 70—81), 1070 (лл. 47—64), 1367 (лл. 51—69).

[4] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 500.

диалекта селькупского языка (по Кастрену), распространение сюссекумов — среднему, или кетскому, диалекту и распространение шешкумов — южному или чулымскому, диалекту [5]. С массун-кула положение несколько неясно.

Но во всяком случае можно констатировать, что объединение селькупов, известное под названием Пегой орды, состояло из частей разных селькупских племен. Помимо чумылькупов, к которым, видимо, принадлежал и глава объединения Воня, в него входили и сюссекумы и шешкумы и массун-кула.

Расселение остяцких волостей Нарымского уезда устанавливается без особого труда благодаря тому, что вплоть до конца XIX в. они сохранились с теми же названиями, которые у них были в XVII в. Местоположение остяцких волостей Нарыма в конце XIX в. достаточно подробно описано в специальной литературе [6]. Исходя из самих названий волостей и данных атласа Ремезова, мы нанесли волости Нарымского уезда на карту. Поскольку Парабельская волость нами указана одним контуром, то сделаем оговорку, что 1-я Парабельская волость была расположена в основном по р. Чижапке, 2-я — вверх по Парабели, 3-я — в низовьях Парабели и на Оби в районе устья Парабели и 4-я — по рекам Чузику, Кенге и верховьям Чаи (Пардигу).

Следует также оговорить, что волости Нижне- и Верхнеподгородная XIX в. соответствуют волостям Нижне- и Верхненарымской XVII в. Город Нарым после изменения его местоположения в 1632 г. был построен именно на территории Нижненарымской волости, из которой позже выделилась

Таблица 29

Этнографический состав коренного населения Нарымского уезда

Племена и роды (волости)	Число юртов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Остяки (селькупы)					
Нарымская . . .	8	1630	100	400	Волости Нижне- и Верхнеподгородная и Подгородно-Пайдушная Томского округа
Парабельская . .	Св. нет	1630	111	440	Парабельские волости Томского округа
Ларпицкая . . .	2	1630	30	120	Ларпицкая волость Томского округа
Пиковская . . .	2	1630	20	80	Пиковская волость Томского округа
Тогурская . . .	5	1630	32	130	Тогурские волости Томского округа
Чурабарская . .	4	1630	35	140	Большая и Малая Чурабаровские волости Томского округа
Чаинская	4	1629	32	130	Чаинская волость Томского округа
Всего			360	1440	

[5] См. Castren's Reiseberichte und Briefe, St. Petersburg, 1856, S. 150.
[6] См. С. К. Патканов. Статистические данные..., т. II, СПб, 1912, стр. 143—161.

Подгородно-Пайдушная волость на р. Пайдугине. Сразу же вверх от Нарыма начиналась и территория Верхненарымской волости.

В табл. 29 приведен этнографический состав населения Нарымского уезда в XVII в.

Занимались нарымские остяки рыболовством и охотой. Как и у сургутских остяков, удачная летняя путина обеспечивали нарымских остяков питанием на всю зиму, давала им возможность заниматься зимним охотничьим промыслом, т. е. добывать пушнину для уплаты ясака. Добытая летом рыба сушилась. Никаких животных, кроме собак, нарымские остяки не имели. Даже перевозя зимой служилых людей в порядке ямской гоньбы, они сами впрягались в нарты [7]. Только концу XVII в. отмечаются отдельные случаи покупки ими лошадей у русских.

---

[7] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 218.

Глава X

КЕТСКИЙ УЕЗД

Первоначально Кетский острог был основан около 1602 г. в верхнем течении Кети на территории, которая с 1618 г. перешла в новый Енисейский уезд. По-видимому, этот первый Кетский острог находился в Кунгопской волости, которая в дальнейшем называлась Пумпокольской [1]. Поэтому и Кетский острог вначале назывался Кунгопским.

По соображениям П. Н. Буцинского, Кетский (Кунгопский) острог был перенесен между 1606 и 1610 гг. с верховьев Кети в ее низовья на то место, где сейчас находится село Кетское. Но есть указание, что в 1660/61 г. Кетский острог опять был перенесен на новое место, но, очевидно, неподалеку от старого [2].

Как и Нарымский острог, Кетский был вначале подчинен Сургуту и в него посылались сургутские «годовальщики». Но уже в 1605 г. существовал самостоятельный Кетский уезд со своим воеводой [3].

Одно время территория Кетского уезда была довольно обширна. В нее входила и та часть территории будущих Енисейского и Красноярского уездов, которая расположена к западу от Енисея, и часть бассейна Чулыма, которая в дальнейшем вошла в Томский уезд. Но с основанием в 1604 г. Томска и в 1618 г. Енисейска территория Кетского уезда очень сократилась, а по населению он стал самым маленьким уездом Сибири [4]. В то время как в некоторых других уездах Западной Сибири (Туринском, Верхотурском) малочисленность коренного населения быстро компенсировалась появлением многочисленного русского, особенно крестьянского населения, в Кетском уезде вплоть до конца XVII в. русского населения почти не было. Наверное потому, что в малолюдном, незначительном по территории и бедном естественными ресурсами Кетском уезде воеводе «не у чего было кормиться», сюда к концу XVII в. перестали посылать отдельного воеводу, а управление уездом возлагали на нарымского воеводу. Надо сказать, что еще в 1611 г. атаман Тугарин Федоров предлагал вместо Кетского и Нарымского острогов построить один новый и объединить в нем управление обоими уездами, но это разумное предложение тогда не было принято и немощный Кетский уезд просуществовал почти весь XVII в.

---

[1] См. гл. XIV.

[2] «Записки Харьковского университета», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 81.

[3] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.— Л., 1937, стр. 413.

[4] О споре между томскими и кетскими воеводами из-за ясачных волостей по Чулыму см. З. Я. Боярщинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского гос. ун-та, т. 112, Томск, 1950, стр. 76—78. Но уже в 1605 г. Чулым полностью и бесспорно вошел в Томский уезд.

Территория Кетского уезда в его окончательных границах охватывала всего лишь нижнее и часть среднего течения р. Кети с бассейнами впадающих на этом пространстве в Кеть речек, начиная с р. Озерной вверху и до р. Елтыревки внизу. Все коренное население Кетского уезда состояло из остяков (селькупов), называвших себя, как это удается установить по этнографическим данным, сюссекум. Таким образом, остяцкое население Кетского уезда все целиком принадлежало к одному племени, но в уезд это племя целиком не было включено. Значительная часть сюссекумов входила в состав населения Нарымского уезда, образуя в последнем волости Ларпицкую, Пиковскую и Тогурскую. В табл. 30 приводится список волостей Кетского уезда с данными об изменении численности плательщиков ясака в каждой волости в течение XVII в.

Таблица 30

Численность плательщиков ясака Кетского уезда [5]

Волости	Годы											
	1628	1629	1630	1635	1641	1642	1661	1670	1680	1694	1702	1703
Киргеева	43	45	44	38	31	28	27	20	18	13	13	12
Нянжина	—	—	—	—	—	—	18	17	17	17	17	17
Питкина	16	15	15	15	10	10	15	8	8	7	7	6
Иштанова	22	23	21	20	14	14	14	12	11	9	9	9
Кашкина	27	26	24	20	20	20	23	22	22	18	18	18
Лелькина	26	25	22	20	15	15	17	14	14	14	14	14
Всего . .	134	134	126	113	90	87	114	93	90	78	78	76

Все названия волостей Кетского уезда, кроме Нянжиной, образованы от собственных имен лиц, возглавлявших в то или иное время эти волости, представлявшие, вероятно, роды. Нянжина волость выделилась из Киргеевой. Возглавлял ее в 1661 г. Егырманко Ляркумов. В 1641 г. Егырма Леркумов записан как есаул вторым в списке Киргеевой волости после князца Кошлока Киргеева, а его отец Ляркума Гаков — одиннадцатым. Кроме указанных выше волостей, упоминается до 1626 г. еще волость Мурзина [6]. Это, по-видимому, прежнее название Нянжиной волости до ее временного присоединения к Киргеевой. В списке остяков Киргеевой волости 1641 г. имеется Мурза Немборин, очевидно давший название Мурзиной волости.

На численность кетских остяков повлияли, вероятно, эпидемии оспы 1630 и особенно 1664 гг. В 1628 г. из Киргеевой волости «на Турухан» (т. е. в Мангазейский уезд) бежал Арака Сумин и там крестился [7]. В 1630 г. из Иштановой волости Кутега Нотнин и Норга Чипгин, а из Лелькиной волости Тега и Панко Килбичиковы и Коргет Кизин бежали в Енисейский уезд, вероятно на Сым, где в Сымско-Касской волости, по этнографическим данным, зарегистрирован род Тымдыгет, выходцев с Кети, члены которого имели русскую фамилию Кетских.

---

[5] Таблица составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 19 (лл. 486—496), 22 (лл. 752—767), 71 (лл. 226—245), 154 (лл. 92—103), 144, 438 (лл. 549—568); 713 (лл. 27—37), 716 (лл. 346—356), 1071 (лл. 126—132), 1070 (лл. 139—147), 1367.

[6] См. П. Н. Буцинский. Кетск и Кетский уезд. «Записки Харьковского ун-та», 1893, кн. 2, часть неофициальная, стр. 83; А. Ф. Плотников. Нарымский край. СПб., 1901, стр. 263, 270.

[7] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 794. В Киргеевой волости был некто Елимарко Катарзин, поэтому Киргеева волость иногда называлась Елимарковой.

О бегстве кетских остяков на Енисей упоминается и в других документах, помимо ясачных книг. Например, около 1642 г. кетские остяки, жалуясь на тяжесть ясачного обложения (11 соболей в год), указывали, что им для того, чтобы добыть этих соболей, приходится ходить на промысел «ниже Енисейского от домов своих недель по шти и по семи» [8].

В общем можно считать, что в начале XVII в. в Кетском уезде было до 137 плательщиков ясака (всего 550 чел. населения), в середине XVII в.— 114 (460 чел. населения) и в конце XVII в.— 78 (около 320 чел. населения).

Расселение волостей Кетского уезда легко установить по описанию расселения этих волостей у Патканова [9] и Плотникова [10]. По данным XVII в., Киргеева волость была расположена по Кети ниже Кетского острога, Питкина — выше, а Лелькина находилась на границе с Енисейским уездом. Так были расположены соответствующие волости и в XIX в. Нами были учтены и старые административные границы между Нарымским округом, Томским и Мариинским уездами и Енисейской губернией, соответствующие южной и восточной границе Кетского уезда. Но на севере мы не включили в пределы Кетского уезда верховья притоков Кети Лисицы и Орловки, предполагая, что здесь кочевали закаменные (кайволдынские) остяки Мангазейского уезда (см. гл. XIII).

В настоящее время все потомки кетских остяков XVII в. являются селькупами, называющими себя сюссекум. Но в XVII в. некоторые кетские остяки имели имена кетского (енисейско-остяцкого) характера, например вышеупоминавшийся Коргет Кизин.

Кетские остяки были рыбаками и охотниками. В 1645 г. они жаловались, что у них нарымские остяки [11] выбили «прикормных» лисиц и бобров.

В итоговой табл. 31 показан состав населения Кетского уезда в XVII в.

Таблица 31

Этнографический состав коренного населения Кетского уезда

Племена, роды (волости)	Число юртов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Остяки (селькупы)					
Киргеева	2—3	1629	27	110	Киргеева волость Томского округа
Няпжина (Муразина)	2	1629	18	70	Няпжинская » » »
Кашкина	2	1628	27	110	Кашкинская » » »
Питкина	—	1629	16	65	Питкинская » » »
Иштанова	2	1629	23	90	Иштановская » » »
Лелькина	3	1628	26	105	Лелькинская » » »
Всего			137	550	

[8] Там же, стр. 112, л. 484; ст. 250, л. 409.

[9] См. С. К. Патканов. Статистические данные... Т. II, стр. 146—151.

[10] См. А. Ф. Плотников. Нарымский край, стр. 205—214. Заметим, что в конце XVII в. Иштанову волость возглавлял Максим Лапкин. По его имени называется с. Максимкин яр, находящееся в пределах б. Иштановой волости.

[11] ЦГАДА, ф. 214, ст. 250, л. 290.

Глава XI

ТОМСКИЙ УЕЗД

Переходя к характеристике коренного населения Томского уезда в XVII в., мы снова из таежных и болотных дебрей Нарыма и Кети возвращаемся к лесостепям и степям южной окраины Западной Сибири. Северная же часть Томского уезда, населенная остяками (селькупами) и чулымскими татарами, представляет, впрочем, еще окраину тайги, но южнее здесь простираются лесостепи и степи, населенные такими же тюркоязычными скотоводами, которые обитали в лесостепях и степях Тарского, Тобольского и Тюменского уездов.

Город Томск был построен в 1604 г. головой Г. И. Писемским, сыном боярским В. Ф. Тырковым и кодским князцом Онжею Юрьевым на территории так называемых еуштинских (яуштинских) татар. Глава этих татар Тоян добровольно принял русское подданство и предложил построить на территории еуштинцев русский город, который служил бы для защиты новых русских владений и новых русских подданных и базой для дальнейшего расширения этих владений. За добровольное подчинение еуштинцы были освобождены от уплаты ясака и находились в дальнейшем на положении служилых юртовских татар. Вместе с основанием города был образован Томский уезд, к которому отошли и некоторые старые ясачные волости Сургутского и Кетского уездов. В дальнейшем с помощью еуштинцев к Томскому уезду были присоединены многие новые волости, до основания Томска не входившие в состав русских владений. Кроме того, в 1635—1641 гг. в Томский уезд перешли волости Чаинская и Большая и Малая Чурубаровские, которые нами рассматриваются в составе Нарымского уезда [1]. К середине XVII в. территория Томского уезда включала в свои пределы р. Обь от района современного г. Новосибирска до района устья Чулыма, р. Томь вверх по течению до района современного г. Кемерово, р. Чулым от устья до устья ее притока р. Береж, а также почти все бассейны притоков Чулыма Кия и Кемчуга. Юго-западной границей Томского уезда в конце XVII в. считалась р. Бердь, на севере пределом Томского уезда был водораздел между Чулымом и Кетью, на востоке — водораздел между Чулымом и Енисеем. Неопределенной была юго-восточная граница уезда. «Здесь находились «порубежные» волости, бывшие постоянно в сфере влияния киргизских княжеств. Киргизские князьки считали жителей порубежных волостей своими «кыштымами». Эти «порубежные» волости на протяжении всего XVII века являлись объектом напряженной борьбы между томскими воеводами и киргизскими

[1] См. гл. IX.

князьками, борьбы за право эксплуатации местного населения, за право сбора ясака» [2].

Мы тем не менее рассматриваем эти порубежные волости в составе Томского уезда.

Помимо самого Томска, в Томском уезде ясак собирался также в Мелесском (Мелецком) и Ачинском острогах. Мелесский острог был построен в 1621 г. томскими головами Молчаном Лавровым и Осипом Кокоревым для сбора ясака с чулымских татар и защиты их от набегов киргиз. Ачинский острог построил Яков Тухачевский в 1641 г. В 1667 и 1673 гг. киргизы брали и сжигали Ачинский острог, который в последний раз был отстроен в 1682 г. на новом месте.

Томский уезд был пограничным. На западе и юго-западе он граничил с телеутами («белыми калмыками»), а на юго-востоке с киргизами. Но на юге соседом Томского уезда был Кузнецкий уезд, вклинившийся между «белыми калмыками» и киргизами. Таким образом, внешняя граница Томского уезда состояла из двух отдельных, разобщенных участков.

В источниках большая часть населения Томского уезда квалифицируется как «татары» и только несколько северных волостей называются остяцкими. К вопросу определения этнической принадлежности населения Томского уезда нам придется еще возвращаться.

Надо также заметить, что выяснение этнографического состава коренного населения Томского уезда, определение численности и расселения составляющих это население волостей представляет довольно трудную задачу, но она была значительно облегчена для нас выходом из печати работы З. Я. Бояршиновой «Население Томского уезда в первой половине XVII века», к которой нам придется неоднократно обращаться. В табл. 32 приводится список волостей с данными о численности плательщиков ясака в них. Эта таблица не дает полного и правильного представления о численности взрослого трудоспособного населения Томского уезда. В нее не вошли служилые татары еуштинцы и чаты и, кроме того, многие волости, в течение первой половины XVII в. еще не платившие ясак.

Судя по отметкам в ясачных книгах и данным З. Я. Бояршиновой [3], на изменение численности населения Томского уезда влияли главным образом налеты киргизов и «отъезды в киргизы» (в восточной части уезда), нападения «белых» и «черных» калмыков (в западной части уезда) и эпидемии оспы в 1630—1632 и 1664 гг. В табл. 32 случаи угона или «отъезда в киргизы» отражены неполностью, поскольку нами здесь приведены данные о том, сколько плательщиков ясака числилось в той или иной волости, а не сколько их фактически являлось к платежу.

Приведем данные о причинах изменения численности плательщиков ясака в Томском уезде за 1641—1642 гг. В Провской большой волости один ясачный «татарин» (!?) умер. В Темерчинской один человек сбежал «в киргизы». Относительно волостей Кизылской, Ачинской, Басагарской помечено, что они живут «в киргизах». Относительно плательщиков ясака Керексуской волости помечено, что сами они живут «в побегах», а жены и дети умерли в Енисейске на аманатском дворе. Про главу Кийской волости Кашика указано, что он живет «в киргизах». (В 1680 г. в этой же

---

[2] З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского гос. ун-та», т. 112, 1950, стр. 31—32; см. также: В. С. Синяев. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке. Труды Томского областного краеведческого музея, т. V, Томск, 1956.

[3] См. З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского гос. ун-та», т. 112, 1950, стр. 84—88.

Сведения об ясачных волостях Томского уезда в начале XVIII в. смотри в публикации Н. Кузнецова-Красноярского «Приходные окладные книги Томского уезда 1706—1718 гг.», Томск, 1893.

Таблица 32

Численность плательщиков ясака Томского уезда[4]

Волости	Год										
	1623	1629	1630	1631	1632	1641	1661	1672	1681	1691	1699
Остяки (селькупы)											
Кортульская	25	25	25	25	25	31	19	19	19	19	19
Шепецкая	17	16	16	16	17	19	10	10	10	10	10
Провская Большая	23	18	18	15	15	14	9	6	10	6	6
Провская Малая	7	6	6	6	6	5	3	3	4	3	3
Шегарская	25	14	14	14	15	12	10	8	11	8[5]	8[5]
Байгульская 1-я	16	13	13	13	13	12	4	3	3	3	3
Байгульская 2-я	5	5	5	5	5	5	8	3	8	3	3
Байгульская 3-я	7	6	6	6	6	7	10	8	11	8[6]	8[6]
Итого	125	103	103	100	102	105	73	60	76	60	60
Татары											
Темерчинская	—	—	—	15	10	11	7	6	8	6	6
Соргулина	—	—	—	—	—	—	9	6	11	6	6
Каргачина	29	20	20	20	20	15	19	9	11	9	9
Кизылдеева	7	7	7	7	7	8	5	5	7	5	5
Аргунская	12	8	8	8	8	7	6	4	5	4	4
Ячинская	10	10	10	10	9	5	9	6	8	6	6
Корюковская (Абалакова)	10	9	9	11	10	11	11	4	5	4	4
Кийская (Курчикова)	9	9	9	9	9	8	9	9	4	4	4
Мелесская (Кошенбайкова)	50	48	48	48	48	37	32	18	20	18	18
Мелесская (Туталова)	40	44	44	32	32	29	15	11	13	11	11
Кимская (Байгалова)	7	6	6	9	9	6	6	4	5	4	4
Керексусская	8	3	3	3	3	3	2	2	4	2	2
Кизыльская	12	9	10	8	8	8	9	9	9	10	10
Ачинская	—	4	4	4	4	5	5	6	6	6	6
Камларская	—	—	—	—	—	—	—	—	6	5	5
Басагарская	6	8	8	8	10	11	5	6	7	6	6
Шушская	—	—	—	—	6	1	9	9	9	9	11
Чоинская	—	—	—	—	6	3	8	8	8	8	8
Камларская горная	—	—	—	—	—	—	8	8	8	8	8
Оксунская (Кымныйская)	—	—	—	—	—	2	3	2	2	2	2
Горная порубежная	—	—	—	—	—	—	9	9	9	9	9
Тастарская	—	—	—	—	—	—	5	5	5	5	5
Итого	200	185	186	192	199	170	191	146	180	147	149
Всего	325	288	289	292	301	275	264	206	256	207	209

[4] Настоящая таблица составлена отчасти по таблице, приведенной на стр. 89 вышеупомянутого труда З. Я. Бояршиновой, составленной по ясачным книгам фонда 214 ЦГАДА. Кроме того, нами непосредственно были использованы следующие книги того же фонда 214: 19 (лл. 913—927), 22 (лл. 406—427), 32 (лл. 1060—1087), 34 (лл. 683 и далее), 271 (лл. 53—83), 154 (лл. 17—46); 144 (лл. 1—50), 438 (лл. 61—155), 566 (лл. 419—445), 76 (лл. 659—707), 997 (лл. 2—126), 1197 (лл. 35—52, 92—124).

[5] Состояла из Большой (пять плательщиков ясака) и Малой (три плательщика ясака) волостей.

[6] Состояла из Большой (пять плательщиков ясака) и Малой (три плательщика ясака) волостей.

волости восемь человек было казнено «за измену»). Относительно плательщиков ясака Корюковской волости в 1641—1642 гг. отмечено, что их «поимали в полон киргизы», а один «ясашный татарин охромел». В Кызылдеевой волости двух человек убили киргизы, один умер; в Аргунской и Каргачиной волостях киргизы убили четырех человек, в Байгулской волости киргизы «взяли в полон» трех человек и т. д.[7] На численности больших Мелецких волостей сказались эпидемии оспы в 1631—1632 и 1664 гг.

С другой стороны, в 1633, 1635 и 1642 гг. имели место массовые «приписки» новых плательщиков ясака[8]. В 1631 г. в состав ясачных волостей Томского уезда вошла новая, Темерчинская волость. До 1631 г. темерчинскими татарами владел чатский мурза Касай. Еще в 1626 г. томские воеводы пытались отнять темерчинцев у Касая, но включить их в состав плательщиков ясака Томского города удалось только в 1631 г.[9]

Большим приобретением Томского уезда была группа так называемых порубежных или горных, волостей, вошедших более или менее прочно в его состав только в 60-х годах XVII в. Это волости Шушская, Чоинская, горная Камларская, горная Порубежная, Тастарская и Кымпыйская. Очень поздно появилась в ясачных книгах Камларская волость Ачинского острога, но нет сомнения, что она существовала и раньше, но находилась, вероятно, «в бегах» у киргизов. Неясно для нас, откуда в 1661 г. взялась новая Саргулина волость, расположенная в самой гуще старых ясачных волостей Томского уезда. Видимо, она отделилась от какой-то известной нам группы плательщиков ясака или, может быть, даже от еуштинцев. Как бы то ни было, у нас нет оснований отрицать существование всех этих волостей до того, как они попали в ясачные книги, и нам поэтому надо все эти группы учитывать при определении численности коренного населения Томского уезда к началу XVII в. Но, кроме ясачного населения, в Томске были две группы служилых юртовских татар, это известные нам еуштинцы и так называемые чаты (джагаты?).

В 1626 г. считалось, что еуштинцев 204, а чатов 70 трудоспособных мужчин. В 1646 г. по шертоприводной книге чатских татар было 98 мужчин[10]. Мало вероятно, что численность чатов с 1626 по 1646 гг. значительно возросла, так как в 1629—1631 гг. имела место «измена» части чатов во главе с мурзой Тарлавой и чаты, вероятно, понесли большие потери в людях[11]. Поэтому можно считать, что если еуштинцев было в 1626 г. 204, то чатов должно было быть тогда до 100 трудоспособных мужчин. Мы предполагаем, что не преувеличиваем общую численность еуштинцев и чатов. В 1604 г. считалось, что у Тояна 300 чел.[12], вероятно это были 200 еуштинцев и 100 чатов, хотя в своей челобитной Тояи тогда только обещал помочь подчинить чатов.

В 1672 г. получавших денежное или хлебное жалование чатов было 87, а еуштинцев 19. Остальные еуштинцы и, может быть, некоторое число чатов, очевидно, служили без жалованья, но сколько было их, мы не знаем. Поэтому нам придется принять для середины и конца XVII в. численность трудоспособных мужчин-еуштинцев в 200 чел., и чатов — 100 чел., т. е. почти ту же, что и в 1626 г.

Принимая для перевода численности ясачных и служилых людей в численность всего населения коэффициент 4 (для так называемых «горных»

---

[7] ЦГАДА, ф. 214, кн. 154, лл. 17—47.

[8] См. З. Я. Боярщинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского гос. ун-та», т. 112, 1950, стр. 101.

[9] См. там же, стр. 85. «Темирчи» по-татарски значит «кузнец».

[10] См. там же, стр. 105—108.

[11] См. там же, стр. 109—110.

[12] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.— Л., 1937, стр. 313.

и «киргисских» волостей — 5), можно численность коренного населения Томского уезда в начале XVII в. определить в 728 ясачных и служилых человек (всего 3015 чел. населения). Будем считать, что к середине и концу XVII в. их было столько же. Нам кажется, что цифры, приведенные в табл. 32, начиная с середины XVII в., на 10—20% преуменьшают численность плательщиков ясака в Томском уезде. Оклад ясака в этом уезде был очень велик (10 соболей с человека, только у темерчинцев пять соболей). По-видимому, плательщики ясака в Томском, а также в Нарымском и Кетском уездах выходили из положения, преуменьшая численность мужчин в волостях. Эти не платившие ясак мужчины образовывали прослойку так называемых захребетников. Время от времени (в 1641, 1651 гг.) часть этих захребетников выявляли, но какое-то количество их, вероятно, так и оставалось неучтенным [13]. Формальное уменьшение численности ясачного населения Томского уезда к концу XVII в. в значительной степени следует объяснить этим обстоятельством.

Среди коренного населения Томского уезда выделяются в первую очередь волости, население которых составляли остяки (селькупы), потомки которых все называли себя «шешкум». К шешкумам относились и остяки обеих Чурубарских и Чаинской волостей, перешедшие в Томский уезд из Нарымского. Мы отнесли к остякам и Шегарскую волость и все Байгульские волости. Наши источники относят Шегарскую волость и одну, а в конце XVII в. и две Байгульские волости к «татарам». Их относят к «татарам» и С. К. Патканов и З. Я. Бояршинова. По отношению к Шегарской волости мы руководствовались следующими соображениями. Река Шегарка впадает в Обь там же, где находятся несомненно остяцкие Провские (Большая и Малая) волости. Здесь же в устье Шегарки на Оби находилась и Большая Шегарская волость. По Патканову, граница между остяками и татарами проходила на Оби несколько выше устья Шегарки между юртами Казырбацкими, в которых жили члены Большой Провской и Большой Шегарской волостей, и юртами Койбасовыми Соргулинской волости [14]. Учитывая, что этнические взаимоотношения здесь на Оби развивались, вероятнее всего, в направлении ассимиляции остяков татарами, а не наоборот, можно с уверенностью предполагать, что в XVII в. в районе устья Шегарки тоже жили лишь остяки и что ими были, в частности, и предки членов Большой Шегарской волости. Сложнее обстоит дело с Малой Шегарской волостью, которая была расположена вверх по р. Шегарке в районе устья р. Баксы. В XIX в. это были уже татары. Но в начале XVII в., когда еще существовала единая Шегарская волость, это, по-видимому, тоже были остяки. К концу XVII в., когда Шегарская волость разделилась на Большую и Малую, остяки, образовавшие Малую Шегарскую волость, вероятно, уже отатарились.

То обстоятельство, что к концу XVII в. две Байгульские волости относились к остякам и две к татарам, мы тоже считаем результатом имевшей место татаризации остяков. Иначе трудно объяснить существование по соседству волостей с одинаковыми названиями, но принадлежавших к разным этническим группам.

Остальное население Томского уезда нам приходится отнести к тюркоязычным татарам. Очень возможно, конечно, что среди так называемых горных волостей в бассейне Кии и на самом Чулыме среди волостей, плативших ясак в Ачинский и Мелецкий остроги, были группы населения,

---

[13] Обращает на себя внимание такой случай. В 1635 г. красноярские служилые люди и аринцы убили шесть кизыльцев. Но число плательщиков ясака в Кизыльской волости с 1632 по 1641 г. не изменилось — как было, так и осталось восемь человек (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., стр. 415, 424).

[14] См. С. К. Патканов. Статистические данные... Т. II, стр. 314.

говорившие на языках кетской группы, а в низовьях Чулыма могли жить самоедоязычные группы и помимо Байгулских волостей.

Относительно кизыльцев, например, известно, что они жили и «лесовали» по соседству с кетоязычными аринцами [15]. Известно также, что у одного кизыльца был племянник в кетоязычной Буклинской волости Красноярского уезда [16]. В 1641 г. с буклинца Пуги был взят ясак в Мелецком остроге [17]. Но пока у нас определенных данных по этому вопросу нет и нам приходится считать все это население Чулыма тюркоязычным, каким оно было в XVIII и XIX вв., когда подверглось этнографическому и лингвистическому обследованию, и каким оно являлось последнее время, согласно исследованиям А. П. Дульзона [18]. Среди этого тюркоязычного населения Томского уезда наши источники выделяют несколько его основных групп. Во-первых, это еуштинцы с Соргулиной волостью; во-вторых, чаты, к которым территориально и социально примыкали темерчинцы; в-третьих, так называемые «горные порубежные» волости верховьев Кии (Шушская, Чоинская, горная Камларская, Оксунская, горная Порубежная и Тастарская), вероятно те, которые Радлов называл «кэцик»; в-четвертых, группа чулымских волостей, плативших ясак непосредственно в Томск (волости Каргачина, Кизылдеева, Аргуиская, Ячинская, Корюковская, Кийская-Курчикова), очевидно те, которые Радлов называл куэрик; в-пятых, мелесы или милисы, платившие ясак в Мелецкий острог (волости Мелецкая, Кошенбайкова и Мелецкая Туталова); в-шестых, «киргисы», платившие ясак и в Ачинский (волости Кизыльская, Ачинская, Басагарская и Камларская) и в Мелецкий (волости Кимская-Байгалова, Кимская Керексуская) остроги.

Относительно еуштинцев, чатов и мелесов можно предполагать, что это были племенные образования. Горные волости и «киргисы» представляли бывших киргизских данников. Вряд ли это были киргизы, как их называют иногда источники, но маловероятно, что это были определенно очерченные племена. Очевидно, это были конгломераты родов разного происхождения, находившиеся на периферии киргизских владений. Такую же неопределенную группу родов представляли, наверное, и чулымские волости, с той разницей, что их до прихода русских эксплуатировали не только киргизские «князцы», но и родовая знать еуштинцев.

Описание размещения волостей Томского уезда дается З. Я. Бояршиновой [19]. В итоге Бояршинова так характеризует местоположение волостей Томского уезда в XVII в.:

«а) Томская (т. е. Еуштинская.— *Б. Д.*) волость охватывала нижнее течение Томи от Томского города до впадения р. Томи в Обь;

б) Чатские владения — на Оби выше и ниже (sic! — *Б. Д.*) Томского устья;

в) Темерчинская волость по Оби по соседству с чатами;

г) Шегарская, Малая Провская, Большая Провская, Шепецкая и Кортульская волости — по берегам Оби в районе между устьем Томи и устьем Чулыма. Расположенные вниз по течению р. Оби, они в ясачных книгах Томского уезда часто назывались «низовья Обские волости»;

---

[15] ЦГАДА, ф. 214, кн. 32, ч. II, л. 1077.

[16] Там же, кн. 22, л. 419.

[17] Там же, кн. 154, л. 44.

[18] См. А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. «Ученые записки Томского педагогического ин-та», т. IX, 1952; его же. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья. «Ученые записки Томского педагогического ин-та», т. XI, 1954; его же. Диалекты татар аборигенов Томи. «Ученые записки Томского педагогического ин-та», т. XV, 1956.

[19] См. З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского гос. ун-та», т. 112, 1950 стр. 36—41.

д) Аргунская, три Байгульских, Чулымская Каргачина, Кизыльдеева, Ачинская, Мелецкая-Туталова, Мелецкая, Басагарская и Кизыльская по берегам Чулыма;

е) по притоку Чулыма Кемчику находились волости Кимская-Байгалова и Керексусская;

ж) по правом берегу Кии волости Кориковская-Абалакова и Кийская-Курчикова.

з) волость Ячинская или Ачинская (sic! — *Б. Д.*) на р. Яе» [20].

В этом описании сомнительно лишь утверждение, что чаты жили по Оби ниже устья Томи. Вероятнее, что здесь жили еуштинцы. Данные Бояршиновой мы дополнили указаниями атласа С. У. Ремезова и сведениями о расселении потомков членов томских волостей XVII в. в конце XIX в., взятыми у С. К. Патканова. Надо только иметь в виду, что население, составившее Кизыльскую управу и некоторые другие административные единицы, изменило свое местоположение с конца XVII по конец XIX в. При использовании данных XIX в. для нанесения на карту волостей XVII в. мы брали лишь сведения о местожительстве таких групп населения, в отношении которых была уверенность, что они не изменили своего расселения за указанный период. В целом же удалось установить местоположение всех волостей Томского уезда за одним исключением. А именно, у нас не оказалось достаточно материала для установления территории всех в отдельности горных порубежных волостей, и нам пришлось все эти шесть волостей показать одним контуром. Более или менее определенные указания мы имеем лишь о местоположении Шушской (Шуйской) волости, находившейся в верховьях р. Кии по речкам Тисульке и Каштаку (Кайчаку). Известно, что Каштацкий острог [21] был построен на земле шушцев. Население Кымныйской волости кочевало на р. Большой Китат. Надо также заметить, что бассейн верховьев Кии, если на нем не показать горные порубежные волости, остается пустым. Исходя из этого соображения, а также учитывая данные о кочевках шушцев, о расселении соседних волостей Томского и Кузнецкого уездов и о расселении других народов (сагайцев, киргизов), мы и определили территорию горных порубежных волостей. Как территория горных порубежных волостей, так и территория остальных волостей Томского уезда показаны на карте, и особо описывать их мы не будем. Оговорим лишь, что в ряде случаев мы не смогли избежать схематизма в определении территорий отдельных волостей Томского уезда, особенно в верховьях Чулыма на рубеже с киргизами.

В 1661 и 1681 гг. жители горных порубежных волостей (Шушской, Камларской, Чоинской, Тастарской) убегали от киргизов на р. Томь, в частности в Тюлюберскую волость [22]. От Ачинского острога члены Керексуской волости в 1679 г. ездили в Красноярск за хлебом, а члены Камларской волости в 1672 и 1691 гг., убегая от киргизов, жили вверх по Томи [23]. По временам шушцы и население других горных волостей кочевали и в земле киргизов, в частности у истоков Сережа у Белого озера, на р. Береж в верховьях Урюпа, на Божьем озере и т. д. Но все эти передвижения нами на карте не отражены. Мы их рассматриваем как временные перекочевки, не меняющие основной дислокации волостей.

---

[20] См. З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского гос. ун-та», т. 112, 1950, стр. 41. По вопросу о расселении племен и родов на Чулыме ценные сведения, соображения и карты имеются в статьях А. П. Дульзона «Чулымские татары и их язык» («Записки Томского Гос. педагогического ин-та», т. IX, 1952) и В. С. Синяева «К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке» (Труды Томского областного краеведческого музея, т. V, Томск, 1956).

[21] Этот острог был построен в конце XVII в. у «серебряной руды» на р. Каштаке.

[22] ЦГАДА, ф. 214, кн. 438, л. 153; кн. 716, лл. 690, 693, 701, 704.

[23] Там же, кн. 716, лл. 681, 690; кн. 997, л. 32.

Таблица 33

Этнографический состав коренного населения Томского уезда

Этнические, племенные, родовые группы (волости)	Подразделения племен и родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие родам и племенам XVII в.
			плательщиков	всего населения	
Остяки (селькупы)					
Кортульская (Нандрина)	Св. нет	1641	31	120	Кортульская волость Томского округа
Шепецкая	» »	1641	19	80	Шепецкая волость Томского округа . . . . .
Провская	Делилась на Большую и Малую	1623	30	120	Больше- и Малопровская волости Томского округа
Шегарская	Св. нет	1623	25	100	Больше- и Малошегарская волости Томского округа
Байгульская	Делилась вначале на три, а затем на четыре волости	1623	28	110	Больше- и Малобайгульские остяцкие и татарские волости Томского округа
Итого			133	530	
«Татары» (тюрки)					
Еуштинцы	Несколько городков	1626	204	820	Еуштинская управа Томского округа
Чаты (джататы)	4 городка	1626	100	400	Чатская управа Томского округа
Темирчинцы	Св чет	1631	15	60	Темирчинская управа Томского округа
Соргулина	—	1661	9	35	Соргулинская волость Томского округа
Каргачина	Св. нет	1623	29	120	Большекаргачинская управа Томского округа
Кизылдеева	—	1641	8	30	«Кизыльский» род Мелецкой управы Ачинского округа
Аргунская	» »	1623	12	50	Большеаргунская управа Томского округа. Малоаргунский род Мелецкой управы Ачинского округа
Ячинская	» »	1623	10	40	Ячинская управа Томского округа. Ячинская управа Кузнецкого округа
Корюковская (Асалакова)	» »	1631	10	45	Малокорюковская управа Томского округа
Кийская (Курчикова)	» »	1623	9	35	Курчиковский род Кизыльской управы Ачинского округа

Таблица 33 (продолжение)

Этнические, племенные, родовые группы (волости)	Подразделения племен и родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие родам и племенам XVII в.
			плательщиков	всего населения	
Мелецкая	Делилась на верхнюю (Кошенбайкову) и Нижнюю (Туталову)	1623 и 1629	94	380	Мелецкая управа Ачинского округа и Обско-Тутальская управа Томского округа
Кимские (Кемские)	Байгалова	1631	9	45	Игинский род Кизыльской управы Ачинского округа
	Керексуская . .	1623	8	40	
Кизылская	Св. нет	1623	12	60	Кизыльский род Кизыльской управы Ачинского округа
Ачинская	» »	1672	6	30	Больше- и Малоачинский роды Кизыльской управы Ачинского округа
Камларская	» »	1681	6	30	Камларский род Кизыльской управы Ачинского округа
Басагарская	» »	1641	11	55	Басагарские роды Кизыльской управы Ачинского округа
Горные порубежные	Шушская	1661	9	45	Шуйский род Кизыльской управы Ачинского округа Шуйская управа Кузнецкого округа
	Чоинская	1661	8	40	Сведений нет
	Камларская горная	1661	8	40	Камларская управа Кузнецкого округа
	Кымныйская (Оксунская) .	1661	3	15	Сведений нет
	Горная порубежная	1661	9	45	» »
	Тастаркая . . .	1661	5	25	» »
Итого			595	2485	
Всего			728	3015	

По уровню и характеру своего хозяйственного развития население Томского уезда делилось на несколько групп. Скотоводов и коневодов, занимавшихся также мотыжным земледелием, охотой и рыболовством, представляли еуштинцы и чаты. Имели лошадей и коров, но в большей степени занимались охотой члены горных и «киргизских» волостей по Чулыму. Мелесы, остальные чулымцы и остяки в основном занимались охотой и рыболовством.

Вопрос о существовании у них к приходу русских скотоводства и коневодства остается открытым. Все коренное население Томского уезда, как указывает З. Я. Бояршинова, занималось также собиранием дикорастущих съедобных растений.

Бояршинова считает, что первобытно-общинный строй у жителей Томского уезда начал распадаться задолго до XVII в., что исторические памятники дают яркую картину социальной дифференциации местного общества. Вместе с тем она указывает, что уровень экономического и общественного развития этнических групп Томского уезда был неодинаков [24].

Последнее утверждение Бояршиновой безусловно правильно, но оно отчасти снимает ее предыдущие утверждения. Конечно, у еуштинцев и чатов существовала родовая аристократия, эксплуатировавшая и зависимые роды и своих соплеменников. Но вряд ли можно рассматривать «князцов» и «лутчих людей» полунищих селькупских и чулымских родов в качестве «господствующей эксплуататорской» верхушки. Ведь термины «князцы» и «лучшие люди» — это русские феодальные термины, едва ли адекватные действительному социальному положению глав этих по большей части небольших патриархальных родов. В 1681 г., например, глава Большой Байгулской волости Кырыскула Пыжин умер с голода, как и многие другие плательщики ясака Томского уезда. Нам кажется также, что Бояршинова не совсем ясно представляет себе сущность патриархально-родового строя. Существование патриархальных семей у племен Томского уезда она считает, например, признаком разложения родового строя [25]. Но патриархальная семья — это форма существования, а не только форма разложения патриархально-родового строя. Конечно, по сравнению с материнско-родовым строем патриархально-родовой строй в целом представляет более поздний этап развития человеческого общества, стадию перехода к классовому обществу. Так надо было и сказать. Несколько наивны также соображения Бояршиновой о подъеме общественного значения мужчин-охотников именно в период кануна русской колонизации [26]. Как будто в предыдущие эпохи истории народов Сибири мужчина-охотник и воин играл меньшую роль в хозяйстве и общественной жизни коренных обитателей Сибири. К сожалению, наша тема и недостаток места не позволяют нам остановиться на этих вопросах достаточно подробно.

В табл. 33 (стр. 101—102) указан состав коренного населения Томского уезда.

---

[24] См. З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского ун-та», т. 112, 1950, стр. 75.

[25] См. там же, стр. 61.

[26] См. там же, стр. 59—60.

Глава XII

КУЗНЕЦКИЙ УЕЗД

Вскоре после основания Томска, уже в 1607 и 1609 гг., служилые люди из этого города ходили вверх по Томи для сбора ясака с так называемых «кузнецких» волостей. В 1618 г. томскими головами Осипом Кокоревым и Молчаном Лавровым и сыном боярским Остафием Харламовым Михалевским был построен Кузнецкий острог на р. Томи против устья Кондомы. Первым воеводой в новом остроге был только что упомянутый Михалевский. В 1622 г. Кузнецк уже считался городом. Таким образом, образование Кузнецкого уезда относится к 1618—1622 гг.

Первоначально территория Кузнецкого уезда была очень невелика и ограничивалась лишь верховьями Томи и бассейнами Кондомы и Мрассу, населенными абинцами и шорцами. Но к 1629 г., когда в состав населения уезда вошли, хотя и не полностью, челканцы, кумандинцы, тубалары и некоторые степные волости, территория уезда значительно расширилась. Еще больше она стала к 1671 г., когда в состав населения Кузнецкого уезда вошла большая группа телеутов, известная в то время под названием ускатских «белых калмыков», и, наконец, еще больше стала территория уезда после 1703 г., когда в состав его населения вошли сагайцы и бельтиры. Но даже при всех этих приращениях территории Кузнецкий уезд оставался одним из самых небольших сибирских уездов XVII в. Зато по численности населения Кузнецкий уезд стоял рядом с Тобольским и превосходил все остальные уезды Западной Сибири, за исключением Березовского. Такое сосредоточение на сравнительно ограниченной территории довольно большого (по сибирским масштабам XVII в.) населения, очевидно, было связано со значительным развитием на территории Кузнецкого уезда добычи железа из руды, выделки из этого железа различных изделий для сбыта окружающим народам и существованием здесь, хотя и примитивного, земледелия.

Положение Кузнецкого уезда по отношению к другим русским сибирским уездам было довольно необычно. Он с трех сторон был окружен не входившими в состав Российского государства «немирными землицами» и долгое время был соединен с остальной русской Сибирью только р. Томью. Северная и северо-западная часть Кузнецкого уезда представляла степную и лесостепную область. Южная его часть, где сосредоточивалось большинство населения, представляла горно-таежную местность. Здесь и находились собственно «кузнецкие» волости. В северной, степной части Кузнецкого уезда, в бассейнах рек Ини и Бердь, в продолжении почти всего XVII в. часто кочевали «белые калмыки» и другие кочевники. В результате этого политическое положение Кузнецкого уезда и связь с

Таблица 34

Численность плательщиков ясака Кузнецкого уезда[1]

Улусы и волости	Год											
	1629	1630	1631	1635	1636	1642	1650	1671	1681	1692	1703	1715
Бежбояков (Бежбеяков)	31	38	38	40	38	43	64	50	48	42	43	41
Ендаков (Ендаев)	16	16	15	17	17	22	30	34	23	16	18	18
Барсаяков		—	—	—	—	—	—	35	32	30	25	25(?)
Тугуяков (Тугочаков)	—	24	26	39	42	33	31	13	10	8	4	4
Бакчетаев	20	32	26	27	35	43	40	36	38	30	27	32
Базараков	26	16	16	19	18	24	27	39	30	26	24	24
Созымов	13	31	27	30	30	31	37	41	34	38	40	38
Саинская	27	6	5	4	3	5	6	3	4	2	—	—
Елейская на Мрассу	5	18	22	14	14	15	16	14	16	22	19	20
Елейская на Кондоме	20	16	16	25	25	30	36	51	35	40	14	17
Ближняя Карга	16	20	18	33	30	26	25	28	21	24	22	25
Кузешева Карга	18	10	14	15	15	15	21	34	33	30	19	18
Кызыл Карга	11	18	17	27	25	29	27	31	26	20	15	16
Малая Карга	17	6	7	8	6	6	—	—	—	—	—	—
Ковинская	5	6	5	13	9	14	10	20	20	22	22	23
Кувинская	6	7	6	16	16	14	15	18	15	19	22	20
Изушерская (Визюшорская)	7											
Киченская	10	10	10	21	21	24	32	23	20	22	21	21
Итиберская	4	4	4	3	—	—	—	—	—	—	—	—
Когудеев улус Итиберской волости	10	12	14	30	27	25	33	40	39	45	24	27
Озылбаев улус Итиберской волости	32	30	35	40	37	35	45	55	40	47	29	36
Сарачорская	8	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карачорская	15	16	18	29	26	27	33	31	19	9	3	—
Каргинская	20	28	20	32	30	29	38	52	50	57	40	47
Кумандинская	22	21	23	31	29	32	28	14	14	14	10	12
Солунская	12	15	17	40	29	24	39	61	67	82	57	67
Керсагалская	—	×	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—
Чабатская	—	—	—	—	—	—	29	29	×	—	—	—
Кузенская	×	×	1	4	×	4	—	1	—	—	—	—
Комнашская (Комлячская)	5	6	6	6	6	8	14	16	18	20	15	17
Баланская	4	4	4	6	6	9	10	27	28	28	29	35
Тогос	—	×	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Тергешская (Тергецкая)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	13	13	8	6	5	9	15	21	30	—	20	22

[1] Таблица составлена по следующим книгам фонда 214: 19 (лл. 784—812), 22 (лл. 704—749), 32, ч. II (лл. 960—1004), 127 (лл. 182—225), 71 (лл. 1—46), 154 (лл. 269—369), 271 (лл. 391—519), 713 (лл. 427—616), 716 (лл. 1092—1264), 1022 (лл. 47—218), 1363 (лл. 1—62), 1593 (лл. 1—56).

В ряде случаев в таблице вместо цифр поставлены крестики. Эти крестики означают, что данная группа упоминается в ясачной книге, но без вышеуломянутых данных о числе плательщиков ясака. Имеющиеся сведения об этих группах приводятся в специальном изложении содержания той части ясачных книг, которая не вошла в таблицу. Это описание тоже сделано по годам. Оговорим, что по Кузнецкому уезду, как и по другим уездам Западной Сибири, нами использованы не все имеющиеся в Государственном архиве древних актов ясачные книги, а лишь часть их на выборку по одной, примерно через каждые десять лет, кроме самых первых, которые частично использованы подряд или с сравнительно небольшими интервалами.

Таблица 34 (продолжение)

Улусы и волости	Год											
	1629	1630	1631	1635	1636	1642	1650	1671	1681	1692	1703	1715
Шанжинская	4	4	2	5	3	7	4	5	4	3	—	—
Южская (Юсленская)	—	5	5	2	×	2	1	6	—	9	4	35
Шелканская	9	8	7	9	9	16	14	27	25	34	35	33
Тогулская	7	8	4	3	3	6	16	25	27	26	17	17
Азкыштымская	6	20	10	4	—	—	—	30	40	49	28	28
Таганская	6	6	7	13	10	15	18	23	36	39	21	26
Керетская	11	14	8	9	10	8	7	10	11	10	10	14
«Белые калмыки»	—	—	—	5	×	×	6	94	114	100	63	74
Тюлюберская	17	22	23	20	25	18	16	19	46	15	9	10
Баянская	8	11	11	13	12	14	21	32	32(?)	18	15	17
Сагайская	×	×	—	—	—	—	—	×	—	—	13	30
Юс-сагайская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	9
Бельтирская (Пелтилская и т. д.)	—	—	—	×	2	—	—	×	—	—	35	36
Чистары	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—
«Курчюки»	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—
Табанские люди	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—
Мотарские люди	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—
Телесские люди	—	×	—	×	×	×	×	×	×	—	×	×
Тау-телеуты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	×	×
Киргизы	×	×	×	×	×	×	—	×	—	—	—	—
Керзегетская	—	—	—	—	4	—	5	3	×	—	—	—
Ыскунская	—	—	—	—	—	—	—	8	×	—	—	—
Тотушская	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—
Мундусская	—	—	—	—	—	—	—	22	×	12	—	—
Купручюрская	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Байдерская	—	—	—	—	—	—	2	3	—	—	—	—
Кергилская	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—

ним очень усложнялись, тем более, что с востока с Кузнецком соседили воинственные киргизы и их киштымы сагайцы.

Все население Кузнецкого уезда составляли тюркоязычные группы вышеупомянутых абинцев, шорцев, челканцев, кумандинцов, тубаларов, телеутов, сагайцев, бельтиров и др. Оговорим, что наши источники дают только списки волостей и улусов, которые они группируют не по племенам, а по территориальному признаку, выделяя волости, расположенные по Кондоме, по «Мрасе» (Мрассу), по верховьям Томи. Отдельно перечисляются «степные волости» и т. д. Группировку волостей и улусов XVII в. по племенным образованиям мы проделали сами, использовав для этого современные этнографические данные (см. ниже).

В табл. 34 приведен список волостей, улусов и племенных групп, упоминающихся в известных нам ясачных книгах Кузнецкого уезда, с данными об изменении численности плательщиков ясака в этих волостях в течение XVII в.

Поскольку Кузнецкий уезд был окружен не входившими в состав России племенами и народами, постольку в числе ясачных волостей то появлялись новые группы, то исчезали прежние, то резко колебалось число плательщиков ясака в волостях, то ясак записывался без указания числен-

ности уплатившей его группы населения. Поэтому необходимо несколько дополнить и пояснить данные табл. 34.

В 1629 г. было получено 67 соболей «с киргизских да сагайских людей» и 10 соболей с Чабатской волости без указания количества людей, уплативших ясак.

В 1630 г. «с киргизских и сагайских людей» было взято соболями, недособолями, собольими хвостами и «треухами татарскими» за 63 соболя. Относительно волостей Балапской, «Чибатской», Солупской и Телесской сказано, что с них ничего не взято, потому что они «отказали в ясаке». Упомянута также волость Тогос, от которой некий Маймай принес шесть поминочных и 10 ясачных соболей.

В 1631 г. «с киргизских людей» было взято 53 соболя. Сагайцы не упоминаются. Шорской волости «татарин» Тоингулу в этом году заплатил 10 соболей на Мрассу. Мы его причислили к Карачорской волости. Кузенская волость в этом же году «откочевала в Саяны».

В 1635 г. «с киргизских людей» было взято 40 (?) соболей. В этом году «телеской князец Айдарко с телеских мужиков» заплатил 60 соболей «да два лука за 10 соболей». Относительно Киченской («Кенчинской») волости помечено, что «были в Изюшерской волости». В этом же году с Пелти... (Белтирской?) волости было получено пять поминочных и шесть ясачных соболей. Относительно Азкиштымской волости помечено: «пришли из черных колмаков».

В 1636 г. с «киргизских людей» было взято 24 соболя, с ускатских белых калмыков — пять соболей. Относительно Азкыштымской волости помечено, что она «откочевала в белые Калмыки в Мундусы», а Чабатской («Чибатской») и Южской («Юской») — что с них взято 30 соболей и что они с женами и детьми откочевали «в черные колмаки». Телесский князец Айдарко принес в этом году 100 соболей. В этом году киргизы убили 12 плательщиков ясака в Тюлюберской волости [2].

В 1642 г. с «киргизских людей» было взято 30 соболей, с ускатских калмыков — пять соболей, с телесов Айдара Мандракова — 40 соболей. При этом телесы прислали ясак с челканцами. Часть челканцев и тиргешей ушла «в телесы» и саяны, часть кумандинцев — в нижнюю Куманду, саяны, «в черные и белые калмыки». Из Карачорской волости двое ушли «в Ясанскую (?) волость в елеи», а один — в «шанжилы».

В 1650 г. «с телеских людей» было взято 50 соболей. Кроме того, в этом году ясак заплатил «калмак Мачик». По одним данным, это глава части белых калмыков, по другим — керсагал. Из Кумандинской волости один человек ушел в керсагалы. Относительно волостей «Кезегецкой», «Байдерской» и «Купручюрской» сказано, что они откочевали или живут в саянах.

В 1671 г. «с киргизских кыштымов с сагайских и с белтерских и с чистарских и с курчюков (?) и с киргиз (?) было взято 20 поминочных соболей, а в ясак 91 соболь и 220 хвостов за 44 соболя». «Белые калмыки» состояли из трех групп: ускатской — 17 чел., «прежнего выезду которые живут с ускатскими колмаками» — 25 чел., «белые колмаки последнего выезду которые выехали... от князца Коки Абакова» — 52 чел. С телесов было взято 40 соболей (по-видимому, с 20 чел.), на «табанских людей» был положен оклад 25 соболей, но они ушли в саяны и в «черные колмаки». Кроме того, в саяны ушли люди из волостей «Чигатской» Татушской, а в «черные колмаки» — из волости «Байдерской», а также отдельные ыскулские, мотарские и мундусские люди. В списке Керетской волости к имени Конаса Изенева приписано: «Взято 3 соболя против прошлого потому что он породы киргизские потому платит не всякой год». В составе

---

[2] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 441; ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, л. 135.

волости Ближняя Карга платил ясак один «сагайский мужик». Из Ковинской волости пять человек «ушли в белтыры и в горы». Относительно Сагайской волости, которая была записана вместе с «изюшерами», отмечено: «Все ушли в Сагайскую землю». Мундусские люди платили ясак двумя группами — в 14 и в восемь человек. Относительно первой из них помечено, что «побили их саянские люди». Хотя в Керсагалской волости числилось 29 чел., но заплатила она лишь 57 соболей.

В 1681 г. было взято ясака с волостей Кесегецкой, Тотушской, Мундуской и Иткулской 15 соболей, с телеских людей — 31 соболь, с «Керсагарской волости» — 59 соболей. Среди «белых калмыков» отмечена какая-то новая группа из 15 чел. Относительно плательщиков ясака волости «Кызылская карга» отмечено, что один из них «живет в киргизской землице в Табапах» и один жил «в белтирах».

В 1692 г. в составе ясачных «белых калмыков» было девять ускатских, 10 «прежних выходцев», 73 «последнего выезду» от князца Коки Абакова» и восемь новых «выезжих белых калмыков».

В 1703 г. «телеские кыштымы» заплатили 40 соболей и «те(ле)уцкие кыштымы» — 25 соболей. «Белые калмыки» названы: «Улус Ускацких подгородных белых калмыков». В Керецкой волости отдельно названы четыре «новокрещена». Тиргешская волость названа Кергежской.

В 1715 г. с «телеских кыштымов» было взято «против» 40 соболей и с «таутелеуцких кыштымов» — 18 соболей. В 1714 г. бежали «за камень в олёта» 12 сагейцев и три белтира.

Поскольку большая часть плательщиков ясака Кузнецкого уезда не только в XVII в., но и в XVIII в. была двоеданцами, то колебания численности плательщиков ясака показывают главным образом колебания в явке к ясачному платежу, а не действительное изменение численности населения. Можно также предполагать, что коренное население Кузнецкого уезда, подвергавшееся и эксплуатации со стороны царского правительства и набегам джунгарского государства, вряд ли в течение XVII в. возрастало в численности. Мы будем исходить из предпосылки, что численность населения Кузнецкого уезда в течение XVII в. не изменилась. Для определения этой численности используем по каждой группе наибольшую цифру явки к ясачному платежу. Но сначала нам необходимо определить этнографический состав населения Кузнецкого уезда и установить распределение известных нам улусов и волостей по входившим в уезд этнографическим группам.

1. Абинцы. Мы выделяем в качестве племени абинцев — предков северной части современных шорцев, живших по р. Томи в районе г. Кузнецка, в районе устьев рек Абы, Кондомы и Мрассу и в низовьях последних двух рек. Название абинцы в отношении коренного населения района Кузнецка не раз встречается уже в XVII в. В 1607—1609 гг. неоднократно упоминается князец Базаяк Обинской волости. В 1611 г. служилый человек Иван Тихомирнов ходил к Базаяку в Обинскую волость, чтобы построить там острог. В 1615 г. сотник Иван Пущин и атаман Бажен Костентинов «повоевали» Абинский улус. Как известно, Кузнецкий острог был поставлен в Абинской земле. В 1622 г. киргизы «повоевали» Абинскую волость в Кузнецком уезде [3]. Л. П. Потапов сообщает, что «в местных преданиях и обыденной речи шорцев Кузнецк называется Аба-тура..., т. е. «город абинцев» [4]. Под названием абинцев северную часть шорцев описали Гмелин и Георги. По свидетельству Л. П. Потапова, телеуты, тубалары и кумандинцы называют шорцев «шор-кижи» и «аба-кижи» [5]. Родовое (или

[3] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.— Л., 1937, стр. 321, 421, 435—436, 442—443; т. II, стр. 286—287.

[4] Л. П. Потапов. Очерки истории Шории. М.— Л., 1936, стр. 13.

[5] См. там же, стр. 7.

племенное) название аба (абын) зарегистрировано у шорцев Радловым и Потаповым. По предположению Потапова абинцами «называлось население северной Шории» [6]. В другой, более ранней работе Потанов пишет об абинцах (аба-кижи), что это «название довольно древнее и, вероятнее всего, оно относилось к одной из многочисленных родовых групп, ...живших в северной части Шории, в окрестностях г. Кузнецка... Надо думать, абинцы времен Георги, платившие подать «с небольшим за сто луков», представляли собой родовое образование, родственное по языку и хозяйственной деятельности многим другим подобным образованиям, которые мы теперь в совокупности привыкли обозначать термином «шорцы»» [7].

Оставляя в стороне неясный вопрос о том, представляли ли абинцы племя или род, вышеприведенные материалы в общем подтверждают наш тезис, что абинцы — это предки северной части современных шорцев. Наша табл. 34 начинается списком семи улусов Кузнецкого уезда в XVII в. Эти улусы отличает, во-первых, то, что они названы именно улусами, а не волостями, как именуются остальные административно-податные единицы Кузнецкого уезда. Во-вторых, названия этих улусов образованы от имен лиц, их возглавлявших, а не являются собственно родовыми названиями, тогда как все остальные наименования волостей Кузнецкого уезда представляют настоящие родовые названия. Л. П. Потапов правильно указал на ошибку Радлова, принявшего такие названия как «барсоят», «бешбояк», за древние родовые [8]. Это именно названия бывших абинских улусов, по всей вероятности образованные от имен паштыков, возглавлявших эти улусы [9]. Один из семи абинских улусов Кузнецкого уезда XVII в.— Барсаяков, возможно, выделился из Тугуякова. В связи с этим численность последнего, очевидно, к концу XVII в. резко сократилась, а в XVIII в. он совсем исчез. Можно установить следующее соответствие между абинскими улусами XVII в. и некоторыми волостями шорцев XIX в.

Бежбояков	— Кондомо и Мрасско — Бежбояковы
Ендаев	— Едеева
Тогуяков, Барсаяков	— Кондомо — Барсиатская
Бокчетаев (Бакчетаев)	— Абинская
Базараков	— Богораковая
Созымов	— Казанова

В XVII в. Бежбояков, Ендаев и Тугуяков улусы входили в число мрасских волостей, Бокчетаев улус — в число кондомских волостей, Базараков и Созымов улусы назывались верхотомскими волостями. Барсаяков улус Ремезов помещает в низовьях Кондомы. В XIX в., по Паткапову, Кондомо-Барсиатская и Кондомо-Бежбоякова волости находились в низовьях Кондомы, Абинская — на Томи между устьями Кондомы и Мрассу, Едеева и Мрасско-Бежбоякова — в низовьях Мрассу и на Томи близ устья Мрассу, Богораковая и Казанова — на Томи близ устья Мрассу и далее вверх по Томи. Таким образом, в XIX в. и, по всей вероятности, в XVII в. эти волости (улусы) занимали р. Томь от района Кузнецка вверх примерно до устья Мрассу (и даже выше — до устья Майзаса), а также

---

[6] См. там же, стр. 13.

[7] Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.— Л., 1935, стр. 8—9.

[8] См. Л. П. Потапов. Очерки истории Шории, стр. 17.

[9] В 1621 г. упоминается о «князе» Бежбеяке «Етеберской», т. е. Четиберской, волости (см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 259). Это или тезка абинского Бежбояка, или служилые люди ошиблись в названии волости, что вероятнее, так как четиберские волости находились на Кондоме, а к «Бежбеяку» служилые люди пришли, идя в сагаи.

низовья Кондомы и Мрассу, т. е. всю северную часть этнографической территории шорцев. Очевидно, в вышеназванных семи улусах мы и имеем интересующих нас абинцев.

Надо, однако, учесть, что в этой группе улусов может быть следует выделить верхотомские улусы Базараков и Созымов (Казанов) в качестве отдельной группы томпар (томцы), как себя называют их потомки, или керзалов (?), как их называл Фишер. Сейчас часть потомков этой группы живет в Хакасской автономной области по рекам Аскызу, Базе, Бее [10]. «Верхотомских татар» отделял от абинцев Георги. По данным Н. П. Дыренковой, диалект населения верховьев Томи отличается от диалекта, на котором говорят шорцы (т. е. абинцы) на Томи ниже устья Мрассу [11]. Может быть, «верхотомцы» — еще одно маленькое племя. Но, поскольку вопрос о характере и признаках племени у народов Сибири и, в частности, у южносибирских тюркоязычных народов нельзя считать решенным и нет данных о том, что представляли собою улусы «верхотомских татар», как впрочем и всех абинцев, были ли это, например, настоящие экзогамные роды или нет, приходится этот вопрос оставить открытым. На карте одним контуром мы выделяем абинцев и другим — этих «верхотомских татар».

2. Шорцы. К шорцам мы относим все население ясачных волостей по Кондоме и Мрассу, всего 17 волостей по нашему списку (начиная с Саинской волости и кончая Каргинской). Надо сразу же сделать оговорку, что источники XVII в. не имеют общего названия для всех этих волостей и не объединяют их в какую-либо отдельную группировку. Но, по свидетельству Л. П. Потапова, соседние племена название «шор-кижи» применяют в отношении шорцев в качестве их общего названия (см. выше). Все названия шорских волостей представляют более или менее правильно записанные родовые названия или названия подразделений нескольких основных родов. По рекам источники XVII в. распределяют шорские волости таким образом:

По Мрассу: Саинская, Елейская, Карга (в том числе Ближняя, Кузешева, Кызыл и Малая), Ковинская, Кувинская, Изушерская и Киченская.

По Кондоме: Итиберская (и два отдельных улуса этой же волости — Когодеев и Озылбаев), Сарачорская, Елейская, Карачорская и Каргинская.

Вышеприведенные названия волостей соответствуют следующим родовым названиям современных шорцев:

Саинская — Сайын	Изушерская — Ызыт-шор
Елейская — Челей	Киченская — Кечин
Карга (Каргинская) — Карга	Итиберская — Четибер
Ковинская — Кобый	Сарачорская — Сарыг-шор
Кувинская — Кый (?)	Карачорская — Кара-шор

Подразделение карагинцев Кызыл-карга соответствует, очевидно, роду Кызыл-кая. Название Ближняя карга сохранилось до XX в. в названии Ближне-Каргинской волости.

Из современных шорских родов не отмечены в XVII в. в качестве отдельных волостей роды Таяс, Себи и Калар. Можно предположить, что роды Таяс и Себи были в XVII в. очень малочисленны или даже еще не оформились в качестве самостоятельных родов и поэтому не образовали отдельные ясачные волости. Следует отметить, что некоторые малочисленные роды, сначала образовавшие самостоятельные волости, в дальнейшем были присоединены к более крупным волостям. Так произошло с родами Сайын и Кечин. Саинская волость исчезает из ясачных книг с 90-х годов

---

[10] См. Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 123.

[11] См. Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.— Л., 1941, стр. 5.

XVII в. Она вошла, видимо, в Ближне-Каргинскую волость, в которую, помимо ее основы, части рода Карга (а именно, подразделения Таг-карга, т. е. «горные каргинцы»), вошел также и род Себи (Себиджин). Киченская волость исчезает рано, уже в 1636 г. Вероятно, род Кичен присоединился к Изушерской волости. В эту волость входил, видимо, и род Таяс. Мы предполагаем, что Кувинской волости соответствует род Кый, но оснований для этого немного: некоторое сходство обоих названий, предположение о том, что первоначально слово «Кувинская» писалось — «Кывинская», и совпадение местонахождения: Кувинская волость находилась на Мрассу, и там же в XIX—XX вв. отмечен род Кый в качестве Кийской волости. Род Калар, по нашему мнению, входил в Итиберскую волость, вероятно образуя в ней Когодеев улус (см. выше).

Хотя между шорцами Кондомы и Мрассу, по данным Н. П. Дыренковой, существует некоторое диалектальное различие, можно всех шорцев (без абинцев) рассматривать в качестве одного племени.

В пользу такого заключения свидетельствует тот факт, что в составе шорцев Кондомы и Мрассы имеются части одних и тех же родов. Правда, у тюркских народов одни и те же роды могут встречаться у самых отдаленных народностей. Но в данном случае налицо концентрация на сравнительно небольшой территории ограниченного числа характерных родов, у других народов почти не встречающихся, так что у нас есть основания видеть в них некую общность племенного типа. В итоге родовой состав шорцев в XVII в. можно представить следующим образом:

Основные роды	Подразделения и примыкающие роды	Число плательщиков ясака
Шор	Ыыт-шор, Сарыг-шор, Кара-шор; Кичен, Таяс (?)	126
Карга	Таг-Карга (Ближняя Карга), Суг-Карга (Кузешева Карга), Кызыл-кая (Кызыл-карга), Малая карга, Карга; Сыйын (Саинская волость), Себи (?)	144
Четтибер	Четтибер; Когодеев улус (Калар?), Озылбаев улус	114
Кобый	—	22
Кый (?)	—	19
Челей	Кондомский Челей, мрасский Челей	73

Таким образом, основу шорцев составляют роды (фратрии?): Карга («вороны», по Л. П. Потапову), Шор, Четибер и Челей. Что касается родов Кобый и Кый, то вероятнее всего они представляли в XVII в. сравнительно молодые родовые образования шорцев, возможно отделившиеся от какого-либо из основных родов или пришедшие откуда-нибудь со стороны. Может быть, эти роды и свои названия получили от рек, по которым жили, а именно от притоков Мрассу Кобыр-су и Кый-зас. Надо заметить, что название рода Таяс тоже, очевидно, восходит к названию р. Таяс в верховьях Мрассу. В территорию шорцев мы включаем бассейны Кондомы и Мрассу, за исключением низовьев этих рек, где жили абинцы. Может быть, следовало включить в территорию шорцев также часть верховьев Абакана, где, по данным Л. П. Потапова, охотились шорцы.

3. Кумандинцы. Помимо Кумандинской волости, к кумандинцам отнесены фигурирующие в ясачных книгах Кузнецкого уезда волости Солунская (сравни современный кумандинский род Солу), Керсагалская (сравни род Кырзалы) и Чабатская (сравни род Чабат). В отношении последнего рода возможно, что под этим названием наши источники имели в виду и тубаларский род Чагат. Но, как видно из цифр табл. 34, Солунская и

Чабатская волости представлены в XVII в. очень незначительным количеством членов. Только керсагалы в 1650—1671 гг. образовывали довольно значительную группу. Если считать, что Кумандинская волость Кузнецкого уезда XVII в. представляла верхних и нижних кумандинцев, регулярно плативших ясак, а керсагалы — часть нижних кумандинцев, плативших ясак не регулярно, то можно считать, что данные об этих обеих волостях охватывают более или менее полно всех кумандинцев. В 1671 г. в Кумандинской, Керсагалской и Чабатской волостях был 91 плательщик ясака. В 1745 г. в Кумандинской волости было 110 плательщиков ясака. Очевидно, для XVII в. можно принять цифру 91 и определить общую численность кумандинцев в 360 человек.

Ясачные книги XVII в. относят Кумандинскую волость к числу кондомских волостей, очевидно, потому, что из Кузнецка ездили к кумандинцам вверх по Кондоме, с верховьев которой переваливали на Бию.

Ремезов помещает керсагалов и верхних и нижних кумандинцев по Бие вниз от устья Лебедя почти до современного Бийска. И в XIX в. кумандинцы жили по Бие и ее притокам, вниз от устья Лебедя до района устья Бехтемира. Жили кумандинцы и на правобережье низовьев Катуни главным образом в бассейне р. Иши. Так мы их и показываем на карте [12].

4. Челканцы. Эта группа населения Кузнецкого уезда в XVII в., как и в XIX, была представлена одной Шелканской («Щелкалской») волостью. В 1692 г. было 34 ясачных челканца, в 1745 г.— 46. В XVII в. Шелканскую волость относили к числу кондомских волостей, очевидно, по той же причине, по какой к кондомским волостям относили и кумандинцев (см. выше). Мы показываем челканцев по р. Лебедь и по притоку последней Байголу, где потомки челканцев жили и в XIX в.

Возникает вопрос, можно ли считать кумандинцев и челканцев отдельными племенами. В отношении кумандинцев, нам кажется, этот вопрос можно решить положительно. Это довольно значительная группа, состоящая из нескольких родов, имеющая и свои этнографические особенности и свой диалект. Но в отношении челканцев положение неясно. По имеющимся данным, это все же один род; существующие в нем подразделения, вероятно, позднейшего происхождения. Мы склонны рассматривать челканцев как территориально обособившуюся часть кумандинцев или как часть шорцев, но поскольку специалисты выделяют их в качестве особой самостоятельной этнографической группы, то и мы их будем показывать отдельно.

5. Тубалары. Основными волостями тубаларов являются Кузепская, Компашская, (Комляшская), Тиргешская (Кергешская) и Южская (Юсская, Юсленская). Помимо них, в течение почти всего XVII в. в ясачных книгах фигурирует Шанжинская (Шапжилская) волость. Кроме того, в 1630—1631 гг. платила ясак небольшая группа Баланской волости и в 1631 г.— один человек волости (рода) Тогос. Все эти волости соответствуют следующим современным тулабарским родам: Кузепская — Кӱзӧн, Компашская — Кӧмпӧш, Тиргешская — Тиргэш, Южская — Йӱс. Шанжинская волость соответствует подразделению Шанмы-йӱс («Санмай») рода Йӱс, Баланская — подразделению Палан рода Кӧмпӧш. Род Тогос соответствует современному Тогус (подразделение рода Тиргэш).

---

[12] О керсагалах см.: Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.— Л., 1953, стр. 115—116; о расселении кумандинцев см. там же, стр. 186, прим. Относительно керсагалов и их соседей см. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 486—487, 534—535. Названные керсагалами саяны, мугаты и точи «верх по Катуни», очевидно, представляют предков ряда современных родов теленгитов и алтай-кижи. Возможно, что и сами керсагалы были одним из родов «белых калмыков», предков современных алтай-кижи.

Таким образом, родовой состав тубаларов в XVII в. выглядел следующим образом: род Кӱзӧн, род Кӧмнӧш с подразделением Палан, род Тиргэш с подразделением Тогус и род Йӱс с подразделением Шапмы-йӱс.

Кузнецкий воевода Шапошников так описывал в 1745 г. расселение тубаларов: от кумандинцев в 20 верстах вверх по Бие расположена Кузенская волость, за ней в 50 верстах — Комляжская, а за этой волостью, в 10 верстах, у Телецкого озера,— Кергешская (т. е. Тиргешская) [13]. По данным Патканова, тубалары расселены по Бие до Телецкого озера, в бассейнах рек Саракопши (в частности, южцы), Уймени, Пыжи, Тулоя и в верховьях Ини. Исходя из всех этих данных, мы и показываем тубаларов на карте [14]. Тубалары в XVII в., видимо, платили ясак не полностью. В 1692 г. было 90 ясачных тубаларов, а в 1745 г.— 151.

6. Степные волости и телеуты. В ясачных книгах под названием степных волостей фигурируют волости Тогулская, Азкиштымская, Тагапская, Керетцкая. Телеутами являлись так называемые ускатские «белые калмыки».

Тогулскую волость и ускатских калмыков Л. П. Потапов, любезно ответивший на наш запрос по этому поводу, относит к телеутам; азкиштымов относит к телеутам В. В. Радлов. Роды Тагап и Кэрэш (сравни Тагапскую и Керетскую волости) Радлов относит к шорцам, и, по данным Л. П. Потапова, они действительно жили в низовьях Кондомы. Но наши источники XVII в. определенно относят эти роды к степным волостям. Ремезов на карте вместе с Тогульской волостью в верховьях Чумыша помещает и Тагапскую волость, а потомки членов Керетской волости, по Патканову, жили не только в низовьях Кондомы, но и в степях между Томью и Обью, в Азкиштымской, Тогульской и других волостях.

Эти волости соответствуют родам Ашкэштим, Торгул, Тагап и Кэрэш. Потомки ускатских калмыков образовали в XIX в. Телеутскую управу, делившуюся на три части и кочевавшую главным образом по притокам р. Ини Большому и Малому Бочатам, а также по притоку Томи Ускату и по самой Томи. Радлов указывает, что эти телеуты называют себя «теленгет» и делятся на 15 родов. Часть названий этих родов (Тотош, Мундус, Толос, Найман, Кыпчак, Мӱркит) совпадает с названиями родов алтайцев (алтай-кижи). Ремезов помещает ашкиштымов между верховьями Ини и Уската, а тогулов и тагапов, как уже сказано, в верховьях Чумыша. Ускатские калмыки (телеуты), как показывает само их название, жили по Ускату. О местожительстве Керетской волости в XVII в. данных у нас нет, но без сомнения эта волость жила там же, где и остальные степные волости. В XVIII в., как сообщил нам Л. П. Потапов, Тогулская волость находилась на р. Чумыше. По данным Потапова, в XIX в. тогульцы заселяли территорию западнее Кузнецка, до р. Сары-Чумыш, к югу от бочатских телеутов (потомков ускатских телеутов), а ашкиштымцы жили смешанно с этими телеутами.

На карте мы даем степные волости и телеутов двумя отдельными контурами и на основании вышеприведенных данных помещаем их в бассейнах Чумыша и Ини, к западу от р. Томь.

По своему происхождению степные волости Ашкиштымская, Тогулская, Тагапская и Керетская представляли, видимо, небольшие окраинные роды, кочевавшие поблизости от шорцев и абинцев. Ускатские телеуты позже пришли в русские пределы. Они отделились от телеутов («белых калмыков»), кочевавших по Оби и возглавлявшихся в XVII в. последова-

---

[13] См. Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая, стр. 17.

[14] См. также описание расселения тубаларов у Л. П. Потапова (Очерки по истории алтайцев, стр. 186, прим. 1).

тельно Абкаком, Кокой Абаковым, Табушкой Кокиньми, в начале XVIII в., Байгороком Табунковым.

7. Нижнетомские волости. Сюда относятся лишь две волости — Баянская и Тюлюберская (Турубердская, Тулубердская). Они жили по Томи ниже Кузнецка, до границы Томского уезда, причем плательщики ясака Баянской волости даже просили о переводе их в Томский уезд, ссылаясь на то, что до Томска им ближе. Л. П. Потапов указывает, что тюлюберцы по образу жизни были сходны с телеутами [15]. Мы отнесли бы эти волости к степным волостям, если бы наши источники не выделяли их отдельно в качестве нижнетомских волостей. Ремезов помещает Тюлюберскую волость на Томи, примерно в районе устьев рек Нижняя Терсь и Тайдам. По Паткапову, потомки Баянской волости жили в верховьях рек Мунгата, Упьги и Ини и на Томи выше устья Тайдама. Мы показываем на карте нижнетомские волости от границы Томского уезда вверх по Томи до устья р. Верхняя Терсь, причем Баянскую волость помещаем ниже Тюлюберской.

8. Сагайцы. Это племя прочно вошло в состав Кузнецкого уезда лишь после увода енисейских киргизов джунгарскими феодалами в 1703 г. Но отдельные группы сагайцев, как мы знаем, платили ясак и раньше. Сагайцы состояли из двух групп: томских сагайцев, живших в верховьях Томи, и июсских сагайцев, живших по истокам Чулыма Белому и Черному Июсам. Здесь мы и показываем их на нашей карте.

9. Бельтиры. Это племя тоже, как и сагайцы, прочно вошло в состав ясачного населения Кузнецкого уезда с 1703 г. До этого, в XVII в., отдельные группы бельтиров платили ясак как и под своим общим племенным названием бельтиров, так и под такими частными названиями, как чистары, (сравни роды Ак-чистар и Кара-чистар у современных бельтиров), табанские люди (сравни род Табан-бельтир) и «курчюки». Последнее название мы объяснить не можем, но оно дано в источнике в одном перечне с сагайцами, бельтирами, чистарами и киргизами в связи с получением со всех этих групп поминков и ясака (см. выше).

Коренной территорией бельтиров считается р. Абакан выше Аскыза [16], в частности в районе притоков Аскыза Есь, Матур, Монок, Сос, Таштым. Здесь мы и показываем бельтиров на нашей карте.

На этом мы кончаем обзор племенных и других групп Кузнецкого уезда, которые (за исключением, впрочем, сагайцев и бельтиров) составляли более или менее постоянный контингент плательщиков ясака в этом уезде. Но, кроме них, в Кузнецком уезде довольно регулярно, как это видно из табл. 34, платили ясак телесы, жившие к югу от Телецкого озера, и в конце XVII в. тау-телеуты. Однако, поскольку по этим группам населения у нас данных недостаточно, никаких расчетов об их численности сделать пока не представляется возможным. То же приходится сказать об отдельных группах киргизов, плативших вплоть до 70-х годов XVII в. ясак в Кузнецк.

В конце табл. 34 приведены данные и о других группах, плативших иногда ясак в Кузнецком уезде. В названиях волостей Тотушской, Мундусской, Кергильской нетрудно узнать роды Тодоп, Мундус, Кергиль современных алтайцев 1-й дючины — потомков тау-телеутов XVII в. [17] Названия Ыскун (Иткул), Купручюр, Керзегет (Кесеган, Кезегет), Байдер мы истолковать не можем. «Мотарские люди» — это, очевидно, моторы, жившие в Тубинской землице Красноярского уезда.

В Кузнецком уезде в качестве занятий населения помимо охоты, рыболовства и собирательства отмечается также скотоводство, особенно в севе-

---

[15] См. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 120, прим. 3.

[16] См. Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 123—124.

[17] По-видимому, тау-телеуты первоначально платили ясак отдельными родами, а затем стали платить под общим названием тау-телеутов.

ро-западных степных волостях, примитивное земледелие и кузнечный промысле. Степень развития той или иной отрасли хозяйства у разных племен Кузнецкого уезда была различной. Дать подробную характеристику типа хозяйства каждого племени Кузнецкого уезда в XVII в. пока еще затруднительно. Нет уверенности в том, что этнографическая характеристика каждого из этих племен, сделанная в XIX в., будет правильна и для XVII в.

В табл. 35 (стр. 116—117), приведены состав и численность населения Кузнецкого уезда в XVII в.

Заканчивая первую часть нашей работы, посвященную народам Западной Сибири, мы должны остановиться на двух народах, которые фактически не были в XVII в. подданными Российского государства, но формально принимали это подданство и отношения с которыми занимали большое место в политической истории Западной Сибири. Мы имеем в виду «белых калмыков» и енисейских киргизов.

Как известно, в 1609 г. «белые калмыки» (они же телеуты, теленгуты) во главе с Абаком (Обаком) приняли по предложению томских воевод русское подданство. Глава томских еуштинцев Тоян считал, что под властью Абака находится 1000 телеутов. По-видимому, Тоян, как обычно в то время, имел в виду лишь трудоспособных мужчин. Это видно из определения им численности киргизов в 1000 чел. и ойротов («ород»), т. е. джунгар («черных калмыков»), — в 10 тыс. человек. Можно считать, что «белых калмыков» (телеутов) Абака было тогда всего около 4—5 тыс.

Кочевали «белые калмыки» главным образом по Оби, к западу от нее. Но несомненно, что ту территорию к востоку от Оби, ниже слияния Бии и Катуни, которую не занимали чаты, телеуты Кузнецкого уезда и кумандинцы, тоже занимали «белые калмыки» Абака, затем Коки Абакова и, наконец, Табунки Кокина. На севере территорию «белых калмыков» ограничивали барабинские волости Тарского уезда. Правда, здесь упоминаются еще калмыки коурчаки (см. гл. V) или орчаки. Но это были, вероятно, пришлые монголоязычные калмыки. На юге «белые калмыки» соседили с горными калмыками (тау-телеутами), жившими в северной части современной Горно-Алтайской автономной области. На западе кочевки «белых калмыков» в XVII в., видимо, не достигали берегов Иртыша. Принятие русского подданства «белыми калмыками», как уже сказано, было номинальным. В дальнейшем «белые калмыки» стали подданными джунгарской державы. В начале XVIII в. «белые калмыки», очевидно в связи с постройкой ряда русских крепостей, отошли на юг. После разгрома в 1755/1756 гг. джунгар «белые калмыки» вернулись окончательно в русское подданство, и их потомки составили основную массу современных алтайцев [18], ныне называющих себя алтай-кижи (кроме 1-й дючины, представляющей потомков «горных калмыков», или тау-телеутов).

Киргизы с 1609 г. неоднократно принимали русское подданство и начинали платить ясак в Томский, Красноярский и Кузнецкий уезды. Но в целом между киргизами и русскими служилыми людьми в течение всего XVII в. шла, с переменным успехом, жестокая борьба, окончившаяся в 1703 г. вследствие увода киргизов «черными калмыками» в Джунгарию. Насколько можно судить по имеющимся данным, они состояли из четырех улусов (племен?): алтысар, езерцев (они же, видимо, керетцы), алтырцев и тубинцев [19], которые в свою очередь делились на роды.

Томский еуштинский князец Тоян в 1604 г. определил численность киргизов в 1000 чел., очевидно, имея в виду лишь мужчин. В 1653 г., испугавшись прихода Алтын-хана, киргизы «все в скопе» «осеклись в

[18] См. W. Radloff. Aus Sibirien. Bd. I, Leipzig, 1884, S. 177.

[19] Последних мы включаем в население Красноярского уезда (см. гл. XV).

Таблица 35

Этнографический состав коренного населения Кузнецкого уезда

Этнические, племенные и родовые группы	Подразделения племен и родов	Год учета	Численность плательщиков ясака	Численность всего населения	Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
Татары	Улусы				
Абинцы	Бежбояков	1650	64	255	Абинская, Едеева, Кондомо-Барсчатская, Кондомо-Бешбоякова, Мрасско-Бежбоякова, Богораковая, Казанова волости Кузнецкого округа и Казановский род Аскызской степной думы Минусинского округа
	Ендаев	1650	30	120	
	Барсаяков	1671	35	140	
	Тогуяков	1671	13	50	
	Бокчетаев	1642	43	170	
	Базараков	1671	39	160	
	Созымов	1671	41	160	
	Итого		265	1055	
Шорцы	Волости				
	Санская	1630	6	25	Ближнекаргинская, Дальнекаргинская, Кийская-Кондомо-Елейская, Кондомо-Итиберская, Кондомо-Итиберско-Шерогашева, Кондомо-Карачерская, Кизыльская, Мрасско-Елейская, Мрасско-Изушерская Кузнецкого округа. Дальнекаргинский, Изушерский, Каргинский, Кивинский, Карачерский, Ближнекаргинский роды Аскызской степной думы Минусинского округа
	Елейская на Мрассу	1631	22	90	
	Карга Ближняя	1635	33	130	
	Карга Кузешева	1671	34	140	
	Карга Кызыл	1671	31	120	
	Карга Малая	1635	8	30	
	Ковинская	1692	22	90	
	Кувинская	1692	19	80	
	Изушерская	1650	32	130	
	Киченская	1631	4	15	
	Итиберская	1692	45	180	
	Итиберская, Когодеев улус	1071	55	220	
	Итиберская, Озылбаев улус	1630	14	60	
	Сарачорская	1650	33	130	
	Елейская на Кондоме	1671	51	200	
	Карачорская	1692	57	230	
	Каргинская	1642	32	130	
	Итого		498	2000	
Кумандинцы	Волости Кумандинская, Керсакальская, Солуинская, Чабатская	1692	91	360	Верхне- и Нижнекумандинские волости Кузнецкого округа
Шелканцы	—	1692	34	140	Кондомо-Шелканская волость Кузнецкого округа

Таблица 35 (продолжение)

Этнические, племенные и родовые группы	Подразделения племен и родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Тубалары	Волости				
	Кузенская	1692	20	80	Кергежская, Комляжская, Кузенская, Южская волости Бийского округа
	Комляшская (с Баланской)	1681	28	110	
	Тиргешская (с волостью Тогос)	1681	30	120	
	Южская (с Шанжинской)	1692	12	50	
	Итого		90	360	
Степные	Волости				
	Тогулская	1681	27	110	Ашкиштымская, Тогульская, Кирецкая, Тагабские волости Кузнецкого и Тогульская волость Бийского округов
	Ашкиштымская	1692	49	200	
	Тагапская	1692	39	160	
	Керецкая	1630	14	60	
	Итого		129	530	
Телеуты	Ускатские	1681	99	400	Телеутские управы Томского и Кузнецкого округов
Нижнетомские	Волости				
	Тюлюберская	1681	46	180	Сведений нет
	Баянская	1671	32	110	Баянская волость Кузнецкого округа
	Итого		78	290	
Сагайцы	Юс-саган	1703	9	40	Сагайские роды Аскызской степной думы Минусинского округа
	Саган	1703	31	120	
	Итого		40	160	
Бельтиры	В том числе чистары и табанские люди	1703	35	140	Белтирский род Аскызской степной думы Минусинского округа
	Всего		1359	5435	

засеку» на речке Еник. Считалось, что их было тогда 1500 «воинских людей». В 1668 г. численность всех киргизов, «добрых людей» без киштымов, снова была определена в 1000 чел. Спафарий в 1675 г. определил численность способных носить оружие тоже в 1000 чел. В 1703 г. «полутысячи с три дымов», т. е. 1500 юрт, киргизов было уведено. Таким образом, численность киргизов определяется в 1000—1500 трудоспособных мужчин. Но так как в эту цифру могло войти и некоторое количество киштымов, не говоря уже о возможных преувеличениях, то осторожнее будет остановиться на цифре 1000 и определить общую численность киргизов, как и «белых калмыков», в 4—5 тыс. чел.

Мы предполагаем, что у степняков-скотоводов, живших в лучших условиях, чем таежные охотники-рыболовы, семьи могли быть больше, могли быть холопы и т. п. Поэтому здесь в отношении «белых калмыков» и киргизов для определения по количеству трудоспособных мужчин численности всего населения можно принять коэффициент 5, а не 4, как это делалось до сих пор в отношении других сибирских народов [20].

Жили киргизы на левобережье Енисея, примерно от устья р. Он до Караульного острога, т. е. места, где Чулым совсем близко подходит к Енисею (в районе современного с. Даурского), а также в верхней части бассейна Чулыма и в низовьях Абакана. На правобережье Енисея киргизы-тубинцы жили в районе устьев рек Тубы (Упсы) и Он.

---

[20] Коэффициент 5 был принят нами также для «горных» и «киргисских» волостей Томского уезда, где, вероятно, были учтены не все взрослые мужчины.

Часть II

СРЕДНЯЯ СИБИРЬ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Глава XIII

МАНГАЗЕЙСКИЙ (ТУРУХАНСКИЙ) УЕЗД

Среди 20 уездов, на которые делилась Сибирь в XVII в., Мангазейский уезд занимал несколько особое положение. Это был самый северный и редконаселенный уезд, по размерам своей территории второй после Якутского. Вместе с Березовским и Якутским, Мангазейский уезд образовывал северную окраину Сибири, примыкавшую к Северному Ледовитому океану. Половина территории Мангазейского уезда находилась за полярным кругом, около трети ее составляли тундры и лесотундры. В отличие от Березовского уезда с его сравнительно многочисленным полуоседлым хантыйским и мансийским населением и от Якутского уезда с его многочисленным скотоводческим и коневодческим якутским населением, в Мангазейском уезде жили исключительно малочисленные племена кочевников оленеводов, охотников и рыболовов.

Город Мангазея был построен в 1600 г. в низовьях р. Таза и в продолжение всего периода плаваний русских мореходов в XVII в. по западной части северного морского пути представлял самую восточную пристань этого маршрута. Лес по Тазу, в районе которого была построена Мангазея [1], является первым лесом, которого достигали русские полярные мореходы в своем плавании из устьев рек европейской России или из Оби, на восток, в Тазовскую губу. Отсюда по р. Таз русские и зырянские промышленные и торговые люди продвигались дальше на восток, здесь же на Тазу они еще до основания г. Мангазеи вели оживленную торговлю с местными самоедскими племенами.

Основателями Мангазеи были посланные специально для этой цели из Тобольска воеводы Мирон Шаховской и Данила Хрипунов, которые, несмотря на поражение, понесенное от ненцев по пути близ устья Пура, свою задачу выполнили. Сменившие их в 1601 г. Василий Масальский и Савлук Пушкин и следующие воеводы понемногу расширяли территорию своего уезда постройкой новых ясачных зимовий для взимания ясака с местного населения, и приблизительно к 1634 г. вся территория Мангазейского уезда уже была включена в состав Русского государства.

И само основание Мангазеи и расширение территории уезда было связано со стремлением царского правительства увеличить поступление в казну ясака путем обложения им все новых и новых племен Сибири и увеличить поступление в казну десятой части той пушнины (так называемая «десятая пошлина»), которая добывалась русскими и зырянскими промышленными людьми и скупалась у последних торговыми людьми. Проникновение

[1] Название Мангазея, или Мункаспя, означает именно «лесная земля».

царской администрации на территорию «златокипящей» Мангазеи, т. е. в бассейны Таза и Енисея, явилось значительным шагом как в деле выкачивания в царскую казну пушнины, добываемой коренным и пришлым населением Сибири, так и в деле общего последовательного присоединения территории Сибири к Русскому государству.

Город Мангазея просуществовал на Тазу до 1670 г., после чего был перенесен в Туруханское зимовье, расположенное у устья р. Турухан. Официально этот новый город назывался Новой Мангазеей, обычно же его называли Туруханском. Поэтому и Мангазейский уезд называли Туруханским. Под названием Туруханского края территория прежнего Мангазейского уезда была известна и в XIX и в начале XX в. В XVII в. Мангазейский уезд называли также Тазовским по местоположению его центра. В начале XX в. центр Туруханского края был перенесен из Туруханска в с. Монастырское на Енисей, в устье Нижней Тунгуски. С этих пор с. Монастырское стали называть Ново-Туруханск, а Туруханск (Новую Мангазею) — Старый Туруханск.

Территория Мангазейского уезда в тех пределах, в которых он оформился к середине XVII в., в общем более или менее соответствовала территории позднейшего Туруханского края [2]. В Мангазейский уезд входили бассейны р. Таза, Енисея вниз от устья р. Дубчес, включая и последнюю, бассейны притоков Енисея Подкаменной (Средней) и Нижней Тунгусок, бассейны рек Пясины, Таймыра и Хатанги (с Котуем и Хетой), низовья р. Анабара, верховья р. Вилюя, приток последнего Чона и часть бассейна Лены между устьями ее притоков Киренги и Пеледуя. Надо лишь заметить, что вышеупомянутый район по Лене осваивался также и крестьянами Якутского уезда, а в устье Киренги находилась слобода Илимского уезда. Но мы определяем территорию уезда по пределам освоения земельных пространств племенами коренного населения, приписанного к тому или иному уезду, что не всегда совпадало с административной принадлежностью поселившихся на этих землях крестьян.

В дальнейшем, в конце XVIII и в XIX в., из Мангазейского (Туруханского) уезда (края) выбыли лишь указанная территория по Лене и верховья Нижней Тунгуски, вошедшие сначала в состав Якутского уезда, а затем в состав Киренского уезда Иркутской губернии. Некоторые изменения произошли и на южной границе уезда, но в основном, как уже было сказано, Мангазейский уезд в качестве административной единицы почти в одних и тех же границах просуществовал вплоть до революции и даже, под названием Туруханского района, до 1930 г.

Основными этническими группами населения Мангазейского уезда в XVII в. были самоеды, остяки и тунгусы. Самоеды Мангазейского уезда представляют предков трех современных этнографических групп северных самоедов, а именно: нганасанов, тундровых энцев и лесных энцев. Только с середины XVII в. в состав населения Мангазейского уезда начали входить представители четвертой этнографической группы северных самоедов — юраки, или ненцы. Остяки Мангазейского уезда являются предками основной массы современных кетов.

Во второй половине XVII в. в Мангазейском уезде на реках Тазу и Турухане появились селькупы — выходцы из Сургутского уезда. Некоторые группы кетов Мангазейского уезда в дальнейшем также вошли в состав этих северных селькупов, будучи ими ассимилированы. Тунгусы Мангазейского уезда XVII в. являются предками основной массы эвенков севера современного Красноярского края и Иркутской области, отчасти также

[2] Хотя эта территория в XIX и начале XX в. называлась краем, но в административном отношении Туруханский край был лишь частью Енисейского уезда Енисейской губернии. Правда, этот «край» имел известную особенность в управлении: туруханский отдельный пристав подчинялся непосредственно губернатору.

эвенков Томской области. В самом конце XVII в. на территории Мангазейского уезда на р. Хете появились и якуты.

Ввиду обширности территории Мангазейского уезда ясак с его коренного населения собирался при помощи сети специальных ясачных зимовий. В каждое зимовье осенью заезжали из Мангазеи, а позже из Туруханска ясачные сборщики вместе с толмачами и аманатами (заложниками). В течение зимы они собирали ясак, а весной вместе с аманатами и собранной пушниной выезжали в Мангазею.

Большая часть ясачных зимовий Мангазейского уезда была основана в течение первых трех десятилетий XVII в. Коренное население платило ясак в то или иное зимовье, смотря по тому, какое зимовье ему было ближе. Первое время приписка группы коренного населения к зимовью определялась даже не местоположением зимовья и местом кочевок данной группы населения, а тем, в какое зимовье были первоначально захвачены аманаты от рода или племени. Иногда в этот период имело место большое несоответствие между местожительством отдельных групп плательщиков ясака и теми пунктами, где сидели аманаты от этих групп и куда, следовательно, приходилось отвозить ясак. Например, тунгусы-баягиры из бассейна Котуя платили ясак в зимовье, стоявшее в устье Титея в верховьях Нижней Тунгуски.

В первые десятилетия после образования Мангазейского уезда существовало также несколько зимовий, которые как ясачные зимовья просуществовали недолго и вскоре перестали упоминаться в качестве мест сбора ясака. Таковы зимовья Тишково (1625 г., на Нижней Тунгуске, очевидно в устье р. Чисковой), Жданово (1625 г., там же, вероятно в устье р. Тутапчаны, раньше называвшейся по-русски Жданихой), Розмахнино (1625—1629 гг., там же, вероятно в устье р. Иейко, которую, видимо, и называли по-русски Розмахниной), Пендинское (1624 г., там же, в устье р. Нижней Кочемы), Патраково (1625—1629 гг., на Нижней Тунгуске, но где точно — неизвестно) [3], Белопопово (1625—1627 гг., тоже на Нижней Тунгуске, но где точно — неизвестно), Мезенское (1620—1629 гг., там же, на устье р. Таймуры), Буканское (1620—1626 гг., у сопки Букан, около оз. Воеволи в бассейне Хатанги) [4].

Дольше просуществовали ясачные зимовья Худосейское (1627—1645 гг.) на р. Худосее (правый приток Таза в его верховьях) и Леденкин шар (1627—1645 гг.) [5] на рукаве (шаре) Таза в его низовьях, близ устья правого притока Таза р. Русской. По-видимому, эту реку в XVII в. называли Кровавой. По преданию, именно здесь было совершено нападение на отряд Шаховского и Хрипунова в 1600 г. [6]

К середине XVII в. в Мангазейском уезде установилось 16 постоянных ясачных зимовий, за небольшими исключениями просуществовавших до начала XVIII в.

1. Верхотазское зимовье находилось на Тазу, выше Мангазеи, но ниже устья Худосеи. Впервые упоминается в 1626 г. В конце XVII в., примерно с 1692 г., оно было оставлено, и ясак на Тазу собирался в старом Мангазейском городе. После 1645 г. в Верхотазском зимовье собирался ясак и с «худосейской самояди».

2. Хантайское зимовье находилось на Енисее несколько ниже устья Хантайки, там, где сейчас расположен станок Хантайка. Упоминается

---

[3] Можно лишь утверждать, что Патраково зимовье находилось недалеко от Розмахнина, так как они всегда упоминались вместе.

[4] Список этих зимовий на 1625 г. см. ЦГАДА, ф. 214, ст. 11, лл. 108—114.

[5] Впрочем, уже с 1638 г. самоеды, приписанные к зимовью у Леденкина шара, фактически платили ясак непосредственно в старый Мангазейский город.

[6] По другим данным, это событие имело место у левого притока Таза р. Лусемпя-ям в 25 км выше Хальмерседе (см. Р. Е. Кольс. Река Таз. Л., 1930, стр. 17).

с 1620 г. С 1645 г. в число хантайских самоедов вошли и самоеды, платившие ясак в зимовье Леденкин шар.

3. Туруханское зимовье было основано в 1604 г. в устье Туруханa, там, где сейчас находится станок Старый Туруханск. Как уже сказано выше, в 1662 г. сюда был переведен центр уезда.

4. Пясидское хетское зимовье находилось на р. Хете, притоке Хатанги. Указать точно, где оно стояло, трудно, но, по-видимому, где-то в районе устья р. Медвежьей (Маймечи). Упоминается в 1625 г. В 1666 г. это зимовье было уже на р. Аваме. Официально оно вплоть до 1703 г. называется Пясидским Хетским, но в отдельных бумагах название Авамское появляется с 1666 г. Находилось оно, по словам потомков затундрянских крестьян, при впадении р. Авама в р. Дудыпту [7].

В этих четырех зимовьях платили ясак самоеды, т. е. предки современных энцев и нганасанов. В следующих двух зимовьях платили ясак остяки (инбаки), предки современных кетов.

5. Инбатское зимовье находилось на правом берегу Енисея у устья р. Инбак, там, где сейчас находится с. Верхнеинбатское. Упоминается с 1607 г.

6. Закаменное (Закаменское) зимовье находилось тоже на Енисее, выше гор («камня»), через которые прорывается Енисей до впадения в него Подкаменной (Средней) Тунгуски. Можно предполагать, что Закаменное зимовье находилось близ устья левого притока Енисея Дубчеса. Упоминается это зимовье с 1626 г. Кроме остяков, в нем платило ясак также некоторое количество тунгусов [8]. В остальных десяти ясачных зимовьях Мангазейского уезда платили ясак лишь тунгусы (эвенки).

7. Хатангское есейское, или просто Есейское, зимовье стояло примерно с 1634 г. на оз. Есей, в бассейне Котуя, одного из конфлюэнтов Хатанги.

Следующие семь зимовий, в которых платили ясак тунгусы, располагались на Нижней Тунгуске (одно из них — Турыжское — находилось на притоке этой реки недалеко от его устья).

8. Летнее зимовье получило свое название от старого русского названия р. Учами — Летняя, близ устья которой оно находилось. Упоминается Летнее зимовье с 1625 г. Надо иметь в виду, что в Нижнюю Тунгуску впадают две Летние реки: Верхняя Летняя (Учами) и Нижняя Летняя, или просто Летняя. Но последняя не может быть интересующей нас Летней, так как впадает в Нижнюю Тунгуску недалеко от ее устья, а по Ремезову от Туруханска (Мангазеи) до р. Летней и зимовья ходу водным путем три недели. Столько времени действительно надо было идти от Туруханска до устья Учами (Верхней Летней).

9. Илимпейское зимовье находилось в устье р. Илимпеи (Лимпте по-эвенкийски). Известно оно с 1627 г. Ясак собирался не только в устье Илимпеи, но и вверх по ней, где Илимпейское зимовье иногда находилось в 30-х годах XVII в.

10. Курейское ясачное зимовье иначе называлось зимовьем у Зобниной курьи. Основано оно в устье р. Еромо в 1629 г. [9] Известно это зимовье, как место сбора ясака с 1634 г. Урочищ с названием Курья здесь, в верховьях Нижней Тунгуски, нам известно два. Одно находится в устье р. Лема, между устьями Еромо (Еремы) и Тетеи. Здесь Курейское зимовье не могло быть, так как тут же, в устье Тетеи, находилось Усть-Тетейское ясачное зимовье (см. ниже). Другая Курья находится несколько выше устья Еромо, недалеко от устья р. Мога. Может быть, Курейское зи-

[7] Обычно считается, что р. Авам впадает в Дудыпту, но один старый нганасан говорил нам, что они считают, что р. Дудыпта впадает в Авам, а последний в Пясину.

[8] В начале XVIII в. это зимовье было перенесено к Подкаменной Тунгуске (несколько выше устья последней) и называлось Подкаменным или Шайхинским.

[9] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, ст. 55, лл. 139—140.

мовье (Зобнина курья) как место сбора ясака начало функционировать именно здесь, а затем было переведено к устью Еромо. Но в 1652 г. Курейское ясачное зимовье находилось уже именно на устье Еромо [10]. К р. Курейке, притоку Енисея, это зимовье, в противоположность мнению В. Н. Шерстобоева [11], никакого отношения не имело.

11. Усть-Тетейское (Усть-Титейское) ясачное зимовье как место сбора ясака начинает упоминаться с 1632 г. Находилось оно в устье р. Тетеи (в XVII в.— Титеи). Первоначально в Усть-Тетейском зимовье платило ясак довольно много ясачных тунгусов (200—220), но затем все они перешли в Турыжское (см. ниже) и Илимпейское (см. выше) ясачные зимовья. С 50-х годов XVII в. в Усть-Тетейском зимовье осталось лишь 13—17 плательщиков ясака. Да и то эти тунгусы жили близ оз. Есей и платили ясак там же, и лишь формально этот ясак относился в «усть-титейский збор». После 1683 г. в связи с восстанием есейских тунгусов перестала платить ясак и эта группа тунгусов и Усть-Тетейское зимовье уже не упоминается в ясачных книгах.

12. Турыжское, или Усть-турыжское, зимовье известно с 1625 г. Но регулярно в нем стали тунгусы платить ясак с 1641 г., причем формально оно считалось филиалом («другой половиной») Усть-Тетейского зимовья вплоть до ликвидации последнего.

У Ремезова Турыжское зимовье показано на р. Турыге при впадении в нее р. Кочемки. Сама Турыга у Ремезова впадает в Нижнюю Тунгуску. В настоящее время считается, что в Нижнюю Тунгуску впадает р. Кочечумо, а в последнюю слева впадает р. Тура. Здесь нам и указал эвенк-проводник место, где якобы находилось какое-то старое русское поселение.

Надо заметить, что традиция называть низовья р. Кочечумо Турой сказалась и в том, что центр Эвенкийского национального круга пос. Тура называется так, хотя стоит в устье Кочечумо, а не в устье Туры.

13. Усть-Непское или просто Непское зимовье под названием Верхнего шиляжского известно уже с 1624 г. Находилось оно в устье р. Непы. Как и Усть-Тетейское зимовье, Усть-Непское вначале имело больше плательщиков ясака (100—150 чел.). Отсюда мангазейские служилые люди даже сделали попытку объясачить илимско-кутских шамагиров, но в конце концов последние остались в ведении Илимского уезда, центр которого был тут же рядом на Илиме. Однако после 1649 г. Усть-Непское зимовье постепенно теряло плательщиков ясака. В нем их осталось лишь 13—14, но они фактически платили ясак в Курейское зимовье. В 1698 г. Усть-Непское ясачное зимовье было ликвидировано и официально.

14. Кондогирское зимовье начало функционировать как филиал («другая половина») Усть-Непского зимовья с 1647 г. Так как название этого зимовья не территориальное, а по платившему в нем ясак роду, то местоположение его определить довольно трудно. У Ремезова «Кандугирское» зимовье показано на Нижней Тунгуске около устья р. Илимпеи. Но нашим предположениям, это зимовье должно было находиться в районе Нижней Тунгуски между устьями Тетеи и Илимпеи. По данным Географического словаря XVIII в. [12], от устья р. «Турыги» (т. е. Кочечумо) до Кондогирского зимовья 640 верст, а от него до дер. Подволошной — 660 верст. От Подволошной до Курейского зимовья (т. е. до устья р. Еромо), по этим же данным, 320 верст, а от Курейского зимовья до Кондогирского — 340 верст. Таким образом, Кондогирское зимовье должно было находиться на Нижней Тунгуске между устьем Нижней Кочемы и пос. Наканна. Здесь мы и показываем его на карте.

---

[10] ЦГАДА, ф. 214, ст. 220, л. 249.
[11] См. В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I. Иркутск, 1949, стр. 557
[12] Рукопись хранится в Красноярском краевом музее.

Осталось познакомиться с двумя зимовьями Мангазейского уезда, расположенными на Подкаменной Тунгуске.

15. Чунское ясачное зимовье упоминается с 1629 г. Находилось оно, вероятно, в устье р. Чуни. Надо иметь в виду, что иногда это зимовье тоже называется Кондогирским (например, в атласе Ремезова).

16. Тетерское, или Усть-Тетерское, зимовье известно с 1628 г. Оно было расположено, вероятно, в устье р. Тэтэрэ.

В начале XVIII в. на Подкаменной Тунгуске появилось еще Чапогирское зимовье, находившееся в 150 *км* ниже Чунского зимовья.

На этом мы заканчиваем наше ознакомление с сетью ясачных зимовий Мангазейского уезда и переходим к рассмотрению этнографического состава, численности и расселения его коренного населения.

Начнем с самоедов. Самоеды, платившие ясак в Пясидское, Хетское или Авамское зимовье, представляют предков авамских самоедов, основного ядра самоедов-тавгийцев, т. е. современных нганасанов.

Самоеды, платившие ясак в Хантайском зимовье и в зимовье Ледепкин шар, являются предками хантайских самоедов или современных тундровых энцев (так называемых сомату, или маду).

Самоеды, платившие ясак в Верхотазское, Худосейское и Туруханское зимовья, являются предками карасинских (с «подгородными») самоедов или современных лесных энцев (так называемых муггади, бай, ючи, или, как их всех вместе называли тундровые энцы,— пэ-бай).

Часть верхотазских самоедов представляет предков большей части современных тазовских и береговых ненцев (так называемых тазовских и береговых юраков) и части лесных ненцев.

Данные о численности, расселении и этнографическом составе предков нганасанов нами изложены в специальной работе [13]. Ниже приводятся эти данные.

Таблица 36

Численность плательщиков ясака Пясидского Хетского зимовья

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1630	78	1664	228	1683	169
1631	115	1665	220	1684	188
1632	149	1667	188	1685	202
1633	174	1668	159	1686	209
1634	181	1669	159	1687	209
1635	185	1670	144	1688	214
1636	218	1671	146	1689	215
1637	205	1672	141	1690	216
1638	213	1673	148	1691	221
1639	245	1674	148	1692	229
1640	244	1675	181	1693	228
1641	249	1676	189	1695	239
1644	238	1677	185	1697	239
1645	239	1678	180	1699	244
1653	227	1679	174	1700	253
1654	234	1680	167	1701	247
1661	227	1681	171	1702	242
1662	227	1682	169	1703	257
				1704	264

[13] Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVIII. М.— Л., 1952, стр. 5—87.

Изменение численности плательщиков ясака в Пясидском хетском (Авамском) зимовье в XVII в. показано в табл. 36 [14].

До 1639 г. еще продолжался процесс выявления новых групп предков авамских нганасанов и внесения их в списки плательщиков ясака. В 1666 г. имели место голодовка и восстание, последствия которых сказывались до конца 80-годов XVII в. Но в целом можно считать, что трудоспособных мужчин среди предков авамских нганасанов в период после их первого знакомства с русскими в самой середине XVII в. было около 230 (всего 920 чел. населения), а в конце XVII — начале XVIII в.— примерно 260 (всего 1040 чел. населения). Можно считать, что в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. среди предков авамских нганасанов было около 175 трудоспособных мужчин (всего 700 чел. населения).

По ясачным книгам первой половины XVII в., предки авамских нганасанов не представляли единого племени, а состояли из четырех самостоятельных группировок: пясидских самоедов — предков нганасанов современного рода Нгомде, кураков — предков рода Нгамтусо (Костеркиных), тидирисов — предков рода Линапчера (Турдагиных) и тавгов. Тавги в свою очередь состояли из двух групп: тавгов хетских — предков современного рода Чупанчера и тавгов анабарских — предков рода Нинопде (Порбиных).

Пясидские самоеды имели в своем составе четыре рода (цифры в скобках указывают число плательщиков ясака в роде в 1627 г.): Кудесников, или (с 1634 г.) Пьяков (17), Мунзуев (5), Табачиев (7), Серокуев (7). Всего ясачных пясидских самоедов было в 1627 г. 36 (всего 140 чел. населения) [15]. В дальнейшем Мунзуев род перешел в состав хантайских самоедов, а роды Табачиев и Серокуев, видимо, вымерли. Современные потомки пясидских самоедов, нганасаны рода Нгомде, являются, следовательно, потомками одного Кудесникова (т. е. мы бы теперь сказали Шаманского) рода пясидских самоедов.

Ясачных кураков в 1634 г. было 45 (всего 180 чел. населения) [16]. Они делились на три-четыре рода, которые возглавляли князцы Туроа (Торой) и Солюду (Селедо, Солидо) и некие Тунутора (Тунудера) и Васька.

Ясачных тидирисов в 1634 г. было 33 (всего 130 чел. населения). До 1645 г. большая часть тидирисов платила ясак вместе с хантайскими самоедами. Так, в 1634 г. 28 тидирисов платили ясак на Хантайке и лишь пять — в Пясидском хетском зимовье. В этом же году среди тидирисов, плативших ясак на Хантайке, было два рода: Юмбы (16 плательщиков ясака) и Мыгоко (12 плательщиков ясака). Пятеро тидирисов, плативших в 1634 г. ясак в Пясидское хетское зимовье, числились там в качестве отдельного рода. Но в другие годы отдельные тидирисы часто оказывались в списках кураков [17].

Ясачных тавгов в 1631 г. было 145 (всего 580 чел. населения). Из них 65 (всего 260 чел. населения) были хетскими тавгами и 80 (всего 320 чел. населения) жили за Хатангой «в поморье» в устье Анабары [18]. В 1634 г. 105 тавгов, плативших тогда ясак, представляли шесть родов: князца Хала (16 чел.), Инокдее во главе с шаманом Болеры (15 чел.), князца Удамула (15 чел.), Кудесникова во главе с шаманом Сокдозой (14 чел.), князца

---

[14] См. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник. «Труды Ин-та этнографии АН СССР». т. XVIII, стр. 36—37. Для 1654 г. нами взята меньшая цифра как более правильная (см. там же, стр. 35—38), а для 1681 и 1685 гг. взяты большие цифры.

[15] Там же, стр. 41. Численность пясидских самоедов нами тогда была определена в 130 чел., потому что нами был тогда принят коэффициент 3, 7 а не 4, как в настоящей работе.

[16] См. там же, стр. 41.

[17] См. там же, стр. 48.

[18] См. там же, стр. 53—54.

Пуду (10 чел.), Макидинского (18 чел.). Кроме того, было 17 «подростков».

В 1645 г. у тавгов были роды Удамолин (Адамылев, 18 чел.), Инокдее (Ниничейский, 10 чел.). Во главе последнего оставался тот же Болеры (Беляры). Сохранился род Хала, в который, вероятно, вошел и род Пуду (26 чел.). Родов Сокдозы и Макидинского в 1645 г. у тавгов нет, но зато появились род Умчин во главе с Тонди (17 чел.), род во главе с Нелоку (34 чел.), род во главе с Нероку (16 чел.), род Терей во главе с Сюйкой (21 чел.).

Вероятно, роды Хала и Нелоку в 1645 г. фактически состояли каждый из двух родов. Можно считать, что в 1634 г. род тавгов в среднем состоял из 15 мужчин-охотников, а в 1645 г.— из 16 мужчин-охотников, т. е. в роде было всего 60—70 чел. населения. Главным предводителем тавгов в период их присоединения к Русскому государству с 1631 г. был Удамул (Адамыл) Соницу.

В итоге получается, что в период своего знакомства с русскими в 30-х годах XVII в. предки нганасанов состояли из ряда групп (табл. 37).

Таблица 37

Численность предков нганасанов

Группа	Плательщиков ясака	Всего населения	Число родов
Пясидские самоеды . .	36	140	4
Самоеды кураки	45	180	4
Тидирисы	33	130	2—3
Тавги хетские	65	260	3—4
Тавги анабарские . . .	80	320	4—5
Всего . . .	259	1030	17—20

Что представляли собой те пять групп, которые вошли в состав нганасанского народа? Поскольку все они состояли из ряда родов, очень соблазнительно считать их племенами. Но потомки этих групп являются в составе современных авамских нганасанов экзогамными родами. Да и в XVII в. браки заключались, по-видимому, не внутри каждой из этих групп предков пяти родов авамских нганасанов, а между членами разных групп. На такой вывод наталкивают, в частности, факты появления тидирисов в списках кураков, тавгов в списках кураков и т. д.

У нас есть данные о том, что пясидские самоеды имели название тотемического характера — «орлы», а название «кураки» значит по-энецки «вороны». Такие тотемические названия тоже вряд ли могли быть свойственны племенам. Поэтому вероятнее всего, те пять групп, которые вошли в состав современных авамских нганасанов, и явились предками пяти экзогамных родов этих нганасанов, следует квалифицировать как фратрии, т. е. древние исходные роды, состоящие из более мелких родовых подразделений. При этом тавгов можно рассматривать как племя, состоявшее из двух экзогамных фратрий, в каждой из которых было четыре-пять родов.

Тидирисы являлись тунгусами, вступившими в брачные отношения с самоедами и ассимилированными последними. Само название тидирисы происходит от энецкого словосочетания «тидеро-ося», что значит «родственники по матери — тунгусы». Вероятно, тидирисы происходили из

какого-нибудь одного соседнего предкам энцев и нганасанов тунгусского рода (фратрии). Очевидно, фратриями надо считать и кураков и пясидских самоедов. Может быть, обе эти фратрии, вороны и орлы, образовывали одно северносамоедское племя, и название пясидских самоедов, как племенное, следует распространить и на кураков. Этим мы хотим сказать, что, вероятно, к приходу русских на Таймыре всего было два племени с двумя диалектами: западное — пясидские самоеды и восточное — тавги. При этом одна из фратрий пясидских самоедов, начавшая первой (с 1618 г.) платить ясак, стала официально известна под общеплеменным названием, а вторая фратрия, начавшая платить ясак позже (с 1625 г.), стала известна под своим тотемическим, фратриальным названием воронов. Образование племени авамских самоедов (нганасанов), очевидно, выразилось, помимо образования организационного единства тавгов, пясидских самоедов и тидирисов, также в том, что диалект тавгов распространился и у пясидских самоедов, вытеснив их первоначальный энецкий диалект.

Поэтому на карте ко времени прихода русских мы должны, как нам кажется, показать контуры территорий двух племен — пясидских самоедов и тавгов, а уже внутри этих контуров попытаться показать территории фратрий: орлов и воронов у пясидских самоедов, хетскую и анабарскую в племени тавгов [19]. Отдельно надо показать контуры территории тидирисов.

О расселении пясидских самоедов вместе с кураками (воронами) мы можем судить по следующим данным. Речка Батайка, впадающая в Дудыпту близ устья Авама, получила свое имя от Батая, сына Пьяка, главы пясидских самоедов-орлов, кочевавшего по ней. Исходя из кочевок нганасанов в недавнем прошлом, можно считать, что люди, зимой кочевавшие по Батайке, летом кочевали на среднем течении Пясины, в частности на ее притоках Шайтан и Ягода, а также на верховьях р. Таймыры, включая приток последней Дягоде (Луктах). По этнографическим данным, коренной территорией кураков является бассейн р. Пуры (Куры), притока Пясины. Летние кочевки по Пуре предполагают низовья рек Дудыпты (Авама), Аганы и верховья р. Пясины в качестве района зимних кочевий. Название пясидские самоеды тоже связывает это племя с бассейном Пясины (Пясиды).

Тидирисы, по архивным данным, кочевали у Тидирского озера и вместе с хантайскими самоедами (энцами) у Енисея в районе Хантайки. По преданиям нганасанов, предки рода Линанчера, т. е. тидирисы, платили ясак на Хантайке и кочевали у оз. Пясина, которое, видимо, и называлось в XVII в. Тидирским озером. Известно также, что тидирисы соседили не только с хантайскими энцами, но и с кураками. Об этом свидетельствуют как документальные источники, так и предания. О том, что тидирисы платили ясак на Хантайке, имеются документальные свидетельства.

О тавгах известно, что часть их подкочевывала к р. Хете, к ясачному зимовью, а другая часть кочевала у берега моря в низовьях Анабары. Зимние кочевки к Хете, в частности к ее устью, предполагают летние кочевки на р. Таймыр, к оз. Таймыр, на р. Большую Балахпу. К юго-востоку от Хеты находится Самоедский хребет, около которого тоже кочевали предки нганасанов. Разыскивали служилые люди самоедов и на реках Удже и

---

[19] Объединение пясидских самоедов и кураков в одно племя, а анабарских и хетских тавгов в другое отличает группировку этнографических единиц предков нганасанов, принятую в настоящей работе, от группировки предков нганасанов, принятой в работе «Происхождение нганасанов», где все вышеназванные четыре группы предков нганасанов, как и тидирисы, фигурировали отдельно в качестве самостоятельных единиц.

Юсле, правых притоках Анабара [20]. Существует предание, что название притока Янгоды р. Соиитэ происходит по имени кочевавшего по ней самоедского, т. е. нганасанского князя. Очевидно, в данном случае имеется в виду известный лам Удамул Соиицу.

Границу между тавгами и пясидскими самоедами можно также провести по распространению тунгусской топонимики. Можно предполагать, что тавги, как тунгусоязычное в более отдаленном прошлом племя, занимали область со следами тунгусской топонимики, а пясидские самоеды — область чисто самоедской топонимики. В таком случае бассейны Таймыра, Хатанги и Анабара в пределах расселения предков нганасанов отойдут к территории тавгов, а бассейн Пясины, за исключением верховьев Дудыпты, Янгоды и Авама — к территории пясидских самоедов.

Исходя из всего вышеизложенного, а также учитывая расселение потомков пясидских самоедов, тавгов и тидирисов в 1926 г., мы и определили контуры территории каждой из этих трех групп предков нганасанов на карте. Надо лишь иметь в виду, что потомки пясидских самоедов, род Нгомде, переселился к настоящему времени на р. Таймыр, что потомки тавгов в общем продвинулись на запад, а большая часть прежней территории тавгов занята позднейшими выходцами из тунгусов — вадеевскими нганасанами, а также якутами, долганами и потомками затундринских крестьян.

Таблица 38

Численность плательщиков ясака в Хантайском зимовье [21]

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1607	416				
1614	406				
1625	133	1654	97	1682	111
1626	195	1661	110	1683	101
1627	219	1662	108	1684	102
1628	217	1664	105	1685	105
1629	176	1665	108	1686	108
1630	74	1667	107	1687	108
1632	72	1668	96	1688	108
1633	83	1669	90	1689	109
1634	99	1670	78	1690	98
1635	66	1671	80	1691	75
1636	129	1672	87	1692	71
1637	113	1673	99	1693	93
1638	121	1674	99	1695	86
1639	124	1675	103	1696	86
1640	122	1676	115	1698	92
1641	130	1677	124	1699	90
1644	92	1678	99	1700	86
1645	86	1679	111	1701	91
1652	97	1680	111	1702	89
1653	92	1681	114	1703	93

[20] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 249.

[21] В этой таблице данные за 1625—1628 гг. заимствованы из «Списков Мангазейской архивы» Г. Ф. Миллера (ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 23—33). Остальные данные взяты из ясачных книг фонда 214 ЦГАДА в таком порядке:

В табл. 38 показано изменение численности плательщиков ясака в Хантайском зимовье (вместе с Леденкиным шаром).

В результате эпидемии оспы 1630—1631 гг. численность предков хантайских энцев сократилась более чем втрое. Уменьшение их числа в 40-х годах XVII в. вызвано переходом тидирисов (см. выше) от Хантайского зимовья к Пясидскому Хетскому (Авамскому) зимовью.

Причины сокращения численности хантайских самоедов в 1668—1670 гг. не ясны. Их соседи, предки нганасанов, в эти годы голодали вследствие неудачной охоты на диких оленей. Вероятно нечто подобное имело место и у предков хантайских энцев. Во всяком случае в 1667—1669 гг. у них умерло сразу 25 плательщиков ясака [22]. На падении численности хантайских энцев в 1690—1692 гг. сказалась новая эпидемия оспы [23].

Резкие колебания числа хантайских ясачных плательщиков в 1677/78 г., видимо, результат каких-то пересчетов, списывания умерших за ряд лет и т. п. в ясачном столе Мангазейской приказной избы.

Таким образом, в начале XVII в. предков современных тундровых энцев было всего примерно 1640 чел. и среди них около 410 плательщиков ясака. Но можно ли считать, что уже в 20-х годах того же столетия, т. е. до эпидемии оспы 1630—1631 гг. (см. табл. 40), у них было не более 214 плательщиков ясака (всего около 860 чел. населения)? У нас нет указаний на какие-либо конкретные причины, приведшие к сокращению численности тундровых энцев между 1614 и 1625 гг. По-видимому, здесь дело в следующем. До 1629 г. включительно в ясачные книги мангазейского уезда попадали лишь лица, фактически заплатившие ясак. Следовательно, уменьшение числа плательщиков ясака в период с 1607 по 1629 г. означает не уменьшение численности всей интересующей нас группы самоедов, а лишь уменьшение количества явившихся для уплаты ясака. Поэтому для определения действительной численности хантайских энцев за этот период надо взять наибольшие цифры 1607 и 1614 гг. После эпидемии оспы 1630—1631 гг. в ясачные книги стали записывать всех известных плательщиков ясака вне зависимости от их фактической явки, отмечая только каждый раз появившихся и исключая умерших. Поэтому данные о численности плательщиков ясака Хантайского зимовья и зимовья у Леденкина шара после 1638 г. колеблются меньше и примерно отражают общую численность уцелевших от оспы 1630—1631 гг. трудоспособных мужчин, а не представляют только численность тех из них, которые фактически заплатили ясак. Следовательно, можно считать, что

Год	№ книги	Год	№ книги	Год	№ книги	Год	№ книги	Год	№ книги	Год	№ книги	Год	№ книги	Год	№ книги
1629	19	1638	127	1661	442	1673	563	1682	756	1691	1047	1702	1422		
1630	22	1639	127	1664	478	1674	597	1683	807	1692	1050	1703	1422		
1631	32	1640	150	1665	478	1675	597	1684	807	1693	1050				
1632	986	1641	144	1667	513	1676	592	1685	827	1695	1107				
1633	986	1644	285	1668	513	1677	624	1686	853	1696	1105				
1634	986	1645	285	1669	537	1678	624	1687	853	1698	1220				
1635	57	1652	320	1670	548	1679[1]	ст.	1688	1030	1699	1353				
1636	95	1653	320	1671	561	1680[1]	726	1689	1030	1700	1293				
1637	95	1661	442	1672	561	1681	756	1690	954	1701	1293				

В таблицах изменения численности плательщиков ясака по остальным зимовьям Мангазейского уезда, которые будут приведены ниже, данные заимствованы из тех же источников и поэтому повторять эту ссылку мы не будем.

[22] ЦГАДА, ф. 214, кн. 513, л. 329; кн. 537, л. 178.

[23] Там же, кп. 986, л. 125 об.

в начале XVII в., вплоть до 1630 г., предков современных хантайских энцев было, как указано выше, всего около 1640 чел., из них примерно 410 чел. были плательщиками ясака, хотя в 1629 г. платил ясак лишь 161 чел.

Можно считать, что в середине XVII в., после эпидемии оспы, ясачных хантайских энцев (без тидирисов) было примерно 100 чел. (всего 400 чел. населения); в 80-х годах XVII в.— примерно 110 чел. (всего около 440 чел. населения) и в конце XVII — начале XVIII в. примерно 90 чел. (всего 360 чел. населения).

Данные 1607 и 1614 гг.[24] о родовом составе тех самоедов, которые в дальнейшем платили ясак в Хантайке и Леденкином шаре, отражены в табл. 39.

Таблица 39

Численность родов хантайских самоедов в 1607 и 1614 гг.

Род	Плательщиков ясака		Примечания
	1607 г.	1614 г.	
«Самоядь» без указания рода	106	—	Видимо, это та же группа, которая в 1614 г. названа Минзчи
Тынгин	49	35	Возможно, что часть этого рода перешла в 1614 г. в род Яши Вологжанина
Юндучей	63	15	Возможно, что часть этого рода в 1614 г. фигурирует под названием рода Варей (Выруй)
«Сайты» (Сойты)	93	29	Части этих родов в 1614 г., вероятно, фигурируют как род Таней
Ныной (Аныной)	62	22	
«Ярудея кривово»	18	14	Сравни в 1626—29 гг. род Тарусидин Ярудиев, прозвище «кривой» появляется с 1614 г.
«Тетасидин» (Тыдасидин)	21	—	См. ниже род Ломбуев
Яши Вологжанина	4	15	Вероятно, сюда в 1614 г. включена часть рода Тынгина 1607 г.
«Варей» (Выруй?)	—	41	Вероятно, это часть рода Юндучей 1607 г.
Ломбуев	—	26	Вероятно, это тот же род, который в 1607 г. назван Тетасидиным
«Минзчи»	—	104	Вся эта группа родов и один человек рода Варей записаны в составе «верхотазской самояди» вместе с родами Селирта, Асида, Ючи, Мангазея
Таней (Тонеев)	—	87	
Парасей	—	5	
Тасуи	—	4	
Таучиев	—	5	
Селякин	—	4	
Всего	416	406	

Более подробные данные у нас имеются за 1625—1645 гг. Правда, эпидемия оспы 1630—1631 гг. сказалась на численности хантайских энцев в течение этого периода. Данные о численности плательщиков ясака Хантайского зимовья и зимовья Леденкин шар с 1630 по 1635 г. резко

[24] Все эти данные — из «Списков Мангазейской архивы» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 13—23). Имеющиеся, кроме них, данные за 1615, 1618, 1620—1624 гг. явно неполны и могут быть использованы лишь в отношении отдельных родов.

изменяются в зависимости от того, сколько человек являлось платить ясак или посылало свой ясак с другими. В некоторых списках очень многие плательщики ясака отмечены как умершие или «не сысканные»[25]. Хантайские ясачные плательщики в большом количестве переходили к Леденкину шару, а затем постепенно возвращались обратно. Этот процесс возвращения в Хантайку закончился в 1640 г. В 1632 и 1633 гг. одни и те же роды и одни и те же люди оказываются записанными в ясачных книгах обоих зимовий — Хантайского и Леденкина шара. В 1634 г. и позже, вплоть до 1640 г., некоторые роды продолжали оставаться разделенными между этими двумя зимовьями.

Прежде чем привести таблицу родового состава хантайских энцев в 1625—1645 гг., необходимо оговорить, что из нее исключены тидирисы, как группа, в конце концов вошедшая в состав нганасанов. Кроме того, некоторые группы, в ясачных книгах записанные как отдельные роды, мы объединили, считая, что это части нескольких основных родов. Такими основными родами, по нашему мнению, были роды 1645 г., к которым, по-видимому, восходят также все роды хантайских энцев, существовавшие у них к 1926—1927 гг. Мы объединяли роды, исходя из того, как члены разных родов хантайских самоедов и самоедов Леденкина шара из ясачных книг 1629, 1638, 1639 и 1640 гг.[26] распределились по родам в 1645 г.[27]. Эта операция производилась путем сличения поименных списков. В ряде случаев роды все же не объединены, несмотря на то, что для этого были некоторые основания, полученные путем вышеуказанного сличения имен. Так поступали мы в тех случаях, когда род, в 1625—1640 гг. уже малочисленный и в 1645 г. отсутствующий, до этого в период 1607—1624 гг., был одним из основных родов предков энцев.

Из приведенных данных видно, что несколько мелких родов в результате эпидемии 1630 г. исчезло. Что касается родов Санеева и Хоруева, то их члены в 1645 г. отмечаются главным образом в составе Мундутского рода. 19 человек, фигурирующие под названием Селякина рода, в 1626 г., может быть, представляли часть Тынгина рода. Разница между итогами таблиц 40 и 38 происходит оттого, что в табл. 38 включены тидирисы (пока они платили ясак на Хантайке), а из табл. 40 тидирисы исключены.

Родовой состав хантайских энцев в 1645 г. и, как можно предполагать, после этой даты очень прост: они состояли из восьми родов, семь из которых соответствуют семи родам, существовавшим у них и в 1926—1927 гг. Приводим эти соответствия: род Кислой шапки соответствует роду Солда; Мундутский — Мундидэа (Мунди — тюдю?); Тыдасидин — Лодоседа (?); Сойта — Сойта; Парасиев — Тадобэу (?); Мунзуев — Садо; Тынгин — Сонуко. Род Сыруев, по словам энцев, вымер не особенно давно.

Из восьми родов, бывших у хантайских энцев в 1645 г. и позже, роды Тынгин (т. е. Сонуко), Сойта, Тыдасидин (Лодоседа?) отмечены уже в 1607 г. Еще два рода хантайских энцев, бывших у них в 1645 г. и позже, — Мундутский, или Выруй («Варей», Мундидэа), и Парасей (Тадобэу?) — появились в 1614 г. Роды Кислой шапки (Солда, а по-нешецки Салярта) и Мунзуев (Садо) вошли в состав хантайских энцев позже. Первый из них перешел от лесных энцев (см. ниже) в 1620—1624 гг., а второй впервые пришел от пясидских самоедов, предков нганасанов, в 1626 г. Род Сыруев в 1607 и 1614 гг. фигурирует, вероятно, под каким-либо другим названием. Впервые он упоминается в 1620 г. вместе с Выруевым родом и родом Салярта лесных энцев в качестве тазовских самоедов.

---

[25] ЦГАДА, ф. 214, кн. 986, лл. 172—199, 355—369 и др.
[26] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, 117, 127, 150.
[27] Там же, кн. 285.

Таблица 40

Численность плательщиков ясака в родах хантайских самоедов в 1625—1645 гг.

Род	1625	1626	1627	1628	1629	1638	1639	1640	1645
Кислой шапки, Селярта («Мерита»)	10	14	11	11	10	3	3	3	4
Мундутский, Выруй	15	11	18	13	13	13	15	13	17
Тыдасидин (Тягоров и Хыров)	33	47	46	44	39	7	10	10	9
Сойта (Совита), Вокупин	21	42	33	30	26	15	14	12	18
«Тундряная самоядь»	—	—	—	—	—	9	5	5	
Сыруев	22	24	22	22	20	5	5	5	4
Нарасиев	19	20	20	20	16	6	9	9	10
Мунзуев «Пясидская самоядь»	—	3	1	3	2	9	10	8	7
Тынгин, Пыдуев	9	11	32	33	15	9	9	8	9
Санеев	—	—	8	8	10	10	13	15	—
Хоруев	—	—	—	—	2	7	7	7	—
Селякин (Боруев или Хобуев)	—	19	13	6	4	—	—	—	—
Ломбуев	—	—	2	7	—	—	—	—	—
Теребиев (Хоруев?)	—	2	3	1	1	—	—	—	—
Тонеев	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Тарусидин Ярудиев	—	2	5	1	2	—	—	—	—
Тосуй	4	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	133	195	214	199	161	93	100	95	78

заплативших ясак в Туруханске, а затем, не позже 1623 г., в числе хантайских самоедов вместе с Тыдасидиным и Селякиным (см. выше) родами. Для того чтобы понять, что представляли собой те роды энцев, которые зарегистрированы в 1607 и 1614 гг. (см. табл. 39), надо иметь в виду, что в данном случае под одним названием «род» могли фигурировать два разных типа социальных объединений.

Во-первых, это могли быть фратрии, подобные тем фратриям, которые мы видели у предков нганасанов, т. е. очень древние экзогамные коллективы, объединявшие у нганасанов от 30 до 80 трудоспособных мужчин (всего примерно от 120 до 320 чел. населения).

Во-вторых, это могли быть собственно роды, т. е. части вышеуказанных фратрий, группы родственных семей, кочевавшие и промышлявшие совместно. Как мы знаем, такие объединения, собственно роды, обычно состояли у нганасанов из 40—80 чел., в том числе 10—20 трудоспособных мужчин.

Сложность анализа родового состава хантайских энцев, по данным 1607 и 1614 гг., усугубляется еще и тем, что в 1614 г. более половины этих энцев платили ясак вместе с верхотазскими лесными энцами и были записаны под названиями, отсутствовавшими в 1607.

Естественно предположить, что фратриями были такие более крупные группировки 1607 г., как Юндучей, Сойта, Аныной и, наконец, Таней и Минзчи 1614 г. Последняя группировка по большей части, вероятно, представляла в 1614 г. «самоядь» 1607 г. без указания рода. Роды Тынгин, Ярудиев (позже Тарусидин Ярудиев), Тыдасидин (он же, или по крайней мере часть его, Ломбуев), Парасей, Селякин и такие позднейшие

роды, как Сыруев, Теребиев и другие, являются, видимо, родами в собственном смысле слова, получившими названия от имен возглавлявших их лиц [28]. Значительные размеры некоторых из них в 1607 и 1614 гг. объясняются, вероятно, тем, что в очень ранних записях ясачных книг отразились временные объединения нескольких более или менее близких друг другу родов, совместно плативших ясак. Да и позже Тыдасидин (Тетасидин) род состоял, например, из родов Тыдасидина Тягорова и Тыдасидина Хырова. Причем Тягор и Хыро были реальными людьми, возглавлявшими эти роды.

Может показаться страшным, что в 1614 г. в роде Таней было 87 мужчин, а род Топеев в 1629 г. состоял из одного человека. Конечно, это свидетельствует не о вымирании этого рода (фратрии?) за 15 лет, а о том, что в 1614 г. под названием Таней платила ясак целая группа родов, которые в 1629 г. уже были записаны отдельно под другими названиями или совсем не явились к платежу ясака.

Патриархально-родовой строй кочевых оленеводческих народов Севера не являлся чем-то застывшим, неизменным. В рамках фратрии происходило постоянное возникновение новых и распад старых родов. Поэтому исчезновение старых и появление новых родов для этого строя является правилом и поступательное движение этого общества отражается в постоянном изменении его родового состава, в постоянных переливах населения (в рамках племени и фратрии) из одних родовых объединений в другие в зависимости от их хозяйственных и общественных успехов. В этой ранней форме патриархально-родового строя, наблюдаемого, помимо энцев в XVII в., также у предков нганасанов, у юкагиров и некоторых групп северных эвенков, роды еще не превратились в омертвевшие социальные единицы со сравнительно ограниченными общественными функциями и с почти полным отсутствием хозяйственных функций, как это наблюдается позже даже у тех же энцев. Это обстоятельство надо иметь в виду при изучении подобных ранних патриархально-родовых обществ.

Среди энецких родов 1607 и 1614 гг. обращает на себя внимание род с несколько страшным названием — «Яши Вологжанина». Этот род упоминается еще в 1615 г. У нганасанов есть легенда о русском мальчике, воспитанном их предками. Нам о нем рассказали как о Степане Куржанике. Некоторые нганасаны связали эту фамилию с существовавшей одно время у нганасанов рода Чуначера фамилией Курсимин. Поэтому мы опубликовали это предание как предание о Степане Курсимине [29]. Но, как нам удалось установить позднее, фамилия Курсимин произошла от имени нганасана Курсимы Топудина, фигурирующего в списке авамских нганасанов 1768 г.[30]. Может быть, действительно легенда о русском мальчике Куржанике, воспитанном самоедами, имеет связь с существованием в начале XVII в. рода «Яши Вологжанина». Надо также сказать, что нганасаны иногда выдают энецкие предания за свои и что слово «Куржаник» произносилось очень невнятно.

Что касается названий групп, по своим размерам напоминающих образования типа фратрий, то название Мипзчи, может быть, является плохой, к тому же искаженной при переписывании для Миллера [31]

---

[28] Впрочем, род Тыпгин, возможно, тоже представлял фратрию, лишь записанную под названием ее основного рода, названием, образованным от имени главы последнего.

[29] См. Легенды и сказки нганасанов, Красноярск, 1938, стр. 104.

[30] Происхождение нганасанов, стр. 61.

[31] Мангазейские ясачные книги с 1607 по 1628 г. известны нам лишь по «экстракту», сделанному для Миллера студентом В. Третьяковым (см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, М.—Л., 1937, стр. 505).

транскрипцией названия мапду или мадду, как лесные энцы называют тундровых, хантайских энцев. Название Юндучей напоминает название Нгузундэй (может, быть, Нгудзунчей?), встречающееся часто в фольклоре энцев как название одного из древних родов хантайских энцев. Название Сойта сохранилось до наших дней. В 1948 г. был еще один человек из этого рода, некто Сяра Сойта, а по-русски Григорий Горлашкин. В названии Аныной мы склонны видеть словосочетание «онэй энэчэ», т. е. «настоящие люди». Так себя называли тундровые энцы, в отличие от лесных энцев и ненцев. Потомков Тынгина рода теперь называют Сонуко (по-энецки) и Сапэр (по-ненецки). Сапэр-ям — это название Печоры по-ненецки. Отсюда будто бы происходил предок этого рода, якобы русский по происхождению. Может быть, в этой традиции тоже нашло свое отражение существование у энцев рода Яши Вологжанина. Про иноплеменное происхождение родов Солда (Кислой шапки) и Садо (Мунзуева) мы уже говорили. Что касается рода Мундидэа (Мундутского), то в 1607, 1610, 1614, 1618, 1620 гг. он или часть его платила ясак в Туруханское зимовье и лишь в 1626 г. появился один человек этого рода среди плательщиков ясака Хантайского зимовья. Но можно считать, что род Вареи является ответвлением того же Мундутского рода. А род Вареи, как мы знаем, отмечен среди предков хантайских энцев уже в 1614 и 1615 гг., а в транскрипции «Выруй» — в 1625 г.

Поскольку названия «минзчи» и «анынай» как будто разъясняются как племенное название и самоназвание, то собственно фратриальными названиями можно в таком случае считать лишь название Нгузундэй (Юндучей) и Сойта. Любопытно, что в преданиях хантайских энцев фигурируют чаще всего именно эти два родовых названия или названия пришлых родов. Можно также предполагать, что современные роды Лодоседа, Тадобэу и, может быть, Мундидэа принадлежали к фратрии Нгузундей. Род Сойта среди современных хантайских энцев представлял потомков другой фратрии, к которой, возможно, принадлежал и исчезнувший к нашему времени род Сыруй. Остальные современные роды хантайских энцев (Солда, Садо и Сонуко), как мы знаем, являются пришлыми.

Поскольку у нас нет все же определенных данных о родовом (фратриальном) составе предков хантайских энцев до 1645 г. и, в частности, очень мало данных о размещении их родов по территории, то мы будем на карте показывать все племя хантайских энцев одним контуром.

Данные о расселении хантайских самоедов у нас имеются следующие. В 1607 и 1614 гг. все они, видимо, платили ясак прямо в Мангазею.

В 1620 г. появилось название «хантайская самоядь». С 1624—1625 гг. большинство хантайских самоедов платило ясак в Хантайском зимовье. Меньшая часть их под названиями «тундряной» и реже «кровавой [32] самояди» платила ясак с 1627 г. в «новом зимовье в Леденкине шару». В 1627 г. и позже некоторые группы хантайских самоедов платили ясак вместе с тидирисами (см. выше) на Тидирисском, т. е. Пясинском, озере. В 1630—1640 гг. многие хантайские самоеды, спасаясь от оспы, перешли к Леденкину шару и Мангазее, а затем постепенно возвращались обратно к Хантайке. Постоянно платили ясак в Леденкином шару и в Мангазее роды Тынгин, Селякин, Ярудиев, Пыдуев, Боруев. Они-то и считались «тундряной и кровавой самоядью». Первоначально в Леденкином шаре платила ясак и часть рода Сойта.

В 1645 г. все самоеды Хантайского зимовья и Леденкина шара (всего 78 чел., см. табл. 39) и восемь тидирисов платили ясак на Хантайке [33].

---

[32] Кровавая река показана Ремезовым примерно там, где в Таз впадает р. Русская (Луса-ята), около которой стояло зимовье Леденкин шар.

[33] ЦГАДА, ф. 214, кн. 285, лл. 52—56.

В ясачной книге 1638 г. интересны некоторые примечания. Относительно четырех человек Тыдасидина Тягорова рода, не явившихся к платежу, сказано: «...ту самоядь в нынешном в 146 году до ясаку убили в Пясиде на захребетных реках неясачные люди курадцкая самоядь» [34]. О старике Урито рода Совита (Сойта) сообщается, что в 1635—1637 гг. «кормился он... у неясачной курадцкой самояди» [35]. Относительно шести человек Хоруева рода и двух тидирисов (записанных вперемешку), не плативших ясак с 1635 г., указано, «что они в тех прошлых годах сошли для своих промыслов в Пясиду к неясачной самояди к куракам и те де неясачные люди кураки ту хантайскую ясачную самоядь в Пясиде на промыслах побили» [36].

Относительно «тундрянного самоедина» Итубы сказано, что он умер в 1637 г. «промеж Кровавой и Енисеем рекам» [37]. Другого «тундрянного самоядина» в том же 1637 г. «промеж Кровавой и Енисеем реками убили неясачные люди самоядь». Самоед Тыдасидина Тягорова рода Онора в 1637 г. «отъехал на пясицкие реки в тавки» [38].О самоеде Совитина рода Уриты (Урепциты) сообщается, что он «уехал на сторонние реки на тундру на вершину Кровавые реки» [39]. Другой самоед этого же рода по имени Модоло умер между реками Кровавой и Енисеем. Самоед Тыдасидина Тягорова рода был убит «меж Кровавой и Енисеем неясачной самоядью» [40].

В ясачной книге 1639 г. про самоеда, бывшего аманата Тынгина рода, Поруку Назарыдина сказано, что он, убежав из тюрьмы, с «ясачною самоядью не живет и не ездит, а ворует с неясачною самоядью с юрака» [41]. Про самоедов рода Совита (Сойта) Уриту (Репциду) и Хатыпеда указано, что они «отъехали прочь на сторонние реки на тундру на вершины Кровавые реки» [42]. Также и самоед Парасиева рода Кугума в 1638 г. отъехал «на вершины Кровавые и Енисея реки кочевать» [43]. Очевидно, имелось в виду сказать: между верховьями Кровавой и Енисеем.

Помимо данных ясачных книг, мы располагаем еще некоторыми другими сведениями о местожительстве хантайских самоедов. Известно, что в 1630 г. «тундряная и кровавая самоядь» стояла настолько близко от г. Мангазеи, что жена воеводы Кокорева могла посылать «непадобную жонку Анютку» из города «в самоецкие чумы з заповедными товарами» [44]. Известно также, что в том же 1630 г. «хантайская ясашная самоядь, которые наперед сего... ясак платили, ис Хантайки отъехали за Таз реку» [45]. В том же 1630 г. сообщалось, что «прошли мимо Хантайского ясачного зимовья ясачная самоядь и тидирисы и неясачные люди захребетники и ясаку де было взять с них некому» [46]. В 1636 г. тундреный самоед Тынгина роду Итилида и другие опять стояли зимой у самой Мангазеи за р. Тазом [47].

Мы знаем также, что по р. Пуру на запад от Таза и в устье Таза жили уже ненцы (юраки), лесные и тундровые. «Пуровская юрацкая самоядь»

---

[34] Там же, кн. 117, л. 434 об.
[35] Там же, л. 435 об.
[36] Там же, л. 443.
[37] Там же, л. 444.
[38] Там же, л. 445.
[39] Там же, л. 454.
[40] Там же, л. 460.
[41] Там же, кн. 127, л. 600.
[42] Там же, л. 603.
[43] Там же, л. 604.
[44] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, № 55, л. 5.
[45] Там же, л. 117.
[46] Там же, лл. 131—132.
[47] ЦГАДА, ф. 214, ст. 178, лл. 138—153.

рода «Пеки» (Пяк) упоминается уже в 1637 г.[48], юраки в устье Таза — в 1657 г.[49]. В конце XVII в. енцы занимали все низовье Таза вплоть до района старого Мангазейского города. Впрочем, отдельные енцы появились на Енисее уже около 1636 г.[50].

Попытаемся сделать некоторые выводы из приведенных выше данных о расселении хантайских энцев в XVII в. На северо-востоке они соседили с пясидскими самоедами-кураками, находившимися от них «за хребтом». Очевидно, под «хребтом» имеется в виду водораздел между бассейнами Пясина (где жили пясидские самоеды и тидирисы) и Енисея (где кочевали хантайские самоеды). Далее к югу хантайские самоеды занимали долину Енисея до устья р. Хантайки включительно. На юго-западе, на Тазу, интересующая нас сейчас группа самоедов занимала вначале район самого г. Мангазеи, район Леденкина шара и бассейн правого притока Таза р. Русской (Кровавой). Сюда в лесную зону на Тазу, так же как в район Хантайки, эти самоеды приходили на зиму. Можно предполагать, что между Тазом и Енисеем юго-восточная граница территории хантайских самоедов проходила примерно вдоль границы леса и лесотундры. Располагаясь по этой линии, хантайские энцы могли иногда выезжать и в Туруханск, что и было зафиксировано в 1625 г. Но далеко в глубь леса со своими тяжелыми, приспособленными к условиям тундры аргишами (поездами санок) хантайские самоеды заходить вряд ли могли.

Посмотрим теперь, что могут дать нам этнографические данные. Энцы рассказывают, что в районе верховьев Турухана и Большой Хеты и по Енисею в районе Игарки находят старые сгнившие санки энецкого типа. На севере хантайские энцы включают в свою исконную территорию восточный берег Енисейского залива и нижнего Енисея. Реку Пуру, приток Пясина, они никогда не включают в свою территорию, но верхнее течение р. Агапы, левый приток Пуры р. Моховая упоминаются в энецких преданиях в качестве местожительства энцев. Своей территорией, часто упоминаемой в фольклоре, считают энцы и реки Дудинку и Фокину и всю долину Енисея до Хантайки включительно. Но на восток от Енисея в районе Хантайки энцы далеко не распространялись. Там находилась, судя по фольклору, и в прошлом земля тунгусов. На левобережье Енисея своей землей энцы считали бассейны Большой и Малой Хеты и Соленой. И энцы и ненцы утверждают, что на западном берегу Енисейского залива в прошлом тоже кочевали энцы. О р. Мессо в энецком фольклоре не упоминается.

Судя по кочевкам населения между Тазом и Енисеем в недавнем прошлом, те роды предков энцев, которые подкочевывали на зиму к Тазу в район между Мангазеей и р. Русской, летом должны были кочевать в верховьях Соленой, по Яре и Танаму. На основании всего изложенного мы провели западный предел распространения хантайских самоедов и самоедов Леденкина шара от устья р. Русской на Тазу на север по водоразделу между Тазовской и Обской губой с запада и Енисеем и Енисейским заливом с востока.

В качестве общего названия всей этой группы (племени) энцев мы принимаем названия сомату или самату. Так они называют себя и сами, так называют их и соседи нганасаны. Что касается названия маду (мадду), т. е. «сваты» (родственники по женам) [51], то это несколько ироническое, полушутливое прозвище дали им лесные энцы. Ненецкое название этого племени манто (манду), вероятно, восходит к этому же прозвищу.

[48] ЦГАДА, ф. 214, ст. 178, кн. 95, лл. 175—176.
[49] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 246.
[50] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, № 55, л. 152.
[51] Как известно, «сватами», согласно Ипатьевской летописи, называли друг друга в XII в. печенеги и половцы.

По-видимому, первоначально название сомату распространялось не на всех тундровых (хантайских) энцев. У нас нет пока определенных данных о том, что это название существовало у энцев уже в XVII в.

Переходим теперь к лесным энцам. Тундровые (хантайские) энцы называют их «пэ-бай», т. е. «лесные баи». В XIX и начале XX в. их называли карасинскими самоедами, а в XVII в. карасинскими и подгородными самоедами. Карасинские самоеды — потомки тех самоедов, которые в первой половине XVII в. платили ясак в Верхотазское и Худосейское зимовья. Потомков самоедов, плативших ясак в Туруханское зимовье, называли подгородными самоедами.

В табл. 41 приведены общие данные о плательщиках ясака Верхотазского (с Худосейским) и Туруханского зимовий в XVII в.

Таблица 41

Численность плательщиков ясака в Верхотазском (с Худосейским) и Туруханском зимовьях

Год	Плательщиков ясака		Год	Плательщиков ясака		Год	Плательщиков ясака	
	верхотазских	туруханских		верхотазских	туруханских		верхотазских	туруханских
1607	212	82	1652	78	41	1681	80	31
1610	—	158	1653	75	50	1682	79	30
1614	159	182	1654	78	46	1683	69	30
1615	139	—						
1618	—	183	1661	82	47	1684	73	30
1620	289	335	1662	81 [52]	46	1685	90	30
1625	209	100	1664	74	46	1686	94	27
1626	237	99	1665	74	42	1687	102	27
1627	264	103	1667	74	41	1688	100	27
1628	262	105	1668	73	46	1689	95	26
1629	251	91	1669	78	44	1690	90	24
1630	242	103	1670	77	44	1691	79	17
1632	?	?	1671	85	43	1692	68	17
1633	101	76	1672	84	49	1693	72	19
1634	65	57	1673	83	48	1695	57	20
1635	70	68	1674	83	43	1696	48	19
1637	63	67	1675	82	43	1698	54	22
1638	75	70	1676	81	36	1699	58	22
1639	71	68	1677	83	36	1700	56	21
1640	80	66	1678	78	38	1701	64	23
1641	80	65	1679	70	38	1702	71	23
1645	79	64	1680	69	35	1703	69	22

Данные за 1620 г. явно преувеличены (см. ниже). Для определения численности лесных карасинских энцев до эпидемии оспы 1630—1631 гг.[53] мы используем данные 1627 и 1628 гг., а также 1629 г., первые данные, извлеченные не из копий, а из подлинной ясачной книги. По этим данным получается, что до эпидемии оспы 1630—1631 гг. было 365 ясачных лесных энцев (всего около 1460 чел. населения). В середине XVII в. можно

[52] Шесть человек «до ясаку» убили «воровские остяки» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 320, л. 57 об.).

[53] В 1632 г. считали, что умерло 175 верхотазских плательщиков ясака (ЦГАДА, ф. 214, кн. 286, л. 218).

Таблица 42

Численность плательщиков ясака в родах тазовских и туруханских самоедов в 1607—1630 гг. [54].

Год	Ясачное зимовье	Количество плательщиков ясака по родам														Всего
		Мангазея	Селирта	Ючея	Асида	Вангута	Харасида	Бай	Мундуки	Краснова	Пьянова	Хурей	Быдодей	Тоситы	Варц (Варчи)	
1607	Мангазея	35	35	56	81	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	212
	Туруханское	—	7	—	—	18	27	22	8	—	—	—	—	—	—	82
	Итого	35	42	56	81	18	27	22	8	—	—	—	5	—	—	294
1610	Туруханское	—	—	—	—	71	38	23	11	15	—	—	—	—	—	158
1614	Верхотазское	55	46	35	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159
	Туруханское	—	11	—	—	32	61	23	14	6	24	6	—	—	5	182
	Итого	55	57	35	23	32	61	23	14	6	24	6	—	—	5	341
1615	Верхотазское	35	60	33	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	139
1618	Туруханское	—	14	—	—	28	90	22	12	8	—	5	—	—	4	183
1620	Верхотазское	76	94	49	65	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	289
	Туруханское	—	46	—	—	62	112	25	8	12	31	17	—	—	—	313
	?	—	16	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	22
	Итого	76	156	49	65	62	112	25	8	18	31	17	—	5	—	624
1625	Верхотазское	40	60	43	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	209
	Туруханское	—	11	—	—	25	32	20	—	3	5	4	—	—	—	100
	Итого	40	71	43	66	25	32	20	—	3	5	4	—	—	—	309
1626	Верхотазское	—	66	45	69	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	180
	Худосейское	43	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	57
	Туруханское	—	26	—	—	20	21	20	—	3	5	4	—	—	—	99
	Итого	43	106	45	69	20	21	20	—	3	5	4	—	—	—	336
1627	Верхотазское	—	66	54	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	196
	Худосейское	53	2	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	68
	Туруханское	—	26	—	—	22	17	23	2	3	5	5	—	—	—	103
	Итого	53	94	54	76	22	30	23	2	3	5	5	—	—	—	367
1628	Верхотазское	—	65	49	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	197
	Худосейское	50	—	—	—		15	—	—	—	—	—	—	—	—	65
	Туруханское	—	26	—	—	22	20	22	3	3	4	5	—	—	—	105
	Итого	50	91	49	83	22	35	22	3	3	4	5	—	—	—	367
1629	Верхотазское	—	62	54	69	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	185
	Худосейское	49	2	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	66
	Туруханское	—	9	—	—	27	18	23	3	2	4	5	—	—	—	91
	Итого	49	73	54	69	27	33	23	3	2	4	5	—	—	—	342
1630	Верхотазское	—	61	53	70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	184
	Худосейское	50	—	—	—	—	8 [55]	—	—	—	—	—	—	—	—	58
	Туруханское	—	17	—	—	29	20	25	5	2	3	5	—	—	—	106
	Итого	50	78	53	70	29	28	25	5	2	3	5	—	—	—	348

[54] Эта таблица составлена по данным «экстракта» из Мангазейских ясачных книг (ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 13—36) и двух подлинных книг (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19 и 22).

[55] Эта группа записана как Тусутин род (ЦГАДА, ф. 214, кн. 22, лл. 11—12).

Таблица 43

Численность плательщиков ясака в родах тазовских и туруханских самоедов в 1633—1645 гг. и в 1682 г. [56]

Год	Ясачное зимовье	Количество плательщиков ясака по родам										Всего
		Вангутин	Хараси-дин	Бай	Мундут-ский	Салярта	Ючи	Аседа	Манга-зея	Хыруев	Сойта	
1633	Туруханское . .	13	17	13	4	—	—	—	—	—	—	47
	Верхотазское . .	—	—	—	—	19	17	13	—	—	—	49
	Худосейское . .	—	15	—	—	3	—	—	22	—	—	40
	Итого . .	13	32	13	4	22	17	13	22	—	—	136
1635	Туруханское . .	12	24	19	5	7	—	—	—	1	—	68
	Верхотазское . .	—	—	—	—	17	17	14	—	—	—	48
	Худосейское . .	—	—	—	—	3	—	—	19	—	—	22
	Итого . .	12	24	19	5	27	17	14	19	1	—	138
1637	Туруханское . .	14	24	14	6	7	—	—	—	1	—	66
	Верхотазское . .	—	10	—	—	16	15	12	28	—	1	81
	Итого . .	14	34	14	6	23	15	12	28	1	1	147
1638	Туруханское . .	14	27	14	6	8	—	—	—	1	—	70
	Верхотазское . .	—	—	—	—	16	15	12	27	—	1	71
	Итого . .	14	27	14	6	24	15	12	27	1	1	141
1639	Туруханское . .	13	25	16	6	5	—	—	—	1	—	66
	Верхотазское . .	—	—	—	—	19	17	13	25	—	—	74
	Итого . .	13	25	16	6	24	17	13	25	1	—	140
1640	Туруханское . .	15	23	16	4	4	—	—	—	1	—	63
	Верхотазское . .	—	23	—	—	19	17	10	23	—	—	69
	Итого . .	15	23	16	4	23	17	10	23	1	—	132
1645	Туруханское . .	10	24	21	1	7	—	—	—	1	—	64
	Верхотазское . .	—	—	—	—	27	16	14	23	—	—	80
	Итого . .	10	24	21	1	34	16	14	23	1	—	144
1682	Туруханское . .		27		—	—	—	—	—	—	—	27
	Верхотазское . .	—	—	—	—	26	14	22	20	—	—	82
	Итого . .		27		—	26	14	22	20	—	—	109

[56] Эта таблица составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 57, 95, 117, 127, 150, 285, 708, 732, 986.

считать, что было примерно 125 ясачных лесных энцев (всего до 500 чел. населения). В 1682 г. их было примерно 109 чел. (всего около 440 чел. населения), а в конце XVII в. примерно 90 чел. (всего около 360 чел. населения). В общем изменение численности лесных энцев в течение XVII в. шло параллельно изменению численности тундровых энцев. Эпидемия оспы 1691 г. сказалась и на лесных энцах. В 1695 г. произошло восстание рода Аседа, который затем откочевал в землю обдорских ненцев и перестал платить ясак в Мангазейском уезде. С 1701 г. началось возвращение членов рода Аседа в Мангазейский уезд. В 1703 г. 18 из них уже платило ясак (в 1682 г. в роде Аседа было 22 плательщика ясака).

Родовой состав лесных энцев отличался от родовой структуры тундровых энцев тем, что у них хорошо выделялось несколько крупных родов типа фратрий, по большей части сохранившихся до наших дней, и сравнительно мало отмечалось мелких родовых групп, преобладавших у тундровых энцев. Данные о родовом составе лесных энцев у нас имеются за 1607—1645 гг. и за 1682.

Эти материалы приводятся в таблицах 42 и 43. В табл. 42 приведены данные о родовом составе лесных энцев с 1607 по 1630 г., т. е. до эпидемии оспы 1630—1631 гг. В табл. 43 приведены данные о родовом составе лесных энцев с 1633 по 1645 г. и за 1682 г.

Роды Тоситы и Вару, по всей видимости, представляют собой части родов тундровых энцев (ср. выше Тосуй и Варей), иногда выходивших для уплаты ясака вместе с лесными энцами в Туруханское и Верхотазское зимовье.

Род Мундуки (Мундутский) среди лесных энцев — это, очевидно, остаток большого Мундутского рода, в большей своей части перешедшего в тундру (см. выше), где его подразделением являлся, вероятно, и вышеупомянутый род Варей (Выруй). Роды «Краспой» и «Пьяной», по-видимому, были подразделениями основных родов Туруханского зимовья, так же как и род Хыруев (Хурей), если только последний не идентичен Хоруеву роду тундровых энцев. Один человек рода Сойта, появившийся среди лесных энцев в 1637—1638 г., несомненно выходец из рода Сойта, находившегося у хантайских энцев.

Часть рода Селирта, платившая ясак в Туруханское зимовье в 1607—1620 гг., в 1620 г. получила название рода Кислой шапки (очевидно, по прозвищу главы этой группы) [57]. В 1625 г. эта группа платила ясак в Хантайском зимовье, а вместо нее в Туруханском зимовье начала платить ясак другая группа членов рода Селирта.

Большая численность родов Туруханского зимовья в 1620 г. может быть объяснена по-разному. Вероятно, здесь имел место учет дважды и трижды одних и тех же людей. Возможно также, что часть тундровых энцев по каким-то неизвестным нам причинам платила ясак в этом году в Туруханске и была приписана к местным родам. Напоминаем, что вплоть до 1628 г. включительно мы по Мангазейскому уезду имеем не подлинные ясачные книги, а лишь «экстракт» из них, сделанный для Миллера, в котором могут быть всевозможные неточности и ошибки.

После всех этих оговорок родовой состав лесных энцев в XVII в. можно представить в виде табл. 44.

Исчезновение у лесных энцев таких мелких групп, как роды Мундутский, «Краспой», «Пьяной» и Хыруев, произошло уже в XVII в. и в особых комментариях не нуждается. Можно лишь отметить, что такие мелкие группы исчезали не только вследствие вымирания, но и вследствие присоединения к более мощным родам. Сложнее обстоит дело с родами

[57] Вместо «кислая шапка» мы сейчас сказали бы «опревший капюшон» парки или сокуя.

Таблица 44

Численность родов лесных энцев (тазовских и туруханских самоедов)

Название рода		1628 г.		1645 г.		1682 г.	
в XVII в.	современное	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Мангазея	Муггади	50	200	23	90	20	80
Селирта	Салярта . . .	90	360	34	140	26	100
Ючейский	Ючи	50	200	16	60	14	60
Асида	Игасяда	80	320	14	60	22	90
Вангутин	— . . .	22	90	10	40		
Харасидин	— . . .	35	140	24	100	27	110
Бай	Бай	23	90	21	80		
Мундутский	Мундидэа . . .	3	12	1	5	—	—
Красной	— . . .	3	12	—	—	—	—
Пьяной	— . . .	4	16	—	—	—	—
Хыруев	— . . .	5	20	1	5	—	—
	Всего	365	1460	144	580	109	440

Вангутиным и Харасидиным. В настоящее время у энцев родов с такими названиями нет. В материалах переписи 1682 г. по Туруханскому зимовью родовые названия не указаны, но самоед Вангутина рода Иргома из ясачной книги 1645 г. фигурирует и в переписи 1682 г. Поскольку к настоящему времени из родов туруханских самоедов сохранился лишь род Бай, можно предполагать, что большинство туруханских самоедов в 1682 г. принадлежало к этому роду. О том, принадлежал ли туруханским самоедам 1682 г. также Харасидин род и вообще существовал ли в это время этот род, у нас сведений нет.

У энцев есть предания о том, что часть рода Муггади в прошлом возглавлял некий Каритуа или Каритуга, по имени которого и называлась вся эта группа. Можно ли считать, что Харасидин род XVII в. у туруханских энцев соответствует роду Каритуа энецкого фольклора? У нас нет другого основания для утверждения этого, кроме созвучия названия, и поэтому пока приходится оставить данный вопрос открытым. Вероятно, подразделением какого-то другого большого рода (фратрии) являлся и род Вангутин, название которого, наверное, происходит от собственного имени Вангута, что по-ненецки значит «умный». Что большие роды (фратрии) лесных энцев имели в XVII в. подразделения, кочевавшие отдельно, показывает пример с родом Аседа, который в 1627—1630 гг. состоял из собственно «Асидского рода» и его подразделения, которое называется в источниках «род Асидцкой же станица Алиева». В 1630 г. в собственно «Асидцком роде» было 27 плательщиков ясака, а в «Алиевой станице» — 43. Возможно, что Харасидин и Вангутин роды были такими же «станицами», только несколько более обособившимися, первый в роде Муггади, а второй в роде Бай. Как мы знаем, на такие станицы распадались и роды лесных ненцев (см. гл. VII).

Что касается социального лица этих объединений — Селирта, Асида, Мангазея, Ючея, Бай,— то оно не вызывает сомнений. Все они сохранились до настоящего времени, все являются экзогамными единицами, по отношению ко всем им энцы применяют термин «тидё» (или «тисо»), который лучше всего перевести словом фратрия.

Данных о расселении лесных энцев в XVII в. у нас, к сожалению, очень немного, и нам для определения их местожительства к приходу русских придется руководствоваться главным образом общими соображениями.

Мы знаем, что бассейн Елогуя был в XVII в. освоен кетами, бассейн Ваха — селькупами и хантами, а бассейн Пура — ненцами [58]. На Тазу в районе г. Мангазеи, на Енисее в районе Хантайки и к северу от линии Мангазея — Хантайка (совпадающей примерно с границей леса и лесотундры) жили предки тундровых энцев. К востоку от Енисея находилась земля эвенков. Таким образом, в пределах территории лесных энцев остаются бассейн Таза выше Мангазеи, долина Енисея от Мангутихи до Игарки, бассейн Туруханa, за исключением, может быть, его истока. Местоположение зимовий, в которых платили ясак лесные энцы в XVII в.,— Верхотазского, Туруханского и Худосейского,— соответствует указанной выше территории. Отдельные сведения о местах жительства и местах промысла лесных энцев тоже подтверждают, что имя была занята в XVII в. именно эта территория.

Род Бай, входивший в состав туруханских самоедов, дал, вероятно, имя притокам р. Туруханa рекам Нижней и Верхней Баихам. По предположению Г. Н. Прокофьева, название Баиха восходит к энецкому словосочетанию «Бай-яха», т. е. «река (рода) Бай» [59]. Туруханские самоеды летом ловили рыбу в устье Нижней Тунгуски, где их в 1631/32 г. поразила эпидемия оспы [60]. Название рода Вангумина или Вангутина сохранилось в названии сел. Ангутиха на Енисее ниже Туруханска и в названии Вангутиной курьи в дельте Туруханa. Вангутина курья в качестве оброчной статьи, отдаваемой на откуп, упоминается уже в XVII в. [61] В XVIII в. она упомянута Гмелиным и показана им на карте. Вероятно, глава этого рода Вангута рыбачил в этой курье. Отметим также, что вначале, в 1607 г., род Вангуты назывался просто «туруханскою самоядью» и стоял первым в списке родов, плативших ясак в Туруханском зимовье. Очевидно, этот род жил в районе самого зимовья. Название Харасидина рода, может быть, сохранилось в названии станка Карасина на Енисее, от которого уже в XVIII в. образовалось название карасинских самоедов для родов Муггади и Ючи, в XVIII в. плативших здесь ясак. На рубеже XVII и XVIII вв. в Карасино выходили самоеды (энцы) рода Аседа, зимой кочевавшие около старой Мангазеи на Тазу [62]. В 1649 г. верхотазский самоед рода Муггади Ледерей и туруханский самоед Харасидина рода Подсадик были на промысле на Енисее против Ипбатского зимовья, где ипбатские ясачные остяки им рассказали о готовящемся нападении на них (энцев) со стороны селькупов [63]. Через несколько лет после этого Ледерей с группой своих родственников был убит селькупами на р. Большой Соболиной [64]. Река Большая Соболиная — это, вероятно, река, которая теперь называется Варка Силь-кы. По-селькупски Варка Силь-кы и значит «Большая Соболиная речка». Относительно Подсадика у нас есть основания предполагать, что в 1640 г., например, он кочевал в районе низовьев Курейки, во всяком случае он имел связь с тунгусами, выходившими платить ясак в Хантайку, в низовья Курейки и Туруханск и по-

---

[58] Верхотазских самоедов убивали на Пуре, когда они появлялись там (ЦГАДА, ф. 214, кн. 117, лл. 482 об., 488 об.).

[59] См. Г. Н. Прокофьев. Селькупская грамматика. Л., 1935, стр. 10.

[60] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири, ч. II. М.— Л., 1941, стр. 380.

[61] ЦГАДА, ф. 214, кн. 478, лл. 9—10.

[62] Там же, ст. 1390, л. 25; ст. 1533, л. 31.

[63] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 231.

[64] См. С. В. Бахрушин. Самоеды в XVII в. «Советская Азия», 1925, № 5—6, стр. 90.

стоянно кочевавшими в верховьях р. Горелой (Вивн) [65]. Есть сведения, что род Муггади (Мангазея), часть рода Харасидина и два плательщика ясака из рода Селирты в 1627 г. кочевали по р. Худосее [66]. Роды Ючи и Салярта (Селирта) во второй половине XVII в. иногда кочевали около самой старой Мангазеи [67]. Но, вероятно, в начале XVII в. род Ючи кочевал значительно южнее. Отход энцев к северу объясняется тем, что в середине XVII в. верховья Таза были заняты селькупами. Селькупы уже в 1642 г. ходили на Таз [68]. Около 1652 г. известный нам Ледерей сдал 20 соболей, взятых «на бою у воровских остяков» [69]. Но можно считать, что в первые десятилетия XVII в., до эпидемии оспы 1630—1631 гг., энцы занимали весь Таз. Продвижение селькупов в верховья Таза, вероятно, и было в значительной степени облегчено ослаблением энцев в результате этой эпидемии. В конце XVI в. на род Аседа, как и на лесных ненцев, распространялась власть хантыйского князца Бардака, владения которого находились в бассейне Агана, притока Оби [70].

Но уже к середине, а тем более к концу XVII в. в размещении родов лесных энцев произошли большие изменения, заключавшиеся главным образом в отходе южных их групп на север. В дальнейшем сохранили энецкий язык лишь ушедшие на север вниз по Енисею роды Муггади, Ючи и Бай, а роды Салярта и Аседа онепечились. Муггади и Ючи образовали Карасинскую волость, род Бай — Подгородную волость, род Салярта вместе с некоторыми ненецкими родами (Паравы, Маръик, Тёр) — Тазовскую волость в низовьях Таза, а род Аседа вместе с ненецким родом Ламбай [71] поселился в XVIII в. в низовьях Енисея и образовал так называемую Береговую волость. В начале XIX в. Подгородная волость была объединена с Карасинской.

Переходим к остякам (кетам), платившим ясак в Инбатское зимовье. С 1607 по 1645 г. у нас имеются данные о численности не только всех ясачных остяков, плативших ясак в Инбатское зимовье, но и о численности трех главных группировок инбатских остяков в отдельности. Все эти данные сведены в табл. 45.

Таблица 45

Численность плательщиков ясака Инбатского зимовья в первой половине XVII в.

Год	Плательщиков ясака				год	Плательщиков ясака			
	инбаков	земпаков	богденцев	всего		инбаков	земпаков	богденцев	всего
1607	74	40	25	139	1631	84	40	24	148
1610	92	46	24	162	1632	38	19	9	66
1614	91	55	29	175	1633	39	20	9	68
1618	95	51	27	173	1634	38	21	9	68
1620	103	51	29	183	1635	39	19	9	67
1625	82	36	23	141	1637	48	24	9	81
1626	95	38	24	157	1638	51	27	11	89
1627	99	37	23	159	1639	51	28	9	88
2628	84	43	22	149	1641	50	32	9	91
1629	80	38	20	138	1645	49	32	11	92
1630	86	40	22	148					

[65] ЦГАДА, ф. 214, кн. 57, л. 478; кн. 150, л. 1060 об.; кн. 986, л. 202 об.
[66] Ср. ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 31; ЦГАДА, ф. 214, ст. 20, л. 147.
[67] ДАИ, т. VIII, стр. 163.
[68] ЦГАДА, ф. 214, ст. 111, л. 20.
[69] Там же, кн. 320, л. 77 об.
[70] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 141.
[71] По-ненецки, или Лоббэо (Лоббёку) по-энецки.

Таким образом, к приходу русских в первой четверти XVII в. инбатских кетов было около 720 чел., в том числе инбаков 400, земшаков 200 и богденцев 120 чел. После эпидемии оспы 1632 г., к середине XVII в. численность инбатских кетов упала вдвое — до 360 чел., в том числе инбаков до 200, земшаков до 120 и богденцев до 40 чел.

Рассмотрим изменения численности инбатских кетов после 1645 г. (табл. 45, 46).

Таблица 46

Численность плательщиков ясака Инбатского зимовья во второй половине XVII в.

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1653	89	1668	80	1673	82	1684	95	1691	87	1699	118
1654	90	1670	83	1675	85	1686	97	1692	87	1700	119
1662	101	1671	83	1677	104	1687	99	1693	118	1702	110
1663	96	1672	82	1681	95	1689	95	1696	114	1703	110
1665	90			1682	95			1697	112		

Эпидемия оспы 1691 г. оказала сравнительно небольшое влияние на численность кетов.

Можно считать, что к началу 80-х годов XVII в. было около 400 инбатских кетов, а на рубеже XVII и XVIII вв.— примерно 480.

Данные о родовом составе инбатских кетов во второй половине XVII в. имеются лишь за 1681 г. Приводим эти данные в табл. 47.

Таблица 47

Численность плательщиков ясака Инбатского зимовья по родам в 1681 г.[72]

Род	Плательщиков ясака	Род	Плательщиков ясака
Богденцы	16	Булванский	10
Хонигетский	7	Хентянский	20
Инбацкий	13	Запацкий	29

Роды Хонигетский, Инбацкий, Хентянский и Булванский этой таблицы соответствуют Инбацкому роду первой половины XVII в. Как видим, соотношение трех главных подразделений инбатских кетов с 1645 по 1681 г. почти не изменилось, только численность богденцев относительно несколько возросла. Все эти роды являются предками кетских волостей (управ) Подкаменнотунгусской, Верхнеинбатской, Нижнеинбатской и (вместе с селькупами) Карасинской. Роды Богденский и Запацкий являются предками фратрии Богдэденг, роды Хонигетский, Инбатский, Булванский и Хентянский — предками фратрии Кентанг у современных кетов. Таким образом, современные названия обеих фратрий представляют названия родов, существовавших в XVII в.

Данных о расселении кетов в XVII в. у нас почти нет. Имеются лишь основания считать, что к северу от устья Елогуя и Инбатского зимовья на Енисее находилась территория лесных энцев и что на юге граница между инбатскими кетами и кетами, платившими ясак в Закаменное зимовье, проходила по «камню» ниже станка Осинового и выше устья

[72] ЦГАДА, ф. 214, кн. 708, лл. 41—59.

Подкаменной Тунгуски. На эти же пределы территории инбатских кетов по Енисею указывают и предания. Нам также известно, что в 1627 г. кет Богдич, вероятно глава или основатель Богденского рода, ходил «лесовать» вверх по Подкаменной Тунгуске, где встретил 20 тунгусов, из которых девять дали 10 соболей ясака [73]. В списке кетов Зепатцкого рода за 1629 г. значится некий Хомся Сургутов, плативший ежегодно пять соболей [74]. От имени этого человека произошло, видимо, и название станка Комсы на Енисее, расположенного несколько ниже устья Подкаменной Тунгуски. По преданиям потомков инбатских кетов, в их территорию входили также бассейн р. Елогуя и низовья Подкаменной Тунгуски до так называемых «щек». По исповедным росписям Верхнеинбатской Успенской церкви за 1789 г., в ее приходе числилось всего 1002 «остяка», т. е. кета, в том числе 518 мужчин и 484 женщины. В исповедных росписях все эти кеты были разбиты на восемь территориальных групп: елогуйских остяков (148 чел.), бахтинских остяков (191 чел.), кангатовских остяков (125 чел.), пиганских остяков (72 чел) [75], шайкинских остяков (53 чел.), нижнеинбатских остяков (303 чел.), черноостровских остяков (100 чел.) и «остяков сургуцкой породы» (10 чел.).

Из этих территориальных групп нижнеинбатская и черноостровская, а также «остяки сургутской породы» находились на территории, занятой кетами после отхода эвенков к северу. Остальные группы кетов, указанные в исповедных росписях, жили на старой территории инбатских кетов. При этом удалось установить, что елогуйская и пиганская группы целиком состояли из потомков инбаков XVII в. Были они и в кангатовской группе, но здесь уже преобладали переселившиеся из района устья Подкаменной Тунгуски земшаки, составлявшие также большинство и среди нижнеинбатских кетов. Но, судя по кетским традициям, потомков инбаков надо считать в кангатовской группе основным населением. Таким образом, бассейн Елогуя и Енисей в районе его устья и в районе самого Инбатского зимовья можно считать территорией инбаков.

Бахтинская группа кетов конца XVIII в. состояла из потомков богденцев XVII в. и лишь нескольких выходцев из земшаков. Поэтому район устья Бахты на Енисее и низовья самой Бахты можно рассматривать в качестве территории богденцев XVII в.

Шайкинские остяки, платившие ясак и жившие у устья Подкаменной Тунгуски, состояли из потомков земшаков и нескольких выходцев из инбаков и южных закаменных остяков. Очевидно, район устья Подкаменной Тунгуски и низовья этой реки надо рассматривать в качестве места первоначального обитания земшаков. То обстоятельство, что в 1627 г. по Подкаменной Тунгуске охотился Богдич, возможный предок богденцев, не меняет дела, так как земшаки и богденцы составляли одну экзогамную фратрию инбатских кетов, противоположную другой фратрии, собственно инбакам.

Эти данные, а также данные о расселении соседей инбатских кетов — эвенцев, эвенков, «закаменных остяков» и др.— послужили нам материалом для нанесения на карту территории инбатских кетов.

Переходим теперь к «закаменным остякам».

«Закаменными остяками» служилые люди Мангазейского уезда XVII в. называли кетов, живших по Енисею выше «камня» и плативших ясак в Закаменное зимовье близ устья р. Дубчес. Часть этих кетов платила ясак в Сургутском уезде. Здесь мы будем заниматься лишь теми

[73] ААН, ф. 21, оп. 4, №№ 21, л. 113.

[74] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19.

[75] Рыболовная курья Фига (Пига), от которой получила свое название пиганская группа, находилась, видимо, на Енисее между станками Кангат и Зыряново в пределах дельты Елогуя.

кетами, которые платили ясак в Закаменное зимовье Мангазейского уезда.

Так же как и у инбатских кетов, учет «закаменных остяков» Мангазейского уезда первое время (до 1630 г.) велся по родам.

Приводим данные этого учета в табл. 48.

Таблица 48

Численность плательщиков ясака в Закаменном зимовье в первой половине XVII в.

Год	Род			Всего остяков	Ясачных тунгусов	Год	Род			Всего остяков	Ясачных тунгусов
	Бискиев («Бокси-ев»)	Илип-чиев	Бун-гулев				Бискиев («Бокси-ев»)	Илип-чиев	Бун-гулев		
1607	37	59	20	116	—	1630	15	91	—	106	—
1610	53	77	27	157	6	1631	102		—	102	—
1614	54	74	35	163	—	1633	103		—	103	6
1618	55	65	36	156	—	1634	103		—	103	6
1620	52	58	72	182	—	1635	98		—	98	9
1625	38	115	—	153	—	1637	111		—	111	8
1626	38	124	—	162	—	1638	109		—	109	9
1627	37	138	—	175	—	1639	108		—	108	12
1628	16	82	—	98	—	1640	100		—	100	12
1629	16	83	—	99	4	1645	102		—	102	23

В 1614 г. в Закаменном зимовье платили ясак, кроме того, сымский остяк Ониска и дюканы (4 чел.); в 1618 г. платили ясак два дюкана. Тунгусы в 1629 г. названы «род Товар», в 1633 г.— «род Табаров». Под дюканами имеются в виду сымские и касские остяки Енисейского уезда.

Мы пока не будем комментировать табл. 48, а приведем данные об изменении численности плательщиков ясака по Закаменному зимовью во второй половине XVII в. (табл. 49).

Таблица 49

Численность плательщиков ясака в Закаменном зимовье во второй половине XVII в.

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1653	74	1673	50	1691	9
1654	80	1675	50	1692	9
1662	79	1677	51	1693	10
1663	76	1680	43	1696	12
1665	68	1582	11	1697	12
1668	61	1684	12	1699	12
1670	59	1686	12	1702	10
1671	57	1687	12	1703	12
1672	51	1689	10	1704	10

До 1645 г. тунгусы Закаменного зимовья показаны нами отдельно. С 1653 по 1680 г. тунгусы включены в общее число плательщиков ясака Закаменного зимовья. В 1681 г. сразу все 26 тунгусов, плативших ясак в Закаменном зимовье, перешли в ведение Чунского зимовья. Этим главным образом и объясняется резкое снижение числа ясачных плательщи-

ков закаменного Зимовья в 1682 г. по сравнению с 1680 г. В течение всего XVIII в. численность этой группы плательщиков ясака изменялась очень незначительно. Это были так называемые вороговские остяки, осваивавшие низовья Дубчеса. Возникает вопрос, кто такие были и куда делись те многочисленные остяки, которые платили ясак в Закаменное зимовье в начале XVII в.

Численность закаменных ясачных плательщиков резко падала трижды: в 1628 г. по сравнению с 1627 г., в 1653 г. по сравнению с 1645 г. и в 1680 г. по сравнению с 1682 г. При этом если падение численности в 1682 г. объясняется главным образом уходом тунгусов, хотя и количество остяков тогда тоже уменьшилось с 17 до 11, то в период 1645—1653 гг., наоборот, тунгусы были включены в общую численность ясачных плательщиков, так что количество «закаменных остяков» за эти годы уменьшилось приблизительно со 102 до 50 чел., т. е. вдвое. Численность «закаменных остяков» постепенно сокращалась и с 1654 по 1682 г. (примерно с 50 до 11 чел.). Наоборот, численность закаменных тунгусов возросла в 1645 г. по сравнению с 1629 г. (с 4 до 23 чел.) и к 1681 г. (26 плательщиков ясака). Возрастание численности ясачных тунгусов Закаменного зимовья легко объясняется переходом их сюда из бассейна Подкаменной Тунгуски из ведения Чунского зимовья и будет нами рассмотрено ниже в связи с ознакомлением с тунгусскими родами, приписанными к последнему. Но уменьшение количества «закаменных остяков» этим объяснить нельзя.

Сокращение численности «закаменных остяков» с 1627 по 1628 г., вероятно, связано с какой-либо эпидемией. Но очень трудно объяснить уменьшение их числа с 1645 по 1682 г., когда количество плательщиков ясака сократилось у них с 102 до 11. Можно, конечно, предположить, что в этот промежуток времени тоже вспыхивали эпидемии оспы. Но каких-либо конкретных указаний об эпидемиях среди «закаменных остяков» у нас нет.

С другой стороны, имеются сведения о том, что некоторое количество «закаменных остяков» было включено в число плательщиков ясака соседних Сургутского и Нарымского уездов. Так, в списке «закаменных остяков» 1634 г. около двух из них (Чексин и Калчю Черсилов) помечено: «взят в Сургут» [76]. В 1653 г. «нарымские служилые люди и нарымские остяки» задержали группу плательщиков ясака Закаменного зимовья «Дубчаса реки на вершине» и «дву человек убили до смерти, а 10 человек поймав с собой взяли» [77]. У нас есть основания предполагать, что в составе тымско-караконских селькупов в бассейне Таза имеется некоторое количество выходцев из бассейнов Дубчеса и Сыма. Выше мы указывали, что некоторое количество «закаменных остяков» вошло также и в состав инбатских кетов.

Наконец, можно предполагать, что «закаменными остяками» пополнились и сымско-касские кеты Енисейского уезда, так называемые дюканы, численность которых к концу XVII в. значительно возросла (см. гл. XV).

После выселения «закаменных остяков» большая часть бассейна Сыма, а отчасти и бассейны Дубчеса и Каса опустели и были затем заселены пришедшими с правобережья Енисея тунгусами. Почему «закаменные остяки» оставили свою исконную территорию, остается непонятным. Ведь если на ней смогли жить тунгусы, могли бы жить и они. Может быть, здесь дело в том, что остяки были безоленными, пешими охотниками и рыболовами, а тунгусы — оленными охотниками, которым легче

[76] ЦГАДА, ф. 214, кн. 986, л. 398.
[77] Там же, кн. 320, л. 12.

было благодаря своим транспортным оленям осваивать обширные болота бассейна Сыма.

Надо также иметь в виду, что годовой ясачный оклад и поминки в Сургутском уезде составляли 10 соболей, в Нарымском — 11 соболей, в Енисейском (у остяков) — 12 соболей с человека. В Мангазейском же уезде «закаменные остяки» платили лишь по пять соболей в год. Можно поэтому предположить, что многие остяки (селькупы и кеты) Сургутского, Нарымского и Енисейского уездов вначале стремились платить именно в Закаменном зимовье Мангазейского уезда независимо от своего фактического местожительства и своих племенных и родовых связей. Отсюда и факты увода «закаменных остяков» сургутскими и нарымскими служилыми людьми.

Так или иначе, но остается фактом, что в начале XVII в. в Мангазейском уезде существовала большая группировка «закаменных кетов», которая через 75 лет, к 1682 г., превратилась в небольшую кучку, один небольшой род, из 11 плательщиков ясака. Для того чтобы выяснить причины исчезновения этой группы «закаменных остяков», требуется, очевидно, специальное исследование. Заметим, что в XIX в. повторилась такая же история. Количество кетов Сымско-Касской волости, насчитывавших в 1802 г. всего около 380 чел. (в том числе 48 потомков дубческих «закаменных остяков» XVII в.), к 1846 г. сократилось до 115, а в 1926 г. их всех оказалось лишь 48.

Можно считать, что до 1628 г. ясачных «закаменных остяков» было около 175 чел. (всего 700 чел. населения). В середине XVII в. их было всего около 400, а в 1682 г. и на рубеже XVII и XVIII вв.— около 40 чел.

Нам известно из письменных источников, что у «закаменных остяков» было три рода: Бискиев, Илинчиев и Бунгулев. Все эти названия, очевидно, восходят к собственным именам. По этнографическим данным они неизвестны. Вероятно, вначале в Бискиевом роде (фратрии?) было всего около 220 чел., в Илинчиевом — около 320 чел. и в Бунгулевом — до 160 чел. населения. Всех в целом «закаменных остяков» можно считать кетским племенем наряду с инбатскими кетами и дюканами (сымско-касскими кетами).

До нас, пожалуй, дошло и племенное название «закаменных остяков». В 1611 г. «приезжал в Кецкой острог Каволдынской мужик остяк Чичигита», брат «Коргета» (т. е. Кайгета, главы касских остяков), известивший о том, что тунгусы убили младшего брата и двух сыновей Кайгета и трех братьев Кимзы, главы сымских остяков [78]. В слове «каволдын» (правильнее, вероятно, «кайволдын») суффикс «дын» несомненно представляет кетское слово «дянг» — «племя», «народ», а все это название, возможно, является каким-то общим названием «закаменных остяков». Имя Чичигит состоит из собственного имени Чичи и слова «кет» («гет», «кит», «гит») — «человек», «мужчина», обычно добавляемого к мужским именам. Имя Чичи найдено в списке «закаменных остяков» Бискиева рода за 1629 г. Как мы видим, кайволдын Чичигит оказывается родственником, братом (очевидно, в классификационном смысле, по матери) сымско-касским дюканам.

В другом случае в том же 1611 г. Кайволдинская («Какволдинская») землица упоминается в качестве отдаленной от Кетского острога ясачной волости в таком контексте: «А от Тогурского... устья Кецкие волости вверх по Кете: Кадышская волость и новые землицы, Какволдинские и Енисейские ясашные кецкие остяки отдалели» [79].

---

[78] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 221.
[79] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 439.

Как мы знаем, в составе плательщиков ясака Сургутского уезда была Сымская волость, занимавшая, вероятно, верховья р. Сыма. В качестве главы этой волости в 1626 г. указан князец Дылм Кайволдин [80]. В ряде последующих ясачных книг этот же человек назван Дылдымом, а в 1639 г. он записан как Дылда Потамов [81]. «Дылдым» (по-кетски) значит «маленькая ель». Получается, что в 1626 г. Дылдым обладал прозвищем по своему племенному происхождению, а в 1639 г., очевидно, его прозвище было образовано, как обычно, от имени отца. Следовательно, у нас есть еще одно основание для заключения, что существовало, в частности в бассейне Сыма, племя с названием кайволдын.

Кастрен сообщает, что селькуп или кет с Дубчеса назывался по-кетски «хайбанг-кет» [82]. Во множественном числе это же название будет выглядеть как «хайбангдянг». Мы предполагаем, что именно это название и зарегистрировано в XVII в. в транскрипции кайволдын (кайвондин).

Относительно расселения кайволдынцев («закаменных остяков») в XVII в. нам известно немного. Безусловно, что р. Дубчес и район ее устья на Енисее входили в их территорию. Когда в XVII в. известный сибирский предприниматель Осип Григорьев Цыпаня Голубцов стал строить слободу в устье Дубчеса, кеты указывали, что здесь находятся их промысловые угодья. В делах о столкновениях между Цыпаней и кетами упоминаются, в частности, Хангуб (Хайгун) и Хоммыл [83]. Оба они имеются в списке закаменных остяков 1645 г., а Хангуб и в более ранних списках этих же остяков.

Но кроме большей части бассейна Дубчеса (и, разумеется, долины Енисея в районе его устья), мы включили в территорию «закаменных остяков» большую часть бассейна Сыма, за исключением его верховьев, где, по нашим предположениям, должны были находиться сымские остяки Сургутского уезда, и его низовьев, где жили и, вероятно, охотились сымские остяки Енисейского уезда. Главным поводом для распространения на карте территории «закаменных остяков» на бассейн Сыма послужило соображение о том, что для племени (или части племени) в 700 чел. бассейн Дубчеса слишком мал и, наоборот, такие сравнительно небольшие группы, как сымские остяки Сургутского и Енисейского уездов (обе составлявшие в первой половине XVII в. не более 150 чел.), вряд ли могли одни освоить весь бассейн Сыма. Граница между бассейном Сыма Мангазейского уезда и бассейном Кети Кетского уезда проведена нами по существовавшей здесь в XIX в. административной границе между Томской и Енисейской губерниями, восходящей, видимо, к старой границе между Мангазейским (позже Енисейским) и Кетским (позже Нарымским) уездами.

После того как племя «закаменных остяков» фактически исчезло и вместо него осталась небольшая группка вороговских остяков в низовьях Дубчеса, вошедшая в XVIII в. в Сымско-Касскую волость Енисейского уезда, большую часть освободившейся территории заняли переселившиеся с правобережья Енисея в бассейн Сыма тунгусы. Поэтому при определении территории «закаменных остяков» на нашей карте было также принято во внимание и фактическое расселение в бассейнах Сыма и Дубчеса этих тунгусов, отражавшее, по нашему мнению, в XIX в. расселение здесь «закаменных остяков» XVII в.

---

[80] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 311 об.

[81] Там же, кн. 136, л. 98.

[82] См. M. A. Castren's. Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen sprachlehre. St. Petersburg, 1858, S. 171.

[83] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 220—221.

Граница между сымскими и «закаменными остяками» на нашей карте показана условно. У нас есть основания предполагать, что сымские и касские кеты в районе устья Сыма занимали лишь долину Енисея [84], но по Касу доходили до Иволдина озера, расположенного в его верховьях [85]. Однако каких-либо определенных данных о том, как размежевывались закаменные и сымско-касские остяки в районе устья Сыма, у нас пока все же не имеется. Условна, разумеется, также граница между кайволдынцами и сымскими остяками Сургутского уезда, прозвище главы которых (см. выше) показывает, что они представляли тех же кайволдынцев.

Переходим к эвенкийскому (тунгусскому) населению Мангазейского уезда. Начнем с самой северо-восточной группы тунгусов уезда, плативших ясак в Есейском зимовье.

Данные об изменении числа плательщиков ясака в Есейском зимовье приведены нами в статье «Происхождение нганасанов» [86]. Только в 1622 г. впервые (если не считать 1634 г.) мы имеем по Есейскому зимовью сведения о численности плательщиков ясака. До этого года у нас есть лишь данные о количестве собранных соболей. Но поскольку на Есее в среднем платили по три соболя с человека, то мы, разделив число собранных соболей на три, получили количество плательщиков ясака на Есее и за ряд лет до 1662 г. За самый первый год сбора ясака на Есее, 1634, имеется поименный список плательщиков ясака.

Приводим эти данные об изменении численности плательщиков ясака Есейского зимовья в табл. 50.

Падение численности есейских тунгусов в 1683 г. объясняется восстанием, подробно описанным в «Происхождении нганасанов» [87].

Таблица 50

Численность плательщиков ясака в Есейском зимовье

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1634	6	1657	159	1675	144	1690	101
1636	104	1658	160	1676	151	1691	102
1638	113	1659	163	1677	152	1692	99
1639	86	1661	162	1678	154	1693	112
1640	87	1662	162	1679	152	1696	152
1641	99	1664	129	1680	151	1697	142
1645	159	1665	126	1681	142	1699	123
1647	130	1667	123	1682	145	1700	119
1648	141	1668	122	1683	8	1701	120
1649	152	1669	123	1684	11	1702	105
1651	153	1670	126	1685	21	1703	106
1652	138	1671	133	1686	40	1704	107
1653	170	1672	133	1687	65		
1655	161	1673	136	1688	97		
1656	159	1674	144	1689	96		

[84] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 217.

[85] См. там же, стр. 223. Иволдино озеро — это, видимо, то озеро, которое теперь называется Водораздельным (к западу от истоков Каса).

[86] «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVIII, стр. 26—27.

[87] Там же.

Главным плательщиком ясака на Есее было племя ваняды (ванядыры). Но кроме него, на Есее платили ясак и другие группы тунгусов: в 1636—1638 гг.— догочагиры, в 1644 г.— синигиры и малгачагиры («Мугалский род»). В 1653 г. на Есее стала платить ясак еще одна группа синигиров. В 1662—1664 гг. синигиры выбыли из числа плательщиков ясака Есейского зимовья. В 1644 г. на Есее находился в аманатах азян, но платили ли азяны ясак на Есее — неизвестно.

Подробные сведения о родоплеменном составе плательщиков ясака на Есее мы имеем лишь за 1682 г. Тогда в Есейском зимовье платило ясак шесть родов ванядов — 123 плательщика ясака, отдельный «Мугалской» род (малгачагиры) — 16 плательщиков ясака, одна группа синигиров с Анабары — шесть плательщиков ясака, один род племени нюрюмняль («уюрюльцы») — 14 плательщиков ясака. Но последние хотя фактически и платили ясак на Есее, однако числились по Тетейскому зимовью. Поэтому в табл. 50 численность плательщиков ясака на Есее в 1682 г. определена в 145, а не в 159 чел.; относительно ясачных анабарских синигиров известно, что в 1661—1662 гг. их было 10, в 1664 г.— семь, в 1665—1678 гг.— восемь, в 1679 г.— семь и в 1680—1682 гг.— шесть. Не учитывая их и малгачагиров, можно считать, что число ясачных ванядов колебалось в пределах 120—130 (всего около 500 чел. населения). Хотя в 1704 г. на Есее платило ясак 107 чел., но фактически плательщиков ясака было больше, так как 47 чел. числилось в бегах. Можно поэтому считать, что и в самом конце XVII в. и в начале XVIII в. есейских тунгусов ванядов было также около 500 чел. В дальнейшем в XVIII в. численность есейских тунгусов сократилась [88].

В 1644 г. ваняды состояли из шести родов, которые назывались Телегин, Кунедин, Тырин, Даргидин, Сеин и Кузнецов. В 1682 г. названия родов были таковы (в скобках число плательщиков ясака в роде): Телегин (22), Кунедин (22), Юлегин (19), Кунедеков (16), Мунуков (26), Кузнецов (18) [89]. Видимо, все эти названия происходят от имен и прозвищ лиц, возглавлявших роды, и с течением времени соответственно менялись. В 1685 г. есейские тунгусы, ушедшие после восстания 1683 г. в пределы Якутского уезда, подали челобитную о перечислении их от Оленекского зимовья к Жиганскому. В челобитной упоминаются роды Килягирский, Вонядырский, Шевитцкий, Усмагирский и Уюринский [90]. Как известно, названия Вонядырский и Уюринский представляют племенные названия. Остальные три названия, очевидно, являются названиями родов ванядов. Вероятно, у ванядов, кроме названий родов, образованных от имен возглавлявших их лиц, имелись названия родов и иного происхождения.

О роде Малгачагир (Муанском), об «уюрильцах» и анабарских тунгусах будет сказано ниже [91]. Сейчас мы рассмотрим лишь расселение ванядов.

Основным фактом для установления расселения ванядов является их обитание в районе оз. Есей. Мы знаем также, что в 1702 г. есейские тунгусы, т. е. ваняды, платили ясак на р. Хете к северу от Есея [92]. Других сведений о расселении ванядов известный нам архивный материал не дает. Живущие к югу от Есея тунгусы-баягиры считают, что непосредственно к югу от озера находится старая их территория. Современные обитатели Есея — якуты рассказывают, что к западу от Есея, по верховьям Котуя,

---

[88] Подробнее об есейских тунгусах см. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVIII, стр. 24—33.

[89] См. там же, стр. 27—28.

[90] См. И. С. Гурвич. Оленекские и анабарские якуты. М., 1949, стр. 98 (рукопись); ЛОИИ, Якутские акты, карт. 44, ст. 4, лл. 16—17.

[91] Об анабарских тунгусах см. гл. XIX, разд. 3.

[92] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1293, л. 61.

Меймечи (Медвежьей) и истокам Хеты, рекам Аякли и Аяну, жили тунгусы-малгачагиры. Потомки этих тунгусов, действительно последнее время кочевали по Аяну и Аякли.

Из живущих на оз. Есей якутов объякученными потомками ванидов можно считать род Осогостох. Кочевки членов этого рода в бассейне Котуя к северу от оз. Есей тоже, вероятно, в какой-то степени отражают освоение этой территории в прошлом есейскими тунгусами-ванядами. Последних есейские якуты знают под названием маятов. По преданиям, есейские маяты жили главным образом к северу и северо-востоку от оз. Есей, в том числе и на истоках Анабара. Учтя все эти данные, а также сведения о других, соседних ванядам (маятам), племенах, мы и нанесли территорию ванядов на карту.

Потомками тунгусов-ванядов являются в настоящее время вадеевские иганасаны, якуты рода Осогостох среди есейских и оленекских якутов, часть якутов Бетинского наслега в том же районе, в частности рода Маят, эвенки рода Тавиндук («Кузнецов») в бассейне Туруханa и, может быть, эвенки рода Кильматир среди «летних» эвенков на оз. Хантайка.

Переходим к тунгусам, платившим ясак в Летнее зимовье. В числе летних (как их называли в дальнейшем) тунгусов находились те группы, с которыми русские впервые встретились на Енисее. Вот вкратце история знакомства русских с этой группой тунгусов.

В 1614 г. в Мангазейском уезде заплатили ясак восемь родов тунгусов (в скобках число плательщиков ясака): Тектя (4), Сентя (7), Когой (2), Лиргило (5), Кона (12), Горагили (9), Молчаги (3), Елигин (1), всего 43 плательщика ясака.

В 1615 г. заплатили ясак тунгусы родов Конай (6), Горатили (9), Котой (7), Сеепку (1), Молги (2).

В 1618 г.— Сентян (17) и Молчаги (1).

В 1620 г.— роды Макзегир (4) и Горагиль (5).

В 1625 г.— Горагулин (6), род Елигирев (2), Сентяев (7).

В 1626 г. заплатили ясак «вверх Нижней тунгуски выше Титеи реки» среди других родов также роды Елигирев (5), Мандегирев (1), Горагилев (10). Вместе с буляшами (юрильцами) платил ясак род Елижан (6), а в «Турыском» зимовье платили роды Горагиль (4), Сентея (4). В этом же году, вместе с ясаком из Жданова и Тишкова зимовий впервые был привезен ясак из «Летнево» зимовья — всего шесть соболей со всех трех зимовий без указания, с кого они собраны.

В 1627 г. в Илимпейском зимовье был взят ясак с родов Елигири (4), Мукчогири (2), а в Патраковом и Розмахнином зимовьях — с родов Ележана (2) и Сентиев (2)[93].

В 1629 г. «в Патракове и Розмахнине зимовье... тунгусы Лучеган да Мунуруй принесли с роду своего Сентяина 94 соболя... Тунгусы ж Муторга да Тамкида принесли... с роду своего Горагили с 4-х человек 11 соболей...» [94].

В 1632 г. в Хантайском зимовье числились роды Сентяев (10), Хангаев (11)[95], но к платежу они не явились. Эти роды в этом году платили ясак «в Курейке» [96] в Туруханское зимовье под названиями Конай (7) и Сентяй (15)[97]. Некий Токта (ср. выше, в 1614 г. род Тектя) по списку Хантайского зимовья числился в «Гонгаевом» роде, а по списку Туру-

---

[93] Все эти данные взяты из «экстракта» Мангазейских ясачных книг ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 13—36; ЦГАДА, ф. 214, ст. 6, лл. 239—240; ст. 11, л. 109.

[94] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 48.

[95] Там же, кн. 986, лл. 187—188.

[96] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 41.

[97] ЦГАДА, ф. 214, кн. 986, лл. 202, об.— 203.

ханского зимовья — в роде Сентяй. Другие тунгусы этих родов также числятся то в одном, то в другом роде. В «Гонгаевом» роде был и некто Сентягача, от имени которого произошло и название Сентяева рода.

В 1633 г. в Хантайском зимовье числились роды Сентяев (10) и Хангаев (10), но к платежу они не явились. Не явились роды Конай (7) и Сенетей (17) в 1633 г. и в Туруханское зимовье. В этом же году из Летнего зимовья было привезено 242 соболя, но неизвестно от кого.

В 1634 г. по Хантайскому зимовью все 10 чел. рода Сентяева и все 11 чел. рода Хангаева (в том числе и кудесник Ханга) помечены умершими [98]. Но в Туруханском зимовье три тунгуса рода Сентяй заплатили ясак. Летним зимовьем собрано в 1634 г. 125 соболей. Недобор в 97 соболей объяснен тем, что в этом году плательщиков ясака Сентяева рода «побили неясачные люди» буляши [99].

В 1635 г. в Туруханском зимовье в Курейке платили ясак род Конай (7) и род Сентяй (14). Это те же люди, которые не явились к платежу в Туруханское зимовье в 1633 г. (в том числе Токта в роде Конай). В Летнем зимовье в 1635 г. собрано 120 соболей [100].

В 1637 г. в Туруханском зимовье со слов самоеда Харасидина рода Повсадика стало известно, что четыре тунгуса Сентяина рода ушли, не известно куда. В Летнем зимовье было в 1637 г. собрано 173 соболя и недобрано 39 соболей. Собирали здесь ясак под одного аманата «Гарагирсково роду» и двух аманатов «роду Ележина». С 13 человек было недобрано 39 соболей. Из них восемь убили буляши, двух — русские с Подкаменной Тунгуски и трое умерли [101].

В 1638 г. в Летнем зимовье было собрано 184 соболя. По Туруханскому зимовью четыре человека рода Сентяй продолжали числиться несысканными [102]. Аманатов было трое — по одному от родов «Ележина», «Горагирского» и «Малгачай».

В 1639 г. по Туруханскому зимовью числилось несысканными четыре тунгуса рода Сентяй. Самоеды рассказали, что эти тунгусы в 1635 г. «отъехали от них жить на Тунгуску реку к тунгусам на старые свои прежние жиры». В Летнем зимовье в 1639 г. было собрано 269 соболей. Аманатов было трое — по одному от родов «Малгачеева», «Елиженина» и «Горагильсково» [103].

В 1640 г. в Туруханском зимовье про тех же четырех тунгусов рода Сентяй, которые не явились к ясачному платежу, самоед Харасидина рода Парсавик (ср. выше, Повсадик) сказал, «что те тунгусы в прошлом во 143 году заплатя государев ясак сошли они на старые свои жиры кочевать в Тунгуску верх Горелки реки и там де их неясачные люди гуляши в прошлом во 144 году побили». В Летнем зимовье в 1640 г. был собран 241 соболь. Недобор в 28 соболей получился оттого, что 10 тунгусов не явилось к платежу. Тунгусы платили здесь ясак под двух аманатов рода «Ележана» и двух аманатов рода Горагилей [104].

В 1641 г. в Летнем зимовье собран 231 соболь. Семь человек «Ележинского» рода ясак не платили, так как от Летнего зимовья откочевали [105].

В 1642 г. в Летнем зимовье был собран 231 соболь [106].

---

[98] Там же, лл. 361—362.
[99] Там же, лл. 420—421.
[100] Там же, кн. 57, лл. 378, 418.
[101] Там же, кн. 95, лл. 183, 289—291.
[102] Там же, кн. 117, л. 557.
[103] Там же, кн. 127.
[104] Там же, кн. 150, лл. 1060, 1133—1134.
[105] Там же, кн. 144, лл. 941—1031.
[106] Там же, стр. 111, лл. 124—139.

В 1645 г. в Летнем зимовье было взято 252 соболя. Платили тунгусы ясак под четырех аманатов «Гаралдина» рода. В 1645 г. малгачагиры («Мугалской» род) платил ясак уже, как мы знаем, на оз. Есей [107].

Далее, до 1682 г. у нас нет никаких данных о родовом составе летних тунгусов. По переписи 1682 г., в Летнем зимовье платили ясак: род Горагили (28), род Елигин (18), род «Чичангуры» (правильно, вероятно, Чипчагиры) (9), род Сентеи (18). Кроме того, на Есее платил ясак род Мугал (правильнее, вероятно, Мулга, т. е. Малгачагир) (16) [108].

В 1697 г. среди тунгусов Летнего зимовья «учинилось ...меж собя смертное убойство и убили де Елигирской да Сентейской род Нинкага да Тызяулко с товарищи Гарагилского роду Лотонка с родниками всего 22 человек ясашных иноземцов до смерти» [109].

В 1703 г. явились в Туруханск тунгусы Летнего зимовья Сентейского рода Елбуга Якукин и Елигирского рода Ненеул Оленев, которые рассказали об убийстве в 1702 г. аманатами Летнего зимовья сборщиков ясака [110].

В табл. 51 показано изменение численности плательщиков ясака. Поскольку данные о численности плательщиков ясака в Летнем зимовье появляются лишь с 1667 г., то до 1667 г. исчисление сделано по окладам и сбору ясака из расчета, что один человек платил три соболя.

Таблица 51

Численность плательщиков ясака в Летнем зимовье

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1633	81	1649	92	1668	56	1686	74
1634	42	1653	54	1670	53	1687	75
1635	40	1654	54	1671	52	1689	75
1636	71	1655	58	1672	54	1691	75
1637	58	1657	62	1673	55	1692	65
1638	62	1658	60	1675	59	1696	77
1639	90	1659	62	1677	60	1697	71
1640	81	1662	61	1680	67	1699	54
1641	84	1663	61	1682	73	1701	57
1645	84	1665	56	1684	76	1702	58
1648	86	1667	56	1685	75	1703	58

Уменьшение численности плательщиков ясака в Летнем зимовье в 1649—1653 гг. наш источник объясняет так: «...иные умерли в прошлых и во 161 году, а иные меж собой прибились, а иные сошли на сторонние реки кочевать. А сколько человек тех ясачных людей умерли и побито и на сторонние реки кочевать отошло того подлинно ясачные зборщики сказать не умеют и всей смете и убитых людей очистить и из окладу выложить именно не почему» [111]. Мы предполагаем, что на уменьшении количества плательщиков ясака в этот период отразился, в частности, переход рода Малгачагир к Есейскому зимовью. Увеличение численности ясачных плательщиков Летнего зимовья с 1673 по 1682 г. объясняется, видимо, естественным приростом и более полным учетом. В 1691 г. была

[107] ЦГАДА, ф. 214, кн. 285, л. 151.
[108] Там же, кн. 732, лл. 132 и далее.
[109] Там же, кн. 1165, л. 111.
[110] Там же, кн. 1422, л. 208.
[111] Там же, кн. 320, лл. 21 об.— 22.

эпидемия оспы. Падение численности плательщиков ясака с 1679 по 1699 г. объясняется, вероятно, междоусобным побоищем, в результате которого Елегирский и Сентеев роды разгромили Горагирский род (см. выше).

На 1682 г. у нас имеются довольно точные данные о численности плательщиков ясака в Летнем зимовье по родам. Исходя из этих данных (считая и род Малгачагир), а также учитывая более ранние данные и имея в виду их неполноту, можно представить численность основных составных частей летних тунгусов в XVII в. (табл. 52).

Таблица 52

Численность летних тунгусов

Род	Первая половина XVII в.		1682 г.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Горагир	35	140	28	110
Сентеи	25	100	18	70
Елигиры	20	80	18	70
Чипчагиры	10	40	9	35
Малгачагиры	20	60	16	65
Всего	110	440	89	350

В конце XVII в. и в первой четверти XVIII в. всего летних тунгусов было около 300 чел. В 1926—1927 гг. потомков этих пяти родов тунгусов было 570 чел.

Выскажем теперь несколько соображений относительно тех многочисленных родов, которые были отмечены у будущих летних тунгусов в 1614—1615 гг.

Роды 1615 г. все соответствуют родам 1614 г., а именно: Конай — Кона, Горагили — Горагили, Котой — Когой, Сеепку — Сентя, Мопги — Молчаги. Таким образом, остается лишь разобрать данные 1614 г., в которых, кроме названных, фигурируют еще роды Тектя, Лиргило и Елегин.

Совпадение названий родов Горагили, Сентеи, Елегин и Молчаги с названиями основных родов летних тунгусов очевидно. Остаются роды Конай, Когой, Тектя и Лиргило. Выше мы приводили данные, из которых можно заключить, что названия Когой и Конай, по-видимому, являлись разными транскрипциями названия одного и того же Хангаева рода, которое происходит от собственного имени шамана Ханги. В этом же роде был человек по имени Токта (или Топта), от имени которого произошло, вероятно, и название рода Тектя (Тептя), и человек Сентягача, от имени которого произошло название Сентяина рода. Кроме того, Токта числился, как мы знаем, также и по Сентяину роду. Таким образом можно считать, что роды Хангаев (Когой, Конай), Сентяин и Тектя (Топта) были ответвлениями, частями одного и того же рода, который позже обычного назывался родом Сентеи. Название Лиргило, очевидно является искажением названия Елигир.

Если эти наши предположения правильны, то в 1614 г. заплатило ясак девять горагиров, 25 сентеев, шесть елигиров и три малгачагира.

В настоящее время и в XIX в. рода Сентеи среди летних и каких-либо других тунгусов не отмечено. Мы предполагаем, что этот род

являлся северо-западным ответвлением рода Елигир, получившим свое название от собственного имени лица, это ответвление возглавлявшего. В XIX — начале XX в. род Елигир (Иолигир) состоял из двух обособленных частей: одной в составе летних тунгусов и другой в составе илимпейских тунгусов. По нашему мнению елигиры в составе летних тунгусов — это потомки сентеев, а елигиры в составе илимпейских тунгусов — это потомки рода Елигир XVII в. Мы видели, что уже в 1626 г. род Елигир («Елижан») платил ясак вместе с предками илимпейских тунгусов, с булашами. С другой стороны, в роде Елигир у летних тунгусов было имя Сентавул, которое в середине XIX в. имел глава этих елигиров (портрет его см. у Миддендорфа) [112]. О нем существует много рассказов. Кстати, с Сентавулом связывают эпизоды первого знакомства русских с елигирами, а также крещение последних. Очевидно, народная память отожествила Сентавула (Сентягача, см. выше) XVII в. с Сентавулом XIX в., при котором произошло крещение летних тунгусов. Старой землей летних елигиров считают р. Курейку. Как мы знаем, именно в низовьях Курейки в XVII в. платил ясак род Сентеи.

Преемственность между родами летних тунгусов в XVII в. и их потомками в 1926 г. показана в табл. 53.

Таблица 53

Родовой состав летних тунгусов в XVII в. и в 1926 г.

XVII в.		1926 г.	
Род	Численность	Род	Численность
Горагир	140	Тамбэгир (Чембагир)	196
Сентеи	100	Иолигир (у летних)	158
Елигиры	80	Иолигир (у илимпейских) . .	84
Чипчагиры («Чичангуры»)	40	Топтыгир (Типтогир)	54
Малгачагиры	80	Малгачагир	78
Всего	440	Всего	570

Остальные роды современных летних тунгусов — Баягир, Угдакогир, Якчан [113] и Кильмагир — мы считаем выходцами из других тунгусских племен. В отличие от мнения, высказанного в наших прежних работах, сейчас мы считаем названия Тембэгир (Тэмпогир и т. д.) и Чэмбагир (Чемпогир и т. д.) не названиями разных родов, а лишь разным произношением и разной транскрипцией одного и того же названия. О том, что в прошлом родовым названием тамбэгиров было название Горагир, некоторые из эвенков этого рода помнили еще в 1926 г. По-видимому, тамбэгиры вначале сложились как подразделение горагиров, а затем стали преобладающей частью этого рода, так что к 1926 г. их название почти вытеснило старое название Горагир. Возможно также, что род Чипчагир (Типтогир, Топтыгир, «Чичангуры») восходит к существовавшей в начале XVII в. группе Тептя (Тектя) и, следовательно, в конечном счете является ответвлением елигиров (иолигиров, ёлагиров и т. д.). Нам осталось лишь определить расселение родов летних тунгусов в XVII в.

Относительно малгачагиров мы отмечали, что есть предание о их про-

[112] Миддендорф называет его Сантауль (Хантауль) (см. А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II, отд. VI, стр. 700).

[113] Впрочем, род Якчан тоже, может быть, ответвление рода Елигир (Сентей).

живании в прошлом на истоках Аяна, Аякли, Кутуя, Меймечи (Медвежьей), а также на истоках притока Котуя р. Туколан. То обстоятельство, что малгачагиры («Мугалский», «Муанский» род) платили ясак на Есее, подтверждает это предание. О сентеях мы знаем, что они бывали в низовьях Курейки, в верховьях р. Виви (Горелой).

По преданиям илимпейских тунгусов, коренной землей рода Елигир являются верховья Курейки, Тембенчи и Виви, т. е. территории по соседству с сентеями, лишь немного к востоку от последних.

Поскольку Летнее зимовье в устье р. Учами (Летней) называлось также Горагильским, можно предположить, что на Нижней Тунгуске в районе зимовья жили именно горагири. У современных потомков горагиров, членов рода Тамбегир, есть предание о том, что их предки жили по соседству с предками панткагиров. Последние же, как мы увидим ниже, жили к югу от среднего течения Нижней Тунгуски.

О местожительстве «чичангуров» (топтыгиров) данных нет. Но их тесная связь с елигирами и сентеями позволяет предположить, что они жили где-то по соседству с последними.

Исходя из всего вышеизложенного, мы и нанесли на карту контуры территорий родов предков летних тунгусов в XVII в. Территорию сентеев и елигиров мы показываем одним контуром под основным названием обеих этих групп Елигир.

О тунгусах, плативших ясак в Турыжское зимовье, у нас есть такие сведения.

В 1620 г. было впервые привезено «с усть Туруги» четыре соболя. В 1626 г., как мы знаем, в «Турыском» зимовье платили ясак летние тунгусы.

В 1625 г. 24 «боягирца» заплатило на Нижней Тунгуске по три соболя с человека.

В 1627 г. в Турыжском зимовье было взято 47 соболей.

В 1631 г. в устье Тетеи заплатили ясак 74 баягира [114]. В 1633 г.— 107, в 1634 г.— 108 [115]. Кроме того, один «боягирец» платил ясак на оз. Есей.

В 1635 г. в устье Тетеи платило ясак 135 чел. из рода Баягир [116].

В 1637 г. в устье Тетеи платило ясак 111 чел. из рода Баягир и два чел. из рода Дозан. Но последние откочевали «неведомо куда». На оз. Есей в этом году был в амапатах доточарец (т. е. Догочагирского рода) [117].

В 1638 г. в устье Титеи платило ясак 109 чел. из рода Баягир, а относительно двух чел. из рода Дозан отмечено, что они «убиты от неясачных тунгусов гуляшей на Вилюйской стороле» [118].

В 1639 г. в устье Тетеи платило ясак 111 боягиров [119], в 1640 г.— 103 [120], в 1645 г.— 96. Кроме того 18 чел. этого рода было «несыскано» [121].

В 1646 г. 112 баягиров платили ясак уже в Турыжском зимовье [122], где они платили его затем и в XVIII и в XIX вв.

По переписи 1682 г. в Турыжском зимовье платили ясак роды Баягирский (28 плательщиков), Коныров (28 плательщиков), Догочагирский (59 плательщиков) [123].

---

[114] ЦГАДА, ф. 2114, кн. 32, л. 247.
[115] Там же, кн. 986.
[116] Там же, кн. 57, лл. 409—416.
[117] Там же, кн. 95, лл. 260—265, 295.
[118] Там же, кн. 117, л. 545.
[119] Там же, кн. 127, л. 681—692.
[120] Там же, кн. 150, лл. 1118—1123.
[121] Там же, кн. 285, лл. 119—131.
[122] Там же, ст. 258, л. 521.
[123] ЦГАДА, ф. 214, кн. 732, лл. 87—110.

В 1698—1699 гг. среди турыжских тунгусов происходили какие-то волнения. Большинство их (68 чел.) не явилось к платежу ясака. Трое или четверо из них заплатили ясак в Летнем зимовье, два-три человека — в Есейском зимовье. Один был убит «за воровство» на Хете, один умер по дороге с Хеты, один умер в Мангазее «в колодниках», один был «за воровство» повешен, а один был крещен и «поверстан в толмачи». Кроме того, четыре человека были «убиты меж собою» [124].

В табл. 54 приведены данные об изменении численности плательщиков ясака в Турыжском (до 1645 г.— Усть-Тетейском) зимовье.

Таблица 54.

Численность плательщиков ясака в Турыжском зимовье.

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1631	25	1651	84	1667	94	1687	121
1633	107	1653	93	1668	101	1689	120
1634	109	1654	98	1670	104	1691	119
1635	135 (?)	1655	94	1671	108	1692	119
1637	114	1656	98	1672	111	1693	95
1638	109	1657	100	1673	112	1696	95
1639	111	1658	104	1675	118	1697	92
1640	103	1659	106	1677	122	1699	89
1645	114	1662	122	1680	125	1701	80
1646	112	1663	119	1682	115	1703	69
1648	59	1665	100	1684	114	1704	70
1649	98	1666	96	1686	119		

В 1635 г. к баягирам была, вероятно причислена какая-то другая группа тунгусов. Причины неполной явки плательщиков ясака в 1648—1659, 1666—1668 гг. неизвестны. В 1692/93 г. была эпидемия, от которой за два года умерло 40 чел. Частью эта потеря была возмещена зачислением в список плательщиков ясака 15 подростков. В 1698—1699 гг., как мы указывали, имели место какие-то волнения. С этого времени численность турыжских тунгусов начала сокращаться. В 1728 г. было лишь 17 ясачных турыжских тунгусов. По-видимому, часть турыжцев выселилась из района, где они жили в XVII в. Потомками таких переселенцев-турыжцев были роды Баягир и Угдакогир у летних тунгусов, род Баягир среди затундринских якутов и, может быть, некоторые роды у илимпейских тунгусов в XIX и начале XX в. Долганы родов Донгот и Каранто тоже являются, вероятно, выходцами из турыжских тунгусов (первые роды Догачагир, а вторые рода Баягир).

Можно считать, что в XVII в. было около 120 ясачных турыжских тунгусов (всего 480 чел. населения). Половина их принадлежала к роду Баягир, половина — к роду Догочагир. Род Коныров получил название от имени своего главы. Ни в XVII в., ни в XIX—XX вв. такого родового названия не отмечено. По-видимому, Коныров род являлся частью рода Баягир. Род Догачагир тоже, вероятно, являлся ответвлением баягиров. До 1645 г. во всяком случае этот род не выделялся от баягиров.

Можно считать, что на рубеже XVII и XVIII вв. было 90 ясачных турыжских тунгусов (всего 360 чел. населения). В 1926 г. в Турыжской

[124] Там же, кн. 1220, лл. 111—112; кн. 1353, л. 86.

управе было 128 чел., потомков турыкцев в других тунгусских племенах и среди якутов было не менее 126 чел. Кроме того потомками этих тунгусов можно считать долган рода Донгот (271 чел.) и долган рода Каранто (172 чел.).

Расселение турыжских тунгусов мы даем двумя контурами: один для баягиров и один для догочагиров. При определении расселения турыжских тунгусов нельзя руководствоваться тем, что они одно время платили ясак в устье Тетеи. Это зимовье, видимо, было лишь базой для служилых людей, собиравших ясак с баягиров. Перенесение сбора ясака с последних в Турыжское зимовье свидетельствует о том, что устье Тетеи не было районом обитания этих тунгусов. То обстоятельство, что помимо Турыжского зимовья баягиры платили ясак иногда на Есее, дает возможность определить южные и северные пределы распространения турыжских тунгусов. Как раз на этом пространстве находится озерный Муруктинский район и три больших озера Воеволи. Современные потомки турыжских баягиров считают своей коренной землей именно вышеупомянутые Муруктинские озера. До сих пор большая часть их живет здесь и на соседних озерах Тампака и Комешка. В XVII в. турыжцы жили и на озерах Воеволи. Ясачный сборщик Турыжского зимовья сотник Дементий Тишков объяснял недобор ясака с турыжских тунгусов в зиму 1652—1653 гг. тем, что эти «тунгусы жили на Мойвалском озере и на Котуе и на тех озерах жили промышленные люди Иев Васпльев да Семен Александров с товарищи и оне промышленные люди тех ясашных тунгусов преж государева ясаку оторговали...» [125]. Как указывалось выше, современные потомки баягиров считают, что их земля начиналась прямо от южного берега оз. Есей.

Поэтому мы включаем в территорию турыжских баягиров бассейн Котуя к югу от оз. Есей (и ниже оз. Дюпкун), в частности озера Мурукта, Томпоко, Комешка, Чиринда, Воеволи, а также часть бассейна р. Кочечумо вверх от устья р. Туру.

Сложнее обстоит дело с догочагирами. По изложенным выше данным, их можно поместить где-то между верховьями Вилюя и оз. Есей. Как раз здесь, к востоку от р. Мойеро, в верховьях рек Оленека и Аргасалы в настоящее время находится огромное безлюдное пространство. Мы предполагаем, что до своего переселения предки долган-донготов, наши догочагиры, жили именно здесь. Кастрен сообщает, что долганы происходят от трех братьев — Галкинга, Сакатин и Бийка. При этом во времена Кастрена один из «князей» долган еще курил из трубки Галкинги [126]. По-видимому, здесь речь идет о ближайших к Дудинке (где собирал эти сведения Кастрен) долганских родах Донгот и Адян (Эдян). Фамилия Сохатин до сих пор имеется у потомков донготов. Между верховьями Арга-салы и низовьями Мойеро имеется хребет Галкинга, замыкающий на севере вышеописанное безлюдное пространство. Нам известны случаи, когда хребты получали название по имени каких-либо известных людей, промышлявших на них. Например, хребет Лаврушка в верховьях Вилюя получил свое название от тунгуса Лаврушки рода Оёгир племени нюрумняль, умершего между 1761 и 1768 гг. Вероятно, имя Галкинга было родовым у догочагиров (донготов) и сохранилось в названии этого хребта на территории их прежнего обитания. На основании всего сказанного, мы и показываем территорию догочагиров здесь на верховьях Оленека и Арга-салы к востоку от Мойеро. Но рыбачить догочагиры ходили, по-видимому, и на Муруктинские озера и на оз. Есей, а также на озера Эконгда и Хурингда в истоках Вилюя. Последние озера мы включили

[125] ЦГАДА, ф. 214, ст. 220, л. 251.
[126] M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe. St. Petersburg, 1856, S. 267.

в территорию догочагиров, предполагая, что позже они были вытеснены отсюда нюрумнялями, потомки которых живут здесь в настоящее время.

Рассмотрим эвенкийское племя нюрумняль, которое в XVII в. было известно под следующими названиями: нюрюмцы, юрильцы, уюрильцы, а также булаши («гуляши»). Платили тунгусы этого племени ясак в Илимпейском зимовье, отчего они вплоть до начала XX в. назывались илимпейскими тунгусами. Но, кроме Илимпейского зимовья, эти тунгусы в XVII в. платили ясак и в других зимовьях. Особенно долго одна их группа числилась по Усть-Тетейскому зимовью.

В 1620 г. из Буканского зимовья было привезено 19 соболей.

В 1621 г. из Буканского зимовья было привезено в Мангазею шесть аманатов-булашей. Трое из них были взяты на Нижней Тунгуске [127].

В 1625 г. на Нижней Тунгуске 49 юрильцев заплатили по три соболя с человека. Далее в известной нам миллеровской копии идет запись о платеже 24 «баягирцов» (см. выше), а затем следует такая запись: «Да они ж платили за боягирцов роду Юрильцова за 27 чел. по 3 соболи». Кроме того, в этом же году юрильцы платили за 16 «вонодырцов» (ваняидов, см. выше) тоже по три соболя, в Илимпейском же зимовье взято 20 соболей с тунгусов без указания их рода.

В 1626 г. среди других тунгусов «вверх Нижней тунгуски выше Титеи реки» платил ясак «род Нюрымов» (42 чел.). В Патракове и Розмахине зимовье [128] платили «буляши род юрилцы 80 человек». Здесь же указано, что недоплатило 17 «буляшей». Далее отмечено, что с Нижней Тунгуски, из Белопопова зимовья [129] привезено ясака с «чапагирцев», «кундогирцев» и «перымцов» 22 соболя и из Буканского зимовья — 20 соболей.

В 1627 г. из Буканского зимовья привезено 18 соболей.

В 1628 г. «вверх Нижной тунгуски реки на усть Титы реки» платило ясак два человека «Норымского» рода. На Подкаменной Тунгуске «на Тетере реке на Чюнке речке» было взято с «роду нюрюмцов» 300 соболей, т. е. примерно со 100 чел.

В 1629 г. «на усть Чюнки и по Чюнке вверх... нюремец Мунга принес... с роду своего 200 соболей...» [130].

В 1630 г. на «усть Чупки и по Чунке вверх» платили нюрумцы. Нюремец Мунга, Дорогин отец, и Унтикан принесли 187 соболей [131]. Кроме того, в устье Илимпеи было взято три соболя.

В 1631 г. в Усть-Тетейском зимовье платил ясак род Уюрилец (41 чел.); в устье Непы был взят ясак с пяти «гуляшей» [132].

В 1633 г. в устье Тетеи платил ясак род Юрюлец (80 чел. [133]).

В 1634 г. в устье Тетеи также платил род Юрилец (96 чел.); в Илимпейском зимовье тогда же было уплачено 190 соболей [134].

В 1635 г. в устье Тетеи платило ясак род Уюрюлец (40 чел.?); в Илимпейском зимовье было собрано 120 соболей [135].

В 1637 г. в устье Тетеи платило ясак 109 уюрилцев. В устье Илимпеи было заплачено 369 соболей. Здесь было пять аманатов: два из рода Чапагири, один из рода Нюремцы, один из рода Кундогири и один из рода Челбуяны [136].

[127] ЦГАДА, ф. 214, кн. 6, лл. 454—455; ст. 12, л. 336. Подробнее о Буканском зимовье и булашах см.: А. И. Андреев. Булаши. «Советская этнография», 1937, № 2—3.

[128] ЦГАДА, ф. 214, ст. 11, л. 10.

[129] Там же, лл. 109, 117.

[130] Там же, кн. 19.

[131] Там же, кн. 22, л. 47.

[132] Там же, кн. 32, лл. 345—351.

[133] Там же, кн. 986.

[134] Там же, кн. 986, лл. 399—420.

[135] Там же, кн. 57, лл. 409—417.

[136] Там же, кн. 95, лл. 256, 288.

В 1638 г. в устье Тетеи платило ясак 108 нюрюмцов. В Илимпейском зимовье заплачен был 491 соболь. Из шести аманатов «нюремцов» там было два [137].

В 1639 г. в устье Тетеи платил ясак род Уюрылцы (122 чел.). В устье Илимпеи заплачено 309 соболей. Аманатов-«нюремцев» здесь было два [138].

В 1640 г. в устье Тетеи платил ясак род Уюрильцы (122 чел.). В устье Илимпеи было два аманата-«нюремца» и три аманата из других родов. Собрано здесь в 1642 г. 494 соболя [139].

В 1645 г. в устье Тетеи платил ясак род Юрилцы (121 чел.), 22 чел. из него к платежу не явились. В устье Илимпеи было три аманата «Нюгорского» рода, под которых взято 158 соболей [140]. Можно считать, что в устье Илимпеи платило ясак 63 нюрильца.

Можно считать, что в 1637—1640 гг. (за исключением 1635 г.) в устье Илимпеи ясак платило все время около 65 нюрильцев. В табл. 55 мы показываем изменения численности плательщиков ясака племени нюрумняль с 1634 г.

Таблица 55

Численность плательщиков ясака в Усть-Тетейском и Илимпейском зимовьях [141].

Год	Усть-Тетейское	Илимпейское	Год	Усть-Тетейское	Илимпейское	Год	Усть-Тетейское	Илимпейское
1634	96	65 *	1659	17 *	59 *	1685	13	78
1635	40 (?)	40 *	1662	18	64	1686	14	75
1637	109	65 *	1663	17	64	1687	14	75
1638	108	65 *	1665	16	63	1689	—	76
1639	122	65 *	1666	14	65	1690	—	77
1640	122	65 *	1667	14	68	1691	—	77
1645	121	63 *	1668	14	74	1692	—	73
1646	92 *	70 *	1670	14	78	1693	—	69
1647	31 *	67 *	1671	15	78	1696	—	93
1648	65 *	68 *	1672	16	80	1697	—	91
1649	69 *	62 *	1673	16	81	1699	—	93
1651	38 *	63 *	1675	16	85	1701	—	77
1653	13 (?)	60 *	1677	16	90	1702	—	81
1655	17 *	65 *	1680	15	75	1703	—	81
1657	17 *	57 *	1682	14	78	1704	—	77
1658	17 *	57 *	1684	13	79		—	

В 1650—1653 гг. была эпидемия оспы. Этим в основном следует, очевидно, объяснить уменьшение числа плательщиков ясака, плативших «в усть-титейский сбор». Но почему колебания в численности этих тунгусов начались в 1646/47 г., нам неизвестно. В 1652 г. 10 плательщиков ясака Усть-тетейского зимовья были убиты в междоусобных стычках.

В 1683 г. тетейские нюрильцы приняли участие в восстании на оз. Есей и затем ушли в Якутский уезд. Поэтому с 1687 г. они уже не числятся по ясачным книгам Мангазейского уезда. Но к 1696 г. эта группа нюрильцев, вероятно, вернулась из Якутского уезда. Этим и объяс-

[137] Там же, кн. 117, лл. 540—556.
[138] Там же, кн. 127, лл. 681—700.
[139] Там же, кн. 150, лл. 1113—1117, 1131—1132.
[140] Там же, кн. 285, лл. 119—131, 149—150.
[141] За те годы, за которые нет данных о плательщиках ясака, число последних указано по количеству уплаченного ясака, из расчета, что один человек платил три соболя. Эти цифры помечены звездочкой.

няется увеличение численности плательщиков ясака в Илимпейском зимовье.

В общем получается, что к 1645 г. в племени нюрумняль было до 187 плательщиков ясака (всего 750 чел. населения). Около 1677 г. в этом племени было 106 плательщиков ясака (всего 425 чел. населения), а в конце XVII в.— 93 плательщика ясака (всего 370 чел. населения). Нас смущает первый из приведенных расчетов. Могло так случиться, что до начала 50-х годов XVII в. одни и те же люди платили дважды: тетейским ясачным сборщикам по именным спискам и в Илимпейское зимовье под аманатов без списков. В таком случае численность нюрумнялей (нюрильцев) до 1645 г. придется определить примерно в 125 плательщиков ясака (всего 500 чел. населения). В 1926—1927 гг. потомков нюрумнялей (без пришлых родов Иолигир и Эмидакль) было 1082 чел. О том, что нюрумнялей когда-то называли также булашами, эвенки помнили еще в 1935—1939 гг.

Мы считаем нюрумнялей (нюрильцев, джурумджальцев и т. д.) отдельным тунгусским племенем. В 1682 г. в их составе были следующие роды: Шалдагири, Суханов и Ковуки [142]. Названия двух последних родов образованы от собственных имен лиц, эти роды возглавлявших. Название Суханова рода сохранилось до наших дней в названии рода Сукачар (Хукачар), а рода Ковуки (Кодуки) — в названии рода Хутукогир. В 1768 г. нюрумняли (илимпейские тунгусы) состояли из родов Аегирского (ср. современный род Оёгир), Вервегирского, Шалдагирского (ср. выше Шалдагир), Имямидакалского (ср. современный род Эмидакль) и Елдагирского [143] (ср. современный род Иолдагир). Нет упоминаний в XVII и XVIII вв. о современных родах илимпейских тунгусов (нюрумнялей) Хирогир, Удыгир, Комбагир, Иолигир (Елигир) и Гургугир. Впрочем, как мы уже знаем, род Иолигир перешел к нюрумнялям от летних тунгусов, а род Гургугир считается ответвлением рода Оёгир. Потомками родов Шалдагир, Вервегир и рода, уходившего в 1683 г. в Якутию, являются, видимо, роды Удыгир, Хирогир и Комбагир.

Местожительство нюрумнялей в XVII в. мы определяем таким образом. Потомки нюрумнялей рассказывают, что в старину они жили в районе устья Илимпеи. В XVII в. нюрильцы (булаши) отмечались в Усть-Тетейском зимовье, в Буканском зимовье, в «Патракове и Розмахнине» зимовье, в Белоконове зимовье, вверх по «Чюпке» (т. е. по Чупе, притоку Подкаменной Тунгуски). Мы не можем включить в район обитания нюрильцев района устья Тетеи, Буканского зимовья и верховьев Чупы, так как здесь жили тунгусы других племен. Но все эти зимовья как бы очерчивают некоторые границы, в которые мы должны вписать территорию нюрумнялей (нюрильцев, булашей). Мы включаем в территорию этого племени также бассейн р. Ейко (Розмахниной), часть бассейна верховьев Вилюя (с р. Вавой и хребтом Лаврушка) и истоки р. Маркоки, где потомки нюрумнялей кочевали еще в XIX и начале XX вв. Свое название эвенки этого племени возводят к названию оз. Нюрумнядан или Нюрумньи, около которого якобы жили их предки. Это озеро, по словам эвенков, находится где-то вверх по Нижней Тунгуске, считая от района Туры.

Начиная с 1653 г. отмечается, что люди, которые платят ясак в Усть-Тетейское зимовье, «живут на Есее озере». В 1682 г. эти тунгусы, «род Уюрюльцы», были записаны под таким заголовком: «Тунгусы Усть-титейского зимовья, которые живут на Есее озере, а ясак платят в усть-титейский сбор» [144]. Что эти нюрильцы действительно жили на Есее, подтверждается тем, что они вместе с есейскими ванядами участвовали в

[142] ЦГАДА, ф. 214, кн. 732, лл. 114—145. Здесь в источнике, видимо, описка — правильнее Кодуки, а не Ковуки.

[143] Там же, кн. 1648, лл. 85—95.

[144] Там же, кн. 732, л. 204.

восстании 1683 г. и вместе с ними ушли в Якутский уезд. Сейчас много потомков нюрильцев живет к югу от Есея вперемежку с остатками баягиров.

Перейдем к плательщикам ясака Кондогирского зимовья. По данным 1682 г., в Кондогирском зимовье платили ясак роды Кондогир, Чапагир, «Горынцын» и «Целбуяна». «Целбуянами» мы займемся в связи с родами, платившими ясак в Тетерское зимовье. Поскольку кондогиры и чапагиры платили ясак также в Чунское зимовье, мы рассмотрим вместе с родами, платившими ясак в Кондогирское зимовье, и роды эвенков Чунского зимовья, за исключением групп хомыли и ваяды, на которых остановимся впоследствии отдельно.

В 1620 г. в Мезенском зимовье заплатило ясак девять тунгусов.

В 1625 г. «в Нижней тунгуске реке в Мезенском зимовье, что [на] усть Таймуры реки взято с тунгусов 3 срока 19 соболей. А которого роду взято, тому служилый человек книг не привез».

В 1626 г. «вверх Нижней тунгуски выше Титеи реки» было взято 216 соболей с 71 «кундогиря» и 175 соболей с 58 «чапагирей»[145]. В этом же году с Нижней Тунгуски было привезено с «чамагирцев (sic!) да с кундугирцов да перымцев» 22 (или 24) соболя и из Мезенского зимовья 11 соболей.

В 1627 г. «в Нижней тунгуске реке на усть Илимпии и по Илимпие реке тунгусы рода Чапагирцова» (80 чел.) платили ясака 7 сороков 20 соболей. «Род Кундогиров» с 70 чел. платил ясака 7 сороков, 29 соболей. В Мезенском зимовье было в 1627 г. взято девять соболей.

В 1628 г. «Подкаменного зимовья на Тетере реке, на Чюнке речке» Кондогирский род заплатил 300 соболей и Чапагирский тоже 300 соболей. Из Мезенского зимовья в этом году было привезено 36 соболей.

В 1629 г. в Мезенском зимовье собрано девять соболей. На Подкаменной Тунгуске в устье Тетери «кундогоретин Борол принес с роду своего 186 соболей, чапогирцы Кая да Ковыля Синеулев отец принесли с роду своего» 300 соболей[146].

В 1630 г. из Мезенского зимовья было привезено 18 соболей[147].

В 1631 г. в устье Нены с «кундогиретина» взято четыре соболя[148].

В 1633 г. в устье Илимпеи заплатило ясак 20 чапагиров. По сравнению с 1632 г. был недобран 71 соболь[149].

В 1634 г. в устье Нены и у Зобинны курьи был взят ясак с 38 «кундогиров» и 20 «чапагиров»[150].

В 1637 г. в устье Нены заплатило ясак 62 «кундогира» и два чапагира. В устье Илимпеи было два аманата-чапагира и один аманат «кундогир». Кроме того, здесь были один аманат-«нюремец» и один рода «Челбуяны». Под всех этих пять аманатов было собрано, как мы знаем, 369 соболей. В устье Чунки был один аманат-«кундогирец», под которого заплатили 138 соболей[151].

В 1638 г. в устье Нены заплатило ясак 58 «кундогиров» и семь чапагиров. В Илимпейском зимовье среди аманатов было два чапагира, один «кундогир», два «нюремца» и один «челбуянин». Под всех них был взят 491 соболь. В Чунском зимовье был один аманат-«кундогирец», под которого было взято 156 соболей[152].

---

[145] Об этом см. ЦГАДА, ф. 214, ст. 6, л. 239. На л. 240 описка: вместо «чапогирева» сказано — «елигирева».

[146] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 48; ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 25—36.

[147] Там же, кн. 22, л. 45 об.

[148] Там же, кн. 32, л. 356.

[149] Там же, кн. 986.

[150] Там же, л. 399.

[151] Там же, кн. 95, лл. 232, 288, 294.

[152] Там же, кн. 117, лл. 555, 560.

В 1639 г. в устье Непы платил ясак род «Кундогиры», (65 чел.). Очевидно, сюда включены и семь чапагиров (см. выше). В устье Илимпеи среди аманатов было два чапагира, одни «кундогир», два «нюрюмца», один «челбуянин». Взято было под этих аманатов 309 соболей. В устье Чуни под одного аманата с «кундогиров» было взято 158 соболей [153].

В 1640 г. в устье Непы платило ясак 68 «кундогиров». В устье Илимпеи было среди аманатов два чапагира, два «нюремца» и один рода «Чанбуляна». Собрано было под всех этих аманатов 225 соболей. В устье Чуни в 1640 г. был один аманат «кундогирец» и один «чапагирец». С них было взято, как и в прошлом году, под одного аманата 158 соболей [154].

В 1645 г. в устье Непы платило ясак 65 «кундогиров». В устье Чуни были аманаты из родов «кундоги» и «Чепагирского» (по одному от рода). Под них взято было 178 соболей [155]. Из Илимпейского зимовья в 1641 г. «по поноровке» известного Степана Корытова аманаты «кундогиры» и чапагиры ушли и к 1645 г. в это зимовье платили ясак лишь одни «нюрюмцы» (см. выше).

В 1647 г. появляется впервые отдельное Кундогирское зимовье (в качестве филиала Непского), в которое было заплачено 313 соболей.

В 1654 г. «в Кундогирском зимовье приискано вновь... безымянных людей захребетники тунгусы Горынец и ево родовики». Ясака на эту группу тунгусов было положено 27 соболей [156].

В 1682 г. в Кондогирском зимовье платило ясак 54 чел. из рода Кондогири, 18 чел. из рода Чапагиры, 17 чел. из рода Горынцын и восемь человек из рода Целбуяна. В Чунском зимовье (помимо «закаменных тунгусов») платили ясак род Кондогиры (14 чел.) и род Чапагиры шесть человек) [157].

В табл. 56 изменение численности плательщиков ясака приводится тоже сразу по двум зимовьям — Кондогирскому (Кундогирскому) и Чунскому до 1645 и за 1682 г. Но приведены эти данные об изменении числа плательщиков ясака не по зимовьям, а по основным рассматриваемым сейчас родовым группировкам — кондогирам и чапагирам. Если сведений о числе плательщиков ясака нет, мы определяем их численность по сбору ясака из расчета три соболя на одного плательщика ясака, за исключением тех случаев, когда были основания предполагать, что платили больше. Ясачных плательщиков в устье Таймуры мы относим к кондогирам, Горынцын род — к чапагирам.

Таблица 56

Численность ясачных кондогиров и чапагиров

Год	Чапагиров	Кондогиров	Год	Чапагиров	Кондогиров
1620	—	9	1629	80	65
1625	—	47			
1626	58	75	1645	60	65
1627	80	73	1682	41	68 [158]
1628	80	82			

В табл. 57 приведены данные об изменении численности плательщиков ясака по зимовьям:

[153] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 660, 697, 709.
[154] Там же, кн. 150, лл. 1092—1094, 1131—1132, 1136—1137.
[155] Там же, кн. 285, лл. 98, 159.
[156] Там же, кн. 329, л. 63 об.
[157] Там же, кн. 732, лл. 20—40, 163—172.
[158] Кроме того, восемь человек «Целбуянского рода» (см. ниже).

Таблица 57

Численность плательщиков ясака в Кондогирском и Чунском зимовьях

Год	Кондогирское	Чунское	Год	Кондогирское	Чунское	Год	Кондогирское	Чунское
1647	105	53	1667	85	20	1687	93	21
1648	87	60	1668	90	20	1689	93	21
1649	101	59	1670	92	21	1690	94	22
1651	104	14	1671	94	23	1691	94	22
1653	80	26	1672	95	25	1692	91	23
1655	103	25	1673	97	27	1693	91	23
1656	89	18	1675	96	29	1696	105	30
1657	95	18	1677	89	21	1697	104	31
1658	91	18	1680	90	20	1699	102	33
1659	46	17	1682	97	20	1700	98	33
1662	86	18	1684	93	22	1701	100	31
1665	78	15	1685	93	23	1702	101	31
1666	81	17	1686	97	23	1703	101	31

Падение численности плательщиков ясака в Кондогирском зимовье в 1648, 1653 и 1659 гг. объясняется неявкой части их к платежу, а не действительным снижением их численности. Надо иметь в виду, что кроме чапагиров и кондогиров, в Кондогирском зимовье платило ясак все время восемь-десять человек из «Целбуянского» рода (см. ниже). С 1647 г. в Чунском зимовье показаны только чапагиры и кондогиры. Чем объясняется многочисленность плательщиков ясака в Чунском зимовье в 1647—1649 гг.— нам неясно. Возможно, что в 1650—1651 гг. вспыхнула эпидемия, сократившая численность чунских кондогиров и чапагиров.

Исходя из вышеприведенных данных можно считать, что в первой половине XVII в. ясачных чапагиров было 80 чел. (всего 320 чел. населения) и ясачных кондогиров — тоже примерно 80 чел. (всего около 320 чел. населения). Можно считать, что ясачных чапагиров в 80-х годах XVII в. было около 45 чел. (всего 180 чел. населения), а ясачных кондогиров — 70 чел. (280 чел. населения). В конце XVII в. и на рубеже с XVIII в. ясачных чапагиров, вероятно, было 50 чел. (200 чел. населения), а ясачных кондогиров — 75 чел. (300 чел. населения).

Кондогиры, платившие ясак в Кондогирское зимовье, помимо рода собственно Кондогир (Кундогир), включали в свой состав, видимо, и предков рода Пучугир (современный Путугир). Кондогиры, платившие ясак в Чунское зимовье, по всей вероятности, представляют предков рода Панкагир.

Распределение кондогиров в XVII в. между собственно кондогирами (с предками путугиров), платившими ясак в Кондогирское зимовье на Нижней Тунгуске, и кондогирами — предками панкагиров, платившими ясак в Чунское (Кондогирское) зимовье на Подкаменной Тунгуске, показано в табл. 58.

Чапагиры Кондогирского зимовья в XVIII в. назывались Шевокигирским родом. Это предки эвенков Чапагирской управы на Нижней Тунгуске. «Горынцын» род в XVIII в. был известен под названием Чивчигирского[159] рода. Это, видимо, предки куркогиров бассейна Подкаменной Тунгуски. Чапагиры, платившие ясак в Чунском зимовье, были, по-видимому, предками Чимжальского (Чимзяльского) рода, сохранившегося до нашего времени.

[159] По этнографическим данным, род Сивсигир.

Таблица 58

Численность основных подразделений кондогиров

Группа	Первая половина XVII в.		80-е годы XVII в.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Собственно кондогиры	60	240	55	220	60	240
Кондогиры-панкагиры	20	80	15	60	15	60
Всего . . .	80	320	70	280	75	300

Расселение чапагиров и кондогиров в XVII в. мы даем тремя контурами: один для чапагиров и два для кондогиров. На карте показаны отдельно собственно кондогиры, жившие на Нижней Тунгуске и платившие ясак в Кондогирское зимовье, и кондогиры — предки панкагиров, жившие на Подкаменной Тунгуске и Таймуре и платившие ясак в Чунское зимовье.

Территория основной группы кондогиров определена на основании местоположения Кондогирского зимовья, данных о местожительстве кондогиров в XVIII в. и современного (1926 г.) расселения кондогиров. Все эти сведения хорошо согласуются между собой и с вышеприведенными данными о местах, куда кондогиры выходили платить ясак до 1647 г.

Вторая, меньшая группа кондогиров (предков панкагиров) помещена в районе Чунского зимовья и на р. Таймуре, недалеко от Мезенского зимовья, где, как мы предполагаем, эти кондогиры первое время тоже платили ясак. Такое местоположение этих кондогиров (панкагиров) хорошо согласуется с преданиями современных горагиров о том, что их предки жили по соседству с панкагирами. Предания панкагиров обычно указывают на район устьев Учами и Таймуры как на местность, откуда они расселялись на места своего современного обитания. Очевидно, панкагиры поселились здесь на Нижней Тунгуске после ухода отсюда на север горагиров. Указанный нами район предполагаемого расселения предков панкагиров как раз и примыкает с юга и юго-востока к устьям Учами и Таймуры. В XVII в. панкагиров еще не было на Нижней Тунгуске и они себя, видимо, еще не отделяли от кондогиров. Надо заметить, что Чунское зимовье иногда называлось также Кондогирским [160], очевидно потому, что оно находилось по соседству с местообитанием данной группы кондогиров (панкагиров).

При нанесении на карту контура, показывающего расселение чапагиров, мы учли, что по самой Подкаменной Тунгуске жили другие племена и роды тунгусов и что поэтому чапагиров можно показать лишь в бассейне Чуни. Предания потомков чапагиров (куркагиров) тоже указывают именно на Чуню (в частности, на ее верховья) как на свою исконную территорию. Приведенные выше данные о местах, где чапагиры в XVII в. платили ясак, вполне согласуются с указанной нами территорией. Живя в бассейне Чуни, чапагиры могли выходить для уплаты ясака и в устье Непы, и в устье Тетеи, и в Кондогирское зимовье, и в устье Илимпеи, и в устье Чуни, и в устье Тетери.

[160] ЦГАДА, ф. 214, ст. 496, лл. 359—361 (в частности, оно было так названо в 1655 г.); см. также атлас С. У. Ремезова.

Переходим к самой южной и юго-восточной группе населения Мангазейского уезда, к тунгусам, платившим ясак в Курейское зимовье. Вместе с ними рассмотрим и группу тунгусов Усть-Непского зимовья, оставшуюся при этом зимовье после основания для кондогиров специального Кондогирского зимовья.

В 1625 г. был взят ясак «в Нижней тунгуске реке с новых людей с шилигирей» [161], всего с 94 чел., и с 67 чел. из рода «Мучюгирь».

В 1626 г. «вверх Нижней тунгуски выше Титеи реки» [162] платили ясак 90 тунгусов из «рода Маучирова» (это те же «шилигири») и 84 чел. из «рода Мучигир». Запись сбора ясака с семи маугиров сформулирована так: «с роду Маугирева с шилягирей» [163].

В 1628 г. «вверх Нижней тунгуски» в устье Тетеи заплатили ясак 35 «шиляков».

В 1629 г. «вверх Нижные тунгуски на усть Непы реки ...шиляг Долгуша принес с роду своего 192 соболя...; шиляг Илкивца... с роду своего с 54 чел.» за три года 495 соболей [164].

В 1630 г. в том же зимовье в устье Непы с «шиляков» было взято 455 соболей [165].

В 1631 г. в устье Непы взят ясак со 121 маугира во главе с Илковной (ср. выше, Илкивца) и с 59 мучугиров («мучюгиров») во главе с Долгошей (ср. выше, Долгуша) [166].

В 1633 г. в устье Непы заплатило ясак всего 98 мучугиров. В данном случае под одним заголовком объединены и собственно мучугиры и шиляги [167].

В 1634 г. в устье Непы и у Зобнины курьи заплатило ясак 52 мучугира и 52 маугира [168].

В 1635 г. в устье Непы заплатило ясак 120 маугиров и 72 мучугира [169].

В 1637 г. в устье Непы платило ясак 69 мучугиров, а «усть Зобнины курьи» четыре рода, 144 маугира (т. е. шилягира) [170].

В 1638 г. в Непском зимовье заплатило ясак 68 мучугиров, а у Зобниной курьи — четыре рода маугиров (156 чел.) [171].

В 1639 г. в устье Непы платил ясак «род Мучюгиры» (70 чел.), а «на усть Зобнины курьи» — маугиры (шилягиры) в составе четырех родов из 39, 33, 59 и 25 чел. каждый, всего 156 чел.[172].

В 1640 г. в устье Непы платил «род Мачюгир», всего 58 чел., кроме того, 16 чел. к платежу не явилось. На «усть Зобнины курьи» заплатило тогда же ясак 173 маугира [173].

В 1645 г. в Непском зимовье платили ясак 74 мучугира и, кроме того,— «род Тывужирцы» (13 чел.). На «Усть Зобнины курьи» тогда же платило 170 маугиров в составе пяти родов (58, 11, 50, 23, 28 чел.). 12 из этих маугиров перечислено затем отдельным списком, из которого явствует,

---

[161] Также «шилегирцы» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12. л. 336).

[162] В другом случае место сбора ясака указано таким образом: «...вверху самые Нижные тунгуски реки в Новом зимовье, где приходят тунгусские и шилягирские люди» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 11, л. 110).

[163] Там же, ст. 6, л. 241.

[164] Там же, кн. 19.

[165] Там же, кн. 22, л. 44.

[166] Там же, лл. 351—355.

[167] Там же, кн. 986.

[168] Там же, л. 349.

[169] Там же, кн. 57, лл. 400—408.

[170] Там же, кн. 95. лл. 232—255.

[171] Там же, кн. 117.

[172] Там же, кн. 127, лл. 663—680.

[173] Там же, кн. 150, лл. 1092—1112.

что эти тунгусы заплатили свой ясак три соболя с человека) дважды [174].

В 1682 г. в Курейском зимовье платило ясак 215 чел., а в Усть-Непском зимовье — 17 чел. По родам эти 232 тунгуса распределялись таким образом: род Боярский — 45 чел., род Колобов — 51 чел., род Мойканов (Мучугир) — 21 чел., род Коненки — 26 чел., род «то ж Коненки» — 43 чел., род Саладкин — 29 и род «Товужирцы и Тугошары» — 17 чел. [175]

В табл. 59 приведены изменения численности плательщиков ясака Курейского и Непского зимовья по их основным родоплеменным группам.

Таблица 59

Численность плательщиков ясака в Курейском и Непском зимовьях в первой половине XVII в. и в 1682 г. по родам

Год	Шилягиры (маугиры)	Мучугиры	Тугошары (Товужирцы)	Всего	Год	Шилягиры (маугиры)	Мучугиры	Тугошары (Товужирцы)	Всего
1625	94	67	—	161	1638	156	68	—	224
1626	90	84	—	174	1639	156	70	—	226
1631	121	59	—	180	1640	173	74	—	247
1635	120	72	—	192	1645	170	74	13	257
1637	144	69	—	213	1682	194	21	17	232

Необходимо отметить, что помимо шилягиров (маугиров), мучугиров и тугошаров (тивужирцев) среди плательщиков ясака Усть-Непского зимовья иногда фигурируют также шамагиры. В 1630 г. «на усть Непы реки» было взято «вновь с шамагиров» 227 соболей, пять бобров, три шубы, четыре лыжные подволоки, семь россомах и два волка [176]. В 1633 г. «с усть Непы реки» было привезено «с тунгусов з Шамагирского роды» 60 соболей [177]. Но затем шамагиры среди ясачных плательщиков Мангазейского уезда больше не упоминаются. Поскольку они были одной из

Таблица 60

Численность плательщиков ясака в Курейском и Непском зимовьях с 1647 по 1703 г.

Год	Курейское	Непское	Год	Курейское	Непсоек	Год	Курейское	Непское
1647	190	87	1665	167	15	1689	161	9
1648	170	85	1668	168	16	1690	147	10
1649	166	48	1670	177	19	1691	147	10
1651	15	—	1671	182	18	1692	120	10
1653	134	1	1672	183	17	1693	60	7
1654	139	9	1673	189	17	1696	108	10
1655	136	10	1675	206	18	1697	110	10
1656	147	16	1677	201	17	1699	115	10
1657	146	15	1680	205	18	1700	113	6
1658	146	14	1682	215	17	1701	113	7
1659	148	14	1684	216	17	1702	96	11
1662	158	14	1686	162	11	1703	94	11
1663	158	14	1687	162	10			

[174] ЦГАДА, ф. 214, кн. 285, лл. 98—118.
[175] Там же, кн. 732, лл. 40—86.
[176] Там же, кн. 22, л. 44 об.
[177] Там же, кн. 986.

основных групп ясачного населения Илимского уезда, мы и будем рассматривать их вместе со всем населением этого уезда в главе XVI.

В табл. 60 приведены данные об изменении численности плательщиков ясака в зимовьях Курейском и Непском.

В 1649—1657 гг. вспыхнула эпидемия оспы. Особенно пострадали от нее мучугиры. Большая часть их погибла. Из уцелевших мучугиров часть в 1650 г. ушла в Илимский уезд [178], а остальные перешли от Непского зимовья к Курейскому. Мангазейские власти сначала считали, что в Илимский уезд ушли 82 ясачных плательщика. Но затем, когда в 1661 г. семь ушедших мучугиров, очевидно, вернулись к Курейскому зимовью, в течение всей второй половины XVII в. до 1692 г. в Мангазейских ясачных книгах по Усть-Непскому зимовью числилось 75 чел., «которые написаны в Илимской отписке по допросным тунгусским речам мертвыми».

В 1665 г. пять плательщиков ясака перешли от Чаринского зимовья Якутского уезда на Нижнюю Тунгуску в Мангазейский уезд [179].

В 1685 г. опять была какая-то эпидемия, от которой умерло 50 плательщиков ясака Курейского зимовья и шесть Усть-Непского зимовья.

В 1691—1692 гг. снова разразилась эпидемия оспы, от которой умерло 69 ясачных плательщиков Курейского зимовья [180].

В 1701—1702 гг. среди курейских тунгусов произошли ожесточенные межродовые столкновения, в результате которых погибло до полутора десятка плательщиков ясака. Большая часть курейских и непских тунгусов в 1702 г. бежала в Илимский уезд [181]. Как мы уже отмечали, Непское зимовье в конце XVII в., с 1692 г. во всяком случае, существовало лишь формально. Фактически тугошары платили ясак в это время в Курейском зимовье. В 1698 г. Непское зимовье было ликвидировано и формально и лишь среди плательщиков ясака Курейского зимовья выделялась группа бывших «усть-непских тунгусов».

Численность основных составных групп курейских и непских тунгусов в XVII в. на основании вышеприведенных данных представлена в табл. 61.

Таблица 61

Численность курейских и непских тунгусов

Название группы	1645 г.		1682 г.		1699 г.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Шилягиры (маугиры) . . .	170	680	190	760	115	460
Мучугиры	75	300	22	90		
«Тугошары» («товужирцы»)	13	50	17	70	10	40
Всего	258	1030	229	920	125	500

Выше мы видели, что мучугиров в XVII в. тоже считали шилягами. Потомки мучугиров и тугошаров в последнее время образовывали одну племенную группу и говорили на одном диалекте. Поэтому и для XVII в. мы будем считать все эти три группировки — собственно шилягиров (мау-

[178] Там же, стр. 586, ч. I, лл. 195, 403, 405—406. В 1652 г. в Илимском уезде платили ясак 12 мучугиров, в 1653 г. 28 курейских тунгусов заплатили в Чечуйском остроге 78 соболей (см.: В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Ч. I, стр. 557).

[179] ЦГАДА, ф. 214, кн. 807, лл. 107—108.

[180] Там же, кн. 63, л. 618.

[181] Там же, кн. 1422, л. 206.

гиров), мучугиров и тугошаров — одним племенем шилягиров и будем показывать их на нашей карте общим контуром.

Кроме вышеприведенных названий, в XVII в. по отношению к шилягирам применялось еще одно название, а именно «сычуги», или «сычюгиры». В частности, «по Лене реке... сычюгирских людей» упоминает в 1630 г. атаман Иван Галкин [182]. В ясачной книге Енисейского острога за 1631 г. указаны «в новой земле на Лене реке ясачные люди тунгусы и наляги и сычегуры по росписи ясатчиков атамана Ивана Галкина с товарищи...» Ясак с ленских «сычегуров» упоминается и в ясачной книге Енисейского острога за 1632 г.[183] В перечне от 1630 г., озаглавленном: «Имяна землицам, которые живут по Лене реке конны и оленны», наряду с «землицей» «наляги» названы и «сычюги» [184].

Мы предполагаем, что под названием «сычегуров», «сючюгов» и т. д. подразумевались те же шилягиры. В данном случае русские служилые люди называли племя по одному из входивших в него родов. Как мы знаем, шилягиров называли также маугирами, а Маугир — это тоже название одного из родов шилягиров. Правда, в одном документе, известном нам в миллеровской копии, живущие «вниз по Лене реке шиляги и мучюги» противопоставляются налясским [185] и «сычегурским» людям [186], но это явная ошибка, тем более вероятная, что этот документ исходил не от лиц, лично бывших на Лене, а от енисейского воеводы Семена Шаховского.

Всего нам известно для XVII в. шесть групп шилягиров (курейских тунгусов). Сопоставляя названия этих групп, упомянутые в источниках XVII в., с современными названиями родов и с фамилиями курейских тунгусов и принимая во внимание родовые названия этих тунгусов, упоминаемые в фольклорных материалах, можно установить следующее.

1. Род Боярский ясачной книги 1682 г. соответствует роду Маугир (Мауль, Маолил). Все члены этого рода имеют в настоящее время фамилию Боярцин. Сейчас в этом роде есть еще подразделение Ургаты, очевидно происшедшее от присоединившегося к этому роду тунгуса «Мургатского» («Брангатского», а правильно — Нюрмагатского) рода Якутской области.

2. Род Колобов ясачной книги 1682 г. соответствует роду Сичогир (т. е. сычугам XVII в.). В нем сейчас существует подразделение Тонмогир. Большая часть потомков сичогиров к настоящему времени присоединилась к кондогирским тунгусам; в составе курейских тунгусов осталось лишь вышеупомянутое подразделение сичогиров Тонмогир. Все сичогиры подразделения Тонмогир имеют фамилию Колобовцин, а остальные сичогиры — фамилию Сичогир («Сочигир», «Сычегир»).

3. Род Мойкапов ясачной книги 1682 г. соответствует роду Мучугир. Этот род назывался также Хамерин (в начале XVIII в.), Немировцин (вторая половина XVIII в.), а в настоящее время большая часть его потомков имеет фамилию Черончин.

4. Род Конепки ясачной книги 1682 г. соответствует роду Момогир (Момоль, «Момолё»). До настоящего времени курейские тунгусы этого рода имеют фамилию Конепкин. Разделение этого рода на две части в XVII в. (см. выше), очевидно, соответствует разделению этого рода на две части и в настоящее время, одна из которых осталась в составе курейских тунгусов, а другая присоединилась к чапагирам (куркагирам) в бассейне Подкаменной Тунгуски. В 1702 г. род Конепки (Момогир) играл главную роль в происходившей тогда междуусобице среди курейских тун-

[182] ЦГАДА, ф. 214, ст. 31, л. 385.
[183] Там же, кн. 34, лл. 552, 572.
[184] Там же, ст. 12, л. 497.
[185] В подлиннике описка — «наленским».
[186] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 97.

гусов. В одном лагере оказалась бо́льшая часть рода Коненки, а в другой — все остальные роды и часть рода Коненки. Всей этой «коалиции» пришлось бежать, главным образом в соседний Илимский уезд [187]. В преданиях северобайкальских эвенков «мамугиры», или «мамыры» [188], выступают как род тунгусов на Лене, с которыми борются предки забайкальских тунгусов. По этим преданиям, «мамугиры» жили вместе с «чечогирами», т. е. сичогирами, в «Иркутской губернии» [189]. Сержант Степан Попов в 1794 г. под названием «момогирские тунгусы» подразумевал вообще всех курейских тунгусов [190].

5. Род Саладкин 1682 г. соответствует современной фамилии курейских тунгусов Салаткин, единственной фамилии тунгусов родов Лонтогир, Хангнадагир, Туачаль (Туассо) и Вакувагир. Родовое название Туачаль, зарегистрированное в 1926 г., несомненно соответствует названию тугошары 1682 г. В 1702 и 1768 гг. курейские тунгусы состояли из пяти родов: Боярщина, Коненков, Колобовщина, Салаткина, Хамерина (Немировщина). Следовательно, в 1702 г. Салаткин (Шалаткин) род уже включал потомков тугошаров 1682 г. Поэтому мы считаем, что существование в 1682 г. отдельно рода Саладкина и отдельно рода Тугошары (Тавужирцы) было искусственным и вызвано тем, что часть рода Тугошары (Тугачаль, Туачаль) попала в ведение Неского зимовья и была таким образом отделена от основной массы членов своего рода, плативших ясак в Курейском зимовье. Что касается родов Лонтогир, Хангнадагир и Вакувагир, то в них можно видеть или какие-то присоединившиеся группы или родственников рода Тугочаль. Отметим, что род Тугочаль (Тугошары) имел тезку в лице рода Тугочар (Ичан), предков современных тюгэсиров, живших тогда на Алдане (см. гл. XIX).

В 1653 г. тунгусы Курейского зимовья в «сказке о недоборном ясаке» назвали следующие свои рода (в скобках имя главы рода): 1) Маугирской (шаман Боярин Илкивца), 2) Мойкагиры (Юлика, он же Гюлико и Юлега), 3) Мойкагиры (шаман Танмаца), 4) Мойкагиры (Лумкумай), 5) Коненки (Кигила и Дошо), 6) Соболенки (Толстоух) [191]. Отождествление первого и пятого из этих родов с родами Маугир и Момогир не вызывает сомнений. Понятно и отсутствие в этом списке Саладкина рода, так как Саладка был жив еще в 1682 г. и, вероятно, стал главой рода после 1653 г. Но почему название Мойкагир (ср. выше Мойканов) в 1653 г. относилось сразу к трем родам, а не к одному Мучугирскому роду, нам непонятно. Мойкан был в списке Мойканова рода еще в 1682 г. Тогда ему было лет 50. Очевидно, название Мойкагир в 1653 г. произошло не от имени этого Мойкана. Нам кажется, что в перечне родов курейских тунгусов за 1653 г. имеются какие-то неточности, но в чем именно, неясно. Итак, получается, что шилягиры (курейские тунгусы) состояли в XVII в. из пяти родов: Маугир (Боярщин), Сичогир (Колобовщин), Мучугир (Мойканов, Хамерин, Немировщин, Черончин), Момогир (Коненкин), Тугачаль, может быть Тугачагир (Салаткин). Вопрос о том, является ли название Тугачаль основным названием последнего рода, остается пока открытым.

Относительно расселения шилягиров и их подразделений известно следующее. Несомненно, что территория шилягиров охватывала самую верхнюю часть бассейна Нижней Тунгуски, начиная с устья р. Еромо,

---

[187] См. А. П. Окладников. Курейские тунгусы в XVIII веке. Рукописный фонд библиотеки Красноярского краевого музея, рукопись 572.4 (09).

[188] Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л. 1936, стр. 269.

[189] См. S. M. Shirokogoroff. Social organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1933, p. 58, 70—71, 127, 158.

[190] См. Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области. Т. I. Якутск, 1916, стр. 285.

[191] ЦГАДА, ф. 214, ст. 220, л. 250.

и прилегающие к верховьям Нижней Тунгуски части бассейна Лены. Есть все основания предполагать, что бассейн Куты (притока Лены) и истоки Подкаменной Тунгуски не входили в территорию шилягиров. Но есть указания, что они жили в верховьях р. Нюи, притока Лены. В 1633 г. «многие ясачные люди Усть-непского зимовья тунгусы з голоду померли, а иные боясь смерти от зимовья отошли кочевати далеко по Лене реке на Нюню реку» [192].

Поэтому, наверное, в 1635 г. в Якутском уезде был взят ясак «с р. Нюни с тушаконцев 38 соболей» [193]. Несомненно, что «тушаконцы» — это те же тугошары. 38 соболей должно было заплатить 13 человек, т. е. именно столько, сколько оказалось тугошаров в 1645 г. В 1647 г. нанагиры и пуягиры ходили «вверх по Лене реке на Нюню реку воевать маугирских тунгусов и убили у них маугирев 10 человек» [194]. В том же 1647 г. «выше Нюи на Лене реке» маугир (т. е. шилягир) Якунка с родом убили промышленного человека [195]. Когда в 1651 г. мучугиры решили перейти в Илимский уезд, они вышли на Лену к деревне крестьянина Марка Никитина [196]. Видимо, это современная дер. Маркова. Известно, что курейские тунгусы даже в начале XVIII в. промышляли по рекам Чечую, Чае и Чуе, правым притоком Лены, между Киренгой и Витимом, а также по Непе и верховьям Нижней Тунгуски [197]. «А живут де... по Непе реке... мучикиры, шиляги Долгоши, маукири — так де, государь, они словут родами своими» [198]. Таким образом, в этом свидетельстве содержатся два родовых названия шилягиров (Мучугир и Маугир) и общее, племенное название, охватывавшее все эти роды.

В 1688 г. «между Мамой и Витимом по реке Чюкану» маугиры убили шесть тунгусов Чильчагирского рода Иркутского уезда Баргузинского острога Верхнеангарского острожка, «а жен и детей и оленей все побрали к себе». Свои действия маугиры (шилягиры) объясняли так: «...за то де вас ангарских тунгусов и побили, что де приходили ваши тунгусы к нам на Лену и у наших де у ленских мужиков пристреляли воровски конные табуны» [199]. На Вилюе шилягиры не жили. Туда они заходили только во время военных походов [200].

У нас нет точных данных о проживании шилягиров на Витиме. Но то обстоятельство, что первоначально русские называли витимских киндигиров тунгусами «Шелегинские волости» [201], позволяет заключить, что шилягиры жили в низовьях Витима и поэтому их название сначала было ошибочно перенесено на киндигиров (жуюганов).

В 1926—1927 гг. потомки шилягиров (курейских тунгусов) жили в верховьях Нижней Тунгуски от устья Еромо и далее вверх до истоков. Они занимали весь бассейн Непы, верховья р. Чоны, промышляли в верховьях Нюи и Пеледуя. Потомки шилягиров жили также по среднему и нижнему течению Большой Чуи, по Малой Чуе и в бассейне притока Витима р. Мамы. Исходя из этих данных, а также из вышеприведенных данных о расселении шилягиров в XVII в., и определен контур территории шилягиров,

---

[192] ЦГАДА, ф. 214, кн. 986, л. 450 об.
[193] Там же, кн. 71, л. 67.
[194] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, л. 25.
[195] Там же, оп. 2, ст. 12, л. 9.
[196] ЦГАДА, ф. 214, ст. 586, ч. I, л. 195.
[197] См. А. П. Окладников. Курейские тунгусы в XVIII веке. Рукописный фонд библиотеки Красноярского краевого музея, рукопись 572. 4(09), л. 13.
[198] ЦГАДА, ф. 214, ст. 49, л. 456. Н. Н. Степанов считает слово «Долгоши» тоже родовым названием (см.: Н. Н. Степанов. Якутия в XVII в. Якутск, 1953, стр. 189). Но более вероятно, что это имя вышеупоминавшегося шиляга Долгуши, или Долгоши.
[199] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 13.
[200] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, лл. 74—77.
[201] Там же, ст. 227, лл. 300—301.

включающий верховья Нижней Тунгуски, Непу, Лену (от Маркова до Пеледуя), низовья Чечуя, Чаи, Чуи, Витима и верховья Чоны и Нюи. Надписями в этом контуре показано примерное взаиморасположение родов, составлявших племя шилягиров.

Перейдем к рассмотрению вопроса о плательщиках ясака Тетерского, или Усть-тетерского зимовья.

В 1628 г. упоминается Подкаменное зимовье «на Тетере реке на Чюнке», но ясак здесь был взят с известных нам родов «Кондогурского», «Чапагырцов» и «Нюрюмцов». В 1629 г. в верхней Подкаменной тунгуске на усть Тетери... вновь чамлячанин Чипкан принес... с роду своего 200 соболей..., а с кого имянем и с скольки человек принес... того не сказал... В верхней же Подкаменной тунгуске на усть Чюнки и по Чюнке вверх... чамдялена принесли... 2 человека с роду своего 10 соболей..., а имян себе не сказали» [202].

В 1630 г. «с усть Тетери... на 138 год с тунгусов с роду Топорки» был взят 71 соболь [203].

В 1633 г. было привезено «с усть Тетери реки» 165 соболей «да бобришко да подволока лыжная, а с ково имянем и с колка человек того они ясачные сборщики не сказали» [204].

В 1634 г. из Тетерского зимовья было привезено 187 соболей, а в 1635 г.— 155 соболей [205].

В 1637 г. в устье Тетери были вновь взяты аманаты рода Цемленнива Гута и рода Инберетина Крутко. Под них было взято 242 соболя [206], но в 1638 г. эти аманаты сбежали. В 1639 г. в устье Тетери поэтому ничего не было взято, «а поймал де Тетерского зимовья иноземцов тунгусов в аманаты два человека Нижней тунгуски Непского зимовья ясачной сборщик... Ортем Марков... роду Цепленина Елдоулка да Топоркова роду Ювганейка тех же родов которых родов ушли аманаты в прошлом в 146 г. в Тетерском зимовье... А государева ясаку с тех аманатов и с их родов привез 151 соболь. А... тех тунгусов Тетерского зимовья поймал на лесу и государев ясак взял на усть Непы реки» [207]. В 1637 г. в устье Илимпеи среди других аманатов находился также аманат рода «Челбуяны» Ланга [208]. В 1638 и 1639 гг. Ланга по-прежнему оставался аманатом в устье Илимпеи [209].

В 1640 г. аманат рода «Чанбуляна» продолжал находиться в Илимпейском зимовье, а в Тетерском зимовье находились два аманата, под которых было взято 242 соболя [210]. Название рода оборвано, сохранилось лишь его начало — «Чан...» Оборвано и имя аманата этого рода. Имя другого аманата — Югденей (ср. выше Ювганейка).

1641 г. в Тетерском зимовье тоже было взято 242 соболя [211], а в 1642 г.— 176 соболей [212].

В 1645 г. в Тетерском зимовье было три аманата, все «Чамлинского» рода. Под них было взято 184 соболя [213].

В 1682 г. в Тетерском зимовье платили ясак роды «Цемдели» (17 чел.),

---

[202] ЦГАДА, ф. 214, кн. 19.
[203] Там же, кн. 22, л. 46 об. Топорки эти назывались также «пигимцы» (см. там же, ст. 31, л. 294).
[204] Там же, кн. 986.
[205] Там же, кн. 57, лл. 418 об., 474.
[206] Там же, кн. 95, л. 292.
[207] Там же, кн. 127, лл. 701—709.
[208] Там же, кн. 95, л. 288.
[209] Там же, кн. 117, л. 555.
[210] Там же, кн. 150, лл. 1131, 1134—1135.
[211] Там же, кн. 144, лл. 941—1000.
[212] Там же, ст. 111, лл. 124—139.
[213] Там же, кн. 285, лл. 151—159.

Топороки (20 чел.), «Цемдели» (25 чел.), «Целбуяна» (семь человек). Кроме того, в Кондогирском зимовье платил ясак род «Целбуяна» (восемь человек) [214].

Мы считаем названия «Чамлячанин», «Чамделяна», «Цемлеиив», «Чамлинский» и «Цемдели» вариациями, разными транскрипциями племенного названия «чемдаль», которое в XVII в., вероятно, употреблялось в форме «чемдэль». Названия «челбуяна», «чанбуляна» и «целбуяна» мы считаем вариациями, разными транскрипциями родового названия Чандадуль [215]. Род Чандадуль, судя по преданиям, в XVIII—XIX вв. тоже входил в племя чемдаль, но в XVII в. этот род, видимо, держался несколько обособленно.

Род Топороки, или Топорки, они же пигимцы (пыгимцы), Тетерского зимовья Мангазейского уезда представлял собой ответвление родовой группы того же названия, жившей в основном в Приангарье в пределах Енисейского уезда. Подробнее на этой родовой группе мы остановимся при описании населения Енисейского уезда. Род Инберетин, вероятно, соответствует роду Ичеренцы того же Енисейского уезда.

В табл. 62 приводятся данные об изменении численности плательщиков ясака в Тетерском зимовье. Необходимо учесть, что часть рода Чандадуль («Целбуяна») в XVII в. платила ясак в Кондогирском зимовье (см. выше) и что в Тетерском зимовье вместе с чемдалями («цемделями») и чандадулями («целбуянами») платила ясак также часть родовой группы Топорки (Тэпурэкэль по современному произношению эвенков).

Таблица 62

Численность плательщиков ясака в Тетерском зимовье

Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака	Год	Плательщиков ясака
1629	70[216]	1649	83	1670	64	1691	72
1630	24[217]	1651	69	1671	66	1692	70
1633	60	1653	65	1672	72	1693	68
1634	63	1655	54	1673	74	1696	82
1635	52	1656	55	1675	70	1697	84
1637	81	1657	55	1677	67	1699	91
1640	81	1658	56	1680	62	1700	83
1641	81	1659	53	1682	69	1702	84
1642	59	1662	51	1684	68	1703	84
1645	62[218]	1665	52	1686	66		
1646	62	1667	56	1687	67		
1647	61	1668	58	1689	72		
1648	75						

Колебания численности плательщиков ясака в Тетерском зимовье мы в большинстве случаев объяснить не можем, тем более, что до 1659 г. их численность в Тетерском зимовье мы определили, исходя из того, что каж-

[214] ЦГАДА, ф. 214, кн. 732, лл. 36—40, 145—163.

[215] В 1655 г. умерло с голода три чандадуля, плативших ясак в Кондогирское зимовье. О них упомянуто как про «Чепбынской род» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 497, л. 352).

[216] Только чемдали.

[217] Только топорки.

[218] Только чемдали.

дый плательщик ясака платил три соболя. Только за 1662 г. имеется указание об их численности в самой ясачной книге. Как и везде, здесь могли сказываться эпидемии и неявки отдельных плательщиков и целых родов к ясачным зимовьям. Отражались на численности и явке к платежу также и столкновения между отдельными родами и целыми племенами. Так, в 1653 г. ясачные сборщики Тетерского зимовья следующим образом объясняли недобор в ясачном сборе (вместо 194 соболей было взято лишь 168 соболей): «Того Тетерского зимовья ясачные люди дрались с кундогирскими тунгусами и те де кундогирцы поимав на драке их тетерских лутчих промышленников четырех человек держали себя и провозили во всю зиму и им де того государеву ясаку на 161-й год за тех людей, которые были у кундогирских тунгусов в поиманье и за иных нужных безпромысленников платить было нечем» [219].

В 1677 г. умерло восемь тетерских тунгусов. В 1680 г. три тетерских тунгуса перешли к «Кундогирскому» зимовью, а в 1688 г. три человека перешли от «Кундогирского» зимовья к Тетерскому. Вероятно, это переходили «целбуяна». В 1693 г. в Тетерском зимовье было сразу «приписано» 17 новых плательщиков ясака.

Исходя из всех вышеприведенных данных, мы определим численность плательщиков ясака в Тетерском зимовье вместе с «целбуянами», платившими ясак в Кондогирское зимовье (табл. 63).

Таблица 63

Численность тунгусов Тетерского зимовья по родам

Род	1629—1630		1682 г.		1699 г.	
	Плательщиков ясака	Всего	Плательщиков ясака	Всего	Плательщиков ясака	Всего
Чемдали . . .	70	280	42	170	60	240
Чандадули . .	20	80	15	60	17	70
Топорки . . .	25	100	20	80	23	90
Всего . . .	115	460	77	310	100	400

Как уже указывалось выше, чемдалей можно считать небольшим племенем, чандадулей — родом, родственным этому племени, топорков — северным ответвлением, родом приангарских эвенков-топорков.

Чемдали все время платили ясак в устье Тетери. И сейчас на Подкаменной Тунгуске, в районе устья р. Тэтэрэ и вверх по Тэтэрэ и Юрге (Подкаменной Тунгуске), живут главным образом потомки чемдалей. Поэтому для определения их территории в XVII в. использованы данные об их современном расселении. Чандадулей («целбуянов») мы помещаем северо-восточнее собственно чемдалей, ближе к Кондогирскому зимовью, где, как известно, платила ясак часть чандадулей, но тоже в общем в пределах современной территории чемдалей. Топорков мы помещаем по Подкаменной Тунгуске ниже чемдалей и ниже Тетерского зимовья на территории, непосредственно примыкающей к области топорков Енисейского уезда.

Потомками чемдалей и чандадулей XVII в. является племя чемдаль [220],

---

[219] ЦГАДА, ф. 214, кн. 320, л. 22 об.

[220] В прошлом племя чемдаль имело еще название хуладыгир (см.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, стр. 110). В 1640 г. упоминаются хулидыгиры, к которым сошли на Лену тунгусы Непского зи-

в котором имеется и род Чандадуль. Что касается топорков Тетерского зимовья, то они, вероятно, известны в настоящее время под каким-либо другим названием. Существующий сейчас род Тэпурэкэл, видимо, представляет потомков топорков Енисейского уезда (см. гл. XIV).

Из постоянного контингента плательщиков ясака Мангазейского уезда осталось познакомиться с так называемыми «закаменными тунгусами» — с тунгусами, платившими ясак то в Закаменное зимовье на Енисее, то в Чунское зимовье на Подкаменной Тунгуске.

Уже в 1610 г. в Закаменном зимовье шесть тунгусов заплатили 32 соболя.

В 1621 г. на Подкаменную Тунгуску ходили сургутские казаки Чудин и другие и нашли там «тунгусов мужиков человек 60, а в тех де тунгусах никто не бывал и с тех де мужиков нам ясак нейдет, потому, что их никто не знает» [221].

Очевидно, речь идет о закаменных тунгусах, а именно о хомылях (варгаганцах) и ваядах.

В 1623 г. вверх по Средней (т. е. Подкаменной) Тунгуске был послан енисейский атаман Поздей Фирсов с 15 служилыми людьми. Он в шесть недель дошел до «Летней россохи», где имел столкновение с тунгусами. Затем он еще в течение трех дней поднимался вверх по Тунгуске до «варганские землицы», до князцов Конделя и Юлтеги, «привел их к шерти» [222]. и взял с них ясак — 21 соболя и четыре россомахи [223].

В 1625 г. «в верхней Подкаменной тунгуске реке» было взято с закаменных тунгусов 66 соболей [224].

В 1626 г. «из верхней Подкаменной тунгуски» было привезено 23 соболя, в 1627 г.— 20 соболей [225]. В том же 1627 г. вверх по Подкаменной Тунгуске ходил лесовать остяк Богдич и нашел там 20 тунгусов, девять из которых дали ясак — 10 соболей [226].

В 1629 г. в Закаменном зимовье заплатило ясак четыре тунгуса рода Товар, в 1633 г.— шесть тунгусов Тобарова рода. Далее уплата ясака тунгусами в Закаменном зимовье шла таким образом: в 1634 г. заплатило ясак шесть человек, в 1635 г.— девять, в 1637 г.— восемь, в 1638 г.— девять, в 1639 и 1640 гг. по — 12 чел.[227].

В 1641 г. четыре ясачных тунгуса Варгаганской волости Енисейского уезда «Иргинца с товарищи» бежали в Мангазейский уезд и стали платить ясак в Закаменном зимовье. В 1642 г. мангазейские ясачные сборщики Закаменного зимовья «свезли» к себе в Закаменное зимовье Енисейского уезда варгаганского ясачного тунгуса Кыгду и взяли с него ясак в Мангазею [228]. Очевидно, в результате частичного перехода енисейских варгаганцев к Закаменному зимовью в последнем в 1645 г. платило ясак уже 23 тунгуса [229].

С 1653 по 1680 г. эти тунгусы платили ясак в Закаменном зимовье, но как изменялась их численность за это время, сказать трудно, так как в ма-

---

мовья (ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 1102). Мы думаем, что в корне этого названия лежит слово «хули» — «берег». По-видимому, «хулидыгир» значит «береговые». Очевидно, так называли шилягиров, живших по берегу Тунгуски. В XIX в. чемдали образовывали Тетерскую береговую волость.

[221] Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Т. II. М., стр. 217; см. также Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 577—578, прим. А. И. Андреева.

[222] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 339; см. также лл. 156, 158—159.

[223] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 292.

[224] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 25.

[225] Там же, лл. 29, 32.

[226] Там же, л. 113.

[227] См. табл. 48.

[228] ЦГАДА, ф. 214, кн. 154, лл. 112—113.

[229] Там же, кн. 285, лл. 87—97.

териалах о плательщиках ясака Закаменного зимовья за эти годы тунгусы от остяков (кетов) не отделены [230].

В 1682 г. «закаменные тунгусы» были переведены для уплаты ясака в Чунское зимовье «в Подкаменную тунгуску по их челобитью для соболиных промыслов потому что тем закаменным тунгусам край Енисея реки соболиных промыслов нестало и ясаку промышлять негде и те закаменные тунгусы ходят промышлять ясак в Подкаменную тунгуску и с них ясак на нынешней на 190 год взят в Чюнском зимовье и вперед с них учнут имать... ясак в том же Чюнском зимовье» [231]. Всего перешедших в 1682 г. в Чунское зимовье ясачных «закаменных тунгусов» оказалось 29 (19 рода Хомыли и 10 рода Ваяды). В последующие годы численность ясачных «закаменных тунгусов» изменялась следующим образом: 1684 г.— 28, 1686 г.— 31, 1687 г.— 31, 1689 г.— 30, 1691 г.— 30, 1692 г.— 30 чел. В 1693 г. они снова перешли к Закаменному зимовью. В этом году там заплатило ясак 27 этих тунгусов, в 1696 г.— 28, 1697 г.— 28, 1699 г.— 23, 1700 г.— 25, 1702 г.— 26 и в 1703 г.— 24. Кроме того, в 1702 г. четыре, а в 1703 г. шесть закаменных тунгусов рода Хомыли вернулись на Подкаменную Тунгуску и платили ясак в Чунском зимовье.

Можно считать, что в течение всего XVII в. было около 30 ясачных закаменных тунгусов. Из них 10 были ваяды и 20 — хомыли.

Ваяды — это, видимо, предки современных эвенков Баяки, а хомыли — предки современных эвенков Кему и Кемукагир. В Енисейском уезде в том же XVII в. хомыли были известны под территориальным названием «варгаганских» тунгусов (всего до 40 плательщиков ясака). Корень «варгаган» этого названия, вероятно, соответствует современному эвенкийскому «баргиган» — заречный, а все название «варгаганские тунгусы», по-видимому, можно перевести как «заречные тунгусы». Такое название тунгусы хомыли получили, наверное, потому, что часть их ходила промышлять на левобережье Енисея в бассейны Сыма (Чиромбу) и Дубчеса.

Что касается названий «Товар» и «Тобаров», то это, очевидно, эвенкийское слово «тэвэ» — «народ», «племя» [232], употребляемое и в смысле «иноплеменник», «иноземец».

О расселении хомылей (варгаганцев) известно, что в Енисейском уезде они выходили на Енисей по рекам Кии и Тису, а в Мангазейском уезде — к Закаменному и Чунскому зимовьям. Мы знаем также, что Поздей Фирсов нашел их на Подкаменной Тунгуске выше Летней россохи. О ваядах известно лишь, что они платили ясак то в Закаменном, то в Чунском зимовьях.

О кочевках хомылей на левобережье Енисея имеются следующие сведения. В 1651 г. сбежали от Чунского зимовья в Енисейский уезд и с Тунгуски на Черемури [Чиромбу?] реку в Дубчас и на ус[т]ь Сыми реки» тунгусы Камыга, Хомундрей, Югога, Гургокта, Дагандрей и Юлбога. Чунский тунгус Билдига, сообщая об этом, также указывал, что эти беглецы в 1654 и 1655 гг. платили ясак в Енисейском уезде, «а у нас недобор. А нам их перевести немошно потому что у нас оленей нет и живут далече и нас не слушают» [233].

В свою очередь эти ушедшие на левобережье закаменные тунгусы жаловались, что в 1653 г. нарымские казаки поймали их «на Чиромбуйской вершине» и взяли у них 180 соболей, 20 бобров, девять «аткасов», два котла «кошеварных медных», два ровдужных шюка, съестные запасы — «уликту мясную» [234].

---

[230] См. табл. 49.
[231] ЦГАДА, ф. 214, кн. 732, л. 168 об.
[232] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1940, стр. 134.
[233] ЦГАДА, ф. 214, ст. 496, л. 342.
[234] Там же, л. 347.

Таблица 64

Этнографический состав коренного населения Мангазейского уезда

Этнические и племенные группы, отдельные роды	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Самоеды					
Пясидские	Собственно «пясидские самоеды» (4 рода) и кураки (4 рода)	30-е годы XVII в.	81	320	
Тидирисы	2—3 рода	»	33	130	Авамские самоеды
Тавги	Хетские (3—4 рода) анабарские (4—5 родов)	»	145	580	
Сомату	8—10 родов		410	1640	Хантайские самоеды
Пэ-бай	Роды (фратрии) Мангазея, Селирта, Ючейский, Асида, Бай, Мундутский, Вангутин, Харасидин и др.	1628	365	1460	Карасинские самоеды
Итого самоедов			1034	4130	
Остяки (кеты)					
Инбатские					
Инбаки	Роды Инбацкий, Кентянский, Бульванский, Хонигетский	1620	103	410	Остяки Верхне и Нижне-Инбатских управ в Туруханском крае
Земшаки	Св. нет	1620	51	205	
Богденцы	—	1620	29	115	
Итого			183	730	
Закаменные (кайволдынцы)	Роды Бискиев, Илинчиев, Бунгулев	до 1628	182	730	Дубчесские остяки в составе сымско-касских кетов, частью в составе инбатских кетов и тазовских селькупов
Итого остяков			365	1460	
Тунгусы					
Ваняды	6 родов	Первая половина XVII в.	125	500	Вадеевские самоеды, род Маят у якутов, Ветинского наслега, род Осогостох у якутов Катыгинского наслега и др.
Горагир	—	»	35	140	
Елигир	Род Сентеи	»	45	180	Летние тунгусы
Чипчагир	—	»	10	40	
Малгачагир	—	»	20	80	
Баягир	Род Коныров	»	60	240	Турыжские тунгусы, Боганидские тунгусы и др.
Догочагир	—	»	60	240	Долганы рода Донгот

Продолжение табл. 64

Этнические и племенные группы, отдельные роды	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Нюрумняль	Роды Шалдагир, Суханов, Кодукин	»	187	750	Илимпейские тунгусы
Кондогир	—	»	60	240	Кондогирские тунгусы
Чапагир	—	»	80	320	Куркогирские и чапогирские тунгусы
Кондогир	—	»	20	80	Панкагирские тунгусы
Шилягир	Роды Маугир, Мучугир, Сичогир, Момогир, Тугочар	1645	258	1030	Курейские тунгусы
Чемдаль	—	1629	70	280	Чемдальские тунгусы
Чандадуль	—	1629	20	80	
Топорки	—	1629	25	100	?
Хомыли	—	1682	20	80	Тунгусы рода Кемукагир
Ваяды	—	1682	10	40	Тунгусы рода Баяки
Итого тунгусов			1105	4420	
Всего			2504	10010	

В этом же 1653 г. другой закаменный тунгус, Туруга (это, по-видимому, тот Турня, который состоит в списке закаменных тунгусов уже в 1629 г.), рассказывал, что «промышляли де они Туруга с товарищи в Мангазейском уезде на Дубчасе реке на вершине... и пошли с промыслу своего... к ясачному Закаменному зимовью и их де сугнали на дороге нарымские служилые люди и нарымские ж остяки и товарищей ево закаменных ясачных людей дву человек убили до смерти, а 10 человек поимав с собой взяли и их пограбили» [235]. Туруга (Турня) промышлял, видимо, вместе с остяками, которых и забрали в Нарымский уезд (см. выше).

Таким образом, несомненно, что закаменные тунгусы ходили промышлять на левобережье Енисея и если, как мы увидим ниже, ангарские тунгусы находились во враждебных отношениях с кузнецкими и сымско-касскими остяками Енисейского уезда, то отношения закаменных тунгусов и остяков Мангазейского уезда были самые дружественные.

Может быть, эти хомыли (кему) даже представляли ассимилированных тунгусами кетов. Но мы на карте все же не показываем тунгусов на левобережье Енисея, так как охотились они там не на своей земле, а на территории закаменных остяков.

Территорию хомылей на правобережье Енисея мы определяем таким образом. После нанесения на карту территорий кетов в низовьях Подкаменной Тунгуски, территорий кондогиров, чапагиров и топорков по среднему течению этой реки и по Чуне, питских тунгусов Енисейского уезда в бассейне р. Пит (см. гл. XIV) у нас вырисовалось свободное пространство по Подкаменной Тунгуске, примерно между устьями Комо и Вельмо, по бассейну Вельмо, а также по верховьям Бахты, Учами, Кии и Тиса. Этот выявившийся таким образом контур соответствует указанным выше

[235] Там же, кн. 320, л. 12.

местам платежа ясака «закаменными тунгусами». Кроме того, соседство хомылей с горагирами и кондогирами соответствует связям потомков хомылей с потомками горагиров и кондогиров (панкагиров), существующим и в настоящее время. Ваядов мы показываем вместе с хомылями на Подкаменной Тунгуске от речки Байкит (по Г. М. Василевич — Баякит, т. е. «речка баяки») до территории, занятой кетами. С этой группой кетов в XVIII и XIX вв. потомки ваядов, тунгусы рода Баяки, были объединены и в административном отношении. В этих же местах по Подкаменной Тунгуске живут тунгусы по фамилии Арчамку, теперь относимые обычно к преобладающему здесь в настоящее время роду Момоль, но имеющие прозвище «баяки».

Хомыли, кочевавшие в бассейнах Кии, Тиса и Вельмо, представляли, вероятно, варгаганцев Енисейского уезда. Хомыли, жившие по самой Подкаменной Тунгуске и верховьям Бахты и Учами, вместе с ваядами представляли, по всей видимости, интересующих нас сейчас «закаменных тунгусов» Мангазейского уезда.

В табл. 64 (стр. 178—179) приведены родоплеменной состав и численность всего коренного населения Мангазейского уезда и составляющих его этнических групп.

Про плативших в Мангазейском уезде ясак пещев (юраков) и селькупов (сургутских и нарымских остяков) мы упоминали в главах VII, VIII и IX, содержащих описания населения Березовского, Сургутского и Нарымского уездов. Но, кроме них, в конце XVII в. в Мангазейском уезде появилась еще одна этническая группа, а именно якуты.

В 1699 г. в Мангазейском уезде на р. Хете (притоке Хатанги) 12 якутов принесли ясака 12 лисиц и 10 песцов [236].

В 1700 г. на Хете 16 якутов принесли ясачным сборщикам Хатангского Есейского зимовья, фактически находившегося на Хете, 15 лисиц и одну росомаху [237].

В 1703 г. на той же «Хете реке» якуты, вероятно, тоже 16 чел., принесли одну росомаху, одну лисицу и 140 белых песцов [238].

Таким образом, можно считать, что на рубеже XVII и XVIII вв. на р. Хете в Мангазейском уезде жило не менее 60 якутов. Это появление якутов в Мангазейском уезде связано с тем процессом быстрого расселения якутов по северу Восточной Сибири, который наступил после освоения русскими территории Якутии (см. гл. XIX). В начале и даже в середине XVII в. якутов на территории Мангазейского уезда еще не было.

Что касается хозяйства и образа жизни коренного населения Мангазейского уезда, то об этом по известным нам источникам XVII в. можно сказать очень немного.

Самоеды и тунгусы Мангазейского уезда были оленеводами. Остяки (кеты) Мангазейского уезда, очевидно, были пешими охотниками и рыболовами. Во всяком случае нам неизвестно ни одного упоминания об оленях у этих остяков.

Самоеды Мангазейского уезда занимались также в сравнительно больших масштабах охотой на дикого северного оленя. Сдаваемые ими в уплату ясака ровдуги, т. е. шкуры оленя, выделанные в замшу, и постели, т. е. зимние шкуры взрослых оленей, в значительной степени представляли не продукцию домашнего оленеводства, а результат охоты на диких оленей.

Хантайские самоеды и юраки иногда платили ясак песцами. Авамские самоеды обычно платили ясак ровдугами. Когда же они платили ясак собо-

---

[236] ЦГАДА, ф. 214, кп. 1220, л. 122.
[237] Там же, кн. 1353, л. 97 об.
[238] Там же, кн. 1422, л. 212.

лями, то покупали их для этой цели у русских промышленных людей. Лесные тазовские и туруханские самоеды, как и тунгусы и остяки, платили ясак только соболями и бобрами.

Из запасов продуктов у остяков упоминаются рыбий жир, юкола (вяленая рыба), у тунгусов — уликта (измельченное вяленое мясо лосей и диких оленей).

В качестве жилища у всех народов Мангазейского уезда упоминается только чум. Нюки (покрышки чумов) у самоедов и тунгусов были ровдужные. В одном случае у хантайских самоедов упоминается и одындровый нюк. В настоящее время самоеды употребляют постельные нюки с подстриженной шерстью. Такие же нюки были у них, вероятно, и в XVII в., но о них не говорится в наших источниках, очевидно, потому, что их не сдавали в уплату ясака. В одном случае от энцев был получен, правда, «нюк олений», т. е., очевидно, постельный.

Из одежды у юраков (и редко у самоедов Мангазейского уезда) известны по источникам XVII в. оленьи малицы; у хантайских самоедов — парки оленьи, волчья и песцовая, шуба песцовая и однорядка, обе под сукном. Один раз у хантайских самоедов названа также песцовая малица. У хантайских самоедов имелись постельные сокуи, одындровые «одеяла» (т. е. спальные мешки).

У остяков один раз отмечено английское сукно, из которого они, очевидно, шили свои халаты-азямы. По-видимому, его привозили русские купцы.

У тунгусов из одежды упомянуты парки оленьи.

Оленьи пимы (из камусов — шкур с ног оленя) давали в уплату ясака главным образом юраки. Но хантайские самоеды, наряду с ровдугами, постелями и одындрами, тоже отдавали «камасы оленьи».

В самые первые годы хантайские самоеды и тунгусы давали в уплату ясака живых оленей.

У авамских и хантайских самоедов в списках ясачных людей к одному-двум именам рядовых самоедов, не князцов, имеются приписки — «оленной», т. е. имеющий много оленей.

В качестве одной из особенностей социального строя тунгусов Мангазейского уезда, по сравнению с самоедами, можно отметить то обстоятельство, что в тунгусских родах и племенах первенствующую роль зачастую играли сравнительно молодые люди, которым подчинялись, по-видимому, в ряде вопросов по крайней мере, и старики. Наоборот, у самоедов очень ясно выступает главенствующая роль стариков, в полном подчинении у которых находилась молодежь.

Никаких признаков стройной и прочной племенной организации у народов Мангазейского уезда не обнаруживается. Впрочем, это, пожалуй, и характерно для патриархально-родового общества, система которого основана на авторитарных началах. Только некоторые военные вожди и шаманы иногда выступают в качестве представителей целых племен.

Более отчетливо прослеживается институт глав родов. Вообще говоря, выступает два типа родов. У одних мы находим типичные для данного народа названия, по большей части сохранившиеся до нашего времени. У других родов названия образованы по именам возглавлявших эти роды лиц. Более крупные роды первого типа, вероятно, можно считать фратриями. Главами родов часто являлись шаманы. С. В. Бахрушин отметил это в отношении самоедов-тавгов, пясидских самоедов, но то же можно сказать и в отношении некоторых родов тунгусов.

Очень неясен вопрос о племенах. Если племенем считать этнографическую территориальную и диалектальную общность и не включить в число признаков племен существование племенной организации, то, использовав данные современного языкознания и предания и традиции самого населе-

ния, можно наметить следующие племенные группировки коренного населения Мангазейского уезда в XVII в.

1. Лесные самоеды — пэ-бай. 2. Тундровые самоеды-сомату, ответвлением которых, вероятно, являются пясидские самоеды. К самоедам-сомату примыкали ассимилированные этими самоедами тунгусы-тидирисы. 3. Инбатские остяки, т. е. инбаки, богденцы и земшаки. 4. Баягирское племя, в которое, судя по преданиям, входили баягиры, догочагиры, елигиры, горагиры и чипчагиры. 5. Нюрумпялп. 6. Шилягиры. 7. Ваняды, к которым, вероятно, примыкали и малгачагиры. 8. Чапагиры, к которым, повидимому, примыкали хомыли и ваяды, представлявшие, может быть, иноплеменников, ассимилированных эвенками. 9. Чемдали вместе с чандадулями. 10. Кондогиры, которых приходится, несмотря на их сравнительную малочисленность, выделять отдельно, потому что неизвестно, с кем их можно объединить. Но кондогиры, предки панкагиров, платившие ясак в Чунское зимовье, уже в то время, очевидно, примыкали к чапогирам.

Изложенная схема племенного состава коренного населения Мангазейского уезда, конечно, не является окончательной. Если у самоедов и остяков имелась возможность выделять экзогамные группировки и тем самым избегать смешения племени с фратрией, то у тунгусов неизвестно, например, представляли ли ваняды, чапагиры, кондогиры и другие «роды» (по терминологии XVII в.) экзогамные единицы или же допускались браки внутри этих групп. От решения этого вопроса зависит квалификация и других упомянутых тунгусских родов. Если предположить, что это не племена, а по большей части фратрии, то в таком случае эти фратрии должны являться частями каких-то племен, которые надо, следовательно, установить. Возможно также, что эти роды-фратрии ушли далеко от тех племен, из которых они вышли, и к приходу русских существовали самостоятельно. Могло быть и так, что род, происходя из одного племени, живя в окружении родов другого племени, фактически примкнул к последнему. Все это требует изучения положения дела в отношении каждого рода (фратрии) в отдельности.

Глава XIV

ЕНИСЕЙСКИЙ УЕЗД

История Енисейска и Енисейского уезда XVII в.— одна из самых громких и богатых событиями страниц истории освоения Сибири русскими. После своего основания в 1618 г. и выделения Енисейского уезда из Кетского Енисейск стал главной базой дальнейшего продвижения русских в Восточную Сибирь, и было время, когда и территория Илимского и отчасти Красноярского уездов, и значительная часть Якутии, будущий Якутский уезд, и Забайкалье, будущие Иркутский и отчасти Нерчинский уезды, входили в Енисейский уезд. Красноярский уезд был выделен из Енисейского в 1628 г. (после основания Красноярска). Якутский уезд, в который первоначально включался и будущий Илимский уезд, был выделен из Енисейского в 1641 г., Нерчинский — в 1658 г., а Иркутский — в 1682 г.

Таким образом, Енисейский уезд в тех пределах, в каких он рассматривается в данной работе, фактически определился только с 1682 г.

В дальнейшем под Енисейским уездом мы будем подразумевать именно эту его окончательно сложившуюся территорию и рассматривать в его составе только те племена, которые остались в Енисейском уезде после 1682 г.

Организация сбора ясака в Енисейском уезде существенно отличалась от организации ясачного сбора в Мангазейском уезде. В Енисейском (и Илимском) уезде не было системы ясачных зимовий, к которым были приписаны определенные туземные племена. Здесь, кроме города, центра уезда, тоже были второстепенные опорные пункты, остроги, но не все из них имели отношение к делу организации сбора ясака. Так, в Енисейском уезде были остроги Маковский, Бельский, Рыбинский, Тасеевский, Нижний Братский и Верхний Братский (он же Балаганский). Однако Маковский острожек служил главным образом перевалочным пунктом, местом, откуда начинался волок с р. Кеть в бассейне Оби на р. Кемь в бассейне Енисея. Бельский острог играл роль караульного форпоста на южной границе уезда от набегов киргизов со стороны степей между Красноярском и Ачинском. Тасеевский острожек, находившийся на северном пределе канских степей, тоже имел значение главным образом караульного форпоста. Кроме того, его местоположение обеспечивало здесь работу по добыче соли, которой снабжался не только Енисейский, но и соседние уезды (Мангазейский, Красноярский). Только остроги Рыбинский, Братский и Балаганский имели в основном значение опорных пунктов среди коренного населения и мест сбора ясака. Но на территории ряда туземных племен совершенно не было специальных опорных пунктов, и с них ясак собирался путем объезда их ясачными сборщиками, или они непосредственно платили его в город.

В середине XVII в. в Енисейском уезде сложилась следующая система ясачных единиц и соответствующая ей организация сбора ясака.

На левобережье Енисея в Енисейском уезде находился ряд окладных «остяцких» волостей: Подгородная, Кузнецкая, Сымская и Касовская, Натская (первоначально Кадыжская, а затем Кадская) и Пумпокольская (первоначально Кунгопская). Последние две волости находились в верховьях р. Кети. На правобережье Енисея между устьем Ангары и устьем Подкаменной Тунгуски находились две неокладные (как и все тунгусские) волости — Питская и Варгаганская. Со всех этих волостей ясак собирался ясачными сборщиками, посылаемыми непосредственно из Енисейска, а Кузнецкая волость платила его прямо в город.

К Рыбенскому, или Рыбному, острожку в низовьях Ангары была приписана группа тунгусских, так называемых Рыбенских, волостей. Здесь же платили ясак асаны с низовьев Чуны и Оны.

Затем в ясачных книгах Енисейского уезда фигурирует большая группа тунгусов так называемых Чадобских волостей по Ангаре. Для сбора с них ясака из Енисейска ежегодно отправлялась специальная партия ясачных сборщиков.

Центром сбора ясака был также Братский острог. Здесь собирался ясак с окинских бурят и тунгусов, бывших бурятских кыштымов, живших по Ангаре выше Шаманского порога до устья Уды, по рекам Гее (Вихоревой), Оке и Ие. Наконец, в Балаганском остроге ясак собирался с бурят, живших по левому берегу Ангары между устьями Уды и Белой, главным образом по р. Унге. Считалось, что правобережье Ангары в этом районе входит в состав Илимского уезда. В Балаганский острог платила ясак также небольшая группа обурятченных тунгусов, кочевавших в верховьях рек Белой и Китоя. Для удобства изложения можно разделить плательщиков ясака Енисейского уезда XVII в. на следующие группы:

1. «Остяцкие» волости на левом берегу Енисея.
2. Питские и варгаганские тунгусы.
3. Рыбенские и Чадобские волости тунгусов.
4. Асаны Енисейского уезда.
5. Буряты и тунгусы Братского острога.
6. Буряты и тунгусы Балаганского острога.

ОСТЯЦКИЕ ВОЛОСТИ ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА

С 1632 г. в Енисейском уезде существовали только четыре остяцкие волости: Сымско-Касская и Кузнецкая на Енисее, Пумпокольская и Кадыжская (Кадская, затем, с 1634 г.,— Надская, Натская) на р. Кеть. Но в начальный период существования Енисейского уезда в нем остяцких волостей было больше. Часть их слилась друг с другом, часть выбыла в Красноярский уезд.

Сымско-Касская волость образовалась путем слияния Сымской и Касской волостей, расположенных по одноименным рекам. Их писали раздельно с 1609 по 1623 г., хотя число плательщиков ясака в 1609 и 1618 гг. давалось по обеим волостям совместно. С 1628 г. существовала объединенная Сымская и Касовская волость, хотя в 1631 г. списки плательщиков ясака по этим волостям были составлены еще раз порознь. По-видимому, сымские и касские остяки образовывали одно небольшое племя и их разделение на сымских и касских представляло уже внутриплеменное деление территориального и, может быть, фратриально-родового порядка. Позднейшее название сымско-касских кетов — «дюгунь» (ёхонь) существовало уже в XVII в. и было зафиксировано в форме «дюканы» [1].

[1] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 18.

В указе от 27 января 1611 г. о взимании ясака с сымских остяков в Мангазейском, или Кетском, уезде по их желанию говорится: «Били нам челом Мангазейского уезду из-за Камеия ясашные сымские остяки Онеска да Дюка Новородов. Кемся да Кайгетко и в товарищев своих место...» [2]. Эту фразу надо читать: «Сымские остяки Онеска да Дюканова рода Кемся (сравни ниже Кимза) да Кайгетко». В указе цитируется документ, исходивший из Мангазеи, отсюда выражение «из-за Камеия» (сравни Закаменное зимовье). В «экстракте» ясачных книг Мангазейского уезда за 1610 г. читаем: «Вверх Енисея закаменные остяки... Онискина роду Сымские остяки 9 чел. ... род Дюкапый остяки 14 чел.». Всего с тех и других взято было 162 соболя [3].

Другая группа остяков Енисейского уезда обитала по Енисею выше сымско-касских остяков. Они первоначально состояли из двух групп (волостей): Кузнецкой и Кипанской. Между 1623 и 1628 гг. эти две волости слились в одну Кузнецкую волость. Поэтому число остяков Кузнецкой волости к 1629 г. увеличилось в два с половиной раза, а Кипанская волость исчезла из ясачных книг. Кипанская волость, возглавлявшаяся князцом Илтиком, обычно считается тунгусской группой. Действительно, служилые люди Л. Донской и А. Родюков в 1617 г. сказали, что в 1610 г. они ходили на Енисей и там «на усть Тунгуски реки живут тунгусские люди 12 человек в юртах, и называются они кипанцами по речке что река Кипан, а вышла вверх едучи по Тунгуске с правой стороны» [4]. Это, кажется, и единственный случай, когда кипанцы в первоисточнике названы тунгусами. Видимо, в данном случае Донской и Родюков ошиблись. Зная историю освоения Приангарья русскими и историю взаимоотношений тунгусов и остяков, трудно предположить, что целый тунгусский род так быстро слился с остяками. Само существование названия «кипанцы» сомнительно. В 1620 г. «в Енисейский острог приехал ясачный человек Кинильские волости князя Цалитика брат Татулка» [5]. Эту фразу следует, конечно, читать: «Кипильской волости князца Илтика брат Татулка». Следовательно, можно выбирать между названиями Кипанская и Кипильская. В связи с этим необходимо вспомнить, что старое название Енисея выше устья Ангары было Кема или Кима [6]. Поскольку основной рекой в первой половине XVII в. русские считали Ангару, то речкой Кипан, впадавшей в Тунгуску, Донской и Родюков могли считать современный Енисей. На месте слияния Енисея с Ангарой хорошо видно, что именно Енисей впадает в Ангару, а не наоборот. Правда, Донской и Родюков дальше говорят о пути по Енисею к тюлкинским людям, т. е. к современному Красноярску, но так как они рассказывали о своем походе через семь лет после его совершения, то они могли смешать старую туземную топонимику с номенклатурой, начавшей становиться общеупотребительной среди русских, и назвать остяцкий род тунгусским. Нам кажется вполне вероятным, что кипанцы (кипильцы) представляли родовую группу остяков (кетов), близкую «кузнецам» и асанам, жившую на месте слияния Енисея и Ангары и получившую свое название от старого названия Енисея или Ангары. Последние известные нам упоминания об Илтике относятся к 1625—1626 гг. В 1625—1626 гг. он ходил с атаманом Василием Алексеевым Тюменцом на тунгусского князца Тасея. Как известно, Алексеев не нашел Тасея (он был в начале 1626 г. убит бурятами), а вместо него «погромил» ясачных питских тунгусов.

---

[2] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.— Л., 1941, стр. 22.
[3] ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 15—16.
[4] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 241.
[5] Там же, стр. 255.
[6] См. J. Klaproth. Asia Polyglotta. Paris, 1831, S. 290.

Илтик играл во всем этом активную роль. В поход с Алексеевым ходило, считая и Илтика, 38 ясачных остяков Енисейского уезда [7].

Во всем деле об этом походе в качестве его участников вместе с русскими служилыми людьми фигурируют только остяки, хотя «среди его участников был «Илтик с товарищи». Перекололи пленных питских тунгусов на «Илтиковом острове» (вероятно, современный о-в Погромный на Ангаре близ ее устья) именно «государевы ясашные остяки, которые с ними о походе были».

В мае 1626 г. «Енисейского уезду ясашные люди князец Епея (глава кадских остяков) да Илтик со всею своею волостью да князец Тымка Переоров (глава кузнецких остяков) со всею ж своею волостью... изменили отъехали в Тюлкину землицу (т. е. к аринцам) недоплатя твоего государева ясаку, а с собою у пашенных крестьян... государевы 2 лошади да пашенных крестьян собинные их увели три лошади» [8]. «Измена» эта продолжалась недолго. Уже в августе 1626 г. «князцы Епея да Илтик и Тымка с товарищи... добили челом и в Енисейский острог из Тюлкинской землицы приехали и князцы Епея и Тымка в распросе сказали: послушали де мы чюжево ума...» [9].

Мы видим, что Илтик и его люди нигде не называются тунгусами, что их не отличают от остальных остяков, что они, как и почти все приенисейские остяки XVII в., враждебны по отношению к тунгусам, что они вместе с кадскими и кузнецкими остяками «бегали» в Тюлькинскую землицу, куда обычно убегали енисейские остяки как в случаях нападений тунгусов, так и в случаях недоразумений с русскими.

Илтик со своими людьми ничем не выделяется среди остальных остяков. В 1628 г. Кипанской волости уже нет в ясачных книгах. Может быть, поэтому в расспросе о побеге 1626 г. отвечали только Епея и Тымка, как главы двух волостей, а Илтик и его люди считались уже в составе Кузнецкой волости, возглавляемой Тымкой.

Третьей группой остяков Енисейского уезда были остяки с верховьев Кети и Кеми. Наиболее значительной частью их были пумпокольские (кунгопские) остяки известного в истории освоения русскими Сибири князца Урнука Пиминова. Впоследствии, уже в XVIII в., Пумпокольская волость была слита с Натской (б. Кадыжской, Кадысской, Кадской) в одну Натско-Пумпокольскую. Кадыжская, а с 1634 г. Натская (Нацкая) волость князца Намака Койбыцины, сохранявшаяся в качестве самостоятельной единицы в течение всего XVII в., первоначально фигурировала в русских списках ясачных «родов» наряду с группой других самостоятельных волостей. Так продолжалось вплоть до 1621 г., когда произошло «укрупнение» Натской волости.

Чтобы показать это положение, приведем в табл. 65 численность остяцких волостей Енисейского уезда в начале XVII в.

Эта таблица составлена следующим образом.

В 1609 г. кетский воевода Елизаров перечисляет «Кетского... уезда дальные волости новые землицы: Макутцкая волостка да Кемские вершины да Ямыцкая землица, всех их 15 человек» [10]. В 1609—1610 гг. Елизаров сообщает о посылке служилых людей «на Кас реку и на Енисею и на Сым... а на тех трех реках живет... ясашных остяков 36 человек» [11]. Но так как следовательно, на Кузнецкую волость, «Енисею», остается 13 чел. О том, известно, что на Сыму и Касе было 23 плательщика ясака (см. выше), то, что «кипанских людей» в 1610 г. было 12 чел., сообщили в 1617 г. кетскому

[7] ЦГАДА, ф. 214, ст. 11, лл. 65—66.
[8] Там же, ст. 12, л. 95.
[9] Там же, лл. 96—97.
[10] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 216.
[11] См. там же, стр. 217, 222.

Таблица 65

Численность ясачных остяков в Енисейском уезде в 1609—1633 гг.

Волость или землица	Годы учета										
	1609—1610	1617—1618	1621	1622	1623	1628	1629	1630	1631	1632	1633
Сымская	23	17	21	25	22	23	26	26	15	23	25
Касская			6	6	6				10		
Кузнецкая («Енисея»)	13	7	7	8	6	11	15	15	17	15	17
Кипанская (Кинильская)	12	Св. нет	6	9	9	—	—	—	—	—	—
Пумпокольская (Кунгопская)	Св. нет	37	36	35	35	31	31	29	17	15	15
Кадская (Натская)	Св. нет	8	21	23	24	21	21	20	12	11	12
Ямышская	15	2	—	—	—	—	—	Св. нет	—	—	—
Кемские вершины		15	7	7	7	7	7		8	—	—
Макутская		3	3	4	4	2	2				
Всего	—	—	107	117	113	95	102	—	79	64	69

воеводе Челищеву упоминавшиеся выше служилые люди Лука Донской и Артемий Родюков, ходившие на Енисей в 1610 г.[12]

Данные за 1617—1618 гг. заимствованы из описи Тобольского воеводы Куракина, где перечисляются все волости, приписанные к новому Енисейскому острогу, за исключением Кипанской[13]. «Енисея» в этом перечне означает Кузнецкую волость. Кипанская волость пропущена, вероятно, миллеровским копиистом, так как в отписке говорится о 10 волостях, а названо только девять («Пампукольская», Кадисская, Кас, Сым, «Енисея», Кемские вершины, Макутцкая, Ямышская, Тюлькина). Число плательщиков ясака на Сыму, Касе и «Енисее» (т. е. в Кузнецкой волости) указано общим итогом (24 чел.). Мы считаем, что на Сыму и Касе было 17 плательщиков ясака и в Кузнецкой волости семь из следующих соображений. В 1609—1610 гг. на Сыму и Касе было 23 плательщика ясака, а в Кузнецкой волости — 13. Но в 1610 г. тунгусы убили шесть кузнецких остяков, а в 1611 г.— шесть сымско-касских[14]. Таким образом, в Кузнецкой волости должно было остаться семь, а в Сымско-Касской — 17 плательщиков ясака, т. е. как раз столько, сколько указано в отписке Куракина от 1618 г. (24 чел.)

Данные за 1621, 1622, 1623, 1628, 1629, 1630, 1631, 1632, 1633 гг. заимствованы из ясачных книг за эти годы[15].

В табл. 65 показано, как сложился тот список «остяцких» волостей Енисейского уезда, который не изменялся в течение всего XVII в.

Необходимо только иметь в виду, что в 1630 г. на Кети был «мор» (оспа), от которого очень сильно пострадали пумпокольские и кадские остяки[16].

---

[12] См. там же, стр. 216; ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 15—16.

[13] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 244.

[14] См. там же, стр. 219, 221.

[15] См. там же, стр. 259, 273—274, 292; ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 32—33; ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 57; кн. 22, л. 480; кн. 34, л. 517; кн. 48, лл. 45—48.

[16] Осенью 139 (1630) г. в Кадской волости умерло 11 плательщиков ясака и 36 «жен и детей», в Пумпокольской — 18 плательщиков ясака и 88 «жен и детей».

Часть остяков Кемских вершин во главе с Атанжей Чагаевым слилась с макуцкими остяками, возглавленными Веслой, в одну группу «Кемских вершин весловских остяков», которые в 1631 г. перешли в Красноярский уезд [17]. Они образовали отдельный род среди аринцев, существовавший еще в 1735 г.

С другой стороны, в 1623 г. вместе с макуцкими остяками Веслы платил в Енисейском уезде ясак тюлькинский, т. е. аринский, «мужик» Тан (Тапа) [18]. В 1629 г. в списке плательщиков ясака Кузнецкой волости перечисляются Тапка, Тымсалко и Алтыч Тапаевы, Ловенк Тапаев, Сартайко Тапаев, т. е., вероятно, целый род потомков Тапа [19].

Другая часть остяков Кемских вершин и, вероятно, все ямышские остяки объединились с жившими по Кети кадскими (натскими) остяками. Этим следует объяснить резкое возрастание числа последних, исчезновение Ямышской волости и сокращение численности остяков Кемских вершин между 1618 и 1621 гг.

Можно считать, таким образом, что в Енисейском уезде XVII в. были следующие родовые или локальные группы остяков (кетов):

1. Сымская — на Енисее, у устья р. Сыма.
2. Касская — на Енисее, у устья р. Каса.
3. Кузнецкая — в районе современного г. Енисейска.
4. Кипанская — у устья Ангары.
5. Пумпокольская, или Кунгопская — на р. Кеть, в районе современного сел. Налимка.
6. Кадская — на Кети, в районе Маковского острога (современного с. Маковского).
7. Кемских вершин — на истоках Кеми.
8. Макуцкая — тоже на Кеми, вероятно, в районе Бельского острога (современного с. Бельского).
9. Ямышская — вероятно, расположенная в верховьях Кети (может быть, в районе современного с. Большая Кеть).

Основные родовые группы остяков Енисейского уезда XVII в. объединялись попарно в три более крупные группировки: сымско-касскую, кузнецко-кипанскую и натско-пумпокольскую [20].

Что касается этнической принадлежности остяков Енисейского уезда, то сымско-касские (дюгонь), натские и кузнецкие остяки несомненно говорили на диалектах кетского языка. Вероятно, на кетском языке говорили и пумпокольские остяки, судя по их словарю, приведенному Клапротом. Но уже в середине XIX в., как это показал Кастрен, они говорили носелькупски. Ассимиляция эта произошла во второй половине XVIII в. Большая часть остяков натско-пумпокольской волости в XIX в., впрочем, и по происхождению является селькупами, переселившимися сюда во второй половине XVIII в. из пределов б. Кетского уезда.

Расселение остяков этих групп нанесено на карту по следующим данным. О местожительстве сымско-касских остяков говорит и само их название, и ряд косвенных указаний в документах XVII в., и расселение их в первой половине XIX в. по данным Кастрена, А. П. Степанова, и расселение их в 1926—1927 гг. Мы не включаем только в их территорию верхнее и среднее течение р. Сыма, так как там, вероятно, охотились «закаменные остяки» Мангазейского уезда, а также нарымские и сургутские остя-

---

Осталось в Кадской 12 и в Пумпокольской 16 или 17 плательщиков ясака (ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, лл. 1162—1184).

[17] Там же, кн. 34, лл. 521—527.

[18] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 292.

[19] ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, л. 517.

[20] Около 1705 г. Натская волость и формально присоединилась к Пумпокольской, а остатки кузнецких остяков в 1735 г. входили в Сымско-Касскую волость.

ки. В Сургутском уезде, как известно, была тоже особая Сымская волость, осваивавшая, вероятно, верховья Сыма.

Пумпокольских остяков мы нанесли на карту, исходя из расселения натско-пумпокольских остяков в XIX в. и из того, что западной их границей была граница между Кетским (Лелькина волость) и Енисейским (Пумпокольская волость) уездами, в дальнейшем ставшая границей между Томской и Енисейской губерниями.

В 1629 г. в Пумпокольской волости жили остяки Кагат Сочуров и Мендел Колюпов. Сочур и Мендель — названия двух притоков Кети в этом районе. Это обстоятельство позволило уточнить границы расселения племени. Кстати, прозвище Сочуров в наиболее ранних документах от 1609 г. писалось Союров [21], что соответствует кетскому словосочетанию «со-ур» — «длинная вода» (река). Что касается самого названия Пумпокольская, то В. Н. Чернецов перевел его нам, исходя из данных хантыйского языка, как «луговые юрты». Очевидно, оно было усвоено русскими от хантов и вытеснило старое название этой волости Кунгопская.

Кузнецкие остяки жили по Енисею вниз и вверх от Енисейска. В 1620 г. Тымка Переоров, будущий глава Кузнецкой волости, послал в Енисейск русского промышленного человека с известием о скоплении тунгусов «с низу Енисея» [22], но в дальнейшем в ясачных книгах местоположение кузнецких остяков определяется «вверх по Енисею». Южная граница распространения остяков Енисейского уезда примерно соответствовала границе между Енисейским и Красноярским уездами. О расселении составных частей натских и кузнецких остяков смотри выше. Численность всех этих остяков показана в табл. 65. Исходя из обычного расчета, что на одного платившего ясак приходилось трое не плативших (женщины, дети, старики), можно принять, что в начале XVII в. было около 100 сымско-касских остяков. Пумпокольских остяков до 1631 г. было 150, а с 1631 г.— 70. Натских остяков до 1631 г. было 100, с 1631 г.— 60. Кузнецких остяков вместе с кипанскими в начале XVII в. было 100.

Во второй половине XVII в., судя по ясачным книгам, сымско-касских остяков было около 110 (27 плательщиков ясака), натских — около 40 (девять-десять плательщиков ясака), пумпокольских — 45 (11 плательщиков ясака). Кузнецких остяков было во второй половине XVII в. около 20 (четыре-пять плательщиков ясака). Таким образом, по данным ясачных книг, в Енисейском уезде во второй половине XVII в. остяков было всего около 215 (50—55 плательщиков ясака). Сведения об изменении числа ясачных остяков Енисейского уезда в середине и во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. приведены в табл. 66 (стр. 190).

Мы думаем, однако, что эти цифры неточны. Дело в том, что ясачные оклады для остяков Енисейского уезда были чрезвычайно велики. Енисейские остяки платили по 11 соболей ясачных и двенадцатому поминочному, иногда даже по 12 соболей и тринадцатому поминочному. К концу XVII в., когда количество соболей в лесах уменьшилось, добыть столько соболей на человека было совершенно невозможно. Поэтому, по-видимому, число плательщиков ясака в волостях было фиксировано независимо от действительного количества населения в волости.

Это предположение подтверждается данными шертоприводной книги 1689 г. В этом году (вследствие смерти царя Федора Алексеевича) были приведены к «шерти» (присяге) все плательщики ясака Енисейского уезда. Присягнувших остяков, за одним исключением (см. ниже), оказалось значительно больше, чем их числилось по ясачным книгам. Приводим данные шертоприводной книги.

---

[21] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 216.
[22] Там же, стр. 255.

Таблица 66

Численность ясачных остяков в Енисейском уезде с 1634 по 1710 г. [23]

Волость	Год										
	1634	1635	1639	1641	1642	1645	1647	1658	1664	1668	1669
Кузнецкая	12	12	10	10	10	9	9	11	9	6	7
Сымско-Касская	23	23	25	25	25	25	26	26	26	26	33
Натская (Кадская) . .	11	11	12	12	13	13	14	16	16	13	13
Пумпокольская	15	17	11	10	12	10	10	13	14	12	11
Всего	61	63	58	57	60	57	59	66	65	57	64

Волость	Год										
	1675	1680	1681	1683	1684	1685	1696	1699	1701	1702	1710
Кузнецкая	6	5	4	3	3	3	5	4	4	4	4
Сымско-Касская	23	27	27	24	22	22	27	27	27	27	27
Натская (Кадская) . .	11	10	10	10	9	9	7	7	7	7	7
Пумпокольская	11	11	11	11	11	11	10	9	9	9	9
Всего	51	53	52	48	45	45	49	47	47	47	47

В Марковом городище оказалось присягнувших остяков (судя по их именам — кузнецких) 11, из них ясак платили лишь трое. Все эти остяки были уже крещеные (это специально оговорено) и имели русские имена и отчества [24].

В Касовской волости присягнуло 15 чел., видимо трудоспособных мужчин и семь «подростков» «лет по 20 и по 15 ясака не плачивали»; в Сымской волости присягнуло 17 трудоспособных и 10 «подростков» «лет по 20 и больше».

В Натской волости присягнуло восемь взрослых и четыре подростка «лет по 15-ти». Наконец, в Пумпокольской волости присягнуло лишь два взрослых и два подростка. Остальных, видимо, не разыскали [25]. Сымско-касские и натско-пумпокольские остяки по большей части имели свои, нерусские, имена и отчества.

Таким образом, если для Пумпокольской волости взять данные ясачной книги, а для остальных данные шертоприводной книги, то окажется, что в 1683 г. трудоспособных мужчин и юношей остяков в Енисейском уезде было 83, а всего остяцкого (кетского) населения — около 330 чел., т. е. в полтора раза больше, чем указано в ясачных книгах.

[23] Данные для этой таблицы заимствованы из следующих книг фонда 214 ЦГАДА: 40 (л. 38), 127 (лл. 35—40), 144 (лл. 50—54), 154 (лл. 106—109), 271 (лл. 213—214), 233 (лл. 3—5), 338 (лл. 2—5), 384 (лл. 14—17), 481 (лл. 123—125), 527 (лл. 163—166), 528 (лл. 133—135), 612 (лл. 191—192), 692, 766 (лл. 201—203), 817 (лл. 182—184, (217—220), 973 (лл. 71—72), 1099 (лл. 2—8), 1229 (лл. 652—659), 1259 (лл. 145—148), 1345 (лл. 217—220).

[24] ЦГАДА, ф. 214, кн. 817, л. 225.

[25] Там же, л. 134 и далее.

Вышеприведенные данные шертоприводной книги 1683 г. подтверждаются и данными, содержащимися в ясачных книгах конца XVII в. по Енисейскому уезду.

Начиная с 1696 г. ясачные книги показывают у остяков Енисейского уезда, помимо условного количества плательщиков ясака, большое количество «подростков». Эти данные приведены в табл. 67.

Таблица 67

Численность ясачных остяков с «подростками» в Енисейском уезде в конце XVII и начале XVIII в. [26]

Волость	1696 г.		1699 г.		1701 г.		1702 г.		1710 г.	
	Плательщиков ясака	«Подростков»	Плательщиков ясака	«Подростков»	Плательщиков ясака	«Подростков»	Плательщиков ясака	«Подростков»	Плательщиков ясака	«Подростков»
Кузнецкая . . .	5	—	4	1	4	2	4	3	4	2
Сымско-касская .	27	23	27	32	27	37	27	37	27	49
Натская	7	9	7	10	7	10	7	10	7	10
Пумпокольская .	10	6	9	10	9	13	9	10 (?)	9	15
Итого	49	38	47	53	47	62	47	60	47	76

Кузнецкие остяки были не только крещены, но частью «поверстаны в службу». Поэтому и эти последние данные не отражают истинного количества кузнецких остяков, вероятно к этому времени уже полуобрусевших и бывших на одном положении с русскими крестьянами. Для них лучше принять данные шертоприводной книги и считать, что к концу XVII в. ясачных кузнецких остяков было примерно 10 (всего 40 чел. населения).

Сымско-касских остяков во второй половине XVII в. было 220 (из них 55 трудоспособных мужчин).

Ясачных натских остяков было во второй половине XVII в. 15 (всего 60 чел. населения), а пумпокольских — 20 (всего около 80 чел. населения). В общей сложности в Енисейском уезде во второй половине XVII в. было, вероятно, остяков около 100 трудоспособных мужчин (всего примерно 400 чел. населения), т. е. почти вдвое больше, чем по данным ясачных книг.

Питские и варгаганские тунгусы

Обе эти группы тунгусов систематически упоминаются в ясачных книгах Енисейского уезда в XVII в. с 1623 г.

Тунгусские князцы Кондел и Яндега со Средней Тунгуски, заплатившие ясак в 1623 г., были варгаганскими тунгусами. В продолжение всего XVII в. Питская и Варгаганская волости записывались в ясачных книгах отдельно. В XIX в. они фигурируют уже в качестве объединенной «Питско-ворогонской волости» во всех материалах, в том числе и в переписи 1897 г.

О численности питско-варгаганских тунгусов и о размерах платимого ими ясака дает представление табл. 68.

Питская группа была очень немногочисленна. До 1626 г. она насчитывала, вероятно, около 20 плательщиков ясака (всего 80 чел. населения).

---

[26] Сведения извлечены из тех же источников, из которых взяты данные для предыдущей таблицы.

Группа		Год										
		1623	1624	1625	1628	1629	1632	1633	1634	1635	1639	1641
Питские	Плательщиков ясака . . .	13	—	—	—	—	12	4	4	4	4	12
	Размер ясака (соболей) . .	80	60	74	121	115	103	40	40	40	40	40
Варгаганские	Плательщиков ясака . . .	—	—	—	—	—	14	—	—	—	11	—
	Размер ясака (соболей) . .	25	—	51	—	74	84	44	83	91	82	112

В 1683 г. «шертовало» вместе с подростками 10 питских тунгусов [36], но присягали, вероятно, не все питские тунгусы. Во второй половине XVII в. было тоже 20 ясачных питских тунгусов. В начале XVIII в. питских тунгусов было, очевидно, всего около 100 чел.

Местонахождение их ясачные книги указывают точно «на реке Пити», ясак с них собирать отправлялись «вниз по Енисею», т. е., по-видимому, в устье Пита. Иногда ясак с них собирали и привозили сымско-касские остяки [37]. Но в то же время эта группа обнаруживает и некоторое тяготение к низовьям Ангары. Там их во всяком случае встретил в 1626 г. атаман Васька Алексеев. Приходили питские тунгусы и непосредственно в г. Енисейск [38].

Варгаганские тунгусы жили севернее питских. Ясачная книга 1631 г. указывает в качестве их местожительства реки Кию и Тис [39], но они, вероятно, только выходили по этим рекам на Енисей, а не жили на них. Поздей Фирсов в 1623 г. объясачил их, поднявшись по Средней (Подкаменной) Тунгуске [40]. Этим путем Поздей Фирсов ходил к варгаганцам и в 1630 г. Очевидно, варгаганцы занимали и бассейн р. Вельмо. Только через бассейн Вельмо можно попасть со Средней Тунгуски на Кию и Тис. Варгаганские тунгусы являлись объектом притязания ясачных сборщиков Закаменного зимовья Мангазейского уезда, и иногда они или сами уходили платить ясак туда, или их уводили к себе мангазейские служилые люди [41]. Их же пытались объясачить на Подкаменной Тунгуске нарымские служилые люди в 1630—1631 гг. [42]. Все это позволяет считать местом жительства варгаганских тунгусов бассейны не только Тиса и Кии, но и р. Вельмо и часть побережья Средней Тунгуски выше устья Чуни. Поздей Фирсов шел до варгаганцев от Енисейска Енисеем и по Средней Тунгуске шесть недель и имел с ними бой, по-видимому, где-то повыше устья Чуни [43]. Варгаганские тунгусы были более многочисленны, чем питские, но число их в ясачных книгах подвергалось значительным колебаниям вследствие того, что они могли лавировать между ясачными сборщиками двух соседних уездов. Можно считать, что в Енисейском уезде всего насчитывалось их до 160 чел. (в том числе до 40 плательщиков ясака). Название «варгаган» выше, в главе XIII, мы объяснили как «баргиган» — «заречный житель».

---

[27] Таблица эта составлена по следующим материалам: за 1623—1625 гг.— ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, лл. 342—344; за 1628—1629 гг.— ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 31, 38; за остальные годы по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 34 (лл. 564—566), 40 (л. 39), 48 (л. 50), 127 (лл. 35—41), 144 (лл. 50—57), 154 (лл. 111—112), 233 (лл. 130—131), 271 (л. 28), 538 (лл. 6—7), 384 (л. 18), 481 (л. 127), 527 (лл. 230—231; см. также лл. 167—168), 528 (лл. 136—137), 612 (л. 193), 692, 768 (л. 203), 817 (лл. 185, 223—224), 973 (лл. 72—73), 1099 (л. 9), 1229 (лл. 661—662), 1259 (лл. 149—150), 1345 (лл. 221—222).

[28] В том числе 14 «подростков».

[29] В том числе 14 «подростков».

[30] В том числе 15 «подростков».

[31] В том числе 23 «подростка» и «новокрещенных».

Таблица 68

в Питской и Варгаганской волостях[27]

1642	1645	1648	1658	1664	1668	1669	1675	1680	1681	1683	1684	1685	1696	1699	1701	1702	1710
—	—	—	—	—	—	9	—	—	—	6	—	—	20[28]	18[29]	19[30]	19[30]	27[31]
50	55	56	56	65	59	62	63	70	70	64	64	64	58	36	36	36	36
—	—	—	—	—	—	22	—	—	—	—	—	—	41[32]	40[33]	44[34]	44[34]	52[35]
112	84	65	65	75	116	117	152	145	161	161	164	166	197	160	184	184	184

В течение всего XVII в. питские и варгаганские тунгусы, несмотря на свое соседство, не смешивались, не сливались друг с другом. Питские тунгусы обнаруживают, как мы указали, тяготение, вероятнее всего, к тунгусам низовьев Ангары, а варгаганские — к тунгусам Подкаменной Тунгуски.

Потомками варгаганских тунгусов можно считать современный род Кему. В описании племен Мангазейского уезда XVII в. мы указываем, что хомыли (Кему) Чунского зимовья Мангазейского уезда часто платили ясак в Закаменном зимовье. Это обстоятельство казалось странным, если принять во внимание, что для перехода из района Чунского зимовья в Закаменное им приходилось проходить через территорию чужого племени варгаганцев, но совершенно понятно, если считать, что хомыли Мангазейского уезда и варгаганцы Енисейского уезда составляли одно племя, часть которого попала в Мангазейский уезд, а большая часть — в Енисейский. Они действительно по своему территориальному положению должны были тяготеть к Закаменному зимовью. Вероятно, Кему (варгаганцы) и питские тунгусы представляли остатки древнего населения Подкаменной Тунгуски и низовьев Ангары, которое к приходу русских было уже отунгушено и оттеснено тунгусами к самому берегу Енисея. После прихода русских в начале XVIII в. часть питских и варгаганских тунгусов перешла на левый берег Енисея, где с группой выходцев из Приангарья (род Кима) образовала новую, Милицкую (Мелецкую?) волость. Сами тунгусы называли её хойгор («болотные»). Оставшиеся на правобережье Енисея питские и варгаганские тунгусы слились в одну волость питско-ворогонских эвенков, в которую постепенно просочились отдельные группы эвенков с Подкаменной Тунгуски и Ангары, образовавшие в ней ряд новых родов. В начале XIX в. на левый берег Енисея ушла еще часть питско-варгаганских тунгусов, образовавшая там роды Кильтыно и Турумби, официально продолжавшие числиться в Питско-ворогонской управе, которая на правом берегу Енисея оказалась теперь составленной главным образом из потомков вышеупомянутых выходцев из соседних племен. Что касается Кему, входивших в XVII в. в Мангазейский уезд, то потомками их являются кемукагиры на Нижней Тунгуске и на оз. Хантайка (Путор-амо).

[32] В том числе 12 «подростков».
[33] В том числе 13 «подростков».
[34] В том числе 17 «подростков».
[35] В том числе 25 «подростков» и «новокрещенных».
[36] ЦГАДА, ф. 214, кн. 817.
[37] Там же, кн. 338, л. 8.
[38] Там же, стр. 12, лл. 16—21.
[39] Там же, кн. 34, лл. 525—527.
[40] Там же, ст. 12, лл. 156—157, 159, 160, 339.
[41] Там же, кн. 154, лл. 112—113.
[42] Там же, ст. 12, лл. 156—158.
[43] Там же, л. 339.

Таблица 69

Сбор ясака в соболях с тунгусов Приангарья в Енисейском уезде с 1628 по 1693 г.[44]

Группа	Год																			
	1628	1629	1632	1633	1634	1635	1639	1642	1645	1647	1658	1666	1668	1669	1675	1680	1683	1684	1685	1693
Рыбенские (с асанами)	491	574	465	621	629	637	730	726	733	872	925	879	721	803	801	790	800	616	437	216
Чадобские	226	515	861	698	848	1047	1081	1129	1176	1203	1382	1618	1652	1894	2156	2167	2096	1296	837	335

[44] Таблица составлена по материалам ААН СССР, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 33—34, 38—39 и следующим книгам фонда 214 ЦГАДА:34 (лл.567—569), 40 (лл. 39—40), 48 (лл. 50—52), 61 (лл. 54—55), 271 (лл. 216—217,) 127 (лл. 41 и др.), 150 (лл. 127—128), 154 (лл. 113—114), 181 (лл. 127—129), 239 (лл.7—8), 271 (лл. 216—217), 316 (лл. 18—20), 338 (лл.9—10), 527 (лл. 168—170), 528 (лл. 137—138), 612 (лл. 193—194), 692, 768 (лл. 203—204), 817 (лл. 186—188, 224—232), 1064 (лл. 8—11).

Таблица 70

Численность ясачных приангарских тунгусов и сбор ясака с них в конце XVII и начале XVIII в.[45]

Волость	1696 г.			1699 г.			1701 г.			1702 г.			1710 г.			1735 г.
	Плательщиков ясака	Ясак в соболях		Плательщиков ясака	Ясак в соболях		Плательщиков ясака	Ясак в соболях		Плательщиков ясака	Ясак в соболях		Плательщиков ясака	Ясак в соболях		Плательщиков ясака
		оклад	сбор		оклад	сбор		оклад	сбор		оклад	сбор		оклад	сбор	
Рыбенская	31	284	183	37	292	136	38	292	119	34	292	121	34	292	128	10
«По Тасеевой, Усолке и Оне рекам»	55	340	205	51	336	172	48	336	139	50	336	133	44	336	158	41
Чунская	85	623	359	87	611	333	85	611	263	92	611	196	78	611	312	60
Чадобская	48	332	230	49	336	164	49	336	115	51	336	133	43	336	157	35
Катская	66	396	295	64	396	244	59	396	189	63	396	214	54	396	196	20
Мурская	43	256	184	46	252	126	50	259	95	45	252	85	41	252	162	38
Ковинская	32	224	180	36	224	94	31	224	72	37	204	83	30	224	104	15

[45] Таблица составлена по материалам ЦГАДА, ф. 214: кн. 973, лл. 75, 84; кн. 1090, лл. 12—22; кн. 1229, лл. 664—676; кн. 1259, лл. 150—154; кн. 1345, лл. 223—231; ф. 199, № 526, лл. 202, 203.

Тунгусы Приангарья (так называемые рыбинские и чадобские волости)

До 1696 г., как известно, тунгусы Приангарья объединялись в ясачных книгах только в две большие группы — рыбинские и чадобские волости (см. выше). Кроме того, до 1693 г. приангарские тунгусы считались неокладными и в ясачных книгах имеются данные только о количестве собранной с них пушнины (соболей), но не о числе плательщиков ясака. Лишь за 1631 и 1669 гг. в так называемых «переписных книгах» и в шертоприводной книге 1683 г.[46] имеются списки тунгусов Приангарья с рядом их родоплеменных и территориальных названий. Отдельные родоплеменные и территориальные названия тунгусов Приангарья XVII в. встречаются и в других документах. Собственные имена в таких документах позволяют увязывать территориальные группы с родоплеменными и наоборот.

В таблицах 69 и 70 приведены имеющиеся у нас сведения об уплате ясака, численности, родовых и территориальных группах тунгусов Приангарья.

Самых ранних данных о сборе ясака с приангарских тунгусов (они начали платить ясак в 1621 г.), мы приводить не будем, они слишком отрывочны, а начнем с 1628 г., когда эти тунгусы стали платить ясак более или менее регулярно.

С 1696 г. устанавливаются те волости тунгусов Приангарья, которые не изменяют своих названий вплоть до 1824 г.

Наиболее ранними сводными данными о родоплеменных названиях приангарских тунгусов и об их распределении по территории являются данные 1630 г., содержащиеся в коллективной челобитной сотника Петра Бекетова, атамана Максима Перфильева и других енисейских служилых людей[47]. В этой челобитной перечисляются заслуги енисейских служилых людей по приисканию «новых землиц». Эти «землицы» характеризуются таким образом.

Таблица 71

Численность ясачных тунгусов Приангарья по родам в 1631 г.[48]

Группа	«Лутчей человек»	Плательщиков ясака	Оклад (в соболях)
Платившие ясак в Рыбном острожке			
Волость Лапагирская	Иркиней Чакотеев	25	8—9
Волость Мендизикурская	Мукотей	16	8—9
Волость Кайваганская	Болкей Келов	22	8
Жившие вверх по Тунгуске (Ангаре)			
«В Чадопче реке»	Тюлкиней	62[49]	3—4
«На Аплинском пороге»	Болтурин	41	4
«На Мурском пороге, ичеренцы»	Готал Мултин	12	4
«По Карабуле реке, лапагирские»	Мадуга Бурулчин	31	4

[46] Там же, кн. 34, лл. 527, 847. Эти данные, сведенные в таблицы, нами приводятся ниже.

[47] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, лл. 452—453.

[48] Там же, кн. 34, лл. 526—541.

[49] Пять чадобских тунгусов повторены среди лапагирских на Карабуле. С ними получается «в Чадопче» 67 плательщиков ясака.

«...Вверх по Тунгуске реке на Рыбной ловле лапагирских тунгусов князца Иркинея да Болкея с товарищи;

... да вверх по верхней же Тунгуске... тунгусских людей топорков в Муре и Чадобче реке князца Мамыгу и Мулту с товарищи;

...да вверх же по Тунгуске реке Кове и на Аплинском пороге тунгусских же людей чипог... цев князца Бултурина с товарищи».

Далее в челобитной называются шаманские тунгусы в бассейне р. Каты и другие группы тунгусов, в дальнейшем вошедшие в состав Илимского уезда или же причисленные к Братскому острогу (см. ниже).

Данные переписи 1631 г. о тунгусах Приангарья сведены в табл. 71.

Данные переписи 1669 г. о приангарских тунгусах приведены в табл. 72.

В табл. 73 приведены группировки приангарских тунгусов по шертоприводной книге 1683 г.

Таблица 72

Численность ясачных тунгусов Приангарья по волостям в 1669 г.[50]

Волость	«Лутчей человек»	Плательщиков ясака	Оклад (соболей)
Рыбенская	Наунча	36	248
Чадобская	Кученей	50	271
Мурская	Шибарча	21	118
Каменская	Оелго	26	150
Ковинская	Онокта	40	237
Чунская	Дикоуль	101	534
Пинчужская	Дижинца	19	133
Катцкая	Петрушка	72	345
Тасеевская	Гулзуга	25	182
Асанская	Микитка	31	155

Таким образом, для собственно Приангарья, ниже шаманских тунгусов Илимского уезда (не считая тунгусов, живших по р. Тасеевой с Чуной и Оной), по материалам XVII в. выявляются следующие основные родоплеменные названия: лапагирские (лапальские) и кайваганские — для тунгусов, плативших ясак на Рыбной, и топорки, ятоянцы (зятоягиры), ичерильцы, чипогиры и мендизинкуры — для чадобских волостей, в которые входила также «Аплинская землица». В одном случае в 1683 г. среди рыбинских тунгусов упоминаются Нанадунский род («топораки они ж») и «Недединский род».

В первой половине XVII в. среди рыбинских тунгусов упоминаются также мендизинкурские тунгусы и асаны. Мендизинкурские тунгусы, как мы увидим, представляют тех же «недединских» тунгусов второй половины XVII в., и они вместе с асанами жили в бассейне Тасеевой с Чуной (Оной).

В переписной книге 1669 г. впервые появляются в Енисейском уезде среди тунгусов Приангарья территориальные названия волостей, часть которых сохранилась до 1917 г. С 1696 г. эти волости, как известно, становятся единицами, в которые группируются приангарские тунгусы и в ясачных книгах; правда, список их по сравнению с 1669 г. несколько сокращается в результате присоединения некоторых более мелких волостей к более крупным.

[50] ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 232—243.

Таблица 73

Роды приангарских тунгусов по шертоприводной книге 1683 г.[51]

Группа	«Лутчей человек»	Присягнуло людей мужского пола
Рыбенские волости		
Коюнгольский род	Науяца Болкеев	12
Немединский род	Левасий Селевкиев	9
Лапагирский род	Гулига Богдоконов	8
«Нападунского роду, топораки они ж»	Улгога Бемченчин	17
По р. Каменке	Ургуней Соболков	11
По р. Пинчуге	Умиго Гулигин	28
По р. Иркинеевой	Чичин Пурпогин	13
По р. Муре	Таланги Чавидов	57
Чадобские волости		
Река Чадобча, Зятоягинской род	Шудунча Дубчикин	68
«По Кове реке... Ичеривского роду»	Докого Четырев	61
«По Кежме реке Ичерилиного роду»	Малтуща Каунчин	18
«По Кате реке... Чипугирского роду»	Улчига Бонкин	39
Волости по Тасеевой и Чуне		
«Вверх по Тасеевой реке и по Усолке ясачные ж люди асаны, род Таналчин»	Белчак Тебяноков	10
«По реке по Оне тунгусы»	Синаян Исеев	22
«По Тасеевой реке тунгусы род Легор»	Михам Неулев	7
Тунгусы Таналчина[52] рода	Аюмны Тыпугин	6
Тунгусы Ичерилского рода	Теулча Мочегин	9
«По реке по Чуне»		
Топоркильский род	Тукшанча Маминчин	22
Ичерильский род	Шумтаней Юзюгов	6
Недединский род	Дикоуль Зидоулев (Чипкан)	17

Сопоставляя личные имена тунгусов из списков 1683, 1669, 1696 гг. и последующих, можно установить следующее:

Лапогирские и кайваганские тунгусы образовали волость Рыбенскую; топорки — Мурскую; ятоянцы с частью топорков — Чадобскую; ичерильцы — Ковинскую; чипогирцы с частью ичерильцев — Катскую; мендизинкуры с частью топорков — Чунскую.

Данные первой половины XVII в. позволяют наметить несколько более крупных, чем вышеприведенные волости, племенных единиц.

Из истории завоевания русскими Приангарья известен князь чипогирцев Болтурин.

Насколько известно, впервые Болтурин и чипогирские тунгусы на Ангаре упоминаются в челобитной Максима Перфильева, который сообщает, что в 1627 г. он снова объясачил Болтурина и его людей, которые перед

[51] Там же, кн. 817, лл. 88—103.
[52] В подлиннике Таналгин, но это, видимо, описка.

этим убили служилого человека Левку Турченинова и толмача Куземку Семенова [53].

В Ясачной книге 1630 г. [54] имеется такая запись: «...на Аплинском пороге с Ковы и с Каты реки с чипогурцев князя Болтурина и с людей его взято... 3 сорока 21 соболь». Здесь и Ката (т. е. Катская волость, главным образом, чипогиры, но также и часть ичерильцев) и Кова (район обитания ичерильцев) выступают как нечто единое, с одним названием, с одним главой.

С 1630 до 1684 г. Болтурин упоминается в ясачных книгах в числе князцов чадобских волостей. При этом в чадобских волостях все время фигурируют только два князя: сначала Тюлкиней и Болтурин, а с 1664 г. Болтурин и Таланей. Как увидим ниже, чадобские волости по Ангаре (Чадобская, Мурская, Ковинская и Катская), не считая Чунской волости на Чуне, распределялись между двумя группировками тунгусов. Главой одной из них и был, видимо, Болтурин.

В переписной книге плательщиков ясака Енисейского уезда 1631 г. Болтурин стоит на первом месте в списке тунгусов Аплинского порога. В списке плательщиков ясака Катской волости 1669 г. его уже нет. Нет его и в шертоприводной книге 1683 г., в списке, озаглавленном «по Кате реке тунгусы Чипугирского роду», хотя в ясачной книге он, по-видимому, в силу приказной рутины, упомянут даже в 1684 г.

Традиция, по которой ковинские и катские волости рассматривались в качестве одной племенной единицы, сохранилась вплоть до 1824 г., когда енисейский губернатор А. П. Степанов решил восстановить «древние» племенные названия волостей вместо русских территориальных. Ковинская волость была переименована в Лапогирскую 1-ю, а Катская — в Лапогирскую 2-ю управу [55]. Таким образом, обе эти волости рассматривались как части одного древнего племени.

Но вместо названия Чипогирская (может быть, Чапагирская) Ковинской и Катской волостям было присвоено Степановым название Лапогирских. Это название, как мы знаем, в XVII в. принадлежало другим, более западным приангарским тунгусам.

В данном случае важен, однако, тот факт, что обе волости получили одинаковые названия, а не само это название.

Для группировки, возглавлявшейся в XVII в. Болтуриным, имеется два названия: Чипогирский род (чипогиры, чипогурцы и т. д.) и Ичерильский, Ичеривский род (ичеренцы и т. д.). Хотя выше мы видели, что название чипогирцы как будто встречается чаще, можно все же предполагать, что основным названием этого племени было ичериль, а название «чипогир» было названием одного из родов этого племени, видимо, самого главного, к которому принадлежал и сам Болтурин. Такие случаи, когда название одного из родов племени превращается в общеплеменное, встречаются нередко. Например, в XIX в. племя куркогиров бассейна Подкаменной Тунгуски называлось так по главному, хотя и не самому большому роду этого племени. Старое название племени куркогиров было чапагир. Племя шилягир в XVII в. называлось в русских документах также «маугир» и «сычуги» по названиям отдельных родов этого племени.

Старый эвенк П. Ф. Куваченок в поселке Байкит в 1939 г. нам говорил «о Черелином» (т. е. Ичерильском) роде как о старом названии эвенков, живших в Приангарье в районе Кова-Ката. Мы знаем также, что ичериль-

[53] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 87.
[54] ЦГАДА, ф. 214, кн. 22, л. 489 об.
[55] Иркутский областной архив, ф. Главного управления Восточной Сибири, д. 405 («О приведении в исполнение Устава о инородцах», «Представление о замешательствах находящихся в составе бродячих инородцев и приведение его в ясность», от 4 сентября 1824 г., № 215).

цы были гораздо многочисленнее собственно чипогиров. В шертоприводной книге 1683 г. фигурируют четыре группы Ичерильского (Ичеривского) «рода», а именно: жившие по Кове (61 чел.), по Кежме (18 чел.), в Тасеевой (девять человек) и по Чюне (шесть человек). Таким образом, более или менее трудоспособных мужчин в 1683 г. было 94, а численность всего населения достигала, вероятно, 370 чел. В то же время у «чипугирцев» в 1683 г. было только 39 трудоспособных мужчин (всего около 160 чел. населения). Всего ичерильцев было, следовательно, около 530 чел. Правда, ичерильцы с Тасеевы и Чуны уже в 1669 г. входили в другие волости (не в Ковинскую и Катскую), но само такое широкое распространение тунгусов, носящих одно родоплеменное название, свидетельствует о том, что это, вероятнее всего, племя, отдельные роды которого вошли в различные территориальные группы. Наоборот, все чипогирцы были сосредоточены по р. Кате и на Ангаре близ устья Каты, т. е. здесь выступает действительно, очевидно, род, а не племя. По-видимому, группировка ичерильцев соответствовала «Аплинской землице» документов XVII в.

Название ичерильцы несомненно происходит от тунгусского «ичэри», «ичэри-ми», что значит «шаманить, вещать, ворожить», «ичэри-мни» — «шаман, вещатель, колдун, кудесник» [56]. Следовательно, «Исчерилиный род» значит «Шаманский род», «шаманское племя», «шаманцы». На прилагаемой к настоящей работе карте видно, что «ичеренцы» (ичерильцы) Приангарья соседили с племенем Илимского уезда, хорошо известным нашей исторической литературе под именем шамагиров, или «шаманской волости», или «шаманских людей».

По-видимому, ичерильцы и шаманцы представляли одно тунгусское племя. Основным его названием было ичериль (шаманцы). Но в Енисейском уезде оно было известно под этим названием без перевода, а в Илимском — под тем же названием, но переведенным, ставшим уже общеупотребительным в русском языке, словом шаманцы.

Потомками ичерильцев, как мы знаем, были ковинские и катские тунгусы, переименованные в 1824 г. в 1 и 2-ю Лапогирские управы. К переписи 1897 г. они, по утверждению Патканова, вымерли. Это не совсем верно. Потомками ковинских тунгусов являются существующие и сейчас колангирские эвенки (87 чел. в 1926—1927 гг.), состоящие из родов Тонкуль, Кучаль и Оедаль, а потомками катских тунгусов — большой (136 чел.) род Лопоколь в племени куркогиров (чапагиров). По словам эвенков, в начале XIX в. с р. Парты (левый приток Ангары, между Ковой и Катой, недалеко от с. Кежма) переселилась в бассейн Подкаменной Тунгуски «бабушка Лопик» с двумя сыновьями, от которых и произошли тунгусы рода Лопоколь. Кроме того, много ичерильцев с XVII в. вошло в племя чемдаль.

Нанесены на карту ичерильцы вместе с чипогирами по следующим данным. Местожительством чипогиров, согласно неоднократным указаниям материалов XVII в., была р. Кова. Верховья ее называются Поливой, или Оливой, там кочевали уже илимские шамагиры [57]. Спафарий, проезжая мимо устья Каты, отметил, что против нее лежит остров, получивший свое название от тунгуса Гургогты [58] («бородатого»). В списке тунгусов Болтурина 1631 г. есть Гургота [59], в списке тунгусов Катской волости 1669 г.— Горгокта [60]. Как указывалось выше, согласно шертоприводной книге

---

[56] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1940, стр. 61.
[57] ДАИ, т. II, стр. 244.
[58] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. СПб., 1882, стр. 99.
[59] ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, л. 537.
[60] Там же, кн. 527, л. 241.

1683 г., ичерильцы жили по Кове и Кежме [61], а по челобитной енисейских служилых людей 1630 г. «чипог... цы» Болтурина жили и на Кове и Аплинском пороге [62]. Мы не включаем весь бассейн Ковы в территорию ичерильцев, так как в ее верховьях промышляли, видимо, чунские тунгусы.

Другой племенной группой тунгусов Прингарья можно считать тунгусов, образовавших к концу XVII в. волости Рыбинскую, Чадобскую и Мурскую. В вышеупомянутой челобитной Енисейских служилых людей 1630 г. фигурируют лапагирские тунгусы с Рыбной ловли во главе с князцами Иркинеем и Болкеем и тунгусские люди топорки с Муры и Чадобца, возглавляемые князцами Мамыгой и Мултой. Иркиней Чекотеев в качестве главы рыбинских тунгусов по трафарету упоминается в ясачных книгах вплоть до 1685 г. Болкея Келова, видимо, в 50-х годах сменяет Наунца Болкеев, который упоминается до 1685 г. До 1664 г. упоминается среди рыбинских тунгусов князец Сергут Сергитов, а после него до 1676 г.— Ыргага.

Но в списке чадобских тунгусов с 1631 г. в ясачных книгах стоит на первом месте Тюлкиней, а не Мамыга и Мулта. Он же упоминается в ясачных книгах 1628 и 1629 гг.: «С Аплинской землицы с Чадобчи реки с Тюлкинея да с Мендизикура с товарищи» [63] (о Мендизинкуре см. ниже). Мулта был, видимо, очень стар и ясак не платил, но в списке чадобских тунгусов 1631 г., возглавляемых Тюлкинеем (см. выше), к именам трех тунгусов этой ясачной книге в список ичеренцев, хотя трое сыновей одного из этих приписано: «Мултины дети». Кроме того, два сына Мулты попали в сыновей Мулты Голтона, или Готана, т. е. внуки Мулты, тоже числятся в списке тунгусов Тюлкинея. В списке чадобских тунгусов 1631 г. есть также «Моммока Тоянец», т. е. Мамыга-ятоянец. К именам трех из тунгусов Тюлкинея списка 1631 г. имеется приписка «топорки», или «топорок», к четырем — «ятоянец» или «тоянец», к двум — «ичеренец». Приписки в этой переписной книге имеются и к тунгусам Болтурина (см. выше) — к трем приписано «ичеренцы», к одному — «чипагурец», к одному — «топорок».

При сличении собственных имен оказалось возможным установить соответствие между всеми группами рыбенских и чадобских тунгусов, зарегистрированных в 1631 г. (см. табл. 71), в 1669 г. (см. табл. 72), в 1683 г. (см. табл. 73) и волостями 1696—1735 гг. (см. табл. 70).

Надо лишь иметь в виду, что в 1683 г. на Ангаре среди тунгусов с Пинчуги, с Муры и среди тунгусов «Зятоягинского» рода в устье Чадобца присягнуло около 55 чунских тунгусов, которых мы соответственно вычли из числа присягнувших в этих местах. Чунские тунгусы, видимо, часто выходили на Ангару к Чадобцу. Поэтому в 1628—1629 гг. князь Мендизикур и оказался среди чадобских тунгусов (см. выше).

В табл. 74 приводится соответствие составных элементов разных группировок рыбенских и чадобских тунгусов с 1631 по 1735 г. Цифры в этой таблице показывают число плательщиков ясака или (за 1683 г.) число присягнувших мужчин.

Максимум в 159 чел. в 1683 г. объясняется тем, что здесь приведены данные не ясачной или переписной книги, а шертоприводной. Присягали же не только платившие ясак, но и старики, за дряхлостью «от ясаку оставленные», и подростки, еще «в ясак не приверстанные».

---

[61] ЦГАДА, ф. 214, кн. 817, лл. 96—99.

[62] Там же, ст. 12, л. 452.

[63] В ясачных книгах 1628—1629 гг. аплинцами названы тунгусы Тюлкинея, т. е. чадобские, но это явная ошибка, так как Чадобец находился значительно западнее Аплинского порога, около которого жили ичерильцы. В переписной книге 1631 г. на Аплинском пороге указаны именно тунгусы Болтурина.

Таблица 74

Соответствие составных элементов рыбинских и чадобских тунгусов

1631 г.		1669 г.		1683 г.		1696 г.		1735 г.	
Родовая или территориальная группировка	Число плательщиков ясака	Родовая или территориальная группировка	Число плательщиков ясака	Родовая или территориальная группировка	Число присягнувших	Родовая или территориальная группировка	Число плательщиков ясака	Родовая или территориальная группировка	Число плательщиков ясака
Лапагиры	25	Рыбенские	36	Лапогиры	8				
Кайваганы	22	Каменские	23	Нанадунские	17	Рыбенские	31	Рыбенские	10
				Коюнгольские	12				
				Каменские	11				
				Иркинеевские	13				
Итого	47		59		61		31		10
Чадобские	62	Чадобские	50	Чадобские, Зятоягинский род	53	Чадобские	48	Чадобские	35
Итого	62		50		53		48		35
Лапагиры с Карабулы	31	Мурские	21	Мурские	27	Мурские	43	Мурские	38
		Пинчугские	19	Пинчугские	18				
Итого	31		40		45		43		38
Всего	140		149		159		122		83

Сокращение численности рыбинских тунгусов после 1683 г. тем не менее несомненно. Часть их вошла в соседние Чадобскую и Чунскую волости.

В 1767 г. в ясачной книге Енисейского уезда имеются такие формулы:

«Чунской и к ней присоединенной Рыбенской»,

«Чадобской и к ней присоединенных Иркинеевского да Каменского улусов» [64].

По этнографическим данным Г. М. Василевич, наиболее раннее переселение тунгусов на левобережье Енисея, именно рода Кима, произошло из Приангарья, судя по родословным, 200 лет назад, т. е. около 1720—1730 гг., а рода Чэмба — 130 лет назад, т. е. в конце XVIII в. [65]. Но, возможно, что часть рыбенских тунгусов перешла на левобережье Енисея уже в 1690—1720 гг. Левобережная тунгусская Милицкая волость существовала во всяком случае уже в 1734 г. Таким образом, уменьшение численности ангарских тунгусов в начале XVIII в. следует объяснить выселением части их на левобережье Енисея.

К началу XIX в. из рыбенских волостей остались только две — Чадобская береговая, расположенная главным образом к северу от Ангары и на

[64] ЦГАДА, ф. Гос. архив, № 24, л. 194.

[65] Г. М. Василевич. Сымские тунгусы. «Советский Север». 1931, № 2, стр. 134.

юг от нее, и Мурская — к югу от Ангары. Рыбенская волость к этому времени исчезла. А. П. Степанов в 1824 г. переименовал Чадобскую береговую волость «сообразно действительным первобытным родам, а не испорченным, или оставшимися от сугланов, которых или давно уже не существует, или при нынешнем положении изменены», в Ятаельскую (ср. Ятоянцы 1631 г. и Зятоягинский род 1683 г.), а Мурскую — в Нанадальскую (ср. Нанадунский род 1631 г.).

Обе эти группировки сохранились к 1926—1927 гг. Ятаельских («Ятоульских») эвенков в 1926 г. было 205. Состояли они из следующих родов: Ятояль (47 чел.). Тэпурэколь (52 чел., ср. топорки), Бульдагир (7 чел.), Кироктоль (19 чел.), Тукаль (19 чел.), Суликаль (11 чел.), Куричэль (17 чел.), Кималь (10 чел.), Хорболь (10 чел.) и Чандадуль (13 чел.). Большая часть рода Хорболь (167 чел.) была в 1926 г. сосредоточена в племени кургогиров (чапагиров), род Чандадуль (127 чел.) — в племени Чемдаль, род Кималь — на левом берегу Енисея, но остальные шесть родов существовали только в этой группе эвенков.

В группу Нанадаль в 1926—1927 гг. входили роды Лопукор (26 чел.), Тумпыяр (10 чел.) и Багдалиль (14 чел.), т. е. всего 50 чел.

Потомками лапагиров Рыбенской волости XVII в. можно считать также род Лопаль (27 чел.) и его ответвление Кочониль (82 чел.) в племени чапагиров. Если не считать среди ятаельских эвенков рода Чандауль, переход предка которых от чемдалей к ятоялям произошел в середине XIX в., то окажется, что 52% ятаельских эвенков принадлежит к родам Ятояль и Тэпурэкэль, известных нам среди чадобских и мурских тунгусов в XVII в. При этом надо заметить, что современная группировка ятояль самими тунгусами считается вышедшей не с Чадобца, а с Муры. 52% современных нанадальских эвенков принадлежало также к роду Лопукор, в которых нетрудно узнать знакомых нам с XVII в. лапагиров. В 1926—1927 гг. нанадальские эвенки жили между верховьями Муры и р. Чуной, к юго-востоку от истоков р. Карабулы, но местом своего коренного прежнего местожительства они считали р. Муру.

Теперь следует решить вопрос, можно ли считать рыбенских, чадобских и мурских тунгусов XVII в. одним племенем. И если все эти тунгусы представляли одно племя, то каково было его общеплеменное название.

По-видимому, основным племенным названием всей этой группы тунгусов было топорки. Главными родами топорков были Лапагир и Ятоягир (Ятояль). К Лапогирскому роду, в частности, принадлежали известные вожди тунгусов Приангарья в XVII в. Тасей и Иркиней, чьи имена до сих пор носят два притока Ангары. Что касается названий «нанадунской» («нанадальские») и «кайваганские» («коюнголские»), то это были территориальные названия некоторых групп тех же топорков — лапогиров. В дальнейшем мы будем всю эту группу тунгусов, образовавших Рыбинскую, Чадобскую и Мурскую волости, называть также нижнеангарскими тунгусами.

Территория этого объединения тунгусов определяется названиями его территориальных групп. Только верховья Муры осваивали без сомнения чунские тунгусы. Среднее течение Карабулы и верховья Манзи (приток Ангары слева между устьями Каменки и Иркинеевой) входят в зону асанской (коттской) топонимики и, видимо, в начале XVII в. были заняты асанами. Даже в конце XVII в. нижнеангарские тунгусы претендовали главным образом на местности к северу от Ангары (по Каменке, Иркинеевой, Чадобцу) [66].

---

[66] ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, лл. 95, 97, 98.

Из этих же материалов выявляется, что известный нам глава кайваганских (коюнгольских) тунгусов Наунча Бунтеев (Болкеев) и два его сородича летом жили у Оладьиной шиверы на Ангаре, т. е. в 40—50 км ниже устья Каменки.

Хайваган по-тунгусски дословно значит «шиверы житель». Возможно, что название кайваганских эти тунгусы получили потому, что обитали летом в районе шивер Оладьиной и Шунтарской, ниже устья Каменки.

Суглан ятаельских тунгусов в 1835 г. был в деревне Манзя на Ангаре, в районе, где в XVII в. кочевали рыбенские тунгусы.

Численность нижнеангарских ясачных тунгусов в Енисейском уезде можно определить для середины XVII в. в 159 чел. (не считая топорков Мангазейского уезда и Чунской волости) (всего около 640 чел. населения).

Третьей группировкой приангарских тунгусов XVII в. были мендежельцы (как их назвал А. П. Степанов в 1824 г.), или мендизинкуры, или «Немединский род» (под такими названиями они фигурируют в XVII в.), жившие, собственно говоря, не в самом Приангарье, а по р. Чуне и в верховьях Муры. По-видимому, это тоже часть известных нам топорков.

Чунская волость была крупным образованием, насчитывавшим, вероятно, не менее 400 чел. Если взять данные 1683 г. и выписать составные части Чунской волости, то получится следующая картина:

Состав Чунской волости в 1683 г.

	Число плательщиков ясака
«Немединский» род у Рыбного острога	9
«Недединский» род на Чуне	17
Топорокильской род на Чуне	22
Чунские тунгусы, платившие на Муре	30
Чунские тунгусы, платившие на Пинчуге . .	10
Чунские тунгусы, платившие на Чадобце . . .	15
Всего . . .	103

Глава Чунской волости 1669 г. Дикоуль в 1683 г. стоял на первом месте в списке «Немединского рода на Чуне» («Дикоуль, Зидаулев, Чипкан он же»). Сыновья его Енига, Дунига и Унига Чипкановы в 1686 г. были на Ангаре в компании нескольких чадобских тунгусов, т. е. вероятно, где-нибудь в устье Чадобца или Муры [67]. Таким образом, выход чунских тунгусов на Ангару в район устья Чадобца был обычным явлением.

Название Мендизинкур является собственным именем [68] главы этой группы тунгусов, перенесенным на всю волость. Оно появляется в ясачных книгах Енисейского уезда в 1629 г.

С 1631 по 1642 г. Мендизинкурская волость упоминается во всех ясачных книгах по Рыбенскому острогу.

Названия «Немединский», «Недединский», как показывает сопоставление имен, представляют позднейшую плохую транскрипцию названия «Мендизинкурский».

Расселение чунских тунгусов вниз по Чуне определяется пределами распространения по этой реке тунгусской топонимики. Вниз по Чуне она кончается в районе с. Петропавловского (центра чунских или мендежельских тунгусов в начале XIX в., где они собирались на суглан). Вверх по

[67] ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, л. 93.
[68] АЛН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 39.

Чуне граница мендизинкуров проходила у деревень Костиной и Баер. Выше Костиной в Чуну (называющуюся здесь Удой) впадает р. Тангуй, по которой жили уже плательщики ясака Нижнеудинского острога Красноярского уезда. В 1832 г. чунские тунгусы перешли на оседлость и приписались в крестьяне в деревнях Бедобской, Тахтамай, Выдриной, Кадарея, Хая, Кежет на Чуне (всего 30 дворов, 146 чел. обоего пола), Коноваловой, Надуй, Червянке, Бидея в верховьях Муры (всего 11 дворов, 97 чел. обоего пола) и Гаврильской в верховьях Карабулы (два двора, девять человек). Деревня Хая, Кадарея, Гаврильская (всего 10 дворов, 59 чел.) находятся в районе коттской (асанской) топонимики (названия рек с окончанием на «чет», «шет» и «жет»), и поселение здесь чунских тунгусов является, видимо, результатом вытеснения и ассимиляции асанов. Местоположение дер. Кежет (четыре двора, 14 чел. обоего пола) нам точно неизвестно. Расположение остальных деревень с учетом их землепользования и положено в основу нанесенной на карту территории этих тунгусов. В конце XVII и в начале XVIII в. некоторые чунские тунгусы платили ясак в Братском остроге (оставаясь в составе Чунской волости). От территории чунских (мендежельских) тунгусов до Братского острога было сравнительно недалеко и им действительно было удобно платить там ясак. Небольшая группа чунских тунгусов князя Мукотея в течение всего XVII в. держалась близ Рыбинского острога.

Не считая позже примкнувших к ним ичерильцев, численность собственно чунских тунгусов ясачного возраста нами выше определена для середины XVII в. в 103 чел. (всего 410 чел. населения).

АСАНЫ ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА

Асаны в Енисейском уезде образовывали волости Асанскую и Тасеевскую, слившиеся в одну к 1696 г.

После слияния эта волость стала называться «по Тасеевой и Усолке и по Оне рекам волость ясачная». Это название вместе с четко (за исключением устья Усолки) выделяющимся здесь ареалом коттской (асанской) топонимики позволяет достаточно точно локализовать эту группу.

Асаны в составе плательщиков ясака Енисейского уезда отмечаются очень рано.

В 1621 г. аринский князец Татуш прислал в Енисейский острог 10 соболей «с новые землицы с Васанские». В 1623 г. «с Васанские землицы» было взято 20 соболей [69]. В 1622 г. вместо этих записей поступления ясака асанов в Енисейской ясачной книге фигурирует ясак с «Кутанской земли». Возглавлял в 1623 г. «Васанскую землицу» князец Сатаганахам, или Санахам [70].

В 1624 г. в Енисейском уезде асаны заплатили 11 соболей и одного бобра, но «сверх ясачных книг объявилась землица Калякшинская» [71], заплатившая 10 соболей. На языке коттов (асанов) «колчакшин» значит «тунгус» [72].

В 1628 г. в Енисейск было взято с «Васанской землицы» князца Тупорака 40 соболей и с семи «соянцов» 36 соболей и две шубы, а в 1629 г. с Осанские («Соянские») землицы было взято 13 соболей. 40 соболей с «Восанской землицы» Тупорака были взяты тогда в Красноярск [73].

---

[69] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 260, 292.
[70] ЦГАДА, ф. 214, лл. 338, 342.
[71] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, лл. 114, 338.
[72] J. Klaproth. Asia polyglotta. Paris, 1831, S. 168.
[73] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 33, 38; ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, лл. 833–929.

В ясачной книге Енисейского острога за 1630—1631 гг. есть такая запись: «В Рыбной же острожек платил государева ясаку в прошлых годех и с Тасеевы реки князец Тупорак с себя и людей своих по 30 соболей на год... да с Васанские землицы князца Телемпейка взято государева ясаку в Рыбной же острожек в прошлых во 136 и во 137 и во 138 году 1 сорок 13 соболей... А в нынешнем во 139 году с тех енисейских ясачных людей с Тупорака и с людей его и с князца Телемпейка с товарищи взял государев ясак на Красный яр воевода Архив Окинфов мимо государева указу... с князца Тупорака... 2 сорока 25 соболей да с васанских мужиков 39 соболей да 2 бобра...» [74].

В 1631—1632 гг. «в Тасееве реке» с тупораковых улусных людей было взято в Енисейский острог 40 соболей, а «князец Тупорак в нынешнем во 140 году умер». С «Васанской землицы» князца Телемпейка в Рыбный острожек того же Енисейского уезда тогда же было взято 40 соболей [75].

В 1632—1633 гг. «посыланы из Енисейского острогу... в Тасееву реку в Тупораков улус да в Васанскую землицу к Тупоракову брату Сабуке енисейские служилые люди Елка Тюменцев с товарищи». Они взяли 60 соболей с каждой из этих групп. «Да Елка ж с товарищи приискал в Тасееве реке новую землицу писигинских людей князца Хупоака с товарищи» и взял с них еще 40 соболей [76].

В ясачной книге Енисейского уезда за 1633—1634 гг. записан ясак с «Васаганской землицы», а кроме того указано, что «довелось донять с князца Хупоака да с Сабука с товарищи с 41 человека 5 сороков 11 соболей и тот ясак побрал атаман Милослав Кольцов на Красный Яр» [77].

Тупораков улус, хотя сам Тупорак умер, в течение всего XVII в. состоял в списках плательщиков ясака Красноярского уезда.

В ясачных книгах Енисейского уезда за 1635 г. имеется отметка, что с Тасеевой недобрано 48 соболей, потому что «тасеевские мужики со своих жилищ разбрелись неведомо куда, а иных людей в Тасееве тубинские люди повоевали». Часть «тасеевских» мужиков была найдена, видимо, на Чуне, где они заплатили 38 соболей, часть — в Чадобце (заплатили 34 соболя), часть в Рыбенском остроге (заплатили 21 соболя). В общем в 1635 г. на Тасеевой недобрали по сравнению с 1634 г. 48 соболей. В ясачной книге 1636 г. асаны в Енисейском уезде совсем не упоминаются и только с 1639 г. в перечне волостей, платящих ясак в Рыбенский острог, появляется «Саванская (т. е. «Васанская») волость», которая остается до 1668 г. (иногда она называется «Саянская»). С 1669 г. ее название пишется правильно — Асанская.

Сопоставление личных имен показывает соответствие тасеевских тунгусов Легорова, Таналчина и Ичерильского родов 1683 г. Тасеевской волости 1669 г., а также асанов «Таналчина» рода и тунгусов с Оны 1683 г. асанам Асанской волости 1669 г. (см. табл. 72 и 73). Без сомнения, асаны Таналчина рода в Асанской волости и тунгусы «Таналчина» рода в Тасеевской — это одно и то же. С другой стороны, ряд имен тунгусов с Оны имеет явно нетунгусский характер: Табелай, Исей, Цыма, Тепалай, Пайтугах и др. Они напоминают имена асанов Енисейского уезда (Пастух, Булчюмай, Теисей, Уленей), а также имена коттов и асанов Красноярского уезда. Но некоторые имена в этих группах чисто тунгусские, например Шултаул, в том числе и у асанов Таналчина рода, например Темнеул. Можно считать, что асанами являются по происхождению не только асаны Таналчина рода с Усолки, тунгусы с Оны, входившие в Асанскую волость, и тунгусы Таналчина рода с Тасеевой, но и тунгусы Легорова рода с Тасеевой. Среди

[74] ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, л. 532 об.
[75] Там же, л. 567.
[76] Там же, кн. 48, л. 51.
[77] Там же, кн. 40, л. 40 об.

тунгусов Асанской волости с Оны был некто Цыма (Симака) Исеев с сыном Будуктеем Цымасевым. Среди тунгусов Легорова рода были, кроме того, Адала, Чингани, Зюморко и Голчюго Цымековы. С другой стороны, в Тасеевскую волость уже в 1669 г. входила группа настоящих тунгусов ичерильцев, очевидно выходцев с Ковы, с чисто тунгусскими именами: Теулча Мочегин, Нюрдуга Илгинчин и т. д.

Можно считать, что Асанская и Тасеевская волости состояли в основном из асанов по происхождению. Это тем более вероятно, что они целиком укладываются в район с коттской (асанской) топонимикой. Но уже в 1669 г. и тем более к 1683 г. асаны Енисейского уезда были в значительной степени отунгушены. Кроме того, среди них, как известно, имелись и роды чисто тунгусского происхождения. Г. Ф. Миллер для 1735 г. определяет, очевидно по официальным данным, состав Тасеевской волости (включавшей в себя и Асанскую) как состоящую из тунгусов и асанов [78]. Не считая девяти ичерильцев, собственно ясачных асанов было в Енисейском уезде в 1683 г. около 45 чел. (см. табл. 73))примерно 180 чел. обоего пола).

Граница между Енисейским и Красноярским уездами по территории асанов определена нами с учетом того, что Тасеевский острог и соляные варницы Троицкого монастыря на Усолке принадлежали Енисейскому уезду, а верховья Усолки и р. Пойма, приток Оны, целиком были заняты асанами и коттами Красноярского уезда.

Было бы интересно проследить потомков асанов среди тунгусов. К сожалению, пока у нас нет списков тунгусов XVIII в., это сделать трудно. Можно предположить, что некоторые роды ятаельских тунгусов — асанского происхождения. Известно также, что тунгусы, входившие в начале XIX в. в Ятаельскую (Чадобскую берговую) волость, переходили на оседлость на Карабуле и Чуне, как раз в зоне асанской (коттской) топонимики.

По данным Г. М. Василевич, тунгусский род Кима, живущий на левобережье Енисея, члены которого считают себя потомками атаульских (т. е. ятаельских) тунгусов Приангарья, имеет другое название — Кошка [79]. Асанскую волость 1699—1702 гг. возглавлял Кошка, или Кошко Сигасев [80]. Он состоит также в списке асанов Танальчина рода 1683 г. [81]. Если это не случайное совпадение, то потомками асанов к 1926—1927 гг. являлись по крайней мере 84 чел. рода Кима, живших на левобережье Енисея, и 10 чел. этого рода, живших среди ятаельских тунгусов на правобережье Енисея. У сымских и нарымских тунгусов мы находим такие особенности, как неуменье ездить верхом на оленях (у мужчин), особый тип пальмы, своеобразный тип саней без полозьев, долбленый челнок. Может быть, это объясняется тем, что в их состав вошел род Кима, не являющийся тунгусским по происхождению. Вышеупомянутый старый тунгус П. В. Куваченок говорил нам, что кима — это название древнего населения, обитавшего там, куда позже пришли тунгусы, от которого по преданию произошел ряд современных родов ятаельских и чапагирских (куркогирских) тунгусов. Отмеченный выше процесс смешения асанов с тунгусами и ассимиляция первых последними представляют, видимо, продолжение процессов ассимиляции и смешения, происходивших в низовьях Ангары, в результате которого и образовались, может быть, нижнеангарские тунгусы-топорки. Не случайно, вероятно, также совпадение названия топорки у тунгусов. Тупоракова улуса у асанов и р. Топорок притока Оны на территории коттов.

---

[78] ЦГАДА, ф. 199, № 526, л. 202 об.

[79] Г. М. Василевич. Сымские тунгусы. «Советский север», 1931, № 2, стр. 133, 134.

[80] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1229, л. 667; кн. 1345, л. 224.

[81] Там же, кн. 817, л. 100.

Буряты и тунгусы Братского острога

Общие данные о сборе ясака в Братском и Балаганском острогах приведены в табл. 75.

Таблица 75

Сбор ясака в Братском и Балаганском острогах Енисейского уезда (в соболях)[82]

Острог	Год												
	1633	1640	1641	1645	1647	1658	1666	1669	1675	1683	1684	1685	1693
Братский	156	327	327	389	484	1094	1021	1010	1168	903	972	875	355
Балаганский . .	—	—	—	—	—	324	348	380	455	442	501	492	486

С 1696 г. у нас имеются данные о количестве плательщиков ясака в этих острогах (табл. 76). До этого года имеются лишь данные о числе плательщиков ясака за один 1669 г. (см. ниже).

Таблица 76

Численность плательщиков ясака и сбор ясака в Братском и Балаганском острогах Енисейского уезда за 1696—1702 гг.[83]

Острог	1696 г.		1699 г.		1702 г.	
	Плательщиков ясака	Собрано соболей	Плательщиков ясака	Собрано соболей	Плательщиков ясака	Собрано соболей
Братский	245	454	275	583	289	529
Балаганский	476	502	570	565	584	546

Среди плательщиков ясака Енисейского уезда, плативших ясак в Братском, или, как его еще называли, Нижнем Братском остроге, выделяется ряд групп населения. Это прежде всего тунгусы, жившие по Ангаре ниже и выше Братского острога, т. е. ниже и выше устья Оки и по рекам Вихоревой (Гее) и Видиму.

В первой половине XVII в. русские служилые люди выделяли среди этих гейско-ангарских тунгусов следующие «волости»: Ордынскую во главе с Чеулкой, «волость Геи реки» во главе с Хеленкой и «мунгулей». В 1628—1629 гг. во главе мунгулей был «князец» Едок, а в 1631 г.— Корот, или Корок, в 1628—1629 гг. стоявший первым в отдельном списке тунгусов. Мунгули князя Корока жили на Ангаре, но бывали и на Вихоревой [84].

В 1636 г. ясак с ордынцев и мунгулей записан вместе с ясаком с илимских шамагиров князца Нотая Кугонева (ошибочно названного Тугоновым), всего 8 сороков 20 соболей и три бобра. Если считать, что с человека брали по пять соболей, то всего, следовательно, ясак был взят примерно с

---

[82] Табл. 75 составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 144 (д. 57), 150 (л. 129), 154 (л. 115), 233 (л. 10), 271 (лл. 218, 219), 338 (л. 12), 385 (лл. 21—24), 527 (лл. 171—173), 528 (лл. 139—141), 612 (л. 196), 768 (лл. 205—206), 817 (лл. 191—192, 233—234), 1064 (лл. 112—114).

[83] Табл. 76 составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 1099 (лл. 26—28), 1229 (лл. 678—682), 1345 (лл. 232, 650—658).

[84] См. А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 61; ААН, ф. 21, оп. 24, кн. 22, л. 125.

70 чел., из которых около 30 составляли, вероятно, ордынцы и мунгули [85]. Корок затем долго фигурирует в енисейских ясачных книгах Братского острога, с 1640 по 1647 г. по крайней мере [86]. А. П. Окладников прямо называет Корота князцом «верхних ангарских тунгусов» [87].

Название «ордынцы» означало, вероятно, зависимость этих тунгусов от «орды», бурят. Автору самому приходилось слышать это слово в устах туземцев Сибири, говорящих по-русски, или в значении «племя» или в значении зависимости племени от кого-либо. Например, о своем положении в царской России долганы говорили: мы были русской ордой, про колониальные народы Англии: «англичанская орда» и т. д.

Название «мунгули» мы объяснить затрудняемся. Правда, в ясачных книгах Якова Хрипунова 1629 г. упоминается именно в данном районе «братский князь Монгол». Но это имя среди бурятских князцов района устья Оки, кажется, больше нигде не встречается. Может быть, это название отражает зависимость этих тунгусов от бурят.

Во второй половине XVII в. (1669—1702 гг.) гейско-ангарские тунгусы, жившие в районе Братского острога по Ангаре, Гее и Видиму, состояли из территориальных групп Вихоревской и Видимской и «улусов» Чичеулова, Кобулюкова, Керкина. Видимская группа называлась также Ангарским улусом. В общей сложности в них было в 1669 г. 50, а в 1702 г. 55 плательщиков ясака. Тунгусы Керкина улуса были уже, судя по их именам, заметно обурячены. Жили они, видимо, около самого острога. Тунгусы улусов Чичеулова, Кобулюкова и Вихоревского жили по р. Вихоревой (Гее), а также по Ангаре в районе Падунского и Шаманского порогов, по соседству с илимскими шамагирами. Тунгусы Ангарского улуса жили по Ангаре выше острога, у устья р. Видим.

В списке тунгусов Чичеулова улуса 1669 г. три человека имеют фамилию Корохаев. Вероятно, это сыновья Корока, главы мунгулей. Само название Чичеулов напоминает имя князца Чеулки главы «ордынцев» в 1631 г. В 1669 г. в этом улусе четыре тунгуса имели и фамилию Чичеулов. Тунгусы князца Халенки 1631 г. представлены в 1669 г. Вихоревской волостью. Для второй половины XVII в. нами составлена табл. 77, показывающая родовой состав всей этой гейско-ангарской группы тунгусов.

Таблица 77

Численность плательщиков ясака в родах гейско-ангарских тунгусов Братского острога [88]

Род (улус, волость)	1669 г.	1702 г.
Чичеулов	11	35
Вихоревский	27	
Кобулюков		
Керкин	8	13
Видимский	4	7
Всего . . .	50	55

Все тунгусы этой группы к приходу русских были киштымами бурят и поэтому, вероятно, не представляли собой какого-либо единства. Как пра-

[85] ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 55.
[86] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 129 и др.
[87] А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 259.
[88] ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 246, 248, 249—250; кн. 1345, лл. 649—651.

вило, независимые племена образуют большие группировки, хорошо осознающие свое единство, а зависимые это качество обычно утрачивают и выступают в виде конгломерата родов, «улусов», зависимых каждый в отдельности от своих иноземных господ.

Возникает вопрос, к какому племени принадлежала вся эта группа тунгусских родов бассейна р. Вихоревой и района больших ангарских порогов.

Мы предполагаем, что это была южная верхняя (по Ангаре) часть известных нам ичерильцев-шамагиров.

Когда в 1625 г. вверх по Ангаре ходили из Енисейска Андрей Дубенский (будущий основатель Красноярска) и атаман Василий Тюменец с 40 служилыми людьми, они шли шесть недель, взяли ясак с «тунгусских людей» (т. е. нижнеангарских топорков, см. выше), «аплинских людей» (т. е. ичерильцев, см. выше), «да вновь привели под государеву высокую руку аплинских двух князцей Пауню да Корока, да Шаманскую землицу князца Трежу, да князца Макауля, да князца Елданю, а та новая Шаманская землица вверх по Тунгуске реке далече, выше верхних тунгусов и аплинских людей, а блиско Братской земли, а от той от Шаманской землицы вверх пойдут по Тунгуске реке братские киштымы и Братская земля от Шаманской землицы недалеко» [89].

Здесь и для нас интересно, что, во-первых, князец Корок отнесен к «аплинским людям», т. е. к ичерильцам («Пауня» это, очевидно, Чеунка-Чеулка, а Елданя — вероятнее всего, Едок), а во-вторых, то, что Шаманская землица находилась вверх по Ангаре много выше аплинцев (ичерильцев), рядом с бурятами. Очень возможно, что в этом документе имеются в виду шаманы не только Приангарья, но и жившие по Илиму. Неясно также, кто такой князец Трежа.

Енисейский ясачный сборщик Терентий Терской в 1633—1634 гг. сообщает, что он посылал собирать ясак «с шаманских людей и с палягов» вверх от р. Каты по Ангаре до Шаманского порога, и по Вихоревой, и вверх по Илиму, и по Игирме [90]. Паляги на Вихоревой никак не могли быть. Стоит только взглянуть на карту, чтобы убедиться в этом. Следовательно, там были шамагиры (ичерильцы).

Выше указывалось, что в 1636 г. в ясачной книге «ордынцы» и «мунгули» объединены в одну группу с шамагирами Илима и что Максим Перфильев объясачил в 1627 г. чиногирцев Болтурина, убивших перед этим ясачного сборщика Льва Турченинова и толмача Куземку Семенова [91].

Но в другом документе 1628 г. сказано, что в прошлом году «князец Корок с товарищи убил служилого человека Левку Турченинова, да толмача Куземку Семенова», которые просили у них ясак [92]. Таким образом, чиногирцы (ичерильцы) Болтурина и гейско-ангарские тунгусы Корока представляют как будто одно и то же.

Территория гейско-ангарских тунгусов прилегает к территории ангарско-илимских ичерильцев-шамагиров и, вероятно, первые представляли часть того же племени, но попавшую в зависимость от бурятских князцов и разбившуюся на отдельные группы. Общим названием для всего этого племени было, по-видимому, ичериль или шамагир. Исходя из численности плательщиков ясака (50 чел.), численность всех этих гейско-ангарских шамагиров (ичерильцев) можно определить в 200 чел.

Второй группой тунгусов Братского острога были тунгусы, жившие по Ангаре вверх от устья Видима до Уды, откуда уже начинались улусы балаганских бурят.

---

[89] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 340.
[90] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 138.
[91] Там же, л. 87.
[92] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 172.

В 1669 г. эта группа тунгусов называлась «Волость Удцкая и Окинская» (41 плательщик ясака). В 1683 г. названы следующие улусы этих «Братского острогу удинских ясачных тунгусов»: Орбонка, Чистюнки шамана, Оркуначков, Нолочеков, Ивашков, Бушмин и Бугдурка шамана [93] — всего семь улусов (т. е. в среднем по шесть-семь человек в улусе). Возглавляли улусы те же люди, по именам которых назывались улусы. В 1702 г. здесь было два улуса. «Верхнеангарской» (17 плательщиков ясака), во главе с Ендицей Мараковым, и «Уцкой», во главе с Шаркатунком (33 плательщика ясака) [94].

Эти тунгусы были киштымами балаганских булагатов, самый северный улус которых Букиев, он же Быкотский и Быкиев, находился против устья Уды и в XVII в. и в 1897 г.

Расположение тунгусов этой группы по Ангаре ниже устья Уды и на самой Уде устнавливается также показаниями этих тунгусов в следственном деле 1684 г. об обидах, причиняемых им как жителям Енисейского уезда жителями Илимского уезда. Так, «Братского острогу уцкого збору» тунгус Мичура Омитиев жалуется на крестьян деревни Янды, изувечивших его жену. «Братского острогу уцкого збору» тунгус Мурчуга плыл по Ангаре против дер. Криволуцкой и из-за «пропащей овцы» поссорился с крестьянином этой деревни, который «его бил и увечил». Этот тунгус показывает, что «живет де он Мурчуга на своей породной земле на Уде реке многие лета, а теперь его оттуда гонят илимские пашенные крестьяне» [95]. «Братского острогу Удкого збору» тунгус Бугдур Союхопов (ср. выше улус «Бугдурка-шамана») жалуется на илимского служилого человека из Янднпского острожка, который дал ему «пропащего ягненка» без кожи и за это просил живую овцу с овчиной. Он бил Бугдура и отнял у него «шаманскую парку железную, а весом та шуба полпуда», а илимский пашенный крестьянин «бил и увечил» жену Бугдура, так что она пролежала все лето и потому якобы не могла сделать запаса саранн на зиму [96].

Возникает вопрос, к какому племени принадлежали эти тунгусы? Мы предполагаем, что это приангарская часть большого тунгусского племени палягир, большая часть которого входила в Илимский уезд. Территория этих тунгусов образует узкую полосу по Ангаре вдоль территории палягиров. Известно также, что в 1633 г. палягн, бурятские киштымы, хотели побить семь казаков на р. Ангаре выше Братского острога «на усть Чадомы реки» [97], не доходя Букиева улуса. Около 1634 г. служилые люди Братского острога писали в Енисейск о недостаточности их сил «для защиты ясачных людей — тунгусов и палягов и кочемаров» [98].

Численность этой приангарной части ясачных палягов, или палягиров, входивших в Енисейский уезд, может быть определена в 41 чел. (всего 160 чел. населения).

Третьей группой тунгусов Братского острога была Верхне-Окинская волость во главе с Олокой Мотогоповым, насчитывавшая в 1702 г. 43 плательщика ясака. В переписной книге 1669 г. и в шертоприводной книге 1683 г. этой волости почему-то нет. Эти верхнеокинские тунгусы в 1658 г. не убегали вместе с бурятами: в следственном деле об этом побеге бурят есть показание и окинских тунгусов Мулчука, Курки и Кичевуля. Никаких данных о племенной принадлежности этих тунгусов у нас нет, но в переписной книге 1669 г. только что описанная Удская приангарская во-

---

[93] ЦГАДА, ф. 214, кн. 817, лл. 119—120.
[94] Там же, кн. 1515, л. 657.
[95] Там же, ф. 214, ст. 747, л. 87.
[96] Там же, ст. 747, л. 88. Весь этот материал собирался енисейскими служилыми людьми, которые не жалели красок, чтобы очернить илимских казаков и крестьян.
[97] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 135.
[98] А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 69.

лость названа «Уцкая и Окинская» (см. выше). Таким образом, можно заключить, что окинские тунгусы образовывали одно целое с приангарскими налягирами и, может быть, представляли самое крайнее западное ответвление налягиров.

Территория окинских тунгусов, действительно, смежна с территорией приангарских налягиров и представляет ее естественное продолжение на запад (см. карту). Численность ясачных окинских тунгусов составляла 43 чел. (всего 170 чел. населения). Местоположение окинских тунгусов определяется тем, что на Оке ниже устья Ии жили буряты Братского острога, а в верховьях Оки до Барлуцкого погоста — буряты анехабаты Красноярского уезда. Для окинских тунгусов остается, следовательно, пространство по Оке от Барлуцкого погоста до устья Ии.

Четвертой группой тунгусов Братского острога являются тунгусы с р. Ии и низовьев Оки.

В переписной книге 1669 г. имеется только одна «волость Ии реки» из 74 плательщиков ясака во главе с Кокуром и Нагатаев улус из семи плательщиков ясака [99]. В шертоприводной книге 1683 г. под заголовком «Братского острогу окинские и ийские тунгусы» сначала идут Нагатаев и Зонокаев улусы, которые, видимо, жили среди бурят низовьев Оки и Ии, а затем перечислены улусы ийских тунгусов: Кочемарский, Мурмугирский, Кармагирский и Ершевский [100].

В ясачной книге 1702 г. перечисляются улусы Кочемарский (41 плательщик ясака), Мурмугирский (11 плательщиков ясака), Кармагирский (29 плательщиков ясака) и Ершевский (девять плательщиков ясака) [101], насчитывавшие всего 90 чел. В Нагатаевом и Зонокаевом улусах в 1702 г. было шесть плательщиков ясака.

Можно считать, что Нагатаев и Зонокаев улусы представляли обурятченных тунгусов, живших в низовьях Оки недалеко от острога вперемешку с бурятами, а остальные четыре улуса представляли тунгусское население р. Ии, жившее выше бурятских улусов. Среди плательщиков ясака Удинского острога Красноярского уезда в течение всей второй половины XVII в. тоже были люди из Кочемарского и Кармагирского («Кармазинского») улусов. Например, ясачных кочемаров в Красноярском уезде в 1669 г. было 13, а ясачных «кармазинцев» — девять. В 1701 г. там же было ясачных кочемаров 12, а ясачных «кармазинцев» 17. Известно, что из-за кочемаров и кармагиров были даже вооруженные столкновения между служилыми людьми Удинского острога Красноярского уезда и служилыми людьми Братского острога Енисейского уезда. В 1654 г. приказный человек Нижнеудинского острогу Михаил Ярлыков подошел к Братскому острогу на расстояние 7 км и «взял с собою сильно ис тово Братского острогу ясачных людей с Ыи реки кармагинцов 14 чел.» [102].

В рукописях Г. Ф. Миллера имеется указание, что в Красноярском уезде в 1735 г. кочемары жили по р. Тангуй, а кармагинцы — на р. Ие [103].

Тангуй впадает в Ию в том месте, где последняя образует луку перед своим впадением в Оку. По-эвенкийски «кочо» — «изгиб», «излучина реки» [104]. «Кочемар», по-видимому, значит — «жители излучины». К верховьям Тангуя, впадающего в Ию, подходят верховья Тангуя, притока Уды (Чуни). Поскольку часть кочемаров входила в число плательщиков ясака,

---

[99] ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 246, 251.
[100] Там же, кн. 877, лл. 118—119.
[101] Там же, кн. 1345, лл. 653—655.
[102] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 565. Об отношениях между служилыми и ясачными людьми Братского и Удинского острогов см.: А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 91—97.
[103] ЦГАДА, ф. 199, № 525, ч. II, тетрадь 9, л. 242.
[104] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 70.

Красноярского уезда, мы позволили себе территорию кочемаров несколько расширить, включив в нее верховья удинского Тапгуя.

Кармагинцы должны были жить по Ие несколько выше кочемаров, поскольку ниже последних по Ие жили буряты и тунгусы Нагатаева и Зонокаева улусов.

Само название «Кармагир» объясняется таким образом. «Кэр» («кэр») по-эвенкийски (в говорах) «луг, поляна в тайге, прогалина» [105]. «Кэрмегир», вероятно, значит «луговой род», «род полян в тайге», а лучше всего это название перевести словом «елань», означающим то же, что и тунгусское «кэр». «Кэрмэгир», следовательно,— «еланный род», «обитатели еланей». Как раз выше территории кочемаров по Ие увеличивается количество еланей, луговых прогалин в тайге и название Кармагир для населения этого района вполне уместно. Южная часть кармагиров, входившая в Красноярский уезд, находилась, очевидно, несколько севернее современного г. Тулуна, стоявшего уже в лесостепи.

Что касается родов Мурмугирского и Ершевского, то в отношении их ничего определенного сказать нельзя. Судя по тому, что мурмугирцы в списках ясачных улусов следуют за кочемарами, а ершевцы за кармагирами, можно предположить, что они соответственно были близки этим группам и, может быть, представляли их родовые подразделения.

У нас есть основания в группе окинско-ийских тунгусов выделить нижнеокинских обуряченных тунгусов Нагатаева и Зонокаева родов (всего около 35 чел. в 1669 г.), которые, по-видимому, были близки к гейско-ангарским шамагирам [106] (ичерильцам), и собственно ийских тунгусов (всего примерно 300 чел. в 1669 г.). Главными группами ийских тунгусов были кочемары и кармагиры. Племенная принадлежность ийских тунгусов нам неизвестна [107].

Пятой группой «ясачных людей» Братского острога были буряты, жившие в низовьях Оки и ее притока Ии. Есть предположение, что от устья Оки по Ангаре «начинается сплошной массив бурятского населения и по Ангаре и по ее притокам» [108]. Но по Ие выше бурят Братского острога жили уже упоминавшиеся ийские тунгусы — кочемары, кармагинцы и др. (в одном только Енисейском уезде около 300 чел.), по Оке выше этих бурят жили верхнеокинские эвенки (примерно 170 чел.), наконец, по Ангаре, между бурятами Братского и Балаганского острогов, жили видимские (около 30 чел.) и «удские» и «верхнеангарские» (около 160 чел.) эвенки; здесь же кочевали налягиры с верховьев Илима.

Буряты Братского острога, или окинские буряты, представляют островок монголоязычного скотоводческого населения среди окружающих их со всех сторон тунгусов.

Господствующим у бурят Братского острога был Икинатский род. Это очень хорошо показал С. А. Токарев [109], и что-либо добавить к его аргументации трудно.

Окинско-ийские икинаты занимали, видимо, долину Оки ниже устья Ии, богатую здесь, особенно по левому берегу, луговыми пространствами, а также низовье Ии, ниже кочемаров, где тоже было много еланей. В лесах по Оке выше устья Ии скотоводам-бурятам жить было неудобно. Мы сомневаемся в том, было ли постоянное бурятское население на Вихоревой.

---

[105] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, стр. 74.

[106] ЦГАДА, ф. 214, ст. 589, лл. 53—59.

[107] В 1641 г. среди плательщиков ясака Братского острога, помимо бурят и тунгусов, упоминаются еще какие-то «новогулские люди». Может быть, это племенное название ийских или каких-нибудь других тунгусов (ЦГАДА, ф. 214, кн. 144, л. 57).

[108] С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 103, см. также стр. 110.

[109] См. там же, стр. 108—109.

Население, жившее на Вихоревой, которое разорил в 1633 г. икинатский князец Баяракан, было, видимо, тунгусским и только являлось бурятскими кыштымами, к которым бурятская родовая аристократия приезжала для сбора албана и для торговли. Буряты также не переходили на правый берег Ангары, как об этом свидетельствуют соображения Петра Бекетова, высказанные им при выборе места для Братского острога [110]. По левому берегу Ангары буряты проникали в глубь территории гейско-ангарских тунгусов, но, вероятно, главным образом с торговыми целями, для сбора албана и по военно-тактическим соображениям; ниже Падунского порога они во всяком случае не заходили. Разумеется, буряты также охотились в лесах по обеим сторонам долины Оки и низовьев Ии. Исходя из всех этих соображений, мы и показали икинатов на карте [111].

Численность икинатов определить трудно. В 1658 г. большая часть их как будто бежала в Монголию. У нас же имеются данные только за 1669 и 1702 гг., т. е. после этого бегства.

В 1669 г. отмечен подострожный улус ясачных плательщиков «братской породы», в 1683 г. названный «Урянхаевым подострожным» (семь плательщиков ясака), и другой улус «братской породы», очевидно находившийся выше по Оке (19 плательщиков ясака), в общей сложности насчитывавшие 26 плательщиков ясака (всего около 130 чел. населения).

К 1702 г. в первом улусе было 17 плательщиков ясака, а во втором — 28, т. е. всего 45 чел. (около 225 чел. населения). Подгородный Урянхаев улус в 1683 и 1702 гг. возглавлял Еменгей Братаев, второй улус в 1669 г. возглавлял Комкол Имигенев, а в 1683 и 1702 гг.— Амгуй (Откуй) Комколов. Сколько было окинских икинатов до 1658 г., можно только предполагать. По ряду соображений мы считаем, что перед приходом русских около 1628 г. икинатов обоего пола было 300—400 чел. [112].

Кроме того, у нижнеокинских икинатов было примерно 700 кыштымов-тунгусов (ийские, окинские, вихоревские, видимские и др., см. выше). Эти тунгусы и составляли, вместе с населением собственно бурятских улусов, ту силу, на которую опиралась родовая знать икинатов 30-х годов XVII в. в борьбе против продвижения русских вверх по Ангаре через их территорию и в борьбе с ашехабатами среднего течения Оки. Из этих родов, видимо, складывалось вокруг икинатов новое племя, но этот процесс далеко не был закончен. У окинских икинатов в 30-х годах XVII в. были известны «князцы» Кодогун, брат его Кодогор, Баяракан, Баратай и Упыгей. Каждый из них возглавлял свой улус. Некоторые роды тунгусов, которые жили чересполосно с икинатами, к концу XVII в. слились с последними. Таковы вышеупомянутые улусы Зонокаев и Нагатаев, отмечаемые среди ясачных плательщиков Братского острога в конце XVII в.

Ближайшими к икинатам бурятами были унгинско-осинские (балаганские) булагаты. Среди последних тоже был Икинатский род. По преданию икинаты происходят от людей племени олод, или сэгэпут, живших когда-то в Кудинской степи между верховьями Лены и Ангары. После разгрома олодов булагатами и эхэритами один из двух уцелевших олодов поселился на Ангаре ниже Балаганска (от него произошел род Зунгар среди булагатов), а другой — на Оке в местности Зуга (близ б. Никольского завода

---

[110] А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 66, 76.

[111] Вместе с ними жили и нижнеокинские тунгусы, которые поэтому отдельно на карте не показаны.

[112] А. П. Окладников полагает, что на Оке к приходу русских жило больше тысячи бурят, не считая их кыштымов (см.: А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, стр. 44). Но очевидно нижнеокинских бурят было несколько более тысячи вместе с кыштымами-эвенками (см. ниже). В 1816 г. среди бурят Балаганского острога было два Икинатских рода, в которых насчитывалось 620 чел. мужского пола (около 1200 чел. обоего пола). Их предками был «Игнатский» род балаганских бурят, а не окинские икинаты.

на р. Долоновке, притоке Оки). Этот олод женился на дочери тунгуса, и от него произошли окинские икинаты [113].

Русские служилые люди, столкнувшись с окинскими бурятами, сразу определили, что «брацкие люди говорят по калмацки» [114]. Для того, чтобы объясниться с ними, был выписан из Тары толмач. Это, конечно, не значит, что окинские икинаты говорили на калмыцком языке. Русские просто подметили сходство бурятского языка с калмыцким, поскольку оба эти языка монгольские.

Буряты и тунгусы Балаганского острога

Буряты Енисейского уезда, платившие ясак в Балаганский острог, представляли западную часть «больших братских людей» русских документов XVII в., западную часть племени булагатов.

По вопросу о принадлежности балаганских бурят к племени булагатов мы позволили себе сослаться на С. А. Токарева [115]. Балаганские буряты не охватывали всех булагатов. Часть булагатов платила ясак в Верхоленский острог Илимского уезда (см. гл. XVI), небольшая их часть вошла в состав населения Иркутского уезда (см. гл. XVII). По-видимому, в Енисейский уезд в конце концов вошли только те булагаты, которые жили к западу от Ангары. Енисейские служилые люди, правда, притязали и на другие группы булагатов к востоку от Ангары. Но на Ангаре находились поселения (Олонки и др.) и даже остроги (Яндинский, Идинский) Илимского уезда, так что осуществлять свои притязания енисейские служилые люди могли лишь ценой столкновений с илимскими служилыми людьми.

В табл. 78 приведены данные об изменении численности плательщиков ясака в Балаганском остроге в течение XVII в.

Таблица 78

Численность плательщиков ясака в Балаганском остроге

Год	Плательщиков ясака	Источник
1657—1658	324	ЦГАДА, ф. 214, кн. 384, л. 24
1669	191	» ф. 214, кн. 527, лл. 252 об., 256
1689	332	ЦГАДА, ф. 214, кн. 941, лл. 59 об., 75
1696	476	» ф. 214, кн. 1099, л. 28
1699	570	» ф. 214, кн. 1229, л. 682
1701	570	» ф. 214, кн. 1259, л. 159 об.
1702	584	» ф. 214, кн. 1345, л. 232
1725	664	» ф. 199, № 481, тетр. VII, л. 6 об.

Главный вопрос демографии балаганских булагатов — это вопрос об их численности к 1658 г., перед тем как жестокости и вымогательства приказчика Ивана Похабова заставили их на время уйти в Монголию.

---

[113] Сказания бурят, записанные разными собирателями, Иркутск, 1890, стр. 117; см. также стр. 112.

[114] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 541.

[115] См.: С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 105—108.

Вышеприведенные данные о числе плательщиков ясака в Балаганском остроге в 1669—1699 гг. отражают не только естественный прирост, но и постепенное возвращение балаганских булагатов из Монголии.

А. П. Окладников считает, что в связи с бегством балаганских булагатов царская казна теряла ежегодно 20 сороков соболей [116]. Подобное количество ясака должно было соответствовать примерно 800 плательщикам ясака. Но имеющиеся у нас данные не подтверждают такого расчета.

Зимой 1657/58 г., перед бегством булагатов, в Балаганском остроге было собрано ясака семь сороков 37 соболей и семь лисиц. Это количество ясака соответствует (исходя из окладов его для предков бурят) максимум 324 плательщикам ясака, т. е. примерно такому их количеству, какое было в Балаганском остроге в 1689 г. (см. табл. 78). Но, предполагая, что в первые годы после подчинения балаганских булагатов мог иметь место некоторый их недоучет, мы будем исходить из позднейшей цифры — 570 плательщиков ясака. Таким образом, можно считать, что в XVII в. балаганских булагатов было около 2850.

Ашехабатский князец Узун, сообщая Красноярскому воеводе в 1654 г. о желании булагатов Балаганского острога перейти в Красноярский уезд, определил их количество в 600 чел. Бурят Моксокойко в 1660 г. говорил, что беглецов бурят в Монголии «сот ... пять и больши» [117].

Правда, по одному сообщению, в 1656 г. было «булагатских людей с Шаранацким большим улусом... тысячи с две» [118]. Но так же, как при присяге 1654 г. (см. ниже), здесь, вероятно, имеются в виду все булагаты, а не только те, которые были приписаны к Балаганскому острогу.

Есть все основания предполагать, что основная масса балаганских булагатов вернулась из Монголии. Потери при этом, наверное, были [119], но вряд ли они превышали 10—20% от общего количества беглецов. В дальнейшем они, конечно, были покрыты естественным приростом.

В табл. 79 приведены данные о родовом составе и размерах оклада ясака балаганских плательщиков ясака по родам за 1689 г.

Переходя к родовому составу балаганских бурят, отметим, что Шаранутский род в 1699 г. перекочевал на Аларь и там присоединился к переселившимся туда около этого времени хонгодорам. Роды Иркидеев, Хотольский и Енгутский (все, как мы видим, очень малочисленные) представляли часть соответствующих родов Илимского уезда, группировавшихся около Идинского острога, а впоследствии образовавших особое Идинское ведомство. В районе Балаганска эти роды в начале XIX в. уже не встречались — они присоединились или к более крупным местным родам, или к своим сородичам в Идинском ведомстве.

В качестве самостоятельных единиц в Балаганском ведомстве к началу XIX в. исчезли и роды Солегутский, Ханитский и Хугуев. Вымершими их считать нельзя, так как, по этнографическим данным, роды Хогой (ср. Хугуев) и Хоню (ср. Ханитский) существовали и в начале XX в. [120]. Они, видимо, в административном отношении присоединились к другим основным родам Балаганского ведомства.

---

[116] См.: А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 128. А. П. Окладников, вероятно, заимствует эту цифру у Фишера (см.: Е. И. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774, стр. 543).

[117] А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 90, 128.

[118] С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 112.

[119] См.: А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 136—138.

[120] См. там же, стр. 271.

Такие явления происходили и позже. Так, в 1816 г. в Балаганском ведомстве еще числился обуряченный тунгусский Харанутский род, насчитывавший 108 чел. мужского пола. В 1823 г. этого рода уже нет, но Холтубаев род в 1823 г. возрос по сравнению с 1816 г. сразу на 110 чел. Очевидно, харанутов в Балаганском ведомстве присоединили к Холтубаеву роду.

Таблица 79

Численность плательщиков ясака и размер окладов в Балаганском остроге[121]

Род	Плательщиков ясака	Ясак		
		соболей	лисиц	росомах
Муруев	32	33	5	—
Онгоев	42	43	5	3
Быкотский	29	42	1	—
Кулеметский	39	45	3	—
Олзоев	13	18	3	—
Шарантский	6	6	—	—
Болотский	12	13	1	—
Солегутский	11	11	3	—
Ханитский	3	5	—	—
Икинатский	15	19	2	1
Орготоев	16	19	1	—
Шаранутский	7	8	—	—
Хугуев	22	21	3	2
Иркидеев	5	7	—	—
Хотолский	3	3	—	—
Холтубаев	21	22	2	1
Зюнгарский	9	11	—	—
Ноетский	10	13	—	—
Енгутский	5	4	—	1
«Мунгальские выходцы»	11	7	3	1
Итого бурят	311	350	32	9
Борондоев	12	47	1	2
Каранутский	9	41	—	1
Итого тунгусов	21	88	1	3
Всего	332	438	33	12

Таким образом, остается 12 основных родов балаганских булагатов, которые впоследствии, в начале XIX в., образовывали Балаганское ведомство. Из этих родов шесть — Муруев, Быкотский, Кулеметский, Олзоев, Болотский и Зюнгарский,— встречались только в Балаганском ведомстве, а четыре — Онгоев, Онготоев, Холтубаев и Ноетский — были разделены между Балаганским и Идинским ведомствами. Наконец, род Шараитский был разделен между Балаганским ведомством и «Братской удинской земли-

[121] ЦГАДА, ф. 214, кн. 941, лл. 59 об., 75.

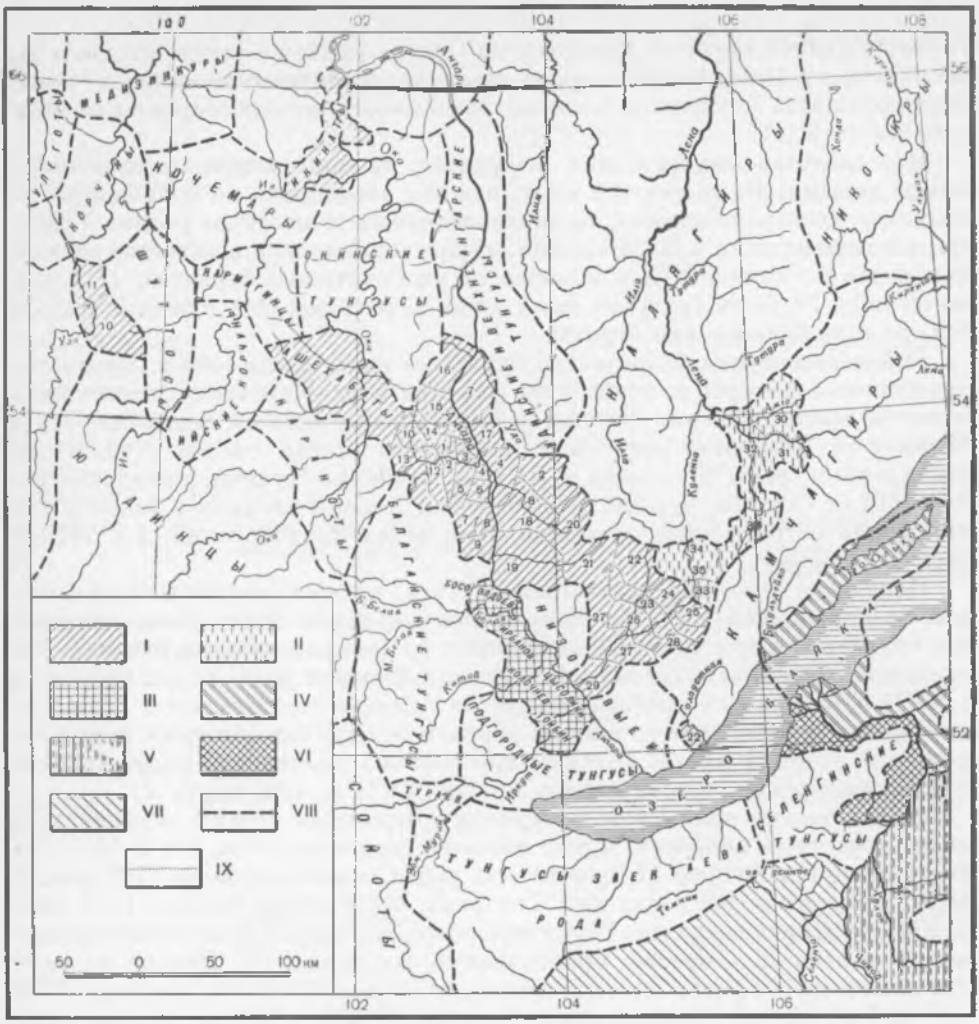


Рис. 2. Расселение родов западных бурят.

I Булагаты II Эхэриты III Хонгодоры IV Хоринцы V Табунуты VI Атаганы и сертолы. VII Монголы VIII Границы территорий расселения этнических групп, племен, тунгусских и коттских родов. IX Границы территорий бурятских родов.

Буряткие роды, обозначенные на карте цифрами:

Племя булагатов: 1 — Соленгутский; 2 — Онгоев; 3 — Олзоев; 4 — Онхотоев; 5 — Икинатский; 6 — Хогуев; 7 — Ноётский; 8 — Холтубаев; 9 — Шаранутский; 10 — Шараитский; 11 — Туралитский 12 — Болотский; 13 — Кулеметский; 14 — Муруев; 15 — Зунгарский; 16 — Быкотский; 17 — Бороев 18 — Иркидеев; 19 — Готельский; 20 — Енгутский; 21 — Шаралдаев; 22 — Ашехабатский; 23 — Харанутский; 24 — Булагатский; 25 — Курумчинский; 26 — Абаганатский; 27 — Буянов; 28 — Алгутский; 29 — Куркутский;

Племя эхэритов: 30 — Хангельдерский; 31 — Буров; 32 — Чепорутский; 33 — Абызаев; 34 — Олзонов; 35 — Баендаев.

Примечание. Положение на карте родов Соленгутского /1/ и Хогуева /6/ показано ориентировочно.

цей» Красноярского уезда, а род Икинатский — между Балаганским и Братским острогами, где он образовывал господствующую группу населения.

На примере икинатов и шараитов видно, каким образом предки бурят распространялись среди тунгусов и коттов. Род разделялся, и часть его поселялась на удобных для скотоводства местах среди родов другой этнической группы. В одном случае такая переселившаяся часть рода стала

господствующей группой (икинаты на Оке), в другом — сама попала в зависимость от более сильного рода, тоже переселившегося сюда, в чужеземную область (например, в такую зависимость попали шараиты от ашехабатов на Уде).

Что касается «мунгальских выходцев», то они распределились затем между родами. Надо иметь в виду, что эти «выходцы» по большей части являлись «возвращенцами», принадлежавшими к местным родам. Тунгусы, платившие ясак в Балаганский острог, сохранились в качестве отдельных родов и в начале XIX в. и позже, но уже считались бурятами. Как видно из табл. 79, быть тунгусом было очень невыгодно. Они платили ясака в четыре раза больше, чем буряты.

Район расселения балаганских булагатов включал бассейн р. Унги и все левобережье Ангары от устья Уды до устья Иды. Источники называют в качестве места обитания булагатов Балаганского острога еще реки Осу и Чюкичу [122]. Поскольку последняя называется всегда вместе с Осой, то, по-видимому, река, носившая в XVII в. название Чукичи, находится поблизости от Осы. Но буряты правобережья Ангары входили в ведение Балаганского острога лишь временно. Ими ведал Верхоленский, а с 1679 г. Идинский острог.

Используя указания источников XVII в., данные землеустройства второй половины XIX в. [123], мы попытались составить схему расселения родов булагатов, в том числе и балаганских, ко времени прихода русских. Это оказалось возможным сделать потому, что большая часть родов булагатов с XVII в. оставалась приблизительно на одних и тех же местах. Там, где произошли переселения (главным образом вследствие освоения новых земель или уступки земель русским крестьянам), расселение родов указано предположительно, на основании данных XVII в. (см. карту 2).

В заключение изложения материала о булагатах следует остановиться на двух частных вопросах. У нас имеются сведения о том, что в 1654 г. в Балаганске присягнуло 17 булагатских родов, в которых было 1700 чел. [124] Названий этих родов у нас нет. Тот факт, что указано именно 1700 чел., можно объяснить различно. Вероятнее всего, это просто исчисление приказного человека Д. Фирсова, проводившего эту операцию. Исходя из того, что присягало 17 родов, он положил на род по 100 чел. и получил 1700 чел. Можно предположить также, что в число лиц, от имени которых производилась присяга, были включены все булагаты с Унги, Иды и даже с Куды.

Другим обстоятельством, на котором следует остановиться, является упоминание источником о «Шаранутском большом улусе» в районе Унги [125], тогда как по нашему списку родов в этом улусе оказалось всего семь плательщиков ясака. По В. В. Бамбаеву, шарануты — один из основных булагатских родов.

Мы предполагаем, что ряд родов бассейна Унги носит старое родоплеменное название — шарануты, образуя как бы гнездо родственных родов. Но большая часть этих родов нам стала известна по именам их глав и родоначальников, а старое название — шарануты — удержал только один небольшой улус.

---

[122] ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 252 об., 256; см. также: С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 105—106.

[123] Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний, т. II, вып. 3. М., 1890.

[124] ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 22, лл. 585, 626; ЦГАДА, ф. 214, ст. 490, л. 451.

[125] С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 112.

Таблица 80

Этнографический состав коренного населения Енисейского уезда

Племя и территориально-родовая группа	Подразделения племен	Год учета	Численность: плательщиков ясака	Численность: всего населения	Группировки XIX в., соответствующие племенам XVII в.
Остяки (кеты)					
Сымско-касские (дюканы)	— . . .	1622	31	125	Остяки, сымско-касские (дюгонь, или югонь)
Пумпокольские (кунгопские)	— . . .	1618	37	150	Остяки натско-пумпокольские
Натские (кадские)	— . . .	1623	24	100	
Ямышская	— . . .	1623	7	30	
Кузнецкие	В том числе Кипанская волость	1609	25	100	Часть ассимилирована русскими, часть слилась с сымско-касскими остяками
Асаны (тасеевские «тунгусы»)	Роды Танальчин, Легор	1683	45	180	Ассимилированы тунгусами, переселились на р. Сым (род Кима)
Итого . . .			169	685	
Тунгусы					
Питские	— . . .	1696	20	80	Тунгусы питско-ворогонские (в том числе род Кему на р. Сым)
Варгаганские	— . . .	1696	41	160	
Топорки	Род Лапагир, Ятоягир, Мендизинкур («Немединский»); волости Рыбенская, Чадобская, Мурская, Чунская; территориальные группы Нанадунская и Кайваганская	1683	262	1050	Тунгусы ятаельские (в том числе роды Тэпуракэль и Ятояль), нанадальские (в том числе род Лопукор), мендежельские (в 1832 г. перечислились в крестьяне и слились с русскими), куркогирские (род Лопаль)
Ичерильцы (ичеренцы)	Роды Чипогир; волости Ковинская и Катская	1683	133	530	Тунгусы 1 и 2-й Лапогирских управ, куркогирские (род Лопоколь) и др.
Тейско-ангарские	Улусы Чичеулев, Керкин, Вихоревский, Кобулюков, Видимский	1669	50	200	Видимо, ассимилированы русскими
Удские (верхнеангарские)	Улусы Орбонков, Чистюнки шамана, Оркуначков, Нолочеков, Ивашкин, Бушмин, Бугдурка шамана	1669	41	160	Видимо, ассимилированы русскими и бурятами
Верхнеокинские	—	1702	43	170	То же
Нижнеокинские	Улусы Нагатаев и Зонокаев .	1669	7	35	В XVII в. ассимилированы бурятами

Таблица 80 (продолжение)

Племя и территориально-родовая группа	Подразделения племен	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Ийские	Улусы Кочемарский, Мурмугирский, Кармагирский, Ершевский	1669	74	300	Видимо, ассимилированы русскими и частично бурятами
Балаганские	Улусы Борондоев, Харанутский	1689	24	120	В XVII в. ассимилированы бурятами
Итого . .			695	2805	
Буряты					
Икинаты	Улусы Баяраканов, Кодогонов и др.	ок. 1628	60	300	Ассимилированы русскими
Булагаты	Улусы Быкотский, Онгоев, Муруев, Кулеметский, Олзоев, Шараитский, Болотский, Икинатский, Онготоев, Шаранутский, Иркидеев, Хотолский, Холтубаев, Зюнгарский, Ноетский, Енгутский, Солегутский, Ханитский, Хогуев	1699	570	2850	Буряты Балаганского ведомства
Итого . .			630	3150	
Всего . .			1494	6640	

Так, например, Быкотский улус в 1669 г. фигурирует в качестве «Каранитские (т. е. Харанутской) волости... Быкеева улусу» [126]. Следовательно, этот род (улус), за которым в конце концов закрепилось название, образованное от собственного имени его главы, первоначально назывался харанутов. Это родовое название имелось и в Братской удинской землице Красноярского уезда, и у балаганских тунгусов. Ниже мы его встретили и у кудинских булагатов. Видимо, все это монголизированные тунгусы.

Очевидно, таким же распространенным названием, охватившим несколько родов, было и название шарануты.

Как известно, в числе плательщиков ясака Балаганского острога было два тунгусских рода — Борондоев и Харанутский. В дальнейшем этих тунгусов полностью поглотили буряты. Кочевали эти тунгусы между бурятами-хонгодорами и саянским племенем кайсотов в бассейне р. Белой и в

[126] ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, л. 265.

верховьях Китоя. Иногда они появлялись и под самым Иркутском, на левом берегу Ангары. В 1676—1681 гг. эти тунгусы (или часть их) находились в Монголии. Балаганские тунгусы имели лошадей, но оленей, по-видимому, у них не было. О местах их кочевок свидетельствует тот факт, что в верховьях Китоя и Белой они охотились на кабанов [127]. В 1689 г. ясачных балаганских тунгусов было 24 чел.

Если считать, что у них, как и у бурят, плательщики ясака составляли 20% всего населения, то балаганских тунгусов всего было около 120 чел. О балаганских тунгусах см. гл. XVII.

В заключение приводим сводную табл. 80 (стр. 219—220), состава и численности населения Енисейского уезда в XVII в.

---

[127] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 17, л. 23; ст. 22, лл. 13, 23; ст. 23, л. 38; ст. 171, лл. 123—128; ст. 193, лл. 42, 43, 46; ст. 285, л. 2; ст. 409, л. 9.

Глава XV

КРАСНОЯРСКИЙ УЕЗД

Город Красноярск был основан в 1628 г. воеводой князем Андреем Дубенским. Красноярск должен был прикрывать с юга Енисейск и служить базой для расширений русских владений в бассейне верхнего Енисея. Практически Красноярский уезд расширялся главным образом на юго-восток, где его границы вышли даже на оз. Косогол. Но на юг, вверх по Енисею, пределы Красноярского уезда в XVII в. фактически расширялись лишь по правому берегу. На левом берегу Енисея вплоть до начала XVIII в. самым южным русским опорным пунктом вверх по Енисею оставался Караульный острог, построенный в 1643 г. всего в 200 км от Красноярска, уже на территории енисейских киргизов. На р. Кан ясачное зимовье было поставлено впервые в том же 1628 г., а в 1636 г. был построен новый острог на другом месте. В 1647 г. был построен Удинский острог (современный Нижнеудинск). Канский и Удинский остроги имели важное значение для сбора ясака в Красноярском уезде, Караульный острог имел лишь военное значение [1].

В течение всего XVII в. на юго-западной границе Красноярского уезда шла жестокая борьба с енисейскими киргизами, которая закончилась в 1703 г., когда киргизы были уведены в Джунгарию. Киргизские князцы не могли примириться с тем, что их бывшие киштымы (данники) аринцы, буклинцы, качинцы, камасинцы, моторы, котты стали подданными русского царя и, опираясь на поддержку центральноазиатских феодальных государств, старались отбить их себе обратно. Почти каждое лето в Красноярском уезде происходили «сполохи» по поводу набегов киргизов. Несколько раз киргизы подступали к самому Красноярску и его острогам. Племена, населявшие западную часть Красноярского уезда, очень страдали во время этих военных действий, и некоторые из них — качинцы, аринцы, буклинцы — несколько раз то подчинялись русским, то «отбегали в киргизы», то снова возвращались «из киргиз». Эти обстоятельства в некоторой степени обусловили тот факт, что более или менее регулярно полные данные о количестве плательщиков ясака в Красноярском уезде стали появляться лишь с 1658 г., т. е. через 30 лет после основания Красноярска.

Особенность административной структуры Красноярского уезда в XVII в. заключалась в том, что он состоял из так называемых «землиц». При этом в одних случаях землица являлась племенем (например, Аринская, Качинская и Камасинская землицы), в других — конгломератом пле-

[1] В конце XVII в. в Красноярском уезде были еще острожки в Ясаулове, Частоостровской, на Бузиме и в Павловской. Все эти острожки тоже имели лишь оборонительное назначение (ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 706).

мен и родов, даже разного этнического происхождения (например, Удинская и Тубинская землицы).

В Красноярский уезд входило шесть основных землиц: Аринская подгородная, Качинская подгородная, Яринская (она же Буклинская) и Кашинская, Камасинская и Кашинская, Канская («Котовская»), Братская под Удинским острогом и примыкающие к ней землицы Саянская и «Кайсотская».

Кроме этих основных землиц, в Красноярский уезд входила также, но менее прочно, Тубинская землица.

Очень короткий период времени (примерно 1665—1667 гг.) в Красноярском уезде платили ясак киргизы алтысары и езерцы, но, вероятно, далеко не все. Материалы о киргизах тубинцах включены нами в данные о Тубинской землице.

Местоположение землиц и составляющих их этнографических групп указано на карте, приложенной к книге.

Ниже приводятся описания этнографического состава населения по каждой землице в отдельности.

1. Аринская подгородная землица первое время была известна русским под названием «Тюлкиной землицы». Тюлка, вероятно, был главой аринцев. Миллер предполагает, что под названием «Тюлкина земля» подразумевалась и земля аринцев и земля качинцев [2] (см. ниже). Вполне, конечно, возможно, что русские первоначально под населением Тюлкиной землицы подразумевали и тех и других. Но несомненно также, что аринцы составляли основное, коренное население Тюлкиной землицы. Есть основания считать, что качинцы, по сравнению с аринцами, являются племенным новообразованием, сложившимся на южной окраине территории аринцев по р. Каче (Ызыр-су). Не случайно все же именно глава аринцев Татуш в Енисейской ясачной книге 1620—1621 гг. и других фигурирует как «тюлкинский князец» [3].

Факты, связанные с историей присоединения Аринской землицы к России, вкратце таковы. В 1608 г. «на Енисею к Тюлкину сыну» приходили служилые люди Кетского острога, которые выяснили, что «живет де тот Тюлкин сын и с своими остяками податно к киргизским людем» [4]. В 1609 г. князец «Кобытя Тулкин сын» впервые уплатил ясак в 80 соболей, прислав его в Веслову волость, входившую тогда в Кетский уезд [5]. В 1610 г. остяки Кузнецкой волости Кетского уезда убежали от тунгусов в Тюлкину землицу [6]. В 1613 г. ясак с князца Тюлкиной землицы Затыгаша (вместе с поминочными всего 73 соболя) принесли остяки Кетского уезда «Кадысской» (Натской) волости Атабай и Енбель. Затыгаш при этом жаловался, что остальную собранную для уплаты ясака пушнину у них «отгромили» буряты [7]. В 1617 г. с Тюлкиной землицы было взято ясака в Кетский острог 80 соболей, в 1618 г.— в Кетской 50 и в Томской 50 соболей. В том же 1618 г. «Тюлкина волость» была передана новому Енисейскому («Тунгусскому») острогу. В ней, по оценке казака Давыда Городчикова, было тогда 250 мужчин, способных платить ясак [8].

В 1620—1621 гг. с Тюлкиной земли было взято в Енисейск 109 соболей, в 1621—1622 гг.— 139 соболей, в 1622—1623 гг. — 100 [9]. В эти цифры не включен сбор с Макуцкой волости Веслы, с коттов, с Онпальской землицы

---

[2] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.— Л., 1941, стр. 40.
[3] Там же, стр. 260, 274, 292.
[4] См. там же, стр. 208.
[5] См. там же, стр. 211.
[6] См. там же, стр. 219; ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 85.
[7] См. там же, стр. 227.
[8] См. там же, стр. 244.
[9] См. там же, стр. 260, 274, 292.

князца Байтерека (в 1620—1621 гг.— 10 соболей, в 1621—1622 гг.— 15). Дело в том, что дети Байтерека Нюма и Теля в 1639 г. числились в списке аринцев [10], а в 1641 г. Теля находился в списке аринцев улуса самого князца Татуша [11]. Таким образом, князец Байтерек был несомненно аринцем, а название «Оппальская землица» может быть является другим названием Аринской землицы [12].

В 1625 г. с Тюлкиной землицы было взято 99 соболей. В 1626 г. 15 или 20 тюлкиных людей приходили на Кеть и увели к себе Натскую волость князца Епеи [13]. В 1627—1628 гг. с Тюлкиной землицы князца Татуша было взято в Енисейский острог 100 соболей [14].

Далее, после основания Красноярска, история аринцев складывалась таким образом. 26 июля 1628 г., т. е. еще во время постройки Красноярского острога, «качинские и аринские татары» ушли «в киргизы». 16 или 17 августа 1628 г. атаман Иван Кольцов ходил со 140 служилыми людьми вверх по Енисею на киргизов, аринцев и качинцев, имел с ними бой и взял пленных [15]. 23 августа атаман Ермак Остафьев с 50 служилыми людьми ходил в степь на пашни качинцев на Красном яру и имел здесь бой с аринцами, которые не успели уйти к киргизам вместе с остальными аринцами и качинцами [16]. Всего, по послужной росписи, было убито в бою 20 аринцев и пять взято в плен. В другом месте об этом событии сказано, что пашни принадлежали и качинцам и аринцам и что бой был с аринцами и качинцами [17].

В конце 1628 г. аринцы во главе с Татушем вернулись под Красноярск, дали в аманаты Кубеякова сына и заплатили ясак [18]. После этого, 20 декабря 1628 г., Татуш и Кубека ходили со служилым человеком Иваном Бабушкиным «в киргизы» и взяли с киргизов 100 соболей ясака [19]. Через год, 13 августа 1630 г., киргизы снова пришли под Красноярск и угнали к себе качинцев, аринцев и ястынцев вместе с их табунами лошадей и стадами крупного рогатого скота и овец [20]. Но в том же 1630 г. аринцы во главе с Татушем и Обытаем, ястынцы во главе с Боандаем и качинцы во главе с Талбиреем вернулись на свои старые места, потеряв часть соплеменников убитыми (пять или шесть аринцев были убиты в начале 1631 г. в Яринской (Буклинской) землице) или оставив их в плену у киргизов.

В мае 1631 г. аринцы поймали двух кизыльцев, в том числе Аблу, сына главы Кизылской волости Томского уезда Татылбая, приехавших в аринские юрты по поручению киргизских князцов «подсматривать и проведывать», где живут аринцы, ястинцы и качинцы. В связи с этим аринцы (Татуш, Абытай), ястынцы (Боандай), качинцы (Талбирей) били челом, чтобы им разрешили вместе с русскими служилыми людьми идти на киргизов, не дожидаясь нападения последних. При этом аринцы и качинцы просили не брать с них ясака, а сделать их служилыми людьми, поскольку «мы... в твою государеву службу годимся» [21].

Соединенный отряд разгромил улус киргизского князца Ижения, имел бой с князцом Ишеем и, перейдя на правый берег Енисея, вдоль него при-

---

[10] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, л. 303.
[11] Там же, кн. 144, л. 253.
[12] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 48.
[13] См. там же, стр. 318, 564; ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, лл. 86, 95—97.
[14] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 33.
[15] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 340; ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, лл. 43, 62.
[16] ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, лл. 55—62.
[17] Там же, л. 127. Здесь же послужная роспись.
[18] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 342.
[19] См. там же, стр. 47.
[20] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 531; ст. 368, л. 32.
[21] Там же, ст. 368, лл. 3, 64, 75—76.

шел к Красноярску. В поход ходили аринцы сын Татуша Абык, Абытай, от качинцев Талбирей, всего 100 аринцев и качинцев; русских было с атаманом Злобиным 80 чел. Погибло в этом походе семь аринцев, качинцев и ястынцев [22].

В 1630—1631 гг. в Красноярский уезд перешла из Енисейского уезда Макудкая, или (по имени ее главы) Весловская, волость, которая находилась «на Кемских вершинах». В 1631 г. в этой волости было восемь плательщиков ясака, в том числе несколько человек из волости «Кемские вершины» Атанжи Чагаева, в частности «Саулко да Бабул Отынжины дети». В ясачной книге Енисейского уезда за 1631 г. по поводу перехода весловских остяков в Красноярский уезд имеется следующая запись: «...в нынешнем во 139 году те весловские остяки... своровали с красноярскими с аринскими татары Енисейского острогу из Верхней деревни государевых 9 лошадей отогнали и збежали на Красный яр и... нашли тех весловских остяков в Красноярских волостех на Подъемных юртах и... воевода Архип Окинфов... их весловских остяков поневолили жить на Красном яру... и та волость весловских остяков в Енисейском остроге из окладу в нынешнем 139 году выбыла» [23].

За 1632—1633 гг. имеются первые более или менее полные данные о сборе ясака с аринцев и с их подразделения ястынцев. С Аринской землицы князца Татуша в этом году было взято 355 соболей и два бобра, с весловцев во главе с Китибесом — 44 соболя, а с «Ястытской земли», возглавлявшейся «лутчим мужиком Бозондаем»,— 150 соболей [24]. Так как брали по четыре-пять соболей с человека, то можно считать, что в 1632—1633 гг. платило ясак 120—140 аринцев и ястынцев.

В 1634 г. киргизы с кизыльцами и разными другими племенами два раза приходили под Красноярск. Затем в том же 1634 г. кизыльцы напали на аринцев, живших по Енисею ниже Красноярска, и угнали у них лошадей. В сентябре 1634 г. аринец Абытай вместе со своим улусом бежал «в киргизы». Из Абытаева улуса остался лишь некий Тетюга. В мае 1635 г. атаман Дементий Злобин был послан на киргизов и кизыльцев. Отряд поднялся вверх по Енисею, затем перешел на Чулым («Миус», т. е. Июс) и спустился вниз по нему, где нашел киргизов и кизыльцев. Был разгромлен улус кизылского князца [Т]атылбая и освобожден буклинец Менбес с семьей. Летом 1635 г. киргизы через кизыльцев потребовали от аринцев чтобы они «были со всеми кочевьями в киргизы». Поэтому аринцы Кузей и Тетюга, «блюдяся их угроз... послали кочевья свои прямою дорогою в киргизы», а сами ночью угнали из-под Красноярска 120 лошадей и тоже убежали. Тогда же, вероятно, убежали качинцы и часть ястынцев. В общем под Красноярском осталось 20 аринцев (в Татушевом улусе) и 20 ястынцев [25]. Однако уже к 1638 г. большая часть беглецов, кроме большей части качинцев, вернулась обратно.

В 1639 г. платило ясак 49 аринцев во главе с Татушем Алыбаевым и 24 ястынца во главе с Боандаем; в 1640 г. платило ясак только пять ястынцев, так как аринцы, качинцы и большая часть ястынцев в конце 1639 г. «изменили» и «отъехали в киргизы», пробыв там и почти весь 1640 г. [26].

В 1641 г. аринцы записаны уже разделенными на улусы: Татушев — 21 чел., Абытаев — 32 чел. В этом же году в составе аринской землицы

---

[22] Там же, лл. 4, 38—41.

[23] ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, л. 521; см. также: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 44.

[24] ЦГАДА, ф. 214, ст. 56, л. 42.

[25] ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, л. 521; см. также: Г. Ф. Миллер. История Сибири. ф. 214, ст. 53, л. 459; ст. 368, лл. 14, 19, 68; ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 213, 317.

[26] ЦГАДА, ф. 214, кн. 144, лл. 253—255.

платило ясак пять «весловских мужиков». Ястынцев в этом году платило ясак 24. Всего таким образом в Аринской землице оказалось 82 плательщика ясака (всего около 330 чел. населения) [27].

В 1642 г. в Татушевом улусе оказалось 20 чел., а Абытаев улус разделился на улусы Абытаев (11 чел.), Канбирев (10 чел.) и Щербаков (8 чел.). Кроме того, в этом же году «выехал на кыргыз» улусный мужик Тетюга со своими детьми и улусными людьми и образовал новый улус из пяти человек. «Весловских мужиков» в этом году было четыре, а ястынцев (они же Багандановы улус) — 22; всего в Аринской землице платило ясак в 1641—1642 гг. 80 чел. [28] В этом году в делопроизводстве установился тот состав улусов Аринской землицы, который в дальнейшем не изменялся в XVII в. и перешел в делопроизводство XVIII в.

Таблица 81

Численность плательщиков ясака Аринской землицы[29]

Улус или волость	Год												
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677
Татушев	15	14	11	21	15	15	15	20	18	18	18	15	18
Абытаев	24	26	24	37	31	29	29	30	28	29	26	23	25
Канбирев	9	5	5	6	7	7	8	8	8	8	8	6	8
Щербаков	7	5	6	7	7	9	5	6	7	7	7	8	8
Тетюгин	11	10	9	13	11	11	11	11	11	10	10	11	11
Весловская . . .	7	9	9	14	10	10	11	10	10	12	13	6	9
Ястынская . . .	27	28	28	31	33	35	28	28	22	22	23	25	23
Всего . .	100	97	92	129	114	116	107	113	104	106	105	94	102

Улус или волость	Год												
	1679	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1735
Татушев	16	8	11	12	13	10	10	11	14	15	15	10	3
Абытаев	25	15	18	18	19	20	17	15	15	20	20	10	10
Канбирев	6	2	3	3	2	4	4	4	4	2	2	1	—
Щербаков	7	4	5	4	4	4	4	4	4	6	6	4	—
Тетюгин	10	4	9	6	7	6	6	5	5	4	4	3	3
Весловская . . .	6	4	6	6	8	6	5	5	5	5	5	4	2
Ястынская . . .	25	22	26	26	25	25	25	26	28	29	29	16	26
Всего . .	95	59	78	75	78	75	70	70	75	81	81	48	44

[27] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 303—305; кн. 150, лл. 108—109.

[28] Там же, кн. 150, лл. 247—249. Название «Багаданов улус» образовано от собственного имени Багандай, он же Боандай и Бозондай (см. выше).

[29] Эта и следующие аналогичные таблицы данной главы составлены по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 384 (лл. 29—76), 438 (лл. 356—400), 466 (лл. 287—328), 543 (лл. 2—40, 57—94, 147—170, 217—240, 333—360), 479 (лл. 796—841), 487 (лл. 1—30), 566 (лл. 134—159), 643 (лл. 152—210), 717 (лл. 513—553), 734 (лл. 1—63, 170—197), 810 (лл. 147—173), 847 (лл. 328—360), 902 (лл. 250—283), 929 (лл. 235—266), 958 (лл. 428—457), 1241 (лл. 1—73), 1577 (лл. 1—15). Использованы также материалы: ААН СССР, ф. 21, оп. 4, № 27, лл. 11—17; ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, лл. 28—29.

С 1642 по 1657 г. нет данных о численности плательщиков ясака не только по аринцам, но и почти по всем другим землицам Красноярского уезда. С 1658 г. эти данные по Аринской землице представлены в табл. 81.

Роковым для аринцев оказался набег киргизов в сентябре 1678 г. Как указано в ясачной книге за 1679—1680 гг., «с подгородных с ближних земель с Качинские и с Аринские и с Ястынские и з Бахтинские волостей великого государя ясаку невзято ничево, потому что тех землиц и волостей ясачные люди в прошлом во 187 году в приход воинских людей взяты в полон все с женами и детьми. А в нынешнем во 188 году те ясачные люди выходят из полону по человеку и по два разорены и с них взять нечево» [30].

Если качинцы в конце концов оправились от этого погрома (см. ниже), то аринцы с тех пор, как видно из табл. 81, так и не восстановили своей прежней численности. Что касается уменьшения численности аринцев между 1701 и 1712 гг. то оно связано, видимо, с переселением качинцев и части аринцев на юг, в степи, освободившиеся после увода киргизов калмыками в 1703 г. Может быть, некоторые аринцы приписались к качинскому Силошину улусу, который за этот период увеличился чуть ли не в полтора раза.

Численность ясачных аринцев в середине XVII в. можно определить по данным 1665 г. в 129 чел. Кроме того, в это время было около четырех служилых аринцев. Таким образом, было 133 мужчин (всего 530 чел. населения). Для конца XVII в. можно взять данные 1700 г., т. е. считать, что был 81 плательщик ясака. К этой цифре прибавить человек 14 служилых аринцев [31]. В общей сложности получается 95 мужчин (всего 380 чел. населения). Несколько сложнее определить численность аринцев в начале XVII в., к приходу русских.

Выше уже говорилось, что в 1628 г. у аринцев было убито 20 мужчин, в 1630 г.— минимум пять и в 1631 — семь. Таким образом, за эти годы аринцев было убито около 30 мужчин и, вероятно, соответствующее количество женщин и детей осталось у киргизов или досталось в качестве ясыря служилым людям. Если взять наибольшую известную цифру, показывающую численность ясачных аринцев, 129 (см. выше), и прибавить к ней 30, то получится 159. Можно считать, поэтому, что к времени основания Красноярска у аринцев было примерно 159 мужчин. Такое количество мужчин должно соответствовать 640 чел. населения. Этот расчет можно проверить следующим образом. В 1618 г. в Тюлкиной землице было 250 мужчин, способных платить ясак. Как мы предполагаем, в эту цифру входят и аринцы и качинцы. Плательщиков ясака среди последних к приходу русских было около 70 (см. ниже.). Таким образом, всего ясачных аринцев и качинцев получается 230, т. е. цифра, близкая к оценке их численности в 1618 г., сделанной казаком Давыдом Городчиковым. Разница в 20 чел. возникла или из неточности всех вышеприведенных цифр, или из-за того, что Давыд Городчиков включил в население Тюлкиной земли и некоторые группы буклинцев (см. ниже), живших иногда вместе с аринцами. Так, в 1639, 1658 гг. и с 1688 по 1712 г. в Аринскую землицу входили бохтинцы, которых мы рассмотрим ниже в составе Аринской (Буклинской) землицы.

Основными элементами Аринской землицы, которую есть все основания рассматривать как племенное объединение, являлись улусы Татушев и Абытаев и волости Ястынская и Весловская. Собственно аринскими

---

[30] ЦГАДА, ф. 214, кн. 717, л. 567.

[31] Всего в 1698—1699 гг. в Красноярске было 29 служилых татар (по данным С. В. Бахрушина). Мы считаем, что половина их были аринцы, а половина — качинцы (см. ниже).

первоначально были, видимо, только улусы Татушев и Абытаев. Улусы Канбирев, Щербаков и Тетюгин выделились из Абытаева улуса уже после прихода русских.

Ястинцы все время образуют самостоятельную группировку, отделенную от остальных аринцев Енисеем.

Потомками собственно аринцев и «весловцев» являются «кости» Ара у современных хакасов. Потомками ястынцев в составе хакасов является «кость» Джастых. Татушев улус в начале XVIII в. присоединялся к Кубапову улусу («кость» Джохулар) у качинцев (см. ниже), однако потом существовал и самостоятельно.

Все население Аринской землицы в XVII в. было кетоязычным, но к началу XVIII в. было уже сильно тюркизировано. Во время путешествия Миллера среди ясачных аринцев было, однако, еще 10 чел., которые знали аринский язык: четверо из них жили на Июсе, двое на Каче, трое на Барге (приток Кана) и один на Минжуле «притоке Бузима» [32].

О расселении аринцев данных сравнительно много. Весловцы, как мы знаем, жили в верховьях Кеми и на Подъемных юртах. Местожительством ястынцев Ремезов определенно указывает стени на правом берегу Енисея против Красноярска. По Миллеру, очевидно основывавшемуся на преданиях аринцев, они жили на левом берегу Енисея от Качи до порога, а самое большое их селение находилось у с. Подъемного [33] (ср. выше Подъемные юрты).

Известно также, что «в прежних де годех, как Красноярский острог стал, наши красноярские ясачные аринские и весловские татаровя рыбными и бобровыми речками и всякими угодьи владели вниз по Енисею реке по нижней конец Сплошного лесу, по Укшатке речке, по обе стороны Енисея реки...» [34]. С. В. Бахрушин так характеризует расселение аринцев: Аринцы или аринские татары (ара) занимали в XVII в. территорию, находившуюся ниже Айкановой речки, впадающей в Енисей несколько выше Бузима, до границ Енисейского уезда; их угодья распространялись даже ниже пограничного с Енисейским уездом порога на «Кетскую вершину» и на речку Уксат. Вглубь страны от Енисея они жили «на речке Бузиме с усть речки Колы, по речке Бузиме по обе стороны до Лиственного броду, а в гору от той речки Бузима по нижнюю сторону до вершины Колы речки и на вершину аринского Нижнего Мымъюла, вверх по Мымъюлу до устья верхнего Исылюша, и с верхнего Исылюша до левые Тустинские вершины» [35].

В 1665 г. качинцы и аринцы уезжали к границе Енисейского уезда в верховья рек Бузима и Подъемной [36].

В 1701 г. аринцы претендовали на территорию по Енисею от речки Айкановой (Нижней Шиверной?) до Надпорожной слободы и «в гору» до верховья Кети, а также на земли по р. Бузиму [37].

---

[32] ЦГАДА, ф. 199, № 562, ч. II, тетрадь 9, л. 26. Считается, что во время путешествия Миллера только один человек знал аринский язык, а именно старик на Бузиме. Сам Миллер утверждает это в своей «Истории Сибири» (ч. I, М.—Л., 1937, стр. 187). Однако в указанной рукописи (описание Красноярского уезда) ясно сказано, что «старый аринский язык консервирован только в 10 старых людях». Вероятно, были и женщины, знавшие этот язык. Заметим, что в Бузим впадает не Минжул, а Миндерла. Речка Минжуль имеется здесь неподалеку, но впадает в Малый Кемчуг, а не в Бузим. Тут же есть р. Мингуль, однако впадающая в р. Подъемную.

[33] См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 185.

[34] См. там же, т. II, стр. 535.

[35] Там же, стр. 563. С. В. Бахрушин ссылается на ЦГАДА, ф. 214, кн. 1504, лл. 17, 19.

[36] ДАИ, т. V, стр. 39.

[37] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1504, лл. 116–121.

Границей между Томском и Красноярским уездами считалась р. Теректуюл (приток Большого Кемчуга) [38]. Эта граница, вероятно, была границей между кизыльцами и аринцами.

Из всего вышеизложенного вытекает, что аринцы жили по обе стороны Енисея от устья Качи до района устья Сполошной. В территорию аринцев входили верховья Кеми, Кети и Малого Кемчуга. Целиком в территорию аринцев входили бассейны Подъемной и Бузима. Наконец, территория ястынцев на нашей карте показана на правом берегу Енисея в степи по нижнему течению рек Березовой и Есауловки. Бассейн Качи мы в территорию аринцев не включаем, так как здесь жили качинцы (см. ниже). У нас есть возможность показать не только территорию всего племени аринцев, но и расположение отдельных его частей. Об ястынцах и весловцах уже сказано. Татушев улус был расположен близ самого Красноярского острога. Об этом свидетелствует существующее и в настоящее время название Татышева острова на Енисее, ниже устья Качи, и название дер. Кубековой в 30 км ниже Красноярска. Абытаев улус и другие ответвившиеся от него улусы были расположены севернее, главным образом в бассейнах Подъемной и Бузима. Приток Подъемной р. Тигина, очевидно, получила свое название от аринца Абытаева улуса Чигея. Между Подъемной и Бузимом справа в Енисей впадает р. Кимбирка (ср. Канбирев улус), а выше ее впадает р. Кузеева (ср. имя аринца Кузея, см. выше).

Аринцы были кочевники, жили в юртах, имели лошадей, крупный рогатый скот и овец. В большом количестве они собирали сарану и курлык. Возможно, что у них были и пашни. Занимались аринцы также охотой и рыболовством.

2. Качинская землица впервые упоминается в составе Тюлкиной землицы в 1626 г., хотя о самих качинцах как о соседях кизыльцев и басагар в Томске было известно уже в 1620 г. [39] Красноярск был поставлен в 1628 г. именно в Качинской землице [40], которая после этого, как и Аринская землица, стала называться «Подгородной». В ясачной книге Енисейского острога за 1622—1623 гг. в составе Тюлкиной землицы выделены «пашенные татары» князца Базрака [41]. Здесь имеется в виду основной род качинцев Каш (Кашка, Каска, Кашлар и т. д.), который первоначально назывался «Базараков улус», а с 1664 г.— «Силочин» (позже Шалошин) улус. По-видимому, качинцы занимались земледелием более интенсивно, чем аринцы.

История качинцев в первые годы после прихода русских уже частично была изложена в разделе, посвященном Аринской землице. Отметим, что в 1630 г. «в киргизы» было уведено 65 ясачных качинцев, не считая их жен и детей [42]. В 1632—1633 г. возглавлявшиеся тогда Талбиреем и Кускешем (?) качинцы заплатили 90 соболей и одного бобра [43], т. е. их всего платило тогда ясак человек 18—22. Остальные качинцы в то время были «в киргизах». Среди качинцев, плативших ясак в 1633—1634 г., впервые упоминается некий Мунгат, ездивший в погоню за убежавшими аринцами Абытаем и др., а также Атык и Танбирдеевы (т. е. Талбиреевы) дети Бексек (он же Тексень) и др. [44]. В 1635 г. убежали и эти качинцы, из которых к 1638 г. вернулось и стало платить ясак лишь шесть человек во главе

---

[38] См. Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 49.

[39] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 50, 251, 327; см. также ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 395.

[40] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 327, 331—333.

[41] См. там же, стр. 292.

[42] См. там же, стр. 351, 426.

[43] ЦГАДА, ф. 214, ст. 56, л. 42.

[44] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 417.

с Тексенем Талбиреевым [45]. В 1639 г. эти качинцы снова были уведены киргизами.

В 1640 г. вернулись и стали платить ясак четыре качинца, в том числе Мунгат, Тепсек (т. е. Тексень) и Атык. Они же платили ясак и в 1641—1642 г. [46]

Вся эта группа качинцев, возглавлявшаяся сначала Талбиреем, затем Тексенем Талбиреевым и позже Мунгатом, представляет, как на это справедливо указал Миллер, предков Мунгаткова улуса качинцев [47]. Этот улус соответствовал роду Изир (Ызыр), название которого совпадает с названием р. Качи на языке качинцев (Изир-су), сходно с названием одного из четырех племен енисейских киргизов (езер или исар) и является названием качинцев вообще (ср. ызыр-кичи, т. е. «люди, живущие на реке Ызыр») [48].

В 1644 и 1647 гг. красноярские воеводы требовали у киргизских князцов, чтобы они отпустили всех остальных качинцев. В результате этого требования качинцы, наконец, вернулись под Красноярск, за исключением двух человек, качинцев лишь по происхождению, но родившихся в Киргизской земле [49].

Данные о численности плательщиков ясака в улусах качинцев после их возвращения от киргизов имеются начиная с 1657—1658 гг. С этого времени платили ясак уже все те четыре улуса, которые сохранились у качинцев в течение всего XVII в. и перешли в XVIII в. В 1668—1669 г. к качинцам присоединилось еще шесть киргизов-тубинцев — «Карма Коянов (или Каянов) с товарищи», с 1681—1682 гг. возглавлявшиеся Бурчаном Кояновым, которые образовали пятый улус качинцев — «Тубинской» [50].

Некоторые улусы качинцев меняли в течение XVII в. свои названия, происходившие от имен возглавлявших их лиц. А именно: между 1662 и 1644 гг. изменились названия трех улусов [51]: Базараков улус стал называться, как указано выше, Силочиным, Тойларов — Кубановым, Кужераков — Татаровым, Мунгатков и Тубинский улусы своих названий в XVII в. не изменяли.

В табл. 82 приведены данные о численности плательщиков ясака в улусах качинцев.

В 1671 и 1672 гг. качинцы почему-то в ясачных книгах не упоминаются за исключением Тубинского улуса [52].

Как и аринцы, качинцы очень пострадали от набега киргизов в сентябре 1678 г. Но в отличие от аринцев они к началу XVIII в. полностью восстановили свою прежнюю численность, а затем и значительно превзошли ее. Как и аринцы, качинцы пострадали и при осаде Красноярска киргизами в 1667 г., когда во время приступов и вылазок погибло 17 «подгородных татар», но эта потеря у качинцев была компенсирована переходом в русское подданство и присоединением к ним улуса Кармы Коянова. В 1689 г. под Красноярск пришло еще семь киргизов, или киргизских киштымов. Они пожелали платить ясак и жить вместе с качинцами [53] и заплатили в 1690 г. 34 соболя, две лисицы и одну рысь [54]. Вошли ли эти выходцы в дальнейшем в состав Тубинского улуса, нам неизвестно.

---

[45] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, л. 305.

[46] Там же, кн. 144, л. 255; кн. 150, л. 249.

[47] См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 61, 568.

[48] Там же, стр. 49.

[49] Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов. Абакан, 1952, стр. 46.

[50] ЦГАДА, ф. 214, кн. 543, лл. 150—151.

[51] Ср. ЦГАДА, ф. 214, кн. 438, лл. 356—384 и кн. 466, лл. 292—294. Впервые Карма Коянов упоминается в начале 40-х годов XVII в., когда он был взят в аманаты.

[52] Силося (Силоча) был сыном Базарака.

[53] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 545—546.

[54] Там же, кн. 958, лл. 428—457.

Таблица 82

Численность плательщиков ясака Качинской землицы

Улус	Год												
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677
Силочин(Базараков)[52]	24	26	24	34	32	32	28	29	—	—	31	36	34
Кубанов (Тойларов)	12	14	14	19	18	17	17	15	—	—	19	22	21
Татаров (Кужераков)	13	17	18	25	26	26	23	26	—	—	24	27	28
Мунгатков	9	11	9	11	11	12	10	11	—	—	8	8	9
Тубинский	—	—	—	—	—	—	6	6	8	7	10	13	13
Всего . . .	58	68	75	89	87	87	84	87	—	—	92	106	105

Улус	Год												
	1679	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1735
Силочин(Базараков)	41	12	22	23	32	28	27	32	32	35	39	54	122
Кубанов (Тойларов)	22	14	17	18	17	18	17	18	19	20	21	18	39
Татаров (Кужераков)	35	15	27	30	30	27	26	24	24	29	27	27	50
Мунгатков	11	4	8	10	11	10	11	11	9	10	10	10	21
Тубинский	14	8	7	9	12	12	12	11	19	15	13	13	18
Всего . . .	123	53	81	90	102	95	93	96	103	109	110	122	250

Количество качинцев к приходу русских можно определить, исходя из числа мужчин (65), уведенных киргизами в 1630 г. Прибавив к ним пять погибших во время столкновений в 1628—1630 гг., можно считать, что трудоспособных мужчин у качинцев тогда было примерно 70 чел. Принимая во внимание быстрый рост численности качинцев, можно предположить, что семьи у них были больше, чем у аринцев. Кроме того, известно, что у качинцев были холопы. Поэтому мы для установления общей численности качинцев примем коэффициент 5 и определим ее к приходу русских в 350 чел.

Для определения численности качинцев в середине XVII в. возьмем данные 1665 г.— 89 плательщиков ясака и два служилых человека (следовательно, всего 450 чел. населения), а в конце XVII в.— данные 1700 г.— 109 плательщиков ясака и 14 служилых людей[55] (всего 615 чел. населения).

Как уже отмечалось, Силочин (Базараков) улус соответствует роду («кости», сеоку, аймаку) Каш (Хашкалар и т. д.), а «Мунгатков улус» — роду Ызыр, или Изир. Из остальных улусов качинцев Кубанов (Тойларов) улус соответствует роду Джоху (Сохулар, Соко, Соккы), Татаров (Кужераков) улус — роду Бюрют (Бюрт, Бюрут, Пюрут), Тубинский улус — роду Туба, или Киргиз. Кастрен сообщает, что на языке качинцев Тубинский улус обозначается словом «киргизы». Сам Кастрен склонен считать, что это потомки оставшихся в этой стране киргизов[56]. Но выше мы видели, что между 1701 и 1712 гг. численность Тубинского улуса не

[55] По данным С. В. Бахрушина, см. выше.
[56] См. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, St. Petersburg, 1856, S. 345.

изменилась. Следовательно, приходится считать, что название «киргизы» относится к основному составу Тубинского улуса, пришедшему к качинцам в 1668—1669 или в 1689 г. Н. Н. Козьмин (со ссылкой на Д. Е. Лапно) тоже отметил, что к Тубинскому роду принадлежит сеок Киргиз [57]. Можно считать, таким образом, что современный род Киргиз у качинцев восходит к основному населению Тубинского улуса, а не представляет киргизов, оставшихся в Минусинской котловине после 1703 г., года увода енисейских киргизов в Джунгарию.

Вопрос о том, имеется ли в виду под различными названиями «Киргиз» и «Туба» один род или два, входивших в Тубинский улус, остается открытым.

Есть все основания считать, что качинцы, несмотря на различное, вероятно, происхождение своих родов, уже в XVII в. представляли тюркоязычное племя, сложившееся на южной окраине территории аринцев и в конце концов ассимилировавшее последних. Потомки качинцев в настоящее время составляют основное ядро хакасского народа.

В XVII в. качинцы занимали бассейн р. Качи и, видимо, промышляли на р. Бирюсе (левом притоке Енисея, впадающем выше Качи) и в низовьях Маны. К северу от Качи качинцы в конце XVII в. стояли иногда и на территории аринцев у деревень Кубекова, Частоостровская, Есаулова [58]. Но мы на карте эти местности в территорию качинцев не включаем.

Качинцы были кочевниками и жили, вероятно, в войлочных юртах. Они, как и аринцы, занимались разведением рогатого скота, овец, лошадей, сеяли ячмень, собирали сарну и «курлык». Занимались они также охотой и рыболовством. По-видимому качинцы, были, по крайней мере к концу XVII в., богаче аринцев.

От качинцев наши источники отличают кашинцев. (См. о них ниже, в описании населения Яринской и Камасинской землиц).

3. Яринская землица впервые упоминается в 1631 г., а в ясачных книгах появляется в 1642 г. в виде записи о том, что с «новоприпскные Яринские землицы» взято два сорока один соболь, да три бобра за 10 соболей [59]. Затем, в 1658 г., Яринская землица оказывается в постоянном списке окладных землиц Красноярского уезда. Но под названием Буклинской волости она была уже известна в 1617 г., а одна из составных частей Яринской землицы, Бохтинская волость, под названием «Бохта землица» упоминается и в 1619 г. [60] (см ниже).

Яринская землица в конце XVII в. состояла из Абалакова и Хайтонова улусов и Тинской и Бохтинской волостей. Кроме того, с 1658 по 1678 г. в нее входили волости «Алытская и Бугульская» и Илдорская, видимо этнически близкие яринцам, а также Тубочаков и Ебыгатов улусы «конных кашинцев». С 1664 по 1680 г. Яринская землица официально называлась «Яринская и кашинская землица». После «погрома» 1678 г. Алытская, Бугульская и Илдорская волости и все «конные кашинцы» из состава Яринской землицы исчезли. Ясачные конные кашинцы превратились в «немирных кашинцев», отмеченных на карте Ремезова. Что касается волостей «Алытской и Бугульской» и Илдорской, то пока о их судьбе что-либо определенного сказать нельзя. Возможно они были уведены вместе с киргизами или вошли под другими названиями в состав кетоязычной части Тубинской землицы, образовавшей после увода киргизов вместе с частью моторов так называемую «Койбальскую землицу» (см. ниже описание Тубинской землицы).

---

[57] См. Н. Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 136.
[58] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 415—416, 442, 484.
[59] ЦГАДА, ф. 214, кн. 154, л. 264.
[60] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 250.

Но и из четырех основных улусов и волостей Яринской «землицы», только собственно яринцы, или Абалаков (Ябалаков) улус, и Тинская волость все время входили в Яринскую «землицу». О том, что Бохтинская волость в 1639, 1658 и 1688—1712 гг. входила в Аринскую землицу, мы уже упоминали, характеризуя последнюю. С Хайтоновым улусом дело обстоит еще сложнее. Впервые в ясачных книгах этот улус, под названием Погурской волости, встречается в 1639 г. в составе «Канской Котовской землицы». В 1639 г. в нем было пять человек, а в 1640 г. — четыре, в 1641г. — три, в 1642 г.— шесть [61]. Затем, в 1658 г., эта группа исчезает в ясачных книгах из состава «Канской Котовской землицы» и появляется в тех же ясачных книгах в составе яринцев под названием Хайтонова улуса. Глава этого улуса Хайтон, или Хайтыц, уже с 1639 г. возглавлял Погурскую волость, которая в 1641 и 1642 гг. называлась «Хайтонова улуса волость Погурская». С 1664 по 1669 г. Хайтонов улус уже входит в Тубинскую «землицу». Затем, после отпадения Тубинской землицы, «хайтоны» в 1672, 1679 и 1687 гг. появляются опять в составе Яринской землицы (правда, в небольшом числе). В 1704 и 1712 гг. они оказываются в составе «Койбальской» (т. е. Тубинской), а около 1735 г., под названием Кайдынова улуса, снова в Яринской землице. Кастрен нашел их в составе койбалов. Это как раз тот род Кайденг, который, по его предположению, вместе с байкотовцами в прошлом сохранял среди «койбалов» язык кетского типа. Официально в XIX в. этот род именовался «Кандынов улус». Вообще его трудно куда-либо отнести с полной уверенностью, но все же больше всего он, видимо, тяготел к яринцам.

Старым названием Яринской землицы, вероятно, было название Буклинская землица, а ее население называлось буклинцы. По исследованию Л. П. Потапова это название очень древнее и встречается уже в Орхонских надписях.

Остановимся несколько на истории употребления названия «буклинцы» в исторических документах.

В 1617 г. томские служилые люди ходили «на Енисею в Буклинскую волость князьку Базаяку» и взяли там ясак [62].

В 1619 г. киргизы звали тюлкинских людей (аринцев) с собой в поход на Томск и Кузнецк. Когда аринцы отказались, киргизы «пошли звать» асанов (т. е. коттов) и людей «Бохты землицы». В 1622 г. приказный человек Мелецкого острога Томского уезда имел задание послать служилых людей «в Киргизы и Буклу по ясак» [63].

В 1626 г. в Томск приехал «из киргиз тубинцов, моторцов, буклинцов» киргизский князец Отначка. В том же году в Тобольске киргизский посол Алтычак обещал, что ясак по-прежнему будут платить «и тубинцы, буклинцы, моторцы». В этом же году было получено известие, что киргизы хотят идти войной, взяв с собой «тубинцов, моторцов и буклинцов» [64].

В 1627 г. киргизы заявили: «А буклинцы де природные холопи, кишты мы наши, князца Идженея Икзарина». Считалось, что их вместе с моторами 400 чел. [65]

В 1630 г. «Буклинской землицы мужик Излек» приехал в Красноярск и рассказал, что посланных «в Тубу и в Саяны» ясачных сборщиков побил тубинский князец Коян [66].

---

[61] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, л. 312; кн. 150, л. 113; кн. 144, л. 261; кн. 154, л. 259.
[62] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 445.
[63] Там же, т. II, стр. 250, 289.
[64] Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 109.
[65] Там же, стр. 109.
[66] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 374.

10 февраля 1631 г. в Красноярске аринец Тепсей и «алыцкой мужик Ондерба» подали челобитную о том, что в 1630 г. брат Тепсея и еще пять аринцев прибежали «из киргиз» в «землицу Алыцкую к лутчему мужику Ондербе. А Ондерба им аринским людям племя и хотели... зверовать вместе... И так... тот Ондерба... собрав с своих улусных людей... ясак и пришел... в Красноярский острог и в тое де... пору, собрався твои государевы изменники... бохтинцы да Яренские землицы мужики и иных землиц многие люди, собрався пришед его Ондербин улус розвоевали и до основания разорили». Было убито пять аринцев и 10 «ондербиных людей». Кроме того, были побиты или уведены в плен жены и дети убитых.

25 февраля 1631 г. по этому челобитью были посланы пятидесятник Захар Игнатьев и есаул десятник Милослав Кольцов с 50 служилыми людьми. Отряд пошел вверх по Енисею «в землицу Яренскую». 6 марта Тепсей и Ондерба привели отряд к улусу.

В бою было убито 27 «изменников», а четверо мужчин, и женщины, и дети были взяты в плен. По словам пленных, их было «в скопе» 40 чел. и действовали они по наущению киргизов. Вернулся отряд в Красноярск 11 марта [67].

Служилые люди, участвовавшие в походе, описывают его так: ходили они «на бохтинских и на яренских и на буклинских людей». Нашли они их после девяти дней пути вверх по Енисею на реках Емурте и Сисиме. Было их «в скопе болши полутораста человек». В походе русских служилых людей участвовали также аринцы [68].

В следующем, 1632 г., киргизы и тубинцы отомстили за погром яринцев и бохтинцев в 1631 г. и убили самого Ондербу («Ондеор») и с ним 30 мужчин [69].

В Красноярской ясачной книге записан ясак в 20 соболей с «Буклинской земли», которую возглавлял «лутчий мужик» Коштан [70].

В мае 1635 г. «прибежал из киргиз подгородный татарин Кошканко» (ср. выше Коштан) с известием, что киргизы хотят идти на Красноярск. В связи с этим была снаряжена упоминавшаяся выше экспедиция Д. Злобина, в результате которой был разгромлен, в частности, улус кизыльцев и освобожден буклинец Менбес «с женой и детьми» [71]. В главе XI мы уже отмечали существование каких-то отношений родства (или свойства) между кизыльцами Томского уезда и буклинцами Красноярского уезда. Вероятно, и Менбес был не пленником, а гостем кизыльцев.

В 1636 г. Буклинская и Алыцкая землицы упоминаются в перечне землиц, которыми завладели киргизы [72].

В 1639 г. в ясачной книге Красноярского уезда числится «волость Буклинская» из четырех плательщиков ясака — Кошки (ср. выше Кошканко), Менбеса, Банбаша и «недоросля» Кумугашко. Все они заплатили 18 соболей [73].

В ясачной книге за 1640 г. помечено, что «волость Буглинская» ушла в прошлом году «в киргизы» [74].

В ясачной книге за 1641 г. буклинцы не упомянуты, а в ясачной книге 1642 г. появилась уже приводившаяся выше запись о «новоприискной» Яринской землице.

---

[67] ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, лл. 75—77.
[68] ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, лл. 79, 80, 81—84.
[69] См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 426.
[70] ЦГАДА, ф. 214, ст. 56, л. 42.
[71] Там же, ст. 368, л. 68.
[72] Там же, ст. 53, л. 464.
[73] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, л. 307 об.
[74] Там же, кн. 150, л. 108.

Таким образом, к 1642 г. старое название Буклинская землица (Букла) было вытеснено новым названием Яринская землица. Первоначально яринцы (Абалаков улус) были, видимо, одной из волостей (родов) Буклинской землицы. То обстоятельство, что в 1631 г. красноярские служилые люди употребляли название Буклинская наряду с названиями Яринская и Бохтинская, не должно нас смущать. Документы XVII в. часто смешивают частное и общее, перечисляя названия этнографических групп. В другом документе о том же походе 1631 г. упоминаются только бохтинцы и яринцы.

Важнее то, что, перечисляя основные группы населения правобережья верхнего Енисея, наши источники, наряду с тубинцами (правобережными киргизами) и моторами (племенем саянских самоедов в бассейне р. Тубы), часто называют лишь буклинцев. Можно предполагать, что под буклинцами подразумеваются все кетоязычные роды правобережья верхнего Енисея, т. е. помимо обитателей собственно Буклинской (Яринской) землицы, также байкотовцы и др. Ввиду того, что у нас нет никакого общего названия для кетоязычного населения правобережья верхнего Енисея, мы будем ниже все это население называть буклинцами, различая буклинцев в составе Яринской землицы и буклинцев-байкотовцев, находившихся в составе Тубинской землицы (см. ниже).

Таблица 83

Численность плательщиков ясака Буклинской (Яринской) землицы

Улус или волость	Год												
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677
Абалаков	11	12	13	12	13	15	13	13	15	14	14	13	11
Тинская	14	12	12	16	17	13	13	9	9	8	10	11	9
Бохтинская	24	28	26	26	34	30	23	21	18	17	12	18	19
Хайтонов (Кайдынов, Кандынов)	23	25	24	9	22	8	8	—	—	2	—	—	—
Алытская и Бугульская	11	13	13	13	13	14	13	12	10	11	9	13	9
Илдорская	10	10	9	8	10	11	9	8	7	8	2	2	2
Всего	93	100	97	84	109	91	79	63	59	60	47	57	50

Улус или волость	Год												
	1679	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1715
Абалаков	13	17	15	16	15	14	15	14	15	26	25	23	31
Тинская	11	4	4	7	14	12	10	9	10	13	14	11	15
Бохтинская	19	4	10	9	9	9	9	10	10	26	27	21	19
Хайтонов (Кайдынов, Кандынов)	3	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	19	17
Алытская и Бугульская	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Илдорская	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	63	25	29	32	38	45	34	33	35	65	66	74	82

В табл. 83 приводятся данные об изменении численности ясачных буклицев в составе Яринской землицы (без кашинцев).

Расположенная между киргизами-тубинцами и Красноярском, Яринская землица испытывала все невзгоды такого пограничного положения в бурные годы второй половины XVII в. Особенно тяжело отразился на населении Яринской землицы «погром» 1678 г. Три волости — Алытская, Бугульская и Илдорская — с этого времени исчезли совершенно. Вероятно, они были уведены в Тубинскую землицу (см. ниже). Остальные волости и улусы Яринской землицы после увода киргизов в Джунгарию, т. е. после 1703 г., восстановили в общем свою прежнюю численность.

Численность буклицев Яринской землицы к приходу русских можно определить таким образом. Известно, что в 1631 г. у яринцев и бохтинцев было 40 мужчин [75]. Число мужчин у тинцев и членов Хайтонова улуса мы можем соответственно определить (исходя из данных 1658 г.) в 15 и 20. В Алытской, Бугульской и Илдорской волостях мы можем видеть потомков людей улуса Ондербы (см. выше). В 1658 г. у них был 21 плательщик ясака. Как известно, в 1630 г. в группе Ондербы было убито 10 и в 1632 г.— 30 мужчин, т. е. всего 40. Будем предполагать, что всего у Ондербы в 1630 г. было 50 мужчин. Итого получается 125 мужчин (всего 500 чел. населения). Для определения численности населения Яринской землицы в середине XVII в. возьмем данные 1666 г.— 109 плательщиков ясака (всего 440 чел. населения). Для определения их численности в конце XVII в. по трем родам возьмем данные 1700 г., а по Хайтонову роду — данные 1712 г. Итого получается 85 плательщиков ясака (всего 340 чел. населения) [76].

Мы считаем население Яринской землицы кетоязычным. Потомки Хайтонова рода еще во времена путешествия Кастрена (1847 г.) помнили свой кетский язык. Вероятно, и Тинская волость происходит с Кана (ср. название р. Тины, притока Поймы, в области расселения коттов). Нельзя считать случайным то обстоятельство, что бохтинцы временами входили в состав кетоязычной Аринской землицы (см. выше). Известно также, что и алытцы «аринским людям племя» (см. выше).

Потомками родов Яринской землицы являются роды (сеоки) хакасов Джяра, Тин, Кайдин, Бохтулар.

Мы знаем, что буклицы Яринской землицы жили на реках Емурте и Сисиме. Емурту на современных картах мы не нашли, но в 15 *км* ниже Сисима в Енисей, тоже справа, впадает речка Погромная. Очевидно, здесь и произошел бой 6 марта 1631 г. Имя Ондербы, главы алытцев, сохранилось в названиях рек Большой и Малой Дербиных, впадающих в Енисей справа ниже Погромной и выше Маны. Миллер сообщает, что яринцы живут на восточном берегу Енисея по рекам Онаш и Кома [77]. Эти реки впадают в Енисей справа выше Сисима. Кроме того, добавляет Миллер, они живут по р. Сыде, а Кайдинов улус — по р. Тубе. Но на Тубу хайтоны (кайдинцы) попали, конечно, лишь после 1703 г., после увода киргизов. У Ремезова волость «Яренская ясашна» показана в верховьях рек Дербиной и Сисима. Мы показывали Яринскую землицу по бассейнам Большой и Малой Дербиных, Сисима, Комы, Анаша и Сыды.

---

[75] Цифру 150, сообщенную служилыми людьми, мы считаем преувеличенной или включающей «жен и детей».

[76] В конце ясачной книги Красноярского уезда за 1662 г. два плательщика ясака записаны в качестве отдельного Саргулакова улуса (ЦГАДА, ф. 214, кн. 438, лл. 390—395). В 1691 г. пятидесятник Иван Сиротинин «в каменные моторы... ходил и взял с хайтонских тубинских киштымов с Сургулакова улусу с Язана и с улусных ево людей 12 соболей да 1 кошлока...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 684—685). Вероятно, Саргулаков улус 1662 г. и Сургулаков улус 1691 г.— это одно и то же, хотя первый записан вместе с кайсотами (см. ниже).

[77] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, л. 26.

Буклинцы, образовывавшие население Яринской землицы, были такие же кочевые скотоводы, как и аринцы.

Что касается двух улусов кашинцев, с 1658 по 1679 гг. числившихся в Яринской землице, то мы их рассмотрим ниже вместе с главной массой кашинцев, входившей в состав Камасинской землицы.

4. Камасинская землица была объясачена вскоре после основания Красноярска, а именно в 1629 г., когда князец Байгаа в верховьях Кана заплатил 40 соболей [78]. В 1632—1633 гг. в Красноярском уезде камасинцы во главе с Байгой платили уже 187 соболей. В этом же году заплатила 40 соболей также «новая землица Бугольская». Это, вероятно, Бугачев улус тех же камасинцев. Итого в 1633 г. ясак платило 50—60 камасинцев. Кашинцы во главе с Сересеем заплатили тогда 128 соболей [79], т. е. ясак платило 30—35 чел.

В 1634 г. «пришли изгоном» под Красноярск киргизы «и собрався многими окольными землицами — мунгалы и тубинцы и моторы и кашинцы конные...» [80].

В 1634 г. атаман Милослав Кольцов пошел из Красноярска в поход «на киргизских людей на Иженсев улус на кашинских мужиков». 26 июня Кольцов пришел на р. Упсу (т. е. Тубу) «на Ижинеев улус на кашинских мужиков», разбил их «наголову» и убил «лутчего князца» Теренкея. Тубинцы и моторы ходили за казаками в погоню и «ждали их у камени», но служилые люди отбились и пришли в Красноярск [81].

В 1635—1636 гг. камасинцы и кашинцы по требованию киргизов частью перестали платить ясак, а частью были даже уведены в Тубинскую землицу [82].

В 1638—1639 г. числилось всего 18 камасинцев (в том числе в Кугине, или Куйгине, улусе 12 чел.) с окладом 90 соболей. С кашинцев было взято в этом году 80 соболей, на 40 соболей больше, чем в предыдущем году, так как многие вернулись из Тубинской землицы, хотя жили от Красноярска «в дальних местах» [83].

В 1639—1640 гг. 15 камасинцев (в том числе «Туйганская волость» из девяти человек) платило по пять соболей ясачных и одному поминочному. С кашинцев было взято 59 соболей [84].

В 1640—1641 гг. «с Камасинской землицы» было взято 120 соболей, а с кашинской — 40 соболей [85].

В 1641—1642 гг. 22 камасинца заплатили 132 соболя, а кашинцы — 81 соболь [86].

В 40-х и начале 50-х годов XVII в. судя по «сказке» красноярского сына боярского Севастьяна Самсонова [87] об его «службах» все еще продолжалось объясачивание камасинцев и кашинцев.

Данные о количестве плативших ясак камасинцев по годам и улусам, начиная с 1658 г., приведены в табл. 84 (стр. 238). Приводим в табл. 85 соответствующие данные по кашинцам, входившим в состав Камасинской землицы, которая поэтому с 1658 г. по 1667 г. именовалась «Камасинской и кашинской». В табл. 86 приводятся данные о численности ясачных конных кашинцев, входивших в состав Яринской землицы.

---

[78] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 356.
[79] ЦГАДА, ф. 214, ст. 56, л. 42.
[80] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 213.
[81] ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, л. 2.
[82] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 439; ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, л. 464.
[83] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 315, 316, 318.
[84] Там же, кн. 150, лл. 118—119.
[85] Там же, кн. 144, лл. 265—266.
[86] Там же, кн. 154, лл. 262, 264.
[87] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 540—541.

Численность ясачных камасинцев

Таблица 84

Волость или улус	Год																									
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1735
Татаров	9	9	11	12	12	13	12	18	16	16	21	22	20	23	16	17	16	19	23	22	22	25	28	28	15	12
Бугачев	22	19	13	19	19	18	14	19	17	19	18	17	20	17	10	15	15	17	23	22	22	25	24	30	20	13
Ургунская	10	5	9	10	12	12	13	10	8	8	9	8	9	8	4	3	4	6	6	10	10	12	12	12	5	5
Кугин	24	22	12	17	19	23	25	29	29	24	20	20	20	21	22	23	22	23	25	26	25	23	31	31	18	15
Байгин	3	5	7	8	9	5	9	8	8	9	9	7	7	7	7	7	8	8	11	13	12	10	10	10	6	12
Тагин	16	15	14	10	16	14	7	10	11	10	6	14	14	14	14	13	14	15	15	17	17	18	19	20	13	11
Всего . . .	74	75	66	76	87	85	80	94	89	86	83	88	90	90	73	78	79	88	103	110	108	113	124	131	77	68

Численность ясачных кашинцев

Таблица 85

Улус	Год																									
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1735
Ютубайков	4	3	2	2	1	2	3	2	3	2	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кургулов	2	2	1	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	1	2	2	3	3	5	5	5	8	5	5	2	4
Мунгатков	8	8	9	7	6	6	8	4	7	9	6	5	5	5	5	4	5	5	5	5	5	4	7	7	3	7
Яргашин	14	15	13	13	14	17	18	20	18	16	11	9	10	9	11	11	11	9	8	10	11	12	12	9	16	19
Мунтуков	7	11	9	13	17	20	15	12	13	12	11	8	7	8	7	9	9	7	7	8	8	7	16	15	17	21
Угумаков	10	10	8	8	7	8	8	7	9	7	8	7	7	7	10	8	8	6	8	8	8	7	10	10	7	7
Всего . . .	45	49	42	44	46	53	52	45	50	46	38	31	31	30	35	34	36	30	33	36	37	38	50	46	45	58

Численность ясачных конных кашинцев

Таблица 86

Улус	Год													
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679
Тубочаков . . .	10	8	7	8	9	5	9	8	6	2	2	4	6	7
Ебыгатов	19	14	15	13	14	4	8	10	9	4	2	2	2	3
Всего . . .	29	22	22	21	23	9	17	18	15	6	4	6	8	10

На камасинцах и кашинцах Камасинской землицы «погром» 1678 г. отразился сравнительно мало. Но конные кашинцы, как известно, с этого времени перестали платить ясак и превратились в «немирных кашинцев». Увеличение численности кашинцев Камасинской землицы в конце XVII — начале XVIII в., возможно, объясняется переселением к ним качинцев из-под Красноярска. Отсюда и возникла, вероятно, отмеченная Кастреном [88] традиция, по которой потомки этих кашинцев, так называемые «степные камасинцы» Угумакова улуса (см. ниже), стали считать себя потомками качинцев из-под Красноярска.

Для определения численности камасинцев к приходу русских мы использовали данные 1670 г., в середине XVII в.— данные 1688 г., в конце XVII в.— данные 1701 г. Для кашинцев взяты данные 1667 и 1700 г. Для определения численности конных кашинцев XVII в. мы использовали данные 1658 г., предполагая, что дальнейшее уменьшение их численности в ясачных книгах объясняется не вымиранием или истреблением, а уклонением от уплаты ясака. На основе вышеуказанных данных, составлена табл. 87.

Таблица 87

Численность камасинцев и кашинцев

Группа	Первая половина XVII в.		Середина XVII		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Камасинцы	94	380	110	440	131	525
Кашинцы	53	210	53	210	50	200
Конные кашинцы. .	29	120	29	120	29	120
Всего . . .	176	710	192	770	210	845

Вся эта группа населения Красноярского уезда представляет саянских самоедов. В отношении камасинцев это бесспорно доказано Кастреном. Что касается кашинцев, то источники с 1669 г. не отделяют их от камасинцев, как не отделяет их потомков от камасинцев и Миллер. Названия камасинских и кашинских по происхождению родов Миллер образует с одним и тем же суффиксом «санг», который, по Кастрену, является суффиксом множественного числа в самоедском языке камасинцев [89].

По-видимому, камасинцы и кашинцы представляли два небольших племени саянских самоедов. Кашинцы, очевидно, стали известны русским под названием, происшедшим от какого-то самоназвания саянских самоедов с корнем «каш» или «каса». Отсюда, вероятно, и названия родов Каш, Сарыг-каш и Кара-каш у карагасов, Каш у качинцев; может быть, с этим же корнем связано слово «хасова» у ненцев и «каса» у энцев, означающие мужчину, мужа, а у некоторых групп ненцев являющиеся и самоназванием [90]. Наоборот, камасинцы стали известны русским под территориальным

[88] См. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 379.

[89] Ср. ЦГАДА, ф. 199, ч. II, тетрадь 9, л. 26 и M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 379. Кастрен приводит такой пример: nu — единственное число, nusang — множественное число; так называли лесные камасинцы степных камасинцев.

[90] См.. Г. Н. Прокофьев. Этнография народностей Обь-Енисейского бассейна. Сб. «Советская этнография», III, 1940, стр. 69.

названием обитателей бассейна верхнего Кана — кангмашесанг [91]. Отсюда и русские камасинцы.

По материалам Миллера [92] мы составили табл. 88 названий сохранившихся к 1735 г. родов камасинцев и кашинцев.

Таблица 88

Родовые названия камасинцев и кашинцев

Самоедское	Тюркское	Русское
Тата́рсанг	Татарлар	Татаров улус
Бага́санг	Бугалар	Богачев улус
Ургунэ́санг	Ургунэр	Ургунская волость
Силя́санг	Койгалар	Кугин улус
Нига́санг	Такалар	Тагин улус
Байга́санг	Байгалар	Багин улус
Харга́лсанг	Каргилар	Кургунов улус
Хинду́санг	Угулэр	Угумаков улус
Мога́тисанг	Могатлар	Мунгатков улус
Шалба́санг	Шалбалар	Яргашин улус
Бугулма́санг	Бугулмалар	Мунтуков улус

Первые шесть родов — это камасинцы, последние пять — кашинцы. Заметим, что сам Миллер название кашинцы не употребляет. Он указывает, что члены Татарова улуса по большей части «мадори». Поэтому этот род (или часть его?) называется также Мадорсанг или Мадорлар. Миллер сближает по языку с моторами и род Ниги, т. е. Тагин улус. Кастрен знает пять родов лесных, т. е. собственно камасинцев: Мадор, Бегешэ, Сэла, Нег и Байга. Очевидно, род Ургунэ к его приезду вымер или перешел к моторам (см. ниже). Собственно камасинцы, или лесные камасинцы, в XIX в. образовывали Абалаков улус, потомки кашинцев и переселившихся к ним качинцев, так называемые степные камасинцы,— Угумаков улус. Родового состава Угумакова улуса Кастрен не сообщает, но само это название свидетельствует о том, что этот улус камасинцев XIX в. восходит к кашинцам XVII в.

Происхождение названия Абалакова улуса нам неизвестно. Возможно, что это результат какой-то ошибки администраторов Енисейской губернии первой половины XIX в. Во всяком случае этот улус камасинцев не следует смешивать с одноименным улусом яринцев.

В качестве местожительства улусов Татарова, Бугачева, Кугина, Тагина, Багина и Ургунской волости Миллер указывает «верхнюю область Кана реки». Улусы Кургунов и Угумаков, по его данным, жили на Мане, а улусы Мунгатков, Яргащин и Мунтуков — по р. Рыбной, притоку Кана [93]. Поэтому мы помещаем камасинцев в бассейне Кана, начиная с района с. Ирбей, так как в XVIII в. они состояли в приходе Ирбейской церкви. Кашинцы же показаны у нас в бассейнах Маны и Рыбной, в частности в районе с. Рыбного, потому что в XVIII в. они входили в число прихожан

[91] По Кастрену Kagmaschesang (M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 380).
[92] ЦГАДА. ф. 199. № 526, ч. II, тетрадь 9, стр. 26.
[93] Там же, стр. 26.

церкви в этом селе [94]. Ясачных кашинцев помещает на Мане и Ремезов. Конных кашинцев, как известно, в 1634 г. нашли на р. Упсе (Тубе), а Ремезов показывает их в качестве «немирных кашинцев» в Верховьях Сыды, недалеко от Тубы. Мы их помещаем тоже здесь, по соседству с Яринской землицей, с которой, как известно, они были одно время объединены в административно-податном отношении.

Камасинцы, судя по позднейшим данным, занимались оленеводством, охотой и рыболовством. Конные кашинцы занимались, очевидно, коневодством и скотоводством, а также, как и почти все сибирские народы, охотой. Что касается остальных кашинцев, то они были охотниками и рыболовами, вероятно у них были и лошади.

Относительно оленеводства у кашинцев данных нет.

5. «Капская Котовская землица» под названием «Кутанской земли князца Каракуши», заплатившего 24 соболя, впервые отмечена в ясачных книгах Енисейского острога в 1622 г. [95] Иногда первое время коттов называли асанами. В частности, асанами называли коттов аринцы, а асаны сами себя называли коттами [96]. Поэтому в уже приводившемся сообщении о том, что киргизы в 1619 г. пошли от аринцев звать асанов в поход на Томск и Кузнецк, конечно, подразумеваются соседние аринцам котты, а не отдельные роды на Усолке и Оне, за которыми позже закрепилось название асанов.

Освоение «Канской Котовской землицы» со стороны Красноярска началось в том же 1628 г., когда был основан этот город. Атаман Ермак Остафьев поднялся вверх по Кану и у Араксеева порога на территории рода коттского князца Темсеника поставил ясачное зимовье [97]. Коттские князцы Тымак и Темсеник жили тогда на большом озере в двух-трех днях пути от зимовья. Это, по-видимому, современное оз. Улуколь из бассейна р. Усолки (Манзи). Тут же, около порога на р. Кан, Ермак Остафьев захватил двух коттов — Пыркея Хунгуракова и Печенека (или Пичипега) Интокова. Имя первого из них мы нашли в списке «асанов» Тупоракова улуса (Пыргыек), второго — в списке коттов Тымакова улуса (Битпник). 22 ноября к Ермаку Остафьеву пришли на лыжах и сами князцы Тымак и Темсеник. Всего котты в Красноярск заплатили в 1628—1629 гг. 94 соболя [98].

Уже в 1628—1629 гг. было известно, что на Кане кочует тубинский князец (или просто «мужик») Сойт с 300 людей [99]. В феврале 1629 г. Сойт и известный нам коттовский князец Тымак рассказали красноярскому пятидесятнику Офоньке Обединну, посланному к бурятам, что у бурят третий год идет междоусобица и что они убили у бурят «большево князца» [100].

---

[94] Имеются также данные о численности прихожан камасинцев во второй половине XVIII в. по церковным данным. Всего их было (обоего пола, считая и детей):

Год	Численность	Год	Численность	Год	Численность
1770	347	1777	358	1784	303
1771	357	1780	355	1785	299
1772	348	1781	355	1786	281
1773	356	1782	355	1787	287
1775	360	1783	351	1788	291

(см.: Красноярский краевой архив, ф. Красноярской духовной консистории, исповедные росписи церквей Рыбенской и Ирбейской).

[95] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 274.

[96] J. Klaproth. Asia polyglotta. Paris, 1931, S. 168.

[97] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 53, 344—346, 566; ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 508.

[98] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 344—346, 378.

[99] См. там же, стр. 351—352.

[100] Там же, стр. 353.

В конце 1629 или начале 1630 г. на Кан пришел также тубинский князец Коян, а с ним моторский князец Шижеляк, «мунгатский» князец Мендалей и сборщики ясака Алтын-хана и джунгарского контайши.

Тогда же на Кане появилось 40 енисейских служилых людей во главе с атаманом Иваном Галкиным и десятником Михаилом Шориным. Этот отряд нашел Сойта и Кояна, имел с ними бой и взял ясырь. На обратном пути отряд Галкина и Шорина подвергся нападению Сойта и Кояна, но все же вернулся с добычей в Енисейск. Впоследствии коттовские князцы Тымак, Темсеник и Бага (Магай) жаловались, что енисейские служилые люди убили у них 20 чел., увели несколько семей, в том числе семью Темсеника, взяли 200 приготовленных в ясак соболей и т. д. Из документов по этому делу видно, что эти коттовские князцы жили по Кану в районе зимовья и около Канского озера (современное оз. Мангарек?) [101].

Вскоре после похода Галкина и Шорина, чтобы прогнать Сойта, Кояна и енисейских служилых людей, на Кан пришел Красноярский атаман Дементий Злобин с отрядом в 150 чел. На Кане, в двух днях пути выше зимовья, он нашел Тымака, который рассказал, что Коян и другие тубинцы стоят выше по Кану в пяти днях пути от зимовья. Злобин пытался захватить Кояна в аманаты. Произошел бой, в результате которого было взято в плен несколько тубинцев (см. ниже, в описании населения Тубинской землицы). В одном документе об этих событиях говорится про «татарина Тымака аянского», т. е., как мы предполагаем, «асанского». Коян брал с коттов албан, «керками чем коренье копают и луки и стрелы и лешемни всякие у них снасти побрал и... пограбил и до азнования разорил» [102].

В ясачной книге Красноярского уезда за 1630—1631 гг. имеется поименный список ясачных канских коттов, всего 176 или 177 чел., разделенных на 13 улусов. Приводим список этих улусов с указанием числа плательщиков ясака в них: улус князца Тымака — 17 чел.; улус князца Темсеника — 11 чел.; улус «лутчего мужика» Келеучи (Араксеев) — 16 чел.; улус «лутчего мужика» Аргачева (Атаманов) — восемь человек; улус «лутчего мужика» Пыргыека — девять человек; улус «лутчего мужика» Хабогора (Барданаков) — 22 чел.; улус «лутчего мужика» Талбана — пять человек; улус «лутчего мужика» Уртака («Пелюгинский») — шесть человек; улус «лутчего мужика» Ингиляка — четыре человека; улус князца Кулебака (Багин) — 27 чел.; улус «лутчего мужика» Туменрока (Именеков) — 17 чел.; улус «лутчего мужика» Истуги (Тупораков) — 13 чел.; Васанская землица «лутчего мужика» Телемпея — 22 чел. [103]

В Красноярских ясачных книгах 1632—1633 гг. записана «Канская земля и коттовская», с которой было взято 640 соболей и три кошлока. Кроме того, «з Бирюские земли» князца Тупорака было взято 92 соболя и с «Огулские земли» князца Ачеека — 60 соболей [104]. Последние две землицы представляют восточные группы коттов с Бирюсы (Оны) и, вероятно, Тагула, притока Бирюсы. Имя князца Тупорака (это другой, не асанский Тупорак) сохранилось, может быть, в названии р. Топорок, впадающей в Бирюсу ниже Тагула.

С этого времени красноярцы окончательно поделили с енисейцами ясачных коттов (асанов). Об енисейских асанах (коттах) см. в гл. XIV.

В 1635 г. в Канской землице было убито девять служилых людей. Хотя котты уверяли, что их убили приходившие на Кан тубинцы, к ним была послана из Красноярска карательная экспедиция. Коттов «повоевали и разорили» и взяли у них жен и детей. По челобитью коттов Таганского

---

[101] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 362—363.
[102] Там же, стр. 367—368.
[103] ЦГАДА, ф. 214, кн. 32, ч. II, лл. 1050—1054, 1176.
[104] Там же, ст. 56, л. 42.

улуса Пеяпка и Курганая часть взятого ясыря была, впрочем, возвращена [105].

5 октября 1636 г. был поставлен вместо старого ясачного зимовья Канский острог на р. Кан у Братского перевоза [106]. В том же году в Красноярске был снова взят 21 соболь с Пеленгутской (ср. выше Писигинская) земли (см. табл. 89) [107].

Таблица 89

Численность ясачных коттов в 1639—1642 гг.[108]

Улус или волость	Главы улусов	Плательщиков ясака			
		1639 г.	1640 г.	1641 г.	1642 г.
Тымаков	Пантык Тымаков сын, с 1642 г. Буранак Пантыков сын . .	10	11	11	11
Багин	Бага	17	17	7	12
Ыменеков	Ыменек, с 1642 г. Ынжелек (Ыжлек)	12	15	6	8
Темесников	Курчек	7	8	4	14
Таганаков	Обчинак, с 1641 г. Харбибунжи	9	6	8	8
Аракссев	Коснак, с 1641 г. Шитияк . .	10	7	4	5
Погурская	Хайтын	5	4	3	6
Барданаков или Жибардамов	Жибардам, с 1642 г. Потабан	14	13	12	5
Атаманов	Атаман, с 1642 г. Торсук . .	11	13	Св. нет	7
Асанская волость, Алыжбаев	Албышкай (Алыжбай)	13	13	12	12
Асанская волость, Тупараков	Таяк, в 1641 г. Абуку (Обуга)	15	14	13	12
Пеленгутская или Пелюгинская	Кобак, в 1640 г. Алтум . . .	4	9	3	8
Ылинаков	Илинак, с 1641 г. Уройдал	6	6	4	—
Агашская	Уреняк и Саяк	—	—	2	2
Шаралдаев	Торончак	—	—	—	3
Инголоцкая землица, Кочиев улус	Сабурун	—	—	—	3
Всего . . .		133	136	89	116

Относительно Пеленгутской волости в ясачной книге 1639 г. отмечено, что недобрано 24 соболя (т. е. с четырех человек), потому что они «откочевали к непослушным людям к брацким кыштымам». Про Илинаков улус в 1639 г. сказано, что он призван вновь «ис Тубинской землицы». Заметим, что асанские волости в 1639—1642 г. называли «Асанской землицей».

Недобор ясака со многих коттовских улусов в 1641 г. объясняется тем, что «того улусу ясачные люди в 148 году отъехали в Тубу, а иные побиты и померли».

---

[105] См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 432.

[106] ЦГАДА, ф. 214, ст. 84, л. 137; см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, Т. II, стр. 440.

[107] ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, л. 519.

[108] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 308—317; кн. 144, лл. 257—266; кн. 150, лл. 109—119; кн. 154, лл. 253—264.

В ясачной книге 1642 г. относительно восьми человек Курчекова (Темсеникова) улуса помечено, что они «живут на Красном Яру с аринцы». Уменьшение численности Алыжбаева улуса и отсутствие всех четырех человек Илипакова улуса объясняется в этом году «отъездом в Тубу». Заметим, что в «сказке» красноярского сына боярского Севастьяна Самсонова в «Инголопицкой землице братских киштымов» упоминается 10 чел., заплативших 40 соболей. Можно считать, что окончательно вся Канская землица была объясачена к середине XVII в., когда установился ее состав из 16 улусов и волостей. Правда, изредка и до и после этого появляются отдельные улусы, которые затем исчезают. Это или попавшие в канские ясачные книги камасинцы (например, Тагин улус в 1658—1667 гг. платил ясак в Канск), или вышеупомянутый в описании Яринской землицы Хайтонов улус, или еще какие-либо улусы, приходившие из Тубинской землицы. Известно, что в 1639—1642 гг. в Канск платил ясак «Илипаков улус», из шести плательщиков, в 1642 г.— «Шаралдаев улус» из трех плательщиков ясака. Оба они «отъехали в Тубу». Кроме того, в 1689—1699 гг. в Канской землице был какой-то «Маймаков улус» из 11 плательщиков ясака.

В конце 90-х годов XVII в. в Канской землице было еще семь каких-то тубинцев, около 1699 г. тоже, видимо, ушедших в Тубу. Все эти группы мы в состав Канской землицы не включаем.

Приведем данные о численности плательщиков ясака в коттовских улусах во второй половине XVII и в начале XVIII в. (табл. 90).

Если выделять асанов, то к ним надо отнести четыре последних улуса (волости) — три по названию и один (Жибардамов) по месту жительства (см. ниже). «Погром» 1678 г. на численности коттов отразился не очень сильно. Но имели место другие причины резкого снижения численности отдельных улусов коттов, например Початского с 1662 на 1664 г., Байгина с 1667 на 1669 г., Шалашкина с 1667 на 1669 и с 1670 на 1671 г., Алыжбаева с 1667 на 1669 г. Этими причинами являются, вероятно, набеги киргизов и угон населения в Тубинскую землицу.

Следует также отметить, что Шалашкин улус в ясачной книге 1657—1658 гг. записан как «Шалашкин улус новопризванных камасий». Таким образом, этот улус, по-видимому, представляет ассимилированных коттами камасинцев. В ясачной книге 1658 г. относительно почти всех улусов коттов сделаны следующие отметки: «Розбежались от мугалского Алтынова сына Ловжана в темные леса и жили в бегах, а иные с голоду померли, а иных пограбили тубинские князцы». В 1679 г. Шалашкин улус платит ясак в Яринской землице под названием «Котовского улуса».

Для определения численности коттов к середине XVII в. возьмем по каждому улусу наибольшие данные с 1658 по 1670 г. В общей сложности получится 330 плательщиков ясака (всего 1320 чел. населения). Для определения их численности в конце XVII в. возьмем данные 1701 г., когда у них было 273 плательщика ясака (всего 1100 чел. населения). Остается установить, сколько было коттов к приходу русских, т. е. в первой половине XVII в. Имеющиеся у нас данные 1630—1631 и 1638—1642 гг. явно не охватывают всех коттов. Поэтому за основу взята численность коттов в 1658—1670 гг. и к ним прибавлено еще 20 мужчин, якобы погибших в бурную зиму 1629/30 г. Получается, что в первой половине XVII в. ясачных коттов было около 350 (всего около 1400 чел. населения). В том числе в четырех «асанских землях» (волостях и улусах) было, очевидно, около 75 мужчин (всего 300 чел. населения).

Миллер указывал, что название «асаны» употреблялось лишь в отношении тех коттов, которые жили в верховьях р. Усолки, впадающей в Тасееву, по соседству с коттами, жившими по Кану[109]. По нашему мнению,

[109] См.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 48.

Таблица 90

Численность плательщиков ясака Котовской землицы

Улус или волость	Год																										
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679	1680	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1735
Пантыков (Тымаков)	29	26	30	29	29	29	29	30	32	28	30	27	26	26	20	24	24	26	25	28	29	27	28	30	30	21	22
Темсеников (Курчеков)	12	8	9	7	7	7	6	4	4	3	4	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Байгин или Багин . .	19	20	16	16	19	26	12	14	12	16	15	20	17	21	17	18	16	15	18	16	17	16	18	16	16	12	8
Араксеев	9	11	10	9	9	8	9	8	8	7	5	5	5	4	4	5	4	4	5	7	5	5	6	6	6	4	—
Торсуков (Атаманов)	11	11	5	12	12	9	12	13	13	13	12	13	12	11	8	12	13	14	14	11	10	10	11	12	12	10	7
Шалашкин	35	23	21	21	25	22	15	26	14	13	14	12	15	12	11	9	10	9	9	10	13	14	16	30	40	16	10
Початский	21	25	13	19	16	13	6	7	8	5	6	5	4	4	—	3	4	4	4	2	2	3	4	9	9	3	—
Таганаков	21	22	22	23	25	22	25	28	24	26	22	20	20	21	20	21	21	19	21	16	18	15	16	16	16	10	4
Именеков (Яржин, Аршин, Аяржин) . .	19	24	27	27	29	25	23	25	23	27	24	22	21	23	22	23	25	22	17	17	17	16	19	2	4	20	11
Пеленгутская	20	21	21	24	25	24	24	26	25	24	36	35	33	30	31	32	27	30	35	40	36	34	35	42	43	22	14
Агашская	9	9	10	10	11	12	12	11	11	13	10	12	11	14	13	14	14	14	14	15	15	14	18	20	19	20	19
Инголатская	11	13	10	10	11	10	10	10	9	11	12	13	16	14	—	14	13	14	18	18	16	18	18	19	20	15	12
Жибардамов (Бардана-ков)	22	22	22	22	22	20	22	23	21	21	24	27	27	24	17	19	19	15	17	16	17	17	21	32	35	25	28
Албышкаев или Алыж-баев (Асанская волость)	13	15	15	13	14	14	8	7	7	8	6	8	7	8	7	8	9	9	8	8	8	7	7	4	4	2	2
Тупораков (Асанская волость)	19	17	17	21	21	21	17	23	22	22	22	20	21	18	14	14	11	13	13	15	15	10	12	12	17	11	6
«Осанская»	6	3	6	6	6	5	7	9	7	7	10	4	7	4	—	4	3	3	3	2	2	2	2	2	2	3	2
Всего . . .	267	270	254	269	281	267	237	264	239	244	252	243	244	234	172	220	213	211	221	221	220	208	231	252	273	194	145

как мы уже указывали выше, котты и асаны — это одно и то же. Но поскольку за северной группой коттов это название утвердилось в литературе, то его можно условно употреблять для обозначения северной части коттов, подвергшейся значительному тунгусскому влиянию и, видимо, в какой-то степени обособившейся поэтому от остальных коттов.

По-видимому, главной причиной сокращения численности коттов в XVII в. были набеги киргизов и угон коттов в Тубу. В ясачной книге 1690 г. отмечалось, что многие «канские ясачные люди» находятся «в киргизах и в Тубе» [110]. В дальнейшем котты, оставшиеся в бассейне Кана, были ассимилированы русскими. Небольшая часть их вошла в состав современных нижнеудинских бурят [111].

Все население «Канской Котовской землицы» представляло коттов (асанов). Принадлежность коттов к кетской языковой группе была доказана Кастреном, составившим словарь и грамматику коттского языка. У Миллера мы находим и коттские названия коттских улусов. Они назывались по-котски аймаками, а собственные названия их были таковы: Пантыков — Пэнтйк-аймак, Багин-Камартагат-аймак, Алыжбаев (Алашпаев) — Халансырка́т-аймак, Тупораков — Пэна́панкат-аймак, Шалашкин — Тэ́шыркат-аймак, Торсуков — Торшу́к-аймак, Асанская волость — Чубрэ́мкат-аймак, Жибардамов — Шиба́рдам-аймак, Таганаков — Типпага́н-аймак, Имешков — Иммэлэ́к-аймак, Пеленгутская волость — Пэлэнгут-аймак, Агашская волость — Айгаш-аймак, Инголотская волость — Инголанкат-аймак [112]. Названий улусов Темсеникова, Араксеева и Початского Миллер не сообщает, так как в его время их в Канской землице уже не было. В 1847—1848 гг. Кастрен нашел лишь Пантыков улус на р. Агул (Малый Кан), Шалашкин улус на р. Кунгус (приток Агула) и Багин (Багинов) улус в деревнях Анзир, Барнаул и Иланская («Еланск») в районе Канска, раньше якобы живших по р. Пойма. Группу обурятившихся коттов Кастрен нашел также в дер. Бадараповка на Уде ниже Нижнеудинска [113].

По Миллеру, котты жили в области рек Кана, Усолки, Поймы («Пойом») и Бирюсы. На этой территории отдельные улусы были расселены таким образом: Пантыков, Багин, Алышпаев и Тупораков улусы жили на притоках Кана Малый Курыш, Черный Курыш и Барга, впадающих в Кан ниже г. Канска. Шалашкин и Торсуков улусы жили по Кану, несколько выше острога, и по впадающей здесь в Кан р. Ашкаул («Ёшка-ул»). Асанская волость была расположена на озере (очевидно, оз. Улуколь)

---

[110] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 388.

[111] Данные о численности канских коттов имеются в церковных исповедных росписях за вторую половину XVIII в. (Красноярский краевой архив, ф. духовной консистории, исповедные росписи церквей Канской и Омонашенской).

Год	Количество человек обоего пола	Год	Количество человек обоего пола	Год	Количество человек обоего пола
1770	377	1779	241	1784	155
1771	374	1780	241	1785	153
1776	285	1781	156	1786	146
1777	273	1782	156	1787	146
1778	246	1783	156	1788	143

По переписи 1897 г. в Канском уезде было всего 567 «тюрок Канского округа» (помимо камасинцев и других подобных же «тюрок»). Может быть, эти «канские тюрки» отчасти представляли потомков коттов (см.: С. К. Патканов. Статистические данные.... Т. II. СПб., 1912, стр. 350—357).

[112] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, л. 27 об.

[113] См. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 382, 387. А. Шифнер в предисловии к труду Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre (St. Petersburg, 1858), называет в качестве места жительства коттов еще дер. Коростелеву и р. Ульку (стр. VIII).

между реками Черный Курыш и Усолкой, а Жибардамов улус — у истоков Усулки. Таганаков и Именеков улусы находились на р. Пойме и ее притоке Тебичет (Тибишет). Пеленгутская волость была расположена на р. Туманшет, притоке Бирюсы (очевидно, в районе устья р. Туманшет, так как выше по ней кочевали карагасы). Наконец, Агашская и Инголотская волости находились на Бирюсе и ее притоке Тагул, очевидно в районе его устья [114].

Относительно Араксеева улуса можно предполагать, что он находился на р. Кан ниже Канска у порога. Тут же, как известно, находился и Темсеников улус. Что касается Початского улуса, то, может быть, он находился на р. Почет притоке Оны (Бирюсы). Для определения границы между коттами и тунгусами на северо-востоке нами использована топонимика. Речки с названиями, оканчивающимися на «чет» или «шет» (например, Черчет, Шагишет, Екунчет, Акулшет, Чурмачет, Пинчет, Хайчет и т. п.) [115], мы отнесли к территории коттов, речки с названиями типа Джакчанда, Джуктали, Дышима, Оронча, Джалинда, Джегдыхан, Джидыкон, Хуликан, Аликта, оз. Омут и т. д.— к территории тунгусов. Южная граница коттов по Тагулу и Бирюсе определена по речкам с коттскими названиями — Ишет и Кременшет.

Из сравнения приведенных выше сведений о расселении коттов во время путешествия Кастрена, данных Миллера и, хотя и отрывочных, данных XVII в. видно, что данные Миллера и документов XVII в. в общем совпадают. Только из района самого Канска ко времени Миллера котты были несколько потеснены на периферию. Наоборот, из данных Кастрена о расселении коттов с XVII в. несколько совпадает лишь расселение обрусевших потомков Багина улуса. Шалашкин улус оказался потесненным вверх по Кану, а остатки Пантыкова улуса перешли с низовьев и среднего течения Кана в его верховья, где вместе с остатками Шалашкина улуса образовали Агульский улус.

Котты имели лошадей и крупный рогатый скот. В 1690 г. тубинский князец Шандык только у канского котта Шибахана Бардамова с братьями угнал 150 лошадей и 15 голов крупного рогатого скота, а из других улусов — 56 лошадей [116]. Подобно шорцам котты занимались выплавкой железа из руды и кузнечным делом. Занимались они также охотой и рыболовством, собиранием съедобных корней и клубней дикорастущих растений, заготовляли орлиные перья (для оперения стрел).

6. «Братской Удинской землицей» назывался в Красноярском уезде XVII в. конгломерат улусов и волостей, ясак с которых собирался в Удинском остроге (современный г. Нижнеудинск). Этой землицей ведал особый удинский «приказчик». Этнически она была очень неоднородна, и бурят в ней было сравнительно мало. К ним принадлежала, однако, господствовавшая здесь до прихода русских социальная группа населения. Достаточно указать, что вся будущая карагасская народность целиком входила в эту «Братскую землицу». Ко времени, когда племенами землицы стали заниматься этнографы и лингвисты, большая часть коренных ее обитателей, кроме карагасов, обурятилась или обрусела. Поэтому установить действительную этническую принадлежность племен «Братской землицы» к XVII в. довольно трудно.

В «Братскую Удинскую землицу» входили формально Кайсотская и иногда Саянская землицы. Но поскольку они представляли нечто вроде

---

[114] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, л. 27 об. В одном документе 1678 г. говорится: «А по Бирюсе живут великого государя котовцы» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 708, ч. II, л. 374).

[115] По-коттски «шет» значит река (см.: M. A. Castren's Versuch einer jenisei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre, 1858, S. 238).

[116] ЦГАДА. ф. 214, ст. 1052, лл. 704, 700, 702.

алтайских двоеданцев, вообще выделялись как особые землицы и в конце концов вышли из состава российских владений, мы их рассмотрим отдельно.

История присоединения «Братской Удинской землицы» к России вкратце такова.

В 1629—1630 г. в Енисейск было взято «с Тасеевой и Чюны рек с тунгусских и братских людей», с князца Кохоня и с Кадыма 59 соболей, две выдры и один кошлок [117]. В 1630—1631 г. из Енисейского острога было послано 20 служилых людей (во главе с Михаилом Шориным, см. ниже) «в Тасееву и по Чюне вверх к братским к Кохоню да к куряхин[с]кову князцу Кадыну приводить под высокую государеву руку». Одновременно «в Тасееву реку и по Оне вверх к братским же людям» был послан с 20 служилыми людьми Тереха Савин [118].

Результат похода Терехи Савина неизвестен, а Михаил Шорин взял «з братских людей, которые живут в сторонних улусах по Чюне реке князца Кориндея» 46 соболей, одну пластину соболью, двух бобров, двух кошлоков [119]. Он же привел Кориндея в Енисейск в качестве аманата [120].

В 1633 г. в «Братскую землицу» ходил красноярский атаман Дементий Злобин. На р. Бирюсе он нашел «брацкого» князца Учека с улусом из девяти юрт и привел их всех на Кан. На р. Оше Злобин нашел «братского князца Корондая» с его улусом. Так как Корондай (см. выше Кориндей) «учинился силен», Злобин разгромил его улус. В 1634 г. енисейские служилые люди искали Кориндея по Тасеевой и Чупе, но оказалось, что он со своим улусом «откочевал в братские дальние улусы на Оку» и там умер [121].

В 1636 г. котты, глава Тупоракова улуса Таяк (Таям) и глава Именекова улуса Именек, жаловались на набеги братских киштымов. Поэтому в 1637 г. был совершен поход, правда безрезультатный, атамана Милослава Кольцова в Инголотскую землицу [122]. В 1645 г. состоялся новый поход атаманов Милослава Кольцова и Елисея Тюменца с 330 служилыми и ясачными людьми. «Братские князцы» Оилан и Номча были побеждены. 70 «братских людей» было убито, в том числе были убиты Номча и два сына Оилана, в плен попало 86 «жен и робят». Оилан был вынужден подчиниться, и в 1647 г. атаманом Елисеем Тюменцем был поставлен Покровский, или Братский острог, за которым затем закрепилось название Удинского острога [123].

В 1650 г. племянники Оилана Узун и Чиначей убили девять сборщиков ясака. Сам Оилан в 1651 г. перестал платить ясак и ушел из-под Удинского острога. В 1652 г. бурятские князцы снова были разгромлены. Чиначей был убит, а Узун, оставив в руках служилых людей свою семью, бежал к булагатам. В 1653 г. Узун был вынужден явиться в Красноярск и подчиниться. Около этого времени подчинились и некоторые шараиты (шаронимцы) во главе с князцом Харой [124].

В 1651 г. было взято восемь соболей также в новой «Югденской землице» [125].

Дальнейшее продвижение красноярских служилых людей на восток в глубь бурятской земли к булгатам было приостановлено, так как посреди булгатских улусов енисейским приказным человеком Дмитрием Фирсовым

[117] ЦГАДА, ф. 214, ст. 45, л. 25.
[118] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 86.
[119] ЦГАДА, ф. 214, ст. 45, л. 35; кн. 34, л. 555.
[120] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 120.
[121] ЦГАДА, ф. 214, ст. 46, лл. 217—218; ст. 183, л. 17; ст. 368, л. 86.
[122] Там же, ст. 90, лл. 275—291.
[123] Там же, ст. 292, лл. 33—47.
[124] ЦГАДА, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 515, 519.
[125] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 541. Во многих документах она называется также «Огунской землицей».

был в 1654 г. поставлен Балаганский острог. В 1653 и 1654 гг. удинский приказчик Михаил Ярлыков ходил в походы на «ясачных людей» Енисейского уезда. В 1654 г. он, в частности, увел из-под Братского острога 14 кармагинцев — «Томдака с братьею». В ответ на это в том же году служилые и ясачные люди Братского острога осаждали Удинский острог [126].

В 1656 г. снова произошло восстание удинских бурят (ашехабатов). Это восстание тоже было инспирировано господствующей верхушкой ашехабатов, отстаивавшей свое «право» на эксплуатацию киштымов, и его не поддержало остальное население Удинской землицы. Восставшие ашехабаты поэтому обрушились главным образом на своих бывших киштымов и, как сообщают источники, «те воры удинские ашехабацкие князцы... тех удинских ясачных людей побивают и в полон к себе емлют» [127]. В результате восстания часть ашехабатов ушла за рубеж, откуда возвратилась лишь в 1668—1669 гг. (см. ниже).

С 1657—1658 гг. уже имеются ясачные книги. Но для удобства изложения мы будем приводить их данные не целиком, а отдельно по четырем

Таблица 91

Численность ясачных бурят Удинской землицы

Улус	Год													
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679
Ашехабаты, Узунов улус, с 1669 г. улус князца Дючки	11	18	16	20	17	19	25	27	25	25	25	21	23	19
Ашехабаты новые выходцы	—	—	—	—	—	11	18	20	24	25	34	27	36	32
» Иланков улус	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» Туралитский улус	7	9	9	9	10	10	10	10	11	12	13	15	15	13
» Агалитский »	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» Шараитский »	8	15	13	16	17	16	14	17	19	19	18	17	17	18
Всего . . .	31	42	39	45	44	56	67	74	79	81	90	80	91	82

Улус	Год													
	1680	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1727	1735
Ашехабаты, Узунов улус, с 1669 г. улус князца Дючки	17	18	17	20	14	22	22	19	26	33	37	48	99	91
Ашехабаты, новые выходцы	30	32	32	35	33	32	40	27	43	54	58	63		
» Иланков улус	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» Туралитский улус	12	12	11	12	14	14	12	13	14	16	17	22	14	15
» Агалитский »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» Шараитский »	19	15	16	17	18	17	16	17	17	16	17	21	13	11
Всего . . .	78	77	76	84	89	85	90	76	100	119	129	154	126	117

[126] См. А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 91—97.

[127] С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-Монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1934, стр. 112.

этническим группам, из которых состояло население Удинской землицы. Этими группами являются буряты, котты (которых здесь называли корчунами), тунгусы и предки современных карагасов (гофаларов). В табл. 91 (стр. 249), показана численность плательщиков ясака по бурятским родам (улусам) Удинской землицы.

Можно предполагать, что «Иланков улус» из трех плательщиков ясака, в ясачных книгах упоминающийся только раз в 1658 г., присоединился к улусу Дючкину, или Узонову (Узупову), так как Узун был племянником Илана (Ойлана) и оба они принадлежали к одной родоплеменной группе ашехабатов.

Очень возможно, что Туралитский улус тоже представлял собой группу ашехабатов, жившую близ города (тура). Поэтому, может быть, современный Туралитский род бурят,живущий на р. Уде выше Нижнеудинска, представляет собой группу самых западных ашехабатов. Об Агалитском улусе никаких сведений нет. Нет уверенности даже в том, что это был бурятский род. Таким образом, если не считать Агалитский улус, очень возможно, что удинские буряты в XVII в. принадлежали лишь к двум родам — большому (господствовавшему) Ашехабатскому и небольшому Шараитскому. Уменьшение числа удинских бурят в 1727—1735 г. объясняется переселением в Забайкалье, на р. Джиду [128].

Для определения численности удинских бурят в середине и конце XVII в. нами взяты данные 1675 и 1701 гг. и умножены на 5. Для определения численности удинских бурят в первой половине XVII в. использованы данные 1665 г.— 45 плательщиков ясака, и прибавим к ним 35 плательщиков ясака, ушедших за рубеж. В результате получим всего 80 плательщиков ясака (всего 400 чел. населения). К этой цифре прибавим 156 убитых и взятых в плен бурят в 1645 г. (см. выше). Итого можно считать, что до 1645 г. удинских бурят было всего около 550 чел., что соответствует примерно 110 трудоспособным мужчинам.

В табл. 92 приведены данные о численности плательщиков ясака в коттовских (корчунских) улусах Удинской землицы.

Для определения численности корчунов в первой половине и середине XVII в. мы примем данные 1658, 1662 и 1677 гг., т. е. 100 плательщиков ясака (всего 400 чел. населения), а в конце этого столетия — данные 1700 г., т. е. 137 плательщиков ясака (всего 550 чел. населения).

Резкое увеличение количества ийских корчун в 1712 г. по сравнению с 1701 г. объясняется включением в их число русских обитателей дер. Зиминской, которые тоже платили ясак из расчета один соболь с человека.

Необходимо ответить на вопросы, почему мы считаем всю эту группу улусов корчунами и корчунов коттами.

В 1647 г., еще до основания Удинского острога, ашехабатский князец Оилан (он же Илан) «объявил... в улусах своих ясачных людей 134 человека, да корчунские земли лутчей мужик Кокте объявил... в улусах своих ясашных же людей 60 человек» [129]. Таким образом, в 1647 г. Оилан и Кокте считали, что у них 194 плательщика ясака. В 1658 г., от которого у нас уже имеются данные по отдельным улусам, в Удинской земле было 206 плательщиков ясака. Мы видим, что эти данные сравнимы. Правда, надо иметь в виду, что в 1658 г. часть бурят была уже за рубежом. Но в общем можно предполагать, что Оилан считал своими людьми бурят и тунгусов, а Кокте коттов (корчунов), кроме ийских (см. ниже). Красноярский сын боярский Севастьян Самсонов, указывая, какие группы туземного ополчения он возглавлял во время похода на бурят в 1652 г. (см. выше), писал, что он

---

[128] ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, л. 10 об. Данные за 1727 г. см. там же, лл. 11—17. О вышедших под Иркутск в 1667 ашехабатах см. ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 23, л. 175.

[129] ДАИ, т. III. СПб., 1848. лл. 106—107.

Таблица 92

Численность ясачных корчунов

Улус	Год													
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679
Корчунский Мангалиев . . .	27	28	25	25	24	19	19	20	20	21	24	23	26	22
Улеготский	13	15	14	16	16	15	14	17	17	17	16	17	16	13
Байберинский	5	4	4	5	5	4	4	4	4	4	5	6	6	6
Шуртосский	23	21	21	19	19	18	19	18	21	19	20	23	23	26
Ийских корчунов	13	13	10	11	11	9	9	10	10	9	12	12	12	12
Манзираский	18	18	14	13	13	13	16	17	16	15	17	15	17	14
Всего . . .	99	99	88	89	88	78	81	86	88	85	94	96	100	93

Улус	Год													
	1680	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1727	1735
Корчунский Мангалиев . . .	27	28	28	30	34	29	27	30	33	35	41	47	49	42
Улеготский	11	10	11	14	13	10	10	8	12	16	16	18	11	8
Байберинский	6	6	6	7	8	7	7	6	7	9	9	12	9	10
Шуртосский	26	25	24	24	29	24	26	22	29	26	26	31	25	22
Ийских корчунов	12	12	12	13	16	16	15	13	19	19	19	31	32	28
Манзираский	15	15	14	15	21	18	19	20	21	32	32	25	5	9
Всего . . .	97	96	95	103	121	104	104	99	121	137	143	164	131	119

был «головою» у «канских и котовских и у корчюнских и тубинских татар» [130]. Таким образом, наряду с такими крупными объединениями, как канские котты и тубинцы, он называет «корчюн», очевидно подразумевая под этим названием целую группу улусов (родов) Удинской землицы. Да и другие документы XVII в. называют корчун, «корчунских мужиков», наряду с бурятами как какую-то определенную значительную группу населения Удинской землицы [131].

Правда, официально назывались корчунскими лишь улусы Мангалиев и Ийский. Но в 1658 г. в этих двух улусах было не 60, а лишь 40 плательщиков ясака. При этом как раз ийских корчун иногда относили к обурятченным тунгусам каранотам [132] и вероятнее всего, в 1647 г. они причислялись не к корчунам Кокте, а к улусам князца Оилана. По-видимому. Кокте считал корчунскими улусами, помимо своего собственного Корчунского (Мангалиева) улуса, соседние улусы Улеготский, Байберинский и Манзирский или Шуртосский [133]. О том, что шуртосов следует отнести к корчунам

[130] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 541.

[131] См. А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 315, 331—332.

[132] См. С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-Монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. 1, 1939, стр. 115.

[133] См. там же, стр. 115. С. А. Токарев считает, что куряхонский князец Кадым (см. выше) был корчуном. Вероятно, так оно и было.

в широком смысле этого слова, свидетельствует их местоположение. Они жили по островкам лесостепи между собственно корчунами и ийскими корчунами (см. ниже). Но, может быть, к корчунам следует отнести также и Манзирский (Манзиpаский) улус. Как увидим ниже, этот улус еще в начале XVIII в. находился на маленькой речке Рубахиной, левом притоке Уды, под самым Удинском, в окружении Байберинского и Мангалиева улусов корчун, Туралитского улуса бурят и Карагасского улуса карагасов. Как и другие корчунские и бурятские улусы, Манзирский улус занимал очень небольшую территорию, тогда как основные карагасские улусы XVII в. занимали огромные пространства в Саянах и к северу от них. Это обстоятельство заставляет предполагать, что исходное ядро Манзирского улуса по своему хозяйству и культуре было ближе к корчунам или бурятам, а не к саянским оленеводам-карагасам. Но потомки Манзирского улуса сейчас входят в состав нижнеудинских бурят (род Манжирак), карагасов (род Чептей, он же «Манжурский» улус) и даже в состав дархатов (род Манжирак) [134]. Таким образом, часть этого улуса, оставшаяся в районе Нижнеудинска, обурятилась, а другая часть стала кочевать с карагасами и дархатами и слилась с ними. Надо иметь в виду, что еще в XIX в. карагасы, выходя под Нижнеудинск для уплаты податей, стояли обычно на р. Рубахине, здесь же происходила «карагасская ярмарка». Отсюда можно сделать вывод, что часть манзирцев-корчунов, постоянно общаясь с приходящими на р. Рубахину карагасами, стала кочевать с последними и таким образом была ассимилирована [135]. Сокращение численности Манзирского улуса в 1727 г. по сравнению с 1712 г. совпадает с уменьшением численности и карагасского Югдинского улуса. Это, может быть, связано с каким-либо временным уходом окарагасившейся части Манзирского улуса за рубеж в связи с демаркацией границы между Россией и Китаем (см. ниже). Вероятно, тогда они и попали в состав дархатов, где считаются по происхождению бурятами.

Кастрену рассказали, что у нижнеудинских бурят роды Малдер (ср. Манзир) и Улюгут (ср. Улегот) раньше были «карагасскими» [136]. Мы предполагаем, что здесь речь идет о корчунах-коттах. К XIX в. в Нижнеудинском округе были известны из туземных народов лишь буряты и карагасы. Естественно, что все небурятское считалось карагасским. Во всяком случае Улеготский улус, который еще в начале XVIII в. был расположен на притоке Бирюсы р. Топорок, в районе с коттской топонимикой (например, р. Камшет), никак нельзя считать для XVII в. карагасским.

Мы считаем всю эту группу родов (улусов) особым, хотя уже в значительной степени подвергшимся бурятскому влиянию, племенем корчунов, этнически родственным коттам. Мы видели, что корчунов нельзя отнести ни к бурятам, ни к карагасам. Нельзя считать их и тунгусами, так как енисейские служилые люди, хорошо знакомые с тунгусами, корчунов к тунгусам не относили. В то же время кочемаров и кармагинцев, тоже в достаточной мере обурячешных, эти служилые люди без всяких обиняков считали тунгусами.

[134] См. Г. Д. Санжеев. Дархаты. Л., 1930, стр. 12, 13.

[135] Карагасские предания о происхождении рода Чептей довольно противоречивы. Из пяти записанных на эту тему Н. Ф. Катановым преданий в двух говорится, что этот род вышел из земли бурят, в одном — из земли монголов, в одном — с оз. Косогол, с последующим уходом части этого рода в сторону монгол, и в одном рассказывает о том, что род Чептей до прихода русских не подчинялся бурятам, в противоположность другим карагасам (Записки ИРГО по этнографии, т. XVII, вып. II, СПб., 1891, стр. 141, 153, 200, 221, 226). Поскольку в XVII в. корчуны жили на одной территории с бурятами, то часть этих преданий может свидетельствовать о корчунском происхождении рода Чептей, а предание о неподчинении рода Чептей бурятам может быть связано с фактом выступлений корчун вместе с русскими служилыми людьми против бурятских князцов (см. выше).

[136] См. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 388.

В 1634 г. среди корчунов на р. Чуне упоминается некий Уто [137]. По-коттски «уто» значит «тайно», «украсть», т. е., очевидно, этот Уто рожден вне брака. Такого рода прозвища встречались у народов Сибири еще совсем недавно. Коттский язык позволяет объяснить название, вероятно эпонимическое, Улеготского улуса: «ул» — «вода», «хэт» — «человек», «улехэт» — «водяной человек»; по-видимому, это собственное имя. Само название «корчун» очевидно восходит к самоназванию коттов [138].

В табл. 93 приведены данные о тунгусах Удинской землицы.

Таблица 93

Численность ясачных тунгусов Удинской землицы

Улус	Год													
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679
Кочемарский	6	7	7	10	10	9	13	9	10	10	7	7	9	7
Кармагинский . . .	8	13	12	9	9	9	9	8	9	9	11	10	12	10
Караиотский	15	8	9	9	10	9	9	9	9	9	12	12	12	13
Всего . . .	29	28	28	28	29	27	31	26	28	28	30	29	33	30

Улус	Год													
	1680	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1727	1735
Кочемарский	9	9	9	10	9	9	9	8	10	11	12	15	6	5
Кармагинский . . .	10	12	12	12	13	11	9	10	13	17	17	23	15	13
Караиотский	11	14	19	18	14	16	14	15	19	20	19	30	39	14
Всего . . .	30	35	40	40	36	36	32	33	42	48	48	68	60	32

Как уже было сказано, в Енисейском уезде кочемары и кармагинцы считались тунгусами, да и сами эти названия тунгусские. Что касается караиотов, мы относим их к тунгусам потому, что в Енисейском уезде по соседству с удинскими караиотами жили караноты (или «харануты») тунгусы, платившие ясак в Балаганский острог [139]. По-видимому, не только тунгусы кочемары и кармагинцы, но и тунгусы караноты были разделены между Енисейским и Красноярским уездами.

---

[137] См. А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 332.

[138] Миллер называет Корчунский аймак (по-бурятски) Нижнеудинской землицы Кочунским улусом (ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, л. 28). Форма «кочун», очевидно, является самоназванием. По Кастрену, на коттском языке «котюан» — значит «котты» (множественное число) (см.: M. A. Castren's Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre, S. 206). Буряты переделали это самоназвание коттов в корчун, вероятно, по аналогии с монгольским харачу, означавшим человека из покоренных, подчиненных родов (см. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 118, 169).

[139] Харануты жили также в Иркутском и Нерчинском уездах и в Монголии на р. Иро. В Иркутском уезде они считались бурятами, а в Нерчинском уезде и в Монголии — тунгусами.

Можно считать, что в начале и середине XVII в. удинских ясачных тунгусов было около 40 (всего 160 чел. населения), а в конце XVII в.— 48 (всего 200 чел. населения). Уменьшение числа карапотов к 1735 г. связано с переселением их на Джиду в Забайкалье.

В табл. 94 приведены данные о карагасах Удинской землицы.

Таблица 94

Численность ясачных карагасов Удинской землицы

Улус	Год													
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1669	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679
Карагасский	15	18	18	18	21	20	22	24	24	24	24	23	26	21
Кангатский	7	8	7	7	6	8	9	10	9	11	12	11	10	12
Кубалитский	4	6	5	6	6	7	6	6	5	5	6	5	6	5
Сильпигурский . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Югдинский	21	23	28	27	27	25	28	30	35	40	43	40	41	35
Всего . . .	47	55	58	58	60	60	65	70	73	80	85	79	83	73

Улус	Год													
	1680	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1700	1701	1712	1727	1735
Карагасский	22	21	20	21	22	23	24	23	29	27	28	30	25	21
Кангатский	11	10	10	12	8	6	6	9	10	15	16	22	15	21
Кубалитский	4	4	4	4	4	3	4	4	4	5	6	20	—	—
Сильпигурский . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	15
Югдинский	39	37	35	27	40	9	6	23	23	52	51	60	31	26
Всего . . .	76	72	69	64	74	41	40	59	86	99	101	122	84	83

Для определения численности карагасов в первой половине и середине XVII в. используем данные 1675 г.— 85 плательщиков ясака (всего 340 чел. населения). Будем считать, что в конце XVII в., как в 1701 г., был 101 плательщик ясака (всего 405 чел. населения) [140].

Роды Карагасский (Сарыг-каш), Кангатский (Каш), Сильпигурский (Ак-Чогду или просто Чогду), Югдинский (Кара-Чогду) существуют у карагасов и в настоящее время. Сильпигурский род, видимо, отделился от Югдинского между 1712 и 1727 гг. В 1712 г. было 60 югдинцев. Из них 26 в результате демаркации границы между Россией и Китаем в 1727 г. оказались в Китае [141], 13 образовали Сильпигурский улус и 31 остался в Югдинском улусе. Название Сильпигурского улуса, вероятно, образовано от собственного имени. В 1727 г. среди югдинцев были, например, имена Хабогор, Колтогор, Борхогон, Багугор, созвучные имени Сильпигур (Шельбегор).

Кубалитский улус уже после 1712 г. исчез из состава карагасов. Вероятно, он тоже после установления границы оказался в Китае. Исчезновение Кубалитского улуса совпадает с появлением Сильпигурского. Но, как

[140] В 1888—1889 гг. карагасов, платящих подати, было 103, а всего населения — 416 чел. (219 м. п., 197 ж. п.) (см. Н. Ф. Катанов. Поездка к карагасам. «Зап. ИРГО по этнографии», т. XVII, вып. II, СПб., 1891, стр. 161, 220).

[141] ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, л. 8.

мы видели выше, есть ряд оснований считать, что Сильнигурский улус выделился из Югдинского.

О Кубалитском улусе у нас имеются данные только из ясачных книг. В них этот улус фигурирует в составе улусов Удинской землицы, первое время в конце их списка (обычно до или после Кангатского улуса), но перед записями ясака с Саянской и Кайсотской землиц. Этих данных, конечно, недостаточно, и вопрос о Кубалитском улусе по существу остается открытым. Может быть, это даже какая-нибудь группа бурят, переселившихся в 1727 г. в Забайкалье. К карагасам мы этот улус причисляем условно.

Нам остается решить вопрос об этнической принадлежности предков карагасов. Сейчас карагасы являются тюркоязычным народом, говорящим на том же языке, на котором говорят и тувинцы-оленеводы. Однако еще во второй половине XVIII в. собственно Карагасский род, по свидетельству Палласа, говорил на самоедском языке [142].

Но если род Сарыг-каш (т. е. Желтый каш) был во второй половине XVIII в. самоедоязычным, то род Каш, который являлся, вероятно, основным из этих двух родов, тоже можно считать самоедским по происхождению. Выше мы видели, что этноним «каш» есть все основания рассматривать как самоедский.

Как известно, Югдинский улус образовывали роды Чогду и Кара-Чогду, из которых первый затем выделился в качестве самостоятельного Сильнигурского улуса [143]. В. В. Радлов считает название «чогды» самоедским [144]. Если к этому прибавить, что члены родов Чогду и Кара-Чогду были такими же оленеводами и охотниками, как и члены родов Каш и Сарыг-Каш, и жили в одинаковых конических чумах, то есть основание считать, что, по крайней мере, в первой половине XVII в., все предки современных карагасов (за исключением рода Чептей) были самоедами.

В табл. 95 приведены сводные данные об изменении численности населения Удинской землицы в течение XVII в.

Таблица 95

Численность населения Удинской землицы

Группа	Первая половина XVII в.		Середина XVII в.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Буряты	110	550	90	450	129	645
Котты	100	400	100	400	137	550
Тунгусы	30	120	30	120	48	200
Карагасы	85	340	85	340	101	405
Всего . . .	325	1340	305	1310	415	1800

[142] См. П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. III. СПб., 1788, стр. 424.

[143] Вероятно, первоначально Югдинский улус соответствовал одному роду Чогду. По мнению Л. П. Потапова, Югду и Чогду — это разные фонетические вариации одного и того же названия. Затем в этом роде, видимо, образовалось подразделение Кара-Чогду, которое с течением времени стало преобладающим. Когда меньшинство, сохранившее старое название Чогду, выделилось в особый улус, Югдинский улус стал соответствовать роду Кара-Чогду. Подобный процесс, очевидно, происходил и в Карагасском улусе, в результате чего название улуса перестало соответствовать названию составляющего его рода.

[144] См. W. Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1884, S. 205.

Приводя эту таблицу этнического состава населения, мы не упускаем из вида, что уже в середине XVII в. корчуны (котты) и тунгусы (особенно караноты) были заметно обурячены, а предки современных карагасов, наверное, уже подверглись тому влиянию, которое в конце концов привело к полной тюркизации этих группировок саянских самоедов. Но из-за недостатка данных мы пока не можем сколько-нибудь точно установить хронологических рамок этого процесса и как-либо детализировать его.

М. А. Кастрен в одном случае приводит для карагасов список родов, которые, по нашему мнению, нельзя считать карагасскими. А именно: он называет роды Иргэ, Тарак, Богошэ, Тулай, которые никто никогда у карагасов не отмечал, хотя тут же рядом приводит названия настоящих карагасских родов Чентей, Чогды, Кара-Чогды, Каш и Сарыг-Каш [145]. В роде Иргэ можно узнать широко распространенный, и у тункинских сойотов, в частности, основной род Ирхит (см. ниже); роды Тарак и Богошэ — это несомненно моторские роды Таражчак и Богочжи (см. ниже); род Тулай — едва ли не род Туралак у нижнеудинских бурят (известный нам Туралитский улус). Очевидно, карагасы рассказывали Кастрену о разных родственных им родах (за исключением рода Тулай, это все роды саянских самоедов), но Кастрен неправильно их понял.

Необходимо также подчеркнуть, что предки современных карагасов в XVII в. не представляли какого-либо единства. Они образовывали самостоятельные роды. Югдинский род вошел не только в состав карагасов, но и в состав современных тувинцев-тоджинцев.

О расселении улусов (родов) Удинской землицы до нас дошли довольно подробные, частью уже использованные выше, данные Г. Ф. Миллера. Эти сведения, видимо, относятся к началу 30-х годов XVIII в.[146]

Согласно этим данным, ашехабаты жили на р. Оке между Барлуцким погостом и Зиминской деревней; Туралитский улус находился на р. Уде выше острога, в одном дне пути от него, а шараиты («Шерапский», «Шуранцкий» улус) жили на р. Уде, выше Туралитского улуса, в одном дне пути от него.

Коттовские (корчунские) улусы, по Миллеру, были расположены таким образом: собственно Корчунский («Кочунский») или Мангалиев, улус находился на р. Уде, выше и ниже острога; Байберинский («Поберинский») улус — на р. Маре, впадающей в Уду в 20 *км* ниже острога с запада; Улеготский улус — на р. Топорок, притоке Бирюсы. Шуртосы жили у истоков Кады, впадающей в Уду с востока в 50 *км* ниже Удинского острога, и на р. Ике (Икее), верхнем притоке Ии, а ийские корчуны — на р. Ие в районе Московского тракта. Миллер специально подчеркивал, что эти корчуны с корчунами, жившими около Удинского острога, в старину образовывали один род. Манзирский («Манзинский») улус показан Миллером на р. «Румакин» (Рубахина), впадающей в Уду с запада в 5 *км* выше Удинского острога.

Тунгусские улусы находились: Кармагинский на Ие ниже ийских корчунов, в одном дне пути от тракта; кочемары на Тангуе, восточном притоке Уды. В пределах Енисейского уезда кочемары жили также на Ие, в излучине в районе ее притоков Тангуй и Илир. Харанутов (Каранотский улус) Миллер помещает на Оке (очевидно, выше ашехабатов) и на Зиме, притоке Оки. Карагасский, Конгатский и Силпигурский улусы предков карагасов находились в лесах и горах у истоков Уды, Бирюсы, а Югдинский («Еудинский») — у истоков Ии и Оки.

Примерно таким должно было быть и расположение родов (улусов)

---

[145] См. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 389—391.
[146] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, лл. 28—29.

Удинской землицы в XVII в. Отдельные имеющиеся у нас сведения XVII в. не противоречат вышеприведенным данным. При нанесении на карту улусов Удинской землицы были также использованы данные о землепользовании населения Нижнеудинского уезда в XIX в.

Удинские буряты были коневодами и скотоводами. Некоторые группы их более интенсивно, чем другие буряты, занимались охотничьим промыслом, и, наверное, поэтому платили ясака больше: ашехабаты платили в среднем по два соболя в год с человека, а члены Шараитского и Туралитского улусов по четыре-пять соболей.

Корчуны (котты) и тунгусы Удинской землицы тоже были коневодами и скотоводами, хотя более бедными, чем буряты. Зато они более интенсивно занимались охотничьим промыслом, собирательством и рыболовством.

Предки карагасов были оленеводами и охотниками, занимавшимися также рыболовством и собирательством. Были ли у них в XVII в. лошади, неизвестно [147].

Саянская землица примерно соответствует современному Тоджинскому району Тувинской автономной области, получившему это название по оз. Тоджа.

Впервые население Саянской землицы упоминается, вероятно, в известии от 10 августа 1634 г. о том, что под Красноярск приходили киргизы и с ними «мугалы», тубинцы, моторцы и точигасы [148]. В 1636 г. «точи» и «саяны» упоминаются в перечне народов, которые в результате постройки острога на р. Тубе будут вынуждены перейти в подданство к России [149]. В 1640 г. атаман Дементий Злобин ходил вверх по Енисею «до Саянского камня», где имел бой с киргизами, которые встретили его здесь «собравься с тубинцами и моторцами и точинцами и солнцами... и учинил им изменником шикоту немалую» [150]. С 1657—1658 гг. уже имеются данные о взимании ясака с Саянской землицы. Правда, как мы увидим ниже, платила ясак эта землица очень нерегулярно, так как в ее отношения с русскими все время вмешивались монгольские и позже калмыцкие (джунгарские) феодалы. В табл. 96 (стр. 258), мы приводим данные о плательщиках ясака Саянской землицы. Во многих случаях у нас нет данных о численности плательщиков ясака, а имеются лишь данные о размере взятого ясака.

Поэтому в табл. 96 в ряде случаев указано лишь количество полученных соболей, а не численность плательщиков ясака. Последнюю можно определить, исходя из размеров взятого ясака, так как плательщики ясака Саянской землицы платили по три-четыре соболя с человека. Иногда трудно установить, с какого именно улуса был взят ясак. Таковы данные за 1676, 1680, 1681 и 1687 гг., которые мы предположительно отнесли к Коетову улусу. Данные о плательщиках ясака Саянской земли, с которых в 1689 и 1690 гг. был взят ясак «вновь», отнесены нами к улусам Окианка и Эрке-Тархи тоже предположительно.

Основными улусами Саянской землицы можно считать Коетский, Тотоков, Караетов и Ухарский. Коетский улус, очевидно, соответствует современному роду Хоик (Хоюк, Хойек), образовывавшему отдельный сумон. Улус Тотоков (иногда «Татаров»), вероятно, соответствует современному роду Тодут (Додот), основному роду сумона Кол, который назывался

---

[147] О направлении хозяйства, в частности об интенсивности охотничьего промысла, можно судить по размеру оклада ясака (см. по этому вопросу таблицу в журнале «Советская этнография», 1953, № 1, стр. 41). Скотоводы имели самый маленький оклад, охотники-оленеводы — самый большой.

[148] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 415.

[149] См. там же, стр. 440; ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, лл. 467—468.

[150] ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, л. 32.

Таблица 96

Численность плательщиков ясака Саянской землицы

Улус	Год													
	1658	1662	1664	1665	1666	1667	1670	1671	1672	1675	1676	1677	1679	1680
Коетский (Косков) .	12	22	17	35 соб.	8	10	7	—	7	6	42 соб.	27 соб.	—	58 соб.
Шаджигаев	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хахаев	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карчитаев	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51 соб.	—
Тотоков князца Окиянка	—	—	—	—	20	52 соб.	9	15	2	4	—	25 соб.		—
Князца Эркс-Тархи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карастов	6	—	—	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—
Ухарский (ухарцы)	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	4
Всего . . .	21	22	17	35 соб.	28	21 52 соб.	16	15	9	10	5 42 соб.	52 соб.	51 соб.	4 58 соб.

Улус	Год												
	1681	1682	1683	1685	1687	1688	1689	1690	1691	1700	1701	1702	1712
Коетский (Косков) .	38 соб.	—	—	—	79 соб.	—	—	—	—	27	27	27 соб.	18 соб.
Шаджигаев	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
Хахаев	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	40 соб.	29 соб.
Карчитаев	—	—	—	28	—	—	12	26	—	—	40 соб.	40 соб.	49 соб.
Тотоков князца Окиянка	—	—	—		—	—			—	—			
Князца Эркс-Тархи	—	—	—	—	—	—	17		62 соб.	16	—	20 соб.	
Карастов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20 соб.
Ухарский (ухарцы)	5	5	4	6	5	4	5	6	—	4	4	—	—
Всего . . .	5 38 соб.	5	4	34	5 79 соб.	4	34	32	62 соб.	57	31 40 соб.	127 соб.	116 соб.

также Тоджа (Точжи) [151]. Улусы князца Эркс-Тархи и Карастов соответствуют, по-видимому, родам, которые дали названия сумонам Ак-Чоду и Кара-Чоду [152]. Рода, соответствующего по своему названию Ухарскому

[151] См. Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Т. IV. СПб., 1883, стр. 12.

[152] Карагасы вообще называли тувинцев «чота» (см. Н. Ф. Катанов. Поездка к карагасам. «Записки ИРГО по этнографии», т. XVII, вып. II, стр. 157, 158), а нижнеудинские буряты — «хоир» (стр. 170). В этих названиях не трудно узнать название родов Чооду (он же Джет, Чоты, Джоту) и Хоик.

улусу, сейчас среди тоджинцев нет, но среди дархатов есть род Уха-дархат. Может быть, Ухарский улус представляет предков этого, теперь дархатского, рода. Вообще, надо отметить, что Ухарский улус только в 1658 г. указан как улус Саянской землицы. В дальнейшем он находится в ясачных книгах или среди улусов предков карагасов, или в составе Кайсотской землицы. Что касается улусов Шаджигаева, Хахаева и Карчитаева, то это, вероятно, подразделения основных указанных выше родов или какие-либо примкнувшие к последним группы. Может быть, Шаджигаев улус соответствует современному роду Шадык (Шемдже) в сумоне Кол, Хахаев — роду Хазыт (Хосут?) этого же сумона, а в названии Карчитаева улуса мы, очевидно, имеем другую транскрипцию названия Кара-чоду, которое еще в XVIII—XIX вв. писалось как Кара-джет, оно же Кара-джоту, Карачоты. Саянская землица в общем соответствовала Тоджинскому хошуну, за исключением, может быть, его юго-восточной окраины [153].

В 1691 г. князец Эрке-Тарха заявил, что «в тех двух у них Саянских улусах юрт з 90 и больши» [154]. Вероятно, под двумя улусами Эрке-Тарха имел в виду свой род Ак-чоду и родственный ему род Кара-чоду. В Тотоковом улусе князца Окианка было не менее 30 плательщиков ясака, в Коетском улусе — не менее 20 и, кроме того, ухарцев человек 10. Итого получается в Саянской землице в XVII в. около 150 плательщиков ясака (всего до 600 чел. населения) [155].

Современный исследователь тувинцев-тоджинцев С. И. Вайнштейн считает род Тодут — кетским и род Чоду — самоедским по происхождению [156]. Вероятно, когда-то самоедским был и Коетский улус, потомки которого такие же оленеводы, какими являются и потомки рода Чоду. Потомки же Тотокова улуса, тувинцы рода Тодут, сейчас занимаются скотоводством. С. И. Вайнштейн сопоставляет названия точигасы и карагасы (см. выше) и считает, что окончание «гаса» представляет самоедское слово «каса» — «мужчина», «человек». Можно предполагать, что тюркизация самоедского и кетского населения Саян тюркскими племенами степной части Тувы началась с более близких к ним территориально и живших более компактно скотоводов рода Тодут, а у оленеводов — с рода Хоюк, расположенного в более доступной юго-западной части Саянской землицы. Исходя из этих соображений, мы ниже будем рассматривать роды Чоду Саянской землицы в XVII в. еще как саянских самоедов, а роды Тодут и Хоюк считать уже отуреченными.

---

[153] Приведем названия сумонов, т. е. основных исходных родов, Тоджинского хошуна по данным разных авторов.

Риттер	Потанин	Яковлев	Вайнштейн
Акт-додот Хара-додот	Точжы	Тодут	Кол { Ак-тодут Кара-тодут
Акт-джет	Ак-джоту	Ах-чоды	Ак-чооду
Хара-джет	Хара-джоту	Хэра-чоды	Кара-чооду
Хойек	Хоин	Тоджи	Хоюк

[154] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 684.

[155] Есть указание, что «в Санях мунгалских князцов и саянцев тысячи две» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 84, л. 560; см. также ст. 614, лл. 4—5, 18, 46). Но, очевидно, здесь имеются в виду не только вышеперечисленные роды, платившие ясак русским, но и какие-то другие, а также некоторые группы монголов, феодальная аристократия которых господствовала над саянцами (тувинцами). Надо заметить, что саянцы, как и кайсоты (см. ниже), фактически были двоеданцами, платившими подать и русскому царю и монгольским феодалам.

[156] См. С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев. «Краткие сообщения ин-та этнографии», вып. XXIX.

О местожительстве улусов Саянской землицы у нас имеются такие сведения. Татоков улус князца Окианка находился «вниз по Канцаре реке» [157]. По данным С. И. Вайнштейна, род Кара-тодут живет по р. Хамсаре в районе устья р. Систиг-хем. Известный нам князец Эрке-Тарха говорил, что «Саянская земля к той реке Ое прилегала блиско» [158]. По данным Вайнштейна, род Ак-тодут живет по Бий-хему в районе устья р. Тора-хем и у оз. Тоджа. Род Хоюк, по тем же данным, живет по Бий-хему выше устья Тора-хема и по р. Харал, а потомки родов Ак и Кара-Чоду — в верховьях Камсары и Бий-хема.

Основываясь на этом материале, мы и нанесли территорию Саянской землицы. Нет только данных о местожительстве ухарцев. Вероятно, они кочевали и в Саянской и в Кайсотской землицах и среди предков карагасов. Ремезов в верховьях рек Кавсара (Хамсара) и Уюк (Ок) показывает ясачные землицы Сага-точи, Кояки и Тюнгу-тарчу. В «кояках» можно узнать название рода Хоюк, остальные два названия мы объяснить затрудняемся. Таким образом, можно считать, что Тоджинский хошун Тувы во вторую половину XVII в. и первую четверть XIX в., до демаркации границы с Китаем в 1727 г., входил в состав российских владений.

В настоящее время тувинцы-тоджинцы все говорят на тюркском языке, как и карагасы. Были ли они все отуречены уже в XVII в. или позже, сказать трудно. Может быть, члены родов Чоду, жившие по соседству с моторами и карагасами, тоже еще долго сохраняли самоедский язык. Но об этом сведений нет.

Впервые обитатели Кайсотской землицы («касайские» люди) упоминаются в 1636 г. как одна из тех групп, которая после постройки острога на Тубе должна была бы принять русское подданство [159].

С 1654 г. кайсотские князцы Жанай и Баргил стали платить ясак в Удинский острог [160].

В 1661 г. основатель Иркутска Яков Похабов писал, что он взял ясак «с нового места с верх Иркута реки иза Мунгалского каменя с Яндашдороги. И с верх Иркута же реки круг Косогола озера с кайсацких мужиков государев ясак взят с них и с тувинцев» [161].

В 1668 г. иркутский сын боярский Иван Перфильев «погромил» более 20 юрт кайсот и взял ясырь в 60 душ, приняв кайсот за «соётов» (тувинцев), переставших платить ясак в Иркутский острог [162].

В 1681 г. Балыкшин и Мунзин (Минзин) улусы Кайсотской землицы (как и Акианков и Карчитаев улусы Саянской землицы) «попромил» красноярский сын боярский Федор Аксенов. Из-за этого Балыкшин улус не платил ясака до 1685 г., а Мунзин улус в 1681 г. смог дать (в Тункинский острог Иркутского уезда) лишь шесть соболей [163].

В конце 1689 г. Саянская землица князца Ирке-Тархи была разорена калмыками, а «кайсоцкий князец Керсень со всею землею взят в Саянскую землю к колмакам». Удинские служилые люди тогда «Керсеня на Кайсотской земле не пашли», но обнаружили, что «стоят на Керсеневой землице 30 юрт Иркицкова улусу» [164].

В ответе Иркутской приказной избы в Удинский острог приказчику Даниле Федорову сказано: «во 198 году генваря в 28 день писал ты в Ир-

---

[157] ЦГАДА, ф. 214, кн. 479, л. 840.
[158] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 683. О пути в Саянскую землицу из Удинской землицы через «карагасы и через каиготы» см. тот же столбец, лл. 364—365.
[159] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 440.
[160] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 204.
[161] Там же, № 28, л. 198 об.
[162] Там же, № 23, л. 204.
[163] ЦГАДА, ф. 214, кн. 810, л. 171; ф. 1121, ст. 23, л. 71.
[164] Там же, ст. 1052, лл. 632—636.

куцкой... генваря в 5 день... посланы от тебя из Удинска... в Кайсоцкую землю служилые люди и нашли де они в той Кайсоцкой земле в каменю иноземцев 7 юрт Ке[р]сеню с товарищы. А которого роду тот Ке[р]сеня того... ненаписано. И сказывал де он Ке[р]сеня... что де платит он ясак... в Ыркуцкой. А приезжает де к ним для ясачного сбору соёцкой Тохумдарага и емлет по соболю с человека. А сказывает им тот Тохум, что де отвозит он тот ясак в Ыркуцкой... А по справке в Иркуцку в приказной избе... имени ево Ке[р]сеню ненаписано и ясаку с него не имано... И то знатно, что сказываст тот Ке[р]сеня отбывая великого государя ясачного платежу» [165].

В 1691 г. удинский приказчик Конон Севостьянов, придя к «еудинцам» (югдинцам), узнал от них, что «еркеты» (как мы предполагаем — кайсоты князца Керсеня) не платили ясака семь лет, «а в нынешнем в 199 год дали они еркеты ясак в Тункинской острог Иркутского присуду по 1 соболю с человека. И он Конон от еудинцев воротился не ходя к еркетам» [166].

22 октября 1692 г. из Удинского острога были посланы «в Кайсотцкую землицу... ко князцу Керсеню» служилые люди Алексей Терентьев, Михаил Иконников и Юшко Саландин. Они вернулись 30 ноября и в своем «досзде» сообщили, что князец Керсень дал «с себя и с улусных своих людей... 2 сорока 30 соболей и отдав ясак извещал... на верхоленских тунгусов... что они... отнимали у него Керсеня оленей сильно и угрожали ему Керсеню, что де они верхоленские тунгусы пришед ево Керсеня будут воевать и ему де Керсеню от тех... тунгусов разоритца будет в конец... Да он же князец Керсень сказывал им Алешке с товарищи, что де стояли на Шишките реке на Енисейских вершинах трое мугалских тайшей Обужей коптайши. А ныне де они тайши стоят на Каратале реке. А те де тайши воевали под Ыркутском и под Тункинским острогом иркитских ясашных иноземцев» [167].

Осенью 1727 г. «от мунгалского тайши Гунека на Мунгальскую землю забраны» были «Кайсоцкого улусу князца Керсеня» 26 чел. [168] После этого в Красноярском уезде осталось только три кайсота, присоединившихся к Югдинскому улусу карагасов, но в Иркутском уезде в 1735 г. в Тункинском остроге платили ясак 25 чел. «Иркицкого роду соеты» [169].

Данные о платеже ясака Кайсотской землицей у нас имеются с 1662 г. (табл. 97, стр. 262).

Роды (улусы) Кайсотской землицы XVII в. по своим названиям напоминают сумоны, входящие в состав Хасутского хошуна прикосогольских тувинцев [170]. Каралитский улус, вероятно, соответствует сумону Калиучин (Хуреклыг), Мунзин (Минзин) — сумону Мундэй, Кайсотский — сумону Хасут. Выше были упомянуты в Кайсотской землице «еркеты» (Иркитский улус); это название соответствует сумону Ирхит. Балыкшин улус соответствует роду Кара-балыкчи (на Кызыл-хеме, в арбане Соян тувинского сумона Кол). Таким образом, за исключением Пахинова улуса, все улусы кайсот XVII в. имеют свои соответствия в сумонах тувинцев-хасутов и их соседей.

---

[165] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 170, л. 18.

[166] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 632—636.

[167] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 285, лл. 2—3. Вместо «иркитских» в данном случае надо читать «иркутских».

[168] ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, л. 8.

[169] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь VII, л. 24 об.

[170] Родовой состав прикосогольских тувинцев Потанин дает в двух вариантах: Хасут — Хасут, Калиучин — Хуреклыг, Хэрдэк — Шерьхиттын, Мундэй — Ирхит (см. Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, Т. IV, стр. 12).

Таблица 97

Численность плательщиков ясака Кайсотской землицы

Улус	Год										
	1662	1664	1665	1667	1671	1672	1675	1676	1677	1679	1680
Кайсотский князец Керсеня	21	16	9 соб.	16	7	1	12	15	12	10	18
Каралитский	1		—								
Пахинов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Балыкшин	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18	18
Мунзин	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	9 соб.
Всего	21	16	9 соб.	16	7	1	12	18	12	28	36+9 соб.

Улус	Год								
	1681	1682	1683	1685	1690	1691	1693	1700	1727—1735
Кайсотский князец Керсеня	33	6	4	—	7	40 соб.	110 соб.	20	25
Каралитский				—	—	—	—	—	30
Пахинов	—	—	—	—	—	—	—	18	
Балыкшин	—	—	—	6	10	—	—	14	
Мунзин	6 соб.	—	—	—	—	—	—	—	
Всего	33+6 соб.	6	4	6	17	40 соб.	110 соб.	52	55

Сколько было всего населения в Кайсотской землице, сказать трудно. Исходя из вышеприведенных данных, можно предполагать, что в Ирхитском улусе (князца Керсеня) было до 30 плательщиков ясака, в Каралитском улусе — до 15, в Балыкшином — до 18, в Мунзином — не менее девяти, в Пахиновом — 18. Если предположить, что в Саргулаковом улусе тоже было с десяток трудоспособных мужчин, то получится, что всего в той части Кайсотской землицы, которая была так или иначе связана с Россией, насчитывалось до 100 трудоспособных мужчин (всего около 400 чел. населения).

Ирхиты князца Керсеня были в XVII в. оленеводами; были оленеводами также их потомки «тункинские сойоты» в XIX—XX вв. Разводят оленей также тувинцы арбана Соян (сумона Кол), в который входит и род Кара-балыкчи — как мы предполагаем, ведущий происхождение от Балышкина улуса XVII в. Очевидно, кайсоты, платившие ясак русским служилым людям, были по преимуществу оленеводами. Кастрен [171] и вслед за ним Радлов [172] считали, что родовое название Иргэ является самоедским по происхождению. Но родовое название Ырхыт Радлов считает уйгурским или киргизским [173], т. е. тюркским, хотя трудно себе представить, чтобы киргизы жили в верховьях Оки и Иркута. Само название «кайсот» («ха-

[171] См. M. A. Castren's Reisebrichte und Briefe, S. 389.
[172] См. W. Radloff. Aus Sibirien, S. 205.
[173] Там же, стр. 221.

сут»), очевидно, восходит к самоедскому корню «каса» (отсюда и название оз. Косогол), которые мы находили и у карагасов и у кашинцев. С другой стороны, название Балыкшина улуса уже, очевидно, тюркское (ср. «балык» — «рыба»). Ко времени путешествия Кастрена тункинские сойоты частью говорили на тюркском языке, частью уже обурятились. Мы предполагаем, что жившие в наиболее глухом районе кайсоты-оленеводы иркиты («еркеты») в XVII в. еще могли говорить по-самоедски и что отуречили их тувинцы-скотоводы, в частности та их группа, которая жила в верховьях Иркута и которую возглавлял во второй половине XVII в. Тохум. Остальные кайсоты, в том числе Балыкшин улус, вероятно, уже в XVII в. были тюркоязычными.

На карте мы показываем кайсот двумя группами: самоедоязычных по верховьям Оки и Белой, где и в наше время находится территория тункинских сойот; остальных, как мы предполагаем тюркоязычных — в бассейне истоков Малого Енисея с Шишхид-гол. По данным С. И. Вайнштейна, здесь по Кызыл-хему и Бусин-голу, кочует вышеупомянутый арбан Соян с родом Кара-балыкчи. По Шишхид-голу сейчас кочуют монголоязычные дархаты. Но как показал Г. Д. Санжеев [174], проникновение монголоязычного элемента к предкам дархатов, произошло, вероятнее всего, в конце XVII в. Поэтому для первой половины и середины XVII в. в бассейне Шишхид-гола можно показать тюркоязычную часть кайсот. Выше уже приводились данные, из которых можно заключить, что кайсоты жили около оз. Косогол и во всяком случае знали р. Шишхид-гол. В ведомости ясачного сбора Удинского острога Красноярского уезда за 1727 г. прямо сказано, что 30 «ясачных людей» «Косоцкого улусу» кочует «за каменем в Мунгалской землице около Косоголу» [175]. Здесь подразумеваются не ясачные иркиты верховьев Оки и Белой, которых было тогда 25 чел. Как мы знаем, они тогда платили ясак уже в Тункинский острог Иркутского уезда [176].

Для закрепления Кайсотской землицы за Россией около 1717 г. был построен на северном берегу оз. Косогол острог, впоследствии оставленный, чтобы не обострять отношений с Китаем.

В 1726 г. тункинские ясачные буряты и сойоты говорили, что от верховьев Иркута до оз. Косогол, «где построен был русский острог», кочуют «народы, называемые соеты... и платят ясак в Красноярской по вся годы» [177]. Очевидно, здесь имеются в виду кайсоты.

Таким образом, Хасутский хошун тувинцев («косогольские урянхайцы») тоже, хотя и частично, входили в XVII и начале XVIII в. в состав России, как и Тоджинский хошун.

Служилые люди Иркутского острога в 1661 г. упоминают «вверх Иркута реки и на озеро Кайсогол» какого-то чородского князца Канду-поена Зыптугу. По-видимому, здесь речь идет тоже о какой-то группе населения Кайсоцкой землицы [178].

7. Тубинская землица включала в свой состав три различные в этническом отношении группы населения: тюркоязычных собственно киргизов-тубинцев, кетоязычных байкотовцев (буклинцев) и самоедоязычных моторов. Отношения русских с киргизами, в частности с киргизами-тубинцами, представляют большой и сложный раздел истории освоения Сибири русскими, на котором мы подробно останавливаться не можем. Поэтому ограничимся лишь перечислением ряда событий и фактов, которые необ-

---

[174] См. Г. Д. Санжеев. Дархаты. Л., 1930, стр. 6—8.
[175] ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, л. 15.
[176] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь VII, л. 24 об.
[177] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 199.
[178] Там же, л. 91 об.

ходимо знать в плане нашей основной задачи — реконструкции этнографического состава населения данной землицы.

8 сентября 1608 г. из Томска были посланы в «маторцы да в Тубу» три служилых человека. Они побывали у «маторского князька Колика да тубинского князька Нобдая». 10 марта 1609 г. посланные вернулись, привезя 35 соболей, которых дали «матарские люди» и 25 соболей, которых дали «тубинские люди». Численность «матарцев» эти служилые люди тогда же определили в 300 чел., а тубинцев — в 100 чел.[179] Но в 1610 г. «десары, маторцы и туба» не заплатили ясаку, так как из Томска «приходу не было в те волости для киргиз, что те волости живут позади киргиз»[180]. Кто такие десары (в 1608—1609 гг. возглавлялись князцом Немецом и заплатили 66 соболей) — неизвестно[181].

От 1625 г. имеются сведения о том, что на общекиргизский сейм тубинцев вместе с буклинцами и моторами прибыло 400 чел.; можно предполагать, что собственно киргизов-тубинцев было 100. В 1627 г. тубинцов и моторов (или буклинцев с моторами) было 400[182].

В 1626 г. в Тюлкинской землице упоминаются киргизы-тубинцы, «матарцы» и саянцы[183].

В 1628—1629 гг. у тубинского князца Сойта, тогда кочевавшего по Кану, считалось 300 людей[184].

Весной 1629 г. из Красноярска были посланы «в Тубенскую и Маторскую землицу служилые люди для ясачного збора». Эти служилые люди «в Тубе у тубинских князцов» взяли 37 соболей. Когда они пришли в «Маторскую землицу к князьцу Шижлеку и прошали ясаку», то получили лишь одного соболя с самого Шижеляка. Но осенью он обещал заплатить со всех «маторских людей»[185].

Как мы уже знаем, с конца 1629 г. и в феврале 1630 г. на р. Кан произошли столкновения между тубинскими князцами Кояном и Сойтом, с одной стороны, и отрядами енисейского атамана Ивана Галкина и красноярского атамана Дементия Злобина, с другой. Вместе с Кояном были моторский князец Шижеляк (Жишеляк), мунгатский князец Минделей (Минделяй) и сборщики албана, посланные Алтын-ханом и джунгарским контайшей. В результате боя атаман Злобин взял пятерых пленных: мунгатского князца Минделея, моторов Шижелякова брата Кузпеша (Кускеша, Кузея) и Шижелякова сына Орле, байкотовского или моторского «лутчево мужика» Иликова Сапчея (Сапче, Сапточея) и тубинского «лутчево мужика Иликова Ялкаса» (Ятпаса)[186].

Когда в том же 1630 г. за побег из аманатов в Красноярске был повешен вместе с сыном тубинского князца Кояна сын Минделея, то он был характеризован как происходящий из «Алтыновых людей»[187]. У Ремезова на чертеже Красноярского уезда в верховьях Бий-хема показана земля «немирная Мингатцка» (правильнее, вероятно, было бы Мунгатцка). По данным С. М. Вайнштейна, в Туве и сейчас имеется родоплеменная груп-

[179] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, стр. 423.

[180] Там же, стр. 430.

[181] См. там же, стр. 422. Про десар известно, что они жили к востоку от Енисея, и что в 1608—1609 гг. с них взяли ясак «братские люди». Имя их князца Немеца напоминает имя алтысарского князца Номчи, но скорее эти десары были буклинцами.

[182] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 179; ЦГАДА, ф. 214, ст. 886, лл. 27—28; ст. 513, л. 186.

[183] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 86.

[184] См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 351—352.

[185] Там же, стр. 355.

[186] Там же, стр. 368; ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, лл. 31, 43, 45, 47, 48, 50, 53. Сапчей в одном случае назван «моторский лутчей мужик Сапчей» (там же, ст. 368, л. 50), в другом случае говорится, что служилые люди взяли в плен «лутчево мужика байкотовца Сапче» (там же, л. 53).

[187] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 374.

на Монгуш. Таким образом, Минделей и его улус, в котором было 50 «улусных людей» (т. е. всего человек 200 населения), представляли скорее всего тувинцев, подданных Алтын-хана. Вероятно, их имели в виду, говоря об «атыповых ясатчиках». Во всяком случае это не жители Тубинской землицы.

Тубинец Ялкас, очевидно киргиз,— единоплеменник Кояну и Сойту. Сапчей, видимо, тоже мотор, поскольку он «сказал у себя да у Шижеляка 40 юрт» [188]. Возможно, что здесь что-нибудь напутали подьячие, например, отнесли название «байкотовец» вместо Ялкаса к Сапчею. Но как бы то ни было, в данном случае мы имеем перечень всех этнических элементов Тубинской землицы и первое упоминание об одном из них — байкотовцах.

В июне 1634 г. атаман Михаил Кольцов ходил на р. Упсу (т. е. Тубу) «на кашинцов и байкотовцев» [189] (подробнее об этом походе смотри выше, в описании Камасинской землицы).

В августе 1634 г. тубинцы и моторы упоминаются среди племен, «приходивших войной» под Красноярск [190].

В 1635 и 1636 гг. приходили под Красноярск «войною» киргизы и «тубинский татарин Сеитко» (ср. выше Сойт). В 1636 г. рядом землиц Красноярского уезда якобы завладели «киргизы да тубинцы». Тубинцы и «маторцы» упоминаются также в перечне народов, которых намечалось привести в русское подданство с постройкой острога на Тубе. Имеется прямое указание, что кочевья тубинских людей находились на р. Упсе, а киргизы кочевали на другой стороне Енисея, «от Тубы реки вниз днища с три» [191]. Под киргизами здесь подразумевались алтысары.

В ясачной книге Красноярского уезда за 1638—1639 гг. имеется запись: «Землица Тубинская, а в ней князцы Кояндунгур да Кара да Ил[ина]к... взято с Тубинской земли в прошлом 146 году 3 сор. 9 соболей, а в нынешнем 147 те тубинские князцы... ясаку не дали, учинились непослушны» [192]. В 1639—1642 гг. тубинцы (вероятно, байкотовцы) Илинакова улуса платили в Канск: в 1639 г. с шести человек 36 соболей [193], в 1640 г. столько же [194], в 1641 г.— с четырех человек (двое «отъехали в Тубу») 24 соболя [195], в 1642 г.— ничего, так как все «отъехали в Тубу». В этом же году в Канске платили также тубинцы «вновь приискные землицы Шарандаева улусу Торончак, Ичинек, Адандал заплатили 17 соболей» [196].

Выше, в описании Саянской землицы, уже упоминалось о бое отряда атамана Дементия Злобина в 1640 г. у Саянского камня с киргизами, тубинцами, моторами, «точинцами и соянцами».

В 1646 г. Мишка Ульянов был послан собирать ясак вверх по Енисею «к новым непослушным людям в алахамы и в байкотовцы и в уштерцы». Он собрал по два соболя с человека и «приискал» девять захребетников.

В 1647 г. «взято государева ясаку тубинских князцей с кыштымов их з байкотовцев с розных улусов и с новоприискными с которых в том году взят вновь з 99 человек 6 сороков 16 соболей».

---

[188] Там же, стр. 368.

[189] Там же, стр. 540. Сын боярский Севастьян Самсонов, из челобитной которого заимствуется это упоминание о байкотовцах, пишет о походе на р. Абакан, но сопоставление его челобитной с другими документами показывает, что речь идет об р. Упсе (Тубе).

[190] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 213.

[191] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II, стр. 439—440; ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, лл. 467—468.

[192] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, л. 318 об.

[193] Там же, л. 317.

[194] Там же, кн. 150, л. 118.

[195] Там же, кн. 144, л.265.

[196] Там же, кн. 154, лл. 262—263.

В 1648 г. с них же взято (со 108 чел.) 6 сороков 21 соболь, в 1649 г. (со 110 чел.) — 7 сороков 30 соболей, а в 1650 г. (со 121 чел.) — 11 сороков 29 соболей [197]. Относительно тубинцев здесь же сказано, что «те тубинские ясашные люди малопослушны, живут в дальних местах на голой степи, ясак дают мунгалским людям и калмыкам» [198].

После этих записей Тубинская землица появляется в ясачных книгах 1658 г. и в более или менее полном составе платит ясак до 1667 г.

В табл. 98 приведены данные о численности плательщиков ясака в Тубинской землице по годам (включая и Тубинцев-киргизов).

Таблица 98

Численность плательщиков ясака Тубинской землицы в XVII в.

Род или улус	Год					
	1658	1662	1664	1665	1666	1667
Бабаев	—	—	—	33	44	44
Карин	—	—	—	26	29	21
Бурчиев (Барчеев) род Унгурова улуса	—	—	—	12	12	17
Байкотовский	45	50	54	42	40	9
Шышелеков	11	15	4	9	—	1
Тондараков	7	5	7	4	4	8
Барсандаев	8	12	10	13	14	7
Бугачиев	17	19	16	15	17	9
Ексеев	5	5	7	5	5	—
Карнасхамов	8	19	13	18	15	8
Койбалов	22	38	44	23	27	8
Уштерский	5	9	6	7	1	—
Алахамов	5	10	6	6	1	—
Шарандаев	5	14	16	22	4	12
Улумов («керецкие киштымы»)	3	4	3	2	4	—
Колев («да Колев»)	1	—	2	—	2	—
Емелхабардам (елемзерцы)	—	—	—	—	—	6
Всего	142	200	188	237	219	150

Затем, с 1669 по 1703 г., платили ясак только отдельные группы жителей Тубинской землицы, а именно: в 1669 г.— Койбалов улус (вместе с хайтонами, см. Яринскую землицу, восемь человек) [199]; в 1670 г.— Байкотовский улус (27 соболей) [200]. В 1670 г. красноярские служилые люди «в Тубинской земле у байкотовских татар слышали, когда эти татары были на Кемчюге на Лозановой земле... которые калмыцкия тайши стояли на Ложановой земле, те ушли в черные леса и взяли с байкотовцев и моторцев» ясак [201]. В 1671 г. «с байкотовских кыштымов... с розных волостей было взято 18 соболей» [202], в 1676 г. с байкотовцев Тубинской землицы — восемь соболей [203], в 1679 г. «з Байкотовского улусу и с моторцов безы-

[197] ЦГАДА, ф. 214, ст. 402, лл. 130, 138—140.
[198] Там же, л. 142.
[199] Там же, ф. 214, кн. 543, л. 164 об.
[200] ЦГАДА, ф. 214, кн. 487, л. 28 об.
[201] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 234.
[202] ЦГАДА, ф. 214, кн. 543, л. 240.
[203] Там же, кн. 643, л. 178 об.

мянно» — 49 соболей [204]. Аманаты от тубинцев находились в Красноярске и в 1678 г., когда киргизский князец Иренак был под Красноярском «с киргизами и с тубинцами и с езерцами и с моторцами и с байкотовцами... и разорение великое учинил» [205]. В 1689—1699 гг. в Канск платил ясак Маймаков улус, в котором было четыре-шесть плательщиков ясака (см. описание Канской землицы). Время платежа ясака в Канск Маймаковым улусом совпадает со временем сокращения численности ряда улусов Яринской землицы. В 1700 г. Маймаков улус (11 чел.) и еще семь каких-то тубинцов убежали из-под Канска в Тубинскую землицу [206].

В 1690—1691 гг. вели сепаратные переговоры с русскими и платили ясак «каменные моторы Койбалова роду». «Моторец лутчей человек Серенко Койбалов сын» летом 1690 г. приехал «в Канскую землю к канским татарам для свидания к сродчем своим». Приведенный в Красноярск Серенко рассказал, что «стоят де они моторцы на Тубинской вершине, а с ним стоит 14 человек. А на той же вершине дале ево стоят они ж моторцы человек с 30...»

Серенко сказал, что моторы готовы платить ясак и поэтому к ним был послан пятидесятник Сергушко Кузнецов с подьячим и толмачем. Брат Серенко Тебюга рассказал Кузнецову, что у них приготовленный ясак (по четыре соболя с 24 человек) «пришед вымучили калмаки да киргизы и дать им нечево», но обещал привести ясак в следующем году «в Камасинскую землицу к ясашному иноземцу к Шемганку». Серенко остался в аманатах в Красноярске [207].

В 1691 г. «в каменны моторы» ездил пятидесятник Иван Сиротинин. Он взял (очевидно, по дороге) 12 соболей с «Хайтонских тубинских кыштымов с Сургулакова улусу с Езана... да каменных мотор с Кайбалова улусу 6 соболей». Моторы снова отговорились тем, что «пришед из Тубы калмыцкой Ботоханов сын да тубинец Курулчи Каянов и тот ясак взяли бутто на Бушухту хана» [208].

Наверное, все же некоторое время «каменные моторы» ясак платили. Очевидно, они и представляют тех 23 «тубинских кыштымов», которые убежали из Камасинской землицы перед 1700 г. [209]

В сентябре 1690 г. на Кан приезжал тубинский князец Шандык с 90 чел. Он отбирал у коттов лошадей, крупный рогатый скот, котлы и топоры, многих избил и ранил и потребовал, чтобы котты весной 1691 г. все пришли к нему в Тубинскую землицу. Посланный из Красноярска отряд запоздал и не смог перехватить Шандыка на верховьях р. Колбы, притока Маны, шел за ним до верховьев р. Дербиной и вернулся, не дойдя «до тубинских улусов» [210].

Шандык объяснял впоследствии, что он приезжал за своими киштымами, убежавшими из Тубы в 1689—1690 гг., и обещал вернуть угнанное, если ему выдадут беглецов. Но эти киштымы (15 чел.) были котты (видимо, Шалашкина рода, уходившие в Тубу около 1671 г.), и их Шандыку не вернули, хотя 11 января 1691 г. он прислал двух аманатов — тубинца и байкотовца [211]. В том же 1691 г. Шандык снова пришел на Кан, но в феврале 1692 г. красноярские казаки под начальством ссыльного полковника Василия Многогрешного и сына боярского Тита Саламатова разгромили Шандыка, убили его самого, его брата Орошпайка, еще двух князцов и

[204] Там же, кн. 717, л. 533 об.
[205] ДАИ, т. VIII, № 44, 1.
[206] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1241, л. 23.
[207] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 356—358.
[208] Там же, лл. 684—685.
[209] Там же, кн. 1241, л. 23.
[210] Скотопрогонный тракт из Минусинска в Канск действительно пересекает верховья Колбы, но проходит в 8—10 *км* от истоков Дербиной.
[211] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 697—701.

почти всех остальных киргизов-тубинцев. Считалось, что было убито около 500 тубинцев и взято в плен около 600 жен и детей [212]. Нам эти данные кажутся преувеличенными. Киргизов-тубинцев вряд ли было всего более 500 чел., а их киштымов байкотовцев и моторов (с которыми в Тубинской землице действительно было до 1700 чел. населения) мы еще встретим ниже и после 1692 г.

За 1694 г. имеются сведения о том, что ясачных аласхамов было 30 чел. и что жили они между реками «Кавсорой и Оком» (т. е. Хамсарой и Уюком) [213]. Джунгарский хунтайчжи в 1703 г., вследствие истребления киргизов-тубинцев в 1692 г., увел лишь алтысар, озерцев и алтырцев. Тубинской землицы эта операция не коснулась.

После увода киргизов калмыками Тубинская землица сразу же (в начале 1704 г.) полностью подчинилась русским. Сын боярский Иван Злобин в январе 1704 г. нашел семь «осталцов» тубинцев и 15 улусов «киргиских и тубинских розных улусов киштымов», которые заплатили ему ясака 8 сороков 26 соболей, сообщили, что еще 60 киштымов ушло куда-то до приезда служилых людей, и обещали их разыскать [214].

Таблица 99

Численность плательщиков ясака Тубинской землицы в XVIII в.

Улус или другая группа	Год			
	1704[215]	1712	1735	1770[215]
Малый Байкотовский («Байгадол») . . .	14 26 соб.	18	22	42
Кол (Кон, Кольский)	3 5 соб.	4	7	16
Шараданов	8 соб.	5	—	—
Турчаков (Таражаков, «Татаров»)	4 соб.	29	24	32
Аршупов	9 соб.	10	10	23
Большой Байкотовский («Байгадол») . .	27 соб.	33	36	36
Урчин	6 соб.	6	5	—
Сыйской (Сысков)	2 соб.	10	8	15
Акса (Аска)	2 соб.	4	3	8
Алыалахамской	20 соб.	32 соб.	—	—
Ингара («Пигара», Ангаров)	23 соб.	15	11	31
Бугачев (Абугачев)	65 соб.	8	11	16
Шип-улус	26 соб.	7	—	—
Ургунов (Иргунов, Урген)	30 соб.	4	15	30
«Осталцы» тубинцы-киргизы	7 19 соб.	4	6	29
«Новоприискные киргисские киштымы, что стоят под острогом»	—	4	—	—
Яржя (Арчинский)	—	14	10	25
Карнаской (Карнат)	—	15	11	32
Всего . . .	272 соб.	190 и 32 соб.	179	335

[212] См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 2, стр. 221; Памятник Сибирской истории XVIII в., кн. 1, СПб., 1882, стр. 14—16.

[213] ЦГАДА, ф. 214, ст. 380, л. 23.

[214] См. Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, стр. 234—235.

[215] См. там же, стр. 233. Кайдынов улус в этом источнике записан дважды: одна группа заплатила 15 соболей, другая 19. О Кайдынове (Кандынове, Хайгонове) улусе

В табл. 99 приведены данные о численности плательщиков ясака в улусах Тубинской землицы в начале и середине XVIII в.

Сравнивая список улусов Тубинской землицы 60-х годов XVII в. и начале XVIII в., мы увидим, что ряд названий улусов совпадает. Таковы названия Байкотовской (ср. Большой и Малый Байкотовские), Бугачиев (ср. Бугачев), Ексеев (ср. Акса), Карнасхамов (ср. Карнаской), Алахамов (ср. Алыалахамской), Шарандаев (ср. Шараданов), Колев (ср. Кол); есть основание отождествлять также улусы Койбалов и Турачаков. Про последний Миллер пишет, что их называют также «моторцы и койбалы» [217]. Бросается в глаза отсутствие киргизских родов Бабаева, Карина и Бурчиева (Унгурова), очевидно погибших с Шандыком на Кане в 1692 г. Вместо этих трех родов тубинских киргизов мы имеем в 1704 г. лишь небольшую группу «остальцов тубинцев». Небольшой улус «новоприпискных киштымов», очевидно, был частью какой-то большой группы, может быть они и Шип-улус являлись частями Ургунова улуса, так же как Шараданов улус, возможно, был частью улуса Кол.

В отношении остальных улусов Тубинской землицы нужно констатировать, что они изменили свои названия, и можно предполагать, что улусы Шишеляков, Тондараков, Уштерский, Барсандаев, Улумов и Емелхабардам 60-х годов XVII в. соответствуют улусам Ургунову, Шип-улусу, Яржи (Ярджи, Джерджи), Ингара, Урчину, Аршупову и Сыйскому (Сидинскому) начала XVIII в.

Но есть основания считать, что среди кетоязычных улусов Тубинской землицы в начале XVIII в. были и выходцы из Буклинской (Яринской) землицы, из волостей Алытской, Бугулской и Илдорской. Этим объясняется увеличение числа кетоязычных улусов в Тубинской землице к началу XVIII в.

Необходимо уточнить наши представления об этническом составе населения Тубинской землицы.

Выше мы видели, что чаще всего из обитателей Тубинской землицы упоминались тубинцы и моторы. Кетоязычные байкотовцы, очевидно, обычно причислялись к собственно тубинцам-киргизам, с которыми они, по-видимому, жили на одной территории в низовьях Тубы (см. ниже). Из известных Миллеру улусов Тубинской («Койбалской») землицы, такие, как Большой и малый Байкотовские, Аршупов, Урчин, Ингара Сыский, Кол, были им отнесены к группе, говорящей на коттовском (т. е. кетском) языке, а улусы Турачаков, Карнацкий, Аска, Ярджи, Ургунов, Бугачев — к моторам или к группе, говорящей на родном камасинском (т. е. самоедском, моторском) языке [218]. Из неупомянутых Миллером улусов Шараданов улус, как происходящий из Котовской землицы, мы можем отнести к кетоязычным, а Шип-улус, находящийся в списке между самоедоязычными Бугачевым и Ургуновым улусами и после 1712 г., видимо, вошедший в состав Ургунова улуса,— к самоедоязычным. Из улусов 60-х годов XVII в. к самоедоязычным моторам мы, соответственно данным Миллера,

---

смотри описание Яринской землицы. Только по трем улусам за 1704 г. известна численность плательщиков ясака, по остальным улусам имеются лишь данные об уплаченном ясаке в переводе на соболи. Алыалахамский улус в XVIII в. числился в составе Саянской землицы. В таблице за 1704 г. приведены данные о сборе ясака с него в 1701 г.

[216] По данным Палласа, приведенным в статье Л. П. Потапова «Происхождение и этнический состав койбалов» («Советская этнография», 1956, № 3, стр. 38). Кроме тех 335 ясачных койбалов, данные о которых приведены в таблице, в Большом Байкотовском улусе, по Палласу, было еще 65 плательщиков ясака, живших на восточной стороне Енисея.

[217] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, л. 27.

[218] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, л. 27. Г. Ф. Миллер называет уже Тубинскую землицу Койбальской землицей.

относим улусы Бугачиев, Ексеев, Карнасхамов, Койбалов, Алахамов, Шишелеков, Уштерский, Тондараков, Емелхабардам; к кетоязычным байкотовцам — улусы Бойкотовской, Шарандаев, Колев, Барсандаев и Улумов. Взяв в обоих отрезках времени максимальные данные, показывающие численность плательщиков ясака в улусах, мы получили численность населения Тубинской землицы (табл. 100).

Таблица 100

Численность населения Тубинской землицы

Племя	60-е годы XVII в.		Начало XVIII в.	
	Плательщиков ясака	Всего	Плательщиков ясака	Всего
Киргизы-тубинцы . . .	90	450	7	35
Байкотовцы	96	400	111	445
Моторы	137	550	125	500
Всего . . .	323	1400	243	980

Выше мы видели, что в 20-х годах XVII в. в Тубинской землице было до 400 боеспособных мужчин, в том числе собственно киргизов-тубинцев около 100 чел. Следовательно, на долю моторов с байкотовцами (буклинцами) остается 300 мужчин. Распределяя эту цифру между моторами и байкотовцами пропорционально данным 60-х годов XVII в., получим, что в 20-х годах XVII в. у моторов было около 180 мужчин (всего 720 чел. населения), а у байкотовцев — около 120 мужчин (всего 480 чел. населения). Будем считать, что у киргизов-тубинцев в 20-е годы XVII в. было 100 мужчин (всего 500 чел. населения), а в целом в Тубинской землице — 400 мужчин (всего 1700 чел. населения)[219].

Уменьшение населения Тубинской землицы объясняется в первую очередь беспрерывными военными действиями, особенно в 1692 г. Возможно также, что данные 60-х годов XVII в. несколько преуменьшают численность населения. В Тубинской землице служилым людям трудно было добиваться полного выявления людей ясачного возраста.

Некоторое увеличение численности байкотовцев к началу XVII в., как мы уже указывали, вероятно, связано с переселением буклинцев из Яринской землицы. Можно считать, что в Тубинскую землицу из Яринской перешло 20—25 плательщиков ясака, т. е. всего 80—100 чел.

В октябре 1719 г. 30 плательщиков ясака («луков») Койбальской (Тубинской) землицы, не желая креститься, бежали «из под Абаканского острогу... за Саянский камень». 20 из них в 1720 г. были возвращены, а остальные, видимо, остались за рубежом[220]. Этим, вероятно, также объясняется уменьшение в численности некоторых улусов в Тубинской землице с 1712 по 1735 г. Этот эпизод, очевидно, и имеется в виду в сообщении об уходе 200 моторов за Саяны в пределы Китая[221].

Население Тубинской землицы в дальнейшем в качестве так называемых койбалов вошло в состав современного хакасского народа. Выражение «Койбальская землица» заменяет выражение «Тубинская земли-

[219] Для киргизов, как и других кочевников-скотоводов Южной Сибири, мы берем коэффициент 5, а не 4.

[220] См. Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 2, СПб., 1885, стр. 279—280.

[221] См. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 351.

ца» в начале XVIII в., во всяком случае оно употреблено уже в 1711 г.[222] В 1712 г. в ясачной книге Красноярского уезда после перечисления улусов б. Тубинской землицы сказано: «Всего по окладным ясачным книгам новоприискных койбальских кыштымов...»[223]

Койбал, или Колбай, был главой рода «каменных мотор» в 50-х годах XVII в.[224] По его имени и весь его род, самый большой моторский род, назывался Койбаловым. В 90-х годах XVII в. этот род, как мы знаем, возглавляли сыновья Койбала (Кайбала) Серен и Тебюга. В дальнейшем, как указано выше, кажется, именно этот род назывался Турачаковым, или Тараджаковым, или Мадор. Дальнейшая история населения Койбальской землицы, укрупнение ее улусов в конце XVIII в. и, наконец, ликвидация Койбальской степной думы и причисление ее улусов к Сагайской и Качинской степным думам в 1858 г. описаны Л. П. Потаповым[225].

Кастрен для 1847 г. называет следующие роды койбалов: Большой и Малый Байгадо (Бай), Канг, Тарадйак, Тйода, Мадор, Кёл, Ингара, Бёгёдйи, Ырген, Артйи, Кёйэк и Кайденг[226]. Большая часть этих названий соответствует известным нам улусам койбалов, как существовавшим в 1847 г. в качестве административных родов (Байгадо — Байкотовские, Тарадйак-Турачаков или Таражаков. Кёл — Кольский, Бёгёдйи — Бугачев или «Абугачев», Артйи — Арши или Яржи), так и присоединенных к вышеперечисленным и поэтому официально не существовавших (Ингара, Ырген — Ургунов или Иргунов). Род Кайденг — это Хайтонов улус к началу XIX в., перешедший из Яринской землицы в Койбальскую. Из улусов, бывших в Койбальской землице в 1735 г., Кастреном не упомянуты улусы Аршупов, Урчин, Сыйский, Аска, Тубинский и Карнасский, упомянуты же роды Канг, Тйода, Мадор и Кёйэк, т. е. два рода Саянской землицы (Чоду и Хойек, или Хоюк), племенное название моторов и название р. Кана в коттском произношении[227].

Надо также отметить, что моторов, живших в верховьях Тубы, в частности моторов Койбалова (Турачакова) рода, наши источники называют иногда «каменными», т.е. горными.

По Миллеру, из моторских (или вообще самоедоязычных) улусов Тубинской землицы два (Турачаков и Карнасхамов) жили в бассейне Тубы (в прошлом, как мы знаем, Койбалов улус находился именно в верховьях Тубы), а остальные четыре — в бассейне Ои. Создается впечатление, что моторы состояли из двух групп: так называемых «каменных моторов», живших в верховьях Тубы, и просто моторов, живших в бассейне Ои и др. (см. ниже).

Одним из нерешенных до сих пор вопросов этнической истории южной Сибири является вопрос о моторах у Шедатского форпоста в XVIII в. Этих моторов не было среди тех жителей Тубинской землицы, данные о которых за 1704, 1712 и 1735 гг. приведены выше. В 1760 г. этих ясачных моторов было 30 чел. В 1770 г., судя по данным Палласа, они числились в Тубинском улусе. В 1772 г. их было лишь 10 семей[228]. В 1847 г. Кастрен

---

[222] См. Л. П. Потапов. Происхождение и этнический состав койбалов. «Советская этнография», 1956, № 3, стр. 36.

[223] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1577, л. 4.

[224] Это он упоминается в 1652 г. под именем Колбай (ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 490—491).

[225] См. Л. П. Потапов. Происхождение и этнический состав Койбалов. «Советская этнография», 1956, № 3, стр. 36—45.

[226] См. M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe, S. 322.

[227] См. J. Klaproth. Asia polyglotta. Paris, 1831, p. 168.

[228] Вопрос о моторах у Шедатского форпоста (с. Каратуз) мы излагаем по Л. П. Потапову (см. «Советская этнография», 1956, № 3, стр. 41—43).

Таблица 101

Этнографический состав населения Красноярского уезда в XVII в.

Этнические группы, племена и роды	Подразделения племен и родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие родам и племенам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Кеты					
Аринцы	Улусы Татушев, Абытаев, Канбирев, Щербаков, Тетюгин; волости Весловская и Ястынская	Ок. 1628	160	640	В Минусинском округе в Качинской степной думе роды Абалаков, Татышев, Ястынский, Тинский, Абытаев и др.
Буклинцы (Яринцы)	Улусы Яринский (Абалаков), Кайдинов, волости Тинская, Бохтинская, Алытская, Бугульская, Илдорская	Ок. 1630	125	500	
Байкотовцы	Улусы Байкотовский, Шарандаев, Колев, Барсандаев, Улумов	20-е годы XVII в.	120	480	В Минусинском округе в Койбальской степной думе роды Большой и Малый Байкотовские, Кольский
Котты (асапы)	Улусы Пантыков (Тымаков), Темсеников (Курчеков), Багин, Именеков, Початский, Тагаиаков, Араксеев, Торсуков, Шалашкин, Жибардамов, Алышпаев, Тупораков; волости Агашская, Пеленгутская, Янголотская, Асанская	Ок. 1630	350	1400	Так называемые канские татары, слившиеся с русскими и бурятами (улусы Багин, Пантыков, Шалошин, Именеков, Агульский в Канском округе)
Корчуны	Улусы Мангалиев, Улеготский, Байберинский, Шуртосский, Ийский, Манзирский	1658, 1662, 1677	100	400	Буряты Нижнеудинского округа родов Коршон, Шуртовский, Котомут и др., частью слились с русскими
	Итого		855	3420	
Самоеды					
Камасинцы	Улусы Татаров, Бугачев, Кугин, Байгин, Тагин; волость Ургунская	1670	94	380	Лесные камасинцы Абалакова улуса Канского округа
Кашинцы	Улусы Кургулов, Ютубайков, Мунгатков, Угумаков, Яргашин, Мунтуков	1667	53	210	Степные камасинцы Угумакова улуса
Кашинцы конные	Улусы Тубочаков и Ебыгатов	1658	29	120	Вероятно, погибли вместе с киргизами-тубинцами в 1692 г.

Моторы	Улусы Шишеляков, Бугачеев, Ексеев, Карнасхамов, Койбалов, Уштерский, Аласхамов, Тондараков, Емелхабардам (Елемзерцы) . . .	20-е годы XVII в.	180	720	В Койбальской степной думе Минусинского округа роды Таражаков Абугачев, Арша
Карагасы		1675	24	100	Карагасы Нижнеудинского округа, частично, возможно, в составе тувинцев-тоджинцев
Кангаты	С Кубалитским улусом	1675	18	70	
Югдинцы	С Сильпигурским улусом	1675	43	170	
Саянцы	Улусы Караетов, Ерки-Тархи, Ухарский, Карчитаев и др.	1691	90	360	Тувинцы-тоджинцы сумонов Ак-чоду и Кара-чоду
Кайсоты	Улус Керсенев (Ирхит)	1689	30	120	Так называемые тункинские сойоты (род Ирхит)
	Итого		561	2250	
Тюрки					
Качинцы	Улусы Силочин, Кубанов, Татаров, Мунгатков, Тубинской	1628	70	350	Качинская степная дума
Саянцы	Тотоков (Окнанков), Коетский (Коеков) Шаджигаев, Хахаев	Ок. 1691	60	240	Тувинцы-тоджинцы сумонов Кол и Хоюк
Кайсоты	Улусы Каралитский, Пахинов, Балыкшин, Мунзин	Исчислено автором	70	280	Тувинцы-хасуты у оз. Косогол (Хубсугул) и частью в юго-восточной Тодже
Киргизы-тубинцы	Роды Бабаев, Карин, Бурчиев (Унгуров) . . .	20-е годы XVII в.	100	500	Были увичтожены в 1692 г. на р. Кан
	Итого		300	1370	
Монголы					
Булагаты	Род Ашехабатский (улусы Узунов, Дючкин, Иланков); улусы Шараитский, Туралитский, Агалитский	Ок. 1645	110	550	Буряты Нижнеудинского уезда родов Ашехабат, Шараит, Туралак
Тунгусы					
Кочемары	—	1669	13	50	
Кармагинцы	—	1662	13	50	Слились с русскими
Карапоты	—	1658	15	60	
	Итого		41	160	
	Всего		1867	7750	

их уже не нашел, так как они слились с русскими. Мы предполагаем, что это какая-то группа моторов, вышедших из-за рубежа, вероятно из тех улусов, которые платили ясак в 60-х годах XVII в., но не были обнаружены в Тубинской землице в 1704—1735 гг., например из Алыаласхамова улуса.

Нанесены на карту этнические группы Тубинской землицы XVII в. по следующим данным и соображениям.

О тубинцах-киргизах нам известно, что они жили на самой р. Тубе в степи. Ремезов их угодья и «степи» показывает между Тубой и Оей недалеко от Енисея, а самих их в низовьях Ои. Поэтому мы отводим тубинцам низовья рек Тубы и Ои.

Байкотовцы, как мы уже знаем, тоже жили на Тубе. Ремезов их показывает, по нашему мнению, ошибочно, очень далеко — между Кантегиром и Усом. Главное, что можно извлечь из данных Ремезова о байкотовцах, — это то, что они жили от Енисея дальше, чем тубинцы. Это согласуется с данными Миллера, по которым байкотовские и другие говорившие «по-коттовски» улусы Тубинской землицы жили по рекам Тубе, Сыде и у оз. Тазик-кол [229] (современное Кизыкульское, в 10—12 *км* к югу от р. Тубы и в 34—35 *км* от Енисея). Известно также, что потомки Малобайкотовского улуса, не переселившегося подобно остальным койбалам в «Койбальскую степь» между Абаканом и Енисеем, в XIX в. жили в дер.Салбине-койбальской в 30 *км* к северу от Тубы и в 45—46 *км* от Енисея. Таким образом, территория байкотовских улусов охватывала, по-видимому, степную и лесостепную часть бассейна Тубы, где мы их и показываем на карте.

«Каменные моторы», как известно, жили в верхней части бассейна Тубы. Там их — улусы Койбалов (тремя группами) и «Карнасы» (Карпасхамов) — показывает и Ремезов. Правда, Ремезов показывает здесь и «Хантоскую» волость, т. е. Хайтонов улус. Пестерев на р. Кезире (конфлюэнте Тубы Кизырь) встретил ясачных «Кандынской землицы» [230], т. е. членов того же Хайтонова улуса, позже постоянно живших вместе с байкотовцами в дер. Салбино-койбальской. Мы, однако, не показываем этот улус на Кизыре. Хайтонов улус вообще был очень подвижен (см. выше), и его проникновение вверх по Кизырю произошло, видимо, в 1670—1701 гг., когда этот улус почти все время находился «в бегах» из Яринской землицы. В число «каменных моторов» мы включаем, помимо Койбалова и Карпасхамова улусов, также и улус Емелхабардам, или елемзерцев, по Ремезову, которых он показывает на верховьях р. Убей («Убий»). Но так как чертеж Ремезова здесь вообще очень неточен (небольшие реки Кома и Убей у него гораздо длиннее большой р. Сыды), то вполне можно считать, что этот улус находился вместе с Койбаловым и Карпасхамовым в бассейне верховьев Тубы, вероятно по Кизырю, откуда его потом вытеснил Хайтонов улус.

Остальные моторы, по Миллеру, жили в бассейне Ои. Моторы, жившие в XVIII в. у Шедатского форпоста, очевидно, осваивали земли по р. Амылу. Ремезов показывает моторские улусы таким образом: Аласхамов («Аланканска ясачна») двумя группами между реками «Кавсара» и «Ок» (т. е. между Хамсарой и Уюком) и Уштерский («Уштирцы немирная») на Кантигире (Кантегир). Место устья Кантегира на Енисее показано Ремезовым правильно (выше Ои и ниже Уса), но впадает Кантегир в Енисей на карте Ремезова справа, а не слева, как следовало бы показать. Указанный район между Уюком и Хамсарой — это, видимо, горы в верховьях Уса и Амыла. Местоположение Аласхамова улуса на

[229] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 9, л. 27.
[230] Новые ежемесячные сочинения, ч. LXXIX, СПб., январь, 1793, стр. 70.

границе с Саянской землицей подтверждается и данными ясачных книг, по которым этот улус в начале XVIII в. платил ясак в составе Саянской землицы.

Итак, можно считать, что моторы жили в горно-таежной зоне бассейнов Амыла, Ои, Кантегира и Уса. Тут мы их и показываем на карте, к югу от территории байкотовцев. При нанесении на карту территории моторов на левом берегу Енисея были учтены границы землепользования, в частности границы лесных дач в этом районе.

По своему хозяйству киргизы-тубинцы были степными скотоводами и коневодами. Байкотовцы и моторы тоже разводили рогатый скот и лошадей, но, помимо этого, занимались охотничьим промыслом и, вероятно, рыболовство. У моторов, по крайней мере у «каменных», судя по описанию атамана Василия Тюменца, прошедшего через Тубинскую землицу в 1616 г., были и домашние олени. Но Пестерев во второй половине XVIII в. утверждает, что у моторов домашних оленей нет. Большую роль в хозяйстве байкотовцев и моторов играл сбор съедобных дикорастущих растений [231]. Все племена Тубинской землицы вели кочевой образ жизни. После ухода киргизов в Джунгарию байкотовцы и моторы, оставшиеся в русском подданстве, по большей части переселились в степь между Енисеем и Абаканом, которая поэтому стала называться Койбальской. Но на охоту они продолжали ходить в свои угодья на правом берегу Енисея, в бассейны Тубы и Ои.

В заключение приводим сводную табл. 101 состава населения Красноярского уезда в XVII в.

---

[231] О хозяйстве койбалов (т. е. байкотовцев и моторов) в XVIII в. см.: Л. П. Потапов. Происхождение и этнический состав койбалов. «Советская этнография», 1956, № 3, стр. 40—42.

Глава XVI

ИЛИМСКИЙ УЕЗД

Территория Илимского уезда была освоена енисейскими служилыми людьми в 1628—1640 гг. В 1641 г. указанная территория и ее население вошли в Якутский уезд и только в 1657 г. был оформлен новый самостоятельный Илимский уезд. Центр Илимского уезда, современное с. Илимск, был основан в 1630 г. в качестве перевалочного пункта из бассейна Енисея в бассейн Лены и назывался сначала Ленским волоком и только в 1649 г. получил название Илимского города. В 1641 г. был основан Верхоленск, перенесенный в 1649 г. несколько вверх, в устье Куленги. Это был центр южной части Илимского уезда [1].

Многие русские поселения на территории Илимского уезда в XVII в. долгое время находились в ведении администрации Якутского уезда, так как крестьяне этих селений снабжали хлебом Якутск и его уезд.

В Илимском уезде центрами сбора ясака были Илимск для северной части уезда и Верхоленский острог для южной. Из этих двух пунктов и рассылались сборщики по ясачным волостям. Острожек в устье Куты только отчасти имел специальное ясачное назначение, поскольку около него жила отдельная, правда небольшая, группа тунгусов (Усольская волость, или род Ладагир), главным же образом он служил базой на пути в Якутию и в верховья Лены и местом варки соли для Илимского и Якутского уездов. Острожек при впадении в Лену р. Киренги тоже не был специальным ясачным центром. В Илимском уезде, как и в Енисейском, не было термина «ясачное зимовье». Существовало, правда, зимовье (позже острог) на Лене в устье Чечуя. Но оно ведало только пашенными крестьянами и продолжительное время входило в состав не Илимского, а Якутского уезда. Яндинский острог на Ангаре и Илгинский на Илге также ведали лишь пашенными крестьянами. В Идинском остроге на Ангаре с 1679 г. стала платить ясак часть верхоленских бурят, но в 1686 г., он, вместе с Верхоленским острогом и тяготевшими к этим острогам бурятами и тунгусами, отошел в ведение Иркутского уезда.

В настоящей главе рассматривается Илимский уезд в его первоначальных пределах вместе с верхоленскими тунгусами и верхоленскими и идинскими бурятами, хотя все данные об этих тунгусах и бурятах

---

[1] Подробное описание Илимского уезда и его русского и отчасти коренного населения дается в книге В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня» (т. I, Иркутск, 1949). Отметим только одну ошибку В. Н. Шерстобоева. Вышедших в 1701 г. в Илимский уезд «курейских» тунгусов он считает выходцами с р. Курейки, притока Енисея, тогда как это были тунгусы Мангазейского уезда, платившие ясак в Курейском зимовье в самых верховьях Нижней Тунгуски по соседству с Илимским уездом (см. стр. 557).

после 1686 г. приходится заимствовать из дел Иркутской приказной избы.

В Илимском уезде к 1657 г. имелись устойчивые группировки коренного населения, которые можно разбить на три части:

1. Тунгусские волости, тяготевшие непосредственно к Илимскому острогу: Нижнеилимская, Верхнеилимская, Усольская, Усть-Киренгская, позже просто Киренгская.

2. Тунгусские волости, тяготевшие к Верхоленскому острогу и переданные в 1686 г. в Иркутский уезд: Тутурская («Верх реки Лены под Верхоленским острожком и Тутурские волости тунгусы» [2], позже просто «Тутурские волости тунгусы»), Куленгская («Верх реки Куленги тунгусы в ясачном платеже» [3], позже просто «Куленгские волости тунгусы»), Киренско-Ханданская («Верх рек Киренги и Ханды тунгусы» [4], позже просто «Хандинские волости тунгусы»), Очеульская («Озеро Очеуля и Ламского хребта тунгусы» [5], позже просто «Очеульские волости тунгусы»).

Обычно в ясачных книгах все волости второй группы объединялись одним названием: «Верхоленского братского острожку вверх реки Лены и Куленги и Киренги, и Ханды и Ламского хребта, и озера Очеуля» [6].

3. Буряты, тяготевшие к Верхоленскому острогу («Верхоленская братская землица» [7], позже «Братские землицы братские люди»).

Тунгусские волости Илимского уезда в вышеуказанном составе сохранились до XIX в., частью вплоть до переписи 1897 г. Только Киренская, Хандинская и Усольская волости уже к началу XIX в. слились в одну.

Для периода с 1628 по 1657 г. даже для 1672 г. имеется ряд племенных или родовых названий групп тунгусов Илимского уезда. Эти группы почти во всех случаях соответствуют тем или иным волостям с русскими названиями, которые приведены выше.

ТУНГУСЫ ИЛИМСКОГО УЕЗДА

В северо-западной части Илимского уезда, по Ангаре и по нижнему течению Илима (у Илимска и вниз по Илиму), его притокам Тубе, Тушами, Игирме и другим и в верховьях Каты и Куты с Купой жили тунгусы шамагиры, или «шаманские люди». В 1628 г. их возглавлял Когоня, с 1631 г. — Нотой Когунев [8].

До середины XVII в. эти тунгусы назывались Шаманской волостью, в 1657 г. уже Нижнеилимской. В 1672 г. волость названа Нижнеилимской, но отмечено, что это «род князца Нотуев Шаманской» [9]. Таким образом, соответствие Нижнеилимской волости родоплеменной группировке Шамагир, шаманцам, устанавливается без затруднений. Как указывалось выше, мы предполагаем, что это другая часть того же племени, которое в Енисейском уезде известно было под названием «ичерильцев» и гейско-ангарских тунгусов.

В первой половине XVII в., помимо шаманцев Нотуя Когунева, в ясачных книгах отмечается еще группа шаманцев «князей» Окинги и Белкичи (24 плательщика ясака в 1639 г.). Насколько можно судить по источни-

---

[2] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, л. 13.
[3] Там же, л. 18.
[4] Там же, л. 21.
[5] Там же, л. 24.
[6] Там же, л. 697, 438.
[7] Там же, л. 13.
[8] Там же, кн. 34, л. 542; см. ДАИ, т. II, стр. 245.
[9] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, л. 6.

кам, группа Нотуя Когупева (26 чел. в 1639 г.) располагалась по Ангаре, а люди Окинги — по Илиму и верховьям Куты [10].

Но в 1657 г. существует уже только одна Нижнеилимская волость из 32 плательщиков ясака, во главе с Нотуем [11].

Численность шаманцев (шамагиров) Нижнеилимской волости во второй половине XVII в. показывают следующие цифры [12].

	1639 г.	1657 г.	1672 г.	1675 г.	1677 г.	1679 г.	1681 г.	1696 г.	1701 г.
Число плательщиков ясака . .	50	32	44	43	46	42	45	29	33

Таким образом, можно считать, что в Илимском уезде ясачных шамагиров было до 50 чел., а всего шамагиров около 200 чел. [13].

С конца 30-х годов XVII в. группа шамагиров во главе с Бакшенгой стала жить на Лене в районе устья Киренги и Чечуйского волока, заходя также в низовья Киренги.

Лена не была районом постоянного местожительства этой группы шамагиров. В ясачной книге Енисейского уезда за 1639 г. прямо отмечено, что илимский князец Бакшенга Анюкаев со своими «улусными людьми» не заплатил ясак и откочевал на дальние реки [14]. В том же 1639 г. Бакшенгу взял в аманаты на Лене в устье Ичеры якутский приказный человек Парфен Ходырев. В своей челобитной Бакшенга жаловался, что «женишек моих и детишек кормити некому, которые было старое запасенко и оленишка кормленые и то все приели и теперь скитаютца промежу юртами». А ясак Бакшенга, по его словам, «купил на Нижней Тунгуске у мучюгирских тунгусов на оленишка».

Другие шамагирские тунгусы Бакшенгина рода в 1641 г. жалуются на служилых людей, которые, плывя вниз по Лене в Якутск, причиняли им разные обиды. У одного тунгуса, например, взяли 12 кузовов запасов порсы и сараны, ровдугу с юрты, шесть пим зимних, шесть мужских и женских шуб, нагрудник женский с оловом и одекуем и т. д. [15]

С другой стороны, в том же 1641 г. сами шамагиры Бакшенгина рода вместе с группой икогиров ограбили на Киренге в пяти днях пути от ее устья двух промышленных людей вымичей. В этом же году те же шамагиры и икогиры («оинцы») на Лене «пониже Таюры» еще раз ограбили промышленных людей [16].

Уменьшение численности шамагиров к 1657 г. по сравнению с 1639 г., очевидно, объясняется именно уходом с Илима на Лену и Киренгу Бакшенгина рода.

В 1646 г. Бакшенгины родники, платившие тогда ясак на Чечуйском волоке в количестве семи человек, находились на р. Киренге у икогирских тунгусов [17].

---

[10] ЦГАДА, ф. 214, кн. 145, лл. 198—203; кн. 34, л. 548; ср.: Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в., Л., 1936 г., стр. 2—4; ДАИ, т. III, стр. 245.

[11] ЦГАДА, ф. 214, кн. 360, л. 469.

[12] Там же, кн. 627, лл. 6, 433 об., 581; кн. 691, л. 118; кн. 696, л. 199; кн. 1109, л. 180; кн. 1309, л. 113.

[13] В росписи П. Головина в отношении притока Илима р. Тубы указано, что по ней кочуют тунгусы «шамагирцы и мишугирцы» (ДАИ, т. II, стр. 245). В январе 1633 г. ясачный сборщик Терентий Терской, собиравший ясак с шамагиров и налягиров на Илиме, послал служилых людей «за камень в новую землицу к мупоимцам» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 138). Мы предполагаем, что в обоих случаях имеются в виду кочевавшие в верховьях Нижней Тунгуски мучугиры.

[14] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, л. 41; ф. 1177, ст. 24, лл. 16—18.

[15] Там же, 1177, ст. 14, лл. 374—379.

[16] Там же, лл. 657—658, 742, 745.

[17] ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, л. 29.

В дальнейшем эта группа шамагиров окончательно присоединилась к икогирам (никогирам, нгикогирам) и образовала в низовьях Киренги Усть-Киренскую или просто Киренскую волость. По Миллеру, Киренская волость называет свой род (Geschlecht) Хаикогир (Haikagir). Род Хаикогир существует в настоящее время в верховьях Нижней Тунгуски, куда он перешел с низовьев Киренги. «Ха» по-тунгуски значит «кровный родственник, сородич» [18]. Название «хаикогир» можно, следовательно, представить как «ха-икогир» и перевести «сородичи икогиров», «родственники икогиров» и т. д.

Ниже мы эту группу присоединившихся к икогирам шамагиров рассматриваем вместе с икогирами. Вместе с ними же показана эта группа шамагиров на нашей карте и в таблице этнографического состава коренного населения Илимского уезда (см. ниже).

Самым большим тунгусским племенем Илимского уезда было племя налягиров, образовавшее Верхнеилимскую, Усольскую, Тутурскую и Куленгскую волости. Верхнеилимскую волость образовали «налязские люди» князца Мукипги в первой половине XVII в. [19] В 1672 г. эта волость названа «Верхне-илимские волости тунгусы. Род Мукипин Налядцкой» [20]. Мукиня возглавлял Верхнеилимскую волость еще в 1657 г. [21] В 1672 г. его сменил Гришка Мукипин.

На расселение тунгусов этой волости указывает само ее название. По ряду данных удалось уточнить ее северную границу с шамагирами [22].

В Усольскую волость вошли наляги князцов Кинеги и Балея [23]. К этой волости принадлежал и Звероул, возглавлявший одно время северных налягов [24]. Им и его людьми были убиты перед 1632 г. служилый человек Казаринко Кондратьев и еще 12 служилых и промышленных людей. Звероулом же был убит кутский (шамагирский) князец Галкича (Белкича?). В росписи земель и рек Петра Головина 1641 г. указано расселение усольских тунгусов. В данном источнике эта группа налягов названа ладагирами, это было, видимо, их родовое название [25].

Название «ладагир» в отношении устькутских налягиров встречается и в документе 1645 г., в котором сказано о том, что тунгус Ладагирской волости Гаршина (Лукашка) и два шамагира принесли поминки в Илимск воеводам Пушкину и Супоневу, ехавшим в Якутск. Во всех остальных архивных материалах тунгусы Кинеги, Балея и Звероула названы налягами (налягирами) [26]. В 1641 г. в роде Звероула числилось 23 чел., хотя платил он ясак лишь с семи человек. Кочевал род Звероула в 1641 г. на Лене у устья р. Туруки. Родники Звероула жили в верховьях Лены «под братами».

Мы включаем в территорию налягиров и часть бассейна р. Куты и участок по течению Лены ниже устья Куты, потому что район устья Куты, видимо, целиком был занят налягами (ладагирами) Звероула [27]. Здесь они соседили с тунгусами Мангазейского уезда — мучугирами. Еще в 1657 г.

---

[18] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1940, стр. 149.

[19] ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, л. 546.

[20] Там же, кн. 627, л. 2.

[21] Там же, кн. 360, л. 480.

[22] ДАИ, т. 2, стр. 245—246; ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 100; см. также: А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 232.

[23] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 452; кн. 145, л. 203.

[24] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 5, л. 298.

[25] ДАИ, т. II, стр. 246, 247. Головин в качестве мест жительства ладагиров называет притоки Лены, Туруку, Игу, Жилимжу, Киташаму, Куиту, О(р)ленгу.

[26] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 58; ЦГАДА, ф. 214, кн. 48, л. 53; ф. 1177, ст. 5, л. 298 и др.

[27] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 133; Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936, стр. 2—7; ЦГАДА, ф. 214, кн. 48, лл. 53—54.

некоторые усольские наляги платили ясак за убитых ими мучигиров [28]. В 1672 г. Усольская волость названа «Звероуловым родом» [29].

Из тунгусов, плативших ясак в Верхоленский острог, налягирами являлись тутурские и куленгские тунгусы. В 1657 г. тутурские налягиры были разделены на две группы: «Род Наляцкой» (17 плательщиков ясака) во главе с Конеулом, и тунгусы «сверх-Лены реки» (42 плательщика ясака во главе с князцом Окулней) [30].

В 1672 г. они названы «Вверх Лены реки под Верхоленским острожком и Тутурские волости тунгусы» (63 плательщика ясака) [31].

На первом месте в этом списке стоял Окулня. Ряд других имен списка также совпадает с именами тунгусов Конеуля и Окулни 1657 г. В «Росписи земель и рек» Петра Головина на Лене выше «налягов» (ладагиров) Звероула вверх от Бот названы только налягиры [32] и «Можеулова улуса» тунгусы [33]. Верхоленские князцы Можеул и Липка, погибший в 1631 г. во время боя отряда Бекетова в районе, где был поставлен Верхоленский острог [34], тоже были налягирами. Занимали налягиры и р. Илгу. Они жили здесь и в 1926—1927 гг. Налягиры занимали также в XVII в. и в 1926—1927 гг. бассейн р. Тутуры.

Куленгская волость находилась в бассейне р. Куленги. В 1657 г. она представлена небольшим (20 чел.) списком тунгусов «с верх Куленги реки». В 1672 г. эти тунгусы названы «верх р. Куленги тунгусы в ясачном платеже» (всего 42 плательщика ясака), в том числе двое указаны, как принадлежащие «Кумкагирскому роду» [35]. В число куленгских тунгусов 1672 г. вошла в 1657 г. часть тунгусов, названных «налягами», в том числе и потомки Конеуля (см. выше). Мы считаем, что куленгские тунгусы представляют тех же налягиров. С. А. Токарев, изучивший большой архивный материал, относящийся к этому району, пишет, что «по Тутуре и по Куленге кочевали тунгусы налягиры» [36]. Небольшая группа кумкагиров жила, видимо, только у истоков Куленги. Это часть тунгусов Иркутского уезда (см. гл. XVII).

Налягиры четко выделялись среди окружающих тунгусских племен. Везде они фигурируют под своим племенным названием, несмотря на огромную территорию их распространения. Мы встречаемся с дополнительным названием — ладагиры только у устья Куты, причем в отношении последних нет и тени сомнения, что это налягиры. В документах XVII в. то и дело встречается выражение «тунгусы и наляги», свидетельствующее о том, что наляги хорошо различались среди других тунгусских племен.

В табл. 102 приведены данные о численности налягиров.

Можно считать, таким образом, что в 1696 г. в Илимском уезде было около 790 налягов обоего пола и они были вправе говорить русским служилым людям, что «их налягов — много» [37].

---

[28] ЦГАДА, ф. 214, кн. 360, лл. 486—494.
[29] Там же, кн. 627, л. 9.
[30] Там же, кн. 360, л. 510.
[31] Там же, кн. 627, лл. 13—17.
[32] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 129.
[33] ДАИ, т. II, стр. 246—247.
[34] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 127—129.
[35] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, лл. 18—20.
[36] С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1934, стр. 103. Но надо заметить, что в материалах XVII в. куленгские налягиры иногда фигурируют под своими родовыми названиями; таковы, например, роды Молзаев и Куркунеев, упоминаемые в делах Иркутской приказной избы в конце XVII в.
[37] А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 268.

Хандинская, или Киренгско-Хандинская, волость, платившая ясак в Верхоленск, соответствовала роду, который в материалах XVII в. называется Икогир (Ыкогир) или Никогир (правильно, вероятно, Нгикогир).

Таблица 102

Численность плательщиков ясака в волостях налягиров [38]

Волость	Год					
	1657	1672	1677	1681	1696	1701
Верхнеилимская	33	43	51	45	38	44
Усольская	20	18	21	19	22	26
Тутурская	59	63	69	65	56	72
Куленгская	20	42	48	47	80	96
Всего	132	166	189	176	196	238

В переписной книге 1657 г. [39] имеется список 39 тунгусов, озаглавленный «С Киренги и Ханды рек, сбору Верхоленского острожку... Род Икогирский».

Возглавлял этих тунгусов Горгига (Огика). В этой же книге имеется список 16 тунгусов «Усть-киренские волости» во главе с князцом Доргеем Немтюгиным. По-видимому, князец Доргей Немтюгин и его люди — это те шамагиры, которые присоединились с 1639 г. к икогирам (см. выше). В 1633 и 1634 гг. был получен ясак с «ыкогирских тунгусов» с Киренги, из нового острожка с князца Нингума Такамова [40]. Петр Бекетов сообщает в 1631 г., что от Тутуры есть волок на Киренгу, а «на Киренге сказывают живет много людей тунгусов пикогирцы и камчагирцы» [41]. Камчагирцы, как мы увидим ниже, занимали верховье Киренги. Для населения всего остального бассейна этой реки дается только одно название — никогиры.

Для 1641 г. у нас есть прямое указание, что на Киренге в частности выше р. Вакунайки, была «ыкогирская» земля. В этом году в верховьях Киренги был взят ясак с 33 икогирских тунгусов, всего 122 соболя [42]. По Миллеру, хандинские (т. е. киренско-хандинские) тунгусы называют себя «чонгул» (Tschongul) [43]. Название чонгул нам неизвестно, видимо это какое-то частное название икогиров. В 1672 г. Киренгско-Хандиская волость называлась «Верх Киренги и Ханды рек тунгусы», а в 1682 г. просто «Хандинская волость».

О численности икогиров (никогиров, нгикогиров) вместе с присоединившимися к ним шамагирами можно судить по данным о количестве плательщиков ясака (табл. 103). Таким образом, можно считать, что в группе икогиров (пикогиров) было в 1657 г. около 220 чел. обоего пола, в том числе около 65 присоединившихся к ним шамагиров (хаикогиров).

Последняя из волостей Илимского уезда, платившая ясак в Верхоленский острог и называвшаяся Очеульской (по оз. Очеуль в верховьх р.

---

[38] ЦГАДА, ф. 214, кн. 360, лл. 480—510; кн. 627, лл. 2—20; 581—617; кн. 696, лл. 199—310; кн. 1109, лл. 165—200; кн. 1141, лл. 166—172; кн. 1309, лл. 101—132; кн. 1316, лл. 150—152.

[39] ЦГАДА, ф. 214, кн. 360, л. 494.

[40] ЦГАДА, ф. 214, кн. 40, л. 53.

[41] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 132.

[42] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 5, л. 296; ст. 76, л. 17.

[43] ЦГАДА, ф. 199, № 509, тетрадь 3, л. 19.

Таблица 103

Численность плательщиков ясака в волостях икогиров [44]

Волость	Год					
	1657	1672	1677	1681	1696	1701
Киренгско-Кандинская (Хандинская)	39	32	31	29	35	46
Усть-Киренгская (Киренгская)	16	20	17	18	11	10
Всего	55	52	48	47	46	56

Анги), соответствует тунгусскому племени или роду Камчагир. В переписной книге 1657 г. имеется «род Камчагирский» во главе с Талкичей, насчитывавший 50 плательщиков ясака. Сопоставление личных имен свидетельствует, что эта же группа тунгусов в 1672 г. называлась «Озера Очеуля и Ламского хробта тунгусы», а в 1682 г.— «Очеульской волостью». Например, среди камчагиров 1657 г. упоминается «старый шаман Гунени», а в 1676 г. — уже целый «Гупанеев род» [45]. В 1657 г. упоминается Якупей, а в 1672 г. — «Якупеев род» и т. д.

Миллер для 1735 г. называет в Очеульской волости следующие роды: Чорбатовский, Хенкегорский, Камчагирский и Шугукагирский [46].

Название, похожее на название «шугукагир», встречается и в XVII в. В 1646 г. в Верхоленск пришел подгородный тунгус Кайманко и рассказал, что к ним в верховья Лены приходило от атамана Василия Колесникова 40 казаков, которые убили двух тунгусов Шумпагирского и Икагирского родов. В другом известии об этом событии говорится о Шумпукагирском роде [47].

Иногда в районе обитания камчагиров в XVII в. упоминаются также тунгусы Челкагирского рода. Так, например, ленские тунгусы рассказывали в 1641 г., что «вверх по Лене реке неясачных тунгусов челкагирских людей человек с 50, а палягинцов де около Тутуры и вверх по Лене человек с 60, а камчагирцов де человек с 50». В другом случае, когда служилые люди были у налягирского князца Можеула, сюда пришел «чилкагирский тунгус с Ламы» (т. е. с Байкала) и хотел мстить им за то, что какие-то русские побили на Байкале 15 юрт его сородичей чилкагиров [48].

В описании рек и живущих на них народов, составленном в Енисейском остроге около 1630 г., наряду с камчагами упоминаются и «чолкаги» [49]. В «Росписи земель и рек» Петра Головина на берегу Байкала показаны кумкагиры (см. гл. XVII) и «чилкагиры» [50].

По-видимому, челкагиры (чилкагиры) действительно существовали где-то на западной стороне Байкала. Их можно искать лишь среди икогиров (см. выше) и среди камчагиров. Но икогиры — группа небольшая и, кроме того, их родовое название нам известно. Вероятнее всего, что родовое название Челкагир существовало у камчагиров.

---

[44] ЦГАДА, ф. 214, кн. 360, лл. 494, 514; кн. 627, лл. 11, 21; кн. 627, лл. 575—576; кн. 696, лл. 199—309; кн. 1109, лл. 201—216; кн. 1309, лл. 133—149.

[45] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, л. 29.

[46] ЦГАДА, ф. 199, № 509, тетрадь 1, л. 11.

[47] ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, л. 28.

[48] См.: А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 256, 381; ДАИ, т. II, стр. 248.

[49] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 121.

[50] ДАИ, т. II, стр. 248.

Вполне возможно, что название «камчагир» — это собственно лишь название одного из родов этих тунгусов с Ламского хребта, затем перенесенное на всех них.

Объясачение камчагиров произошло таким образом. В 1640 г. десятник Оксен Оникиев «осеновал» на Лене у устья Иги. Здесь кочевали икогиры (?) Белкича и другие, всего семь человек. Эти тунгусы рассказали: «Только де вы пойдите с усть Иги реки через хребет на верх Ханды реки в Ыкоинскую и в иные волости по черной стопе невеликими людьми наскоре, ино де вы наверх Ханды реки в Ыкоинском улусе тунгусских князцов и улусных людей застанете. А только де вы станете лыжного пути дожидаться... не застанете не одново человека, уйдут де они в браты торговать, а ходят де оне рано осенью».

Тунгусы повели служилых людей на Ханду и дали им за муку и государевы товары двух оленей. Выйдя с устья Иги 8 октября, казаки 25 октября пришли к икогирам в верховья Ханды. Здесь князцы Кулпа и Неконма дали ясак, причем плательщиков ясака «объявилось» 30 чел., хотя тунгусы говорили, что у них в родах «людей за 70». Когда служилые люди предложили «не таить захребетников», князцы сказали: «...есть де наших же родов не ясашных людей в Камчагирском улусе. А ходу сверх Ханды реки до Камчагирского улуса 8 дней». Тунгусы предложили отправить с ними в Камчагирский улус толмача и обещали ему содействовать. Оксен Оникеев отправил к камчагирам толмача Кондратия Ларионова Мясина, предупредив: «...и вы его не дайте убить и ограбить братским людем». Тунгусы на это сказали: «Как де мы дадим убить толмача? Имена наши написаны в книгах... мы де пойдем в браты торговать, а ево Кондрашка оставим в Камчагирском улусе. А из брат де мы приедем и мы де ево вывезем к русским людем. А вывезем де мы ево по пластам как де пойдем зверовать».

Далее тунгусы рассказали, что «вверх де Киренги реки живут де наши же роды переежжая для корму. А до братских людей от нас итти 20 дней. А сверх Киренги реки до Байкала озера и до Ламы и до Шилки переходу 2 месяца. А на Ламе де живут накугирцы (т. е. някугиры, см. гл. XVII.— *Б. Д.*) да цылцагирцы (т. е. чильчагиры, см. гл. XVII.— *Б. Д.*). Есть ли на Шилке серебро, то де мы не ведаем. А на Байкал озеро конми ли ездят или пеши ходят, то де мы не ведаем же. У мугалцов де есть серебро, а мугалы де живут далече по Ламе вверх» [51].

С. А. Токарев любезно предоставил нам свою выписку из Якутских актов Ленинградского отделения института Истории АН СССР, в которой сообщается, что в 1641 г. толмач Кондратий Мясин с верховьев Киренги принес 54 соболя и сказал, что ходил он «из ясачного зимовья вверх Лены меж Ламы [т. е. Байкала] и Киренги на Ламской хребет к тунгусским людям х кап... гирцам с князцом Кулгою [ср. выше Кулпа], которые живут возле братских людей... А тех кинцыгирцов человек с 50, а государев ясак давали не все только де старики... А впредь для государева ясачного збору посылать человека по 2 потому, что больше двух человек тунгусы на оленях не повезут» [52].

В другом известии об этом походе Кондратия Мясина эти тунгусы названы правильно камчагирами и указано, что ясака взято с 35 чел. 90 соболей [53].

---

[51] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 14, лл. 389—393.

[52] ЛОИИ, Якутские акты, папка 188, Р. 2, с. 38; см. также, ЦГАДА, ф. 1177, ст. 31, л. 81. В последнем документе путь Мясина из Верхоленска описывается так: «...итти... на низ по Лене реке до Иги реки... а осеновав на усть Иги реки итти им... лыжным путем в нарте через хребет на верх Киренги реки в [И]когирскую и в иные волости и в Кинцыгирскую землицу к тунгусам, где был Кондрашко Мясин в прошлом во 149 году на Ламском хребте...»

[53] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 16, л. 17.

Камчагиры действительно имели связь с Забайкальем. В 1670 г. 12 ясачных камчагиров ушло к Селенгинску (точнее, в район Кабанска) [54]. В Селенгинском остроге в 1681 г. платило ясак 11 тунгусов, по большей части выходцев из Предбайкалья, в том числе двое из рода Камчагир [55].

Количество очеульских тунгусов-камчагиров, плативших ясак в Верхоленский острог, показывают следующие цифры [56]:

	1657 г.	1672 г.	1677 г.	1681 г.	1696 г.	1697 г.	1701 г.
Число плательщиков ясака	50	87	87	90	96	103	130

Можно считать, таким образом, что в 1697 г. было около 410 камчагиров обоего пола.

Местожительство камчагиров и икогиров выявляется из вышеприведенных данных относительно оз. Очеуль, Ламского хребта, верховьев Киренги и берега Байкала как района обитания камчагиров и верховьев Ханды и Киренги (выше Вакунайки) как места жительства икогиров. Границу между камчагирами и икогирами по Киренге мы уточнили по расселению очеульских и киренгско-хандинских тунгусов в 1897 г. [57]

В «Росписи земель и рек» Петра Головина местом жительства камчагиров указаны р. Иголикта и верховье Лены [58]. Здесь указана и численность камчагиров — «человек с 300». Если эта цифра включает только взрослых мужчин, то это преувеличение, если она относится ко всему населению, то довольно близка к полученной выше.

В 1650 г. атаман Иван Галкин «с товарищи» убили на рыбном промысле на оз. Байкал 10 тунгусов Камчагирского рода [59]. Следовательно, камчагиры рыбачили на Байкале.

В 1926—1927 гг. потомки камчагиров также кочевали у истоков Лены и Киренги, у оз. Очеуля, по р. Иликте (ср. Иголикта) и по хребту вдоль западного берега оз. Байкал.

БУРЯТЫ ИЛИМСКОГО УЕЗДА

Основная масса предков прибайкальских бурят до 1686 г. находилась в ведении Верхоленского острога Илимского уезда. Часть этих бурят платила ясак прямо в Верхоленск, часть с 1679 г., как сказано выше, в основанный в 1672 г. Идинский острог.

Об изменении численности верхоленских «братских людей», плативших ясак в Верхоленский и Идинский остроги, имеются следующие данные (табл. 104).

Мы уже видели, что и в Удинской землице Красноярского уезда (см. гл. XV) и в ведомстве Балаганского острога (см. гл. XIV) численность плательщиков ясака тоже возрастала. Может быть дано три объяснения этому увеличению численности предков современных западных бурят: естественный прирост, уточнение учета, приток из-за рубежа.

В основном увеличение численности предков западных бурят-монголов не выходит за пределы возможного нормального естественного прироста. Несмотря на то, что в старой этнографической и исторической литературе раздавались голоса о якобы имевшем место «вымирании» бурят, надо при-

---

[54] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, лл. 27—28.

[55] Там же, кн. 941, лл. 490—491.

[56] Там же, кн. 360, лл. 469—510; кн. 627, лл. 24—30, 617; кн. 696, лл. 199—309; кн. 1141, лл. 163, 166 об.; кн. 1316, л. 148 об.

[57] См.: С. К. Патканов. Очерк географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. 1. СПб., 1906, стр. 106.

[58] ДАИ, т. II, стр. 247.

[59] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 189 об.

знать, что в первые столетия после окончательного присоединения Прибайкалья к Русскому государству бурятское население быстро возрастало в численности. Это явление подтверждается и вышеприведенными данными и другими официальными документами.

Таблица 104

Численность ясачных верхоленских бурят [60]

Год	Эхэритов	Булагатов	Всего
1672	452	558	1010
1677	497	588	1085
1681	510	651	1158
1696	652	846	1498
1701	728	940	1668
1735	1238	1052	2290

Например, в 1672 г. у эхэритов и верхоленских булагатов было выявлено значительное количество детей и подростков мужского пола в возрасте от 6 до 18 лет [61].

Роды	Число плательщиков ясака	Выявлено сверх того «подростков»
Обызаев	111	55
Олзонов и Баендаев	101	55
Ченорутский	120	79
Хэнгельдэрский с Буровым	120	73
Итого эхэритов	452	262
Табуева «сотня» (роды Шаралдаев, Курумчинский, Каранутский, Буяновский)	216	145
Ашехабатский род	62	40
Абаганатский род	48	45
Алгутский род	17	10
Итого булагатов	343	240
Всего	795	502

По Идинской группе родов булагатов, образовывавших так называемую Багунову сотню (см. ниже), и по Куркутскому роду нет полных данных о количестве подростков, выявленных за этот год.

В 1691 г. в верхоленском присуде было «приискано» вновь 142 подростка и захребетника бурята. Кроме того, было «приискано в оклады»

[60] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, лл. 32—60, 628—641; кн. 696, лл. 310—316; кн. 1141, лл. 172—198; кн. 1316, лл. 153—168; ф. 199, № 481, т. VII, л. 6 об. Разница в увеличении численности верхоленских эхэритов и булагатов с 1701 по 1735 г. вызвана тем, что большое количество булагатов, выселившихся из Верхоленского дистрикта, перестали учитывать здесь. Эхэритов же выселилось меньше, а кроме того, часть выселившихся эхэритов — на о-ве Ольхон, на Кударе — в 1735 г. продолжала еще числиться в Верхоленском дистрикте.

[61] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, лл. 32—59. Здесь учтены главным образом мальчики в возрасте 6—14 лет. В возрасте 15 лет учтено лишь десять и в возрасте 16—18 лет — восемь человек.

умерших 44 подростка и объявилось еще 114 подростков, с которых ясак за 1691 г. не успели получить и которых взяли на учет для сбора с них ясака в 1692 г. [62].

Такое большое количество мужской молодежи могло быть обнаружено лишь при условии, что естественный прирост народа был достаточно велик.

И действительно, в 1699 г. верхоленский приказчик Афанасий Бейтон, один из руководителей обороны Албазина, жалуясь на то, что ему недостает материальных ценностей на «жалованье» (т. е. на подарки) бурятам, уплачивающим ясак, писал, что «брацких людей в разных родах подростков в ясак по вся годы прибывает. А в прошлом в 206 году приискано в братских родах вновь подростков 33 человека» [63].

Таким образом, быстрый естественный прирост бурятского населения не ускользнул в конце XVII в. и от внимания русской администрации.

Учет плательщиков ясака, конечно, с течением времени уточнялся. В приведенных выше данных о приисканных за 1691 г. по верхоленскому присуду новых плательщиков ясака упоминаются не только подростки, но и захребетники, т. е. трудоспособные мужчины, по разным причинам ясака не платившие. Но в общем захребетников у западных бурят было немного и, определяя общее количество населения путем умножения числа плательщиков ясака на коэффициент 5, мы, как нам кажется, застраховываем себя от преуменьшения общего количества населения.

Кроме того, надо сказать, что поскольку выявление новых плательщиков ясака для каждого служилого человека XVII в. считалось серьезным служебным успехом, который они всегда упоминали в перечнях своих заслуг, то численность взрослого мужского населения устанавливалась весьма тщательно. Часты жалобы как раз обратного порядка, а именно, что, стремясь «положить в ясак» возможно большее количество населения, служилые люди записывали в ясачные списки подростков, еще не достигших 18 лет [64]. Так, в 1667 г. глава северной части идинских бурят Багун жаловался на служилых людей Балаганского острога за то, что последние «сыскивали у них в родах по улусам подрослей детей их и братью и племянников» лет шести и семи и брали с этих детей ясак, а для того, очевидно, чтобы население не скрывало мальчиков-подростков, усердные служилые люди «с мужским полом женский пол досмотром розбирали» [65].

Конечно, отдельные лица, как мы уже указали, от ясака уклонялись. Не платили у бурят ясак, кроме того «холопы» [66]. С другой стороны, в списках был и известный процент «мертвых душ». В целом мы считаем, что, применяя для установления общего количества населения множитель 5, мы получаем результат, очень близкий к действительному количеству населения.

Что касается притока иммигрантов, то такое явление в Прибайкалье наблюдалось, но большей частью это были не иммигранты, а реэмигранты, в свое время по той или иной причине ушедшие из Прибайкалья в Монголию, а затем возвращавшиеся. Родовой состав и численность прибайкальских бурят от этого изменялись мало.

Расселены были верхоленские (с идинскими) буряты тремя основными группами. Одну группу составляли булагаты в бассейнах Иды, Осы и отчасти Уды, которые после построения Идинского острога стали платить ясак в последнем. В дальнейшем — это буряты Идинского ведомства, из

---

[62] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 222, л. 69.

[63] Там же, ст. 142, л. 69.

[64] «А по указу великого государя велено имать ясак вновь с подростков с 18 лет, а меньши тех лет ясаку имать не велено» (ЦГАДА, ф. 1121, ст. 442, л. 32).

[65] А. П. Окладников. Очерки истории западных бурят-монголов, стр. 132.

[66] «А с холопей брацкие люди преж сего и ныне [в 1682 г.] ясаку не плачивали» (ЦГАДА, ф. 1121, ст. 32, л. 5).

которого уже в XIX в. выделились ведомства Молькинское, Улейское, Бильчирское, Унырское, Воханское.

Другую группу составляли булагаты в бассейне р. Куды, в дальнейшем образовавшие ведомство Кудинское, из которого в свою очередь выделилось также ведомство Капсальское.

Третью группу составляли эхэриты, жившие в северной части бассейна р. Куды, по р. Манзурке и в верховьях Лены, в районе впадения в нее рек Анги, Маизурки и Куленги. Они образовали затем ведомство Верхоленское, а после расселения на Ольхоне, в Баргузинских и Кударинских степях за Байкалом — ведомства Ольхонское, Баргузинское и Кударинское.

Основной родовой состав бурят этих ведомств не изменялся в XVII в. Роды Онгоев, Колтубаев, Онкотоев, Бараев, Ноетский, Иркидеев, Готолский, Енгутский, Шаралдаев образовали Идинское ведомство, роды Булагатский (Бабаев), Курумчинский, Буяновский, Каранутский, Алгутский, Ашехабатский, Абаганатский — Кудинское. Только Куркутский род, переселившись частью на Китой, а частью на Иркут, к XIX в. из состава Кудинского ведомства исчезает.

Эхэритские роды — Чепорутский, Хэнгэльдэрский, Буровский, Олзоюв, Басндаев и Абызаев — образовали Верхоленское ведомство, из которого в дальнейшем выделились ведомства Ольхонское, Баргузинское и Кударинское, образованные эхэритами, переселившимися на Ольхон и в Забайкалье.

Некоторые указания на местожительство отдельных булагатских и эхэритских родов имеются и в источниках XVII в. Эти сведения даются обычно попутно в связи с какими-либо событиями, в частности с уголовными и гражданскими делами, когда называется место происшествия или когда обосновываются претензии и контрпретензии на какие-либо хозяйственные угодья.

Так, в 1692 г. у крестьянина Кудинской слободы был украден бык. Вместе с потерпевшим поехали по следу похищенного быка служилый человек и соседи крестьянина буряты — трое из Куркутского рода и двое из Буяновского. След привел к Поздняковской заимке, где стояла группа «мунгальских выходцев» [67].

В 1694 г. ашехабат Удинского присуда Красноярского уезда указывал, что «сродичи де ево... живут все на Куде реке» [68]. В 1698 г. буряты «Хенхелдурского рода», всего 34 чел. считали своею породной землей (ссылаясь при этом на старые отводные памяти) территорию «по обе стороны Анги реки», вверх «до Очеульских озер, а по нижнюю сторону до Рассохи». Хэнгэльдэры жаловались, что на этой их земле теперь стали кочевать «брацкие мужики Тоаноцкого [т. е. Чепорутского] роду Нудгей Тоглоев с товарищи и с ними» у нас «ссора по вся годы» [69].

В 1697 г. весь Буяновский род, «100 человек», называл своей «породной землей» территории «по Куе речке» (Куяде) и по «Капцалу», т. е. те же земли, которыми владели буряты этого рода в конце XIX в., когда они образовывали Капсальское ведомство [70].

В 1693 г. 11 куркутов жаловались на то, что их теснят крестьяне дер. Карлук и Хомутовской слободы «и с прежняго породного кочевья сживают и тем их разоряют напрасно». Жалоба подтвердилась, и крестьянам было предложено пахать и косить лишь в отведенных им местах. Предложено было также возвратить бурятам сено, накошенное на покосах последних [71].

---

[67] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 236, лл. 92—94.
[68] Там же, ст. 144, л. 62.
[69] Там же, ст. 452, л. 14.
[70] Там же, ст. 398, л. 4.
[71] Там же, ст. 287, л. 64.

Таких данных с прямыми и косвенными указаниями на местожительство того или иного рода в отношении верхоленских бурят сохранилось довольно много.

Сопоставляя эти сведения с позднейшими, но зато более точными, а именно с данными из землеустроительных материалов [72], с данными переписи 1897 г., опубликованными С. К. Паткановым [73] о расселении родов и целых ведомств, удалось нанести на карту основные булагатские и эхэритские роды Верхоленского ведомства Илимского уезда (см. карту 2 на стр. 217).

Надо иметь, однако, в виду, что вследствие кочевого образа жизни отдельные буряты и целые их роды могли встречаться далеко от тех мест, которые являются их исконным местожительством. Например, в отношении Готолского и Енгутского родов в ясачной книге за 1672 г. имеется такая пометка: «...а тех Котелского роду брацких князцев Кангая и Темирея их улусные люди 58 человек имяны и у их дети и братья и племянники по именно и в лета не переписаны потому что во 180 году к переписке на лицо не сысканы, от Верхоленсково острошку откочевали в далние места к Байкалову озеру для рыбных ловель. А переписаны будут как они от Байкалова озера будут с ясаком во 181 году» [74].

Часть кудинских ашехабатов лето тоже проводила на Байкале, главным образом в районе устья р. Голоустной, где в конце концов они и совсем поселились. Поселились на Байкале также приходившие сюда алгуи и часть кудинских харанутов.

Река Ода (Ожа), на которой, по архивным источникам, жили готолы, находилась в бассейне Ангары. В «Росписи рекам и новым землицам Енисейского острогу» 1630 г. мы читаем: «...а от Унги реки сказывают ясачные люди до усть Ожи реки 2 дня ходу, а пала та река в Тунгуску с левой [по течению с правой] стороны, а живут по ней братские люди с устья и до вершины» [75]. По-видимому, это р. Ида, на которой, по бурятской традиции, жили готолы и на которой они живут и сейчас. Кроме того, есть указание, что существовала дорога с Лены на Ожу «2 дня конем» и далее по Оже до Тунгуски (Ангары) [76]. Это тоже, вероятнее всего, может относиться к Иде или Осе.

Относительно принадлежности отдельных бурятских родов к эхэритам или булагатам имеются разногласия. Так, Б. Б. Бамбаев считает роды Абаганут и Шаралдай — эхиритскими [77], а П. Т. Хантаев — булагатскими [78].

Роды Бабай и Боян (Буян) Бамбаев тоже считает эхиритскими, хотя это булагатские роды. Наши данные вообще лучше согласуются с данными Хантаева.

С. А. Токарев такие роды верхоленских бурят, как Ашехабат (Асипугат), Готол, Алгуй, Куркут, считает особыми племенами [79].

По бурятской устной традиции, ашехабаты являются особой группой, только присоединившийся к булагатам, как, впрочем, и харануты, часть

[72] Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния, т. II, вып. 2. М., 1890. Большое значение в этом издании имеют прилагаемые ко второму тому карты землепользования.

[73] Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III, СПб., 1912.

[74] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, лл. 59—59 об.

[75] Там же, ст. 12, л. 496.

[76] Там же, л. 498.

[77] См.: К вопросу о происхождении бурят-монгольской народности. «Бурятиеведение», Верхнеудинск, 1929, № 1—11, стр. 119.

[78] См.: Краткий очерк истории бурят-монгольского народа, Улан-Удэ, 1936, стр. 8.

[79] С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. научн.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. 1, 1934, стр. 110—111, 113, 117.

которых в XVII в. (в Балаганском остроге) даже считалась «тунгусами» (см. выше).

Генеалогические предания бурят, а также и Б. Б. Бамбаев, П. Т. Хаптаев и другие авторы относят готолов, алгуев, ашехабатов, куркутов и харанутов к булагатам. Здесь, видимо, дело в сложном происхождении племени булагатов. Во всяком случае все эти роды жили на территории булагатов и свободно передвигались по ней. Готолский род, основным местопребыванием которого была р. Ида, ходил, как мы знаем, рыбачить к Байкалу.

Один эхэрит Олзонова рода в 1685 г. плыл в лодке по Ангаре близ устья Белой и был здесь убит или утонул сам [80].

Все такие случаи не исключают того, что у племен были свои племенные территории, которые мы и старались выявить.

Имеющиеся у нас данные о родоплеменной организации булагатов и эхэритов Верхоленского ведомства в 1672—1681 гг. позволяют нарисовать следующую ее структуру.

Булагаты родов Онгоева, Колтубаева, Онкотоева, Бараева, Ноетского и Иркидеева, т. е. основные группы родов будущего Идинского ведомства (за исключением Готольского, Енгутского и Шаралдаева), образовывали одну сотню, во главе которой в 1672—1677 гг. стоял князец Онгоева рода Багун, а в 1681 г.— его сын Сосой Багунов.

Родственные Готолский (Котелский) и Енгутский роды существовали тогда независимо от других родов будущего Идинского ведомства.

Роды Булагатский-Кугурдеев (или Ботоев, Бутоев, Бодоев), Булагатский-Бабаев (или Бабайруков), Курумчинский, Карапутский, Буянов (Баепов) и Шаралдаев [81] образовывали другую сотню, возглавлявшуюся в 1672—1677 гг. князцом Табуем Коуртаевым (Кугурдеевым) Булагатского рода, а в 1681 г. сотня возглавлялась главами обоих родов, носивших название «Булагатский», как собственное родовое имя, а именно Бушхаем Номоконовым — главой Булагатского Кугурдеева рода и Ноеном Торомовым — главой Булагатского Бабаева рода. Все роды, входившие в эту сотню, за исключением Шаралдаева, в дальнейшем составили ядро родов Кудинского ведомства.

Роды Алгутский, Асинугатский (Ашехабатский, Асихабатский, Осенагатский, Асивагатский и т. д.), Абаганатский и Куркутский, хотя жили в бассейне Куды и, кроме Куркутского, в дальнейшем вошли в состав Кудинского ведомства, в это объединение кудинских родов, в эту сотню, не входили. Возможно, что роды, не входившие в сотню, были родами другого происхождения, чем роды, входившие в сотню. Но каких-либо более точных данных по этому вопросу источники не дают.

У эхэритов также была отмечена сотенная организация. В основном эхэриты делились на четыре сотни, соответствовавшие четырем главным эхэритским родам.

Одним из этих родов был Ченорутский, он же Шунуруков (т. е. «Волчий»), который называли также Тоанатским («Тойонским»?) и Харбатовым родом. Он в свою очередь делился на две части. Кроме того, в Ченорутский род входила небольшая группа захребетников и еще какая-то неясная по своему характеру группа, носившая название «Доргиевщина». Возглавлял Ченорутский род в 1672—1681 гг. Бутухей Чеулев (он же Ботукей Цоулев); поэтому весь Ченорутский род назывался также Бутукеевой сотней.

Вторым эхэритским родом был Обызаевский (он же Обызайский, Абызаевский). Он тоже делился на две части. Возглавлял Обызаевский род

---

[80] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 140, лл. 8—25.

[81] В 90-х годах XVII в. Шаралдаев («Шаралдацкий») род уже платил ясак в Идинский острог (ЦГАДА, ф. 1121, ст. 324, л. 7).

в 1672—1677 г. Куча Онгоев, а в 1681 г. Олгын Цороков. Поэтому этот род назывался также Олгыновой сотней.

Третьим эхэритским родом был Хэнгэльдэрский (Хынкыдырский). Он, как и Ченорутский, назывался иногда Харбатовым. Возглавлял его в 1672—1675 гг. Бура. В 1681 г. этот род делился на две части. Одну из них возглавлял сын Буры Абахай Буриндаев, и она называлась «Буровщиной» (отсюда позднейший Буровский род у эхэритов). Другая часть сохраняла старое название рода — «Хынкыдырской». Оба эти рода (т. е. «Буровщина» и «Хынкыдырский») в 1681 г. назывались Абахаевой сотней по имени вышеупомянутого Абахая Буриндаева.

Четвертым эхэритским родом был Олзонский, возглавлявшийся в 1672—1675 гг. Доргием. В 1681 г. он делился на собственно Олзонский, возглавлявшийся Бутунаем Мохоборовым, и на род «Баендаевщину», видимо ответвление Олзонского рода. Оба эти рода вместе образовывали Бутунаеву сотню.

Какое название — Олзон или Баендай — является основным для этого рода, сказать трудно. Мы склонны признать основным название Баендай, тогда как название Олзонов, вероятно, образовано от собственного имени (ср. название Олзоев род у балаганских булагатов).

Таким образом, кроме племени и рода, в качестве социальных объединений у идинских и кудинских булагатов и у эхэритов отмечаются также сотни, объединения нескольких родов под главенством главы одного из них.

Как мы уже указали, сотни у булагатов охватывали группы родов, близких друг другу территориально (и, вероятно, по происхождению), примерно соответствовавшие будущим ведомствам. Вместе с тем в составе сотен были не совсем понятные исключения. В то же время как в районе будущего Идинского ведомства не входившие в состав сотни роды Готольский и Енгутский в территориальном отношении были несколько обособлены от родов, образовавших сотню, роды в будущем Кудинском ведомстве, входившие в сотню и не входившие в нее, территориально были перемешаны. Наконец, у эхэритов, в будущем Верхоленском ведомстве, сотни совпадали, собственно говоря, с родами, разделившимися (очевидно, вследствие их разрастания) каждый на два рода, меньших по численности.

Вышеприведенные данные позволяют также утверждать, что апокрифическое утверждение о происхождении эхэритов от восьми или шести сыновей Эхирита — неверно. Эхэриты состояли в 1672—1681 гг. только из четырех основных родов (сотен): Ченорутского, Хэнгэльдэрского, Обызаевского и Олзонова (Баендаева). Из остальных двух эхэритских родов Буровский являлся подразделением хэнгэльдэров, а Баендаевский — частью Олзонова рода.

Кроме родов и сотен, у эхэритов и кудинских булагатов в XVII в. упоминаются еще «пятидесятни». В то время как сотня объединяла несколько родов или совпадала с родом, пятидесятня была подразделением рода.

В табл. 105 показана родоплеменная структура и распределение по сотням эхэритов, кудинских и идинских булагатов. Пятидесятни в этой таблице мы не показываем, так как исчерпывающих данных о них по всем родам у нас не имеется.

Как видно из этой таблицы, часть готолов называлась Енгутским родом. К этому надо добавить, что другая часть готолов называлась Бумальским родом.

Часть готолов Енгутского рода уходила в Монголию. Этим, видимо, и объясняется сокращение численности готолов Енгутского рода к 1681 г. по сравнению с 1677 г. В конце 80-х годов XVII в. эти енгуты снова вернулись в Россию. В заключение приводим сводку этнографического состава населения уезда (табл. 106).

Таблица 105

Численность ясачных бурят Илимского уезда по сотням и родам в 1672—1677 и 1681 гг. [82]

Племя	1672—1677 гг.					1681 г.					
	Сотня	Род	Князец	Плательщиков ясака 1672	Плательщиков ясака 1677	Сотня	Род	Глава рода	Плательщиков ясака	Оклад (соболей)	Принадлежность к ведомствам в начале XIX в.
Гулагаты	Багунова	Св. нет	Багун	134	132	Сосоя Багунова	Онгоев	Сосой Багунов	52	53	Идинское ведомство
							Колтубаев	Киладай Ашахаев	20	21	
							Онкотоев	Толокчин Тарчиев	21	22	
							Бараев	Акшай Бараев	22	23	
							Ноетский	Шуленга Мукуев	23	24	
							Иркидеев	Одулай Тыргеев	15	16	
	—	Котелский	Кангай	37	37	—	Котелский	Зевака Булугудаев	49	50	
	—	—	Темирей	21	26	—	Енгутский	Хагдай Табунов	16	20	
	Табуева	Св. нет	Табуй Коуртаев	216	224	Бушхаева и Ноенкова	Шаралдаев	Булгуй Бухареев	18	19	Кудинское ведомство
							Булагатский (Кугурдеев) [83]	Бушхай Номохонов	32	33	
							Булагатский (Бабаев)	Ноен Торомов	46	47	
							Курумчинский	Киней Муушаев	36	37	
							Каранутский	Елбенкуй Хулбеев	44	45	
							Буяновский	Букунай Булауев	72	73	
	—	Алгуцкий	—	17	17	—	Алгуцкий	Затиша Илбулаев	18	19	
	—	Сипугатцкий	Монко	62	67	—	Асипугатский	Монхой Борехоев	76	77	
	—	—	Имахан Акчеев	48	53	—	Абаганатский	Куцуй	57	60	
	—	—	Мохан	23	32	—	Куркутцкий	Ноходой Мохонов	21	22	Китойское ведомство
	Итого			558	588				639	661	

[82] ЦГАДА, ф. 214, кн. 696, лл. 310—316. По Готолскому роду данных об окладе ясака мы не обнаружили и проставили цифру из расчета по соболю на человека, плюс еще один соболь (см. оклады других родов).

[83] Он же Батоев. В XIX в. этот род тоже назывался Бабаевым. В 1735 г. оба Булагатских рода были объединены с Курумчинским под названием последнего.

Таблица 105 (окончание)

Племя	1672—1677 гг. Сотня	Род	Князец	Плательщиков ясака 1672	Плательщиков ясака 1677	1861 г. Сотня	Род	Глава рода	Плательщиков ясака	Оклад (соболей)	Принадлежность и ведомствам в начале XIX в.
Эхириты	—	Обызайский	Куча Онгоев	111	125	Олгынова	Обызаевский	Олгын Цороков	51	53	Верхоленское ведомство, а также в Ольхонском и Баргузинском ведомствах
							»	Олонго Боордаев	85	86	
	—	Св. нет	Бутухей Чеулов	120	133	Ботукеева	Ченорутцкий	Ботукей Цоулов	73	75	
							»	Абук Чентукеев	67	68	
							Доргиевщина	Бычий Момин	12	13	
							Захребетники	—	6	6	
	—	Св. нет	Бура	120	127	Абахаева	Буровщина	Абахай Бурдинаев	50	51	
							Хыкыдырский	Ирбадай Корогонов	75	77	
	—	Св. нет	Доргий	101	112	Бутунаева	Олзонский	Бутунай Мохоборов	43	45	
							«Баендаевщина»	Хебыней Кокоев	48	48	
		Итого		452	497				510	522	
Кыштымы [84]	—	—	—	—	—	—	Оче(у)лский	—	4	4	
	—	—	—	—	—	—	«Тунгусский»	—	2	2	
	—	—	—	—	—	—	Без указания рода	—	6	6	
		Итого		—	—				12	12	
		Всего		1010	1085				1161	1195	

[84] Видимо, эти эвенки, жившие среди бурят. Выше мы этих кыштымов не отделяли от бурят и теперь условно причисляем к булагатам. Численность их в дальнейшем все время падала.

Таблица 106

Этнографический состав коренного населения Илимского уезда [85]

Этнические племенные и отдельные родовые группы	Подразделение племен, роды	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие родовым и племенным группам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Тунгусы					
Шамагиры	Роды Нотуев, Белкичин (Окингин)	1639	50	200	Тунгусы нижнеилимские
Налягиры	Волости Верхнеилимская (Мукинин род), Усольская (род Ладагир). Тутурская, Куленгская (роды Молзаев, Куркунеев)	1696	196	790	Тунгусы тутурские, усольские, куленгские и верхнеилимские
Никогиры	Волости Усть-Киренгская и Киренгско-Хандинская	1657	55	220	Тунгусы киренгско-хандинские
Камчагиры	Роды Гунанеев, Якуиеев, Шугукагир, Челкагир и др.	1697	103	410	Тунгусы очеульские и др.
	Итого		404	1620	
Буряты					
Эхэриты (икирежи)	Роды Обызаев, Ченорутский, Буров, Хэнгэлдерский, Олзонов, Баендаев	1696	652	3260	Буряты Верхоленского, Ольхонского, Баргузинского и Кударинского ведомств
Булагаты (булгудаи)	Роды Багунов (Онгоев), Колтубаев, Онкотоев, Бараев, Ноетский, Ыркидеев, Бушхаев, Курумчинский, Шаралдаев, Буянов, Енгутский, Харанутский, Куркутский, Абаганатский, Котелский (Готолский), Асипугатский (Ашехабатский), Алгуйский	1696	846	4230	Буряты Идинского и Кудинского ведомств (куркуты — Китойского и Тункинского ведомств)
	Итого		1498	7490	
	Всего		1902	9110	

[85] Численность всего населения мы определяем по наибольшей зарегистрированной численности плательщиков ясака в XVII в.

Глава XVII

ИРКУТСКИЙ УЕЗД

Иркутский уезд был образован сравнительно поздно — в 1682 г. Для этого, примерно с 30—40-х годов XVII в., его территория входила в Енисейский уезд.

Можно различать три обособленные друг от друга территории, из которых был образован Иркутский уезд.

Одна из них была расположена у юго-западной оконечности оз. Байкал. Центром ее был Иркутский острог (основан в 1661 г.). Другая находилась у северо-восточной оконечности Байкала. Центром этой территории был Баргузинский острог (основан в 1648 г.). Третья обособленная часть Иркутского уезда находилась к юго-востоку от Байкала, главным образом в бассейне р. Селенги. Центром этой территории был Селенгинский острог (основан в 1665 г.). В Баргузине и Селенгинске находились особые приказчики, подчинявшиеся Иркутскому воеводе. Этими приказчиками были обычно иркутские дети боярские. Иркутском управлял непосредственно иркутский воевода. К Иркутску тяготели остроги Бельский, Тункинский (основан в 1675 г.) и Культуцкое зимовье (построено в 1694 г.), а также ряд русских слобод, деревень и заимок, главнейшей из которых была Кудинская слобода. В ведении баргузинского приказчика были острожки Верхнеангарский (основан в 1646 г.), Баунтовский (основан в 1652 г.), Кучидский (основан в 1662 г.) и Курбинское зимовье. В ведении селенгинского приказчика, которым в 80—90-х годах XVII в. был ссыльный гетман Демьян Многогрешный, получивший здесь звание иркутского сына боярского, находились остроги Удинский (основан в 1666 г.) и Кабанский, Ильинская слобода и ряд других русских заимок.

В 1686 г. к Иркутскому уезду перешли от Илимского уезда остроги Верхоленский и Идинский с приписанным к ним коренным населением и от Енисейского уезда — Балаганский острог, также вместе с приписанным к нему коренным населением. Балаганский острог пробыл в составе Иркутского уезда недолго. В 1691 г. был дан указ о возвращении Балаганска Енисейскому уезду, а в 1693 г. он был фактически возвращен. Поэтому балаганских бурят и тунгусов мы рассматриваем в Енисейском уезде.

Верхоленск и Идинск оставались в составе Иркутского уезда и в XVIII в. Тем не менее мы все-таки здесь не касаемся населения, тяготевшего к Верхоленскому и Идинскому острогам, так как оно рассматривалось нами выше в составе Илимского уезда, в который входило до 1686 г.

I

В непосредственном ведении Иркутского острога находились родоплеменные группы коренного населения, указанные в табл. 107.

В этой таблице данные за 1669 г. заимствованы из переписной книги

Таблица 107

Численность плательщиков ясака Иркутского присуда по родам

Народы	Год								
	1669	1681	1682	1693	1694	1695	1696	1700	1701
Тунгусы									
Заектаев род	63	36	37	33	24	24	28	36	32
Низовые и подгородные		27	27	39	35	44	45	53	53
Загачины		6	6	9	9	15	16	24	24
«Мунгальские выходцы»	—	7	6						
Итого тунгусов-кумкагиров	63	76	76	81	68	83	89	113	109
«Братские люди»									
Тойбин улус	66	30	31	30	28	30	32	34	34
Ирбанов »		35	35	50	48	65	70	79	80
Босоголдоев улус		16	16	25	26	26	32	39	39
Колочиев »		36	38	50	51	55	72	85	86
«Хонгодоры вверх по р. Иркуту»		27	29	29	30	43	45	46	46
Итого бурят-хонгодоров («роснутов»)	66	144	149	184	183	219	251	283	285
Цысолики	9	14	14	14	15	19	21	22	23
Тертеев (Тураев род)	18	48	49	12	19	36	48	57	57
Булагаты									
Абаганатский род	45	36	37	37	37	39	55	56	56
Куркутский »		10	11	15	15	16	18	26	29
Алгутский »	—	—	—	—	—	—	—	11	11
Эхэриты									
Олзонов род	12	15	16	18	18	17	19	27	28
Ченорутский род	—	—	—	—	—	—	—	8	8
Выходцы									
Батуринский и Ашехабатский роды	—	—	—	14	14	26	23	36	38
Зюринский и Ашехабатский роды	—	—	—	43	38	32	26	33	72
Итого бурят	150	267	276	337	339	404	461	559	607
Тувинцы									
«Соёцкие, урянские и тувинские люди»	—	31	34	24	24	34	34	30	30
Всего	213	374	386	442	431	521	584	702	746
Собрано ясака в переводе на соболей	471	—	—	—	—	565	596	765	797

Сибирского приказа [1]. Но и она очень неполна, в частности тувинцев Иркутского уезда в ней совсем нет. На 1681 и 1682 гг. использованы полные именные списки плательщиков ясака Иркутского острога [2]. Численность тувинцев в эти годы определена по количеству уплаченного ясака. Так, в 1682 г. «состы» заплатили 32 соболя и две лисицы, т. е. всего 34 шкурки. В последующие годы тувинцы платили по одной шкурке соболя или лисы в год с человека. Поэтому мы считаем, что в 1682 г. платило ясак 34 тувинца. Данные за 1693, 1694, 1695, 1696, 1700, 1701 гг. взяты из сметных и пометных книг Иркутского уезда [3]. Во всех этих книгах имеются за соответствующие годы и данные об ясаке, собранном с тувинцев, по которым мы определили их численность.

Резкие изменения численности отдельных родов и племен вызваны разными конкретными событиями. Так, в 1683 г. убежали в Монголию на р. Цаган 25 юрт Тертеевского (Тураева) рода. Поэтому численность плательщиков ясака в этом роде упала к 1693 г. по сравнению с 1682 г. на 37 чел. [4] Потом эти беженцы постепенно вернулись. Четыре тунгуса Заектаева рода между 1684 и 1686 гг. тоже бежали в Монголию, а двое, в том числе сам Заектай, умерли. Этим объясняется уменьшение численности этого рода в 1693 г. по сравнению с 1682 г. [5] и т. д. В ряде случаев были выявлены лица, скрывавшиеся от ясачного обложения, что увеличило численность некоторых групп в соответствующие годы.

Территория Иркутского острога простиралась главным образом по левобережью Ангары, хотя сам Иркутск был построен на правом ее берегу. Когда енисейский сын боярский Яков Похабов (однофамилец известного Ивана Похабова, которому обычно приписывают основание Иркутска) в июле 1661 г. построил Иркутский острожек на правом берегу Ангары, то и буряты Илимского уезда и илимский воевода Тихон Выдомский сочли это прямым вторжением енисейских служилых людей на их территорию [6], так как границей между Енисейским и Илимским уездами считалась р. Ангара от истока до устья р. Каты. И действительно, большинство плательщиков ясака Иркутского острога, как мы увидим ниже, жило к югу от Ангары. На правом берегу Ангары из них жили только отдельные немногочисленные группы булагатов и эхэритов. Подавляющее большинство членов этих племен входило, как мы уже знаем, в состав Илимского и Енисейского уездов и платило ясак в Верхоленске (с 1679 г. также в Идинске) и в Балаганске. Еще в 1672 г. илимские служилые люди претендовали на булагатов и эхэритов, плативших ясак в Иркутск, утверждая, что эти «Братские ясашные люди прошлых годов из давних лет в ясашном платеже Илимского уезду в Верхоленском острожке и ныне своими братьями и племянниками в одних улусах вместе, а с давних лет с тех ясашных людей емлют ясак с них поневоле самовольно в Иркуцком» [7].

Но, несмотря на протесты Илимска, эти группы булагатов и эхэритов так и остались в ведении Иркутского острога и, таким образом, роды Абаганат и Куркут у булагатов и род Олзонов у эхэритов оказались разделенными между разными уездами. Куркуты эти кочевали, видимо, близ самого острога и около тех мест, в низовьях Куды, где возникли русские деревни, Карлук, Хомутова, Кудинская слобода, а также около Смоленской деревни в низовьях Иркута. Абаганаты кочевали тоже по Куде, око-

[1] ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 257—262.
[2] Там же, кн. 768, лл. 542—561; кн. 941, лл. 449—465.
[3] Там же, кн. 1034, лл. 270—289; кн. 1316, лл. 134—147; кн. 1441, лл. 133—165.
[4] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 43, л. 191.
[5] Там же, ст. 7, л. 33.
[6] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 199—202, 256.
[7] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, л. 60.

ло Оёна и Буласа, а Ользонов род кочевал, вероятно, там, где находится современное сел. Ользоны.

Булагаты рода Абаганат были, вероятно, подчинены Иркутску в 1662 г. в результате наездов иркутских служилых людей в улусы Илимского уезда [8]. Эхэриты Ользонова рода попали в число иркутских плательщиков ясака при следующих обстоятельствах. В конце 40-х годов XVII в. группа эхэритов бежала в Монголию. В 1667 г. эти эхэриты во главе с Харалом (Каралом) возвращались в Верхоленские степи, но были задержаны иркутскими служилыми людьми. Они стали платить ясак в Иркутск, находясь еще на левобережье Ангары [9], и продолжали платить сюда же, вернувшись на свои исконные урочища в бассейн Куды [10]. Есть основания предполагать, что и куркуты тоже вошли в состав плательщиков ясака Иркутского уезда после своего возвращения из Монголии. Части родов Ченорутского и Алгутского вошли в состав населения Иркутского присуда очень поздно, видимо переселившись из Верхоленского присуда.

Батуринцы (правильнее батулинцы) — это несколько семей хоринцев, живших на западном берегу Байкала и ставших с 1692 г. платить ясак в Иркутск. Сначала они платили одни, а затем с ашехабатами, выходцами с Куды и даже из-под Удинска Красноярского уезда, поселившимися около устья Голоустной на Байкале. Впоследствии эти ашехабаты перешли в Селенгинский присуд и составили основу Селенгинского Ашехабатского рода (см. ниже).

Что касается выходцев Зюринского и Ашехабатского родов, то эта группа образовалась в составе населения Иркутского уезда тоже около 1692 г. 12 «новых выходцев» Ашехабатского рода заплатили ясак в Иркутске в 1689 г. [11] Тогда же под Иркутск из Монголии вышло несколько человек Енгутского рода. Кто такие зюринцы, мы не знаем. В ашехабатах же этой группы можно видеть ашехабатов, бежавших в свое время в Монголию из Красноярского уезда и при возвращении попавших в ведение Иркутска.

Все эти группы из родов Ченорутского, Алгутского, Зюринского и частью Ашехабатского пополнялись в 1701 г. и позже выходцами из ряда других родов и образовали очень пестрое по своему происхождению население «Иркутского подгородного дистрикта» первой половины XVIII в. [12]

Таким образом, мы видим, что на правом берегу Ангары в Иркутский уезд вошли лишь части родов племен, уже плативших ясак в Илимск, и что сам Иркутск был основан, строго говоря, на территории Илимского уезда. Из основных родоплеменных групп Иркутского уезда на правом берегу Ангары находилась лишь часть низовых и подгородных тунгусов (см. ниже).

Поскольку правобережье Ангары входило в Илимский уезд, дальнейшее расширение территории Иркутского уезда могло происходить лишь на юг от Ангары.

Процесс освоения левобережья Ангары в районе Иркутска протекал следующим образом. Яков Похабов в 1661 г., когда он начал ставить Иркутский острог, ходил, имея «вожами» тунгусов, в поход вверх по Иркуту. Видимо, уже перевалив Саяны, нашел он «между черными и желтыми мунгалами» тувинцев, которых возглавлял Яндаш-даруга. Брата Яндаша Болоноя Похабов взял в аманаты. Впоследствии, впрочем, аманатом стал сам Яндаш. Тувинцы Яндаша заплатили тогда же 184 соболя [13]. Возможно,

---

[8] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 204.
[9] Там же, № 23, л. 135.
[10] Там же, л. 175.
[11] ЦГАДА, ф. 214, кн. 941, лл. 48—49.
[12] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь VII, л. 22.
[13] ДАИ, т. IV, стр. 139.

ими же были заплачены и те 133 соболя, которые указаны в сборе Иркутского острога за 1662 г. Но в дальнейшем тувинцы перестали платить ясак в Иркутск. В 1663 г. тувинцы «Ылыцыгина улуса» убили за «мунгальским кампем» шесть служилых людей [14], а в 1666 г. отмечается, что «соётские люди к аманату Якташу» в Иркуцкий острог не приезжают и ясака не присылают [15]. Попыткой вернуть этих тувинцев в число плательщиков ясака и был, вероятно, поход Ивана Перфильева в 1668 г. Но вместо этих тувинцев, живших главным образом к востоку от оз. Косогол, он «погромил» кайсотских людей улуса Минзы-даруги, данников Красноярского уезда [16]. Впрочем, кайсот еще в 1661 г. нашел во время своего похода и Яков Похабов [17]. Как бы то ни было, с 1669 по 1675 гг. тувинцы в Иркутском остроге ясак не платили. Только в 1676 г. они сами через выезжавших из Монголии бурят передали иркутскому приказному человеку, чтобы к ним послали служилых людей за ясаком [18]. С этих пор тувинцы («соеты») Тохум-даруги начали снова платить ясак в поставленный в 1675 г. Тункинский острог на Иркуте. Постройка этого острога и способствовала перемене ориентации тувинцев. Часть этих тувинцев жила на Иркуте около и выше Тунки [19], часть — на верховьях р. Уры, притока р. Эгин-гол, вытекающей из оз. Косогол. В целом территория тувинцев Иркутского уезда находилась к юго-востоку от Кайсотской землицы Красноярского уезда.

Назывались они сойотами, тувинцами, урянхами и долонгутами. Например, в 1683 г. запись о поступлении ясака в сметной книге Иркутского уезда имеет такой заголовок: «С соецких и с урянских людей и с тувинцев из долонгутов взято ясаку...» (всего взято 25 соболей, семь лисиц и 11 кусков китайки) [20]. Но главная масса тувинцев, плативших ясак, почти всегда называлась соётами. Это название сохранили и их потомки буряты Хойготских родов Тункинского ведомства и Сейгутского рода Китойского ведомства еще в конце XIX в. Только небольшая группа плативших ясак тувинцев, возглавлявшаяся в 1682 г. шуленгой Унтанеем, устойчиво называлась урянхами. Возможно, что это были ассимилированные тувинцами тунгусы. Вообще же термин «урянхи» не имел этнического значения. Урянхами назывались в XVII в. балаганские тунгусы, а в XVIII — XIX вв.— самые разные группы населения Сибири и даже иройские «хамнеганы» (тунгусы) в Монголии. В 1687 г. запись о сборе ясака с тувинцев Иркутского уезда имеет, например, такой заголовок: «С соецких и тувинских и урянских людей». А платило ясак в этом году только девять тувинцев (шуленга Сегей «с товарищи»). Несомненно, что названия «соеты», тувинцы и урянхи относятся к этим девяти человекам и все эти термины рассматривались в данном случае как синонимы [21]. С другой стороны, в 1698 г. из Тунки сообщается, что «преж того соетских мужиков приезду подъезжали воровские люди и казаки след видели... а про те незнаем соеты или урянки...» [22].

Можно считать, что название тувинцы было образовано от самоназвания и было общим этническим названием саянских племен. Название «соеты» относилось, вероятно, к более культурным скотоводческим группам, название «урянхи» — к отсталым горным и таежным охотникам, жив-

[14] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 180.
[15] Там же, л. 180.
[16] Там же, л. 204; ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 175—176.
[17] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 198.
[18] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 310.
[19] ЛОИИ, Иркутские дела, карта 1 (149), № 138б, л. 12; ЦГАДА, ф. 214, кн. 619, л. 232 об.
[20] ЦГАДА, ф. 214, кн. 768, л. 606 об.
[21] Там же, кн. 941, л. 27.
[22] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 414, л. 120.

ним в глуши, в частности и к тунгусам. Что касается названия «долонгуты», то оно применялось только к зарубежным тувинцам, жившим по соседству с монголами в районе оз. Косогол.

Численность всех тувинцев, с которыми иркутским служилым людям приходилось иметь дело в начале 60-х годов XVII в., последние определили в 300 чел. [23] Максимальное количество уплаченного тувинцами ясака падает на 1689 г., когда ими было уплачено 40 соболей, одна лисица, один волк, 180 белок, один отрез китайки. Кроме того, в том же году было получено «вновь же с выходцев Долонгуцкого роду» 23 соболя, три лисицы, два волка, два отреза китайки, 100 белок, $2^1/_2$ золотника серебра. В целом это количество ясака соответствует не менее 75—80 плательщикам ясака [24]. Но сами ясачные сборщики отмечали, что эти «ясачные соецкие и тувинские люди кочевные, а не сидячие на однех местах не живут, кочуют, переходя у речек и по лесам в диких дальних местах на мунгальских каменях и на степях, а не близ острогу и платят в в. г. ясак не по окладу и неровно и без цены по своим удатошным промыслом... как бог даст...» [25]. И действительно, ясак платило из них не более 34 чел. (24—28 «соотов», 7—9 урянхов). Можно поэтому считать, что всего ясачного тувинского населения было в Иркутском уезде около 170 чел. Это, конечно, не общая численность тувинцев, живших к востоку от Косогола, так как часть их не была русскими подданными.

Поскольку в Иркутском остроге первоначально платили ясак только тувинцы, то сметные книги этого острога с 1662 г. по 1669 г. [26] отмечают в составе плательщиков ясака лишь тувинцев («тувинских и яндашских людей»). Только с 1675 г. в сметных книгах Иркутского острога начинают упоминаться тунгусы [27], а с 1679 г. и буряты [28]. Впрочем, в переписной книге Иркутского острога о бурятах и тунгусах говорится уже в 1669 г. [29]

Основную массу ясачного населения территории Иркутского острога составляли бурятское племя хонгодоров и примыкавшие к нему родовые группы Терте (Тэртэ) и Цысолики (Шешелок). В то время как булагаты и эхэриты в Иркутском и Илимском уездах были все сосредоточены на правом берегу Ангары, хонгодоры с примыкавшими к ним тертеевцами и цысоликами жили только на левобережье Ангары (см. карту 2 на стр. 217). Обычно хонгодоров рассматривали как род булагатов. Но трудно считать родом группу из нескольких родов, насчитывавших в 1696 г. не менее 1250 чел. и обладавшую своим диалектом. Аларский говор бурятского языка нельзя не считать пережиточно сохранившимся диалектом хонгодоров. История хонгодоров сложилась таким образом, что одна часть этого племени образовала Аларское ведомство, явившееся преемником племени хонгодоров XVII в., а другая вошла в Тункинское ведомство вместе с потомками сойотов и частями Тертеевского, Куркутского и Шешеловского (Цысолицкого) родов. Вследствие смешанности населения Тункинского ведомства, хонгодоры здесь не сохранили в чистоте своего диалекта, и исследователи отмечают его смешанный характер и отличают его от аларского.

---

[23] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 180.
[24] ЦГАДА, ф. 214, кн. 941, лл. 48—49.
[25] Там же, л. 387.
[26] ААН, ф. 21, оп. 4, № 25, л. 26; ЦГАДА, ф. 214, кн. 481, л. 133; ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 116, 121; ЦГАДА, ф. 214, кн. 528, л. 143; кн. 527, лл. 175—176.
[27] ЦГАДА, ф. 214, кн. 612, л. 197.
[28] Там же, кн. 675, л. 115.
[29] Там же, кн. 527, лл. 257—262. Об отношениях с прикосогольскими тувинцами в XVII в. и, в частности, об их шуленгах Тохуме-даруте, Эречике, Кутене и Богачее см.: ЦГАДА, ф. 1121, ст. 25, лл. 3—5; ст. 43, лл. 65—67; ст. 69, лл. 46, 57; ст. 92, л. 2; ст. 151, л. 173; ст. 171, лл. 14—15; ст. 170, л. 18; ст. 214, л. 120; ст. 222, л. 13; ст. 319, л. 2; ст. 350, л. 82; ст. 409, 1, 5—6, 9; ст. 414, лл. 106—109; стр. 442, лл. 3—5; ст. 486, лл. 154—158; ДАИ, т. VII, л. 345.

Существует мнение, что хонгодоры появились в Прибайкалье только в конце XVII в., в результате войн Бушухту-хана. Это, конечно, ошибка, так как хонгодоры, как это показал С. А. Токарев, уже в 40-х и 50-х годах XVII в.[30] жили там же, где они жили в конце XVII в. Происхождение легенды о приходе хонгодоров во времена Галдана Бушухту-хана связано с тем обстоятельством, что в середине XVII в. некоторые группы хонгодоров уходили в Монголию и возвращались оттуда частично в то время, когда по Монголии двигались отряды Галдана.

То, что буряты («братские люди») улусов (родов) Тойбина, Ирбанова, Босоголдоева и Колочиева были хонгодорами, устанавливается неоднократными случаями, когда эти роды, или отдельные их члены в источниках названы хонгодорами[31]. Но, кроме того, хонгодоры назывались также роснутами, руспутами (уруспутами), урусурнатами[32] и иногда хабарнутами. Относится ли последнее название ко всем хонгодорам или только к какому-нибудь их роду (Ирбанову), пока определенно сказать нельзя. Название хонгодоры употреблялось главным образом в Иркутском уезде, а название роснуты — в Енисейском (в Балаганске). Тойбин род хонгодоров называли также Саганским (т. е. «белым»).

Основная масса хонгодоров была сосредоточена в низовьях Китоя (в частности, улусы Тойбин и Колочиев). Ирбанов улус кочевал то на Китое, то в низовьях Белой, Босоголдоев улус — главным образом в низовьях Белой (на Тайтурке), но иногда и на Китое. На Иркуте хонгодоры жили и в самых его низовьях (Тойбин улус) и на его среднем течении, в Торской степи (верхоиркутские хонгодоры). Но, возможно, что в Торской степи они стали жить лишь после основания Тункинского острога в 1675 г., возвратившись из Монголии.

Переселение хонгодоров на Аларь произошло в 1699 г. и обеспокоило администрацию как Иркутского уезда, так и Балаганского острога Енисейского уезда. Вместе с хонгодорами на Аларь ушло несколько семей бурят Шарапутского рода Балаганского ведомства, потомки которых и до сих пор живут среди аларских бурят. Сначала это переселение квалифицировалось как бегство и только в дальнейшем выяснилось, что здесь нет «измены» и т. п., а имеет место перекочевка[33].

На Иркуте в составе тункинских бурят оказались те из хонгодоров, которые, как мы упомянули выше, жили здесь после основания Тункинского острога в Торской степи. Таким образом, разделение хонгодоров на аларских и тункинских восходит к концу XVII в.

Тертеевский (Тураев) род и Цысолики (Шешеловский род) в XVII в. все время упоминаются вместе с хонгодорами, но ни разу ни те, ни другие хонгодорами не названы. Не считает их хонгодорами и устная традиция бурят. Местообитанием Тертеевского рода была Торская степь; иногда тертеевцы откочевывали к низовьям Иркута, где уже в конце XVII в. были русские заимки. Небольшая группа их во главе с неким Базигидаем часто находилась в районе Култукского зимовья среди тунгусов Заектаева рода. Именно эта группа впоследствии стала официально именоваться тунгусами и вошла в состав Армакской тунгусской управы. Сам Базигдай был женат на тунгуске и владел охотничьими угодьями ее умершего мужа. Этим, вероятно, и объяснялись его кочевки близ Култука и тесная его связь с тунгусами. Цысолики жили большей частью в районе самого

---

[30] См.: С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского научн.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 110—111.

[31] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 222, лл. 15, 16; ст. 236, л. 2; ст. 438, лл. 7, 18; ф. 214, кн. 675, л. 117 и др.

[32] ЦГАДА, ф. 214, ст. 419, л. 222.

[33] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 495, лл. 1—7.

Иркутска (по, по-видимому, главным образом на левом берегу Ангары) и на Китое среди хонгодоров.

По нашим данным, заимствованным из дел Иркутской приказной избы, под Иркутском в XVII в. чаще всего кочевали тунгусы, которые и носили специальное название «подгородных» (см. ниже), а из бурят — куркуты и затем уже, как указано выше, цысолики.

Известно так же, что род Цысолики часто упоминается в шаманских преданиях бурят [34].

Возможно, что Цысолики — это тунгусский род, может быть родственный «загачинам» (см. ниже), занимавший район расселения хонгодоров до их прихода и ими монголизированный. Тертеевский род, как сообщает Потанин, по преданию, пришел из Забайкалья [35], тогда как хонгодоры, по преданию, проникли в Предбайкалье с юга через Тунку. Этим различным происхождением Цысоликов и Тертеевского рода [36] и объясняется, вероятно, то обстоятельство, что они не смешиваются в списках с хонгодорами, хотя жили вперемешку с последними и без сомнения говорили на одном диалекте.

Следовательно, главную массу бурят, находившихся в ведении непосредственно Иркутского острога, составляли хонгодоры, жившие по левому берегу Ангары от низовьев Иркута до Белой, и примыкавшие к ним роды Тэртэ (в Торской степи на Иркуте) и Шешелок (на Китое и под Иркутском).

Тунгусы составляли в населении, тяготевшем и приписанном к Иркутскому острогу, вторую по численности (после бурят) этническую группу и упоминаются здесь, начиная с времен походов Колесникова, Бекетова, Ивана и Якова Похабовых в 40—50-х годах XVII в. В 1675 г. Спафарий наряду с бурятами называет тунгусов в качестве обитателей рек Белой и Иркута (на Китое он упоминает только бурят).

Общим названием тунгусов Иркутского острога, обитавших вокруг юго-западной оконечности оз. Байкал, было название кумкагиры. Первое упоминание о кумкагирах в списке прилепских племен относится к 1630 г. [37] В 1670 г. кумкагиры с Куленги жаловались на то, что когда они охотятся к югу от Ангары, их обижают енисейские казаки Иркутского острога. Они поэтому просили илимского воеводу поставить острог на устье Иды [38], что и было выполнено в 1672 г. Но, судя по именам этих челобитчиков-тунгусов, это были не кумкагиры, а куленгские налягиры, которые назвали себя кумкагирами, вероятно, потому, что ходили охотиться вместе с последними. В ясачных книгах Илимского уезда кумкагиры, правда, упоминаются на Куленге и в списках очеульских тунгусов неоднократно [39], но в очень небольшом количестве, как иноплеменный элемент.

В сметной книге Илимского уезда за 1675 г. есть об кумкагирах в верховьях Куленги следующая запись: «Кумкагирского роду тунгусы Абызайко, да Ектиканко с товарищи 4 человека в. г. ясаку на нынешний на 183 год 21 соболь с пупки и хвосты взято. А из доимки за умерших князцов Булкуги да Чоки на прошлые годы... на 178 и на 179 и на 180 и на 181 и на 182 и на нынешний на 183 годы 2 сорока 18 соболей... взять не на ком и платить за них умерших тунгуских князцов некому. А которые и были подростки их роду и те платят великому государю ясак в Иркуцкой острог

[34] См.: Сказание бурят, записанные разными собирателями, Иркутск, 1890, стр. 88.

[35] См.: Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Вып. IV. СПб., 1883, стр. 25.

[36] Не исключена возможность, что буряты Тертеевского рода — тоже омонголившиеся тунгусы.

[37] ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 498.

[38] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 221 об.

[39] Там же, кн. 627, 691, 696.

а у нас Абызайка и Ектиканка оприч нас четырех ызбылцов без ясашного платежу нет никово, а нам де за них умерших князцов платить не в мочь» [40].

Таким образом, мы имеем прямое указание, что кумкагиры, в том числе потомство и роды двух князцов, платили ясак в Иркутске. Ни к кому, кроме интересующих нас тунгусских групп Иркутского уезда, это сообщение не может относиться.

Первые списки кумкагиров в Иркутском уезде мы имеем от 1698 г. Их составил в Култуке довольно малограмотный приказный человек, который не придерживался официальных названий тунгусских групп, а писал их так, как, очевидно, тунгусы их сами называли. Эти списки кумкагиров, заплативших ясак в 1698 г. в Култуке, содержат в себе по большей части имена тунгусов низовых и подгородных, Заектаева рода и «мунгальских выходцев» [41]. Из 21 имени кумкагиров пять принадлежало низовым и подгородным тунгусам, семь — Заектаева рода (в том числе одно дважды), два — «мунгальским выходцам»; четыре — видимо, верхоленским тунгусам, три тутурским и одно очеульскому; имен трех тунгусов мы не смогли найти в списках.

В том же 1698 г. селенгинские ясачные тунгусы (обитавшие главным образом в восточных острогах Хамар-Дабана, уже в бассейне Селенги) подали челобитную, в которой жаловались на то, что «Кумкагирского роду иркутские тунгусы хотят их побить». Здесь приводятся два имени главарей этих кумкагиров. Один из них, Ангадзян, оказался в списках Заектаева рода, а другой, Иванга — в списках низовых и подгородных тунгусов.

В 1699 г. тунгус Кумкагирского рода Колбой заплатил ясак в Тунке [42]. Он числится в более ранних списках «мунгальских выходцев».

Можно считать, что название «кумкагиры» было общим для всех тунгусов Иркутского острога, за исключением, быть может, загачинов. Небольшая группа кумкагиров жила, как мы знаем, и в верховьях Куленги, а отдельные кумкагиры встречались среди «очеульских и Ламского хребта тунгусов» (камчагиров). В ясачных книгах и в большинстве других документов Иркутского острога название «кумкагир» отсутствует и заменено приведенными в табл. 107 названиями «низовые и подгородные», «Заектаев род», «загачины» и «мунгальские выходцы».

Первое из этих названий — «низовые и подгородные» — чисто территориальное, исходит от местожительства этих тунгусов по отношению к Иркутскому острогу (городу). Из этого названия можно заключить, что часть этих тунгусов жила по обоим берегам Ангары к западу от Байкала, включая территорию, на которой был основан Иркутск. Они же занимали, очевидно, и территорию позднейшего отдельного Сейгутского рода Китойского ведомства в бассейне р. Балея, правого притока Ангары, где и переписью 1897 г. и переписью 1926 г. отмечен тунгусский Верхнекетский улус (р. Кеть впадает в Балей).

На Балее буряты и тунгусы помещены в описании 1697 г. [43] Нам также известно, что иркутские «низовые и подгородные» тунгусы имели в XVII в. столкновения с бурятами в южной части бассейна Куды, встречались в низовьях Иркута, у Тунки, у Култука и выходили иногда к Кабанску и Селенгинску [44]. Все эти данные позволили нанести их территорию на карту. По своему хозяйству низовые и подгородные тунгусы были коневода-

[40] ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 627, л. 426.
[41] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 414, лл. 79, 95.
[42] Там же, ст. 442, л. 53.
[43] ЛОИИ, Иркутские дела, карт. 1 (149), № 138, л. 21.
[44] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 60, л. 26; ст. 144, л. 84; ст. 178, л. 8; ст. 222, лл. 11—12, 42; ст. 231, лл. 14—16; ст. 405, лл. 9, 46; ст. 414, лл. 91—92, 97, 100—102, 122; ст. 442, лл. 2, 6.

ми. Нам известно только одно упоминание о наличии у них оленей (см. выше), тогда как лошади упоминаются у них очень часто. Вероятно, имели они и крупный рогатый скот, хотя прямых указаний на это у нас нет.

Другую крупную группу тунгусов-кумкагиров представляли тунгусы Заектаева рода. Название этот род получил от имени возглавлявшего его старейшины Заектая, умершего около 1685 г. В дальнейшем часто упоминаются его сыновья. Этот род представлял, видимо, подразделение кумкагиров. Характер подразделения неясен, но, вероятно, Заектаев род являлся и экзогамной единицей. О тунгусах Заектаева рода, как о пограничной группе, часто сталкивавшейся с монголами и сойотами, имеется очень много документальных свидетельств. На западе они распространились до Иркута, часто бывали в Тунке, охотились и выше Тунки и по Зон-Мурину, иногда заходили даже на Китой, но больше всего кочевали в районе Култука вдоль юго-восточной оконечности Байкала до р. Мишихи включительно [45]. У нас нет прямых указаний, что они осваивали долину р. Темника. Низовья Темника в равнинной, степной части были освоены монголами. Но, вероятно, верховья Темника были во владении тунгусов. К концу XVII в. они вместе с подгородными тунгусами иногда появлялись у Кабанска и Селенгинска [46].

Все тунгусы Заектаева рода были коневодами. Об оленях у них не упоминается ни разу. Такими же коневодами были и тунгусы «мунгальские выходцы» и загачины (см. ниже). Вопрос в том, был ли у всех этих групп тунгусов крупный рогатый скот, приходится оставить пока открытым.

Что касается «мунгальских выходцев» и загачинов, то первые несомненно кочевали в одном районе с тунгусами Заектаева рода. Они упоминаются в бассейне Иркута, у Тунки и у Култука вместе с последними. О расселении загачинов данных нет, но так как ясачные сборщики к концу XVII в. объединили их с «мунгальскими выходцами», то можно предполагать, что они и кочевали в одном районе [47]. В 1699 г. бурят-цысолик Карлик Жиртаев назван тунгусом загачином [48]. Простая ли это ошибка или указание на то, что цысолики и загачины — одна родоплеменная группа, часть которой только официально числилась бурятами, а часть тунгусами, сказать определенно нельзя. По-видимому, загачины представляли отдельный род или территориальную группу. Само это название можно объяснить, исходя из тунгусского «дзагачир» (единственное число дзагачин), что значит «подобные родственникам», «как бы родственники». Если загачины (вместе с «мунгальскими выходцами») и составляли отдельную от кумкагиров группу тунгусов Иркутского уезда, то ко второй половине XVII в. они жили в таком тесном общении друг с другом, что их практически можно считать за одно тунгусское племя, осваивавшее горные районы у южной оконечности Байкала.

Потомками всех этих тунгусов (низовых и подгородных, Заектаева рода, загачинов и «мунгальских выходцев») является Заектаев род среди тунгусов Армакской управы Селенгинского округа. Надо заметить, что

---

[45] См.: С. Г. Рыбаков. Армакские тунгусы. «Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества», т. VI, вып. 1, М., 1903, стр. 51. В челобитной 1698 г. тунгусы Заектаева рода называли своими урочища по рекам Безымянной, Утулику, Снежной, Паньковой, Мурину, Выдриной, Переемной, Мишихе, но о Темнике не упоминают.

[46] О расселении тунгусов Заектаева рода в XVII в. см.: ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 35, 85, 230; ЦГАДА, ф. 1121, ст. 3, л. 181; ст. 9, лл. 59, 72; ст. 17, лл. 23—25; ст. 32, л. 4; ст. 38, л. 18; ст. 68, лл. 24, 139; ст. 69, лл. 48, 49, 262; ст. 70, л. 33; ст. 75, л. 2; ст. 76, л. 21; ст. 78, л. 21; ст. 114, лл. 80, 104; ст. 144, л. 84; ст. 167, л. 4; ст. 178, л. 11; ст. 222, лл. 11—12, 51; ст. 442, лл. 2, 8—9, 21; ст. 629, лл. 75, 77, 80—81.

[47] ЦГАДА, ф. 214, кн. 768, л. 646; ф. 1121, ст. 3, лл. 124—125; ст. 9, л. 51; ст. 17, лл. 25—26; ст. 23, л. 3; ст. 34, л. 5; ст. 68, л. 138; ст. 69, л. 49; ст. 122, лл. 11—12, 14; ст. 178, лл. 5, 12, ст. 222, лл. 11—12; ст. 442, л. 2.

[48] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 442, л. 4.

Цингидинов род Армакской управы XIX в. был совсем другого происхождения. Он образовался в основном из верхоленских тунгусов, поселившихся среди предков тунгусов Заектаева рода в конце XVII в. Его название происходит от названия «Чючинигирский» или «Цынигирский», представляющее искажение какого-то названия рода у верхоленских тунгусов. Это название впервые появляется в 1694 г., когда 13 верхоленских тунгусов «Чючинигирского» рода заплатили ясак иркутским ясачным сборщикам [49]. В 1695 г. девять тунгусов, уже «Цынигирского» рода, жаловались на бурят (Батоева рода), обвиняя их в убийстве своего сородича.

В 1698 г. девять тунгусов «Ценкигирского» рода заплатили ясак в Култуке. В 1699 г. под названием «Ценгидинского» («Цынкигинского», «Чинкигинского», «Цынкидинского») рода трое из этих тунгусов заплатили ясак в Тунке и один в Култуке [50]. Кроме того, два тунгуса «Цынкиеновского» рода упоминаются в этом же году в жалобе идинских бурят на грабежи тунгусов [51]. Почти всегда тунгусы Цингидинова рода называются в документах XVII в. верхоленскими. Имена их находятся главным образом в списках очеульских тунгусов, но иногда и среди куленгских тунгусов Верхоленского острога.

Тунгусы «Чючинигирского» (Цингидинова) рода [52] были не единственными верхоленскими тунгусами, приходившими охотиться на территорию Иркутского острога. Их было только несколько больше других и они дали название роду, образовавшемуся из верхоленских тунгусов в районе Иркутского острога. Кроме них, в 1699 г. иркутским ясачным сборщикам заплатило ясак три тунгуса Куркунеева рода с Куленги [53]. В 1699 г. в жалобе идинских бурят в районе Иркутского острога упоминается целая группа тунгусов Молзаевского рода [54]. Это тоже верхоленские тунгусы с Куленги. Некоторые из них даже заплатили ясак в Тунке [55]. И тунгусы Молзаева рода и тунгусы Куркунеева рода принадлежали, видимо, к племени налягир. В том же 1699 г. один тутурский налягир назван жалобщиками-бурятами тунгусом Налгеевского рода [56]. В этом же документе упомянут один тунгус Занхатского (Заектаева) рода. В 1699 г. в Тунке платил ясак даже один нерчинский тунгус Дуликагирского («Дулгиколкинского») рода [57]. Все вышеупомянутые группки верхоленских тунгусов в дальнейшем, вероятно, и образовали Цынгидинов род, так же как все иркутские тунгусы образовали Заектаев род.

К 1735 г. консолидация Заектаева и Цингидинова родов в том их виде, в каком они дожили до XX в., была уже закончена.

О проникновении верхоленских тунгусов в предгорья Саян источники сообщают много любопытных деталей [58].

Но верхоленские тунгусы были не единственными тунгусами, промышлявшими по Иркуту и в верховьях Китоя и Белой. Как мы знаем, основное тунгусское население этого района, ограниченного р. Белой на северо-

---

[49] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 324, л. 4.
[50] Там же, ст. 442, лл. 9, 5, 3, 55.
[51] Там же, ст. 438, л. 23.
[52] Ср. Цынгодарских людей, упоминаемых в верховьях Лены в 1631 г. (ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 110). По-видимому, это все бурятское произношение названия Хенкегорского или Челкагирского рода (см. гл. XVI).
[53] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 324, л. 4.
[54] Там же, ст. 438, лл. 23, 25, 29, 31—33.
[55] Там же, ст. 442, л. 53.
[56] Там же, ст. 438, л. 213.
[57] Там же, ст. 442, л. 35.
[58] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 17, л. 23; ст. 22, лл. 13, 23; ст. 23, л. 38; ст. 36, л. 136; ст. 107, л. 4; ст. 144, л. 23; ст. 171, лл. 123—128; ст. 182, л. 28; ст. 191, л. 47; ст. 193, лл. 17, 42, 43, 46; ст. 236, л. 21; ст. 261, л. 31; ст. 278, лл. 122—123; ст. 279, л. 24; ст. 285, лл. 2—3; ст. 307, лл. 1—2; ст. 329, л. 4; ст. 409, л. 9; ст. 414, лл. 91—92; ст. 438, лл. 52—53; ст. 450, л. 93; ст. 452, л. 13.

западе, водоразделом Иркута и Китол на юго-востоке, территорией хонгодоров на северо-востоке и территорией «соет» (кайсот) на юго-западе, в основном составляли балаганские тунгусы Харанутского (Кордотского) и Борондоева (Урянского) родов. Потомками верхоленских тунгусов, охотившихся в бассейне Белой, является, вероятно, Малобельский тунгусский улус, существовавший еще в 1897 г. на р. Малой Белой. Тунгусы Харапутского и Борондоева родов уже в XVIII в. были ассимилированы бурятами.

Можно считать, что тунгусов-кумкагиров обоего пола было в XVII в. около 450 чел., в том числе низовых и подгородных — около 200, Заектаева рода — около 150, загачинов и «мунгальских выходцев» — около 100.

То обстоятельство, что в дальнейшем ядром этих тунгусов стали тунгусы Заектаева рода, объясняется тем, что более многочисленные низовые и подгородные тунгусы по большей части остались на своих прежних местах жительства и там растворились среди бурят и (под Иркутском) среди русских крестьян. Уже в конце XVII в. молодое поколение низовых и подгородных тунгусов хорошо говорило по-русски [59].

II

В ведении Баргузинского острога находились родоплеменные группы тунгусов, указанные в табл. 108 [60].

Сокращение числа плательщиков ясака в Баунтовском остроге в 1681 г. и одновременное увеличение числа их в Кучидском острожке объясняется переходом тунгусов «Украинского» и Киндигирского родов из Баунтовского острога в ведение ясачных сборщиков Кучидского острожка. Общее уменьшение количества плательщиков ясака в Баргузинском остроге в период между 1683 и 1693 гг. объясняется в некоторой степени внешними и внутренними политическими событиями. Часть киндигиров и тунгусов «Украинского» рода, видимо, перешла к Албазину, так как там в это время фиксируется уплата ясака оленными тунгусами этих родов. Например, в 1685 г. в Албазине было собрано с тунгусов Киндигирского и «Украинского» родов 4 сорока 31 соболь [61].

Есть прямое указание, что некоторые кучидские тунгусы ушли к Албазину уже в 1680 г. [62] На полноте учета тунгусов должно было сказаться восстание 1688 г. В этом году баунтовскими тунгусами были убиты ясачные сборщики на Баунте и промышленные люди на Бамбуйке [63]. Были перебиты тогда же казаки и в Верхнеангарском остроге [64]. На Кучидо освободили аманатов, а затем осадили острожек. Пришедших на выручку яравнинских казаков Нерчинского уезда к острожку не подпустили [65].

Верхнеангарский острог восстановили в том же 1688 г., когда он был разрушен, и тогда же взяли и прежних аманатов, хотя не всех сразу [66]. Но, несмотря на это, ясачные сборщики вынуждены были на сезон 1688—1689 гг. констатировать недобор ясака, «потому, что тунгусы живут в побегах» [67]. Такое же положение имело место и в последующие годы.

---

[59] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 92, л. 53.

[60] Эта таблица составлена по книгам ЦГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 263—281; кн. 941, лл. 465—490; кн. 768, лл. 511—517 и 542—585; кн. 1034, лл. 283—285 и 290—301; кн. 1141, лл. 177—179 и 191—196; кн. 1316, лл. 164—168.

[61] ААН, ф. 21, оп. 4, № 25, 74 об.; ЦГАДА, ф. 214, ст. 142, л. 87.

[62] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 1, л. 59.

[63] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 238—239.

[64] Там же, л. 240.

[65] Там же, лл. 239, 245—247.

[66] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 36.

[67] Там же, л. 55.

Таблица 108

Численность плательщиков ясака Баргузинского присуда по родам

Род	Год								
	1669	1681	1682	1683	1693	1694	1696	1697	1701
Баргузинский острог									
Лимагирский	75	55	Св. нет	58	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет
Баликагирский	63	81	» »	77	» »	» »	» »	» »	» »
Намясинский	4	6	» »	6	» »	» »	» »	» »	» »
Пачеганский	—	1	» »	2	» »	» »	» »	» »	» »
Киндигирский	30	37	» »	37	» »	» »	» »	» »	» »
Чильчагирский	5	1	» »	1	» »	» »	» »	» »	» »
Някугирский	23	27	» »	25	» »	» »	» »	» »	» »
Итого	200	208	197	206	75	80	104	109	132
Верхнеангарский острог (ламские тунгусы)									
Чильчагирский	31	50	Св. нет	51	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет
Киндигирский	27	50	» »	51	» »	» »	» »	» »	» »
Итого	58	100	100	102	57	80	72	76	82
Баунтовский острог (витимские тунгусы)									
Киндигирский	74	54	Св. нет	39	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет
Чильчагирский	23	33	» »	33	» »	» »	» »	» »	» »
«Украинский»	31	2	» »	2	» »	» »	» »	» »	» »
Итого	128	89	87	74	54	54	59	59	70
Кучидский острожек									
Киндигирский	17	38	Св. нет	39	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет
«Украинский»	—	24	» »	27	» »	» »	» »	» »	» »
Итого	17	62	60	66	35	36	40	42	42
Всего	403	459	444	448	221	250	275	286	326
Собрано ясака в переводе на соболей	1734	2020	1923	2073	915	921	955	Св. нет	937

На уменьшении количества плательщиков ясака сказывались и межплеменные столкновения тунгусов. В 1676 и 1688 гг. произошли побоища между верхнеангарскими (ламскими) киндигирами и чильчагирами,

с одной стороны, и ленскими шилягирами или маугирами [68] — с другой. Эти столкновения отразились даже в преданиях забайкальских оленных тунгусов как войны с момолями (или мамугирцами) [69]. Дело в том, что род Момоль (Момогир) был одним из главных родов шилягиров (маугиров). Эти столкновения не могли не отразиться на численности тунгусов. В одном лишь 1688 г. шилягиры убили шесть мужчин-чильчагиров из верхнеангарских тунгусов. Можно еще отметить столкновение между тунгусами Кучидского острога в 1699 г. [70] Тяжело отражалась на тунгусах и система аманатов. Вырванные из привычной обстановки, психически подавленные долговременным заключением, плохо питающиеся, лишенные элементарных, даже с точки зрения тунгусов XVII в., бытовых условий, аманаты быстро становились жертвами болезней.

В качестве едва ли не главной причины сокращения численности баргузинских тунгусов в конце XVII в. были эпидемии. Только во время эпидемии оспы 1691 г. около самого Баргузинского острога умерло 10 «лучших» людей, в том числе все шуленги, не считая женщин и детей, а на Кучиде — все аманаты. Перечисленные обстоятельства и отразились на численности баргузинских тунгусов в период между 1683 и 1693 гг. Но к 1701 г. официальная численность баргузинских тунгусов снова возросла, достигнув двух третей их численности, зарегистрированной в 1681—1683 гг. Помимо естественного роста, здесь сказалось возвращение беглецов на прежние места жительства и выявление лиц, укрывшихся от обложения ясаком.

Нам кажется, что можно принять данные 1681 г. как наиболее близкие к первоначальной численности баргузинских тунгусов и исходить из них при установлении численности отдельных родов баргузинских тунгусов в XVII в.

Вероятно, выселение намясинцев из Баргузинских степей произошло до прихода сюда русских, т. е. до 1647—1648 гг. Может быть, именно под влиянием известий о приближающихся с запада завоевателях намясинцы и ушли из Баргузинских степей. Несмотря на малочисленность баргузинских намясинцев, они встречались среди баргузинских тунгусов вплоть до середины XIX в. Подробнее на намясинцах и на ряде вопросов, связанных с этой родоплеменной группой мы остановимся ниже при описании Нерчинского уезда.

Почегоры в Баргузинском присуде, видимо, были пришельцами из соседнего Нерчинского уезда, где они являлись одним из основных родов. После 1683 г. почегоры в Баргузинском присуде не упоминаются.

Намясинцы во второй половине XVII в. жили по большей части в Нерчинском уезде или в прилегающих к последнему владениях монгольских феодалов. Но о намясинцах мы не можем сказать, что это случайно забредшая на Баргузин семья. Спафарий, встретивший в 1675—1676 гг. намясинцев на р. Ган, за Аргунью, к северу от Хайлара, определенно указывает, что они «жили... преж сего в Баргузинском остроге и в иных многих местах» [71].

Таким образом, отмеченные в табл. 108 намясинцы являются не случайными пришельцами, а остатками племенной группы, когда-то, во всяком случае до 1669 г., ушедшей из Баргузинских степей.

---

[68] АН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 34; ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 13.

[69] См. S. M. Shirokogoroff. Social organization of the northern Tungus. Shanghai, 1933, p. 58.

[70] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 333, л. 97, 98.

[71] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г., СПб., 1882, стр. 147. (См. далее: Путешествие... Спафария...). Подробнее о намясинцах см.: Е. М. Залкинд. Родовой состав баргузинских эвенков в XVIII веке. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», Улан-Удэ, 1941, вып. III—IV, стр. 238—239.

К этому надо добавить, что лимагиры и баликагиры были «конными и скотными», кипдигиры, чильчагиры и тунгусы «Украинского» рода — оленными, а някугиры, жившие на берегу Байкала,— видимо, пешими. В «Украинском» роде вообще имелись и конные и оленные тунгусы, но в Баргузинском присуде все тунгусы «Украинского» рода были оленными. Можно считать, что конными тунгусами были и немногочисленные намясинцы и почегоры.

Баликагиры жили и в Нерчинском уезде. Там они тоже были конными. Конными были баликагиры и лимагиры также в XVIII, XIX и начале XX в.

В XVIII в. к числу конных баргузинских тунгусов прибавились роды Мунгальский и Челкагирский (официально именовавшийся, видимо, по ошибке «Чильчагирский»).

Мунгальский род образовался из отунгусившихся бурят, главным образом хоринцев рода Галзут. Хоринцы после своего выхода из Монголии в 1683 г. одно время кочевали в Баргузинских степях. Вероятно, отдельные лица из них остались на Баргузине и положили начало новому роду.

Основателями новых родов явились также отдельные выходцы из ашехабатов, табунутов (Цонголова рода) и нерчинских тунгусов рода Челкатир. Таким образом, в течение XVIII в. у баргузинских конных тунгусов появились новые роды [72].

Тунгусы Някугирского рода очень редко упоминаются в документах XVII в., но потомки их, тунгусы так называемого Шамагирского рода, перешедшие в начале XVIII в. в ведение Верхнеангарского острожка, известны в этнографической литературе как безоленные охотники, рыболовы и охотники на байкальских нерп.

Мы знаем, что в XVII в. някугиры жили на берегу Байкала к северу от полуострова Святой нос и Чивыркуйского залива. 28 октября 1690 г. из Баргузинского острога был послан служилый человек Федор Иванов Булдаков «итти в море в Чивиркуй и подле моря до Зырянского зимовья... сыскивать и проведывать баргузинских ясачных тунгусов Някугирского роду... выслать [их] на лешей... промысел... и как выйдут привести их в Баргузин с полными ясаками» [73]. За три года до миссии Булдакова в ноябре 1687 г. с таким же поручением были посланы «в Чивиркуй и на Святой нос» служилые люди И. Зарубин, П. Иванов и А. Агафонов. Тунгусы Девуга, Семерня и Бодолей с «братьями своими и племянники» говорили им, «ясаку де мы не добыли... в лесу зверя де не стало и снеги выпали осенью рано... А людишки де мы безкопные и безоленные, из лесу сами насилу вышли» [74].

У нас нет данных о принадлежности тунгусов Девуги, Семерни и Бодолея именно к Някугирскому роду. Может быть, среди них были и безоленные кипдигиры. Но факт существования на северо-восточном побережье Байкала группы пеших тунгусов не вызывает сомнений. Вероятнее всего, это были главным образом жившие там някугиры, предки позднейших шамагиров. Таким образом, состав тунгусов Баргузинского присуда в XVII в. по типу их хозяйства был довольно разнообразен. Большинство составляли оленные тунгусы орочены (289 плательщиков ясака или 60% всех баргузинских тунгусов). Следующей по численности была группа конных тунгусов (143 плательщика ясака или 31% общего количества баргузинских тунгусов).

---

[72] См. Е. М. Залкинд. Родовой состав баргузинских эвенков в XVIII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. III—IV, стр. 225—242.

[73] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 7, л. 13.

[74] Там же, ст. 4, л. 14.

Господствовавшей группой были конные тунгусы. Главным был род Лимагир. Только его глава Котюга, или Котега, имел титул князца [75]. Остальные роды возглавлялись шуленгами или рядовыми тунгусами. Род Лимагир стоял в течение всего XVII в. всегда первым в списках плательщиков ясака Баргузинского присуда.

Переходя к описанию расселения баргузинских тунгусов, остановимся сначала на вопросе о том, какие социальные единицы положить в основу описания и картографирования тунгусов этого района.

С одной стороны, мы имеем вышеупомянутые родовые группы (Лимагир, Баликагир, Чильчагир, Киндигир и др.), а с другой, перед нами выступают такие территориальные группировки, как верхнеангарские, баунтовские, баргузинские и кучидские тунгусы.

Если мы обратимся к имеющимся данным о распространении диалектов и говоров эвенкийского (тунгусского) языка [76], то увидим, что баунтовские и верхнеангарские тунгусы говорят не только на разных диалектах, но даже на диалектах, принадлежащих к различным диалектным группам эвенкийского языка.

Очевидно, нужно рассматривать такие группировки эвенков, как верхнеангарские (северобайкальские) и баунтовские (витимские), не как случайные, возникшие в результате приписки эвенков к определенным ясачным зимовьям, а как основные в данном районе расселения эвенков этнографические группировки. У этнической группы, сохранявшей родоплеменной строй, какой были эвенки XVII в., это могли быть только племена. Следовательно, верхнеангарских (северобайкальских, а в XVII в. ламских) эвенков можно считать одним племенем ороченов (тунгусов-оленеводов), а баунтовских (витимских) эвенков — другим.

Оба эти племени делились на киндигиров и чильчагиров. Такое деление они сохранили вплоть до начала XX в., с той лишь разницей, что в XVII в. чильчагиров было меньше, чем киндигиров, а к началу XX в. чильчагиры стали многочисленнее киндигиров. Нам кажется, что это деление на киндигиров и чильчигиров у верхнеангарских и баунтовских эвенков можно рассматривать как деление на две фратрии.

Конечно, это поздний пережиточный случай дуального фратриального деления. Указанные фратрии существовали уже при патрилинейном счете происхождения, но все же это была такая социальная структура, существенным элементом которой является деление племени на две экзогамные фратрии. Каждая из этих фратрий делилась на роды. Так, у баунтовских чильчагиров, по Широкогорову, было 10 родов с разными названиями, а у киндигиров, бывших в период исследования их Широкогоровым очень немногочисленными,— два рода [77].

Как известно, дуальное фратриальное деление составляло в Сибири особенность старой социальной организации у обских угров, ненцев, северных селькупов, кетов. Для эвенков такие фратрии не были характерны и область расселения баргузинских эвенков, может быть, являлась своеобразным островом дуальных фратриальных пережитков [78].

---

[75] Это, по всем данным, тот самый Котега, которого в 1646 г. в районе устья Верхней Ангары взял в плен атаман Василий Колесников. По всей вероятности до ухода намясинцев из долины Баргузина лимагиры жили в низовьях Верхней Ангары и лишь около 1650 г. переселились в Баргузинские степи (см. ниже).

[76] См. Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, стр. 18.

[77] S. M. Shirokogoroff. Social organization of the northern Tungus, p. 125.

[78] А. Ф. Анисимов устанавливает деление на две фратрии у подкаменно-тунгусских эвенков (см. А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, стр. 107—125). Нашими данными существование таких фратрий у эвенков здесь не подтверждается, как не подтверждается и группировка родов в племена, приводимая Анисимовым для эвенков этого района.

Что касается киндигиров, плативших ясак в Баргузинском остроге и Кучидском острожке, то баргузинские киндигиры были, видимо, частью верхнеангарских, а кучидские, как ясно свидетельствуют источники,— бауптовских киндигиров. Только территориальная близость группы киндигиров к Баргузинскому острогу и обусловила, вероятно, то обстоятельство, что они платили ясак здесь вместе с конными тунгусами.

«Украинский» род, плативший ясак в Кучидский острог, примыкал, видимо, к бауптовским тунгусам. Название «Украинский» не является указанием на какое-либо пограничное окраинное местоположение этого рода. В документах этот род иногда называется «Вокраинский» или «Вакурайский», а в более поздних — «Векерийский». По-видимому, он же известен под названием Вакасильского рода.

Коренным бауптовским «Украинский» род все же считать нельзя. Большая его часть входила в состав конных тунгусов Нерчинского уезда. Поэтому в Баргузинском присуде мы его показывали отдельно от других тунгусских родов как небольшую, но самостоятельную группу.

Наконец, някугиров (шамагиров) нам приходится выделять как отдельную реликтовую группу пеших тунгусов.

Таким образом,в Баргузинском присуде мы должны различать: 1) баргузинских конных тунгусов, состоявших из лимагиров и баликагиров; 2) род пеших тунгусов някугиров; 3) племя ламских, или верхнеангарских (северобайкальских), ороченов, делившихся на фратрии Чильчагир и Киндигир; 4) племя бауптовских, или витимских, ороченов, тоже делившихся на фратрии Киндигир и Чильчагир; 5) отдельный «Украинский» род тунгусов-оленеводов.

Кроме того, в составе ламских и бауптовских тунгусов мы должны различать по одному роду фратрии Киндигир, которые платили ясак не вместе со своими племенами в Верхнеангарском и Бауптовском острожках, а в Баргузин и Кучиду.

Что касается немногочисленных намясинцев, то они примыкали к баргузинским конным тунгусам.

Опишем расселение тунгусов баргузинского присуда.

Начнем с верхнеангарских (ламских) тунгусов. Уже в 1639 г. на Лене в устье р. Ичеры был взят ясак с 10 киндигиров, зимовавших недалеко отсюда. На следующий год они «сошли» вниз по Лене и на Алдан [79]. В 1641 г. 20 киндигиров русские служилые люди нашли «вверх» по р. Чае, впадающей в Лену несколько выше Ичеры. Эти тунгусы рассказали, что «житье их тунгуское на Ангаре реке, которая устьем пала в Ламу,... а на Чаю и на Чичуй реку приходят зверовать временем» [80]. В 1642 г. ясак с верхнеангарских киндигиров был взят на р. Маме [81].

В отношении верхнеангарских чильчагиров известно, что группа их в 1682 г. промышляла на Маме и ее притоке «Купгидере» (т. е. Кункудери) [82]. В этом же году чильчагиры (в том числе некий Хичко, который был на Маме и Кункудери) собирались на «Арбиклее» (т. е. оз. Юрбукуле) в среднем течении Верхней Ангары [83].

В 1688 г. шесть верхнеангарских чильчагиров, в том числе два бывших в 1682 г. на Маме и Кункудере, были убиты пилягирами (маугирами) на р. «Чюкале» — вероятно, Малой Чуе [84].

Из дела по получению аманатов от верхнеангарских тунгусов после

---

[79] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 138.
[80] ДАИ, т. II, стр. 259—260; см. также ЦГАДА, ф. 1177, ст. 5, л. 360.
[81] ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, л. 321.
[82] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 23, л. 34.
[83] Там же, л. 35.
[84] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 13.

восстания 1689 г. видно, что одного амапата-чильчагира верхнеангарские тунгусы хотели привезти с Муи [85].

Часть наших данных говорит только о верхнеангарских тунгусах, не разделяя их на киндигиров и чильчагиров.

В 1686 г. верхнеангарские тунгусы протестовали против опромышливания их угодий на р. Котаре, притока Верхней Ангары [86]. В 1689 г. баргузинские служилые люди разыскивали верхнеангарских тунгусов по берегу Байкала до Зырянского зимовья и Таширихи речки [87]. В 1699 г. 17 верхнеангарских тунгусов промышляло в верховьях Мамы и там четыре из них погибли во время обвала в гольцах [88]. В 1701 г. верхнеангарские тунгусы (вероятно, главным образом киндигиры) летовали «на усть-моря», т. е. в устье Верхней Ангары [89].

В целом можно констатировать, что территория верхнеангарских (ламских) тунгусов в общем охватывала территорию современного Северобайкальского района Бурятской АССР, выходя несколько за его пределы в сторону Чаи, Чечуя, Чуи, Мамы, и захватывала также бассейн Муи, притока Витима, входящий в настоящее время в Баунтовский район Бурятской АССР.

Граница между киндигирами и чильчагирами в пределах Северобайкальского района описана Е. И. Титовым. На Верхней Ангаре она проходила по Красному яру в 60 *км* от устья Верхней Ангары и по ее притокам: с левой стороны — по Бирие, с правой — Аккиту, выше (?) их — по Джалинде и Маме [90]. Эти данные не расходятся, как мы можем увидеть из вышеуказанных описаний, с данными о расселении киндигиров и чильчагиров в XVII в.

Исходя из всего вышеизложенного, мы и нанесли на карту территорию, которую заселяли верхнеангарские (ламские) тунгусы.

Баунтовские, или витимские тунгусы, как мы знаем, состояли из родов (фратрий) Киндигир и Чильчагир. Киндигиры делились в свою очередь на собственно киндигиров и лакшикагиров.

Название Лакшикагир (Лакшигир) имеется в опубликованном С. А. Токаревым «распросных речах» якута Инелте Делдеева, который рассказал, что в 1675 г. группа якутов из района Олекминска перекочевала вверх по р. Чаре на оз. Кускенде (Кушканда). Делдеев упомянул, что «живут у того озера пять тунгусов Лакшигирского рода Дургуга да сын Сирянча, да Шогони, всего пять человек, а сказывают, де они, что де они ясачные, а ясак де платят на Витиме» [91].

Все вышеупомянутые тунгусы имеются в списках ясачных тунгусов Баунтовского острога за 1681 г. При этом списки плательщиков ясака Баунтовского острога в ясачной книге за указанный год начинаются со списка Киндигирского рода, возглавляемого Мунгой и состоящего из 31 человека. Затем идет список, озаглавленный «Род Киндигирский же» из 23 чел. и потом идут списки чильчагиров (33 чел.) и «Украинского» рода (два человека). Первым во втором списке киндигиров стоит Дургога, вторым Ширянца и четвертым Шолганя [92]. Без сомнения, это те самые тунгусы Лакшикагирского рода, которых якуты нашли в 1675 г. на оз. Кускенде.

---

[85] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 5, л. 18.
[86] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 20, л. 38.
[87] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 56.
[88] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 442, л. 57.
[89] Там же, л. 89.
[90] См. Е. И. Титов. Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода. (Сибирская живая старина, Иркутск, 1923, стр. 98).
[91] Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 4.
[92] ЦГАДА, ф. 214, кн. 941, лл. 485—490.

Широкогоров сообщает, что род Лакшикагир входит в Киндигирский «административный род» [93]. Таким образом, можно считать, что род Лакшикагир является ответвлением рода Киндигир. В XVII в. официально он еще назывался Киндигирским, но отношения между лакшикагирами и остальными киндигирами уже являлись отношениями разных родов. Известно во всяком случае, что в 1662 г. у киндигиров, плативших ясак в Олекминский острог Якутского уезда, витимские киндигиры (т. е. как мы можем предполагать лакшикагиры) отняли «сестру», а затем предложили взамен свою «дочь» [94]. Из этого дела мы узнаем также, что киндигиры Якутского уезда первоначально встретились с витимскими киндигирами на истоках Жуи («Чю»), а затем шли к ним с верховьев Чары на р. Кутомару (Сюльбан), приток Витима.

В 1685 г. известный нам лакшикагир Ширянца, сын Дургоги, тоже находился на Чаре. У него был взят якутскими служилыми людьми аманат в Патомское зимовье, которого Ширянца надеялся «выманить». Брат Ширянцы Додонца тогда же с Чары пошел на Баунт [95].

В Дургоге, Ширянце, Шолгане мы можем видеть верхушку, возглавлявшую род Лакшикагир. По-видимому, верховья Чары и прилегающая к ним часть течения Витима были районом основного местожительства этого рода в XVII в.

Сведений о местожительстве рода собственно Киндигир и рода Чильчагир, плативших ясак в Баунтовском остроге, у нас мало. Но есть сообщения от 1675 г. о том, что баунтовские киндигиры промышляли на Витиме и Амалате, а также выходили «кормиться» к Яравне [96]. Известно, что речка Бамбуйка находилась на территории баунтовских тунгусов [97], что после восстания 1688 г. баунтовских тунгусов Киндигирского и Чильчагирского родов, их главарей, а также знакомого нам лакшикагира Ширянцу с его людьми служилые люди нашли «на Олекминских покатях близ Тунгирского зимовья и волока на Шилку» [98].

Но этих данных недостаточно для того, чтобы отдельно показать чильчагиров и киндигиров в пределах территории баунтовских тунгусов. Поэтому мы, выделив по вышеприведенным данным территорию всех витимских тунгусов, отмечаем на ней отдельно лишь район, освоенный лакшикагирами, без дальнейших подробностей.

Район Еравнинских озер в территорию витимских тунгусов (они заходили туда лишь временно летом), так же как и в южную часть современного Баунтовского района, где обитали тунгусы, плативше ясак в Кучидский острожек, мы не включаем.

Само основание Кучидского острожка и первый сбор в нем в 1662 г. 218 соболей закончились неприятностями для его основателя Якова Похабова. Оказалось, что этот ясак был собран с тунгусов, которые уже раньше платили ясак в Баунтовский и другие остроги Забайкалья. В следующий сезон, 1662—1663 гг., на Кучиде было собрано всего 64 соболя [99]. Затем около Кучидского острога постепенно все же образовался постоянный контингент плательщиков ясака. Они принадлежали, как мы знаем, к двум родам: Киндигирскому и «Украинскому».

Кучидские киндигиры промышляли, видимо, на территории южной части современного Баунтовского района. В 1680 г. киндигирский тунгус

---

[93] S. M. Shirokogoroff. Social organization of the northern Tungus, p. 125.
[94] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 217, лл. 31—32.
[95] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 9, л. 55.
[96] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 292 об.
[97] Там же, оп. 1, № 28, л. 239; см. также ЦГАДА, ф. 1105, ст. 8, л. 37.
[98] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 54.
[99] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 94—95.

Кучидского острога промышлял недалеко от Баунтовского острога [100]. В 1690 и 1691 г. с кучидских киндигиров был собран ясак в «Зидоиском» зимовье Яравнинского острога [101]. «Зидойское» зимовье находилось, повидимому на р. Жидотай, недалеко от ее впадения в Витим.

Относительно кучидских тунгусов «Украинского» рода мы располагаем следующими весьма недостаточными данными. В 1688 г. из Телембы были посланы в «Камень» «ясачные иноземцы», которые взяли аманата Андрюшку «Украинского» рода, сына Мичунцы [102]. Очевидно, эти тунгусы «Украинского» рода жили в «Камню» где-то не так далеко от Телембинского острога. В 1688—1689 гг. группа оленных «украинцев» в 14 чел. во главе с Оксенкой кочевала между Кучидой и Еравной. Видимо, им было одинаково удобно платить ясак в любом из этих острогов [103]. В 1690 г. Яравнинский острожек окончательно возвратил этих тунгусов Кучидскому [104].

Более подробные данные имеются о местожительстве кучидских тунгусов без указания их родовой принадлежности. В 1680 г. часть кучидских тунгусов ушла вниз по Витиму и на Олекму, часть кочевала между Оною и Курбою [105]. В 1688 г. кучидские тунгусы жили на Туркинее (очевидно, оз. Туркилы в районе верховьев Оны, притока Уды, и Зазы, притока Витима) и на Витиме [106]. В декабре этого же года Ф. А. Головин распорядился с бывших кучидских тунгусов брать ясак «в Зидинском зимовье Еравинского острожка» [107].

Мы знаем также, что в год основания Кучидского острожка, в 1662 г., в нем платили ясак киндигиры и «вокраинцы» и что на Еравне летом сходились и баунтовские и кучидские тунгусы [108] с Витима, Калара и Калакана.

Точных указаний о местожительстве и кочевках киндигиров, плативших ясак непосредственно в Баргузинский острог, у нас нет. Но из имеющихся данных можно заключить, что они осваивали ближайшие к острогу лесные хребты, как к северу от него, так и к востоку [109].

Данные о расселении някугиров тоже приведены выше. Они, видимо, обитали на Святом носу, у Чивиркуя и далее на север по берегу Байкала до Зырянского зимовья и р. Таширихи [110]. Мы имеем также одно раннее (1640 г.) указание о том, что на «Ламе [т. е. Байкала] живут някугирцы да цылцагирцы» [111].

В целом можно предполагать, что кучидские киндигиры занимали южную часть современного Баунтовского района, а кучидские «украинцы» — северную часть современного Еравинского аймака в районе устья р. Кидымит и оз. Кучиды на Витиме, бассейны рек Кидымит и Зазы, а также Витим от устья р. Джилинды до устья р. Жидотай.

Что касается баунтовских тунгусов (не считая лакшикагиров), то они, видимо, помимо северной части современного Баунтовского района занимали также бассейны Калара и Калакана, правых притоков Витима.

---

[100] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 1, л. 62.
[101] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 178, л. 14; ф. 1105, ст. 8, л. 46.
[102] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 17.
[103] Там же, ст. 7, лл. 14—15.
[104] Там же, л. 26; ст. 8, л. 12.
[105] Там же, ст. 1, лл. 8, 11.
[106] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 237, 240.
[107] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 25.
[108] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 94, 172, 173.
[109] См. ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 241, 241 об., ЦГАДА, ф. 1105, ст. 4, л. 13; а также ст. 1, л. 51, ст. 4, л. 53.
[110] ЦГАДА , ф. 1105, ст. 4, л. 14; ст. 8, л. 13.
[111] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 14, л. 393.

О расселении баргузинских конных тунгусов-лимагиров во второй половине XVII в. у нас имеются сведения, что они в основном осваивали долину Баргузина (кроме его верхнего течения) и р. Турку [112].

Но ко времени прихода русских в 40-х годах XVII в. долину Баргузина, видимо, занимало другое тунгусское племя — намясинцы (ср. тунгусское ламу ‖ наму море). Лимагиры в это время жили, вероятно, в районе низовьев Верхней Ангары (Ламы). Там во всяком случае был взят в аманаты их глава Котюга [113]. В связи с приходом русских намясинцы переселились в Восточное Забайкалье за Аргунь (см. гл. XVIII). После этого лимагиры заняли освободившиеся пространства Баргузинских степей. На карте мы стараемся реконструировать расселение племен и родов к приходу русских. Поэтому в долине Баргузина у нас показаны намясинцы, а лимагиры помещены в низовьях Верхней Ангары у северной оконечности Байкала.

Во второй половине XVII в. баргузинские баликагиры осваивали часть побережья Байкала у оз. Котокель, жили по рекам Кике, Сухой и занимали верховья рек Итанцы, Курбы и Оны, притоков Селенги и Уды, и хребет Улап-Бургасы. Вместе с лимагирами они осваивали бассейн р. Турки и стояли в бассейне Баргузина, под самым острогом, и по Ине.

На основании этих данных и показано их расселение в XVII в. на карте.

III

Осталось рассмотреть коренное население еще одной части Иркутского уезда, а именно Селенгинского присуда.

Особенность Селенгинска среди других острогов Сибири в XVII в. заключалась в том, что он имел главным образом значение военного пограничного пункта, а значение его как места сбора ясака до начала XVIII в. было минимальным. Иногда у Селенгинского острога даже совсем почти не оказывалось людей, плативших ясак.

Но зато не было в Сибири в XVII в. острога, где бы так остро ощущалось пограничное положение и где бы шла такая жестокая, лишь с короткими передышками, борьба между русскими служилыми людьми и соседними степными феодалами. В этом отношении с Селенгинским острогом могут быть сравнимы из сибирских городов XVII в. лишь Красноярск и Тара.

Но отсутствие у Селенгинска постоянного контингента плательщиков ясака не означает, что около него не было коренного населения. Как раз около Селенгинска обитало большое племя табунутов, которое явилось в дальнейшем важной составной частью бурятского народа. Имеющиеся данные о местном населении Селенгинского присуда сведены в табл. 109.

Как мы видим, коренное население Селенгинского присуда состояло из следующих основных частей:

1. Небольшого количества тунгусов, плативших ясак в Кабанский острог.
2. Четырех отдельных родов — Атагапова, Сартолова, Хатагинова и Узонова.
3. Особой большой, видимо племенной, группировки табунутов.
4. Ряда родов, выходцев из русского Предбайкалья.

---

[112] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 1, лл. 9, 11, 31, 37, 51; ст. 2, л. 33; ст. 3, л. 2; ст. 4, лл. 12, 31; ст. 6, л. 12; ст. 7, л. 25; ст. 8, лл. 4, 6—9, 78; ст. 9, лл. 3, 30, 36, 43; ф. 1121, ст. 2, л. 22; ст. 182, лл. 15—16; ст. 190, лл. 4—5; ст. 278, л. 102; ст. 504, л. 1; ф. 1142, ст. 4, л. 29; ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 127, 142; № 25, лл. 24, 27, 29—31; № 28, л. 241.

[113] ДАИ, т. III, стр. 68—69.

Таблица 109

Численность плательщиков ясака Селенгинского присуда по родам [114]

Этнические и родоплеменные группы	Год			
	1681	1683	1720—1721	1732
Тунгусы				
Разные роды Кабанского острога	16	16	4	12
Буряты монгольского происхождения				
Атаганы Чакирова рода	16	24	205	405
Сартолы Гулюгунова рода	35	35	128	239
Хатагины	—	—	—	Св. нет
Узоны	—	—	—	21
Табунуты				
Цонголов род	—	—	160	360
Три табунутских рода	—	—	180	247
Подгородные	—	—	16	103
Буряты из Предбайкалья				
Булагаты Ашехабатского рода	—	—	94	271
» Алагуева рода	—	—	10	47
» Харашутского рода	—	—	23	45
» Харанутского рода	—	—		155
» Готолы Бумольского рода	—	—		73
» Бабаева и Хурумчинского рода	—	—		51
Эхэриты Олзонова рода	—	—	7	65
» Ченорутского рода	—	—		82
Всего	67	75	827	2176

Приведем несколько данных о переселениях предбайкальских родов в Забайкалье.

В 1695 г. шуленга Ашехабатского рода Немней жаловался Иркутскому воеводе на то, что многие люди его улуса в 1692 г. и 1693 г. ушли за Байкал, кочуют около Удинска (т. е. Верхнеудинска, современного Улан-Удэ) в районе р. Курбы и собираются кочевать в сторону Монголии. Немней хотел ехать к ним «для разговору», чтобы вернуть их обратно на Голоустную, и для этого просил дать ему в провожатые служилых людей из Удинска [115].

Жалоба Немнея подтвердилась следующим событием. В 1696 г., в то время когда удинские стрельцы были в походе, у них украли шесть голов рогатого скота. Подозрение пало на бурята Цагахана Ашехабатского рода, кочевавшего в районе Удинска. Вместе с Цагаханом нашли его брата Хомора. Этот Хомор родился в Красноярском уезде и платил ясак в Удинск (т. е. в данном случае в Нижнеудинск). Потом Хомор пришел к своим «родникам» в Иркутский уезд, так как все его «родники» кочевали

[114] Для составления этой таблицы данные извлечены из ЦГАДА за 1681 г., ф. 214, кн. 941, лл. 490—493 об.; за 1683 г.— из ф. 214, кн. 768, л. 585; за 1720 г.— из ф. 214, кн. 1619, лл. 1—12; за 1732 г.— из ф. 199, № 481, тетрадь VII, лл. 49—60. Для определения числа табунутов в 1721 г. использованы данные об общем количестве табунутов, переселившихся к этому году в Россию.

[115] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 319, л. 27.

здесь по р. Куде. В 1693 г. Хомор присоединился к Цагахану. Сначала они кочевали по Итанце с хоринцами Галзутского и Карганатского родов, а затем перешли в низовье Курбы. Кроме них, здесь были хоринцы Кобдуцкого рода. Всего здесь в восьми юртах было девять ашехабатов (видимо трудоспособных мужчин). Им было велено кочевать у Байкала, но они пошли на Курбу «для зверовья». Ясак они платили в Иркутск; три года они возили ясак сами, а в 1695 г. за ним приезжал сын шуленги Немпея по имени Боскул [116].

В 1710 г. ашехабат Босхол Немпеев (очевидно, вышеупомянутый Боскул) жаловался на то, что хотя он со своими «улусными людьми» в 1707 г. получил право кочевать около Селенгинска по Хилку, его прогоняют обратно за Байкал к Иркутску. В своей «сказке» он указал, что пришел из Предбайкалья в 1696 г. потому, что на старых его кочевьях не хватает корма для скота, кроме того, его скот там очень страдал от «черного зверя» (медведей) и волков. Он и его люди кочевали близ Селенгинска и с 1708 г. платили сюда же ясак [117].

В Селенгинске в 30-х годах XVIII в. считалось, что ашехабаты платят в Селенгинске ясак с 1703 г.[118]

В 1728 г. С. Л. Владиславич-Рагузинский разрешил 28 каранотам (харапутам) и восьми ашехабатам, переселившимся из Удинского (Нижнеудинского) присуда Красноярского уезда на Джиду, платить ясак в Селенгинск вместо Удинска (Нижнеудинска) [119].

Таким образом, можно считать, что переход за Байкал самого большого предбайкальского рода на Селенге, ашехабатов, начался около 1692 г. и уже в 1707 г. был официально утвержден.

Что касается родов Алагуевского (Алгутского), обоих Харапутских, Бумольского (Готелского), Бабаева, Хурумчинского, Ользонова и Чернорутского, то известно, что они платили ясак в Селенгинске уже в 1718—1719 гг.; может быть, они его начали платить сюда и несколько раньше [120].

Всякого, кто ознакомится с табл. 109, конечно, удивит быстрое увеличение численности всех этих выходцев из Предбайкалья в период с 1720 по 1732 г. Здесь дело, с одной стороны, заключается в том, что в этот период был оформлен переход ряда групп, пришедших сюда раньше (см. выше пример о 28 харапутах и восьми ашехабатах Красноярского уезда). С другой стороны, в эти роды, видимо, вливались различные новые выходцы из Монголии. Судя по родовому составу разросшихся первоначальных родов селенгинских бурят, в их состав вошли в дальнейшем самые разнообразные элементы, а не одни только выходцы из Предбайкалья [121].

Играл в росте численности этих бурят известную роль и естественный прирост населения и, вероятно, продолжавшийся приток выходцев из Предбайкалья. Как мы видели, за Байкал на Селенгу переселялись буряты не только Иркутского, но даже и Красноярского уезда.

---

[116] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 144, лл. 60—69.

[117] Материалы учрежденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, т. 5, приложения, стр. 19.

[118] ЦГАДА, ф. 199, № 481, т. VIII, л. 63 об.

[119] ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, л. 10.

[120] ЦГАДА, ф. 199, № 481, т. VII, л. 64.

[121] См., например, данные Юмжана Ломбуева о «поколениях» селенгинских бурят во второй половине XIX в. (Сказания бурят, записанные разными собирателями, Иркутск, 1890, стр. 118—120) или данные на эту же тему Талько-Гринцевича (Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии, вып. I, Л., 1946, стр. 60—61).

Переходим к коренному населению Селенгинского присуда, которое здесь жило в XVII в., в годы основания Селенгинска (1665 г.) и Удинска (1666 г.).

Одну из групп этого населения составляли тунгусы. В 1681 и 1683 гг. селенгинские ясачные тунгусы состояли из следующих родов (цифры в скобках означают число плательщиков ясака; Тумандинского (5), Поинкирского (4), Ангутского (2), Камчагирского (2), Сяскигирского (1), Окукогирского (2).

Большинство этих названий существовало в XVII в. в качестве названий родовых групп у тунгусов и у бурят в других местах.

Поинкиры (поинкины) кочевали в верховьях р. Иро (притока Орхона), Мензы (притока Чикоя) и Онона. Этот род причинил много хлопот русским служилым людям и в конце концов так и остался за пределами русских владений. Его потомками является большая часть так называемых «пройских хамнеган». Подробнее о нем будет сказано при описании племен Нерчинского уезда.

Камчагиры, как мы знаем, входили в Илимский и затем в Иркутский уезд. Кочевали они у истоков Лены и Киренги и по Опотскому хребту вдоль западного берега Байкала. Имеются некоторые указания, что действительно несколько камчагиров ушло за Байкал. По-видимому с западной стороны Байкала происходит и Окукогирский (правильнее, вероятно, Шугукагирский) род, один из родов родственных камчагирам, кочевавший вместе с ними. Название Сяскигирского рода также представляет, видимо, искаженное название родственного камчагирам Хенхегорского («Сенсегорского») рода. Название «Ангутский род» — искаженное название Алгутского рода. Этот род был известен среди кудинских бурят, причем иногда он назывался у бурят Ангутским [122]. Очевидно, переписчики смешивали надстрочное «л» и «н». С. А. Токарев считал алгуев самостоятельным небольшим племенем бурят [123].

Возможно, что кудинские алгуи представляли ассимилированных бурятами тунгусов, а алгуи (ангуи) среди селенгинских тунгусов — ту их часть, которая сохраняла свой прежний тунгусский этнический облик.

Название Тумандинский не встречалось еще где-либо, кроме селенгинских тунгусов. Мы предполагаем, что он происходит от имени Толманцы Якупеева, возглавлявшего Камчагирский род очеульских тунгусов в 1680-х годах. Из названия «Толманцын род», видимо, и образовалось название «Тумандин», или «Тумандинский».

В списке тунгусов Верхоленского острога 1672 г., озаглавленном «Озера Очеуля и Ламского хребта тунгусы», имеется подзаголовок: «Отошлые тунгусы, которые отошли в Селенгинский острог в прошлом во 178 году». В этом списке 12 имен [124]. Некоторые имена этого списка близки к именам селенгинских тунгусов 1681 г.

Если все эти наши предположения правильны, то селенгинские тунгусы в основном представляли часть западнобайкальских камчагирских (или очеульских) тунгусов, среди которых жила одна большая семья поинкинов.

Выше мы уже упоминали, что селенгинские тунгусы платили ясак не прямо в Селенгинск, а в Кабанск. Есть указания, что уже в год основания Селенгинска они жили у Байкала [125].

---

[122] ЦГАДА, ф. 214, ст. 244, л. 123.

[123] См.: С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в., «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 117.

[124] ЦГАДА, ф. 214, кн. 627, лл. 21—28.

[125] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 317 об.

В 1670 упоминаются тунгусы «Кочабирского» (т. е. Камчагирского) и Тумандинского родов: «...дал бог с них ясак вновь в Селенгинске» [126].

Все имеющиеся данные указывают на горные лесные хребты южнее Кабанска и юго-восточнее Байкала, в частности на р. Качик и верховья Оронгоя, как на район местожительства тунгусов, находившихся в ведении Селенгинского острога [127].

В пятом томе «Дополнений к актам историческим» (стр. 51) мы читаем, что 25 тунгусов «Коленкурского рода» побили в 174 г. в устье Итанцы баргузинских ясачных тунгусов. «А для тех новых призывных иноземцев поставлено зимовье на устье Уды реки».

На стр. 176 в том же томе сказано: «...да 174 г. призваны были в ясачный платеж тунгусы Люлеленского роду 25 чел. к Селенге на усть Уды к ясачному зимовью. И тех тунгусов баргузинские ясачные тунгусы на усть [И] Тайцы [т. е. Итанцы] реки побили до смерти... а достальные де тунгусы убоясь убойства разбрелись врозь».

В обоих сообщениях идет речь об одном и том же событии. Мы узнаем, что Удинск на Селенге (современный Улан-Удэ) был основан для сбора ясака с какой-то группы тунгусов, которых частично истребили баргузинские тунгусы. Оба эти текста нам известны лишь в копиях Миллера. Вероятно, название «Люлеленский род» является племенным и соответствует названию пелюды («лелюли»), племенному названию нерчинских конных тунгусов. Название «Коленкурский род», очевидно, является родовым [128]. Были ли это тунгусы селенгинские, о которых шла речь выше, или нерчинские — сказать трудно. Несомненно, однако, что в низовьях Селенги вместе с предками бурят жили также тунгусы. О том, что здесь жили селенгинские тунгусы, говорится также и в одном документе 1679 г. [129]

В начале XVIII в. селенгинские тунгусы почему-то стали называться тунгусами Галзутского рода. Шуленгой галзутских тунгусов 1732 г. был Цогдон Игнашкин, видимо сын Игнашки Щербакова, Тумандинского рода.

Селенгинские тунгусы, возможно, имели оленей, поскольку вместе с ними жили и оленные иркутские тунгусы. Да и по своему происхождению большинство их связано с родами оленных верхоленских тунгусов. Но вместе с тем они имели, по-видимому, лошадей и крупный рогатый скот.

Следующую группу коренного населения Селенгинского присуда наши источники называют бурятами.

Эта группа населения состояла из четырех родов: Атаганова, Сартолова, Хатагинова и Узонова. Собственно говоря, в XVII в. числятся в качестве русских подданных с 1675 г. [130] лишь первые два рода, третий упоминается только раз. По-видимому, все эти три рода представляли самую северную часть монголов, живших по долине Селенги и достигавших в своих кочевках берега Байкала. Но поскольку в XVII в. у русских установилась традиция называть бурятами («братскими людьми») всех монголоязычных русских подданных, а монголами — подданных монгольских ханов, то русские источники второй половины XVII в. называют «братскими людьми» также атаганов и сартолов.

Возникает вопрос, почему в этой группе монголов сохранились еще племенные и родовые деления, тогда как в остальной Монголии, в том числе и в той ее части, которая охватывала бассейн Селенги, родовые наз-

---

[126] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 233.

[127] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 63, л. 24; ст. 328, л. 10; ст. 350, лл. 63—65; ст. 414, лл. 92, 100.

[128] Из нелюдов ближе всего к Удинску кочевал Челкагирский род. Может быть, коленкуры были подразделением челкагиров. Возможно, что вместо «Коленкурский» следовало читать «Леленкурский».

[129] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 320.

[130] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь VII, л. 63 об.

вания и деления исчезли и были заменены феодальными владениями, называвшимися по имени их владельцев — крупных и мелких феодалов. Эти владения образовывали типичную многостепенную феодальную систему владений разных рангов.

Здесь дело, очевидно, в том, что у монголов, включенных в различные феодальные владения, продолжали сохраняться племенные и родовые деления. Они не были основой социальной организации монголов. Этой основой была феодальная организация общества и феодальное государство. Монгольские феодалы делили, дарили и давали свои владения и их население, не считаясь с родовым и племенным составом своих подданных. Но когда те или иные группы монгольских подданных оказывались в пределах России, вне досягаемости их прежних монгольских феодальных владельцев, и вступали в ведение русской администрации, то их племенные и родовые деления превращались в основу для организации управления ими и взимания с них ясака. Это и понятно, и у бурят и у тунгусов родоплеменные единицы были положены в основу организации, обложения ясаком и управления. Естественно, что русская администрация использовала для этих же целей племенные и родовые деления своих новых подданных монгольского происхождения. Не называть же их было в самом деле по имени их бывших владельцев и тем самым подавать повод для претензий последних на эти группы русских подданных.

С другой стороны, и сами эти монголы (атаганы и сартолы и др.) могли рассматривать восстановление социального значения своих родоплеменных группировок в качестве символа разрыва с ненавистным для них феодальным строем, не понимая, конечно, того, что, избавившись от гнета своих монгольских феодалов, они все-таки снова попадают в феодальную зависимость хотя и в другой форме. Но, конечно, в России бывшим подданным монгольских феодалов жилось легче и этим объясняется быстрое увеличение численности атаганов, сартолов и хатагинов в пределах русского государства. Не все, те, кто в дальнейшем влился в эти роды, были по происхождению атаганами, сартолами и хатагинами. Судя по списку родов «Поколения селенгинских бурят» Гомжан Ломбуева, в состав позднейших Атаганова, Сартолова и Хатагинова родов вошли как выходцы из разных монгольских племен, так и выходцы из предбайкальских бурят и табунутов и даже «урянхайцы», т. е. тувинцы или тунгусы. Рассмотрение этого процесса, происходившего главным образом в XVIII в., уже выходит за пределы нашей темы.

Переходим к хатагинам. О их существовании в пределах Селенгинского присуда свидетельствует следующее сообщение.

В 1690 г. «Катагинского роду» селенгинские плательщики ясака Камубатыр и Аланей отняли у «Корицкого [т. е. Хоринского] рода» селенгинского «братцкого человека» Ухатуйко Кумыкова «три скотины рогатых». В другом документе об этом происшествии сказано, что у селенгинского «мунгальского выходца» Ухатайка Гумурзина в 1690 г. девять «мунгальских выходцев», Гаму-батур и Зайсан «с товарищи» украли три коровы [131]. Хотя во втором документе названия хатагин нет, но несомненно, что речь идет об одном и том же событии.

Позже, около 1691—1692 гг., эти хатагины ушли в Монголию, откуда вернулись лишь в конце 1732 г. [132]

Что касается Узонова (Узенова) рода, то из табл. 109 видно, что он вышел из Монголии между 1720—1732 гг. Главная масса членов Узонова

---

[131] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 236, лл. 3—4, 75.

[132] См. Материалы высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, т. 6, СПб., стр. 3.

рода вошла в состав населения Нерчинского уезда. Там они считались тунгусами, но здесь, на Селенге,— бурятами. Им было бы очень невыгодно числиться тунгусами, так как тунгусские оклады ясака были значительно выше бурятских. По-видимому, этот род если и был тунгусским по происхождению, то омонголился уже очень давно. Поселились узоны в районе самого Селенгинска среди бурятских родов.

По своим занятиям выходцы Узонова рода были, как и все селенгинские буряты, коневодами и скотоводами. Они занимались и охотой.

Относительно района обитания сартолов, атаганов и, возможно, хатагинов известно, что летом они располагались на берегу Байкала, южнее устья Селенги, а на зиму откочевывали в долины рек Иволги, Оронгоя и иногда даже в низовья Хилка. На хребте Хамар-Дабан, в верховьях Иволги и Оронгоя, атаганы и сартолы, видимо, охотились, добывая себе здесь соболей для уплаты ясака. Кочевали они, вероятно, главным образом вдоль левого берега Селенги: осенью от Байкала на указанные речки, весной обратно. Возможно, что перекочевывали они и прямо от Байкала через хребет Хамар-Дабан, т. е. примерно по тому пути, по которому в 1653 г. шли служилые люди, посланные Петром Бекетовым к монгольскому «култуцину». Уже в 1640 г. эвенкийский князец Можеул рассказывал Курбату Иванову, что по р. Селенге «идучи от Ламы [т. е. Байкала] с правую сторону живут мунгалы кочевные люди» [133].

Переходить теперь к последней группе населения Селенгинского присуда — табунутам. Формально в XVII в. все табунуты русскими подданными были лишь в 1688—1691 гг., но они играли большую роль в политической жизни Забайкалья и занимали большую территорию в пределах Селенгинского присуда. Сам Селенгинский острог стоял на территории табунутов. В конце концов табунуты, правда не все, все же стали русскими подданными. Поэтому мы включили их в состав населения Селенгинского присуда.

История взаимоотношений русских служилых людей с табунутами вкратце такова.

В 1646 г. посланные атаманом Василием Колесниковым из Верхнеангарского острожка служилые люди нашли на р. Селенге ставку некого Турухая-табуна, заявившего, что у него 20 тыс. подданных. В 1647 г. у Турухая-табуна побывал и известный сын боярский Иван Похабов. Очень возможно, что этот Турухай-табун представлял главу табунутов. Количество подвластных ему людей он, конечно, значительно преувеличил. Впоследствии было высказано предположение, что в лице Турухая-табуна русские встретили главу хоринцев. Это предположение основывалось на совпадении имени Турухай с отчеством хоринского зайсана Галзотского рода Бадана Туракина, возглавлявшего в 1703 г. делегацию хоринцев, отправившуюся в Москву.

По этому поводу следует заметить, что имя Турака (Турухай) встречалось у предков бурят в XVII в. неоднократно. Так по переписи 1681 г., был Турака у цысоликов, у эхэритов Олзонова рода и т. д. Отцом же галзотского Бадана Туракина был, видимо, хоринец Турака, который упоминается в качестве одного из глав хоринцев, пришедших в 1675 г. в Нер-

---

[133] ДАИ, т. II, стр. 248. О местожительстве этой группы предков бурят см.: ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 317 об., 320, 341; № 28, л. 54; № 29, л. 5; ЦГАДА, ф. 1121, ст. 23, лл. 58—59, 103—104; ст. 182, лл. 11—13; ст. 192, л. 48; ст. 236, лл. 54—55; ст. 319, л. 14; ст. 405, лл. 131—138; ст. 483, л. 1; ф. 1142, ст. 13, л. 31; Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г., СПб., 1882, стр. 120—121 (см. далее «Путешествие... Спафария...).

Иногда атаганы и сортолы заходили и на территорию хоринцев в Кударинскую степь. Группа сортолов в 1692 г. стояла под Иркутском (ЦГАДА, ф. 1121, ст. 231, лл. 1—4, 12). Видимо, потомки этой группы сортолов встречаются сейчас среди хонгодоров.

чинский уезд. Этот Турака в документах, касающихся хоринцев XVII в., упоминается неоднократно. Приведем одно из таких известий.

В 1685 г. бил челом «перчинских острогов брацкий ясачный мужик Турака з детишками своими Баданком, з Басутайком, с Сажиком. Кочую я ... з детишками четырми юртами за Байкалом морем на Олхоне острове. И верхоленские ясачные люди (т. е. эхэриты.— *Б. Д.*) меня ... и з детишками изгоняют и скот крадут ... Пожалуйте меня ... велите мне з детишками моими в четырех юртах перекочевать на сю сторону Байкала моря и кочевать юртами у Байкала у Селенгинского устья» [134].

Мы считаем, что Турухай-табун вряд ли имел какое-либо отношение к хоринцам. Вполне возможно, что он был главой табунутов и что по его титулу было названо племя, возглавляемое им.

Дальнейшие известия о табунутах относятся к 1664 г., а далее, вплоть до 1674 г., следуют жалобы перчинских тунгусов на табунутов, проникавших в район Еравнинских озер, на реки Хилок, Куда, Кудунуй, Уда и к Иргенскому острожку. В мае 1674 г. перчинские служилые люди и тунгусы выбили табунутов из района Еравнинских озер [135].

В 1681 г. табунуты и собственно монголы произвели набег на русских и хоринцев в низовьях Селенги. В роде вышеупомянутого Тураки табунуты убили семь мужчин, в другом хоринском роде — 10 и т. д. [136] В 1681 и 1683 гг. отдельные группы табунутов приняли русское подданство [137]. 16 сентября 1688 г. Ф. А. Головин за Большим Хилком разбил табунутского тайшу Серень Секулая (в 1670 г. тайша Цакулай). После этого 1200 юрт табунутов попросились в русское подданство, и в начале 1689 г. этот переход был оформлен договором. Тогда же перешло в русское подданство пять или семь монгольских тайш со своими подданными [138]. Эту группу монголов русские называли «боронкошеуновщина». В 1691 г. табунуты и боронкошеуновщина участвовали в походах служилых людей против монгольских феодалов. В таком походе в июне 1691 г. погиб его руководитель Петр Многогрешный (сын гетмана Демьяна Многогрешного) [139]. Об этом походе рассказывает даже одна из песен сборника Кирши Данилова. Во второй половине 1691 г. вследствие интриг главы монгольского ламаизма «Далай Кутухты» боронкошеуновщина и табунуты ушли в Монголию [140]. Но в 1695 г. Цонголов род табунутов во главе с Окин-зайсаном снова вернулся в Россию [141]. В 1710 г. Петр I присвоил Окин-зайсану звание тайши [142]. В 1719 г. или 1721 г. еще 727 табунутов бежали в Россию и образовали здесь 1-й, 2-й и 3-й табунутские роды [143].

---

[134] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 18, лл. 57—58.

[135] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 172 об.; № 28, л. 196; ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. 2, лл. 289, 307—311; ф. 1142, ст. 1, лл. 1—4.

[136] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 13, лл. 28, 30, 34; см. также ст. 11, л. 68; ст. 14, л. 57.

[137] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 23, л. 64; ст. 423, л. 46.

[138] См.: Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792 гг. Казань, 1882, стр. 58; ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 97, 116.

[139] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 213, лл. 1—7, 17, 19, 20—23, 35—36, 41—42, 48—49, 67, 69—77; ст. 222, лл. 65—66; ст. 261, лл. 28—29.

[140] Там же, ст. 23, л. 151; ст. 192, л. 33; ст. 213, лл. 25—31; ст. 261, лл. 18—27; ст. 441, лл. 56—57; ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 97, 116, 119—120, 131—132.

[141] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 72 об., 131—132; ЦГАДА, ф. 1121, ст. 28, лл. 65—66; ст. 171, лл. 144—147; ст. 279, лл. 28—29; ст. 333, л. 135; ст. 435, лл. 49—50; ст. 441, лл. 56—57; ст. 459, лл. 17—18; ф. 1142, ст. 52, л. 3. Е. М. Залкинд. Из истории Западного Забайкалья в конце XVII— начале XVIII в. «Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук», вып. I, Л., 1949, стр. 219.

[142] ЛОИИ, карт. 1 (149), № 403; ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 16—47. Материалы высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, т. V, СПб., 1897, стр. 23—25.

[143] Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, стр. 96, 130, 137. Подробнее

О численности табунутов имеются следующие данные. В 1674 г. в районе Еравнинских озер их было 2 тыс. (по Спафарию 3 тыс.) [144], вероятно включая женщин и детей. Но это, очевидно, были не все табунуты, а лишь те, которые перекочевали в район Еравнинских озер. В 1688 г. упоминается 1200 юрт табунутов, просившихся в русское подданство. Это количество юрт должно соответствовать примерно 6 тыс. населения. В 1691 г. с тайшей Церен Цекулаем и шуленгой Карцагаем ушло 800 табунутов, да человек 200 их затем ушло еще в Окин-зайсанов. Таким образом, в общей сложности ясачных табунутов в 1691 г. в русском подданстве было около 1000 (всего примерно 5 тыс. населения). Некоторые группы табунутов, кроме того, находились вне русских пределов. Вероятно, общая численность табунутов, в 1691 г. также равнялась примерно 6 тыс. В 1720 г. у Окин-зайсана было 160 трудоспособных мужчин-табунутов [145] (всего около 800 чел. населения). В 1721 г. пришло еще 727 табунутов. Наконец, в 1732 г. во всех табунутских административных родах в пределах России (считая и Подгородный род) было 710 плательщиков ясака, что соответствует примерно 3,5 тыс. населения. Можно предположить, что окончательно осталось в Монголии около 2—2,5 тыс. табунутов. Конечно, в числе 3,5 тыс. табунутов, находившихся в пределах России, были группы разного происхождения, например в Подгородном роде находилась группа выходцев из Тунки из рода Тэртэ и т. д., но, с другой стороны, некоторые группы табунутов оказывались в других административных родах, в том числе даже среди нерчинских тунгусов.

Учитывая все вышеизложенное, можно считать, что табунутов во второй половине XVII в. было около 6 тыс. Из них около 60% вошло в конце концов в состав бурятского народа, а остальные остались в Монголии. В 1674 г. табунуты, видимо, были распределены так: 4 тыс. их оставалось на своих территориях в районе Селенгинска и около 2 тыс. кочевало на территории нерчинских тунгусов в районе Еравнинских озер.

В отношении района обитания табунутов можно определенно указать, что они жили к востоку от Селенги и нижнего течения Чикоя, которые образовывали западную границу их распространения. Южную границу их обитания образовывал, видимо, водораздел между средним течением рек Хилок и Чикоя. Сложнее определить северные и восточные пределы обитания табунутов. Можно, однако, утверждать, что территория Уды была местом жительства хоринских бурят. Табунуты могли туда заходить лишь в период 1650—1670-х годов, когда хоринцы уходили в Монголию. Куда, Кудуной, Еравнинские озера были территорией тунгусов, о чем они пишут в своей челобитной 1673 г. Возможно, что эти местности являлись также территорией хоринских бурят.

Несомненно, что низовья Хилка (Большого Хилка) входили в территорию табунутов. Входили в территорию табунутов и реки Куйтун, Тунгуй («Темчуй») и Дзирим (Зирим). Можно считать, что восточным пределом обитания табунутов были западные склоны Яблонового хребта, в целом уже занятого тунгусами Нерчинского уезда. Наконец, северным пределом коренной территории табунутов, вероятно, был водораздел Хилка с Удой, севернее которого, как мы уже указали, начиналась территория хоринцев.

Табунуты резко выделяются среди остальных племен, из которых образовалась бурятская народность, тем, что среди них было не

о табунутах см. «Советская этнография», 1953, № 1; 1954, № 1; Краткие сообщения Ин-та этнографии, вып. XVII, 1953.

[144] Путешествие... Спафария..., стр. 136, 163, 174. Надо, однако, иметь в виду, что Спафарий ошибается, сообщая, что в 1675 г. табунуты кочевали по Онону. Там кочевали тогда хоринцы.

[145] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1619, лл. 1—3.

Этнографический состав коренного населения Иркутского уезда

Таблица 110

Этнические, племенные, территориальные группы и основные роды	Подразделения племен и основных родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Тунгусы-кумкагиры	Загачины, низовые и подгородные, «мунгальские выходцы», Заектаев род	1696	89	450	Заектаев род Армакского ведомства
Баргузинские тунгусы					
Лимагир	—	1681	55	275	Баргузинские тунгусы
Баликагир	—	1681	81	405	
Киндигир	—	1681	37	150	
Някугир	—	1681	27	110	
Намасинский [146]	—	1681	6	30	
Итого			206	970	
Ламские тунгусы (верхнеангарские)					
Чильчагир	—	1681	51	200	Верхнеангарские тунгусы
Киндигир	—	1681	51	200	
Итого			102	400	
Витимские тунгусы (баунтовские)					
Киндигир	Род Лакшикагир	1681	54	220	Баунтовские тунгусы
Чильчагир		1681	33	130	
Итого			87	350	
Кучидские тунгусы					
Киндигир	—	1681	38	150	«Гучитский» род у хоринских бурят
«Украинский»	—	1681	26	110	
Итого			64	260	

Таблица 110 (окончание)

Этнические, племенные, территориальные группы и основные роды	Подразделения племен и основных родов	Год учета	Численность		Группировки XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Кабанские тунгусы (селенгинские)	Роды Тумандинский, Камчагир, Сяскигир, Окукогир, Поникир, Алгутский	1681	16	70	Слились с бурятами
Итого тунгусов	. . . . .		564	2500	
Буряты					
Хонгодоры (роснуты)	Улусы Тойбин, Ирбанов, Босоголдоев, Колочиев и Тункинский . .	1696	251	1250	Буряты Аларского и частично Тункинского ведомств
	Род Цысолицкий (Шошолок) . . .	1696	21	100	Буряты Тункинского ведомства, частично в составе тунгусов Армакского ведомства
	Род Тураев (Тэртэ)	1696	48	240	
Булагаты	Роды Абаганат и Куркут	1696	73	360	Часть бурят Кудинского и Тункинского ведомств
Эхэриты	Род Олзонов	1696	19	100	Вероятно, буряты Олзонова рода Селенгинского ведомства
Хатагины	—	Конец XVII в.	50	250	Селенгинские буряты Атаганова, Сартолова и Хатагинова родов
Атаганы	—	1683	24	120	
Сартолы	—	1683	35	180	
Табунуты	Роды Цонголов и др.	1688—1695	1200	6000	Селенгинские буряты Цонголова рода, Табунутских родов, частично в Монголии
Итого бурят . .	. . . . .		1721	8600	
Тувинцы (сойоты)	—	1696	34	170	Буряты Хойготских родов Тункинского ведомства
Всего	. . . . .		2319	11270	

[146] К приходу русских на территории будущего Иркутского уезда в Баргузинских степях жило все племя намясинцев (намятов). В дальнейшем они переселились на восток, на правобережье Аргуни и верховье Иро. Поэтому они включены в табл. 113 и 114. Но на карте, как сказано выше, мы показываем намясинцев в долине Баргузина, а лимагиров, которые после ухода намясинцев поселились в Баргузинских степях,— на месте их первоначального местожительства в районе устья Верхней Ангары.

только несколько зайсанов, но имелись и тайши, тогда как буряты предбайкалья, например, знали только шуленег, а хоринцы — шуленег и зайсанов. Упоминаются и табунутские саиты. По-видимому, табунуты были монголоязычным племенем, которое подвергалось сильному влиянию феодальной Монголии. Но в 70-х и начале 80-х годов XVII в. табунуты были еще в значительной степени независимым племенем, хотя их господствующая верхушка и была включена в монгольскую феодальную иерархию. Само название табунутов, по мнению С. А. Токарева, произошло от монгольского титула «табунанг» (княжеский зять). То, что путем брака главы племени могла быть сделана попытка подчинить племя влиянию какого-либо крупного монгольского феодала, весьма вероятно. Заключение политических союзов или по крайней мере установление политических связей путем браков для феодальных государств Центральной Азии было правилом, а возникшие благодаря этому названия могли вытеснить старые племенные названия. История многих народов знает случаи, когда даже собственные имена феодальных владетелей становились именами народов (ср. ногаи, узбеки, османы и т. д.).

Общее количество населения территории Иркутского уезда и распределение этого населения по этническим и родовым группам показывает табл. 110 (стр. 323—324).

Глава XVIII

НЕРЧИНСКИЙ УЕЗД

Нерчинский (Даурский) уезд можно считать образованным в 1656 г., когда в Забайкалье был отправлен для организации управления Даурской землей известный гонитель протопопа Аввакума, бывший енисейский воевода Афанасий Пашков. Ясак из восточного Забайкалья поступал уже давно. Походу Пашкова в Забайкалье предшествовали отдельные экспедиции енисейских казаков и поход Петра Бекетова. Именно последним и было основано первое русское поселение на территории будущего Нерчинского уезда — Иргенский острог (1653 г.).

Бекетов собрал также ясак за 1654 г. с тунгусов будущего Нерчинского уезда и составил именные книги о сборе ясака с этих тунгусов, дошедшие до нас в Миллеровской копии [1]. Сам Бекетов и большая часть его отряда из-за недостатка продовольствия должны были в том же 1654 г. спуститься вниз по Шилке на Амур к Онуфрию Степанову, преемнику Хабарова, руководившему тогда действиями русских на Амуре. Но именно Бекетовым был поставлен тот Шилский острог на месте слияния Ингоды и Онона, где еще в 1656 г. сидел в осаде с 11 товарищами десятник Калина Полтинин. До 10 октября 1656 г. держался еще и Иргенский острог. Спасшиеся из него два человека тоже присоединились к отряду Калины Полтинина [2].

К приходу Пашкова (1658 г.) в Нерчинском уезде Иргенский и вышеупомянутый Шилский остроги были сожжены тунгусами [3] и дело освоения Забайкалья пришлось начать почти заново.

Население Нерчинского уезда в тех его пределах, в каких он окончательно оформился к 80-м годам XVII в., состояло из четырех частей.

1. Ядро его образовала группа тунгусских родов, платившая ясак непосредственно в основанный в 1659 г. Пашковым Нерчинский острог.

2. Большую группу населения Нерчинского уезда образовывали тунгусы, платившие ясак в основанный Пашковым в 1658 г. в бассейне Витима Телембинский острог. Филиалом Телембинского острога был основанный в 1676 г. Еравнинский острог. В ведении Телембинского острога находился также восстановленный Пашковым Иргенский острог. В ведении же телембинского приказчика находились Зидойское зимовье (тоже в бассейне Витима) и большая группа оленных тунгусов, платившая ясак в Акиминском зимовье на р. Нерче. Вся эта группа острогов и зимовий с припасанным к ним коренным населением образовывала Телембинский присуд в составе Нерчинского уезда.

---

[1] ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, лл. 324—328.
[2] ЦГАДА, ф. 214, ст. 508, лл. 338—343.
[3] Там же, л. 334.

3. Отдельную группу образовывали тунгусы бассейна Аргуни[4]. В 1681 г. для сбора с них ясака десятником Василием Миловановым был основан на правом берегу р. Аргуни Аргунский острог.

4. Наконец, в Нерчинский уезд входили хоринские буряты. Для сбора ясака с них в 1679 г. на р. Селенге у устья р. Итанцы было поставлено Итанцынское зимовье. Это зимовье, как и вся территория хоринских бурят, находилось в пределах Иркутского уезда, отделяя в последнем территорию Баргузинского присуда от Селенгинского.

Вся территория Нерчинского уезда, кроме занятой хоринцами, находилась к востоку от Яблонового хребта и соответствовала более или менее территории современной Читинской области.

Вследствие того, что Нерчинский уезд был отделен от остальной Сибири Яблоновым хребтом, его называли в XVII в. также «Закаменным» уездом, а нерчинских служилых людей «закаменными» казаками. Кроме того, Нерчинский уезд называли, как мы указали выше, еще Даурским уездом. Мы остановимся на характеристике хоринцев в первую очередь и на этом закончим описание расселения и родоплеменного состава предков бурятского народа.

Хоринцы представляли группу, очень мало связанную с тунгусским населением и с основной территорией Нерчинского уезда. Их отношения с Нерчинском были преимущественно отношениями административного подчинения. Территориально, экономически и исторически хоринцы были связаны главным образом с западным Забайкальем и даже Предбайкальем, входившими в Иркутский уезд, и в сравнительно незначительной степени с Нерчинском.

I

Историю хоринцев в составе русского государства в XVII в. можно разделить на два периода:

Первый период — до начала 50-х годов XVII в., когда хоринцы после первоначальных столкновений с русскими некоторое время платили ясак в Баргузинский острог. Об этом периоде истории хоринцев у нас очень мало данных. Закончился он выселением хоринцев через Ингоду и Онон в восточную Монголию.

Второй период — после 1667 г., когда началось возвращение хоринцев в Россию и они большей частью вошли в состав населения Нерчинского уезда. Об этом периоде у нас имеется данных значительно больше.

Подробную сводку данных о хоринцах в первой половине XVII в. сделал в свое время С. А. Токарев[5]. На западном берегу Байкала они тогда были известны под двойным названием: «хоринцы и батулинцы». Но уже с середины XVII в. хоринцев иногда называли баргутами[6]. Под упоминающимися в преданиях баргузинских тунгусов «баргутами-корчихолами», а в хрониках баргузинских бурят — «баргутами-хорчинами», очевидно, тоже имеются в виду хоринцы[7] (во второй половине XVII в., когда хоринцы входили в состав Нерчинского уезда, они в русских документах назывались также просто «нерчинские братские люди»). Значительная часть хоринцев жила в первой половине XVII в. на западном

[4] По Нерчинскому договору 1689 г. острог был перенесен на левый берег Аргуни.

[5] См. С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят.-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», Улан-Удэ, вып. I, 1939.

[6] ЦГАДА, ф. 214, ст. 508, лл. 519—520; ф. 1121, ст. 213, лл. 25—30.

[7] См. Е. М. Залкинд. Некоторые данные о баргузинских тунгусах, стр. 38; его же. Родовой состав баргузинских эвенков в XVIII веке, «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», Улан-Удэ, 1941, вып. III—IV, стр. 228.

берегу Байкала у рек Большой и Малой Бугулдеих и на о-ве Ольхон, но не переходили, однако, Онотский (Ламский) хребет [8]. Большая же часть хоринцев и тогда жила по правому берегу низовьев Селенги, в Кударинской степи [9]. В 1648—1650 гг. хоринцы, во всяком случае часть их, платили ясак в Баргузинский острог [10]. В 1650 г. хоринцами был убит в районе устья Селенги сын боярский Ерофей Заболоцкий, ехавший в качестве посланника к Цецен-хану [11], после чего они ушли в Восточную Монголию.

Начиная с 1667 г. хоринцы несколько раз появлялись под Нерчинском, выходя из Монголии (из улусов Даин-контайши). В 1675 г. тысяча хоринцев перешла обратно в пределы России в районе Нерчинска [12]. В 1679 г. они уже находились в Кударинской степи, где в этом году для сбора с них ясака было поставлено Итанцынское зимовье. В 1680 г. под Нерчинск вышли новые большие группы хоринцев и часть их перешла на Уду и к Байкалу [13]. В 1681 г. снова упоминаются хоринцы на западном берегу Байкала. В этом году у хоринцев был один даруга (Арцахай) и 14 шуленг (Боторой, Колбой, Кутугур, Бачюдай, Жербо, Бордой, Борои, Турака, Енкей, Колконцок, Умокей, Ботхок, Сагдай) [14]. Около 1682 г четыре шуленги с 400 хоринцев ушли с Еравнинских озер обратно в Монголию, а 300 юрт их было переселено с Еравнинских озер в Баргузинские степи. В общем в 1683 г. хоринцы жили по Итанце, в Кударинской степи, «у моря», «за морем» и в Баргузинских степях [15]. Из них на западном берегу Байкала жило 250 чел. (очевидно, трудоспособных мужчин) [16]. В 1684 г. считалось, что на западном берегу Байкала хоринцев жило 150 юрт [17]. С 1685 г. из-за столкновений с эхэритами хоринцы начинали уходить с западного на восточный берег Байкала [18]. В 1688 г. они участвовали на стороне русских в военных действиях под Селенгинском [19]. В 1689 г. под Нерчинск выходило 2060 трудоспособных мужчин хоринцев и «онкотов», но в том же году они ушли обратно в Монголию. В 1690 г. под Нерчинск на р. Уиду вышло 343 хоринца (трудоспособных мужчин). Шуленга Колбой из этих хоринцев — один из тех, кто убежал в 1682 г. (см. выше). В 1691 г. эти хоринцы были уже на Итанце [20].

В этом же году производилось расследование злоупотреблений итанцынского приказчика Фирса Потапова. Хоринцы подверглись «повальному обыску», т. е. опросу всех глав семей о действиях Потапова. Поскольку

---

[8] См.: С. А. Токарев. Расселение бурятских племен в XVII в. «Зап. Бурят-монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. I, 1939, стр. 118—119; ДАИ, т. III, стр. 69; ср. стр. 23.

[9] ДАИ, т. II, стр. 248; т. III, стр. 23.

[10] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. 1, л. 371; см. также ф. 1142, ст. 4, л. 32; Путешествие... Спафария..., стр. 149; Статейный список посольства Николая Спафария в Китай 1675—1678 гг. «Вестник археологии и истории», вып. XVII, СПб., 1906, стр. 171.

[11] ААН, ф. 21, оп. 4, ст. 28, л. 170.

[12] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. 1, лл. 89, 371—376; ф. 1142, ст. 4, лл. 1, 32—33; ф. 21, оп. 4, кн. 23, л. 325.

[13] ЦГАДА, ф. 1105, ст. 1, лл. 10—11; ф. 1142, ст. 11, лл. 26, 29.

[14] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 8, лл. 2—6; ф. 1121, ст. 23, лл. 58—59.

[15] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 13, лл. 28—30; ст. 14, л. 57; ст. 34, лл. 1—8; ф. 1121, ст. 43, лл. 144—145; ст. 71, лл. 32—35.

[16] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 19, лл. 29, 31; см. также ф. 214, ст. 355, лл. 169—170 (опубликовано С. А. Токаревым).

[17] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 15, лл. 1—2; ст. 21, л. 6; ф. 1121, ст. 60, л. 62; ДАИ, т. XI, стр. 73.

[18] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 18, л. 57; ст. 21, лл. 19—20; см. также ААН, ф. 21, оп. 4, № 29, л. 5.

[19] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 23, л. 72.

[20] ЦГАДА, ф. 214, кн. 782, лл. 315, 345 об.; ст. 1214, л. 294; ф. 1142, ст. 33, лл. 8—9; ст. 36, лл. 3—18.

злоупотребления Потанова происходили до 1691 г., то «новые выходцы», пришедшие в этом году из-под Нерчинска, не опрашивались. По этим материалам можно установить список родов и число глав семей в родах хоринцев в 1691 г.:

Род шуленги Улукея, сына его Бамбахая и Кунека Могулцока	24
Род шуленги Уртугура и брата его Кондохоя	19
Род шуленги Бадая Туракина (Галзутский)	21
Род шуленги Куйтугура	13
Род шуленги Зербая	48
Род шуленги Сагдая (Бодонгутский)	15
Род шуленги Бодороя (Харганатский)	76
Род шуленги Борцоя	10
Род шуленги Арцахая и сына его Нелтуя	42
Род Худайский Орола и шуленги Замалая	46
Род шуленги Колконцока (Кобдутский)	35
Всего	349

Из дела Фирса Потанова видно также, что хоринцы в это время жили на Уде, Курбе и по обе стороны «моря». В частности, на западном берегу Байкала находилась часть Уртугурова, Куйтугурова, Бодороева, Арцахаева и Колкопцокова родов. Кроме того, нам известно, что «за морем» бывали и роды Туракин, Борцоев, Улюкиев и Зербо с родом, так что можно утверждать, что большая часть хоринских родов кочевала по обоим берегам Байкала [21].

В 1691 г. имели место земельные споры и другие инциденты между хоринцами и селенгинскими казаками, поставившими заимки в низовьях Селенги [22]. В том же 1691 г. среди хоринцев и табунутов действовал эмиссар богдо-гэгэна («Далай Кутухты») Дамбо-гичюл (Дакбо-замчугичюл, Замчан-гичюл). В результате в 1692 г., несмотря на сопротивление большинства хоринцев, шуленги Зербо, Кутугур, Нелтуй со своими родами и Орол с родом убитого Замалая ушли с р. Уды через р. Кудун в восточную Монголию [23].

В 1693—1694 гг. хоринцы Нерчинского уезда еще упоминаются на западном берегу Байкала. В 1696 г. у хоринцев фигурируют два зайсана (Бадан и Бодорой) и девять шуленг. Кроме того, у них было 10 есаулов [24].

В 1703 г. хоринцами была подана их известная челобитная Петру I. В ней они претендовали на довольно большую территорию в Забайкалье, очевидно по своему фактическому расселению в это время, в которую входили правобережье Селенги, Кударинская степь, Итанца, Уда и, кроме того, Хилок и Темнуй, Курба, Она и Кудун и даже Еравна. Раньше их претензии не были такими широкими. В этой челобитной также указано, что в состав хоринцев влились некоторые монголы тайши Бинтухая и др. [25].

---

[21] Дело Фирса Потанова см. в ЦГАДА, ф. 1142, ст. 37, лл. 1—63.

[22] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 278, л. 55; ф. 1142, ст. 38, лл. 1—9.

[23] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1214, лл. 167—169; ф. 1142, ст. 42, лл. 3—9; ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 119 об.

[24] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 438, л. 53; ст. 328, л. 4; ст. 88, л. 99. О местожительстве хоринцев в это время см. ст. 144, лл. 62, 64, 69; ст. 435, лл. 49—50; ст. 459, л. 5; ст. 504, л. 1; ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 54—55, 57.

[25] Материалы высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для расследования и землепользования в Забайкальской области, т. V, стр. 16—19. Монголы тайши Бинтухая в 1688—1691 гг. составляли часть так называемой «Боронкошеуновщины» (см. гл. XVII).

Главной целью этой челобитной было возвращение хоринцев из Иркутского (куда их передали было в 1693 г.) в Нерчинский уезд. Эта просьба «для их иноземчества» была удовлетворена Петром I. В 1732 г. местожительство хоринцев описывается следующим образом: «А вышеописанные хоринцы кочевьями своими кочуют между Итанцынским и Яравнинским острогом по степям и по Уде и по Хилку и по Темлюю, по Кудуну и по Чикою и по Курбе речкам и Ингоды реки по вершине...» [26].

Таким образом, хоринцы в первой трети XVIII в. широко распространились на юг и восток от района своего коренного местообитания — Кударинской степи, низовьев Уды, о-ва Ольхона и западного берега Байкала.

Что касается хоринцев, ушедших в 1692 г. и ранее из пределов России, то их судьба такова. В 1727 г. они жили «за Ононом на Улзе реке» [27]. В 1730 г. 2132 юрты (2261 «боец») снова вышли из Монголии на Онон в пределы России. Среди них были хоринцы Хоацайского, Галзутского, Кобдутского и особенно много хоринцев Худаевского рода во главе с зангином Дари.

Этнический состав населения, желавшего переселиться в Россию в 1730 г., был следующим:

	Юрт	Бойцов
Монголы	1011	1092
Хоринцы	992	1010
Уляты (тунгусы?)	82	97
Неизвестная этническая принадлежность	47	62
Всего	2132	2261

Из всех этих выходцев 1443 юрты были высланы в Монголию в том же 1730 г. «в разных месяцах и числах», а остальные 698 юрт были выселены в Монголию в 1731 г. «движением на них войск», т. е. нерчинских служилых людей и тунгусов.

В 1732 и 1734 гг. эти зарубежные хоринцы, а также некоторые группы монголов опять пытались перейти в Россию, но снова были высланы обратно [28]. В 1735 г. эти хоринцы (роды Галзут, Хоацай, Халбин, Улят и Худай с зангином Дари, см. выше) и хоринцы из бассейна Удзе-гол (княжества Сан-бэйсэ) и переселились в низовья Кэрулэна, Хайлара, Халхингола и здесь были включены в маньчжурскую знаменную организацию под названием «новых баргутов» [29]. Следовательно, «новые баргуты» Хулунбуира — это в основном те же хоринцы, поселившиеся в том же районе, где их в 1675 г. видел Спафарий (называвший их баргутами).

Мы видим, что история хоринцев довольно сложна и что позднейшие хоринцы, оставшиеся в России, представляют результат ряда обратных вселений из восточной Монголии, с которыми чередовались и новые выселения.

Выше указывалось, что первоначальной территорией хоринцев явились оба берега Байкала, о-в Ольхон, Кударинская степь, бассейн Итанцы и правобережье Селенги. Несомненно, что именно их имели в виду русские в конце первой половины XVII в. под названием «больших братских людей», живших на правом берегу в низовьях Селенги.

На востоке хоринцы жили, видимо, также и в районе Яравнинских озер, где, со слов тунгусов, в 40-х годах XVII в. встречались «дауры»,

---

[26] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь VII, л. 97.
[27] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, л. 96.
[28] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь VII, лл. 65—66.
[29] См. А. Баранов. Барга. Харбин, 1912.

являвшиеся, по нашему предположению, теми же хоринцами. Как известно, тунгусы называли даурами предков бурят [30]. Видимо, лишь после ухода хоринцев в восточную Монголию район Еравнинских озер был занят тунгусами разных родов. Такого смешения родов у тунгусов, как на Еравне, не наблюдалось нигде в Забайкалье. Очевидно, это явление — результат недавней эмиграции на освободившуюся после ухода хоринцев территорию.

Во второй половине XVII в. до 40% хоринцев обычно оставалось в пределах Монголии. Следовательно, в первой половине XVII в. хоринцев на их основной территории было больше, и совершенно естественно, что их территория тогда была шире.

Первый полный список родов хоринцев имеется лишь от 1732 г. Собственно говоря, он, очевидно, восходит к более раннему времени, к 1-й ревизии 1723 г., но точных данных об его происхождении у нас нет. Приводим этот список родов с указанием их численности в табл. 111.

Таблица 111

Численность ясачных хоринцев по родам в 1723 г.

Род	Название по-русски		Плательщиков ясака
	1-й вариант	2-й вариант	
Халхут	Халхуцкий	Галзоцкий	163
Харгана	Караганацкий	Караганацкий	320
Бодонгут	Бодонгуцкий	Бодонгуцкий	99
Кубдут	Кобдуцкий	Кобдуцкий	258
Киасей	Коацейский	Коацайский	240
Батонай	Батонацкий	Батанацкий	84
Чараит	Шараицкий	Шараицкий	144
Худай	Кудаевский	Кудаевский	177
Цахан	Цаганаруцкий	Цаганоруцкий	99
Халбин	Колбинский	Калбинский	79
Гучит	Гучитцкий	Гучицкий	79
—	Желтуцкий	Мунгальский	9
		Всего	1751

Из них собственно хоринцами считались первые 10 родов, т. е. 1663 плательщика ясака. Род Гучит — это, видимо, кучидские тунгусы (см. гл. XVII), которых в начале XVIII в. приписали к Итанцынскому острогу, а Желтуцкий и «Мунгальский» роды — несколько юрт нерчинских тунгусов Желтоцкого рода и каких-то монголов, тоже приписанных к этому острогу.

Во всяком случае в материалах Миллера прямо сказано, что только первые 10 родов составляют особое объединение и называют себя одним общим именем хори или хорин [31].

Некоторые из этих названий родов упоминались и в XVII в. — Худай, Карганат, Кубдут. В 1703 г. упоминался, кроме того, Бодонгут. Среди хоринцев, вошедших затем в состав населения Хулунбуира, отмечены выше роды Худай, Халбин, Галзут, Кубдут и Хоацай. Таким образом, по

[30] См.: «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XVII, 1953, стр. 30—31.

[31] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 2, л. 66 об.; № 481, тетрадь 7, лл. 96 об., 97.

крайней мере эти пять родов разделились. Часть их вошла в состав современных бурят, часть — современных баргутов.

Главными родами хоринцев, возглавлявшими две половины их племени, считались Галзут и Карганат. Группа родов, возглавляемая родом Галзут, в 1728 г. жила по р. Уде и ее притокам Оне и Кудуну. Группа родов, возглавлявшаяся родом Карганат (Харгана), жила в 1723 г. по низовьям Хилка и его притоку Темнуй, или Тюнгню [32].

По позднейшим данным Г. Н. Потанина, род Галзут возглавлял роды Хоацай, Кубдут, Шарант (и Гучит), а род Харганат — роды Худай, Бодонгут, Халбин, Цаган, Батанай [33].

В 1728 г. каждая из этих двух групп хоринских родов избрала даже отдельных тайшей, галзутская группа — Еринцея, харганатская — Олбори. Это разделение хоринцев на две части может быть связано с их разделением в XVII в. на собственно хоринцев и батулинцев или с древним фратриальным делением.

К сожалению, сейчас у нас нет еще данных для того, чтобы отождествить все роды хоринцев XVIII—XIX вв. с их родами, известными нам в XVII в. по именам возглавлявших их шуленг. Сейчас можно высказать только предположение, что в общем роды в XVII в. соответствовали позднейшим родам. Надо только иметь в виду, что большие роды могли и в XVII в. состоять из нескольких улусов, кочевавших раздельно и возглавлявшихся отдельными шуленгами. Наличие одинаковых родовых названий у хоринцев в пределах России и у хоринцев, ушедших в Баргу (Кулунбуир), подтверждают эту точку зрения.

О численности хоринцев в пределах России у нас есть полные данные лишь с 1712 г. В этом году считалось, что окладных хоринцев — 598 чел., неокладных — 286 чел. и новокрещенных — 10 чел., т. е. всего 894 трудоспособных мужчин [34]. Но в эти цифры, видимо, не вошли холопы, да и не все холостые платили тогда ясак. Поэтому общее количество хоринцев в России в 1712 г. можно определить в 6 тыс. человек (см. ниже).

В 1732 г. хоринцев, плативших ясак, было 1751 (всего около 8,7 тыс. чел. населения). Численность хоринцев возросла, видимо, не только в результате естественного прироста, но и вследствие включения в их состав различных выходцев — табунутов, монголов и тунгусов («Гучитский» и «Желтоцкий» роды). Как мы знаем, в 1730 г. еще 992 юрты хоринцев хотели вернуться в Россию. 992 юрты должны составлять примерно 5 тыс. чел. населения. Таким образом, в 1730—1732 гг. всего было около 13,7 тыс. хоринцев, из которых 63% были подданными Российской империи, а 37% — подданными Китая.

Попытаемся установить численность хоринцев и в XVII в.

У нас имеются данные о платеже ясака хоринцами за ряд лет с 1681 по 1712 г. Во всех них, кроме данных за 1712 г., приведены только количества уплаченного ясака, но не указано количество плательщиков. Это произошло потому, что хоринцы считались населением неустойчивым, пограничным и поэтому платили ясак без оклада, «чтобы им тягости небыло» [35]. В оклад хоринцы были положены лишь в начале XVIII в. Далее в 1712 г. две трети хоринцев платили по окладу, треть (видимо, учтенные холостые) — еще без оклада. Судя по данным за этот год, оклад составлял одного соболя в год с плательщика ясака. Неокладные плательщики ясака в 1712 г. заплатили примерно из расчета одного соболя с трех человек.

---

[32] ЦГАДА, № 526, ч. II, тетрадь 2, л. 67.

[33] «Зап. Восточно-Сибирского геогр. о-ва по отд. этнографии», т. I, вып. 1, Иркутск, 1889, стр. 153.

[34] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1520, лл. 6—14.

[35] Там же, кн. 782, л. 204 об.

Как нам известно, в 1690 г. у вышедших под Нерчинск хоринцев оказалось 343 мужчины. Из них ударили челом, т. е. заплатили ясак 173 (очевидно, женатых), отдав 16 лошадей, 55 голов рогатого скота и четырех верблюдов. Стоимость всего этого скота ранялась примерно 180—190 соболям, т. е. выходцы заплатили, исходя из того же расчета — соболь с трудоспособного женатого мужчины. Шуленги, видимо, заплатили немного больше, чтобы расположить к себе русские власти при своем выходе из-за рубежа.

Можно считать, что если мы сможем определить стоимость уплаченного хоринцами за каждый год ясака в соболях, то установим численность половины трудоспособных мужчин. Отсюда уже легко определить общее количество трудоспособных мужчин и затем численность всего населения.

Половину трудоспособных мужчин, не плативших в XVII в. ясака, составляли, во-первых, «холопы» (в том числе, вероятно, и зависимые бедняки), а во-вторых,— холостые трудоспособные мужчины. В деле о Фирсе Потапове прямо указывается в некоторых случаях, что такой-то хоринец не платил ясака в такое то время потому, что был тогда еще холост.

Хоринцы платили ясак не только соболями, но и лисицами, росомахами, рысями, а главным образом лошадьми и рогатым скотом. Необходимо условиться о коэффициенте перевода всех этих ценностей в соболи.

Мы не можем полностью принять оценок того времени, так как они колебались.

Примем следующие коэффициенты перевода в соболи: лисица — $^1/_2$ соболя, росомаха — $^1/_2$ соболя, рысь — 1 соболь, лошадь — 2,5 соболя, одна голова крупного рогатого скота — 2,5 соболя, 1 руб. денег — $^1/_2$ соболя, 100 белок — 1 соболь.

В табл. 112 дан перевод фактически уплаченного хоринцами ясака на соболи.

Таблица 112

Количество ясака, плативнегося хоринцами в период с 1681 по 1712 гг. [36]

Год сбора	Соболей	Лисиц	Рысей	Росомах	Лошадей	Крупного рогатого скота	Прочего на сумму	Денег	Всего в переводе на соболи
1681	48	31	2	—	9	44	—	—	198
1684	47	40	3	—	15	68	—	—	276
1685	26	20	1	—	22	101	—	—	314
1686	50	39	—	—	17	90	—	—	327
1687	12	16	2	—	25	107	—	—	353
1692	76	217	38	—	—	—	—	—	222
1697	100	37	47	—	6	58	—	—	325
1699	73	146	41	—	3	89	—	—	417
1700	84	105	43	—	—	103	—	—	477
1712	3	211	30	30	8	1	4 р. 31 к.	826 р. 25 к.	610 с 598 чел. окладных
1712	—	2	—	1	—	—	—	183 р. 95 к.	94 с 296 чел. неокладных
1712	—	—	—	—	—	—	—	4 р. 50 к.	2,25 с 10 чел. новокрещенных

[36] Эта таблица составлена по следующим источникам: ЦГАДА, ф. 214, кн. 782, лл. 104 об., 245; кн. 1221, л. 9; кн. 1272, л. 101 об.; ф. 1121, ст. 71, л. 335; ст. 283, л. 83; ф. 1142, ст. 4, л. 10; ст. 19, л. 32; ст. 65, л. 16, кн. 1520, лл. 6—14 об.

К данным за 1712 г. надо сделать следующие замечания. По нашим коэффициентам окладный сбор 1712 г. соответствует 610 соболям, сами ясачные сборщики определили его в 594,5 соболей. Недобор у новокрещенных объясняется тем, что один из них до ясачного сбора сбежал.

На 1691 г. мы определили количество трудоспособных свободных женатых хоринцев по вышеупоминавшемуся делу Фирса Потапова (см. выше) в 349 чел. Эта цифра близка к цифре 1687 г. данной таблицы (353). Эти две цифры, полученные разными способами, подтверждают друг друга.

Уменьшение количества лиц, плативших ясак в 1692 г., связано вероятно, с известным нам событием — бегством части хоринцев во главе с Зербо. Первые годы после возвращения хоринцев в Россию ясак с них, видимо, собирался не полностью. В общем можно считать, что в 1687—1691 гг. хоринцев было в России: $353 \times 2 \times 5 = 3530$ чел. С Зербо ушло в 1692 г.: $134 \times 2 \times 5 = 1340$ чел. В 1690 г. новых выходцев пришло: $343 \times 5 = 1715$ чел. Таким образом, несмотря на уход Зербо, хоринцев в России в 1692 г. должно было быть: $3530 - 1340 + 1715 = 3905$ чел.

В 1700 г. хоринцев в России, видимо, было $447 \times 2 \times 5 = 4270$ чел. В 1712 г., как мы уже указывали, хоринцев было: $598 \times 2 \times 5 = 5980$ чел. Округляя все эти цифры, можно получить следующий ряд изменений численности хоринцев в России в конце XVII и в начале XVIII в.: 1687 г.— 3500 чел., 1692 г.— 4 тыс. чел., 1700 г.— 4300 чел., 1712—5 тыс. чел., 1732 г. (1723 ?) — 8700 чел.[37]. Сколько было всех хоринцев в 40-х годах XVII в., когда они впервые встретились с русскими, сказать трудно. Но поскольку их называли «большими братскими людьми», надо думать, что их было немало, вероятно около 6 тыс. чел.

II

Как мы уже указывали выше, тунгусы Нерчинского уезда состояли из трех групп. Первую составляли платившие ясак непосредственно в Нерчинский острог, вторую — в Телембинский острог и в подчиненные последнему Ерашинский острог и Акиминское зимовье, третью — в Аргунский острог. По состоянию материалов нам удобнее рассмотреть первые две группы совместно, а третью отдельно. Предварительно в табл. 113 (стр. 336—337) приведем имеющиеся у нас статистические материалы о родовом составе всех трех групп.

Видимо, в 1654 г. П. Бекетов собрал ясак далеко не со всего населения будущего Нерчинского уезда. За основу при определении численности родов тунгусского населения Нерчинского уезда лучше взять данные 1689 г. Данные 1697 г. тоже преуменьшают численность нерчинских тунгусов. Здесь сказались гибель некоторых тунгусов при осаде Албазина и в боях с табунутами, а также эпидемии и пр. К 1700 г. положение восстановилось, но еще не полностью. Поэтому данные 1689 г. надо считать наиболее близкими к действительности для всех групп, за исключением намясинцев. Не вдаваясь в комментирование всех изменений в численности отдельных родов, обратим внимание на резкое увеличение численности намясинцев — в шесть раз. Это, конечно, нельзя объяснить естественным приростом. Очевидно, в XVII в. платили ясак далеко не все намясинцы. Мы знаем, что Спафарий определял численность трудоспособных мужчин-

[37] В 1765 г. считалось, что хоринцев мужского пола — 15955 душ (ЦГАДА, ф. 24, № 70, л. 28). Это, вероятно, данные третьей ревизии, т. е. 1763 г. Всего хоринцев тогда было, очевидно, несколько менее 32 тыс. Около 1787 г. считалось, что хоринцев мужск. пола 16058 чел., т. е. всего несколько более 32 тыс. чел. Это, видимо, данные четвертой ревизии, 1783 г. (см. Б-ка им. Ленина, Отдел рукописей, ф. Иностранный, № 1793).

намясинцев в 200 чел. Он скорее преуменьшил численность намясинцев, чем преувеличил ее.

При определении общего количества тунгусского населения можно для конных тунгусов применять тот же коэффициент, который применялся нами в отношении бурят, т. е. 5, а для оленных тунгусов, как и для других малых народов севера,— 4.

У нас нет данных о родовом составе и численности родов нерчинских тунгусов за другие годы XVII в., помимо указанных в табл. 113, но мы имеем возможность привести ряд цифр об общей численности плательщиков ясака у тунгусов Нерчинского уезда [38].

	1686 г.	1687 г.	1689 г.	1690 г.	1697 г.	1700 г.	1712 г.
Нерчинские (с аргунскими)	783	826	795	788	600	688	1278
Телембинские	357	408	376	361	340	388	
Всего	1140	1234	1171	1149	940	1076	1278

Из этих цифр видно, что данные за 1689 г. довольно типичны и, если не считать намясинцев, скорее преуменьшают численность нерчинских тунгусов, чем преувеличивают ее.

В табл. 113 необходимо различать основные роды и небольшие случайные группы. К последним относятся «табунутские мужики» — небольшая группа табунутов, платившая ясак в Еравнинском остроге.

Чемчагиры, как видно из таблицы, вначале платили ясак России. Но затем они «своровали» и жили вместе с «харанутами» и попкинами в верховьях Чикоя. В XVIII в. чемчагиры стали снова русскими подданными. Всей этой группы тунгусов, живших в верховьях Чикоя, Опона и Иро, мы коснемся ниже. Те немногие чемчагиры, которые все время оставались подданными России, платили ясак вместе с Челкагирским родом и состояли в списках последнего. Екокогиры представляют, видимо, отдельных баргузинских якутиров (см. гл. XVII), живших среди нерчинских тунгусов. Они были в 1689 г. записаны в списке нерчинских баликагиров и телембинских шулинцев. Роды Улят и Желтот также представляли небольшие группы выходцев из Монголии. Уляты присоединились первоначально к баягирам, а желтоты — к челкагирам [39]. Впоследствии, в XVIII в., род Улят разросся и пополнился новыми выходцами.

«Кучилицкий» род, плативший ясак в Нерчинск непосредственно, представляет, видимо, кучидских тунгусов, «Украинского» рода, перешедших из Иркутского уезда в Нерчинский. Более правильное название «Украинского» рода — Вакасильский, Вакарельский. Поэтому мы объединяем данные от «кучилитских» тунгусах с данными о тунгусах «Украинского» рода и даем их под названием последнего.

Дошедшие до нас именные списки ясачных тунгусов Аргунского острога даны вместе со списками тунгусов, плативших ясак непосредственно в Нерчинский острог. Поэтому аргунские тунгусы отделены нами от собственно нерчинских на основании данных, из которых можно определить, какие родовые группы составляли население, находившееся в ведении непосредственно Нерчинска и какие — Аргунского острога.

В наших материалах в конце списков тунгусских родов, плативших в 1689, в 1697 и в 1700 гг. ясак в Нерчинский острог, имеется список под заглавием: «Разных родов вышедших из Китая». К части имен этих

[38] За 1689, 1697 и 1700 гг. использованы данные предыдущей таблицы, представляющие результат подсчета по именным спискам тунгусов, хотя имеются за эти же годы другие суммарные цифры, немного отличающиеся от этих, содержащихся в тех же книгах, но на других листах (кн. 782, л. 330, 344—345; кн. 1221, л. 6; кн. 1272, лл. 93—94). За 1686 и 1687 гг. взяты данные из ЦГАДА, ф. 214, кн. 782, лл. 197—199 и 241; за 1712 г. кн. 1520, л. 12.

[39] Возможно, что желтоты (дзалтоты) представляли род намясинцев.

Род	1654 г.		1689 г.		
	Шилкские	Иргенские	Нерчинские	Телембинские	Аргунские
Баягир	24	—	149	52[41]	5
Улят	—	—	7	—	—
Дуликагир	97	—	114[44]	—	28
Колтагир	27	—	62	—	6
Почегор: Конные	18	10	83	66	—
Почегор: Оленные			7	52	—
Луникир	11	—	85	122	—
«Украинский»: Конные	—	—	—5	27	—
«Украинский»: Оленные	—	—	—	6	—
Шунинский	12	5	64	40	—
Кайзойский	—	—	—	11	—
Баликагир	25	—	50[51]	—	—
Намясницы	27	—	—	—	68
Челкагир[54]	17	—	51[55]	—	—
Желтотский	—	—		—	—
Чемамагир	—	14	—	—	—
Екокогир	—	4	—	—	—
Неизвестный	—	—	—	—	11
Табунуты	—	—	—	—	—
Чемчагиры	—	—	—	—	—
Сартот	—	—	—	—	—
Одзон (Узон)	—	—	—	—	—
Гуновский	—	—	—	—	—
Итого	258	33	677	376	118
Всего	291		1171		
Собрано ясака в переводе на соболей	554		1146		

[40] Эта таблица составлена по данным ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, лл. 324—328; ЦГАДА, ф. 214, кн. 782, лл. 349 об., 390; кн. 1221, лл. 19—35; кн. 1272, лл. 127—141; ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 2, лл. 64 об.— 67.

[41] В том числе один каранут, один колтагир, один почегор и несколько баликагиров. Этот род дан двумя списками: 31 чел. и 21 чел.

[42] В том числе два каранута, один колтагир и несколько баликагиров.

[43] В том числе телембинских 13 и еравнинских 23.

[44] Кроме того, 11 дуликагиров было освобождено от ясака, так как они были поверстаны в казачью службу.

[45] В том числе 28 чел. Дуларского рода и 60 дуликагиров.

[46] Почегоры и «Увакасильский род».

[47] В том числе телембинских 61, еравнинских 24.

Таблица 113

тунгусов по родам[40]

1697 г.			1700 г.			1732 г.		
Нерчинские	Телембинские	Аргунские	Нерчинские	Телембинские	Аргунские	Нерчинские	Телембинские	Аргунские
118	49 [42]	4	111	36	4	167	36 [43]	49
9	—	—	14	—	—	53	—	—
103 [44]	—	13	98 [44]	—	12	149	—	88 [45]
54	—	7	53	—	7	39	—	10
83	68	—	87	61	—	137 [46]	85 [47]	—
—	51	—	—	70	—			
59	84	—	83	85	—	116	59 [48]	—
5	30	—	6	46	—	—	18	—
—	8	—	—		—	—		—
34	33	—	46	36	—	12 [49]	37 [50]	—
—	10	—	—	9	—	—	15	—
26	—	—	44	31 (?)	—	42	—	—
—	—	40	—	—	56	162 [52]	—	243 [53]
30 [56]	—	—	56	—	—	71	—	—
4	—	—		—	—	10	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	11	—	—	12	—	—	—
—	7	—	—	14 [57]	2	—	23 [58]	—
—	—	—	—	—	—	37	—	—
—	—	—	—	—	—	48	—	—
—	—	—	—	—	—	90	—	—
—	—	—	—	—	—	57	—	—
525	340	75	598	388	93	1190	273	390
940			1077			1853		
св. нет			1193			св. нет		

[48] В том числе телембинских 49, еравнинских 10.
[49] Кучелицкий и Шунинский роды.
[50] В том числе телембинских 31, еравнинских 6.
[51] В том числе один екокогир, один челкагир и один одурнут.
[52] В том числе собственно намятов 96, долотов 66.
[53] В том числе намятов 108, конуров 75, долотов 60.
[54] «Ижевцева роду челкагирцы».
[55] В том числе три человека Чемамагирского роду.
[56] В том числе один чемамагир.
[57] В том числе один человек Улятского рода.
[58] В том числе восемь телембинских «Мунгальского роду», 15 еравнинских табунут.

тунгусов есть приписки об их родовой принадлежности. В 1689 г. среди этих выходцев было шесть колтагиров, пять баягиров, один дуликагир. К 11 именам приписок о родовой принадлежности нет. Мы этих тунгусов поэтому помещаем отдельно.

Необходимо оговорить также следующее. В материалах за 1689 г. к списку тунгусов Намясинского рода есть приписка о том, что они уже несколько лет не платят ясака, так как ушли в Монголию еще до приезда воеводы Власова. Но в дальнейшем намясинцы снова появляются среди плательщиков ясака Нерчинского уезда, и поэтому в табл. 113 мы их показываем и за 1689 г.

Роды нерчинских тунгусов состояли из улусов. Так, род Баягир Нерчинского острога состоял из улусов князца Дыдоки и Жектонова улуса. При этом в Жектонов улус входил и Улятский род князца Чечека. Отдельный улус образовали тунгусы Баягирского рода, платившие ясак в Телембинский острог.

Основными тунгусскими родоплеменными группами Нерчинского и Телембинского (с Еравнинским) острогов являлись роды Дуликагир, Баягир, Колтагир, Почегор (конные и оленные), Луникир, Вакасиль («Украинский»), Шупинский, Баликагир и Челкагир. Маленькие роды — Улят, Желтот, Кайзойский — жили среди вышеперечисленных родов, и определение их местожительства зависит от установления местожительства последних.

В основном мы устанавливаем расселение родов по данным XVII в., по некоторым, большей частью отрывочным, указаниям о местожительстве отдельных людей, принадлежащих к тому или иному роду. Но, кроме этих данных, мы привлекли еще два источника.

Одним из них являются рукописные материалы Миллера, содержащие данные о расселении нерчинских тунгусов. При этом у Миллера оказалось два описания расселения и родового состава нерчинских тунгусов. Одно из них, на русском языке, было, очевидно, представлено Миллеру Нерчинской воеводской канцелярией [59]. Другое, на немецком языке, представляет, видимо, сводку данных, собранных самим Миллером [60].

Оба эти описания взаимно дополняют друг друга. Цифры в них, относящиеся к 1732 г., одинаковые. При использовании этих данных надо лишь учитывать, что здесь расселение тунгусских родов описывается уже таким, каким оно стало после проведения границы по договору 1727 г., в результате которого многие нерчинские тунгусские роды частично распространились на юг, на приобретенную Россией территорию. Поэтому для той территории, которая входила в состав России в 1680-х годах, эти данные можно использовать полностью, а в отношении вновь приобретенных территорий они не всегда пригодны. Кроме того, надо иметь в виду, что по договору 1689 г. часть русских владений по правому берегу Аргуни отошла к Китаю. Здесь данные Миллера, конечно, ничем не могут помочь. Но это относится главным образом к родам, платившим ясак в Аргунский острог (см. ниже).

Наконец, нашим источником являются и данные XIX в. по землепользованию тунгусов Забайкалья, содержащихся в 1-м томе «Материалов высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области» [61]. Этими данными вполне можно пользоваться, хотя и с некоторыми оговорками. Особенно много эти материалы дают для той части территории Нерчинского уезда, которая входила в русские пределы еще до 1727 г., в частности, в 1680-х годах.

---

[59] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь 7, лл. 91—96.
[60] Там же, № 526, ч. II, тетрадь 2, лл. 64—66.
[61] Т. 1, СПб., 1898.

Прежде чем приводить данные о расселении родов нерчинских тунгусов, извлеченные из всех этих источников, следует остановиться на общих границах Нерчинского уезда без территории хоринцев (см. выше) до 1689 г., года заключения Нерчинского договора.

Дело обстояло в 80-х годах XVII в. следующим образом. Владения России тогда частично распространялись за границы, установленные впоследствии Нерчинским и Буринским (Кяхтинским) договорами, частично же не достигали их. Так, России принадлежала значительная территория по правому берегу Аргуни до р. Хайлара на юге. Восточной границей с Маньчжурией считался хребет Большой Хинган. На юге во владения России не входили истоки Газимура, низовья Унды и почти вся территория современного Агинского Бурятского национального округа [62].

Первым в списке родов нерчинских тунгусов обычно стоит Баягирский род, хотя возглавлявшие почти всех нерчинских тунгусов князья Гантимуровы принадлежали к другому, Дуликагирскому роду. Род Баягир был самым большим родом нерчинских тунгусов. Жили баягиры двумя группами: одна, бóльшая, находилась в ведении Нерчинского острога, другая, меньшая,— в ведении Телембинского острога, близ Еравнинского острога. Обе группы считали себя одним родом. В 1685 г. телембинские баягиры и шунинцы считали, что они должны платить не по пять, а по три соболя с человека в год, «потому что в Нерчинском лутчей де наш шуленга платит издавна со всего роду ясак по три соболя» [63]. Таким образом, считали себя одним родом не только баягиры Нерчинского и Телембинского острогов, но даже шунинцы. Под лучшим шуленгой имеется в виду Дыдока, возглавлявший нерчинских баягиров.

В XVII — начале XVIII в. нерчинские баягиры жили в районе самого Нерчинска, преимущественно к югу от Шилки, а также по рекам Куренге, Газимуру, Унде и к северу от Шилки на территории дуликагиров «по Куенге и Алеуру». Охотиться эти баягиры вместе с дуликагирами ходили в верховья Олекмы и Тунгира [64]. По ряду соображений мы включаем в территорию баягиров и р. Урюмкан.

К 1897 г. баягиры из вышеочерченного района переселились в бассейн Онона, в верховья Борзи, Урулюнгуя и к самым истокам Газимура. Среди русских крестьян и переселившихся на Газимур и Куренгу позже тунгусов-дуликатиров только в верховья Куренги и в сел. Усть-Начинском на среднем течении Газимура осталось небольшое количество баягиров.

Относительно расселения той части баягиров, которые находились в ведении Телембинского острога, имеются довольно скудные данные. Миллер описывает расселение еравнинских тунгусов только в целом, не выделяя баягиров и другие роды [65]. Он указывает, что еравнинские тунгусы жили от озера Еравна и Чамшин (?) до Витима на севере и у озер Ирген и Шакша на юге. Группу баягиров Миллер отмечает также и на ручье Кручина, впадающего в Ингоду.

В 1672 г., по сообщению нерчинского приказчика Данилы Аршинского, табунуты побили под Иргенским острогом ясачных баягиров «с женами и детми» человек 40 [66]. Телембинские баягиры занимали полосу земли от района оз. Иргень на юго-запад по Хилку до водораздела с Чикоем [67]. На самом Чикое баягиры тоже бывали, однако уже на чужой территории

---

[62] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 23, л. 156; ст. 26, л. 67; ст. 27, л. 1; ст. 32, лл. 10, 18; ст. 55, лл. 52—54.

[63] Там же, ст. 21, л. 1.

[64] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 2, л. 64 об., № 481, тетрадь 7, л. 91. См. также ф. 1142, ст. 12, лл. 69—70, 121; ф. 21, оп. 4, № 29, л. 125.

[65] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь 7, лл. 95—96; № 526, ч. II, тетрадь 2, л. 66.

[66] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. II, л. 289.

[67] ЦГАДА, ф. 1121, № 503, лл. 2—3, 5; ф. 1142, ст. 52, лл. 2—4.

(см. ниже). Но и на Иргене и на верхнем Хилке баягиры не были единственными обитателями.

Мы уже указывали выше, что в район Еравны переселилось (после ухода около 1651 г. хоринцев) много тунгусов разных родов. Можно считать, что коренной территорией баягиров были земли по правому берегу Шилки ниже Нерчинска и по Газимуру. Здесь же на западе, у оз. Иргень и в верховьях Хилка, баягиры были сравнительно недавними переселенцами и кочевали по чужой территории. Это были главным образом территории Шунинского рода, а также область, принадлежавшая раньше челкагирам и хоринцам. Поэтому на карте здесь мы баягиров особо не показываем.

Вместе с нерчинскими баягирами в ясачных книгах числится небольшой род Улят. В 1682 г. глава этого рода Чечек с сородичами стоял на Шилке ниже Нерчинска. Тут же стояли тунгусы Дуликагирского рода [68]. Впоследствии род Улят разросся и кочевал уже в степях по Онону, в районе устьев Борзи и Турги [69], там же, где жили его потомки в 1897 г. Из-за малочисленности этого рода в 1689—1697 гг. мы его на карте не выделяем.

Первым сообщением о расселении Дуликагирского рода надо считать известие о том, что в 1649 г. в Тунгирском зимовье на Олекме аманат Арчеул рассказал о людях «лелюлях», которые живут вверх по «Шилке» в полдня езды на коне от того места, куда вышел служилый человек Ларион Барабанщик. Так как, по всей вероятности, Барабанщик вышел на Амур по р. Амазару, то можно считать, что территория «лелюлей» расположена к западу от места слияния Шилки и Аргуни [70].

Название «лелюли» — очевидно, искаженное племенное название конных нерчинских тунгусов нелюдов или «нелюлей». В. И. Огородников, по нашему мнению, ошибается, относя название «лелюли» к торгачинам, якобы жившим на Аргуни [71].

Поскольку недюлями, земли которых подходили к слиянию Шилки и Аргуни, были дуликагиры и баягиры, то рассказ Арчеула относится в первую очередь к ним, особенно дуликагирам, которых иногда называли Нелюдским родом.

В 1656 г. беглые енисейские казаки «Филька Полетай с товарищи... ниже Нерчи усть Куенги реки... ясачных нелюдских гантимуровских людей погромили» [72]. Поэтому в том же 1656 г. Гантимур перекочевал поближе к Шилскому острогу на р. Нерчу [73].

В 1659 г. Афанасий Пашков писал, что место для Нерчинского острога он нашел на устье р. Нерчи «в нелюцкой и тунгусской землях» [74].

Для конца XVII в. имеются и другие указания о том, что дуликагиры жили на Шилке в устьях рек Бот, Куенги, Нерчи и на Курлыче [75].

Миллер в качестве территории дуликагиров указывает приток Куенги р. Олов, а Нерчинская канцелярия сообщала, что они кочуют по Нерче, Шилке, Куенге и Алеуру. Правда оба эти источника называют дуликагирскими территориями, примыкающими к рекам Турге, Унде, Урову и Газимуру [76]. Но надо иметь в виду, что распространение дуликагиров на Тур-

---

[68] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 11, лл. 81—87.
[69] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь 7, л. 92.
[70] ДАИ, т. 3, стр. 173—174.
[71] См.: Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927, стр. 13.
[72] ЦГАДА, ф. 214, ст. 508, л. 338.
[73] Там же, л. 342.
[74] Там же, л. 326.
[75] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 11, лл. 103, 111; ст. 21, л. 5; ст. 23, лл. 78—80; ст. 28, л. 29; ст. 57, л. 41; ф. 21, оп. 4, № 28, л. 117; см. также ф. 1121, ст. 486, лл. 120—121.
[76] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь 7, л. 91; № 526, ч. II, тетрадь 2, л. 64 об.

гу, Уиду и Газимур связано с упоминавшимся выше расширением русских пределов по договору 1727 г. А на р. Урове жили дуликагиры, платившие ясак в Аргунский острог.

При установлении расселения дуликагиров по данным 1897 г. надо учитывать также, что часть их образовала новые административные единицы — роды Неропов и Суханов. Кроме того, надо принять во внимание, что князья Гантимуровы и их ближайшее окружение в XVIII—XIX вв. поселились к западу от Нерчи в бассейнах рек Урулги и Кии, где они в XVII в. не жили. Как мы указывали, часть дуликагиров поселилась также на баягирской территории, на Куренге и на Газимуре.

Если отбросить все эти районы, заселенные дуликагирами после XVII в., то по данным 1897 г. можно выявить их основную территорию в пределах Оловской управы к востоку от Нерчи и по левому берегу Шилки в бассейнах Куенги, Курлыча и их охотничьи территории по р. Черной и ее бассейну. По данным Нерчинской приказной избы, дуликагиры ходили промышлять на Олекму и Тунгир. Но, по этим же данным, туда заходили для охоты и другие конные тунгусы Баягирского и Улятского родов. Кроме того, там кочевали и олепные тунгусы, и поэтому эту территорию мы не показываем как дуликагирскую.

О территории Колтагирского рода в материалах Миллера и Нерчинской канцелярии содержатся очень скудные сведения, указывается лишь, что кочует он по рекам Ингоде и Нерче. Данные 1897 г. также указывают на Нерчу и левобережье Шилки ниже устья Талачи как на территорию этого рода.

За XVII в. у нас имеются материалы, которые, полностью согласуясь с данными Миллера начала XVIII в. и данными 1897 г., в качестве местожительства колтагиров указывают на район по Шилке в Ингоде к западу от Нерчи и на связь колтагиров с дуликагирами и баягирами [77].

Переходим к Почегорскому роду. Это единственный из больших родов нерчинских тунгусов, часть членов которого в наших источниках, даже в списках выделяется в качестве оленеводов.

Среди почегоров отмечаются следующие группы: конные, почегоры, платившие ясак непосредственно в Нерчинск, конные почегоры, платившие ясак в Телембу, телембинские оленные почегоры, платившие ясак в Акиминское зимовье, конные и оленные почегоры, платившие ясак в Еравнинский острог.

По Миллеру, нерчинские почегоры жили по Нерче, телембинские — близ острога на оз. Телемба, еравнинские — вместе с баягирами и другими родами (см. выше) от озера Еравна и Чампи до Витима на севере и у озер Шакша и Иргень на юге. По данным Нерчинской воеводской канцелярии, нерчинские почегоры кочевали по рекам Ингоде и Нерче, телембинские — вместе с другими родами — по Чите, Конде, Кручине, Оленгую, а во время промысла — также по Витиму и Каренге. Еравнинские почегоры, по этим же данным, вместе с другими родами кочевали около Еравнинских озер и Витима [78].

Привлекая данные 1897 г., мы должны учитывать, что часть почегоров в XIX в. называлась Мальцевским родом, а оленные почегоры — Бультегирским родом ороченов.

В 1897 г. почегоры жили на Нерче в районе Зюльзи, в бассейнах Торги, Кии, в верховьях Читы, в населенных пунктах Байцатуй, Карымском, Илиме, Олекане, Старом Олове, Торгакане, Зюльзинском и др. Бультегир-

---

[77] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 18, лл. 41—43; ст. 23, л. 143; ст. 28, л. 28; ст. 32, л. 4; ст. 30, л. 24; ст. 265, л. 11.

[78] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь 7, л. 93; № 526, ч. II, тетрадь 2, л. 65.

ский род кочевал в 1897 г. по рекам Нерче, Нерчугану, Каренге и Амалату[79].

В XVII в. почегоры кочевали между Кучидским и Иргенским острогами, на Нерче у устья Торги, в низовьях Конды, в верховьях Читы, под Телембинским острогом, на притоках Витима Аю и Джидочу, на р. Ульдурге, у Акимы, иногда на Урульге. Вместе с баягирами они ходили и на Чикойские и Хилокские хребты. Из одного указа 1774 г. видно, что земли почегоров были расположены по Нерче (между Нерчуганом и Алеканом) и по рекам Торге, Торгокону, Дарасуну, Чаракчину, Кие и Киекану[80].

В общем территория почегоров на основании всех вышеприведенных данных выявляется довольно определенно (см. карту).

Мы считаем, что распространение почегоров на Еравну и Иргень тоже связано с уходом хоринцев. Что касается охоты оленных почегоров на Чикое, то это связано, видимо, с истреблением соболя в районе Телембы. Поскольку в районе Еравны и Иргеня, на Хилке и Чикое почегоры не являлись коренным родом, мы их там не показываем.

Переходя к Луникирскому (Уникирскому, правильно, вероятно, Нгунигирскому) роду, отметим, что он в источниках фигурирует также под названием Сарадульского, «шародувов», а также Сенкагирского («Чанкагирского») рода. Последнее название относилось, впрочем, только к части этого рода, т. е. было названием подразделения этого рода. Из данных XVII в. можно установить, что луникиры жили на Ингоде в районе устьев рек Читы, Талачи, Жерноковки, Онона, Кии, а также «вверх» по Ингоде, у Колбы и Улетая. Охотиться луникиры ездили в верховья Хилка, на Агу и Нерчу. Они подвергались набегам чемчагиров, поникинов, «карапутов» (кара-памятов) и онкотов. В свою очередь луникиры нападали на выходивших в русские пределы хоринцев, а иногда угоняли и табуны, принадлежавшие служилым людям. В 1682 г. группа луникиров пыталась убежать в Табунутскую землю. В 1694 и 1699 гг. много луникиров (сенкагиров) ушло за рубеж. Они жили после этого у истоков Онона, в устье Или, на Иро и Манзе. В 1700 г. из 40 юрт, бежавших в 1699 г., 14 юрт вернулось в Россию[81].

В отличие от баягиров и дуликагиров, луникиры, как мы видим, убегали в Монголию и, очевидно, часть потомков этих беглецов вошла в состав современных иройских «хамнеган». Но следует отметить, что луникиры, платившие ясак непосредственно в Нерчинский острог, в общем держались по отношению к русским лойяльно. «Воровали» и изменяли телембинские луникиры, в частности та их часть, которая называлась Сенкагирским родом и которая имела какие-то родственные связи с чемчагирами.

Все вышеприведенные данные позволили наметить территорию луникиров вверх по Ингоде от устья Онона, в районе устья Читы и далее вверх по Ингоде, включая район устьев рек Улетая и Колбы.

Переходим к роду, который в актах XVII в. обычно называется «Украинским». Как известно, часть этого рода платила ясак в Кучидском остроге Иркутского уезда. Кучидские тунгусы «Украинского» рода переходили в ведение Телембинского острога, но в конце концов были в 1690 г. причислены к Кучидскому острогу.

---

[79] См.: С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири... Т. III. СПб., 1912, стр. 563, 566—567, 569—570, 580, 582.

[80] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 94—95; ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. 1, лл. 307—308; кн. 1272, л. 103; ф. 1121, ст. 265, лл. 2—12; ст. 459, л. 5; ф. 1142, ст. 12, лл. 60—65; ст. 21, лл. 1—2, 13; ст. 23, лл. 1—12; ст. 36, л. 30; ст. 52, лл. 2—4; ст. 53, л. 44.

[81] ЦГАДА, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 96, 117 об.; ф. 214, ст. 1659, ч. II, лл. 312—314; ф. 1121, ст. 265, лл. 2—12; ст. 486, л. 122; ст. 503, лл. 15, 19; ф. 1142, ст. 1, л. 10; ст. 11, лл. 26, 68—77; ст. 13, лл. 6—7, 10—11; ст. 14, лл. 2—4, 14, 18, 23—25; ст. 21, лл. 1—2, 4, 13, 15—16; ст. 33, лл. 14—15; ст. 36, лл. 55—56; ст. 52, лл. 3—4.

В Нерчинском уезде тунгусы «Украинского» рода (конные и оленные) платили ясак в Телембинском остроге и под названием «Кучилицкого» (т. е. Кучидского) рода — в самом Нерчинске. Список нерчинских тунгусов «Кучилицкого» рода помещен между списками луникиров. Свидетельствует ли это о каком-либо родстве этих родов, нам неизвестно. В начале XVIII в., впрочем, «Украинский» род объединялся для платежа ясака с почегорами.

В XVII—XVIII вв. «Украинский» род был известен еще под названиями Вакасильский, Увакасильский, Вакарайский, Вакарельский, Векерейский и т. д. Какое из этих названий ближе к действительному, сказать трудно.

По данным Миллера, телембинские тунгусы «Украинского» рода кочевали в низовьях р. Конды, близ Витима [82]. В XVII в. тунгусы «Украинского» рода часто упоминаются в делах Телембинского острога [83].

Известно, что тунгусы «Украинского» рода ходили для промысла вниз по Витиму, на Каренгу и Олекму [84].

В 1690 г. жена «кучелютского» тунгуса Токуя приходила на Акиму со скотом для торговли с оленными тунгусами [85].

По этим скудным данным мы определили район обитания нерчинских тунгусов «Украинского» рода по Витиму, ниже территории кучидских тунгусов этого же рода, вплоть до устья Каренги.

Переходим к Шунинскому роду. Данные XVIII в. для определения его первоначального расселения почти ничего не дают. Поэтому ограничимся данными XVII в.

Имеющийся материал свидетельствует, что центром Шунинского рода было оз. Иргень, а его охотничьи территории простирались от оз. Иргень по верховьям Хилка к водоразделу между Хилком и Чикоем. Необходимо лишь учитывать, что на этой же территории охотились сравнинские баягиры, почегоры и кайзойцы [86].

О расселении Кайзойского рода известно очень мало. В 1699 г. кайзоец Желгучан был в плену у «изменника» сепкагира Учико.

В 1700 г. в верховьях Чикоя, на Ингодинской вершине и Ононских хребтах промышляло 15 почегоров, кайзойцев и шунинцев. Некоторые почегоры, кайзойцы и шунинцы промышляли ниже по Чикою. В этом же году кайзоец Ечпй, Непюгин брат, и баягирец Спвочан Юганин, отослав с родниками в Телембу ясачных соболей, пошли на Манзю проведывать «изменников» сепкагирцев [87].

Все вышеприведенные данные свидетельствуют, что кайзойцы жили и промышляли на одной территории с шунинцами.

Все баликагиры Нерчинского уезда являлись выходцами из Баргузинского присуда. Известно, что в 1656 г. 40 баликагиров (имеются в виду, конечно, трудоспособные мужчины) ушли от Баргузина за Шилку и Онон. Они были даже на Хайларе, откуда их в 1665 г. «подозвал» нерчинский приказчик Толбузин. Баргузинские служилые люди и тунгусы хотели вернуть этих баликагиров к себе в Баргузин, но Толбузин задержал их в Нерчинском уезде [88].

---

[82] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 2, л. 66.

[83] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 4, лл. 4, 12, 30.

[84] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 190, лл. 15, 21.

[85] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 36, л. 45.

[86] «Казейцы» ЦГАДА, ф. 214, ст. 508, л. 342; ф. 1121, ст. 265, л. 11; ст. 503, лл. 1, 18; ф. 1142, ст. 14, л. 58; ст. 21, лл. 1, 30; ст. 33, лл. 14—15; ст. 38, л. 14; ст. 52, лл. 3—4.

[87] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 459, л. 9; ст. 503, л. 9—20; ф. 1142, ст. 38, л. 11. По Миллеру, «Казецкий род» жил на Оленгуе.

[88] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 127, 142; № 26, л. 60; ЦГАДА, ф. 1121, ст. 190, л. 15; ф. 1142, ст. 21, лл. 2, 13.

Поскольку баликагиры не являлись коренным родом на территории Нерчинского уезда, то они, видимо, не имели своей определенной территории и кочевали на землях местных коренных родов или в ближайших монгольских владениях.

К середине XVII в. они во всяком случае жили вместе с баликагирами Баргузинского присуда. Поэтому мы на территории Нерчинского уезда не выделяем особой территории для баликагиров, а рассматриваем их как ответвление баргузинских баликагиров, кочевавшее на территории Нерчинского уезда на земле других родов.

Переходим к челкагирам. Данных об этой группе у нас очень мало. В первый раз, в 1657 г., челкагиры упоминаются в районе оз. Иргень, вместе с шунинцами [89], а в 1688—1690 гг.— в районе Нерчинска и даже Аргуни [90]. Во всех этих известиях челкагирами часто называются лица, состоящие в списках баликагиров и шунинцев. Иногда челкагирами названы тунгусы «Чемамагирского» (Чемчагирского) рода, только состоящие в списке челчагиров, но не являющиеся ими. Так, в 1685 г. два челкагира упоминаются на Урулге, но при проверке они оказались «чемамагирцами» [91].

По-видимому, челкагиры, как и перчинские баликагиры, уходили со своего коренного местообитания в Монголию, затем вернулись и кочевали в районе Нерчинска (ниже его по Шилке, может быть, и по Куренге) на землях других родов. Мы решили показать этот род на его коренной земле в районе оз. Иргень и далее на запад. Там как раз выявился контур к югу от р. Уды, который нельзя приурочить ни к какому роду. Поэтому мы его и отвели челкагирам, хотя повторяем, что в 80—90-х годах XVII в. челкагиры тяготели к Нерчинску и, вероятно, к Аргунскому острогу и жили по соседству с основной племенной группой Аргунского острога — намясинцами. Показ челкагиров в верховьях Уды между баликагирами и шунинцами соответствует и отмеченным выше фактам смешения челкагиров с тунгусами этих родов.

По данным XVIII и XIX вв., челкагиры жили на Ононе в районе его притоков Борзи и Турги и были близки намясинцам, но, по-видимому, эта близость вторичного порядка, сложившаяся уже после переселения челкагиров с их коренного местообитания.

III

Переходим к описанию расселения тунгусов, тяготевших к Аргунскому острогу. Среди них главную массу составляло во второй половине XVII в. племя намясинцев, а кроме того, имелось некоторое количество перешедших в русское из маньчжурского подданства дуликагиров, баягиров и колтагиров. Отмеченные в табл. 113 тунгусы неизвестного рода, судя по данным Миллера, принадлежали к этим же родам, а также к Дуларскому (очевидно, вариант названия Дуликагир).

Их расселение Миллер описывает таким образом: роды Баягир, Дулар и Колтагир жили по Аргуни ниже острога, там, где в нее впадают реки Уров и Урюмкан, и выше острога, на р. Серебрянке. Дуликагиры жили выше Серебрянки, на Нижней и Средней Борзе и прилегающей к ним области Аргуни [92].

В 1681 г., как только был поставлен Аргунский острог, в нем стал платить ясак род Колтагир, возглавлявшийся Ариканом [93].

---

[89] ЦГАДА, ф. 214, ст. 508, л. 342.
[90] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 3, лл. 13—17; ст. 23, лл. 129—132, 140; ст. 33, л. 12.
[91] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 18, лл. 38—40.
[92] ЦГАДА, ф. 199, № 526, ч. II, тетрадь 2, лл. 65—66.
[93] ААН, ф. 21, оп. 4, № 29, лл. 83—84.

В 1685 г., когда под Аргунский острог «приходили войной» чемчагиры, поинкины и часть намясинцев, жившие около острога дуликагиры помогали русским [94]. Известно также, что в 1696 г. юрта колтагира Чуулея стояла близ Аргунского острога [95].

У нас нет данных для того, чтобы выделить на карте отдельно роды этой группы аргунских тунгусов. Поэтому они показаны все вместе одним контуром.

Родовой состав аргунских тунгусов, без намясинцев, совпадает с родовым составом «хинганских тунгусов» Широкогорова. У хинганских тунгусов был лишь один лишний Бултогирский род, живший на р. Нумин. Предки этого рода жили, видимо, в Албазинском узде (см. гл. XX). Можно считать, что значительная часть хинганских тунгусов является потомками тунгусов Аргунского острога, оставшихся после проведения в 1689 г. границам по Аргуни в пределах Китая.

Переходя к намясинцам, главной группе населения в области Аргунского острога во второй половине XVII в., нужно указать, что название намясинцы, очевидно, племенное и что к этому племени принадлежали тунгусы с родовыми названиями Копур, Сино-намят, Кара-намят и, может быть, Долот, Чипчинут и др. О местоположении намясинцев во второй половине XVII в. имеются следующие сведения.

В 1669 г. нерчинский приказчик Данила Аршинский послал на Аргунь толмача Киприана Никитина, который нашел там новых людей «Намясинского роду» князца Еткеля (всего 43 чел.), которые не были обложены ясаком, и взял с них ясака 40 лошадей и три головы рогатого скота [96].

Спафарий в 1675 г. встретил намясинцев на р. Ган (правый приток Аргуни). Он указывал, что их около 200 чел. мужчин (т. е. всего примерно 1000 чел. населения) и что раньше они жили «в Баргузинском остроге и иных многих местах и многое воровство и убивство служилым людям учинили» [97].

Когда в 1681 г. для сбора ясака с намясинцев Токуя «с товарищи», был поставлен Аргунский острог, здесь стал платить ясак «Чинонамяцкий род» во главе с «Базюканом». В 1684 г. памясинский шуленга Булкича, шуленга Конурского рода Токуй и Сино-намясинский род находились от острога вверх по Аргуни. В 1685 г. монгольские феодалы отвели своих людей с территории намясинцев «за Кайлар». В 1688 г. у ясачных намясинцев, стоявших в районе Нерчинска, немирные намясинцы угнали лошадей. Ясачные намясинцы гнались за ворами на верблюдах и догнали их в верховьях Газимура. В 1687 и 1688 гг. некоторые ясачные намясинцы из-под Нерчинска хотели бежать в Монголию к своим немирным родственникам. Другие намясинцы тогда же хотели ехать за Унду к монголам для отгона табунов. В 1692 г. под Аргунским острогом монголы разгромили три юрты Сино-намятского рода шуленги Бузекана. Тогда же в документах упоминается о сборе на Аргуни ясака «с намясинских мужиков Конурского рода». Платили ясак намясинцы в значительной части лошадьми и скотом [98].

Заканчивая изложение имеющихся в нашем распоряжении данных о намясинцах, укажем, что «намирцы», или «наймарцы», которые в 1757—1759 и 1761 гг. переходили Аргунь и вторгались в китайские владения

---

[94] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 21, лл. 34—36.

[95] Там же, ст. 63, л. 26.

[96] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. 1, л. 58.

[97] См. Путешествие... Спафария... стр. 144—147; см. также Статейный списск посольства Н. Спафария в Китае 1675—1678 гг. «Вестник археологии и истории», вып. XVII в., СПб., 1906, стр. 337.

[98] ААН, ф. 21, оп. 4, № 29, л. 83; ДАИ, т. VIII, стр. 325—327; ЦГАДА, ф. 1142, ст. 12, л. 112; ст. 21, лл. 3—5, 17—18, 32, 34—36; ст. 23, лл. 78—80, 129—132, 156; ст. 26, л. 23; ст. 27, л. 3; ст. 42, лл. 13—14.

к баргутам и на р. Гень к халхасцам, представляют тех же намясинцев [99]. Намясинцами, оставшимися после 1689 г. в пределах Китая, являются чипчинуты, жившие среди так называемых «старых баргутов».

Возвращаясь к вышеизложенным фактам о намясинцах, укажем, что данные 1687—1688 гг., когда намясинцы стояли в районе Нерчинская (на Курлыче, Куенге, у будущей дер. Дунаевой), не отражают их действительного территориального размещения. Их перекочевка под Нерчинск, на Шилку была вызвана обстоятельствами военного времени, общим обострением политической обстановки перед заключением договора 1689 г.

Поэтому эти данные при нанесении территории намясинцев на карту, мы во внимание не принимаем.

По сведениям Миллера и Нерчинской воеводской канцелярии, намясинцы (а также конуры, долоты, дзалтоты) жили по притокам Аргуни Верхней Борзе (намяты), Урулюнгую (конуры), у Абагатуйского магазина (долоты), а также в верховьях Газимура и Урова [100].

Но, как мы указывали выше, в первой половине XVII в. намясинцы или часть их жили у Байкала, в долине Баргузина. Поэтому на карте, на которой мы стремимся реконструировать первоначальное расселение племен и родов народов Сибири, намясинцы именно в долине Баргузина и показаны.

IV

Кроме вышеупомянутых родов, которые в XVII в. платили ясак в Нерчинск, Телембу, Аргунский острог, в делах Нерчинского уезда упоминается еще несколько родовых групп.

Очень беспокойной группой родов в XVII в. являлись всегда упоминавшиеся вместе «воры и изменники» поинкины, «харапуты» («карануты») и чемчагиры.

Одно время тунгусы этих трех родов платили ясак русским. Чемчагиры (чемамагиры), например, числятся в списке ясачных родов уже в 1654 г. О поинкинах и «харапутах» таких данных нет. В то же время в 1665 г. в Баргузине было известно, что у р. Чикоя живут неясачные тунгусы [101]. Но, вероятно, на какой-то отрезок времени поинкины и «харапуты» все же принимали русское подданство, иначе в дальнейшем они не именовались бы изменниками.

В 1677 г., как указывают в своей челобитной луникирский князец Балбач и его сородичи, «Телембинского уезду ясачные тунгусы Поинкинского, Каранутского, и Чемчагирского родов» изменили, отъехали от острога вверх по Онону в далекие места и теперь, в 1682 г., подозвав еще «олкотских людей», угоняют у ясачных тунгусов конные табуны и скот [102].

Материалов о поинкинах, «харапутах» и чемчагирах за период с 1680 по 1699 г. (об их набегах, стычках с ними, походах на них) очень много [103]. Вместе с ними (или вместо них) упоминаются в верховьях Чикоя, Мензе, Иро также намясинцы или «Поинкинские тунгусы Намясинского роду» с шуленгами Целбоном («Цыганом»), Болбоцоком, Тыкуем (Тюкеем),

---

[99] См. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, стр. 269, 272, 273, 287—288, 294.

[100] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь 7, лл. 92, 94—95; № 526, ч. II, тетрадь 2, лл. 65—66.

[101] ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 139.

[102] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 12, л. 137; ст. 13, лл. 10—12.

[103] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 423, лл. 17—18; ст. 459, лл. 3, 5; ст. 503, лл. 5—8, 25; ф. 214, кн. 941, л. 351; ф. 1142, ст. 11, лл. 59—62, 68, 91, 115; ст. 14, лл. 2—4, 14, 23, 25, 61—62; ст. 21, лл. 4, 13, 15—16, 33—36; ст. 33, л. 12; ст. 36, лл. 55—56; ст. 52, лл. 1—5; ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 10, 31.

Кадзе-мергеном. Часто упоминаются со всей этой группой тунгусов и онкоты (см. ниже). Отметим, что бассейн верхнего Чикоя в XVII в. находился вне русских пределов. В качестве «покровителей» бежавших сюда тунгусов упоминаются тайши Ирки-тазий, Меркутей и сам «кутухта».

Территория всей этой группы немирных тунгусов выявляется довольно определенно. Это бассейн верховьев Чикоя с Мензой, верховья Иро и, вероятно, истоки Онона, Акши и Ингоды. Из имеющегося материала можно заключить, что «харануты» и намясинцы — одна и та же группа. Они одновременно ни разу не упоминаются. Очевидно, в данном случае «харануты» — это искаженное родовое название хара-намяты.

Можно утверждать, что поинкины — это тоже род намятов, которые, следовательно, в данном районе состояли из двух родов: Хара-намятского и Поинкинского. Отдельно стоят чемчагиры. Они с намятами и поинкинами не смешиваются.

Название «поинкин» сохранилось до нашего времени. По Ю. Д. Талько-Грынцевичу, ирийские тунгусы (хамнеганы) различали в своей среде шесть родов: четыре рода «Пийнхин» и два рода «Хамнеган» [104]. «Хамнеган» — вероятно, описка, вместо «харанут», т. е. хара-намят.

На карте мы показываем намясинцев — «харанутов» и поинкин одним контуром, охватывающим среднее течение Чикоя, Мензю, Иро и истоки Онона. Другим контуром в верховьях Чикоя, Ингоды и Акши показаны чемчагиры.

У чемчагиров в 1735 г. было 37 трудоспособных мужчин (всего около 200 чел. населения). Вероятно, и в XVII в. их численность была не больше.

Количество намясинцев, поинкин и стоявших вместе с ними одженов (одзепов) и «изменников» сепкагиров (луникиров) в 1699 г. баягир Сивочан определил в 200 чел. (трудоспособных мужчин, конечно). Мы знаем, что луникир Учико убежал с 40 чел. Одженов в 1735 г. было 90. Но неизвестно, все ли оджены и все ли «изменники» луникиры стояли тогда вместе. Поэтому лучше считать, что намятов (харанутов и поинкин) было здесь 100 — 120 трудоспособных мужчин (всего 500 — 600 чел. населения). В конце XIX в., по Талько-Грынцевичу, всего ирийских хамнеган было около 1800 чел.

Таким образом, в конце XVII и в начале XVIII в. племя намясинцев было разобщено на две большие группы: одна, вероятно около 1800 чел., находилась в бассейне истоков Аргуни, а другая, до 600 человек,— в верховьях Иро, Онона, Чикоя.

Что касается спорадического появления поинкин и чемчагиров на среднем Ононе, Агеге, Борзе и на Аргуни, то это, конечно, временные набеги, а не нормальные перекочевки.

В конце концов, как мы теперь знаем, в начале XVII в. чемчагиры снова стали русскими подданными, а поинкины и хара-намяты («харануты») остались после проведения границы в 1727 г. в Монголии и образовали группу так называемых ирийских хамнеган.

В источниках неоднократно в связи с чемчагирами, поинкинами и «харанутами» упоминаются онкоты, или «онкоцкие люди» [105].

По-видимому, онкотами назывались кочевавшие по среднему Онону одженьи и уляты.

Следует отметить, что официальным названием одженов в России было узоны.

---

[104] Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела русского географического общества, т. VII, вып. 3, СПб., 1905 г., стр. 75.

[105] ЦГАДА, ф. 1121, ст. 265, лл. 2—12, 23; ст. 503, лл. 50—8, 25; ф. 1142, ст. 11, лл. 59—62; ст. 12, л. 87; ст. 13, л. 13; ст. 14, лл. 2, 3, 14, 23, 25; ст. 21, л. 13; ст. 28, л. 29; ст. 36, лл. 58—60, 41; ст. 40, лл. 2, 8.

Онкоты — это, видимо, название, данное соседними народами (ср. онкор-солоны в Маньчжурии и Барге), а оджен (узон) и улят — родовые или племенные названия. Часть улят, как мы знаем, состояла в русском подданстве и жила на Шилке ниже Нерчинска среди баягиров и дуликагиров. Другая их часть, вместе с оджена̀ми, обитала на Ононе и лишь в самом конце XVII — начале XVIII в. присоединилась к первым. Этим отчасти и объясняется быстрое увеличение численности улятов с 1689 по 1735 г. (см. табл.)

В источниках XVII в. оджены (узоны) и уляты тунгусами не называются. Потомки одженов в 1897 г. говорили по-монгольски. Если это и были тунгусы по происхождению, то в языковом отношении они, очевидно, уже в XVII в. были монголизированы.

По данным Миллера, «Одзонский» род жил на притоках Онона, речках Тохтор и Очирка. По сведениям Нерчинской воеводской канцелярии, «Озонский» род кочевал около Онона по Мангуту, Акше и Иле, а для промысла ходил в верховья Ингоды [106]. Миллер упоминает и Борзю, но это противоречит всем более ранним и более поздним данным о расселении этого рода.

Среди родов нерчинских тунгусов в начале XVII в. отмечаются, кроме того, роды Сартот и Гуновский (см. табл. 113).

О роде Сартот никаких данных в материалах XVII в. нет. Очевидно, это монголы, а не тунгусы. Название этого рода совпадает с названием монгольского по происхождению рода Сартол у селенгинских бурят. В 1897 г. тунгусы сартоты говорили по-монгольски.

По данным Нерчинской воеводской канцелярии, сартоты пришли из-за рубежа в 1680 г. и жили «около города Нерчинска и питались черной работой и звались мяхочинами [«мясоедами», т. е. скотокрадами] и за скудностью платили по лисице и (или — *Б. Д.*) по полтине денег» [107].

Этот источник связывает с 1680 г. переход в русское подданство ряда родов, но вероятно, эта дата далека от точности.

«Подгородные ясачные мехочины» под Нерчинском упоминаются лишь с 1698—1700 г. [108].

В качестве местожительства сартотов Миллер указывает приток Онона Кыру, а Нерчинская воеводская канцелярия добавляет к этому, что сартоты ходили промышлять в верховья рек Кыры и Ингоды. Очевидно, здесь сартоты кочевали и в XVII в.

Гуновский род пришел под Нерчинск в 1696 г. Это были монголы, кочевавшие по Радуну и Керулену. Их пришло 60 чел. во главе с Шандуку-гуном (он же Хандук-ирки-батур, Контогон, Кунту-гун). Сам Шандуку-гун был выдан Китаю, а его люди остались в России и образовали Гуновский род [109].

В России люди Шандуку-гуна жили вначале близ Нерчинска, а затем кочевали по Аге и Иле. Их потомки в 1897 г. говорили по-монгольски.

Сначала выходцы Сартотского, Одзонова (Узонова, Оцейского) и Гунова родов платили по одной лисице, а с 1716 г. — по одному соболю.

Кроме всех вышеописанных родоплеменных названий, в Аргунском остроге упоминается еще два — тотонконы и одурнуты.

В 1685 г. Василий Милованов ездил «для ясачного сбору к тотонконским и одурнутским мужикам». Но «посыльщик» Дагины-катуни Батур не дал собирать с тотонкон и одурнут ясак. С одурнут шуленги Каралдая следовало собрать 11 голов скота. Но приехавший от Тархан-контайджи «посыль-

---

[106] ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетрадь 7, лл. 92—94; № 526, ч. II, тетрадь 2, лл. 64—65.
[107] Там же, № 481, тетрадь 7, л. 94.
[108] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1272, л. 105 об.
[109] ААН, ф. 21, оп. 4, № 28, лл. 135—136.

щик» Чайбур этот скот отнял. Тотонконский шуленга Баяр также рассказал, что его люди ездили за своими угнанными табунами на Наун (Нонни) [110]. В июле этого же года среди приходивших под Аргунский острог «изменников» упоминаются и тотонконы. Под одним тотонконом Баярова улуса узнали лошадь Василия Милованова [111].

В 1688 г. в Аргунский острог от тайшей Ахай-дайчина и Тархан-контайджи пришли восемь человек, в том числе тотонконский шуленга Баяр и одурнутский шуленга «Каралдаев брат Каеран», с жалобой на намясинцев Булкичу и Абугуна. В этой же жалобе указывается, что Баяр и Каеран «кочуют и платят ясак в Аргунский острог повольно»: Баяр с улусом — 10 голов скота, Каралдай — тоже 10 голов скота. Ясак платили они с 1682 г. Их тайшей был Ахай-дачин[112].

15 апреля 1691 г. из Нерчинска вместе с другими заключенными бежал «подзорщик Тотонкоцкого роду Кукдей». Среди беглецов упоминается также аманат Кутугутского рода Куседей и язык Улангутского рода Даки [113].

Улангуты — это, видимо, монголы; кутугуты — монголы или хоринцы Кутугурова рода. Что, касается одурнутов и тотонконов, то, по-видимому, они жили к востоку от Аргуни. Относительно названия «тотонкон», можно предположить, что во множественном числе оно произносилось по-тунгусски как тот-онкор. Таким образом, это могла быть группа, род онкор-солонов. Но это все только предположения. Здесь необходимо специальное исследование по линии монгольской и тунгусской этнонимики. В состав населения Нерчинского уезда эти группы во всяком случае входили очень недолго, и поэтому мы на них специально не будем останавливаться.

* * *

Мы рассмотрели родовой и этнический состав населения Нерчинского уезда. Встает вопрос о распределении этих родов по племенам и об установлении племенных группировок этих тунгусов.

Можно считать, что тунгусское население Нерчинского уезда принадлежало в основном к двум племенам. Одним из них были нелюды, или нелюли (иногда «лелюли»).

Нелюдов возглавляли Гантимур и его потомки. К ним принадлежали роды Баягир, Дуликагир, Колтагир, Почегор, Луникир, Баликагир, Челкагир, Чермагир, «Украинский», Шунинский, Кайзойский. Под названием нелюдов часть их зафиксировал уже Петр Бекетов в 1654 г. [114] Под этим же названием они были известны не только на востоке, на Амуре [115], но и на западе, в бассейне Селенги. В частности, в районе будущего Удинского острога упоминались тунгусы «Люлеленского рода»[116].

Другим племенем тунгусов Нерчинского уезда были намяты или намясинцы. Они состояли из родов Кара-намят, Сино-намят, Поинкин, Конур, Долот, Чипчинут, Джалтот. Само название намят, видимо, происходит от тунгусского слова «наму» «ламу» («море») и связано, вероятно, с пребыванием намятов у берегов Байкала. К приходу русских они жили в Баргузинской степи. Но, возможно, отдельные группы их жили уже тогда отдельно от остальных намясинцев, а именно: поинкины и хара-памяты («харануты») — в бассейне Чикоя и в верховьях Иро, а долоты конуры и чипчинуты — в бассейне Аргуни. Может быть, последние группы

---

[110] ЦГАДА, ф. 1142, ст. 21, лл. 17—18.
[111] Там же, ст. 21, лл. 34—36.
[112] Там же, ст. 27, л. 3.
[113] Там же, ст. 36, л. 41.
[114] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 571.
[115] ДАИ, т. III, стр. 174.
[116] ДАИ, т. V, стр. 176.

(долоты, конуры, чипчинуты и джалтоты) представляли не настоящих намятов, а роды, вошедшие в состав намятов позднее, при переселении последних в бассейн Аргуни. Еще до прихода русских намяты подверглись сильному монгольскому влиянию. Но все же возможно, что установленные Кастреном диалекты забайкальских тунгусов отражали племенные диалекты: урульгинский — нелюдов, маньковский — намясинцев.

Что касается остальных групп коренного населения Нерчинского уезда, то Гуновский род — это группа настоящих монголов, перешедших в пределы России. Одзоны, сартоты и уляты — тоже монголы разного происхождения. Но позже, особенно в XIX в., все они (Гуновский, Одзонский (Узонский, Сартотский и Улятский роды) считались тунгусами, так как входили в тунгусское ведомство князей Гантимуровых[117].

Возникает вопрос, кто же населял в XVII в. территорию в низовьях Онона и по его притокам Аге, Борзе, Турге, верховья Газимура, Урулюнгуя, около оз. Торей и т. д.?

На юге этой территории кочевали собственно монголы. Заходили они на север вплоть до Унды и Аги. Вместе с ними с середины XVII в. кочевали ушедшие от Байкала предки хоринцев — баргуты. Недаром некоторые группы монголов и хоринцев упорно прорывались сюда после того, как эта территория была включена в состав России. Не случайно хоринцы при своих побегах от Байкала шли не наиболее близким путем вверх по Селенге, а через Яблоновый хребет и Ингоду именно в этот район. И не случайно, что в конце концов именно хоринты заняли эти степи, образовав группу агинских бурят.

Надо отметить еще лишь следующее. К концу XVII в. вследствие напряженности политических отношений в этом районе северная часть данной территории представляла безлюдную пограничную полосу, своего рода нейтральную зону. Как мы знаем, Спафарий встретил баргутов к югу от Хайлара, а бежавшие в 1692 г. хоринцы кочевали по Удзе-голу, не решаясь приблизиться к русским владениям. В образовании этой нейтральной, пустынной пограничной полосы большую роль сыграли также воинственные нерчинские тунгусы, которые, чувствуя поддержку со стороны русских служилых людей, стали вторгаться по Онону и Аге для охоты и отгона табунов. Хотя тунгусы за все это часто платили своими головами, но все же баргуты и монголы явно стали избегать приближения к Ингоде, Шилке и низовьям Онона.

Но у нас нет никаких оснований предполагать, что так дело обстояло здесь всегда. Наоборот, частые выходы хоринцев под Нерчинск свидетельствуют, что они кочевали именно где-то неподалеку, вероятнее всего в низовьях Онона, по Аге, Унде и т. п. Но до середины XVII в., до переселения хоринцев с Байкала в восточную Монголию, степи в низовьях Онона, Аги, Унды, Борзи осваивали, вероятно, монголы и ряд монголизированных «онкотских» групп вроде узонов, улятов, сартотов и др.

В табл. 114 приведен родоплеменной состав населения уезда и показана численность этого населения и его потомков в XIX в.

В отличие от других уездов, нам пришлось здесь показать зарубежные части племен Нерчинского уезда, а также группы, лишь в дальнейшем вошедшие в состав его населения, но в XVII в. еще не находившихся в русском подданстве.

Численность этих групп определена на основании данных 1732 г. и отрывочных данных XVII в., о которых мы упоминали выше в тексте.

---

[117] Сам Гантимур принадлежал, как мы знаем, к Дуликагирскому роду. Он был уроженцем района, где позже был основан г. Нерчинск. Версия об его маньчжурском (даурском) происхождении основана на временном (1657—1667 гг.) его переселении со своим родом на Науя (Нонни).

Таблица 114

Этнографический состав коренного населения Нерчинского уезда

Этнические, племенные группы и основные роды	Подразделение племен и основных родов	Год учета	Численность: плательщиков ясака	Численность: всего населения	Группировки XIX в., соответствующие родам и племенам XVII в.
Тунгусы нелюды		1689	206		
Баягир	—	1689	153	1030	В управах Оловской, Урульгинской и Маньковской
Дуликагир	—	1689	7	765	
Улят	—	1689	68	35	
Колтагир	—	1689	208	340	В Шундуинской управе
Почегор	—	1689	207	980	В Оловской и Урульгинской управах
Лупикир (Сародульский)	Сенкагир	1689	38	1035	В Онгоцонской управе
«Украинский» (Вакарель)	—	1689	104	185	
Шуинский	—	1689	11	520	В Урульгинской управе
Кайзойский	—	1889	50	55	
Баликагир	—	80-е годы XVII в.	51	250	В Кужертаевской управе
Челкагир	—		30	255	В Шундуинской управе
Чемчагир	—			150	В Онгоцонской управе
Итого			1133	5600	
Тунгусы намяты (намясинцы)	Роды Синонамят, Харанамят, Долот, Конур, Джалтот, Чипчинут, Поникин и др.	1689	488	2450	В управах Маньковской и Шундуинской и в составе так называемых иройских хамнеганов в Монголии
Итого тунгусов			1621	8050	
Буряты					
Хоринцы	Роды Халгут (Галзут), Харгана, Бодонгут, Кубдут, Коапай, Батонай, Чарат, Худай, Цахан, Халбин, Улят (?)	1692	1260	6300[118]	Хоринские и (с 1838 г.) агинские буряты, частью так называемые «новые баргуты» в Кулунбуире (Барге)
Одзон	—	Ок. 1700	Ок. 90	450	В Кужертаевской и Оловской управах
Сартот	—	Ок. 1700	Ок. 50	250	В Онгоцонской управе
Улят	—	Ок. 1700	Ок. 40	200	В Шундуинской управе
Гуновский	—	1696	Ок. 60	300	В Кужертаевской управе
Итого			1500	7500	
Всего			3121	15550	

[118] В том числе 2300 чел. за рубежом.

Часть III

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Глава XIX

ЯКУТСКИЙ УЕЗД

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

История образования Якутского уезда — это вместе с тем история величайших географических открытий, совершенных простыми русскими людьми на северо-востоке Азии. Грандиозные подвиги сибирских землепроходцев (например, открытие рек Лены, Оленека, Яны, Индигирки, Колымы, Анадыря, пролива между Азией и Америкой, Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова и Охотского морей, Камчатки и др.) здесь на крайнем северо-востоке Старого света, как и в других частях Сибири, сопровождались открытием многочисленных новых групп местного населения и обложением этого населения ясаком. Так снова произошло значительное расширение контингента эксплуатируемого царским правительством коренного населения Сибири и увеличение количества вывозимой из Сибири пушнины.

К концу 50-х годов XVII в. пределы Якутского уезда (или Ленского разряда) охватывали почти всю территорию современной Якутской АССР и, кроме того, на юго-западе включали северо-восточную часть современной Иркутской области (приблизительно до р. Витима), а на востоке — современную Магаданскую область и всю северную часть Хабаровского края к северу от бассейна р. Тугур.

Начало освоения территории будущего Якутского уезда русскими относится к 20-м годам XVII в., когда мангазейские промышленные и служилые люди проникли на р. Вилюй, перейдя на нее с Нижней Тунгуски. Основными же датами присоединения Якутии к России можно считать поход енисейского атамана Ивана Галкина в 1631 г., привезшего первый ясак с якутов, и поход енисейского сотника Петра Бекетова в 1632 г., закончившийся основанием Якутского острога. В 1638 г. был образован Якутский уезд и назначены в него первые воеводы — Петр Головин и Матвей Глебов. В 1640 г. эти воеводы прибыли в Якутск. В 1643 г. Петр Головин перенес Якутский острог, стоявший вначале на правом берегу Лены вверх по Лене, на левый берег, где и в настоящее время находится г. Якутск [1].

К середине XVII в. Михаил Стадухин достиг Колымы (в 1644 г.), Семеном Шелковником был основан Охотский острог (в 1647 г.), а Семен Дежнев поставил зимовье на Анадыре (в 1649 г.). С этого времени присое-

[1] Следует отметить, что впоследствии, при воеводе Приклонском, местоположение Якутска снова было немного изменено, но в пределах того же Еюкова луга, на который перенес его Головин.

динение территории Якутского уезда к России было в основном закончено. Как видим, на это понадобилось менее 20 лет.

Население Якутского уезда XVII в. делилось на две большие группы. Одну составляли якутские волости, платившие ясак прямо в Якутск. Они занимали центральную часть Якутии по обоим берегам Лены. В них жило подавляющее большинство якутского народа. Эти волости образовывали компактный массив коневодческого и скотоводческого якутского населения, расположенный в зоне реликтовой лесостепи, окруженной со всех сторон горной тайгой. Другую группу составляло население, платившее ясак в многочисленные ясачные зимовья, раскинутые по всей огромной территории уезда. В первое время после прихода русских во всей этой периферии якуты платили ясак только в пяти зимовьях — Верхоянском, Средне- и Усть-Вилюйском (или Вилюйском Нижнем), Жиганском и Бутальском с его филиалом в устье Кампуны. При этом только в Верхоянском зимовье ясак платили одни якуты. В Средне- и Усть-Вилюйском, Жиганском и Бутальском зимовьях платили ясак якуты и тунгусы. Во всех остальных зимовьях первоначально среди плательщиков ясака якутов, как местных жителей не было. Там платили ясак тунгусы и юкагиры. В дальнейшем в некоторых из этих зимовий тоже появились ясачные плательщики якуты, поселившиеся в их окрестностях под защитой русских служилых людей. Такое более позднее происхождение имеют группы якутов, платившие ясак в Олекминский острог, в Оленекское и Верхневилюйское зимовья.

В самом конце XVII в. и в начале XVIII в., после присоединения Камчатки, в число плательщиков ясака Якутского уезда вошли коряки и ительмены. Часть коряков, кроме того, в конце XVII и в начале XVIII в. платила ясак в выросший из зимовья, основанного Дежневым, Анадырский острог.

Исходя из этнического состава, территориального размещения и истории присоединения населения Якутского уезда к Русскому государству, мы разделили настоящую главу на пять частей. В первой части рассматриваются якутские «подгородные» волости, во второй — юкагирское и якутское население, платившее ясак в зимовьях, расположенных в северо-восточной части Якутского уезда, в третьей — тунгусское и якутское население западной части уезда, в четвертой — тунгусское и частично якутское население, жившее на юго-востоке Якутского уезда, и в пятой — камчадалы (ительмены), коряки, чукчи, эскимосы и курилы (айны) как платившие, так и не платившие тогда ясак русскому правительству.

ЯКУТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ УЕЗДА

Данные об якутских «подгородных» волостях приведены С. А. Токаревым в его книге «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.» [2].

Вначале русские служилые люди объясачили не все группы якутского населения центральной Якутии и не выяснили в отношении всех зарегистрированных ими групп правильные названия. В результате возникло несколько списков якутских «волостей» центральной Якутии, составленных русскими служилыми людьми за 1631—1640 гг.

Первый из этих списков составлен в 1631 г. атаманом Иваном Галкиным. Он содержит очень короткий перечень «улусов», с которых атаман собрал ясак. Названия в этом списке очень искажены, а иногда и совсем отсутствуют. Якутию он называет еще «Якольской землицей». Согласно

[2] Якутск, 1945, стр. 38—39

этому документу, Иван Галкин собрал: «С первых улусов Якольские землицы» 27 соболей, с князца Сергуя 14 соболей, с Котулского улуса князца Семена 20 соболей, с Бутулинского улуса князца Ногуя 23 соболя и шубу за 20 соболей, с Магунского улуса князца Бурухи 30 соболей и шубу за 20 соболей и с Кулунского улуса князца Отоя восемь соболей, две пластины собольих и шубу за 16 соболей [3].

Можно предполагать, что под названием «первые улусы Якольские землицы» имеются в виду кангаласы; князец Сергуй — вероятно, одейский Сергуй; «Котулский улус», видимо по ошибке написано вместо «Бетунский улус», так как имя князца, Семен, соответствует имени бетунского князца Семена Улты. Названия Бутулинский и Магунский соответствуют батулинцам и мегинцам. Здесь совпадают и имена князцов батулинского Ногуя и мегинского Бурухи. Под Кулунским улусом Иван Галкин подразумевал, очевидно, намцев с о-ва Кулун-тутар. Таким образом, в списке Ивана Галкина представлены основные, самые большие группировки якутов, хотя и не все. Нет, например, борогонцев.

С. А. Токарев считает, что первая запись Ивана Галкина о «первый улусах» имеет в виду олекминских якутов-меитцев [4]. Но к приходу русских в районе устья Олекмы якуты не жили. А когда они там поселились, то меитцы не составляли среди олекминских якутов преобладающей группы. Только в дальнейшем наслеги олекминских якутов получили название меитских [5]. В середине XVII в. среди олекминских якутов преобладали кангаласы, нюрюптейцы, бордонцы и ярканцы, впоследствии частично переселившие на Вилюй. Ниже к вопросу о населении района Олекминского острожка мы еще вернемся.

Вторым по времени составления более или менее полным списком якутских волостей является список 1632—1633 г. Петра Бекетова. Этот список содержит названия 16 волостей: Мастяцкая, Маганская, Бутунская, Намская, Гасилинская (Агаселейская), Хагаласская, Нюриктейская, Мангунская, Бакенинская, Батулинская, Модунская, Тагунская, Катулинская, Дубсунская, Губсунская, Чюрюктейская [6].

Большая часть этих названий будет повторяться в более поздних списках волостей «подгородных» якутов. Но некоторые из них имеются только в этом списке. Это название Мастяцкая — очевидно, какое-то территориальное название («мастаах» — по-якутски значит «лесной») Одейской волости, записанное вместо настоящего родоплеменного [7]. Название Гасилинская (Агаселейская) мы пока не беремся объяснить. Название Губсунская представляет, вероятно, неточную транскрипцию имеющегося в этом же списке названия Дубсунская. Название Тагунская, очевидно, написано вместо Тагусская. Название Мангунская представляет, по-видимому, плохую транскрипцию названия Мегинской волости.

Бакенинская волость в дальнейшем числилась в составе Мегинской волости и отдельно не выделялась. Странно, что в этом списке нет некоторых крупных волостей, например Борогонской и Батурусской.

В 1635 г. ясак с якутов снова собирал Иван Галкин. Им отмечены якуты следующих волостей: Кагасильской (Алганисской), Бетунской, Ботагайской с Алдана (может быть, Баягантайская), Кангаласской (Кайгаласская), Батулинской, Нюрентейской, Мастятской (т. е. Одейской), Оспя-

---

[3] ЦГАДА, ф. 214, кн. 34, лл. 515—516.

[4] См.: С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 236.

[5] Возможно, что Меитский род в XVII в. был частью намских якутов. По данным А. С. Парниковой, меитцы — это группа кангаласов.

[6] См. С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 38; ЦГАДА, ст. 368, л. 165; кн. 40, лл. 118—134.

[7] Главой Мастяцкой волости указан князец Сергуй. Как мы знаем, Сергуй возглавлял Одейскую волость.

ки, Катулинской, Накоры (т. е. Накарской), Атамайской, Мегинской, Намской [8].

В 1638 г. опять собирал ясак с якутов Иван Галкин, на этот раз зарегистрировавший следующие 32 волости: Оспетскую, Бетупскую, Дубчинскую, Ковийского озера [9] (она же Чачюйская), Катулинскую, Батулинскую, Ниришгейскую, Ба[я]гандайскую (она же «Башайская»), Кагаласскую, Одугейскую, Мегинскую, Подгородную, Намскую, Буяназейскую, Борогонскую, Модутскую, Кискую (вероятно, Кокуйская), Тагусскую, Одейскую подгородную (т. е. Мастяцкую), Атамайскую, Батурусскую, Одейскую (вероятно, Одайскую), Катырицкую, Ямскую (т. е. Ямконскую), Таматы (вероятно, вилюйские туматы, или Чуметская волость), Накарскую, Ыгидейскую, Сыланскую, Чириктейскую, Бордонскую, Енесецкую, Баксинскую [10].

Мы считаем название Чачюйская другим названием волости Ковийского озера, название Башайская — искажением названия Баягантайская, название Одейская — другим названием Мастяцкой волости, но надо заметить, что в подлиннике те и другие названия фигурируют совершенно самостоятельно.

В ясачной книге Парфена Ходырева (1639—1640 гг.) перечисляется всего 34 волости [11] (цифры означают количество плательщиков ясака): Одейская (23), Атамайская (9), Нюрюктейская (13), Татыкайская (3), Борогонская (58), Баягантайская (8), Скороусская (8), Одугейская (14), Кокуйская (2), Чечюйская (Ковейская) (4 + 6), Модуцкая (7), Катырыцкая (5), Успецкая (21), Чириктейская (14), Бетупская, (51), Намская (30), Чюмецкая (5 + 5) [12], Игидейская (8), Мегинская (67), Кагаласская (28 + 10) [12], Батулинская (20), Катылинская (19 + 18) [13], Батурусская (18), Буяназейская (20), Бордонская (15), Малягарская (19), Сыланская (4), Подгородные якуты (9), Гурменская (4), Энесильская (3), Ямконская (4), Дубчинская (1) [14], Озейская (т. е. Одайская) «с усть Танзы» на Алдане (4) [15], Корицкие мужики на Алдане (будущая Магасская волость) (4) [16].

Кроме того, отмечено два тумата (заплатили 76 соболей) [17] и пять оргутов. Этот список уже близок к окончательному списку «подгородных» якутских волостей, который будет приведен ниже. В нем нет только волостей Накарской, Ярканской и «розных три волости на Токсоме озере». С другой стороны, в списке Парфена Ходырева все же имеются три волости, которые в дальнейшем в списке «подгородных» якутских волостей не числятся,— Татыкайская, Кокуйская, Энесильская, Кокуйская волость — это усть-вилюйская Кокуйская волость. Очевидно, это те кокуйцы, которые и впоследствии попадались среди якутов основных «подгородных» волостей (особенно много в Борогонской). Татыйская волость, вероятно, искаженное название Хачикатской волости, названия части емконцев, позднейшего Хачикатского наслега. Енесильская волость, по-видимому, соответствует Ярканской волости более поздних списков. С Накарской волости в 1640 г. собирали ясак в Бутальское зимовье, поэтому

---

[8] ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, лл. 59—67 об.
[9] Оз. Кобяй (Ковей в XVII в.) в Вилюйском округе.
[10] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 58—86.
[11] См.: С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 38; ЦГАДА, ф. 214, кн. 145, лл. 1—40.
[12] Сбор казака Тренки Хомяка на Алдане.
[13] Сбор казака Семена Чюфариста на Алдане.
[14] Сбор казака Тренки Хомяка на Алдане.
[15] Сбор казака Семена Чюфариста на Алдане.
[16] Сбор казака Семена Чюфариста на Алдане.
[17] Т. е. платили, видимо, за целые роды (см. ниже).

Численность плательщиков ясака и всего населения

Волости	1654 г.		1662 г.		1664 г.		1665 г.
	Плательщи						
	числилось	явилось	числилось	явилось	числилось	явилось	числилось
Кангаласская	316	351	507	492	540	523	538
Батурусская и Катылинская	281	327	631	607	688	681	702
Нюрюктейская	136	136	251	234	261	257	272
Мегинская	409	400	759	723	778	775	785
Бетунская	203	192	369	353	400	381	410
Намская	260	270	459	443	479	443	485
Борогонская	258	271	493	470	516	505	535
Чумецкая	13	6	14	7	9	9	10
Атамайская	31	36	65	55	64	51	64
Сылянская	29	40	90	98	105	116	123
Дубчинская	39	38	85	84	91	86	101
Скороульская	55	51	87	88	101	110	114
Емконская	42	51	69	73	84	82	83
Боянаэйская	48	47	69	73	83	85	89
Катырыцкая	21	23	40	40	42	42	42
Накарская	44	43	74	83	94	87	96
Подгородная	30	19	35	24	29	24	28
Модуцкая	44	51	96	93	101	99	103
Успецкая	95	110	185	172	194	195	205
Чириктейская	88	97	170	169	182	181	192
Батулинская	119	109	243	237	286	275	295
Малягарская	125	119	180	159	170	167	169
Одейская	94	92	134	125	137	127	132
Бордонская	50	51	82	77	87	79	89
Гурменская	10	11	17	16	17	17	17
Яркаиская	6	18	39	33	39	33	39
Магасская (она же Хоринская)	19	19	45	42	48	48	47
Одугейская	38	43	92	90	96	93	100
Баягантайская	54	47	111	131	148	145	166
Игидейская	63	69	126	121	139	132	135
Одайская	20	15	25	30	42	36	40
Чечуйская	35	33	93	89	113	106	116
Итого в «подгородных» волостях	3075	3386	5736	5541	6159	5992	6323
«Розных три волости на Токсоме озере Олеская, да Оргуцкая, да Тагуская списаны вместе, и с тем, что в том числе Собо[л]ницкой волости якуты»	20	15	24	15	23	15	20
Всего	3095	3401	5760	5556	6182	6007	6343

[18] Для данной таблицы использованы книги ф. 214 ЦГАДА: 346 (лл. 1—475), 440 (лл. 1—373), 463 (лл. 9—357), 63 (лл. 1—466), 503 (лл. 13—492), 581 (лл. 12—

Таблица 115

в «подгородных» якутских волостях в XVII и начале XVIII в. [18]

	1667 г.		1673 г.		1679 г.		1681 г.	
ков ясака								
явилось	числилось	явилось	числилось	явилось	числилось	явилось	числилось	явилось
512	545	479	534	421	558	411	581	506
702	724	702	760	702	792	576	821	573
258	284	259	286	237	326	233	343	273
763	820	748	802	666	844	562	876	691
371	433	359	432	332	520	347	531	358
416	486	416	486	389	524	410	521	455
516	560	501	555	454	646	468	648	516
8	11	9	12	7	14	7	14	10
57	64	47	60	37	72	52	74	49
117	128	109	124	87	146	78	148	90
91	107	83	108	60	135	71	137	88
114	122	120	116	106	117	91	118	93
81	90	67	79	71	95	58	100	69
88	92	87	107	89	129	88	135	88
41	44	43	37	31	47	38	49	42
90	102	83	106	85	128	68	132	88
24	26	22	26	20	33	19	34	21
94	112	94	114	85	116	96	118	94
192	222	202	211	173	235	171	231	195
185	203	161	173	130	200	137	208	157
283	307	278	304	238	354	222	359	236
166	175	165	173	153	197	159	205	176
117	130	103	124	98	142	90	150	110
75	92	80	96	84	113	102	121	105
15	17	15	15	13	17	13	17	13
32	39	33	34	33	38	41	48	43
49	52	46	47	29	52	33	58	37
92	107	87	108	83	118	82	123	84
163	187	168	202	138	253	164	247	156
136	138	122	129	101	147	88	137	95
34	44	33	38	24	40	16	37	20
103	118	87	119	77	123	77	128	75
6015	6581	5821	6517	5294	7253	5069	7449	5607
17	21	17	24	22	56	40	65	35
6032	6602	5838	6541	5316	7309	5109	7514	5642

477), 667 (лл. 420—700), 712 (лл. 10—440), 64 (лл. 2—403), 878 (лл. 7—372), 1366 (лл. 10—400), 1224 (лл. 1—450), 1489 (лл. 3—205); 1564 (лл. 3—41).

Волости	1684 г.		1687 г.		1695 г.		1700 г.
	Плательщи						
	числилось	явилось	числилось	явилось	числилось	явилось	числилось
Кангаласская	629	514	657	515	712	453	738
Батурусская и Катылинская	839	625	873	621	926	504	953
Нюрюктейская	335	273	349	252	383	173	406
Мегинская	896	553	931	590	979	537	1040
Бетунская	489	338	504	331	540	239	564
Намская	561	463	590	446	664	381	727
Борогонская	720	443	719	418	788	414	829
Чумецкая	16	11	15	7	19	5	20
Атамайская	70	50	75	48	85	40	94
Сылянская	153	64	157	76	190	60	205
Дубчинская	146	83	131	71	155	74	167
Скороульская	119	100	124	95	128	84	131
Емконская	102	69	100	70	112	57	120
Бояназейская	117	86	126	93	141	81	142
Катырыцкая	44	37	43	33	46	21	47
Накарская	139	83	145	78	164	71	188
Подгородная	39	26	40	23	41	19	41
Модуцкая	104	87	107	80	122	66	134
Успецкая	229	168	242	151	282	163	298
Чириктейская	209	152	220	139	247	147	267
Батулинская	352	215	383	227	453	235	488
Малягарская	238	189	244	177	268	141	279
Одейская	144	104	153	78	162	74	176
Бордонская	128	111	132	110	126	122	144
Гурменская	17	14	18	10	18	17	19
Ярканская	46	39	48	38	53	41	55
Магасская (она же Хоринская)	61	43	62	44	67	30	67
Одугейская	103	83	109	79	125	73	131
Баягантайская	236	125	234	108	277	121	290
Игидейская	128	82	127	81	139	88	145
Одайская	28	10	27	11	40	10	43
Чечуйская	118	81	119	81	146	94	150
Итого в «подгородных» волостях	7545	5327	7804	5179	8598	4642	9098
«Розных три волости на Токсоме озере Олеская, да Оргуцкая, да Тагуская списаны вместе, и с тем, что в том числе Собо[л]ницкой волости якуты»	72	59	90	60	103	48	107
Всего	7617	5386	7894	5239	8701	4690	9205

Таблица 115 (окончание)

ков ясака	1708 г.		1712 г.		Выводы			
					Середина XVII в.		Начало XVIII в.	
явилось	числилось	явилось	числилось	явилось	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения
548	837	628	860	523	550	2200	650	2600
602	1029	608	1058	548	725	2900	650	2600
281	451	341	464	258	280	1120	350	1400
732	1169	809	1214	763	800	3200	825	3300
364	682	400	712	331	400	1600	400	1600
534	876	599	934	505	450	1800	600	2400
530	918	562	958	428	525	2100	575	2300
8	20	8	27	10	10	40	10	40
69	124	79	130	55	60	240	80	320
108	253	148	267	134	120	480	150	600
101	201	116	213	79	90	360	120	480
108	139	107	132	91	120	480	110	440
69	130	79	137	135	85	340	135	540
85	157	93	160	64	90	360	95	380
37	55	43	58	36	45	180	45	180
123	226	135	235	82	90	360	135	540
22	45	33	52	29	25	100	35	140
103	165	126	177	87	100	400	130	520
206	343	237	355	186	205	820	240	960
172	295	176	299	94	190	760	180	720
305	573	305	592	210	290	1160	305	1220
195	303	203	316	158	170	680	205	820
123	207	133	212	94	130	520	135	540
139	166	149	—	—	80	320	150	600
14	20	20	—	—	17	70	20	80
43	64	51	—	—	35	140	50	200
38	72	49	73	23	50	200	50	200
96	151	110	161	31	95	380	110	440
170	375	201	380	169	170	680	220	880
110	169	121	176	119	135	540	125	500
17	45	18	46	6	40	160	20	80
91	165	97	167	6	110	440	100	400
6153	10 425	6787	10 565	5207	6282	25 130	7005	28 020
47	121	46	121	7	20	80	60	240
6200	10 546	6833	10 686	5214	6302	25 210	7065	28 260

в списке Парфена Ходырева ее нет. Из «розных трех волостей на Токсоме озере» в этом списке имеются уже оргуты. Отдельно отмеченные туматы — это, вероятно, или вилюйские туматы (см. ниже), или те из них, которые в дальнейшем вошли в Кангаласскую волость. В ясачных ведомостях Парфена Ходырева уже нет Баксинской волости. Видимо, с этого времени она числится в составе Мегинской волости, так же как вплоть до начала XX в. баксинские наслеги числились в составе Мегинского улуса. Томский служилый человек Дмитрий Копылов из Бутальского зимовья на Алдане собрал в том же 1640 г. ясак с 83 накарцев и 22 нюрюптейцев [19].

Таким образом, к 1640 г. русским практически стали известны и были обложены ясаком все волости якутов центральной Якутии. Правда, удивляет то обстоятельство, что некоторые из этих волостей были представлены очень небольшим количеством плательщиков ясака, например Дубчинская. Но возможно, что те же дубчинцы платили тогда ясак в составе какой-либо другой группы. Обращает на себя внимание, например, многочисленность накарцев, уплативших ясак Дмитрию Копылову. Очевидно, в числе «накарцев» Дмитрия Копылова платили ясак и якуты других волостей. Такие случаи тогда могли иметь место и в отношении других групп якутов «подгородных» волостей, не говоря уже о том, что на первых порах один-два человека могли платить ясак и представлять целую волость.

Переходим к окончательному, или как его называет С. А. Токарев, стандартному списку якутских «подгородных» волостей, который установился в 40-х годах XVII в. и существовал без изменения вплоть до начала второго десятилетия XVIII в.

В табл. 115 мы приводим этот список, а также данные о числе плательщиков ясака в каждой из перечисленных в нем волостей за 14 лет на выборку, начиная с 1654 г. и кончая 1712 г. Кроме данных, о количестве плательщиков ясака, числившихся в той или иной волости, мы приводим также сведения о якутах, фактически явившихся к ясачному платежу. Эти данные понадобились для того, чтобы прокорректировать сведения об официально числившихся в волостях плательщиках ясака, которые особенно к концу XVII в., были часто фиктивными.

Такое положение с учетом плательщиков ясака обуславливалось, в частности, тем, что значительное количество якутов «подгородных» волостей к концу XVII в. переселилось в устья Олекмы, Вилюя, в низовья Лены, на Оленек, на приток Хатанги Хету, на Яну, Индигирку, Колыму и другие реки. Поэтому к концу XVII в. около трети плательщиков ясака «подгородных» волостей числилось «несысканными». В то же время новые большие контингенты ясачных якутов появились, как мы уже указывали, к концу XVII в. около Олекминского острожка, Верхне- и Средневилюйских зимовий, Жиганского зимовья и др. Поэтому для определения численности якутов «подгородных» волостей мы исходили не столько из официального количества плательщиков ясака в них, сколько из количества людей, фактически плативших ясак в составе этих волостей. Правда, в начале 60-х годов XVII в. эти цифры почти совпадали, но, как мы указали и как видно из табл. 115, к концу XVII и в начале XVIII в. расхождение между официальной численностью плательщиков ясака в якутских «подгородных» волостях и фактически плативших их ясак стало очень большим. С первых лет после присоединения Якутии к России и вплоть до конца 50-х годов XVII в. в ясачных книгах учитывались не все якуты. Правда, общая сумма оклада и фактического сбора ясака в соболях в 50-х и 60-х годах очень близки. Это объясняется тем,

[19] ЦГАДА, ф. 214, кн. 145, лл. 163—180.

что еще в 50-х годах главы больших и малых патриархальных семей, тойоны, главы родов и владельцы холопов (рабов) часто платили ясак за всех работоспособных людей своих семей и даже целых родов. Разумеется добывались эти соболи не самими тайонами, а зависимыми от них людьми. Что касается холопов, то за последних первое время ясак совершенно не взимался. Поэтому вплоть до конца 50-х годов XVII в. в «подгородных» волостях (см. в табл. 115 за 1654 г.) число зарегистрированных плательщиков ясака было сравнительно невелико и за одним именем в ясачной книге, как мы уже имели случай указать, часто скрывалась целая группа населения.

Таблица 116

Сбор ясака и поминок с «подгородных» якутских волостей в XVII и начале XVIII в.

Год	Ясак	Соболей	Лисиц	Денег (руб.)	Год	Ясак	Соболей	Лисиц	Денег (руб.)
1654	Оклад . . .	8190	1917		1679	Оклад . . .	7251	4861	
	Сбор . . .	8724	2142	173,94		Сбор . . .	3766	3617	1,20
1662	Оклад . . .	8597	4241	—	1684	Оклад . . .	6892	4821	—
	Сбор . . .	8938	3669	158,30		Сбор . . .	3461	2927	10,63
1664	Оклад . . .	—	—	—	1695	Оклад . . .	6652	5537	—
	Сбор . . .	8532	2632	965,80		Сбор . . .	1408	3807	6,65
1665	Оклад . . .	—	—	—	1700	Оклад . . .	6684	6000	—
	Сбор . . .	9180	2792	429,90		Сбор . . .	3382	3021	20,00
1667	Оклад . . .	—	—	—	1708	Оклад . . .	6735	7243	—
	Сбор . . .	7631	2867	342,05		Сбор . . .	3432	4038	—
1673	Оклад . . .	8577	5328	—					
	Сбор . . .	7307	2065	2,60					

Но к началу 60-х годов русская администрация перешла к обложению ясаком каждого трудоспособного мужчины в отдельности. Поэтому контингент плательщиков ясака резко возрос. Поскольку большая часть этих поверстанных в ясак захребетников и холопов принадлежала к неимущим слоям населения, то при почти неизменившемся окладе [20] и сборе соболей резко возрос оклад и сбор лисиц, а также денег. (Правда, с середины 70-х годов, как видно из табл. 116, очевидно вследствие принятых мер, сбор денег резко упал).

Для перевода количества плательщиков ясака в общее количество населения мы пользовались для якутов (в отличие от предков бурят, см. выше) коэффициентом 4. Хотя якуты были коневодческим и скотоводческим народом и мы можем предполагать у них размеры семьи и рождаемость несколько большую, чем у охотников-оленеводов тунгусов и других, но, судя по всем имеющимся материалам, якуты были обложены ясаком (в отличие от предков бурят) очень полно, т. е. учтены были все лица мужского пола старше 16 лет. Поэтому применение в отношении якутов всякого другого коэффициента (например, 5, взятого нами для бурят) преувеличило бы их численность.

Применяя коэффициент 4 и учитывая не только количество ясачных якутов, официально числившихся в якутских «подгородных» волостях, но и фактически плативших, мы пришли к выводу (см. табл. 115), что

[20] При использовании табл. 116 надо учесть, что в ней указан в графе «Оклад» лишь оклад ясака, но не поминок. Последних на каждый год намечалось взять в количестве 900—1000 соболей.

к середине XVII в. и, вероятно, к приходу русских, всех якутов «подгородных» волостей было около 25 тыс. чел., а к концу XVII — началу XVIII в.— около 28 тыс. чел. Небольшое сравнительно увеличение численности якутов этих центральных «подгородных» волостей в течение второй половины XVII в. объясняется, как мы уже упоминали, интенсивным выселением якутов в этот период из своего центра на периферию — на Вилюй, к Олекминску и т. д. Изменение численности отдельных волостей видно из табл. 115.

Необходимо учитывать еще следующие обстоятельства. Вместе с якутами Баягантайской волости платили ясак около 40 мемельских тунгусов. Числившаяся в составе «подгородных» волостей Гурменская волость, по-видимому, являлась по происхождению ее членов не якутской, а тунгусской. Отдельные тунгусы были и в составе других «подгородных» волостей. Ниже мы остановимся на этих обстоятельствах и уточним численность «подгородных» якутов. Но все эти группы тунгусов были настолько малочисленны по сравнению с населением этих центральных якутских волостей, что существование их не изменяет сколько-нибудь заметно вышеприведенных данных и выводов.

Установим расселение якутов центральных, «подгородных» волостей.

Ряд указаний о территориальном размещении якутских «подгородных» волостей имеется уже в актах XVII в. На это обстоятельство обратил внимание и С. А. Токарев.

«По некоторым указаниям,— пишет он,— мы можем приблизительно наметить географическую локализацию отдельных «волостей». При этом интересно, что в тех местах, где мы в XVII в. находим определенную волость, название ее в большинстве случаев не исчезает и вплоть до наших дней сохраняется в виде названия улуса (района) или наслега.

Так, Намская волость была в эпоху царского завоевания расположена на левом берегу Лены, ниже теперешнего Якутска.

Кангаласская волость — на том же берегу Лены, выше Намской.

Мегинская волость занимала территорию от правого берега Лены, против Якутска (включая острова на Лене) и до верховьев реки Солы, т. е. там, где был до недавнего времени Мегинский улус.

Бетунская волость находилась близ устья Алдана, по левую его сторону, вокруг озера Тарагана... где теперь Бетюнский и Кобекопский наслеги б. Намского улуса.

Батурусская и Батулинская волости находились по рекам Амге и Татте. На Амге же и на Татте была Игидейская волость, а на Танде — Борогонская. Чириктейская и Дубсинская волости лежали на Алдане..., а на пути между ними и Якутским острогом находилась Оспецкая волость. Емконская волость была расположена на р. Ботоме. Боянозейская и Атамайская волости находились на р. Сите»[21]. Эти свои положения С. А. Токарев подкрепляет ссылками на ряд документов[22].

К данным и соображениям Токарева можно добавить еще следующее. Когда в XVII в. ясачных сборщиков посылали из Якутска в «подгородные» волости, то каждому из них поручали ряд волостей. Естественно предположить, что одному ясачному сборщику поручались соседние волости. Группировки волостей, поручаемых одному ясачному сборщику, были следующие.

1656 год. 1. Кангаласская, Нюрюптейская, Емкопская, Накарская, Подгородная, Малягарская, Бордонская, Гурменская, Ярканская. 2. Батурусская и Хатылинская, Сыланская, Скороульская, Батулинская, Ма-

---

[21] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 39—40.

[22] ЦГАДА, ф. 214, ст. 368, л. 171 и др.; ст. 136, л. 88; кн. 71, л. 61; ф. 1177, ст. 46, л. 55; ст. 57, л. 94; ст. 31, л. 85; ст. 106, л. 9 и др.

гасская, Баягантайская, Идигейская, Одайская. 3. Мегинская, Борогонская, Чюметская, Дубчинская, Успетская, Чиринтейская. 4. Бетунская, Намская, Атамайская, Бояназейская, Катырытская, Модутская, Одейская, Одугейская, Чачюйская и три волости на Токсоме озеро [23].

1662 год. 1. Кангаласская, Нюрюнтейская, Емконская, Накарская, Подгородная, Малягарская, Бордонская, Гурменская, Яркаиская. 2. Батурусская и Катылинская, Сыланская, Скороульская, Батулинская, Магасская, Баягантайская, Игидейская, Одайская. 3. Мегинская. 4. Бетунская, Намская, Атамайская, Бояназейская, Катырыкская, Модутская, Одейская, Одугейская, Чачюйская, разных три волости на Токсоме озере. 5. Борогонская, Чюметская, Дубчинская, Успенская, Чиринтейская [24].

Для установления общих пределов расселения якутов центральных «подгородных» волостей мы использовали также карту расселения народностей Севера СССР, составленную П. Е. Терлецким [25]. При этом мы исходили из следующего предположения: если в 1926 г. какие-либо территории центральной Якутии не были заселены якутами, то можно с большой уверенностью предполагать, что и в XVIII в. эти территории не были заселены якутами, так как с XVII по начало XX в. якуты везде расширяли территорию своего распространения.

Нами была использована также карта территорий наслегов и улусов Якутского округа на 1896 г., составленная Якутской областной чертежной и приложенная к книге В. Серошевского «Якуты» [26].

Сопоставление всех вышеупомянутых, а также ряда других данных с картой Якутской областной чертежной в книге Серошевского позволило установить следующее.

1. Кангаласская волость XVII в. соответствовала территории следующих наслегов Западнокангаласского улуса: Соттинскому, 2-му Малтанскому, Немюгинскому, Эргитскому, Жерскому, Октемскому, Хахсытскому, Багарадскому, Хоринскому, Орюгскому, Кильдемскому, территории г. Якутска и, вероятно, Тулагинскому наслегу Мегинского улуса.

2. Батурусская волость занимала территорию следующих наслегов Батурусского улуса: 1, 2 и 3 Бологурских, Теллейского, Тырасинского, Жулейского, 1 и 2-го Хаяхсытских и 1, 2, 3 и 4-го Жехсогонских по Амге и Татте. Часть 1, 2 и 3-го Балагурских наслегов на карте Якутской областной чертежной, приложенной к книге Серошевского, показана на Амге выше с. Амгинского. Таким образом Батурусская волость получается состоящей из двух разобщенных кусков, из которых северо-восточный, видимо, являлся основным. Существовала ли к приходу русских юго-западная группа батурусцев или этот район был ими колонизован уже после прихода русских, у нас точных данных нет, и мы на карте показываем юго-западную группу батурусцев (балагуров) предположительно, так же как показываем предположительно здесь же на Амге группу бетунцев (см. ниже).

Хатылинская волость занимала территорию 1, 2, 3 и 4-го Хатылинских наслегов Батурусского улуса [27].

3. Нюрюнтейская волость занимала территорию Нюрюнтейского, Догдинского, Харанского, Хадаринского и 1 и 2-го Тыллымпинских наслегов Восточнокангаласского улуса.

---

[23] ЦГАДА, ф. 214, кн. 346, лл. 1—475.

[24] ЦГАДА, ф. 214, кн. 440, лл. 1—373.

[25] Издание Комитета Севера при президиуме ВЦИК, М., 1933. Для целей настоящей работы особенно большое значение имеет карта расселения народностей центральной части ЯАССР, данная врезкой при вышеупомянутой карте.

[26] См. В. Серошевский. Якуты. СПб., 1896.

[27] Мы помещаем Батурусскую и Хатылинскую волости под одним номером, потому что в ясачных книгах они даются вместе.

4. Мегинская волость занимала всю территорию Мегинского улуса, т. е. наслегов Бахсинского, Мегюренского, Долдинского, Жабыльского, 1, 2 и 3-го Мельджахсинских, Женходинского, 1 и 2-го Холгулинских, Батаринского, Мойрутского, Тарагайского и Алтанского.

5. Бетунская волость соответствовала Бетюнскому и Кобяконскому наслегам Намского улуса. К Бетунской волости, видимо, была причислена также Батагайская волость, соответствовавшая, вероятно, Батагайскому наслегу этого же улуса. Группа бетунцев была во второй половине XVII в. и на Амге [28], очевидно там, где на карте Якутской областной чертежной показан Бетюнский наслег Батурусского улуса (ниже с. Амги). Поэтому мы и показываем здесь еще одну группу бетунцев, хотя точных данных, что они здесь жили и к приходу русских, у нас нет.

6. Намская волость соответствовала территории наслегов Кусаган-Эльского, Хомагатинского, Хомустатского, Оюн-Усовского, Мурчукинского, Тастатского и восточной части Хатынг-Яринского (примерно до р. Ханчилы).

7. Борогонская волость соответствовала территории Борогонского улуса в составе наслегов Легойского, Оюн-Усовского, Сыгатского, Хоринского, Берть-Усовского, Курбусатского, 1 и 2-го Ольгетских, 1 и 2-го Соттутских и Сабарайского.

8. Чумецкая (правильнее, вероятно, Туматская) волость, видимо, соответствовала по своей территории Тюляхскому наслегу Дюпсюпского улуса.

9. Атамайская волость соответствовала территории Атамайского наслега Намского улуса, кроме крайней западной его части в бассейне р. Тюгяня.

10. Сылянская волость соответствовала территории Сыланского и, может быть, Алагарского наслегов Батурусского улуса.

11. Дубчинская волость находилась, вероятно, на территории Наяхинского, Тебикопского и той части 2-го Оспетского наслега, которая была расположена на р. Катыстах, притоке Алдана. Все эти наслеги входили в XIX в. в Дюпсюнский улус.

12. Скороульская (Караусская) волость находилась на территории 1 и 2-го Скараульских, вероятно, Женкунского и Эмисского наслегов Батурусского улуса на р. Амге.

13. Емконская волость соответствовала территории 1 и 2-го Жемконских и Хачикатского наслегов Восточнокангаласского улуса.

14. Бояназейская волость находилась на территории 1 и 2-го Быжигажинских наслегов Намского улуса в бассейнах рек Ситты и Ханчилы.

15. Катырыцкая волость соответствовала территории Хатырыкского наслега Намского улуса. Часть катырыков жила также на оз. Кобяй (Ковея).

16. Накарская волость соответствовала территории 1 и 2-го Нахарских наслегов Восточнокангаласского улуса. Часть накарцев, по крайней мере временно, жила в XVII в. и на р. Амге, вероятно, в районе позднейшей Амгинской слободы, и вверх по Амге, в районе устьев рек Танха, Тэгюттэ, Улькан и других, где на карте Якутской областной чертежной показаны Нахарские наслеги.

17. Подгородная волость находилась на территории г. Якутска в пределах Кангаласской волости. Эта волость якутов образовалась из выходцев разных групп якутов уже после прихода русских. Практически ее можно считать частью кангаласов.

---

[28] В 1653 г. упоминаются «Бетунской волости якуты, которые живут на Амге реке» (ЦГАДА, ф. 1177, ст. 106, л. 14).

18. Модутская волость соответствовала территории 1 и 2-го Модутских наслегов Намского улуса.

19. Успецкая волость находилась на территории 1 и 2-го Оспетских и Оперского наслегов Дюпсюнского улуса (см. также выше, № 11).

20. Чириктейская волость находилась на территории Чериктейского наслега Дюпсюнского улуса.

21. Батулинская волость находилась, вероятно, на территории Хадарского, Сулгачинского, 1-го Чакырского и Кугудинского наслегов Батурусского улуса на Амге и Татте.

22. Малягарская волость находилась на территории 1, 2, 3 и 4-го Мальджегарских наслегов Западнокангаласского улуса к востоку от р. Синя.

23. Одейская волость находилась на территории 1 и 2-го Одейских наслегов Намского улуса.

24. Бордонская.
25. Гурменская.
26. Яркапская.

Эти три волости к приходу русских находились на территории Западнокангаласского улуса. Подробнее на них мы остановимся ниже.

27. Магасская (она же как будто и Хоринская) волость находились на Алдане между устьями рек Томпо и Уяна и частично на нижнем течении Татты, примерно на территории 2-го Игидейского, 4-го Баягантайского и приалданской части Кангаласского наслегов Баягантайского улуса.

28. Одугейская волость находилась на территории восточной части Одунинского наслега Западнокангаласского улуса.

29. Баягантайская волость находилась на территории 1 и 2-го Баягантайских и западной части Кангаласского наслегов Баягантайского улуса. Кроме того, в состав Баягантайской волости входили мемельские тунгусы, жившие в бассейне р. Томпо (см. ниже).

30. Игидейская волость соответствовала территории 1-го Игидейского наслега Баягантайского улуса.

31. Одайская волость находилась на Алдане, в районе устьев рек Амги и Томпо, примерно на территории 1 и 2-го Игидейских наслегов Батурусского улуса и 3-го Баягантайского наслега Баягантайского улуса. До сих пор население района устья р. Амги продолжают называть одайцами. В этом мы могли убедиться, когда находились в 1945 г. в районном центре Таттинского района, поселке Ытык кюэль.

32. Чечуйская волость находилась за пределами позднейшего Якутского округа, а именно в пределах позднейшего Вилюйского округа на оз. Кобяй (Ковея), и только формально числилась «подгородной» волостью. Почему-то она оказалась приписанной непосредственно к Якутскому острогу, а не к Усть-Вилюйскому ясачному зимовью.

33, 34, 35. «Розных три волости на Токсоме озере, Олеская, да Оргуцкая, да Тагусская, списаны вместе, и с тем, что в том же числе Собо[л]ницкой волости якуты». Эта группа якутов тоже находилась на территории позднейшего Вилюйского округа, к северо-востоку от оз. Кобяй, по соседству с якутами Усть-Вилюйского зимовья, и лишь по каким-то неясным причинам была приписана в административно-податном отношении непосредственно к г. Якутску. Тагусские, олесские якуты и якуты «соболники» представляли часть родов вилюйских якутов. Только оргуцкие якуты, жившие на Токсоме озере, представляли, вероятно, выходцев из кангаласов.

На этой группе и на чечуйских якутах мы подробнее остановимся при рассмотрении коренного якутского населения Вилюя, т. е. якутов, плативших ясак в Средневилюйском и Усть-Вилюйском зимовьях.

Мы рассмотрели все волости «подгородных» якутов XVII в. и почти все наслеги центральной Якутии конца XIX в. В отношении некоторых

наслегов нельзя сказать ничего определенного. Например, мы не знаем точно, входила ли территория Алагарского наслега Батурусского улуса в Мегинскую, или, что вероятнее, в Сыланскую волость; мы не знаем, кто жил на территории Орсютского наслега Западнокангаласского улуса к востоку от Лены (на р. Тамме и ее притоке Чемыяке и на р. Мыла); не знаем точно, в какую волость входила территория Эмисского наслега Батурусского улуса; необходимо уточнить происхождение ряда позднейших наслегов от якутских волостей XVII в., о чем у нас точных данных нет. Эти наслеги следующие: Тулагинский наслег б. Мегинского улуса, Батагайский наслег б. Намского улуса, Теллейский наслег б. Батурусского улуса. Мы предполагаем, что постоянное якутское население к приходу русских на Амге выше района современного с. Амгинского было распространено довольно далеко вверх по Амге, как это показано на карте Якутской областной чертежной, приложенной к книге Серошевского, но что якутов еще почти не было на левых притоках Алдана реках Коттара, Миль, Билир, в верховьях Батомы и других, где они также показаны на карте Якутской областной чертежной.

Переходим к вопросу о расселении к приходу русских якутов Бордонской, Ярканской и Гурменской волостей. Уже к концу XVII в. бордонцы и ярканцы целиком переселились на Вилюй, так что территория, которую они занимали в XIX в., не может дать никаких указаний на их первоначальное расселение. Что касается гурменцев, то они представляли, видимо, группу объякученных тунгусов Нюрбаганского (Нюрмаганского) рода. Само название «гурмен», вероятно, является искажением названия «нгурмаган», или «нгурман». Рассмотрим теперь, какие у нас есть данные о местожительстве в XVII в. якутов Бордонской, Ярканской и Гурменской волостей до переселения их в район Олекминска и на Вилюй.

В ясачной книге атамана Ивана Галкина за 1635 г. имеется запись: «Взято вновь государева ясаку с верху Лены реки с Кайгалакского князца з Бойдоя и с его улусных людей 86 соболей» [29]. Надо заметить при этом, что бордонцев вначале считали кангаласами («кайгалаками») и что само название «бордонская» образовалось, видимо, от имени главы этой группы кангаласов Бойдоя, или Бордоя [30]. Выражение «с верху Лены реки» означает вверх от Якутского острога.

В 1641 г. были посланы служилые люди «из Якутского острогу за Лену реку х князцем Еюку и к Тыпенепком к Бозекою и к Кураю з братьею и к бордонскому князцу к Бордою сыну и ярканскому князцу Треке и к их улусным людям для покупки на государев расход з государевым товаром и з деньгами купити им скота» [31]. Кроме того, Бордон (Бойдон) и Трека должны были приехать в Якутск представиться воеводам. Так как до 1643 г. Якутский острог стоял на правом берегу Лены, то этот документ устанавливает, что Бордонская и Ярканская волости находились на левом берегу Лены, вероятно где-то по соседству с кангаласами.

То, что Бордонская волость была по соседству с Кангаласской, подтверждается и тем, что когда в 1642 г. в юртах главы кангаласов Бозеко убили атамана Осипа Галкина, то там вместе с нюрюнтейскими и малягарскими якутами был и глава бордонцев Бойдон [32].

---

[29] ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 60.

[30] Вероятно, Бордоя (Бойдоя) имели в виду, когда писали, что на «великой реке Лене лутчие тайоны Бодочь да Тыпина».

[31] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 30, л. 4; см. также сборник документов «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» Л., 1936, стр. 10.

[32] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 36, лл. 3, 8.

Бордонская волость была, с одной стороны, где-то недалеко от кангаласов, с другой — поблизости от р. Сини. В «памяти» атаману Осипу Галкину от 19 февраля 1642 г., когда он отправился в свою злополучную поездку вверх по Лене от Якутска, указывалось, что «будет в Бордонской волости или вверх по Сине будут тунгусы с Витима реки или с Олекмы и вам тех тунгусов распрошать» [33] (речь идет о письменном голове Еналее Бахтеярове, отправленном в 1641 г. вверх по Витиму).

В 1644 г. Бойдон, глава бордонцев, был на Вилюе в районе Верхневилюйского зимовья, где торговал с тунгусами [34]. Об этом пребывании Бойдона, а также главы ярканцев Треки на Вилюе ясачный сборщик Верхневилюйского зимовья служилый человек Степан Гаврилов и целовальник Якунка Гусев писали, что к ясачным людям Верховилюйского зимовья «перешли с прежнего своего житья с Лены реки на Вилюй реку с усть Сини реки кангаласские конные якуты князец Бойдон да Трека с Оросей со многими якутами и стали жить с ясачными тунгусами на их житьях между Вилюем и Варкою по верхнюю сторону Варки. И те ясачные люди тунгусы соболи промышляют и продают тем конным якутам кангаласским на быки и на коровы и на молока и на кумызы, а ясаку государева полного не платят. И будет вперед те конные якуты кангаласские станут на тунгусских житьях жить с тунгусами вместе, ино и впредь с тех ясачных тунгусов государева ясаку полново не будет, потому что те ясачные люди тунгусы на скот на быки и на коровы и на кобылы и на молока и на кумызы немерно падчивы... и всего государева ясаку не допито с тунгусских аманатов на нынешней на 152 год 10 сороков 35 соболей. Да с якутов взято государева ясаку с кангаласов с князца Бойдона ноября в 20 день 30 соболей да с роду ево взято 2 сорока 13 соболей. И Бойдон отказал: больше де тово у меня соболей нет, дать нечево. И марта в 21 день Бойдоновых четыре сына поймали Тупарчю, да Еренейка, да Тюляка да Кызылка. И трех ево сыновей отпустили, а Тупарчю взяли в аманаты. И Бойдон дал с себя государева ясаку 71 соболь да с роду его взято 20 соболей. А Бойдону [мы] говорим: поеди с Вилюя на старые свои житья на Лену реку. И Бойдон на Лену реку не идет» [35].

Этот документ еще раз подтверждает, наш вывод о том, что бордонцы, а также как будто и ярканцы, являлись подразделением кангаласов и вначале жили на Лене в районе устья р. Сини. Вместе с тем данный документ свидетельствует о первом переселении бордонцев и ярканцев на Вилюй. После этого их еще возвращали на Лену, но в конце концов они остались на Вилюе. Свидетельство о том, что бордонцы и, может быть, ярканцы являлись кангаласами по происхождению, возможно, освещает путь сегментации основных родоплеменных групп якутов и образования новых родов, освещает один из путей, приведших к образованию того многообразия якутских «волостей», которое застали в XVII в. русские.

В 1648 г. якутскому служилому человеку Вахромею Максимову было приказано «по той же Сине реке в горе сыскать бордонской волости якутов Оросия Бордонова, который наперед сего платил на Вилюе в Среднем зимовье, да дети ево Бие да Буртяк, да сво же Оросиевых детей, которые государева ясаку с себя в Якутском остроге и в Вилюйское Середнее зимовье неплатили, Куманка да Буятка...» [36].

26 сентября 1646 г. Малигарской волости князец Откуро Онкотоев сказал, что весной 1646 г. якуты «Яркаиской волости князец Куреяк з детми з Гугжею с Тюремесем, з Быкеей и этой же волости улусный мужик

[33] Там же, ст. 31, л. 122 об.
[34] Там же, ст. 32, л. 17.
[35] Там же, ст. 43, лл. 316—317. Переселение Бойдона на Вилюй произошло, видимо, в 1643 г. (см. там же, ст. 62, л. 8).
[36] Там же, ст. 48, л. 31.

Тюсерга Кориев з детми з Тюляком с Кунеем сошли вверх по Лене реке к Олекминскому и очищать [т. е. платить] в Якутский острог ныне зимою не будут» [37].

В 1648 г. один из этих якутов, Тюсерга Куреяков (Кориев), в районе Олекминского острожка имел столкновение со служилыми людьми, которые хотели его привести в острог на суд по жалобе другого якута [38].

Несмотря на свое переселение на Вилюй, бордонцы продолжали охотиться на Лене в районе р. Сини. В 1646 г. два промышленных человека жаловались «на ясачных якутов Бордонской волости на князца Бойдона да на зятя ево, а имени ево не ведаем, да на Треку. В нынешнем... во 154-м году были мы... на соболином промысле на Лене реке выше Сини четыре днища, седели в зимовье, и как мы... поднялись на лес на соболиный промысел и он Бойдон з зятем своим и с Трекою (вероятно, ярканский князец Трека. — *Б. Д.*) приехав в зимовье у нас разграбили, увезли 10 пуд муки» [39].

О местожительстве или месте промыслов членов «Гурменской» волости в XVII в. у нас данных нет. Но эта волость не только писалась в общем списке якутских волостей между Бордонской и Ярканской, но и была связана с последними в действительности. Так, для 1646 г. мы имеем формулировки: «Арканские и Гурбенские и Бордонские же волости с князца с Треки Иргилева», «Бордонской и Гурменской волости князец Бойдон Чебелеков з детми и с улусными людми» [40].

Таким образом, можно сделать вывод, что Бордонская, Гурменская и Ярканская волости находились где-то в нижнем течении р. Сини, и поэтому, исходя из всех вышеприведенных данных, заимствованных из актов XVII в., мы показываем район устья р. Сини (в пределах позднейшего 5-го Мальджегарского наслега) для XVII в. как территорию бордонцев, гурменцев и ярканцев.

Остается решить вопрос, кем все-таки считать гурменцев-нюрмаганов к приходу русских — якутами или тунгусами. Здесь надо иметь в виду, что интересующие нас сейчас нюрмаганы-гурменцы составляли небольшое ответвление большого рода вилюйских тунгусов — рода Нюрмаган. (О последних мы будем говорить при описании тунгусского населения Вилюя). По-видимому, интересующая нас сейчас группа нюрмаганов уже до прихода русских стала жить вместе с якутами-кангаласами. К приходу русских эти нюрмаганы, судя по их именам, были в значительной степени объякучены и связаны с якутами (бордонцами и ярканцами) в социально-экономическом отношении. Перед русской администрацией XVII в. гурменцам-нюрмаганам даже выгоднее было показать себя якутами, так как размеры ясачного обложения якутов в общем были ниже, чем тунгусов. В дальнейшем эти нюрмаганы-гурменцы совершенно слились с якутами. Но для XVII в. их еще можно считать частью тунгусского народа, так же как и остальных нюрмаганов — обитателей Вилюя необходимо считать тунгусами.

Надо иметь также в виду, что сообщение И. И. Майнова о том, что предок тунгусов-нюрмаганов по имени Куи имел недоразумение из-за земли со старостой якутского Мытатского наслега на Сине [41], вероятно,

---

[37] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 50, л. 1.
[38] Там же, ст. 48, л. 23.
[39] Там же, ст. 66, л. 53.
[40] Там же, оп. 2, ст. 56, лл. 139, 150.
[41] См.: И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск, 1898, стр. 172—173. Майнов очень сбивчиво описывает территорию так называемых «кангаласких» тунгусов (там же, стр. 168). Совершенно непонятно его сообщение о том, что северным пределом распространения «кангаласских» тунгусов являются реки Монда и Тенгутти, а западным Мархa и Чина (из бассейна Синей), расположенные значительно севернее первых (см. там же, стр. 168) и т. п.

относятся к гораздо более позднему времени, когда вытесненные якутами с Вилюя нюрмаганы стали мигрировать на юг и частично поселились на Сине, где образовали небольшой Нермагано-чинский наслег, существующий и в настоящее время. К гурменцам XVII в. сообщение Майнова вряд ли имеет какое-либо отношение.

Помимо группы нюрмаганов (гурменцев), вместе с «подгородными» якутами платили ясак в XVII в. и позже также и так называемые мямяльские (мемельские) тунгусы. Установим теперь численность и местожительство этих тунгусов.

В ясачной книге за 1654 г. указано, чо в Баягантайской волости явилось к ясачному платежу 27 якутов этой волости и четыре тунгуса Мемельской волости [42]. В этом году, как и вообще до начала 60-х годов, были учтены пе все ясачные якуты и тунгусы. Для 1678 г. у нас есть и список мемельских тунгусов, живших в Баягантайской волости. Всего в этом списке числится 39 чел. [43] Можпо считать, что в 70-х годах XVII в. было около 40 ясачных мемельских тунгусов (всего около 160 чел. населения). Столько же их было, вероятно, и к середине XVII в., ко времени прихода русских. Можно считать также, что к концу XVII в. ясачных мемельских тунгусов было около 30 (всего 120 чел. населения) [44].

Таким образом, из общей численности якутского населения «подгородных» волостей необходимо вычесть не только население Гурменской волости, но и мемельских тунгусов, учитывавшихся в составе Баягантайской волости. Всего тунгусов Гурменской волости и мемельских тунгусов в середине XVII в. было 230 чел., из них 57 ясачных, и во второй половине этого столетия 240 чел., в том числе 60 ясачных. Эти цифры необходимо вычесть из данных табл. 116, показывающей общее количество населения «подгородных» волостей центральпой Якутии, чтобы получить численность одних якутов. Надо, однако, иметь в виду, что мемельские тунгусы, как и гурменцы-нюрмаганы, в XVII в. уже имели якутские имена. Впрочем, это могло зависеть от того, что эти тунгусы были двуязычны и разговаривали с знавшими якутский язык служилыми людьми только по-якутски.

Относительно местожительства мемельских тунгусов в XVII в. имеется мало сведений. В 1648 г. служилому человеку, известному землепроходцу Ивану Ерастову «с товарищи» поручено было ехать «из Якутцкого острогу через гору конми на Ламу озеро к баягантайским х Бакчигировым родником и к одайским якутам да за Ламу ж под Янской камень к мемельским кочевным тунгусом... а приехав на Ламу к Бакчигиру и взять тово Бакчигира в вожи под Янской камень к тем мемельским тунгусом и одайском и катылинском и коринском и сылянском и баянтагайском якутом и тунгусом». Ерастову предлагалось сказать этим сбежавшим к мемельским тунгусам за Алдан якутам «государево жалованное слово», чтобы «они б якуты по прежнему, а тунгусы вновь, с своими родами были под его государскою царскою высокою рукою» [45]. Всего предполагалось найти ясачных якутов Коринской волости семь человек, Одайской — восемь, Сыланской — двух, Катылинской — трех [46]. Проводниками и спутниками отряда Ерасова должны были быть баягаптайскпе якуты во главе со своим тойоном Бакчигиром. Почему Алдан здесь назван Ламой, да еще в одном случае озером — непонятно. Очевидно, сказывалась недостаточ-

---

[42] ЦГАДА, ф. 214, кн. 307, л. 442.

[43] Там же, кн. 693, лл. 936—939.

[44] По аналогии с другими группами тунгусов, сильно пострадавших от оспы 1691—1692 гг. мы считаем, что произошло некоторое уменьшение численности и мемельских тунгусов.

[45] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, лл. 35—37.

[46] Там же, лл. 44—45.

пая к этому времени изученность Якутского края русскими служилыми людьми.

В этом же году алданские тунгусы Мямяльского рода жаловались на то, что на них нападают одайские якуты. Наиболее ранним известием о мемельских (мямяльских) тунгусах является, вероятно, упоминание о них в челобитной Михаила Стадухина от 1642 г., в которой он сообщает, что в 1641 г. он и другие якутские казаки, в том числе и Семен Дежнев, были посланы «...на Оемокон реку к ...ясачным людям якутом и к мемельским тунгусам и к ламунскому тунгусу к Чюне для ради... ясачного сбору» [47].

Якуты, из-за которых Стадухин пошел на Оймекон, были из «подгородных» волостей (вероятно, баягантайскими), незадолго перед этим сбежавшими сюда. Они, как и отряд Стадухина, на Оймеконе подверглись нападению охотских тунгусов (ламутов), перебивших, в частности, у них лошадей. Под аманата Чюню ламуты ясак не дали. В конце концов якуты пошли обратно «на Лену на старые свои кочевья», а Стадухин со своим отрядом, которому на Оймеконе стало «жити не у чево, никаких людей нет, место пустое и голодное», пошел вниз по Индигирке (он называет до места ее слияния с Момой Оймеконом) и затем на Колыму. О мемельских тунгусах Стадухин больше не упоминал.

Взять ясак с мемельских тунгусов Стадухин, очевидно, должен был по дороге на Оймекон в бассейне р. Томпо. Возможно, что часть мемельцев вместе с баягантайскими якутами уходила и на Оймекон, но в основном последний был областью кочевания охотских тунгусов.

Таким образом, мемельские тунгусы жили к югу от хребта, разделяющего бассейны Яны и Алдана, где-то по соседству с баягантайскими, хоринскими и одайскими якутами и по дороге на Оймекон. Всем этим условиям отвечает бассейн р. Томпо — притока Алдана. В бассейне р. Томпо и его притока р. Меикюл и на впадающих в Алдан ниже Томпо реках Уяна, Тукулан и других кочевали мемельские тунгусы и в период переписи 1897 г. [48] и позже [49]. Здесь же показаны большие группы тунгусов и на карте П. Е. Терлецкого.

По-видимому, мемельские тунгусы почти не изменили района своего местожительства с XVII до начала XX в. Это обстоятельство и помогло нам нанести их территорию на карту.

Мы исчерпали вопросы, связанные с населением центральных «подгородных» якутских волостей. Как мы видели, в числе этих якутов оказались и две группы тунгусов. Отдельные тунгусы и даже целые небольшие группы их фиксировались и в других якутских волостях, например в Батулинской и Магасской. Это по большей части были, вероятно, тунгусы соседних якутам племен и родов, главным образом бедняки, потерявшие почему-либо своих оленей и ютившиеся около якутов.

Изложим некоторые данные о родовом составе якутских «подгородных» волостей, извлеченные из материалов XVII в. На то обстоятельство, что волости «подгородных» якутов XVII в. включали в свой состав несколько родовых группировок, первый обратил внимание С. А. Токарев. Он пишет: «У нас нет точных данных, чтобы судить о том, из каких более мелких родовых групп состояла каждая «волость», но некоторые такие группы, входившие в состав отдельных волостей, известны. Так... Каты-

---

[47] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 12, л. 99.

[48] См. С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. III. СПб., 1912, стр. 756, 743—745 (см. далее: С. К. Патканов. Статистические данные...)

[49] См. М. К. Расцветаев. Тунгусы Мямяльского рода. «Труды СОПС АН СССР», вып. XIII, Л., 1933, стр. 11; см. также карту, приложенную к этой книжке.

линская волость, или, точнее, род, составлял часть Батурусского племени; князец Очей в документах фигурирует то как батурусский, то как катылинский князец, а сын его Кантак Очеев прямо именуется: «Батурусской и Катылинской волости князец». В ту же Батурусскую волость входили и балагурцы (балугурцы). Часть Батулинской волости составляли кантуги. В Борогонскую волость входила, между прочим, группа еюсцев. Помимо этого, известен еще целый ряд названий «волостей», часто обозначаемых и как «роды», которые не встречаются в приведенном выше списке 35 якутских волостей... следовательно, эти «волости» и «роды», не фигурирующие в числе 35, составляли подразделение того или иного племени. Такими подразделениями племен, помимо упомянутых выше балагуров, кантугов и еюсцев, являются Коринская волость (род), Тамтарбанская волость (род), Киринейский (вероятно, Кирикейский.— *Б. Д.*), Карауский, Майматцкий, Баюский роды, Егекиский улус, Ексогонская волость, Колайская, Сотусская, Ланская волости, Нимчанский род, Опюгуйский улус, Сокоцкая волость, Талайцы, Тамкайская, Тарасинская волости» [50].

В подтверждение этих своих заключений С. А. Токарев ссылается на многочисленные документы из архивов [51].

Токаревым подробно отмечены соответствия названий волостей и их подразделений XVII в. названиям позднейших улусов, наслегов и родов [52]. Относительно катылинцев, балагуров, «еюсцев» и кантугов уже было упомянуто выше. Для остальных якутских родов XVII в., выявленных Токаревым и не образовывавших тогда самостоятельных волостей, им устанавливаются следующие соответствия с якутскими родами и наслегами XIX в.: Баюсский род соответствует Боетским родам в Жешкунском, Хадарском и 2-м Хаяхсытском наслегах Батурусского улуса; Ексогонская «волость», или Егекиссний «улус» — 1, 2, 3 и 4-му Жехсогонским наслегам Батурусского улуса; Соттуская «волость» — 1 и 2-ому Соттутским наслегам Борогонского улуса; Тарасинская «волость» — Тарасинскому наслегу Батурусского улуса. Название Келетского рода Мегюренского наслега Мегинского улуса восходит, по мнению Токарева, к Колайскому роду. Кроме того, он отмечает соответствие Онерской, Осютской и Чакырской волостей XVII в. Онерскому наслегу Дюпсупского улуса, Эситскому роду 3-го Баягантайского наслега Баягантайского улуса и 1 и 2-му Чакырскому наслегам Батурусского улуса [53]. «Еюсцев» XVII в. можно видеть в оюп-усовского наслега Борогонского улуса; «Карауский род», очевидно, представляет первоначальное название Скороульской волости, в дальнейшем 1 и 2-го Скороульских наслегов Батурусского улуса и т. д.

С. А. Токарев перечисляет также случаи, когда названия, отмечаемые в XVII в., в позднейших названиях улусов, наслегов, родов не встречаются. Оговорим, однако, что в последнем перечне Токарев в ряде случаев ошибается, считая те или другие названия исчезнувшими. Как указывалось выше, название Буяназейская соответствует позднейшему названию Быджигаджинских наслегов, название Гурменская — названию Нюрбаган (Нюрмаган) у тунгусов, название Мангунская является искаженным названием Мегинская, название Чумецкая соответствует, вероятно, сохранившемуся названию Тюляхский и т. д.

---

[50] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 44. Заметим, что название ланские, очевидно, представляет описку подьячего (вместо сыланские).

[51] См. там же, стр. 235, сноска 64—73. Надо заметить, что сноски здесь перепутаны и в тексте имеется ссылка на 74 сноску, которой нет.

[52] См. С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 389—393.

[53] См. там же, стр. 357.

Названия Онюгуйский улус и Сокотская волость, которые Токарев не находит среди якутских наслегов и родов XIX в., соответствуют, пожалуй, Немюгинскому наслегу Западнокангаласского улуса и Сыгатскому наслегу Борогонского улуса. Как и Токарев, мы не могли найти среди якутских наслегов и родов XIX в. соответствие трем «волостям» XVII в., а именно Тагалской, Тагамайской и Тамкайской, если только это не искаженное название позднейшего Тарагайского наслега Мегинского улуса.

По поводу имеющихся соответствий названий якутских волостей XVII в. позднейшим названиям улусов, наслегов и родов следует, однако, указать, что, делая такие сопоставления, по нашему мнению, необходимо выделить основное ядро преемников того или иного рода, той или иной волости XVII в. и отдельно указывать позднейшие ответвления, подразделения или колонии, часто переселившиеся за тысячи километров, но сохранившие свое первоначальное название. В некоторых случаях мы имеем такое положение, когда первопачальное ядро родоплеменной группы или распадается, или хотя и сохраняется, но теряет свое название. Так обстоит, например, дело с батулинцами и хоринцами. На Амге, Татте и на Алдане, где жили в XVII в. батулинцы и хоринцы, эти названия, по крайней мере в официальных списках, исчезли. Сохранилось название батулинцы (Батылы, Батулу и т. д.) на верхнем Вилюе (Батулинский наслег), в Жиганском улусе в низовьях Лены (1 и 2-й Батулинские наслеги), в Устьянском улусе (Батулинский наслег) и в Кильдемском наслеге Западнокангаласского улуса (Батулинский род). К этому мы еще добавим род Ботулу, живший на оз. Есей и во всем бассейне Хатанги и ее притока Хеты. Название хоринцы у якутов, как отмечает Токарев, сохранилось в Борогонском улусе (наслег), Западнокангаласском улусе (наслег), Верхневилюйском улусе (наслег), Сунтарском улусе (наслег), в Жабыльском наслеге Мегинского улуса (род), во 2-м Быджагаджинском наслеге Намского улуса (род). В данных случаях налицо полное несоответствие распространения этих названий в XIX — начале XX в. местоположению соответствующих волостей в XVII в.

Но, как мы уже видели, в большинстве случаев наслеги и улусы центральной Якутии XIX — начале XX в. и по своим названиям и по своей территории соответствовали тем или иным волостям XVII в. При этом наслеги конца XIX в. в Якутском округе в общем соответствовали родам XVII в. Таким образом, можно считать, что волости XVII в., состоявшие из одного рода, в XIX в. соответствуют отдельным наслегам или двум, трем и более наслегам, имеющим общее название и различающимся лишь номерами, например, 1 и 2-й Одейские, 1, 2, 3, 4 и 5-й Мальджагарские, 1 и 2-й Нахарские и т. д. Наоборот, некоторые большие волости XVII в. соответствуют таким образованиям, как Мегинский или Борогонский улусы конца XIX в. При этом многочисленные наслеги, входившие в эти улусы в XIX в., очевидно, более или менее соответствуют родам, которые входили в эти волости в XVII в. Сложнее по своему составу такие улусы конца XIX в., как Намский, Западнокангаласский, Батурусский и Баягантайский, где к основному ядру улуса, соответствующему большой волости XVII в., состоявшей из ряда родов, присоединены другие волости-роды, в XVII в. существовавшие самостоятельно. Так, в состав Западнокангаласского улуса, помимо Кангаласской волости, вошли также волости Малягарская и Одугейская. В состав Намского улуса, помимо Намской волости, образовывавшей основное ядро улуса, вошли волости Атамайская, Буяназейская, Бетунская, Одейская, Модутская и Катырыкская. В состав Баягантайского улуса вошли волости Баягантайская и Игидейская, образовавшие основное ядро населения улуса, и более мелкие волости — Магасская и Одайская, первоначальное население которых, впрочем, по большей части выселилось на Вилюй и в северные районы Яку-

тии. Ядро Батурусского улуса образовала Батурусская волость, к которой были присоединены волости Батулинская, Сылапская и Скороульская. Остальные улусы Якутского округа конца XIX в. представляли конгломераты прежних волостей XVII в., а именно: Восточнокангаласский улус соответствовал волостям Нюрюптейской, Накарской, Ямкопской, а Дюпсюпский улус — волостям Дубчинской, Черинтейской, Успетской и Чюметской.

Улусы у якутов существовали уже в 1720 г. Кангаласский улус объединял тогда волости Кангаласскую, Нюрюптейскую, Малягарскую, Накарскую, Емконскую и Подгородную. В Намский улус входили волости Намская, Бетунская, Одейская, Модутская. Катырытская, Атамайская, Буяназейская и Эдюгейская (Одугейская). Батурусский улус в 1720 г. образовывали волости Батурусская (с Катылинской), Батулинская, Сылапская, Игидейская, Скороульская, Магасская, Одайская и Баягантайская. Мегинский улус соответствовал и в 1720 г. Мегинской волости (с Баксинским родом). Борогонский улус тогда образовывали волости Борогонская, Успецкая, Чириптейская, Чюметская и Дупсунская. Таким образом, у «подгородных» якутов было в XIX в. восемь улусов вместо пяти, существовавших в 1720 г. Можно, следовательно, считать, что выделение Восточнокангаласского улуса из Кангаласского, Баягантайского из Батурусского и Дюпсюнского из Борогонского является более поздним мероприятием русской администрации.

С. А. Токарев прав, утверждая, что материалы XVII в. не дают нам полных данных о родовом составе якутских «подгородных» волостей, по крайней мере тех из них, которые к приходу русских уже состояли из нескольких родов. Больше у нас данных о якутах, живших не в своих волостях, имеется за 1678—1679 гг.[54] и за 1720 г.[55] Токарев в своей работе об общественном строе якутов обращает внимание на это обстоятельство, ставшее особенно заметным во второй половине XVII в.[56].

Если не считать волостей «стандартного» списка (см. табл. 115), то сверх в них в вышеупомянутых материалах мы находим лишь 21 название. Из них баксинцы — родовая группа, которая, к приходу русских образовывала самостоятельную волость и затем числилась в составе Мегинской волости. Якуты родов (волостей) Тагусского, Кокуйского, Осекуйского, «Гиляцкого» и Тамтарванского (они же, видимо, так называемые «туматы») в основном были сосредоточены на Вилюе, в составе населения которого мы их и рассмотрим в своем месте. Члены Нимчанского и Долгатского родов представляли, вероятно, тунгусов, поселившихся среди якутов. Якуты-коринцы входили в состав плательщиков ясака Кампунского зимовья (см. ниже). Остается 10 родов центральных якутов, которые не встречаются ни в списке «подгородных» волостей, ни среди вилюйских якутов, ни среди окружавших якутов тунгусов. Эти роды в 1678—1679 гг. были следующие (цифра в скобках обозначает число лиц, причисленных к этим родам): Каракангаласский (1), Майматский (7), Урюпейский (2), Мепгский (7), Сосуйский (2), Талайский (2), Кюпский (1). В 1720 г. упомянуты, кроме того, Инилясский, Батагайский, Алагарский, Кодесюнский роды (волости). Каракангаласами, видимо, назывались якуты Оргетского (Эргитского, Урготского и т. д.) рода у кангаласов.

Относительно урюнейцев (юэрюнейцев) можно предполагать, что они составляли род у бетунцев, так же как талайцы (таласцы) составляли род у намцев. Среди якутов центральной Якутии «Урапайский», т. е. Юэрэ-

[54] ЦГАДА, ф. 214, кн. 693, 687.
[55] Там же, кн. 1620.
[56] См. С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 40, 356.

нэйский, род сохранился к концу XIX в. в Бетунском наслеге Батурусского улуса. Среди северных якутов-оленеводов Бетунского наслега род Юэрюнэй зарегистрирован нами в 1926—1936 гг. и И. С. Гурвичем в 1940-х годах [57].

Талайские роды существовали в Хомустатском наслеге Намского улуса тоже до последнего времени [58]. О Сосуйском роде нам известно, что это название Хохуйского рода Бетунского наслега Намского улуса. Род Маймага сохранялся до недавнего времени в 1-м Атамайском наслеге Намского улуса. По-видимому, он занимал ту обособленную территорию Атамайского наслега, которая на карте Якутской областной чертежной показана по правобережью р. Кенкема (к северу от основной территории Модутского и Катырыкского наслегов), где имеется надпись «Урочище Маймага». Род Маймага имелся среди якутов-оленеводов на оз. Есей и на Олепеке. Бо́льшая часть Меитского рода к 1678 г. перешла к Олекминску. О Кюпском роде мы будем иметь случай говорить ниже, при описании населения, приписанного к Буталскому зимовью.

Названия родов, отмеченных в 1720 г.,— Алагарского, Кодесюнского (ср. у С. А. Токарева Кадайская волость) и Ипиласского — соответствуют названиям Алагарского наслега Батурусского улуса, Кодесюнского наслега Намского улуса и Ыйласского рода 1-го Нахарского наслега Восточнокангадасского улуса.

Таким образом, помимо родов, образовывавших в русском административном устройстве «подгородных» якутов XVII в. отдельные волости, существовали еще роды, которые самостоятельных волостей не образовывали, а входили в какую-нибудь из перечисленных выше «стандартных» волостей. Кроме всех только что названных родов, таким, не образовавшим во второй половине XVII в. самостоятельную волость, родом был Батагай, существовавший в качестве отдельного наслега до недавнего времени в центральной Якутии [59] и образовавший род Батагай у северных якутов-оленеводов [60]. Почему-то среди списков якутов 1678 г. батагайцев не оказалось. Можно поэтому предполагать, что нам остались неизвестны и еще некоторые другие роды «подгородных» якутов XVII в., не образовывавшие самостоятельных волостей в административно-податной организации населения Якутского уезда.

Подведем итоги нашим данным о родоплеменной структуре якутов центральной Якутии в XVII в.

Ядро якутов XVII в. образовывали большие волости, состоявшие каждая, видимо, из ряда родов. Это следующие волости:

1. Кангаласская. В ней в XVII в. существовали роды Орготский (Урготский, Эргитский), Немюгинский («Опюгуйский» улус) и Корицкий. Возможно, под названием «Осюгского» рода были известны и предки Орсюгского наслега среди кангаласов. Вероятно, у кангаласов было еще пять-шесть родов, в материалах XVII в. не упомянутые, но являвшиеся предками наслегов Соттинского, Малтанского, Жерского, Октемского, Кильдемского, Багарадского [61].

Предки Эргитского (Орготского, Урготского) наслега и, может быть, некоторых других, по-видимому, имели особое название — каракангаласы

---

[57] См. И. С. Гурвич. Олепекские и анабарские якуты. М., 1949, стр. 9.

[58] См. С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 393.

[59] См. там же, стр. 389.

[60] По данным И. С. Гурвича и нашим.

[61] Мы не считаем Хахсытского наслега, так как есть данные, что он являлся частью Октемского. В 1720 г. среди кангаласов числилось 18 чел. Отсюда понятно и появление у кангаласов Хоринского и Магапского наслегов. Легенда о прародителе якутов-коринцев Улу-Хоро, приехавшем на быке с Алдана, находит, таким образом, некоторое подтверждение в происхождении коринцев, находящихся в составе кангаласов, с востока, с Алдана.

(т. е. черные кангаласы). Поэтому выходцы из кангаласов на Амге наверное и получили название Кара-уха, т. е. Черный род. Это название было переделано русскими в Караусская, а затем в Скороульскую волость.

2. Мегинская. Из многочисленных наслегов Мегинского улуса определенно в XVII в. упоминаются лишь предки Баксинского наслега, первое время после прихода русских образовывавшие самостоятельную волость. Возможно, что под названием Тагалского (Тагамайского, Тамкайского) рода упомянуты в XVII в. предки Тарагайского улуса и под названием Колайского рода — предки Келетского рода Мегюренского наслега. Остальные 10 наслегов Мегинского улуса в XVII в. не упомянуты, но нет сомнения, что эта самая многочисленная волость якутов XVII в. состояла из ряда родов.

3. Борогонская. В XVII в. среди борогонцев отмечены роды Еюсский (Оюн-усовский), Сокоцкий (Сыгатский) и Соттутский — предки одноименных наслегов Борогонского улуса. Предками Легойского наслега этого улуса был, очевидно, тот род, к которому принадлежал известный по истории присоединения Якутии к России тойон Легей. Вероятно, тогда в этой волости существовали в качестве отдельных родов и предки остальных шести наслегов Борогонского улуса.

4. Батурусская (Катылинская). В XVII в. упомянуты следующие роды этой волости: Катылинский, Балагурский, Жехсогонский и Тарасинский. Может быть, в нее входили и баюсцы. За исключением баюсцев, эти роды соответствуют одноименным наслегам. Вследствие многочисленности своих членов эти наслеги (за исключением Тарасинского) к концу XIX в. разделились на несколько одноименных наслегов каждый, различавшихся по номерам. Помимо перечисленных выше, потомками бутурусцев (хатылинцев) XVII в. являются, вероятно, также наслеги Жулейский, Хаяхсытский и Теллейский. Таким образом получается, что в XVII в. Батурусская (Хатылинская) волость состояла по меньшей мере из семи родов. Кроме того, в нее входили, по крайней мере частично, упомянутые выше баюсцы. Они образовали по роду в трех наслегах — Женкупском, Хадарском и Хаяхсытском, из которых первый представляет, вероятно, часть Скороульской волости XVII в., второй — Батулинской и третий — Батурусской.

5. Намская. В Намской волости XVII в. упоминается лишь один из ее позднейших наслегов — Кодесюнский, сначала под названием Кодайского, а в 1720 г. уже и под его современным названием. Зато в Намской волости XVII в. упоминаются роды Меитский, Маймаганский и Талайский. Из этих трех родов к концу XIX в. Меитский в этом районе совсем исчез, а Маймаганский (Маймага ага уха) и Талайский сохранились, но не как наслеги, а как подразделения, роды наслегов 1-го Атамайского и Хомустатского. Вероятно, в составе Намской волости XVII в. в качестве родов существовали и группы предков семи других ее наслегов, а не только Кодесюнского. Можно предположить, впрочем, что некоторые современные намские наслеги представляют потомков меитцев XVII в., лишь утративших это свое древнее название [62].

6. Батулинская. В этой волости в XVII в. упоминаются батулинцы-кантуги. Подразделением батулинцев надо считать также упоминаемую в XVII в. Чакырскую волость.

Предки трех других наслегов современных потомков батулинцев — Хадарского, Сулгачинского и Кугдинского — в XVII в. не упоминаются. Потомков батулинцев-кантугов можно видеть в родах Амга-Хоптогинском, Татта-Хоптогинском Хадарского наслега Батурусского улуса. Возможно,

---

[62] Род Меит (Меик) относит к намцам и якутская устная традиция. (См.: А. П. Окладников. История Якутии. Т. 1. Якутск, 1949, стр. 375).

что в состав батулинцев в XVII в. входили и баюсцы. Таким образом, среди батулинцев, вероятно, было в XVII веке пять-шесть родов.

7. Бетунская. Можно предполагать, что в этой волости в XVII в. были роды Юэрюпэйский, Батагайский, Сосуйский, отмеченные в документах этого времени, а также роды Чордунский, устанавливаемый, по этнографическим данным [63], и Кобяконский, устанавливаемый по названию одного из современных наслегов потомков бетунцев XVII в. Возможно, что некоторые коренные роды (волости) вилюйских якутов тоже бетунского происхождения. В общем можно предполагать, что в Бетунской волости XVII в. было пять-шесть родов.

8. Нюрюктейская. В материалах XVII в. в этой волости родов не отмечено. Но, судя по названиям наслегов, в которых можно видеть потомков этой волости, в ней, очевидно, были роды Тыллыминский, Хаптагайский, Догдинский, Харанский, Хадаринский, т. е. пять-шесть родов.

9. Успетская. В этой волости XVII в. можно предполагать существование Онерского рода, впоследствии выделившегося в самостоятельный наслег.

Эти девять волостей охватывали более двух третей всех «подгородных» якутов Якутского уезда XVII в.

В составе остальных 26 (точнее 23, так как три находились в бассейне Вилюя) волостей «подгородных» якутов были в XVII — начале XVIII в. отмечены лишь следующие подразделения волостей: Иниласский (Ыйласский) род Накарской волости, Алагарский род Сыланской волости и Хачикатский род Емконской волости. Можно предполагать существование групп предков Женкунского и Эмпсского родов у скорульцев, а также Наяхинского и Тебиконского родов у дубчинцев.

Практически ко времени прихода русских можно считать все эти 26 или 23 волости, а из предыдущих также Успетскую, за отдельные роды, в которых только намечались новые ответвления или существовали пришлые группы разного происхождения.

Некоторые из этих самостоятельных родов-волостей якутов в XVII в. являлись ответвлениями охарактеризованных выше больших волостей. Мы уже указывали, что бордонцы, например, в первые годы после прихода русских на Лену считались кангаласами. Вероятно, кангаласами были и малягарцы, территориально расположенные между собственно кангаласами и бордонцами. С. А. Токарев обратил внимание на то, что «в ясачной книге Парфена Ходырева 1639—40 гг., где вообще встречается первое упоминание о Малягарской волости, мы находим в числе 21 имени упоминание объясаченных по этой волости «Ичинея Малягарова сына», от которого было взято 5 соболей». Далее Токарев ставит вопрос: «Не был ли отец этого Ичинея родоначальником этой «волости», выделившимся со своими сородичами из какого-то другого племени и давшим свое имя новой племенной группе» [64].

Весьма вероятно, что Малягарская волость (род) обособилась из Кангаласской волости, образовав новый самостоятельный род, получивший свое название от имени лица, возглавившего отделившуюся группу. Такие явления, когда род или ответвление рода, образующее новый род, принимает имя своего главы в качестве родового названия, мы имели возможность наблюдать и во время своей полевой этнографической работы у нганасанов, эвенков и т. д. Нельзя согласиться с Токаревым лишь в том,

---

[63] Чордунский род в 1897 г. имелся в Бетунском наслеге Батурусского улуса, но особенно многочислен он был в конце XIX — начале XX в. среди северных якутов-оленеводов. Род Кобех у северных якутов-оленеводов Бетунского наслега несомненно связан своим происхождением с Кобяконским наслегом.

[64] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 57.

что малягары образовали «племенную группу». Конечно, они образовали род. Мы не знаем никаких признаков племени у малягаров ни в XVII в., ни в более позднее время.

А. П. Окладников указывает, что и нахарцы считались группой, близко родственной кангаласам [65]. Вероятно, были родственны кангаласам и нюрюптейцы, и емконцы, т. е. все те волости, которые в начале XVIII в. образовывали Кангаласский улус, впоследствии разделенный на улусы Западнокангаласский и Восточнокангаласский. Кроме того, как мы знаем, древним названием скороульцев (карауха, «караусцы») было название Оргет [66], одно из родовых названий кангаласов (оно же Эргит, Ургот, Оргет, Оргут; сравни также, как писалось название рода Оспех — Успек, Оспек, Эспек). Оргутская волость к приходу русских находилась также на оз. Токсоме среди якутов Вилюя, а Оргетский (Елгетский) род — на Яне. Таким образом, значительная часть самостоятельных родовых групп центральной Якутии («подгородных» волостей) может считаться ответвлениями больших основных групп якутского народа, его основного ядра. К сожалению, у нас недостаточно данных для того, чтобы составить исчерпывающую схему — генеалогию родов — волостей центральной Якутии. Дело осложняется еще тем, что наряду с родами, ответвившимися от основных волостей центральной Якутии, были также роды другого, может быть иноплеменного происхождения. Как уже указывалось, в лице Гурменской волости мы имели группу тунгусов-нюрмаганов, а А. П. Окладников считает, например, и сыланцев группой объякученных аборигенов центральной Якутии [67].

Вопрос о происхождении якутов фактически сводится к происхождению их пяти самых больших центральных волостей — Кангаласской, Мегинской, Борогонской, Намской и Батурусской (Хатылынской), составлявших около 50% всего населения «подгородных» волостей. В остальных «подгородных» волостях можно видеть или ответвления этих основных групп якутского народа, или отдельные группы ассимилированных иноплеменников, как аборигенов Северной Азии, так и прибывших с юга. В последнем случае предстоит установить, происходила ли ассимиляция всех этих иноплеменников (например, коринцев, батулинцев и др.) на средней Лене или же они попали на Лену уже будучи ассимилированы предками якутов. Для тюркоязычных народов звенья иноплеменного происхождения в их родовой структуре являются скорее правилом, чем исключением. Представление об особом языке хоринцев, предания о хара-сахылах, сортолах, сахаларах и т. п., вероятнее всего, могли сложиться в Предбайкалье, а не на средней Лене. Нам хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Несомненно, что ядро якутского народа составляли кангаласы, племенное название которых яха || саха стало названием всего народа. Если мы посмотрим на карту расселения волостей Центральной Якутии к приходу русских, то увидим, что и сами кангаласы и их ответвления (малягары, бордонцы, накарцы и др.) занимали южную часть территории якутских «подгородных» волостей. Остальные волости все расположены к северу и северо-востоку от этого кангаласского ядра. Создается такое впечатление, что переселившись вниз по Лене кангаласы обосновались на первых встреченных ими значительных луговых пространствах по берегам Лены. Новым группам переселенцев (или новым ответвлениям кангаласов) пришлось в поисках неосвоенных лугов уже идти дальше на север и северо-восток, за территорию кангаласов. Здесь же эти новые

---

[65] См.: А. П. Окладников. История Якутии. Т. 1, стр. 385; см. также стр. 375.
[66] Там же, стр. 375.
[67] См. там же, стр. 363.

колонии ассимилировали местное население. Так и образовались те многочисленные волости якутов, которые видны на карте к северу и северо-востоку от территории кангаласов и их непосредственных ранних ответвлений.

Выше мы характеризовали большую часть якутских волостей как роды. Действительно, как это показал С. А. Токарев, они являлись экзогамными группами, ведшими свое происхождение от определенных предков и характеризовавшиеся известной сплоченностью своих членов. Возникает вопрос, как квалифицировать те большие волости, которые состояли сами из ряда родов. Как известно, вопрос о том, что представляют собой якутские волости, вызвал дискуссию между С. А. Токаревым и Б. А. Гардановым [68]. Токарев считал вся якутские волости племенами, делая исключение лишь для самых малочисленных из них [69]. Гарданов возражал против такого определения, указывая, что якутские волости не обладали существеннейшим признаком племени, а именно — особыми диалектами [70]. Токарев, возражая Гарданову, указал, что в «условиях разложения родового строя, в особенности у кочевых и полукочевых народов Азии, мы сплошь и рядом обнаруживаем отсутствие резких граней между племенем и родом; большой обособленный род часто отличим от мелкой племенной группы» [71].

В книге «Якутия в XVII веке» Токарев свое прежнее мнение о волостях якутов в XVII в. уточнил замечанием, что мелкие волости трудно назвать племенами, что к ним больше подходит наименование «род» [72]. Действительно, большие «волости», состоявшие из ряда родов, правильнее считать племенами, а мелкие волости, часто являвшиеся ответвлениями этих крупных волостей, следует, как мы уже указывали, квалифицировать как отдельные роды. Что же касается того обстоятельства, что у якутских племен как будто отсутствовал такой существенный признак племени, как диалект, то надо учитывать, что якуты в XVII в. представляли собой этнографическую группу, сравнительно недавно колонизировавшую новую область. Поскольку все или почти все якутские племена в XVII в. представляли собой, видимо, разросшиеся ответвления небольшого сравнительно ядра первоначальных переселенцев [73], постольку заметных диалектальных различий у якутских племен и не следовало ожидать.

В связи с вышесказанным возникает вопрос, как же квалифицировать ступень социально-экономического развития, достигнутую якутами к приходу русских. С. А. Токарев считает его рабовладельческим, Б. А. Гарданов склонен признавать преобладание в якутском обществе феодальных отношений. По нашему мнению, у якутов в эпоху их присоединения к России основу общественно-экономического строя все еще составлял, вероятно, патриархально-родовой строй. Все такие явления, как патриархальное рабство, имущественное неравенство, выделение родовой знати, семья в качестве основной хозяйственной ячейки, укладываются в рамки патриархально-родового строя. Представлять себе развитый патриархально-родовой строй без этих институтов — значит отвлекаться от реальной действительности.

---

[68] См. С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 43—44.
[69] См. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 218—226.
[70] См. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 220.
[71] «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 216—217.
[72] См. Якутия в XVII веке (очерки), Якутск, 1953, стр. 91.
[73] Эта основа якутского народа могла состоять из элементов разного происхождения. Но к тому времени, когда переселенцы прочно обосновались на средней Лене и стали расширять свою территорию, они, видимо, представляли в этническом и языковом отношении уже нечто единое.

ЮКАГИРЫ И ВЕРХОЯНСКИЕ ЯКУТЫ

Переходим теперь к описанию населения Якутского уезда, платившего ясак не непосредственно в Якутск, а в специальные ясачные зимовья. В первую очередь мы займемся группой северо-восточных зимовий, в которые платили ясак юкагиры и вклинившиеся в юкагирскую землю верхоянские якуты. Ясачными зимовьями, в которые платили ясак юкагиры, были следующие:

1. Янское нижнее (с 1642), до 1651 г. Янское юкагирское. Одно время (1657—1666 гг.) вместо него существовали зимовья Омолойское и Хромовское, а до него — Чендонское (1639—1641 гг.).
2. Индигирское нижнее (Уяндинское, 1642 г.), до 1667 г. среднее.
3. Индигирское среднее (Подшиверское, 1639 г.), до 1667 г. верхнее.
4. Индигирское верхнее (Зашиверское, 1653 г.).

Первое время на Индигирке, ниже Уяндинского (Индигирского нижнего) зимовья существовало еще Олюбенское зимовье (1641—1649 гг.).

5. Алазейское (1642 г.).
6. Колымское нижнее (около 1644 г.).
7. Колымское среднее (Ярмарка, 1643 г.).
8. Колымское верхнее (около 1647 г.).

Одно время колымские служилые люди собирали также ясак в Чендонском зимовье (находилось то в верховьях Омолона, то на среднем течении Пенжины, 1657—1668 гг.) и в Омолонском зимовье (на среднем течении Омолона, 1684—1692 гг.)

9. Анадырское (1649 г.).
10. С якутов, живших в XVII в. в бассейне р. Яны, ясак собирался в особом зимовье — Верхоянском (1638 г.).

Все эти зимовья, в которых платили ясак юкагиры, не включая сюда Верхоянского зимовья, в ясачных книгах имели обычно один общий заголовок: «С дальних заморских рек».

Приводим сводную табл. 117 (стр. 380—381) зимовий, в которых собирался ясак с юкагиров, с указанием количества плательщиков ясака, приписанных к каждому из них, и количества платимого ясака.

В отличие от табл. 115, содержавшей основные сведения о якутах, из данных табл. 117 нельзя сразу сделать заключений о численности и родовом составе юкагиров. Родовых названий эта таблица вообще не содержит. Что касается сведений о численности плательщиков ясака, то, за исключением верхоянских якутов, ее данные о плательщиках ясака не дают представления о численности трудоспособных мужчин у юкагиров. Дело в том, что вследствие отсталости общественного строя юкагиров, главы семей и родов у них обычно платили ясак за членов своих семей и вообще за своих сородичей. Поэтому цифры табл. 117, отражающие количество плательщиков ясака, обычно включают в себя не всех трудоспособных мужчин, а лишь занесенных в ясачные книги и плативших ясак, но плативших не только за себя, а обычно за целую группу лиц. Вследствие этого в некоторых случаях по количеству уплаченного ясака можно точнее судить о численности населения, чем по официальным данным о количестве плательщиков ясака.

Кроме того, в зимовьях Зашиверском, Верхнеколымском и Анадырском с известного времени в число плательщиков ясака были включены не только юкагиры, но и тунгусы (называвшиеся здесь ламутами) и коряки. Поэтому для установления численности и родового состава юкагиров необходимо проанализировать все имеющиеся данные о плательщиках ясака по каждому отдельному ясачному зимовью.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению населения, тяготевшего к каждому ясачному зимовью в отдельности, укажем, что, в отличие

Таблица 117

Численность людей, плативших ясак в зимовьях на Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и Анадыре[74] и размер ясака (в соболях)

Зимовье	1653 г.				1656 г.				1662 г.				1673 г.			
	Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак	
	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено
Усть-Янское	7	—	405	—	7	—	405	—	—	—	—	—	55	55	145	88
Омолоевское	—	—	—	—	—	—	—	—	14	16	86	103	—	—	—	—
Хромовское	—	—	—	—	—	8	—	49	33	30	159	148	—	—	—	—
Уяндинское	17	36	216	304	49	48	391	386	99	72	543	428	58	53	370	166
Олюбенское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подшиверское	89	76	514	470	100	88	567	535	48	49	357	340	37	30	281	167
Зашиверское	—	—	—	—	17	28	60	146	26	58	256	301	67	76	420	369
Алазейское	30	43	287	251	44	49	331	276	49	49	345	276	46	46	341	302
Нижнеколымское	31	30	353	346	32	34	356	358	49	47	415	411	34	30	335	230
Омолонское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	10	—	—	—	—
Среднеколымское	14	15	174	167	16	16	174	167	18	18	183	177	24	24	203	187
Верхнеколымское	27	27	190	193	32	31	202	198	37	37	206	206	41	34	233	198
Чондонское	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	49	—	—	—	—	—
Анадырское	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	56	—	31	—	97	—
Итого	215	227	2119	1731	297	302	2486	2115	387	442	2610	2400	393	338	2425	1707
Верхоянское	251[75]	230	1026[76]	940	267	270	986	986	285	274	938	954 (76)	183	176	490 (35)	316 (96)[77]
Всего	466	457	3145	2671	564	572	3472	3101	682	716	3548	3354 (76)	576	514	2915 (35)	2023 (96)

[74] Эта таблица составлена по следующим материалам ф. 214 ЦГАДА: 1653 г. — кн. 307, лл. 611—746; 1656 г. — кн. 346, лл. 557—700; 1662 г. — кн. 440, лл. 374—550; 1673 г. — кн. 581, лл. 354—477; 1685 г. — кн. 64, лл. 444—614; 1695 г. — кн. 1366, лл. 438—593; 1700 г. — кн. 1224, лл. 430—608; 1708 г. — кн. 1489, лл. 229—296.

[75] Из них пять человек с окладом 22 соболя числилось в Усть-Янском зимовье.

[76] Из них пять человек с окладом в 22 соболя числилось в Усть-Янском зимовье.

[77] В том числе 21 волк.

Таблица 117 (окончание)

Зимовье	1685 г.		1685 г.		1700 г.				1709 г.				1708 г.			
	Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак	
	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено
Усть-Янское	88	87	141	114 (18)[78]	41	44	82	61 (48)	55	47	90 (16)	61 (37)	66	44	99 (12)	47 (6)
Омолоевское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хромовское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уяндинское	64	45	346	173 (136)	94	49	324	50 (47)	109	40	337 (1)	44 (39)	116	23	348 (3)	19 (1)
Олюбенское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подшиверское	33	20	269	54 (18)	43	2	198	2 (2)	43	17	198	13 (11)	47	21	202 (1)	9 (2)
Зашиверское	80	35	425	122 (1)	174	60	406	47 (46)	186	115	421 (4)	137 (112)	225	136	460 (24)	149 (29)
Алазейское	51	51	341	112 (60)	25	30	125 (1)	73 (73)	33	34	133 (1)	45 (42)	37	37	142 (10)	26
Нижнеколымское	32	27	326	164	31	15	323	26 (26)	23	16	183 (3)	37 (53)	34	21	197 (13)	22 (5)
Омолонское	11	16	19	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Среднеколымское	23	22	210	93	24	6	202	10 (10)	12	8	94 (2)	27 (25)	15	15	97 (5)	25 (6)
Верхнеколымское	42	37	233	91	38	29	214	67 (59)	34	33	190 (3)	104 (97)	36	33	193 (4)	79 (23)
Чондонское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Анадырское	107	75	189	149	123	150	157 (22)	174 (91)	329	138	370 (229)	338 (222)	531	св. нет	572 (423)	св. нет
Итого	531	415	2490	1094 (233)	593	385	2031 (23)	510 (405)	824	448	2016 (249)	805 (624)	1107	330	2310 (495)	376 (72)
Верхоянское	241	230	385 (109)	391 (377)	344	283	426 (176)	361 (361)	367	291	445 (195)	331 (296)	445	396	493 (242)	370 (222)
Всего	772	645	2875 (109)	1485 (610)	937	668	2457 (199)	871 (766)	1191	739	2461 (444)	1136 (920)	1552	726	2803 (735)	746 (294)

[78] В скобках указано число уплаченных лисиц.

от табл. 115 и вообще от списков волостей «подгородных» якутов, даже сами названия юкагирских ясачных зимовий дают уже общее представление о расселении юкагиров, в частности указывают на р. Омолой, низовья Яны, Хрому, Индигирку (по крайней мере вниз от района Зашиверска), Алазею, Колыму с Омолоном, Чендон (Пенжину) и Анадырь в качестве района обитания юкагиров.

Остается лишь уточнить пределы этой территории и установить внутри ее границы районов, освоенных отдельными родоплеменными группами юкагиров, а также верхоянскими якутами.

Рассмотрение юкагиров по отдельным группам начнем с самых западных из них, плативших ясак в зимовье в низовьях Яны и временно в зимовьях на реках Чендоне, Омолое и Хроме.

Янские ясачные юкагиры состояли из трех племенных групп: яндинцев (они же яндыри или яндагиры), онондей (онойдей) и коромоев. Последние состояли из двух групп омолоевских юкагиров и хромовских юкагиров. Яндинцы первое время иногда назывались тунгусами.

Первый ясак с янских юкагиров был взят через три года после основания Якутска. В ясачной книге Ивана Галкина за 1635 г. указано, что взят ясак «с низу Лены реки на усть Вакулы с новых тунгусских людей с яндырских мужиков с князца Кумыса и его улусных людей» всего 54 соболя [79]. Сбор ясака в «яндалех» (или «я[н]далех») на Лене отмечен и в 1638 и 1639 гг. [80].

Далее имеется запись от 1640 г. о том, что «по ясачным книгам от Столбов ясачного зборщика енисейского казака Фомки Кондратьева с товарищи 149 году Яндинского роду с тунгусов взято государева ясаку на 149 год 2 сорока 24 соболя» [81].

В 1639 г. известный землепроходец десятник Елисей Юрьев Буза, выплыв из Яны в устье Чендона, взял аманата Былгая (Быгалга, Быгали, Билгей, Билгий), «шамана юкагирских людей родом Кромый» (или «родом с Хоробы», или «родом Хоробинского»). Поставив на р. Чендоне зимовье, Буза захватил еще двух юкагирских аманатов «...один аманат родом Тарбалцы именем Енгота, а другой аманат родом Яндагир, а именем Долгота» и взял в 1639 и 1640 гг. с родов этих всех аманатов ясак.

Летом 1641 г. Буза, «поидучи с Яны реки», поймал четвертого юкагирского аманата Югамты, «князца с Ленсково хрепта». В декабре 1641 г., когда Буза зимовал «на Лене реке ниже Молоды в каменю с аманатами с юкагирскими князцами», под яндинского аманата Долготу было привезено ясака 9 сороков соболей и 56 пластин собольих [82].

По-видимому, Буза взял аманатов у коромоев и яндинцев, а ононди, жившие в «камню» к востоку от Яны, остались вне поля его зрения. Таким образом, с яндинцев в 1639 и 1640 гг. ясак был взят и на Лене в Столбовское зимовье и Бузой в Чендонское зимовье.

Как известно, Буза в 1642 г. вернулся в Якутск и вскоре был отправлен с соболиной казной в Москву [83].

Больше о сборе ясака в Чендонском зимовье данных не имеется. После того как Буза вернулся в Якутск, взятые им аманаты были отправлены обратно на Яну с сыном боярским Василием Васильевым.

Последним в том же 1642 г. было основано Янское нижнее зимовье, вначале, во всяком случае до 1651 г., иногда называвшееся Янским юка-

---

[79] ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 87 об.
[80] Там же, кн. 127, л. 48 об.
[81] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 4, л. 6.
[82] Там же, ст. 30, лл. 2—3; ф. 214, кн. 145, л. 244; ДАИ, т. II, стр. 240—243; сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 322; ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 311 и др.
[83] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 4, л. 10.

гирским зимовьем [84]. Обычно считают, что это зимовье находилось на месте современного пос. Усть-Яск или во всяком случае в его районе [85]. По некоторым данным [86] и соображениям, мы считаем, что Яское нижнее ясачное зимовье находилось не в районе позднейшего пос. Усть-Яск, а в районе позднейшего пос. Средоянск (Джанкы), где мы его и показываем на карте. Но наряду с Яским нижним Усть-Яское зимовье тем не менее тоже существовало, по крайней мере в конце XVII в. В 1668 г. индигирские юкагиры перевезли казенный груз, моржовую кость из «Уяндинского зимовья... в Усть-яское зимовье горою на оленях» [87]. В 1687 г. индигирские юкагиры опять перевезли казенный груз из Уяндинского зимовья на Индигирке в Усть-Яское зимовье. В свою очередь яские юкагиры вывезли этот груз на Лену, в Сиктах [88]. Усть-Яское зимовье упоминается также в 1692 г. как место уплаты ясака некоторыми зашиверскими плательщиками ясака [89].

Сбор ясака с юкагиров Яского нижнего зимовья сначала протекал очень неровно. С 1641 по 1668 г. имеются сведения о трех (в 1641, 1663, 1669 гг.) случаях истребления яскими юкагирами ясачных сборщиков [90], о двух (в 1656 и 1658 гг.) «погромах» юкагиров яндинцев служилыми людьми [91] (при этом в 1658 г. омолоевские юкагиры помогали казакам громить яндинцев «на Омолоевском хрепте»), о пяти (в 1653, 1654, 1663, 1665, 1669 гг.) посылках служилых людей на розыски разбежавшихся яских юкагиров [92], о двух (в 1657 и 1664 гг.) мировых с юкагирами по инициативе последних [93], о двух (1650 и 1658 гг.) случаях спасения юкагирами, в частности Омолоем, на берегу Омолоевской губы нижнеяских и индигирских ясачных сборщиков с разбитых кочей [94], наконец, об одной ссоре в 1650 г. нижнеяских и верхоянских служилых людей из-за права собирать ясак с яндинского князца Коуркая, брата Яндарака, убившего в 1641 г. у якутских юрт на Яне ясачных сборщиков [95]. Всего в зиму 1650/51 г. с яских юкагиров было взято 433 соболя, в том числе под Коуркая 157 соболей.

Числившиеся по Яскому нижнему зимовью с 1653 по 1659 г. семь плательщиков ясака (очевидно, глав родов) с окладом в 405 соболей фактически в это время ясака не платили. Восемь хромовских юкагиров уже в 1655 г. заплатили ясак в Индигирском нижнем зимовье [96], а после мировой 1657 г. и до 1666 г. яские юкагиры платили ясак в зимовьях на реках Омолоевой и Хроме [97]. Часть яских юкагиров в 1657 по 1666 г. совсем не являлась к платежу. Ликвидация Омолоевского и Хромовского зимовий в 1666 г. мотивировалась тем, что в реках Омоловской и Хроме мало рыбы

---

[84] Там же, ст. 100, лл. 13—14; ст. 102, л. 53; ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, лл. 67—63.

[85] Сб. «Якутия», карты после стр. 322, 420.

[86] См. сб. «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Л., 1936, стр. 115 (см. далее: КПМГЯ). Здесь говорится о том, как пятидесятник Евд. Козицын, ясачный сборщик Яского нижнего зимовья, в 1674 г. из «Жиган... с Лены с усть Сиктаку» переехал в устье Яны, а отсюда еще ехал до ясачного зимовья «с юкагирами через гору», т. е. берегом, как мы предполагаем, вверх по Яне.

[87] ЦГАДА, ф. 214, кн. 330, л. 486.

[88] Там же, кн. 378, лл. 497, 503.

[89] Там же, кн. 1016, л. 515.

[90] ЦГАДА, ф. 214, кн. 525, лл. 107—108; ф. 1177, ст. 100, кн. 15—16; ДАИ, т. IV, стр. 405.

[91] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 34, лл. 199; ст. 56, лл. 62—64.

[92] ЦГАДА, ф. 214, кн. 63, лл. 660—665; кн. 307, лл. 620—621; кн. 335, лл. 702—703; кн. 361, л. 812; кн. 382, лл. 404—406; кн. 401, л. 189; кн. 463, лл. 507—509.

[93] Там же, кн. 63, лл. 660—665; кн. 346, л. 701; кн. 361, лл. 811—812; кн. 382, лл. 403, 690.

[94] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 102, лл. 56—61; ст. 199, лл. 18—21.

[95] Там же, ст. 102, лл. 13—14, 53—55.

[96] Там же, ф. 214, кн. 346, л. 685.

[97] Там же, кн. 382, л. 384, 468, 633—691; кн. 401, лл. 149—150; кн. 440, лл. 375—550.

и служилым людям там «кормитца нечем, а в Яне реке рыбы много и... с ясаком ходить в Янское зимовье ясачным людям близко»[98].

В 1667 г. в Янском нижнем зимовье числилось 54 ясачных юкагира, а в 1668 г.— по одному источнику 45, по другому — 32 с окладом 182 соболя[99]. В табл. 118 приведены данные об изменении численности плательщиков ясака в Янском нижнем зимовье. Такие же данные мы будем приводить по каждому ясачному зимовью Якутского уезда[100].

Таблица 118

Численность плательщиков ясака в Янском нижнем зимовье с 1672 по 1712 г.

Год	Числилось к началу года	Явилось	«Новиков»	Умерло	«Сошло»	Числилось к концу года	Год	Числилось к началу года	Явилось	«Новиков»	Умерло	«Сошло»	Числилось к концу года
1672	47	42	14	5	—	55	1693	106 (?)	59	3	41[103]	6	68
1673	55	54	1	1	—	55	1694	39 (?)	34	3	1	4	41
1678	63	61	3	2	—	64	1695	42	38	6	2	—	44
1679	64	64	1	2	—	65	1697	43	35	—	1	7	42
1681	75	74	3	—		78	1700	55	45	2	—	—	57
1682	78	72	3	2	4	78 (?)	1701	58 (?)	46	—	2	10	56
1685	88	82	5	1	5	92	1705	60	46	6	2	12	64
1686	92	85	1	4	3	89	1706	66 (?)	49	—	2	15	64
1687	89	85	2	1	3	90	1708	66 (?)	44	—	2	20	64
1688	92 (?)	88	5[101]	1	2	95	1710	66 (?)	41	18[104]	2	23	82
1691	100	97	2	—	3	102	1712	66 (?)	40	16[105]	2	24	80
1692	102	100	8[102]	2	—	108							

[98] ЦГАДА, ф. 214, кн. 63, лл. 664—665.
[99] Там же, кн. 503, л. 701; кн. 515, лл. 3—213; кн. 525, лл. 107—108.
[100] Чтобы избежать многочисленных повторений ссылок на одни и те же ясачные книги Сибирского приказа (фонд 214), мы даем список этих ясачных книг с указанием года их составления, номера по описи ЦГАДА и листов, на которых содержатся данные о ясачных сборах в зимовьях Якутского уезда.

Годы	№ книги	Листы	Годы	№ книги	Листы
1652—1653(161)	307	611—751	1685—1686(194)	830	366—546
1654—1655(163)	335	559—705	1686—1687(195)	878	399—539
1655—1656(164)	346	557—710	1687—1688(196)	430	428—872
1657—1658(166)	382	633—691	1690—1691(199)	760	181—351
1657—1658(166)	361	1036—1082	1691—1692(200)	1016	424—542
1658—1659(167)	401	38—241	1692—1693(201)	1049	487—650
1661—1662(170)	440	372—550	1693—1694(202)	1058	1057—1180
1663—1664(172)	463	395—526	1694—1695(203)	1366	438—593
1664—1665(173)	63	520—734	1696—1697(205)	1131	456—967
1666—1667(175)	503	550—719	1698—1699(207)	1178	460—599
1667—1668(176)	515	162—213	1700	1224	430—610
1668—1669(177)	525	28—138	1701	130	646—776
1671—1672(180)	575	462—484	1702	58	364—485
1672—1673(181)	581	354—477	1703	1369	5—66
1677—1678(186)	688	417—525	1705	1430	209—291
1678—1679(187)	667	681—767	1706	1450	205—458
1680—1681(189)	712	419—580	1708	1489	229—296
1681—1682(190)	736	438—619	1710	1533	4—102
1684—1685(193)	64	444—614	1712	1564	48—125

[101] Пришли из других районов, вероятно тунгусы.
[102] Тоже, вероятно, пришельцы, зашиверские тунгусы.
[103] Эпидемия оспы.
[104] Это пришельцы, якуты, «подгородных» волостей.
[105] Пришельцы, якуты, «подгородных» волостей.

Поскольку в каждой ясачной книге смета или сбор ясака с отдельных зимовий записаны в определенном порядке, то отыскание нужного зимовья по вышеприведенным данным не будет представлять затруднений. Так как год в XVII в. считался с сентября, то по нашему летоисчислению часть сбора ясака происходила в конце предыдущего года. Например, сбор ясака за 1653 (161) г. фактически происходил в зиму 1652/53 гг.

Количество ясачных янских юкагиров достигло в 1687 г. максимума. Затем в их число начинали включать некоторую часть тунгусов (ламутов). В 1693 г. в результате эпидемии оспы численность плательщиков ясака в Янском нижнем зимовье снизилась почти в два с половиной раза. Далее в число плательщиков ясака Нижнеянского зимовья начинают включать значительное количество якутов. С этого времени, очевидно, складывается то смешанное по своему этническому составу население низовьев Яны, которое было там в XVIII и XIX вв.

В табл. 119 приведены полные данные о родовом составе янских юкагиров и количестве родов у них в 1681 г. [106]

Таблица 119

Родовые группы янских юкагиров в 1681 г.[107]

Родовые и территориальные группы	Лица, возглавлявшие списки родов	Число плательщиков
Омолоевские юкагиры	Ножей, «вскормленник ево Яндарак»	13
Род хромовских юкагиров	Моизелейко Елондоев	8
Род «каменных» юкагиров	Люкочи Калтагин	1
Род «каменных» юкагиров	Егарей, Якчанга, Отойта Гусельников	27
«Каменные» юкагиры Зельянского рода	Нутной Ажалаев, Чюто Ажалаев, Яраганба	19
Род Петайский каменных юкагиров	Ладига, Онига Мудерин	10
	Всего	78

Почему-то были записаны отдельно в качестве «рода» «каменных» юкагиров некие Чала и Люкочи Калтагин. Чала до ясачного сбора утонул. По-видимому, оба они были яндинцы.

Таким образом, янские юкагиры в 1681 г. (считая Люкочи Калтагина с яндинцами) состояли из пяти групп. Две из них, омолоевская и хромовская, представляли тундровых юкагиров и три, возглавлявшиеся Егареем, Нутным и Ладигой — «каменных», т. е. горных юкагиров.

Эти пять известных нам групп юкагиров Янского нижнего зимовья, как мы уже знаем, образовывали три племенных общности, а именно: племя тундровых юкагиров-коромоев в составе родов Омолоевского и Чендонского (Хромовского), племя «каменных» юкагиров онондей на правобережье Яны в составе родов Зелянкурского и Петайского и племя «каменных» юкагиров яндинцев (яндырей, яндагиров), живших между Яной и Леной, относительно родовых подразделений которых у нас сведений нет.

---

[106] Эти и другие данные о родовом составе плательщиков ясака Якутского уезда взяты нами из приправочных и сборных книг, ф. 1177 ЦГАДА (оп. 4). Ниже мы будем при цитировании этих материалов указывать год, за который взята ясачная книга, причем годы будем указывать по допетровскому исчислению, как это имеет место в оригиналах. Пользуемся случаем выразить нашу глубокую благодарность сотруднику ЦГАДА З. В. Крайской, любезно оказавшей нам содействие в ознакомлении с этими материалами.

[107] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. за 189 г., лл. 457—470.

Общие пределы территории янских юкагиров можно определить по их жалобе ясачному сборщику Янского нижнего зимовья в 1679 г. пятидесятнику Евдокиму Козицыну: «Стала наша земля пуста, на Яне и по сторонним и до Индигирки, а по другую строну и до Лены, соболей нет... а добываем де наш ясак соболи извозом у русских людей, а иные и каменные юкагиры, Якчанга с родом, покупаем де соболи в Жиганах у якутов и у тунгусов на последние свои оленишка и на борошнишко» [108].

Теперь необходимо привести материалы, позволяющие определить численность и территорию каждой из перечисленных выше пяти групп янских юкагиров и обосновать их объединение в три племенные группы.

Начнем с омолоевских юкагиров. Мы имеем списки их за 1659, 1660, 1661, 1662 гг. [109]

Все эти списки возглавляет Ножей. По ним видно, что в 1659 г. 14 чел. имели оклад 86 соболей, в 1660 г. 15 чел.— 91 соболь, в 1661 г. 16 чел.— 96 соболей, в 1662 г. 18 чел.—100 соболей. При этом один — два человека все это время имели оклад по одному соболю, один — три человека — по два соболя, три человека — по три — четыре соболя, семь — восемь человек — по пять соболей, один человек — 10 соболей и один человек в 1659 г.— 29 соболей, а затем по 32 соболя в год.

Глава омолоевских юкагиров Ножей все время платил по пять соболей. По 10 соболей платил некий Килтега (он же Тимка), «Чюхчин брат». По-видимому, Килтега платил ясак за двоих. Наконец, 32 соболя были получены «с Адыги и с роду ево». Таким образом, Адыга выступал за целую группу лиц. Вероятно, вместе с ним в его роде было восемь работоспособных мужчин.

Следовательно, можно считать, что омолоевских ясачных юкагиров было несколько больше, чем указывают ясачные книги, а именно: в 1659 г.—24, в 1660 г.—23, в 1661 г.—24, в 1662 г.—26.

Зная, что один — два омолоевских юкагира находились все время в аманатах, можно считать, что в середине XVII в., к приходу русских, у них было около 27 мужчин-охотников, а всего омолоевских юкагиров было около 110 чел.

В 1681 г. омолоевских ясачных юкагиров было 13 и один, видимо, сидел в аманатах, а всего населения было около 60 чел. К началу 90-х годов, перед эпидемией оспы, омолоевских ясачных юкагиров было, видимо, около 18 (всего около 70 чел. населения).

Здесь и ниже, определяя численность родов и племен на те годы, по которым у нас нет данных, мы исходим из изменения количества всех плательщиков ясака того ясачного зимовья, в числе которых находится и интересующий нас род или племя.

Западным пределом кочевий омолоевских юкагиров была, видимо, Лена, восточным — Яна. Служилые люди Янского нижнего зимовья указывали, что от них «юкагирские люди летом живут блиско» [110]. Очевидно, янские юкагиры, в том числе и омолоевские, летом рыбачили на Яне. Южная граница территории омолоевских юкагиров определялась, вероятно, границей тундры и лесотундры с «камнем» (т. е. горами), где кочевали, как мы знаем, «каменные» юкагиры. Центром территории омолоевских юкагиров была р. Омолой от места ее выхода из гор на равнину до устья (см. карту).

---

[108] КПМГЯ, стр. 116.

[109] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 167 г., лл. 42—43 (сбор Василия Бурлака на Яне и Хроме); 168—170 гг. лл. 2—8 (сборы в Омолоевском зимовье). Эти данные несколько отличаются от приведенных выше данных Сибирского приказа (табл. 118). Здесь мы имеем список плательщиков ясака, а не фактическую явку их для уплаты ясака.

[110] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 102, л. 61.

Что касается какого-либо родового названия омолоевских юкагиров, то оно нам неизвестно. Название Омолоева рода происходит от собственного имени юкагира Омолоя, а не от какого-либо родового названия. У Е. Ю. Бузы был в амапатах Енгота из рода Тарбалцы. Но был ли Енгота омолоевским юкагиром, мы не знаем.

Численность хромовских юкагиров, фактически живших на Чендоне, нам известна за 1656 г., когда их было 14 чел. с окладом 63 соболя и за 1659 г., когда их было 19 чел. с окладом 96 соболей. При этом два человека платили по одному — два соболя, три — шесть — по три — четыре соболя, семь — восемь — по пять — шесть соболей, один — 7—8 соболей и трое по 10 соболей [111].

Взяв за основу данные 1659 г., можно считать, что в этом году платило ясак 23 чел. и, кроме того, был один аманат. Таким образом, всего хромовских ясачных юкагиров в середине XVII в. было 24 (т. е. около 100 чел. населения). В 1681 г. вместе с амапатами было 14 хромовских ясачных юкагиров (всего около 60 чел. населения). Перед оспой 1693 г. их было, вероятно, тоже человек 14 всего около 60 чел. населения).

Найдены были хромовские юкагиры в устье р. Чендона. Вместе с омолоевскими юкагирами они осваивали также низовья Яны. В частности, в 1654 г. их разыскивали по «реке Сомондою» — восточной протоке дельты р. Яны [112].

Известно, что шаман Быгалга, найденный Бузой в устье Чендона, был «родом Кромый». Мы предполагаем, что это не родовое, а племенное название всех юкагиров, живших в тундре по Омолою, низовьям Яны, Чендону и Хроме. Хромовскими юкагирами назывался и род этих юкагиров, перешедший к Уяндинскому зимовью на Индигирку (см. ниже). На р. Хрому хромовские юкагиры, вероятно, заходили редко. Поэтому ясачное зимовье на этой реке просуществовало недолго, да и само его образование здесь было вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

Название р. Хромы (в XVII в. Хромая) тем не менее несомненно связано с названием этой группы (племени) юкагиров. Слово «коромой» сейчас в диалекте северных якутов означает место, нору, где волки выводят волчат. Реки с таким названием встречаются нередко, в частности в бассейне Хатанги. Может быть, северные якуты заимствовали это слово у юкагиров.

Мы приняли название «коромой», а не «кромый» потому, что юкагирский язык не терпит наращивания двух согласных в начале слова. Само название коромой, вероятно, представляет сочетание юкагирских слов «кориэл» («волк») и «омо» («племя») с характерной для юкагирского словосочетания утратой в первом слове последнего слога и переходом звука «и» в «о», что требует правило гармонии гласных. Таким образом получается название «коромо», что, собственно говоря, значит нечто вроде «волчье племя».

В это племя коромоев несомненно входил Хромовский род с Чендона (100 чел.) и другой Хромовский род, перешедший в середине XVII в. на Индигирку (65 человек) (см. ниже). Нет у нас лишь прямых указаний на принадлежность к этому племени омолоевских юкагиров (110 чел.). Но близость Омолоя к Чендону, совместное освоение омолоевскими и хромовскими юкагирами низовьев Яны, известные нам случаи пребывания омолоевских юкагиров на Чендоне и Хроме, а хромовских — на Омолое, пребывание одних и тех же юкагиров то в составе омолоевских, то в составе хромовских делает это предположение вполне естественным.

---

[111] Там же, оп. 4, яс. кн. 164 г., л. 549 об. (Сбор Трепки Алексеева в Нижнем (Уяндинском) зимовье на Индигирке); яс. кн. 167 г., лл. 38—40 (сбор Василия Бурлака на Хроме).

[112] ЦГАДА, ф. 214, кн. 335, л. 703.

Переходим теперь к большой группе «каменных» юкагиров, которую в 1681 г. возглавлял Егарей. Это та самая группа юкагиров, которая в 30-х и начале 40-х годов XVII в. платила ясак на Лене под названием яндырских или яндинских тунгусов и была известна Е. Ю. Бузе под названием яндагиров и юкагиров с Ленского хребта, у которых он взял двух аманатов — Долготу и Югамты.

О численности этой группы юкагиров у нас имеются данные за 1659 г., когда часть их заплатила ясак Василию Бурлаку в Хромовском зимовье, и за 1681 г. (см. табл. 119). В 1659 г. заплатило ясак всего 13 яндинцев (яндагиров) [113]. Все они платили по пять соболей, за исключением одного, заплатившего три соболя. В 1681 г. они должны были заплатить 46 соболей. Из них один (Егарей) должен был заплатить пять соболей (фактически заплатил одного), один — трех соболей (убитый Челбука), а остальные — по одному и по два соболя. При этом многие из них платили группами (например, четыре человека — четыре соболя, три человека — пять соболей, два человека — три соболя и т. д.) [114].

Учитывая, что в 1681 г. кроме 27 человек, плативших ясак, было еще два аманата и упоминавшийся выше Люкочи Колтагина, можно считать, что мужчин-охотников в этом году у яндинцев (яндагиров, яндырей) было 30, а всего населения 120 чел. Для 1691 г. перед эпидемией оспы можно считать, что яндинцев-охотников было примерно 36 (всего около 150 чел. населения). Остается решить, сколько их было в середине XVII в., к приходу русских. Надо учесть, что у этих «каменных» юкагиров Иван Хворый в 1656 г. и Василий Бурлак в 1658 г. убили несколько трудоспособных мужчин. Вероятно, были также потери от эпидемий оспы в 1653 и 1669 гг.

Принимая во внимание все это и исходя из изменения численности других групп янских юкагиров, можно считать, что к приходу русских, к концу первой половины XVII в., ясачных «каменных» юкагиров-яндинцев было, вероятно, около 50 (всего примерно 200 чел. населения).

Эти юкагиры жили на «Омолоевском хребте», т. е. в горах в бассейне Омолоя. Они были объясачены на Лене и вначале платили ясак на Лене в устье р. Вакулы (Мянкяря?) и в Столбовском зимовье в устье Муны. Е. Ю. Буза называет их (или часть их) юкагирами Ленского хребта, т. е. гор, окаймляющих долину низовьев Лены с востока. Они, в частности, присвжали к Бузе «в камень» ниже устья р. Молоды, Они ездили также к Янскому нижнему зимовью и в Жиганск. Кроме того, известно, что юкагиры нападали на оленекских тунгусов в районе устья р. Молоды [115].

Исходя из всех вышеприведенных данных, мы и показываем юкагиров-яндинцев (яндалей, яндырей, яндагиров) в горной области между низовьями Лены и Яной.

Название этой группы юкагиров нами уже неоднократно приводилось выше. Из всех вариантов этого названия в качестве основного мы избрали вариант яндинцы. По-юкагирски «янде» значит «гусь» [116]. Как известно, в XIX в. на Алазее пришедший с запада 2-й Алазейский род назывался «гусиным родом». Может быть, это потомки яндинцев XVII в.

Переходим к «каменным», горным юкагирам, жившим к востоку от Яны. Данные об их численности у нас имеются лишь за 1681 г. Они приведены в табл. 119. Оклад Зельянского года составлял 24 соболя. Петайского — 14 соболей.

---

[113] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 167 г., лл. 40—41.

[114] Там же, яс. кн. 189 г., лл. 462—466.

[115] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.—Л., 1952, стр. 276—277.

[116] См. W. Jochelson. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden — New York, 1924—1926, p. 328 (см. далее: W. Jochelson. The Yukaghir...).

В 1691 г., до эпидемии оспы, в Зельянском роде было, вероятно, 23 плательщика ясака и два аманата, т. е. всего 25 трудоспособных мужчин (около 100 чел. населения), а в Петайском, тоже с аманатами, примерно 15 трудоспособных мужчин (всего 60 чел. населения). В 1681 г. вместе с аманатами в Зельянском роде был 21 мужчина (всего около 80 чел. населения) и в Петайском — 12 мужчин (около 50 чел. населения). Сколько было этих юкагиров в середине XVII в., к приходу русских, трудно сказать. Принимая во внимание расчеты для предыдущих групп юкагиров, можно предполагать, что к середине XVII в. в Зельянском роде было 33 трудоспособных мужчины (всего 130 чел. населения), а в Петайском роде — 20 (всего 80 чел. населения).

В отношении мест обитания этих двух групп юкагиров данных имеется недостаточно. Когда известные землепроходцы Постник Иванов и Иван Ерастов в 1639 г. находились на Яне, Ерастов по просьбе янских якутов ходил вверх по р. Адыче («Одучею») «под Камень», где «на их юкагирских кочевьях» разгромил группу юкагиров и восемь из них, в том числе одного хорошо владевшего якутским языком, взял в плен. Эти пленные юкагиры провели казаков через горы с Яны на Индигирку [117].

Таким образом, какая-то довольно значительная группа юкагиров обитала к приходу русских в бассейне верхнего течения р. Адычи, правого притока Яны. Об этих юкагирах есть некоторые сведения и из другого источника. В 1642 г. в Якутске снимали показания с юкагирских аманатов, привезенных Е. Ю. Бузой. Русскую администрацию интересовали сведения о р. Шилке, «в которой серебро родится» [118]. Вместо Шилки юкагиры рассказали о р. Нероге и сообщили ряд любопытных сведений о ее населении [119]. Достойно удивления, что юкагиры, кочевавшие по Хроме, Омолою и между низовьями Яны и Лены, дали довольно подробные сведения об Амуре (Нероге) и нанайцах (наттах).

Нас в «расспросных речах» нижнеянских юкагиров интересуют в данном случае не Нерога, и не натты, а другое. 25 июля 1642 г. «шаман Быгалга, да Емгутта, да Далгутта в допросе сказали: «...от Янские де вершины на Каменю живут юкагирский князец Алганий з братом меньшим. А брата его меньшего зовут Алдакай — оленные люди. И те де юкагирские князцы Алганий з братом сходитца вместо с ламутками и промеж собою с ламутками емлютца и ламутки де на ту реку Нерогу ходят всегда... А шаман Быгалга и Емгута да Далгукта сказали: которые де юкагирские князцы на Каменю на хребте живут недалеко от Янские вершины Алгани с братом Алдакаем, призвать их к русским людем не ималися и вести де к ним русских людей не смеем, потому что людей не сильно много, только де люди удалы, мы де их боимся. А нашего де роду больши у них есть» [120].

---

[117] См. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. М., 1951, стр. 130—131 (см. далее: Открытия русских землепроходцев...).

[118] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, лл. 28—31, 62—64.

[119] Один из документов по этому делу был опубликован в ДАИ (т. II, № 98). Его анализу посвящена статья Н. Н. Степанова «Первые русские сведения об Амуре и гольдах» («Советская этнография», 1950, № 1, стр. 178—182). Степанов совершенно верно устанавливает, что под р. Нерогой юкагиры имели в виду Амур, а под наттами — предков нанайцев (гольдов).

К сожалению, Степанов не использовал документов на эту же тему из ЦГАДА (ф. 1177, ст. 43, лл. 28—31, 62—64). Здесь он нашел бы еще ряд очень интересных подробностей. Отметим также одну неточность Степанова. Про р. Нерогу рассказывали в 1642 г. не индигирские, а янские юкагиры. Только в 1644 г. о том же производился расспрос на Индигирке (ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, лл. 28—31). М. И. Белов несомненно ошибается, считая, что под р. Нерогой юкагиры имели в виду р. Чаун (см.: Русские мореходы на Ледовитом и Тихом океанах, стр. 46).

[120] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, лл. 63—64.

Через два дня, 28 июля 1642 г., «допрашиван порознь и иным толмачем юкагирский князец Югамты», но он ничего нового про Нерогу не мог сказать. Поэтому снова был допрошен единоплеменник Югамты вышеупоминавшийся Далгутта (оба они яндинцы). «Долгокта юкагирской князец в допросе сказал против товарища ж своего Югамты речей про Инарогу реку... а ведают де тех людей, кои на Инароге реке живут, ламутки да и онанди (может быть, онайди.— *Б. Д.*), что на Каменю живут на Янском хребте. А ононди (может быть, опойди.— *Б. Д.*) де оленные люди, а юкагирской язык...» [121].

Мы предполагаем, что юкагиры, с которыми в 1639 г. имел столкновение Иван Ерастов, и юкагиры-онанди (онайди), возглавлявшиеся Алганием и Алдакаем, о которых рассказывали в 1642 г. в Якутске юкагирские аманаты, представляли одну и ту же группу. Мы ниже будем называть их ононди. Вероятнее всего, это именно тот род, который в ясачной книге 1681 г. назван Зельянкурским и который тогда возглавлял Нутной Ажалаев. Отчество Ажалаев в 1681 г. имели пять юкагиров Зельянкурского рода. Пять юкагиров этого рода являлись сыновьями и племянниками этих пяти сыновей Ажалая. Таким образом, более половины юкагиров Зельянского (Зельянкурского) рода были потомками Ажалая. Вероятно, это тот же человек, брат Алгания, имя которого в 1642 г. в Якутске было записано как Алдакай (правильнее, вероятно Алджакай или Алджалай) [122].

Таким образом, к северу от Верхоянского хребта, в бассейне верховьев р. Адычи, жила группа «каменных» юкагиров, имевшая название ононди (онанди) и числившаяся в ясачных книгах второй половины XVII в. как юкагиры Зельянского рода. Последнее название несомненно тунгусского (ламутского) происхождения. Оно произведено от названия Дельянского рода охотских тунгусов (ламутов).

Как мы знаем, ононди вступали в брачные отношения с тунгусами (ламутами). При господстве у юкагиров матрилокального брака отдельные тунгусы могли войти в юкагирские семьи. Дети этих тунгусов вырастали юкагирами, но по происхождению считались тунгусами. В конце XIX в. большая часть верхнеколымских юкагиров, описанных Иохельсоном, представляла именно таких юкагиров тунгусского происхождения. Вероятно, происходили из тунгусского Дельянского рода и Алганий с Алдакаем. Потомство Алдакая (Алджалая) к 1681 г. составляло уже половину той группы юкагиров, к которой они принадлежали. К потомству Алдакая принадлежал и глава всей этой группы — Нутной (см. выше). Естественно что он назвал себя своим родовым названием тунгусского происхождения вместо юкагирского названия ононди, которое к тому же имело не слишком приятное значение. По Иохельсону, «оно» — грабить, брать силой. Отсюда ононди, очевидно, значило что-то вроде грабители или разбойники. Недаром тундровые юкагиры называли Алгания и Алдакая «удалыми людьми» и побаивались их. Ниже мы узнаем, что ононди (онанди) вызывали также опасения алазейских юкагиров. Но несмотря на тунгусское отчасти происхождение и связи с тунгусами, ононди, как мы знаем, считались юкагирами и говорили по-юкагирски.

На карте мы включили в территорию ононди, помимо бассейна верховьев р. Адычи и северного склона Верхоянского хребта, бассейн правого притока Яны р. Алджо (Олджо, Альджо, Альжо). Здесь ононди должны были проходить по пути к Янскому нижнему зимовью. Да и само название

---

[121] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 64. Ононди (ононги, ононзи) упоминаются и в связи с их нападениями на алазейских юкагиров, совершенными совместно с индигирскими юкагирами шоромбоями (см. ниже).

[122] Сравни, как варьировались транскрипции имен юкагирских аманатов, взятых Буэой: Быгалга, Балганча, Билгий; Дамгукта, Долгота, Далгета, Далгутта, Дольгокта, Далгуна; Емгота, Емгута, Емгутта; Югамты, Игмоиты.

Алджо, вероятно, восходит к собственному имени известного нам Алдакая (Ажалая, Алджакая), так же как название р. Омолоевой — к имени юкагира Омолоя, р. Уяндиной — к имени юкагира Уяпды и т. д. На карте Ф. Врангеля «каменные» юкагиры показаны на восток от Индигирки вдоль нее, примерно так же, как на нашей карте, только дальше на север [123].

Мы не рассмотрели еще один род янских юкагиров, а именно Петайский род. Эта группа интересна тем, что, по свидетельству Иохельсона, в его время это была самая многочисленная группа юкагиров, сохранившая свой язык. В то же время считалось, что эта группа юкагиров, называвшаяся тогда «Бетильским тунгусским родом», имеет тунгусское происхождение. О прошлом месте жительства Бетильского рода Иохельсон зафиксировал лишь общее указание, что «по сохранившимся преданиям он пришел из мест около Якутска» [124]. Вероятно, это должно значить, что Бетильский род пришел со стороны Якутска по отношению к Алазее, где этот род кочевал в XIX в. и где его потомки живут и в настоящее время. Но, может быть, это значит, что кто-то из предков этого рода был родствен якутам, например, Бетуяской волости, так же как юкагиры Зельянского рода могли рассматривать своими родственниками тунгусов Дельянского рода и поэтому считать себя выходцами с Охотского побережья.

Указаний о местожительстве юкагиров Петайского рода в XVII в. у нас нет. Мы только знаем, что они вместе с Зельянским родом считались «каменными», т. е. горными юкагирами, жившими к востоку от Яны, и платили ясак в Янском нижнем зимовье. Из отписки Евдокима Козицына известно также, что юкагиры Петайского рода в это время (1679 г.) имели брачные и другие связи с тунгусами (ламутами) Зашиверского острога «Бочерского» (т. е. Тугочерского рода [125]. В ясачной книге 1681 г. Петайский род записан в конце книги сразу за Зельянским [126]. Мы предполагаем,

Таблица 120

Численность юкагиров Янского нижнего зимовья

Группа	1650-е годы		1681 г.		1691 г.	
	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения	плательщиков ясака	всего населения
Омолоевская	27	110	14	60	18	70
Хромовская	24	100	14	60	14	60
Итого коромоев	51	210	28	120	32	130
Яндинцы	50	200	30	120	36	150
Зельяны	33	130	21	80	25	100
Петайцы	20	80	12	50	15	60
Итого онондей . .	53	210	33	130	40	160
Всего	154	620	91	370	108	440

[123] См. сб. «Якутия», стр. 86—87.

[124] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. СПб., 1900, стр. 209.

[125] См. КПМГЯ, стр. 116. «Бочерский» или «Бугочерский» — это описка вместо Тугочерский, т. е. Тюгесирский. Тугочерский род перешел на Индигирку с Алдана.

[126] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 189 г., лл. 468 об.— 470.

что Петайский род тоже был частью онондей, которые, очевидно, состояли из двух родов — Зильянского и Петайского. Оба эти рода были иноземного происхождения. Петайский род мы отдельно на карте не показываем, так как считаем его, как и Зельянский род, частью онондей.

В табл. 120 (стр. 391) приведены итоговые данные об янских юкагирах. Надо только иметь в виду, что, как сказано было выше, группа коромоев (юкагиров Хромовского рода) в середине XVII в. навсегда переселилась на р. Уяндину, приток Индигирки, и нами ниже рассматривается вместе с другими индигирскими юкагирами. Этих хромовских юкагиров (т. е. коромоев по происхождению) на Индигирке, плативших ясак было 16 чел. (всего около 65 чел. населения). Иногда и другие группы янских юкагиров платили ясак на Индигирке. Это были частью яндинцы, а главным образом коромоп с рек Чендона и Омолоя, которые в конце концов все же остались в числе плательщиков ясака Янского нижнего зимовья. Те же 65 юкагиров, которые будут описаны ниже, в данные табл. 120 не включены. Но так или иначе следует считать, что ясачных коромоев в 30-х и 40-х годах XVII в. было не 51, а 67 (не 210, а всего около 275 чел. населения), а всех янских юкагиров ясачного возраста к приходу русских, таким образом, получается 170 (всего 685 чел. населения).

На этом мы закапчиваем рассмотрение юкагиров бассейнов Яны, Омолоя, Хромы и правобережья низовьев Лены.

Для того чтобы закончить описание этнического состава населения бассейна р. Яны, изложим материалы об янских якутах. Сначала приведем данные об изменении численности янских якутов («ясачных людей») (табл. 121).

Таблица 121

Численность плательщиков ясака у янских якутов с 1653 по 1669 г.

Год	Числилось	Явилось	Год	Числилось	Явилось
1653	251	230	1662	284	274
1654	238	Св. нет	1664	275	262
1655	237	232	1665	265	255
1656	265	263	1667	252	242
1658	271	269	1668	247	Св. нет
1661	282	Св. нет	1669	247	156

В 1669 г. была эпидемия оспы. От нее умерло 65 ясачных верхоянских якутов. Кроме того, 27 ясачных якутов куда-то «сошло». С 1672 г. мы имеем возможность дать более подробные сведения об изменении численности плательщиков ясака у верхоянских якутов (табл. 122)

Кроме того, в Янском верхнем зимовье платили ясак «подгородные» якуты, т. е. якуты центральной Якутии, в 1710 г.— 441 чел. и в 1712 г.— 274 чел. В 1710 г. из 77 «сошлых» верхоянских якутов 28 заплатили ясак в г. Якутске.

Определить численность верхоянских якутов, исходя из выше приведенных цифр, легко. У них очень были обложены ясаком все трудоспособные мужчины, в том числе и холопы. Можно считать, что в середине XVII в. было около 250 ясачных верхоянских якутов (всего 1000 чел. населения). В 1680—1690 гг. верхоянских якутов было примерно 900, а к самому концу XVII в. их численность достигла 1200 чел. Вместо выбывших «сошлых» (главным образом на Индигирку и Колыму) приходили новые люди

Таблица 122

Численность ясачных янских якутов с 1672 по 1712 г.

Год	Числилось к началу года	Явилось	«Новиков»	Умерло	«Сошло»	Числилось к концу года	Год	Числилось к началу года	Явилось	«Новиков»	Умерло	«Сошло»	Числилось к концу года
1672	188	168	5	2	18	191	1694	318	246	31	5	67	344
1673	183	164	12	—	15	195	1695	344	280	3	—	65	347
1678	195	168	—	2	24	193	1697	347	257	4	—	90	361
1679	193	150	1	—	—	194	1699	359	291	Св. нет	Св. нет	Св. нет	367
1681	230	198	34	5	35	259	1700	367	290	1	—	Св. нет	368
1682	271	228	1	4	39	268	1701	368	300	8	—	68	376
1685	241	206	24	2	33	263	1702	376	331	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет
1687	281	210	2	2	85	281							
1688	280	210	1	4	67	277	1705	420	333	16	—	78	436
1691	297	218	5	2	78	300	1706	436	360	6	—	76	442
1692	305	Св. нет	Св. нет	Св. нет	Св. нет[127]	305	1708	455	369	27	—	76	482
							1710	475	398	2	—	77	477
1693	305	243	13	—	62	318	1712	487	406	2	—	81	489

из волостей центральной Якутии. С конца XVII в. приток «подгородных» якутов стал превышать убыль, а к 1712 г. численность верхоянских ясачных якутов достигла 400 (всего 1600 чел. населения), не считая еще 300—400 выходцев из Центральной Якутии, учитывавшихся отдельно. Общая численность якутов на Яне, а также Индигирке и, вероятно, Колыме, без района Оймекона, определенная нами на основании вышесказанного на начало XVIII в., приведена в табл. 123.

Таблица 123

Численность якутов на Яне, Индигирке и Колыме в начале XVIII в.

Группы	Плательщиков ясака	Всего населения
В составе коренных янских родов на Яне .	400	1600
В составе янских родов на Индигирке и Колыме	50	200
«Подгородные» якуты на Яне, Индигирке и Колыме	350	1400
Всего	800	3200

Переходя к родовому составу янских якутов, отметим прежде всего, что значительная часть родов янских якутов имела два и даже более названий. Одно из этих названий обычно совпадает с каким-либо из названий родов (волостей) центральной Якутии, а другое является новым, видимо образо-

[127] В этом году ясачных сборщиков на обратном пути в Якутск убили тунгусы.

вавшимся здесь на месте. В табл. 124 приводится родовой состав янских якутов с указанием этих двух категорий родовых названий и числа плательщиков ясака в каждом роде за ряд лет.

Таблица 124

Родовой состав янских якутов в середине XVII в.[128]

Название рода		Число плательщиков ясака			
общеякутское	местное янское	1654 г.	1656 г.	1659 г.	1661 г.
—	Юсальский	29	35	28	34
Батулинский	Эгинский	20	22	26	29
Туматский	—	8	11	9	12
Катылинский	Байдунский	102	112	108	97
Намский	—	3	3	4	4
Эргитский (Оргутский)	Элгетский	57	63	58	90
Коринский	Домовской (Айбин)	19	19	16	16
	Всего	238	265	249	282

Не считая намцев [129] и туматов, которые представляли на Яне очень небольшие и, по-видимому (намцы во всяком случае), пришедшие сюда позже русских группы, мы имеем у якутов на Яне всего пять основных родов. Из них четыре несомненно являются ответвлениями определенных родов центральной Якутии и только один, Юсальский, не может быть по своему названию увязан с каким-либо другим якутским родом.

Транскрипция названий родов янских якутов значительно варьировалась. Так, вместо современного написания Юсальский в XVII в. писали иногда Юзальский, вместо эгинцы — иген, вместо Байдунский — Байдиновский, вместе Элгетский — Оргеский, Олгеский, Илгеский, елгесы и даже «белбесы». Название Айбин образовано от собственного имени Айбы, главы янских коринцев [130]. Возможно, что такого же происхождения и названия других родов янских якутов, не имеющих параллелей в названиях родов «подгородных» якутов. Необходимо указать, что некоторые родовые названия писались по-разному и у якутов центральной Якутии. Так, название Эргитского рода писалось там Оргетский, Урготский, Орготский (см. выше). Отсюда неудивительно образование янских вариантов этого родового названия — Оргесский, Ылгесский, Олгетский и, наконец, Елгетский или Элгетский. Таким образом, указанные в табл. 124 названия Эргитский и Элгетский являются не разными названиями одного и того же рода, как это имеет место в отношении названий других янских родов, а лишь разными транскрипциями одного и того же названия.

Янские батулинцы-эгинцы назывались еще «Егдурским» или Егдорским и даже «Гедорским» родом [131]. Одного ли происхождения это название с названием Эгинский род, или это какое-то особое, может быть территориальное, название, нам неизвестно.

Верхоянское зимовье, по-видимому, было основано в 1638 г. Постником Ивановым Губарем. Первоначально Янское верхнее (или, как оно называлось первое время, «Янское среднее») зимовье было основано на

[128] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 162 г., лл. 102—130; яс. кн. 164 г., лл. 1—15; яс. кн. 167 г., л. 2—35; яс. кн. 169 г., лл. 1—32.

[129] Один из намцев, в 1659 г. куда-то «сошедший», был Сосуйского рода.

[130] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 194 об.

[131] Там же, см. также «Открытия русских землепроходцев...», стр. 130.

левом берегу Явы, против современного Верхоянска, на лугу Боронук. Поэтому по-якутски Верхоянск назывался Боронук и после перенесения поселения на современное место. Из челобитной Ивана Ерастова, на которую мы уже ссылались выше, видно, что князец Селбук, глава рода байдунцев, самого многочисленного рода янских якутов, жил со своим родом на реках «Одучим и... Бурлак» [132], т. е. на Алдыче и ее притоке Борулах. Там жили якуты Байдунских наслегов и в первой половине XIX в. Якуты Байдунских наслегов жили в первой половине XIX в. также вверх по Яне (Сартанг) на урочищах Асар, Барылах, Булганяхтах.

Вниз по Яне от Янского верхнего (среднего)зимовья жили в XVII в. «олгесцы» во главе с Колексой и коринцы во главе с Айбой[133]. Из другого источника XVII в. известно, что вниз по Яне от Янского верхнего зимовья жили также и эгинцы («игеи»)[134]. Наконец, юсалцы вместе со своими князцами Тунгусом и Темреком все время упоминаются отдельно и в таком контексте, что создается впечатление, что они, по крайней мере часть их, жили близ самого зимовья [135].

По данным первой половины и середины XIX в., юсальцы жили по р. Дулгалах, впадающей в Яну несколько выше Верхоянска, и по самой Яне вверх от города до урочища Сасы-бас включительно. Так, юсальцы указаны в урочищах Бустах, Конги-селянь, Тарагана. По данным XIX в., коринцы жили вниз по Яне в 60 верстах от города, элгеты — в 150 верстах и эгинцы — в 200—220 верстах. В частности, у оз. Ламы в середине XIX в. жили эгинцы[136]

Используя карту расселения народностей Крайнего Севера, составленную П. Е. Терлецким, мы нанесли роды янских якутов на карту таким образом: юсальцы — населенная часть рек Дулгалах и Яны, в районе устья р. Дулгалах; байдунцы — населенная часть р. Адычи в районе устья Борулах, населенная часть р. Борулах и населенная часть р. Яны (Сартанг), вверх примерно от устья р. Алах (т. е. выше Юсальского рода). По Яне вниз от Верхоянска мы поместили коринцев, ниже их, по выше устья р. Адычи — элгетов и еще ниже, несколько далее устья р. Адычи,— эгинцев.

Янских туматов и намцев мы отдельно не показываем. Что касается небольшого числа якутов, кочевавших иногда в районе Янского нижнего зимовья, вероятно у рыбного оз. Ламы-Кюэль, то это были по данным А. С. Парниковой, отдельные группы из тех же основных родов янских якутов. Из них пять человек даже платили ясак в Янское нижнее зимовье, но в 1652 г. все умерли от оспы [137].

В середине XIX в. на Яне, кроме вышеперечисленных родов, превратившихся уже в многочисленные наслеги, существовали также наслеги Кангаласский, Батагайский, Борогонский (в Верхоянском улусе), Ноготский, Батулинский, Удюгейский (в Усть-Янском улусе). Ноготский наслег, может быть, представляет подразделение Эльгетского рода, получившего свое название от имени шамана Ногоя Осогосова Эльгетского рода, остальные же вышеупомянутые новые наслеги, вероятно, образованы в основном выходцами из Центральной Якутии. Часть этих новых пересе-

---

[132] Там же, стр. 130.
[133] Там же, стр. 131.
[134] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 100, л. 15.
[135] См. Открытия русских землепроходцев, стр. 130; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 100, л. 15.
[136] Эти данные о расселении верхоянских якутов в XIX в. заимствованы нами из «Памятной книжки Якутской области за 1863 г.» (СПб., 1864, стр. 69—70, 211—220). Необходимо учитывать, что все эти расстояния в верстах, указанные в этом источнике, очень неточны. Здесь большее значение имеют соотношения, а не абсолютные цифры.
[137] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, лл. 618—621.

ленцев вошла несомненно и в старые роды. С другой стороны, такие старые янские якутские роды, как Байдунский, Юсальский, Эльгетский и Эгипский, образовали также основную массу первопачального якутского населения на Индигирке (Эльгетский улус) и даже на Колыме (байдунцы и эгинцы). В XIX в. большинство колымских якутов принадлежало к наслегам с названием Мятюжский. Это те же верхоянские эльгеты. Как мы уже указывали, переселение якутов на Индигирку и Колыму происходило только после прихода русских, но частично уже в XVII в.

В вышеприведенных данных о численности родов верхоянских якутов с 1654 по 1661 г. обращает на себя внимание резкое возрастание численности Эльгетского рода с 1659 по 1661 г. Это объясняется тем, что эльгеты в этот период состояли из двух групп. Одну из них возглавлял шаман Ногой Осогосов, а позже, в 1661 г.,— некий Куляр Батомоев. Число плательщиков ясака в этой группе колебалось в указанный период между 34 и 37 чел. Другую группу эльгетов возглавлял некий Замарай. Число плательщиков ясака в ней в 1654—1659 гг. колебалось между 21 и 26 чел., но в 1661 г. сразу подскочило до 53. Очевидно, в 1660 г. был выявлен в этой группе эльгетов значительный контингент лиц, до того времени не учтенных ясачными сборщиками.

На этом мы заканчиваем изложение материалов об янских якутах и возвращаемся к юкагирам, на этот раз индигирским.

Первых два ясачных зимовья на Индигирке как будто поставил в 1638—1640 гг. казак Иван Ребров. Но об этих зимовьях и плательщиках ясака в них нет почти никаких сведений. В 1639 г. на Индигирке поставил ясачное зимовье Постник Иванов. Это было, по-видимому, то зимовье, которое до 1667 г. называлось Индигирским верхним зимовьем, а с 1667 г.— Индигирским средним зимовьем. Оно же называлось Подшиверским. Здесь платили ясак два племени юкагиров — янга и шоромба.

В 1641 г. на Индигирке было основано зимовье служилым человеком Дмитрием Михайловым Ерилом (он же Дмитрий Зырян) для сбора ясака с юкагирского племени олюбенцев (олюбензиев) «из тундр вышед в лесном месте, на Алазейском переходе, против Каменного носу, на заречной стороне». А. Л. Биркенгоф считает, что «это зимовье стояло приблизительно там, где еще недавно располагались летники Ерча, против «Караульного» мыса близ Ожогина на Индигирке» [138]. И. С. Гурвич, занимавшийся в 1952 г. этнографическим изучением населения на Индигирке, также предполагает местонахождение Олюбенского, или Бурулгина зимовья, названного по имени олюбенского князца, у устья р. Ерча. В качестве места сбора ясака это зимовье существовало недолго. В 1648 г. в нем еще собирали ясак, но в 1652 г., во всяком случае в качестве места сбора ясака, оно уже не функционировало, а олюбенцы платили ясак в зимовье, называвшееся Уяндинским, или Индигирским нижним.

Впервые зимовье близ устья р. Уяндины поставил упомянутый выше Иван Ребров. Затем оно некоторое время пустовало, пока в 1642 г. сюда не перешел из Подшиверского зимовья сослуживец Постника Иванова казак Прокопий Иванов Краснояр [139]. Уяндинское, или Индигирское нижнее, зимовье стало местом сбора ясака с большей части юкагиров-янгинцев (янги) и со всех юкагиров-олюбенцев. Первоначально р. Уяндина называлась Юнгондой. Название Уяндина она получила по имени юкагира Уянды, главы племени янгинцев. Иван Ребров в 1639 г. уже собирал ясак с янгинского князца Уянды и олюбенского князца Берелги (Бурулги) [140].

---

[138] А. Л. Биркенгоф. Олюбенское зимовье. «Изв. ВГО», т. 83, вып. 2, 1951, стр. 203—204.

[139] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, лл. 44—49.

[140] Там же, ст. 4, л. 6.

Таблица 125

Изменение числа плательщиков ясака на Индигирке в XVII в.

Год	Зимовье														
	Уяндинское					Подшиверское					Зашиверское				
	Числилось	Явилось	«Новики»	«Сошло»	Умерло	Числилось	Явилось	«Новики»	«Сошло»	Умерло	Числилось	Явилось	«Новики»	«Сошло»	Умерло
1652	17	17	19	—	—	89	73	3	15	1	—	—	—	—	—
1655	43	42	6	—	—	100	85	—	—	—	Св. нет	5	12	—	—
1656	49	48	—	—	1	100	84	4	—	—	17	16	12	—	—
1657	72	Св. нет	—	—	1	76	Св. нет	—	—	—	32	Св. нет	—	—	—
1658	110	Св. нет	—	19	4	57	Св. нет	—	—	—	28	Св. нет	—	—	—
1659	Св. нет	65	4	—	—	Св. нет	42	4	—	—	Св. нет	Св. нет	—	—	—
1662	119	71	1	24	—	48	49?	—	3	—	26	36?	22	—	—
1664	119	67	1	23	—	48	45	—	2	—	89	88	8	—	—
1665	112	87	2	—	22[141]	45	45	—	—	—	97	87	1	10	—
1667	68	68	—	—	—	43	43	—	—	—	97	84	13	13	—
1669	68	65	1	—	—	43	39	—	—	—	97	26	3	—	—
1672	61	55	—	3	3	31	30	1	1	—	50	45	18	4	1
1673	58	51	2	3	4	31	30	—	—	7?	67	62	14	9	—
1678	57	54	3	3	—	32	30	—	2	—	82	64	1	15	3
1679	60	Св. нет	—	—	—	32	Св. нет	—	—	—	80	Св. нет	—	—	—
1681	59	45	2	14	—	31	21	1	10	—	80	51	3	29	—
1682	62	50	4	10	1	32	25	2	7	—	82	56	1	23	4
1685	64	45	—	18	1	33	20	—	13	—	80	34	1	45	1
1687	62	47	2	15	—	33	26	—	7	—	79	37	—	42	—
1688	64	56	—	5	3	33	28	1	2	3	80	45	1	31	4
1691	56	41	38[142]	15	—	26	14	17[142]	12	—	68	40	106[142]	28	—
1692—															
1694[143]	94	—	—	—	—	43	—	—	—	—	174	—	—	—	—
1695	94	46	3	48	—	43	2	—	41	—	174	59	1	115	—
1697	99	22	5	77	—	43	15	—	28	—	175	63	3	112	—
1699	104	35	5	79	—	43	17	—	26	—	178	78	8	100	—
1700	109	40	—	64	—	43	17	—	26	—	186	98	17	88	—
1701	109	23	5	86	—	43	17	—	26	—	203	118	6	86	—
1702	114	38	—	76	—	43	17	—	26	—	209	124	1	85	—
1703	114	25	2	89	—	43	17	—	26	—	210	116	3	94	—
1705	116	25	—	91	—	46	19	—	27	—	216	124	1	92	—
1706	116	23	—	93	—	46	19	—	26	—	217	124	4	93	—
1708	116	23	—	93	—	46	20	1	26	—	217	126	10	91	—
1710	116	20	—	96	—	47	21	—	26	—	227	138	29[144]	89	—
1712	116	18	1	98	—	47	20	—	27	—	229	134	23[145]	95	—

[141] Умерли в 1657 г. в «моровое поветрие».

[142] Включены захребетники и подростки, которые раньше платили ясак вместе с другими плательщиками ясака, но в списках не состояли.

[143] Имели место восстание и эпидемия оспы.

[144] В том числе 27 пришлых якутов.

[145] В том числе 21 пришлый якут.

Последнее ясачное зимовье на Индигирке, Зашиверское, а с 1667 г. называвшееся и Индигирским верхним, было основано, вероятно, в 1653 г. В 1650 г. торговые и промышленные люди, жившие на Индигирке, били челом приказному человеку Константину Степанову Дунаю, чтобы он их отпустил вверх по Индигирке за шиверы для приведения в русское подданство неясачных юкагиров и «ламутков». Возглавил эту экспедицию служилый человек Иван Ильин [146]. Но в известных нам ясачных книгах Зашиверское зимовье появляется лишь с 1655 г. [147]. В ясачной книге за 1652 г. Зашиверского зимовья еще нет [148]. В этом зимовье платили ясак юкагиры племени шоромба и уже с 1656 г. отдельные группы тунгусов.

В табл. 125 (стр. 397), приводим данные об изменениях численности плательщиков ясака на Индигирке.

Данные этой таблицы за более ранние годы отражают не действительное число трудоспособных людей мужского пола, а только число плательщиков ясака, часто представлявших целые коллективы [149]. Выявление «новиков» в 1691 г. было проведено с целью ликвидации этого порядка и перехода к обложению ясаком каждого юкагира в отдельности. Практически в 1691 г. имело место не выявление новых людей, а лишь изменение системы учета плательщиков ясака. Поэтому в табл. 125 только с 1691 г. данные о числе плательщиков ясака имеют в виду исключительно настоящих плательщиков ясака.

С 1656 по 1658 г. произошел переход ясачных плательщиков племени янга от Подшиверского зимовья к Уяндинскому зимовью [150]. С 1662 г. в составе плательщиков ясака Зашиверского зимовья начинают преобладать тунгусы [151]. В 1657, 1669 и 1693 гг. имели место эпидемии оспы. Но погибших от оспы помещали не в число умерших, а в число «сошлых» до тех пор, пока из Москвы не приходило официальное разрешение считать их мертвыми. Якуты в число плательщиков ясака Зашиверского зимовья официально были включены лишь с 1710 г., хотя постоянное якутское население на Индигирке существовало уже в конце XVII в.

Остается определить численность каждого из юкагирских племен Индигирки и количество всех юкагиров на этой реке.

Ясачных юкагиров-янгинцев было в 1648 г. 70, с окладом 274 соболи; в 1651 г.— 92, с окладом 349 соболей; в 1656 г.— 115, с окладом 382 соболя и в 1681 г.— 58, с окладом 181 соболь [152]. При этом в 1656 г. 15 чел. имели оклад по одному соболю, 25 чел.— по два соболя, 28 чел.— по три соболя, 18 чел.— по четыре соболя, 24 чел. по пять соболей, один — шесть соболей, один — семь соболей, один — восемь соболей и двое — по 10 соболей.

Считая, что нормальный максимальный оклад с юкагиров был пять соболей и что в среднем ясачные юкагиры-янгинцы платили по три соболя с человека, можно увеличить число плательщиков ясака за 1656 г. еще на

---

[146] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 102, л. 32; см., впрочем, ААН, ф. 21, оп. 4, № 31, л. 151 об.

[147] ЦГАДА, ф. 214, кн. 335, лл. 624—687.

[148] Там же, кн. 307.

[149] Там же, кн. 760, л. 294.

[150] Там же, кн. 382, лл. 370—378.

[151] Официально в ясачных книгах плательщика ясака Зашиверского зимовья назывались очень долго только юкагирами. Формула «Тунгусы и юкагиры» в отношении их появилась лишь с 1681 г.

[152] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 156 г., лл. 23—35; яс. кн. 160 г., лл. 2—17; яс. кн. 167 г., лл. 8—19; яс. кн. 168 г., лл. 357—363; яс. кн. 189 г. Формально данные, которые мы датируем 1656 г., относятся к 1659 и 1660 гг. Но мы учитываем всех отмеченных в 1659 и 1660 гг. умершими (вероятно, от оспы 1657 г.) а также считаем и четырех человек, которые были казнены в 1656 г. за организацию восстания. В числе этих четырех человек был и глава янгинцев Уянда, плативший 9 соболей в год. Таким образом, данные за 1659 и 1660 гг. даются нами в таком виде, что отражают состояние янгинцев в 1656 г. (О казни Уянды см. ЦГАДА, ф. 214, кн. 382, лл. 378—382).

семь человек. Кроме того, четыре янгинца сидело в аманатах. Таким образом, всего ясачных юкагиров племени янга получается 126 г. Но вместе с янгинцами в 1656 г. платило ясак 14 хромовских юкагиров. Следовательно, собственно ясачных янгинцев к 1656 г. было 112 (всего 450 чел. населения). Примерно столько же их было, вероятно, в начале 40-х годов XVII в., к приходу русских. К 1681 г. считалось, что ясачных янгинцев, без хромовских юкагиров (последних было два, с окладом 46 соболей), было 56. Добавив сюда четырех аманатов, получим 60 мужчин ясачного возраста (всего 240 чел. населения). К 1691 г. янгинских юкагиров ясачного возраста вместе с аманатами было, вероятно, около 55 (всего 220 чел. населения). «Янг» по-юкагирски значит «береза» (по Иохельсону).

Переходим к племени шоромба.

В 1648 г. ясачных шорómбоев числилось пять, с окладом 23 соболя, в 1652 г.— семь, с окладом 236 соболей, в 1656 г.— 23, с окладом 349 соболей и в 1681 г.— 27, с окладом 252 соболя. Группировку плательщиков ясака в 1652 и в 1656 гг. по размерам их окладов смотри в табл. 127.

Можно считать, что в 1656 г. платило ясак 88 юкагиров шоромбовского племени. Добавив к этому числу трех аманатов, получим, что всего у них в середине XVII в. был 91 мужчина-охотник (всего 360 чел. населения). Сложнее определить численность шоромбы на 1681 г. Дело в том, что род, который должен был заплатить 30 соболей, фактически заплатил в 1681 г. лишь 10 соболей, два рода, которые должны были заплатить 76 соболей, заплатили 14 соболей и два других рода вместо 94 соболей — 40 соболей. Очевидно, численность этих родов сократилась, и в данном случае нам придется исходить из фактической уплаты ясака. Всего этими пятью родами было заплачено 66 соболей. Шоромбовские юкагиры, платившие в 1681 г. ясак индивидуально, в среднем платили по два соболя. Можно поэтому считать, что в этих пяти родах шоромбовских юкагиров платило ясак не менее 33 чел. Прибавив к ним еще 22 юкагира, плативших ясак индивидуально, да трех аманатов, получим, что всего мужчин ясачного возраста в племени шоромба к 1681 г. было 58, а всего населения в племени около 230 чел. В 1691 г. в племени шоромба, было, вероятно, около 50 плательщиков ясака (всего около 200 чел. населения).

Переходим к третьему племени индигирских юкагиров — к олюбенцам.

В 1648 г. было пять ясачных олюбенцев, с окладом 202 соболя, в 1652 г.— шесть, с окладом 246 соболей, в 1659 г.— восемь, с окладом 243 соболя и в 1681 г.— 10, с окладом 258 соболей. Группировку плательщиков ясака в 1652 и в 1656 гг. по размерам их окладов смотри в табл. 128.

Можно считать, что в 1659 г. у олюбенских юкагиров было 60 плательщиков ясака. Добавив к этому числу пять аманатов, получим 65 мужчин ясачного возраста (всего около 260 чел. населения). В 1681 г., несмотря на помету в 258 соболей, олюбенцами было уплачено фактически лишь 74 особоля. Учитывая, однако, что олюбенцы жили в тундре и лесотундре, где соболей было всегда мало, мы к ним не применяем расчет, по которому определялась численность шоромбойцев на этот год. Мы будем считать, что олюбенцы платили в среднем по 1,5 соболя с человека. Тогда численность ясачных олюбенцев на 1681 г. определится примерно в 50 чел. (всего 200 чел. населения). Можно считать, что в 1691 г. было около 45 ясачных олюбенцев (всего около 180 чел. населения).

Выше мы упоминали, что на Индигирке платили ясак также хромовские юкагиры. Они были объясачены в 1652 г., и тогда платило ясак 15 чел. и был один аманат. Главой этой группы хромовских юкагиров был Егога (Толмодой), членом ее кузнец Намунда [153]. Таким образом, в этой группе было 16 мужчин (всего, вероятно, около 65 чел. населения).

[153] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 160 г., лл. 15—17.

Платили они 51 соболя. В 1681 г. с хромовских юкагиров надо было взять 46 соболей, но было взято лишь 10. Следовательно, вместе с аманатом было тогда не более шести плательщиков ясака (всего около 25 чел. населения). Примерно столько же, вероятно, было этих хромовских юкагиров на Индигирке и в 1691 г.

Общее количество юкагиров на Индигирке показано в табл. 126.

Таблица 126

Численность индигирских юкагиров в XVII в.

Группа	1650-е годы		1681 г.		1691 г.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Янга	112	450	60	240	55	220
Шоромба . .	91	360	58	230	50	200
Олюбенэи . .	65	260	50	200	45	180
Хромовские .	16	65	6	25	6	25
Всего . .	284	1135	174	695	156	625

С конца 50-х годов все олюбенцы, все хромовские юкагиры и две трети янгинцев платили ясак в Уяндинском зимовье; одна треть янгинцев и 70% шоромбоев — в Подшиверском зимовье; остальные шоромбои — в Зашиверске.

Прежде чем перейти к данным о расселении индигирских юкагиров, приведем имеющиеся у нас сведения об их родовом составе.

Мы знаем три основные группировки янгинцев: одна из них, возглавлявшаяся князцом Чичей и его братом Негилбой, находилась поблизости от Подшиверского зимовья на Индигирке, вероятно, вверх по реке, которая теперь называется Селеннях[154]; другая, возглавлявшаяся князцом Уяндой,— в районе Уяндинского зимовья на Индигирке и, наконец, третья, которую к приходу русских возглавлял Намунда Ичендыев,— вверх по р. Уяндине.

Список юкагиров 1648 г. разделен на четыре рода: «Род Янга» в главе с Негилбой («Нелгубой») Челбековым и его братом Галяндой (24 чел.); «Род Янга» во главе с Намундой Ичендаевым, хотя Намунда и не стоит первым в списке (16 чел.); «Род Янга», в списке которого имеется князец Уянда, два его брата и четыре сына (17 чел.); «того же Янгинского роду» список из 13 чел., главным образом родственников Негилбы и членов его рода.

Больше данных о разделении янгинских юкагиров на роды нет. Укажем только, что в дальнейшем роды Уянды и Намунды платили ясак в Уяндинском зимовье, а род Негилбы — в Подшиверском зимовье. Следует также указать, что, вследствие, очевидно, матрилокального характера брака юкагиров, у них очень часто имели место переходы мужчин из одного рода в другой.

У шоромбойских юкагиров роды выделяются более определенно. Данные о них приведены в табл. 127.

---

[154] Эта река называлась также Галяндиной, по имени третьего брата Чичи и Негилбы Галянды (см. ниже).

Таблица 127

Родовые группировки шоромбовских юкагиров и размеры платимого ими ясака

Родовая группа	Оклад ясака (соболей)	
	1652 г.	1656 г.
«С колымского шамана Порочи и с роду ево» под аманата Шелыгу	38	38
«С князца Пелевы и з детей ево и с племянников и с роду ево»	40	40
«С князца Нозеги (Велкого) и з детей ево и с роду ево» и с сына его... Бурнашка	45	45
«С Надуни и з брата его шамана»	10	10
«С Пороя (Олиты) и с детей и з братьями и с роду ево» под аманата Кочюрейка	48	58
«С Одылвоя и з детей ево и с роду ево» под сына его Кондылю	30	30
«С Чанжи и з братьи ево и с племянников ево и с роду ево» под сына его Чалбу	25	32
«С Ятанги Каболгоева и с роду ево» под аманата Ковыченгу	—	21
«С роду юкагирского с мужиков Шоромбы» (Нелита, Тобурай, Поганя и другие, всего 11 чел.)	—	42
«С Лукта и с роду ево»	—	15
«С Миндовки и роду ево»	—	12
«С Кокорина внука Ауля»	—	6
Всего	236	349

Из этих шоромбойских родов первые шесть платили ясак в Подшиверске, остальные, начиная с рода Чанжи, в Зашиверске. Впрочем, Чанжа одно время платил и в Подшиверске. Род Порочи, как показывает само его название, хотя бы частично представляет выходцев с Колымы.

Можно считать, что в более крупных родах у шоромбойских юкагиров было по 10—12 мужчин-охотников и в более мелких — по пяти-семи мужчин-охотников. Более мелкие группы, платившие меньше 20 соболей, т. е. насчитывавшие менее пяти мужчин, а также одиночки представляли, очевидно, отдельные семьи. Вероятнее всего, они принадлежали к отмеченным выше малочисленным родам, которые вместе с этими отдельно учтенными семьями оказываются равными по своей численности нормальным, более крупным родам. Таким образом, всего у шоромбы получается восемь-девять родов с 10—12 мужчинами-охотниками в каждом. Это была, видимо, их низовая социально-экономическая ячейка, совместно кочевавшая и промышлявшая и делившая добычу по семьям, которые, очевидно, были потребительской единицей. Сведения о родах у олюбенцев приведены в табл. 128 (стр. 402).

Если Оторы и Кривощек входили в род Ланды, то можно считать, что собственно олюбенцев, без выходцев с Алазеи, было четыре рода, по 13—15 охотников в роде. У алазейских выходцев, образовывавших среди олюбенцев отдельный род, вместе с аманатом было восемь мужчин-охотников.

Что касается выходцев с Хромы, то они образовывали отдельный род из 16 мужчин-охотников среди янгинцев, так же как выходцы с Алазеи образовали род среди олюбенцев.

С. А. Токарев приводит сведения о численности трудоспособных мужчин («ясачных плательщиков») по ряду юкагирских родов Индигирки до

Таблица 128

Родовые группировки олюбенских юкагиров и размеры платимого ими ясака

Родовая группа	Оклад ясака	
	1652 г.	1659 г.
Род Бурулгин под сина его Чепчюгу (потом под Чепчюгина брата Онилку)	55	55
«С князца Молля и с роду ево» под сына его Чюмку	55	65
«С шамана и с роду ево» под сына его Чинуча	52	52
«С Ланды и роду ево» под сина его Чечю	30	30
«С Кривошека и с роду ево» под сына его Килтегу	10	5
«Алазейского роду с Пороцы и с Уляты под аманата Мандалийка»	24	26
Род Оторы Огицыва под сына его Еклоцы	20	10
Всего	246	243

сбъясачения и к 1670 г. При этом до объясачения, как указывает Токарев, эти данные составлены «по показаниям юкагирских родовых старшин». Мы приведем эти данные [155], добавив к ним в скобках те названия родов, которые употреблялись нами выше, чтобы можно было сравнить наши данные с приводимыми Токаревым (табл. 129).

Таблица 129

Изменение численности родов индигирских юкагиров

Род	Трудоспособных мужчин	
	до объясачения	осталось к 1670 г.
Бурлаша (шоромба, род Нозеги)	более 40	13
Кондыли (шоромба, род Одылвоя)	более 30	6
Шаманов (шоромба, род Порочи)	19	7
Ландин (олюбенцы, род Ланды)	13	1
Еклачина (олюбенцы, род Оторы Огицыва)	8	3
Хромовский (янга, хромовские юкагиры)	23	5
Бурыгин (олюбенцы, род Бурулги)	19	8

При оценке этих данных надо иметь в виду, что юкагиры в 1670 г. были заинтересованы показать свою численность перед объясачением побольше, так как тогда они легче могли обосновывать свои требования об уменьшении оклада указанием на то, что оклад был наложен на большее количество людей, чем имеется налицо сейчас. Кроме того, юкагиры не всегда могли знать, какая именно группа их числится в ясачных книгах в качестве рода. Например, юкагир рода Ланды мог не знать, что род Кривощека считается у русских отдельным родом и, определяя численность своего рода до объясачения, мог включить людей, впоследствии образовавших в ясачных книгах род Кривощека, в число людей рода Ланды до его объясачения и т. д.

[155] См. С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 273.

Несомненно сильно преувеличили свою численность перед объясачением юкагиры родов Бурнаша и Кондыли, Хромовского, шамана Порочи и Ландина. Правильно, видимо, показали свою численность ко времени объясачения только юкагиры родов Бурулгина и Еклачина.

Таким образом, те данные, которые юкагиры сообщили о себе, по большей части нуждаются в коррективах, хотя наряду с преувеличенными у них имеются случаи и правильного показания.

Переходим теперь к изложению материала о расселении индигирских юкагиров.

Местом обитания племени Янга был район Уяндинского зимовья и бассейн р. Уяндины (см. выше).

Есть сообщение, свидетельствующее, что вверх по Уяндине тоже жили янгинцы [156].

Южная граница распространения этого племени по Индигирке проходила, вероятно, в районе Подшиверского зимовья, поскольку в последнем платили ясак и яндинцы и шорombои. Река Селеннях находилась, очевидно, как мы уже указывали выше, в пределах территории янгинцев.

Северная граница территории племени шоромба в районе Подшиверска была смежной с янгинцами. На территории шорombы находился Зашиверск.

Наконец, южным пределом распространения шорombы и вообще южным пределом распространения юкагиров на Индигирке был район слияния Момы и Оймекона. На это указывал еще В. И. Огородников, ссылаясь на отписку служилого человека Андрея Горелого от 1651 г. Жили юкагиры и по самой Моме. Тунгусы заходили летом, вероятно, лишь в верховье Момы [157].

В устье р. Момы в 1651 г. жил со своим родом шорombойский князец Люкоча; одним из видных членов его рода был упоминавшийся выше шаман Чанжа. Эти юкагиры Люкоча (тезка янского Люкочи Колтагина, см. выше) и Чанжа со своими ближайшими родственниками были в близких взаимоотношениях с тунгусами, иногда видимо, и кочевали вместе с последними. В частности, Чанжа вместе с тунгусами в 1674 г. «подступал» к Зашиверскому острожку. Поэтому Чанжу и его родственников русские источники иногда называют «ламуцкими юкагирями». В ноябре 1674 г. Чанжа и его люди участвовали в убийстве ламутами «на Каменю» шедших в Зашиверск атаманов Михаила Стадухина и Лазаря Аргунова, а также других казаков. Но есть известие, что на третий день после этого ламуты убили самого Чанжу и почти всех его юкагиров [158].

Надо заметить, что вначале тунгусов в районе Зашиверска не было. Сохранилось указание о том, что они здесь, по Моме, зимой не жили и приходили лишь летом [159]. И только впоследствии, после основания Зашиверска, тунгусы стали кочевать постоянно в районе устья Момы и самого Зашиверска.

Между юкагирами олюбенцами и янгинцами до прихода русских «по вся годы» происходили вооруженные столкновения. Последнее нападение олюбенцев на янгинцев произошло 10 апреля 1641 г. [160] Отношения между юкагирами разных племен были настолько обострены, что олюбенцы мотивировали необходимость учреждения для них особого ясачного

---

[156] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 102, л. 31.

[157] См.. В. И. Огородников. Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли. Чита, 1922, стр. 6; ДАИ, т. 3, № 75, стр. 276; см. также «Открытия русских землепроходцев...», стр. 126, 128.

[158] ЦГАДА, ф. 214, кн. 503, лл. 699—705; кн. 525, лл. 109—110.

[159] ДАИ, т. IV, № 25.

[160] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 21, л. 38.

зимовья тем, что если их аманаты будут посажены вместе с аманатами янгинцами и шорombоями, то те их перебьют.

Главными князцами олюбенцев к приходу к ним русских были Морле и Бурулга. Имя последнего, как сообщил нам И. С. Гурвич, сохранилось в названии хребта Бурулгин камень в районе современного пос. Аллаиха, к югу от него, на левобережье Индигирки против устья р. Ерчи, где, как известно, находилось Олюбенское зимовье.

Морле (Молле) и Бурулга район Олюбенского зимовья считали районом олюбенских кочевий, здесь находились и рыбные ловли, и плави диких оленей («звериный плавеж») и соболиные промыслы. На лето олюбенцы откочевывали дальше на север, по-видимому в район дельты Индигирки [161]. «Осеновали» они во всяком случае «у моря» [162].

Зная, что Западнее Хромы жили хромовские юкагиры, а к востоку от Индигирки, за хребтами, в одном дне ходу от Олюбенского зимовья, начиналась земля алазейских юкагиров, территорию олюбенцев по вышеприведенным данным можно определить довольно точно.

Олюбенцы все были оленеводами. Соболей у них, как у жителей тундры и лесотундры, было мало, и для уплаты ясака они недостающих соболей выменивали на мясо и шкуры диких оленей у алазейских юкагиров. В отличие от враждебных отношений, существовавших между олюбенцами и янгинцами, отношения олюбенцев и алазейцев были добрососедскими. Вышеупомянутый Бурулга был даже названным братом алазейского князца Невгочи (Неваги).

Глава янгинских (енгинских янгиньских) юкагиров Уяпда жил на реке, которая носит теперь его имя. Недалеко от устья юкагиры-янгинцы эту реку перегораживали для ловли рыбы. В декабре 1642 г. янгинцы и шорombои осадили Уяндинское зимовье. В описании происходившего столкновения между служилыми людьми и юкагирами, составленном Прокопием Краснояром, интересно упоминание о костяных куяках и шишаках и о каменных топорах у юкагиров. Были у юкагиров также луки со стрелами и копья, но с какими наконечниками, Красноярец не указывает. В качестве веревок юкагиры употребляли «кряжовье» [163].

Относительно князца шамана Порочи, платившего ясак вместе с шорombоями, тот же Прокопий Красноярец указывает, что он пришел на Индигирку с Колымы «через камень» 23 апреля 1643 г. Пороча говорил, что его род — «оленные и пешие» люди — живет на Колыме [164]. Но в дальнейшем Пороча со всем своим довольно значительным (см. выше) родом платил ясак на Индигирке вместе с шорombоями. Очевидно, Пороча, говоря о своем «роде» на Колыме, имел в виду племя, из которого он происходил. Род этого Порочи (в 1681 г. Челопды) платил ясак на Индигирке до 1681 г. Можно считать, что он полностью влился в состав шорombовских юкагиров, так же как один алазейский род вошел в состав олюбенцев, а один хромовский род — в состав янгинцев.

Выше мы упоминали о расспросе аманатов яиских юкагиров про р. Нерогу (Нелогу). Такой расспрос производился в 1644 г. и на Индигирке. В частности, вышеупомянутый шаман Пороча, рассказав то, что он знал о Нероге и Колыме (к этому мы вернемся ниже), сообщил, что на Моме и «вершине живут юкагири и ламутки многие» [165]. Надо отметить, что Пороча просил перевести его обратно на Колыму, говоря, что на Индигирку он и его брат приходили лишь в гости. Но его просьба так и не была уважена.

---

[161] ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, лл. 172—173.
[162] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 6, л. 15.
[163] Там же, ст. 43, л. 47.
[164] Там же, л. 48.
[165] Там же, ст. 43, лл. 29, 31.

За 1648 г. имеется список индигирских амапатов. Среди них олюбенцев пять (Чепчега Бурылгин сын, Чюмка Молеев сын, Чеча Глухова (Ланды) сын, Килтега сын Кривощека и шаман Идагаля), янгинцев четыре (Инега Уяндин брат, Пуяша Бычин сын, Мотора Нелгилбин сын, Карпака Ченин племянник), шоромбоев три (Иченду Пелевин, Шелыга Порочи шамана сын и Нодуча Нодучин). Интересно то, что список амапатов янгинцев в этом документе озаглавлен таким образом: «Верхние же пешово роду» [166]. В связи с этим необходимо указать, что служилый человек Фодор Алексеев Чукичев, ходивший в 1639 г. вместе с Постником Ивановым Губарем на Индигирку, в 1646 г. рассказывал, что «пришед на Индигирку и нашли юкагирей князца Иванду (Уянду? — *Б. Д.*), а того Иванды роду ево было человек со 100 и больши люди сидячие, а ездят де они на собаках» [167]. И в этом и в многих других документах, особенно более ранних, Индигирку называли Собачьей рекой. В то же время у шоромбоев и олюбенцев олени несомненно были уже к приходу русских. Очевидно, пешими юкагирами (собаководами) были к приходу русских главным образом янгинцы и то, вероятно, не все. Например, у янгинцев Уянды и Негилбы олени, по-видимому, были [168].

Примерно около 1647 г. Андрей Горелый ходил «на камень» брать аманатов с шоромбовских юкагиров [169]. Вероятно, он ходил в горы в верховья правых притоков Индигирки, которые теперь называют Бадариха и Буор-урях.

В 1648 г. алазейские амапаты на Колыме жаловались на то, что их родственников с Алазеи на Колыму не пропускают «неясачные люди, которые живут на камени шоромборы и ононги» [170].

Зимние стойбища шоромбовских юкагиров были совсем близко от Подшиверского зимовья. Но недалеко от Подшиверска, видимо несколько ниже его, стояли и янгинцы Негилба с Галяндой [171]. Подшиверские янгинцы вели, меновую торговлю с шоромбоями. Янгинцы давали шоромбовским юкагирам рыбу, получая взамен шкуры и мясо оленей.

Известно, что около 1669 г. шоромбовский юкагир Надуча Набугин кочевал в бассейне р. Ожогины, притока Колымы [172]. А в 1682 г. группа шоромбоев Подшиверского зимовья была встречена даже на Омолоне [173].

Руководствуясь всеми этими сведениями, мы и указали расселение племен индигирских юкагиров на карте. Олюбенцы занимали все низовье Индигирки, как указано выше. Шоромбои включали в свою территорию долину Индигирки от устья Момы до устья Селеннях, нижнее и среднее течение Момы, верховье бассейна р. Ожогины, верховья рек Буор-урях и Бадарихи, впадающих в Индигирку с востока, и нижнее и среднее течение р. Сюрюктех, впадающей в Индигирку с востока. Янгинцы жили по Индигирке от устья р. Селеннях до устья р. Ожогины, в бассейнах рек Уяндины и Селеннях на левобережье Индигирки и на правобережье в низовьях Бадарихи.

Переходим к юкагирам Алазеи. Здесь наша задача облегчается тем, что все они образовывали одно племя. Остается, следовательно, только определить его численность, родовой состав и расселение. Алазейские юкагиры платили ясак в зимовье, основанном в верховьях Алазеи Дмитрием

---

[166] Там же, оп. 2, ст. 6, л. 1.

[167] Там же, ст. 66, л. 5. Имя «Иванда» Чукичев воспроизвел неверно. Это неудивительно, так как он рассказывал спустя несколько лет после прихода на Индигирку, встретив воевод в Илимске.

[168] Там же, ст. 199, лл. 15—17, 23—24, 26—30.

[169] Там же, ст. 48, л. 1.

[170] Там же, оп. 2, ст. 6, л. 19. Ниже вместо ононги — ононзи.

[171] Там же, ст. 199, лл. 1—4, 5—10.

[172] Там же, ст. 6, л. 59.

[173] КПМГЯ, стр. 146.

Михайловым Ерилом (Зыряном) в 1642 г. Затем одно время часть алазейских юкагиров платила ясак на Колыме под аманатов, увезенных туда Дмитрием Ерилом [174]. Однако ходить туда им было неудобно, так как по пути на них нападали «каменные» (горные) юкагиры шоромбои и ононди (ононзи). Часть алазейских юкагиров одно время (в 1647 г.) платила также ясак на Индигирке. Но с 1652 г. сбор ясака с алазейских юкагиров полностью сосредоточивается в Алазейском ясачном зимовье.

В табл. 130 приведены данные о ясачных юкагирах на Алазее.

Таблица 130

Численность плательщиков ясака на Алазее

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	30	27	16	1	2	1686	51	51	—	—	—
1655	43	42	2	—	—	1687	51	51	—	—	—
1656	44	46	3	—	—	1688	51	51	—	—	—
1657	49	49	—	—	—	1691	51	50	—	—	1
1658	49	Св. нет	—	—	—	1692	51	Св. нет	—	—	—
1659	49	Св. нет	—	—	—	1693	50	23	2	—	27[175]
1662	49	49	—	—	—	1694	25	Св. нет	—	—	—
1664	51	Св. нет	—	—	—	1695	25	24	6	—	1
1665	51	Св. нет	—	—	—	1697	30	30	—	—	—
1667	45	45	—	—	—	1699	33	33	—	—	—
1668	45	45	—	—	—	1700	33	33	1	—	—
1669	45	45	—	—	—	1701	34	34	3	—	—
1672	45	45	1	—	—	1702	37	37	—	—	—
1673	46	46	—	—	—	1703	37	37	—	—	—
1678	46	46	2	—	—	1705	37	37	—	—	—
1679	48	Св. нет	—	—	—	1706	37	37	—	—	—
1681	47	47	—	—	—	1708	37	37	—	—	—
1682	50	50	—	—	—	1710	37	37	—	—	—
1685	51	51	—	—	—	1712	37	37	—	—	—

Как и у других групп юкагиров, численность плательщиков ясака у алазейских юкагиров не соответствует численности всех трудоспособных мужчин-охотников. Как и другие юкагиры, алазейские платили ясак целыми родами, а в ясачные книги записывалось всего несколько человек от рода — глава рода и его ближайшее окружение. Уже данные табл. 117 свидетельствуют, что до 1673 г. алазейские юкагиры платили в среднем по пять-шесть соболей на записанного в ясачные книги человека. Для жителей лесотундры и тундры это количество уплачиваемых с человека соболей необычно велико. В табл. 131 приведены другие, более подробные данные о родовом составе, численности плательщиков ясака по родам и размерах оклада ясака у алазейских юкагиров.

Данные за 1652 и 1659 гг. извлечены из обычных ясачных книг, данные за 1671 г. представляют попытку учесть все мужское население ясачного возраста. По большей части родов она удалась, за исключением родов Тантапонина и Ланземина. Поскольку остальные данные за этот год показывают, что алазейские юкагиры были обложены в среднем из

[174] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 77.
[175] От эпидемии оспы.

Таблица 131

Численность плательщиков ясака у алазейских юкагиров по родам[176]

Род		1652 г.		1659 г.		1671 г.	
		Плательщиков ясака	Оклад соболей	Плательщиков ясака	Оклад соболей	Плательщиков ясака	Оклад соболей
Манзитин		8	92	9	92	29	92
Тантапонин		4	33	3	33	2	33
Леута шамана		4	27	4	27	4	27
Онгаты Повитина брата		4	12	2	12	6	12
Ланземин		2	17	3	17	2	17
Нинич шамана		14	78	15	78	32	78
Каллин		5	60	6	60	24	60
«Свой род»	Мамык и сын его Етко	1	2	1	2	1	2
	Урыпасв	1	24	—	—		
	Калдавай Мумугин брат	—	—	1	5		
	Кулуттай с братом Килпеем	—	—	2	5	10	20
	Чебука да брат его Корову	—	—	2	5		
	Чаншавин (Нанидин)	—	—	1	9		
Всего		43	345	49	345	110	291

расчета два — два с половиной соболя с плательщика ясака, то можно считать, что в Тантапонином роде было не менее 13 плательщиков ясака, в Ланземином роде — не менее семи, а всего у алазейских юкагиров — не менее 126 плательщиов ясака. Вместе с четырьмя аманатами получится 130 мужчин ясачного возраста. Можно считать, что всего у алазейских юкагиров в 1671 г. было около 520 чел. населепия.

Для того чтобы определить численность алазейских юкагиров в 1652—1659 гг., необходимо рассмотреть состав родов.

В роде Манзиты упоминаются четыре его брата (в том числе Тойта), его отчим Алянда «с улусными людьми», два племянника и шурин Чигчига «с улусными людьми», т. е. всего девять человек, в табл. 131 показано восемь человек, потому что сам Манзита как аманат в счет не входил. Сколько было «улусных людей» в этом роде — неизвестно. В 1671 г. в роде Манзиты было 29 чел., плативших 60 соболей. Оклад же этого рода в 50-х годах XVII в. был на 32 соболя больше. Эти 32 соболя должны были платить минимум семь человек (шесть человек по пять соболей и один два соболя). Кроме того, сюда надо добавить одного аманата. Таким образом, в начале 50-х годов XVII в. в роде Манзиты было минимум 37 мужчин ясачного возраста.

В роде Тантапони упоминаются он сам, его сыновья Епта и Чемоляра, зять Ненимба, племянник Мемонда и аманат Чемой. Судя по окладу,

[176] Данные за 1652 и 1659 гг. взяты из ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 160 г., лл. 35—42; яс. кн. 167 г., лл. 492 об.—495. Данные за 1671 г. взяты из КПМГЯ, стр. 114.

в этом роде было не менее 12 плательщиков ясака. Вместе с аманатом получится 13 мужчин ясачного возраста.

В роде шамана Леута были его сын Даро и его брат Няпзя, платившие по пяти соболей, и племянник Екличи, плативший два соболя. Сам Леута платил 15 соболей. Так как один Леута не мог добыть столько, то большую часть из этих 15 соболей добывали несомненно какие-то другие люди. Один из них, вероятно, сын Леуты Конда. Можно считать, что в роде Леуты с самим Леутой было не менее 11 мужчин ясачного возраста. В 1617 г. Конда утверждал, что раньше в их роде было 15 чел. Здесь он, видимо, преувеличил, чтобы иметь основание требовать значительного уменьшения оклада ясака.

В роде князца Онгаты Повитина брата он сам будто бы платил семь соболей, некто Лутой — двух соболей и братья последнего Калдылда — одного соболя и Мужлюга — двух соболей [177]. В 1671 г. род этот возглавлял сын Онгаты Консиней (Ойсик) и в роде было шесть плательщиков ясака. Вероятно, столько же их было и в 50-х годах XVII в.

В роде Ланземы числились два его сына — Нинегой и Кандыги. Все они платили 17 соболей. Очевидно, всего в этом роде было семь мужчин ясачного возраста.

В роде шамана Ниничи были его братья Чогондыдей, Чюнчюдей и Бунбудей (Бубуда), некто Янбибоня (Ындыбоня), сыновья Янбибони Карандей и Олтолий, братья Янбибони Онгодий и Ыгата, некие Ейвоны (Евонды) и Енаны (Ямнанды), князец Лекта, сын Лекты Чокочий (Шокича), племянник Лекты Туйты, «улусный мужик» Лекты Нимнинды и некто Калдавай. В 1671 г. в этом роде было 32 плательщика ясака. Можно считать, что вместе с аманатом (Ланчемой) и самим Ниничем в 50-х годах XVII в. в этом роде было не менее 34 мужчин ясачного возраста.

В роде Каллы числились его племянники Пынгычей, Ебита, Норопча, Лягита и «улусные мужики» Лемтий и Неплиба. В 1671 г. в роде Каллы было 24 чел. Можно предполагать, что в 50-х годах в этом роде с аманатом было не менее 25 мужчин ясачного возраста.

Наконец, в роде, который в ясачной книге назван «Свой род» (т. е. отдельный), известно девять имен (см. выше). В 1671 г. в этом роде, возглавленном Чебукой, было 11 плательщиков ясака. Можно предполагать, что в 50-х годах XVII в. в этом роде вместе с аманатом было не менее 12 мужчин ясачного возраста.

Итого получается для 50-х годов XVII в. в Манзитином (Манзютином) роде 37 плательщиков ясака, в роде Тантапони — 13, в роде Леуты — 11, в роде Онгаты — шесть, в роде Ланземы — семь, в роде Ниничи — 34, в роде Каллы — 25 и в роде Чебуки («свой род») — 12, т. е. в целом 145 плательщиков ясака.

Всего алазейских юкагиров было в 50-х годах XVII в., очевидно, около 580 чел. У нас нет данных, сколько было их в 1681 г. Вместо данных за этот год, которые мы обычно использовали для определения численности юкагиров, придется пользоваться данными 1671 г. (см. выше). В 1691 и 1692 г. алазейские юкагиры очень сильно пострадали от эпидемии оспы. Судя по ясачным книгам, погибло более половины плательщиков ясака и, наверное, такая же часть всего населения. Русская администрация полагала, что в эти годы от оспы умерло 500 алазейских юкагиров, считая женщин и детей, но эта цифра, вероятно, преувеличена [178]. Очевидно, умерло человек 300 и осталось всего 220 человек, в том числе 55 плательщиков ясака.

---

[177] В одном случае перед именами Мужмуга и Кадылда имеется подзаголовок: «Да которые юкагири собою живут».

[178] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1214, л. 510.

Относительно местожительства алазейских юкагиров известно, что в 1649—1650 гг. их «лабазы, и корм и всякий зверовой завод» находились на притоке Алазеи р. Россохе [179]. Зимой алазейские юкагиры жили в лесах в верхнем и среднем течении Алазеи, летом ниже по Алазее, в районе устья Рассохи и по последней [180].

В 1647 г. у 17 юрт рода Манзиты на «Алазейском камне» индигирские служилые люди Томило Ильин и другие вместе с промышленными людьми отбили 90 оленей и 150 (по другим данным — 300)санок «с кормом и животом» [181]. По всей вероятности, на этот же «камень» (видимо, водораздельный хребет между низовьями Индигирки и Алазеей) олюбенцы ездили торговать с алазейскими юкагирами (см. выше) [182].

Племенное название алазейских юкагиров сообщил В. И. Иохельсон. По его данным, колымские юкагиры называют алазейских алаи [183].

В общем в территорию алазейских юкагиров входил целиком бассейн р. Алазеи. Только относительно северо-восточной границы алазейских юкагиров надо сказать несколько слов.

В тундре между Алазеей и Колымой кочевала группа чукчей, возглавлявшаяся Ауном и Тыкой в 1649 г. [184] и Митой в 1656 г. [185] Центром кочевок этих чукчей были реки Большая и Малая Чукочьи, Большая Куропаточья и Коньковая виска. Но поскольку истоки Большой Чукочьей и Коньковой виски находились уже в лесотундре, а не в тундре, то их в территорию чукчей мы не включили, а отнесли к территории алазейских юкагиров.

Чукчи были оленеводы, но занимались, по свидетельству Михаила Стадухина, также и морским зверобойным промыслом [186]. И. С. Вдовин вполне основательно связывает происхождение этих чукчей, живших между Алазеей и Колымой, с преданием чукчей о их предводителе Крекае, или Хрохае, некогда ушедшем со своими людьми от мыса Рыркапии на запад [187]. Численность их (всего населения) Дмитрий Зырян и Федор Чукичев определили в 400 чел. [188]. Эта цифра кажется несколько преувеличенной, вряд ли в то время здесь могло быть более 40—50 чукотских семейств, т. е. всего 150—200 чел. населения, но так как других данных у нас нет, то приходится принять цифру 400, что примерно соответствует сотне мужчин ясачного возраста.

Переходим теперь к юкагирам Колымы.

Колымские юкагиры в XVII в. платили ясак в зимовьях Нижнеколымском, Среднеколымском и Верхнеколымском. Населенные пункты с этими названиями существуют на Колыме и в настоящее время. Кроме того, в XVII в. в бассейне Колымы существовало ясачное зимовье на р. Омолоне (Блудной). Уже за пределами бассейна Колымы, в верховьях р. Пенжины (Чендона), существовало в XVII в. еще Чендонское ясачное зимовье, история образования и ликвидации которого связана с историей освоения русскими Колымы.

---

[179] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 102, л. 5.

[180] ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, лл. 175—176; ф. 1177, ст. 66, л. 110.

[181] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, лл. 108, 111—112; оп. 2, ст. 6, лл. 15—26. На этих санках было мясо диких оленей («зверина»), рыба и оленьи шкуры.

[182] Там же, ст. 48, л. 2.

[183] См. В. И. Иохельсон. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора. «Известия Академии наук», 1898, IX, № 2, стр. 109; Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой. «Живая Старина», 1900, вып. I—II, стр. 155, 159.

[184] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 217.

[185] См. КПМГЯ, л. 64. Возможно, что Тыка и Мита — это искажение одного и того же имени.

[186] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 57, 59—60.

[187] См. И. С. Вдовин. Расселение народностей северо-восточной Азии во второй половине XVII и начале XVIII вв. «Изв. ВГО», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 254—255.

[188] См. Открытия русских землепроходцев..., стр. 143.

Среднеколымское зимовье было, вероятно, основано отрядами Михаила Стадухина и Дмитрия Зыряна (Ярила) в 1643 г. Нижнеколымское зимовье, по-видимому, появилось в 1644 г., хотя служилый человек Втор Гаврилов сообщает, что оно было построено около 1647 г. [189]. Примерно в это же время было основано и Верхнеколмыское зимовье [190].

В табл. 132 приведены данные о плательщиках ясака трех колымских зимовий по ясачным книгам Сибирского приказа.

Как все почти ясачные документы, касающиеся юкагиров, цифры табл. 132 дают численность не всего трудоспособного мужского населения, а только той части, которая внесена в ясачные документы. Поэтому они нуждаются в уточнении и дополнении. Но прежде необходимо разобраться в истории вышеупомянутых Омолонского и Чендонского ясачных зимовий.

В ясачной книге 1657 г. упоминается ясак из 16 пластин собольих «с новой Омолона реки». Такой же ясак предполагалось взять на Омолоне и в 1658 и 1659 гг. [191].

В 1664 г. служилый человек Иван Хворый ходил вверх по Анюю «к неясачным людям к ходынским и чюванским и к лавренцам к юкагирем» и взял здесь в аманаты двух человек «Лавренского роду» — Табляку и Аинника. Под них хотели платить 35 соболей. Жили эти лавренцы вместе с ходынцами «промеж Анюем и Омолоном вверх Олоя реки». Лавренцев называли также «анюйского хребта ясачными иноземцами» [192].

Однако в 1665 и 1666 г. лавренцы в зимовье, расположенное в устье Анюя, с ясаком не приходкли. Оба их аманата в 1667 г. умерли с голода. В 1669 г. Иван Хворый привез с Анюя лишь 29 соболей, взятых за 1665 г. с каких-то других пяти юкагиров [193].

Но история омолонских юкагиров на этом не кончается. В ясачной книге 1684 г. имеется запись: «Омолонского зимовья... десятника Симки Дехтярева с ясачных юкагирей на нынешней на 192 год ясашных 19 соболей, цена 140 рублев» [194].

В 1685 г. казак Степан Медников взял в Омолонском зимовье 22 соболя стоимостью 160 руб. [195]. С этого года и можно составить таблицу изменения числа плательщиков ясака по Омолонскому зимовью (табл. 133).

С 1691 по 1694 г. оклад ясака был 56 соболей. Платили омолонские ясачные юкагиры в среднем по два соболя с человека в год. Последняя запись по Омолонскому зимовью в сметной ясачной книге Якутского уезда за 1694 г. гласит: «Омолонские ясачные юкагиры и аманаты и прикащик казак Иван Мелкой и служилые люди волею божиею моровым поветрием воспою все померли. И впредь с тех омолонских юкагирей великого государя ясак взять не с ково и то Омолонское зимовье впредь из окладу выложено» [196].

На этом заканчивается история омолонских юкагиров в XVII в. Но в XVIII в., по данным 3-й ревизии (1761—1763 гг.), при Нижнеколымском зимовье снова числятся два Омолонских юкагирских рода. Потомки ли это омолонских юкагиров, уцелевших от эпидемии 1692/93 г., или переселившиеся на Омолон юкагиры других групп — неизвестно.

Несомненно, что существовала какая-то отдельная группа юкагиров, которая располагалась на среднем течении р. Омолопа и по ее притоку

---

[189] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 60—63. М. И. Белов считает, что Нижнеколымск был основан в 1643 г. (см. там же, стр. 321); Открытия русских землепроходцев..., стр. 14.

[190] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 321.

[191] ЦГАДА, ф. 214, кн. 361, л. 808; кн. 382, лл. 401—402.

[192] Там же, кн. 63, лл. 675—678; кн. 525, л. 137; КПМГЯ, стр. 112—113.

[193] ЦГАДА, ф. 214, кн. 525, лл. 137—138.

[194] Там же, ст. 976, л. 72.

[195] Там же, ст. 1112, л. 132.

[196] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1058, л. 1179 об.

Таблица 132

Численность плательщиков ясака у колымских юкагиров

Год	Зимовье														
	Нижнеколымское					Среднеколымское					Верхнеколымское				
	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	31	30	—	1	—	14	14	1	—	—	27	27	—	—	—
1654	30	30	—	—	—	14	14	2	—	—	27	26	5	—	—
1656	32	31	2	—	—	16	16	—	—	—	32	31	—	1	—
1657	34	34	9	—	—	16	16	—	—	—	31	26	3	2	3
1659	43	43	—	—	—	16	16	—	—	—	32	29	—	3	—
1662	49	47	—	2	—	18	18	—	—	—	37	38	—	—	—
1654	49	Сведений нет				19	Сведений нет				36	Сведений нет			
1665	49	46	—	2	1(?)	19	19	6	—	—	36	27	9	7	2
1667	49	Сведений нет				25	Сведений нет				37	Сведений нет			
1669	49	45	—	4 (?)	—	26	26	—	—	—	36	43	2	—	—
1672	47	31	—	3	11 [197]	24	23	—	1	—	43	37	—	5	1
1673	34	29	1	3	2	24	23	1	1	—	41	37	—	7	—
1678	33	29	—	4	—	23	23	—	—	—	43	39	—	4	—
1681	30	27	1	2	1	22	22	—	—	—	40	37	1	2	1
1682	31	29	—	2	—	23	22	—	1	—	42(?)	37	—	5	—
1685	32	27	—	5	—	23	22	—	1	—	42	37	—	5	—
1686	32	29	—	—	3	23	22	—	1	—	42	38	—	2	2
1687	29	29	—	—	—	23	22	—	1	—	40	31	—	6	3
1688	29	29	—	—	—	23	22	—	1	—	37	34	—	3	—
1691	31	31	—	—	—	23	23	—	—	—	36	31	—	5	—
1692	31	27	—	4	—	23	23	—	—	—	36	30	—	6	—
1693	31	19	—	12	—	23	12	1	11	—	36	28	1	8	—
1694	31	12	—	19	—	24	5	—	19	—	37	30	1	7	—
1695	31	15	—	—	16 [198]	24	6	—	—	18 [198]	38	28	—	—	10 [198]
1697	18	11	3 (?)	7	—	10	8	2 (?)	2	—	30	29	—	1	—
1699	21	14	—	7	—	12	9	—	3	—	30	29	—	1	—
1700	23	15	1	8 (?)	—	12	8	—	4 (?)	—	34	32	1	2 (?)	—
1701	24	16	1	8	—	12	8	—	4	—	35	33	—	2	—
1702	25	17	2 (?)	8 (?)	—	12	8	—	4 (?)	—	35	31	—	4 (?)	—
1703	27	19	3	8 (?)	—	12	8	3	4 (?)	—	35	32	—	3 (?)	—
1705	31	17	—	14	—	15	8	—	7	—	35	32	1	3 (?)	—
1706	31	20	—	11	—	15	8	—	7	—	36	33	—	3	—
1708	34	19	2	15	—	15	8	7	7	—	36	33	—	3	—
1710	36	14	—	22	—	22	8	—	14	—	36	32	—	4	—
1712	36	16	4 [199]	20	—	22	8	—	14	—	36	30	13 [200]	6	—

[197] «Те юкагиры 11 человек побиты во 178 году от иноземцев...» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 575, л. 444).

[198] «В прошлых годех оспою померли» (там же, кн. 1366, лл. 540—593).

[199] Верхоянские якуты (там же, кн. 1564).

[200] Зашиверские ламуты (там же, кн. 1564). Надо иметь в виду, что здесь тоже умершие плательщики ясака «до указу» числились «сошлыми».

Таблица 133

Численность плательщиков ясака в Омолонском зимовье [201]

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1685	11	11	5	—	—	1691	25	18	—	7	—
1686	16	15	—	1	—	1692	25	18	—	7	—
1687	16	8	10	8	—	1693	25	—	—	25	—
1688	26	13	6	13	—	1694	25	—	—	—	25

Олою (вероятно, по Большому и Малому Олоям). В этой группе, считая с аманатами, было около 30 мужчин ясачного возраста (всего до 120 чел. населения). Родовым или, может быть, другого порядка названием этой группы юкагиров было, в руссифицированном виде, название «лавренцы». Уклоняясь от ясачного обложения, эти юкагиры откочевывали в самые верховья Олоя и в верховья Анюя и его левых притоков, где входили в контакт с ходынцами и чуванцами. Юкагиров-лавренцев нужно несомненно учитывать отдельно как особую самостоятельную группу юкагиров XVII в.

Что касается местоположения Омолонского ясачного зимовья, где платили ясак лавренцы, то об этом почти никаких сведений нет. Вероятно, оно находилось на Омолоне, где-нибудь в районе или выше устьев обоих Олоев. Известно, что из Среднеколымска до Омолонского зимовья в XVII в. шли шесть недель.

Г. А. Сарычев сообщает, что в его время, т. е. в конце XVIII в., на Омолоне в 400 верстах от устья находилось древнее русское строение [202]. На Омолон примерно в 400 *км* от его устья, несколько выше устья Большого Олоя, выходит показанная на современных картах тропа из Среднеколымска. Тут же в XIX в. был пос. Корбошан, где жили последние омолонские юкагиры. Вероятно, где-то здесь и находилось Омолонское зимовье.

Переходим к Чендонскому зимовью. Оно вначале находилось на верхнем течении Омолона (Блудной), у устья р. Баранихи (она же, вероятно, и Быстрая). По-видимому, эта та река, которая в настоящее время называется по-эвенски Кегали (по ней идет путь с верховьев Омолона на р. Пенжину). Но позже чендонские ясачные сборщики жили и на самой Пенжине [203].

История Чендонского ясачного зимовья начинается в 1650 г., когда служилый человек Иван Баранов, идя «на Чондон», поднялся с р. Омолона «на камень» и взял здесь с «ходынских оленных мужиков» трех аманатов, под которых в 1651 г. было получено 32 соболя. Затем с этих ходынцев стали брать ясак по месту их жительства в верховьях Омолона (Блудной) и Пенжины (Чендона), так как к Колымскому верхнему зимовью им приходилось идти через враждебных им «иных людей», т. е. очевидно, верхнеколымских юкагиров [204].

---

[201] Эта таблица составлена по следующим книгам ф. 214 ЦГАДА: 64, 830, 878, 430, 760, 1016, 1049, 1058.

[202] См. Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, стр. 74.

[203] У устья Часовишной речки (ДАИ, т. VIII, стр. 176).

[204] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 207—208.

В 1658 г. служилый человек Федор Чукичев взял на р. Чендоне с этих же ходынцев 60 соболей [205]. В 1660 г. Чендонское зимовье находилось на р. Омолоне в устье Барановой речки, где Чукичев взял 10 соболей с пришедших сюда верхнеколымских юкагиров. С 1660 по 1666 г. по Чендонскому зимовью числилось девять ясачных ходынцев с окладом в 69 соболей, но ясака здесь фактически не собирали, так как в 1661 г. Чукичев и его спутники были убиты ходынцами тут же у зимовья на Омолоне [206]. Известно, что в 1662 г. эти ходынцы уходили на «Колымские вершины», а в 1664 г. жили вместе с лавренцами (см. выше) в верховьях Олоя. Лишь в 1667 г. служилый человек Иван Ермолин нашел этих ходынцев «в коряках» и взял с них трех аманатов, в том числе князца Паняку (Пунжу) [207]. В результате в 1667 г. в Чендонском зимовье стало числиться 18 ясачных ходынцев с окладом в 106 соболей, с которых в 1667 г. было взято 82 соболя и в 1668 г.— 31 соболь. Иван Ермолин объяснял этот недобор тем, что в 1663 г. 11 ходынцев, плативших 75 соболей, было убито коряками.

В 1666 г. в Чендонское зимовье был переведен один аманат из Верхнеколымского зимовья. При окладе в 31 соболь сородичи этого аманата в 1666 г. и 1667 г. заплатили по 40 соболей. Но в 1668 г. они перестали платить, «потому что у них неясачные иноземцы коряки олени отгонили и от ясачного зимовья удалели».

В 1668 г. аманаты и большая часть служилых людей отряда Ермолина умерли с голода, а сам он с тремя человеками вышел с Чендона на Колыму [208].

В 70-х годах XVII в. Чендонское зимовье все время находилось на Пенжине. Там тогда сменилось несколько приказных людей (Андрей Щипунов, Василий Бурлак, Василий Тарасов Пермяк, Михаил Ворыпаев). При Андрее Щипунове в Чендонском зимовье платила ясак группа пришлых чуванцев, а затем никто из туземцев не приходил. Последний приказный человек Чендонского зимовья Иван Исаков в 1682 г. ушел поэтому на Анадырь, чтобы помогать тамошнему приказчику Ивану Курбатову [209].

В ясачных книгах Чендонское зимовье продолжало числиться до 1681 г. и считалось, что в нем платят ясак шесть ясачных ходынцев с окладом в 32 соболя и два верхнеколымских юкагира с окладом в 40 соболей. Последняя запись о Чендонском зимовье сообщает, что аманаты этого зимовья умерли с голода, «а их родников побили неясачные коряки всех», и потому «в то Чендонское зимовье больше не посылают. А писал то зимовье по вся годы не делом подьячей Петр Удин» [210]. Таков конец истории Чендонского зимовья на Омолоне и Пенжине.

Вся совокупность известных нам фактов заставляет считать, что Чендоном в XVII в. называли не только реку между Яной и Хромой, не только Гижигу, но и Пенжину. Михаил Стадухин ошибся, указывая, что в верховьях Гижиги (Чендона) «живут ходынские мужики юкагиры» [211]. Ходынцы жили не в верховьях Чендона — Гижиги, а в верховьях Чендона — Пенжины.

---

[205] ЦГАДА, ф. 214, кн. 401, лл. 185—186; ДАИ, т. IV, стр. 147—148.

[206] Там же, кн. 440, л. 461, 466—467; см.: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 293.

[207] ЦГАДА, ф. 214, кн. 63, лл. 675—678; кн. 463, лл. 517—518; кн. 503, лл. 717—719; кн. 525, л. 137; КПМГЯ, стр. 112—113.

[208] ЦГАДА, ф. 214, кн. 525, лл. 133—138; ф. 1177, ст. 56, лл. 62—64; КПМГЯ, стр. 147.

[209] См.: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 192—193; ДАИ, т. VII, стр. 139; т. VIII, стр. 175, 176, 182.

[210] ЦГАДА, ф. 214, кн. 712, лл. 556, 581.

[211] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 263; Открытия русских землепроходцев..., стр. 157 и др.

После сделанного большого отступления можно вернуться к юкагирам, платившим ясак в трех колымских зимовьях. В первую очередь следует определить их действительную численность. В нашем распоряжении три сборных книги колымских зимовий на 1651, 1659 и 1678 гг.[212] Данные, содержащиеся в этих книгах, сведены в табл. 134.

Таблица 134

Группировка ясачных колымских юкагиров по размерам оклада ясака

Год	Оклад ясака																Всего	
	1–5		6–8		9–10		11–20		21–30		31–40		41–50		51 и более			
	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей	Плательщиков	Соболей
Нижнеколымское зимовье																		
1651	6	12	—	—	—	—	4	72	3	75	3	113	—	—	1	81	17	353
1659	22	68	—	—	1	10	4	72	3	75	3	113	—	—	1	81	34	419
1678	8	24	—	—	2	20	3	56	4	96	1	40	—	—	1	81	19	317
Среднеколымское зимовье																		
1651	4	7	—	—	1	10	—	—	1	30	2	71	—	—	1	56	9	197
1659	5	15	—	—	1	10	—	—	1	30	2	71	—	—	1	56	10	182
1678	5	13	1	7	1	10	—	—	—	—	2	73	1	47	1	56	11	206
Верхнеколымское зимовье																		
1651	1	15	—	—	1	10	2	35	3	77	2	66	—	—	—	—	9	199
1659	6	16	—	—	1	10	2	35	3	79	2	66	—	—	—	—	14	206
1678	Сведений нет																	233

Учитывая, что в 1659 г. первые две группы нижнеколымских юкагиров платили в среднем по три соболя с человека, а остальные по четыре соболя, можно считать, что всего плательщиков ясака у них было 110, а с аманатами — 120 (всего 480 чел. населения). У среднеколымских юкагиров в 1659 г. по такому же расчету было 52 плательщика ясака (всего 210 человек населения), у верхнеколымских — 68 плательщиков ясака (всего 270 чел. населения). Считая еще 30 ясачных омолонских юкагиров-лавренцев (всего 120 чел. населения), в итоге получим, что в общей сложности на Колыме около 1659 г. было 270 плательщиков ясака (всего 1080 чел. юкагирского населения).

Можно считать, что в 1678 г. нижнеколымских ясачных юкагиров было 88 (всего 350 чел. населения), среднеколымских — 65 (всего 260 чел. населения), верхнеколымских (считая и плативших ясак на Чендоне) — 65 (всего 260 чел. населения). Для Омолонского зимовья приходится брать прежнюю цифру — 30 плательщиков ясака (всего 120 чел. населения).

---

[212] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 160 г., лл. 20—32; яс. кн. 167 г., лл. 8—16, яс. кн. 186 г., лл. 81—94. Сопоставляя данные табл. 134 с соответствующими данными табл. 132, мы обнаружим большую разницу в численности плательщиков ясака, потому что в табл. 132, вместе с главами родов, учтено больше их ближайших родственников. Надо также иметь в виду аманатов. В Нижнеколымском зимовье в 1651 г. было 12 аманатов, в 1659 г.— 10 и в 1678 г.— семь. В Среднеколымском зимовье в 1651 г. было пять аманатов, в 1659 г.— четыре и в 1678 г.— пять. В Верхнеколымском зимовье в 1651 и в 1659 гг. было по девять аманатов. В этом зимовье в 1678 г. платило ясак уже до 10 тунгусов, заплативших 40 соболей из фактически собранных 198 соболей.

Таким образом, в общей сложности к началу 80-х годов XVII в. на Колыме было около 248 плательщиков ясака (всего около 990 чел. населения.) Уменьшение численности нижнеколымских юкагиров объясняется в значительной степени нападениями чукчей. В 1672 г., например, ими было убито 11 мужчин из внесенных в ясачные списки, а всего, вероятно, было убито не менее 20 мужчин, а также захвачено, наверное, соответствующее число женщин и детей.

Эпидемия оспы 1691—1692 гг. нанесла огромный ущерб колымским юкагирам. Современники определяли количество умерших от оспы юкагиров на Колыме в 1000 чел. только по двум зимовьям[213]. Эта цифра, конечно, преувеличена. На Колыме все юкагирское население исчислялось к этому времени лишь в 1000 чел. (см. выше). Судя по количеству умерших ясачных плательщиков и общему числу занесенных в ясачные списки колымских юкагиров (см. табл. 132), из нижнеколымских юкагиров умерла половина, среднеколымских — три четверти и верхнеколымских — одна четверть. Следовательно, после эпидемии к 1693 г. должно было остаться нижнеколымских ясачных юкагиров 43 чел. (всего 170 человек населения), средне-колымских — 17 (всего 70 чел. населения) и верхнеколымских — 50 (всего 200 чел. населения). Омолонские юкагиры, как известно, погибли в 1691—1692 гг. все или почти все. Таким образом, можно считать, что к концу XVII в. на Колыме осталось примерно 110 ясачных юкагиров (всего 440 чел. населения).

Переходим к родовому и племенному составу колымских юкагиров[214]. Названия родов в Нижнем зимовье приведены в табл. 135.

Таблица 135

Роды юкагиров Нижнеколымского зимовья

Род	Аманаты		Оклад ясака (соболей)	
	1651 г.	1659 г.	1651 г.	1659 г.
Тимкин	Толдей	Кабалка	81	81
Еюков	Тымдуча	Юра	40	40
Нирпин	Нагама	Нагама	40	40
Лакиев	Тетейка	Тетейка	30	30
Панюсв (Губарев)	Люнбуй	Анбита	33	33
Кимкуев (Тимкуев)	Маганя	Маганя	21	21
Ермов	Олугер (Бортник)	—	20	20
Малетин	Паняга	Паняга	16	16
Пасков (Байчин)	Пундуй	Пундуй	17	17
Мелегин	Мыняку	Мыняку	24	24
Кавылин	Авалтя	Авалтя	5	5
Уелин	Павалга	—	19	19
Платившие вне родов	—	—	7	68
		Всего	353	414

Появление большого количества плательщиков ясака вне родов еще не означает разложения рода. Ясачные сборщики могли просто приписывать в ясачную книгу вновь выявленных охотников, хотя бы они входили в какой-либо из вышеприведенных родов.

---

[213] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1214, л. 510.
[214] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. за 160, 167 и 186 гг.

Можно считать, таким образом, что у нижнеколымских юкагиров было 11 родов, численностью каждый от 5 до 20 мужчин-охотников (всего 20—80 чел. населения). Ковылин род мы не считаем, так как по своей численности он явно не храктерен для рода и, вероятнее всего, представляет обособившуюся семью.

В табл. 136 приведены названия родов в Среднеколымском зимовье.

Таблица 136

Роды юкагиров Среднеколымского зимовья

Род	Аманаты		Оклад ясака (соболей)	
	1651 г.	1659 г.	1651 г.	1659 г.
Калянин	Келтега	Абылзя	56	56
Чюгочин	Немдуга	Звероул	35	35
Аливин	Чермуй		36	36
Алаев (Кинитин)	»		30	30
Метин	Маргу		10	10
Платили вне родов (Имятя и др.)	—		7	15
	Всего		174	182

Таблица 137

Роды юкагиров Верхнеколымского зимовья

Род	Аманаты		Оклад ясака (соболей)	
	1651 г.	1659 г.	1651 г.	1659 г.
Пиничин	Комдоля	Аленбер	24	49
Комундеев (Логурков)	Кондона		52	
Шорондин	Аминдей	Шоронда	17	17
Нартицын	Дендей	Югинча	31	31
Рыбников (Щербаков)	Чаинда		35	35
Криворотов[215] (Бытепгин)	Ягира		28	30
«Оленные мужики»: Лагирчин	Кондога		18	18
«Оленные мужики»: Смирнягин (Пангылымов)	Койтога		10	10
«Оленные мужики»: Чоногин	Ната		5	5
Контокин	—	Муята	—	2
Заплатили вне родов	—	—	—	9
	Всего		293	206

[215] Имя юкагира Криворота сохранилось и в юкагирском фольклоре. «Криворот оленей до товарищей пригнал. Много мяса кушая сидели» (В. И. Иохельсон. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора. «Известия Академии наук», 1898, IX, № 2, стр. 137). Криворот Мотоков упоминается и среди юкагиров, подавших коллективную челобитную в 1657 г. (КПМГЯ, стр. 98).

Таким образом, в Среднеколымском зимовье платило четыре рода численностью в 10—15 ясачных плательщиков (всего 40—60 чел. населения в каждом). Род Меты в 1651 г. перешел из Верхнеколымского зимовья. Возможно, что он представлял лишь часть какого-либо рода.

В табл. 137 перечисляются роды Верхнеколымского зимовья.

Из этих родов Камундеев (Логурков) род только в 1651 г. перешел от Среднеколымского зимовья к Верхнеколымскому.

По-видимому, в районе Верхнеколымского зимовья было восемь юкагирских родов численностью в 6—12 мужчин-охотников (всего 25—50 чел. населения). Что касается родов Чоногина и Контокина, то это, вероятно, лишь обособившиеся семьи каких-либо родов.

Роды верхнеколымских юкагиров интересны тем, что они являются единственными из юкагирских родов, которые подверглись этнографическому изучению. Все разделы работы В. И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы», посвященные пережиткам родового строя юкагиров, основаны на материалах, собранных у верхнеколымских юкагиров. У тундровых, алазейских юкагиров Иохельсон пробыл недолго, и в описании родового строя юкагиров не чувствуется влияния материалов, записанных где-либо, помимо района Верхнеколымска.

В XVIII в. у юкагиров, живших в верховьях Колымы, сохранялось три рода — Нартенный (ср. Нартицын в XVII в.), Рыбниковский (ср. Рыбников в XVII в.) и Ушканский. Уже в XIX в. Рыбниковский род присоединился к 1-му Омолонскому, а Нартенный к Ушканскому [216] роду.

Происхождение названий родов «Нартенного» и «Рыбьего», как называет их Иохельсон, для нас теперь ясно. Они образовались от собственных имен Нартица и Рыбник. Нартица был юкагир, возглавлявший род в 50-х годах XVII в. После его смерти место главы рода занял его сын Митька Нартицын. Никакого отношения к партам (саням) название этого рода не имеет. Позднейшая юкагирская традиция, производившая название этого рода от слова «парта», основана уже на русском значении слова «нартенный».

Шалага Рыбник тоже был юкагир. В 1661 г. он сидел в аманатах [217], а в дальнейшем возглавлял род. Первоначально этот род возглавлял Щербак и поэтому он назывался Щербаковым. Название «рыбник» было русским прозвищем Шалаги или его отца (Щербака).

Третьего рода верхнеколымских юкагиров, Ушканского, зарегистрированного Иохельсоном и числившегося уже в XVIII в., в XVII в. не существовало. По-видимому, Ушканский род выделялся из Нартицына рода. В 1678 г. в этом роде был юкагир Семейка Таушкан. Вероятно, в дальнейшем он возглавил отделившуюся часть своего рода, которая по-русски стала называться Таушканским родом, а затем Ушканским. Так как в Сибири зайца по-русски называют ушканом, то отсюда и возникла версия о «заячьем» названии рода. По Иохельсону, юкагиры считают предком Заячьего (Ушканского) рода некоего Табукана [218]. По-видимому, это тот же упомянутый выше Таушкан [219].

Нижнеколымские юкагиры были известны под названием омоков. О том, что омоки — это часть юкагиров, было известно уже давно. Подробную сводку различных высказываний об омоках сделал В. И. Огородников [220].

---

[216] По Иохельсону, к Ушканскому роду присоединился также и Рыбниковский род W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 53, 117)..

[217] См. Открытия русских землепроходцев..., стр. 326.

[218] W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 46, 47.

[219] Этот же человек записан в 1700 и 1704 гг. среди юкагиров Анадырского острога как «омолонский Таушкан», а в 1699 г.— как «омолонский Ушкан».

[220] См. В. И. Огородников. Покорение юкагирской земли, Чита, 1922, стр. 7—10.

Надо только иметь в виду, что по терминологии Огородникова все юкагиры представляли одно племя. Поэтому термин «омок» Огородников, следуя за В. И. Иохельсоном, считает лишь нарицательным названием рода, иногда приобретавшим значение собственного родового имени. С. А. Токарев, опубликовывая отписку колымского приказчика Власьева, из которой видно, что омоки и юкагиры — одно и то же, писал, что «вопрос и теперь нельзя считать вполне разрешенным: остается все же неясным, откуда русские в XVII в. взяли название «омок»; означало ли оно в точности то же, что «юкагир», или относилось лишь какой-то одной группе юкагиров (как были, например, юкагиры — шоромбойцы, ходынцы, анаулы и пр.). Вопрос требует дальнейшего исследования» [221].

Несомненно, что слово «омок» в юкагирском языке обозначало не только «род», но и «племя» и даже «народ». Например, по Иохельсону, юкагиры называют якутов «йахад-омок» [222]. Будучи нарицательным обозначением племени, слово «омок», так же как у тунгусов слово «тэгэ», имело, по Иохельсону, и переносное значение — «чужое племя», «чужой народ», «человек чужого племени» [223]. Такое значение имеет, например, слово «омук» в якутском языке, которое, несомненно, одного происхождения с юкагирским словом «омок». Можно предполагать, что алазейские или верхнеколымские юкагиры говорили с русскими о нижнеколымских юкагирах как об иноплеменниках-омоках, и таким образом это слово перешло в словарь русских обитателей северо-востока Сибири как имя собственное нижнеколымских юкагиров.

В отписке Василия Власьева сообщается, что в 1649 г. изменили «омоцкие князцы Еюк да Тимка, да Нирпа, да Ермо, да Аил сын Кигича, да Игольник с родниками...» Ниже в этом документе упоминается еще «апюйский аманат Уеля» [224].

Достаточно сравнить имена этих юкагирских омокских князцов и аманатов с названиями родов нижнеколымских юкагиров, которые приведены в табл. 135, чтобы увидеть, что понятие «омоки» вполне соответствует понятию «нижнеколымские юкагиры». Надо только иметь в виду, что к 1649 г. еще не все роды нижнеколымских юкагиров-омоков были обложены ясаком и поэтому перечень родов в отписке Власьева короче перечня родов, приведенного нами выше. О том, что в 1649 г. были еще неясачные омоки, пишет в этой отписке сам Власьев [225].

Если взять данные XVIII и XIX вв., то можно увидеть, что все юкагирские роды, платившие ясак в Нижнеколымское зимовье, носили название «омотских». Это обстоятельство также подтверждает наше предположение, что под омоками просто подразумевались юкагиры нижней Колымы, обоих Анюев и Баранихи, платившие ясак в Нижнеколымском зимовье (позже в Нижнеколымском остроге).

Нам неизвестно, как омоки называли себя сами. Но поскольку название омоки привилось к этнографической литературе и русские так называли нижнеколымских юкагиров, то и мы сохраняем его в качестве собственного названия этого юкагирского племени [226].

Однако в состав племени омоков входили не только те юкагиры, которые платили ясак в Нижнеколымском зимовье. Омоками в XVII в. счита-

---

[221] Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 7.
[222] W. Jochelson... The Yukaghir..., p. 115.
[223] Там же.
[224] Сборник материалов по этнографии якутов, стр. 9, 10.
[225] См. там же, стр. 10.
[226] А. И. Попов также считает, что название омоки — это термин «племя, взятый из юкагирского же языка и использованный как обозначение части юкагиров». (А. И. Попов. К вопросу об омоках. ЛГУ, Ученые записки, № 115, Л., 1950, стр. 64—72).

лась и большая часть юкагиров, плативших ясак в Среднеколымское зимовье. До нас дошла челобитная царю Алексею Михайловичу, не имеющая даты, но, по-видимому, относящаяся к 50-м годам XVII в. В этой челобитной сказано: «... бьют челом сироты твои государевы Колымы реки ясачные князцы и улусные люди и со всеми своими улусными людьми омоки князец Килдега, да брат ево Егупко Халимкин [?], князец Кривощек Моторков, князец Илинга Алаев, Кингита Алаев, Мотора Арышов, брат ево Лимо, Когапко Нелтуев, брат ево каменной Алиба с сыном Ч. р. мом и со всеми своими родниками» [227].

В этом перечне имен нетрудно узнать среднеколымских юкагиров Калянина рода Келтегу, главу Аливина рода Аливу с его сыном Чермуем, главу Алаева рода и его сына Киниту (см. табл. 136). Таким образом, три рода юкагиров Среднеколымского зимовья несомненно являются омокскими. Один Метин род у среднеколымских юкагиров, весьма возможно, является верхнеколымским, так как он только в 1651 г. перешел от Верхнеколымского зимовья к Среднеколымскому. Открытым остается вопрос о Чюгочином роде и об юкагирах, плативших ясак вне родов. Из последних некий Папзяла (Рожа) — несомненно верхнеколымский юкагир — не омок. По ряду соображений Чюгочин род и всех среднеколымских юкагиров, плативших ясак вне родов, мы отнесли к верхнеколымским юкагирам. Следовательно, кроме 11 родов нижнеколымских юкагиров в племя омоков входило по крайней мере три рода (Алаев, Аливин и Калянин) среднеколымских юкагиров.

О том, что Алаев род был омокским, писал также С. И. Дежнев. В 1643 или 1644 г. Дежнев, вместе с М. В. Стадухиным и Д. М. Зыряном ходил в поход на «юкагирских мужиков оймоков». Во время этого похода был убит брат омокского князца Алая (Аллая), а сын Алая Кенита (ср. выше Кинита, Кингита) был взят в аманаты [228]. Таким образом, мы имеем и второе свидетельство о том, что часть юкагиров, плативших ясак в Среднеколымское зимовье, была омоками.

Другое большое племя колымских юкагиров образовывали юкагиры, платившие ясак в Верхнеколымском зимовье, и роды Метин, Чюгочин и платившие ясак вне родов юкагиры Среднеколымского зимовья. О том, что эти группы среднеколымских юкагиров были близки к верхнеколымским юкагирам и образовывали, по-видимому, с ними одно племя, свидетельствует тот факт, что в 1661 г. среднеколымские юкагиры Чюхоча и Рожа и перешедший к Среднеколымску верхнеколымский юкагир Логур добровольно взяли на себя уплату части ясака, приходившегося на долю других обезоленившихся и обедневших юкагиров Логуркова (Комундеева) рода. Чюхоча взял на себя 12 соболей, Рожа — шесть соболей и Логур 20 соболей [229]. Трудно себе представить, чтобы юкагиры XVII в., в условиях существовавшей межплеменной розни, добровольно согласились платить ясак за иноплеменников.

Таким образом, здесь перед нами одно племя, состоявшее из 10 родов (восемь верхнеколымских и два среднеколымских). Но возникает вопрос — как назвать это племя.

Во всех известных нам материалах XVII в., мы нашли только одно указание о племенном названии верхнеколымских юкагиров. В 1646 г. в в верхнем течении Колымы был убит промышленный человек Иван Иг-

---

[227] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 43, л. 15.

[228] См. В. И. Огородников. Покорение юкагирской земли, стр. 7—8. Надо сказать, что Огородников ошибается, считая, что Дежнев спутал имена взятых у омоков аманатов (стр. 8, прим. 1). Наоборот, сам Огородников был введен в заблуждение сходством имен Алай и Алива.

[229] ЦГАДА, ф. 214, кн. 440, л. 460.

натьев Ожега «с товарищи». Вначале предполагалось, что это убийство совершил алазейский юкагир Манзита с родом. Но в 1648 г. приехавшие с Колымы в Якутск целовальник П. И. Новоселов и торговый человек К. И. Ружников сказали, что «в прошлом де во 154 г. промышленных Ивана Игнатьева Ожегу с товарищи на Ковыме реке вверху в зимовье побили до смерти иные верх ковымские юкагири янгинцы Камун де с родом своим, а не тот Манзита с родники» [230].

В имени Камун нетрудно узнать Камундея, отца Логура, главу Камундеева (Логуркова) рода. Есть основания предполагать, что именно этот род кочевал по Колыме, в районе устья р. Ожогиной [231].

Вместе с тем выясняется, что юкагиров Камундеева (Логуркова) рода, т. е. одного из родов юкагиров, плативших ясак то в Верхнеколымском, то в Среднеколымском зимовьях, называли янгинцами. Это название нам знакомо. Янга, янгинцы — наименование самого большого племени индигирских юкагиров. Но можно ли быть уверенным в том, что было два племени янгинцев — одно на Индигирке, а другое на Колыме? Для этого имеется очень мало оснований. Вероятнее всего, только один род янгинцев переселился с Индигирки на Колыму, так же как один род хромовских юкагиров вошел в состав янгинцев на Индигирке или как один колымский род перешел на Индигирку и вошел в состав юкагиров шорómбы.

Название Янга на Колыме зарегистрировал в конце XIX в. и В. И. Иохельсон. Один верхнеколымский юкагир рассказал ему, что его дед пришел с омолонской стороны, говорил на другом, не юкагирском языке, и свой род называл Йанга [232]. Как выяснил Иохельсон, омолонские юкагиры этого слова не знали. Очевидно, это был последний потомок Камундеева (Логуркова) рода, и он сообщил Иохельсону свое древнее родовое название, восходящее к племенному названию того племени, из которого произошел этот род.

Так или иначе, мы не можем считать, что название янгинцы было племенным названием всех верхнеколымских юкагиров.

Одним из названий верхнеколымских юкагиров, по Иохельсону, было онмун-омни, т. е. «колымский народ». По-видимому, это название зарегистрировал в конце XVIII в. также и Соуэр в транскрипции «Andon Domni» [233].

Другим названием верхнеколымских юкагиров, по Иохельсону, является название когимэ (kogimä); Соуэр сообщает о сходном названии конгини (Konghini) [234].

Иохельсон несколько раз упоминает название когимэ. Тот же юкагир с Омолона, который рассказывал ему, что его род назывался Янга, сообщил, что раньше на Омолоне был род Когимэ. Омолонские юкагиры объяснили Иохельсону, что этим словом называли друг друга юкагиры в знак почета, а один тундровый юкагир ему сказал, что в древности название когимэ употреблялось вместо современного самоназвания юкагиров одул [235].

---

[230] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, л. 111; оп. 2, ст. 6, л. 24.

[231] Там же, оп. 2, ст. 40, л. 11.

[232] См. В. И. Иохельсон. К вопросу об исчезнувших народах Колымского округа. «Изв. ВСОРГО», 1897, XXVIII, вып. 2.

[233] Иохельсон считает, что это самоназвание юкагиров одуд-омни (W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 17; M. Sauer. An Account of a geographical and Astronomical Expedition to northern of Russia, London, 1802, p. 61).

[234] См. M. Sauer. Op. cit., p. 95. Иохельсон считал, что название конгини — это искаженное кэлгиэндзи, что по-юкагирски значит «обитатели лиственных яров» (от слова «кэлгэл» — «яр»). Он указывает также, что в 150—160 верстах вверх по Омолону есть урочище Конгинца (см.: В. И. Иохельсон. К вопросу об исчезнувших народах Колымского округа, стр. 164).

[235] См. В. И. Иохельсон. К вопросу об исчезнувших народах Колымского округа, стр. 162.

С другой стороны, алазейские юкагиры, по Иохельсону, называют когимэ (kogimä) не всех юкагиров, и в частности не себя, а только верхнеколымских [236].

Можно предположить, что собственным племенным названием верхнеколымских юкагиров действительно было название когимэ. Правда, сами верхнеколымские юкагиры считали, что когимэ — это вымерший юкагирский род [237]. Но поскольку к тому времени, когда верхнеколымских юкагиров обследовал Иохельсон, большую часть их составляли юкагиризированные тунгусы и, вероятно, юкагиры, предки которых были выходцами из других племен (янгинцы, омолонцы и, может быть, другие), то возможно, что потомки настоящих когимэ действительно вымерли к концу XIX в. Однако это обстоятельство нисколько не противоречит предположению о том, что в XVII в. когимэ образовывали большую часть верхнеколымских юкагиров.

Определим численность обоих колымских племен — омоков и верхнеколымцев (когимэ). Мы знаем, что нижнеколымские юкагиры были омоками, а верхнеколымские — когимэ. У среднеколымских юкагиров, как известно, три рода (Калянин, Аливин и Алаев), члены которых платили 122 соболя ясака, были омокскими, и два рода (Чюгочин и Метин), а также юкагиры вне родов, платившие все в 1659 г. 60 соболей ясака, были верхнеколымцами. Можно считать, что в числе юкагиров Среднеколымского зимовья когимэ было 30—33%. Тогда получим данные, приведенные в табл. 138.

Таблица 138

Численность племен юкагиров Колымы

Племя	1659 г.		1678 г.		1693 г.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего население	Плательщиков ясака	Всего населения
Омоки	155	620	132	525	54	215
Колымцы . .	85	340	86	345	56	225
Всего . . .	240	960	218	870	110	440

Что касается омолонских лавренцев, то эту группы очень трудно квалифицировать. Трудно даже сказать, обособившийся ли это большой род или самостоятельное небольшое племя. Нет уверенности также в том, что лавренцы 60-х годов XVII в. и омолонские юкагиры 80-х годов XVII в. представляют одну и ту же группу. Наконец, как мы уже указывали, вполне вероятно, что юкагиры Омолонских родов XVIII и XIX в. не представляют потомков омолонских юкагиров XVII в. Иохельсон отмечает, например, что в его время говор омолонских юкагиров был совершенно схож с говором верхнеколымских юкагиров [238]. Мы знаем также, что на Омолоне жили потомки янгинцев (Камундеева рода), омоки, ходынцы. Известно, наконец, что сами верхнеколымские юкагиры в XIX в. состояли из разных юкагирских родов и даже юкагиризированных тунгусов. Вполне

[236] См. В. И. Иохельсон. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора. «Изв. Академии наук», 1898, IX, № 2, стр. 209.
[237] См. «Живая Старина», 1900, вып. I—II, стр. 159.
[238] См. W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 54, 55,

вероятно, что такое же происхождение имеют юкагиры Омолонских родов XVIII—XIX вв.

По Иохельсону, территория потомков омоков-юкагиров 1, 2 и 3-го Омотских родов охватывала реки Большой и Сухой Анюй, Бараниху и низовья Колымы, а территория преемников когимэ охватывает верховья Колымы с ее притоками Коркодоном, Ясачной и Поповой [239]. Выше мы указывали, что в территорию когимэ в XVII в. входил и район устья Ожогиной. Известно, также, что один, вероятно Нартицын, род верхнеколымских юкагиров платил одно время ясак в Чендонском зимовье на Омолоне. Несомненно, в территорию когимэ входил и район самого Верхнеколымска. Верховья Колымы выше Сеймчана и Буюнды, вероятно, в территорию юкагиров не входили, так как этот район чисто тунгусской топонимики.

Известно, что в 1653 г. семь нижнеколымских юкагиров-омоков, в том числе Кимкуй, Лакий, Малеча, Бойча, Нирпица, видимо главы семи родов, имели лабазы на острове, расположенном на р. Колыме против Нижнеколымского зимовья. В лабазах была зимняя одежда, рыболовные снасти, лодки и санки [240].

В 1663 г. нижнеколымские юкагиры-омоки Тимка и другие называли себя в коллективной челобитной юкагирами «Сибирские земли, Колымы реки, Нижнего ясачного зимовья, Нижнего и Верхнего Анюев», а также указывали, что они бьют челом «во всех своих детей и родников и всех улусных людей место обоих Анюевских юкагиров». Далее в ней было сказано, что промышленный человек Филипп Рыбник и др. «с обоих Анюев свезли в Нижнее ясачное зимовье со всяким нашим грабежным животом всякое гарнишко 25-ры санки оленьи, а свезли... на оленях» [241].

На Анюе в 1682 г. находились также и «огороды» (изгороди), сделанные нижнеколымскими юкагирами для охоты на диких оленей. Здесь омоки сталкивались с ходынцами [242].

Верхнеколымские юкагиры в XVII в. кочевали и промышляли не только по самой Колыме в указанном выше районе, но и «в Каменю», т. е. по окрестным хребтам вплоть до верховьев Омолона [243]. О проживании омоков на Анюях, на Колыме к северу от Омолона — и на среднем течении Колымы потомки этого племени рассказывали Врангелю и Матюшкину в начале XIX в. Во времена Врангеля существовала русская дер. Тимкина на реке того же названия, расположенная в 40 верстах от Нижнеколымска, вверх по ее течению [244]. Между устьями Омолона и Анюя на Колыме находится урочище Лакиево. В Омолон на широте Среднеколымска справа впадает речка Алай. Все эти названия, очевидно, образованы от имен глав омокских родов Тимки, Лакия и Алая (см. выше).

Таким образом, территория омоков определяется довольно точно. Мы не включаем в нее только верховья обоих Анюев, так как есть сведения, что в верховьях Большого Анюя постоянно кочевали ходынцы. Поскольку большую часть плательщиков ясака Среднеколымского зимовья составляли омоки, мы включаем в их территорию и район этого зимовья.

На основании всех вышеизложенных данных были нанесены на карту территории омоков и колымцев. Очень вероятно, что название когимэ связано с названием р. Колымы, так же как название алаи связано с назва-

---

[239] См. W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 55, 53.
[240] См. КПМГЯ, стр. 56.
[241] КПМГЯ, стр. 109—110.
[242] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 40, л. 14.
[243] См. КПМГЯ, стр. 241.
[244] См. Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 гг. ... 1948, стр. 136, 214, 217—218, 241, 259, 276, 310, 395.

нием р. Алазеи. Надо заметить, что в XVII в. служилые люди называли алазейских юкагиров именно «алазеями», а не алаями. Следовательно, может быть, правильнее было бы считать, что племя юкагиров, обитавшее на р. Алазее, имело название не алаи, как пишет Иохельсон, а алазеи, как писали русские в XVII в.

К приходу русских колымские юкагиры имели только отдельные железные предметы, например наконечники стрел. Такими стрелами дважды был ранен Семен Дежнев [245]. Служилые люди определенно указывали, что для торговли с юкагирами нужны лишь бисер и железо [246]. Панама с «наметным» железом на Колыме, т. е. с принудительным навязыванием юкагирам железа по высокой цене ясачными сборщиками [247], подтверждает факт почти полного отсутствия железа на Колыме до прихода русских.

Очень важным является вопрос о распространении оленеводства у колымских юкагиров. Во времена Иохельсона, как известно, у верхнеколымских юкагиров оленей не было, хотя он указывает, что раньше они у них были [248]. Одно из самых ранних известий о колымских юкагирах, приведенное Михайлом Стадухиным, гласит, что «по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой» [249].

В документах XVII в. очень много указаний о том, что у колымских юкагиров олени были. Выше говорилось об угоне оленей коряками у верхнеколымских юкагиров, плативших ясак в Чендонское зимовье. Известна также поездка верхнеколымских юкагиров на оленях на поиски Федора Чукичева. Есть сведения об оленьих санках и у омоков.

В 1679 г. группа верхнеколымских «каменных» юкагиров жаловалась, что они обнищали и что у них «оленишки выпропали» [250]. Около 1692 г. и нижнеколымские омоки Баекова рода жаловались на то, что у них «выпропали» олени [251]. В сборной книге 1652 г. по Верхнеколымскому зимовью после записей сбора ясака с родов Ниничина, Комундеева, Шорондина, Нартицына, Рыбникова (Щербакова) и Криворотова следует подзаголовок «Оленные мужики» и затем перечисляются роды Лагирчия, Смирнягин и Чоногин. Можно, таким образом, подумать, что первые шесть родов не имели оленей. Но именно у Нартицына рода угнали оленей коряки около 1667 г. Следовательно, подзаголовок «Оленные мужики» отделяет не оленных от безоленных, а, вероятно, группу родов (больших семей), наиболее обеспеченных оленями, от остальных родов, имевших меньше оленей. Слово «оленный» на севере Сибири и до сих пор употребляется в специфическом значении «многооленный».

У омоков мы отмечали выше наличие оленьих санок, да и сообщаемые Врангелем предания рисуют их «оленным» народом. Но нельзя при этом игнорировать прямого указания Стадухина на то, что на Колыме были и пешие люди.

Очевидно, некоторые роды или отдельные семьи в родах не имели оленей. То ли они не обзаводились ими, занимаясь рыболовством на самой Колыме, то ли потеряли их, как потерял своих оленей впоследствии Нартицын род в результате набегов иноплеменников. Вероятно, и до и после

---

[245] См. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 272, стр. 302.
[246] См. ДАИ, т. II, № 88.
[247] См. КПМГЯ, стр. 99, 109—111, 111—112; ДАИ, т. IV, № 144, 150 (стр. 382—383, 404).
[248] См. W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 117.
[249] ДАИ, т. III, № 24, стр. 99.
[250] КПМГЯ, стр. 70.
[251] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 40, л. 13.

появления русских на Колыме происходили переходы из пешего состояния в оленное и обратно. Но основная масса колымских юкагиров (и омоков и когимэ, не говоря уже о лавренцах) к приходу русских несомненно уже имела оленей.

Переходим к последней группе юкагирских племен, к юкагирам, платившим ясак в Анадырском зимовье (позже Анадырском остроге).

Анадырское ясачное зимовье было основано в 1649 г. знаменитым казаком, впоследствии атаманом, Семеном Ивановичем Дежневым вскоре после того, как он в 1648 г. совершил свое историческое плавание вокруг северо-восточной оконечности Азии и достиг р. Анадыря.

Анадырское зимовье (острог) находилось в 10—15 *км* от современного с. Маркова [252], вверх по течению Анадыря, на его левом берегу [253]. Платили здесь ясак три юкагирских племени: чуванцы, или чуванзи (они же шелаги), ходынцы (по-тунгусски «ходейджиль») и анаулы (онаулы, редко пянаулы). Официальные данные об изменении числа плательщиков ясака в Анадырском остроге приводятся в табл. 139.

Таблица 139

Численность плательщиков ясака в Анадырском остроге

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1657	5	5	9	—	—	1693	135	117	2	4	14
1659	19	19	4	—	—	1694	123	Сведений нет			
1660	23	17	2	6	—	1695	123	120	30	2	3
1668	31	Сведений нет				1697	217	177	113	34	6
1673	31	»				1699	324	97	5	—	—
1674	31	»				1700	329	123	15	Св. нет	
1679	31	»				1701	346	168	16	178	—
1683	107	63	12	33	12	1702	362	273	Сведений нет		
1685	117	77	16	37	3	1703	471	Сведений нет			
1687	140	88	15	6	3	1705	499	388	—	111	—
1688	154	94	8	35	14	1708	531	Сведений нет			
1691	133	105	1	14	14	1710	535	462	15	73	—
1692	120	105	21	11	4	1712	550	440	—	110	—

Эта таблица, как и предыдущие подобные таблицы, составлена по ясачным (сметным и пометным) книгам Сибирского приказа. Поскольку связь с Анадырем первое время была очень случайна и отчеты оттуда приходили в Якутск очень редко, то в пометах и сметах, составлявшихся в Якутске, очень долго фигурировали цифры последней отписки анадырского приказчика, пока не прибывала следующая. Так, в 1659 г. стоит помета 12 соболей [254]. Это потому, что в 1658 г. Дежнев прислал с Анадыря за 1656 г. ясака 12 соболей, за 1655 г.— 33 соболя и пластин собольих, за 1654 г.— 25 соболей и пластин, за 1653 г.— восемь соболей и пластин, за 1652 г.— 13 соболей и пластин, за 1650 г.— девять соболей и за 1649 г.— шесть соболей и пластин. За 1651 г. ничего не было прислано. Но «с кого имяны и с сколких человек и в сколько ясаков и того в отписке их (т. е. Семена Дежнева и Никиты Семенова.— *Б. Д.*) ненаписано» [255]. Таким

[252] См. Г. Дьячков. Анадырский край. Владивосток, 1893, стр. 74.
[253] ЦГАДА, ф. 199, № 481, ч. II, л. 216.
[254] ЦГАДА, ф. 214, кн. 382.
[255] Там же, лл. 408—409. Весь этот ясак взят с ходынцев под аманата Чекчоя, только в 1652 г. два соболя были взяты с анаулов (см. также ДАИ, т. IV, стр.22).

образом, в Якутске поставили в помету на 1659 г. последнюю имеющуюся в ясачном столе цифру — 12 соболей сбора 1656 г.

В 1662 и 1664 гг. по Анадырскому зимовью числилось пять плательщиков ясака с окладом 56 соболей в год [256]. Но в 1665 г. с Анадыря в Якутск приехал приказчик Курбат Иванов и привез ясак за 1657, 1659 и 1660 гг. Разумеется, оказалось большая разница между данными о числе анадырских плательщиков ясака, имевшимися в Якутске в ясачном столе и привезенными Курбатом Ивановым [257]. Мы ввели в таблицу данные Курбата Иванова и поэтому цифры за 1657, 1659 и 1660 гг. не совпадают с цифрами помет и смет за эти годы. Так, по-видимому, обстояло дело с числом плательщиков ясака Анадырского острога и в период 1668—1679 гг.

В 1668 г. на Анадырь был послан приказным человеком сын боярский Родион Кобелев. Ему было поручено составить полные списки плательщиков ясака Анадырского зимовья [258]. Очевидно, увеличение числа плательщиков ясака к 1683 г. представляет результат этого учета. В 1699 г. в ясачных книгах Анадырского острога учитывались также коряки. Этим объясняется резкое возрастание численности плательщиков ясака в Анадырском остроге в 1699 г. по сравнению с 1697 г. Затем число ясачных коряков становится больше. Все это очень увеличивало число плательщиков ясака в Анадырском остроге. При этом надо иметь в виду, что и число включенных в списки ясачных юкагиров тоже увеличивалось вследствие уточнения учета. Поэтому одних сводных цифр из смет и помет для определения численности ясачных юкагиров Анадырского острога совершенно недостаточно. Зато использование именных списков плательщиков ясака по Анадырскому острогу облегчается следующим.

Из сравнения данных о числе плательщиков ясака в Анадырском остроге с количеством платившегося ими ясака, а также из окладов анадырских плательщиков ясака видно, что они платили сравнительно мало, всего обычно по одному соболю или по одной лисице с человека, и что число плативших ясак в общем более или менее соответствует количеству платимых соболей и лисиц. Поэтому вполне можно предполагать, что если отдельные люди платили по пять-шесть или даже по три-четыре соболя или лисицы, то они платили именно за пять-шесть или за три-четыре человека. Это наблюдение подтверждается тем, что около имен людей, плативших более двух соболей, всегда стоят приписки: «с братьями», «з детьми», «з детьми и з зятьями» и т. д.

После этих предварительных замечаний, перейдем к анализу имеющихся в нашем распоряжении списков плательщикоев ясака Анадырского острога (табл. 140).

В списки анадырских юкагиров 1704 г. были включены умершие и убитые за несколько предыдущих лет, всего 25 чел. Поскольку в списки анадырских ясачных плательщиков за 1682—1700 гг. умершие и убитые не включались, то мы не включили их и на этот раз. Из числа убитых 13 было убито чукчами, шесть — коряками, трое — «ламутками» и трое — «на Камчатке», т. е. это были, очевидно, юкагиры, участвовавшие в камчатских походах анадырских служилых людей (Атласова и др.).

Данные за 1704 г. имеют и другую особенность. В них пропущены три заголовка: «Род Анаульской», «Род Чуванской» и «Род Ходынской и Чуванской». Место для заговловков анаулы, чуванцы, ходынцы и чуванцы в табл. 140 определяется по именам юкагиров, которые и в 1700 и 1704 г. в общем одни и те же и идут в одной последовательности. Только к

---

[256] ЦГАДА, ф. 214, кн. 440, лл. 374—550; кн. 463.
[257] Там же, кн. 63, лл. 677—678.
[258] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 300—301.

Таблица 140

Численность плательщиков ясака Анадырского острога по племенным и территориальным группам[259]

Группа	Оклад ясака (соболей)							Итого	
	1	2	3	4	5	6	7 и более	плательщиков ясака	оклад ясака (соболей)
На 1682 г.									
Чуванский род	37	4	1	—	—	—	—	42	48
Хандынский род	16	3	2	—	4	2	1	28	67
«Хондынского роду низовых мужиков»	3	2	—	—	—	1	—	6	13
Анаульский род	—	—	2	—	—	—	—	2	6
Итого	56	9	5	—	4	3	1	78	134
На 1683 г.									
Чуванский род	40	7	1	—	—	—	—	48	57
Ходынский род	17	3	2	—	4	2	1	29	68
«Ходынского роду низовых мужиков»	8	4	1	—	—	—	1[260]	14	29
Анаульский род	—	—	2	—	—	—	—	2	6
Итого	65	14	6	—	4	2	2	93	160
На 1699 г.									
Чуванский род	71	—	—	—	—	—	—	71	71[261]
Ходынский род	42	1	1	1	—	—	—	45	51
Ходынский род	26	—	—	—	—	—	—	26	26[262]
Ходынский и Чуванский род	49	—	—	—	—	—	—	49	49[263]
Итого	188	1	1	1	—	—	—	191	197
На 1700 г.									
Чуванский род	38	—	—	—	—	—	—	38	38
Ходынский род	53	3	—	1	1	—	—	58	68[264]
Анаульский род	12	—	—	—	—	—	—	12	11[265]
Чуванский род	95	—	—	—	—	—	—	95	95[266]
Итого	193	3	—	1	1	—	—	198	212
На 1704 г.									
Чуванский род	32	—	—	—	—	—	—	32	32
Ходынский род	41	5	—	1	1	—	—	48	58
Анаулы	5	—	—	—	—	—	—	5	5
Чуванцы	24	—	—	—	—	—	—	24	24
Ходынцы и чуванцы	116	—	—	—	—	—	—	116	116
Итого	218	5	—	1	1	—	—	225	235[267]

[259] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 107 г., лл. 2—15; яс. кн. 190 г., лл. 40—48; яс. кн. 192 г., лл. 15—24; яс. кн. 208 г., лл. 98—124; яс. кн. 1704 г., лл. 1—31.

[260] 10 соболей.

[261] В том числе 18 лисиц.

[262] Все лисицы.

[263] Все лисицы.

[264] В том числе 10 лисиц.

[265] Все лисицы; в том числе двое платили одну лисицу.

[266] В том числе 80 лисиц.

[267] В том числе 147 лисиц; три человека платили только одного соболя.

концу списка 1704 г. приписан ряд новых имен, очевидно имена вновь поверстанных в ясак.

Можно констатировать, что к концу XVII и к началу XVIII в. начало сказываться смешение ходынцев с чуванцами. Этот процесс привел в конце концов к тому, что в XVIII в. они были объединены в административно-податном отношении. Кроме того, что с 1699 г. появляются объединенные списки ходынцев и чуванцев, можно указать и на тот факт, что одни и те же люди начали числиться то в списке ходынцев, то в списке чуванцев.

Отчасти это может быть объяснено матрилокальным юкагирским браком, но в значительной степени здесь сказывается начавшееся смешение племен.

Поэтому мы отказались от мысли разделить по племенам анадырских юкагиров, занесенных в ясачные списки 1700 и 1704 гг., когда это смешение (по крайней мере на бумаге) зашло уже довольно далеко, и попытались проделать эту операцию над данными 1699 г. Дело в том, что за 1699 г. мы имеем один список несомненных чуванцев и два списка несомненных ходынцев. Только один список за 1699 г. объединяет ходынцев и чуванцев. Мы попытались установить, какие из 49 имен, содержащихся в этом списке, принадлежат чуванцам и какие ходынцам. Делалось это таким образом. Например, в списке записан «Верхогляд Сопинин племянник». Из более ранних списков известно, что Сопина — ходынец.

Поэтому этого Верхогляда мы отнесли к ходынцам. Ратнегина сын из этого списка тоже отнесен к ходынцам, так как Ратнега был ходынцем и т. д.

Выяснилось, что 33 чел. из этого списка можно считать ходынцами, а 16 — чуванцами. Таким образом, получается, что в 1699 г. в Анадырском остроге платили ясак 110 ходынцев и 87 чуванцев. К 1704 г., судя по количеству уплаченного ясака, общее число плательщиков ясака возросло до 235. Можно предположить, что это увеличение произошло не в результате естественного прироста. Время было очень бурное и тревожное, участились нападения чукчей, да и пять лет слишком небольшой срок для такого значительного увеличения в численности. Очевидно, рост численности плательщиков Анадырского острога в 1699—1704 гг. произошел благодаря более полному обложению ясаком чуванцев. Ходынцы были обложены ясаком раньше чуванцев. Через их землю проходил путь с Колымы на Анадырь, они перевозили с Анадыря на Анюй грузы. Часть их платила ясак одно время, как мы знаем, также в Чендонском зимовье. В общем ходынцев русские знали хорошо, и вряд ли анадырские казаки могли в начале XVIII в. выявить какие-нибудь новые значительные группы ходынцев. Иначе обстояло дело с чуванцами. Они кочевали далеко на северо-востоке по соседству с чукчами. Ясак большинство из них стало платить позже ходынцев, а многие их группы могли оставаться вне досягаемости со стороны анадырских казаков в течение почти всей второй половины XVII в. Но в конце XVII — начале XVIII в. положение менялось. Началась экспансия чукчей. Чуванцы должны были отступать и отдавать себя под защиту анадырских казаков. Их появление в 1670-х годах на Пенжине (см. выше) также может быть объяснено в значительной степени желанием уйти подальше от чукчей. Естественно, что количество ясачных чуванцев в связи со всем вышесказанным должно было быстро возрастать. Поэтому можно считать, без особенного риска ошибиться, что численность ясачных ходынцев (110 чел.) с 1699 по 1704 г. не изменилась. Но все остальные 125 платильщиков ясака Анадырского острога в 1704 г. были чуванцами.

Как известно, С. И. Дежневым к 1662 г. было взято в аманаты два анаула, два чуванца и восемь ходынцев [268].

Иван Курбатов в 1681 г. принял у Ивана Потапова в Анадырском остроге девять аманатов-ходынцев и четыре хамапатов-чуванцев [269].

Округляя эти данные, можно считать, что на рубеже XVII—XVIII вв. у ходынцев вместе с аманатами было около 120 трудоспособных мужчин (всего 480 чел. населения), а у чуванцев — примерно 130 мужчин (всего 520 чел. населения).

От оспы 1691—1692 гг. анадырские юкагиры пострадали сравнительно мало. В «Росписи» умерших от оспы за эти годы показано, что в Анадырском острожке умерло «пять юрт, а сколько числом ясачных людей и жен и детей умерло и того прикащик в отписке своей в Якуцкой имянно не писал» [270]. По всей вероятности, две из этих юрт были анаульскими, а три — ходынскими. Будем считать, что от оспы погибло пять ясачных ходынцев.

Выше мы указали, что чукчами, коряками, ламутами и на Камчатке было к 1704 г. убито 25 ясачных ходынцев и чуванцев. Из них 10 были чуванцами. Но поскольку чуванцы непосредственно соседили с чукчами, то можно считать, что не менее десяти неясачных чуванцев было убито чукчами без того, чтобы это могло быть зафиксировано русскими источниками. Таким образом, можно считать, что к середине XVII в., ко времени прихода на Анадырь русских, у чуванцев было до 150 мужчин ясачного возраста (всего 600 чел. населения).

Известно также, что часть (примерно 37 плательщиков ясака) ходынцев с 1651 по 1670 гг. платила ясак в Чендонском зимовье. Некоторые из них были в 1668 г. перебиты коряками, а остальные позже перешли в ведение Анадырского острога. Можно считать, что тогда, в 1668 г., было убито коряками и умерло в аманатах из этой группы ходынцев минимум 15 мужчин. Вместе с пятью умершими от оспы в 1691 г., 15 убитыми чукчами и другими к 1704 г. вся убыль численности ходынцев с 50-х годов XVII в. к рубежу XVII и XVIII вв. составляла 35 трудоспособных мужчин. Можно считать, что к середине XVII в. у ходынцев было около 155 мужчин ясачного возраста (всего 620 чел. населения).

До сих пор при определении численности анадырских «ясачных людей» сознательно обходился вопрос об анаулах. В 1682—1684 гг. числилось два анаула, плативших ясак по три соболя каждый [271]. Исходя из того, что на Анадыре платили по одному соболю с человека, можно предполагать, что у анаулов всего было в 80-х годах XVII в. шесть человек мужчин ясачного возраста (всего 25 чел. населения). В списке 1699 г. анаулов в качестве отдельного рода нет совсем. Очевидно, они погибли от оспы в 1691—1692 гг. Такие «береговые» безоленные группы, какими были анаулы, при эпидемиях обычно гибли в первую очередь.

Но в 1700 г., когда список анадырских плательщиков ясака был составлен заново, снова появился заголовок «Род Анаульской» и под ним список из 12 имен. Как уже указывалось, эти имена в том же порядке и в том же месте по отношению к другим группам, но без заголовка, имеются и в списках 1704 г.

Изучение имен анаулов списка 1700 г. позволяет устанавливать, что 11 из 12 анаулов являлись ходынцами. При этом девять из них пере-

---

[268] См. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 272, 1890, стр. 303—304.

[269] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 165.

[270] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1214, л. 510.

[271] Поскольку анаулы жили на Анадыре не так далеко от ясачного зимовья, они должны были бы быть учтены подпостью. Имена этих анаулов в 1682 г.— Товля (может быть, Толля) и Валля, в 1684 г.— Толля и Валля.

числены в списке ходынцев 1699 г., а один записан как племянник ходынца Курбатка, состоящего в этом же списке. В списке 1704 г. указаны эти же 12 имен и еще сын одного из них. Но около четырех из этих имен имеется приписка «убили коряки», около двух — «умер», около одного — «убили чюгчи», около одного — «убит на Камчатке» [272]. Ясак в 1704 г. заплатило, таким образом, пять этих анаулов. Среди имен анаулов в списках 1700 и 1704 гг. нет ни одного, которое было бы похоже на имена анаулов, записанных в 1682 и 1684 гг.

Следовательно, в 1700 г. названа анаулами какая-то группа ходынцев, но группа не родовая. Это все братья, зятья, «родники», племянники и сваты остальных ходынцев. Все эти анаулы, по-видимому, люди очень бедные. Они платили лишь по одной лисице, а в одном случае даже два человека вдвоем платили одну лисицу. Это самый низкий оклад известный нам. Вероятно, это безоленная беднота, осевшая по берегам Анадыря.

Как известно, в XVIII в. и позже чукчей, поселившихся по самому Анадырю, называли «решными», т. е. речными, чукчами [273]. Можно предположить, что если до чукчей на Анадыре жило какое-нибудь другое население, то его название могло быть образовано по такому же принципу. Предположим, что до чукчей на Анадыре жили какие-либо «речные» юкагиры. Река по-юкагирски «онуп», «унуп», диалектально также «эну»; юкагир — «одул». «Речной юкагир», следовательно, как будто должно звучать «опун-одул».

В. И. Иохельсон отмечает, что подобные словосочетания у юкагиров обычно «теряют один или даже несколько слогов, например: comocie «старший брат отца», дядя», образовано из comoze-d-ecie — «большой отец» [274]. Прилагая это правило к слову «опун-одул» получим «опуул»; диалектально могло быть «эпуул».

Мы не знаем диалектов ходынцев и чуванцев. Но, судя по тому, что по-чукотски юкагиры называются «атал» (ср. одул), можно предполагать, что соседние чукчам юкагиры — чуванцы и ходынцы — несколько «акали» по сравнению с другими юкагирами и поэтому название «речные юкагиры» у них звучало иначе и могло быть воспринято русскими как «анаул». Заметим, что в отписках Дежнева иногда написано не анаулы, а онаулы [275].

Таким образом, по-видимому, анаулы на Анадыре представляли «береговых», «речных» юкагиров [276], осевших на берегах реки. Поэтому вполне естественно, что в конце XVII в. анаулами назвали и группу ходынцев, осевших по берегам Анадыря. Весьма вероятно, что название р. Анадыря, как и название анаулы, начинается со слова река, и поэтому первые два слога в этих словах звучат одинаково. Заметим, что иногда в XVII в. слово «Анадырь» писали так же как «Онандырь» (ср. выше «онаулы»). Мы знаем, что анаулы к приходу на Анадырь С. И. Дежнева жили тремя группами.

Одну из них составляли анаулы Каллика и Обыи, отцов аманатов Колупая и Лока (Неговы); другую — самую нижнюю по Анадырю — анаулы Когюпи и третью — анаулы Мекеры.

В 1651 г. Мекера со своим родом поочередно разгромил обе другие группы анаулов, а сам, правда без жен и детей, которых «поимали»

---

[272] Некоторых из этих анаулов не было в живых уже в 1700 г.

[273] См. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке, Л., 1935, стр. 156, 157, 160.

[274] Языки и письменность народов севера, ч. III, стр. 151.

[275] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 131.

[276] Определенно относит анаулов к юкагирам «роспись» ясыря Анадырского острога 1681 г. (см. КПМГЯ, стр. 193).

служилые люди, ушел «в коряки» [277]. После этого среди коряков анаулы упоминались в 1662, 1699, 1704 и даже в 1713—1714 гг. [278] Названные выше анаулы Толля и Валля, вероятно, представляли потомков рода Каллика и Обыи.

Мы имеем основание считать, что анаулы жили вниз по Анадырю, начиная от района современного с. Маркова. Но в районе устья р. Черной (современный Танюрер) зимой их уже не было. Как мы покажем ниже, район устья Черной был охотничьим угодьем ходынцев. Поскольку анаулы были безоленными обитателями берегов Анадыря, то несомненно, что главным их занятием была охота на диких оленей на переправах через эту реку. Источники отмечают у них юрты. Так назывались в XVII в. преимущественно постоянные жилища из дерева и земли. Очевидно, в течение зимы по крайней мере, анаулы жили оседло, питаясь заготовленными осенью на плавях запасами оленьего мяса.

Г. Дьячков указывает три главнейших места охоты (так называемые «плави») на диких оленей на переправе через Анадырь: одно несколько выше Маркова у речки Гребенки, т. е. недалеко от старого Анадырского острога, другое у устья Майна и третье в 2 верстах ниже устья Белой [279]. Пути миграций диких оленей очень постоянны. Сарычев отмечает «битые большие дороги диких оленей» [280], образовавшиеся в течение столетий. Автору этих строк в верховьях конфлюэнта р. Хатанги р. Котуя тоже приходилось видеть такие тропы, производившие впечатление углубленных в землю и залитых асфальтом дорожек — до того плотно они были утоптаны. Вполне возможно, что места переправ диких оленей через Анадырь не изменились с XVII до XIX в. Именно на этих трех переправах через Анадырь и должны были промышлять три группы анаулов. Можно предположить, что у устья Белой охотились анаулы Когюни, у устья Майна — анаулы Каллика и Обыя и в районе современного с. Маркова — анаулы Мекеры.

Анаулы Каллика и Обыи сказали Дежневу, что живут «не у лесу». Лес на Анадыре, по сведениям самого Дежнева, кончался у «Малого Маена». Таким образом, если анаулы Каллика и Обыи жили на плави (поколке) у устья Большого Майна, то они вправе были сказать, что живут не в лесу. Отсюда естественно заключить, что анаулы Когюни, которые были самой нижней по Анадырю группой анаулов, жили у устья Белой. Для анаулов Мекеры остается, следовательно, только самая верхняя плавь в районе Маркова. Ожесточение, с которым Мекера и его анаулы действовали против русских и подчинившихся последним анаулов, могло быть вызвано именно тем, что поставив зимовье в районе плави этих анаулов, служилые и промышленные люди нанесли ущерб коренным экономическим интересам этой группы анаулов.

Но очень может быть, что анаулы занимали более ограниченный участок по Анадырю, а именно лишь район от крепости до Усть-Майна, где Анадырь и Майн образуют несколько проток. В частности, именно здесь

---

[277] См. ДАИ, т. IV, стр. 18, 19, 26, 120—122; Открытия русских землепроходцев..., стр. 368.

[278] См. ДАИ, т. IV, стр. 381; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 283; Памятники Сибирской истории, СПб., 1882, кн. 1, стр. 529; кн. 2, стр. 53. В. И. Огородников из этого факта поглощения коряками ушедших с Анадыря на Пенжину анаулов Мекеры сделал неверный вывод о какой-то связи «этого племени с коряками» и сомневается в правильном заключении Иохельсона о том, что анаулы были ветвью юкагиров. Иохельсон в данном случае был прав, а сближение части анаулов с коряками произошло лишь в конце XVII в. в результате их ассимиляции последними (см.: В. И. Огородников. Покорение юкагирской земли, стр. 22).

[279] См. Г. Дьячков. Анадырский край. Владивосток, 1893, стр. 73, 75, 80, 81.

[280] Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 81.

в Анадырь слева впадает речка, которая на картах XVIII в. носила название Мекериной. Несколько выше ее, тоже слева, впадает в Анадырь речка Убойная, как бы напоминая своим названием о кровавых подвигах Мекеры.

По ряду соображений можно считать, что в группе анаулов Когюни (может быть Кочуни) было восемь трудоспособных мужчин (всего 30 чел. населения). Обычно род занимавшихся охотой на диких оленей обитателей северной Сибири состоял из 12—15 охотников, минимум — восьми, максимум — 20. Но вряд ли численность анаульских родов была большей.

В роде Каллика и Обыи было, вероятно, 12 мужчин-охотников (всего 50 чел. населения). Род Мекеры, очевидно, был помощнее и насчитывал 15 охотников (всего 60 чел. населения). Таким образом, в середине XVII в. анаулов было наверное 35 мужчин-охотников (всего 140 чел. населения).

В табл. 141 мы подводим итоги численности населения района Анадырского зимовья.

Таблица 141

Численность юкагиров Анадыря

Основная группа анадырских юкагиров	Середина XVII в.		80-е годы XVII в.		Конец XVII в.	
	Мужчин-охотников	Всего населения	Мужчин-охотников	Всего населения	Мужчин-охотников	Всего населения
Чуванцы . . .	150	600	140	560	130	520
Ходынцы . .	155	620	140	560	120	480
Анаулы . . .	35	140	6	30	—	—
Всего	340	1360	286	1150	250	1000

В 1750 г. анадырских ясачных юкагиров, т. е. ходынцев и чуванцев, было 148 чел. (всего около 600 чел. населения) [281]. Причиной этой убыли были нападения чукчей, а также эпидемии. По данным И. С. Гурвича, только в 1754 г. чукчи, напав на группу чуванцев и ходынцев, увели 25 глав семей и захватили имущества на 8113 руб.[282] Часть чуванцев была впоследствии также ассимилирована чукчами. Все эти обстоятельства привели в XVIII в. к дальнейшему сокращению численности ходынцев и чуванцев, территорию которых постепенно занимали увеличивавшиеся в численности и богатевшие чукчи-оленеводы.

Приведем теперь данные о расселении ходынцев и чуванцев в XVII в. и попытаемся определить их племенные территории.

Ходынцы делились в основном на три главные территориальные группы. Первую и самую большую из них составляли ходынцы, обитавшие на землях, расположенных от верховьев Большого Анюя до района Анадырского острога, в частности по притокам Анадыря Яблони и Ерополу. Другую группу ходынцев образовывали так называемые «низовые мужики», кочевавшие, очевидно, в низовьях Анадыря и по его притокам Большой, Березовой и Майну. Наконец, третью группу составляли ходынцы, кочевавшие в верховьях Пенжины (Чендона) и Омолона. С последней группой мы уже знакомы.

Относительно местожительства ходынцев северо-западной анюйско-анадырской группы имеются такие сведения. Весной 1649 г. «охочие»

[281] ЦГАДА, ф. 1095, д. 2, л. 222.

[282] Якутский областной архив, ф. 12, оп. 9, д. 8, лл. 1—13; см.: Сибирский этнографический сборник. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXV, 1955, стр. 246—262.

служилые люди Никита Семенов и другие «вверху Анюя реки» нашли стойбища ходынцев и взяли там аманата Ангару, рассказавшего о сухопутной дороге на Анадырь [283]. Имя этого ходынца сохранилось до настоящего времени в названии правого притока Большого Анюя р. Ангарки. Во второй половине XVIII в. в устье Ангарки находилась Анюйская крепость — место торговли с чукчами. Придя сюда 17 февраля 1792 г., Биллингс закончил свое путешествие по Чукотке.

В том же 1649 г. Семен Мотора и Никита Семенов со своими спутниками, идя с Колымы на Анадырь, в верховьях Анюя нашли следы юкагирских аргишей и взяли здесь в аманаты ходынца Чекчоя. Вместе с Чекчоем находилось до 50 его сородичей. Также и Стадухин в 1650 г. на пути с Колымы на Анадырь на волоке при переходе с Большого Анюя в бассейн Анадыря взял в аманаты ходынцев — «трех мужиков кодюлских». Анюйские ходынцы иногда, вероятно, при своих откочевках на западные притоки Анадыря Яблон и Еропол оказывались в пределах досягаемости со стороны коряков. Осенью 1654 г. коряки «пришед от Камени от Пежины реки» «погромили» ходынцев — сородичей Чекчоя, захватили у них жен и детей и угнали оленей.

В апреле 1654 г. сородичи Чекчоя стояли в одном дне пути от Анадырского ясачного зимовья. Именно здесь на них напал Юрий Селиверстов.

Кроме рода Чекчоя, на Анюй заходили и другие роды ходынцев. В 1662 г. колымский приказчик Андрей Булыгин сообщал, что «есть на Ковыме реке ходынские мужики... приходят с Камени на Анюй реку князь Ямочкин, а роду у него человек с двести, а ясаку не платят» [284].

В апреле 1681 г. на Анюе большая группа ходынцев напала на отряд шедшего на Анадырь сотника Ивана Курбатова. Ходынцы убили 16 чел., а уцелевших служилых людей четыре недели держали в осаде, пока их не выручили подоспевшие чуванцы [285].

В мае 1684 г. из Нижнеколымска десятник Иван Голыгин с 10 служилыми людьми ходил вверх «по Анюю на Анадырский хребет неясачных юкагиров Ходынского роду на Ямочкина брата на Каниву с товарищи» [286].

Нам уже приходилось упоминать о ходынцах, живших в верховьях рек Олоя и Омолона и по верхнему течению Пежины. На Пежине ходынцы могли находиться лишь выше устья Оклана, так как в устье Оклана обитали уже коряки. Вся совокупность имеющихся в нашем распоряжении фактов свидетельствует также о том, что ходынцы (вместе с анаулами) были основными обитателями почти всей долины самого Анадыря (за исключением его истоков) и бассейнов правых его притоков.

Выше уже упоминалось, что в списках ходынцев (1682 и 1684 гг.) имеются отдельные подзаголовки «Ходынского роду низовых мужиков». Для обитателей Анадырского острожка, где составлялись эти списки, «низом» могло быть только нижнее течение Анадыря. Имеется и другое свидетельство того, что именно ходынцы кочевали в низовьях Анадыря. На современных картах на Анадыре в устье р. Танюрера (Черной) указывается пос. Чикаево, или Чекаево. Уже в первой половине XVIII в. здесь существовала местность под названием «Чекаево урочище» [287].

В списке ходынцев 1699 г. мы находим «Чекаевых братей Пачегуя и Мороска», «Чекаева Меншего [брата]» и «Чекаева коряка»; в списках ходынцев 1704 г.— «Чекаевых детей и братей», плативших пять соболей:

---

[283] См. ДАИ, т. IV, стр. 13, 16.

[284] ДАИ, т. IV, № 144, стр. 381; см. также стр. 13, 15, 17, 20, 22, 120, 381; Открытия русских землеходцев..., стр. 324, 369 и др.

[285] См. ДАИ, т. VIII, № 44, стр. 180—181.

[286] ЦГАДА, ф. 214, стр. 747, л. 223.

[287] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке, стр. 163, 164, 166, 174—177, 179, 180, 186.

Почагуя (Чекаева), Ивашку Чекаева, Якуню Чекаева (убит чукчами, это был, наверное, «Якунин» чукотских исторических преданий), и «Почагуева сына меньшего», т. е. всего не менее 9—10 плательщиков ясака (всего 35—40 чел. населения), не считая других возможных родственников, оставшихся для нас неизвестными, но тоже принадлежавших к Чекаеву роду.

Несомненно, этот ходынский род осенью промышлял на плави в устье р. Черной. Здесь была плавь и в XVIII в., на которой промышлял, в частности, гарнизон Анадырской крепости и которую упорно стремились захватить приплывавшие с моря вверх по Анадырю чукчи. Вероятно, были плави в низовьях Анадыря и у других ходынских родов. В 1701 г. именно ходынцы жаловались на то, что чукчи на нижнем Анадыре «чинят [им] в промыслу оленей смертные убийства и грабежи» [288]. В 1715 г. по речкам, впадающим в Анадырь, был послан подьячий Григорий Голыгин «для усмирения ходынских юкагирей» [289]. Зимой эти низовые ходынцы должны были вслед за диким оленем откочевывать на юг и юго-запад в леса и тальниковые заросли по рекам Большой, Березовой и Майну. Поэтому спутники Дежнева зимой 1648/49 г. на нижнем течении Анадыря никого и не обнаружили.

Южная граница ходынцев довольно точно определяется также расселением коряков, в общем совпадавшим на севере с водоразделом между Колымой и Анадырем, с одной стороны, и реками, впадающими в Охотское море и стекающими в Берингово море на юг от Корякского хребта, с другой. Исключение представляли верховья Пенжины, входившие в территорию ходынцев, и истоки Омолона, куда заходили коряки. Северо-восточные пределы распространения ходынцев находились по соседству с территорией чуванцев. Переходим поэтому к рассмотрению последней.

Прямых указаний о расселении чуванцев у нас очень мало. Известно, что в 1681 г., во время нападения ходынцев на отряд Ивана Курбатова, чуванцы во главе с Моторой оказались здесь же в верховьях Анюя (см. выше). Наиболее точным указанием на район местожительства чуванцев служит сравнительно позднее, от 1714 г., сообщение о том, что напавшие на анадырского приказчика Петрова чуванцы пошли после этого «в свои жилища вверх Анадыря реки и далее» [290]. От 1715 г. имеются данные о том, что чуванцы жили по Анюю. Из этого факта В. И. Огородников сделал ошибочный вывод, что под вышеприведенным выражением «вверх Анадыря реки и далее» подразумевается только Анюй.

Выше указывалось, что под давлением чукчей в 1670-х годах группа чуванцев уходила на Пенжину. Участвуя в походах русских служилых людей на Камчатку, чуванцы вместе с ходынцами проникали далеко на юг. Вышеупомянутый приказчик Петров был ими убит, например, на р. Таловке, впадающей в Пенжинскую губу. Даже в 50-х годах XVIII в. чуванцы иногда подкочевывали к самому Анадырскому зимовью. В 1654 г. среди ходынцев, «погромленных» Юрием Селиверстовым в дне пути от Анадырского ясачного зимовья, были и чуванцы [291]. Но все эти группы чуванцев, видимо находились вне своей коренной территории.

Для того, чтобы уяснить себе расселение чуванцев, надо иметь в виду, что они были известны под разными названиями. Кроме основного названия чуванзи, откуда и образовано название чуванцы, они были известны юкагирам под названием шолилау, от которого было образовано русское

---

[288] В. И. Огородников. Покорение юкагирской земли, стр. 23—24.
[289] А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. СПб., 1869, стр. 30.
[290] В. И. Огородников. Покорение юкагирской земли, стр. 12.
[291] См. ДАИ, т. IV, № 7, стр. 21.

название шелаги. От названия чуванзи происходит, вероятно, и чукотское название народа — чаваны, они же чауджан и чавача. Одним из вариантов названия чуванцев уже в XVII в. было название чаунцы, которое сохранилось в названии р. Чаун и названии Чаунской губы.

Другое название чуванцев — шелаги, как известно, запечатлено в названии Шелагского мыса.

Как сообщает В. И. Иохельсон, шолилау было названием чуванцев в диалекте колымских юкагиров [292]. Поэтому служилые люди, шедшие на восток со стороны Колымы, находили не чуванцев, а шелагов и дали выдавшемуся здесь на север мысу название Шелагский. Наоборот, название чуванзи было распространено на Анадыре и поэтому анадырские служилые люди находили только чуванцев, а не шелагов.

Когда же территорию чуванцев (шелагов) заняли чукчи и часть чуванцев была ими ассимилирована, когда стали известны чукотские названия чуванцев и оказалось, что некоторые из этих «чаванов» по существу ничем уже не отличаются от чукчей, то вопрос еще более усложнился [293].

Что касается раскопок в районе Баранова Мыса, обнаруживших там «своеобразный вариант древнеэскимосской культуры морских зверобоев, представленный тремя стадиями: а) одновременной берингоморской; б) Бирник-туло; в)начала XVII—XVIII вв. («шелаги» русских источников XVIII—XIX вв.)» [294], то, разумеется, никак нельзя согласиться с отождествлением предков эскимосов с шелагами-чуванцами. Очевидно, в разное время группы эскимосов (или предков эскимосов), а позже и чукчей, вдоль берега Восточно-Сибирского моря проникали на запад до о-ва Шалаурова и до мыса Баранова и здесь основывали поселения. Поскольку побережье Восточно-Сибирского моря гораздо беднее морскими животными, чем побережье Чукотского моря, то эти колонии в конце концов погибали.

И. С. Вдовин в статье, специально посвященной расследованию этнических групп северо-востока Азии, пишет, что в XVII в. чуванцы «были в основном оленеводами и кочевали по р. Чауну и ее притокам, а также по верховьям Анадыря и рек, впадающих в него с левой стороны. Существующая и в настоящее время топонимика в районе р. Чаун принадлежит чуванскому языку. Так, правый приток р. Чауна имеет два названия: одно, чукотское, для его верховьев — Каленмываам — «река пестрых скал» и другое, уже чуванское, для среднего течения и низовьев — Паля-ваам. Это последнее состоит из двух основ: первой — «паля», что значит камень, скала по-чувански [295], и второй «ваам» (вээм) — река по-чукотски. Сохранились также чуванские названия и для ряда гор этого района: гора Паалян, Карпун, Пээк, последнее от чуванского пека — «неприятель». Чуан также не чукотское название, а чуванское. По имени этой реки и называлось племя юкагиров, жившее на ней, так называемое «чавандзи» [296].

Но ниже Вдовин почему-то утверждает, что «на юге границей расселения чукоч была р. Анадырь». Сам же Вдовин только что писал, что чуванцы кочевали по верховьям рек, впадающих в Анадырь слева. Далее он

---

[292] W. Jochelson. The Yukagir..., p. 19.

[293] Хотя еще Кибер совершенно определенно указывал, что чаванами чукчи называют именно шелагов (См. «Сибирский вестник», 1824, стр. 94). А. Аргентов писал: «...чукчи говорят, что на Чауне и на Шелагском мысе обитал один народ чавачи» (Записки Сибирского отдела РГО, 1857, кн. III, отд. 1, стр. 89—90; см. также: В. В. Антропова Военная организация у народов северо-востока Сибири. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXV, 1957, стр. 108—112).

[294] См. А. П. Окладников. Колымская экспедиция (отд. оттиск).

[295] См. Собрание слов чуванского и омокского языков, составленное мичманом Матюшкиным. Приложение к «Путешествию» по северным берегам Сибири и Ледовитому морю Ф. Врангеля, тт. I и II, СПб., 1841, стр. 115—125.

[296] И. С. Вдовин. Расселение народностей северо-востока Азии во второй половине XVII и в начале XVIII вв., «Изв. ВГО», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 250—251.

пишет, что на всем протяжении Анадыря «обитали юкагиры Анаульского и Ходынских родов». Даже левые притоки Анадыри, как Белая, Еронол (?) и др., были заселены юкагирами» [297].

Ошибочно также, как нам кажется, цитируемое Вдовиным утверждение В. И. Огородникова о том, что чукчи уже в XVII в. занимали левый берег нижнего течения Анадыря [298]. Никаких оснований для такого заявления у Огородникова не было. Что касается показания пятидесятника Ф. Яковлева от 1676 г. о том, что «на реке Анадыре живут неясачные иноземцы чухчи подле моря», то по-видимому, Яковлев хотел сказать, что в районе устья Анадыря, на берегу моря, живут чукчи, что вполне соответствует действительности. И Семен Дежнев и Курбат Иванов и другие служилые люди неоднократно плавали по Анадырю в залив и обратно к зимовью, но ни словом не обмолвились о чукчах на Анадыре, однако и Дежнев и Иванов встречали чукчей («коряков») на берегу моря к северу от устья Анадыря. Неубедительно также предположение Вдовина о том, что Дежнев потому не упоминал о чукчах на Анадыре, что «время промысла» моржовой кости «не совпадало с временем пребывания чукоч на Анадыре» [299]. Дежнев и другие плавали к «корге» летом, когда Анадырь вскрывался ото льда, и возвращались поздней осенью. Чукчи впоследствии, особенно в начале XVIII в., плавали на Анадырь, чтобы захватить юкагирские плави диких оленей. Все это происходило по полой воде, и русские, которые тоже промышляли на этих плавях, неминуемо должны были бы встречаться с чукчами, если бы последние бывали на Анадыре в 50—70-х годах XVII в.

Поэтому есть основания считать, что чукчи в XVII в. по Анадырю не жили [300]. Возвращаясь к вопросу о населении района Шелагского мыса, добавим к вышесказанному еще следующие соображения. Старик-чукча, глава («камакай») чукчей, обитавших в районе Чаунской (Чаванской) губы, которого в марте 1823 г. Врангель встретил на Шелагском мысе, выдавал себя «за потомка древних шелагов, или, как чукчи обыкновенно называют, чаванов...» [301]. Иначе говоря, это был ассимилированный чукчами чуванец. Этот чукча считал землей своей группы территорию от р. Большой Баранихи до мыса «Иркапия» (Рыркарпий). Поскольку потомок чуванцев возглавлял эту группу чукчей, можно предположить, что она раньше в основном состояла из потомков чуванцев. Нам приходилось во время своей полевой работы наблюдать такие явления, когда главой территориальной группы, образованной из людей разного этнического, племенного и родового происхождения, все же являлся представитель коренного на данной территории рода или племени. Подтверждением предположения о том, что оленные шелаги-чуванцы были основным населением района Шелагского мыса, а не случайным вкраплением в чукотскую массу, является тот факт, что еще в 1723 г. колымскому казаку Ивану Вилегину на Шелагском мысе «оленный шелаг Копай с родниками платил ясак с 15 человек по зубу моржовому». Врангель также сообщает, что в поселке на мысе «Иркапия», самом западном из поселков оседлых чукчей, старшиной являлся некий Этель, оказавший много услуг его экспедиции. Как пишет Врангель, «в разговоре узнали мы, что он родня Камакаю, с которым познакомились

---

[297] Там же, стр. 251.

[298] См. там же.

[299] Там же.

[300] В сборнике «Открытия русских землепроходцев...» на стр. 380 и 572 фигурирует анадырский чукча Иелбуга. Эта ошибка, основанная на неправильном чтении документа: вместо «Чюхчей и Елбуго» составители сборника прочитали «чюхчей Иелбуго» Чюхчей — это некто иной, как хорошо известный юкагир ходынец Чекчей.

[301] Ф. П. Врангель. Путешествия по северным берегам Сибири совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. ..., стр. 295.

мы на Шелагском мысе»[302]. Как известно, чукотское слово «этел» значит «чуванец», «юкагир»[303]. Вероятно, этот чукча назывался Этэлем по своему этническому происхождению, т. е. назывался чуванцем по-чукотски. Говоря, что он родственник потомку шелагов из района Шелагского мыса, этот чукча, очевидно, имел в виду именно тот факт, что оба они чуванцы по происхождению. Таким образом, имеется еще одно основание утверждать, что шелеги и чуванцы — это одно и то же. Но любопытно вот что. Потомок шелагов считал территорию своей группы простирающейся на восток до мыса «Иркапия». В поселке чукчей на этом мысе страшиной являлся тоже потомок чуванцев. Наконец, Биллингс называет в бассейне Амгуемы, к западу от нее, р. Чаван-Вагорин[304]. Вероятно, это название переводится как «Чуванский Вагорин».

Таким образом, можно считать, что восточная граница чуванцев проходила от Чукотского моря в районе мыса «Иркапия» к верховьям Амгуемы и далее на восток по водоразделу между Амгуемой и Анадырем. Но так как все-таки точных данных для отнесения границы распространения чуванцев так далеко на восток у нас нет, то придется ограничиться включением в территорию чуванцев лишь района самого Шелагского мыса и нижнего и среднего течения г. Паляваам, а затем границу провести от истоков Белой на восток по водоразделу Анадырь-Амгуема.

Теперь следует определить восточный участок чукотско-чуванской границы. На чертеже Чукотки, составленном Яковом Линденау около 1742 г.[305], недалеко от залива Креста (губы Почан), к востоку от него, отмечена «юкагирская ярманка». В описании похода 1736 г. говорится о выходе к «юкагирскому прежнему торговищу»[306], от которого «пошли подле губы», т. е. залива Креста. В карте Чукотского полуострова 60-х годов XVIII в.[307] граница Чукотской землицы начинается от залива Креста. Правда, дальше на северо-запад эта граница показана неправильно: Чаунская губа включена в состав Чукотской землицы. Но надо иметь в виду, что это уже вторая половина XVIII в., когда чукчи значительно расширили свои пределы. Вполне естественно, что ярмарка или торговище находилось на линии стыка чукчей и юкагиров, так же как в дальнейшем на смежестве юкагиров с чукчами находились ярмарки на р. Анюе (в устье Ангарки и в Островном). В общем можно считать, что пограничная полоса между чукчами и юкагирами начиналась близ залива Креста, шла на запад по водоразделу Анадыря и Амгуемы и выходила к Восточно-Сибирскому морю, к востоку от Шелагского мыса. Все пространство между этой линией и территорией омоков, ходынцев и анаулов, очевидно, осваивалось чуванцами. Не случайно поэтому и на современных картах на р. Белой показан пос. Чуванское.

Не отнесен к территории чуванцев лишь берег моря между заливом Креста и устьем Анадыря. Поскольку здесь на открытой Дежневым карге были лежбища моржей, то можно быть уверенным, что охотники на морского зверя, какими были чукчи (или эскимосы), не могли игнорировать такого богатого в то время промыслового угодья. И действительно, как указывалось, уже Дежнев встречал здесь «коряков». Именно эти места, вероятно, имел в виду и пятидесятник Яковлев, когда сообщал о чукчах на Анадыре (см. выше).

---

[302] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири..., стр. 306.
[303] См. W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 17.
[304] См. Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири. Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 257.
[305] См. И. С. Вдовин. Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг. «Изв. ВГО», 1943, т. 75, вып. 4.
[306] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVII веке, стр. 159
[307] Открытия русских землепроходцев..., карта 16.

Кроме показания пятидесятника Яковлева от 1676 г. (см. выше), о чукчах и коряках на Анадыре говорится в описании Анадырского зимовья, составленном тоже около 1676 г. Здесь указывается, что платят ясак в Анадырском зимовье юкагиры, а затем сообщается, что «по той же Анадыре реке и у моря живут многие неясачные чухчи и коряки» [308]. Мы уже говорили, что вплоть до конца XVII в. случаев встреч русских с чукчами на Анадыре не зарегистрировано. Можно считать, что под выражением «по той же Анадыре реке» подразумевается Анадырь как административный район и только уточнение «у моря» указывает, где действительно жили чукчи и коряки, о которых было известно анадырскому приказчику. То обстоятельство, что в вышеприведенном отрывке говорится сразу о чукчах и коряках на Анадыре, доказывает, что здесь, конечно, не имеется в виду реальная р. Анадырь, а именно район охватываемый компетенцией служилых людей Анадырского зимовья. Никаких конкретных чукчей и коряков на Анадыре в XVII в. мы не знаем. Группа так называемых речных чукчей образовалась на Анадыре лишь в XVIII в. Выражение «река» в смысле административно-податного района в XVII в. употреблялось часто и при этом как раз в отношении «дальних заморских рек», где стояли зимовья, в которых платили ясак юкагиры (Индигирка, Алазея, Колыма, Анадырь).

Переходим к родовому составу чуванцев и ходынцев. Родового состава анаулов мы уже касались выше. Списка родов чуванцев и ходынцев у нас нет. Но, пользуясь именными списками чуванцев и ходынцев, можно все же выявить некоторые из их родовых группировок. Так, у чуванцев выявляются роды Лентонкин, Тюляпсин, Тугуланов, Дуркин, Шаманов, Монмолин и др.; у ходынцев — роды Ратнегин, Калягин (Сопинин), Окачкин, Ямочкин, Чекаев (Терешкин), Некрасков и др. Наибольшее число мужчин-охотников в ходынском или чуванском роде, как удалось установить, составляло 20 чел.; наименьшее — шесть-восемь человек, но нельзя быть уверенным в том, что нам были известны все мужчины-охотники этих родов. Вероятно, число мужчин-охотников в роде у чуванцев и ходынцев, как и у других юкагиров, колебалось в пределах от 10 до 20 чел., а в среднем составляло 12—15 чел. (всего 50—60 чел. населения). Всего в каждом из этих племен было примерно по 12—14 родов. Глав этих родов русские называли или «князцами» или якутским названием «тойоны». Очень часто главами родов были шаманы. Так, известен глава ходынского рода «Анюйский шаман»; другой, чуванский род возглавлял «Князец шаман» и т. д. В случаях, когда глава рода не назван прямо шаманом, можно предполагать это. Любопытно, что шаманы почти никогда не названы по имени. Очевидно, существовало табу на их имена. Иногда в названии главы рода указывается, что он старик, например: «...с Ямочкина старика с тоена с детьми и зятьями 10 соболей», «... на тоене Затнеге, он состарел, в его оклад с Щербачка 1 соболь». Почти всегда у главы рода много сыновей или зятьев. Упоминаются в списках ходынцев и чуванцев также холопы. При этом иногда холоп является шаманом, например «шаман Еремы Тугуланова брата холоп». Иногда у одного владельца бывало даже по два холопа, например: «...с Ятындиных двух человек холопей 2 соболи». Ятында — это ходынец Окачкина рода. Не совсем ясно, каков был характер рабства у ходынцев и чуванцев, было ли это патриархальное рабство или это были другие формы зависимости.

Очень важно выяснить характер объединений, известных нам под названиями чуванцев и ходынцев. По-видимому, это племена, внутри которых могли заключаться браки, т. е. это не экзогамные единицы. Имеются, например, такие записи в ясачной книге по Ходынскому «роду» за 1699 год:

---

[308] ДАИ, т. VI, стр. 407.

«Ямочкин зять Орпотин сын», «Некрасков родник Созыкин зять», «Сопляков племянник Сопинин зять», «Передовщиков сват [т. е. отец жены сына, или отец мужа дочери] Орпей». Эти записи отражают практику заключения браков внутри самого Ходынского племени, так как Ямочкин, Орпей (Орпота), Сопляк (Каляга), Некраско, Передовщик, Сопина — это все ходынцы. Вероятно, ходынец и Созыка, хотя в списках мы его под этим именем не нашли. Вместе с тем в состав племен путем браков входили и посторонние, например коряки и омолонские юкагиры. Есть, например, такие записи: «Коряка Микишин зять» (Микита Летомкин в 1699 г. глава одного из чуванских родов), «Омолонский Дуркин племянник Муркин зять» («Дуркин» — прозвище чуванца Касинду Мочелова, Мурка — это тоже чуванец Летомкина рода, упоминавшегося в 1699 г.). Отношения некоторых иноплеменников к членам племени не указывались. Например, в 1699 г. среди чуванцев числились «Добрыня Омолонской», «Ушкан Омолонской». Вообще состав чуванского или ходынского рода вследствие часто матрилокального характера брака юкагиров имел состав, очень мало отвечающий нашему представлению о роде. Так, Тюляпсин род у чуванцев в 1682 г. состоял из следующих лиц: 1. Тюляпса. 2. Омеля. Его отношение к Тюляпсе не указано, но они всегда вместе вносили три соболя ясака. По-видимому, это младший брат Тюляпсы. 3. Нетолко Тюляпсин родник. 4. Любимко Тюляпсин племянник. 5. Олешка Тюляпсин племянник. 6. Пелат Тюляпсин племянник. 7. Танбал Тюляпсин племянник. 8. Идой Тюляпсин племянник. 9. Тренма Тюляпсин (сын). 10. Тюляпсин сын меншой. 11. Танину Тюляпсин зять. 12. Шишакиль Тюляпсин зять. 13. Шаман Омелин шурин. 14. Моного шаманов брат.

Летомкин род у чуванцев в 1682 г. состоял из следующих лиц (впоследствии, к 1699 г., например, состав этого рода, как и других, естественно, значительно изменился):

1. Летомка Иветкин. 2. Кебека Летомкин (сын). 3. Кебекин брат шаман. 4. Олорейво Летомкин (сын). 5. Ега Летомкин сын. 6. Кекечи Летомкин родник. 7. Калмамуд Летомкин родник. 8. Пудкароле Летомкин родник. 9. Шолохонга Летомкин родник. 10. Тамыля Летомкин родник. 11. Тынгича Летомкин родник. 12. Натайла Кебекин племянник. 13. Аглярю Летомкин зять. 14. Мотора Летомкин зять. 15. Алдаку (Елдуку) Моторин брат. 16. Ейбони Моторин брат. 17. Алыгин Моторин родник. 18. Корекандо Елдукин сын. 19. Лямгинда Моторин зять.

Легко заметить, что в последнем списке фактически объединены два рода, Летомкин (с 1 по 13) и Моторин (с 14 по 19). Мотору наши источники характеризуют как «Чюванского роду лутчей юкагирь» [309]. Именно он в 1681 г. спас отряд сотника Ивана Курбатова от напавших на него ходынцев и проводил его на Анадырь. Очевидно, он представлял собой «сильного человека», т. е. военного вождя, позднейших юкагирских преданий. Любопытно, что юкагирские предания рисуют этих «сильных людей» часто как чужеродцев, лишь вступивших в род путем брака [310], т. е. именно такими, каким был Мотора по отношению к роду Летомки.

Таким образом, мужская часть юкагирского рода, сотояла из разных элементов. В основе рода находилась группа мужчин, связанных кровным родством по мужской линии. Вместе с тем в род входили и родственники по свойству — зятья, шурины и т. д. Этим юкагирский род резко отличался, например, от тунгусского рода, в котором был последовательно проведен кровнородственный, патрилипейный принцип. Вероятно, юкагирский род представлял стадию развития патриархально-родового строя, предшествующую тунгусскому типу отцовского рода. По-видимому, состав рода у

---

[309] ДАИ, т. VIII, стр. 181.
[310] См. W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 21.

юкагиров целиком определялся хозяйственной мощностью группы, образовывавшей ядро рода. Если в этой группе было много хороших охотников, достаточно оленей, а глава этой группы проявил себя как опытный руководитель во всех областях экономической и социальной жизни племени, то зятья, шурины и даже сваты, т. е. родителя зятя или невестки, предпочитали примыкать к этой группе, тем самым укрепляя ее еще больше. Таким образом шел беспрерывный процесс обновления и укрепления сильных родов, исчезновения слабых и слабеющих. У нас нет прямых указаний, но можно предполагать, что младшие мужчины сильного рода не поселялись обязательно в роде тестя, а вместе с семьей тестя приходили обратно в свой род. То обстоятельство, что в род входили иногда шурины, т. е. братья жен членов рода, подтверждает это предположение. Таким образом, брак сохранял матрилокальный характер, но мужчина оставался в своем роде. Естественно, что при таких условиях нельзя говорить о родовой экзогамии. Браки, очевидно, регулировались родством, которое определялось номенклатурой родства. Теоретически возможно существование дуальной фратриальной организации, но никаких признаков или следов ее у юкагиров нам не известно.

Что касается хозяйства чуванцев и ходынцев, то и для них главным занятием была охота на диких оленей. Ходынцы промышляли диких оленей, видимо, вместе с анаулами, на плавях (поколках) по самому Анадырю; чуванцы же охотились на диких оленей в тундре к северу от Анадыря. Жили ли они, как анаулы и ходынцы, на поколах — неизвестно. Ходынцы, наверное, охотились на диких оленей также в горах, на водоразделах бассейнов Анадыря и Колымы, и в лесотундре к югу от Анадыря. И чуванцы, и ходынцы были оленеводами. С. И. Дежнев прямо пишет, что чуванцы — люди оленные. Ходынцы на оленях перевозили казенные грузы с Анадыря на Колыму. У них же угоняли оленей коряки. Именно их называли безоленные анаулы «оленными людьми». Анаулы ко времени прихода русских на Анадырь оленей не имели. Железа у анадырских юкагиров к приходу русских, видимо, не было, и поэтому оно ими очень ценилось. Именно за «железо дельное» (т. е. в изделиях) и брались ходынцы Чекчоя возить грузы с Анадыря на Анюй [311]. Об юкагирском рыболовстве на Анадыре к приходу русских сведений нет, но, вероятно, анаулы им занимались. Никаких данных о занятиях чуванцев и ходынцев морским зверобойным промыслом нет. Но очукчившиеся потомки чуванцев на Шелагском мысе в начале XIX в., по сообщению Врангеля, регулярно охотились на белых медведей. Ходынцы, может быть, охотились на бурых медведей. По крайней мере в списках ходынцев 1699 г. около имени Маныки Вострякова помечено: «Съел черной зверь».

Чуванцы и ходынцы, как известно, участвовали в походе Атласова на Камчатку. В списке 1699 г. около 30 имен чуванцев и 29 имен ходынцев имеется пометка, что эти юкагиры ушли на Камчатку с «Володимером Отласовым».

В табл. 142 подведены итоги данных об юкагирах в XVII в.

Как видим, в отличие от ряда других народов Восточной Сибири,— предков бурят, якутов и др.— численность юкагиров сократилась. Этот факт необходимо объяснить. Четыре причины отрицательно отразились на численности юкагиров. Первой из них являются эпидемии оспы, которых, по-видимому, юкагиры раньше не знали. Оспой болели и русские, и якуты, и предки бурят, но ни у одного из этих народов он не производила таких опустошений, как у юкагиров. Очевидно, значительность тех опустошений, которые производила среди юкагиров оспа, объясняется отсталостью их быта и низким культурным уровнем.

---

[311] См. ДАИ, т. IV, стр. 10, 20, 26.

Таблица 142

Численность юкагиров в XVII в.

Территория	Середина XVII в.		1680-е годы		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Яна (с Омолоевой и Хромой)	170	685	88	360	93	380
Индигирка	268	1070	174	695	156	625
Алазея	145	580	130	520	55	220
Колыма (с Омолоном)	270	1080	248	990	110	440
Анадырь	340	1360	286	1150	250	1000
Всего	1193	4775[312]	926	3715	664	2665

Другой причиной сокращения численности юкагиров следует считать систему аманатов. По сравнению с другими народами, юкагиры давали относительно своей численности очень много аманатов. В среднем во всех зимовьях одновременно сидело до 70 юкагирских аманатов, т. е. около 6% взрослого мужского населения. Это обстоятельство значительно понижало производительные силы народа, ухудшало его экономическое положение. Правда, в дальнейшем, в конце XVII в., в аманаты часто давали малолетних. Но вследствие высокой смертности аманатов, попавших в непривычную обстановку, система аманатов продолжала отрицательно влиять на естественный прирост юкагиров.

Третьей причиной сокращения численности юкагиров следует считать продажу ими своих женщин и девушек. На всем огромном пространстве юкагирской земли от Лены до Анадыря и у служилых и у промышленных людей были жены юкагирки. В одном только Анадырском зимовье у служилых и промышленных людей было 15 юкагирских женщин. Можно считать, что всего одновременно в 70—80-х годах XVII в. вне юкагирских племен и родов находилось не менее ста юкагирских женщин, т. е. не менее 10% всех способных к деторождению юкагирских женщин.

Четвертой причиной сокращения численности юкагиров следует считать эксплуатацию их путем ясачного обложения. Чтобы уплатить ясак, юкагирам, как и другим обитателям Сибири, приходилось или затрачивать часть своего времени и своих сил на охоту за соболем, или преобретать собольи шкурки путем перевозки грузов, в обмен на оленей и т. д. За исключением ходынцев и чуванцев, юкагиры платили весьма значительный ясак, а соболей в их земле было не так уж много. Необходимость тем или иным путем достать этих соболей, конечно, разоряла их. Следовательно, эксплуатация феодально-крепостническим государством являлась одной из причин, ухудшавших экономическое положение юкагиров и, таким образом, способствовавших сокращению их численности.

Главным занятием юкагиров к приходу русских была охота на диких северных оленей и рыболовство. В более южных районах охота на дикого оленя заменялась охотой на лося, а в горах — на снежного барана. Почти все юкагиры к приходу русских были оленеводами. Не было оленей лишь

[312] Численность юкагиров, по Иохельсону определенная, правда, путем очень произвольных расчетов, составляла к приходу русских «несколько более 5000 чел.» (W. Jochelson. The Yukaghir..., p. 59).

у какой-то части, может быть, большинства юкагиров-янгинцев на Индигирке, некоторых юкагиров Колымы и у анаулов на Анадыре. По всей вероятности, оленеводство юкагиров имело подсобный, транспортный характер. Использовали оленей юкагиры, запрягая их в сани. К приходу русских юкагиры, за исключением янских, еще не умели обрабатывать железо и пользовались каменными и костяными орудиями. Кузнецы были лишь у янских юкагиров. Лук и стрелы знали все юкагиры. Сарычев определенно указывает, что прежний образ жизни юкагиров (очевидно, колымских) был тунгусский — они имели оленей и кочевали. В конце XVIII в. они жили в землянках и ездили на собаках. Все это и свою современную (т. е. конца XVIII в.) одежду они заимствовали у русских [313].

Рассматривая родовой состав юкагирских племен, легко заметить, что большинство их состоит из значительного количества сравнительно мелких родов (например, чуванцы, ходынцы, омоки, когимэ), а остальные из немногих крупных родов (например, янга, ононди, частью алаи). Объясняется ли эта разница только методикой составления ясачных книг или здесь имеются более глубокие причины, сказать трудно. У янгинцев, возможно, в качестве родов записаны их основные территориальные группировки. У онондей проглядывает тунгусский тип родовой организации с большими родами, являющимися не хозяйственными ячейками, а лишь формой социального объединения. У алаев (алазеев), как показывают ясачные книги, два из их больших родов фактически распадались на более мелкие группы. Может быть, большие размеры родов Манзюты, Ниничи и Каллы у алазейских юкагиров объясняются тем, что они представляли объединения более мелких родов, так же как такое объединение представлял род Летомки Иветкина у чуванцев и т. д. С этими оговорками средний размер рода у юкагиров можно определить в 50—60 чел.

В. И. Иохельсон приводит три юкагирских термина для обозначения рода: омо, кудэе, мийбэ. У них омо, первоначально, обозначало, видимо, «народ», «племя»; кудэе — «кровнородственный род»; мийбэ — «объединение под одним руководством», «объединение общим обязательством» (платить ясак), т. е. административный род. То объяснение, которое дает этим терминам сам Иохельсон, по нашему мнению, неясно [314]. По-видимому, Иохельсон и его информаторы не поняли друг друга. Кроме того, он не учитывает, что значение терминов со временем могло измениться, как изменились те общественные группы, к которым они прилагались.

Так, Ушканский («заячий») род мог называться омо потому, что он фактически объединял всех верхнеколымских юкагиров, т. е. все племя. Естественно также, что прямые потомки Табукана, основателя кровнородственного Ушканского рода, назывались кудэе. Наконец, Ушканский род назывался мийбэ, потому что являлся административно-податной единицей. Он включал в свой состав по административной линии Нартенный и Рыбников роды. Кроме того, поскольку Ушканский род был расположен на р. Ясачной, он назывался также Чахадэнджи (Чахадэн — р. Ясачная).

Надо сказать, что материалы Иохельсона по этому вопросу вызывают некоторые сомнения. Дело в том что название «ушканский», вероятно, представляет не перевод с юкагирского, а наоборот — само юкагирское название Чолгород представляет перевод русского слова «ушканий». Сомнительно также, чтобы юкагиры называли Рыбников род Анид-омок, т. е. «рыбьим народом».

Таким образом, юкагиры имели термин для обозначения племени и народа (в том числе и чужого народа). Иногда этот термин мог прилагаться

---

[313] См. Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 66.

[314] W. Jochelson. The Yuckaghir..., p. 114—119.

и к роду в смысле «такой-то народ». У них был термин и для собственно кровно родственного рода и наконец, для примкнувших к кровнородственному ядру посторонних элементов, для всякого некровнородственного объединения.

Иохельсон, со слов юкагиров, сообщает о четырех лицах, которые возглавляли роды юкагиров. Это старшна («лигэс шоромох», дословно «старый человек»), шаман («альма»), воин («тэпбэе шоромох», дословно «сильный человек») и охотник («халгичэ»). Нам кажется, что такая сложная структура верхушки рода вряд ли когда-либо существовала в действительности. У юкагиров, как известно, положения главы рода и шамана часто совпадали. Этим и следует объяснить тот культ умерших шаманов, который существовал у них. В некоторых шаманах они могли чтить одновременно и главу, может быть даже основателя рода, а не только шамана. И наоборот, как мы знаем, шаманы иногда были холопами, вероятно чужеродцами. Вряд ли такие шаманы становились предметом почитания.

Характеристика «сильного человека» у Иохельсона целиком основана на фольклоре. Совершенно невозможно отделять в древнем юкагирском обществе воина от охотника. Лучший охотник был всегда и лучшим воином, главой отряда молодежи, представлявшей и воинов и охотников.

Следовательно, во главе юкагирского рода находился старый человек, очевидно, глава семьи, составлявшей ядро рода. Как правило, он был шаманом. Наряду с этим стариком, гражданским главой рода, был лучший охотник и воин, человек в расцвете физических сил, руководивший охотничьими и военными предприятиям рода. Очень часто этот воин-охотник был не членом рода по происхождению, а зятем-чужеродцем. Этот «сильный человек», лучший охотник подчинялся в мирное время, очевидно, старику, главе рода, а в военное — действовал более самостоятельно.

ТУНГУСЫ И ЯКУТЫ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЯКУТСКОГО УЕЗДА

Переходим к населению, платившему ясак в западные зимовья Якутского уезда. Этими зимовьями являлись: Оленское (Оленекское, 1633 г.), Столбовское (1638—1668 гг.), Житанское (1632 г.), Вилюйское нижнее (Усть-Вилюйское, 1636 г.), Вилюйское среднее (1635 г.), Вилюйское верхнее (1634 г.), Олекминский острог (1633 г.), Чарнинское (1648 г.), Патомское (ок. 1677 г.), Тунгирское (1650—1654 гг.).

Вначале в зимовьях Оленском, Столбовском, Вилюйском верхнем и в Олекминском платили ясак только тунгусы, а в зимовьях Жиганском, Вилюйском нижнем и Вилюйском среднем — тунгусы и якуты. Позже якуты появились в числе плательщиков ясака всех остальных зимовий, за исключением основанных позже — Чарнинского, Патомского и Тунгирского (существовавшего, впрочем, очень недолго). Сравнительно мало просуществовало также и Столбовское зимовье. Его плательщики ясака были перечислены в Жиганское зимовье.

В табл. 143 приведены все эти зимовья с указанием численности плательщиков ясака при каждом из них и величины платимого ясака.

В отличие от данных о числе плательщиков ясака в юкагирских зимовьях, данные о численности ясачных тунгусов и якутов этой таблицы отражают численность всего трудоспособного мужского населения. Рост численности плательщиков ясака в этих зимовьях на Лене, Оленеке, Вилюе, Олекме происходил не вследствие изменения и улучшения системы учета, а благодаря главным образом притоку якутов из центральных пригородных волостей. Уменьшение числа плательщиков ясака здесь также объясняется эпидемиями оспы, но, кроме того, и переселениями в другие зимовья. Плательщики ясака Столбовского зимовья с его ликвидацией в 1668 г. перешли в ведение Жиганска. Чарнинское и позднее Патомское

зимовье в некоторой степени представляли филиалы Олекминского острожка. К ним перешла большая часть тунгусов, плативших ясак вначале в Олекминске. Тунгирское зимовье к 1656 г. уже практически не существовало. Его образование было связано с походами русских вверх по Олекме на Амур.

Переходим к описанию населения, приписанного к отдельным зимовьям. Начнем с наиболее северных из них. Оленекское зимовье вначале находилось на р. Оленеке в устье р. Пирикты [315] (современная Биректа). Олекнек открыл в 1633 г. Иван Ребров. С 1635 по 1637 г. на Оленеко в устье Пирикты жил Елисей Юрьев Буза и взял ясак с местных тунгусов. С 1643 по 1647 г. там же собирал ясак с тунгусов Иван Ребров.

Впервые ясак с оленекских тунгусов племени Адян («ачаны») был взят мангазейскими служилыми людьми, действовавшими на Нижней Тунгуске еще в 1623—1624 гг. С тунгусов другой группы, плативней ясак в Оленекском зимовье, с синигиров, первый ясак тоже был взят мангазейскими служилыми людьми в 1628 г.

Таким образом, можно считать, что Оленекское ясачное зимовье вначале находилось на Оленеке в устье р. Пирикты (Биректы). Но с 1650 г. оно находилось в районе устья р. Койконы (Куойки) [316]. Временами ясак с оленекских тунгусов собирали на Лене в устье р. Молоды.

Населению бассейна Оленека и верхнего течения Анабары посвящена большая диссертация И. С. Гурвича, защищенная в Институте этнографии АН СССР в 1949 г. В дальнейшем мы будем пользоваться материалами очень содержательного исторического очерка этого труда [317].

К приходу русских в числе плательщиков ясака Оленекского зимовья были только тунгусы. С 1678 г. в качестве постоянных плательщиокв ясака на Оленеке упоминаются и якуты. В табл. 144 (стр. 446) приведены данные об изменении численности плательщиков ясака Оленекского зимовья. Из таблицы видно, какие опустошения среди оленекских тунгусов произвела оспа 1651—1652 гг. С 1678 г., как уже было сказано, отмечается присутствие среди плательщиков ясака Оленекского зимовья не только тунгусов, но и якутов. Увеличение числа оленекских плательщиков ясака в период с 1685 по 1691 год объясняется переходом к Оленекскому зимовью из Мангазейского уезда тунгусов-вапядиров, в 1683 г. восставших и перебивших ясачных сборщиков Есейского зимовья Мангазейского уезда. В 1710 г. в число оленекских плательщиков ясака сразу было включено большое количество якутов «подгородных» волостей, фактически плативших ясак на Оленеке.

Часть оленекских (точнее анабарских) тунгусов-синигиров с 1653 по 1683 год платила ясак на оз. Есей. В 1653—1654 гг. у них было 22 плательщика ясака, в 1655 г.— 14, в 1656 г.— 12, в 1657—1659 гг.— 11, в 1661—1662 гг.— 10, в 1664 г.— семь, в 1665—1678 гг.— восемь, в 1679 г.— семь, в 1680—1683 гг.— шесть.

В табл. 145 приведены данные о родоплеменном составе тунгусов Оленекского (Олепского) зимовья за 1659, 1661 и 1678 гг.

Эти цифры взятые из списков плательщиков ясака, несколько не совпадают с цифрами табл. 144. По-видимому, здесь дело в обычных неточностях и просчетах, характерных для документов той эпохи. Надо также иметь в виду, что «сошлые» и неявившиеся к платежу, а также умершие, но состоявшие в списках плательщики ясака в эту таблицу все же включены. Данные за1678 г. мы несколько перегруппировали, исходя из характера

---

[315] В сборнике «Якутия в XVII веке» — Пиринт, Пиринта (стр. 50—51), но в первоисточниках — Пирикта (ЦГАДА, ф. 1177, стр. 56, л. 55).

[316] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 102, л. 19; ст. 108, л. 10; ДАИ, т. VI, стр. 405—406.

[317] См. также печатный автореферат: И. С. Гурвич. Оленекские и анабарские якуты. М., 1949.

Численность людей, плативших ясак в зимовьях на Лене,

Зимовье	1652 г.				1656 г.			
	Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак	
	Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено	Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено
Оленекское	156	68	562	237	44	33	104	74
Столбовское	38	13	205 (10)	33 (10)[319]	28	29	71 (6)	69
Жиганское	132	135	383	349	150	133	331 (19)	289 (20)
Нижневилюйское	73	61	158 (53)	109 (71)	95	101	146 (83)	146 (119)
Средневилюйское	179	151	399 (13)	295 (33)	227	273	321 (81)	454 (138)
Верхневилюйскае	176	114	741	408 (1)	140	127	453	403
Олекминское	145	53	719 (1)	227	217	123	408 (8)	493 (12)
Чаринское	92	16	394	63	102	38	405	280
Патомское	—	—	—	—	—	—	—	—
Тунгирское	12	13	69	62	4[320]	—	—	—
Всего	1003	624	3630	1783	1007	857	2240	2208

Зимовье	1685 г.				1695 г.			
	Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак	
	Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено	Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено
Оленекское	150	111	223 (36)	156 (36)	64	39	84 (31)	54 (50)
Столбовское	359	226	451 (129)	264 (177)	263	192	308 (106)	199 (190)
Жиганское	141	84	169 (121)	88 (79)	123	96	119 (92)	84 (83)
Нижневилюйское	401	321	481 (249)	409 (332)	509	472	520 (320)	505 (494)
Средневилюйское	388	353	561 (116)	467 (106)	374	289	448 (132)	374 (292)
Верхневилюйское	225	207	367 (34)	283 (51)	252	234	317 (43)	237 (106)
Олекминское	140	95	267	164	71	53	90	72
Чаринское								
Патомское	—	—	—	—	—	—	—	—
Тунгирское								
Всего	1804	1292	2519	1831	1656	1375	1886	1525

[318] Эта таблица составлена по следующим материалам фонда 214 ЦГАДА: 1652 г.— кн. 307, 1656 г.— кн. 346, 1662 г.— кн. 400, 1673 г.— кн. 581, 1679 г.— кн. 667, 1685 г.— кн. 64, 1695 г.— кн. 1366, 1700 г.— кн. 1224, 1708 г.— кн. 1489. Ясак указан в соболях. В скобках показано количество лисиц.

[319] Кроме того 38 соболей было взято в чумах у мертвых.

[320] Платили в Чаринском зимовье.

[321] В том числе четыре рыси.

Таблица 143

Оленекс, Вилюе, Чаре, Патоме и Тунгире[318]

1662 г.				1673 г.				1679 г.			
Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак	
Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено	Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено	Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено
38	42	101	112	41	38	97 (2)	90	58	46	101 (8)	87 (11)
59	60	117 (8)	128 (4)]	311	307	483 (81)	460 (34)	327	259	446 (93)	362 (123)
186	155	380 (31)	326(21)]								
124	114	175 (123)	170 (105)	119	92	154 (114)	135 (75)	138	101	172 (123)	123 (107)
488	457	705 (260)	686 (252)	478	403	656 (284)	573 (242)	479	343	621 (297)	498 (338)
273	284	619 (6)	660 (4)	350	357	680 (52)	700 (50)	411	395	712 (83)	665 (78)
191	174	531 (30)	475 (9)	188	185	363 (31)	366 (2)	213	185	366 (26)	292 (22)
93	75	337	305	130	85	344	241	146	95	378	208
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1452	1361	2965	2862	1617	1467	2777	2565	1771	1424	2796	2235

Таблица 143 (продолж.)

1700 г.				1708 г.			
Плательщиков ясака		Ясак		Платольщиков ясака		Ясак	
Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено	Числилось	Явилось	Оклад	Уплачено
73	46	93 (40)	50 (30)	95	56	114 (58)	55 (32)
287	177	330 (130)	166 (144)	336	190	370 (166)	161 (90)
138	90	128 (101)	77 (71)	151	91	139 (112)	78 (70)
572	514	517 (317)	404 (253)	660	544	565 (363)	415 (268)
393	403	413 (140)	364 (88)	564	577	511 (208)	366 (82)
362	393	345 (61)	332 (17)	398	369	373 (67)	337 (20)
72	67	87	89	91	77	105	94[321]
—	—	—	—	—	—	—	—
1897	1690	1913	1482	2295	1804	2179	1506

Таблица 144

Численность плательщиков ясака Оленекского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	156	68	—	2	85	1687	163	104	—	53	5
1653	70	16	23	—	54	1688	158	73	—	77	4
1655	40	28	4	12	—	1691	154	136[322]	2	17	1
1657	44	32	5 (?)	12	—	1692	69	35	—	33	1
1658	49	37	4	12	—	1693	68	47	1	16	5[323]
1659	53	38	3	6	6	1694	64	49	—	15	—
1662	38	38	4	—	—	1695	64	38	1	26	—
1665	45	41	1	—	4	1697	65	26	—	39	—
1668	44	41	4	3	—	1699	68	37	5	31	—
1669	47	44	2	2	1	1700	73	41	5	32	—
1672	39	38	2	1	—	1701	78	47	4	31	—
1673	41	38	—	3	—	1702	82	51	6	31	—
1678	60	43	3	12	5	1703	88	55	2	33	—
1679	58	45	1	13	—	1705	90	52	3	38	—
1681	59	40	14	19	—	1706	93	54	—	39	—
1682	73	48	14	15	5	1708	95	50	6	45	—
1685	150	110	49	14	25	1710	103	58	50	45	—
1686	167	102	3	56	8	1712	119	70	56	49	—

личных имен. В подлиннике синигиры, лалкагиры и якуты за этот год включены в один список.

В материалах за 1678 г. содержатся основные родоплеменные названия оленекских тунгусов, но в них почти ничего нет по вопросу о первоначальной численности отдельных групп этих тунгусов, так как охватывают период после эпидемии оспы 1651—1652 гг. Для определения численности

Таблица 145

Этнический и родовой состав и численность плательщиков ясака Оленекского зимовья [325]

Группа	Плательщиков ясака		
	1659 г.	1661 г.	1678 г.
Озянский род	8	8	8
Синигирский род	30[325]	27	27
Лалкагирский род	4[326]	4[327]	4
Из Жиганского зимовья перешли на Оленек	—	3[328]	—
Усть-Вилюйского зимовья Долгацкого рода	—	—	6[328]
Якуты	—	—	20
Итого	42	42	65

[322] В том числе 86 есейских ванядиров.

[323] Эпидемия оспы.

[324] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 167 г., лл. 160—165; яс. кн. 169 г., лл. 34—37; яс. кн. 186 г., лл. 95—97.

[325] Кроме того, пять человек было «в полону» на Есее. В 1655 г. было убито и умерло шесть человек.

[326] В том числе один человек был «в полону», а три человека платили «вновь» по одному соболю.

[327] «Инжиганского» (т. е. Эдигэнского) рода.

[328] Предки современных долган.

оленекских тунгусов к приходу русских придется поэтому обратиться к другим источникам.

Перед эпидемией оспы 1651—1652 гг. в Оленекском зимовье платило ясак 156 тунгусов. До этого года имеются главным образом лишь данные об уплаченном ясаке и номинках.

Известно, что в 1645 г. у синигиров и лалкагиров было 53 плательщика ясака, заплативших 153 соболя [329]. Кроме того не менее пяти синигиров было в аманатах на Есее, на Анабаре и на Оленеке. Наконец, в число синигиров надо включить Какуев род, который ясака не платил, но в котором, помимо аманата Какуя — главы рода, было не менее семи трудоспособных мужчин [330]. Таким образом, получается, что у синигиров и лалкагиров было около 65 мужчин. У лалкагиров вначале было, вероятно, не более трех мужчин (всего 10 чел. населения). Следовательно, у синигиров в середине XVII в. насчитывалось 62 мужчины (всего 250 чел. населения). В 1661 г. синигиров ясачного возраста было на Оленеке 30 чел., на Анабаре (плативших ясак на Есее) — около 10 чел. и в аманатах, наверное, два, т. е. в общей сложности 42 чел. (всего 170 чел. населения). Лалкагиров в 1661 г. было всего 15 чел. К концу XVII в. ясачных синигиров было, вероятно вместе с аманатами, 35 чел. (всего 140 чел. населения), а ясачных лалкагиров — четыре человека (всего 15 чел. населения).

Главную массу плательщиков ясака Оленекского зимовья составляло племя Азян (Озян). Если из 156 плательщиков ясака Оленекского зимовья, числившихся на 1651 г., вычесть 53 синигира и лалкагира, на племя Азян останется 103 чел. Добавив сюда аманатов, которых было обычно шесть-семь человек, получим 110 мужчин (всего 440 чел. населения). Азяны особенно сильно пострадали от оспы. В 1661 г. ясачных азянов (вместе с аманатами) было 11 чел. (всего 45 чел. населения). К концу XVII в. у них было примерно 10 плательщиков ясака (вместе с аманатами) (всего 40 чел. населения). Сами азяны писали в 1666 г., что «ныне... после морового поветрия осталося нас небольшие люди» [331].

Оленекских ясачных якутов в 80-х годах XVII в. было около 20 чел. (всего 80 чел. населения), а к концу XVII в. — до 75 чел. (всего 300 чел. населения).

Переходя к расселению племен оленекских тунгусов, укажем, что лалкагиров от синигиров мы отделять не будем. По-видимому, эти лалкагиры представляли выходцев с Алдана из племени лалагир (лалкагир) и здесь на Оленеке вошли в состав родоплеменной группы синигиров и обитали на их территории.

О расселении азянов и синигиров имеются следующие данные. Во-первых, обратим внимание на то, что с азянов ясак вначале собирали на Оленеке в устье Пирикты, а в 1637 и 1638 гг. также на Лене, в устьи Молоды [332]. С синигиров же ясак собирали в начале на Есее и на Анабаре [333]. Эти данные позволяют нам определить, что азяны жили восточнее, занимая территорию до низовьев Лены, а синигиры — западнее, ближе к Есею и Анабаре.

С устья Молоды сбор ясака с азянов был переведен обратно на Оленек в 1639 г. по просьбе аманата этих тунгусов Умнюги Папырыканова. В своей

---

[329] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, л. 119.

[330] В Какуевом роде, кроме самого Какуя, находилось три его сына и около 30 «улусных людей». В число «улусных людей», очевидно, включены женщины и дети. Мужчин в этом роде было 8 человек, из которых один (сам Какуй) сидел в аманатах. Раньше мы ошибочно считали, что в этом роде 30 мужчин («Труды Ин-та этнографии», т. XVIII, М.— Л., 1952, стр. 28).

[331] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, л. 96.

[332] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 192 об.

[333] Там же, кн. 285, лл. 159 об., 160—160 об.; ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 226.

челобитной Умнюга указывал на отдаленность Молодского зимовья, сильно преувеличивая, впрочем, это обстоятельство, а кроме того жаловался, что на Лене «их побивают жигане да юкагиры, а убили де у них человек с сорок» [334]. Следовательно, на востоке по Лене азяны граничили с юкагирами. В 1666 г. оленекские азяны жаловались на промышленного человека Ивана Говора (ср. поселок Говорово на левом берегу Лены ниже Сиктяха), в этом году промышлявшего с шестью товарищами на Оленеке в устье р. Пура. В этой челобитной азяны просили «заказать что б оне на тех наших житьях по Пору и Голимару соболей не промышляли и наших вотчинных житей не пустошили» [335]. Таким образом, Пур и Голимар несомненно входили в территорию азянов. Можно предполагать, что азяны проживали в районе современного пос. Говорово.

В 1666 г. азяны жаловались также на то, что из-за набегов «ведомых воров» ванядыров, нюрумпялей («уирпнского роду») и баягиров им приходится жить «блиско моря не в лесных местах» [336].

Излучины Оленека у устьев его притоков Верхнего и Нижнего Мяков и у Сухапы осваивались тунгусами, платившими ясак в Жиганском зимовье. На этом мы остановимся ниже.

До эпидемии 1651—1652 гг. азяны, бывшие тогда многочисленным и воинственным племенем, совершали вместе с синигирами набеги на есейских ванядыров, а также встречались русским на Анабаре. В свою очередь мангазейские стрельцы на Есее и Анабаре иногда захватывали азянов в аманаты. Но походы азяны явно совершали за пределами своей племенной территории. Как сообщает И. С. Гурвич, в настоящее время оленекские оленеводы, зимуя в лесистых долинах рек Укикита и Биректы, весной уходят в гольцы, а летом — в открытую тундру [337]. Вероятно, так же кочевали и азяны в XVII в. Зимой они стояли в лесистых долинах рек близ ясачного зимовья, а на лето уходили в лесотундры и тундры низовьев Оленека. Здесь, очевидно, проходили летняя и осенняя охота на диких оленей.

О кочевках синигиров имеются лишь очень скудные данные. Отметим, однако, что когда в 1647 г. мангазейские стрельцы Якунка Семенов и другие шли на Анабар, они, зазимовав па Хете, специально ходили за синигирским аманатом Логоном на оз. Есей. Как справедливо предполагает Гурвич, это означало, что у мангазейской администрации были сведения о том, что синигиры жили в бассейне Анабара.

В 1647—1648 гг. Я. Семенов и находившийся на Анабаре до него Василий Сычев вместе со своими отрядами и аманатом Логоном искали тунгусов в верховьях Анабара, до Ужмуна, по хребту на водоразделе Анабара и Оленека и на Попигае [338]. О том, что эти анабарские тунгусы были синигирами, подтверждается сообщениями, что в 1644 г. именно синигиры Какуева рода отбили на Анабаре у Василия Сычева аманатов и что именно они в 1646 г. пришли с Анабара на Оленек [339]. Потому синигиров и не нашли в 1647—1648 гг. Семенов и Сычев на Анабаре.

В 1653 г. мангазейский служилый человек Иван Сорокин пришел с Анабара на Оленек и захватил здесь тунгусов: восемь синигиров, одного азяна и одного лалкагира [340]. Азян этот (Ильню) и два синигира числятся в списке оленекских плательщиков ясака 1659 г. Видимо, их отпустили. Но остальные шесть синигиров и лалкагир платили затем ясак на Ессе в составе так называемых «анабарских тунгусов». В списке оленекских тунгу-

[334] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 276—277.
[335] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, л. 92.
[336] Там же, л. 103.
[337] И. С. Гурвич. Оленекские и анабарские якуты, стр. 10.
[338] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 226—227.
[339] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, л. 116.
[340] См. КПМГЯ, стр. 53—54. Род мы определяем по именам, находя их в списках 1659 г.

сов 1659 г. они числились как уведенные в 1654 (?) г. Иваном Сорокиным «на Есей озеро».

Иван Сорокин объяснял свой приход на Оленек и захват этих тунгусов тем, что «на Анабаре реке из аманатов они ушли и русских людей побивали на Исей озеро приходя» [341]. Таким образом, кочевание синигиров на Анабаре подтверждается. С другой стороны, этих тунгусов нашел Иван Сорокин на Оленеке в устье р. Некукит («уст Некуки», «на Кукич реке») вместе с азянами, на территории последних. В челобитной от 15 апреля 1654 г. два азяна и один синигир характеризовали место, откуда Иван Сорокин увел синигиров на Есей, т. е. район устьев притоков Оленека Некукит и Марчимдан («Мартеянки»), как «наши вековые жири» [342].

Видимо, все же это были «жиры» азянов, а не синигиров, если только синигиры не представляли по своему происхождению размножившийся и несколько обособившийся род азянов.

По этнографическим данным, потомками синигиров XVII в. являются якуты-оленеводы наслега Бети в бассейне Оленека, в частности рода Чинагир. В начале XVIII в. тунгус Бетильского рода Хото Когноринов и тунгус Чинигирского рода Далгуга Тебенчин жаловались, что к ним на Оленек к речке «Алыкиту» «приходят Мангазейского уезда тунгусы Дюрюмжалцы [т. е. нюрумняли] да Баягирцы по все годно» [343]. Потомки нюрумнялей и баягиров с озер Чиринда и Мурукта Илимпейского района Эвенкийского национального округа в 1935 г. говорили, что верховья Оленека, включая речки Верхнюю Томбу и Нижнюю Томбу, входят в их территорию. Эти речки впадают в Оленек выше устья Алакита. По переписи 1926/27 г., потомки синигиров — якуты Бетильского наслега в бассейнах Оленека и Анабара кочевали таким образом: в верховьях Оленека по р. Сурам, впадающей в Оленек несколько ниже р. Алакит, затем по р. Арга-сала и притокам последней, по р. Малой Конамке — одному из конфлюэнтов Анабара, особенно в районе притоков Малой Конамки рек Ужмун и Делинда, и по рекам Эбелях и Уджа, впадающим в Анабар ниже слияния Большой и Малой Конамок [344]. Учитывая все эти данные, как современные, так и XVII и начала XVIII вв., мы и определили территорию синигиров. При этом было также принято во внимание расселение в XVII в. и других, соседних синигирам племен, в частности самоедов-тавгов и тунгусов-ванядов.

Исчерпывающие списки родов оленекских тунгусов первой половины XVII в. пока не найдены.

У азянов нам известны следующие большие роды: Шаньянский (Галаниев), Умнюгин (Немнин), Газеев (Гасиев), Каратунский (Буруканов). За исключением названий Шаньянский и Каратунский, названия азянских родов образованы от имен лиц, их возглавлявших. Так, Умнюгин род первоначально возглавлял отец Умнюги Папырыкан, а затем сам Умнюга (Омнюга) и его брат Немня (Немнида). Один раз упоминается Андризин род, заплативший в 1645 г. три соболя. Вероятно, это какое-то подразделение (семья) одного из вышеупомянутых больших родов. Глава Гасиева рода Газей в 1645 г. в Якутске определил численность своего рода в 20 плательщиков ясака, Каратунского — в 25 и Шаньянского — 40 [345]. Очевидно, в Умнюгином (или Немнином) роде тоже было 25 плательщиков ясака.

---

[341] Там же, стр. 54.

[342] КПМГЯ, стр. 55.

[343] ЦГАДА, ф. 199, № 481, ч. II, стр. 263. Название чинигир вместо синигир встречается и в XVII в. (КПМГЯ, стр. 205).

[344] В 1926—1927 гг. якуты Бетильского наслега иногда ходили и к устью Анабара, а также жили на Есее и в бассейне р. Хеты, притока Хатанги. Но это результат позднейших переселений.

[345] См. КПМГЯ, стр. 19. После осны 1651—1652 гг. численность родов азянов очень сократилась (см. вышеупомянутую диссертацию И. С. Гурвича).

Газей, глава Гасиева рода, был шаман. Может быть шаманами были и главы других родов. У синигиров нам известен лишь вышеупоминавшийся Какуев род, истребленный в 1646 г. азянами Гасиева рода. Как уже было указано выше, очень возможно, что синигиры тоже представляли по своему происхождению азяпский род, только очень большой и поэтому русские служилые люди его выделяли среди других азяаских родов как самостоятельную группу.

Олепекские тунгусы все были оленеводами, хотя оленей у них было, видимо, не очень много. Главным источником их существования была охота на диких оленей, особенно в местах переправы стад диких оленей через Оленек. Неудачная осенняя охота на диких оленей обрекала все население на голод [346]. Диких оленей, как и вообще оленей на севере Сибири, называли просто «зверем». Это словоупотребление застал еще автор этих строк. Охота на переправах производилась с челноков («восток»). Нередки были несчастные случаи. В списке синигиров 1678 г. около одного имени имеется приписка: «На зверовье утонул»; около имени главы синигиров Алдыгы (Гелдыгы) списка 1659 г. приписано «В 162 году утонул» и т. д.

В списке синигиров 1659 г. имеется «Ловлыга Онкоулев холоп». Онкоуль был в 1659 г. главой азянов. У повешенного в 1653 г. Иваном Сорокиным синигирского шамана Елдиги было две жены и 20 оленей. После смерти мужа одна из жен тоже «удавилась» [347]. Азяны и синигиры до 1651—1652 гг. часто нападали на соседние племена. Ослабленные оспой 1651—1652 гг. они сами превратились в объект нападений ванядыров и баягиров Мангазейского уезда.

Олепекские тунгусы были самым северным племенем тунгусов и единственной группой тунгусов в XVII в., вышедшей к берегу Северного Ледовитого океана. В источниках XVII в. их племя называется «азян» и «озян». Правильнее, пожалуй, писать «адян», как записал это название Кастрен в 1846 г. у их потомков — норильских долган Жигано-Тунгусской управы [348].

Переходим к населению, платившему ясак в Столбовском зимовье. В 1638 г. «из нового зимовья от Столбов» служилый человек Якунка Софонов взял ясака 84 соболя. Здесь же ясак был взят и в 1639 г. с 28 чел. «Долганского роду» князца Капчана [349]. В 1640 г. «с тунгусских людей з долганов», возглавляемых князцом Капчюней (с 28 чел.), было взято «у Столбов» 104 соболя [350]. В 1641 г. «у Столбов» было взято всего 104 соболя ясака с юкагиров Яндинского рода.

Местность «Столбы» (т. е. сужение реки в скалах) находится на Лене несколько выше устья р. Мупы. Впоследствии, например в 1666—1667 гг., Столбовское зимовье находилось у самого устья р. Мупы. В 1668 г. Столбовское зимовье было ликвидировано, а его «ясачные люди» причислены к расположенному поблизости Жиганскому зимовью.

В табл. 146 показано изменение численности плательщиков ясака в Столбовском зимовье.

В 1652 г. в Столбовском зимовье платили ясак одни тунгусы, но среди приисканных вновь в 1652 г. плательщиков ясака были и якуты. В последующие годы среди плательщиков ясака Столбовского зимовья числились тунгусы и якуты.

Как олепекские азяны, так и столбовские тунгусы очень сильно пострадали от оспы 1651—1652 гг. Их родоплеменной состав после оспы показан в табл. 147.

---

[346] См. КПМГЯ, стр. 55, 120—121.
[347] См. там же, стр. 54.
[348] См. M. A. Castrens. Reiseberichte und Briefe. St. Petersburg, 1856, стр. 266—267.
[349] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, лл. 133 об., 189 об.
[350] Там же, кн. 145, лл. 147—152.

Разница в цифрах этой и предыдущей таблицы объясняется тем, что некоторые столбовские тунгусы в 1659 г. платили ясак в «Жиганах» и в устье Вилюя и поэтому в табл. 146 не включены.

Таблица 146

Численность плательщиков ясака Столбовского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	38[351]	2	11	—	36
1655	29	24	1	3	2
1656	28	25	4	3	—
1658	40	30	5	10	—
1659	45	41	7	4	—
1664	59	57	3	2	—
1665	60	56	7	4	—
1667	67	59	2	8	—
1667	69	60	12	9	—

До эпидемии 1651—1652 гг. в районе «Столбов» упоминаются тунгусы Нимчанского, Кумкогирского и Калтакулского родов.

Калтакулей в районе Жиганского и «Молодского» зимовий уже в 1641 г. объясачил Курбат Иванов.

Таблица 147

Родовой и этнический состав «ясачных людей» Столбовского зимовья

Группа	1655 г.	1656 г.	1659 г.	1660 г.
Тунгусы Нимчанского рода	3	3	4	6
» Калтакулского рода	20	21	38	48
» Кумкогирского рода	5	4	3	2
» Долганского рода	—	2	10	12
Якуты разных родов	4	3	5	7
Всего	32	33	60	75

В 1642 г. кумкогиры Умнига, Люрица и Нисинца, платившие ясак под аманата Агучака, обещали «быть вниз по Лене реке к Столбам» [352].

В одной описи дел Якутской приказной избы упоминаются «книги ясашные от Столбов... с Кумкогирсково роду» за 1643 г.[353] В 1645 г. у «Столбов» собирали ясак под аманата «Опило Немченскава роду». Род другого аманата Столбовского зимовья за этот год не указан [354]. В 1651 г. в «Столбах» были взяты в аманаты два кумкогира и один человек из Нимчанского рода [355]. В 1651 г., перед эпидемией оспы, столбовские тунгусы

[351] В том числе один человек платил 17 соболей, т. е. за четырех или за пять плательщиков ясака. Это цифра 1651 г. (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 164 г., л. 515—520; яс. кн. 165 г., лл. 441—443; яс. кн. 167 г., лл. 62—68, 125—126; яс. кн. 168 г., лл. 2—6).

[352] ЛОИИ, Якут. акты, кор. 188, 102.

[353] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 314.

[354] Там же, л. 12; КПМГЯ, стр. 95.

[355] ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, д. 79, л. 197 (по выписке И. С. Гурвича).

Нимчанского, Калтакулского и Кумкогирского родов побили 10 служилых и промышленных людей, шедших из Жиган в Якутск [356]. Уже после эпидемии, 11 июня 1653 г. в Якутск было привезено 58 соболей и четыре лисицы, которые были взяты в районе Столбовского зимовья с тунгусов Средневилюйского зимовья Шахана и других под аманата Серегу (Серякгу), находившегося в Вилюйском среднем зимовье, где из тунгусов платили ясак лишь калтакули (см. ниже) [357]. Очевидно, часть калтакулей давно ходила на север за дикими оленями. После же гибели от оспы коренных столбовских тунгусов калтакули эти и формально перешли из ведения Средневилюйского зимовья в ведение Столбовского зимовья.

Кумкогиры, платившие ясак «у Столбов» в 1641—1651 гг., погибли в эпидемию 1651—1652 гг. Все кумкогиры, платившие ясак «у Столбов» после этой эпидемии, перешли сюда от Усть-Вилюйского зимовья. Список ясачных кумкогиров Столбовского зимовья за 1656 г. и озаглавлен: «Усть-вилюйского зимовья Кумкогирского роду».

Поскольку значительная часть кумкогиров (по-видимому, основная) все время платила ясак в Усть-Вилюйском зимовье, можно предполагать, что в 1641—1651 гг. столбовские кумкогиры не были основными обитателями района «Столбов». Кумкогиры, очевидно, кочевали на правобережье Лены и только выходили на Лену к устьям Вилюя и Муны. На самой Лене кумкогиры, вероятно, не жили.

Подводя итоги сбору ясака в Усть-Вилюйском зимовье, ясачная книга Якутского уезда за 1653 г. отмечает, что три ясачных кумкогира этого зимовья «сошли» «в Нимчаны», а один человек — «в Жиганы» [358].

Таким образом, основными обитателями района Столбовского зимовья на Лене были, по всей вероятности, тунгусы Нимчанского рода. Но выше мы видели, что в 1639—1640 гг. «у Столбов» платили ясак тунгусы Долганского, а не Нимчанского рода. Поскольку название «долганы» имеет территориально-племенной характер, а название «Нимчанский» является родовым, то можно предположить, что та же самая группа тунгусов называлась в ясачных документах сначала племенным названием долганы, а затем родовым — нимчаны. Известно, что единственным уцелевшим от оспы 1651—1652 гг. у «Столбов» был столбовской тунгус Нимчанского рода «Ненючи и Нечени он же» [359]. В списке столбовских долган 1640 г. имеется Начаня [360]. Есть в списке столбовских долган 1640 г. и имя отца нимчанского аманата Онило Кегонина (Кугуня). Любопытно, что в списке столбовских долган 1640 г. упоминается некто Нимчан. Не он ли дал имя всему этому роду.

Таким образом получается, что по Лене, в районе «Столбов» и устья Муны, жил Нимчанский род, вероятно родственный усть-вилюйским долганам.

Перед оспой в 1651—1652 гг. в Столбовском зимовье было 38 плательщиков ясака, из которых один платил 17 соболей, а остальные 37—178 соболей и 10 лисиц, т. е. в среднем по пять соболей с человека. Можно считать, что 17 соболей платилось за четырех человек, а всего, следовательно, в Столбовском ясачном зимовье платил ясак 41 чел. В 1640 г. «долган», т. е. тунгусов Нимчанского рода, было 28 чел. Можно предположить, следовательно, что «у Столбов» платило ясак 13 кумкогиров. Можно считать, что вместе с аманатами у нимчан к приходу русских было около 30 мужчин (всего 120 чел. населения), а у столбовских кумкогиров — 15 мужчин

---

[356] ЦГАДА, ф. 214, кн. 307, л. 677. С ними были также тунгусы Усть-Камнунского зимовья (см. ниже) и «якуты Турмасы с родниками и товарищи».
[357] Там же, лл. 637, 638.
[358] Там же, лл. 641—651.
[359] Там же, л. 680.
[360] Там же, ф. 214, кн. 145,лл. 146—151.

(всего 60 чел. населения). После оспы остался сначала один ясачный нимчанин, а потом было найдено еще два. Стало три ясачных нимчанина и один был в аманатах, т. е. всего было около 15 чел. населения. К концу XVII в. ясачных нимчан было наверное пять (всего 20 чел. населения). Столбовские кумкогиры все умерли от оспы. О калтакулях, долганах и кумкогирах, плативших ясак «у Столбов» после оспы 1651—1652 гг. смотри в описании населения, платившего ясак в Усть-Вилюйском и Средневилюйском зимовьях.

О расселении нимчан известно, что они обитали на Лене в районе «Столбов» и у устья Муны. Известно также, что столбовские тунгусы промышляли и по самой Муне [361]. Поскольку к востоку от Лены, в районе «Столбов», кочевали кумкогиры и юкагиры, то территория нимчан, очевидно, простиралась больше к западу и северу-западу от ясачного зимовья до границы с оленекскими адянами.

Потомками столбовских тунгусов Нимчанского рода являются якуты-оленеводы рода Нымчал в Хатыгинских наслегах б. Жиганского улуса. В 1924 г. в роде Нымчал было всего 36 чел. Этот род считался тунгусским по происхождению.

Жиганское зимовье в XVII в. иногда находилось ниже современного сел. Жиганска — «на Красном песку». Видимо, этот «Красный песок» соответствует населенному пункту Красное («Кысыл»), который на старых картах помещался на Лене несколько выше «Столбов». Современный Жиганск находится, вероятно, на «Тобольском песку». Свое название Жиганск получил от тунгусов-ижиганов (т. е. эдигэн'ов), живших в этом районе [362]. Само слово «эдигэн», или «эджигэн», значит «житель низовья».

Первый ясак «с тунгусково князца с Каптогая Ижиганской волости» в размере 27 соболей был взят 4 августа 1632 г., т. е. уже в год основания Якутска, енисейскими служилыми людьми из отряда Петра Бекетова [363]. По-видимому, это были казаки Алешка Архипов и Лучка Яковлев, которые в том же году основали Жиганское ясачное зимовье.

Этими же казаками в 1632 г. «на реке на Лене... с тунгусково князца с новой земли с ыжиганов с Чедыя Онкочанова» (с 72 чел.) было взято 216 соболей, по три соболя с человека [364]. Если считать, что у вышеупомянутого «Ижиганской волости» тунгусского князца Каптогая заплатившего 27 соболей, было девять человек, то всего в 1632 г. ясачных жиганских тунгусов был 81 чел.

В 1633 г. в «Жиганах» собирал ясак мангазейский служилый человек Надежа Сидоров, выплывший на Лену из устья Вилюя [365].

В 1635 г. «с низу Лены реки в Ыжиганском зимовье» десятник Андрей Иванов из отряда Ивана Галкина «с ыжиганских тунгусов со князца Чавея з детьми и с улусными людьми» взял 227 соболей ясака [366], т. е., очевидно, с 76 чел.

В 1639 г. «Ижиганской земли ясачного зимовья» ясачный сборщик Онуфрий Котлов собрал ясак с двух групп «с жиганов с тынгусов». В одной, которую возглавлял князец Чадай, было 43 чел., в другой, которую возглавлял князец Каптагай, было 37 чел. Со всех этих тунгусов было взято 235 соболей» [367].

---

[361] См. КПМГЯ, стр. 122.

[362] «А от устья Вилюя реки на низ же Леною рекою до Изиганские землицы ходу с неделю и болши, а живут в той Изиганской землице тунгусов человек со сто» (РИБ, II, 1875, стр. 969—970).

[363] ЦГАДА, ф. 214, кн. 40, л. 125.

[364] Там же, л. 134 об.

[365] См. Якутия в XVII веке, стр. 20.

[366] ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 67 об.

[367] Там же, кн. 150, лл. 183 об.— 186.

В 1640 г. служилый человек Дунай Стефанов собрал с 79 «жиганских тунгусских людей» 237 соболей.

Таким образом, к приходу русских, в 30—40-х годах XVII в., ясачных жиганских тунгусов было около 80 чел. (всего 320 чел. населения).

В табл. 148 приведены данные о дальнейшем изменении числа плательщиков ясака Жиганского зимовья. При этом надо учитывать, что, кроме тунгусов, в «Жиганах» с 1639 г. было некоторое количество ясачных якутов (в 1640 г.— 32, а в 1652 г.— вероятно, 52).

Большое количество «новиков» в некоторые годы объясняется главным образом притоком «подгородных» якутов. Район Жиганска был основной лабораторией, в которой происходило формирование новой этнографической группы якутского народа — якутов-оленеводов. Отсюда шло их распространение на север и особенно на северо-запад. Этим и объясняется большое количество «сошлых» или «несыскных» «ясачных людей» в Жиганском зимовье. Зато в 1698—1700 гг. 12—16 ясачных якутов появилось даже на р. Хете в Мангазейском уезде.

Таблица 148

Численность плательщиков ясака Жиганского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	132	114	21	4	26[368]	1687	286	220	3	58	6
1655	103	97	48	3	3 (?)	1688	280	196	—	66	11
1656	145	126	7	19	—	1691	284	209	15	75	3
1659	159	132	13	19	8 (?)	1692	300	180	7	119	3
1662	170	152	3	17	1	1693	306	171	7	92	43[369]
1664	204	187	3	17	—	1694	270	185	4	74	11
1665	204	183	3	18	3	1695	263	180	12	82	2
1667	204	197	1	7	—	1697	276	166	2	108	2
1669	292[370]	241	17	30	21 (?)	1700	287	167	10	120	—
1672	302	285	13	27	4	1701	297	176	4	123	—
1673	311	284	23	22	5	1702	303	173	?	130	—
1678	333	248	9	67	16	1705	315	173	1	142	—
1679	327	247	12	80	—	1706	316	167	13	149	—
1681	346	251	13	80	15	1708	336	187	3	149	—
1682	343	242	5	102	2	1710	339	185	154[371]	154	—
1685	359	217	9	63	78	1712	339	186	128[371]	72	—
1686	287	232	3	49	5						

По Жиганскому зимовью данные об этническом и родоплеменном составе плательщиков ясака имеются лишь за 1659 г.[372] Тогда было 10 ясачных «тунгусов Жиганского зимовья», 130 якутов и 20 новиков, из которых, судя по именам, двое были тунгусы, а остальные якуты. Следовательно, получается 12 ясачных тунгусов (всего 50 чел. тунгусского населения) и 148 ясачных якутов (всего 600 чел. якутского населения). Кроме того, в 1659 г. в Жиганске платило ясак восемь тунгусов, приписанных к другим зимовьям: три — столбовских нимчана, два усть-вилюй-

[368] От оспы, из них 11 умерло после уплаты ясака.
[369] От эпидемии оспы.
[370] Присоединены столбовские «ясачные люди».
[371] «Подгородные» якуты.
[372] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 167 г., лл. 131—150.

ских кумкогира, два усть-вилюйских долгана и некий «Омолой и Рекжи он же». Этот Омолой в 1658 г. платил ясак на Оленеке, в 1659 г.— в Жиганске, а в 1660 г. опять на Оленеке, где и умер. Весьма вероятно, что это тот юкагир, по имени которого названа Омолоева река.

Таким образом, уже к 60-м годам XVII в. преобладающим элементом в населении низовьев Лены стали якуты. Из якутов, плативших ясак в Жиганске в 1659 г., 26 было, видимо, местных, жиганских, 17 — алданских, 24 — вилюйских, 17 — «Бетунского роду» и т. д.

В 1678 г. ясачных жиганских тунгусов было 20 чел. (всего 80 чел. населения). Уменьшение численности жиганских тунгусов произошло не только в результате оспы 1651—1652 гг., но и вследствие нападений оленекских тунгусов — синигиров (чинигиров), азянов (очанов) и есейских ванядыров. Жиганский амапат Ловлон Умтерин уже в 1640 г. жаловался на то, что синигиры, азяны и ванядыри побили 25 «лучших» жиганских тунгусов [373].

Можно считать, что к концу XVII в. ясачных жиганских тунгусов было около 25 чел. (всего 100 чел. населения).

О территории жиганских тунгусов данных очень мало. Но есть основания предполагать, что она не только включала пространство по Лене от Жиганска до Красного, но и простиралась далеко на северо-восток, на среднее течение р. Оленека. Уже вышеупоминавшийся аманат Ловлон Умтерин в 1640 г. указывал, что побили его сородичей азяны и синигиры «весною на зверином промыслу», т. е., вероятно, во время охоты на диких оленей по р. Оленеку.

В 1668 г. атаман С. И. Дежнев, будучи тогда ясачным сборщиком на Оленеке, послал в «Мег» (т. е. на реки Верхний и Нижний Мяк, правые притоки Оленека в его среднем течении) двух служилых людей. Они ходили пешком туда и обратно десять недель и сообщили, что ясак там взял «в Жиганы» атаман Артемий Петриловский [374]. В 1677 г. из Жиганска был послан казак Ганка Александров «на Оленек реку к Пирикте и к Мартемьянке [т. е. к Биректе и Марчымдан современных карт] рекам для ясачных якутов... с ясаком в Жиганское зимовье» [375]. Следовательно, жиганские якуты промышляли на Оленеке выше Оленекского ясачного зимовья, вероятно там же, где промышляли до них жиганские тунгусы. В 1681 г. сын боярский Захар Шикеев сообщил в Якутск, что «платят ясак якуты с великою нужею, иные якуты, с Оленека сошли в Среднее в Вилюйское зимовье, а иные на Анабору реку, а иные в Жиганы на Красное пришли, а иные безвестно сошли» [376]. Возможно, жиганские тунгусы осваивали на Оленеке пространство между синигирами и азянами, в частности район Верхнего и Нижнего Мяков. Промышляли ясачные люди Жиганского зимовья также и по самой Лене по обоим ее берегам [377].

По-видимому, «ижиганы» состояли из двух родов. Потомками их являлись якуты рода Эджигэн в Хатыгинских наслегах Жиганского улуса.

Вопрос о том, жили ли якуты в низовьях Лены (в районе Жиганска и «Столбов») до прихода русских, до сих пор окончательно не решен. Мы склоняемся к положительному решению этого вопроса. Характерно, что якуты низовьев Лены в наших источниках на первых порах называются лишь «жиганскими якутами». Если бы они при русских переселились из центральной Якутии, то их называли бы по названиям их прежних волостей.

---

[373] См. КПМГЯ, стр. 204—205.
[374] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 157.
[375] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 56, л. 55.
[376] КПМГЯ, стр. 120—121.
[377] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, л. 44.

Поэтому мы имеем основание предполагать, что эта группа якутов в низовьях Лены сформировалась до прихода русских и стала известна последним лишь под ее местным, территориальным названием. Самые ранние известные нам сведения об якутах в низовьях Лены относятся к 1638—1639 гг., когда с девяти «жиганской земли якутов» было взято 24 соболя [378]. В этом же году было взято «на усть Молоды реки» с 23 «якуцких людей 46 соболей [379]. Всего, следовательно, в 1638—1639 гг. в низовьях Лены был взят ясак с 32 якутов в количестве 70 соболей. В 1639—1640 гг. тоже было взято с 32 «жиганских якутов» 70 соболей [380]. В более ранних данных о сборе ясака в «Ижиганах» якуты не упоминаются. В 1638—1639 гг. якутов в устье Молоды, или, что почти тоже самое, у Сиктаха, возглавляли некий Шапка. Но он ли вошел в эпос северных якутов под именем Саппа-хосуна? А. П. Окладников записал в 1943 г. имя этого хосуна совсем похоже на имя Шапка — Сапкы-хосун. Правда, в записи Окладникова Сапкы-хосун не кузнец, каким рисует эпос Саппа-хосуна, и по происхождению не якут, а индигирский юкагир [381].

В середине XVII в. нижнеленские якуты жили, вероятно, тремя основными группами: одна в районе устье Молоды-Сиктах, другая — в районе устье Муны — «Столбы» — Красное, третья — в районе Жиганск — оз. Конор (это озеро находится в 70 *км* к западу от Жиганска). Платили ясак эти якуты в Жиганск и «Столбы». В конце XVII в., особенно после ликвидации Столбовского зимовья, они платили ясак и на Оленеке. К 1660 г. ясачных жиганских якутов разного происхождения было около 150 чел. (всего 600 чел. населения), в 1678 г.— примерно 900 чел. в 1691 г. несколько меньше — около 200 чел. (всего 800 чел. населения), а к концу XVII в.— до 325 чел. (всего 1300 чел. населения). Потомками этих якутов, и присоединившихся к ним новых переселенцев являются, видимо, многочисленные якуты-оленеводы б. Жиганского улуса, некоторые другие группы северных якутов-оленеводов в бассейнах Оленека и Хатанги и часть современных долган.

Переходим к «ясачным людям» Усть-Вилюйского зимовья.

Это зимовье было основано в 1636 г. служилым человеком Богданом Булдаковым из отряда Воина Шахова «в паволоке», не доходя двух дней до устья Вилюя [382]. В дальнейшем оно находилось в самом устье Вилюя [383]. В начале XVIII в., а может быть и раньше, Усть-Вилюйское зимовье (оно же Вилюйское нижнее) фактически располагалось на левом берегу р. Лунгхи близ ее устья. По всей вероятности, самый первый ясак с будущих усть-вилюйских тунгусов с «низу Лены реки з долганских тунгусов со князца Дыгинчи» в количестве 18 соболей взяли в 1631—1632 гг. казаки Ивана Галкина.

В 1632 г. 20 соболей с усть-вилюйских «долган князца Дыканзи Болуцева и с его улусных людей» взяли люди Петра Бекетова [384].

В 1633 г. мангазейский служилый человек Степан Корытов, выплыв из устья Вилюя, поднялся вверх по Лене и у устья Алдана взял в аманаты того же долганского князца Дыгинчу и его сына [385].

28 мая 1636 г. было взято 180 соболей с долганов князца Дыгинчи под его сына Мемляню уже людьми Воина Шахова. В последнем случае дол-

---

[378] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 186 об.
[379] Там же, л. 193.
[380] Там же, кн. 145, лл. 154—164.
[381] См. А. П. Окладников. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XI, стр. 102.
[382] См. Якутия в XVII веке, стр. 22.
[383] См. ДАИ, т. VI, стр. 405.
[384] ЦГАДА, ф. 214, кн. 40, л. 134 об.; кн. 71, л. 66.
[385] См. Якутия в XVII веке, стр. 20; ААН, ф. 21, оп. 4, № 67, лл. 171—174.

ганы названы якутами, но в дальнейшем они всегда считаются тунгусами. Долган этих служилые люди отряда Воина Шахова нашли «на Лене реке против нижнего вилюйского устья на рыбной ловле». Вместе с Мемнелей (или Мемляней), который был взят в аманаты, здесь было «людей ево человек с 30... а живут де те люди долганы юртами от вилюйского устья на другой стороне Лены реки вверх по Лене реке нартным ходом три днища. А сколько де их всех долганов про то они не ведают»[386]. В конце 1636 г. Воин Шахов на Лене в районе устья Вилюя объясачил также тунгусов-кумкогиров и взял в аманаты сына князца Юнуги Дандылчу[387]. До нас дошли «книги... ясашного збору соболиного во 145 году декабря в 26 день новоприискной землицы усть Вилюя на Лене реке». В этих «книгах» имеются списки плательщиков ясака рода Долганы, который возглавлял «долган князец Дыгинча», рода Кумкагири во главе с Юнугой. Далее отмечен «род Кумгун [?] князец Дюк дал ясак с родом своим 60 соболей», а заключается этот документ небольшим списком, который озаглавлен: «Род пешие якуты»[388]. Возглавлял этих пеших якутов князец Дыран. «Род Кумгуи» (может бытрь, «Кугуи») — это, видимо, Кокуйский, или Кукуйский, род пеших якутов района устья Вилюя. В 1656 г. «у Столбов» платил ясак усть-вилюйский якут Кокуйской волости Дуюк (ср. выше Дюк) с сыновьями Туруей и Курги. В 1657 г. Дуюк с сыновьями вернулся к устью Вилюя. Вероятно, Дюк 1636 г. и Дуюк 1656 г.— одно и то же лицо, а кумгуи (кугуи) 1636 г. и кокуи позднейших лет, например 1640 г.,— одна и та же группа якутов. Что касается пеших якутов князца Дырана, то это несомненно Осекуйский род пеших якутов. Ряд имен пеших якутов Дырана 1636 г. совпадает с именами осекуев 1640 г.

Таким образом, в данных 1636 г. мы находим все четыре основные группы населения, платившего ясак в Усть-Вилюйском зимовье,— тунгусов долган и кумкогиров и пеших якутов кокуев и осекуев. Численности усть-вилюйских тунгусов и якутов за 1636 г. мы не приводим, так как концы страниц ясачной книги 1636 г. отгнили и поэтому полных списков плательщиков ясака не сохранилось. В списке долган содержится 16 имен, в списке кумкогиров — 14, в списке пеших якутов (осекуев) — шесть. Списка кокуев в этом документе совсем нет, упомянут один Дюк (см. выше).

На 1640 г. в ясачной книге того же Воина Шахова есть список 21 долгана во главе с Дыгинчей, плативших 63 соболя, список 20 осекуев во главе с Арчиканом, уплативших 58 соболей и две лисицы, список 30 кумкогиров во главе с Юнугой, уплативших 89 соболей, и список 15 кокуев во главе с Корюком, уплативших 35 соболей и 10 лисиц[389]. Так установился основной состав плательщиков ясака в Усть-Вилюйском ясачном зимовье[390].

---

[386] ЦГАДА, ф. 214, ст. 52, лл. 213, 243—244.
[387] Там же, ст. 56, лл. 388—406.
[388] Там же, кн. 150, лл. 1338—1340.
[389] Там же, кн. 145, лл. 188—194.
[390] В копии «Росписи 149 г. зимовьям и родам» Вилюя Воина Шахова, любезно предоставленной нам С. А. Токаревым (ЛОИИ, Як. акты, кор. 188, 102, лл. 48—52), фигурируют «тунгусы роду Купы, князец Дюк» и наряду с ними «якуты пешие роду Кокуй князец Корян». По-видимому, эта роспись (1641 г.) представляет механическое объединение двух более ранних документов, а именно книги 1636 г. и книги 1640 г. В результате один и тот же род оказался под двумя названиями. В росписи 1641 г. имеется и ряд других несообразностей. Поэтому мы ее данные не берем за основу в нашем изложении. Что же касается названия «Купы», совпадающего с названием якутского Купского рода, в дальнейшем частично отунгусившегося, то в XVII в. этот род отмечается лишь на Алдане. Появление его в списке вилюйских родов — вероятно, результат описки.

До 1645 г. в Усть-Вилюйском зимовье иногда бывали аманаты и некоторых других родов, например калтакулей, плативших ясак в Средневилюйском зимовье. Впоследствии в районе Усть-Вилюйского зимовья появились и выходцы из волостей центральной Якутии. Как и в других зимовьях, многие из этих «подгородных» якутов только в начале XVIII в. стали официально платить ясак по месту своего нового жительства. В табл. 149 приведены данные об изменении числа плательщиков ясака в Усть-Вилюйском зимовье.

Таблица 149

Численность плательщиков ясака Усть-Вилюйского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	73	51	10	9	13[391]	1687	127	77	—	40	6
1655	80	69	5	11	—	1688	121	89	—	30	2
1656	85	77	14	8	—	1691	126	102	10	24	—
1658	99	85	7	14 (?)	—	1692	137	110	—	25	2
1662	124	104	10	10 (?)	—	1693	135	93	1	30	15
1664	123	107	5	10 (?)	6	1694	124	94	—	29	1
1665	121	105	5	16 (?)	—	1695	123	92	4	31	—
1667	120	92	3	27 (?)	1 (?)	1697	127	81	3	47	1
1672	121	93	3	19	5	1700	138	89	1	49	—
1673	119	86	6	24	9 (?)	1701	139	92	2	49	—
1678	136	99	6	31	5	1702	141	92	—	49	—
1679	138	100	1	38 (?)	—	1705	145	92	3	53	—
1681	139	94	6	39	6	1706	148	94	2	54	—
1682	144	103	6	35	4	1708	151	91	—	60	—
1685	141	78	6	58	5	1710	152	90	168[392]	62	—
1686	144	85	1	39	20	1712	152	80	97[393]	72	—

Как и в других зимовьях Якутского уезда, население, плативее ясак в Вилюйском нижнем зимовье, пострадало от оспы в 1651—1652 и в 1692—1693 гг. Какие-то, не совсем ясные причины сократили население также в 1683—1684 гг. Но в общем население, приписанное к Усть-Вилюйскому зимовью, в течение XVII в. все же возрастало в численности.

В табл. 150 приведены данные об этнографическом составе населения, тяготевшего к устью Вилюя.

Тунгусы, плативше ясак в Вилюйское нижнее зимовье, так же как оленекские, столбовские и жиганские тунгусы, очень пострадали от оспы в 1651—1652 гг. и от них уцелели очень немногие. В общем можно считать, что к 60-м годам XVII в. ясачных долган с аманатами осталось 13 чел. (всего 50 чел. населения), а ясачных кумкогиров — 10 чел. (всего 40 чел. населения). Можно считать, что к концу XVII в. ясачных долган вместе с аманатом было пять человек (всего 20 чел. населения), а ясачных кумкогиров — три человека (всего 10 чел. населения). При этом все указанные долганы и кумкогиры платили ясак уже на Оленеке. Именно из них образовалась в дальнейшем волость «есейских долган», ядро современного долганского народа, живущего в Таймырском национальном округе.

---

[391] От эпидемии оспы.
[392] В том числе 160 «подгородных».
[393] В том числе 94 «подгородных».

Таблица 150

Родовой состав плательщиков ясака Усть-Вилюйского зимовья[394]

Группа	Число плательщиков ясака					
	1655 г.	1656 г.	1659 г.	1660 г.	1673 г.	1682 г.
Долганский род	14 (?)	6[395]	12[395]	12[395]	5	4[396]
Кумкогирский род		8[395]	7[395]	8[395]	3	2[396]
Тунгусы ламутские	—	—	—	—	4	10
Кокуйский род	28	20	33	46	72	78
Осекуев род	26	23	21	25	—	3
Род Тантарбанских якутов	29	22	23	27	23	17
Род Гилянских якутов	1	12			17	16
Итого местных родов	98	91	96	117	124	130
Якуты тагусские	1	12	4	15	2	21
» бетунские	3	1	4	4	9	13
» атамайские	1	2	4	2	—	—
» батулинские	—	—	3	—	8	—
» борогонские	—	—	—	—	12	4
» буяназейские	—	—	—	—	7	17
» чачуйские	—	—	—	—	16	24
» мегинские	—	—	—	—	10	1
» кычанские (онтулы)	—	—	—	7	—	—
» прочие	—	—	—	1	8	6
Итого пришлых	5	15	12	29	72	86
Всего	103	106	108	146	196	216

Для определения численности усть-вилюйских тунгусов к приходу русских возьмем данные 1640 г. (см. выше). Ясачных долган тогда был 21 чел. Вместе с двумя аманатами их было 23 чел. (всего 90 чел. населения). Ясачных кумкогиров в 1640 г. было 30 чел. У «Столбов», как мы уже знаем, в 1640 г. ясачных кумкогиров было 15 чел. Таким образом, всего ясачных кумкогиров было около 45 чел. (всего 180 чел. населения). «Ламутских» тунгусов, плативших ясак в Усть-Вилюйском зимовье, в последней четверти XVII в., мы коснемся ниже, при рассмотрении населения, платившего ясак в Усть-Камнунское зимовье, находившееся в ведении Бутальского острожка.

У усть-вилюйских якутов главными родовыми группами были уже упоминавшиеся выше кокуи и осекуи. К началу 70-х годов XVII в. осекуи были поглощены кокуями и поэтому, очевидно, название осекуи в позднейших перечнях якутских наслегов не встречается. Но, кроме кокуев и осекуев, имеется еще два родовых названия усть-вилюйских якутов, а именно роды Тантарбанский (Тамтарвайский, Тамтарбанской, Тантабар-

[394] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 163 г., лл. 13—27; яс. кн. 164 г., лл. 307—311; яс. кн. 167 г., лл. 109—124; яс. кн. 168 г., лл. 8—16; яс. кн. 181 г., лл. 20—54; яс. кн. 190 г., лл. 205—238.

[395] В значительной части платили ясак у «Столбов» (см. выше).

[396] Платили ясак на Оленеке как «Долгацкий род» (см. выше).

ской, Тантакирской, Тантарской, Тантайской, Тартанской) и Гилянский (Гилядцкой, Гилятцкой, Гиляцкой, Гиляской, Игилянский). Гилянский род, правильно, вероятно, Хыланский или Сыланский, представлял, по предложению С. И. Николаева, специально исследовавшего этот вопрос на месте в 1954 г., ответвление Кокуйского рода, жившее около оз. Сылан в районе нижнего течения р. Лунгхи. Название Сылан, произносимое как Хылан, было записано русскими служилыми людьми как Гилян, а последнее могло произноситься якутами лишь как Игилен. Данные табл. 150 ясно показывают, что в 1655 г. Гилянский род еще почти целиком числился в составе Кокуйского рода и только в 1656 г. был выделен из него.

Такого же порядка вопрос о том, что собою представлял Тамтарбанский род. Этот род часто смешивался в списках с Гилянским и в его состав включалась группа каких-то объякученных (у них у всех якутские имена) тунгусов. В 1655 г. в списке этих тунгусов было 12 имен; в 1656 г. они даны в одном списке «тантарбанских якутов» вместе с «тантарскими» якутами списка 1655 г.; в 1659 г. эти тунгусы опять даны отдельным списком (шесть имен), в 1660 г.— тоже отдельным списком (семь имен). В 1673 и 1682 гг. эти тунгусы отдельно не показаны.

С. И. Николаевым летом 1954 г. было установлено, что в низовьях р. Лунгхи имеется большое оз. Тамтарбан. Таким образом, название «тамтарбанские якуты» объясняется вполне удовлетворительно [397]. Это тоже несомненно территориальное название части кокуев по названию озера, на котором они жили. Здесь же жила группа объякученных тунгусов, вероятно долган — коренных жителей этого района, постепенно сливавшаяся с якутами. Имеются и другие доказательства того, что все эти группы жили бок о бок на одной территории. В 1660 г., например, якут Осекуйской волости Тогокта жаловался на якута «Гилятцкие волости» Каная за то, что когда они, осекуи, ходили в лес для промысла, этот Канай приходил в юрту Тогокты и унес «наковальню железную кузнешную украдом» [398].

Исходя из вышеприведенных цифр, можно считать, что к приходу русских ясачных осекуев было 25 чел. (всего 100 чел. населения), ясачных кокуев — 35 чел. (всего 140 чел. населения), ясачных «тамтарбанцев» — 23 чел. (всего 90 чел. населения) и ясачных «гилянцев» — 12 чел. (всего 50 чел. населения).

В табл. 151 приведены сводные данные об изменении числа плательщиков ясака и всего населения Усть-Вилюйского зимовья в XVII в.

Расселение долган к приходу русских нам хорошо известно. Они летом рыбачили на правом берегу Лены против устья Вилюя, юрты их стояли на том же берегу в трех днях пути вверх по реке. Встречались долганы также у устья Алдана (см. выше) и в низовьях р. Ситы, впадающей в Лену слева, по соседству с якутами буянаейцами [399], т. е. примерно против того места, где должны были, судя по вышеприведенным данным, находиться их юрты. Сложнее обстоит дело с выявлением территории кумкогиров. О них известно только то, что они одновременно платили ясак и в устье Вилюя и у «Столбов». Выше мы указывали, что по делу об убийстве ясачных сборщиков в Столбовском и Усть-Камнунском зимовьях были пойманы по дороге из Жиганска в Якутск два кумкогира. Можно утверждать, что кумкогиры не жили на левобережье Лены в бассейне Вилюя. На правобережье же Лены, к юго-востоку от устья Муны и к северо-востоку

---

[397] Надо иметь в виду, что, по сведениям С. Н. Николаева, озера Большой Тамтарбан и Малый Тамтарбан находятся к северу от Вилюя, на территории, осваивавшейся в XVII в. тунгусами-калтакулями и якутами Средневилюйского зимовья. Очевидно, Тамтарбан было довольно распространенным тунгусским названием озер.

[398] ЦГАДА. ф. 1177, ст. 217, л. 15.

[399] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 31, л. 112.

от устья Вилюя, главным образом по верхнему течению левого притока Яны р. Бытантай, на нашей карте остается значительное пространство, на котором нет оснований поместить какую-либо иную этнографическую группу, кроме кумкогиров.

Таблица 151

Численность усть-вилюйских якутов по родам

Роды	К приходу русских, 1640-е годы		1670-е годы		К концу XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Кокуйский	35	140	70	280	80	320
Осекуйский	25	100				
Тамтарбанский	23[400]	90[401]	23[402]	90[403]	17	70
Гилянский	12	50	17	70	16	60
Пришлые якуты	—	—	70	280	85	340
Всего	95	380	180	720	198	790

Мы не можем считать потомками наших кумкогиров «Кункугурские», или «Кунгурские», роды ламутов, в XVIII в. платившие ясак в Зашиверский острог, а в XIX в. кочевавшие в Эльгетском улусе (т. е. в бассейне Индигирки) в пределах Верхоянского округа. Как известно, наши кумкогиры почти целиком вымерли от оспы в 1651—1652 гг., а остатки их во второй половине XVII в. вместе с остатками долган ушли на Оленек и в XVIII в. платили ясак в «Есейском» зимовье на Хатанге. «Кункугурские» («Кунгурские») роды зашиверских ламутов следует считать потомками Кукугирского рода, платившего ясак в XVII в. в Охотском остроге и Зашиверском острожке.

Местожительство якутов Кокуйского рода в XVII в. мы определили по местонахождению современного Кокуйского наслега б. Средневилюйского улуса. Ко времени основания Усть-вилюйского зимовья кокуи и осекуи жили «подле Лены реки на Вилюйской стороне ниже вилюйского устья в трех днищах» [404]. Мы предполагаем, что ниже устья Вилюя жили главным образом осекуи и показываем их там, а выше устья Вилюя показываем собственно кокуев. Что касается «тамтарбанцев» и «гилянцев», то их мы показываем к юго-западу от кокуев, «тамтарбанцев» — около оз. Тамтарбан, и «гилянцев» — около оз. Сылан (Хылан). Тамтарбанских тунгусов, как группу, вероятно, вполне объякученную, мы особо не выделяем. Существование их, однако, очень показательно для уяснения тех процессов ассимиляции, которые происходили в зоне постоянного контакта якутов и тунгусов.

Кумкогиры состояли, видимо, из двух родов. Больший из них платил ясак в устье Вилюя, а меньший — у Столбов. Долганы все представляли, видимо, одну родовую группу. Название кумкогиры было, по всей вероят-

[400] В том числе 12 тунгусов.
[401] В том числе 50 тунгусов.
[402] В том числе семь тунгусов.
[403] В том числе 30 тунгусов.
[404] Якутия в XVII веке, стр. 23.

ности, прозвищем этой группы, данным ей соседями и означавшим нечто вроде «вшивый род» (от кумко — вошь по-эвенкийски). Может быть, по своему происхождению кумкогиры представляли отунгушенных юкагиров. Название «долган» — территориальное, означающее примерно «средний» («срединный»), «внутренний» по отношению к каким-либо «нижним» или «верхним» по течению обитателям берегов реки, в данном случае Лены [405]. «Нижними» жителями в данном случае были известные нам обитатели района Жиганска эдигэны («ижиганы»). Не совсем ясно, кого в данном случае считали «верхними». Может быть, впрочем, что долган считали «средними», прибрежными жителями по отношению к кочевавшим главным образом в стороне от Лены кумкогирам и калтакулям. Якутские группы кокуи и осекуи представляли, видимо, роды, а «тамтарбанцы» и «игилянцы» — какие-то территориальные группы. Некоторая часть усть-вилюйских якутов (часть «тамтарбанцев», возможно осекуи и даже часть кокуев) представляла вероятно, объякученных тунгусов родственных кумкогирам и долганам.

Кокуи и осекуи в наших источниках называются «пешими якутами». Так же иногда называются «тамтарбанцы». В отношении «игилянцев» в известных нам документах это название не употреблялось, но вряд ли следует сомневаться в том, что они были «пешими». У этих «пеших» якутов не только не было лошадей, но не было, по-видимому, и крупного рогатого скота. Средства к существованию давали им только рыболовство, охота, и добыча сосновой заболони.

Данных о хозяйстве кумкогиров и долган нет. Но вряд ли приходится сомневаться в том, что кумкогиры были, как и соседние им юкагиры, охотниками и оленеводами. Долганы были рыболовами и охотниками. Вопрос о наличии оленей у долган к приходу русских остается открытым, но, по всей вероятности, как и у родственных им нимчан, олени у них, хотя бы в небольшом количестве, все же были. Как известно, долганы в XVII в. жили (очевидно, зимой) в юртах, а не в чумах. Возможно, что их быт уже тогда приближался к якутскому, как это отмечается и у их потомков. Однако говорили долганы, как и кумкогиры, в XVII в. по-тунгусски — многие их имена имеют хорошо выраженный тунгусский характер.

Средневилюйское зимовье в XVII в. находилось в устье р. Танары, т. е. несколько (примерно на 35 *км*) ниже по Вилюю по сравнению с современным сел. Средневилюйск (Хампа). Поэтому оно иногда называлось Танарейским. Этому Танарейскому зимовью предшествовало зимовье «у Красного яра», основанное Воином Шаховым в 1635 г. и возобновленное, после сожжения его тунгусами, в 1636 г. под названием «Вакутского зимовья». По данным С. И. Николаева, это зимовье находилось у урочища Кысыл Сыыр в 12 *км* от пристани Лонгхолоох близ современного сел. Средневилюйск. Сам Воин Шахов сообщал, что зимовье у Красного яра основано «в пяти днищах понизового ходу» от Лены [406].

В Средневилюйском ясачном зимовье тоже платили ясак тунгусы и якуты. Из тунгусов здесь платил ясак только один род — Калтакульский, но средневилюйские якуты представляли главную массу якутского населения Вилюя и состояли из ряда родов — Тагусского, Кыргыдайского, Кирикийского, Онтулского (Кычанского), Лучинского, Олесского и Оргутского (Урготского, Эргитского и т. д.). При этом часть тагусов, оргутов и олесы, жившие у оз. Токсома, платили ясак непосредственно в Якутский острог. Кроме этих родов, в районе Средневилюйского зимовья жила еще

[405] Интересные данные по этому вопросу сообщает Н. А. Липская в своем «Кратком предварительном отчете о командировке для этнографического изучения нанаев (гольдов)» («Советская этнография», вып. III, 1940, стр. 251).

[406] См. Якутия в XVII веке, стр. 22.

группа якутов «соболников», т. е. плативших ясак соболями. Эти якуты в источниках фигурируют иногда в качестве «Собо[л]ницкой» волости. По-видимому, это часть одного из вышеперечисленных родов якутов района Средневилюйского зимовья, а именно лучинцев.

В конце 1639 г. Воин Шахов собрал ясак с 28 калтакулей (всего 87 соболей), а также с якутов — с 53 тагусов (153 соболя), пяти кирикисов (15 соболей), шести онтулов (20 соболей) и, кроме того, еще с 18 «пеших якутов» без указания их рода (62 соболя) [407]. Последний список без указания рода может представлять или кыргыдаев, или лучинцев, или оргутов, вероятнее же первых. Изменение количества плательщиков ясака Средневилюйского зимовья в дальнейшем показано в табл. 152.

Таблица 152

Численность плательщиков ясака Средневилюйского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	179	102	49	48	28[408]	1686	412	318	2	91	1
1655	194	146	44	45	3 (?)	1687	419	316	3	91	6
1656	234	204	69	30 (?)	—	1688	438	358	4	89	8
1658	316	283	66	27 (?)	6	1691	487	418	6	64	6
1662	447	431	26	16 (?)	—	1692	494	406	3	81	6
1664	475	418	20	36 (?)	19	1693	491	415	5	74	7
1665	476	434	29	40	2	1694	496	421	15	73	2
1667	495	429	12	42	11 (?)	1695	509	472	—	82	3
1669	475	405	10	44	26(?)	1697	555	428	2	127	4
1672	483	394	11	67	16	1700	572	489	25	83	—
1673	478	385	18	75	18 (?)	1701	597	511	30	77	9
1678	485	347	7	121	13	1705	658	557	3	86	9
1679	479	339	4	120 (?)	20 (?)	1706	655	554	1	92	9
1681	469	335	15	116	19	1708	660	542	2	109	9
1682	470	343	17	122	6	1710	662	513	160[409]	150	9
1685	401	307	14	86	7	1712	665	510	144[410]	146	9

Можно считать, что до начала 60-х годов XVII в. шел процесс выявления новых плательщиков ясака, в частности холопов. Затем, в 70-х годах, началось выселение якутов района Средневилюйского зимовья, живших вверх по Вилюю, в пределы будущих Верхневилюйского и Мархинского улусов. Все это время, с самого начала 40-х годов XVII в., в район Средневилюйского зимовья переселялись «подгородные» якуты. Особенно усилился этот приток переселенцев в конце XVII в. В результате в позднейшем Средневилюйском улусе и оказалось возможным появление ряда наслегов, названия которых совпадали с названиями «подгородных» волостей XVII в. (Жемконский, Модутский, Борогонский).

В табл. 153 приведены данные об этническом и родовом составе плательщиков ясака Средневилюйского зимовья.

Для того чтобы иметь полное представление об этнографическом составе населения района Средневилюйского зимовья, необходимо иметь в виду, что часть его платила ясак непосредственно в Якутский острог. Приводим поэтому данные об изменении численности и этой группы якутов

---

[407] ЦГАДА, ф. 214, кн. 145, лл. 186—198.
[408] От эпидемии оспы.
[409] В том числе 157 «подгородных»
[410] В том числе 133 «подгородных».

Таблица 153

Родовой состав плательщиков ясака Средневилюйского зимовья [411]

Род	Число плательщиков ясака						
	1639 г.	1651 г.	1654 г.	1655 г.	1657 г.	1659 г.	1680 г.
Калтакулский (тунгусы)	28	66	74	79[412]	69[412]	112[413]	103
Якуты							
Тагусы	53	42	51	52[414]	89[415]	126[416]	165[417]
Кыргыдаи	18(?)	20	30	37	39	42	44
Кирикеи	5	9	11	9	10	18	15
Соболники	—	3	3	3	3	3	—
Олесы	—	11	13	13	21	16	14
Лучинцы	—	—	5	9	18	40	67
О(н)тулы (кычаны)	6	22	34	34	35	37	37
Оргутские	—	4	5	7	13	21	30
Итого местных якутов	82	111	152	163	193	299	351
Атамайцы	—	9	7	5	23	17	11
Катылинцы	—	4	4	4	3	3	1
Туматы	—	—	—	1	1	1	3
Прочие якуты	—	—	—	—	—	36	90[418]
Всего	110	190	237	250	314	472	580

(табл. 154). В ясачных документах XVII в. эти якуты, как мы уже указывали, фигурируют под заголовком «Розных три волости на Токсомо озере Олеская, да Оргуцкая, да Тагуская списаны вместе, и с тем, что в том числе Собоницкой волости якуты».

Мы видим, что фактически из средневилюйских якутов в город платило ясак не более 50—60 чел. В начале XVIII в. численность средневилюйских якутов, плативших ясак в город, сходит на нет и это ненормальное разделение родов средневилюйских якутов на две части, обособленные территориально и по месту уплаты ими ясака, наконец, ликвидируется.

Данные о родовом составе этих якутов с оз. Токсома имеются лишь за 1678 г. Тогда было, как уже указывалось, 28 тагусов, шесть олесов, 13 «соболников» (лучинцев) [419]. В этом году было найдено «новиков»: четыре

---

[411] За 1639 г. см. ЦГАДА, ф. 214, кн. 145, лл. 186—198; за остальные — ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 160 г., лл. 133—147; яс. кн. 162 г., лл. 122—133; яс. кн. 163 г., лл. 1—35; яс. кн. 165 г., лл. 56—74; яс. кн. 167 г., лл. 54—100; яс. кн. 188 г., лл. 472—544.

[412] 20 из них в 1655 г. и 21 в 1657 г. платили ясак у «Столбов».

[413] 38 из них платили ясак у Столбов. В 1660 г. у «Столбов» платило ясак, как мы знаем, даже 48 кантакулей.

[414] Один из них платил ясак в устье Вилюя.

[415] 12 из них платило ясак в устье Вилюя.

[416] Четыре из них платило ясак в устье Вилюя.

[417] 21 из них платил ясак в устье Вилюя.

[418] В том числе 14 бетунцев, 13 емконцев, 12 модутцев, 12 борогонцев, 10 чаюйцев, шесть жиганских якутов и т. д.

[419] ЦГАДА, ф. 214, кн. 693, лл. 987—992.

Таблица 154

Численность плательщиков ясака на оз. Токсома

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	30	9	—	3(?)	18	1688	95	57	5	38	—
1656	20	14	1	6	—	1692	103	57	1	44	2
1662	24	15	—	9	—	1693	102	49	—	53	—
1664	23	15	—	5(?)	3(?)	1694	102	47	1	55	—
1665	20	15	2	5(?)	—	1695	103	48	—	55	—
1667	21	12	2	8(?)	1(?)	1697	105	39	—	66	—
1672	23	18	1	5	—	1699	105	44	—	61	—
1673	24	17	5	7	—	1700	107	46	1	61	—
1678	47	29	9(?)	17	1(?)	1701	108	48	—	60	—
1679	56	34	6	22	—	1702	108	47	—	61	—
1681	65	30	5	35	—	1705	112	43	4	69	—
1682	70	36	7	34	—	1706	116	45	1	71	—
1685	81	43	16	29	9	1708	121	46	—	75	—
1686	88	54	3	33	1	1712	121	4	3[420]	117	—
1687	90	56	4	34	—						

тагуса и пять чачуйцев, несомненно пришлых с оз. Кобяй (Ковея). Оргуты к 1678 г. все перешли в ведение Средневилюйского зимовья.

На основании всех приведенных материалов в табл. 155 показано изменение численности родов средневилюйских якутов.

Таблица 155

Численность якутов Вилюйского среднего зимовья по родам

Род	Середина XVII в.		70—80-е годы XVII в.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Тагусы	140	560	190	760	200	800
Кыргыдаи	40	160	45	180	50	200
Кирикеи	18	70	15	60	17	70
Олесы	22	90	20	80	23	90
Лучинцы («соболяники») . .	50	200	80	320	80	320
О(и)тулы (кычаны)	37	150	37	150	40	160
Оргуты («сахийцы») . . .	23	90	30	120	35	140
Итого	330	1320	417	1670	445	1780
Пришлые якуты	—	—	105	420	ок. 275	1100
Всего . . .	330	1320	522	2090	720	2880

О численности тунгусов-калтакулей имеются следующие сведения. К приходу русских ясачных калтакулей было, видимо, вместе с аманатами около 140 чел. (всего 560 чел. населения). К 1680-м годам ясачных калта-

[420] Якуты Средневилюйского зимовья.

кулей вместе с аманатами было около 105 чел. (всего 420 чел. населения). К концу XVII в. ясачных калтакулей было, вероятно, около 100 чел. (всего 400 чел. населения).

Переходим к расселению тунгусов и якутов, плативших ясак в Средневилюйском зимовье. О калтакулях Воин Шахов сообщал в 1641 г., что они во главе со своим князцом Сигилой платят ясак в Вакуцкое зимовье [421]. Платили калтакули ясак в Вилюйском среднем зимовье и в 1642 г. В 1641 г. калтакули платили ясак без аманатов. В 1642 г. служилые люди пытались взять в аманаты их князца, но последний вырвался и калтакули ушли, бросив 10 луков, три больших и пять малых пальм [422].

В 1645 г. было взято в аманаты три калтакуля, по одному в каждое вилюйское зимовье. В Средневилюйском зимовье был князец Сигиля (Сегеля), в устье Вилюя — Шалганча (Нолгога) и в Верхневилюйском зимовье — Нендега (Надачан) [423]. Калтакули просили держать их аманатов в устье р. Танары, т. е. в Средневилюйском зимовье. Просьба их была уважена и в августе 1645 г. все калтакульские аманаты были отправлены в ясачное зимовье «на усть Танареи речки», потому что «род ево Сигилин весь и племянников его обеих живут блиско Танареи речки» [424].

В этом же 1645 г. калтакули во главе с Шанахаем «погромили» якутов-осекуев в устье Вилюя [425]. По-видимому, те же калтакули «громили» осекуев и в 1656 г. [426] 16 августа 1648 г. «колтакулы» Атупча, Арыгинча, Ергиня «з братьями и родом своим» напали на кумкогиров, убили одного, ранили другого, «а [у] иных многих переграбили платья зимня», так что те остались «наги и босы, что и вытти не в чем. Да они ж колтакулы ясачных ж усть-вилюйских якутов пограбили Корюка да Чакуя з братьями. А приходили братья и родники аманатовы, что сидит в Середнем зимовье на Вилюе...» [427].

В общем создается впечатление, что калтакули на Вилюе осваивали район Средневилюйского зимовья вниз от р. Быракан до территории кокуев и осекуев, т. е. примерно до устья р. Джара. В их территорию входили, видимо, и бассейны правых притоков Вилюя Быракана, Танары, Баппагая, Джары, а также нижнее течение р. Линди, впадающей в Лену с запада ниже устья Вилюя. Потомок калтакулей XVII в., старый объякученный тунгус рода «Калтанга» [428], входившего уже частично в Хатылинский наслег якутов-оленеводов, в 1943 г. рассказал А. П. Окладникову, что в старину их род «занимал места между р. Нильджи (т. е. Ланьджи, Линдя) и оз. Бэдили (т. е. Нэдили, Неджели). По словам этого старика, калтакули, в частности его прадед, жили также между Нильджей (Линдей) и Жиганском [429]. Если наши отождествления Нильджи с Линдей и Бедили с Неджели верны, то мы имеем в этих показаниях старого тунгуса подтверждение вышеприведенного нашего заключения о территории калтакулей. По переписи 1897 г., «Келтятский» род (187 чел.) кочевал главным образом в пределах б. Средневилюйского улуса. В настоящее время потомки тунгусов-калтакулей (кэлтяки) живут в Тенюргястяхском, Кыргыдайском и Кулятском наслегах б. Мастахского улуса, т. е. в северной части того же Средневилюйского улуса. В общем несомненно, что калтакули

---

[421] ЛОИИ, Якут. акты, кор. 188, 102, л. 49 (по выписке С. А. Токарева).
[422] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 97, л. 9.
[423] Там же, ст. 43, л. 12.
[424] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 46, л. 263.
[425] Там же, л. 214.
[426] Якутия в XVII веке, стр. 211.
[427] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, л. 177. Корюк и Чакуй оба Кокуйского рода.
[428] Сравни якутское название калтакулей — «кэлтэки».
[429] См. Сборник музея антропологии и этнографии, т. XI, стр. 75.

жили в низовьях Вилюя и при этом на одной территории с якутами Средневилюйского зимовья.

Но, кроме района низовьев Вилюя, калтакули кочевали и значительно севернее его. Уже в 1641 г., как мы знаем, Курбат Иванов, будучи приказным человеком Жиганского и Молодского зимовий, «призвал там тунгусов вилюйских картакулского роду князца Селюгу» [430].

От 1644 г. имеется известие о том, «что де у Столбов приходят тунгусы калтакули князец Сигиля» [431].

Выше уже указывалось, что в 1653 г. у «Столбов» под аманата Серегу, сидевшего в Средневилюйском зимовье, платили и калтакули Шахана с сородичами. По-видимому, это тот самый Шанахай, который в 1645 г. громил осекуев в устье Вилюя. Известно также, что у «Столбов» платили ясак 20 калтакулей в 1655 г., 21 в 1657 г., 38 в 1659 г., и, наконец 48 в 1660 г. Возникает вопрос: по какой территории кочевали калтакули, когда они подходили к Столбовскому зимовью?

Возможно, что это продвижение осуществлялось калтакулями по правобережью Лены. На левобережье здесь кочевали многочисленные тунгусы-фугляды (предки позднейших угулятов) и тунгусы-эдигэны, тогда как на правобережье здесь кочевали лишь немногочисленные кумкогиры. У нас нет ни одного факта о пребывании калтакулей к западу от Жиганска и «Столбов», но есть прямые и косвенные указания на кочевание калтакулей к востоку от последних.

Как известно, в 1648 г. произошло столкновение между калтакулями и кумкогирами, жившими на правобережье Лены. Это событие нельзя расценивать как специальный военный поход, по аналогии с походами вилюйских тунгусов, в том числе и калтакулей, на нижнетунгусских шилягиров (маугиров). Как мы знаем, тот же Шанахай (Шахана), который громил осекуев у устья Вилюя, платил ясак у «Столбов». Очевидно, эта группа калтакулей кочевала по правобережью Лены между устьем Вилюя и Столбами, по пути вступая в контакт с кумкогирами. В 1663 г. «тунгус Калтакулского роду князец Дурунда... сказал, что де они тунгусы присрочили на урочное место неясачных юкагирей от Столбовского зимовья в 3 днищах, 6 юрт юкагирских, а в них де юкагирей чаять человек с 30, торговать с собою соболями» [432]. Этими юкагирами могли быть лишь известные нам яндагиры. Таким образом, несомненно, что калтакули кочевали по правобережью Лены, так как никаких юкагиров в 60-х годах XVII в. на левобережье Лены не могло быть. Известно также, что в 1667 г. в районе Жиганска «за Лену реку на каменную сторону сее осени якуты промышлять не ходили, потому что за Леной рекою на каменной стороне опромышляли столбовские тунгусы, а якуты промышляли на Оленской стороне» [433]. Так как уже в 1660 г. столбовские тунгусы на 85% состояли из калтакулей [434], то ясно, что за Леной к востоку от Жиганска промышляли главным образом именно они. Вот на основании всех этих данных мы показали территорию калтакулей и севернее, к востоку от Лены, а не только по низовьям Вилюя и Линди. О расселении якутов в районе Средневилюйского зимовья имеются лишь отрывочные данные, совершенно недостаточные для того, чтобы по ним нанести расселение этих якутов на карту.

Мы знаем, что якуты-олесы, а также часть тагусов и оргутов жили около оз. Токсома. С. И. Николаев установил в 1954 г. тождество оз. Токсома актов XVII в. с озером, которое носит в настоящее время название

---

[430] ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, лл. 66—67.
[431] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 370.
[432] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 84.
[433] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, л. 44.
[434] Долганы в 1660 г. тоже считались «усть-вилюйскими тунгусами».

Тахыма и расположено к северо-востоку от оз. Кобяй, за р. Хатын-юрех [435]. На оз. Кобяй жили чачуи. Непосредственно за Чачуйской волостью в ясачных книгах Якутского уезда всегда следуют якуты с оз. Токсома.

В 1642 г. пешие якуты кыргыдаи и о(н)тулы вместе с калтакулями хотели прийти для уплаты ясака к Белому яру в устье р. Танары. Они платили ясак без аманатов. Тагусский же аманат тогда находился в зимовье в устье Вилюя [436].

Убежавший в 1641 г. из Кангаласской волости оргутский князец Сахей с родом жил «у озера у Бога блиско Вилюйского среднего зимовья. Да с ним же де живут оргуты, которые ясак платили преж сего в Якутцкой острог. Да у того ж де озера живут перешедчи с Ковин и з Ситы многие якуты тагусы и буянаязийцы и катырыки» [437].

Как нам сообщил С. И. Николаев, к югу от р. Вилюя, близ р. Баппагай, имеется оз. Бага, около которого и до сих пор живут якуты Оргутского наслега. Но больше никаких прямых указаний на местожительство родов якутов Средневилюйского зимовья в XVII в. у нас нет.

Как видно, всех этих данных явно недостаточно для того, чтобы нанести на карту расселение средневилюйских якутов в XVII в. Поэтому мы пошли по другому пути. Благодаря любезности П. Е. Терлецкого, предоставившего в наше распоряжение схематическую карту границ наслегов в улусах Вилюйского округа, мы имели возможность, как и для якутов Якутского округа, установить территории, занятые потомками отдельных родов вилюйских якутов, зафиксированных в XVII в. Можно считать, что якуты 1, 2, 3 и 4-го Тагусских наслегов являются потомками тагусов, якуты 1 и 2-го Лучинского — лучинцев, Кыргыдайского — кыргыдаев, Кирикийского — кирикиев [438], Орготского — оргутов. Наслегов Онтулского и Олесского не сохранилось, но в составе Жемконского наслега Средневилюйского улуса имелся Отутский род, а уже в XVII в. вместо онтулы часто писали отулы. С. И. Николаев установил в 1954 г., что название олесы в качестве локального сохранилось до настоящего времени. Он же, исходя из расположения рыболовных угодий, уточнил вероятное местожительство онтулов (кычапов). На основании вышеупомянутых данных о границах наслегов, а также материалов Николаева и удалось нанести роды средневилюйских якутов на карту.

Отдельно пришлось показать якутов на оз. Токсома. Здесь мы не выделяли отдельно туматов, оргутов, олесов и лучинцев (собольщиков), а показали их всех одним контуром. Необходимо учитывать, что вся территория якутов, плативших ясак в Средневилюйском зимовье, находилась на территории тунгусов-калтакулей. По-видимому, вилюйские якуты вначале и поселились на территории этих тунгусов.

Все эти группы вилюйских якутов — кыргыдаи, кирикеи, онтулы, лучинцы, олесы, оргуты — представляли, очевидно, роды. Родом, но только очень большим, разросшимся, были вероятно, и тагусы — основное ядро вилюйских якутов. Достойно внимания следующее обстоятельство. В исторических преданиях вилюйских якутов первыми насельниками Вилюя, помимо тунгусов, считается некое легендарное племя туматов. Мы же до сих пор обнаружили на Вилюе в 1650-х годах только одного, и то пришлого, тумата.

Встречались туматы среди якутов «подгородных» волостей (всего восемь человек), не считая отдельной Туматской волости на Яне (12 пла-

---

[435] См. Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXV, 1956, стр. 56—59.

[436] ЛОПИ, Якут. акты, кор. 188, 102, л. 49 (по выписке С. А. Токарева).

[437] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 97, л. 8.

[438] Этот наслег в дальнейшем, видимо, назывался Борогонским.

тельщиков ясака), однако не на Вилюе. Среди якутов «подгородных» волостей в 1678 г., кроме восьми туматов, было пять тагусов, но больше ни одного якута из родов района Средневилюйского зимовья [439]. Возникает вопрос, не были ли якуты, платившие ясак в Средневилюйском зимовье, известны «подгородным» якутам, частично или целиком, под названием туматы?

В 1641 г. служилому человеку Алексею Устинову, возглавлявшему отряд из восьми казаков, была дана «память» о том, чтобы он поехал «к Сахийским и к Тумацким и к Оргуцким князцом и к их улусным людям для... ясашного збору...» [440]. Сахей — это кангаласский тойон Эргитского (Оргутского) рода, сбежавший на Вилюй к своим сородичам-оргутам, раньше его переселившимся сюда (см. ниже). Таким образом, в «памяти» Алексею Устинову выделяются оргуты и, в частности, ушедшие с Сахеем (Сахием), как не местная, вышедшая из «подгородных» волостей группа, и отдельно упомянуты коренные местные жители, платившие ясак непосредственно в город, которые названы туматами. В «памяти» 1642—1643 гг. ясачным сборщиком Вилюйского среднего зимовья предлагается собирать ясак «с якутов с оргутов и с туматов и оргутов и туматов сыскивать» [441]. В 1645 г. в наказе ясачным сборщикам Средневилюйского зимовья написано уже иначе, а именно: предлагается брать ясак «с пеших якутов кирикеев и с кыргыдаев и с атамаев и с отулов и с тагусов конных и пеших и с собонюков...» [442], т. е. здесь имеется уже перечисление всех родов средневилюйских якутов, за исключением олесов и оргутов (вероятно, они не включены в «память», как платившие непосредственно в город).

Таким образом, вероятно, туматы — общее племенное название якутов, плативших ясак в Средневилюйское зимовье (за исключением Оргутского рода, кангаласского по происхождению), а тагусы, кыргыдаи, кирикеи, онтулы, лучинцы и олесы — названия туматских родов. Вопрос о том, были ли туматами усть-вилюйские кокуи и осекуи, остается открытым.

Название калтакули, по-видимому, восходит к эвенкийскому слову «калтагул», т. е. «находящиеся на том берегу», «заречные». Если считать, что основным районом обитания калтакулей были низовья Вилюя, то «находящимися на другом берегу», «заречными» калтакули были по отношению к долганам, от которых их отделяла Лена. Вполне возможно, что усть-вилюйские долганы, столбовские долганы (нимчаны) и калтакули представляли несколько обособившиеся части одного эвенкийского племени. Что касается хозяйства калтакулей, то есть основания предполагать, что они имели оленей, но живя в районе с большим количеством богатых рыбой озер, больше, вероятно, чем другие тунгусы, занимались рыболовством.

В наших источниках тагусы называются «конными якутами», кыргыдаи, кирикеи, онтулы и олесы — «пешими якутами». Лучинцы, как впрочем, и тагусы, представляли смешанную группу, среди них были и «конные» и «пешие» люди. Около 1660 г. в Лучинском роде жил некто Баку Одюкеев, который имел пять или шесть холопов и до 60 кобыл. Это был «первой человек в лучинах», хотя ясака он платил лишь одного соболя с себя и по лисице с каждого из своих холопов» [443]. Так же смешанную по

---

[439] Туматы в 1673 г. были зарегистрированы в волостях Намской, Дубчинской, Нюрюптейской, Скороульской, Чериктейской, Малягарской (по одному человеку) и в Успетской (два человека). Тагусы были зарегистрированы в волостях Кангаласской, Батурусской, Подгородной, Модутской и Одейской (по одному человеку). Мы не знаем ни одного случая, чтобы тумата и тагуса зарегистрировали одновременно в одной волости (см. ЦГАДА, ф. 214, кн. 603, 687).

[440] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 31, л. 102.

[441] Там же, ст. 97, л. 7. Далее идет приводившийся выше текст о Сахее, живущем у оз. Бога.

[442] Там же, ст. 46, л. 265. «Собонюки» — это соболники-лучинцы.

[443] Там же, ст. 235, л. 5.

хозяйству своих членов и по их социально-экономическому положению представляли и средневилюйские оргуты. Тойон Сахей был коневодом и скотоводом, но среди оргутов, поселившихся на Вилюе, раньше него, несомненно были и «пешие» люди.

Вилюйское верхнее (или Верхневилюйское) ясачное зимовье восходит к ясачному зимовью в устье р. Туканки (современная Тюкян), в котором в 1634—1635 гг. собирали ясак мангазейские служилые люди. Здесь, на правом берегу Вилюя, Верхневилюйское ясачное зимовье оставалось и в дальнейшем. Когда Верхневилюйск был перенесен на свое современное место, на 45 *км* вниз по Вилюю от устья р. Тюкян, нам неизвестно. К приходу русских и первое время после основания Вилюйского верхнего ясачного зимовья в нем платили ясак только тунгусы. Якуты официально были включены в число верхневилюйских плательщиков ясака лишь с 1668 г.

В табл. 156 приведены данные об изменении числа плательщиков ясака в Вилюйском верхнем зимовье.

Таблица 156

Численность плательщиков ясака в Верхневилюйском зимовье

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	176	93	21	7	74[444]	1686	383	335	3	50	4
1655	131	111	18	20	9	1687	387	296	—	85	8
1656	140	121	6	19	—	1688	380	289	2	67	4
1658	162	140	55	22	—	1691	382	318	6	59	2
1662	270	267	17	3	—	1692	386	301	1	82	3
1664	287	280	14	3	4	1693	384	264	7	93	27
1665	297	284	11	4	9	1694	369	284	8	82	3
1667	303	287	35	6	—	1695	374	286	3	46	42
1668	338	320	11	10	8	1697	367	285	1	82	—
1672	341	327	14	9	6	1700	393	341	92	50	2
1673	350	331	26	13	6	1701	483	414	5	64	5
1678	405	366	14	31	10	1705	525	442	12	78	5
1679	411	375	20	26	10	1706	537	450	16	82	5
1681	407	386	26	24	13	1708	564	462	15	97	5
1682	437	399	9	22	15	1710	579	447	1044[445]	160	5
1685	388	318	25	39	31	1712	583	457	1007[446]	121	5

Верхневилюйские тунгусы, как и тунгусы ряда других районов Якутского уезда, сильно пострадали от оспы 1651—1652 гг. До 1660 г. среди плательщиков ясака Верхневилюйского зимовья якутов несомненно не числилось. С 1668 г. они, как уже было сказано, официально числились среди верхневилюйских плательщиков ясака. Можно полагать, что вышеприведенные данные за 1662, 1664, 1665 и 1667 гг. отражают численность одних тунгусов, так как якуты, которые к этому времени появились в районе Верхневилюйского зимовья, официально числились в составе своих «подгородных» волостей и, хотя ясак со многих из них собирали верхневилюйские ясачные сборщики, однако он шел в счет тех «подгородных» волостей, из которых эти якуты происходили и в составе которых они продолжали

[444] От эпидемии оспы.
[445] В том числе 1044 «подгородных» якута.
[446] В том числе 987 «подгородных» якута.

числиться [447]. Возможно, что к концу XVII в. в Верхнем вилюйском зимовье платило ясак не менее 100 якутов, приписанных к этому зимовью, и около 1000 «подгородных» якутов. К 1712 г. приписанных к Верхневилюйску якутов было, наверное, не менее 350. Если к этой цифре прибавить 1050 «подгородных» якутов, то окажется, что в 1712 г. в районе Верхневилюйска жило около 1400 ясачных якутов (всего 5600 чел. якутского населения). Так было положено начало поселению на среднем течении Вилюя предков основной массы современного якутского населения Вилюя. Как видим, в этом процессе, происходившем на глазах русских, нет ничего общего с гипотезами Г. В. Ксенофонтова, утверждавшего, что Вилюй, в частности его среднее течение, был заселен якутами раньше, чем территория центральной Якутии.

Данные о родовом составе верхневилюйских тунгусов приведены в табл. 157.

Таблица 157

Численность ясачных тунгусов Вилюйского верхнего зимовья по родам[448]

Род	1651 г.	1656 г.	1659 г.	1660 г.
Шелогонский	108	59	58	58
«Мургатский»	61	42	42	42
Обгинский	32	15	15	14
Пуягирский	31	29	31	32
«Мургатский» («Бырлеты»)[449]	50	39	40	37
Фуглядский	87	38(?)	63	62
Всего	369	212	249	245

В табл. 158 определена численность родов верхневилюйских тунгусов (считая и аманатов).

Таблица 158

Численность верхневилюйских тунгусов по родам

Род	К приходу русских		60-е годы XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Шелогонский	110	440	60	240
«Мургатский» («Брангат»)	63	250	45	180
Обгинский (Нэммянский)	33	130	15	60
Пуягирский (Буягир)	32	130	32	130
«Мургатский» («Бырлет»)	52	210	43	170
Фуглядский (Угулят)	90	360	65	260
Всего	380	1520	260	1040

[447] Часть якутов Вилюя (на территории будущего Сунтарского улуса), начиная с 50-х годов VII в., платила ясак в Олекминск.

[448] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. сборная кн. 160 г., лл. 154 об.— 199; яс. кн. 164 г., лл. 213—232; яс. кн. 167 г., лл. 25—50, яс. кн. 168 г., лл. 107—132.

[449] Правильно, вероятно, Белдет (см. ниже).

Поскольку у нас других данных нет, то мы условно будем считать, что к концу XVII в. численность тунгусов Верхневилюйского зимовья примерно соответствовала их численности в 60-х годах этого столетия.

Шелогоны, или сологоны, т. е. дословно «верхние» (по течению реки) вначале платили ясак в Мангазею. 24 июля 1639 г. в Мангазею были привезены аманаты «Шелогонова» рода Гожага и Чурилко [450], Обгилцова рода Янкага и Пуягирского рода Гоюлца. Всего под них был взят 391 соболь [451]. Известно, что в 1636 г. шелогоны сожгли зимовье Воина Шахова в устье р. Вакуты [452], т. е. где-то в районе современного Средневилюйска. Но ясака с шелогонов Воин Шахов не брал наверное потому, что они были к его приходу на Вилюй уже «ясачными людьми» Мангазейского уезда. Нет шелогонов и в списках вилюйских тунгусов и якутов, по которым Воин Шахов собирал ясак на Вилюе в 1639 г. [453] Однако к 1643 г. шелогоны уже стали «ясачными людьми» Якутского уезда и у них был взят в аманаты Бурылей. Под этого аманата надо было собрать в 1643 г. 304 соболя [454], т. е. примерно с 100—105 плательщиков ясака.

В 1645 г. шелогонские аманаты Бурылей (Буряме?) и Камцага просили держать их в устье Туканки (Тюкян) [455].

В 1646 г. торговые и промышленные люди жаловались, что их грабят и убивают вилюйские тунгусы, в частности шелогоны. Одно такое нападение имело место на р. Варке (Мархе), районе обитания шелогонов [456]. В 1647 г. шелогоны участвовали в междоусобице, происходившей между нижнетунгусскими шилягирами (маугирами), с одной стороны, и вилюйскими «мургатами», шелогонами и калтакулями, с другой. Главными действующими лицами в этой борьбе были «мургаты» и шилягиры. Шелогоны и калтакули только поддержали «мургатов» [457].

По переписям 1897 и 1926 гг., главный район обитания шелогонов (871 чел. в 1897 г.) — бассейн р. Мархи, за исключением истоков ее притока Маркоки. Нам лично шелогоны (сологоны), которых мы встречали на оз. Есей и в Кирбее (на р. Агыли, притоке Котуя), рассказывали, что коренной территорией шелогонов является р. Марха. В настоящее время большую часть бассейна Мархи занимает Шологонский сельсовет Олекминского района.

На основании всех этих данных, с учетом также границ с другими родами и племенами, нами и была нанесена территория шелогонов на карте [458].

Название Фуглядский род писалось в XVII в. по-разному: Увлятский, Фуфлятский и т. д. Впоследствии официально писалось Уголятский, Угулятский, Углятский, а якуты произносят это название как «югюлэт». Георги записал название этого рода как «Вухлат» (названия «Шолегай» и «Шологон» соответствуют у него Шелогонскому роду).

Впервые ясак с фуглядов был взят в 1634 г. отрядом Постника Иванова, который ходил «верх по Вилюю на сторонную реку на Туню к новым тунгусским людям». Здесь Постник Иванов «взял в аманаты Увлакирского у тунгускова у лутчево князца Гориуля сына ево... Килтюга... и с его роду 80 соболей». Во время этого же похода было взято 11 соболей с «Шологон-

---

[450] Этот Чурилко и в 1659 г. возглавлял Шелогонский род.
[451] ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 711—712.
[452] Там же, ст. 56, л. 401.
[453] Там же, кн. 145, лл. 186—198.
[454] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 316.
[455] Там же, л. 12.
[456] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, лл. 336—367.
[457] Там же, ст. 48, лл. 74—77.
[458] Данные из переписи 1897 г. см.: С. К. Патканов. Статистические данные... Т. III, стр. 790; данные переписи 1926/27 г. выписаны в Якутском архиве.

сково... князца Ходоя и его роду» [459]. Очевидно, это был какой-то соседний фуглядам шелогонский род — вероятно, с верховьев р. Тукашки (современная Тюкэн).

В ясачной книге Воина Шахова 1639 г. записано только четыре тунгуса «Фумляцкого» рода (в том числе Ылача), платившие все вместе 13 соболей [460]. Но енисейскими служилыми людьми в 1638—1639 гг. было взято на Вилюе с тунгусов «Фумлянского роду» князца Гороля (ср. выше Гориуль) 172 соболя. Одновременно было взято два соболя с одного шелогона [461]. В 1641 г. с «Фуфляского роду было взято 196 соболей» [462].

В «росписи» Воина Шахова 1640—1641 гг. указано, что на Вилюе в зимовье в устье Вакуты имеются аманаты «роду Увляцкого именем Гонга да Ситига. Ясак дают под них князец Гороул да князец Еливча [ср. выше Ылыча] с родом своим. А во 150 году срочили тем аманатам родники быть выше старово зимовья их на Красном яру» [463].

До 1645 г. ясак с фуглядов собирался в Средневилюйском зимовье. В 1643 г. там находились, например, «Фуфлятцкого роду» аманаты Ситига и Безеня [464]. В 1644 г. фуглядских аманатов в Верхневилюйском зимовье тоже не было. Там были лишь шелогоны, «муртат», пуягир и обгинец [465]. В упомянутом выше документе, в котором калтакульские аманаты просили всех их сосредоточить в Средневилюйском зимовье, написано также, что «фувлаги бьют челом да Нычеул мургатцкий, чтобы им быть на усть Туня» [466]. Эта просьба не была уважена, так как для того, чтобы ее выполнить, надо было в устье Туни (современная Тюнг) ставить новое ясачное зимовье. Но с 1646 г. фуглядские аманаты уже находились в Верхневилюйском зимовье. В феврале 1644 г. «на Туне реке» тунгусы ограбили промышленных людей; в марте этого же года «тунгусы Фуглядского роду Ситыга [см. выше] с братьями», видимо тут же на Туне, снова ограбили промышленных людей [467]. В 1647 г. в Верхневилюйском зимовье были аманаты Фуглядского рода Килтега и Чюлтега.

По переписи 1897 г., потомки фуглядов объякученные «угуляты» (534 чел.) тоже жили главным образом в бассейне р. Тюнг (Туни) [468].

В настоящее время имеется Угулятский наслег в Оленекском районе ЯАССР, территория которого охватывает верховья р. Тюнг, истоки Муны и небольшой участок земли по Оленеку в его излучине ниже устья р. Силигир, и другой Угулятский наслег в Верхневилюйском районе, территория которого охватывает среднее и отчасти нижнее течение р. Тюнг. Все вышеуказанные данные и были использованы для нанесения на карту территории, которую занимали тунгусы-фугляды. Но в бассейне Оленека мы их не показываем, так как туда они проникли позднее.

По-эвенкийски «увала» (угала) в настоящее время значит «нести поклажу на себе». «Увалагир» — это «род носящих поклажу на себе», т. е. не имеющих оленей. Диалектально могло быть хувалагир (хугалагир). У нганасанов мы замечали чередование «н» «х» «ф». Например, нганасанская фамилия Порбин произносилась то Хорбин, то Форбин. Вероятно, и эта группа тунгусов произносила свое название как фувалагир или с суффиксом «ды» — фуваладыл или фугаладыл, т. е. «несущие поклажу на

---

[459] ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 66; ст. 183, лл. 53—54.
[460] Там же кн. 145, л. 195.
[461] Там же, кн. 150, л. 187.
[462] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 4, л. 5.
[463] ЛОИИ, Якут. акты, кор. 188, 102, л. 49.
[464] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 97, л. 1.
[465] Там же, ст. 43, л. 316.
[466] Там же, л. 12.
[467] Там же, л. 367.
[468] С. К. Патканов. Статистические данные.., Т. III, стр. 788.

себе». Может быть, фугляды — потомки каких-то сравнительно недавно отунгушенных аборигенов, не знавших в прошлом оленеводства. У этих аборигенов, как, например у нганасанов и тундровых энцев, в языке мог быть звук «ф», отсутствующий в эвенкийском и якутском языках.

С. И. Николаев сообщил нам, что якуты Верхневилюйского района предком рода Экчээкин в Меикском наслеге считают тунгуса из рода Сюгэсэр-тонгуса, что в переводе значит «Носящий проклажу на своей спине тунгус». Меикский наслег находился близ района, в котором обитали фугляды в XVII в. Таким образом, это предание подтверждает наш перевод слова «фугляды». Отметим, что фугляды держались обособленно среди других вилюйских эвенков. Они не принимали, в частности, участия в распрях «мургатов» с шилягирами, хотя территориально были расположены ближе к «мургатам» и шилягирам, чем, например калтакули, активно выступавшие на стороне «мургатов». Они были заметно малоподвижнее других вилюйских тунгусов. От них не отделилась ни одна группа, переселившаяся в какой-нибудь другой район. Как в свое время на месте они отунгусились, так на месте они к настоящему времени объякутились.

Об Обгинском роде имеется очень мало данных. Известно только, что вначале обгинцы платили ясак в Мангазею (вместе с шелогонами и пуягирами). В 1643 г. обгинцы под аманата Бочеуля должны были в Верхневилюйском зимовье платить 143 соболя (фактически заплатили 60). В 1645 г. «обдинского» амапата Бочеуля решено было держать в устье «Туканки», т. е. в том же Верхневилюйском зимовье. В 1720 г. два обгинца (тунгуса «Эбигисельского» рода) платили ясак «на станцыи в Покровском монастыре». В Покровском платило ясак в 1720 г. много тунгусов [469], из которых в дальнейшем образовалось тунгусское так называемое Кангаласское ведомство.

Ближайшие к Покровскому монастырю роды платили здесь ясак почти целиком (пуягиры, белдеты) или достаточно многочисленными группами (калтакули). Более отдаленные роды представлены здесь относительно меньшим количеством плательщиков ясака. Судя по этому, обгинцы (эбигисели) должны были жить далеко от Покровского, во всяком случае дальше пуягиров, белдетов и даже «мургатов».

У современных тунгусов есть два рода, в которых можно видеть потомков обгинцев XVII в.

У илимпейских тунгусов, потомков племени нюрумняль, имеется род, название которого пишется Эмидак (единственное число), Эмидакль, или Емидакил (множественное число), а также Эмбидян (Омибдян). О происхождении этого рода эвенки рассказывают, что он родствен роду Камбагир этого же племени, но, с другой стороны, что он пришел откуда-то «от якутов» и лишь присоединился к племени нюрумняль. Родство эмидаков с комбагирами возникло, очевидно, в результате брачных связей. Название «эмидак», вероятно, связано с названием «нэммян», записанным Майновым в одном предании (см. ниже) как название старинного рода вилюйских тунгусов, частично вошедшего в состав пуягиров. Названия «нэммян» и «эмибдян» восходят, очевидно, к одному первоначальному родовому названию, а слово «эмидак» представляет слово «эмибдян» с суффиксом отложительного падежа [470].

Название Обгинский, под которым род Эмидак (Эмибдян) был известен в XVII в., сохранилось в названии современного рода Эбгингкур [471]. Члены

---

[469] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1620, лл. 826—832.

[470] В наиболее раннем упоминании о роде Эмидак его члены названы тунгусами Имимидакилского рода (1767 г.).

[471] См. Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, стр. 230.

этого рода сейчас живут в бассейнах Алдана и Зеи, но предки их, по преданию, переселились с Вилюя в составе других родов вышеупомянутого Кангаласского ведомства. По-видимому, официальное название Обгинского рода происходило от собственного имени и варьировалось следующим образом: Обги-лцов,— Обгинский,— Эбиги-сельский — Эбгингкур.

Можно предполагать, что Обгинский род в XVII в. жил на Вилюе выше мургатов, примерно в том районе, где в Вилюй впадают его притоки Большая Ботобия, Малая Ботобия и Антарангда, т. е. на территории современного Брангатско-Садынского сельсовета. Следует иметь в виду также, что на основании имеющихся у нас материалов на этой территории показать кроме обгинцев (эмидаков) некого. В то же время она близко примыкает к старой и современной территории нюрумнялей, что позволяет объяснить наличие потомков обгинцев среди нюрумнялей. Современное население Брангатско-Садынского сельсовета состоит из тунгусов-брангатов, потомков «мургатов» XVII в., переселившихся сюда после того, как их территория по Виллюю от устья Мархи до Суптара была занята якутами. Переселение брангатов (мургатов) вверх по Вилюю и заставило, очевидно, обгинцев уйти дальше на запад, на территорию нюрумнялей.

Относительно местожительства нуягиров в известных нам материалах XVII в. прямых указаний нет. Они тоже вначале платили ясак в Мангазею. Но уже в 1639 г. в списке Воина Шахова значилось 13 нуягиров, уплативших 40 соболей. Есть и другое указание, что в 1636—1639 гг. Воин Шахов собирал ясак с тунгусов «мургацково и з баяргинсково роду и с талтакулей» [472]. В 1643 г. нуягиры под аманата Шагданку должны были заплатить в Верхнем вилюйском зимовье 108 соболей (уплачено 55) [473]. В 1647 г. от «Поягирского роду» в Верхневилюйском зимовье сидел аманат Терентий [474]. В этом же году, 2 ноября, нанагирский князец Чалога рассказал в Олекминском остроге, что «летом ходили де мы нанагирские и нуягирские тунгусы вверх по Лене реке на Нюю реку воевать маугирских тунгусов и убили де мы у них маугиров 10 человек. И от тех де маугирских тунгусов бояся, наши нанагирские и нуягирские тунгусы збежали от Олекминского острогу и живут де верх Сини реки, а иные де на Вилюй сошли. А меня де они не слушают и з государевым ясаком в Олекомской острог не будут» [475].

Майнов сообщает легенду, согласно которой на Лену, до прихода сюда с Вилюя предков шелогонов, нюрмаганов и калтакулей, пришел с Вилюя богатырь Хатысмá Нэммянского рода. На Лене Хатысмá подружился с главой буягиров Эрпини. Оба героя воевали с Тыгыном. В ходе этой неудачной для тунгусов борьбы Хатысмá погиб, прыгнув с утеса. Эрпини спрыгнул благополучно и затем, чтобы отомстить Тыгыну, привел на Лену казаков во главе с Ермаком, присланных русским царем Петром. Местом прыжка героев с утеса называют или Кангаласский камень (в 30 км от Якутска вверх по Лене) или утес на Лене против станции Крестях. По данным Майнова, буягиры поэтому делились на два колена: старшее, из которого всегда избирался старшина Буягирского рода,— потомки Эрпини и другое, менее «благородное»,— потомки пришельца Хатысмá [476]. Действительно, в списке тунгусов «Верховилюйского зимовья Пуягирского роду», плативших в 1720 г. ясак на станции в Покровском монастыре, девятым записан Эрпени Сетегин, заплативший одного соболя. Список нуягиров открывает Датуга Сетегин, а третьим в этом списке значится Таяны Сетегин. Таким

---

[472] ЦГАДА, ф. 214, ст. 105, л. 25. Баяргинский род — это нуягиры (буягиры), а тамтакули — калтакули.

[473] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 316.

[474] Там же, ст. 99, л. 1.

[475] Там же, ст. 48, л. 25.

[476] См. И. П. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. «Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО», № 2, Иркутск, 1898 г., ст. 173—174.

образом, можно считать, что пуягир Эрпени, как, вероятно, и другие пуягиры, в начале XVIII в. действительно жил на Лене, в районе выше Якутска и ниже Олекминска, в местах, упоминаемых в вышеприведенной легенде [477]. Но надо учитывать, что в данном районе произошло большое переселение тунгусов на юг, совершенно изменившее прежнюю картину расселения местных родов.

В конце XIX в. буягиры (пуягиры) жили главным образом в бассейнах верховий Амги и Алдана. В верховьях Сини и вообще на левобережье Лены к этому времени из кангаласских тунгусов жили преимущественно нюрмаганы и шелогоны [478]. Среди стойбищ кангаласских тунгусов переписью 1897 г. отмечены Тобий-Кыры, Тобий-Хатырых, Тобий-Берчюкай и Тобий-Усун-кель [479]. В связи с этим заметим, что «исповедные росписи» конца XIX в. часть буягиров выделяли под названием «Табийский род» [480]. Возможно, что под этими названиями Тобий и Табий подразумевается оз. Тобуя, расположенное как раз в том районе близ верховьев Сини, где согласно Майнову, находился северо-западный предел распространения тунгусов Кангаласского ведомства. От оз. Тобуя не так далеко и до Верхневилюйска, где первоначально платили ясак пуягиры, и недалеко от Олекминска, где тоже платили ясак пуягиры. Очевидно, пуягиры обитали в районе этого озера.

В самом конце XVII в. пуягир Деапкин убил на Чаре безродных маугиров Мороуля и Тонтокона [481]. Но считать Чару районом обитания пуягиров нет никаких оснований.

В результате территорию пуягиров к приходу русских можно определить таким образом: район оз. Тобуя и отчасти верховья р. Сини. Позже, к началу XVIII в., пуягиры заняли оба берега Лены ниже Олекминска и выше устья р. Сини.

Заметим также, что правильным названием пуягиров, соответствующим нормам эвенкийского языка, является, вероятно, название буягир. Произношение «пуягир» скорее может считать свойственным юкагирскому языку, который избегает начального «б». Вопрос о том, соответствует ли название Буягир названию Баягир в Мангазейском и Нерчинском уездах, пока приходится оставить открытым.

Самой большой частью тунгусского населения Вилюя к приходу русских были «мургаты», которых вначале называли нанагирами. Мангазейские служилые люди Надежка Сидоров, Степка Иванов и Мартынка Васильев, побывавшие в 1630 г. на Вилюе, рассказывали: «А по Вилюю де реке живут многие люди Нанагири, человек с 700 и больши. А конных людей у них нет. А кочуют на усть Варки [т. е. Мархи]. А ясаку с себя государю не платят потому что люди большие» [482].

В 1634 г. енисейский служилый человек Семен Родюков собрал на устье Олекмы «с Вилюя с Нанагирской волости Бурнагирского роду с князца Конкочана да с князца Илиняктакана» 241 соболя. Чтобы добраться до местожительства этих «князцов», надо было будто бы подниматься вверх по Вилюю 10 недель [483]. Но в 1635 г. Петр Бекетов с этих нанагиров

---

[477] Эрпени имеется и в списке верхневилюйских пуягиров, плативших в 1721 г. ясак в Олекминский острог (ЦГАДА, ф. 214, кн. 1625, л. 61). Это тот же самый Эрпени Сетегин.

[478] См. С. К. Патканов. Опыт географии и статистики туземных племен Сибири. Ч. 1, вып. 2. СПб., 1906, стр. 119.

[479] Там же, вып. 1, стр. 86; его же. Статистические данные ... Т. III, стр. 741.

[480] См. И. П. Майнов. Некоторые данные о тунгусах, стр. 43, 46.

[481] См. Якутия в XVII веке, стр. 201. Здесь род Деапкина не указан, но он имеется в списке олекминских пуягиров 1721 г.

[482] РИБ, II, 1875, стр. 968.

[483] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 191.

в устье Олекмы ничего не взял и они даже не приходили к Олекминску, так как были объясачены в этом году на Вилюе Воином Шаховым [484].

Воин Шахов, придя на Вилюй в 1635 г. от Красного яра (т. е. района современного Средневилюйска), ходил к большим озерам, расположенным в одном дне пути оттуда, и там взял в аманаты «Мургацкого роду князца Лонконогова лутчего улусного человека Чекчелдея». В «Ильин день» того же года к этому аманату на Вилюй к кочу Шахова пришел сам Лонконог с более чем 60 тунгусами. Он дал 18 соболей и согласился платить ясак и впредь. При этом «сказывал им Лонконог, что идет де он на осень з детьми и с людми своими кочевать для промыслу вверх по Вилюю реке. А с верх Вилюя реки будет он назад к Красному яру к Воину Шахову со всем ясаком на зиму 144 году». Зимой действительно пришел сын аманата Чекчелдея с 40 «мургатами» Лонконога и заплатил 124 соболя. Сам Лонконог не пришел потому, что ему самому пришлось платить ясак в другом месте. В мае 1635 г. Воин Шахов, едва придя на Вилюй, отпустил из Туканского зимовья для сбора ясака вверх по Вилюю березовского казака Савву Кокоулина с 35 служилыми и промышленными людьми. Кокоулин шел от устья Туканки вверх по Вилюю две недели и зазимовал на «Усть Кундырки речки» (очевидно, имеется в виду правый приток Вилюя речка Кюндля). Здесь Кокоулину тоже попался пришедший сюда промышлять Лонконог с его «мургатами». Кокоулин «призвал... князца Лонконога и людей ево мургатов да нанагирей человек с 60», взял в аманаты сына Лонконога Асиуля и племянника Ничеуля и получил под них 196 соболей. «Да сказывал де им князец Лонконог, что де он кочует тут с невеликими своими людьми. А всех де у него улусных ево людей с 500 человек. И те де ево люди живут на Вилюе же реке на низу против Краснова яру. А от того де Краснова яру до усть Кундырки речки... идти вверх Вилюем рекой недель с семь». Отправленные Воином Шаховым в Тобольск с собранным ясаком служилые люди Козьма Федоров «с товарищи» рассказывали, что «поймали они в аманаты мургатцкого князца Лонконога и он де Лонконог сказывался им над своими людьми над мургаты и над [на]нагири начальным человеком и тех мургатов и нанагирей, которые у нево сказывал своими людьми. Да он же Лонконог сказывал им у себя брата Умрика, а Конкочана да Илняктакана братей им не сказывал» [485].

От декабря 1636 г. у нас есть список «мургатов» из 37 имен, пришедших к ясачному зимовью, в котором зимовал на Вилюе Воин Шахов (т. е. к зимовью у Красного яра) и уплативших под аманата Чекелдея 124 соболя [486].

В 1637 г. в «Крещенье» к зимовью у Красного яра приходил «Лонконогов брат Умрик с мургаты человек 150 и больши» и принес 442 соболя. Здесь в Вакуцком зимовье, «что против Красного яру», были аманаты: «Мургатцкого роду нанагирских лутчих людей два человека — сын Умрика Валдега и другой племянник Лонконога сын его двуюродного брата» [487].

В ясачной книге Воина Шахова 1639 г. имеется список, озаглавленный «Род Мургацких тунгусов». На первом месте в этом списке стоит Ломконой (ср. Лонконог), а всего в нем 58 имен тунгусов, уплативших 176 соболей [488].

В 1643 г. в Верхневилюйском зимовье в устье р. Туканки был «мургатский» аманат Домочан (он имеется в списке «мургатов» Лонконога 1639 г.), под которого предполагалось собрать 154 соболя. В 1645 г. «мургатский» аманат Нычеул (имеется в списке «мургатов» Лонконога 1639 г.) просил

---

[484] ЦГАДА, ф. 214, ст. 52, л. 216.
[485] ЦГАДА, ф. 214, ст. 52, лл. 213—248.
[486] Там же, кн. 150, лл. 1341—1343 (конец списка оборван, поэтому девяти имен нет).
[487] Там же, ст. 56, лл. 402—408.
[488] Там же, кн. 145, лл. 192—194.

держать себя в устье Туни (Тюнг), а Домочан просил держать себя в устье Тукапки (Тюкан) [489]. Таким образом, с этого времени определяются те две группы «мургатов», которые отражены в списках 1651—1660 гг. (см. табл. 157 и 158).

В 1647 г. в Верхневилюйском зимовье было три «мургатских» аманата — Вангуня, Хуюркиня и Аргиуль [490].

В 1648 г. стало известно, что в Намской волости стоят чумами вилюйские тунгусы, которые на Нижней Тунгуске «побили» тетейских ясачных тунгусов «и продают де... погромные олени». В качестве участников погрома маугиров (шелягиров) были названы вилюйские тунгусы Шоло(гоп)-ского «Мургатского» и Калтакульского родов.

3 мая 1648 г. воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Суконев и дьяк П. Г. Степшин расспрашивали в Якутске Олекминского острога нанагирских тунгусов Дачегина рода Югду, Ланагура и Синеуля, которые сказали, что к Нике Мамыкову они пришли «в гости и для голоду кормитца». Относительно же столкновений с маугирами они сказали, что, наоборот, маугиры убили «мургата» Голишу, который пошел к ним на Нижнюю Тунгуску «женитца», и затем весной и летом 1647 г. приходили войной на Вилюй к «мургатам» и на Лену к устью Нюи и Патомы к нанагирам [491].

Якуты, обитающие на Вилюе в пределах б. Мархинского, Хочинского и Сунтарского улусов, в своих исторических преданиях рассказывают, что до них на Вилюе обитали тунгусы нюрбагаты, или нюрмагаты. Название это восходит к названию оз. Нюрба, находившегося (теперь вода из него спущена) на левом берегу Вилюя выше устья р. Мархи. Нюрбаган (по-эвенкийски) дословно значит «нюрбинец», «живущий у Нюрбы». Выше приводилось самое раннее сообщение мангазейских служилых людей о том, что вилюйские нанагиры живут у устья Мархи, т. е. в районе Нюрбы. Несомненно, что вилюйские «мургаты» и вилюйские нанагиры — это одна и та же группа эвенков. Имеются все основания утверждать, что нюрмаганы, платившие 1720 г. ясак на станции близ Покровского монастыря, по происхождению являются тоже вилюйскими «мургатами». Все это приводит нас к выводу, что и название «мургат» представляет собой плохую транскрипцию названия нюрмагат или нюрбагат. Что касается названия «бурнагир» (см. выше), то оно представляет это же название, тоже сильно искаженное и с другим суффиксом; очевидно, должно было быть сказано «нурбагир», т. е. «люди нюрбинского рода» [492].

Таким образом, вилюйские нюрмагаты («мургаты») представляют территориальную, получившую свое название от оз. Нюрба, группу, вначале известную под названием нанагиров. Но название «мургат», войдя в официальные документы, продолжало существовать и превратилось в название «брангат» [493]. В течение XVIII и XIX вв. «мургаты» были известны под названием «Брангатского» рода тунгусов, числившихся то в Вилюйском, то в Олекминском округах Якутской области. Название Брангат сохранилось до настоящего времени в названии Брангатско-Садынского сельсовета, население которого является потомками значительной части «мургатов» XVII в., хотя и изменило место своего жительства, уступив районы Мархи, Нюрбы и Сунтара якутам и перейдя вверх по Вилюю в район рек Большой Ботобии, Малой Ботобии и Чоны.

---

[489] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 12.

[490] Там же, ст. 99, л. 1.

[491] Там же, ст. 48, лл. 74—77.

[492] Название бурнагир встречается лишь в одном случае в Миллеровской копии, приведенной выше (ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 191).

[493] В XVIII в., по Георги, Бурогатар или Бургат. «Бурангаттар» — это множественное число от «брангат» (по-якутски). Нам известен еще вариант названия этого рода — Бурагатскинский (1733 г.) (ЦГАДА, ф. 199, № 481, ч. II, стр. 221).

В территорию нюрмагатов на Вилюе в XVII в. входила вся долина Вилюя от устья р. Тюнг и вверх до р. Кюндяя, включая районы устьев рек Тюкэн, Мархи, район оз. Нюрба. Вероятно, в территорию нюрмагатов входила и вся излучина Вилюя выше Нюрбы, включая район Суптара, откуда вели кратчайшие пути на Лену к устьям Олекмы и Нюи, где обитали сородичи нюрмагатов олекминские нанагиры. В территорию нюрмагатов несомненно входил и район к югу от Вилюя по плесу от Нюры до устья р. Тюнг и к востоку от плеса Суптар — Нюрба вплоть до территории буягиров (пуягиров). На юге нюрмагаты соседили с олекминскими нанагирами (см. ниже).

Часть вилюйских нюрмагатов (нанагиров), как мы знаем, имела еще название «бырлет» или «белдет». В XVIII в. оно писалось «белдет», или, по Георги,— «бельдэт», в XIX в.— «бельдет»; в XX в. оно записывалось у тунгусов как «быллёт», «буллэт» («буллэ»). Соответствие сочетания звуков «лд» сочетанию «лл» у эвенков встречается часто (ср. «олдо» ‖ «олло»-рыба и т. д.). Встречается у эвенков и фонетическое соответствие р ‖ л, но возможно, что слово «бырлет» — просто искажение, допущенное при переписке. Местожительство белдетов в XVII в. можно определить таким образом. В 1645 г. аманат Нычеул, или Ничеул, просил держать его в устье Туни (Тюнг), тогда как другой «мургатский» аманат просил держать его в устье Туканки (Тюкэн). В списке «бырлетов» 1656—1659 гг. первым записан Мичеул, т. е., очевидно, тот же Ничеул. Таким образом, можно предполагать, что «бырлеты» (белдеты) были крайней северо-восточной частью «мургатов» (нюрмагатов). Так мы их и показываем на карте.

В 1686 г. тунгусам «Лалыгирского» рода, промышлявшим «на Алданских вершинах», встретился «на соболином промыслу Верховилюйского зимовья ясачной якут Болдетцкого роду Кусага [или ниже, Гусага] Тургин» [494]. В списке тунгусов «Белдецкого рода», плативших в 1720 г. ясак на станции при Покровском монастыре, первым записан «Дегдяни Гушагин брат», а затем сын Дегдяни и Беголы и Итирик Микифоровы Гушанины. Несомненно, что все это потомки Кусаги (Гусаги) Тургина. Но почему этот Кусага в 1686 г. назван якутом — неясно. Возможно, что какая-то группа якутов в конце XVII в. была адаптирована белдетами. В списке 1720 г. вслед за списком белдетов Дегдяни Гушагина брата идет якут «Оттуйского роду» Куннай Дечаев, а в конце этого документа имеется запись: «С Далчаги Шагапчина за холопей ево Эргоцкого роду за якутов Мандуя да Омокта Сантуевых ясаку две лисицы красных взято». Далгача Шагапчин записан в списке Белдетского роды пятым (сразу за Итириком Микифоровым Гушаниным). Возможно, что и Кусага Тургин в свое время таким же образом вошел в состав Бедетского рода. Имена «бырлетов» 50-х годов XVII в. во всяком случае имеются тунгусский характер (Мичеул, Такинча и т. д.) [495].

В XIX и в начале XX в. потомками верхневилюйских нанагиров — «мургатов» (т. е. нюрмагатов и белдетов) являлись Брангатский (в XVIII в. Бурагаткинский) род в верховьях Вилюя, Белдетские роды Кангаласского ведомства и среди амурских ороченов и Нюрмаганский род Кангаласского ведомства. Один из Белдетских родов был известен под прозвищем Лонгорку [496], и отсюда в Олекминском остроге в XVIII и начале XIX в. числился «Логотский» род [497].

---

[494] КПМГЯ, стр. 247.

[495] Может быть, и белдеты и нюрмаганы представляли каких-то древних обитателей Вилюя, ассимилированных тунгусами нанагирами и поэтому вначале причислявшихся русскими к последним.

[496] См. И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. «Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО», № 2, 1898, стр. 174.

[497] См. там же, стр. 11, 12, 14; сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 396.

Олекминский острог был основан в 1633 г.[498], когда енисейский сын боярский Иван Козьмин поставил зимовье на Лене близ устья Олекмы и собрал здесь ясак с местных тунгусов. Это были нанагиры[499], которые и в дальнейшем платили ясак в Олекминский острог. Следует отметить, что ясак с нанагиров собирали и раньше. Так, Иван Галкин, очевидно проездом, в 1631 или в 1632 г. взял «на Лене ж реке с нанагирских тунгусов... 3 шубы собольих, а в них 41 соболь»[500].

В зиму 1634—1635 гг. в устье Олекмы Семен Родюков собирал ясак с вилюйских нанагиров (нюрмаганов) Конкочана и Ильняктакана (см. выше), насчитывавших (вероятно, вместе с олекминскими нанагирами) 500 луков. Этих «князцов» Родюков нашел на р. Чаре в одном дне ходу от Лены. Родюков указывает, что здесь, по Олекме и Чаре, жил киндигирский князец Якон, к которому его родственники Ильняктакан и Конкочан приходили вместе «зверовать». С киндигиров Якона Родюков взял 140 соболей[501].

В 1635 г. в устье Олекмы собирал ясак Петр Бекетов, который поставил вместо простого зимовья укрепленный острог, почему иногда Бекетов и считается основателем Олекминска (например, Майновым). Выше устья Патомы, не доходя устья Нюи, Бекетов нашел группу «воровских» тунгусов, как потом выяснилось киндигиров Якона, которые с Жуи и Патомы ходили также на Лену и на Нюю[502].

С личностью Якона связано одно недоразумение. Он возглавлял группу киндигиров, живших в верховьях Патомы и по Жуе. Другую группу киндигиров, жившую главным образом по Олекме, возглавлял Онкоул, племянник известного по истории освоения русскими Сибири Комбоя («Комбойка»). В том, что Якон был главой киндигиров, сомнений нет (см. ниже). Но в одном случае в источнике он назван «Якон Нанагирской волости»[503], а о смерти Якона (1638 г.) сообщается, «что аманат Нурымские землицы князец Якон умер»[504]. Племя нурымцов (нюрильнов, нюрямиялей) находилось в Мангазейском уезде. В данном случае название «нурымские», вероятнее всего, представляет искажение названия части нанагиров-нюрмаганов (нурмаганов). Выше мы видели, что Якон был родственником (был в «племени») нанагирским князцам с Вилюя. Такие грубые ошибки в определении родовой принадлежности нельзя считать случайными. Ниже мы попытаемся дать объяснение этому странному явлению. Заметим, что так же несогласно наши источники определяют род и другого известного олекминского киндигира — Комбоя. Сначала его называют шилягиром, а затем оказывается, что он киндигир (см. ниже).

«Во 145-м [1637] году с Лены ж из Нового Усть-олекминского острожку збору и привозу енисейского атамана Осипа Галкина с служилыми людьми, что они собрали государева ясаку в новом усть Олекминском острожке с иноземцев с ясачных людей киндигирские землицы с князца Якона да с князца з Геракн и с их улусных людей да нанагирские землицы с князца Дачеги и с его улусных людей», было 500 соболей, шуба бобровая, бобр и три лисицы, всего на 1038 р. 70 к.[505].

В 1638 г., вследствие смерти Якона, в Олекминском острожке было недобрано 48 соболей, шуба, бобр и три лисицы[506].

---

[498] Обычно указывается 1634 г., но, вероятно, зимовье было поставлено в сентябре-октябре 142 г., т. е. еще в 1633 г.
[499] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 165.
[500] ЦГАДА, ф. 214: кн, 34, л. 513.
[501] ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 191—194.
[502] ЦГАДА, ф. 214, ст. 45—46, л. 250.
[503] Там же, ст. 77, л. 81.
[504] Там же, кн. 145, л. 207.
[505] Там же, ст. 45—46, л. 250.
[506] Там же, ст. 77, л. 81.

30 ноября 1639 г. пятидесятник Шалам Иванов в Усть-Олекминском острожке взял «Нанагирские волости с князца Дачеги и с людей его государева ясаку на нынешней 148 год» 140 соболей; в тот же день «тое ж Нанагирския волости с князца Югды и с людей его государева ясаку взято на нынешней 148 год» 160 соболей и, кроме того, шуба соболья, сшитая из 12 соболей [507].

За зиму 1640/41 г. в Олекминске было собрано с нанагиров Дачеги и Югды и с якутов 339 соболей и одна лисица, из них 300 соболей было, видимо, взято с нанагиров [508].

В 1639 г. известный енисейский атаман Максим Перфильев на р. Витиме, в районе устья Муи, нашел тунгусов «Шелонской» («Шелегинской») волости, всего около 70 чел., которых возглавлял упоминавшийся выше Комбойко Пекиев [509].

9 июля 1641 г. десятник Василий Юрьев принял в Олекминском остроге аманатов Нанагирского рода Югду и Аргилдея и аманата Киндигирского рода.

Как сообщал тот же Василий Юрьев, 26 мая 1642 г. в Олекминский острог с Вилюя пришли тунгусы «Югда с товарищи 14 человек» и заплатили 39 соболей за 1642 г. и 37 соболей и пластин собольих за 1641 г. 29 мая 1642 г. олекминские ясачные тунгусы-нанагиры Югда, Чалага и Дачега привели новых тунгусов Киндигирского рода Аюгу и других, всего 17 чел. к острогу и эти киндигиры заплатили за 1642 г. 31 соболя. Кроме того, 11 соболей и бобра у них купили промышленные люди, когда они плыли по Лене [510].

В 1643 г. «шаман Комбойко» уже определенно называется киндигирским тунгусом. Вместе с тем в числе плательщиков ясака Олекминского острога начинает упоминаться новый род Вакурайских тунгусов, шаман которого Ладога Кривой был послан с Поярковым на Амур «в вожех» [511].

В 1644—1645 гг. с олекминских киндигиров ясак собирался на «Токуереке» [512], т. е., очевидно, в устье р. Токко, притоке Чары.

В 1645 г. для сбора ясака с киндигиров Онкоулева рода (30 чел.), Яконова рода (30 чел.) Вакарайского рода (20 чел.) было поставлено ясачное зимовье на р. Олекме в устье речки Койки [513]. Киндигир Онкоул обещал призвать в ясачный платеж не только «Яконовых детей», но также «бирал и боягирей» на Зее.

В 1648 г. было поставлено новое ясачное зимовье на р. Чаре, в устье Комы (Кемы). Здесь должны были собирать ясак с киндигиров Онкоуля, почеганов Доченея и Вилякинского рода Муноги (Мунуги) [514]. Так возникло Чаринское зимовье.

Вилякурские (вилякинские) тунгусы, по-видимому, являлись каким-то подразделением киндигиров или нанагиров. Как и киндигиры, они бывали в районе Чечуйского волока. В 1648 г. за них заплатили ясак киндигир Онкоул (30 соболей) и «Почаганского роду» Дочаней (восемь соболей). Среди киндигиров Яконова рода на Чаре было около 10 пеших тунгусов.

22 апреля 1648 г. выше устья Тунгира, в устье р. Окмы, десятник Константин Юрьев взял в аманаты «князца» Вакарайского рода Некшака, который сказал, что у него в девяти юртах 20 чел. Из них «5 чумов его роду

---

[507] Там же, кн. 145, л. 207.
[508] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 4, л. 1; ст. 5, лл. 173—175.
[509] См. ДАИ, т. II, № 96, стр. 258—259; ЦГАДА, ф. 214, ст. 227, лл. 300—301.
[510] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 60, лл. 4—5.
[511] Там же, ст. 21, л. 84.
[512] Там же, ст. 43, л. 313.
[513] Там же, ст. 46, лл. 250—252; ст. 66, л. 137.
[514] Там же, оп. 2, ст. 12, лл. 1—9; ст. 13, л. 1.

живут вверх по Олекме, да 3 чума живут от Олекмы на переходе на Витимском хребте. А всего роду его есть человек 40 и больше. И ныне его родники 3-мя чумами на усть Окмы [Моклы?] реки не приходили». Некшак рассказал также, что в верховья Тунгира придут манагиры («манегры») князец Едита и Лама (Петрушка), которых в 1647 (?) г. видел промышленный человек Григорий Вижевцев [515]. Некшак также рассказал, какие роды тунгусов живут на Шилке (Амуре), назвав, кроме манагиров, «цяцяган», «колтогиров», «итикагиров», шамагиров, «атикагиров» и «лавлагиров» [516]. Но 2 мая 1648 г. этот тунгус сбежал и в Чаринском («Комкоском») зимовье оставались лишь аманаты Киндигирского и «Пучеганского» родов [517].

С 1670-х годов часть киндигиров, в том числе «Яконовы дети», жившие в бассейне р. Жуи, стали платить ясак в новом Патомском зимовье под названием Жуюганского («Еюганского» и даже «Уяганского») рода [518].

Что касается Тунгирского зимовья, то как ясачное зимовье оно возникло около 1650 г. в устье Дыралды, когда вакараи князцов Моды (Модана) и Некшака, жившие в верховьях Олекмы, в конце концов были объясачены, и просуществовало до 1654 г., когда эти вакараи были разгромлены манеграми с Нюкжи. Подобно тому как Чаринское зимовье образовалось в качестве филиала Олекминского острожка, и Тунгирское зимовье образовалось как филиал Чаринского. Другим филиалом Чаринского зимовья было упоминавшееся выше Патомское зимовье. Поэтому сбор ясака в Патомском и Чаринском зимовьях всегда показывался вместе.

В табл. 159 показано изменение численности плательщиков ясака Олекминского острога.

В этой таблице обращают на себя внимание данные за 1656 г., когда количество плательщиков ясака резко возросло. Дело в том, что в 1656 г. в составе плательщиков ясака Олекминского острога было много пришлых якутов, которые до этого года и после него там не учитывались.

Сокращение численности плательщиков ясака с 1667 на 1669 г., очевидно, связано с эпидемией оспы.

В табл. 160 приведены данные о плательщиках ясака Чаринского, а с 1682 г. «Чаринского и Патомского» зимовий.

Большое количество «новиков» в 1659 и 1664 гг. объясняется, вероятно, тем, что в эти годы в число плательщиков ясака Чаринского зимовья вошло много скрывавшихся от ясачного обложения киндигиров, живших в бассейне р. Жуи (притока Чары) и в верховьях Патомы.

В 1664 г. 30 плательщиков ясака платили в Чаринском зимовье «вновь под двух аманатов, которых в прошлом во 171 году поймал атаман Михайло Стадухин со служилыми людьми. Взято с них и роду их с 30 человек вновь ясаку 69 соболей» [519]. В 1685 г. были исключены из списков плательщиков ясака люди, умершие задолго до этого года, частью числившиеся «сшедшими» и «несысканными». Этим объясняется увеличение числа умерших за этот год в соответствующей графе табл. 160.

В табл. 161 приведены данные о плательщиках ясака Тунгирского зимовья.

К данным о сборе ясака в Тунгирском зимовье за 1655 г. имеется такая приписка «В нынешнем 163 году тунгусы с Нюгжи реки Петрушка

---

[515] См. ДАИ, т. III, № 26, стр. 102. Вижевцев сообщил и о вакараях (называя их улясишами), сказав, что их 15 чумов, по двое мужчин в каждом чуме.

[516] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 10, лл. 1—5; см. также ф. 1177, ст. 66, лл. 138—143.

[517] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, л. 146.

[518] В ясачных книгах Патомское зимовье упоминается с 1682 г., но у нас имеется список плательщиков ясака Патомского зимовья 1677—1678 гг. В этом списке 50 жуюган, три лакшикагира и два верхневилюйских тунгуса.

[519] ЦГАДА, ф. 214, кн. 463, л. 470.

Таблица 159

Численность плательщиков ясака Олекминского острога

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	145	52	1	92	1	1685	225	206	1	19	13
1655	139	67	37	72	—	1686	224	216	—	17	1
1656	217	103	20	113	1	1687	233	211	—	23	1
1657	131	99	27	29	3	1688	236	208	—	26	1
1658	155	133	15	20	2	1691	268	248	4	21	2
1659	169	144	10	20	2(?)	1692	275	242	1	29	4
1662	191	170	4	20	1	1693	272	230	—	24	18
1664	191	170	2	20	1	1694	253	228	5	19	6
1665	192	177	12	17(?)	—	1695	252	234	—	23	1
1667	208	190	—	18	—	1697	266	239	2	29	—
1669	167	157	16	10	—	1700	362	364	29	—	—
1672	188	168	5	18	2	1701	392	356	—	36	—
1673	191	178	7	13	—	1705	396	372	2	24	—
1678	214	189	4	20	6	1706	398	371	—	27	—
1679	213	183	2	30(?)	—	1708	398	369	—	29	—
1681	212	180	3	34	4	1710	398	354	344[520]	44	—
1682	215	179	6	35	5	1712	398	346	302[521]	52	—

Таблица 160

Численность плательщиков ясака Чарского и Патомского зимовий

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	92	16	—	76	—	1685	140	89	6	17	35[522]
1655	95	28	6	67	—	1686	112	88	5	24	7
1656	102	31	7	71	—	1687	110	85	1	23	2
1658	75	51	1	24	—	1688	109	87	—	20	2
1659	76	50	20	22	4	1691	129	104	7	23	3
1662	93	68	7	25	—	1692	134	59	2	24	51[523]
1664	87	70	30	16	1	1693	64(?)	43	6	24	—
1665	116	99	2	13	3	1694	72(?)	47	4	20	5
1667	104	98	9	6	—	1695	71	52	1	21	—
1669	112	75	7	27	—	1697	57	52	4	6	—
1672	120	84	10	33	3	1700	72	63	4	9	—
1673	130	79	6	47	4	1701	78(?)	65	—	15	—
1678	150	88	—	55	7	1705	86	76	2	10	—
1679	146	87	8	56	3	1706	88	77	1	11	—
1681	157	91	5	61	3	1708	91	77	—	14	—
1682	160	94	6	57	9	1710	91	76	2	15	—
						1712	94	57	—	37	—

[520] «Подгородные» якуты.
[521] То же.
[522] Трое убиты илимским пятидесятником Назаром Кистеневым.
[523] От эпидемии оспы.

с товарищи приходили и всех тех 33 человек и детей их побили, а жен их взяли и свели с собою» [524]. Уцелевшие четыре человека в 1656 г. платили ясак уже в Чаринском зимовье. Что касается сообщения о 33 убитых плательщиков ясака в 1655 г. то эта цифра, вероятно, несколько преувеличена. В 1659 г. платило ясак в Чаринском зимовье 10 тунгусов Вакарайского рода. Следовательно, было убито в 1655 г. человек 25, не считая жен и детей.

Таблица 161

Численность плательщиков ясака в Тунгирском зимовье

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1652	12	4	13	8[525]	—
1655	34	1	3	—	33
1656	4	4	—	—	—

Из тунгусов в самом Олекминском остроге, за исключением единичных пуягиров, после основания Чаринского зимовья платили ясак только нанагиры. В 1681 г. в Олекминске платило ясак 72 нанагира (в том числе трое выходцев с Вилюя) [526]. Можно считать, что вместе с аманатами в 1681 г. у олекминских нанагиров было до 75 трудоспособных мужчин (всего 300 чел. населения).

К приходу русских, в 40-х годах XVII в., этих нанагиров было, вероятно, несколько больше, а именно: в 1639 г. в группе Дачеги, судя по сбору ясака, было около 50 плательщиков ясака (всего 200 чел. населения), а в группе Югды и Чалоги — примерно 60 плательщиков ясака (всего 240 чел. населения). Всего олекминских (ленских) ясачных нанагиров к приходу русских было, следовательно, до 110 чел. (всего 440 чел. населения). В 1721 г. ясачных олекминских нанагиров было 65 чел.) [527]. Всего к концу XVII — началу XVIII в. ясачных ленских нанагиров, таким образом, было около 70 чел. (всего 280 чел. населения).

В табл. 162 приведены данные о родовом составе плательщиков ясака Чаринского зимовья.

Для того, чтобы определить численность киндигиров Якутского уезда ко времени прихода русских одних данных этой таблицы недостаточно. В 1678 г. в Чаринском и Патомском зимовьях числилось 150, а в 1681 г.— 157 плательщиков ясака (см. табл. 160). Можно считать, следовательно, что в 1652—1659 гг. плательщики ясака Чаринского и Патомского зимовий не были еще учтены полностью [528]. Есть основание предполагать, что к середине XVII в., к приходу русских, ясачных киндигиров Яконова рода (жуюган) в бассейнах Чары и Патомы, а также по Витиму было около 50 чел., а ясачных киндигиров Онкоулева рода, в бассейне Олекмы тоже около 50 чел. [529] в общей же сложности их было примерно 100 чел. (всего 400 чел. населения).

В 1685 г. между ушедшими в Албазинский уезд киндигирами (жуюганами), в верховьях Гилюя на р. Тонде, произошло побоище, в результате

---

[524] ЦГАДА, ф. 214, кн. 335, л. 643 об.
[525] «Сошли» «на Витимские вершины».
[526] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 189 г., лл. 177—186, 203 об.
[527] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1620, л. 830; кн. 1625, лл. 57—62.
[528] Вероятно, все 30 чел., объясаченным Михаилом Стадухиным в 1663 г., были киндигирами-жуюганами.
[529] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 186 г., лл. 34—39; яс. кн. 189 г., лл. 84—90.

которого погибло 11 чел.[530] Это сократило численность киндигиров-жуюган в 80-х годах XVII в.

Ясачных почеган было, как мы знаем, все время около 15 чел. (всего 60 чел. населения). Есть основания предполагать, что численность почеган к концу XVII в. даже несколько возросла. Ясачных вакараев к приходу русских было, видимо, до 36 чел. (всего 145 чел. населения). Затем, в 80-х годах; в результате разгрома вакараев манеграми, у них осталось 10 плательщиков ясака (всего 40 чел. населения).

Таблица 162

Численность и родовой состав плательщиков ясака Чаринского зимовья[531]

Род	1652 г.	1654 г.	1655 г.	1659 г.
Киндигирский	59	57	63	61
Маугирский	2	2	2	3
Вилякурский	4	4	4	—
Вилюйские тунгусы	—	—	—	7
Вакарайский	20	18	19[532]	10
Пучеганский	14	15	14	14
Всего	99	96	102	95

Кроме киндигиров, почеган и вакараев, в Чаринском зимовье платили ясак вилякуры (до 1655 г. включительно), затем в 1659 г. несколько выходцев с Вилюя, несколько маугиров и с 1678 г. несколько киндигиров-лакшикагиров, перешедших от Баунтовского острога Иркутского уезда. В табл. 163 показан родовой состав тунгусов Чаринского и Патомского зимовий на три даты, хотя по некоторым из них — 80-е годы и конец XVII в.— у нас нет сведений о каждом отдельном роде.

Определив численность и родовой состав «ясачных людей» Олекминского острога и его зимовий, переходим к расселению этих родовых групп.

Мы уже знаем, что нанагирам принадлежало побережье Лены от устья Нюи до устья Олекмы. Нанагиры бывали и в низовьях Олекмы и Чары. На севере территория ленских нанагиров примыкала к территории вилюйских нюрмагатов и пуягиров.

О киндигирах известно, что они вначале платили ясак на Олекме, «под камнем» в устье р. Койки, жили по р. Чаре в одном дне ходу от Лены, на Чаре в устье р. Кемы, а также по р. Токко, притоке Чары. Эти киндигиры были связаны с баягирами и бирарами бассейна Зеи. Из дела о столкновении олекминских киндигиров и почеганов с промышленными людьми в 1660 г. на притоке Витима р. Кутомаре (Сюльбан) мы знаем, что киндигиры кочевали по Жуе, Чаре и между реками Токко (Токуем) и Олекмой[533]. Шесть юрт киндигиров Онкоуля в 1655 или 1656 гг. ходило промышлять вверх по Олекме на р. Нюгжу (Нюкжу)[534]. Мы включаем в первоначальную территорию олекминских киндигиров и верховья Алдана, примыкающие к области обитания киндигиров по р. Олекме. В 1640 г.,

[530] ААН, ф. 21, оп. 4, № 25, лл. 71—74.

[531] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 161 г., лл. 288—297; яс. кн. 162 г., лл. 42—53; яс. кн. 163 г., лл. 212—220; яс. кн. 167 г., лл. 193—204.

[532] 17 из них числились «сошедшими», это те, кто платил ясак в Тунгирском зимовье.

[533] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 217, лл. 31—32.

[534] См. ДАИ, т. IV, стр. 89.

Таблица 163

Численность тунгусов Чаринского и Патомского зимовий

Год	50-е годы XVII в.		80-е годы XVII в.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Киндигиры	50	200	50	200	50	200
Жуюганы	50	200	45	180	45	180
Лакшикагиры	—	—	8	30	8	30
Почегоры	15	60	15	60	20	80
Вакараи	36	145	10	40	10	40
Маугиры	2	5	2	5	2	5
Вилякуры и выходцы с Вилюя	4[535]	15	?	?	?	?
Всего . . .	157	625	130	515	135	535

например, киндигиры, зимовавшие у устья Ичеры на Лене, ушли вниз по Лене на Алдан [536].

Около 1675 г. до 10 олекминских киндигиров приезжали на территорию лакшикагиров у истоков реки Чары, на оз. Куськенде и грабили переселившихся было сюда якутов [537].

Выше отмечалось, что в 1686 г. киндигиры кочевали на р. Танде, притоке Гилюя. Кочевали киндигиры еще и по рекам Упде и Шилове. Хотя последних двух рек мы на карте не нашли, но можно предполагать, что они находятся в районе верховьев Гилюя. Однако включить этот район в первоначальную территорию киндигиров к приходу русских все же нельзя, так как это территория манегров и киндигиры пришли сюда лишь в результате основания русскими Албазина.

В 1916 г. М. И. Губельман (Ем. Ярославский), занимаясь этнографией олекминских тунгусов, на р. Олекме встретил только тунгусов Киндигирского рода, к этому времени уже почти полностью объякученных по языку. Таким образом, и в начале XIX в. киндигиры составляли почти все тунгусское население низовьев Олекмы [538].

Олекминских киндигиров мы показываем на карте двумя группами. Первая (жуюганы) занимала бассейн р. Жуи, часть верхнего течения Чары, верховья Патомы и часть долины Витима. Вторая кочевала по Олекме и верховьям Алдана. Обе эти группы не были замкнутыми. Комбой, дядя Онкоула (главы группы, кочевавшей по Олекме), жил на Витиме, жуюганы (обитатели бассейна Жуи) кочевали в верховьях Гилюя и т. д.

Данные о местожительстве Вакарайского рода были приведены выше. Из них вполне очевидно, что вакараи жили в верховьях Олекмы, в частности на притоках Олекмы реках Тунгир и Мокла («Окма») и на хребтах по водоразделу Олекмы и Витима. В 80-х годах XVII в. эти вакараи (под

---

[535] Но надо иметь в виду, что, судя по размеру ясака, который платили вилякуры в 1648 г. (см. выше), у них было 13 плательщиков ясака (всего 50 чел. населения).

[536] ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 138.

[537] См. Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948, стр. 14.

[538] См. М. И. Губельман. О тунгусах Олекминского округа. «Изв. РГО», т. LVII, вып. II, 1925, М.—Л., стр. 36, 40.

названием «Украинского» рода) платили ясак в Албазине вместе с другими тунгусами «Украинского» рода, пришедшими из Нерчинского уезда. По Нюкже жили манегры, поэтому территория олекминских вакараев в верховьях Олекмы определяется довольно точно.

Меньше данных имеется об олекминских почегорах. В Нерчинском уезде почегоры представляли один из крупнейших его родов, делившийся на конную и оленную часть. Олекминские почегоры представляли небольшую часть оленных почегоров Нерчинского уезда, ушедшую далеко на север. Об их местожительстве данных очень мало. Есть основания предполагать, что эти почегоры жили ближе к Олекминску, чем вакараи. В частности, почеганы, вместе с киндигирами, просили поставить ясачное зимовье на р. Чаре в устье Комы.

Выше упоминалось о столкновении киндигиров с промышленными людьми в 1660 г. на р. Кутомаре (Сюльбан), притоке Витима [539]. Из подробностей этого дела можно заключить, что почегоры не только кочевали на Чаре вместе с киндигирами Опкоула, но именно они считались более осведомленными об области, расположенной в верховьях Чары, и о переходах с последней на Витим. Поэтому мы помещаем на карте олекминских почегоров на территории киндигиров в верховьях Чары и Токко по соседству с витимскими киндигирами (лакшикагирами). Что касается вилякурских, или вилякильских, и маугирских тунгусов, то они кочевали, по-видимому, по Чаре близ ясачного зимовья в устье Комы, где мы и показываем на карте тунгусов Вилякурского рода.

Относительно лакшикагиров, плативших ясак в Патомском зимовье, можно предположить, что они жили у истоков Чары в районе оз. Кускенде, там же, где жили лакшикагиры (киндигиры), плативние ясак в Баунтовский острог Иркутского уезда, и по Витиму в районе оз. Орон. В списке лакшикагиров Патомского зимовья 1678 г. первыми записаны Умнага и брат его Лаган. Нам известно, что в 1677 г. баунтовских тунгусов Киндигирского рода Умнюгу и Лайкана «с товарищи», всего шесть человек, плативших 33 соболя, «поймали» в Патомское зимовье [540].

В документах и литературе упоминается еще «Агагирский» род, живший в районе Олекминского острога. Это тот же Нанагирский род. Дело в том, что правильно название Нанагирского рода должно было бы писаться Нгангагир. Но русскими, записывающими название родов у народов Сибири, звук «нг» в начале слова часто не улавливается.

То, что название Агагирский — это только другая транскрипция названия Нгангагир, показывает и следующий факт. В 1701 г. упоминается «тунгус Агагирского рода Байдукан». В 1721 г. в списке олекминских никагирских (т. е. нанагирских) тунгусов имеются «Гекрега Такаулев брат Байдуканов» и «Омукча Байдуканов» [541]. В начале XVIII в. олекминские подьячие писали вместо нанагирские тунгусы «никагирские тонгусы», а на станции при Покровском монастыре вместо Нанагирского рода писали «Канагирского» или «Лигирского» рода. В XIX в. вместо названия Нанагирский род также писали «Некагирский», Никагирский и Нипаганский.

Потомками олекминских нанагиров в XIX и в начале XX в. являлись Нипаганский или Никагирский род в Кангаласском ведомстве и среди амурских ороченов.

Часть потомков Киндигирского рода в XIX и в начале XX в. жила в том же Олекминском округе, но в основном они находились среди амурских ороченов.

---

[539] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 217, лл. 31—32; Якуты в XVII веке, стр. 198, 206.
[540] См. ДАИ, т. IX, стр. 172.
[541] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1625, л. 59.

Почегорский род был известен в XIX в. под названием Хахагинского рода [542], а к концу этого столетия и он слился, видимо, с Жуюганским родом.

О потомках Вакарайского («Украинского») рода, платившего ясак в Тунгирском и Чаринском зимовьях, а затем в Албазинском остроге, ничего не известно. Возможно, что их потомки находятся среди тунгусов (ороченов) Маньчжурии (Дунбэя).

Заканчивая обзор тунгусских родов, плативших ясак в Олекминском остроге и в отделившихся от него зимовьях, необходимо обратить внимание на следующее.

Выше отмечалось, что киндигирский князец Якон назывался иногда нанагирским и иногда киндигирским князцом. Возможно, что нанагиры представляли собой ответвление киндигиров. Члены Киндигирского рода были в XVII в. очень широко распространены среди тунгусов-оленеводов. Представители этого рода входили и в состав северобайкальских ламских тунгусов, бауптовских витимских, баргузинских и кучидских тунгусов. Искажением названия киндигир является, вероятно, название камчагир (кинцыгир) у верхоленских тунгусов и название кондогир у тунгусов Мангазейского уезда (см. гл. XIII). Известно также, что некоторые ответвления киндигиров имели и свои собственные названия; например, киндигиры, жившие в истоках Чары, носили родовое название лакшикагир и были известны русским то под одним, то под другим названием [543]. По-видимому, то же было и в районе Олекминска. Если встать на точку зрения близости нанагиров по происхождению к киндигирам, то понятны будут и факты пребывания олекминских киндигиров на территории нанагиров. Что касается того обстоятельства, что дядя киндигира Онкоула Комбой был из «Шелегинской волости», то здесь перед нами или какое-то территориальное название этой части киндигиров от слова «соло» «поло» («верх») или искаженное название жуюган.

В Нанагирском роде, в той его части, которая находилась в ведении Олекминского острога, каких-либо постоянных родовых или территориальных подразделений нашими материалами не устанавливается.

О хозяйстве верхневилюйских и олекминских (с чаринскими и патомскими) тунгусов в XVII в. нам известно мало. Они были оленеводами, но среди них имелись и безоленные группы, например на Чаре. Охота на копытных и на соболей отмечена у всех этих тунгусов. Сравнительно было развито у них и рыболовство, главным образом на Вилюе, особенно на озерах. Эти тунгусы отличались подвижностью и совершали переходы от Ичеры на Лене до верховьев Алдана, от Жуи до Гилюя, от Вилюя до Чары и т. д.

Из области социальных отношений следует отметить существование родовой знати. Это, например, отмеченные выше братья Дочега, Югда и Чалога; Ланагур (Лопконог) с братьями; Якон с детьми, Комбой и Онкоул. С другой стороны, бросается в глаза тот факт, что возглавляли этих тунгусов очень часто шаманы (Онкоул, Нелюка и др.). Создается впечатление, что шаманы часто принадлежали к родовой знати и что этим объ-

---

[542] См. И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. «Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО», № 2, 1898, стр. 150, 170. Майнов ошибается лишь в том, что считает название «погочер» неправильно записанным названием хачегар. Вероятнее всего, наоборот — хачегар это позднейшее изменение названия почегор.

[543] Е. М. Залкинд приводит пример того, как один тунгус сам считал себя одновременно принадлежавшим к трем родам — Туруягир, Чильчагир и Сологон. Но здесь дело, конечно, в том, что род Туруягир — это ответвление рода Чильчагир. Третье родовое название этого тунгуса было территориальное (сологон) (см.: Зап. Бурят-Монгольского гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории, вып. III—IV, 1941, стр. 230).

ясняется их руководящая роль в общественной жизни некоторых групп тунгусов.

Заканчивая описание родоплеменного состава населения западной части Якутского уезда, остановимся еще только на вопросе о том, жили ли якуты в районе устья Олекмы перед приходом русских. В связи с этим придется еще раз коснуться вопроса о времени, а также путях появления якутов на среднем течении Вилюя в районе Сунтар — Мархa.

Выше мы уже писали, что под «первыми улусами Яколские землицы» атаман Иван Галкин, вероятнее всего, имел в виду кангаласов, а не олекминских якутов, как предполагает, например, С. А. Токарев. Мы также указывали, что в XVII в. Меитский род упоминался в Намской волости и что к намцам его относит и устная традиция якутов. Таким образом, утверждение Токарева о том, что меитцы нигде, кроме Олекмы, не встречаются [544], оказывается не совсем точным. Но самым существенным для решения этого вопроса, по нашему мнению, является тот факт, что вплоть до 1640 г. якуты в районе устья Олекмы не упоминаются, хотя русские стали жить здесь и собирать ясак с местного населения с 1633 г., когда было основано Олекминское зимовье. Невероятно, чтобы в течение семи лет русские служилые люди, главной задачей которых было «приискивать новых ясачных людей», не нашли бы якутов в районе устья Олекмы и не услышали бы о них от тунгусов, если бы якуты действительно жили здесь. Такой опытный и дельный человек, как Петр Бекетов, ставя в 1635 г. Олекминский острог, тоже не обнаружил близ него якутов, хотя очень подробно описал выгоды местоположения нового острога, указывая, что «по Витиму реке и по Чичую и по Олекне реке рыбных ловель никаких нет да и зверя мало ж стало, жить им тунгуским людям не у чево по тем рекам..., а тот государев острог, который яз, Петр, поставлю на усть Олекны реки, будет государю впредь прочен... около тово острожку прилегли все место угожее, рыбные ловли и соболиные промыслы, да и всякого зверя много, и тунгусские люди... около тово новова острожку держатца впредь станут, а в прошлых годах тунгусские люди прихаживали со многих рек, с Вилюя реки и с Патомы реки и с иных рек, и жили все тунгусские люди около того места, где яз, Петр, ныне поставлю государев острог» [545].

Несомненно, что если бы в районе устья Олекмы в это время были якуты, то в таком подробном описании Бекетов их упомянул бы. Воин Шахов, например, прибыв на Вилюй в 1635 г., в 1639 г. уже мог составить обстоятельный список тунгусских и якутских родов. Но Бекетов и все остальные приказные люди Олекминского острога вплоть до 1640 г. упоминают лишь тунгусов, и мы знаем, что ясак в Олекминском остроге первое время платили лишь тунгусы. Очевидно, якутов вначале здесь не было.

Первым известием об якутах в районе Олекминска является «память» служилым людям Воину Богданову и Василию Пояркову. В этом документе от сентября 1640 (149) г. находящиеся на Ленском волоке (т. е. в Илимске) воеводы Головин, Глебов и дьяк Филатов предлагают этим служилым людям «будет есть якуцкие люди перешли по сю сторону Олекомского острогу и тех якутов досмотрить сколько их и самим их допросить отколево они пришли и ясачные [ли] люди и где преж сего ясак платили?» [546]. Воин Богданов посылается в Олекминск на смену прежнему приказному человеку Шаламу Иванову. В зиму 1640/41 г. эти якуты приходили в Олекминск платить ясак и в их «улусе» между Воином Богдано-

---

[544] См. С. А. Токарев. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., стр. 235—236. Впрочем, как указывалось выше, по мнению А. С. Парниковой, меитцы, возможно, являются ответвлением кангаласов.

[545] Якутия в XVII веке, стр. 186.

[546] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 5, лл. 173—175.

вым и Шаламом Ивановым, с одной стороны, и нанагирами во главе с Дачегой, с другой, произошло столкновение, закончившееся гибелью казака Лучки Иванова. В 1640—1641 гг. был собран ясак «Олекомского острожку с якутов да Нанагирские волости с тунгусов» [547]. С этого времени якуты и появляются в числе «ясачных людей» Олекминского острога.

Нам кажется, что эти материалы устанавливают время появления якутов в районе Олекминского острога. В «памяти» Воину Богданову и Василию Пояркову ясно говорится о приходе якутов с низу, т. е. из района Якутского острога, и о том, что для района Олекминска это были новые люди. Ни в первое время после появления здесь якутов, ни во второй половине XVII в. меитцы не составляли преобладающей группы якутов.

В табл. 164 приводится численность олекминских якутов за 1656 и 1681 гг.

Таблица 164

Родовой состав якутов Олекминского острога [548]

Волость	Число плательщиков ясака		Волость	Число плательщиков ясака	
	1656 г.	1681 г.		1656 г.	1681 г.
Кангаласская	34	95	Гурменская	—	6
Нюрюптейская	33	33	Мегинская	—	7
Бордонская	26	25	Одейская	—	5
Меитская	25	20	Намская	—	5
Накарская	—	17	Бетунская	—	4
Атамайская	—	15	Прочие	—	2[549]
Ярканская	—	21			
Малягарская	—	20	Всего	118	275

Значительная часть якутов, находившихся в административном ведении Олекминского острога, фактически жила на Вилюе. Весь будущий Сунтарский улус и в XVII и в XVIII вв. входил в Олекминский округ. Граница между Олекминским и Вилюйским («Оленским») округами тогда проходила не по водоразделу между Леной и Вилюем, а по правому притоку Вилюя речке Ботомою [550]. Поэтому все данные об олекминских якутах XVII в. являются одновременно данными и о предках якутов Сунтарского улуса, так же как данные о якутах Верхневилюйского зимовья являются данными о предках якутов Мархинского и Верхневилюйского улусов. Что же касается вышеприведенного списка родов олекминских якутов за 1681 г., то он включает как олекминских якутов, плативших ясак в самом Олекминске (135 плательщиков ясака), так и якутов, прошедших через район Олекминска и плативших ясак в Верхневилюйском зимовье (около 140 плательщиков ясака). Часть олекминских якутов, плативших в 1681 г. ясак в самом Олекминске, тоже жила на Вилюе (упоминавшиеся выше предки якутов Сунтарского улуса). К концу XVII — началу XVIII в. у Олекминска на Лене и на Вилюе, в пределах будущего Сунтарского улуса, было около 650 плательщиков ясака (см. табл. 159 и ниже), а в районе Верхневилюйского зимовья, в пределах будущих Мархинского и Верх-

[547] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 4, л. 1.
[548] Там же, оп. 4, яс. кн. 164 и 189 гг.
[549] Один хорипец, один тагус.
[550] См. Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области. Т. I. Якутск, 1916, стр. 227.

невилюйского улусов, около 1100 плательщиков ясака (см. табл. 156 и ниже). В табл. 165 показана численность этих групп якутов.

Таблица 165

Численность якутов у Олекминска и на верхнем Вилюе

Район	1681 г.		Конец XVII в.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
Олекминск — Сунтар . . .	135	540	650	2600
Мархa — Верхневилюйск .	140	560	1100	4400
Всего . . .	275	1100	1750	7000

Таковы результаты якутской колонизации Вилюя и Лены в районе устья Олекмы к концу XVII в.

ТУНГУСЫ И ЯКУТЫ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЯКУТСКОГО УЕЗДА

Переходим к населению юго-восточной части Якутского уезда. Здесь коренное население платило ясак в следующие зимовья и остроги:

Бутальский острог (1637 г., к концу XVII в. зимовье) с Усть-Камнунским зимовьем (1634 г.).

Топторское (Учурское) зимовье (1662 г.).

Среднемайское зимовье (1644—1670 гг.).

Верхнемайское зимовье (1644—1670 гг.).

Майское зимовье (1671 г.).

Тугурское зимовье (1652—1657, 1683—1684 гг.).

Удский острог (1679 г.).

Охотский острог (1647 г.).

Тауйское (Мотыхлейское) зимовье (острог, 1648—1657 гг.).

В 1670 или 1671 гг. Среднемайское и Верхнемайское зимовья были объединены в одно Майское зимовье. В конце XVII в. осталось лишь пять мест сбора ясака из восьми: Буталское (с его Усть-Камнунским филиалом), Тонторское и Майское зимовья, Удский и Охотский остроги.

В отличие от других частей Якутского уезда, здесь, особенно на Алдане и Мае, часто происходили переходы от одного зимовья к другому и отдельные роды были разделены между двумя и даже тремя зимовьями. Но, несмотря на это, все население юго-восточных зимовий Якутского уезда можно разделить на три основные части: алданско-майскую (Бутальское, Усть-Камсунское, Тонторское, Среднемайское и отчасти Верхнемайское зимовья), удскую (Тугурское зимовье и Удский острог) и охотскую (Охотский острог, Тауйское или Мотыхлейское и отчасти Верхнемайское зимовья). Почти все это тунгусы, только при Бутальском, точнее при Усть-Камнунском, зимовье было немного якутов.

В табл. 166 указаны численность плательщиков ясака и сбора ясака по всем этим зимовьям.

Надо иметь в виду, что в Охотском остроге вначале «ясачные люди» учитывались целыми родами и поэтому до 1667 г. их численность в ясачных книгах по Охотскому острогу была значительно меньше фактической численности плативших ясак в этот острог. В остальных острогах

Численность плательщиков ясака в зимовьях на Алдане, Мае,

Зимовье	1656 г.				1662	
	Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака	
	числилось	Уплачено	Оклад	явилось	числилось	явилось
Бутальское (с Камнунским)	142	94	385(12)[552]	227(37)	152	103
Тонторское	—	—	—	—	—	—
Среднемайское	88	76	305	293	131	108
Верхнемайское	155	18	542	68	171	15
Тугурское	Сведений нет		181	Св. нет	46	31
Удский острог	—	—	—	—	—	—
Охотский острог	200	160[553]	677(2)	844(5)	181	192
Тауйское (Мотыхлейское)	32	—	11	—	35	42
Всего	617	348	2101(14)	1432(42)	716	491

Зимовье	1685 г.				1695	
	Плат льщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака	
	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось
Бутальское (с Камнунским)	117	59	138(29)	61(11)	102	60
Тонторское	78	70	173	147	92	19
Среднемайское	127	90	264	167	89	47
Верхнемайское						
Тугурское	115	7	213	14	—	—
Удский острог	141	119	194	241	157	122
Охотский острог	1111	1038	2221	786(4)	630	362
Тауйское (Мотыхлейское)						
Всего	1689	1383	3203(29)	1416(15)	1070	610

[551] Эта таблица составлена по следующим материалам фонда 214 ЦГАДА: 1656 г. — кн. 346, 1662 г. — кн. 440, 1673 г. — кн. 581, 1679 г. — кн. 667, 1685 г. — кн. 64, 1695 г. — кн. 1366, 1700 г. — кн. 1224, 1708 г. — кн. 1489.

Таблица 166

Уде, Тугуре и Охотском море и размер ясака (в соболях)[551]

1662 г.		1673 г.				1679 г.			
Ясак		Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак	
Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено
353(38)	232(24)	134	102	219(33)	157(14)	144	98	201(37)	130(35)
—	—	86	74	168	147	96	91	245	229
414	364	267	243	560	508	256	136	562	348
601	52								
241	80	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1104[552]	1209	1122	1076	2341	1767(9)	1152	799	2377	981(5)
45	120								
2758(38)	2057(28)	1609	1495	3288(33)	2579(23)	1648	1124	3385(37)	1688(40)

Таблица 166 (окончание)

1695 г.		1700 г.				1708 г.			
Ясак		Плательщиков ясака		Ясак		Плательщиков ясака		Ясак	
Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено	числилось	явилось	Оклад	Уплачено
110(42)	62(30)	98	92	103(39)	106(23)	137	103	143(59)	109(34)
160	24	31	23	43	35	31	21	43	30
137	64	93	76	147	90	131	71	174	89
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
210	151	177	134	220	157	197	146	240	188
1779(1)	247(188)	613	417	1687(19)	339(129)	727	485	1807(59)	530(147)
2396(43)	538(218)	1012	742	2200(58)	727(152)	1223	825	2407(118)	946(181)

[552] В скобках указано число лисиц.
[553] И еще два рода.
[554] В том числе одна выдра.

и зимовьях этой части Якутского уезда и в Охотском остроге с 1667 г. число «ясачных людей» в общем соответствовало числу физических плательщиков ясака.

Бутальский острог и Усть-Камнунское ясачное зимовье в ясачных книгах всегда объединены и статистика плательщиков ясака, так же как и данные о сборе ясака, в обоих этих пунктах всегда даются совместно. Правда, фактически это были два различных места сбора ясака, расположенных довольно далеко одно от другого и основанных в разное время, разными людьми. Объединяло их то, что они были подчинены одному приказчику, и то, что Бутальский острог и зимовье в устье Камнуны находились на Алдане. Поэтому мы рассмотрим Камнунское и Бутальское зимовья совместно.

Бутальский острог был основан томским атаманом Дмитрием Копыловым в 1637 г. на правом берегу Алдана, в 100 верстах, как это обычно считается, выше устья Май[555]. Казак Нехороший Колобов рассказывал в 1646 г., что в 1639 г. он с отрядом Ивана Москвитина плыл вниз по Алдану от Бутальского острога до устья Маи восемь суток[556], а сам Дмитрий Копылов рассказывал, что «Мая... река, не дошед до Бутальского острожку, впала в Алдан реку за два днища»[557].

Таким сбразом, Бутальский острог находился на Алдане выше устья Маи, а ниже, как это показывает Майнов на карте, помещенной в сборнике «Якутия»[558], но трудно сказать, где именно. Во всяком случае он был расположен ниже устья р. Учура[559], вероятнее всего близ устья притока Алдана р. Миль, откуда имеется и сухопутная дорога к Якутску. А мы знаем, что от Бутальского острожка к Якутскому острогу тоже был сухопутный путь[560]. Почему Иван Москвитин плыл от Бутальского острога до устья Маи не два дня, а восемь, сказать трудно. Вероятно, это плавание сопровождалось какими-либо задержками.

Зимовье («острожек») в устье Камнуны (Камнюны) было основано енисейским пятидесятником Федором Чурочкой (или Чуркой) в 1634 г. Имя Федора Чурочки до сих пор носит мыс Чуркин в море Лаптевых к северо-востоку от устья Яны, где в 1641 г. разбился коч этого землепроходца. Сам Чурочка считал, что он основал свое зимовье «средь Катулинского роду»[561], но в этом он ошибся. Катылинцы жили на реках Амге и Татте. Здесь, на Алдане, Федору Чурочке попался лишь один катылинский тойон — Даваня, вероятно пришедший сюда для осенней охоты. Около балагана Давани, видимо, и поставил свое зимовье Чурочка.

На современных картах притока Алдана р. Камнуны мы не нашли. Но мы знаем, что «ламские» (современные «ламунхинские») тунгусы кочевали тогда «ниж Камнунского зимовья». С другой стороны, одайские якуты жили по Алдану выше Камнунского зимовья. Больше всего в Камнунском зимовье платило ясак якутов «Коринской волости», живших по Алдану ниже усть Томпо и в низовьях Татты. Одайские якуты, как мы знаем, жили в районе устья Амги. Ламские («ламунхинские») тунгусы жили по правым притокам Алдана, начиная с Тукулана. Они и сейчас там живут по рекам Тумара и Келя. Таким образом получается, что Камнуна впадала в Алдан между устьями Амги и Тукулана. На старых картах, кроме реки Восточной Хандуги (Хандыги), впадающей в Алдан справа выше устья Амги, была

---

[555] См. Н. Н. Степанов. Первая экспедиция русских на Тихий океан. «Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 45; Открытия русских землепроходцев..., стр. 19 и др.

[556] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, л. 1.

[557] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 34.

[558] Л., 1927, после стр. 420.

[559] См. ДАИ, т. III, 1848, стр. 57.

[560] См. ДАИ, т. VI, 1857, стр. 405.

[561] ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, л. 507.

и другая Хандуга, которая показывалась впадающей в Алдан тоже справа, примерно в том месте, где на современных картах показана впадающей в Алдан р. Уяна. Вероятно, эта р. Хандуга (Хандыга, Хандума) и называлась в XVII в. Камнуной, в устье которой поставил Чурочка свой острожек.

В Бутальском остроге платили ясак тунгусы и особая группа бутальских якутов, причем якуты эти были в значительной степени отунгушены. В 1639—1640 гг., при атамане Дмитрии Копылове, в Бутальский острог платили ясак и накарские и нюрюптейские якуты из числа «подгородных» якутов, но затем они перешли от Бутальского острога в ведение самого города, куда и платили ясак вместе с остальными «подгородными» якутами.

В Камнунском зимовье платили ясак тунгусы, якуты и дауры. Последних, правда, было немного, и в дальнейшем они, видимо, были поглощены тунгусами или якутами. Камнунские якуты представляли части уже хорошо знакомых нам волостей «подгородных» якутов. Но в течение всего XVII в. сохранялось такое несколько ненормальное положение, что части ряда «подгородных» волостей продолжали платить ясак не в город, вместе со всеми своими волостями, а отдельно — в Камнунское зимовье. Некоторые группы из этих якутов в дальнейшем в конце концов отунгусились. Таким образом, в отличие от Вилюя, на Алдане не якуты ассимилировали тунгусов, а тунгусы якутов.

В табл. 167 приведены данные об изменении числа плательщиков ясака совместно по Бутальскому острогу и Камнунскому зимовью.

Таблица 167

Численность плательщиков Бутальского острога и Камнунского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1653	119	55	15	59	5	1687	112	69	2	44	1
1655	124	67	23	59	5	1688	115	47	5	64	5
1656	142	82	15			1691	133	86	13	46	2
1658	145	81	14	61	3	1692	145	78	2	67	—
1659	156	84	1	72	—	1693	146	65	2	63	20
1662	152	90	13	62	—	1694	125	60	1	41	24[562]
1664	147	93	11	53	1	1695	102	58	2	44	—
1665	144	93	37	46[563]	—	1697	101	51	2	36	14
1667	171	100	6	55	16(?)	1699	90	59	8	31	—
1669	161	95	4	60	6(?)	1700	98	79	13	19	—
1672	138	95	2	37	6	1701	111	87	10	19	5
1673	134	99	3	34	1(?)	1702	121	98	?	23	?
1678	138	86	11	51	1	1705	127	96	6	26	5
1679	144	93[564]	5	47	—	1706	133	102	3	26	5
1681	149	80	4	63	6	1708	137	100	3	31	5
1682	148	76	—	66	8	1710	143	105	45[565]	37[566]	5
1685	117	59	—	53	6	1712	143	97	44[567]	41	5
1686	112	62	7	43	8						

[562] От оспы прошлых лет.

[563] В том числе два человека переведены в Батурусскую и Бетунскую волости а четыре — в Тонторское зимовье.

[564] Один из них платил ясак в Охотске.

[565] «Подгородные» якуты.

[566] В том числе пять якутов вернулись «под город».

[567] В том числе 43 «подгородных» якута.

Большое количество «сошедших» объясняется тем, что в зимовье в устье Комнуны платило ясак много пришлых «подгородных» якутов, то возвращавшихся опять в свои волости, то уплывавших вниз по Алдану на Лену и далее вниз по Лене «в жиганы».

А в Бутальском остроге числилось много тунгусов Лалагирского рода, фактически плативших ясак не здесь, а на Мае или вообще до постройки Тонторского зимовья уклонявшиеся от уплаты ясака.

Данные о родоплеменном составе плательщиков Камнунского и Бутальского зимовий у нас имеются за 1655—1656, 1678, 1680 и 1681 гг.[568]. Нам придется рассмотреть данные за оба эти периода отдельно (табл. 168).

Таблица 168

Родовой состав плательщиков ясака в Бутальском остроге и Камнунском зимовье в 1655 и 1656 гг.

Род, волость	Число плательщиков ясака		Примечание к 1656 г.
	1655 г.	1656 г.	
Род Ожиганских (очанских) тунгусов	11	11	«Сошло» 3 чел.
Род Ичанских тунгусов	8	9	
Род Бутальские якуты	15	16	«Сошло» 10 чел.
Род Бутальских тунгусов	11	13	«Сошел» 1 чел.
Род Лалагирских тунгусов	26	25	«Сошло» 18 чел., а остальные 7 платили на Мае в среднее зимовье
Итого по Бутальскому острогу	71	74	Итого сошло 39 чел.
Род Даурский Камнунского зимовья	4	4	«Сошло» 2 чел.
Ламские тунгусы «ниж Камнунского зимовья»	11	11	
«Кориинские волости якуты»	20	21	«Сошло» 6 чел.
Батулинской волости род якутской	6	6	«Сошло» 2, умер 1 чел.
Якуты «сходцы Бетунской волости, а живут на Алдане»	15	15	«Сошло» 9 чел.
«Макчагаровы волости» (видимо, баягантайские якуты)	3	3	
«Сходцы ж Сылянские волости якуты»	2	2	«Сошел» 1 чел.
Купской волости якут	1	1	
Якуты без указания их волости	5	5	Умер 1 чел.
Тунгусы Озянского роду, которые пришли с Маи от Среднего зимовья	4	4	«Сошел» 1 чел.
Новоприискные Карауские (т. е. Карауские) волости	—	6	
Бакшинские волости	—	3	
Окшегонские волости	—	1	
Итого по Камнунскому зимовью	71	82	«Сошел» 21 чел.
Всего	142	156	«Сошло» 60 чел.

[568] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 163 г., лл. 178—208; яс. кн. 164 г., лл. 399—431; яс. кн. 186 г., лл. 373—401; яс. кн. 188 г., лл. 426—453; яс. кн. 189 г., лл. 1—27.

Переходим к родовому составу камнунских и бутальских ясачных людей в 1678, 1680 и 1681 гг. (табл. 169).

Таблица 169

Родовой состав «ясачных» людей Бутальского острога и Ламунского зимовья в 1678, 1680 и 1681 гг.

Род, волость	Число плательщиков ясака			«Сошло» в 1678 г.
	1678 г.	1680 г.	1681 г.	
Род ичанских тунгусов[569]	24	54	52	6
Род Озянский	28			10
Озянский (Ачанский, Очанский)	26	24	25	12
Даурский	5	?	?	1
Ламутские тунгусы	12	11	10	6
Коринская	37	31	28	5
Бетунская				
Купейская (Купская)	11	5	5	9
Сылянская	2	2	2	3
Батулинская	9	6	9	2
«Тогочерского (Догочерского) роду тунгусы»	17	24	19	14
«Лалыгирского роду тунгусы»	3	7	18	
Якуты разных волостей	19[570]	12[571]	3[572]	6
Всего	193	176	171	74

Если сопоставить данные о родовом составе камнунских якутов 1655—1656 гг. с данными за 1678—1681 гг., то выяснится, что большая часть родовых названий якутов в оба эти периода не совпадает. По-видимому, значительная часть якутов, плативших ясак в Камнунское и Бутальское зимовья, представляла переменный элемент из членов «подгородных» волостей, оказавшихся в поле зрения служилых людей, собиравших ясак в этих зимовьях[573]. Все эти якуты, вероятно, продолжали числиться в своих прежних волостях и лишь отмечались там как «сошлые». Существенно отметить, что ни в 1655—1656 гг. ни в 1678—1681 гг. среди якутов Камнунского и Бутальского зимовий уже не отмечался Хатылинский род, что лишний раз показывает ошибку Федора Чурочки, считавшего, что он поставил свое зимовье «средь Катулинского роду».

Более или менее постоянными плательщиками ясака в Камнунское зимовье из якутов были значительная группа хоринцев (до 21 плательщика ясака), до 15 бетунцев, шесть — девять батулинцев. К 1678 г. около Камнунского зимовья образовалась большая (до 11 плательщиков ясака) группа выходцев из Кюпейского рода Батурусской волости. Довольно упорно держались Камнунского зимовья и два сыланца, пока в 70-х годах XVII в. они не «сошли» в «Жиганы».

---

[569] С 1680 г. род Ичанских тунгусов и Озянский род фигурируют как один и «род Тогочерских тунгусов».

[570] В том числе четыре батуруса, один кокуй, два борогонца, 10 бояпазейцев, один накарец, один одаец.

[571] В том числе один батурус, два кокуя, один накарец, один намец, семь неизвестного рода.

[572] В том числе один батурус и два кокуя.

[573] Мы знаем, что для промысла в этот район приходили даже кангалассы (ЦГАДА, ф. 1177, ст. 1, л. 74).

Имеются все основания считать, что бетунцы и батулинцы, как и остальные якуты, за исключением хоринцев, плативше ясак в Камнунском и Бутальском зимовьях, представляли не какие-либо особые роды, а лишь выходцев из соответствующих «подгородных» волостей, числившихся в своих волостях как «сошлые» или «несысканные». Поэтому отдельно ни на картах, ни в статистических таблицах их показывать нет смысла.

Иначе обстоит дело с Хоринской волостью. Якутов-хоринцев Камнунского зимовья мы должны считать особой частью якутов-хоринцев и численность их добавить к численности всего якутского народа. Можно считать, что к приходу русских этих ясачных хоринцев на Алдане было 20 чел. (всего 80 чел. населения). В 1680-х годах их было, вероятно, не более 10 (всего 40 чел. населения). Потомками этих хоринцев можно считать тунгусов Хоринского «колена» среди ламунхинских тунгусов б. Якутского округа. Поглощение этих якутов тунгусами является здесь не единственным случаем такой ассимиляции. Выше упоминалось о присутствии в районе Камнунского зимовья членов Кюпского рода. В середине XVII в. кюпцев было здесь так мало, что при рассмотрении местного населения этого времени их можно полностью игнорировать. Но к 1678 г. в Камнунском зимовье было уже 11 плательщиков ясака Кюпского рода, а в XVIII в. среди тунгусов был уже один Кюпский род в районе Бутальского зимовья и другой в районе Житанска. Так в районе Камнунского зимовья шел процесс превращения якутов в тунгусов. Пожалуй, к концу XVII в. и хоринцев и кюпцев Камнунского зимовья можно уже считать тунгусами.

Уже в первом сообщении Федора Чурочки об основании Камнунского зимовья говорится о «братах» — даурах. Правда, дауров здесь оказалось не так много. В 1655—1656 гг. было четыре и в 1678 г. пять ясачных дауров. Дауров, плативших ясак в 1656 г. звали: Малко, Дергак Малков брат, Игас Малков брат и Римка. Первый и последний платили по одному соболю, остальные по два соболя. Уже в 1656 г. помечено, что Игас и Римка «сошли безвестно». В 1678 г. числятся дауры: Игас Малков брат, Салдыча Васиганов, Чимчаки Васиганов, Мукамут (Дагича). Относительно Игаса помечено — «сшел в Горбинское зимовье», относительно Салдычи — «лежал в расслабленье», относительно Чимчаки — «бедный», относительно Мукамута — «стар». Игас заплатил два соболя, остальные по одному. В списке озинов 1678 г. имеется еще Якуня Малков, заплативший два соболя. Вот и все, что известно о даурах, если не считать того, что с дауров начинался в 1655—1656 гг. список плательщиков ясака собственно Камнунского зимовья, озаглавленный таким образом: «Род Даурский Камнунского зимовья». Можно считать, что этих ясачных дауров было к приходу русских шесть человек [574] (всего 25 чел. населения), а к 80-м годам XVII в.— пять человек (всего 20 чел. населения). К концу XVII в. этих ясачных дауров, уже слившихся с тунгусами, было наверное не более трех чел. (всего 10 чел. населения).

По-видимому, эти дауры приплыли на Алдан в район устья Камнуны с истоков Алдана или с истоков притоков Алдана Тимптона (Тонтора) или Учура, куда они зашли с бассейна Зеи во время зимнего охотничьего сезона. Любопытно, что здесь, на Алдане, в районе устья Камнуны, оказались рядом сразу две группы населения, относительно предков которых можно предполагать, что они были монголоязычными. Одна из этих групп — хоринцы — сохранила свое племенное название, а другая — дауры — носила название, которое тунгусы давали своим монголоязычным соседям.

Переходим к тунгусам, плативши ясак в Бутальское и Камнунское зимовья. В последнем отмечается только одна группа тунгусов, а именно так

---

[574] Васитан и Мукамут в 1655—1656 гг., видимо, учтены не были.

называемые «ламутские» тунгусы. Принадлежали они к Буяксирскому роду. Кроме них, в данных за 1655—1656 гг., правда, упоминаются еще четыре тунгуса Озянского рода, относительно которых можно предположить, что они тоже платили ясак в устье Камнуны, но наши источники ясно указывают, что они «пришли с Маи от Середнего зимовья». Численность ясачных «ламутских» тунгусов Камнунского зимовья колебалась в пределах 10—12 чел. в течение всего периода с 1655 по 1681 г. Но надо иметь в виду, что в том же 1678 г., от которого до нас дошел список 12 «ламутов», плативших ясак в Камнунское зимовье, еще восемь тунгусов «Ламутцкого роду» числились приходившими на Алдан в Успекскую и Чириптейскую волости [575]. Учитывая расположение этих волостей по отношению к территории «ламутских» тунгусов Камнунского зимовья, можно не сомневаться, что это все одна и та же группа тунгусов.

В 1672 г. в Зашиверском остроге платило ясак не менее 20 тунгусов, в которых можно видеть выходцев из «ламуток» Камнунского зимовья, приходивших на Алдан в Успекскую и Чириптейскую волости. Можно считать, что в этом году на Алдане в составе ясачных усть-камнунских «ламуток» оставалось примерно 15 чел., а все остальные, в том числе приходившие в Успекскую и Чириптейскую волости, отошли к Зашиверску.

Таким образом, и к середине, и к 80-м годам XVII в. ясачных «ламутских» тунгусов, которые вначале жили ниже Камнунского зимовья и к северу от низовьев Алдана, было не менее 35 чел. (всего 140 чел. населения). Вероятно, к концу XVII в. их было около 25 чел. (всего до 100 чел. населения). Потомками этих тунгусов являются тунгусы Ламунхинского колена Ламунхинского рода в Якутском округе в конце XIX — начале XX в. и ламуты Буяксирского рода в Верхоянском округе.

Сложнее родовой состав тунгусов, плативших ясак в Бутальское зимовье. В 1655—1656 гг. у них были роды Озянский (Ожчанский, Очанский), Лалагирский, Ичанский и Бутальский, причем последний делился на якутскую и тунгусскую части.

Озянский род в основном вначале платил ясак в Верхнемайском зимовье, но значительная часть его находилась в ведении Охотского острога. Лалагирский род вначале платил ясак главным образом в Среднемайском зимовье, а затем в Тонторском. Поэтому эти роды мы рассмотрим в связи с Верхне- и Среднемайским и Тонторским зимовьями.

Остановимся прежде всего на Ичанском и Бутальском родах, которые встречаются лишь у плательщиков ясака Бутальского зимовья, и на Тугочерском роде, названием которого как будто заменяются в начале 80-х годов XVII в. все родовые названия бутальских тунгусов, кроме названия Озянского рода.

Во-первых, отметим, что судя по именам, тунгусы Бутальского рода действительно представляли тунгусов, а якуты Бутальского рода — главным образом якутов. Но у якутов Бутальского рода было и несколько тунгусских имен или отчеств — Чарчига, Такаул, Бюлтюко Егоулев. Само название Бута скорее якутского происхождения, чем тунгусского. Видимо, Бутальский род представляет якутов по происхождению. Но одна часть его была к приходу русских уже полностью отунгушена, в другой же части этот процесс еще не был закончен. В начале XX в. Бутальский род был одним из основных родов эвенков на юго-востоке их распространения. Для XVII в. будем считать бутальских якутов и тунгусов за один бутальский род якутов, ассимилируемых тунгусами.

Во-вторых, отметим, что в список Ичанского рода 1678 г. включены как собственно ичанцы 1655—1656 гг. и их потомство, так и тунгусы и якуты

---

[575] ЦГАДА, ф. 214, кн. 693, л. 729, 760 об.

Бутальского рода 1655—1656 гг. и их потомство. Из 24 чел. списка Ичанского рода 1678 г. 11— ичанцы и 13— бутальцы, причем в числе последних лишь шесть или семь потомков бутальских якутов. В 1680 г. вместо названия Ичанский эта объединенная группа ичанских и бутальских тунгусов названа родом «Тогочерских тунгусов». Поскольку в 1680 г. пропущены не только заголовки «Бутальские якуты» и «Бутальские тунгусы», но и заголовок «Род Озянской», то под названием «Тогочерские тунгусы» оказались объединенными ичаны, бутальцы (тунгусы и якуты), озяны и, кажется, даже дауры. Так как в дальнейшем продолжали существовать и Бутальский и Озянский (Эжанский) роды, то пропуск этих названий надо считать обычной небрежностью подьячих или сборщиков ясака. Возможно, что название Тогочерский (это прототип позднейшего Тюгесирский) сменило только название Ичанский. Очевидно, в 1679 или 1680 г. было установлено, что правильнее называть ичанских тунгусов тугочерскими тунгусами. Заметим, что в 1678—1681 гг. среди плательщиков ясака Бутальского острога появилась новая группа тугочеров, так же как и новая группа озянов (эжанцев).

Озянами мы займемся ниже, а относительно тугочеров укажем, что уже в 1659 г. среди плательщиков ясака Охотского острога отмечается Тогочерский род, который должен был под аманата Катурука заплатить 20 соболей. В 1678 г. отмечен Тогочерский род и среди тунгусов, плативших ясак в Охотский острог (всего шесть плательщиков ясака). Поэтому можно считать, что тугочеры сначала были в отношении уплаты ясака разделены между Бутальским и Охотским острогами, но к 1678 г. почти все перешли в ведение Бутальского острога.

Бутальский род в одном случае назван «Ижижинским» родом, а именно в сообщении от 1648 г. о том, что якутка Миный жила «у Ижижинского роду у тунгуса Нювачни» [576]. Этот Нювачна (Нуванча) в 1656 г. стоял на первом месте в списке бутальских тунгусов.

В сборной книге Бутальского ясачного зимовья за 1678 г. имеются «Ачанского роду тунгусы», всего 10 чел. Было естественным видеть в них группу озянов, тем более, что в 1681 г. они фигурируют под заголовком «Род Азянских тунгусов» вместе с другими озянами.

Таким образом, основными родами тунгусов, плативших ясак в Бутальский острог, можно считать отунгушенных якутов Бутальского рода и тунгусов Ичанского (Тугочерского) рода. Можно считать, что ясачных бутальцев к приходу русских было около 30 чел. (всего 120 чел. населения). К 1678 г. их численность (с аманатами) сократилась до 15 чел. (всего 60 чел. населения). Столько же их было, вероятно, и к концу XVII в. В дальнейшем численность бутальцев очень возросла. Ясачных ичанцев (тугочеров, тюгесиров) к приходу русских (считая и их охотскую часть) было, по-видимому, тоже около 30 чел. (всего 120 чел. населения) К 1680 г. ясачных ичанцев (тюгесиров) было 35 чел. (всего 140 чел. населения), причем большая часть их к этому времени «сошла» на Индигирку [577].

К концу XVII в. тюгесиров, очевидно, было столько же. В дальнейшем численность тюгесиров значительно увеличилась.

Тунгусы Лалагирского рода в Бутальском остроге составляли довольно непостоянную часть плательщиков. Зато в Среднемайском и Топторском зимовьях они составляли основной контингент ясачного населения.

---

[576] С. А. Токарев. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., стр. 264.

[577] Здесь они в документах называются иногда в XVII в. тунгусами «Бугочерского» или «Бочерского» рода. Возможно, что название «ичаны» представляет искаженное название озяны (очаны). Тогда тюгесиров можно считать частью озянов (эжанцев XIX в.).

Среднемайское зимовье было основано около 1644 г. Оно вначале не имело определенного местоположения. Так, в «памяти» от 7 июля 1645 г. служилому человеку Федору Кайгороду, посланному для сбора ясака в Среднемайское зимовье, указывалось: «...итить в Маю до Аима реки и выше Аима реки до прежнево зимовья... или сесть в промышленном зимовье, где доведетца». По-видимому, Среднемайское зимовье находилось на р. Мае, несколько выше устья Аима, но где именно, указать нельзя. Платили ясак в Среднемайском зимовье только тунгусы. В табл. 170 приведены данные об изменении их численности.

Таблица 170

Численность ясачных тунгусов Среднемайского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1653	88	52	—	34	2	1662	131	97	11	34	1 (?)
1655	85	60	4	35	—	1664	154	62	9	92	?
1656	88	65	11	23	—	1665	83	68	5	15	—
1658	103	78	18	24	1	1667	87	83	1	4	—
1659	120	90	6	30	?	1669	93	89	1	4	—

В 1662 г. 24 тунгуса (очевидно, макагира-маймаканца) перешло от Тугурского зимовья к Среднемайскому. Обращает на себя внимание резкое сокращение численности плательщиков ясака с 1664 на 1665 г. Очевидно, имел место их массовый переход из Среднемайского в Верхнемайское

Таблица 171

Родовой состав ясачных тунгусов Среднемайского зимовья[578]

Родовая группа	Число плательщиков ясака				
	1653 г.	1654 г.	1659 г.	1660 г.	1661 г.
Лалкагирский род	16	15	17	18	16
Деулков род	2	2	4	4	3
«Томканиева роду лалагирские тунгусы»	6	6	19	20	19
«Лалагирсково ж роду тунгусы»	2	2			
«Род Лалагирских тунгусов по А [и] му реке»	11	12	44	44	12
Оигонский род	2	20			
«Лалагирсково ж роду тунгусы, которые переведены из Майского верхнего зимовья»[579]	22				
«Бутальского зимовья Лалагирского роду»	3	3	13	13	11
«Да того ж Лалкагирского роду тунгусы, которые переведены из верхнего Майского зимовья»	8	10			
Ладагирский род		7	8	8	8
Маймаканский род	—	5	20	21	18
Всего	72	82	125	128	87

[578] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 162 г., лл. 96—101; яс. кн. 163 г., лл. 38—46, 134; яс. кн. 167 г., лл. 143—159; яс. кн. 168 г., лл. 45—53; яс. кн. 169 г., лл. 79—97.

[579] Это тоже Оигонский род, он же Очерин. В нем была многочисленная семья тунгуса Каравчана.

зимовье, так как в последнем с 1664 на 1665 год количество плательщиков ясака возросло с 75 до 135 чел., хотя «новиков» в 1664 г. было «приискано» лишь пять человек.

Данные о родовом составе тунгусов Среднемайского зимовья приведены в табл. 171.

Все плательщики ясака Среднемайского зимовья принадлежали в указанный период к двум родам — Лалагирскому (Лалкагирскому, «Ладагирскому») и Маймаканскому, более известному под названием Макагирского. Название «Деулков род» происходит от собственного имени лалагира Делеуля. Название «Оигон» соответствует, вероятно, эвенкийскому «оёгон», что значит «живущий вверху» по течению реки. Как мы видим, эти оигоны в дальнейшем объединены были в ясачных книгах с лалагирами, перешедшими из Верхнемайского зимовья. Очевидно, это были лалагиры, жившие где-то выше по Мае или у истоков Учура. Они иногда и прямо называются лалагирами.

Сопоставляя имена лалагиров, плативших в 1655 и 1656 гг. ясак в Бутальском остроге, с именами лалагиров Среднемайского зимовья, мы убедились, что бутальские лалагиры 1655—1656 гг. в 1659 г. числились в составе среднемайских лалагиров Томканиева рода и в составе лалагиров, кочевавших по р. Аиму. Так как Тонторского зимовья к 1659—1660 гг. еще не существовало, то, вероятно, численность среднемайских лалагиров в эти годы отражала численность всех лалагиров. Можно считать, следовательно, что в 50-х годах XVII в. было всего с аманатами 113 ясачных лалагиров (всего 450 чел. населения).

В 80-х годах XVII в., основная масса лалагиров платила ясак в Тонторское зимовье. Это зимовье было основано в 1662 г. на Алдане в устье р. Тонторы, которая на современных картах называется Тимптоном. Но еще на картах XVIII в. она называлась Тонторой. Позднее, к концу XVII в., Тонторское зимовье называлось также Учурским [580] (то ли потому, что было перенесено на р. Учур или на Алдан в устье Учура, то ли потому, что тунгусы, плативщие в нем ясак, кочевали в бассейне Учура). В табл. 172 приведены данные о численности плательщиков ясака в Тонторском зимовье.

Уменьшение численности тонторских тунгусов с 1695 на 1696 г. тоже, вероятно, вызвано смертностью от оспы. В общем восстание 1686—1687 гг. и оспа 1692—1693 гг. привели к тому, что крупнейший род лалагиров превратился в сравнительно небольшой род.

Данные о родовом составе тонторских тунгусов имеются за 1680 и 1682 гг. (табл. 173). Они подтверждают сказанное выше об абсолютном преобладании среди плательщиков ясака Тонторского зимовья членов Лалагирского рода, но требуют некоторых объяснений.

Тунгусы, род которых не указан, тоже принадлежали к Лалагирскому роду. Глава этих тунгусов Гелгар (Келгар) и ряд других тунгусов этой группы состоят в списке лалагиров Бутальского зимовья 1656 г. Среди тунгусов Гелгара мы нашли так же некоторые имена тунгусов «Лалыгирского» рода, пришедших в 1687 г. в Якутск с повинной за восстание 1686 г. [580] Из тунгусов неизвестных родов двое, видимо тоже лалагиры, кочевавшие на Мае, а двое — выходцы из Бутальского зимовья — вероятно, принадлежали к Бутальскому роду.

Таким образом, вместе с аманатами в 80-х годах XVII в. ясачных лалагиров было до 110 чел. (всего 440 чел. населения). К концу XVII в. их осталось около 30 чел. (всего 120 чел. населения).

Тунгусы Озяпского рода платили ясак, кроме Бутальского острога, в Верхнемайском зимовье и в Охотском остроге. Остановимся на Верхнемайском зимовье. Вместе с Федором Кайгородом, шедшим в Среднее Май-

---

[580] Например, в 1686 г. (КПМГЯ, стр. 246—247).

Таблица 172

Численность ясачных тунгусов Тонторского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1664	31	25	—	6	—	1691	88	47[581]	3	34	8
1665	44	44	—	—	—	1692	84	42	7	42	—
1667	50	47	1	3	—	1693	91	—	—	91[582]	—
1669	53	52	1	1	—	1694	91	14	1	77	—
1672	82	71	4	11	—	1695	92	13	6	79	—
1673	86	69	5	15	1	1697	53	18	4	7	28[583]
1678	100	85	—	10	5	1699	30	22	1	8	—
1676	96	82	9	14	—	1700	31	23	—	8	—
1681	100	69	4	29	2	1701	31	23	—	2	6
1682	102	77	—	11	14	1702	31	22	—	1	6
1685	78	66	4	7	5	1705	31	22	—	3	6
1686	77	58	3	66[584]	2	1706	31	22	—	3	6
1687	78	12	3	62	—	1708	31	21	—	4	6
1688	81	19	2	62	—	1710	31	21	—	4	6
						1712	31	19	—	6	6

ское зимовье, в июле 1645 г. был отправлен в Верхнемайское зимовье служилый человек Данила Иванов. Ему предлагалось идти «до прежнего ясачного зимовья». Из наказа Даниле Иванову видно, что в 1644 г. в верховьях Маи он взял в аманаты тунгуса Зеленгу (Зелемея), сына «морского

Таблица 173

Родовой состав ясачных тунгусов Тонторского зимовья[585]

Родовая группа	Число плательщиков ясака	
	1680 г.	1682 г.
Без указания рода (во главе с Гелгаром)	50	47
Лалагирский род	29	27
Лалыгирский род	23	22
Озянский род Бутальского зимовья . .	4	4
Киндигирский род	1	4
Неизвестных родов	4	—
Всего	111	104

тунгуса» Ковыри, известного главы Киларского рода. Кроме этого аманата Киларского рода, у Данилы Иванова был еще аманат Лахтыкагирского (Озянского) рода Севекчан (Силякчан) и аманат Годниканского рода Чона, взятый казаком Андреем Горелым в 1642 г. на р. Охоте.

---

[581] В том числе один «безъясачный якут».
[582] Часть «в измене» с 1687 г., часть убежала от «морового поветрия».
[583] От эпидемии оспы 1693 г.
[584] Восстание (см. КПМГЯ, стр. 246—247).
[585] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 188 г., лл. 457—475; яс. кн. 190 г., лл. 180—203.

Таким образом, Верхнемайское зимовье было основано в 1644 г. Находилось оно «под Ламским волоком» [586–587]. Идя с Маи в бассейн р. Ульи, впадающей в Охотское море, сначала поднимались по левому притоку Маи речке Нюдме (Нудыми современных карт), а с нее переходили в верховья речки Сикши, притока Ульи [588]. Это, очевидно, речка Секча современных карт, приток Ульи. Из речек, впадающих в Маю, именно у Нудыми истоки совсем близко (на расстоянии 3—4 км) подходят к истокам Секчи. Вероятно, здесь и был волок «на Ламу», а зимовье, по-видимому, находилось у устья речки Нудыми, при впадении ее в Маю.

В табл. 174 приведены данные о ясачных тунгусах Верхнемайского зимовья.

Таблица 174

Численность ясачных тунгусов Верхнемайского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1653	150	38	2	111	1	1662	171	14	1	157	—
1655	153	22	2	131	—	1664	75	16	5	58	1
1656	155	16	2	139	—	1665	135	94	—	37	4 (?)
1658	167	10	—	157	—	1667	110	75	1	35	—
1659	167	19	—	148	—	1669	172	146	6	20	6

Резкое уменьшение численности тунгусов Верхнемайского зимовья в 1664 г. по сравнению с 1662 г. и возрастание ее к 1665 и 1668 гг. объясняется, вероятно, переходом и перечислениями плательщиков ясака от одного ясачного зимовья к другому, а именно: в 1663 г. от Верхнемайского к Охотскому острогу, в 1664 г. от Среднемайского к Верхнемайского (см. выше) и в 1668 г. от Тугурского зимовья к Верхнемайскому.

В табл. 175 приведены сведения о родовом составе верхнемайских тунгусов.

Таблица 175

Родовой состав тунгусов Верхнемайского зимовья [589]

Род	Число плательщиков ясака					
	1653 г.	1654 г.	1655 г.	1656 г.	1659 г.	1660 г.
Килянских тунгусов	68	73	72	70	85	83
Озянских тунгусов	52	66	58	58	58	61
Горбиканских (Горбинских) тунгусов	24	22	23	23	22	22
Всего	144	161	153	151	165	166

Киларский («Килянский») и Горбиканский роды — это роды Охотских тунгусов. Их мы рассмотрим ниже при разборе родового состава охотских тунгусов. Но Озянский (Эдянский, Эжанский) род в дальнейшем не входил в состав охотских тунгусов, а явился основным родом тунгусов так

[586–587] ЦГАДА, ф. 1177, стр. 43, л. 50.

[588] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, л. 82; «Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 46.

[589] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 161 г., лл. 138—149; яс. кн. 162 г., лл. 300—324; яс. кн. 163 г., лл. 146—173; яс. кн. 164 г., лл. 472—507; яс. кн. 167 г., лл. 113—137; яс. кн. 168 г., лл. 31—66, 70—137, 190.

называемого Майского ведомства, административного объединения большей части тунгусов Алдана и Маи.

Для того, чтобы определить численность озянов к приходу русских, надо предварительно определить их численность к 80-м годам XVII в., а затем снова вернуться к 50-м годам этого столетия.

Как известно, в 1670—1671 г. вместо Средне- и Верхнемайского зимовьев было основано одно Майское зимовье. По-видимому, это единое Майское зимовье находилось где-то в районе современного пос. Нелькан, возможно у устья притока Маи Маймакана. Для определения численности озянов в 80-х годах XVII в. и в конце этого столетия необходимо ознакомиться с изменением числа ясачных тунгусов и по этому зимовью (табл. 176).

Таблица 176

Численность ясачных тунгусов Майского зимовья

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1672	271	239	3	24	7	1694	90	48	11	30	12
1673	267	237	6	23	7	1695	89	47	—	40	2
1678	262	128	1	127	7	1697	75	36	4	39	—
1679	256	133	3	123	—	1699	84	45	9	39	—
1681	173	130	1	39	4	1700	93	61	15	32	—
1682	170	131	2	27	12	1701	118 (?)	74	5	17	27
1685	127	89	1	18	20	1702	123	75	?	21	27
1686	108	87	11	18	4	1705	128	79	1	22	27
1687	116	87	6	24	1	1706	129	73	1	29	27
1688	121	95	2	19	7	1708	131	71	—	33	27
1691	118	65	2	48	5	1710	132	71	1 [590]	34	27
1692	115	77	1	34	5	1712	132	60	1 [592]	45	27
1693	112	44	1	45	23 [591]						

Резкое сокращение численности плательщиков ясака Майского зимовья в 1681 г. по сравнению с 1679 г. объясняется тем, что в это время был основан Удский острог, к которому было причислено 85 тунгусов Муеллагирского рода, до этого платившие ясак в Майское зимовье [592]. Сокращение численности майских плательщиков ясака в 1686 г. по сравнению с 1682 г. объясняется, видимо, исключением мертвых душ. Кроме того, приблизительно до 1686 г. одни и те же тунгусы Киларского и Горбиканского родов числились как «ясачные люди» одновременно и в Майском зимовье и в Охотском остроге. После 1686 г. при Майском зимовье остались, вероятно, лишь Маймаканский (Макагирский) род полностью и Озянский род частично. Помимо того, при этом зимовье числилось еще 8—10 тунгусов Лалагирского рода, которые уже были приняты нами во внимание при определении общей численности лалагиров.

Можно считать, что к 1686 г. в Майском зимовье числилось около 60 ясачных озянов и около 40 макагиров. В это же время примерно 50 озянов платило ясак в Бутальском и Тонторском зимовьях и столько же — в Охотском остроге. Таким образом, в 80-х годах XVII в. было всего около 160 ясачных озянов (всего 640 чел. населения). В середине 1650-х годов в Бутальском острожке было 15 ясачных озянов, в Верхнемайском,

[590] Якут.
[591] От эпидемии оспы.
[592] ЦГАДА, ф. 214, кн. 712, л. 444.

вместе с аманатами,— до 70 ясачных озянов; 80—90 озянов в это время еще не было объясачено [593]. Таким образом, можно считать, что у озянов к приходу русских было примерно 170 трудоспособных мужчин (всего 680 чел. населения).

К концу XVII в. ясачных бутальских озянов было, вероятно, около 30 чел., майских — около 40 и охотских человек 30 [594], т. е. в общей сложности примерно 100 плательщиков ясака (всего до 400 чел. населения).

Ясачных макагиров (маймаканцев) в Среднемайском зимовье в 1655 г. было пять, в 1659 г.— 20 и в 1660 г.— 21. В Тугурском зимовье их было в 1659 г.— 19 и в 1660 г.— 16 чел.

Можно считать, что с аманатами ясачных макагиров в 1650-х годах было до 45 чел. (всего 180 чел. населения), а в 1680-х годах — до 40 чел. (всего 160 чел. населения). К концу XVII в. их было, вероятно, судя по изменению численности плательщиков ясака Майского зимовья, около 30 чел. (всего 120 чел. населения).

В табл. 177 приведена численность алдано-майских тунгусов и якутов на три даты XVII в. Для того, чтобы дать полное представление об алдано-майских тунгусах, в эту таблицу включены также данные о мемельских тунгусах, которые были нами описаны в первой части этой главы вместе с «подгородными» якутами, так как ясак мемельские тунгусы платили вместе с якутами Баягантайской волости.

Таблица 177

Родовой и этнический состав населения Алдана и Маи

Группа	50-е годы		80-е годы		Конец XVII в.	
	Число плательщиков ясака	Всего населения	Число плательщиков ясака	Всего населения	Число плательщиков ясака	Всего населения
Буяксирский род	35	140	35	140	25	100
Тюгесирский (Ичанский) род	30	120	50	200	35	140
Бутальский род	30	120	15	60	15	60
Лалагирский род	113	450	110	440	30	120
Озянский род	170	680	160	640	100	400
Макагирский (Маймаканский) род	45	180	40	160	30	120
Мемельский род	40	160	40	160	30	120
Итого тунгусов	463	1850	450	1800	265	1060
Хоринцы	20	80	10	40	10	40
Кюпцы	—	—	12	50	15	60
Итого якутов	20	80	22	90	25	100
Дауры	6	25	5	20	3	10
Всего	489	1955	477	1910	293	1180

Переходим к определению местоположения этих родовых групп. О местожительстве мемельских тунгусов сказано в первой части этой главы. О «Ламутском» роде известно, что он жил на правобережье Алдана, вниз от Камнунского зимовья. Постник Иванов, сообщая о своем походе 1638 г., писал, что «на вершине... Янги реки живут тунгусы именем ламут-

[593] 30—35 будущих бутальских и 50—60 — охотских.

[594] В 1721 г. ясачных охотских оленных озянов (род Ажанской) было 23 чел. (ЦГАДА, ф. 214, кн. 980, лл. 108—124).

ки, а ясаку... они не дают» [595]. Несомненно, Постник Иванов называл «ламутками» тех самых тунгусов, которые в дальнейшем платили ясак в Камнунском зимовье под названием «Ламутского» рода. В 1673 и 1682 гг. некоторые «ламутские» тунгусы платили ясак также в Усть-Вилюйское зимовье.

Этот выход «ламутских» тунгусов к устью Вилюя тоже свидетельствует в пользу того, что они жили где-то на правобережье низовьев Алдана и к востоку от устья Вилюя. В 1897 г. потомки «ламутских» тунгусов XVII в., ламунхинские тунгусы Намского улуса, жили главным образом по рекам Тумара, Келя и Байлики к северу от низовьев Алдана и к востоку от Лены, близ устья Алдана [596]. Наконец, в 1926 г. ламунхинские тунгусы обитали по рекам Тумара и Келя, правым притокам Алдана в его низовьях [597].

Все эти данные указывают на один и тот же район. Поэтому они, с некоторыми оговорками, могут быть использованы для показа на карте территории тунгусов Ламутского рода в XVII в. Видимо, эти тунгусы с 1638 по 1926 г. существенно не изменили своего местожительства и лишь подвинулись несколько на запад, на места, которые были вначале заняты усть-вилюйскими долганами и кумкогирами. Мы показываем тунгусов по верховьям рек бассейна Яны — Нельгехе, Сартанга, Дулгалаха и по верховьям рек бассейна Алдана — Тумары, Кели и Тукалана, т. е. в том районе, где их мог встретить Постник Иванов.

Относительно местожительства алданских дауров никаких указаний нет. Можно только предполагать, что они жили близ самого Камнунского зимовья. Основатель Камнунского зимовья Федор Чурочка уже называл «братов» (т. е. дауров) среди плательщиков ясака основанного им зимовья [598]. В списках плательщиков ясака Камнунского зимовья 1663—1666 гг. дауры записаны первыми. Из пяти дауров 1678 г. один был «беден», другой — «стар», третий — «лежал в расслабленьи». Эти три даура имели оклады лишь по одному соболю. Два других даура тогда же платили по два соболя. В общем, по-видимому, это была очень маломощная группа, и вполне вероятно, что сначала эти дауры ютились около катылинского тойона Давани, а затем, после прихода русских, около Камнунского зимовья. Поэтому на нашей карте они показаны на самом Алдане, там, где предположительно стояло Камнунское зимовье.

Хоринцы тоже жили близ ясачного зимовья. Есть данные, что они жили именно на Алдане. В устье Амги в XVII в. жили (и живут сейчас) одайцы [599]. Выше устья Амги на Алдане даже в XIX в. почти не было постоянного якутского населения. Таким образом, хоринцы на Алдане могли жить только ниже устья Амги. Здесь же находилось и Камнунское зимовье, в котором хоринцы платили ясак.

Мы предполагаем, что хоринцы жили на Алдане в районе низовьев рек Татты и Барая, на территории северной части позднейшего 2-го Баягантайского наслега, в состав которого входил и Хоринский («Хоранский») род. Здесь мы и показываем хоринцев на карте.

Переходим к определению местожительства основных родов Бутальского острога — Бутальского и Тюгесирского (Ичанского).

Бутальский род жил по Алдану около самого острога, выше и ниже его. Основатель Бутальского острога Дмитрий Копылов сам указывал, что

---

[595] Открытия русских землепроходцев..., стр. 100.

[596] См. С. К. Патканов. Опыт географии и статистики туземных племен Сибири. Ч. 1, вып. 2, стр. 120. Здесь мы не считаем ламунхинских тунгусов, переселившихся в Усть-Янский улус.

[597] Архив ЯАССР, ф, 70, оп. 32, д. 52.

[598] ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, л. 507.

[599] ЦГАДА, ф. 214; кн. 145, л. 136. О том, что одайцы живут там и сейчас, мы уже упоминали.

поставил он острог в «Бутольской землице... у ясачных людей» [600]. В мае 1645 г. строения Бутальского зимовья сгорели, так как промышленные люди, убив выше его оленя, развели огонь и подожгли бор. Об этом рассказал бутальский тунгус Нюванча «с родом». Подтвердили это сообщение бутальский якут Купчинак «с родом» [601]. Нуванча записан первым в списке тунгусов Бутальского рода 1656 г., а имя Купчинака мы нашли в списке, озаглавленном «род Бутальские якуты», за этот же год. Таким образом, можно считать, что тунгусы и якуты Бутальского рода жили в районе самого зимовья. Как мы увидели выше, по притоку Алдана Учуру и по Алдану выше Учура, жили тунгусы Лалагирского рода. По Мае жили озяны. Следовательно, для тунгусов и якутов Бутальского рода остается на Алдане пространство между устьями Учура и Маи.

Тюгесиры (ичанцы) тоже жили на Алдане. В 1665 г. тунгусы «Изянсково роду» Мотора, Селгина, Чюнка, Селгига и якут-бетунец Оюней отняли на Алдане у батурусского якута Някыя четырех лошадей и съели их. Служилые люди, ездившие на Алдан для разбора этого дела, называют ответчиков «озянскими» тунгусами [602]. Мы нашли имена Мотора и Чюнка в списке тунгусов Ичанского рода, а имена Селгина и Селгига в списке тунгусов Бутальского рода.

Около 1667 г. тунгус Карбикан (Синюга), племянник Балиула, вместе с женой и детьми утонул, когда плыл «по Алдану вниз для рыбного промыслу для корму». Засвидетельствовали гибель Карбикана тунгусы Ельтюга и Тистна [603]. Все эти имена, как погибшего, так и свидетелей, найдены в списке тунгусов Ичанского рода.

Поскольку об этом событии пишет приказной человек Бутальского острога Данила Сыров, то выражение «по Алдану вниз» означает «ниже Бутальского острога». Таким образом, можно считать, что тюгесиры жили на Алдане где-то ниже Бутальского острога. Можно предполагать, что они занимали на Алдане пространство между устьями Маи и Амги. Никаких данных о том, что здесь мог жить какой-либо другой род, а не тюгесиры, у нас нет.

В другом случае ичаны (тюгесиры) оказываются в компании с мемельскими тунгусами и делают подарки игидейским якутам [604]. Все это указывает на близость их местожительства к району устья Амги и подтверждает наше предположение о том, что тюгесиры жили по Алдану между устьями Маи и Амги. Так как часть тюгесир одно время платила ясак также в Охотский острог, то, очевидно, они кочевали и несколько восточнее Алдана. Уже Дмитрий Копылов указывал, что «иженские тунгусы... переходят на Ламу» [605]. Но отодвигать территорию тюгесиров далеко от Алдана на восток оснований нет. Нам известно, что охотские тунгусы Горбиканского рода кочевали «по вершинам», очевидно притоков Алдана, и оттуда приходили «на Алдан для торгу» [606]. Вероятно, горбиканы занимали, в частности, верховья р. Аллах-юнь.

Переходим к лалагирам. Их обложил ясаком из Бутальского зимовья уже Дмитрий Копылов. В дальнейшем лалагиры платили ясак в Среднемайском и в небольшом числе в Верхнемайском зимовьях. С 1662 г. они платили ясак в основанном в устье притока Алдана Тонтора (Тимптона) — Тонторском зимовье, называвшемся впоследствии также Учурским. В общих чертах территория лалагиров определяется довольно точно. Они

---

[600] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 34.
[601] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 46, л. 5.
[602] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 12, лл. 277, 281.
[603] ЦГАДА, ф. 214, ст. 235, л. 23.
[604] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, лл. 34—36.
[605] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 35.
[606] Якутия в XVII веке, стр. 215—216.

занимали бассейны притоков Алдана Тонтора и Учура, пространство по Алдану между устьями этих его притоков, а также бассейн р. Аима и низовья Маймакана, левых притоков Маи.

Как уже было указано, лалагиры при Дмитрии Копылове и даже позже платили ясак в Бутальское зимовье [607]. В 1645 г. отмечается, что лалагиры Очерина рода «Каравчан с детьми живут от Майского среднего зимовья далеко в Майских вершинах» [608].

В 40-х годах XVII в. на устье Маймакана на Мае жил лалагир («лалкагир») Почюря (Пачера) с двумя братьями, с племянниками «и со всем своим родом». По-видимому, это тот же Очерин род [609].

В 1646 г. лалагиры на Мае отняли у промышленного человека большой котел «и кинули» за него «двадцать соболишек» [610]. В табл. 171 приводились данные из ясачных книг 1653—1661 гг., из которых видно, что большинство лалагиров платило ясак на Мае, а часть их даже жила в бассейне этой реки, в частности по Аиму.

В бассейне Учура лалагиры, вероятно, кочевали и в первой половине XVII в., когда они платили ясак в Бутальское зимовье. Мегинский князец Бодой и многие другие якуты рассказывали русским о том, «что есть за Алданским хребтом река хлебная (т. е. Зея.— *Б. Д.*)... и в вожах он Бодой хотел... на ту реку итить до лалагирцев тунгусов; а лалагирцы де... ту реку хлебную знают и по вся годы на нее ходят» [611]. Как известно, Пояркова вел вверх по Учуру и Гоному на Зею лалагир шаман Томкани (Амкани) (ср. выше Томканиев род у лалагиров) [612]. По-видимому, вплоть до 60-х годов XVII в. лалагиры теснились к Мае, а верховья Алдана и Тимптон (Тонтор) оставались ненаселенными. По этому поводу имеется даже любопытное прямое заявление основателя Бутальского острога атамана Дмитрия Копылова, сделанное им в 1640 г. на обратном пути в Томск: «А вверху де... по Алдану людей нет. А вышла Алдан река вершиною из пустого камени» [613].

Для более позднего времени имеются несколько иные сведения. В 1662 г. в устье Тимптона было основано для сбора ясака с лалагиров ясачное зимовье. Очевидно, к этому времени выяснилось, что лалагиры живут именно в этом районе. В 1680 г. лалагир Чекачак был проводником служилого человека Ивана Фомина, шедшего с устья Учура на Тонтор и вверх по последнему для поисков слюды [614].

В 1686 г. лалагиры напали на Учурское зимовье [615]. Но не все лалагиры в это время кочевали по Учуру. Некоторые из них были в этот момент «вверх по Алдану... в дальних местах» и оставались «в тех дальних местах на Алданских вершинах для своей безоленной скудости» [616].

Можно ли объяснить эти факты: с одной стороны, тяготение лалагиров к Мае до 60-х годов XVII в., а с другой — несомненное распространение их в бассейне Тонторы (Тимптона) и вообще в верхнем течении Алдана во второй половине XVII в.?

---

[607] ЦГАДА, ф. 214, кн. 145, л. 181; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 34.

[608] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 46, л. 244; о «Карабчановой семье» смотри также КПМГЯ, стр. 115. Каравчан принадлежал к «Оигонскому» роду (см. выше). Эти тунгусы были переведены из Верхнемайского зимовья в Среднемайское.

[609] См. Якутия в XVII веке, стр. 191.

[610] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 14, л. 168.

[611] Чтения в О-ве истории и древностей российских при Московском ун-те, 1861 г., кн.1, отд. V, М., 1861, стр. 1.

[612] См. там же, стр. 3; ДАИ, т. III, стр. 50.

[613] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 34.

[614] См. ДАИ, т. VIII, стр. 293.

[615] См. КПМГЯ, стр. 247; ДАИ, т. X, стр. 354—355.

[616] КПМГЯ, стр. 247.

При взгляде на карту, приложенную к данной работе, обращает на себя внимание то обстоятельство, что большое пространство по верховьям Амги, а также между верховьями Амги и Лены остается пустым. И действительно, у нас нет данных для того, чтобы включить все это пространство в пределы территории какого-либо тунгусского племени или рода. Отвести ее лалагирам тоже нельзя. Сведений о том, что лалагиры ходили в верховья Амги, нет.

Таким боразом, в XVII в. в верховьях Алдана, Амги и между верховьями последней и Лепой существовало большое незаселенное тунгусами пространство.

Можно дать два объяснения этому обстоятельству.

Во-первых, здесь, видимо, охотились зимой якуты центральных «подгородных» волостей. Около 1678 г. якутский воевода Фома Бибиков писал, что ему били челом якутские князцы Кангаласской волости Мазары Бозсков и другие «во всех ясачных людей место, что они ясачные люди промышляют... по Лене, и по Олекме, и по Чаре, и по Алдану, и по Витиму, и по Учюру, и по Тонторе, и по Юдому и по иным сторонним рекам ясак» [617].

Как видим, если не считать Юдомы, здесь названы реки из интересующего нас района.

Во-вторых, очень вероятно, что в верховьях Алдана и по Тонторе промышляли в первой половине XVII в. маньчжурские подданные из бассейна Амура, главным образом с Зеи. Когда даурское население было переселено с Амура и Зеи на Нонни, тогда и прекратилось, наверное, проникновение этих охотников в бассейн Алдана и лалагиры получили возможность охотиться на Тонторе и в верховьях Алдана. Еще в начале 80-х годов XVII в. много конных тунгусов ездило из Маньчжурии мимо Долосского острога, расположенного на Зее, охотиться в ее бассейне [618]. На Алдан в первой половине XVII в. могли проникать и сами дауры (отсюда и те дауры, которые, как мы знаем, платили ясак в Усть-Камнупском зимовье на Алдане) и тунгусы из бассейна Зеи — манагиры (манегры) и уиллагиры.

Вероятно, опасаясь нападений дауров и амурских тунгусов, лалагиры в первой половине XVII в. вынуждены были держаться подальше от них и жаться к Мае.

На Маю лалагиров могла привлекать и ее близость к охотским пешим тунгусам, от которых оленные тунгусы получали сушеную рыбу, служившую важным пищевым подспорьем для охотников, особенно в случае неудачного промысла.

На нашей карте мы все же включили бассейн Тонторы в территорию лалагиров. Основание специально для лалагиров в 1662 г. Тонторского зимовья свидетельствует, по нашему мнению, о том, что бассейн Тонтора все же был исконной территорией лалагиров. Истоки Алдана мы в территорию лалагиров не включили, так как там промышляли киндигиры. То, что киндигиры были непосредственными соседями лалагиров, подтверждается как присутствием их среди плательщиков ясака Тонторского зимовья в 1680 и 1682 гг., так и наличием среди лалагиров во время событий 1686 г. [619]

Южной границей лалагиров был водораздел между бассейном Алдана, с одной стороны, с бассейнами Зеи и Уда, с другой. Лалагиры несомненно были группой, смежной с тунгусами (в частности, с родом Уиллагир) и даурами бассейна Амура. Уже в 1642 г. было известно, что «ладагирцы тунгусы все ходят в Пегую орду [к даурам] и про нее ведают подлинно и тунгусской князец Амкани, что сидел Буталском острожке в аманатах

[617] ДАИ, т. VII, стр. 370.
[618] Там же.
[619] ДАИ, т. X, стр. 354.

ведает же» [620]. Лалагир Люгдюли (Юглали), сын Томконея (Амканы) рассказывал, когда ему показали атлас, что такой атлас «они отгромили [у] Уилагирев у тунгусов» [621].

О местожительстве в XVII в. тунгусов Макагирского (Маймаканского) рода имеются такие сведения. Когда Поярков в 1645 г. плыл вдоль берега Охотского моря, в устье р. Алдомы (Алгомы) он взял «в аманаты тунгуса с сыном. И тово де тунгуса выпустили, а сына де ево оставили в аманатах. И тот де тунгус посулил ясаку с себя 100 соболей и иных де он тунгусов хотел привесть» [622].

Этого аманата, происходившего из Макагирского рода, Поярков оставил в устье Ульи [623] и в 1646 г. его принял служилый человек Семен Шелковник, посланный собирать ясак с охотских тунгусов и основавший Охотский острог.

Имеются также данные о том, что макагиры бывали и в районе р. Лантар, впадающей в Охотское море выше р. Алдомы [624].

В 1659—1660 гг. макагиры платили ясак почти поровну в Среднемайском и Тугурском зимовьях. Можно предполагать, следовательно, что они находились где-то между Маей и Удом, т. е. опять имеются косвенные указания на район Алдомы и Лантара. Надо, впрочем, заметить, что уже в 1659 г. тугурские маймаканы (макагиры) фактически платили ясак на Мае в среднем зимовье [625]. Имеются данные о том, что килары были северными соседями макагиров, а удские тунгусы-муеллагиры (аинкагиры или хаинкагиры) их южными соседями. С начала 70-х годов XVII в. все макагиры платили ясак в Майское зимовье. В 1679 г. макагир Васка Молютин (вместе с лалагиром Худынцей) был проводником у пятидесятника Данилы Михайлова, когда тот шел от Майского зимовья для основания Удского острога. Оленей для этого похода брали у сородичей этих аманатов [626]. В 1684 г. удские тунгусы жаловались на макагиров Дедикана и Окшулю (в 1678 г. они названы маймаканами Деденой Каняркиевым и Обшулей) [627] и лалагира Карабчана, что они не помогают им возить подводы и грузы от Маймакана до Удского острога [628].

По обследованию аянских тунгусов, произведенному в 1903 г. Э. К. Пекарским, макагирцы жили главным образом по рекам Алдоме, Лантару, Ую, Челасину, Ватому и близ моря у устьев Алдомы и Лантара [629].

На приложенных к книге Э. К. Пекарского и В. П. Цветкова картах В. Мальцева кочевки тунгусов Макагирского рода показаны главным образом по Алдоме, Лантару, Улькану, верховьям Маймакана и (зимой) между Уем и Ватангой, в частности по притоку Уя Челасину [630].

Можно, таким образом, считать, что в конце XIX — начале XX в. макагиры жили примерно там же, где и в XVII в. Руководствуясь всеми вышеприведенными данными, мы и нанесли их территорию на карту.

Переходим к последней группе аяно-майских тунгусов — к озянам. Уже в начале 30-х годов XVII в. было известно, что вверх по Алдану

---

[620] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 31, л. 125.
[621] Там же, ст. 43, л. 258. Уиллагиры жили в верховьях Зеи.
[622] Там же, л. 361 об.
[623] Там же, ст. 48, лл. 87, 83, 84.
[624] Там же, лл. 85, 95.
[625] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 211, л. 5; см. также ясачную книгу Среднемайского зимовья за 1659 г.
[626] См. ДАИ, т. VIII, стр. 173.
[627] См. КПМГЯ, стр. 115, 248.
[628] См. ДАИ, т. XI, стр. 203.
[629] См. Э. К. Пекарский и В. П. Цветков. Очерки быта приаянских тунгусов. СПб., 1913, стр. 97.
[630] См. там же, стр. 124, 125. Речка Улькан в легенде ошибочно названа Ульей (!)

живут «Азонские люди» во главе с князцом Шолигаем. Как мы знаем, платили ясак озяны вначале главным образом в Верхнемайском зимовье, в Охотском остроге и Бутальском зимовье. В Среднемайском зимовье озяны почти не бывали.

Видимо, часть озянов жила и по самой Мае, в районе ее устья, там, где в конце XIX в. жили полуоседло тунгусы 1 и 2-го Эжанских кочевых родов [631]. Отсюда, наверное, «Очанского роду» тунгусы и приезжали в 60-х годах XVII в. к якутам на Амгу [632].

В известном документе, озаглавленном «Роспись рекам и имена людям, на которой реке которые люди живут, тунгусские роды, по роспросу Томсково города служилых людей Ивашки Москвитина да Семейки Петрова толмача тунгускова с товарищи» и опубликованном Н. Н. Степановым, относительно озян (или озянкан) сказано, что они кочуют «через» реку «Юному» (т. е. Юдому), кочуют вместе с лалагирами (?), по притоку р. Уй речке Кутоге и, наконец, «на вершине реки» «за волоком» [633]. Очевидно, имеются в виду верховья Ульи.

Мы знаем также, что в 1662 г. озяны выходили вместе с киларами к морю у р. Островной [634]. Так, видимо, называлась в XVII в. по-русски р. Тукчи, против которой находится в море о-в Нансикан.

На основании вышеприведенных данных и данных о расселении охотских тунгусов (см. ниже) мы и показали на карте территорию, на которой жили майские озяны. Надо заметить, что расположение озянов на карте отражает то оттеснение алдано-майских тунгусов на северо-восток, которое мы уже отмечали в отношении лалагиров. Весьма вероятно, что долина Маи между устьями Маймакана и Аима принадлежала озянам и лишь вышеотмеченное смещение тунгусов на северо-восток привело на Маю лалагиров, Так, например, лалагиры Ойгонского (Айганского), или Очерина (Почерина), рода, в середине XVII в. жившие на Мае в районе устья Маймакана, в 1686 г. кочевали уже на притоке Учура Алгоме [635]. Благодаря приходу русских алдано-майские тунгусы, очевидно, смогли во второй половине XVII в. восстановить свою первоначальную дислокацию в районе верховьев Алдана и среднего течения Маи.

Некоторые из рассмотренных выше групп алдано-майских тунгусов подразделялись на небольшие патриархальные роды. Так, у лалагиров выделяются роды Деулков, Томканиев, Ойгонский (Айганский) [636], аимские лалагиры и другие группы, особые названия которых не указаны. Бута делились на род тунгусов и род якутов. Возможно, что такие подразделения существовали и у озянов и у ичанцев (тугочаров, тюгэсиров).

Как мы знаем, часть «ламутских» тунгусов Камнунского зимовья платила ясак в Чириптейской и Успекской якутской волостях. Но уже в 1672 г. их оклады были переведены «в Ындигирское верхнее Зашиверское зимовье» [637]. В это же время на Индигирке появился новый тунгусский (ламутский) Буяксирский род.

Все алдано-майские тунгусы в описываемый период был охотниками и оленеводами, хотя у некоторых из них оленеводство было довольно «скудным». Занимались они и рыболовством. Никаких указаний на то, что бутальцы имели рогатый скот и лошадей, нам не попадалось.

Переходим к самой юго-восточной части населения Якутского уезда — к тунгусам Удского острога и Тугурского зимовья.

---

[631] См. там же, стр. 124, 125.
[632] См. Якутия в XVII веке, стр. 206.
[633] «Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 46.
[634] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 174, л. 118.
[635] См. ДАИ, т. X, стр. 355.
[636] Он же Очерин, или Почерин, позже Карабчанов.
[637] ЦГАДА, ф. 214, кн. 575, лл. 188, 199.

Впервые ясак (78 соболей) на Тугуре был собран в 1652 г. Иваном Уваровым, приплывшим сюда с р. Амура во главе отряда якутских служилых людей. Отряд этот разошелся на Амуре с Хабаровым и после жестоких боев с гиляками и ряда других злоключений вышел из устья Амура и где-то в районе устья Тугура нашел тунгусов. Некоторые из этих тунгусов жили (летом) на самом берегу моря, другие (зимою) — в глубине материка «за хребтом». Уваров взял у этих тунгусов двух аманатов, которые определили общую численность местных тунгусов в 150 чел. (очевидно, трудоспособных мужчин). 30 июня 1653 г. Уваров с 20 людьми остался на «Тугире реке наги и босы, и голодны и холодны», а Ивана Нагибу и еще пять человек послал с собранным ясаком и «с отпискою» в Якутск [638].

Затем ясак на Тугуре был собран также шедшими «из даур» охочими служилыми людьми, а именно Курбатом Семеновым в конце 1653 г. и Никифором Нифантьевым в конце 1654 г. Были ли это спутники Уварова и Нагибы, неизвестно. В том же 1654 г. из Якутска был «послан на новосыскную Тугур реку для ясачного сбора сын боярский Михайло Еротцкой да с ним якуцких служилых людей... 21 человек». Яроцкий прислал 436 соболей, собранных на Тугуре в 1653—1654 гг. Семеновым и Нифантьевым [639]. После Яроцкого на Тугуре побывал служилый человек Лазарь Микитин. В 1656 г. на Тугуре должны были собрать 181 соболя. Но посланный туда в 1656 г. ясачный сборщик Самышка Артемьев Мелненок послал с «Ананьтара реки» (т. е. с Лантара) 32 соболя, «а на Тугур не пошел.. потому что де тугурские аманаты ему сказали де на Тугуре реке гиляков живет много и немногих де людей гиляки побьют» [640]. Ходили русские на Тугур в то время вверх по Мае до устья Ватанги («Ватана») и затем шли прямо к морю, к устью Лантара («Нантары»). Отсюда уже плыли вдоль берега моря на коче [641].

В 1657 г. за Тугурским зимовьем числилось 183 соболя, а в 1658 г.— 116 соболей [642]. В 1657 г. в Якутск вернулся вышеупоминавшийся Самышка Мелненок. Он привез трех тугурских аманатов Оипкагирского рода, которые уже до этого были аманатами, и вновь взял на Алдоме еще двух макагиров (маймаканов).

Самышка Мелненок взял за 1657 г. с пяти тугурских тунгусов, приходивших на Лантар (за 23 чел.) 62 соболя, и за прошлые годы с них же 37 соболей. Под новых макагирских аманатов с 20 их сородичей Малненок взял 52 соболя. Он недобрал с тугурских тунгусов 91 соболя. В 1658 г. один аманат умер, а другие два тугурских аманата и оба взятых вновь макагира были посланы в Среднее майское зимовье с майским ясачным сборщиком сынов боярским Трифоном Евсеевым. На Тугур и на Лантар послан никто не был, так как мало людей туда послать было опасно, а много невыгодно [643].

Таким образом, с 1658 г. Тугурское зимовье было фактически ликвидировано, а ясак с части тунгусов бассейнов Уда и Тугура и с части мамакагиров собирался в Среднемайском зимовье. В этом зимовье ясак с удских и тугурских тунгусов собирался до 1664 г., хотя формально в ясачных книгах до 1666 г. фигурировало самостоятельное Тугурское зимовье.

---

[638] ДАИ, т. III, стр. 354—356. Издателями этого документа неверно определена его дата. Правильная дата 1653 г., а не 1652 г., так как в 1652 г. в мае отряд Уварова-Нагибы только тронулся вниз по Амуру.

[639] ЦГАДА, ф. 214, кн. 335, л. 704.

[640] ЦГАДА, ф. 214, кн. 361, лл. 809—856.

[641] ДАИ, т. IV, стр. 91.

[642] ЦГАДА, ф. 214, кн. 361, лл. 1036—1082.

[643] Там же, кн. 382, лл. 354 об.— 357. Сами тугурские аманаты считали, что в их родах «человек со сто», и говорили, что платила ясак лишь половина.

Уже в 1658 и 1661 гг. тугурские тунгусы жаловались, что до Среднемайского зимовья им далеко. С 1664 г. удские и тугурские тунгусы платили ясак в Верхнемайское зимовье. Численность ясачных тугурских тунгусов показывает табл. 178.

Таблица 178

Численность тугурских ясачных тунгусов в 1659—1667 гг.[644]

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1659	43	11	—	32	—
1662	46	28	3	—	—
1664	44	31	19	13	—
1665	59	50	11	9	—
1667	71	68	6	4	—

В 1659 г. оклад тугурских тунгусов равнялся 235 соболям, а в 1662—241 соболю. Фактически было собрано за эти годы соответственно 29 и 80 соболей. Надо иметь в виду, что в число тугурских плательщиков ясака, до 1662 г. по крайней мере, входило до 24 тунгусов Макагирского рода. В 1667 г. Тугурское зимовье было официально ликвидировано. Оно исчезло из списка ясачных зимовий, удские и тугурские тунгусы были приписаны к Верхнемайскому зимовью, а с 1670—1671 гг.— к Майскому зимовью.

Уже в 1669 г. воеводе Барятинскому «били челом... тугурские ясачные тунгусы амапаты Ишкагулского роду Паргаулко да Изяк с товарищи, сказали словесно: живут де они на Уде реке с родниками своими, и... ясак платят в Верхомайском зимовье, а Богдойского де царя люди приезжают и их всякими теснотами теснят и ясак с них емлют; и чтоб великий государь пожаловал их тунгусов, велел от богдойских людей оборонить»[645]. Но только в 1679 г. «на новую Удь реку» пошел пятидесятник Данила Михайлов[646], который и основал на р. Уд зимовье, ставшее в дальнейшем Удским острогом. В 1683 г., при приказчике Петре Оксентьеве, наряду с Удским острогом упоминается также Тугурский острожек. Здесь собирали ясак с амгунских тунгусов. Намеревались также поставить зимовье на самой Амгуни, «на устье Немиляка». Но в 1684 г. Тугурский острожек с помощью гиляков и негидальцев был взят маньчжурскими войсками и сожжен[647].

По своей этнической принадлежности все плательщики ясака Удского острога были тунгусами. Гиляки и гольды (натки) выше хотя и упоминались, но в число плательщиков ясака Удского острога не входили. Негидальцы иногда платили ясак удским (тугурским) служилым людям, но в основной своей массе были связаны не с якутскими, а с албазинскими служилыми людьми. Бирары в XVII в. тоже были больше связаны с Албазинским уездом, чем с Удским острогом, хотя они несомненно вступали в контакт с удскими служилыми людьми.

В табл. 179 приведены данные о численности плательщиков ясака Удского острога и Тугурского зимовья за второй период существования последнего.

---

[644] Таблица составлена по следующим книгам фонда 214 ЦГАДА: 382, 401, 440, 463, 63, 503.

[645] ДАИ, т. IV, стр. 154.

[646] См. ДАИ, т. VII, стр. 187.

[647] ЦГАДА, ф. 214, кн. 64, лл. 472—473, 613—614.

Таблица 179

Численность ясачных тунгусов Удского острога

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1681	89 [648]	65	9	12	12	1697	159	119	1	40	1
1682	170	131	2	27 [649]	12	1699	166	124	11	42	—
1685	141	118	1	18	5	1700	177	131	3	46	—
1686	139	123	9	15	1	1701	181	137	—	34	10
1687	147	132	1	15	4	1702	181	136	10	35	10
1688	145	132	—	11	2	1705	191	149	1	32	10
1691	139	135	5	2	4	1706	192	142	3	5	45 [650]
1692	141	132	9	9	—	1708	197	145	1	3	49
1693	149	143	4	8	1	1710	200	144	1 [651]	7	49
1694	157	110	2	45[652]	2	1712	213	154	—	10	49
1695	157	121	1	42	4						

О плательщиках ясака (негидальцах) Тугурского зимовья мы имеем данные лишь в ясачной книге за 1684—1685 гг. Тогда в этом зимовье числилось 115 плательщиков ясака, к платежу из них явилось семь, а 108 числилось «сошедшими». В качестве «очистки» (т. е. объяснения) о происшедшем недоборе ясака здесь приведена «отписка» удского приказчика Герасима Цапандина о разрушении Тугурского острожка маньчжурскими войсками в 1684 г. (см. выше).

Как видим, количество плательщиков ясака в Удском остроге было довольно устойчиво и колебалось все время около цифры 150.

В табл. 180 о родовом составе удских тунгусов приведены данные, во-первых, по Тугурскому зимовью первого периода его существования за

Таблица 180

Родовой состав плательщиков ясака Удского острога [653]

Год	Род	Имена лиц, возглавлявших род	Количество плательщиков ясака
1659	[О] инкагирский	Гургокта и др.	25[654]
1660	Муялягирский	Гургукта и др.	29[655]
1661	Муялягирский	Гургокта и др.	27[656]
1680	Муяллагирский	Гургокта и др.	93
1681	Муялагирский	Гургохта и др.	134
1681	Муктыгирский	Кайно и др.	21

[648] В том числе 85 из Майского зимовья.
[649] Изменили.
[650] В том числе в 1706 г. умерло с голода 20 чел.
[651] «Подгородный» якут.
[652] «Сопли в Даурскую землю».
[653] По Тугурскому зимовью использованы материалы ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 167 г., лл. 163—165; по Удскому острогу — ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 188 г., лл. 72—80; яс. кн. 189 г., лл. 210—229.
[654] Кроме того, 19 чел. Маймаканского рода.
[655] Кроме того, 16 чел. Маймаканского рода.
[656] Кроме того, 16 чел. (?) Маймаканского рода.

1659—1661 гг., когда ясак тугурско-удскими тунгусами фактически уплачивался в Средне- и Верхнемайское зимовья, и, во-вторых, по самому Удскому острогу за 1680—1681 гг.

В сборной книге 1659 г. у списка «инкагиров» имеется приписка: «В 167 г. в Майское середнее зимовье небывали потому что река Тугур от Майского середнего зимовья удалела». Перед списком муяллагиров 1681 г. имеется заголовок «Тогурские тунгусы». Перед списком муктыгиров имеется подзаголовок «Тунгусы, род Муктыгирской». После списка муктыгиров имеется следующая запись:

«Филипп Щербаков [657] вновь с тингусов новые реки Амгуну на 189 год. Амьгупские тингусы». В этой записи фигурируют роды «Чюкчагирской» (Чикан, Уданга), два человека; Торомконской» (Улябук и др.), три человека; Амьконской» (Гочаул и др.), два человека.

Здесь речь идет явно уже об амгунских негидальцах и поэтому эти данные сейчас не будем рассматривать.

Мы видим, что основным тунгусским родом удско-тугурского района являлся род, который в 1659 г. назван [О] инкагирским, а затем все время назывался Муяллагирским. Только в 1681 г. в число удских тунгусов включился небольшой Муктыгирский род. Потомки этого рода к нашему времени сохранились только у негидальцев.

Что касается основного рода удско-тугурских тунгусов, то потомки его в конце XIX — начале XX в. были известны под названием тунгусов Аинкагирского (Анкагирского и даже Енкагирского) рода. Название Муеллагир к XX в. из употребления, по крайней мере в официальных документах, исчезло.

То, что многочисленные, частью приведенные выше, названия Оинкагирского (Огинкагирского), или Аинкагирского (Агинкагирского), рода представляют искажения одного названия, а не являются названиями самостоятельных родов, и то, что Муяллагирский род — это тот же Аинкагирский род, подтверждается табл. 181.

В дополнение к этой таблице укажем, что в списке Муяллагирского рода за 1680 г. имеются имена Нюдига (ср. Нюдик в таблице), Изяки (ср. Изяк), Онаул (ср. Онеул). В этом списке, первым в котором стоит имя Гургокта (ср. Гургукта и др.), имеются имена его сыновей Мелеты (ср. Малета, Мулитишко) и Камки (ср. Капкай, Камрулко, Камка). Отчества Гумготин, Гурбиктин несомненно происходят от того же имени Гургокта. В этом же списке упомянут Курпкта, отец Бутуры Куриктина.

Таким образом, названия Инкагирский, Инкагульской, Амкагирский, Огикагирской, Оволнагирской и Онилкогирской представляют искаженные названия Аинкагирского (Агинкагирского), или Оинкагирского (Огинкагирского), рода.

К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус название рода Аинкагир записали в 1926—1927 гг. у негидальцев как Хыйинкагир. П. П. Шимкевич называет среди тунгусских родов, кочевавших в 1894 г. около Бурукана на Тугуре, Аинкагирский род [658]. Возможно, что название этого рода вначале звучало как Хайинкагир. В дальнейшем мы будем придерживаться наиболее общепринятой транскрипции Аинкагир, памятуя, что другим названием этого рода является название Муяллагир.

Можно считать, что в 80-х годах XVII в. в Аинкагирском (Муяллагирском) роде было с аманатами около 140 плательщиков ясака (всего 560 чел. населения). Столько же их было, вероятно, и к приходу русских в середине XVII в. и, судя по числу плательщиков ясака в Удском остроге, в конце этого столетия. В Муктыгирском роде в 80-х годах XVII в.

---

[657] Филипп Щербаков был приказчиком Удского острога в 1680—1681 гг.
[658] См. Тунгусский сборник, I, Л., 1931, стр. 113—114.

Таблица 181

Варианты транскрипции названия Аинкагирского (Муяллагирского) рода

Год	Род	Имена членов рода	Источник
1657	Оинкагирский	Канкай Гургоктин, Нюдик Шелпугин, Бутура Куриктин	Подлинная ясачная книга (ЦГАДА, ф. 214, кн. 382, лл. 154—157)
1659	[О]инкагирский	Гургокта и др.	Подлинный список «ясачных людей» (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4)
1660	Муяллагирский	Гургукта и др.	То же
1661	»	То же	»
1669	Инкагулский	Паргаул, Изяк	ДАИ, т. VII, стр. 187
1679	Муеллагирский	Камрулко	ДАИ, т. VIII, стр. 172—173
1680	Амкагирский	—	ДАИ, т. VIII, стр. 174—175
1680	Муяллагирский	Гургокта и др.	Подлинный список «ясачных людей» (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4)
1681	Муялагирский	Гургохта и др.	То же
1681	Муя(лла)гирский	Камка и Малета Гумготины	ДАИ, т. VIII, стр. 178
1681	Огикасгирский	Камка Гурбиктин	ДАИ, т. VIII, стр. 183
1684	Оволнагирский	Мулитишко Гургоктин	ДАИ, т. XI, стр. 203
1696	Онилкогирский	Онеул	«Чтения в обществе истории и древностей Российских при Моск. ун-те», 1861, ч. V, стр. 20.

было с аманатами 22—23 плательщика ясака (всего 90 чел. населения). Вероятно, столько же было людей в Муктыгирском роде в середине и в конце XVII в.

Удские тунгусы несомненно жили по рекам Тугуру и Уду и к северу от Уда, на дороге к нему с притока Маи Маймакана [659]. На р. Уд они жили у оз. Бокон [660]. В верховьях Уда и его притока Шевли кочевали уже бирары. В частности, бирары промышляли на притоке Шевли речке Усикане (Уткане) [661]. Около устья р. Шевли и на р. Лан (Лаки), притоке Шевли [662], была уже территория удских тунгусов. На притоке Селемджи Быссе жили бирары [663]. Удско-тугурские тунгусы считали своими промысловыми угодьями реки Тугур, Тором и верховья Амгуни [664]. На среднем и нижнем течении Амгуни удско-тугурские тунгусы не жили. Удский острог показывается на старых картах на правом берегу Уда выше устья Половинной (Маи), против устья р. Мини. Местоположение Тугурского острога неизвестно, но, вероятно, он находился на урочище Бурукан на Тугуре, откуда шел путь на р. Немилен из системы р. Амгуни.

---

[659] См. ДАИ, т. XI, стр. 202—203.
[660] См. ДАИ, т. VIII, стр. 172—173.
[661] См. там же, стр. 174—175; т. XI, стр. 217, 220; ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, л. 312.
[662] ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, л. 329.
[663] См. ДАИ, т. X, стр. 260.
[664] См. Чтения в О-ве истории и древностей российских при Московском ун-те, 1861, ч. V, стр. 20.

Тугурские тунгусы, судя по отписке Ивана Уварова, жили и на берегу моря в районе устья р. Тугура. С другой стороны, выше приводилось известие о том, что «на Тугуре реке гиляков живет много». Мы склонны предполагать, что гиляки жили, или во всяком случае бывали, на Тугурском полуострове и на Шантарских островах, но вряд ли они жили постоянно по Тугуру. Вышеприведенное сообщение о гиляках на Тугуре вызвано, очевидно, большим нежеланием Самышки Мелненка идти на Тугур, а аманаты хотели, вероятно, только сказать, что много гиляков иногда бывает на Тугуре. Во всяком случае это сообщение о гиляках на Тугуре стоит совершенно изолированно и не подтверждается другими сообщениями, тогда как в событиях, происходивших на Аргуни и Амуре, все время упоминаются гиляки. Больше известий о гиляках в районе Удского острога и Тугурского зимовья (за исключением сообщения о некотором их участии в разрушении Тугурского зимовья) нет. Поэтому устье р. Тугура мы включили в территорию удско-тугурских тунгусов.

Таким образом, территория аинкагиров (муеллагиров) как будто в общем совпадает с бассейнами рек Уда, Торома и Тугура. На верховья Амгуни мы их территорию распространить не решились. С верховьев Буреи на верховья Амгуни во второй половине XVII в. часто ходили албазинские казаки, и все население этого района было ими объясачено. В качестве жителей бассейнов Буреи (Быстрой) и верховьев Амгуни албазинские казаки называли не аинкагиров и муктегиров, а шамагиров (ср. современные шамагиры на р. Гарин), дилкагиров (ср. род Дигр на Гарине), четелкогиров (здесь, вероятно, грубая описка: очевидно, имеются в виду алчакагиры, во времена Миддендорфа, в середине XIX в., входившие в состав негидальцев на Амгуни, а теперь живущие на р. Гарин вместе с шамагирами) [665], а также (на р. Амгунь) некоторые другие роды предков современных негидальцев.

Открытым остается вопрос о месте кочевок в XVII в. рода Муктегир. На Амгуни он явно не кочевал, иначе его бы объясачили там албазинские или удские казаки. По данным Н. К. Каргера, род Муктегир был родствен роду Алчакагир [666]. По ряду соображений мы помещаем на карте род Муктегир в районе, где сходятся истоки Буреи, Селемджи, Тугура и левых притоков Амгуни, между аинкагирами и предками негидальцев и некоторых вышеупомянутых родов гаринских гольдов.

Помещая здесь (в верховьях Селемджи, Буреи и ряда притоков Тугура и Амгуни) муктегиров, мы тем самым расширяем территорию удско-тугурских тунгусов до верховьев Амгуни, на которые эти тунгусы указывали как на место своего промысла.

В настоящее время, по данным К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус, потомки рода Муктегир живут среди негидальцев в «верхней» их группе, т. е. неподалеку от района, указанного нами в качестве места обитания рода Муктегир в XVII в. Яков Линденау, исследовавший удских тунгусов в 1644—1645 гг., в своих рукописных трудах указывает, что к приходу русских в районе Удского острога обитали роды Огинкагир (т. е. Аинкагир), Китигир, Моктигир (т. е. Муктегир) и Лалкагир. Позже сюда пришли, по данным Линденау, роды Лалагир, Хойган, Эджен и Бутал [667]. Как уже указывалось, лалагиры и лалкагиры — это один род, отдельные группы которого по-разному были записаны в ясачные документы. С родами Эджен (Озян) и Бутал мы тоже знакомы. В последнее время большинство

---

[665] См. ДАИ, т. XII, стр. 97. О названии Алчакагир см. «Изв. КИПС», вып. 3, Л., 1929, стр. 12.

[666] См. «Изв. КИПС», стр. 12. Правда, К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус связывают род Муктегир с лалагирами. Но в середине XVII в. лалагиров в районе вероятного кочевания рода Муктегир не могло быть.

[667] См. «Историк-марксист», 1938, кн. 2, стр. 75—76.

тугуро-чумиканских тунгусов действительно составляли пришедшие сюда лалагиры, эжанцы и бута. Линденау ошибался в том, что считал часть лалагиров, официально числившуюся в качестве «Лалкагирского» рода, коренными обитателями удско-тугурского района. «Хойган» — значит «болотный»; это, вероятно, прозвище части одного из вышеупомянутых родов, или другое название рода Муктегир.

Название Китигир нам совершенно неизвестно. В 1737 г. в Удском остроге числилось «ясачных людей» Аинкагирского рода 17 чел., «Ажанского» (Озянского) — 32 чел., Лалыгирского — 18 чел., «Умуктукагирского» (Муктегирского) — восемь человек, «Чачинского» (?) — два человека и якутов (Бута?) — два человека. Все они были оленные [668]. По другим данным 30-х или 40-х годов XVIII в., около Удского острога кочевали роды Лалыгир, Эпган (он же Хойган?), Эжан, Аинкагир и Бутал [669].

Крашенинников называет следующие роды тунгусов в районе Удского острога: Лалигирский, Гойганский, Оддианский (т. е. Озянский или Эженский), Огинкагирский (т. е. Аинкагирский), Бутальский, Катигирский [670]. Как и в других списках родов удских тунгусов XVIII в., здесь, по сравнению с XVII в. имеются «лишние» роды Гойган и Китигир. Выяснить их происхождение несомненно можно будет путем изучения архивных материалов начала XVIII в. по району Удского острога. Однако есть все основания предполагать, что это были не какие-либо новые, неизвестные нам ранее роды, а части известных нам тунгусских или якутских родов XVII в. В настоящее время эти роды не встречаются, не были они зарегистрированы и во время переписи 1897 г. Очевидно, если потомки этих новых родов и существовали, то числились в 1897 г. в составе тех старых родов, от которых они отпочковались.

Переходим к одной из самых больших групп тунгусов Якутского уезда XVII в., к тунгусам, платившим ясак в Охотский острог и Тауйское и Мотыхлейское зимовья.

В землю охотских тунгусов русские пришли почти одновременно двумя путями. По р. Улье вышел в 1639 г. на берег Охотского моря отряд Ивана Юрьева Москвитина, посланный атаманом Дмитрием Копыловым из Бутальского острожка на Алдане вверх по Мае. С устья Ульи отряд Ивана Москвитина ходил также на р. Охоту. За два года, которые отряд Ивана Москвитина провел среди охотских тунгусов, им было собрано 440 соболей ясака. Вернулся отряд Москвитина по Алдоме, Ую и Мае в 1641 г.

В 1641 г. на Оймекон, в верховья Индигирки, был послан отряд Михаила Стадухина. С Оймекона Стадухин послал служилого человека Андрея Горелого с 18 служилыми людьми и с 20 якутами в верховья р. Охоты. Отряд Горелого прошел вниз по Охоте, всего три дня пути не дошел до находившегося в районе устья Охоты отряда Ивана Москвитина и вернулся на Оймекон [671].

Осенью 1645 г. в устье р. Ульи прибыл морским путем, возвращаясь из устья Амура в Якутск, письменный голова Василий Поярков. Уходя весной 1646 г. в Якутск, Поярков в устье Ульи оставил с макагирским аманатом 20 служилых и промышленных людей [672].

В 1646 г. был послан из Якутска на Охотское море с отрядом в 40 чел. десятник Семен Шелковник. 30 мая 1647 г. он выплыл по Улье к зимовью Пояркова в устье Ульи и взял с собой перезимовавших здесь 17 людей Пояркова во главе с Ермилом Васильевым. 23 июня 1647 г. Шелковник

---

[668] ЦГАДА, ф. 199, № 511, л. 336.
[669] Там же, л. 350.
[670] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 161.
[671] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, лл. 1—6.
[672] См. ДАИ, т. III, стр. 56.

морем приплыл в устье р. Охоты. В 3 верстах от устья он поставил острожек [673]. В 1648 г. Шелковник послал из Охотского острожка Ермила Васильева и Алексея Филиппова с отрядом (всего 24 чел.), которые поставили в Тоуйской губе в устье речки Мотыхлей новое ясачное зимовье [674]. Так было основано еще одно русское поселение на Охотском море.

Вскоре после ухода этого отряда сам Шелковник умер (в том же 1648 г.) и в Охотском острожке осталось лишь 26 чел. В 1650 г. на Охоту, чтобы выручить отряд Шелковника, был отправлен из Якутска с отрядом в 38 чел. служилый человек Семен Епишев, который застал в 1651 г. в Охотске «чуть живых» только 20 чел. Затем, 15 июля 1651 г., в Охотск пришло 15 оставшихся в живых служилых людей с Мотыхлея [675]. В этом же году с ясачной казной был отправлен в Якутск 21 чел.

В 1652 г. на помощь Епишеву был отправлен пятидесятник Борис Оноховский с отрядом в 35 (?) чел. Пришедший в 1654 г. на Охотское море сын боярский Андрей Булыгин нашел и Епишева и Оноховского в устье р. Ульи, так как на Охоте тунгусы острожек сожгли и жить им там стало «не в силу». Булыгин с Оноховским в этом же году все-таки пришли на Охоту и восстановили Охотский острог [676].

В начале сентября 1652 г., когда существование нового Охотского острога подвергалось серьезной угрозе, с северо-востока, с Гижиги, в Тоуйскую губу морем прибыл отряд известного землепроходца Михаила Стадухина, пришедший с Анадыря на Пенжину, а затем спустившийся к Охотскому морю. Стадухин прожил в устье Тоуя до 1657 г. и тоже собирал здесь ясак [677]. Таким образом, в Тауйском заливе почти беспрерывно с 1648 по 1657 г. существовало зимовье, хотя под разными названиями (Мотыхлейское и Тауйское) и в разных местах. По ясачной книге 1659 г. Мотыхлейское зимовье (из которого ясак не поступал уже с 1651 г.) и Тоуйское зимовье (в котором в 1659 г., якобы, было собрано 25 соболей и одна лисица) числились одновременно. Но фактически и эти 25 соболей были собраны уже в самом Охотске, хотя в списках ясачных зимовий Тоуйское зимовье числилось до 1667 г. С 1668 г. в ясачных документах числится только один Охотский городок, хотя ясак собирался с тунгусов и охотских и тоуйских родов.

Не останавливаясь на систематическом изложении богатой драматическими эпизодами истории Охотского острога (с 1667 г. «городка») и тяготевших к нему тунгусов, перейдем непосредственно к данным о численности охотских (т. е. охотских и тауйских) плательщиков ясака.

С 1668 г., как указывалось выше, в ясачных документах числился один Охотский острог. Поэтому и мы с этого года приводим данные об изменении численности плательщиков ясака только по одному Охотскому острогу (табл. 183).

Можно считать, что более или менее полно объясачены были охотские тунгусы к 1665 г. Надо, однако, иметь в виду, что охотские тунгусы платили ясак также в Зашиверском острожке и в Верхнемайском (и просто Майском) зимовьях. Как и для ряда других групп коренного населения восточной Сибири, эпидемия оспы начала 90-х годов XVII в. имела для охотских тунгусов трагические последствия, особенно для их пешей, безоленной части.

Списков родов охотских тунгусов до нас дошло довольно много. Один из таких наиболее полных списков был в 1948 г. опубликован С. А. Токо-

---

[673] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, л. 83.
[674] См. ДАИ, т. III, стр. 320, 322.
[675] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 21, л. 99—101; ДАИ, т. III, стр. 333—339.
[676] См. ДАИ, т. IV, стр. 2—3.
[677] См. там же, стр. 129. В 1657 г. Стадухин прибыл в Охотск, а оттуда в 1658 г. в Якутск.

Таблица 182

Численность плательщиков ясака Охотского острога и Мотыхлейского (Тауйского) зимовья

Год	Охотский острог					Мотыхлейское (Тауйское) зимовье				
	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	«Умерло»	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло
1651	77					32				
1652	192	Сведений нет				32	Сведений нет			
1655	192					32				
1656	200	160	2 рода	58	—	32	—	—	32	—
1657	220	162	11	58	—	32	—	—	32	—
1659	231	188	4	43	—	35	35	—	—	—
1662	181	179	11	2	—	35	35	7	—	—
1664	375	369	86	6	—	45	45	3	—	—
1665	458	914[678]	34	2	—	16(?)	110[678]	9	—	—
1666	950	931	39	8	—	119	106	5	13	—
1667	989	901	18	88	—	124	122	—	3(?)	—

Таблица 183

Численность ясачных тунгусов Охотского острога

Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»	Умерло	Год	Числилось	Явилось	«Новиков»	«Сошло»»	Умерло
1668	1163	1163	—	—	—	1693	926	439	—	421	66[679]
1669	1163	1055	18	71	35	1694	666	313	4	314	39
1672	1093	1040	49	53	18	1695	630	355	7	275	—
1673	1122	1029	47	93	—	1697	640	396	12	166	88
1678	1152	Сведений нет				1699	586	326	27	260	—
1679	1152	798	1	354	—	1700	613	408	9	205	—
1681	1146	953	13	186	7	1701	622	439	20	182	1
1682	1153	1000	9	114	40	1701	642	439	15	203	—
1685	1111	1028	10	75	8	1703	657	443	56	214	—
1686	1113	1033	14	75	5	1705	713	470	11	242	1
1687	1122	1058	1	62	2	1706	724	484	1	239	1
1688	1120	1017	5	99	4	1708	727	485	—	241	1
1691	946	828	5	103	25[680]	1710	727	494	3[681]	232	1
1692	926	Сведений нет				1712	727	494	7[681]	232	1

ревым [682]. Список родов охотских тунгусов дает также А. М. Золотарев в своей статье о материалах Я. Линденау [683]. Но список Золотарева составлен только по данным, опубликованным в «Дополнениях к актам историческим», и содержит ряд описок или опечаток.

[678] Это объявились «у прежних аманатов родники их».

[679] От эпидемии оспы. Фактически умерло не менее 300 плательщиков ясака. По официальным данным в 1691—1692 гг. в Охотском ведомстве от оспы умерло 206 пеших тунгусов и 61 аманат (ЦГАДА, ф. 214, ст. 1214, л. 509).

[680] Частью побиты неясачными коряками.

[681] «Подгородные» якуты.

[682] См. Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948.

[683] См. «Историк-марксист», 1938, кн. 2, стр. 80.

Наиболее полным из известных нам списков родов охотских и тауйско-мотыхдейских тунгусов является список 1678 г.[684] Он совпадает с временем, когда численность плательщиков ясака Охотского острога достигла максимума. Его можно взять за основу, а с ним сравнить некоторые другие списки[685]. Список родов охотских тунгусов дан в табл. 184.

Нужно сразу указать, что Кукугирский и Зельянский (Дельянский) роды представлены в табл. 184 не полностью, так как большая часть членов этих родов платила ясак в Зашиверском остроге. Озянский, Маймаканский и Тугочерский роды тоже здесь представлены далеко не полностью, потому что основная часть членов этих родов платила ясак на Алдане и Мае (см. выше).

В приведенном выше списке родов обращает на себя внимание сходство названий родов Азянского (№ 7) и Ождянского (№ 8). При рассмотрении окладов ясака этих родов создается впечатление, что часть Азянского рода после 1659 г. начала платить ясак под названием Ождянского

Таблица 184

Родовой состав охотских тунгусов

Род	1678 г.				1681 г.		Оклад ясака (в соболях)		
	Число плательщиков ясака			Всего населения	Число плательщиков ясака	Всего населения	1656 г.	1659 г.	1678 г.
	пеших	оленных	итого						
1 Гулюгирский[686]	12	8	20	80	20	80	—	25	42
2 Годниканский[687]	37	92	129	520	130	520	73	84	281
3 Лелтягирский	—	5	5	20	5	20	—	—	9
4 Кайтагирский[688]	—	10	10	40	10	40	—	—	16
5 Уяганский[689]	52	127	179	720	181	720	40	48	364
7 Бояшинский[690]	21	3	24	100	24	100	78	70	119
7 Шолганский[691]	51	—	51	200	51	200	24	50	56
8 Азянский[692]	—	3	3	10	3	10	—	10	6
9 Ождянский	7	—	7	30	7	30	—	—	16
10 Шолонский[693]	31	—	31	120	31	120	40	40	40
11 Ачганский[694]	49	—	49	200	50	200	60	75	75
12 Горбиканский	31	90	121	480	123	490	40	40	227
13 Киларский[695]	27	83	110	440	112	450	57	127	266
14 Ненякагирский[696]	11	—	11	40	11	40	23	30	30
15 Нюнюгирский[697]	7	—	7	30	7	30	35	35	60
16 Чапчигирский[698]	3	—	3	10	3	10	9	20	20

[684] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, яс. кн. 166 г., лл. 1—61.

[685] Там же, яс. кн. 164 г., л. 46; яс. кн. 167 г., лл. 68—73; яс. кн. 189 г., лл. 55—125.

[686] В одном случае «Гульгирский», а другой — Люлюгирский.

[687] Также Готниканский, «Козлинский» (sic!)

[688] Также Кайдагирский, Кантагирский, Контакагирский, Кондакагирский.

[689] Иногда Уеганский, в одном случае «Угеганский», в другом — явная описка — «Яганский».

[690] В одном случае в ДАН явная ошибка — «Галушкинский»; также «баяшынцы».

[691] Также Шелганский или Шалганский.

[692] Иногда Озянский.

[693] Иногда Шелонский, в одном случае Шолынский.

[694] Транскрипция названия этого рода варьировалась более остальных. Встречались такие транскрипции: Ачьганский, Ачьжганский, Ажганский, Ачканский, Очганский и явные описки: Ачиканский, Анчинский, Алганский, Аганский, Ажиганский.

[695] Иногда Килярский или Келарский.

[696] Также Ненкагирский, Нинагирский, Нинанагирский, Ненакагирский, Ненякагирский, Ненякигирский Ненагирский.

[697] В одном случае Нюньгирский.

[698] Также Чабчагирский и Чипчагирский.

Таблица 184 (окончание)

Род	1678 г.				1681 г.		Оклад ясака (в соболях)		
	Число плательщиков ясака			Всего населения	Число плательщиков ясака	Всего населения	1656 г.	1659 г.	1678 г.
	пеших	оленных	итого						
17 Негнярский с р. Ини[699]	15	—	15	60	15	60	24	40	40
18 Улбиданский[700]	14	—	14	60	14	60	25	30	30
19 Талбарский[701]	15	—	15	60	15	60	20	30	30
20 Унахтагирский[702]	23	—	23	90	23	90	58	60	60
21 Евъянский[703]	20	4	24	100	23	90	20	17	37
22 Неганский с р. Ини[704]	34	—	34	140	34	140	20	20	29
23 Уягирский	45	—	45	180	45	180	—	84	83
24 Негнярский[705]	10	—	10	40	10	40	—	21	19
25 Угдигирский с р Олы[706]	27	—	27	110	28	110	—	—	33
26 Озянский[707]	—	65	65	260	61	240	—	—	126
27 Маймаканский Майского зимовья	—	5	5	20	5	20	—	—	8
28 Тугочерский[708], Камнунского и Бутальского зимовий	—	6	6	25	6	25	—	8	7
29 Укчерский[709]	26	—	26	100	25	100	—	—	45
30 Инганский[710]	12	—	12	50	12	50	—	—	20
31 Угирский[711]	17	—	17	70	17	70	—	—	6(?)
32 Нюнчинский[712]	10	—	10	40	10	40	—	—	19
33 Долганский	—	60	60	240	62	250	—	10	72
34 Муйтукарский[713]	15	—	15	60	15	60	—	—	20
35 Абдарский[714]	18	—	18	70	18	70	—	—	18
36 Зеведорский[715]	—	7	7	30	7	30	—	—	15
37 Горгорский	—	3	3	10	4	15	—	—	3
38 Кукугирский[716]	12	—	12	50	13	50	—	—	16
39 Зелянский[717]	6	—	6	25	9	40	—	3	9
Всего	658	571	1229	4930	1239	4950	646	977	2378

[699] Также Непягирский, Немнегирский, Немнярский, «Негляровский», Немнигирский.

[700] В одном случае «Улгиданский».

[701] Также Талбанский, Талбаканский, «Тобарский», «Тонбарский», Толбарский и даже «Долбанский».

[702] Также Унагтагирский, Унагтугирский, «Нахтагирский» и даже «анактагиры» и «Буллюкатирский».

[703] Также Евьянский, Авъянский, «Адянский», Явъянский, «Ядянский», Евянский и «евъянки».

[704] Иногда Неганьский, Нюганский.

[705] Иногда Ненярский, Ненягирский.

[706] Иногда Угдерский, Угдирский.

[707] Реже Азянский, Азяньский.

[708] Также Тогочерский, Тумучерский.

[709] Часто просто «тоуйские тунгусы» без указания рода, иногда Убзирский, в одном случае «Угорский».

[710] Иногда «Ингакинский», Инчанский.

[711] Правильно, вероятно, Угдигирский.

[712] В одном случае Угчерский.

[713] Также Муктукарский, в одном случае «Мултуканский».

[714] В отдельных случаях «Адарский», «Ардарский» и «Убзирский».

[715] Также Зевейдарский, Зевадорский.

[716] Иногда Кукигирский, Кукогирский.

[717] Также Зельянский или зельянкуры.

рода. Оказывается, что в 1659 г. Азянский род платил ясак под аманата Абганкура, а в 1678 г. под Обганкура платил Ождянский род. Мы предполагаем, что Азянский (Озянский) и Ождянский роды — это часть известного нам Озянского рода алдано-майских тунгусов, частью платившего ясак и в Охотском остроге. Эти озяны, или озянканы, вошли в состав охотских тунгусов, тогда как остальные оленные озяны принадлежали к алдано-майским тунгусам (см. выше).

Несомненно одним родом, но записанным двумя разными группами является Негнярский род с р. Ини (№ 17) и Негнярский род (№ 24). Вероятно, и Неганский род с р. Ини (№ 22) тоже является частью этого же рода. Трудно допустить такую случайность, что на Ине оказалось рядом два рода с такими сходными названиями. Но так как определенных свидетельств о тождестве Негнярского и Неганского (может быть, правильнее Инеганского, т. е. «обитающего на Ине») родов у нас нет, то мы оставляем их в наших списках и только оговариваем возможность их тождества. Может быть, и Ненякагирский род (№ 14) представляет часть этого же рода, но тоже с несколько иначе записанным названием.

Среди тоуйских родов одним родом, наверное, являются Угдигирский с р. Олы (№ 25), Угирский (№ 31) и Укчерский (№ 29) роды. Нювчинский (№ 32) и Муйтукарский (№ 34) роды, вероятно, представляют ответвления этого же рода. Во всяком случае в одном случае вместо названия Нювчинский род употреблено название Укчерский, а аманат Обтукля (Оттукля) то назывался аманатом Муйтукарского рода, то аманатом Укчерского рода. В наших дальнейших списках мы, однако, решились лишь на объединение Угдигирского и Угирского родов под названием Угдигирского, оставив вопрос о тождестве этого рода с Укчерским открытым.

Таким образом, из 39 родов, перечисленных выше, мы исключаем три алдано-майских рода (Озянский оленный, Маймаканский, Тугочерский), Азянский и Ождянский роды объединяем в один Озянский (по большей части пеший), два Негнярских рода объединяем в один и Угдигирский род объединяем с Угдирским — в другой. Следовательно, в списке охотских тунгусов, считая и два рода, плативших ясак в Зашиверске (Зельянский и Кукугирский), остается 33 рода.

Но если внимательно ознакомиться с документами об охотских тунгусах в первые десятилетия после прихода на Охотское море русских, то можно найти кроме вышеперечисленных 33 названий еще несколько, на которых и необходимо сейчас остановиться. В 1651—1655 гг. среди охотских пеших тунгусов упомянуты роды Куктугир (Кухтыгир, Кугтугир) и Муеллагир (Мулелагир). Затем, в 1678 г., упомянуты какие-то таняули.

«Кухтугир» — по-видимому, название пешего подразделения Гулюгирского рода. Нельзя считать, что названия Кухтугир и Гулюгир были разными названиями одного и того же рода. Семен Епишев писал о том, что не добрано ясаку «с дву родов с Куктугирского да с Гулюгирского» и что «на 160 год тех дву родов мужики с ясаком не бывали» [718]. Но, с другой стороны, в источниках упоминается в 1654—1655 гг. Кухтыгирский аманат Индега (или Илдега, он же Киндега) [719], а в 1658 и в 1678 г.— аманат Гулюгирского рода Индикан [720]. При этом в 1658—1659 гг. Гулюгирский род записан двумя группами. Одна (пешая) под аманата Индикана платила 10 соболей, а другая (оленная) под аманата Кангуя платила 15 соболей. В первой из этих групп можно видеть кухтыгирей, а во второй — собственно гулюгиров.

---

[718] ДАИ, т. III, стр. 335.
[719] См. ДАИ, т. IV, стр. 2, 4; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 36, л. 67.
[720] Индикан — это уменьшительная форма от имени Индега.

Муеллагирский род упоминается среди охотских тунгусов при следующих обстоятельствах. Осенью 1651 г. пришел в Охотский острог муеллагир Омокто, приведший с собой неясачных тунгусов «Тумучерского» рода. Про этого Омокто сообщается, что раньше он был взят в аманаты на Улье [721]. Известно, что Семен Епишев собрал ясак на 1652—1653 гг. «з двух родов Мулелагирсково да Бояшинсково з 28 человек 65 соболей, да на прошлый на 160 год 8 соболей» [722]. Известно также, что с 20 тунгусов Муеллагирского рода в 1652—1653 гг. было недобрано 38 соболей и собольих пластин, а в 1653—1654 гг.— 60 соболей и собольих пластин [723]. Наконец, из ясачной книги 1660—1661 гг. известно, что «при Андрее Булыгине» (т. е. в 1654—1656 гг.) был повешен тунгус (видимо, аманат) «Муеллагирского роду Канюга» [724]. Среди аманатов 164 г. (1655—1656 гг.) находился аманат Шелонского рода Камнюга, который после этого года больше в списках аманатов не встречается.

Очевидно, в ясачной книге 1660—1661 гг. в этом имени пропущено, обычно надстрочное, «м». Таким образом получается, что название Муеллагир — это другое название Шолонского (Шелонского) рода пеших тунгусов. Название Шолонский (из Шологонский) — несомненно территориальное и означает «живущий вверх» (по реке). Действительно, Шолонский род, как мы увидим ниже, жил от Охотского острога вверх по р. Охоте.

То, что род Муеллагир у охотских пеших тунгусов — это тот же Шолонский род, подтверждается также тем, что, как указано выше, в 1651 г. муеллагир Омокто привел с собой под Охотск неясачных тунгусов «Тумучерского», т. е. Тугочерского, рода. Путь со среднего течения Алдана, где, как мы предполагаем, жили тугочеры, лежит как раз на р. Охоту в том районе, где, вероятно, жил Шолонский (Муеллагирский) род пеших тунгусов. Название Муеллагир хорошо известно. Это другое название рода Аникагир, составлявшего главную массу плательщиков ясака Удского острога. Следовательно, Шолонский (Муеллагирский) род охотских пеших тунгусов представляет тоже осевшую группу оленных тунгусов подобно тому, как такие группы пеших тунгусов существовали в оленных родах Уяганском, Годниканском, Горбиканском, Киларском, Долганском и Озянском (см. выше).

О «шаняулях» нам известно из следующего контекста. В 1678 г. сын боярский Петр Ярыжкин писал из Охотска о том, что «пешим тунгусам оленные тунгусы соболей не продавали и с ясаком в Охотской ходить не велели, потому что оне оленные тунгусы заворовали, казаков побили и к острогу на приступ приходили и впред убить похваляютца. Да на них ж воров смотря оленные тунгусы и уягири и с Тоуя и абдары и муктукары и шаняули в Охотской с ясаком и с переменою к аманатом не приходили» [725]. По-видимому, «шаняули»— это тоуйские тунгусы, но какой именно из родов пеших тоуйских тунгусов, мы сейчас сказать не можем.

Для определения численности отдельных родов охотских тунгусов к приходу русских придется в основном использовать те же данные 1678 г., так как более ранних сведений о них у нас нет. Но возможно, что в то время, как численность оленных тунгусов с середины XVII в. (время прихода русских на Охотское море) до 1678 г. почти не изменилась, численность пеших тунгусов несколько сократилась. Сохранились челобитные аманатов 15 родов пеших тунгусов, в которых сказано, что в «моровое

---

[721] См. ДАИ, т. III, стр. 337.
[722] ЦГАДА, ф. 214, кн. 335, л. 691 об.
[723] Там же, л. 695 об.
[724] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 36, л. 69.
[725] ЦГАДА, ф. 214, кн. 688, л. 489.

поветрие», т. е. во время оспы 1659—1660 гг. у них «выпропало сот шесть и больше» людей [726]. Конечно, полностью принимать на веру эту цифру нельзя, так как этими своими челобитными аманаты стремились уменьшить размеры ясачного обложения своих родов и поэтому могли преувеличивать размеры постигшего их бедствия. Если сравнить данные ясачного обложения за 1656, 1659 и 1678 гг. (см. выше), то, за тремя исключениями, можно видеть рост окладов ясака. При этом обычно у пеших тунгусов размеры наивысших окладов ясака в 1678 г. не превышают в среднем двух соболей с человека, т. е. более или менее соответствуют численности плательщиков ясака. Конечно, рост окладов ясака по родам не означает увеличения численности родов. Чаще всего имело место лишь уточнение числа плательщиков ясака в роде. Но уменьшение оклада ясака на род или явное несоответствие его размеров численности плательщиков ясака (например, в Бояшинском роде на одного плательщика ясака [727] в 1678 г. приходилось более пяти соболей, а в Нюнюгирском и Чапчигирском родах даже 10 соболей) могут свидетельствовать о том, что численность рода уменьшилась с того времени, когда он был обложен ясаком

Следующие роды пеших тунгусов коллективно просили в 1661 г. о снижении ясачного обложения, мотивируя свою просьбу смертью сородичей от «морового поветрия»: Готниканский, Шалганский, Озянский, Шолонский, Очанский, Горбиканский, Килярский, Нинагирский (Ненякагирский), Улбиданский, Талбаканский, Уягирский, Ненягирский (Негнярский). Отдельно о том же подали челобитные роды Бояшинский и «Немнегирский» (Негнярский с р. Ини).

Но так как у нас нет точных данных о численности отдельных родов до эпидемии 1658—1659 гг. и, кроме того, есть основания считать, что данные 1678 г. содержат значительное количество мертвых душ, то мы произведем перерасчет численности только тех родов охотских пеших тунгусов, у которых можно на основании анализа размеров их окладов предполагать сокращение численности. Для всех же остальных родов пеших тунгусов ко времени прихода русских примем ту численность, которая у них была в 1678 г.

В 1660—1661 гг. оклад ясака Бояшинского рода равнялся 112 соболям. Так как охотские пешие тунгусы платили обычно одного-двух соболей с человека, то можно предполагать, что ясачных бояшинцев было вначале не менее 40 чел., а не 24, как в 1678 г. Сами они писали в 1660 г., что «разорены и в походах побиты, а иные померли» [728]. В Немнегирском (Негнярском с р. Ини) роде умер «в моровое поветрие» некто Луги с родниками, плативший 20 соболей [729]. Можно поэтому предполагать, что в этом роде вначале было не менее 20 плательщиков ясака, а не 15, как в 1678 г. Ясачных нюнюгиров, судя по их окладам, было вначале не менее 12 чел., а не семь, как в 1678 г.

Заметное несоответствие числа плательщиков ясака и размеров ясака заставляет нас предположить, что в Чапчигирском роде к приходу русских было не менее семи плательщиков ясака вместо трех в 1678 г.

Таким образом, численность ясачных охотских пеших тунгусов мы увеличиваем к приходу русских (т. е. к середине XVII в.) по сравнению с 1678 г. на 30 чел., численность же всего населения — на 120 чел. Больше всего за это время изменилась численность Бояшинского рода. На судьбах этого рода сказывается то обстоятельство, что бояшинцы участвовали во всех событиях, которыми была наполнена бурная история Охотского острога в течение XVII в.

---

[726] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 217, лл. 42—47.
[727] Не считая аманатов.
[728] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 217, л. 45.
[729] Там же, л. 47.

На численности тауйско-мотыхлейских пеших тунгусов могло сказаться сопротивление, оказанное ими отрядам Алексея Филиппова и Михаила Стадухина в 1648—1657 гг. Но, с другой стороны, в 1652 г. численность пеших мотыхлейских тунгусов была определена в 520 чел.[730], тогда как по вышеприведенным данным 1678 г. получается 500 пеших тунгусов на Мотыхлее, Тауе и Оле, т. е. цифра, близкая к оценке 1652 г. Поэтому мы не стали вносить в данные о численности тауйско-мотыхлейских тунгусов в 1678 г. какие-либо поправки, а приняли их целиком и для 1650-х годов, т. е. для времени прихода русских в Тауйский залив.

К концу XVII в. численность охотских тунгусов резко сократилась. В 1721 г. было на учете оленных ясачных охотских тунгусов всего 307 чел. (всего около 1230 чел. населения), а пеших — 191 чел. (всего около 760 чел. населения)[731]. Так как данные 1721 г. отражают, видимо, лишь фактический сбор ясака, то они преуменьшают численность оленных тунгусов, из которых многие явно уклонились в этом году от ясачного платежа. В 1737 г. в Годниканском роде числилось 120 оленных плательщиков ясака, в Уяганском — 122, Горбиканском — 50, Киларском — 67, Долганском — 47, Озянском («Ажанском») — 15, Баяшинском — пять и, кроме того, еще 17 кукугиров. Пеших ясачных тунгусов в Охотске и Туйске в 1737 г. числилось 139 чел.[732] Следовательно, в 1737 г. оленцых ясачных охотских тунгусов (без кукугиров и озянов) было 411 чел. (всего около 1640 чел. населения), а пеших охотских тунгусов всего около 560 чел. Как мы видим, численность оленных охотских тунгусов с 1678 по 1737 г. сравнительно мало изменилась, тогда как численность пеших уже к 1721 г. сократилась почти в четыре раза, а к 1737 г. даже в пять раз. Данные 1737 г. по оленным долганам, киларам и горбиканам тоже, вероятно, не полны.

Сравнивая списки родов пеших охотских тунгусов за 1678 и 1721 гг., можно видеть, что за это время исчезло много родов. Во-первых, исчезли все пешие части оленных родов (годниканов, горбиканов, киларов, уяганов, озянов и шолонов-муеллагиров). Исчезли небольшие роды — гулюгиры и кайтагиры, и ряд пеших родов, как охотских (ненякагиры, нюнюгиры, чапчигиры, улбиданы, талбары, унахтагиры), так и тоуйских (угдигиры, заведоры, горгоры). Остатки Баяшинского рода были уже оленными. Численность уцелевших пеших родов в районе самого Охотска очень уменьшилась и только около Тауйска в двух пеших родах (Нювчинском и Ингапском) несколько возросло число плательщиков ясака. В районе Тоуйска появилось два новых рода — Омохтольский и Кутинский. Амахтонским называется залив, в который впадает р. Тауй. Следовательно, название Омохтольский (Омохоцкий) — территориальное. Может быть, так стали называть Угдигирский род, когда коряки выбили его из района Олы, или это какая-то новая, чисто территориальная группировка тауйских тунгусов.

Во времена Крашенинникова и Линденау под Охотском оставалось лишь четыре или пять родов пеших тунгусов.

Крашенинников, который приехал в Охотск в 1737 г., называет пять родов: Эвъянский («Ивьянской»), Ачганский («Адганской»), Шолганский, Уягирский («Уякрской») и Нюачинский (Нюичинской»). Во всех этих родах он насчитывает 32 «ясачных человека»[733]. Линденау, прибывший в Охотск в 1741 г., насчитывает четыре рода: Ачган («адган»), Шолган («салган»), Евъян («эвен»), Уягир[734]. Но, вероятно, в это время были еще

---

[730] См. ДАИ, т. III, стр. 348.
[731] ЦГАДА, ф. 214, кн. 980, лл. 108—136.
[732] ЦГАДА, ф. 199, № 581, л. 335.
[733] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 529.
[734] См. «Историк-марксист», 1938, кн. 2, стр. 70.

Таблица 185

Численность ясачных тунгусов Зашиверского острога, оклады и сборы ясака по родам за 1672 и 1678 гг.[735]

Род	1672 г.		1678 г.		
	Плательщиков ясака	Оклад (в соболях)	Плательщиков ясака	Оклад (в соболях)	Собрано соболей
Зельяны					
Торочанов	33	57	(44)	78	52
Шелыгин	20	40	(21)	41	38
Куропашкин	13	27	(13)	23	23
Платившие вне родов	(7)	10	17	19	19
Итого	73	133	95	161	132
Кукугиры					
Куликанов	12	20	(17)	26	15
Вострого	8	12	(12)	20	20
Мелгин	14	23	(18)	28	20
Базин	13	20	(17)	26	21
Мохнаткин	9	15	(10)	17	16
Косого (Намалчин)	13	23	(18)	28	28
Платившие вне родов	—	—	7	8	8
Итого	69	113	99	173	148
Уяганы					
Короткого	12	20	(12)	20	20
Медвежьей парки	12	20	(12)	—	—
Репы	3	4	3	4	4
Итого	27	44	27	24	24
(Тугочеры)					
Шамана большого	13	21	(12)	20	20
Сеинкин[736]	4	7	6	9	9
Итого	17	28	18	29	29
(Буяксиры)					
Урумкин	6	10	(6)	10[737]	10
Платившие вне родов	(14)	17	12	14[738]	12
Итого	20	27	18	25	23
Всего	206	317	257	383	327

[735] ЛОИИ, Якут. акты, карт. 26(209), ст. 4, лл. 15—17; ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, Сборн. кн. 186 г., лл. 29—35; ф. 214, кн. 980, лл. 73—80. Цыфры и названия, взятые в скобки, в источниках отсутствуют и исчислены или определены нами.

[736] Возможно, Сеинкин род был какого-то другого происхождения (например, из Мемельского рода). Сам Сеинкин был зятем Шамана большого. В 1680 г. тунгусы «Бугочерского» (т. е. Тугочерского) рода почти истребили Сеинкин род (см.: Якутия в XVII веке, стр. 207).

[737] Из них трое платили в Якутск.

[738] Из них 10 чел. платили в Якутск.

некоторые роды пеших тунгусов в районе Тауйска, не посещенного этими исследователями. Нювчинский род, названный Крашенинниковым, переселился к Охотску из района Тауйска (см. выше).

Можно считать, что в конце XVII в. оленных ясачных охотских тунгусов было около 400 чел. (всего 1600 чел. населения), а пеших — около 200 чел. (всего 800 чел. населения).

Определим теперь численность охотских тунгусов, плативших ясак в Зашиверский острог. В Зашиверске из охотских тунгусов почти целиком платили ясак два рода — Дельянский (Зельянский, Зельянкурский) и Кукугирский (Кукигирский). Кроме того, около Зашиверска появлялись отдельные группы уяганов. В конце 1670-х годов в Зашиверске был в аманатах уягап Тепа. Правда, в 1678 г. его братья платили ясак в Охотске, но тем не менее спорадический выход в район Зашиверска отдельных групп уяганов не вызывает сомнений.

Тунгусы («ламуты») стали преобладать среди плательщиков ясака Зашиверского зимовья с 1662 г. Как и зашиверские юкагиры, большая часть зашиверских тунгусов платила ясак целыми родами и поэтому до 1691 г. данные о численности плательщиков ясака в Зашиверском зимовье показывают не численность физических плательщиков ясака, а главным образом численность юридических лиц, далеко не совпадавшую с реальной численностью трудоспособных мужчин.

Но в 1672 г. в Зашиверске была произведена перепись плательщиков ясака, а от 1678 г. имеются подробные данные об окладе и сборе ясака у зашиверских ясачных тунгусов (ламутов) по родам и отдельным лицам. Те и другие данные приведены в табл. 185.

Тунгусы Дельянского (Зельянского) рода во второй половине XVII в. платили ясак также в Верхнеколымское зимовье. В 1678 г. десятник Михаил Колесов писал, что будучи на службе в Верхнеколымском зимовье он в 1662 г. взял в аманаты «лутчего ламутцкого тунгуса имянем Иркынея, и ясак с тех ламутцких иноземцев в том Ковымском в Верхнем зимовье и по се число под аманатов збирается по 40-у соболей» [739]. И действительно, в 1678 г. в Верхнеколымском зимовье пятидесятник Герасим Цыпандин собирал ясак «с прежних ясачных юкагирей и с ламуцких мужиков». В Зашиверской сборной книге за 1678 г. записан некий Шамакан (он же Оркате) Лисинцын с окладом ясака в один соболь. В «очистке» к этому ясачному человеку написано: «По скаске Медвежьи парки платит тот Шамакан ясак на Ковыме реке в Верхнем ясачном зимовье...» Судя по окладу в 40 соболей, ясачных дельянов, плативших ясак в Верхнеколымске, было с аманатом по крайней мере человек 13 (всего около 50 чел. населения).

Данные о плательщиках ясака в Дельянском, Кукугирском и Уяганском оленных родах в 1678 г. приведены в табл. 186.

Таблица 186

Численность плательщиков ясака в Дельянском, Кукугирском и Уяганском оленных родах

Роды	Ясачное зимовье			Всего
	Охотск	Зашиверск	Верхнеколымск	
Дельян	9	95	13	117
Кукугир	13	99	—	112
Уяган	127	27	—	154

[739] КПМГЯ, стр. 69. Известно также, что этих ламутов в верховьях Колымы было перед 1662 г. «человек с сорок» (ДАИ, т. IV, стр. 381).

К концу XVII в. было, вероятно, 90 ясачных дельянов, 70 ясачных кукугиров и 110 ясачных уяганов.

В табл. 187 приведен сводный список родов охотских (вместе с зашиверскими) тунгусов с указанием их численности ко времени прихода русских, т. е. к середине XVII в.

Таблица 187

Численность охотских тунгусов по родам

Род	Плательщиков ясака		Всего населения		Всего плательщиков ясака	Всего населения
	пеших	оленных	пешего	оленного		
Уяганский	52	154	210	615	206	825
Годипканский	37	92	150	370	129	520
Горбиканский	31	90	120	360	121	480
Киларский	27	83	110	330	110	440
Кукугирский	—	112	—	450	112	450
Дельянский	—	117	—	470	117	470
Ачганский	49	—	200	—	49	200
Бояшинский	35	5	140	20	40	160
Шолганский	51	—	200	—	51	200
Гулюгирский	12	8	50	30	20	80
Лелтягирский	—	5	—	20	5	20
Кайтагирский	—	10	—	40	10	40
Озянский	7	3	30	10	10	40
Шолонский	31	—	120	—	31	120
Нюнюгирский	12	—	50	—	12	50
Пенякагирский	11	—	40	—	11	40
Чапчигирский	7	—	30	—	7	30
Негиярский с Ини	30	—	120	—	30	120
Улбиданский	14	—	60	—	14	60
Толбарский	15	—	60	—	15	60
Унахтагирский	23	—	90	—	23	90
Евъянский	20	4	80	20	24	100
Неганский с Ини	34	—	140	—	34	140
Уягирский	45	—	180	—	45	180
Итого собственно охотских с зашиверскими	543	683	2180	2735	1226	4915
Долганский	—	60	—	240	60	240
Угдигирский с Олы	44	—	180	—	44	180
Угчерский	26	—	100	—	26	100
Инганский	12	—	50	—	12	50
Нювчинский	10	—	40	—	10	40
Муйтукарский	15	—	60	—	15	60
Абдарский	18	—	70	—	18	70
Зеведорский	—	7	—	30	7	30
Горгорский	—	3	—	10	3	10
Итого тауйских	125	70	500	280	195	780
Всего	668	753	2680	3015	1382	5695

Наш итог близок к численности охотских тунгусов («больши 5000 человек»), определенной служилыми людьми в 1652 г.[740] Следовало бы еще увеличить примерно на 25 «ясачных людей» численность оленных тунгусов Долганского рода, так как вряд ли этот отдаленный род мог быть полностью учтен в 1678 г.

Переходим к расселению охотских тунгусов. По своему расселению охотские тунгусы явно делятся на три части: пеших собственно охотских, пеших тауйских и оленных, среди которых отдельно стоят семь больших оленных родов, занимавших большую часть территории охотских тунгусов. Займемся сначала именно этими большими оленными родами.

О Долганском роде известно, что он принадлежал к числу тауйских тунгусов. В частности, объясачены были эти долганы «на Тауйском хребте вверх Мотыхлея реки на вершине». В 1679 г. долганы пошли с Тауя в «дальние свои жилища»[741]. В 1684 г. в походе на коряков за Олу участвовали долганы[742]. В 1685 г. коряки «сбили» ушедших на промысел долган с их промысловых мест и многих из них побили[743]. Известно также, что еще в 1721 г. долганы платили ясак в Тауйском остроге. Все это заставляет нас показать долган на востоке территории, занятой охотскими оленными тунгусами, по соседству с коряками и тауйскими пешими тунгусами. Так как по нижнему течению рек Мотыхлея, Тауя, Олы жили пешие тунгусы, а по рекам Яме и Ореру (Иреть) коряки[744], то это определяет и южные и восточные границы территории Долганского рода.

В 1662 г. «на Тоуйском хребте вверх Мотыхлея реки на вершине», кроме трех долганских аманатов, был взят и один уяганский аманат. Участвовали уяганы и в походе на коряков в 1684 г. Но главная масса уяганов платила ясак в самом Охотске и только меньшая часть — в Зашиверске. К 1721 г. уяганы платили ясак и в Охотск (43 чел.), и в Тауйск (31 чел.). Территория уяганов, вероятно, находилась между Тауем и Охотском, простираясь вместе с тем далеко на север в сторону Зашиверска. И действительно, в 1678 г. служилые люди для того, чтобы найти оленных уяганов, в частности некоего Доклания, ездили на р. Ульбею, где и нашли Доклания, а кроме того взяли в аманаты еще трех оленных уяганов[745]. В 1679 г. на Ульбее были отысканы оленные уяганы, которые в 1678 г. участвовали в нападении на русский отряд на р. Ураке. В том же 1679 г. оленные уяганы стояли на р. Ине, в частности у ее истоков. Некоторые из уяганов тогда же послали с Ини ясак в Охотск[746]. Наконец, даже в XIX в. отмечалось, что большое количество оленных уяганов выходит на берег Охотского моря между Иней и Тауем[747]. Таким образом, у нас есть все основания поместить уяганов на карте к западу от долганов до р. Ульбеи включительно, отнести к их территории истоки р. Ини, а также истоки Колымы и Индигирки (Оймекона), где уяганы и попадали, вероятно, в поле зрения служилых людей Зашиверского острога.

О местожительстве дельянов имеется очень мало данных. Они раньше других тунгусов стали платить ясак в Зашиверске. Значительная группа дельянов платила ясак в Верхнеколымском зимовье. Потомки этих дельянов к XIX в. были даже ассимилированы юкагирами и описаны Иохель-

---

[740] См. ДАИ, т. III, ст. 348.
[741] ДАИ, т. IV, стр. 267; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 174, л. 115; КПМГЯ, стр. 243.
[742] ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, л. 352.
[743] Там же, л. 310; ст. 1072, л. 199.
[744] См. ДАИ, т. V, стр. 384—385.
[745] См. ДАИ, т. VII, стр. 290.
[746] См. там же, стр. 289, 290; КПМГЯ, стр. 242, 244.
[747] См. Н. В. Слюнин. Охотско-камчатский край. Т. II. СПб., 1900, стр. 440. Вместо Уганского у Слюнина написано «Уягинского» рода, но речь несомненно идет об уяганах.

сопом вместе с верхнеколымскими юкагирами. Это обстоятельство позволяет поместить дельянов к юго-востоку от Зашиверска по соседству с верхнеколымскими юкагирами. Заметим, что в XIX в. потомки дельянов числились в Колымском округе, тогда как другой зашиверский ламутский род — кукугиры — тогда же числился в Усть-Янском улусе Верхоянского округа. Таким образом, получается, что дельяны в общем жили восточнее кукугиров. Эта общая закономерность во взаимном расположении дельянов и кукугиров не исключает того, что иногда дельяны приходили к кукугирам и вместе с ними нападали на служилых людей между Яной и Индигиркой [748], и, наоборот, кукугиры приходили к дельянам и ездили вместе с последними в Верхнеколымск [749]. Территория дельянов целиком находилась в пределах бассейна Колымы и отчасти Индигирки. Верховья рек, текущих в Охотское море («Ламские вершины»), были для дельянов территорией, откуда приходили «ламуты» других, не родственных им родов [750].

Основная масса кукугиров платила ясак в Зашиверске. В 1664 и 1665 гг. они с севера приходили на Охоту к своим «родникам» годникапам [751]. В 1666 г. они напали на служилых людей, шедших с Яны к Зашиверску. В 1681 г. кукугир Мохнатко приходил вместе с годниканами на Юдому [752]. В 1692 г. кукугир Бушуга с «родниками» убил на «Янском камне», по-видимому по дороге из Верхоянска в Якутск, ясачных сборщиков Григория Пущина и Петра Крыжановского [753]. Вместе с тем фактом, что потомки кукугиров, «Кункугурские» роды ламутов, входили в XIX в. в состав населения Верхоянского округа, все вышесказанное свидетельствует о более западной ориентации кукугиров по сравнению с дельянами. Очевидно, они занимали верховья Индигирки и примыкали с востока к юкагирам-онондям и мемельским тунгусам.

Переходим к Годниканскому роду. В 1661 г. охотские служилые люди «вверх» по р. Охоте нашли оленного годникапа Юкана с родом в 30 «ясачных людей». «А житье их Юканово близко Собачьи Индигирки реки и Зашиверя и с тех рек государевы служилые люди его Юкана достигают и ходят на них в походы с войною по многие годы» [754]. В 1664 г. годникапы вместе со своими «родниками» кукугирами, пришедшими в верховья р. Охоты, «гонялись» за служилыми людьми, которые пошли из Охотска в Якутск с ясачной казной [755]. 23 апреля 1667 г. «Годниканской оленной тунгус Ашиньга сказывал в Охотском: осенесь по первому до снегу идучи де с Яны за шиверы побили де служилых людей 20 человек да шестерых якутов кукугиры да другой род зельяшкуры и кони и живот весь взяли они кукугиры и зельяшкуры» [756]. Здесь речь идет об убийстве атаманов Лазаря Аргунова и Михаила Стадухина и сына боярского Герасима Андреева. Очевидно, годниканы имели контакт с кукугирами и поэтому знали об этом событии. В событиях 1677 г. на р. Ураке главную роль играли годниканы Некрун с братьями и «родниками» [757]. В конце 1677 г., перед нападением на Охотск, Некрун со своими годниканами находился «вверх» по р. Охоте и отсюда посылал к Охотску лазутчиков [758]. В 1678 г. пешие годниканы, посланные из Охотска на розыски оленных годникапов, нашли

---

[748] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 145, л. 58; ст. 235, л. 100.
[749] См. КПМГЯ, стр. 117; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 39, л. 40.
[750] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 199, л. 29.
[751] См. ДАИ, т. V, стр. 68.
[752] См. ДАИ, т. VIII, стр. 179.
[753] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 230, лл. 1—8.
[754] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 217, л. 48.
[755] См. ДАИ, т. V, стр. 68; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, л. 37.
[756] ЦГАДА, ф. 214, кн. 525, л. 110; ф. 1177, ст. 235, л. 100.
[757] См. ДАИ, т. VII, стр. 277, 280.
[758] См. там же, л. 279.

их «у Яги» [759]. «Яга» — это, вероятно, правый приток Охоты Уега [760]. Несколько раз годиканы упоминаются в связи с разными событиями на р. Юдоме [761]. Годиканы бывали также проводниками («вожами») на пути из Охотска в Якутск [762].

В 1684 г. якутский тойон Эрюкан Секуев хотел идти за Алдан на р. «Омолон» (описка, вместо Оймекон) в «тунгусские жилища к... Гортиканского (описка, надо Годиканского.— *Б. Д.*) роду Некрунко с товарищи» [763]. Годиканы часто упоминаются вместе с уяганами [764]. Они, очевидно, соседили с ними. Таким образом, получается, что годиканы жили у истоков Индигирки и в верховьях Охоты (в частности, у Уеги), соседили с кукугирами и уяганами, часто появлялись на путях русских из Охотска в Якутск на реках Юдоме и Ураке. В настоящее время много потомков годиканов живет среди мемельских тунгусов в бассейне р. Томпо. Очевидно, годиканы издавна соседили и с мемельцами.

В отношении киларов надо иметь в виду, что они вначале платили ясак в Верхнемайском зимовье. Впервые аманат киларов был взят в 1639 г. в устье Ульи [765]. В 40-х годах XVII в. килары кочевали также у «Ламского волока», т. е. в районе р. Нудыми, притока Маи и р. Секчи, притока Ульи кочевали в верховьях Маи, в частности на притоке Маи речке Мати [766]. В 1660 г. килары «Ковырины дети откочевали жить близко Охоты реки» [767]. В 1659 г. «Ковыриных детей» искали на р. Островной, но не нашли [768]. В 1662 г. на Островную пришел с промысла «с горы» двоюродный брат Зелемея Ковырина килар Толко и с ним пришли озяны [769]. В 1665 г. и 1677 гг. килар Зелемей Ковырин с сородичами жил на р. Охоте выше острога, где он образовывал коалиции то с пришедшими на Охоту кукугирами, то с годиканами [770]. Реку Островную на картах мы не нашли, но предполагаем, что это русское название р. Тукчи, близ устья которой находится о-в Нансикан.

Горбиканы, как известно, вначале тоже платили ясак в Верхнемайское зимовье. Часть их платила здесь ясак и в 1659—1660 гг. [771] По сообщению от 1663 г., горбиканы ездили торговать на Алдан и «живут тунгусы Горбиканского роду по вершинам (очевидно, правых притоков Алдана.— Б. Д.) человек со сто и приходят де те неясачные тунгусы на Алдан...» [772]. В разных событиях, происходивших в XVII в. около Охотска и на р. Юдоме, горбиканы обычно фигурируют вместе с киларами и годиканами. В 1677 г. тунгус Горбиканского рода принес в Охотский острог письмо, посланное из Усть-Горбийского зимовья, находившегося на р. Юдоме [773]. В общем территория горбиканов располагалась к востоку от Алдана, к северу от озянов и киларов и к югу и западу от годиканов, главным

[759] ДАИ, т. VII, стр. 293—294.

[760] Сарычев упоминает на р. Охоте урочище Уега, где «зимою тунгусы съезжаются и производят торг» (Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 49).

[761] См. ДАИ, т. VII, стр. 291; т. VIII, стр. 179, 300.

[762] ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, л. 353.

[763] ДАИ, т. X, стр. 353.

[764] Например, ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, л. 324; ДАИ, т. VII, стр. 277.

[765] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, л. 1.

[766] ЦГАДА, ф. 214, ст. 274, лл. 302—303; ф. 1177, ст. 43, л. 50; ст. 48, лл. 91—93, 96; ст. 102, л. 15.

[767] ДАИ, т. IV, стр. 247.

[768] См. там же, стр. 213.

[769] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 174, л. 118.

[770] См. ДАИ, т. V, стр. 68; т. VII, стр. 279.

[771] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 36, л. 65.

[772] Якутия в XVII в., стр. 215—216.

[773] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, л. 30; см. также ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 326 об. Река Нюема (по которой жили горбиканы) — это та же Юдома.

образом в бассейне правого притока Алдана р. Аллах-Юнь и в верховьях Юдомы.

В соответствии с вышеуказанными данными, учитывая численность отдельных родов и их взаимное расположение, мы и нанесли на карту территории больших оленных родов охотских тунгусов.

Переходим к описанию расселения родов охотских пеших тунгусов. Места расселения родов тауйской группы пеших тунгусов установить нетрудно. Один из них, Угдигирский (Угирский), жил на р. Оле, а остальные — в низовьях рек Тауя и Мотыхлея, а также на Армани и на Яне. Из сообщений служилых людей можно заключить, что большинство пеших тауйских тунгусов жило на реках Тоуй и Мотыхлей. Есть также указание, что «людей на Тоуе много, а живут оне с Мотыхлейскими мужики заодно, переходя» [774]. На самом Мотыхлее жили, вероятно, роды Инганский и Угчерский («Убзирский» [775]), хотя другое название последнего рода — «тоуйские тунгусы» — указывает на р. Тоуй. Правда, и название Инганского рода указывает на р. Иню («Инган» — значит «обитатель Ини»), откуда, очевидно, происходил этот род. Такие территориальные названия для родов охотских тунгусов, и притом не только пеших, но и оленных, являлись правилом, но почти никогда роды охотских тунгусов не жили на тех местах, с которыми связано происхождение их названий.

Больше никаких данных о распределении родов пеших тунгусов по рекам, впадающим в Тауйский залив, у нас нет. На карте мы поэтому можем показать только один контур — всю территорию тоуйских тунгусов, без распределения ее на территории отдельных родов, за исключением Угдигирского рода на Оле. В эту территорию попадают речка Мотыхлей и низовья рек Тауя (без Ковы и Чаломджи), Яны, Армани и Олы. Надо иметь в виду, что в 1676 г. на р. Оле находились коряки [776], а от 1683 г. есть сведения, что коряки «сбили» тунгусов с Олы и Армани [777]. Но у нас р. Ола показана в пределах тунгусской территории, так как Угдигирский род в официальных списках еще в 1678 и 1681 гг. именуется родом «Олы реки», а другой р. Олы мы не знаем. Мы учитываем также, что С. П. Крашенинников указывает в качестве границы между коряками и тунгусами хребет Нукчанунин.

Относительно расселения родов пеших тунгусов в районе самого Охотска можно сказать следующее. По данным Линденау, охотские пешие тунгусы раньше жили по берегу Охотского моря от р. Улбеи до Ульи [778]. По архивным данным, пешие тунгусы жили по берегу моря и восточнее Ульбеи, в низовьях Ини во всяком случае. Вверх по р. Охоте пешие тунгусы жили, вероятно, до места, где в Охоту впадает р. Арка. Здесь, в устье Арки, еще геодезисты Леонтьев, Лысов и Пушкарев в 1767 г. и Сарычев в 1786 г. проезжали целое селение пеших тунгусов [779]. Описание расселения родов пеших охотских тунгусов имеется только в составленной около 1640 г. «Росписи рекам и имяна людям, на которой реке, которые люди живут тунгусские роды, по роспросу Томсково города служилых людей Ивашки Москвитина да Семейки Петрова...», опубликованной Н. Н. Степановым [780]. Ниже мы попытаемся, сопоставляя отрывочные данные, содержащиеся в разных документах, с данными вышеназванной росписи, определить территорию расселения родов пеших охотских тунгусов.

---

[774] ДАИ, т. III, стр. 325.

[775] См. там же, т. III, стр. 322; т. IV, стр. 267; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 174, л. 115

[776] См. ДАИ, т. V, стр. 384.

[777] ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, лл. 323, 327, 352.

[778] См. «Историк-марксист», 1938, кн. 2, стр. 70.

[779] См. Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 50, 60; ЦГАДА, ф. 24, № 55, л. 4.

[780] «Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 46—47.

Начнем с востока. На р. Ине, в районе ее устья, жили роды Негнярский (Немнегирский), Неганский (Инеганский) и Уягирский [781]. Москвитин и Петров на Ине помещают инганцев. Название «инган», как мы уже указывали, значит «обитатель Ини», и под ним могли подразумеваться все инские роды.

Можно предполагать, что на р. Улбее жили только улбиданы [782]. Здесь же улбиданов помещают Москвитин и Петров.

На р. Кухтуе, около ее устья, т. е. в непосредственной близости к Охотскому острогу, жили, видимо, ачганы и толбаны (толбары) [783]. Ачганы часто являлись посредниками между Охотском и инскими тунгусами [784]. Москвитин и Петров помещают на Кухтые оленных озянов и годниканов. Впрочем, в данном случае под озянами, может быть, подразумевались ачганы. Промышлять ачганы тоже ходили на Иню.

Относительно устья Охоты имеется прямое указание, что там стояли шалганы (шолганы) и баяшинцы (бояшинцы) [785]. Москвитин и Петров помещают шолганов («шолиганы») тоже в устье Охоты, а бояшинцев в устье Урака. Известный предводитель охотских пеших тунгусов Комка Бояшинец впервые встретил русских именно в устье Урака [786]. Поскольку устье Урака и устье Охоты расположены очень близко (около 15 *км*) друг от друга, то оба эти сообщения не противоречат одно другому. Есть также указание, что шолганы бывали на Кухтуе и даже на Ине [787]. Можно считать, что шолганы жили в устье Охоты и к востоку от нее, ближе к Кухтую, а бояшинцы — к западу от устья Охоты и на Ураке. Здесь же, близ устья Охоты и Урака или несколько вверх по Охоте, как указывают Москвитин и Петров, жили унахтагиры [788]. Вероятно, здесь же жили и три маленьких рода — ненакагиры, нюнюгиры и чапчигиры. Имеются некоторые, правда весьма неопределенные и косвенные указания, подтверждающие это предположение [789]. Пешие гулюгиры (кухтугиры) жили в устье Урака. По крайней мере сюда в 1678 г. приходил ачган Максимко к пешему гилюгиру Очомки [790]. Наконец, здесь же, по Охоте, недалеко от ее устья, жили, по-видимому, и пешие части больших оленных родов — уяганы, горбиканы, годниканы и килары. В 1676 г. пешие тунгусы Годниканского и Киларского родов указывали: «...мы живем на кошке у моря и промышляем рыбу и зверя и на тот де корм покупаем у оленных тунгусов соболи в ясак» [791]. Во всяком случае основатель Охотского острога Семен Шелковник отмечал необычайную для северо-востока Сибири густоту населения в районе Охотска и писал по этому поводу: «А улусы стоят блиско нас. Пищальной голк слышыт юрт за 200 и болши, а в юрте живут человек по пяти и по шести» [792]. Всего, таким образом, Шелковник насчитывал в устье Охоты около 1200 чел. населения.

Выше других родов пеших тунгусов был расположен по р. Охоте Шолонский род. Известно, что аманат от этого рода был взят «вверх

---

[781] Негнярский и Неганский роды, как мы знаем, так и назывались — «с Ини реки». Относительно Негнярского и Уягирского родов см. КПМГЯ, стр. 242, 243; ДАИ, т. IV, стр. 4.

[782] См. ДАИ, т. IV, стр. 4.

[783] См. ДАИ, т. III, стр. 334; т. IV, стр. 5; т. V, стр. 384.

[784] См. ДАИ, т. VII, документы VIII; КПМГЯ, стр. 242, 243.

[785] См. ДАИ, т. III, стр. 339.

[786] См. ДАИ, т. IV, стр. 2; см. также ААН, ф. 21, оп. 4, № 31, л. 27 об.

[787] См. ДАИ, т. V, стр. 384.

[788] См. ДАИ, т. IV, стр. 2; см. также ДАИ, т. V, стр. 384, 385.

[789] См. ДАИ, т. IV, стр. 2, 3; т. V, стр. 71; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, л. 83.

[790] См. ДАИ, т. VII, стр. 285—288.

[791] Н. Н. Степанов. Междуплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII веке. «Ученые записки ЛГУ», № 48, 1939, стр. 74.

[792] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, л. 83.

Охоты» [793]. Мы можем также установить, что юрта шолона Куликана находилась вверх по Охоте, по крайней мере в двух днях пути от острога [794].

Пешие озяны (азяны, ождяны, озянканы) по росписи Москвитина и Петрова жили в устье р. Ульи. Может быть, часть их жила и под Охотском. Этим, наверное, объясняется то обстоятельство, что этот род, как и некоторые другие (Негнярский, Угдигирский) был записан в ясачных книгах двумя группами.

Был еще один довольно значительный род пеших тунгусов — Евъянский. Указаний о его местожительстве нет. В одном случае «евъянкин» упоминаются под Охотском вместе с оленными и пешими годниканами, киларами, горбиканами, уяганами, лелтягирами, кукугирами, кайтагирами, гулюгирами и унахтагирами [795]. В другом случае сказано, что евъяны были на Юдоме вместе с годниканами, шолонами, лелтягирами, уяганами, кукугирами, зельянами и мемельцами [796]. Видимо, евъяны жили где-нибудь по Охоте, наверное по соседству с шолонами.

Осталось определить места кочевок двух маленьких оленных родов — Кайтагирского и Лелтягирского, а также оленеводов пеших родов — Гулюгирского, Бояшинского, Евъянского и Озянского.

Мы знаем, что глава кайтагиров (кондакагиров) Нюпюкан платил вначале, до 1651 г. ясак вместе с главой киларов Ковырей в Верхнемайском зимовье. В 1651 г. Нюпюкан на Мае был взят в аманаты [797]. О лелтягирах есть сведения, что в 1678 г. они приходили под Охотск с другими родами, жившими к северу и северо-западу от Охотска, в частности с киларами, кайтагирами и гулюгирами, а в 1680 г. были на Юдоме с годниканами и другими родами [798]. Об оленных гулюгирах известно, что они считались родственниками киларов и вместе с оленными киларами и озянами выходили в 1662 г. к морю у р. Островной [799]. Можно считать, что кайтагиры, лелтягиры и оленные гулюгиры и озяны кочевали главным образом вместе с оленными киларами на территории последних и вместе с ними выходили к морю в устье Тукчи у о-ва Нансикан (улюгиры), в устье Ульи (озяны), в устье Урака (гулюгиры) и к самому Охотску (кайтагиры, лелтягиры).

Возможно, что пешие гулюгиры (кухтугиры) в прошлом тоже были оленными людьми. В 1655 г. пеший гулюгир (кухтугир) Илдега (Илдикан) был «вожем» служилых людей от Охотска до Юдомы и выражал желание платить ясак не в Охотск, а в Верхнемайское зимовье, мотивируя это тем, что его сородичи живут далеко от Охотска [800].

Вероятно, эти гулюгиры обычно жили тогда не в устье Урака, а у устья Тукчи или где-нибудь в верховьях Ульи и Маи. Кочевали же они тогда, видимо, на всей обширной территории между морем и Юдомой (выше устья речки Горби), иначе Илдега не мог бы быть проводником на этом пространстве.

Что касается оленных бояшинцев и евъянов, то зимой они вместе с кайтагирами и гулюгирами приходили под Охотск к своим пешим сородичам [801]. Летом же они, вероятно, кочевали с оленными киларами.

Получается, таким образом, что с киларами кочевал ряд других родов. Про главу киларов Ковырю десятник Данила Иванов писал в 1644 г.,

---

[793] ДАИ, т. IV, стр. 3.
[794] См. ДАИ, т. V, стр. 68, 70; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, лл. 37—39.
[795] ЦГАДА, ф. 214, кн. 688, л. 486.
[796] См. ДАИ, т. XI, стр. 23.
[797] См. ДАИ, т. III, стр. 336, 338.
[798] ЦГАДА, ф. 214, кн. 688, л. 486; ДАИ, т. XI, стр. 23.
[799] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 174, л. 118.
[800] См. ДАИ, т. IV, стр. 6.
[801] См. ДАИ, т. VII, лл. 279, 280; ЦГАДА, ф. 214, кн. 688, л. 486.

что «в роду его лутчих богатых мужиков оленных 60, а пеших людей неоленных много и иные многие мужики слушают ево...» [802]. В «наказной памяти» тому же Даниле Иванову в 1645 г. указывалось, что «и иные многие роды подле его Ковырина роду живут» [803]. В 1648 г. сын Ковыри Турченей заявил, что «отец ево Ковыря был на Улье и на Охоте и на иных реках большей лутчей тунгусской князец и все де иноземцы тунгусы ево слушали» [804]. Возможно, этим большим значением Киларского рода и главы его Ковыри и объясняется тот факт, что некоторые мелкие роды кочевали вместе с киларами и, очевидно, пользовались их покровительством.

Относительно двух маленьких тауйских родов, Зеведорского (Зевадарского) и Горгорского, у нас нет полной уверенности, что они занимались оленеводством. Мы их отнесли к числу оленеводческих по двум признакам. В 1678 и 1681 гг. тунгусы этих родов в сборных книгах Охотского острога перечислены все поименно, как это делалось и в отношении большинства оленных тунгусов, тогда как у пеших родов, а из оленных также у годниканов, гулюгиров, лелтягиров, кайтагиров и бояшинцев названы лишь имена аманатов, а остальные тунгусы этих родов даны общим счетом. Кроме того, в отношении остальных родов тауйских тунгусов в сборных книгах 1681 г. имеется пометка «оленей нет», а в отношении Зеведорского и Горгорского родов такой пометки нет. Кочевали зеведоры и горгоры, если они были оленеводами, вероятно, вместе с оленными долганами.

Кочевать самостоятельно по соседству с воинственными коряками такие маленькие группки тунгусов вряд ли могли.

В целом расселение пеших тунгусов на берегу Охотского моря можно представить в виде табл. 188 (цифры означают численность населения):

Таблица 188

Расселение охотских пеших тунгусов

Реки	Род	Число плательщиков ясака	Реки	Род	Число плательщиков ясака
Улья	Озяп	30	Кухтуй	Ачган	200
Урак	Бояшин	140		Толбан	60
	Унахтагир	90	Улбея	Улбидан	60
	Гулюгир	50	Иня	Уягир	180
Охота	Уяган	210		Пегняр	120
	Годникан	150		Неган	140
	Горбикан	120	Мотыхлей,	Укчер	100
	Килар	110	Тауй,	Инган	50
	Шолган	200	Яна,	Нювчин	40
	Нюпюгир	50	Армань	Муйтукар	60
	Ненякагир	40		Абдар	70
	Чапчагир	30	Ола	Угдигир	180
	Евъян	80			
	Шолон	120			

[802] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 50.
[803] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 46, л. 230.
[804] Там же, ст. 48, л. 96.

Всего, таким образом, на Улье жило 30 чел., на Ураке 280, на Охоте 1100, на Кухтуе 260, на Улбее 60, на Ине 440, на Мотыхлее, Тауе, Яне и Армани 320, на Оле 180. Вместе с оленными киларами кочевали «оленные люди» следующих родов: Бояшина (20 чел.), Лелтягирского (20 чел.), Кайтагирского (40 чел.), Гулюгирского (30 чел.), Озянского (10 чел.), Евъянского (20 чел.) — всего 140 чел. Вместе с оленными долганами, как указано выше, кочевали, вероятно, роды Зеведорский (30 чел.) и Горгорский (10 чел.), т. е. всего 40 чел. Выше мы неоднократно обращались к «росписи», составленной Иваном Москвитиным и Семеном Петровым. Приведем полностью ту часть, в которой упоминаются родовые названия тунгусов.

«...Река Юнома (т. е. Юдома.— *Б. Д.*) пала в Маю с левою руку, через ее кочуют оленные люди, ламские мужики озенканы (озяны. — *Б. Д.*), река Аим пала в Маю с правую сторону, а по ней кочуют оленные тунгусы долганы и лалкагиры (лалагиры.— *Б. Д.*); река Маймакан пала в Маю с правую сторону, а по ней живут оленные люди тунгусы, и кочуют с Ламы, маймаканцы; река Уй пала в Маю с правую сторону, а на ней живут тунгусы многие, оленные люди макагирцы и долгирцы и гулюгирцы, и чолкогирцы и кухтугирцы; в тое же реку пала речка с левую сторону Кутога, а по ней живут оленные люди, лалкагиры и озяны мужики ламские; река подволошная Нюдма пала в Маю с правую сторону, ходу по ней 6 дней; и с тое реки переход на ламские воды на речки, на вершины: река за волоком (Улья.— *Б. Д.*) пала устьем в Ламу, на вершине тое реки живут оленные люди, тунгусы озяны, а на усть тое реки сидячие люди, озянканы, а ездят они на собаках. И по той реке (Улье.— *Б. Д.*), выплыв на Ламу, и по Ламе из под северной стороны пали реки в Ламу; река Урака пала устьем в Ламу, а по ней живут оленные люди, те ж тунгусы, род Бояшинской; река Охота пала в Ламу, а по пей тунгусы многие, на усть тое реки орда сидячая, шолганы, а вверх по той реке Охоте живут люди оленные: род Киланской, род Горбиканской, род Шолюнской (Шолонской.— *Б. Д.*), род Унгатагирской (Унахтагирский.— *Б. Д.*), род Тумучерской (Тугочерский, Тюгесирский, он же Ичанский, см. выше — *Б. Д.*), и иные на ту реку приходят многие для корму рыбнова, что та река рыбою рыбна, и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150, и на той реке люди воисты, боем своим жестоки; Кукты (Кухтуй — *Б. Д.*) пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, озяны и готнинканы, и в тех родах и в улусах человек по 100 и по 200; река Улкондон (Ульбея.— *Б. Д.*), устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы улбиданцы; река Инга (т. е. Иня.— *Б. Д.*) впала в Ламу, а по ней живут тунгусы инганцы; река Тоуй пала в Ламу, а по ней живут тунгусы товуданы (товуйцы.— *Б. Д.*), и уяганы и выяканы и огочолы (т. е. орочелы — самоназвание части современных ламутов.— *Б. Д.*). В полуденную сторону которые реки в Ламу устьем пали: река Тюкчи устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы чавьуралы; а против тое реки устья стоит на море в голомени остров каменной, и на том острову птицы водитца многое множество, с тово острова тою птицею кормятца тунгусы, многие люди, как учнут яйца водить; река Аллыма (Алдома.— *Б. Д.*) устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, чюлюгинцы (может быть, гулюгильцы, гулюгирцы.— *Б. Д.*); река Уда (Уд.— *Б. Д.*) пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, оленные люди, билары Тегова роду (т. е. бирары.— *Б. Д.*), сказывают до 300, и те люди торгуют с сидячими людьми, а те люди хлеб сеют...» [805].

Некоторые из отмеченных выше описок могли быть в подлиннике, другие, вероятно, сделаны копиистами Миллера. Мы не будем касаться

[805] ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, лл. 79—80. Опубликовала Н. П. Степановым в «Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 46—47.

правильных указаний этого источника, а отметим, что названия чолкогирцы, выяканы, чавуралы, чюлюгильцы нам неизвестны. Это, по-видимому, названия подразделений или прозвища известных нам родов. Название долганы («долгирцы») на Анме и Уе — видимо, территориальные [806], так как вряд ли здесь могли оказаться оленные тауйские тунгусы Долганского рода. Речки Кутоги на карте мы найти не могли. Роспись ошибочно относит к оленным пешие роды Шолонский и Унахтагирский. По Охоте вообще жили главным образом «пешие люди» из названных по ней росписью родов. Странно, что по Улье не показаны килары и совсем не упомянуты аинкагиры на р. Уд.

Взятый в 1641 г. на Оймеконе аманат Годниканского рода Чона сообщил, что на Охоте находятся роды Легтагирский (40 чел.) и Зельянкагирский (100 чел.), и что сюда приходит «с камени» Горбиканский род (100 чел.). На р. Ине (Инге), по словам Чоны, жили роды Кукугирский (две группы, всего 150 чел.), Инганканский (100 чел.), Долганский (100 чел.). Названий других родов, живших на Ине, Чона не знал, так как не бывал там. За Иней, сказал Чона, «многие есть реки и впали в Ламу и людей по им живет много и там де пошли места лесные, а живут Якинского роду да биячи да Тоунскарской» [807].

По словам князца Горбиканского рода Эрбикана, по р. Ине жили оленные уеганканы, по р. «Тов» — тоуйканы пешие, а «за ней река», на которой жил большой род оленных тунгусов Биячи и еще два рода оленных тунгусов Кондызи (Колдызи) и Жлади (Алади). У тех тунгусов «язык свой и с ними мало сходитца» [808].

То, что под «Якинским» родом и названием уеганканы подразумеваются оленные уяганы, а Инганкинским, «Тоунскарским» родами и названием тоуйканы — пешие инские и тауйские тунгусы — вполне ясно. Но кто такие биячи, кондызи и жлади, неясно. Вероятно, это другие и притом очень искаженные названия тауйских оленных тунгусов Долганского, Горгорского и Заведорского родов (см. выше).

Некоторые данные о расселении родов охотских тунгусов сообщил спутник Москвитина казак Нехорошко Иван сын Колобов, которого 8 января 1649 г. расспрашивали в Илимске ехавшие в Якутск новые воеводы Пушкин, Супонев и дьяк Стешшин. Согласно рассказу Колобова, в устье Ульи были взяты в аманаты азян (т. е. озян) Дорога и килар сын Ковыри. «А по той де реки по Ульи и живут тунгусы четыре роды килары, долганы, горбыканы, бояшепцы. А тех де родов людей у них много. У одного де Ковыри, которого сын у них был в аманатах бокапов ево человек с 500 и больши, а у иных де родов потому же и больши их улусных людей» [809].

Присутствие в устье Ульи озянов и киларов не вызывает сомнений. Несомненно также и то, что килары кочевали по р. Улье. Вместе с ними могли кочевать здесь и оленные бояшинцы (см. выше). Горбиканы, как северные соседи киларов, могли сюда заходить, но вероятнее, что казаки Москвитина сами ходили к ним в район их кочевок к северу от Ульи. По крайней мере Колобов рассказывал, что из зимовья, расположенного в устье Ульи, они «ходили по той же реке по Улье и взяли... на государя 11 сороков соболей». 440 соболей, конечно, были собраны не с одних киларов. Наконец, возникает вопрос, кого имел в виду Колобов под названием долганов. Вероятнее всего, это была какая-нибудь территориальная группа

---

[806] См. Н. А. Липская. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанаев (гольдов). «Советская этнография», III, 1940, стр. 251.

[807] ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 315. «Якинский» род — описка вместо Уяганский.

[808] ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, лл. 306—307, 326—327. Эрбикана расспрашивали в 1647 г.

[809] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, лл. 1—2.

озяпов или киларов. Поскольку название «долган» является территориальным и означает «живущий между верхними и нижними по течению реки», оно могло независимо возникать в разных местах. А может быть, что-нибудь спутал Колобов. Ведь он рассказывал через 10 лет после своего путешествия с Москвитиным. О хозяйстве и быте охотских тунгусов XVII в. имеется довольно много данных. Некоторые из них попутно приводились выше. Изложим главнейшие из этих данных, помимо приведенных выше.

Наиболее ранние и, пожалуй, наиболее интересные этнографические сведения об охотских тунгусах содержат «распросные речи» казаков Нехорошего Колобова и Андрея Горелого. Колобов сообщил, что «бой» у охотских тунгусов «лучной, у стрел копейца и рогатины все костяные, а железных мало, и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорки...».

Про реки Охоту и Урак Колобов рассказал, что «те де реки собольные, зверя всякого много, и рыбные. А рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбуня. Столько де ее множество — только невод запустить и с рыбой никак не выволочь. А река быстрая и ту рыбу в той реки быстредью убивает и выметывает на берег и по берегу ее лежит много, что дров. И ту лежачью рыбу ест зверь — выдры и лисицы красные...».

Рассказывая об одном нападении тунгусов, Колобов сообщает такую деталь: когда «на приступе убили князькова Ковырина большого брата и те де тунгусы учели над ним всеми людьми плакать...»

Андрей Горелый, которого Стадухин посылал с Оймекона на Охоту тогда же, 8 января 1649 г., в Илимске рассказывал Пушкину, Супоневу и Степшину, что по р. Охоте «вниз к морю кочуют многие люди оленные. А ходят на тех оленях аргишами и дороги у них учинены большие пробойные... А по той де Охоте реки соболя и всякого зверя много и реки рыбные. Через тое реку они на лошадях бродили и одва лошади в той рыбе перебрели. А река быстрая и той быстредью рыбы убивает и на берег выметывает много и по берегу той рыбы, что дров лежит. А у тех де ламутцких мужиков по той реке юрты сидячие, как есть большие русские посады. А запасы у них все рыбные — сушеная юкола в рыбных же мешках и рыбная икра. А того де запасу у них запасают много, что русские хлебные анбары з запасы, так у них той пасеной рыбы по юртам много... А бой у них лучной, стрелы копейца костяные. А бьютца на оленях сидя, что на конях гоняют...» [810].

Семен Шелковник, упомянув о густоте населения в Устье Охоты, писал об этих тунгусах с их слов: «...мы де люди пешие и кормимся рыбой».

Оленные охотские тунгусы ездили на оленях, по-видимому, только верхом. Промышленный человек Трепка Федулов так рассказывал о своем разговоре в феврале 1648 г. со знаменитым Ковырей, которого он не узнал: «...мы де у него толко спрошали что де ты Ковыри ли сын или де ты холоп? И он де нам сказал, что де я Ковырин холоп. И он де Ковыря сел на олеия и поехал в свои юрты и мы де ему дали на дорогу два хлеба маленьких» [811].

Неизвестно, вели ли свое происхождение большие роды оленных охотских тунгусов от одного предка, но внутри этих больших родов (фратрий) существовали подразделения, родовые группы; мы бы и их считали собственно родами, которые хорошо осознавали единство своего происхождения. Упоминавшийся выше годникан Юкан так говорил о своем роде, части большого Годниканского рода: «...тридцать де нас братов одного отца, а иных де родников больши того нет» [812].

[810] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 66, лл. 1—3, 7, 8.
[811] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, л. 92.
[812] Там же, ст. 217, л. 48.

Охотские и тауйские тунгусы, видимо, говорили на разных диалектах. Язык охотских тунгусов отличался и от языка других тунгусов. В 1666 г. Игнашка Алферьев был «оставлен в Охоцком городе для толмачества, потому что толмач Богдашка Иванов за толмачество не имался: «я де языку ламсково не умею», а толмач Мишка Павлов ламскому и тоуйскому языку не доволен же, многих речей не знает, что иноземцы говорят и он и толмачить не умеет. А он Игнашка Мишки толмача языку довольние» [813].

Служилые люди иногда называли тунгусов «дикими людьми». Сами тунгусы, например сыновья известного Ковыри, тоже говорили про себя, что «они люди дикие» [814]. Но вряд ли такие заявления в какой-то степени соответствовали действительности. Сын Ковыри Зелемей так, например, говорил другим тунгусам: «что де вы глупые люди не разумеете и русских переводов не знаете. Вы бы де так ж жыли как я Зелемей живу. Самим де вам сведомо сколко я русских людей побивал. А как де над собою увижу какую немеру и я де к русским людям приклонюся и до меня де в вашем очю русские люди лутче и прежнево» [815]. Такой доморощенный Макиавелли, конечно плохо подходит под традиционное представление о дикаре.

Между пешими и оленными тунгусами существовали обменные отношения. Положение оленных тунгусов считалось более высоким и они относились к своим пешим сородичам как к «боканам» и не особенно о них заботились. Так, летом 1667 г. выяснилось, что охотские «иноземцы на всех реках голодны, корм добывать не могут и многие з голоду помирают. А оленные мужики слышат голод и з горы нейдут. И им пешим тунгусам ясаку промыслить негде и оне пешие тунгусы бьют челом...чтоб...в ясаке дали им сроку до оленных мужиков» [816].

Неоднократно упоминаются у охотских тунгусов холопы, но главным образом у оленеводов. К охотским тунгусам проникали изделия с Амура и из Маньчжурии. Так, у шамана пешего Шолонского рода Бараксана был «лук роженец даурской». Железа охотские тунгусы, как и все оленные и пешие тунгусы, сами не добывали, но кузнецы у них были, так как часто встречается имя Тавин, или Тавикан, т. е. «кузнец», «кузнечик». Очень много было шаманов, но, в отличие от юкагиров, не так часто бывали случаи, чтобы роды возглавлялись шаманами. Обычно шаманы являлись у охотских тунгусов рядовыми членами родов.

Ряд этнографических сведений об охотских тунгусах содержится в документах, опубликованных в ДАИ (особенно в III и IV томах), а также в известной рукописи Якова Линденау [817]. Изложение всех этих материалов увело бы нас слишком далеко от нашей основной темы, и поэтому мы ограничиваемся вышесказанным.

Остановимся еще на нижеследующем. В 1645 г. Ковыря говорил служилым людям, что у него в роду 400 чел., «да горбиканков тунгусов с 500 человек, шалганов с 600 человек и иные многие роды подле его Ковырина роду живут» [818]. Эти данные о численности киларов и горбиканов близки к цифрам, приведенным выше, но данные о шолганах явно завышены. Вероятно, Ковыря под шолганами имел в виду целую группу родов охотских пеших тунгусов, очевидно большую часть пеших родов с устья Охоты, за исключением пеших частей оленных родов. Можно предполагать, следовательно, что часть родов, пеших тунгусов, живших в устье Охоты, представляла ответвления Шолганского рода. В табл. 189 приведены данные о численности и родоплеменном составе коренного населения Якутского уезда в XVII в.

---

[813] Там же, ст. 235, л. 27.
[814] Там же, ст. 48, л. 96.
[815] Там же, ст. 235, л. 39.
[816] Там же, л. 100.
[817] См. «Историк-марксист», 1938, кн. 2, стр. 63—88.
[818] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 46, стр. 230.

Таблица 189

Этнографический состав и численность коренного населения Якутского уезда

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Якуты					
Кангаласы (с «Подгородной волостью»)	Орготы (эргиты), немюгинцы, хоринцы, орсюты и др.	1665	566	2260	Эргитский, Немюгинский, Орсютский, Хоринский, Соттинский, Малтанский, Жерский, Октемский, Багарадский, Кильдемский, Хахсытский наслеги Западнокангаласского улуса
Батурусы и катылинцы	Катылинцы, балагуры, жехсогонцы, тарасинцы, баюсцы (?) и др.	1665	702	2810	Катылинские, Балагунские, Жехсогонские, Тарасинский, Жулейский, Хаяхсытский, Теллейский наслеги Батурусского улуса
Нюрюктейцы	Сведений нет	1665	272	1090	Таллыминский, Хаптагайский, Догдинский, Хоранский, Хадаринский наслеги Восточнокангаласского улуса
Мегинцы	Бахсинцы, тарагайцы (тагамайцы), Колайский род	1665	785	3140	Мегинский улус
Бетунцы	Юэрюнэйцы, батагайцы, сосуйцы, чордунцы (?) и др.	1665	410	1640	Бетюнский, Кобяконский, Батагайский наслеги Намского улуса и Бетюнский наслег Батурусского улуса
Намцы	Кодесюнцы, ментцы, маймагаянцы, талайцы и др.	1665	489	1960	Хатынг-аринский, Кусаган-эльский, Хомагатинский, Хомусуатский, Мурчукинский, Тастатский, Кодесюнский наслеги Намского улуса
Борогонцы	Еюсцы (оюн-усовцы), сокотцы (сыгатцы), сотутцы и др.	1665	535	2140	Борогонский улус
Чуметцы	—	1665	10	40	Тюляхский наслег Дюпсунского улуса
Атамайцы	—	1665	64	260	Атамайский наслег Намского улуса
Сылянцы	Алагарцы	1665	123	490	Сыланский и Алагарский наслеги Батурусского улуса
Дубчинцы	—	1665	101	400	Наяхинский и Тебиконский наслеги Дюпсюнского улуса

Таблица 189 (продолжение)

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Скороульцы	—	1665	114	460	Скороульские, Женкунский и, может быть, Эмисский наслеги Батурусского улуса
Емконцы	Хачикатцы	1665	83	330	Жемконские и Хачикатские наслеги Восточноканга-ласского улуса
Бояназейцы	—	1665	89	360	Быжыгажинские наслеги Намского улуса
Катырыки	—	1665	42	170	Хатырыкский наслег Намского улуса
Накарцы	Иниласцы (ыйласцы)	1665	96	380	Нахарские наслеги Восточноканга-ласского улуса
Модуты	—	1665	103	410	Модутские наслеги Намского улуса
Успеки	—	1665	205	820	Успекский и Онерский наслеги Дюпсюнского улуса
Чириктейцы	—	1665	192	770	Чериктейский наслег Дюпсюнского улуса
Батулинцы	Чакырцы	1665	295	1180	Чакырские, Хадарский, Сулгачинский, Кугдинский наслеги Бутурусского улуса
Малягарцы	—	1665	169	680	Малягарские наслеги Западноканга-ласского улуса
Одейцы	—	1665	132	530	Одейские наслеги Намского улуса
Бордонцы	—	1665	89	360	Бордонские и Ярканские наслеги на Вилюе
Гурменцы	—	1665	17	70	
Ярканцы	—	1665	39	160	
Одугейцы	—	1665	100	400	Одунинский наслег Западноканга-ласского улуса
Магассцы	—	1665	57	190	Баягантайский улус
Баягантайцы	—	1665	166	660	
Игидейцы	—	1665	135	540	
Одайцы	—	1665	40	160	
Итого ленско-амгинских якутов			6210	24 860	
Чачуи	—	1665	116	460	Средневилюйский улус
Кокуи	—	1659	33	130	
Осекуи	—	1660	25	100	
Тантарбаны	—	1656	22	90	

Таблица 189 (продолжение)

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
«Гиляны»	—	1656	12	50	
Тагусы	—	1659	154	620	
Кыргыдаи	—	1659	42	170	
Кирикеи	—	1659	18	70	
Олесы	—	1659	22	90	Средневилюйский улус
Лучинцы («соболники»)	—	1659	53	210	
Онтулы (кычаны)	—	1659	37	150	
Оргуты	—	1659	21	80	
Итого вилюйских якутов			555	2220	
Юсалцы	—	1661	34	140	
Эгинцы (батулинцы)	—	1661	29	120	Якуты Верхоянского, Эльгетского (Индигирка) и Колымского улусов
Туматы	—	1661	12	50	
Байдунцы (катылинцы)	—	1661	97	390	
Элгеты (эргиты, орготы)	—	1661	90	360	
Коринцы	—	1661	16	60	
Итого верхоянских якутов			278	1120	
Жиганские якуты	—	1639	32	130	Якуты-оленеводы Жиганского улуса
Коринского рода якуты на Алдане	—	1656	21	80	Коринский род Ламунхинских тунгусов
Бутальского рода якуты на Алдане	—	1656	16	60	Тунгусы Бутальского рода майского ведомства
Всего якутов			7112	28 470	
Тунгусы					
Азяны	Шаньянский (Галанаев), Умнюгин (Немнин), Газеев (Гасиев), Каратунский (Бурукаков) и др.	Ок. 1650	110	440	Долганы Жиганской управы (рода Адян)
Синигиры	Какуев и др.	Ок. 1650	63	250	Якуты-оленеводы Бетильского рода
Нимчаны (долганы)	—	Ок. 1650	30	120	Якуты-оленеводы рода Нымчал Хатыгынского наслега Жиганского улуса
«Жиганы» (Ижиганы)	Род Чадая, род Каптагая	Ок. 1650	80	320	Долганы Жиганской управы (род Эдигэн)

Таблица 189 (продолжение)

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Долганы	—	Ок. 1640	23	90	Долганы Долгано-есейской управы
Кумкогиры	Было два-три рода	Ок. 1640	45	180	
Калтакули	Сведений нет . .	Ок. 1640	140	560	Келтятский и Жакутский роды вилюйских тунгусов
Шелогоны	» »	Ок. 1640	110	440	Шологонский род вилюйских тунгусов
Фугляды	» »	Ок. 1640	90	360	Уголятский род вилюйских тунгусов
Пуягиры (Буягиры)	» »	Ок. 1640	32	130	Буягирский род Кангалласского ведомства и у ороченов
Обгинцы	» »	Ок. 1640	33	130	Нэммянский род в составе буягиров, род Эмидак в Илимпейской управе, род Эбгингкур у орочен
Нюрмаганы («мургаты», брангаты)	» »	Ок. 1640	63	250	Брангатский род в Вилюйском и Олекминском округах и Нюрмаганский род в Кангалласском ведомстве
Белдеты (беллеты, бырлеты)	» »	Ок. 1640	52	210	Белдетские роды в Кангалассом ведомстве (в том числе Логотский род) и у орочен
Нанагиры	Дачегин род	Ок. 1640	50	200	«Некагирский» род Кангалласского ведомства, частью, видимо, в составе брангатов
	Югдин (Чалогин) род	Ок. 1640	60	240	
Киндигиры	Яконов род (Жуюганы), Онкоулев (Комбойков) род	Ок. 1640	100	400	Жуюганский и Киндигирский роды Олекминского округа и киндигиры у ороченов
Почегоры	—	Ок. 1640	15	60	Хахагинский род Олекминского округа
Вакараи (Украинский» род)	—	Ок. 1640	36	140	Сведений нет
Вилякуры	—	1652	4	15	Сведений нет
Аинкагиры (Муяллагиры)	Сведений нет . .	Ок. 1650	140	560	Аинкагирский род Удского округа
Муктыгиры	» »	Ок. 1650	23	90	Негидальцы Муктегирского рода
Макагиры (маймаканы)	» »	Ок. 1650	45	180	Макагирский род Майского ведомства

Таблица 189 (продолжение)

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Лалагиры (лалкагиры)	Роды Деулков, Томканнев, Ойгонский, Аимский и др.	Ок. 1650	116	460	Лалагирский род Удского округа
Бутальский	Сведений нет	Ок. 1650	14	60	Бутальский род Майского ведомства
Буяксиры («ламутки»)	Урумкин и др.	Ок. 1650	35	140	Ламунхлинский род Намского улуса и Буяксирский род Усть-Янского улуса
Мемельцы	—	Ок. 1650	40	160	Мемельский род Багантайского улуса
Тугочеры (ичаны)	Род Шамана большого и др.	Ок. 1650	30	120	Тюгэсирские роды Усть-Янского улуса
Озяны (азяны, ождяны, очаны)	Лахтыкагир и др.	Ок. 1650	180	720	Эжанские роды Майского ведомства
Уяганы	Репин, Медвежьей парки, Короткого, Торочанов (пеший) и др.	Ок. 1650	206	825	Ламуты Уяганского рода
Годниканы	Юканов (Коношанов?) Некрунков и др. Всего четыре оленных и один пешй род	Ок. 1650	129	520	Ламуты Годниканского рода
Горбиканы	Несколько оленных и один пеший род	Ок. 1650	121	480	Ламуты Горбиканского рода
Килары	Несколько оленных и один пеший род	Ок. 1650	110	440	Ламуты Киларского рода
Кукугиры	Куликанов, Мелгин, Базинаев, Мохнаткин, Намалчин, Острово, Косого и др.	Ок. 1650	112	450	Ламуты Кукугирского рода
Дельяны	Торочанов (Лауэенев), Шелыгин, Куропашкин и др.	Ок. 1650	117	470	Ламуты Дельянского рода
Ачганы	—	Ок. 1650	49	200	Вымерли, а также частично ассимилированы русским и якутским населением Охотского района
Бояшинцы	Два рода	Ок. 1650	40	160	
Шолганы	—	Ок. 1650	51	200	
Шолоны	Муеллагиры (?)	Ок. 1650	31	720	
Евъяны	—	Ок. 1650	24	100	
Негнямы (инеганы?)	—	Ок. 1650	30	120	
Неганы (инены)	—	Ок. 1650	34	140	
Уягиры	—	Ок. 1650	45	180	

Таблица 189 (продолжение)

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Гулюгиры	Кухтугиры	Ок. 1650	20	80	Вымерли, а также частично ассимилированы русским и якутским населением Охотского района
Лелтягиры	—	Ок. 1650	5	20	
Кайтагиры	—	Ок. 1650	10	40	
Нюнюгиры	—	Ок. 1650	12	50	
Ненякагиры	—	Ок. 1650	11	40	
Чапчигиры	—	Ок. 1650	7	30	
Улбиданы	—	Ок. 1650	14	60	
Толбары	—	Ок. 1650	15	60	
Унахтагиры	—	Ок. 1650	23	90	
Долганы (орочелы?)	Два-три рода	Ок. 1650	60	240	Ламуты Долганского рода
Угдигиры (угдиры)	Два рода	Ок. 1650	44	180	Обрусевшие пешие тунгусы в селениях Армань и Ола
Угчерский (товуйский)	—	Ок. 1650	26	100	
Инганский (шанялули?)	—	Ок. 1650	12	50	
Нювчинский (часть Укчерского?)	—	Ок. 1650	10	40	
Муйтукарский (часть Укчерского?)	—	Ок. 1650	15	60	
Абдарский	—	Ок. 1650	18	70	
Зеведорский	—	Ок. 1650	7	30	
Горгорский	—	Ок. 1650	3	10	
Итого оленных и пеших «ламутов»			1675	6710	
Всего тунгусов			3145	12 580	
Юкагиры					
Коромон	Омолоевский	Ок. 1650	27	110	Юкагиры Омолоевского рода
	Хромовский (на Чендоне)	Ок. 1650	24	100	
	Хромовский (на Индигирке)	Ок. 1650	16	65	
Яндинцы (яндыри)	Сведений нет	Ок. 1650	50	200	Каменно-юкагирский род
Онойди (ононди)	Зельянский	Ок. 1650	33	130	
	Петайский	Ок. 1650	20	80	«Тунгусы» Бетильского рода
Янга	Негилбин (Чичин, Галяндин), Намундин, Уяндин	Ок. 1650	112	450	«Кунгурские» и Тюгесирские роды юкагиров Верхоянского округа
Шоромба	Порочин (Колымского шамана) Пелевин, Иозегин (Велкого), Поросв (Олитин), Одылвоев, Чанжин и др.	Ок. 1650	91	360	

Таблица 189 (окончание)

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			плательщиков ясака	всего населения	
Олюбензи	Бурулгин, Моллин, Шаманов, Ландин и др.	Ок. 1650	65	260	«Кунгурские» и Тюгесирские роды юкагиров Верхоянского округа
Алазеи (алан)	Манаютин, Тантыпопева, Ниничин, Каллин и др.	Ок. 1650	145	480	Юкагиры Алазейского рода
Омоки	Тимкин, Еюков, Нирпин, Лакиев, Панюев (Губарев), Калянин, Аливин, Алаев (Киниткн) и др.	1659	155	620	Юкагиры Омотских родов
Колымцы (когимэ)	Ниничин, Комундеев (Логурков), Нартицин, Рыбников (Щербаков), Криворотов, Метин и др.	1659	85	340	Уяканский и Омолонский роды юкагиров
Лавренцы	—	Ок. 1650	30	120	Погибли от оспы в 1692—1693 гг.
Ходынцы	Ратнегин, Калягин (Сопинин), Окачкин, Ямочкин, Чекасв (Терешкин), Некрасков и др.	Ок. 1650	155	620	Юкагиры Ходынского и ламуты Каменных родов
Чуванцы	Летонкин, Тюляпсин, Тугуланов, Дуркин, Шаманов, Момолин и др.	Ок. 1650	150	600	Юкагиры Чуванского рода
Анаулы	Когунин, Каллин (Обнин), Мекерин	Ок. 1650	35	140	Погибли в результате межродовых усобиц во второй половине XVII в.
Итого юкагиров			1193	4775	
Чукчи между Алазеей и Колымой	—	Ок. 1650	100	400	Сведений нет
Дауры на Алдане	—	Ок. 1650	6	25	Смешались с тунгусами и якутами
Всего в Якутском уезде			11 581	46 350	

НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА И КАМЧАТКИ

Переходим к северо-восточным палеазиатам, эскимосам и курильским айнам.

Эти этнические группы мы рассматриваем в данной главе потому, что со всеми этими народами вошли в соприкосновение впервые якутские казаки, и до 1773 г. территория чукчей, эскимосов, коряков, ительменов и курильских айнов находилась в ведении якутских властей.

Хотя некоторые группы коряков и ительменов (камчадалов) стали платить ясак уже в конце XVII в., все более или менее подробные сведения об этих народах восходят к XVIII в. Поэтому придется в основном пользоваться этими и даже более поздними данными, реконструируя состояние всех этих народов на конец XVII — начало XVIII в., ко времени первых лет контакта их с русскими.

По своему территориальному размещению эти народы делятся на четыре группы: чукчи с эскимосами на Чукотке, коряки вдоль берегов северной части Охотского и южной части Берингова морей, ительмены на полуострове Камчатке и айны на Курильских островах.

На Чукотке имеется любопытный пример длительного контакта различных по языку и хозяйственному типу народов, контакта, приведшего в конце концов к поглощению большей части эскимосов менее многочисленными вначале чукчами. Следует сразу оговорить, что никаких статистических данных о чукчах и эскимосах XVII и XVIII вв. у нас нет. Можно пользоваться лишь общими оценками и некоторыми расчетами, исходя из более поздних данных XIX в. и даже переписи 1926 г. Границы расселения чукчей и азиатских эскимосов на севере, востоке и юге определены морем. Только на юго-западе чукчи граничили с юкагирским племенем чуванцев. Эта граница нами описана выше, при характеристике расселения чуванцев. Подчеркнем еще раз, что по Сарычеву, в 1791 г. самое западное селение сидячих чукчей было у мыса Рыркапия, что Врангель в 1823 г. нашел самый западный чукотский поселок на берегу Чукотского моря тоже на мысе Рыркапия, что самым значительным лицом в этом поселке был ассимилированный чукчами чуванец и что оленные чукчи, кочевавшие в это время между Чаунской губой и мысом Рыркапия, возглавлялись чуванцем и в большинстве своем представляли, вероятно, ассимилированных чукчами чуванцев.

Есть одно указание о том, что чукчи якобы уже в середине XVII в. жили в районе Чаунской губы. В 1647 г. из устья Колымы «вперед», т. е. на восток, плавали в коче промышленные люди Исай Игнатьев Мезенец и Семен Алексеев Пустозерец «с товарищи», всего девять человек. Вернувшись на Колыму, они рассказали, что «бежали де они по большому морю, по зальду, подле Камень двои сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место потому, что толмача у них не было, и съезжати к ним с судна на берег не смели, вывезли к ним товарцу на берег положили и они в то место положили кости рыбья зуба немного а не всякий зуб цел; деланы у них пешни да топоры ис той кости, и сказывают, что на море де тово зверья много ложится де он на место» [819].

Издатель этого документа М. И. Белов приводит мнение Л. С. Берга о том, что Исай Игнатьев и его товарищи достигли Чаунской губы и, вероятно, на основании этого документа и преданий о «шелагах» помещает на своей карте [820] на берегах Чаунской губы чукчей и эскимосов.

---

[819] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 110.

[820] См. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 85.

Совершенно невероятно предполагать, что в районе Чаунской губы жил какой-либо неизвестный русским необъясаченный народ. Нам кажется, что Исай Игнатьев со своими товарищами для того, чтобы приплыть к чукчам, должен был пройти гораздо дальше на восток. Возможно, здесь вкралась какая-то ошибка в определении продолжительности плавания, тем более вероятная, что этот документ нам известен лишь в миллеровской копии, но скорее всего Исай Игнатьев нашел чуванцев, тогда еще неизвестных русским. То обстоятельство, что эти «чухчи» дали в обмен не целые клыки моржей, а лишь изделия из них, подтверждает наше предположение. У морских зверобоев чукчей или эскимосов нашлись бы и целые клыки.

Надо также иметь в виду, что служилые люди вначале иногда называли чукчей коряками, очевидно вследствие сходства чукотского и корякского языков и, может быть, потому, что настоящими чукчами тогда считались эскимосы. Так, спутники М. В. Стадухина Иван Казанец и Иван Баранов якобы встретили «коряков» в 1649 г. где-то в семи сутках хода «паруса не опущаючи» и двух днях пешего пути на восток от устья Колымы [821]. Мы предполагаем, что Иван Казанец и Иван Баранов нашли этих «коряков» где-то между мысами Биллингса и Рыркапия. С другой стороны, С. И. Дежнев и Ю. Селиверстов имели столкновение с «коряками» близ той «кошки» (косы), на которой они собирали «кость рыбей зуб» в 1654 г. [822] Очевидно, это так называемая «Русская кошка» к северу от устья Анадыря. Судя по сообщениям Дежнева и Селиверстова, этих «коряков» было здесь 14 юрт, по 10 (?) семей (?) в каждой, т. е. всего до 700 человек. Эти данные, вероятно, преувеличенные, так как сами Дежнев и Селиверстов пишут, что их было всего 12 чел. и тем не менее они ходили в поход на этих «коряков».

В 1660 г. с этими же, наверное, «коряками», но теперь уже названными чукчами, встретился в полутора днях парусного хода к северу от устья Анадыря, не доходя «большой губы», т. е. залива Креста, преемник Дежнева по Анадырскому острогу Курбат Иванов [823]. Таким образом, чукчи в XVII в. несомненно жили на берегу Берингова моря между устьем Анадыря и заливом Креста.

Итак, юго-западная, сухопутная граница чукчей и эскимосов определяется для конца XVII в. в виде линии, идущей от Анадырского лимана вдоль моря на некотором расстоянии от него к району залива Креста. Отсюда эта линия идет по водоразделу между бассейнами Амгуемы и Анадыря на северо-запад и выходит к Северному Ледовитому океану восточнее мыса Шелагского, примерно около мыса Биллингса. На всем этом протяжении чукчи и эскимосы соседили с юкагирами-чуванцами.

Отметим только, что во время походов Павлуцкого по Чукотской земле в 40-х годах XVIII в. чукчей встречали и за пределами вышеочерченной территории, например на Чауне. Здесь надо учитывать, что первые десятилетия XVIII в. были периодом, когда чукчи значительно расширили свою территорию за счет чуванцев. Нападения чукчей на чуванцев к северу от Анадырского острога и на ходынцев к востоку от него на «плавях» в низовьях Анадыря и были поводом к походам на чукчей. Мы же старались установить границу между чуванцами и чукчами, существовавшую до этого периода распространения чукчей.

---

[821] См. там же, стр. 116, 246. М. И. Белов считает, что Стадухин достиг мыса Шелагского (см.: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 117). Но если Стадухин за семь дней достиг лишь мыса Шелагского, то как же Исай Игнатьев за два дня достиг уже Чаунской губы. Несомненно Стадухин прошел дальше.

[822] См. ДАИ, т. IV, стр. 12, 22, 27. Именно у этих «коряков» и отбил С. И. Дежнев якутку Федота Алексеева.

[823] См. Открытия русских землепроходцев..., стр. 405—406.

Теперь необходимо разграничить чукчей и эскимосов внутри очерченной выше территории. И. С. Вдовин приводит следующую выдержку из рукописи доктора К. Мерка, который вместе с Биллингсом побывал у чукчей в зиму 1791/92 г. «В отношении языка,— писал К. Мерк,— оседлые чукчи также отличаются от оленных. Язык последних сходен с корякским, за исключением отдельных различий. Оседлые чукчи, правда, все понимают этот язык, но говорят на своем собственном, совершенно отличном от этого языка, который, в свою очередь распадается на четыре наречия. Одно из этих наречий распространено от мыса Сердце-Камень или от маленького острова Манчеген, до стойбища Айган, второе — от этого стойбища до стойбища Пуухта, расположенного немного к северу от залива Лаврентия; третье — панкуйское — от стойбища Пуухта до северо-восточного мыса, называемого ими Менгихениткин, но чаще по двум расположенным там стойбищам: Нухин и южнее его Прекы. Четвертое наречие — уэленское — от только что названного мыса и до последнего стойбища Шелагского. Что касается языка вообще, то наречие племен, живущих на Северо-восточном мысу (м. Дежнева.— *И. В.*), как говорят, сходно с языком американцев, на котором говорят также жители островов, расположенных в проливе» [824].

Далее Вдовин, комментируя эти данные Мерка, сообщает, что «в других местах рукописи К. Мерк часто приводит чукотские слова параллельно со словами на уэленском наречии, т. е. эскимосском. Например:

Уэленское	Чукотское	Перевод
uluun	wamek	метательное копье на моржа
niguchhach	jijginghi	сетка для ловли рыбы
kuingit	khoren	ручной, домашний олень
tungtu	loylu	дикий олень

Приведенные К. Мерком слова как слова уэленского наречия «сидячих чукчей» являются эскимосскими. Эти данные К. Мерка интересны еще и тем, что он не только отграничил чукотский язык от эскимосского, но и установил наличие четырех диалектов в эскимосском языке того времени, тогда как в настоящее время сохранилось лишь три диалекта языка азиатских эскимосов. Вместе с тем данные К. Мерка бесспорно устанавливают наличие носителей эскимосского языка в с. Уэллен, ныне заселенного чукчами, говорящими на чукотском, а не на эскимосском языке как то было в конце XVIII в.

Замечание К. Мерка о том, что четвертое — уэлленское — наречие распространено от с. Уэлен на востоке и далее на запад по побережью Ледовитого океана до мыса Шелагского, вполне подтверждается археологическими, топонимическими данными» [825].

Таким образом получается, что все оседлое население Чукотки почти от залива Креста вдоль берегов Берингова и Чукотского морей и до мыса Шелагского (если оно там было, но до мыса Рыркапия во всяком случае) еще в конце XVIII в. состояло из эскимосов. Тем более можно предполагать, что это оседлое население было эскимосским и в конце XVII — начале XVIII в., так как все последующее развитие чукотско-эскимосских взаимоотношений шло в направлении ассимиляции чукчами эскимосов как на берегу, так и тех из эскимосов, которые переходили в тундру в число оленеводов. Если это так, то в конце XVII — начале XVIII в. мы должны считать на охарактеризованной выше территории чукчами лишь оленеводов в ее внутренней части, а эскимосами — все оседлое население по берегам морей. При этом вследствие отсутствия у чукчей и до сих пор заметных

[824] И. С. Вдовин. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954, стр. 76—77.

[825] Там же.

диалектальных различий можно считать всех их одним племенем оленеводов, а среди азиатских эскимосов выделить четыре племени, живших вдоль четырех различных участков побережья. Называть эти племена можно таким образом: вутээнцы (от горы Сердце-Камень близ залива Креста до бухты Провидения, в том числе в сел. Серинек, или Вутээн по-чукотски); айваны (от бухты Провидения до района залива Лаврентия включительно (айванами, т. е. «восточными», этих эскимосов называют чукчи); пээки (в районе мыса Дежнева, в том числе в сел. Наукан, также на о-ве Ратманова или Большом Диомиде). Пээками («обитателями мыса») эту группу эскимосов называл Л. Н. Гондатти, производивший перепись чукчей и эскимосов в 1894—1896 гг. Это название, а также названия айваны и вутээнцы принял и С. К. Патканов [826]. Наконец, племя эскимосов (от сел. Уэлен включительно до мыса Рыркапия) вслед за доктором Мерком мы будем называть уэленцами.

При нанесении на карту территории четырех племен азиатских эскимосов мы включили в их земли значительную часть внутреннего пространства Чукотки к востоку от линии Колючинская губа — залив Креста, в настоящее время осваиваемого исключительно оленными чукчами. Сделано это из следующего соображения. Узкая специализация эскимосов и береговых чукчей в области морского зверобойного промысла — видимо, результат сравнительно недавней эволюции, когда окончательно сложился традиционный обмен между береговыми охотниками и тундровыми оленеводами. Как убедительно показал И. С. Вдовин, даже в период, непосредственно предшествовавший русско-чукотским военным столкновениям, чукотское оленеводство еще было весьма скромным и вряд ли могло иметь большое товарное значение [827]. Следовательно, эскимосы должны были еще в XVII в. сами добывать часть диких оленей, дававших им материал (шкуры, камосы, сухожилия) для пошивки одежды и дополнительный источник мяса. Но для охоты на диких оленей необходима соответствующая охотничья территория. По всей вероятности, охотничьи территории эскимосских племен прилегали к береговой линии, занятой эскимосами в качестве своего рода «хинтерланда». Именно эти соображения и положены в основу реконструкции карты племенных территорий азиатских эскимосов.

Можно попытаться определить численность чукчей и азиатских эскимосов в конце XVII в. Территория чукчей и эскимосов в это время примерно соответствовала территории Чукотского района нашего времени. По переписи 1926/27 г., в оседлых (береговых) хозяйствах коренного населения Чукотского района было 4088 чел. населения, а в кочевых — 1988 чел. [828] Кроме того, в северо-восточной части Анадырского района на территории Чукотского полуострова жило около 500 оленеводов и около 450 оседлых чукчей и эскимосов. Всего в 1926—1927 гг. на территории, которую занимали чукчи и эскимосы в конце XVII в., жило, следовательно, около 4500 чел. оседлого и 2500 чел. кочевого населения.

По переписи 1897 г. (фактически проведенной здесь в 1894—1896 гг.) оседлого коренного населения по берегам Ледовитого океана и Берингова пролива жило 4365 чел. [829] Из этого количества надо вычесть 136 чукчей, живших оседло в низовьях Анадыря, и 102 керека. Таким образом, на Чукотке в 1897 г. жило 4127 чел. оседлого коренного населения, т. е. несколь-

---

[826] См. С. К. Патканов. Статистические данные... Т. III, стр. 890, 892, 975—976.

[827] См. И. С. Вдовин. Из истории общественного строя чукчей. «Советская этнография», 1948, № 3; его же. К истории общественного строя чукчей. «Ученые записки ЛГУ», № 115, Л., 1950.

[828] См. Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края, Благовещенск, 1929, стр. 182; ЦСУ СССР, Похозяйственная перепись приполярного севера СССР, 1926/27 года, Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи, М., 1929, стр. 116.

[829] См. С. К. Патканов. Статистические данные... Т. III, стр. 889.

ко меньше, чем в 1927 г. Некоторое увеличение количества оседлого коренного населения на самой Чукотке с 1897 по 1927 г. объясняется, может быть, оседанием оленеводов-чукчей. Численность эскимосов с 1897 по 1927 г. уменьшилась с 1307 до 1251 чел., а численность всех оседлых чукчей за это же время возросла с 2963 до 3496 чел. Имело значение, конечно, и уточнение учета в 1927 г. по сравнению с 1897 г. Данных об изменении численности чукотского кочевого оленеводческого населения отдельно по Чукотскому району у нас нет. Численность же всех оленных чукчей в 1894—1896 гг. составляла 8808 чел. [830], а в 1926—1927 гг.— 8756 чел. [831], т. е. почти не изменилась. Можно предполагать, что не изменилась за этот период и численность оленных чукчей в пределах одного Чукотского района.

Посмотрим, какие есть сведения о численности чукчей и эскимосов в XVIII в. В 1711 г. якутский служилый человек П. И. Попов, ходивший к чукчам с промышленным человеком Е. В. Толдиным и юкагиром И. В. Терешкиным с разведывательными целями, определил, что «носовых оленных и пеших чюкоч лушников с 2000 и больше кроме Анадырских решных, а решных человек с 50 и больше» [832]. Таким образом, всего населения у чукчей и эскимосов, по определению Попова, к 1711 г. получается около 8200 чел.

По данным, относящимся, вероятно, к 1740 г., «тех де чюкоч, которые раззоряют коряк, будет военных людей человек до 2000, а всех с подростками тысяч до четырех или пяти, а подлинно ль столько, того они не знают, ибо де они, чюкчи, жительство имеют не в одном, но в разных местах» [833]. Следовательно, к 1740 г. численность всех чукчей и азиатских эскимосов определялась в 8—10 тыс. чел.

Майор Шмалев определял численность чукчей (разумеется, вместе с азиатскими эскимосами) около 1755 г. в 10 тыс. чел. [834] Но Биллингс считал, что во времена Павлуцкого чукчей (вместе с эскимосами) не было и 10 тыс. чел. [835]

Казак Борис Кузнецкий, пробывший в плену у чукчей около двух лет, так говорил в 1756 г. об их численности: «Сколько же всего тех оленных и сидячих чюков имеется, ибо они живут не в одном, но в разных местах, за чем точно всего он показать не может, а сказывали они на словах, что их многолюдно, только видно, что они тем открывали одну свою славу, а как во всю ту его, Кузнецкого бытность было примечено, что их как оленных, так и сидячих, не более двух тысяч человек будет...» [836] Таким образом, Кузнецкий тоже считал, что всего населения у чукчей и эскимосов не более 8 тыс. чел. Говоря о двух тысячах, Кузнецкий имел в виду, конечно, одних мужчин.

Большинство вышеприведенных оценок определяет численность населения у чукчей и азиатских эскимосов в 8 тыс. чел. Все эти оценки сделаны в период, когда началось уже распространение чукчей на соседние им территории, т. е. когда их численность, видимо, настолько увеличилась, что при том уровне развития производительных сил, которого они достигли, естественные ресурсы их коренной территории уже не могли удовлетворить их потребностей. Можно думать, что до начала распространения чукчей

[830] См. С. К. Патканов. Статистические данные... Т. I, стр. 121.

[831] См. ЦСУ СССР, Похозяйственная перепись приполярного севера СССР, 1929/27 года, Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи, стр. 2.

[832] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке, Л., 1935, стр. 158.

[833] Там же, стр. 161.

[834] См. там же, стр. 169.

[835] См. Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, стр. 265.

[836] Там же, стр. 184.

на территории соседей, т. е. до начала XVII в., у них было населения всего не более 6 тыс. чел., в том числе около 2 тыс. чукчей оленеводов-кочевников и около 4 тыс. оседлых эскимосов-охотников на морского зверя. Цифры эти очень большие. Мы обращаем внимание читателей на то, что всех юкагиров, живших на территории от Лены до устья Анадыря, было в середине XVII в. менее 5 тыс. чел. Плотность населения, достигнутая чукчами и азиатскими эскимосами, очевидно, представляет предел, которого могло достигнуть оленеводческое и охотничье население севера в прошлом.

Оседлые эскимосы распределялись к концу XVII в. между четырьмя племенами, вероятно, таким образом: уэленцев было около 1500 чел. [837], пээков — около 600 чел. [838], айванов — около 1400 чел. [839], вутээпцев — около 500 чел.

Все эти данные о численности эскимосских племен получены нами путем проецирования сведений Мерка на материалы переписи 1897 г. с последующим округлением [840].

Чукчи, видимо, в конце XVII в. образовывали одно племя оленеводов и охотников на дикого оленя численностью около 2 тыс. чел.

Никаких данных о родовых подразделениях у чукчей и азиатских эскимосов у нас нет.

Окончательно чукчи и азиатские эскимосы были приняты в русское подданство, а их территория присоединена к России в 1789 г. Екатерина II официально объявила о принятии чукчей в подданство России 11 октября 1789 г. В том же году были поставлены на берегу Берингова пролива государственные железные гербы как знак того, что Чукотская земля принадлежит России [841].

С коряками русские служилые люди вошли в соприкосновение довольно рано. Первым небольшой ясак с коряков собрал в 1651—1652 гг. во время своего пребывания на Пенжине и Гижиге М. В. Стадухин [842]. В дальнейшем русские отряды часто бывали в земле коряков, приходя в нее с Анадыря, Колымы и из Охотска. В непосредственном соседстве с коряками одно время существовало Чендонское зимовье на р. Пенжине. В 1658 г. служилый человек Федор Чукичев имел столкновения с оседлыми и оленными коряками на самой Пенжине (Чендоне) и на берегу моря в районе устья Пенжины. В одном из документов 1662 г. упоминается о появлении коряков вместе с анаулами «за Ковымой за Каменю» [843]. В 1669 г. состоялась боль-

---

[837] Нордквист на 1878—1879 гг. определил численность оседлых чукчей, живших вдоль берега Чукотского и Восточно-Сибирского морей (от Уэллена до мыса Шелагского), в 2160 чел. По переписи 1897 г., здесь жило 2047 чел. Поскольку имело место переселение с берегов Берингова моря на берега Чукотского моря и поскольку еще в начале XIX в. чукчи (эскимосы) фактически не жили на берегу Чукотского моря западнее мыса Рыркапия, то мы сочли за лучшее дать несколько меньшую цифру по сравнению с переписью 1897 г. и исчислениями Нордквиста (см. Заметки о численности и нынешнем положении чукчей, живущих на берегу Ледовитого моря. «Изв. РГО», т. XVI, СПб., 1881, стр. 100).

[838] Без обитателей о-ва Крузенштерна и др.

[839] Без обитателей о-ва Лаврентия, на котором жило, вероятно, около 300 эскимосов. Л. С. Берг считает, что в 1890 г. их было 267 душ (См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки, 1946, стр. 88).

[840] Есть основания предполагать, что в XIX в. произошло уменьшение численности населения на берегах Берингова моря, в частности на о-ве Ратманова, в результате его переселения на берег Чукотского моря (см. Л. С. Берг. Открытие Камчатки, стр. 24; А. Ресин. Очерки инородцев русского побережья Тихого океана. «Изв. РГО», т. 24, вып. III, стр. 182, 188, 190; С. К. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, стр. 127—129).

[841] См. А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1656 г. Морской сборник, СПб., 1869. Ч. IV, стр. 31.

[842] См. ДАИ, т. IV, стр. 120.

[843] ДАИ, т. IV, стр. 381.

шая (из 50 служилых и промышленных людей) экспедиция с Колымы в землю коряков на Пенжину и Тайгонос под руководством Ивана Ермолина. В том же году посылались служилые люди к корякам за Олу и из Охотска [844].

В 1676 г. охотские служилые люди сообщали, что по рекам Оле и Яме живет много пеших коряков, а на р. Орера (Иреть) находятся оленные коряки [845]. В 1685 г. охотские служилые люди вместе с тунгусами, по просьбе последних, ходили в поход на этих коряков, согнавших в 1684 г. с рек Армани и Олы ясачных тунгусов и многих из них перебивших. Коряков нашли за Олой в острожке с надолбами и с землянками. Всего их было до 300 чел. Аманатов с них не взяли, так как «от аманатов отступаютца и не держатца и живые в руки не даютца» [846].

В 1695 г. с «Ковыми реки с новой Корятцкой земли пятидесятник казачей Дмитрей Потапов привез збору своего, что он собрал с Корятской земли, с корятцких с неясачных иноземцев соболь да 2 пластинишка собольих, 2 лисицы сиводушчатых, 18 лисиц красных, да лоскут бобровой» [847]. С этого года, по-видимому, начался более или менее регулярный сбор ясака с части коряков.

Таблица 190

Численность ясачных коряков Анадырского острога в 1699—1704 гг.[848]

Группа	Имена глав группы	Плательщиков ясака		
		1699 г.	1700 г.	1704 г.
Акланские «сидячие» и оленные	князец Напана	20[849]	54[849]	52[849]
Пенжинские оленные	Кайгин	14	19	26
Каменного острожка	Акхема	7	18	9
«Усть Таловского острожку»	князец Тыхюлы	6	23	15
«Сидячие» с р. Парени	«тоен» Кукей	—	—	11
Апукские оленные и «сидячие»	князец Лотсухпат	10[850]	20[851]	18
«Оленные опутские коряки»	Мегевя, Ивтыл, Эвутта, Кызутка (Кытыгын)[852]	20	22	59[853]
«Род Элюторский и Камчатцкой»	Леглы (Ялгин) олюторский	10	10	
«Реки Воемполки Камчатцкого роду»	князец Таткагир (Подкагир)	3	3	—
	Всего	90	169	190

[844] См. КПМГЯ, стр. 147, 149; ЦГАДА, ф. 1177, ст. 235, л. 100.
[845] См. ДАИ, т. V, стр. 384—385.
[846] ЦГАДА, ф. 214, ст. 747, лл. 199, 310, 323, 352—353.
[847] Там же, кн. 1366, л. 616.
[848] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, сборные книги Анадырского острожка за 1699 и 1700 гг.
[849] В том числе анаул Эга.
[850] В том числе восемь «седячих» коряков. Среди них один по имени Глот. Это имя на том же месте в списке повторяется в 1700 и 1704 гг. На старых картах показана р. Глотова, приток р. Олюторы (Эмповей). Здесь же на р. Олюторе, в шести днях пути вверх по ней от моря, в 1712 г. было «Глотово жилье» (См. Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1949, стр. 485).
[851] В том числе 18 «сидячих».
[852] Все эти лица названы в 1699 г. «князцами», но ни один из них не записан как глава какой-либо группы. Первым в списке этих оленных апукских коряков записан некто Итчевит, который не назван «князцом».
[853] В том числе «роды» Мегевин (15 чел.), Ивтелев (17 чел.), Ялгинев (26 чел.) и отдельно «Элюторского острожку» князец Кытыгын.

В 1699, 1700 и 1704 гг., после походов Луки Морозка к апукским корякам (1696 г.) и Атласова на Камчатку через землю коряков (1697—1699 гг.), в Анадырском остроге собирали ясак с групп коряков, указанных в табл. 190 (см. стр. 555).

В 1708 г. «из Анадырского острогу казак Иван Голыгин привез збору своего с камчадских люторских людей вновь ясаку 2 соболи... лисица сиводушчатая 17 лисиц красных», т. е. всего с 20 плательщиков ясака. В том же году «из Ковымского зимовья сын боярской Данила Барановский привез збору своего коряцкие землицы с тобонских (вероятно, с туманских или тойгоносских.— *Б. Д.*) мужиков ясаку на нынешней 708 год 4 лисицы сиводушчатых да 24 лисицы красных», т. е всего с 28 плательщиков ясака [854].

В 1721 г. в Тауйском остроге платило ясак 22 чел. «Коряцкого роду» и четыре человека «Тумацкого роду». В последних тоже можно видеть коряков с р. Туманы. Возможно, что корякским являлся и плативший тогда же ясак в Тауйский острог «Кутинский род», в котором было взято пять аманатов и осталось еще девять человек [855].

В 1730 г. по «доношению» капитана Шатилова «по справке в Анадырской партии и с Анадырского приказного ясашною избою по окладным ясашным книгам состоит ясашных плательщиков оленных и сидячих коряк 558 человек» [856].

В 1737 г. считалось, что «при Тауйску ясачных коряков на реке Яме и на других было 126 чел. [857] В 1770 г. одних ямских коряков с подростками числилось 80 чел. мужского пола.

Судя по материалам С. П. Крашенинникова, коряки жили по следующим рекам, впадающим в Охотское море: Тигиль, Напана, Аманина, Уткалан, Ваемполка, Нахтана, Палана, Лесная, Подкагирная, а также от Уки до Караги включительно по берегу Берингова моря и на Карагинском острове [858]. Крашенинников приводит данные о числе ясачных людей по отдельным острогам [859].

Данные Крашенинникова относятся, по-видимому, к 1738 г., во всяком случае в этом году им были запрошены данные о числе плательщиков ясака в Большерецком и Верхнекамчатском острогах [860].

Таблица 191

Численность ясачных коряков на Камчатке в 1738 г.

Река	Остроги	Плательщиков ясака в 1738 г.
Тигиль	Тигильский	92
Напана	Напанский	34
Уткалан	Утколотский [861]	27
Аманина	Аманинский	19

[854] ЦГАДА, ф. 214, кн. 1489, лл. 309—310.

[855] Там же, кн. 980, лл. 126—136.

[856] И. С. Вдовин. Расселение народностей северо-восточной Азии во 2-й половине XVII и начале XVIII в. «Изв. ВГО», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 260.

[857] ЦГАДА, ф. 1199, № 481, ч. II, л. 336.

[858] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 113—131.

[859] См. там же, стр. 509—513.

[860] См. там же, стр. 562, 588, 577.

[861] Беринг и другие называли жителей Утколотского и Подкагирного (см. ниже) осторожков камчадалами (КПЦКЧ, стр. 81), но Крашенинников определенно называет их коряками (см. Описание земли Камчатки, 1949, с. 627).

Таблица 191 (окончание)

Река	Остроги	Плательщиков ясака в 1738 г.
Итого тигильских коряков		182
Ваемполка	Ваемпальский	80
Кахтана	Кахтанский	34
Палана	Верхне-[862], Средне- и Нижнепаланский	73
Лесная	Лесной	38
Подкагирная	Подкагирный	35
Итого палланских коряков		250
Ука	Укинский	24
Ука	Пильчегылын	32
—	Кахтанский	19
—	Русаков	23
—	«на Усть губы»	30
—	Юмгин	25
Карага	Карагинский	20
На Карагинском острове		30
Итого карагинских и укинских коряков		203
Всего		635

В табл. 191 приводятся все данные Крашенинникова о коряках, бывших в ведении Нижнекамчатского острога.

В 1767 г. ясачных коряков при Гижигинской крепости, находившихся раньше в ведении Анадырской крепости, числилось: оленных 16 «родов», всего 319 чел.; пеших —276 чел.

Приведем данные по всем отдельным группировкам оленных и пеших коряков ведомства Гижигинской крепости.

Численность ясачных коряков Гижигинской крепости в 1767 г.[863]

Имена глав «родов» оленных коряков	Плательщиков ясака	Имена глав «родов» оленных коряков	Плательщиков ясака
Князец Энчел Лехтелев	14	Князец Умьева Яллахов	12
Старшина Эулах Иванин	11	Старшина Тыкека Алгылертенов	41
» Лелю Медведев	23	» Нелекин Вскычев . . .	24
» Веэм Ипеков	23	» Нотаиме Янчев	4
» Ивила Эвонтов (Косинкой)	36	» Атуувья Оммартов . . .	7
» Эмчуто Лехтувьин . . .	6	» Эмгуто Этинунов	15
» Елхуин Евлахов	27	» Имляков Ивплахуртов	48
Князец Умья Аукевьин	17		
Старшина Аткусвьи Логопов . .	11	Итого оленных	319

[862] Он же Югмин.
[863] ЦГАДА, ф. 1096, д. 16, лл. 30—32.

Названия группировок пеших коряков	Плательщиков ясака
Паренские	39
Паренский	17
Агачинские острожки	22
Каменского острожка	21
Акланского острожка	8
Косухинского острожка	8[864]
Жирового острожка	9[865]
Реки Пустой	13
Чендонские (живущих около устья р. Гижиги по разным урочищам)	49
Туманские («Туманы реки»)	52
Реки Итканы	22
Похаченских острожков, отчисленные в Камчатскую Большерецкую канцелярию (сами приехали платить в Гижигу)	16
Итого пеших	276

Переведены были к 1767 г. из Гижигинской округи в ведение Камчатской Большерецкой канцелярии коряки алюторские, апукские, кавачинские, ивонские (?), пахаченские и катырские, т. е. алюторцы, апукинцы и кереки. В 1767 г. считалось, что всего у них 168 плательщиков ясака [866].

В окладной книге Гижинского острога 1767 г. не подбиты по корякским «родам» итоги и имеется объяснение, смысл которого заключается в том, что эти итоги не подбиты потому, что ясак накладывался на каждого коряка в отдельности, а не на целый «род», так как никакой поруки в уплате ясака и «род» в целом и отдельные коряки друг за друга не несли вследствие отсутствия каких-либо родовых связей [867]. Слово «род» в этом и других текстах о коряках в данном случае означает территориальные, производственные группы, а не специальное, этнографическое понятие.

Для лучшего уяснения расположения территориальных групп коряков и определения их численности приведем данные о коряках по переписи 1897 г. [868] и сведения о группировках коряков и их численности, которые дает известный исследователь коряков С. Н. Стебницкий на 1926 г. [869] (табл. 192).

Официальные итоги переписи 1897 г. определили общую численность коряков в 7335 чел., а итоги переписи 1926 г.— в 7387 чел.

При сопоставлении приведенных в табл. цифр надо иметь в виду, что в 1926 г. оленеводы-кочевники, по данным С. Н. Стебницкого, составляли среди алюторцев 55—60% всего населения. По-видимому, коряки-оленеводы Опукского административного «рода» были отнесены Стебницким к алюторцам. Поэтому получилась большая разница между данными 1897 и 1926 гг., относящихся к алюторцам и апукинцам. В составе собственно

[864] ЦГАДА, ф. 1095, д. 39, л. 40. Косухин острожек — это тот же Усть-Таловский. Акланский острожек находился в 15 верстах от Косухина (см. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 477).

[865] Жировой острожек находился на дороге в Камчатку, вероятно на место современного сел. Мамеч.

[866] ЦГАДА, ф. 1095, д. 39, л. 40.

[867] ЦГАДА, ф. 1095, д. 39, лл. 41—41 об.

[868] См. С. К. Патканов. Статистические данные... Т. III, стр. 895—896, 899, 907—909, 912—916.

[869] Памяти В. Г. Богораза, М.— Л., 1937, стр. 289—290. Данные о кереках за 1926 г. заимствованы из статьи Н. Б. Шнакенбурга «Нымыланы-кэрэки» («Советский север», 1939, № 3, стр. 97). Сам автор этой статьи считает данную цифру (315) преувеличенной и определяет численность кереков на 1937 г. в 152 чел. (см. там же, стр. 98). Из данных Стебницкого мы взяли минимальные цифры. Мы сейчас не ставим вопроса о том, были ли кереки в конце XVII — начале XVIII в. уже коряками или их этническая принадлежность была тогда иной.

Таблица 192

Группировка и численность коряков в 1897 и 1926 гг.

Группа	Административные «роды»	Образ жизни	Численность	
			1897 г.	1926 г.
Ямская	—	Оседлые	218	246
Туманская	—	»	26	
Наяханская	Гермондийский	»	40	—
Чавчувены	1,2,3-й Гижигинский . .	Кочевые	607	3500
	Тайгопосский	»	381	
	Сведений нет	»	1169	
	1, 2-й Бродячие	»	756	
Иткапская	Иткапский	Оседлые	155	100
Паренская	1, 2-й Паренские . . .	»	285	150
Каменская	Ягачинский	»	155	700
	1, 2-й Каменские . . .	»	316	
	Пусторецкий	»	133	
Палланская (Тигильская)	Подкагирский	»	51	450
	Сведений нет	»	886	
Карагинская (Укинская)	—	»	298	300
Алюторская	Кичигинский	Оседлые и кочевые	168	1800
	Вывнуковский	» »	110	
	Тиличинский	Оседлые	92	
	Ветвейский	»	31	
	Култушный	Оседлые и кочевые	351	
	Олюторский	» »	197	
Апукинская	Похачинский	Оседлые	178	200
	Опукский	Кочевые	431	
Кереки	Ковачинский	Оседлые	121	315
	Хатыркинский	»	66	
	Кереки Анадырского	»	102	
	Всего		7323	7761

алюторских родов в 1897 г. оленеводов учтено: в Кичигинском «роде» — 63 чел., Вывнуковском — 14 чел., Култушном — 149 чел. и Олюторском — 81 чел., т. е. всего только 307 чел.

После знакомства, с территориальными группировками коряков и данными об их численности за ряд лет можно вернуться к нашей основной задаче и попытаться установить группировки коряков и их численность на конец XVII — начало XVIII в. У пеших коряков выявляются следующие группировки (племена): ямские, туманские, гижигинские, иткапские, паренские, каменские (акланские), палланские, тигильские, карагинские (укинские), алюторские, апукинские, катыркинские (кереки).

Численность палланцев, тигильцев и карагинцев на конец XVII в. (1697 г.) была определена, как и численность камчадалов, по данным Крашенинникова 1738 г. путем увеличения приведенных им цифр в полтора раза (об обосновании этого расчета смотри ниже, в изложении данных о численности камчадалов).

В отношении туманских, гижигинских, иткапских, паренских и каменских пеших коряков, а также оленных коряков мы приняли данные 1767 г.,

увеличив их вдвое. Как известно, с 1716 г., а особенно в 1744—1758 гг., территория вышеуказанных групп коряков была ареной почти беспрерывных военных столкновений [870]. Считалось, что к 1757 г. коряки эти лишились более половины соплеменников [871]. Для ямских коряков мы взяли данные 1737 г., увеличив их в полтора раза и вычтя из них численность туманских коряков [872]. Для определения численности алюторцев, анукинцев и кереков тоже использованы данные 1767 г., но увеличенные втрое. При определении численности коряков каждой из этих групп были приняты во внимание также данные из портфелей Миллера по алюторцам, которые приведены ниже.

И. С. Вдовин приводит следующие данные об острожках (поселках) алюторцев, найденные им в портфелях Миллера: Ильпир — 30 семей, Говонки — 50 семей, Вывник — 30 семей, Теллечи (т. е. Тиличики) — 25 семей, Култушное — 70 семей, т. е. всего 205 семей [873]. Для второй половины XVIII в., к которой относит эти данные Вдовин, они, вероятно, преувеличены. Но их вполне можно принять для конца XVII — начала XVIII в., когда служилые люди непосредственно познакомились с алюторцами и не имели места еще кровавые вооруженные столкновения, разгромы острожков, и т. д.

Если считать, что в семье в среднем было пять человек, то ко времени прихода русских, т. е. к концу XVII в., ясачных алюторцев было около 256 чел. (всего 1025 чел. населения). Отсюда численность ясачных анукинцев соответственно можно определить примерно в 160 чел. (всего 640 чел. населения), и ясачных кереков — до 80 чел. (всего 320 чел. населения).

В составе ряда пеших групп коряков (у анукских — без сомнения, а у каменских и алюторских — по всей вероятности) было в конце XVII в. и некоторое количество оленеводов. Как мы знаем, в 1699 г. оленных анукских ясачных коряков было, вероятно, до 60 чел. (всего 240 чел. населения), т. е. около 37,5% всех анукских коряков. Территория анукинцев и особенно алюторцев была местом, где происходило много военных столкновений [874]. В отношении этих групп коряков, а также кереков, мы имеем основание предполагать также большой недоучет их к 1767 г.

В табл. 193 приведены группировки коряков и их предполагаемая численность на конец XVII в.

Переходим к описанию расселения отдельных групп пеших коряков в конце XVII в.

Самой юго-западной группой коряков были ямские пешие коряки. «Орерские» (иретские) оленные коряки, очевидно, составляли группу чавчувенов, вышедшую к морю.

Следующей группой коряков были пешие туманские коряки. М. В. Стадухин, когда плыл в 1652 г. из устья Гижиги в Тауйскую губу, отметил по пути лишь две группы коряков: одну на «Таванке реке», а другую на «реке Емовой». Очевидно, имеются в виду Туманы и Яма [875].

---

[870] См. А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1656 г., ч. 1, стр. 31, 50, 65, 69; ч. II, стр. 1—20, 22. Морской сборник, СПб., 1869; КПЦКЧ, 1935, стр. 87—133.

[871] См. А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1656 г. Ч. II, стр. 21.

[872] Мы предполагаем, что в 1737 г. туманские коряки учитывались вместе с ямскими.

[873] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 138, прим. *2*.

[874] См. А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1656 г. Ч. I, стр. 13, 23, 27; ч. II, стр. 5.

[875] См. ДАИ, т. IV, стр. 121. Надо, впрочем, иметь в виду, что между Гижигой и Ямой на берегу Охотского моря есть селения Таватамское и Тахтаянское. Но с ними как будто не были связаны в прошлом какие-либо отдельные группы коряков.

Таблица 193

Предполагаемая численность коряков по группам (племенам) к концу XVII в.

Группа	Численность населения на конец XVII в.			Для сравнения	
	пешего	оленного	всего	1767 г.	1897 г.
Ямская	450	—	450	320[876]	218
Туманская	400	—	400	210	26
Гижигинская	400	—	400	200	40
Итканская	180	—	180	90	155
Паренская	450	—	450	225	285
Каменская	640	—	640	320	604
Палланская	1 500	—	1 500	1 000[877]	937
Тигильская	1 080	—	1 080	720[877]	—
Укинская (карагинская)	1 200	—	1 200	800[877]	298
Алюторская	1 025	—	1 025	740	949
Апукская	400	240	640		609
Кереки	320	—	320		289
Гижигинские чавчувены	—	700	700	1 280	607
Претские (орерские) чавчувены	—	200	200		—
Тайгоносские чавчувены	—	300	300		381
Пенжинские »	—	900	900		1 169
Камчатские »	—	400	400		756
Всего	8 045	2 740	10 785	6 085	7 323

Местом обитания оседлых коряков в 1897 г. являлся и район впадения в Гижигинскую губу рек Наяхана и Гарманды. Но в 1767 г. населенные пункты с названиями по этим рекам не упоминаются, а говорится о «чендонских» коряках, живших «около устья реки Гижиги по разным урочищам». В числе этих урочищ были, очевидно, и устья Наяхана, Гарманды и Вархаламский мыс.

Следующими группами пеших коряков были Итканская, Паренская, Каменская, Палланская, Карагинская.

В Каменскую группу пеших коряков, живших по берегу Пенжинской губы от р. Митькиной (Мижиной) до р. Пустой включительно, мы относим острожки Агачинские, Каменский, Акланский, Косухинский, Жировой, Пустой.

В Палланскую группу включены острожки Тигильский, Напанский, Уколотский, Аманинский, Васильевский, Кахтанский, Паланские, Лесной, Подкагирный. В Карагинскую группу — острожки Укинский, Пильченский, Кахтанский, «на усть губы», Юмгин, Карагинский и Карагинский остров.

Относительно острожков алюторцев смотри выше.

Апукинских коряков мы помещаем в бассейне р. Пахачи, а кереков — по берегу моря от мыса Олюторского до мыса Наварина.

Переходим к чисто оленеводческим группам коряков, к так называемым чавчувенам.

По сообщению Михаила Стадухина, в 1651 г. на р. Оклане и на Пенжине ниже устья Оклана «живут все оленные люди Коряки». Их приезжало к нему по 100 и по 300 чел.

[876] Данные 1770 г.
[877] Данные 1737 г.

В 1657 г. Федор Чукичев, находясь на Пенжине, ходил на оленных коряков.

В 1663 г. коряки (видимо, оленные) появлялись «на Каменю» в верховьях Колымы группами по 40—50 чел. [878]

В 1665 г. коряки, видимо с верховьев Омолона, угнали у юкагиров оленей.

Атласов в 1697—1699 гг. встретил оленных коряков, не доходя р. Паланы. Затем он разгромил группу оленных коряков между Тигилем и Ичей. К югу от Ичи Атласов догнал оленных коряков «на Кукше и Кикше реках», т. е. у р. Кихчик. Как бы подытоживая свои сведения о проживании коряков на Камчатке, Атласов сообщает: «А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки» [879].

В 1716 г. на Камчатке было 24 оленных коряка. Крашенинников нашел потомков оленных коряков, всего 12 «ясачных людей», уже утративших оленей, на р. Аваче, где и сейчас есть поселок «Коряки» [880].

В 1741 г. встречались оленные коряки на р. Таловке (Эниче, Эпичайвеем), в 1749 г.— на реках Парень и Гижиге [881].

В 1751 г. были разгромлены оленные коряки на Тайгоносе. Их было от 300 до 400 чел. В 1753 г. гижигинские пешие коряки поджидали к себе «чачеб», т. е. оленных чавчувенов [882].

Посмотрим теперь, как группировались оленные коряки-чавчувены во времена переписи 1897 г. Они состояли тогда из четырех групп. Первую составляли чавчувены 1, 2 и 3-го Гижигинских административных «родов» (всего 607 чел.). Они кочевали зимой преимущественно в бассейнах рек Гижиги, Вархалама (впадают с севера в Гижигинскую губу), Тылхоя и Микины (впадают с севера в Пенжинскую губу). Только 3-й Гижигинский «род» (134 чел.) кочевал главным образом к востоку от Пенжинской губы между Пенжиной и Пустой рекой. Некоторые чавчувены 2-го Гижигинского «рода» (29 чел.) переписью 1897 г. были зарегистрированы на речке Кегали («Кигальня»), притоке Омолона. Летом в верховьях Омолона кочевала, наверное, основная масса чавчувенов 1 и 20-го Гижигинских «родов».

Вторую группу чавчувенов в 1897 г. образовывал Тайгоносский административный «род» (381 чел.). 90% чавчувенов этого «рода» кочевало на полуострове Тайгонос.

Третью группу чавчувенов в 1897 г. образовывали так называемые 1 и 2-й Бродячие «роды» Петропавловского на Камчатке округа (756 чел.). Они кочевали на полуострове Камчатка (у рек Амалиной, Каврана и др.). Перешли эти коряки в числе 339 чел. на Камчатку в 1820—1821 гг. из Гижигинского округа. Таким образом, их нельзя считать прямыми потомками тех оленных коряков, которых нашел на Камчатке Атласов.

Четвертую группу чавчувенов составляли в 1897 г. кочевники, в отношении которых не было указано названий административных «родов». Они числились в Гижигинском округе (всего 1169 чел.). Часть их кочевала в этом же округе (566 чел.), главным образом в районе так называемого Полполского дола, в бассейне р. Пенжины, часть — в Петропавловском на Камчатке округе (528 чел.) вместе с чавчувенами Бродячих «родов» и на перешейке, соединяющем полуостров Камчатку с материком [883].

---

[878] См. ДАИ, т. IV, стр. 120, 147, 381.

[879] КПЦКЧ, стр. 25—28, 31.

[880] См. С. П. Крашенинников. Описание Земли Камчатки, стр. 564, см. также стр. 122, 650.

[881] ЦГАДА, ф. 199, № 511, л. 344; КПЦКЧ, стр. 111.

[882] КПЦКЧ, стр. 117—119, 127.

[883] См. С. П. Патканов. Статистические данные .. Т. III, стр. 899—905, 913—921. О переходе коряков на Камчатку см. А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1656 г. Ч. V, стр. 8. Морской сборник, СПб., 1869.

Исходя из этих четырех основных группировок чавчувенов конца XIX в. и учитывая приведенные выше отрывочные данные о чавчувенах в XVII—XVIII вв., можно наметить такую группировку их на конец XVII — начало XVIII в.

Первую группу чавчувенов (около 700 чел.) составляли, вероятно, те из них, которые кочевали в верховьях Омолона, Коркодона, Сугоя в бассейнах Колымы, Тылхоя, Пареня, Гижиги, Гарманды, Наяхана и других, а также в бассейне Охотского моря. Подгруппу этой группы чавчувенов составляли, вероятно, оленные коряки, кочевавшие в районе р. Иреть («Орер»). Их было, наверное, до 200 чел.

Вторую группу чавчувенов составляли тайгоносские чавчувены (около 300 чел.).

Третью группу чавчувенов составляли, вероятно, чавчувены бассейна Пенжины, в том числе кочевавшие в районе Полполского дола (всего около 900 чел.).

Четвертую группу должны были составлять чавчувены Камчатки (около 400 чел.). На карте мы их показываем двумя подгруппами: одну — к северо-востоку от Тигиля, другую — к юго-западу от этой реки.

По вопросу о северной границе распространения коряков имеется указание, относящееся к 40-м годам XVIII в., что она проходила «от речки Апуки до Акланского острога и ниже оного к полуденной стороне» [884]. Мы понимаем эту выписку таким образом, что рубеж между коряками и юкагирами проходил от верховьев р. Апуки к р. Пенжине, пересекая ее выше Акланского острога. По-видимому, в тексте здесь имеется неточность. К северо-востоку от верховьев Апуки граница между юкагирами и коряками, естественно, должна была проходить по Корякскому хребту и заканчиваться на берегу Анадырского залива в районе бухты Угольной, к северу от мыса Наварина. В районе последнего, как известно, находились самые северо-восточные поселки кереков — Амамкут (Ам-Мэмэн), Гачгатагын, Кэниун, Кайпильгин, Ватэркат (Ватыркан). К западу от Пенжины в территорию коряков входили бассейн притока Пенжины р. Оклана и бассейны всех речек, впадающих в Охотское море от Тылхоя до Ямы и Нукчана включительно, а также верховья колымских рек Буюнды, Сугоя, Коркодона и Омолона. Как указывает Крашенинников, на берегу Охотского моря, в Тауйской губе, границей между тунгусами и коряками служил хребет Нукчанунин [885]. Пока функционировала Анадырская крепость, группа оленных коряков кочевала близ нее, снабжая гарнизон транспортными оленями и служа вспомогательной военной силой. Мы эту группу коряков на карте не показываем.

Переходим к основному населению полуострова Камчатки — ительменам (камчадалам). Здесь нашим главным источником будет «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

Крашенинников несколько раз в своей книге останавливается на существовавших у камчадалов подразделениях территориального, лингвистического и этнографического порядка.

«Камчадалы живут в южной части Камчатского мыса, от устья реки Уки до Курильской лопатки, а на первом Курильском острову, называемом Шоумчу... а курилы на втором Курильском острову и на других до японского владения...

Камчадалов по разности языка можно разделить на два народа: на северный и южный. Северный народ, который имеет свои жилища по реке Камчатке с вершины до устья, и по берегу Восточного океана от устья Уки на юг до устья Налачевой, за столповой по справедливости почесться

---

[884] «Изв. ВГО», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 260.
[885] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 154.

может: ибо оной и поступками в рассуждении других лучше, и правами не столь суров, и в языке нигде почти никакой не имеет отмены. Напротив того, у прочих в каждом остроге особливое наречие примечается. Южной народ по Восточному морю от Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому от лопатки на север до реки Харюзовой имеет свои жилища...

Камчадалы, как северные, так и южные, называют себя ительмень, житель, а в женском роде ительма, которое название происходит от глагола ителахса живу, как пишет господин Стеллер. Кима ителахса значит я живу, а мен человека; ма ителахсан, где он живет. Корни сих слов по его ж объявлению остались в языке камчадалов, которые живут между реками Немтиком и Морошечной... Коряки на их языке таулюган, курильцы — кушин и кужин...

В камчатском языке три главных наречия, одно употребляется у северных, а другое у южных камчадалов. Сии два наречия так между собою различны, что можно бы их почесть за два разные языка; однако камчадалы друг друга без толмача разумеют, хотя слова их наречий не имеют почти никакого сходства... Третьим наречием можно почесть язык, которым говорят жители Пенжинского моря от Воровской реки до Тигиля и которой состоит из обоих вышеписанных наречий и из некоторого числа коряцких слов...» [886].

Ниже, в главе «О различных наречиях Камчатского народа», Крашенинников снова выделяет три основных наречия: северных камчадалов, южных и «живущих от Воровской реки на север почти до Тигиля» [887]. Но в приложении к цитированному выше изданию 1949 г., отдельном «Описании камчатского народа», Крашенинников указывает, что на полуострове Камчатке живут «разные народы, а именно: близ матерой земли коряки оленные и сидячие, олюторы близ моря Олюторского, а в средине его, по рекам в Восточное море и Пенжинскую губу впадающим, камчадалы четырех языков, а в Лопатке курилы... Камчадалы... на своем языке общего звания не имеют, но по рекам, на которых живут, называются, как например хапчал-ай от Хапчала, то есть Еловки реки, большерецкие кыкшаай от Кыкши, то есть Большой реки, авачинские суаачю-ай от Суаачю, то есть Авачи реки и прочая. Они не все говорят одним языком, но разными, которые по их следующие названия имеют.

Кшаагжи или кыхчерен, чюпагжу или бурин, лигнурин и кулес, который всех языков слова смешанные в себе имеет. Кшаагжи употребляется у иноземцев, живущих между впадающею в Восточное море Жупановой и впадающей в Пенжинскую губу Немтиком реками; чупагжу или бурин, от Верхнего Камчатского острога по реку Жупанову, лигнурин от Немтика по реку Белоголовую; кулес от Белоголовой до коряк и олюторов» [888].

К изданию труда Крашенинникова 1949 г. приложено также «Описание камчатского народа, сочиненное по сказыванию камчадалов». В нем мы читаем: «Камчадальское настоящее жилище по реке Камчатке, их языком Уйкуаль [889] (большая река) называемой, от вершины до самого ее устья, и по впадающим в оную знатным рекам, а имянно: Козыревской, Шапиной, Толбачику и Еловке, а по восточному берегу от реки Уки на полдень даже до Островной.

---

[886] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 357—361.

[887] Там же, стр. 444.

[888] Там же, стр. 691. Это писание составлено в Большерецком остроге в 1737—1738 гг., очевидно, со слов большерецких авачинских камчадалов, в частности старого авачинского камчадала Тырылка. По Штеллеру, камчадалы низовьев Камчатки назывались sangtgeran, а верховьев — anoren.

[889] По Штеллеру, жители р. Камчатки — hyighgoai (см. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774. S. 3—9.

В соседстве имеют с западу, живущих на впадающих в Пенжинское море реках, сидящих коряк, а именно: на Оглукомине, Хариузовой и Тигиле; с северную сторону сидячих коряк, а с полуденную большерецких курилов, которых в прежнем описании я камчадалами писал. Из всех означенных соседей многие им по женам в родстве находятся.

Язык их ни с которым языком не сходен, кроме того, что в языках сидячих коряк, живущих по обеим морям Пенжинскому и Восточному, так же и в курильском, многие камчатские слова употребляются, и различных диалектов камчатского языка не имеется, отчего кажется оной язык всех прочих полнее и первенство перед ними иметь может. Их числится по ясачным книгам около 1200 человек, а платят больше лисицами, нежели соболями, а бобрами и кошлоками гораздо мало и то из тех, которые живут по Бобровому морю от Кропоцкого носу на полдень по Островную реку...

Родов разделения небывало, и поныне нет» [890].

В статье «Описание коряцкого народа» Крашенинников пишет: «Коряки разделяются на оленных и сидячих. Оленные называются чаучю, а сидячие нымыльгу... Оленные живут по рекам Катырке, Опуке, Покаче, впадающим в Северное море и около Пенжинского моря от Паллана реки до Чондонского носу и дале. А сидячие живут по берегу Восточного моря от Олюторска на полдень до Уки реки, и вкруг Пенжинской губы от Подкагирной реки на полдень до Воровской реки, а на запад от Камчатки по рекам Пенжине и Оклану, Парене до Чондону. И сидячие больше селятся близ устьев рек впадающих в моря, где рыбы довольно, а оленные больше кочуют по вершинам, потому что в вершинах моху больше, которым олени питаются.

Язык оленных коряк ни с какими иными языками, которые мне здесь слышать случилось, не сходен, и различных диалектов в нем не имеется. А сидячие коряки не токмо (хотя тем же языком говорят), весьма от оленных в языке разнствуют, но и между собою великую разность имеют. У них же многие камчатские слова в употреблении токмо окончания переменены» [891].

Этими данными исчерпываются прямые указания Крашенинникова по интересующему нас вопросу. Заметим, что ранние статьи Крашенинникова, например «Описания камчатского народа» 1738—1739 гг. и 1739—1740 гг., «Описание коряцкого народа», не только содержат материалы, не вошедшие в окончательную редакцию «Описания земли Камчатки», но в некоторых случаях превосходят окончательную редакцию точностью сообщаемых сведений. Например, в «Описании земли Камчатки» неправильно сообщается, что «сидячие» коряки называют себя чаучу [892]. В статье же «Описание коряцкого народа», написанной, может быть, на месте, на Камчатке, или вскоре после выезда оттуда, как мы видели выше, Крашенинников правильно относит название «чаучу» к оленным корякам, а название «нымылан» «нымылыгу» — к «сидячим».

Ранние «Описания камчатского народа» ценны еще тем, что они отражают точку зрения самих камчадалов на свои территориальные и языковые группировки, а именно: описание 1738—1739 гг. отражает точку зрения большерецких камчадалов, а описание 1739—1740 гг.— камчадалов р. Камчатки, считавших в частности, камчадалов с берега Охотского моря

[890] Там же, стр. 689. Это описание составлено в 1739—1740 гг., очевидно, по материалам, собранным у камчадалов с р. Камчатки. В цифру 1200 включены только они и их ответвления на берегу Тихого океана.

[891] Там же, стр. 726. Эта работа, вероятно, написана в 1741 или 1742 г. Ср. там же, стр. 38. Разрядка наша.— *Б. Д.*

[892] См. там же, стр. 359. Эта ошибка Крашенинникова была отмечена Г. М. Корсаковым (см. «Советский север», 1939, № 2, стр. 121).

коряками, а большерецких камчадалов — курилами. Эту местную точку зрения, проглядывающую в указанных двух статьях Крашенинникова, обязательно надо иметь в виду. Этим объясняются некоторые противоречия в описаниях Крашенинникова, но в результате этого обстоятельства сохранились такие детали, которые помогают реконструировать группировки камчадалов времени прихода на Камчатку русских.

Совершенно определенно Крашенинников выделяет основную, «столповую», по его выражению, группировку камчадалов, которую большерецкие и авачинские камчадалы, видимо, называли чюпагжу или бурин. Как подчеркивает Крашенинников, в этой группировке, несмотря на ее величину, отсутствовали какие-либо диалектальные группы. Название чюпагжу, видимо, происходит от названия р. Жупановой (Шопхад, или Жупгад) и под ним подразумевается та часть этих камчадалов, которая жила по этой реке и по берегу Кроноцкого залива. Название бурин мы объяснить не решаемся. Может быть, под ним подразумевались обитатели бассейна р. Камчатки. В территорию всей этой группировки камчадалов входили полностью бассейны Камчатки и Жупановой и все отдельные поселения камчадалов по берегу Тихого океана от р. Озерной (включительно) на севере до реки Островной (включительно) на юге. Размещение камчадальских поселений (острожков) в XVIII в. показано на карте, приложенной к статье В. В. Антроповой «Расселение ительменов в первой половине XVIII в.» [893], поэтому мы на этом останавливаться не будем. Наиболее многочисленные подгруппы этой группировки камчадалов составляли, видимо, еловские камчадалы (хапчал-ай) и камчадалы р. Жупановой и Бобрового моря (чюпагжу).

Вторую, самую южную группу камчадалов, составляли большерецкие (кыкша-ай, а по Штеллеру kughsaeren или kuschi) и авачинские (суаачюай), которых камчадалы первой группы (будем их как обитателей р. Камчатки и как «столповой» народ называть собственно камчадалами) считали курилами. Язык этой группы назывался кшаагжи (вероятно, от камчадальских слов «кушин» («кужин» — курилы) и кыхчерен (очевидно, от Кыкша — названия Большой реки, ср. выше кыкша-ай, по камчадальски). Таким образом, одно из названий языка этих самых южных камчадалов тоже как будто свидетельствует об их курильском происхождении. Другое название восходит к названию Большой реки, т. е. является территориальным. На берегу Тихого океана северо-восточным пределом распространения камчадалов этой группы была речка Налачева. На расположенной от нее к северо-востоку в 26 верстах (по Крашенинникову) речке Островной жили уже собственно камчадалы. В территорию южных камчадалов входили целиком бассейны рек Авачи и Большой. Не совсем ясна северная граница этой группы на западном берегу Камчатки. Приведенные выше материалы Крашенинникова и Штеллера в качестве рубежа между южными камчадалами и их соседями с севера по западному берегу Камчатки или в качестве просто диалектального или этнографического рубежа называют два раза речку Немтик и два раза р. Воровскую. Между устьями этих рек по прямой 65 *км*. На расположенной в 25 *км* к югу от Немтика р. Кихчик несомненно жили южные камчадалы [894]. На р. Воровской несомненно жили не южные камчадалы. Вопрос, таким образом, сводится к тому, кто жил на р. Немтик (10 «ясачных людей») и на р. Коле (20 «ясачных людей»). Мы причисляем (условно) оба эти поселка к южным камчадалам, главным образом потому, что они ближе к Кихчику, чем к Воровской, и таким образом граница между южными камчадалами и камчадалами западного побережья проходит у нас между реками Воровской и Колой.

[893] «Изв. ВГО», т. 81, № 4, 1949, стр. 415.
[894] См. там же, стр. 415.

Надо заметить, что такое же затруднение, какое у нас возникло при определении северного рубежа южных камчадалов на западном побережье Камчатки, имело место и на восточном побережье. Кроме указаний, по которым мы определили там рубеж между Налачевой и Островной, была, в качестве рубежа, правда несколько неопределенно, указана р. Жупанова. Мы все же предполагаем на основании большинства сведений, приведенных Крашенинниковым, что бассейн Жупановой был населен собственно камчадалами, так же как селения (острожки) от Жупановой до Островной по берегу Тихого океана.

На юге в пределы территории южных камчадалов мы включили бассейн р. Опалы. Но самая южная оконечность полуострова, начиная с бассейна р. Озерной, входила в территорию так называемых «ближних курил» (см. ниже).

Мы разделили южных камчадалов на две самостоятельные группы — большерецкую (кыкша-ай, кыхчерен) и авачинскую (суаачю-ай). В первую нами отнесены южные камчадалы в пределах бассейна Охотского моря, во вторую — южные камчадалы в бассейне самого Тихого океана. Основанием для такого разделения служит не только то обстоятельство, что обе эти группы имели особые названия, но и приведенное выше указание Крашенинникова о диалектальной раздробленности южных камчадалов в отличие от северных собственно камчадалов.

Что касается того факта, что северные собственно камчадалы называли южных, во всяком случае большерецких, курилами, т. е. айнами, как, по-видимому, себя называли иногда и сами южные камчадалы, то это объясняется, вероятно, тем, что большерецкие и авачинские камчадалы были по происхождению айнами, воспринявшими камчадальский язык и культуру. Айнами (курилами) считал авачинских (в частности, с р. Налачевой) и большерецких камчадалов первый камчатский приказчик Тимофей Кобелев и как курилов записал их в 1702 г. в ясачную книгу [895].

Начиная по крайней мере с р. Воровской к северу по западному берегу Камчатки жили камчадалы, язык которых назывался лигнурин (по Штеллеру, Ilgĕnĭren) и которых собственно камчадалы считали коряками. Необходимо уточнить их северный рубеж. Крашенинников дважды указывает в качестве северного предела распространения этой группы камчадало-коряков реки Хайрюзову и Белоголовую, что в сущности одно и то же, так как устья этих рек почти сливаются. Стеллер называет в качестве северного предела упоминаемой им диалектальной группы камчадалов западного побережья Камчатки р. Морошечную. Вероятно, рубеж проходил между Морошечной и Белоголовой. «Острожек» на Белоголовой образовывал единый куст поселков с селениями на Хайрюзовой и Кавране, тогда как Морошечное находилось от Белоголового не менее чем на 50 *км*. Как отмечает С. Н. Стебницкий, до сих пор сохранились фонетические различия между языком хайрюзовских ительменов и языком ительменов сел. Сопочного, расположенного к югу от Морошечной [896].

Восточный рубеж камчадало-коряков лигнурин проходил через средние течения рек Воровской, Коппаковой, Облуковиной, Ичи, Сопочной и других, так как в верховьях этих рек до водораздела с бассейном р. Камчатки кочевали, по-видимому, оленные коряки.

Расположенная к северу от камчадало-коряков лигнурин группа камчадало-коряков, язык которых назывался «кулес», охватывала, видимо, «острожки», которые находились на реках Белоголовой, Хайрюзовой

[895] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, «Книга зборная» Тимофея Кобелева на 1702 г., лл. 192 («Подле Камчатцкое море вновь Курильские земли») и 194 («Подле Пенжинское море вновь Курильские земля з Большие реки») и т. д.

[896] См. С. Н. Стебницкий. Язык и письменность народов Севера. Вып. III. М.—Л., 1934, стр. 86.

и Ковране. К северу от Кулес, как указывает Крашенинников, жили уже настоящие коряки и алюторы. Современный хайрюзовский диалект ительменского языка является, наверное, языком кулес. Что же касается современного седанкинского диалекта [897], то в нем приходится видеть язык ассимилированных ительменами тигильских коряков или позднейшую колонию ительменов какого-то другого происхождения. В верховьях конфлюэнтов Хайрюзовой рек Быстрой и Тихой кочевали, видимо, оленные коряки.

Почему лигнурии и кулес (будем для краткости так называть эти две группы населения Камчатки) считались коряками, неясно. Говорили они несомненно на ительменском языке. Вероятнее всего, они являлись воспринявшими ительменский язык коряками.

Мы рассмотрели основные территориальные, может быть племенные, группировки камчадалов (ительменов). Перейдем к определению их численности и численности всего камчадальского народа в целом. Нижеприведенные цифры заимствованы у Крашенинникова.

В число собственно камчадалов входили все 619 ясачных камчадалов присуда Нижнекамчатского (или Нижнешантальского) острога, жившие по рекам Камчатке и Еловке и в Столбовском острожке на берегу «Восточного моря» (всего 2480 чел. населения). Кроме того, в число собственно камчадалов входило 530 ясачных камчадалов присуда Верхнекамчатского острога, жившие по р. Камчатке и берегу Бобрового моря (всего 2120 чел. населения). Итого получается собственно камчадалов (бурин) 1149 «ясачных людей» (всего 4600 чел. населения). Выше мы видели, что сами эти камчадалы определяли свою численность в 1200 «ясачных людей», что соответствует 4800 чел. всего населения. Обе эти цифры, как видим, очень близки одна к другой.

В число авачинских камчадалов (суаачю-ай) входили камчадалы присуда Большерецкого острога, жившие «по реке Аваче и Авачинской губе и оттуда на север до реки Налачевой». У них было 158 плательщиков ясака. Кроме того, здесь, на Аваче, во времена Крашенинникова жило еще 12 ясачных коряков, сливавшихся с камчадалами. Таким образом, в общей сложности здесь было 170 плательщиков ясака (всего 680 чел. населения).

В число большерецких камчадалов (кыкша-ай, кыхчерен) входили все остальные камчадалы присуда Большерецкого острога, за исключением живших на Воровской реке, т. е. всего 268 плательщиков ясака (всего 1072 чел. населения).

В группу камчадалов-коряков лигнурии входило население Воровской реки Большерецкого присуда (всего 80 плательщиков ясака) и население, жившее по рекам Коннаковой, Крутогоровской, Оглукоминской, Ичинской, Сопочной и Морошечной присуда Верхнекамчатского острога (всего 290 плательщиков ясака). В общей сложности ясачных лигнурии было 370 чел. (всего 1480 чел. населения).

Наконец, в группу кулес входили, видимо, острожки на реках Белоголовой, Быстрой, Хариузовой, Ковранской, в которых было 156 плательщиков ясака (всего 620 чел. населения).

В общей сложности ясачных камчадалов, по данным Крашенинникова [898] на 1738 г., получается 2113 чел. (всего 8448 чел. населения).

Численность камчадалов неоднократно служила предметом обсуждения и самых различных предположений. Например, предполагали, правда с некоторыми оговорками, что к приходу русских только в низовьях р. Камчатки жило около 25 тыс. камчадалов [899]. Патканов считал, что к

[897] См. С. П. Стебницкий. Язык и письменность..., стр. 86.
[898] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 509—513.
[899] См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Л., 1935, стр. 80.

приходу русских население Камчатки равнялось 20 тыс. чел., а для времени Крашенинникова численность камчадалов определялась Патканновым в 12—13 тыс. чел.[900] Поэтому нам надо несколько подробнее разобраться в этом вопросе. Во-первых, следует указать, что в цифру 12—13 тыс. жителей Камчатки включено Патканновым более 2500 тигильских, паланских и карагинских коряков, плативших ясак в Нижнекамчатский острог. Во-вторых, Патканов напрасно считал, что к 1741 г. на Камчатке не все коренное население было обложено ясаком, и поэтому увеличил число мужчин ясачного возраста еще на 300 чел. (или численность всего населения на 1200 чел.). Таким образом, он ошибочно доводит численность ясачных камчадалов на 1741 г. до 3 тыс., а всего населения — до 12—13 тыс.

Наша задача по установлению численности населения Камчатки к приходу русских облегчается тем, что здесь платили ясак по одной шкурке соболя, бобра или лисицы с человека. Поэтому оклад или сбор ясака в шкурках соответствовал численности плательщиков ясака.

Величина собранного ясака на Камчатке за те годы, когда он был уже более или менее упорядочен показана в табл. 194.

Таблица 194

Сбор ясака на Камчатке в 1715—1718 гг.[901]

Год	Собрано			
	соболей	лисиц	бобров	всего
1715	2739	1106	67	3912
1716	2351	1118	70	3539
1717	881	264	54	1199[902]
1718	2250	1036	63	3349

Данные за 1717 г., очевидно, свидетельствуют о плохом промысле. Можно считать, что в 1715 г. было не менее 3912 плательщиков ясака, т. е. на 28% больше, чем в 1738 г. при Крашенинникове.

В 1723 г. на Камчатку был послан в качестве приказного человека сын боярской Федор Шелковников. В данной Шелковникову в Якутске ясачной книге (по-видимому, составленной по более ранним данным 1722 или другого года) на Камчатке числилось (несомненно с тигильскими, палланскими и укинскими или карагинскими коряками) 5138 плательщиков ясака, с которых надо было взять 2754 соболя, 2275 лисиц и 109 бобров и кошлоков, т. е. по одному соболю, по одной лисице или по одному бобру с человека. Но собрано было в 1724 г. лишь 1344 соболя, 1671 лисица и 63 бобра и кошлока. «По сказке лучших камчатских людей» выясни-

[900] См. С. К. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, стр. 134. Одним из оснований для таких преувеличенных оценок численности камчадалов были сообщения Атласова о том, что по р. Камчатке он видел «посады великие, юрт по ста по три и по четыре и по пятьсот и больше есть». Здесь надо иметь в виду обычай камчадалов оставлять те жилища, в которых кто-либо умирал, и переселяться в таких случаях в новые юрты. Естественно поэтому, что у камчадальских острожков могло стоять много летних жилищ, но далеко не все из них были обитаемы. Что касается 160 острожков на Камчатке ниже устья Еловки, то эта цифра совершенно неправдоподобна.

Может быть ездивший к устью Камчатки казак каждую отдельно стоявшую на местах рыбного промысла нежилую юрту засчитал за острожек.

[901] КПЦКЧ, стр. 45—46. Кроме ясака с камчадалов в данные этой таблицы входит ясак с части коряков и с т. н. ближних курилов (айнов).

[902] Еще 25 парок и пять малахаев.

лось, что из записанных в ясачной книге 5138 плательщиков ясака «1556 человек в разных годах померло; 25 не дало за скудостью, 36 за скорбию, 19 за старостью, 10 в аманатах, 334 сошли в разные остроги, 80 к сыску не явилось» [903].

Таким образом, без умерших, «сошедших», не явившихся и состарившихся в 1724 г. в камчатских острогах (с коряками) оставалось 3149 плательщиков ясака [904].

Все изменения численности плательщиков ясака по Камчатке с 1724 по 1738 г. видны из табл. 195.

Таблица 195

Численность плательщиков ясака на Камчатке

Год	Плательщиков ясака	Источник
1724	3149	А. Сгибнев. Исторический очерк главных событий в Камчатке. Ч. 1, СПб., 1869, стр. 43.
1728	2983	ЦГАДА, ф. 199, № 481, ч. II, лл. 236—339.
1729	2535	А. Сгибнев. Исторический очерк главных событий в Камчатке. Ч. 1, стр. 48—52 [905].
1730	2527	
1731	2634	
1732	2055	ЦГАДА, ф. 199, № 481, ч. II, лл. 336—339.
1737	2535	
1738	2816	С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 513.

Здесь дело не в абсолютных цифрах, так как во все эти данные входят тигильские, палланские и укинские (карагинские) коряки, а также 100—120 курильских айнов. Причинами, повлиявшими на численность плательщиков ясака в этот период, могло быть то, что в 1728—1729 гг. 121 чел. умер от «морового поветрия», 51 чел.— от других причин и 41 чел. ушел на острова [906]. Но возможно, имеются и некоторые неточности учета.

Если мы ознакомимся с Камчатской ясачной книгой 1715 г., то найдем в ней такие записи:

«Ипыгл собол и в нынешнем во 715-м году он Ипыгл умре, а в оклад его поверстан брат ево Аколач Иворитов сын и с него собол взято».

«Лабаргачев сын Чангуш в оклад умершего родника своего Кимача соболь взято».

«Чина Огин в оклад умершего родника своего Шошатавчя за лис крас соболь взято» и т. д. [907]

Создается впечатление, что в случае смерти плательщика ясака в его оклад немедленно верстался новый. Этими «новиками» могли быть только малолетние. В других районах Сибири ясачные сборщики указывали, что им невозможно после смерти плательщика ясака сразу кем-либо его заменить, так как все трудоспособные мужчины уже платят ясак за себя.

---

[903] А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. СПб. Ч. I, 1869, стр. 43.

[904] Мы считаем, что «сошедшие» и не явившиеся платили ясак где-то в другом месте, а не в месте своей первоначальной приписки.

[905] Надо иметь в виду, что данные за 1729, 1730 и 1731 гг. дают лишь число фактически заплативших ясак, а остальные — все количество плательщиков ясака, записанных в ясачные книги.

[906] А. Сгибнев. Указ. соч. Ч. I, стр. 48.

[907] Библиотека им. Ленина, Музейный фонд, рукопись № 7754.

На Камчатке, по ясачным книгам 1715, 1716 и 1717 гг., все умершие немедленно замещались их родственниками. Поэтому мы имеем основания предполагать, что официальная численность плательщиков ясака на Камчатке в 1715—1717 гг. была больше числа трудоспособных мужчин.

О характере камчатских ясачных книг свидетельствуют такие факты. Отправленному в 1720 г. на Камчатку сыну боярскому М. П. Бобровскому было поручено «сыскивать в ясак новых плательщиков и записывать в ясак захребетников и подростков» [908]. В 1733 г. Камчатский приказчик Добрынский произвел окладную перепись камчадалов. Но оказалось, что «Добрынский составил эту перепись по старым ясашным книгам, заведенным вскоре после покорения Камчатки, в которыя вписывались ежегодно новые плательщики ясака, а умершие не исключались» [909].

Выше также указывалось, что в 1724 г. в ясачных книгах было записано много умерших. Таким образом, вернее будет считать, что хотя в 1715 г. число плательщиков ясака на Камчатке было на 28% больше, чем в 1738 г., число трудоспособных мужчин уменьшилось за это время в значительно меньшей степени.

Но для нас важно установить какой-то критерий для определения численности основных групп камчадалов и всех их в целом ко времени прихода русских, т. е. в 1697 г.

Как известно, уже Атласов принял участие в междоусобице камчадалов на р. Камчатке. В 1707 г. произошло крупное столкновение служилых людей с камчадалами на Аваче. В 1711 г. имело место побоище на р. Большой. В 1713 и 1718 гг. снова произошли крупные столкновения на Аваче. В 1718 г. были разгромлены три острожка на р. Воровской. В 1731 г. подверглись карательным экспедициям камчадалы жившие на реках Камчатке, Аваче, Жупановой и по берегу Охотского моря от Воровской до Хайрюзовой, т. е. все камчадалы, за исключением большерецких.

Если за 23 года, с 1715 по 1738 г., население сократилось на 28%, причем за этот период имели место эпидемия и крупнейшее восстание, то можно предположить, что за первые 18 лет население сократилось максимум в такой же пропорции, т. е. на 23%.

Следовательно, всего численность населения Камчатки должна была с 1697 по 1738 г. сократиться на 45%. Но учитывая то обстоятельство, что в ясачные книги, видимо, вписывались подростки, будет более реальным считать, что с 1697 по 1738 г. численность населения сократилась на одну треть, не больше.

Таблица 196

Численность камчадалов по племенам

Группа	1738 г.		1697 г.	
	Плательщиков ясака	Всего	Плательщиков ясака	Всего
Собственно камчадалы (бурин)	1149	4600	1725	6900
Авачинские (суаачю-ай)	170	680	255	1020
Большерецкие (кыхчерен)	268	1072	400	1600
Западные (лигнурин)	370	1480	555	2220
Хайрюзовские (кулес)	156	620	235	940
Всего	2113	8448	3170	12 680

[908] А. Сгибнев. Указ. соч. Ч. I, стр. 71—72.
[909] Там же, стр. 40.

Тогда получается, что камчадалов к приходу русских было в полтора раза больше, чем в 1738 г. при Крашенинникове. Применив этот коэффициент — 1,5 к отдельным племенам камчадалов, мы получим данные на 1697 г. (табл. 196).

Как мы видели, после 1731 г. уже происходило некоторое увеличение численности камчадалов. Но этот благоприятный для дальнейшего развития и прогресса народа процесс был прерван эпидемией оспы 1768—1769 гг., когда численность камчадалов сразу сократилась на три четверти. От этого удара камчадальский (ительменский) народ так и не смог оправиться.

Каковы главные причины уменьшения численности камчадалов в период с 1697 по 1738 г.? Известную роль, конечно, играли восстания, упомянутые выше, гибель трудоспособных мужчин и захват женщин и детей в качестве ясыря. Но надо заметить, что часть этого ясыря впоследствии возвращалась, а после восстания 1731 г. служилым людям было приказано освободить весь ясырь. Сказывались и инфекции, которые среди населения, совершенно не имевшего по отношению к ним иммунитета, производили значительные опустошения, даже без того, чтобы вспыхивали особенно смертоносные эпидемии. Огромную роль сыграли и экономические причины — выжимание ясака, разные другие поборы, натуральные поставки продуктов питания, подводная и другие повинности, а также спаивание, неумеренное, до головокружений, потребление табака и т. п.

В отношении курильских айнов нам предстоит установить этническую принадлежность и численность так называемых «ближних курилов», живших на южной оконечности полуострова Камчатки и на о-ве Шумушир (Шумшу, 1-м Курильском острове). Затем необходимо установить местожительство и численность «дальних курилов», плативших ясак России уже в первой половине XVIII в. Наконец, надо будет установить, хотя бы приблизительно, численность всех остальных айнов, живших на Курильских островах.

Уже в географическом описании Курильских островов Крашенинников указывал, что жители 1-го Курильского острова (Шумшу), как и жители Курильской лопатки, «не прямые курилы, но камчатского поколения, которые по причине некоторых бывших между ними несогласий, особливо же по вступлении в сию землю российских людей, отделились от прочих и поселились на острову и на Лопатке. А курилами прозваны они по жителям второго острова, с которыми они, вступя в сродство через взаимное брачное совокупление, не токмо некоторые их обычаи приняли, но и знатно от предков своих видом переменились: ибо дети рожденные от родителей различных оных наций и собою виднее, и волосом чернее, и телом мохнаты» [910].

Ниже Крашенинников писал, что некоторые разделяют «курильцев на дальних и ближних. Под именем дальних разумеются курильцы, на дальних и на втором Курильском острову живущие, потому что они выезжие с других островов, а под именем ближних жители первого Курильского острова и Курильской лопатки. Но сие разделение несправедливо. Ибо хотя объявленные первого острова и Курильской лопатки жители в языке своем, в обрядах и в телесном виде несколько от камчадалов и разнствуют, однако заподлинно известно, что они происходят от камчадалов, которых я называю южными, а помянутая разность происходит от соседства, обхождения и взаимного супружества с прямыми курилами...

Курильцы себя называют уйвут-ееке, курильцов неясачных, кои на дальних островах живут, яункур... камчадалов арутарункур, а про коряк не ведают...

---

[910] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 166.

О курильском [911] языке хотя и неизвестно заподлинно, сколько в нем наречий: ибо подданные российские говорят одним языком, а о других и сами не знают, однако сумневаться почти не можно, чтоб у них по разным островам не было в языке по крайней мере такой же отмены, какова у камчадалов южных и у сидячих коряк по разным острожкам примечается» [912].

В главе «О курильском народе» снова утверждается, что «курильцев, которые живут на первом острову и на Лопатке, с ними курилами за один народ почитать не должно, ибо оные суще камчадалы, как уже выше показано» [913].

В статье «О курилах» Крашенинников сообщает: «На первом острову и на Лопатке живущие курилы камчатским языком говорят, и все обычаи камчадалам подобно имеют, кроме того что не ажушаков, но стружки в юртах имеют, а тем с помянутыми курилами сходствуют, что палкою между собою бьются...» [914].

Таким образом, получается, что «ближние курилы» и по языку и по происхождению являются камчадалами, но только несколько смешались с айнами и заимствовали от них некоторые обычаи.

Нам кажется, все-таки правильнее считать «ближних курилов» айнами, а не камчадалами. В одном случае Крашенинников указывает, что «говорят курилы с русскими камчатским большерецким языком...» [915]. Но как они говорили между собой, он не сообщает. В другом случае Крашенинникову были доставлены два курила «первого и другого острова, из которых один знал камчатский язык, а другой бывал на третьем острову» [916]. Несомненно, что с курилом со 2-го острова (Парамушира) Крашенинников объяснялся при помощи курила с 1-го острова (Шумшу). Для этого и был доставлен курил, знающий камчадальский язык [917]. Выходит, что курил с 1-го острова знал и айнский и камчадальский языки. Вероятно, айны с Лопатки и острова Шумшу были смешаны с камчадалами и были двуязычны, но это не препятствует называть их курилами. Курилами жителей Лопатки называл еще Атласов, имевший вооруженные столкновения с ними [918].

Следовательно, Крашенинников ошибался, предполагая, что «ближние курилы» — это камчадалы, которые ушли на Лопатку и 1-й остров после прихода русских. Несомненно, что эти курилы жили на Лопатке до прихода русских. Позже только усилилось, очевидно, смешение курилов с камчадалами. Характер сближения «ближних курилов» с камчадалами показывает следующий факт. «Мать нынешнего тойона первого Курильского острова... была пленница, родом из Ичинского острожка... чего ради островские жители ичинских камчадалов почитают за родню свою» [919]. Утверждение Крашенинникова о том, что «заподлинно известно», что «ближние курилы» происходят от камчадалов, очевидно, основано на случаях браков курилов и камчадалов подобно указанному выше. При знании языка камчадалов и родстве по происхождению «ближние курилы», конечно, могли считать себя камчадалами, но это еще не значит, что они были таковыми.

---

[911] В подлиннике — «коряцком» (?!), но по контексту и смыслу ясно, что речь идет о курильском языке.

[912] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 358—361.

[913] Там же, стр. 470.

[914] Там же, стр. 739. Под «помянутыми курилами» имеются в виду настоящие, «дальние» курилы островов Парамусир и Онекотан.

[915] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 556.

[916] Там же, стр. 575.

[917] См. там же, стр. 561, 566—567.

[918] Тимофей Кобелев считал курилами большерецких и авачинских камчадалов, а также жителей «новой реки Онналы».

[919] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 405.

Глава «ближних курилов» новокрещенный Николай Сторожев в 1755 г. указывал, что язык курилов 16-го (14-го) острова «мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять». Поскольку язык камчадалов совсем не походил на язык айнов, то здесь несомненно речь идет о различиях диалектов «ближних» и «дальних» курилов, т. е. о разных диалектах айнского языка.

Сотник Иван Черный, в течение 1767—1769 гг. объехавший Курильские острова вплоть до Итурупа, поддерживает версию о камчадальском происхождении ближних курилов, но определенно указывает, что «породнившись с курильцами 2-го острова, они приняли их язык и обычаи и составили особое поколение, более впрочем подходящее к курильскому» [920].

Территория курильских айнов начиналась на юге с о-ва Кунашира [921], а на севере захватывала южную оконечность Камчатки. Нам, следовательно, нужно определить только рубеж между айнами и камчадалами на юге Камчатки. На западном берегу этот рубеж проходил между бассейнами рек Опалы, населенной, по Крашенинникову, камчадалами, и Озерной, населенной курилами [922]. Восточный берег полуострова между Авачинской губой и мысом Лопатка был в XVIII в. пустынен. Можно считать, что граница между территориями, осваивавшимися курилами и авачинскими камчадалами, проходила здесь несколько севернее мыса Инкапюш.

Следовательно, территория «ближних курилов» охватывала на Камчатке бассейн р. Озерной, территорию к югу от последней и о-в Шумшу.

На о-ве Парамушире и о-ве Онекотане (по разным счетам то 3-й, то 5-й и т. д. остров) жили «дальние курилы», платившие ясак России уже во времена Крашенинникова. К этой же группе курилов относились немногочисленные жители о-ва Сясикотана и население о-ва Шимушира (16-й, он же 11-й, 17-й и 18-й остров), при Крашенинникове (1737—1741 гг.) ясака еще не платившие. Остальные острова этой группы (Алаид, Макапруси, Харамукотан, Китуй и др.) были необитаемы. Но на них приезжали промышлять «дальние курилы» с Парамушира, Онекотана и Шимушира. На эти острова, особенно на Ушишир (14-й, он же 9-й и 15-й остров) уходили курилы с Парамушира от притеснявших их ясачных сборщиков [923]. Так называемые «мохнатые курилы», или «кых-курилы», жили на Урупе, Итурупе и Кунашире (по одному счету 12, 13 и 14-й острова, по другим — 18, 19, 20-й и т. д.).

Таким образом, территорию кых-курилов составляли острова от Кунашира до Урупа включительно, территорию «дальних курил» — острова от Шимушира до Парамушира включительно и территорию смешанных с камчадалами «ближних курил» — о-в Шумшу и Курильская Лопатка на Камчатке [924].

О численности курилов имеются такие сведения. В 1737 г. считалось, что ясачных курилов 118 чел. [925] Крашенинников считал, что их около 100 чел. [926] По переписи 1766 г., курилов мужского пола было 262 чел., в том числе 183 плативших ясак [927]. Полонский приводит также цифру

---

[920] См. А. Полонский. Курилы. СПб., 1871, стр. 35, 53—54.

[921] Старые русские описания Курильских островов включают в них и о-в Матсмай (Хоккайдо, или Иезо).

[922] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 140—142.

[923] См. А. Полонский. Курилы, стр. 32—37.

[924] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 166—167, 170.

[925] ЦГАДА, ф. 1199, № 481, ч. II, л. 336.

[926] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 513.

[927] См. Российский магазин, ч. I. СПб., 1792, стр. 389.

262 чел. мужского пола, но указывает лишь 121 ясачного человека [928]. Если это не простая опечатка, то, вероятно, в источнике, использованном Полонским, численность ясачных курилов была указана за вычетом ушедших на другие острова.

Из ясачных курилов, учтенных в 1737 г., 44 жили на Лопатке и о-ве Шумшу [929]. Поскольку курилы на Лопатке и о-ве Шумшу имели некоторые потери в 1705, 1713 гг., можно применить к ним тот же коэффициент, который был применен в отношении камчадалов, и считать, что к приходу русских у «ближних курил» было до 66 мужчин ясачного возраста (всего 270 чел. населения).

Если из общего количества 118 ясачных курилов в 1737 г. вычесть ясачных «ближних курилов» (44 чел.), то останется 74 чел. Такова должна быть численность курилов ясачного возраста о-ва Парамушира и о-ва Онекотана. На других островах курилы тогда не были обложены ясаком. По переписи 1766 г.; на Парамушире (очевидно, тоже с Онекотаном) было 76 плательщиков ясака [930]. Обе эти цифры очень близки одна к другой. Учитывая столкновения, которые Козыревский имел в 1713 г. с обитателями Парамушира, можно считать, что у них было около 111 людей ясачного возраста (всего 440 чел. населения).

Полонский сообщает также, что в 1755 г. на 16-м (14-м) о-ве Ушишире было 25, а на о-ве Шимушире — 40 плательщиков ясака [931]. В число плательщиков ясака на Ушишире, очевидно, были включены и немногочисленные обитатели о-ва Сясикотан. Итого получается на этих островах 65 плательщиков ясака, вернее мужчин ясачного возраста, так как ясаком к 1755 г. они еще не были обложены. Если вычесть из цифры 183 (число ясачных курилов в 1766 г.) цифру 118 (число ясачных курилов в 1737 г.), то получится цифра 65. Следовательно, можно считать, что с 1737 по 1766 г. численность ясачных курилов увеличилась именно за счет обитателей Ушишира (и Сясикотана) и Шимушира. Имея в виду возможный недоучет и т. п., увеличим эту цифру 65, как и предыдущие, в полтора раза. В результате получится на Сясикотане, Ушишире и Шимушире около 107 плательщиков ясака (всего 430 чел. населения), а всего ясачных «дальних курилов» около 218 чел. (всего 870 чел. населения).

Общую численность «мохнатых» кых-курилов можно определить лишь очень приблизительно. В 1768—1769 гг. сотник Иван Черный обложил ясаком 83 кых-курилов с Урупа и Итурупа. При этом на Урупе он нашел пять «князцов» с их родниками. На Итурупе Черный упоминает четырех «князцов». Кроме того, и на южной оконечности и по восточному берегу острова жили, по сведениям Черного, и другие, правда немногочисленные, группы курилов. При этом следует отметить, что курилы, найденные Черным на Урупе, тоже были жителями Итуруна, приехавшими на Уруп для летних промыслов [932]. Постоянного населения на Урупе, по-видимому, не было.

В одном «роде» курилов, ушедшем в 1752 г. с Парамушира на Ушишир и другие острова, было 36 плательщиков ясака [933]. В 1777 г. посадский Шабалин на трех байдарках поехал с Урупа на Итуруп. На Итурупе к нему явилось два айнских князца («атамана») с 60 людьми. Здесь же на берегу жил есаул одного из этих князцов, у которого было 20 мужчин и 32 женщины [934]. Если князцы плыли только с мужчинами, то получается, что у каждого из них было около 40 мужчин. Шабалин тут же привел в русское подданство 47 из них. Всего он привел в русское подданство до

[928] См. А. Полонский. Курилы, стр. 16.
[929] См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 668.
[930] См. А. Полонский. Курилы, стр. 55.
[931] См. там же, стр. 35, 36.
[932] См. там же, стр. 46, 69—70.
[933] См. там же, стр. 33, 35.
[934] См. там же, стр. 85—86.

1500 «мохнатых» кых-курилов [935]. Если считать, что на Итурупе было не менее 10 родов (считая по числу князцов) айнов и в роде было в среднем около 35 трудоспособных мужчин, то получится, что всего на Итурупе было до 350 трудоспособных мужчин (всего 1400 чел. населения).

Что касается айнов о-ва Кунашира (и Шикотана), то можно предполагать, что их было меньше чем на Итурупе, вероятно около 1000 чел.[936] На Хоккайдо во второй половине XVIII в. было 7 тыс. айнов [937].

Таким образом, всего курилов (айнов) обоего пола, без обитателей островов Хоккайдо и Сахалина, было:

Ближних курилов	270 чел.
Дальних »	870 »
Кых-курилов	2400 »
Всего . .	3540 »

Если считать, что сахалинских айнов в XVIII в. было около 3 тыс. чел. [938], то вместе с айнами о-ва Хоккайдо, которых в XVIII в. было около 7 тыс. чел., общую численность айнов в XVIII в. можно определить в 13,5 тыс. чел.

В табл. 197 подведены итоги нашим данным об этническом составе, подразделениях и численности северо-восточных палеоазиатов, азиатских эскимосов и курильских айнов на конец XVII в.

Таблица 197

Этнографический состав населения северо-востока Якутского уезда

Этнические и племенные группы	Подразделения племен, роды	Примерная численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
		трудоспособных мужчин	всего населения	
Эскимосы				
Уэленцы	Сведений нет	375	1500	Оседлые чукчи с берега Чукотского моря
Нээки	» »	150	600	Эскимосы пос. Наукан, о-ва Ратманова и чукчи к юго-западу от Наукана до сел. Нуотен
Айваны	» »	350	1400	Эскимосы и чукчи берега Берингова моря от сел. Нуотен до бухты Провидения
Вутээнцы	» »	125	500	Эскимосы сел. Сиреники и оседлые чукчи к западу от этого селения до залива Креста
Итого эскимосов		1000	4000	
Северо-восточные палеоазиаты				
Чукчи	Сведений нет	500	2000	Оленные чукчи и часть оседлых чукчей

[935] См. А. Полонский. Курилы, стр. 89, 98.

[936] По Бергу (открытие Камчатки и экспедиция Беринга, М.—Л., 1946, стр. 147) на Итурупе и Кунашире было около 3 тыс. чел. (очевидно, в конце XIX — начале XX в.). Если на Итурупе было в 1890 г. 1350 чел., то на Кунашире, следовательно, было около 1600 чел. Но в числе населения Кунашира, по Бергу, были и японцы. Таким образом, можно предположить, что айнов на Кунашире было около 1 тыс. чел.

[937] См. Полонский. Курилы, стр. 172.

[938] См. С. К. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, стр. 145.

Таблица 197 (продолжение)

Этнические и племенные группы	Подразделения племен, роды	Примерная численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
		трудоспособных мужчин	всего населения	
Оленные коряки гижигинские	Сведений нет	175	700	Коряки-чавчувены
Оленные иретские (орерские)	» »	50	200	
Оленные тайгоносские	» »	75	300	
Оленные пенжинские	» »	225	900	
Оленные камчатские	» »	100	400	
Оленные апукские	» »	60	240	
Пешие коряки апукские	2—3 поселка	100	400	Коряки-алюторцы
Пешие алюторские	5—6 поселков	256	1 025	
Пешие хатырские	4—6 »	80	320	Кереки
Пешие укинские	8—12 »	300	1 200	Коряки карагинские и укинские
Пешие тигильские	6—10 »	270	1 080	Коряки палланцы и подкагирцы
Пешие палланские	7—10 »	375	1 500	
Пешие акланские (каменские и др.)	6—7 »	160	640	Каменские и пусторецкие коряки
Пешие паренские	2—3 поселка	112	450	Паренские коряки
Пешие итканские	3 »	45	180	Итканские коряки
Пешие гижигинские	5—6 поселков	100	400	Наяханские и гермонданские коряки
Пешие туманские	Сведений нет	110	400	Туманские коряки
Пешие ямские	» »	113	450	Ямские коряки
Итого коряков		2 969	10 785	
Камчадалы камчатские (собственно камчадалы, бурин)	Камчатские (уйкоаль-ай), еловские (ханчил-ай, коочь-ай), жупановские (чупагжу) и другие, всего 30—40 поселков	1 725	6 900	Ительмены и русские камчадалы Камчатки
Камчадалы авачинские (сюаачу-ай)	7—8 поселков	255	1 020	
Камчадалы большерецкие («курилы», кыкша-ай, кыхчерен)	12—16 »	400	1 600	
Камчадалы западные («коряки», лигнурин)	7—8 »	555	2 220	
Камчадалы хайрюзовские («коряки», кулес)	4—6 »	235	940	
Итого камчадалов		3 170	12 680	
Всего северо-восточных палеазиатов		6 366	25 465	

Таблица 197 (окончание)

Этнические и племенные группы	Подразделения племен, роды	Примерная численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
		трудоспособных мужчин	всего населения	
Айны				
Ближние курилы	2 рода, 9—10 поселков	66	270	Айны о-ва Сикотан
Дальние курилы . .	4 рода	218	870	
Кых-курилы	ок. 10 родов	600	2 400	Айны островов Итурупа и Кунашира
Итого айнов		804	3 540	
Всего		8 250	33 005	

Выше мы определили численность населения Якутского уезда, платившего ясак в XVII в., в 46 350 чел. (в том числе 11 581 плательщик ясака). Добавив сюда численность населения северо-восточной части уезда, получим, что на территории Якутского уезда в XVII в. было 19 831 мужчин ясачного возраста (всего 79 355 чел. населения). Хотя в наших источниках в отношении курилов и употреблялось иногда слово род, но весьма возможно, что и здесь под этим словом подразумевалась какая-либо территориальная группировка, а не настоящий кровнородственный род, отмеченный у других народов Сибири.

Еще раз оговорим, что наши данные о численности северо-восточных палеоазиатов, азиатских эскимосов и айнов мы считаем очень приближенными, хотя в общем и отражающими соотношения численности этнических групп и отдельных их подразделений. Дальнейшие исследования в этой области, конечно, смогут внести в эти данные много уточнений и поправок.

Глава XX

АЛБАЗИНСКИЙ УЕЗД

Образование Албазинского уезда в XVII в. связано с освоением русскими территории Приамурья. В этом процессе можно выделить три периода.

Первый из них начался с 1641 г., когда администрация Якутского уезда в течение короткого промежутка времени отправила в бассейн Амура три экспедиции. Первая экспедиция, под руководством письменного головы Еналея Бахтеярова, отправленная в 1641 г. вверх по Витиму, вернулась в 1643 г., ничего не добившись. Неудачен был и поход «в Пегую орду» из Бутальского острожка вверх по Алдану в том же 1641 г. служилого человека Антона Захарова Маломонка. Служилые люди перешли якобы за волок и, сделав плоты, стали спускаться на Амур, но выплыли снова на Алдан. По-видимому, они нарочно были введены в заблуждение сопровождавшими их тунгусами, с которыми А. З. Маломонок не сумел установить хороших отношений.

Успешным оказался третий поход письменного головы Василия Даниловича Пояркова. Отправившись в 1643 г. из Якутска вверх по Алдану, Поярков с р. Гоном (приток р. Учура притока Алдана) перешел на Зею. Здесь он перезимовал, затем выплыл в 1644 г. в Амур и перезимовал в его низовьях в земле гиляков. В 1645 г. он выплыл из Амура и, плывя вдоль берега моря, достиг устья р. Ульи. Перезимовав в устье Ульи, Поярков перешел с Ульи в бассейн Алдана, спустился в 1646 г. вниз по Мае и Алдану и вернулся в Якутск.

Так закончился первый период освоения русскими Амура. Закрепиться на Амуре тогда не удалось, но в «сказках» самого Пояркова и его спутников содержится много ценных данных об Амуре и его населении.

Второй период освоения русскими в XVII в. Амура, с 1649 по 1658 г., связан с именем Е. П. Хабарова (Святицкого) и его преемника Онуфрия Степанова.

В 1649 г. Хабаров поднялся вверх по Олекме к устью ее притока Тунгира, а весной 1650 г. на нартах вышел на Амур. Здесь, от устья р. Урки вниз по Амуру, он нашел пять покинутых даурами укрепленных поселений. В мае 1650 г. Хабаров приехал в Якутск за подкреплением, а весной 1651 г. снова вернулся на Амур и нашел оставленный им отряд осаждающим поселение даурского князца Албазы. С приходом Хабарова этот и следующий, Атуев городок были покинуты даурами. Летом 1651 г. Хабаров поплыл вниз по Амуру. Не считая Албазина и Атуева городков, до устья Зеи включительно было найдено покинутыми или взято с боя еще четыре городка и, кроме того, несколько «улусов» (неукрепленных селений). Ниже устья Зеи тоже было несколько улусов и один городок дауров — Толгин. Затем Хабаров проплыл землю «гогулей», а за ней, в районе

устья Сунгари,— землю пашенных дючеров. На восьмой день пути за устьем Сунгари началась земля ачанов. Здесь Хабаров зимовал. Осенью 1651 г. к Ачанскому городку Хабарова приступили ачаны и дючеры, а весной 1652 г.— маньчжурское войско. Отправившись затем летом 1652 г. вверх по Амуру, Хабаров в земле дючеров (гогулей), выше Малого Хингана, встретил шедший к нему на помощь отряд Третьякова Ермолина и А. Ф. Петриловского, от которых узнал, что он разошелся с посланным ими к нему навстречу небольшим отрядом Нагибы и Уварова. Соединившись с Ермолиным, Хабаров продолжал плыть вверх по Амуру. Он приплыл в Толгин городок, а затем в Кокуреев городок, расположенный против устья Зеи. Здесь часть его отряда самовольно ушла от него вниз по Амуру, а осенью он и сам сплыл вниз. В земле гиляков он нашел отделившихся от него казаков, присоединил их снова к своему отряду и зазимовал. Весной Хабаров опять отправился вверх по Амуру. В августе 1653 г. в устье Зеи его нашел и отстранил от руководства действия на Амуре посланный из Москвы дворянин Зиновьев. Вместо Хабарова приказным человеком на Амуре был назначен Онуфрий Степанов.

Осенью 1653 г. Степанов плавал вверх по Сунгари за хлебом. Зимовал он на Амуре в земле дючеров. В 1654 г. маньчжурское войско не пустило Степанова вверх по Сунгари. Ему пришлось вернуться ни с чем на Амур. Зимовал он в зиму 1654/55 г. в остроге, построенном на Амуре у устья р. Кумары (Комары). Весной 1655 г. Комарский острог осадило маньчжурское войско, но отступило, не взяв крепости. Зиму 1655/56 г. Степанов прожил в Косогорском остроге в земле гиляков. Летом Степанов, к войску которого время от времени присоединялись новые группы «охочих людей», ездил за хлебом вверх и вниз по Амуру и вверх по Сунгари, а зимой отсиживался в Комарском остроге. Так, видимо, прошли зимы 1656/57 и 1657/58 г. Летом 1658 г. маньчжурская военная флотилия окружила близ устья Сунгари суда Степанова и разгромила все его войско. Уцелевшие казаки под предводительством А. Ф. Петриловского некоторое время собирали ясак в низовьях Амура, а затем ушли в Комарский острог. Отсюда часть их через Тунгирский волок пришли в Илимский острог, а другая часть ушла вверх по Амуру к Афанасию Пашкову в Нерчинский острог. Так окончился второй период истории освоения Амура русскими в XVII в. Материалы этого времени содержат много данных о первоначальном населении Амура.

Третий период в истории освоения Амура в XVII в. начинается с конца 1665 г., когда на Амуре появился и восстановил старый городок князца Албазы отряд илимского служилого человека Никифора Романовича Черниговского. Черниговский был вынужден бежать на Амур после того, как летом 1665 г. он с группой своих сторонников убил на Лене, в устье Киренги, илимского воеводу Обухова, притеснявшего и оскорблявшего население и оскорбившего лично Черниговского. Черниговский стал собирать ясак с населения Приамурья, отсылая его в Нерчинск, и хотя царские власти считали Албазинский острожек «воровским», тем не менее ясак все же принимали. Таким образом, в отличие от двух первых периодов истории Албазинского уезда, когда действовавшие на его территории служилые люди были связаны с властями Якутского уезда, в третьем периоде албазинские служилые люди поддерживали связь и зависели некоторое время от властей Нерчинского уезда.

Летом 1670 г. маньчжурское войско в первый раз осадило Албазин, но взять его не смогло. В 1672 г. Черниговский и его товарищи были прощены и за убийство илимского воеводы и Черниговский официально был назначен приказным человеком Албазинского острога. В дальнейшем в Албазине были и другие приказчики (Яков Евсевьев, Иван Семенов Войлошников и др.). Формально они назначались нерчинским воеводой, но фактически

их выбирали сами албазинские казаки. Только Алексей Ларионович Толбузин в 1684 г. был не выбран албазинскими казаками, а назначен и при этом не нерчинским воеводой, а из Тобольска. В 1686 г. албазинская казна (552 соболя и прочее, всего на 2173 р. 60 к.) была доставлена в Москву самими албазинскими казаками, а не вместе с нерчинской казной. Толбузин в это время именовался уже воеводой [1]. Таким образом, можно считать, что с 1684 г. Албазинский уезд был официально оформлен.

В Албазинском уезде довольно быстро стало развиваться хлебопашество и в 80-х годах XVII в. считалось уже до 330 пашенных крестьян. В Албазине покупался хлеб для Нерчинска. Летом 1685 г. под Албазин снова пришло большое маньчжурское войско. Толбузин с гарнизоном и крестьянами покинул город, который был сожжен маньчжурами. Но осенью того же года Толбузин вернулся и восстановил город. Тогда же произошел бой в устье Комары между маньчжурами и отрядом Афанасия Бейтона, посланного Толбузиным вверх по Амуру. Летом 1686 г. маньчжурское войско опять пришло под Албазин. Во время осады осенью этого же года Толбузин был убит и команду принял Бейтон. Летом 1687 г. маньчжуры прекратили осаду, так как начались непосредственные переговоры между русскими и китайским правительством. По Нерчинскому договору 1689 г. Албазин и все Приамурье ниже слияния Шилки и Аргуни было оставлено русскими. Так закончилась история Албазинского уезда в XVII в. Только в 1858 г. по Айгунскому договору Приамурье было возвращено России.

Территория Приамурья, освоенного русскими в 1649—1658 гг. и в 1665—1689 гг. различалась. В 1649—1658 гг. была освоена долина Амура от слияния Аргуни и Шилки до устья Амура, а также низовья притоков Амура Сунгари и Уссури. В 1665—1689 гг. долина самого Амура была освоена лишь примерно до устья Буреи. Но зато было основано несколько ясачных зимовий в бассейне Зеи, в верховьях Буреи и на Амгуни. Поэтому от периода 1649—1658 гг. у нас имеются сведения главным образом о населении долины Амура, а от периода 1665—1689 гг.— о населении левых притоков Амура. Надо иметь в виду, что уже в 1654 г. дауры и гогули, а затем в 1656 г. и дючеры были переведены маньчжурским правительством из долины Амура в долины притоков Сунгари рек Нонни (Наун) и Хурхи (Мудан-цзян). Таким образом, на самом Амуре оставались к 1665 г. из его прежнего населения лишь гиляки (нивхи) и натки, или ачаны (т. е. нанайцы, или гольды, и ульчи).

Нам предстоит реконструировать этнический состав, расселение и численность населения территории Албазинского уезда к времени прихода русских, т. е. примерно к 1650 г.

Основными этническими группами населения территории Албазинского уезда были дауры, дючеры (маньчжуры), натки, гиляки и тунгусы (эвенки). К третьему периоду, 1665—1689 гг., дауры и дючеры с Амура были выселены, но зато на нем появились некоторые группы тунгусов Якутского и Нерчинского уездов.

Рассмотрим перечисленные выше этнические группы населения Албазинского уезда и посмотрим, что можно сказать о расселении, численности и подразделениях каждой из них.

Дауры вверх по Амуру жили вплоть до устья р. Ольдоя и даже чуть выше устья Ольдоя. От слияния Шилки и Аргуни вверх по Шилке жили тунгусы-пелюды (лелюли), которых В. И. Огородников считает таргачинами [2]. Можно считать рубежом между нерчинскими тунгусами-пелюдами и даурами район устьев рек Амазара и Урки на Амуре.

---

[1] ЦГАДА, ф. 214, ст. 1112, лл. 80—89.

[2] См. В. И. Огородников. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927, стр. 12, 13.

В бассейне Зеи, по Огородникову, пределами распространения дауров было устье Умлекана по самой Зее и устье Унгмы по Селемдже. При этом в устье Умлекана жили дауры, а в устье Унгмы — группа оседлых тунгусов [3]. Поэтому северный рубеж дауров на Зее надо провести между устьями Умлекана и Уркана, а на Селемдже — между устьем Унгмы и устьем самой Селемджи при впадении ее в Зею.

Неясной остается граница распространения дауров вниз по Амуру. В районе устья Зеи и вниз от нее до района Толгина городка (Айгуна) включительно несомненно жили дауры. Несомненно и то, что вниз по Амуру за Малым Хинганом и в районе устья Сунгари жили дючеры. Но по вопросу о населении, жившем по Амуру ниже устья Зеи до Малого Хингана, в частности в районе устья Буреи (Быстрой, по-тунгуски Нюман), ясности нет. Поярков помещает здесь дючеров, Хабаров в одном случае каких-то гогулей. Предположение Огородникова о том, что здесь было просто смешанное население и что дючеров «было, по-видимому, немного, сравнительно с подавляющим местным дауро-гогульским населением» [4], неопределенно и, как увидим ниже, ошибочно. В целом вопрос о гогулях Огородников не только не разрешил, но, пожалуй, запутал еще больше.

Основные известия о гогулях очень лаконичны. Когда Поярков весной 1644 г. поплыл вниз по Зее, то в трех днях пути ниже устья р. Селемджи и в одном дне пути выше устья р. Томь в устье левого притока Зеи речки Гогулькургу находилась «волость Гогули, а в той волости Даурской острожек, а в том острожке два князца Омуты да Ломбо, а улусу у них в том острожке 200 человек, а ясак платят хану соболми, а против Гогул за Зией волость Шепки, а в той волости 100 человек, Дауры же, пашенные же» [5]. В сентябре 1651 г. Хабаров поплыл из Толгина городка вниз по Амуру. Четыре дня он плыл до «камня» (т. е. Малого Хингана). «А Каменем плыли два дня да ночь, и Каменем все улусы невеликие, а людем выше Камени и в Каменю зов им Гогулы, и тут людей нет» [6]. Здесь в тексте небольшое противоречие. Вначале говорится, что в «каменю» есть небольшие улусы, но затем утверждается, что людей здесь нет. Остается предположить, что здесь на берегах стояло кое-где несколько пустых юрт. Огородников почему-то считает, что и в 21 улусе, которые проплыл Хабаров за один день пути вниз от «камня», тоже жили гогули. Для такого предположения источники не дают никаких оснований. Таким образом, гогули жили в одном месте на Зее вместе с даурами, а главным образом по Амуру вверх от «камня» и вниз от даурского Толгина городка. Бурея впадает в Амур примерно в середине этой территории, на которой жили гогули. У нас есть основания считать вслед за Огородниковым, что на этом пространстве было 120 поселков. В опубликованном тексте сообщения Хабарова пропуск, поэтому смысл его не совсем ясен. Приводим его дословно: «...тут все улусы частые невеликие юрты, по десяти юрт в улусе... сто двадцать...» [7]. Далее идет вышеприведенный текст о плавании «камнем». На обширной равнине по Амуру между устьями Зеи и Буреи ниже Толгина городка и далее вниз по Амуру до Малого Хингана, конечно, могло разместиться такое количество поселков и юрт. Правда, здесь могли быть и пустые юрты. Поэтому осторожнее считать, что населенных юрт было меньше. Вопреки мнению Огородникова, на Зее дючеров почти не было. В тексте, на котором он основывал это свое мнение, что дючеры жили на

---

[3] Там же, стр. 16—17.

[4] В. И. Огородников. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., стр. 22.

[5] ДАИ, т. III, стр. 54.

[6] Там же, стр. 364.

[7] Там же.

Зее, под Зеей имеется в виду Амур. В источнике сказано: «...по той же Зие вниз же иная земля, живут дючеры родами... а от Дючер по той же Зие реке к морю иная землица Натцкая... да по той же де, государь, Зие реке к морю самому и около моря по губам живут гиляки же, улусами...» [8]. Ясно, что здесь Зеей назван Амур.

Таким образом, территория дауров охватывала долину Амура от устья Ольдоя (или Урки) до района Айгуна (Толгина городка) включительно. По Зее их поселения начинались вниз от устья Умлекана и были разбросаны по всей ее долине. Но в то время как на Амуре (Шилке) в указанных выше пределах жили только одни дауры, на Зее, выше устья р. Томь, дауры были смешаны с тунгусами и в одном месте с гогулями, да и сами зейские дауры, вероятно, в значительной части представляли одаурившихся тунгусов, перешедших к земледелию и скотоводству.

О населении Зеи имеются данные «в расспросных речах» лалагирского тунгуса Томканея [9]. Очень интересным источником являются также показания шести казаков Пояркова, посланных им с «отписками» с Ульи. Эти казаки (Микулка Тимофеев и др.) прибыли в Якутск в ноябре 1645 г., т. е. на восемь месяцев раньше самого Пояркова, и тогда же с них был снят до сих пор неопубликованный подробный допрос [10]. К этому источнику нам придется обратиться еще не раз. Наконец, в нашем распоряжении имеется отчет самого Пояркова [11], во многом совпадающий с показаниями Томканея.

Что касается этнической принадлежности населения верхней и средней Зеи, то согласно нашим источникам,— это дауры и тунгусы. При этом заметим, что сам Поярков употребляет название дауры, а его спутники этого названия не знают и дауры у них фигурируют лишь под названием «братов» и «братских людей». Во многих других документах, написанных до возвращения Пояркова из его похода, дауры фигурируют тоже под названиями «братов», «братских людей». В частности «братами», «братскими людьми» названы дауры и в «распросных речах Томканея». Следовательно, можно предположить, что тунгусы называли предков бурят и дауров одинаково. Отсюда напрашивается вывод, что дауры тоже были монголоязычны. Действительно, новейшие исследования даурского языка показывают, что он входит в монгольскую языковую ветвь.

Окраины бассейна Зеи занимали тунгусы-оленеводы: уиллагиры — верховья самой Зеи и Брянту, манагиры — верховья Уры (Уркана), Гилюя и Нюкжи, бирары — верховья Селемджи. Этих тунгусских родов мы сейчас касаться не будем, а разберем пока этнический состав «скотных и пашенных» обитателей бассейна средней Зеи.

Самым верхним по течению родом этой группы населения Зеи были тунгусы-баягиры, жившие в устье Уры. Судя по количеству взятых у этих тунгусов лошадей, у них было, вероятно, пять трудоспособных мужчин (всего 20 чел. населения).

Затем шли дауры или одаурившиеся тунгусы Доптыуля Кончюлаева, жившие в устье Умлекана и насчитывавшие 15 мужчин (всего 60 чел. населения). Вместе с этими даурами жило пять каких-то тунгусов, вероятно тоже баягиров, т. е. всего до 20 чел. тунгусского населения. Ниже по Зее, может быть и в устье р. Деп, но во всяком случае в бассейне этой реки, жили тунгусы-шемагиры, у которых было 100 мужчин (всего 400 чел. населения). Мы предполагаем, что они жили и на самой Зее, так

---

[8] ДАИ, т. III, стр. 56, 57.

[9] См. Чтения в О-ве истории и древностей Российских при Московском ун-те, 1861, кн. 1, отд. V, стр. 3.

[10] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, лл. 355—362.

[11] См. ДАИ, т. III, стр. 50—56.

как здесь, в районе устья р. Деп, отмечалось впоследствии много старых «даурских» пашен.

В самом устье Селемджи находился Шелогонский род, возглавляемый Досией. В нем было 300 мужчин (всего до 1200 чел. населения). Название этого рода тунгусское и означает «расположенный вверх по реке» (дословно — «вверху находящийся»).

Несмотря на чисто тунгусское название этой волости, мы ее считаем даурской. С даурами этой волости служилые люди отряда Пояркова имели столкновения под острожком Молдыкидич. Князцы этой волости Досий и Олна были в аманатах и вообще эту группу дауров Поярков и его спутники знали хорошо и всюду она называется только даурской. По-видимому, тунгусское название этой волости зафиксировано было в русских документах потому, что разговоры с даурами происходили по-тунгусски, через тунгусских толмачей.

Рядом с шелогонами находилась другая даурская волость — Боканская (очевидно, от тунгусского «бокан» — «раб», «слуга»), которую возглавлял князец Бебра. В ней было 100 мужчин (всего 400 чел. населения). Мы помещаем эту волость по Зее несколько выше шелогонов. Здесь впоследствии отмечались старые «даурские» пашни. Кроме того, Поярков упоминает Боканскую волость раньше шелогонов. Может быть, Бокапскую волость имел в виду и Томканей, когда указывал, что близ живущих на р. Зее «сидячих хлебных» тунгусов живет даурский род в 100 чел. (трудоспособных мужчин, как мы предполагаем), возглавляемый братьями Милкичей и Денмеко.

Группу Турчан (40 мужчин, всего 160 чел. населения), Ежегупский род (30 мужчин, всего 120 чел. населения), мы на основании текста отчета Пояркова, правда не совсем ясного, помещаем на р. Селемдже. Верхними по Селемдже пашенными тунгусами были дуланы или дулаганы. Огородников помещает их в устье р. Уньмы. Турчанов и ежегунцев, следует разместить по Селемдже между ее устьем и устьем Уньмы. Дуланы и в источниках считаются тунгусами и название их чисто тунгусское, означающее «живущий по середине». Верхними по Селемдже жителями были бирары, средними дуланы, нижними же, очевидно, являлись ежегуны. Эдигун (эджигун) по-тунгусски — значит именно «живущий вниз по течению». Если верно наше предположение, что названные Томканем уиллагиры во главе с Едгиной соответствуют Ежегупскому роду Пояркова, то можно установить, что настоящим родовым названием ежегунов являлось название Уиллагир и что эти ежегуны представляют вероятно группу тунгусов-уиллагиров, поселившуюся в низовьях Селемджи.

Об этнической принадлежности турчанов Поярков не сообщает. По-видимому, название «Турчан» представляет искаженное миллеровскими копнистами название тунгусского рода Гурагир («Гурган»), отмеченного среди бираров Миддендорфом и среди кумарченов («манегров») Широкогоровым.

Ниже шелогонов по Зее, в трех днях пути от устья Селемджи и в одном дне пути выше устья Томи, находилась даурская волость Гогули, насчитывавшая 200 мужчин (всего 800 чел. населения), а напротив ее, на правом берегу Зеи,— даурская волость Шепки, насчитывавшая 100 мужчин (всего 400 чел. населения). Уже Огородников обратил внимание на то, что из текста Пояркова определенно явствует, что население обеих этих волостей составляли дауры [12]. К аргументации Огородникова по этому вопросу можно добавить еще следующее. Волость Гогули, по Пояркову, возглавляли князцы «Омуты да Ломбо». Летом 1651 г. Хабаров, будучи в

[12] См. В. И. Огородников. Туземное и русское земледелие на Амуре, стр. 18.

устье Зеи, встретил среди других даурских князцов и Омутея, т. е., очевидно, вышеупомянутого главу Гогульской волости на Зее Омуты. Таким образом, сомнений в том, что гогули на Зее были даурами, не должно быть. Другое дело, каково было происхождение этих дауров. Вероятно, так же, как в верховьях Зеи, среди дауров встречались одуарившиеся тунгусы, эти дауры Гогульской волости могли представлять одуарившихся выходцев из амурских гогулей. Наши соображения об этнической принадлежности последних будут изложены ниже.

Ниже волостей Гогули и Шепки по Зее до самого ее устья, по данным Пояркова, жили пашенные дауры, а по р. Томи и тунгусы. Все эти дауры и тунгусы входили в улус даурского князца Балдачи, острожек которого стоял на Зее на полпути от устья Томи к устью Зеи. В городке у Болдачи жило 100 чел., вероятно мужчин, т. е. всего до 400 чел. населения. Численность остального населения во владениях Балдачи не указана. По рассказу спутников Пояркова, когда пятидесятник Юшко Петров пришел со служилыми людьми к Досию и Олпе под Молдыкидыч, то он сказал: «...идем де мы служилые люди на князца на Балдачю которой с ними князцы с Досиею да с Олпонем воюетца». Кроме того, спутники Пояркова рассказали в Якутске, что «Балдача брацкой князец имает де брацких аманатов в острог и держит в железах и емлет де з брацких людей он Балдача ясак на нево кана. А у кана де князца сидит в аманатах Балдачина жена». Таким образом, Балдача был главой несомненно крупного улуса, вероятно не менее многочисленного, чем улусы группировавшихся около острожка Молдыкидыч дауров и тунгусов. Можно предполагать, что у Балдачи на Зее было не менее 300 мужчин-дауров (всего 1200 чел. даурского населения) и до 100 мужчин-тунгусов на Томи (всего 400 чел. тунгусского населения).

В табл. 198 показан этнический состав населения бассейна Зеи (без оленных тунгусов).

Таблица 198

Этнографический состав оседлого населения Зеи

Группа	Дауры		Тунгусы	
	Мужчины	Все население	Мужчины	Все население
Баягирский род	—	—	5	20
Доптыулев улус	15	60	5	20
Шемагирский род	—	—	100	400
Боканская волость	100	400	—	—
Шелогонский род	300	1200	—	—
Турчаны	—	—	40	160
Ежегунский род	—	—	30	120
Дулаганский род	—	—	30	120
Волость Гогули	200	800	—	—
Волость Шепки	100	400	100	400
Балдачин улус	300	1200	—	—
Всего	1015	4060	310	1240

Часть зейских тунгусов была, вероятно, одаурена, а часть дауров была тунгусского происхождения. Надо заметить, что спутники Пояркова определенно указывают, что на Зее и на Амуре вниз от устья Зеи, помимо острожков Молдыкидыч (Досиева) и Балдачина, «городов нигде нет».

Переходим к даурскому населению Амура, живнему от Лавкаева городка на западе до Толгина городка на востоке.

Лавкаев городок находился на Амуре близ устья р. Урки в районе современной станции Игнашиной [13]. Городок князца Албазы, откуда само название Албазин, находился в районе современного сел. Албазино. Сопоставляя разные источники [14], можно установить, что Досаулев городок находился приблизительно в районе современного сел. Толбузино. Гойгударов городок — в районе сел. Черняево, Банбулаев городок — в районе сел. Кумара. О Кокуреевом улусе есть точное указание, что он находился на Амуре против устья Зеи [15]. Местоположение Толгина городка уточняет Маак, сообщающий местную традицию о том, что старый Айгун на левом берегу Амура соответствовал древнему Толгину городку [16].

Самым большим затруднением при определении местоположения даурских городков на Амуре служит следующее обстоятельство. Описывая свой первый поход вниз по Амуру в 1650 г., Хабаров, во-первых, не указывал расстояний от Лавкаева городка до второго и третьего городков дауров на Амуре, а во-вторых, не дал ни одного названия городка, помимо Лавкаева. Поэтому остается неясным, до какого места доходил Хабаров вниз по Амуру в 1650 г., входили ли в число пяти обнаруженных во время этого похода покинутых городков Албазин, Чипин и Атуев городки, упоминаемые впоследствии. Неизвестно, какие городки возглавлялись братьями Лавкая Шилганеем (Шульганеем) Гильдего (Ильдегой) и т. д. Не ясно, что происходило с этими городками во время поездки Хабарова в Якутск за подкреплениями в период с весны 1650 по весну 1651 г. По-видимому, дауры вернулись в оставленные ими городки. Как известно, оставленные Хабаровым в Лавкаевом городке казаки за время его отсутствия имели столкновения с братом Лавкая Шилгинеем и ходили под Албазин, около которого и нашел их Хабаров, возвратившийся из Якутска. Мы считаем, что все пять городков, которые Хабаров в 1650 г. нашел пустыми, принадлежали племени Лавкая и располагались следующим образом. Собственно Лавкаев городок находился близ устья р. Урки или станицы Игнашино. Чипин городок, он же городок зятя Лавкая, стоял у современного сел. Свербеево. Городок племянника Лавкая, сына Гильдеги (Ильдеги), зятя Шилгинея, Албазы, находился у современного сел. Албазино. Атуев городок был расположен, вероятно, выше современного сел. Перемыкино. Наконец, городок Дасаула, стоял, вероятно в районе современного сел. Толбузино. Огородников дает примерно такой же список городков Лавкаева племени дауров, с той лишь разницей, что помещает Чипин городок ниже Атуева и не упоминает в составе лавкаевых городков Дасаулова городка. Но тунгуска Дамапзи рассказывала в 1652 г., что от Лавкаева городка, расположенного в устье Уры, до Чипина городка два дня пути, а от Чипина городка до Дасаулева (Дашаулева) — четыре дня пути [17]. Таким образом, Чипин городок находился на одной трети пути от Лавкаева городка до Дасаулева, тогда как Албазин был расположен между Лавкаевым и Дасаулевым городками, на одинаковом расстоянии от них. Следовательно, Чипин городок находился выше Албазина. Дасаулев городок

[13] См. В. И. Огородников. Туземное и русское земледелие на Амуре, стр. 14; ДАИ, т. III, стр. 103, 174, 258—259, 347; С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре. Л., 1925, стр. 26.

[14] См. ДАИ, т. III, стр. 345, 357, 359, 361—363, 373.

[15] См. там же, стр. 362.

[16] См. Р. Маак. Путешествие на Амур. СПб., 1859, стр. 106. О Кокуреевом улусе см. стр. 105.

[17] См. ДАИ, т. III, стр. 347—348. Дневной переход, по показаниям Даманзи, составляет около 35 *км*, тогда как, судя по показаниям Хабарова и других служилых людей, они проходили в этих местах вниз по течению по 50—65 *км* в день. Может быть Даманзи имела в виду медленное передвижение летом пешком или верхом на оленях.

мы отнесли к Лавкаевым городкам потому, что это единственный известный нам пятый городок от городка Лавкая, а также потому, что, по показаниям той же Даманзи, в 1651 г. Лавкай, Чипа и другие князцы убегали именно к Дасаулю [18]. Кроме того, известный нам даурский князец с Зеи Доптыуль рассказывал, что «с Зии же с Умлекана до Шилки реки ехать до острожку до Дувы конем 2 дни, а пешего ходу 4 дни, а в том де острожке князец Илдега с родом своим, а роду его 100 человек, да в том же острожке с ним иные многие улусы; а выше того князца Илдеги живет князец Лавкай, а у него поставлен острожек, а у того де князца Лавкая... улусу де его человек с 300...» [19]. По-видимому, Доптыуль называл Дасаулев острожек острожком Дувы, а под князцем Илдегой подразумевал брата Лавкая Гилдегу. От устья Умлекана до современного сел. Толбузина, т. е. до местности, где, как мы предполагаем, находился Дасаулев острожек, примерно 120 *км* — приблизительно два дня пути на лошади или четыре дня пути пешком. Очевидно, знатная семья или род Лавкая возглавляла всю эту группу острожков. Дасауль был, видимо, главой тунгусов, коренных обитателей района его острожка. Несколько ниже Дасаулева острожка находился Чурончин улус [20]. Известны имена сына Чурончи Кеняула и «улусного мужика» Шанаула. Все эти имена (Дасаул, Чуронча, Кеняул, Шанаул) тунгусские, так же как и имя их соседа на Зее и, может быть, сородича Доптыуля. Вся эта группа тунгусов была включена, вероятно, в возглавляемую Лавкаем и его родом группировку (племя) дауров, и поэтому Доптыуль вполне естественно назвал имя Гилдеги, члена этой господствующей семьи или рода, в качестве главы того населения берега Амура, с которым имел связь.

Тунгусы жили не только в восточной части территории группировки Лавкая. Зависимые от Лавкая тунгусы жили по Амуру и выше Лавкая. Сам Лавкай говорил, что вверх от его городка по р. Амазару живут его улусные люди тунгусы, «которые на него Лавкая рыбу ловят» [21]. Жили такие зависимые от дауров тунгусы и к северу и, вероятно, к югу от приамурских дауров. Очевидно, Доптыуль и его дауры, жившие в устье Умлекана, представляли колонию одаурившихся приамурских тунгусов из улуса Дасауля или Чурончи. Не случайно, конечно, ближайшими к Доптыулю селениями дауров на Амуре были именно улусы этих, как мы предполагаем, одаурившихся тунгусов.

Таким образом, самым верхним по Амуру племенем дауров было племя Лавкая (или Шилгинея), в котором было около 300 трудоспособных мужчин (всего 1200 чел.) населения. Эта группировка дауров располагалась в нескольких (пяти-шести, а может быть, и больше) улусах, из которых четыре (Лавкаев, Чипин, Албазин и Атуев) были укреплены и превращены в городки, а некоторые, вероятно улусы Шилгинея и Гилдеги, оставались не укрепленными. Территория этого Лавкаева племени дауров простиралась от р. Урки на западе до района современного сел. Перемыкино на востоке. Ниже по течению Амура, в районе современных селений Толбузино и Ольгино, находилась зависимая от лавкаевых дауров группировка одаурившихся тунгусов, в которой было около 100 мужчин (всего до 400 чел. населения). У этих дауров был один укрепленный Досаулев городок и по крайней мере один неукрепленный улус.

Ниже этих дауров или одаурившихся тунгусов находилась группировка (племя) дауров, возглавлявшаяся Гойгударом и имевшая один, правда большой («тройной»), укрепленный городок. Кроме собственно Гойгударова улуса в эту группировку дауров входили дауры князцов Олгемзи и

[18] См. там же, стр. 347.
[19] См. ДАИ, т. III, стр. 52.
[20] Там же, стр. 357.
[21] Там же, стр. 259.

Лотодия, имевшие, вероятно, отдельные улусы, но с приходом Хабарова объединившиеся с Гойгударом. Территория этой группировки дауров начиналась, видимо, в районе современного сел. Черняево или несколько выше него и простиралась вниз по Амуру, очевидно до района современных селений Смирновка и Нововоскресенка. Судя по данным Хабарова, в этом объединении дауров было около 1037 чел.[22] Можно, следовательно, считать, что в гойгударовой группировке дауров было примерно 250 мужчин (всего 1000 чел. населения).

Можно предполагать, что ниже гойгударовых дауров, в районе устья р. Кумары и далее вверх, до района современного сел. Буссе включительно, жила еще одна группировка дауров, центром которой был Банбулаев городок. Кроме этого укрепленного поселения существовал еще улус Банбулаева городка в дне пути от него, а также улус князца Емарды в устье р. Кумары, улус Шапгамона в сутках пути вверх по Амуру от предыдущего улуса и улус Ундая еще в сутках пути вверх по Амуру[23]. Впрочем, последний улус, может быть, находился на территории вышеупомянутой гойгударовой группировки дауров. Таким образом, в группировке дауров с центром в Банбулаевом городке было четыре-пять поселков. Учитывая сравнительно большие размеры территории бамбулаевых дауров, живших по Амуру, более южное их положение, большое количество удобных для хлебопашества мест[24], можно предполагать, что у них было около 300 мужчин (всего 1200 чел. населения), т. е. их было не меньше, чем лавкаевых дауров.

Последней группировкой дауров на Амуре были дауры района устья Зеи. На правом берегу Амура чуть ниже устья Зеи находился Кокуреев улус из 24 юрт, а в одном дне пути вниз по реке располагалась группа юрт, два улуса, Толгин городок и за ним еще улус. Хабаров называет трех даурских князцов, живших в районе устья Зеи,— Толгу, Турончу (зятя известного нам Балдачи с Зеи) и Омутея. Весьма вероятно, что последний, как мы указывали,— известный нам Омуты, один из двух князцов зейских гогулей времени похода Пояркова.

Сами усть-зейские дауры определяли Хабарову свою численность в 1000 луков[25], т. е. трудоспособных мужчин. Но, вероятно в это число входило 300 луков Болдачи и 200 луков зейских гогулей. Поэтому более вероятным следует считать, что у усть-зейских дауров было около 500 мужчин (всего 2 тыс. чел. населения).

Ниже по Амуру от этой группировки дауров, вероятно от района современного сел. Константиновка, начинались уже поселения дючеров, или, как их здесь называли, гогулей. Подведем итоги численности амурских дауров: в группировке Лавкая было 300 мужчин (всего 1200 чел. населения), у Досаула — 100 мужчин (всего 400 чел. населения), у Гойгудара — 250 мужчин (всего 1000 чел. населения), у Банбулая — 300 мужчин (всего 1200 чел. населения) и у Толги — 500 мужчин (всего 2 тыс. чел. населения). Итого в общей сложности дауров и одаурившихся тунгусов на Амуре было около 1450 мужчин (всего примерно 5800 чел. населения).

В табл. 199 приведена численность всех дауров и одаурившихся тунгусов как на Амуре, так и на Зее.

Если отнести к одаурившимся тунгусам еще Дасаулев род на Амуре и Доптыулев род на Зее, то собственно дауров останется 2350 мужчин (всего 9400 чел. населения), а одаурившихся тунгусов — 425 мужчин (всего 1700 чел. населения).

---

[22] См. ДАИ, т. III, стр. 360—361.
[23] Там же, стр. 371—372.
[24] Там же, т. VII, стр. 370.
[25] См. ДАИ, т. III, стр. 363.

Таблица 199

Общая численность дауров и одаурившихся тунгусов

Этнографическая группа	На Амуре		На Зее		Всего	
	мужчин	всего населения	мужчин	всего населения	мужчин	всего населения
Дауры	1450	5800	1015	4060	2465	9860
Одаурившие тунгусы	—	—	310	1240	310	1240
Всего . . .	1450	5800	1325	5300	2775	11100

На карту мы нанесли лишь более крупные группировки амурских дауров, может быть их племена, в которые входило по несколько улусов и и иногда даже по несколько городков. По Зее мы показываем на карте и отдельные роды и волости (вероятно, соответствовавшие улусам на Амуре). Как мы знаем, на Зее было два объединения дауров — одно у острожка Молдыкидыч с Досией во главе и другое ниже по Зее, около острожка Балдачи. Доптыул и его дауры, вероятно, были связаны с амурскими даурами Дасауля. Последний же, по-видимому, входил в объединение, возглавлявшееся Лавкаем. В результате получается всего шесть главных группировок дауров (четыре амурские и две зейские), к некоторым из которых тяготели те или иные роды более или менее одаурившихся тунгусов.

Переходим к дючерам. В отличие от дауров, говоривших на языке, родственном монгольскому, дючеры говорили на языке маньчжурской ветви тунгусо-маньчжурских языков. Преемник Хабарова на Амуре Онуфрий Степанов объединял под названием дючеров также и натков, т. е. предков нанайцев и ульчей, в настоящее время несомненно говорящих на языке маньчжурской ветви. А. М. Золотарев предполагал, что дючеры были одним из маньчжурских племен [26]. Исследователь народов Амура А. Н. Липский в ответ на наш запрос о дючерах любезно сообщил: «...среди текстов гольдских шаманов есть одна группа их, которая называется... дюсэрäйни, дюсэрäй-маньчжурäй. Обычно и шаманами и нешаманами эта часть текста не понимается... Интересно, что гольды, присутствовавшие при шаманском действии, когда слышали маньчжурскую часть текстов шамана, говорили: «сама дюсэрäйни» или «сама маньчжурäйни»; дюсэрäй — маньчжурäй — синонимы... Изучение этой части текстов показало нам, что они в большей части на маньчжурском языке северного диалекта и представляют собой молитвенные обращения к духам, по всей видимости предкам, и к Во эдзени — места хозяину, обитавшим где-то в верхней части бассейна р. Нонни». Далее Липский сообщил, что в дальнейшем ему удалось установить, что часть вышеупомянутых шаманских текстов была на языке так называемых «ичеманьчжу — новоманьчжуров, а другие чисто маньчжурские, лишь с некоторым количеством слов неизвестного происхождения. По данным Липского, в шаманских текстах манегиров (манегров) имеются так называемые «дючэраһыр», которые также в основном являются маньчжурскими, хотя и сильно отупгушены. Наконец, Липский сообщил, что «гольды верхней части расселения этой народности... называли на этой территории иную, не гольдскую народ-

[26] См. А. М. Золотарев. Из истории народов Амура. «Исторический журнал», 1937, № 7, стр. 34.

ность, занимавшуюся земледелием и скотоводством, дюсэри, дюсэли, маньчжу (все — синонимы) [27].

Не может быть сомнений в том, что приамурские дючеры были этнографической группой маньчжуров.

В середине XVII в. приамурские маньчжуры (дючеры) делились на две группы. Главная их масса жила по Амуру вниз от Малого Хингана, несколько не доходя устья правого притока Амура р. Дондона. По-видимому, нижним пределом распространения дючеров по Амуру был район современного с. Сарапульского. Этот вывод сделан В. И. Огородниковым (со ссылкой на данные А. Н. Липского) [28], к такому же результату пришел А. М. Золотарев, хотя он не называет с. Сарапульского [29].

В той части долины Амура, где он прорезает хребет Малый Хинган, в XVII в. постоянного населения, очевидно, не было (см. выше). Вверх по Амуру от Малого Хингана до усть-зейских дауров находилась другая группа дючеров, имевшая, кроме того, местное название гогули (см. выше).

Поярков определенно указывает, что вниз по Амуру («Шилке») от устья Зеи живут дючеры [30]. Хабаров тоже упоминает дючеров, живущих по Амуру вверх от «камня» (т. е. вверх от Малого Хингана) [31]. О дючерах между устьем Зеи и Малым Хинганом упоминает и Терентий Ермолин. Проведя зиму 1651/52 г. в Банбулаевом городке, Ермолин весной 1652 г. в четыре дня доплыл до улуса дючерского князца Тоенчи, у которого было 100 мужчин, заплативших ясак [32]. Ниже Тоенчина улуса, но выше «камня» (Малого Хингана), Ермолин встретил Хабарова [33].

Таким образом, несомненно, что ниже усть-зейских дауров вплоть до «камня» жили дючеры. Отсюда мы вправе заключить, что название гогули, о котором говорилось выше, относится к дючерам этой группы.

Л. Шренк справедливо отвергает мнение П. П. Семенова Тянь-Шанского о том, что гогули — это тот самый народ, который впоследствии стал известен под названием гольды [34]. Но во мнении П. П. Семенова есть некоторая доля истины, заключающаяся в том, что хотя гогули и гольды несомненно разные народы, но название гогули, по всей вероятности, построено по тому же принципу, что и название гольды, и притом на родственном нанайскому (гольдскому) языке.

Покойная исследовательница нанайцев Н. А. Липская писала, что среди прочих самоназваний и названий приамурских народов существуют названия, отражающие взаимное расположение народов по долине Амура. В частности ею выделялись названия со значениями «живущие» (по отношению к другой группе) вверх по течению реки, т. е. верхние, и... живущие вниз по течению реки, т. е. «нижние». Далее Липская отмечала термины «голдых», «голды», и «гогды», которыми называли нанайцев живущие ниже их по Амуру негидальцы, ульчи и тумпинские орочи [35].

Следовательно, название гольды || гогды означало живущих вверх по

---

[27] Письмо А. Н. Липского автору этой работы от 3 октября 1953 г. См. также статью А. Н. Липского «Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура» (Первый туземный съезд ДВО, Хабаровск, 1925, стр. XXXIII).

[28] См. В. И. Огородников. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в., стр. 23—25.

[29] См. А. М. Золотарев. Из истории народов Амура, стр. 34.

[30] См. ДАИ, т. III, стр. 55.

[31] См. там же, стр. 368.

[32] См. там же, стр. 358.

[33] См. там же, стр. 368.

[34] См. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, Т. I. СПб., 1883, стр. 161.

[35] См. Н. А. Липская. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанаев (гольдов). «Советская этнография», вып. III, 1940, стр. 251. В тексте опечатка: вместо «тумпинские орочи» напечатано «тумпинских орочей». Но из дальнейшего текста статьи ясно, что здесь должен быть именительный падеж.

реке. Такие названия иногда превращались и в самоназвания и названия вообще, без зависимости от местожительства горящих. Например, название сологон|шелогон у эвенков, дословно означающее «верхний (по течению реки) житель», но в ряде случаев превратившееся в самоназвание и общепринятое название.

Гогули являлись самой верхней по Амуру группой маньчжуроязычного населения этой реки, и название «верхние» как нельзя более пристало к ним. В слове «гогды» слог «ды» означает «сторона». В нанайском языке есть слово «голо», означающее «народ» [36]. Мы можем себе представить вместо словосочетания «верхняя сторона» самоназвание «верхний народ», т. е. «гог-голо», откуда, вероятно, происходит название и гогули. Следовательно, мы можем в составе дючеров различать собственно дючеров на Амуре, живших ниже «камня» (в том числе и в районах устьев Сунгари и Уссури и вверх по последней) и в низовьях Сунгари, и верхних дючеров (гогулей), живших выше «камня», между ним и усть-зейскими даурами.

Ниже дючеров по Амуру жили предки нанайцев и ульчей, которые русские в XVII в. называли натками и ачанами. Как указал Л. Я. Штернберг, а за ним и А. М. Золотарев, слово «натки» происходит от слова «нгатку», которым негидальцы (а также другие тунгусы) называют нанайцев и ульчей [37].

Хотя в XVII в. русские, видимо, не различали нанайцев и ульчей, но несомненно диалектальные и культурные особенности этих двух племен сложились очень давно. Поэтому мы выделяем среди натков два племени: одно — предков нанайцев и другое — предков ульчей, которые условно называем верхними и нижними натками. В пользу такого разделения натков свидетельствует тот факт, что Поярков, по-видимому, смешивал нижних натков (предков ульчей) с гиляками [38]. Следовательно, культурные особенности ульчей, отличающие их от нанейцев и сближающие с нивхами (гиляками), существовали уже в то время. Границы между верхними и нижними натками и между последними и гиляками мы проводим по данным о распространении гольдов, «ольчей» и гиляков в середине XIX в. по данным Шренка. Имеющиеся у нас данные (см. ниже) позволяют предполагать, что каких-либо значительных изменений в расселении по Амуру ульчей и нивхов с середины XVII в. до середины XIX в. не произошло [39].

В связи с этим отметим, что в середине XIX в. и позже гольды (нанайцы) были сравнительно большим племенем (около 6 тыс. чел.), распространившимся на всю территорию, ранее заселенную приамурскими дючерами, и на низовья Сунгари. Они не заняли лишь прежнюю территорию гогулей. Ульчи же были в XIX в. и позже небольшим племенем (около 1,5 тыс. чел.), зажатым между нанайцами и нивхами. Но в XVII в. верхние и нижние натки занимали в долине Амура примерно одинаковые пространства. Отсюда можно предположить, что и разница в численности предков нанайцев и предков ульчей не была так велика, как впоследствии.

Относительно гиляков известно, что они жили по Амуру ниже натков. Поярков так описывал расселение гиляков: «А гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам живут

---

[36] См. Т. П. Петрова. Краткий нанайско-русский словарь. М.—Л., 1935, стр. 41.

[37] См. А. М. Золотарев. Из истории народов Амура, стр. 34. Мы не касаемся здесь вопроса о происхождении названия «нгатку». По этому вопросу интересными материалами располагает исследователь нанайцев Ю. А. Сем.

[38] См. А. М. Золотарев. Из истории народов Амура, стр. 35—36.

[39] А. М. Золотарев полагает, что самая верхняя по Амуру группа ульчей жила недалеко от устья Горюна («Родовой строй и религия ульчей»), Хабаровск, 1939, стр. 32). Почти так же показаны ульчи и на карте Л. Шренка.

многие ж Гиляцкие люди сидячие улусами а кормятся рыбою»[40]. По Шренку, в середине XIX в. около озер Орел и Чля гиляки соседили с негидальцами. По берегу Охотского моря они иногда доходили почти до устья Тугура, занимали Тугурский полуостров и ездили промышлять на Шантарские острова. В Татарском проливе их территория, вероятно, достигала мыса Лазарева. Как известно, в середине XIX в. они жили также в северной части Сахалина. Можно считать, что та территория, которую Шренк отводит гилякам в середине XIX в., почти соответствует их территории в XVII в. Границей между натками и гиляками в XVII в. был, очевидно, район современного с. Богородского, где и сейчас проходит рубеж между ульчами и нивхами[41]. Л. Шренк считал совершенно несомненным, что со времени путешествия Мамия Ринсо (1810 г.) и до его путешествия на Амур (1855 г.) никаких изменений в расселении гиляков на материке не произошло. Шренк допускал возможность того, что и со времени первого знакомства гиляков с русскими в середине XVII в. вплоть до середины XIX в. также не произошло сколько-нибудь существенных изменений в расселении этого народа на материке[42].

Для определения численности дючеров, натков и гиляков в XVII в. и для уточнения сведений об их расселении в то время необходимо рассмотреть один исключительной ценности исторический документ. Мы имеем в виду «Ясачную книгу даурские и дучерские и гилятцкие земли» 1655 г. сбора «приказного человека Онуфрия Степанова»[43].

В заголовке этого документа сказано: «...а з даурских князцей и улусных людей иман государев ясчный збор на великой реке Амуре в Комарском остроге до Шингалу реки. А по Шингалу реке з дючерских людей иман государев ясачный збор вверх по Шингалу до Манзийскового улусу и выше и вниз по Амуру реке до Гиляцкие земли и у гилятцких людей до моря на нынешней на 164 год».

О даурах в этой книге, собственно говоря, имеются только две записи. Сообщается, что 11 июня 1655 г. в Комарский острог привезли ясак «дауры князец Лавкай с улусными людьми 10 соболей» и в тот же день «князец Цыпа челом ударил 40 соболей»[44]. Это известные нам даурские князцы лавкаевой группировки дауров — сам Лавкай и Чипа (ср. выше Чипин городок). Больше никакие дауры в этой ясачной книге не упоминаются. Все остальные плательщики ясака названы в ней дючерами и гиляками. Очевидно, к этому времени большинство дауров было уже выселено маньчжурским правительством с Амура и Зеи. Редакция заголовка этого документа, как мы видели, очень неудачна. Из нее можно заключить, что дауры жили по Амуру вплоть до устья Сунгари, тогда как их к 1655 г. на Амуре почти уже не осталось.

Приведем данные ясачной книги О. Степанова о собственно дючерах, помещенные после записей сбора ясака с дауров и до записей сбора ясака с предков нанайцев и ульчей, так называемых натков (табл. 200).

Дючеры, в отличе от натков (см. ниже) и особенно гиляков, платили ясак почти исключительно соболями, а не пластинами и шубами. В числе 1370 соболей, указанных ниже, всего одна шуба из восьми собольих пластин. Кроме того, нами включено в число соболей две лисицы.

Вышеперечисленные дучерские улусы можно разделить на три группы: расположенные на самом Амуре, расположенные на Сунгари

[40] ДАИ, т. III, стр. 55.

[41] О расселении гиляков в середине XIX в. см. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, стр. 13—17, 97—125. Река Учалда, на которой Нагиба и Уваров нашли гиляков и тунгусов, вероятно, р. Усальган, впадающая в залив Николая.

[42] См. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, стр. 123, 125.

[43] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, Ясачная книга даурские и дучерские и гилятцкие земли 163 года, лл. 30—60.

[44] Там же, л. 30.

Таблица 200

Список улусов дючеров по Амуру, Сунгари и Уссури, с которых собирал ясак Онуфрий Степанов в 1665 г.[45]

Дата	Местоположение	Улус	Имя лица, привезшего ясак	Уплачено ясака (в соболях)	Соответствующие селения в XIX—XX вв.
25 июня 1655 г.	«Усть-Шингалу»	Улиев	Тандури	42	
9 июля 1655 г.	«Усть-Ушуру»	Лунтигирский	Уулжа	40	
9 июля 1655 г.	На Амуре	«С дучерских людей»	Федор Пущин	10	
13 июля 1655 г.		Корчиев	Удахта	68	
13 июля 1655 г.		Кайчин	Дугдара	30	Коця (?)
13 июля 1655 г.		Киргизский	Анкай	5	
13 июля 1655 г.		Котуев	Унтава	13	
13 июля 1655 г.		Гарманиунский	Тенкеча	10	Гармаха
13 июля 1655 г.		Ывашиев	Талгала «с товарищи»	30	Куд-юрко
13 июля 1655 г.		Коргутский)			
14 июля 1655 г.		Синалейский	Толгауль	30	
14 июля 1655 г.		Кунгинский	Дендара	23	
14 июля 1655 г.		Дышинский	Чалбудая	22	Дырки (?)
14 июля 1655 г.		Канский	Алтала	10	
14 июля 1655 г.		Чирноуский	Шашалай	22	
15 июля 1655 г.		Ымдугинский	Устя (?) и Жендаря (?)	20	Кинпели
15 июля 1655 г.		Кингейский			
15 июля 1655 г.		Мулыгинский	Таня	16	
15 июля 1655 г.		Гимников	Кнуль	15	
16 июля 1655 г.		Кумынский	Учера	11	
16 июля 1655 г.		Коктырский	Ымкилей	10	
16 июля 1655 г.		Ехтырский	Кида	11	
16 июля 1655 г.		Керулейский	Кокурей	22	
17 июля 1655 г.		Дечинский	Дубчина Багавин . . .	30	
17 июля 1655 г.		Кирносский	Чалбада	30	
17 июля 1655 г.		Казицтов	Ыгина	10	

[45] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, Ясачная книга Он. Степанова 163 г., лл. 31—45.

Таблица 200 (продолжение)

Дата	Местоположение	Улус	Имя лица, привезшего ясак	Уплачено ясака (в соболях)	Соответствующие селения в XIX—XX вв.
17 июля 1655 гг		Колоцков	Губчега	14	
17 июля 1655 г.	«Из Ушуру»	Намдорский	Кочюка	20	Абдаре
17 июля 1655 г.		Губатиев (Каменный)	Ярфалай	36	Гайдье (?)
17 июля 1655 г.	«Против Каменного»	Конгунский	Черена	14	Хунгаре
22 июля 1655 г.		Наутеев	Минча и служилый человек И. Я. Дуда . . .	37	
23 июля 1655 г.		Датанский	Косуха	15	
23 июля 1655 г.		Тыргаев	Дугда	10	
23 июля 1655 г.	«Из Шингалу»	Нелбицкий	Курян	16	Нелбу
23 июля 1655 г.	«Из Ушуру»	Ыркунский	Хуйгада	10	
24 июля 1655 г.			Аргиды	8	
24 июля 1655 г.	»	Авунского	Аргач	10	Ауа
25 июля 1655 г.		Марвцкий	Кумиль	20	
25 июля 1655 г.		Морчавинский	Нангига	10	
25 июля 1655 г.		Юркунский	Якун	15	
26 июля 1655 г.	«Из Шингалу»	Киртинский	Усчанжа	20	
26 июля 1655 г.	»	Гобжайский	Кербаук	20	Джангджу
26 июля 1655 г.	»	Дачкиев	Кемена	7	
26 июля 1655 г.		Мошин	Елденя	11	Месур
26 июля 1655 г.		Маканьский	Чакунай	20	
26 июля 1655 г.		Укшиминский	Хат	10	Уксими (Ухсуми)
1 августа 1655 г.	«Против Шингалу в заостровке»	Ылгиев	Хондю	7	
1 августа 1655 г.	«Усть-Шингалу»	Холгиев	Матанай	12	Силби
1 августа 1655 г.		Ефофдергиев	Кенчакин	8	
1 августа 1655 г.	«В Шингале пониже Бражнова улусу»	Уксин	Буктора	9	
1 августа 1655 г.		Хотунский	Сендуга	10	Хотон-Гирин

Таблица 200 (окончание)

Дата	Местоположение	Улус	Имя лица, привезшего ясак	Уплачено ясака (в соболях)	Соответствующие селения в XIX—XX вв.
1 августа 1655 г.		Ягуский	Анюга	31	
1 августа 1655 г.	«В Шингале»	Футпев	Ыторей	10	Футыхэ
1 августа 1655 г.	»	Шербадаев	Содок	8	
1 августа 1655 г.	»	Аумпинский	Фенкорей	7	
7 августа 1655 г.	»	Могженсков	Нуряга	19	
7 августа 1655 г.	»	Усиов	Мокон	14	Сусу
8 августа 1655 г.	«В Шингале вверху»	Манзинский	Кекен	51	
8 августа 1655 г.		Ендонский	Инизга	20	Индамо
8 августа 1655 г.		Кирконский	Ковга	16	
8 августа 1655 г.	«В Шингале р. вверху»	«Повыше Манзинского ул.»	«Повешены на юрте» . .	12	
8 августа 1655 г.	«В Шингале ж»	Бандинский	Комжок	18	
17 августа 1655 г.	«В Шингале ж»	Фендерский	Фенчюка	9	
17 августа 1655 г.	«В Шингале ж»	«Повыше Манзинского 3 двух ул.»	«Оставлены в улусе» .	22	
17 августа 1655 г.	»	Меенский	Усянка	14	
17 августа 1655 г.	«В Шингале»	Фанский	Урмака	10	
17 августа 1655 г.	»	Буян	Арманкан	22	
17 августа 1655 г.	«В Шингале»	Камлымский	Шенкына	28	
25 августа 1655 г.	«С Ушуру з Быки реки»	Куби	Мамакан	8	
27 августа 1655 г.	«С Ушуру с усть Норы»	Уми Чагда	Кубага Карга	30	Дума (?)
27 августа 1655 г.	«С Ушуру сверху»	Маги	Панша	8	
27 августа 1655 г.	«С Ушуру»	Касукин	Набой	8	
29 августа 1655 г.		Тумалинский	Тагун и Лунчега . . .	53	
29 августа 1655 г.		Чолтурский	Тутулай	20	
29 августа 1655 г.		Ерулусков	Мерегуй	30	
29 августа 1655 г.		Рухцамисков	Енсей	12	
29 августа 1655 г.		Маканских	Тута	8	
29 августа 1655 г.		Муйра	Танбуда	5	
29 августа 1655 г.		Буринсков	Уксита	8	Бури
			Всего . . .	1370	

(Шингале) и расположенные на Уссури (Ушуре). Уссурийские дючеры заплатили 17 июля 20 соболей, 23 и 24 июля — 28 соболей, 25 и 27 августа — 54 соболя, т. е. всего 102 соболя.

Сунгарийские дючеры заплатили 23 июля 16 соболей, 26 июля — 47 соболей и 1, 7, 8 и 17 августа — 330 соболей. К сунгарийским дючерам мы относим улусы Хотунский, Ягуский, Ендонский, Киркопский, Бандинский, о которых прямо не сказано, что они были расположены на Сунгари. Но названия некоторых из этих улусов похожи на названия населенных пунктов, существовавших на Сунгари в XIX в. В общей сложности с Сунгарийских дючеров Степанов взял 377 соболей.

Остальные 891 соболя Степанов, очевидно, взял с дючеров, живших по Амуру ниже Малого Хингана вплоть до местности, где находится современное с. Сарапульское (Уксуми). Исходя из обычных окладов ясака у некоторых других народов южной Сибири, например бурят, а также из окладов гиляков (см. ниже), можно предполагать, что Степанов брал по одному соболю с плательщика ясака. Можно предполагать также, что численность дючеров после похода Хабарова в 1651 г. несколько уменьшилась. Округляя цифры, можно считать, что эта группа амурских дючеров насчитывала около 1000 плательщиков ясака (всего 4 тыс. чел. населения) [46]. В низовьях Сунгари было, очевидно, около 500 плательщиков ясака (всего 2 тыс. чел. населения), а на Уссури — до 150 ясачных дючеров (всего 600 чел. населения).

Как известно, Онуфрий Степанов уже в 1654 г. жаловался, что часть населения Амура «сошла» по повелению «Богдойского царя» на Наун (Нонни, приток Сунгари) [47]. Мы предполагаем, что к 1654 г. «сошли» на Наун дауры и гогули (верхние дючеры). Как мы видели, они действительно отсутствуют в ясачной книге Степанова за 1655 г. Но остальные дючеры в 1655 г. еще оставались на Амуре. То обстоятельство, что Степанов в 1654 г. говорит об уходе дауров и дючеров именно на Наун, тоже может свидетельствовать в пользу предположения, что ушли не все обитатели Амура, а лишь дауры и гогули. Для дауров и гогулей Наун являлся ближайшим тылом, и совершенно естественно, что они были уведены именно сюда. Но не было никакой необходимости уводить на Наун дючеров, живших на Амуре ниже Малого Хингана и на Уссури. И действительно, в 1656 г. дючеры «с Великия реки Амура и снизу Шингалу реки» были «сведены» в другое место, а именно вверх по Сунгари на р. Мудан-цзян («Кургу», Хурху). Поэтому, когда летом 1656 г. Онуфрий Степанов вернулся с зимовки в Косогорском остроге, находившемся в низовьях Амура, обратно в район устьев Уссури и Сунгари, он нашел только немногих дючеров, которые остались здесь [48]. Именно эти дючеры — «остальцы» — и вошли, вероятно, в дальнейшем в состав гольдов. Однако в 1655 г., когда Степанов собрал последний ясак с собственно дючеров, живших по Амуру ниже Малого Хингана, по Уссури и в низовьях Сунгари, все эти дючеры были еще на месте, и можно предполагать, что они все, или почти все, заплатили ясак.

О гогулях Хабаров, как указано выше, сообщал, что их 120 улусов, в среднем по 10 юрт в улусе. Исходя из указанного выше соображения, что здесь могли быть и пустые юрты, будем считать, что гогули жили в двух третях этих юрт, по пять человек в юрте. Тогда получится, что всего гогулей (верхних дючеров) было около 4 тыс. чел. Эта цифра соответствует

[46] По Хабарову, в одном только Манзинском улусе на Сунгари было до 2 тыс. юрт (ДАИ, т. III, стр. 367). По вышеприведенным данным Степанова, о сборе ясака, в этом улусе вряд ли было больше 125 плательщиков ясака. Вероятно, население Манзинского улуса, самого верхнего улуса на Сунгари, достигнутого русскими, было обложено ясаком неполностью.

[47] См. ДАИ, т. III, стр. 526.

[48] См. ДАИ, т. IV, стр. 82.

примерно и величине территории, занятой гогулями вдоль Амура по обширной плодородной Зейско-Буреинской равнине. Гогули были оседлым, земледельческим племенем, и такая их численность не кажется преувеличенной. В отличие от дауров, у гогулей, как и у остальных дючеров, не было городков и жили они родами [49]. Нам известны лишь имя князца гогулей Тоенчи, имена его братьев Ортока и Есюня и имя главы улуса Киланa [50]. Известно, что Тоенча платил ясак со 100 чел. и заплатил всего 127 соболей. Таким образом, всего населения в его улусе было, вероятно, человек 500. Тоенча со своим родом в 1653 г. взялся было отвезти в Маньчжурию русского посланника Третьяка Ермолина, но вместе с Киланом убил Ермолина и его спутников. В 1654 г. Тоенча перестал платить ясак. Тогда же, по-видимому, он был вместе с другими верхними дючерами и даурами переселен маньчжурскими властями на Нонни.

Общая численность дючеров, с которыми русские вступили в контакт на Амуре в 50-х годах XVII в., приведена в табл. 201.

Таблица 201

Численность дючеров по их основным группам

Группировка	Плательщиков ясака	Всего населения
Верхние дючеры (гогули)	1000	4000
Нижние дючеры на Амуре	1000	4000
Дючеры низовьев Сунгари	500	2000
Уссурийские дючеры	150	600
Всего	2650	10 600

Дючерами (гогулями) по происхождению была, вероятно, и большая часть населения Гогульской волости, жившей на Зее. Из 200 плательщиков ясака этой волости по крайней мере 100 было дючерского происхождения. Таким образом, общее число дючеров на Амуре в XVII в., возможно, составляло около 11 тыс. чел., а дауров (без одаурившихся тунгусов и гогулей) — около 9 тыс. чел. Кроме того, на Амуре и Зее было примерно 1700 одаурившихся тунгусов. Получается, что на верхнем Амуре и Зее в XVII в. до прихода русских дауры были наиболее активным этническим элементом, поглощавшим как тунгусов, так и дючеров (маньчжур) [51].

Переходим к предкам нанайцев и ульчей — к наткам.

Выделить натков в ясачной книге Онуфрия Степанова 1655 г. мешает то обстоятельство, что Степанов под названием дючеров объединял и собственно дючеров и натков. Тем не менее можно считать, что дючерские улусы, с которых Степанов собирал ясак с 30 августа по 24 сентября 1655 г. были именно натскими, а не собственно дючерскими. Записи сбора ясака с этих улусов непосредственно предшествуют записям ясачного сбора с гиляков. По-видимому, Степанов медленно спускался вниз по Амуру на зимовку и по пути собирал ясак с населения его берегов. Главное затруднение представляет определение верхнего по Амуру рубежа натков. Как указывалось выше, и В. И. Огородников, и А. Н. Липский, и А. М. Золотарев считали рубежом между собственно дючерами и натками район

[49] См. ДАИ, т. III, стр. 55.

[50] См. там же, стр. 358, 526.

[51] О родовом составе приамурских маньчжуров (дючеров) общие сведения имеются в статье Е. П. Лебедевой «Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII века» («Ученые записки Ленинградского педагогического ин-та им. А. И. Герцена», т. 132, 1957, стр. 69—110).

современного с. Сарапульского, расположенного на Амуре на полдороге между устьями Уссури и Дондона (Анюя) на месте старого дючерского, а затем нанайского сел. Уксуми. В ясачной книге Степанова под датами 25 и 27 августа записан ясак с Уссури (вероятно, он находился тогда в устье этой реки), а под датой 29 августа — ясак с семи каких-то улусов, очевидно, расположенных по Амуру ниже устья Уссури, т. е. еще в пределах территории настоящих дючеров. Затем, с 30 августа, начинается сбор с «дючеров», многие названия улусов которых совпадают с названиями современных нанайских и ульчских селений. При этом самые верхние из улусов, сбор ясака с которых начался 30 августа, были расположены как раз немного ниже того места, где находится в настоящее время с. Сарапульское. В табл. 202 приведены данные Степанова о сборе ясака с «дючеров» — предков нанайцев и ульчей,— начиная с 30 августа 1655 г.

Таблица 202

Список улусов предков нанайцев и ульчей, с которых собирал ясак Опуфрий Степанов в 1655 г.[52]

Дата	Улус	Имя лица, привезшего ясак	Уплачено ясака (в соболях)	Соответствующие гольдские и ульчские селения в 1855 г. (по Шренку)
30 августа 1655 г.	Болинский	Конгона . . .	50	Оз. Болан (?)
30 августа 1655 г. / 10 сентября 1655 г.	Шаргунский (Шергунский)	Понгунай (Пунгуной)	78	Саргу
30 августа 1655 г.	Мая	Гогун	51	Маи
30 августа 1655 г.	Ачанский	Даудака . . .	45	Амча
30 августа 1655 г.	Чюланский	Мукза	44	Цоляци
30 августа 1655 г.	Дифунский	Нинзвуна . .	10	Дзифу
30 августа 1655 г.	Кодосунский	Онбула . . .	6	Када-сэндэ
30 августа 1655 г.	Низырский	Язявка . . .	52	?
30 августа 1655 г.	Хуминский	Унтура	20	Хоме
30 августа 1655 г.	Пагинский	Тунтыня . . .	40	Пахале
30 августа 1655 г.	Чежурский	Худы	44	Джаро
18 сентября 1655 г.	Чажинский	Урюгин . . .	31	Джан
18 сентября 1655 г.	Чегадынский	Чонда	44	?
18 сентября 1655 г.	Атузинский	Чогомамня . .	40	?
18 сентября 1655 г.	Мунгулинский	Авалехан . .	52	Монголе
18 сентября 1655 г.	Ынгонский	Куянга . . .	33	?
18 сентября 1655 г.	Чаушинский	Таюргися . .	20	Чючя
18 сентября 1655 г.	Кизинский	Тонтона . . .	60	Кидзи
24 сентября 1655 г. / 6 февраля 1656 г.	Баранский (Барачинский)	Лавсанга . . .	91	?
		Всего	811	

Разделение этого списка натских улусов на платившие 30 августа и 10 сентября и на платившие 18 и 24 сентября совпадает с позднейшим разделением маньчжуроязычных народов нижнего Амура на нанайцев и ульчей. Поэтому и мы первые 11 улусов этого списка будем считать верхненатскими предками нанайцев, а остальные восемь улусов — нижненатскими предками ульчей. Численность ясачных верхних натков, исходя

[52] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, Ясачная книга Он. Степанова, 163 г., л. 45—51.

только из данных Степанова, можно определить примерно в 500 чел. (всего 2 тыс. населения) [53], а численность ясачных нижних натков — в 375 чел. (всего 1500 чел. населения).

Как мы знаем, Степанов назвал натков дючерами. С другой стороны, предков ульчей, нижних натков, Поярков смешивал с гиляками. Нам кажется, что в верхних натках, предках нанайцев, мы действительно имеем дючеров (маньчжуров), только не земледельцев, а рыболовов и охотников. Такие северные охотничье-рыболовческие отпрыски давали многие народы Центральной, Средней и Северной Азии, например угры, кеты, якуты. Наоборот, нижние натки, предки ульчей, видимо представляли хотя и дючерский (маньчжурский) по языку народ, но по своему происхождению смесь аборигенов низовьев Амура (гиляков) с тунгусами и даже айнами, лишь подвергшуюся дючерскому влиянию.

Переходим к гилякам нивхам. В табл. 203 приведен список их улусов и количество собранного с них ясака.

Таблица 203

Список улусов-гиляков, с которых собирал ясак Онуфрий Степанов в 1655 г.

Дата	Улус	Имя лица, привезшего ясак	Уплачено ясака (в соболях)	Соответственные гиляцкие селения в 1855 г. (по Шренку)
22 сентября 1655 г.	Махонский (Магонский)	Чакуп	152	Маго
11 апреля 1656 г.				
27 сентября 1655 г.	Кулкунский	Тензека . . .	99	Калго
27 сентября 1655 г.	Вачажинский	Палача	137	Вайт
29 сентября 1655 г.	Ныкинский	?	117	Ныкки
29 сентября 1655 г.	Хезинский	Омисонко . .	313	Хессь
7 октября 1655 г.				
5 октября 1655 г.	Таупский	Кататр	69	Танги (Сахалин)
6 октября 1655 г.	Проминский	Вебажа . . .	48	Пронге
6 октября 1655 г.	Дутмытский	Сунега		Дуи (Сахалин)
6 октября 1655 г.	Тобохта	Дугда	49	Тебах
6 октября 1655 г.	Кунгуданков	Пихаля . . .	80	
11 октября 1655 г.	Чагаданский	Техта	85	Чангни (Сахалин)
11 октября 1655 г.	Лагаданский	Негда	21	Лавгр
11 октября 1655 г.	Тахтынский	Паталаг . . .	109	Тахта
11 октября 1655 г.	Меунский	Чернин . . .	84	Мэо (Куегри)
21 октября 1655 г.	Маганзясково	Кахтанай . .	50	Мангаль (Сахалин)
21 октября 1655 г.	Дебагонский	Плевуй . . .	33	
18 декабря 1655 г.	Коулинский	Нунуга . . .	79	Коль (Куль)
		Всего	1425	

В подлиннике этот перечень начинается так: «Сентября в 22 день 164 году взято государева ясаку з гилятцких люлей с Махонскова улусу с Чакуна». В записи от 6 октября 1655 г. указано, что ясак взят «с понизовных гилятцких мужиков з двух улусов с Проминскова да з Дутмытскова с Вебажи да с Супеги». Запись от 11 октября 1655 г. тоже содержит ука-

[53] Мы исходим из предположения, что Степановым были недоучтены некоторые группы верхних натков на Дондоне, Гарине и т. д. Учитывая также, что натки (ачаны) участвовали в столкновениях с отрядом Хабарова, мы увеличили численность верхних натков процентов на 10, т. е. человек на 200.

зание на то, что ясак взят «с понизовных гилятцких мужиков с Чагаданскова улуса с Техта.. да с другого улуса с усть Амуру с Лагаданского с Негды...» Последняя запись, от 18 декабря 1655 г., сформулирована так: «с Коулинскова улусу от Ламскова волоку с рубежу з гилятских мужиков с Нунуга...».

Очевидно эта последняя запись имеет в виду сел. Коль (Куль), которое и в XIX в. являлось крайним северным постоянным селением гиляков на материке [54]. Под «ламским волоком» подразумевается здесь переход от Амура к сел. Коль [55]. Следовательно, можно считать, что расселение гиляков к северу от устья Амура по берегу Охотского моря с середины XVII до середины XIX в. существенно не изменилось.

По Шренку, в середине XIX в. самым верхним гилякским селением по Амуру было Хьяре. Среди «дучерских» селений в ясачной книге Степанова имеются улусы Мунгулинский, уплативший 51 соболя, Кизинский, уплативший 70 соболей, Чажинский, уплативший 31 соболя, в названиях которых нетрудно узнать названия ульчинских селений Монголе, Кидзи и Джаи, расположенных по Амуру выше Хьяре. Следовательно, Степанов не включал ульчей в число гиляков. По Шренку, ниже Монголе было расположено еще четыре селения ульчей: Койм, Пуль, Тенча и Ухтр. Последняя перед гиляками запись Степанова о получении ясака «с дючеров» гласит: «...сентября в 24 день 164 году взято государева ясаку с парубеж[ных] дучерских мужиков з двух улусов с Баранскова улусу с Лавсанги». Всего было взято с этих порубежных «дючеров» (ульчей) 91 соболь. Вероятно, под двумя порубежными с гиляками «дючерскими» улусами Степанов имел в виду селения ульчей, расположенные ниже сел. Монголе, но выше Хьяре. Таким образом, в XVII в. граница между нижними натками и гиляками проходила там же, где проходила в XIX в. граница между гиляками и ульчами. Если даже предположить, что местность около ульчских селений XIX в. Ухтр и Тенча (Богородское) в XVII в. была гилякской, то и в этом случае граница гиляков на Амуре подвинется вверх всего на 20 км по сравнению с современной.

Поярков, проведший зиму 1644/45 г. в земле гиляков, дает такой список их улусов (табл. 204).

Таблица 204

Список улусов гиляков, с которых взял ясак Поярков в 1644—1645 гг.[56]

Улусы	Аманат	Князец	Число плательщиков ясака
Мингалский Гогудинский	Сельдюга	Сведений нет	100 150
Ончинский	Килема	» »	200
Калгуйские (5 улусов)	Кетюга	Доскина	250
Чагодальцы (4 улуса)	—	Чеготот Сенбурак . . .	300
Кулца	—	Муготтел	40
Кулца	—	Рыган	30
Тактинский	—	Узиму	100
		Всего	1170

[54] См. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, стр. 13.
[55] См. там же, стр. 111—112, прим. 5.
[56] ДАИ, т. III, стр. 55.

Под трех аманатов Пояркова взял 480 соболей и шесть собольих шуб. Считая, что в шубе в среднем по 20 соболей, получим, что он взял с 700 чел. всего 600 соболей. Следовательно, ясачный гиляк платил в среднем менее одного соболя.

Спутники Пояркова рассказывали, что «гиляками» они плыли по Амуру восемь дней, а «человек их больши тысечи» [57]. Таким образом, данные самого Пояркова и его спутников о численности гиляков совпадают. Но не следует забывать и то обстоятельство, что Пояркова смешивал гиляков и ульчей. Можно предположить, что из названных им «гилякских» улусов, некоторые являлись не гилякскими, а ульчскими. Название Мингулинского улуса Пояркова похоже на название Мунгулинского улуса у Степанова, а последний улус, как нами уже отмечено, несомненно, соответствует современному ульчскому сел. Монголе.

Общее количество гилякских улусов по Пояркову (14) очень близко к количесту гилякских улусов по Степанову (17). Большинство гилякских улусов Пояркова соответствует гилякским улусам Степанова и современным гилякским селениям. Так, Калгуйские улусы Пояркова соответствуют Кулкунскому улусу Степанова и современному гилякскому сел. Калго. Чагодальцы Пояркова соответствуют Чагаданскому улусу Степанова. Оба Кулца улуса Пояркова соответствуют Коулинскому улусу Степанова. При этом и число плательщиков ясака в обоих Кулца улусах Пояркова (70) близко к вероятному числу плательщиков ясака в Коулинском улусе Степанова (79) [58]. Тактинский улус Пояркова соответствует Тахтынскому улусу Степанова. Число плательщиков в этом улусе по Пояркову и Степанову почти совпадает (100 и 109).

Сопоставляя данные Пояркова и Степанова, можно предположить, что ясачные гиляки платили Степанову ясак по одному соболю с человека. Если это так, то всего Степанову заплатили ясак 1425 чел., что соответствует 5700 чел. всего гилякского населения. Поярков имел сведения всего о 1170 гиляках-мужчинах, что соответствует всего 4680 чел. населения. Разница между данными Пояркова и Степанова объясняется тем, что Поярков, очевидно, не имел данных о всех гиляках. Но о сахалинских гиляках Поярков знал. Выше мы привели его замечание, что гиляки живут «на море по островам». Спутники Пояркова тоже знали о сахалинских гиляках. «А от усть Амура реки до острова до гиляцково мерзнет, лед ставает вовсе. А на острову де рыбы много ж всякой и соболи де на острову у гиляков есть ж. А промышляют де они гиляки соболей на острову мало потому что де они гиляки ни с кем не торгуют» [59]. Знали спутники Пояркова и об айнах. «Да гиляки де сказывали им служилым людям: есть де подле море черные люди. А называют их де куями. А живут де они подле мори по правую сторону. А какой де у них товар есть и тово де они не ведают» [60].

Определяя численность гиляков в середине XIX в., Шренк, по нашему мнению, ошибся, предполагая существование большой (1040 чел.) группы гиляков на побережье Охотского моря. Имевшиеся у него данные о населении селений Куль (Коль), Абда, Ольг-во и Тэгль (всего 13 юрт) он произвольно увеличил в пять раз, предполагая, что существует цепь поселков гиляков от сел. Коль до Тугура [61]. На самом деле этих поселков не существовало ни в XVII в., когда сел. Коль было крайним, порубежным селением гиляков, ни в 1897 г.

---

[57] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 360 об.

[58] Если считать, что ясачные гиляки платили Степанову по соболю с человека (см. ниже).

[59] ЦГАДА, ф. 1177, ст. 43, л. 362.

[60] Там же, л. 361.

[61] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. II, ч. I. СПб., 1899, стр. 56.

Используя современные данные о диалектах гиляков и их распространении [62] и учитывая происходившее переселение с материка на остров [63], можно считать, что в 1655 г. говоривших на сахалинском диалекте было около 1400 чел., а говоривших на амурском диалекте — примерно 4300 чел., в том числе на Сахалине около 800 чел.

Переходим к тунгусскому населению, жившему в бассейне Амура в пределах Албазинского уезда. Основными родоплеменными группировками амурских тунгусов были негидальцы (амгунские тунгусы), шамагиры, бирары, уиллагиры, манагиры (манегры). Кроме того, в документах XVII в. здесь упоминаются улясинцы, колтагиры, «четелкогиры» (агчакогиры), дилкагиры (современный ряд Дигр у шамагиров) и ряд родов у амгунских тунгусов (негидальцев), названия которых большей частью совпадают с названиями современных негидальских родов. Во второй половине XVII в., после основания Албазинского острова Никифором Черниговским, на территории Приамурья, как уже сказано, появились из Якутского и Нерчинского уездов тунгусы Киндигирского, Вакарайского («Украинского») и Почегорского родов.

Наши сведения о негидальцах и шамагирах XVII в. относятся к периоду 1681—1684 гг., когда отряды служилых людей из Удского острога и Албазина активно действовали на Тугуре и на Амгуни («Хамуне») [64]. От этого периода имеются сведения о родовом составе и численности амгунских и других приамурских тунгусов, которые приведены в табл. 205 в сравнении с данными переписей 1926 и 1897 гг. о названиях родов у негидальцев, самагиров и килэнов из бассейна р. Тунгуски.

Как видим, во многих случаях тождество родовых названий 1926, 1897 гг. и XVII в. очевидно. Поэтому остановимся лишь на тех случаях, когда наше отождествление требует объяснений.

Мы предполагаем, что название Орильский (по оз. Орель) относится к роду Тапкаль, так как названия всех остальных негидальских родов в XVII в. и в 1926 г. более или менее совпадают. К тому же род Тапкаль живет в низовьях Амгуни, т. е. недалеко от оз. Орель, где, очевидно, жил Орильской род XVII в. Название «Кидагирский» употребил албазинский служилый человек Фролов там, где удский приказчик Оксентьев употребил название Сикварский. Поэтому мы считаем, что название «Кидагирский» представляет описку (может быть, сделанную миллеровским копиистом) вместо Сигдагирский. Отождествления Тугочерский с Чомохогиль и Ошикагирский с Босакогиль, особенно первое, нас далеко не удовлетворяют, но соответствуют территориальному расположению этих родов. Босакогиль, как и Ошикагир, находился в верховьях Амгуни, а Чомохогил и Тугочер — в низовьях этой реки. Название «Чипчагир», конечно, только описка вместо Чукчагир. Род Муктэгил (Муктыгир) в XVII в. в число негидальских родов, как мы знаем, не входил. Мы его включили в эту таблицу, чтобы показать, что нами приняты во внимание все негидальские роды и что количество этих родов и в XVII в. и в 1926 г. совпадает.

Имеются данные служилых людей Филимона Щербакова и Ивана Бессонова о том, что всех тунгусов на Амгуни 12 [65] родов, в которых людей «сот с пять и больше» [66]. Будем считать, что в общей сложности ясачных

---

[62] См. Е. А. Крейнович. Нивхский (гиляцкий) язык. Языки и письменность народов Севера, Ч. III, М.—Л., 1954, стр. 182—183.

[63] См. Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 15—17.

[64] См. ДАИ, т. VIII, стр. 178, 183; т. X, стр. 342, 346; т. XI, стр. 202; т. XII, стр. 97—99; ЦГАДА, ф. 214, кн. 64, л. 473; стр. 986, л. 89.

[65] У нас, без муктыгирей, получается 11 родов. Но может быть, что служилые люди считали алчакагиров в числе амгунских тунгусов.

[66] ДАИ, т. VIII, стр. 183.

Таблица 205

Родовой состав и численность негидальцев, самагиров и живших на р. Тунгуска киланов в 80-х годах XVII в. и в 1897 и 1926 гг.[67]

Название рода в XVII в.	Численность		Название рода в 1926 и 1897 гг.	Численность населения	
	плательщиков ясака	всего населения		1926 г.	1897 г.
Адатыгир	Сведений нет		Хатагил	—	Св. нет
Сиквар («Кидагирский»)	»	»	Сигдан	—	» »
Тугочерский	»	»	Чомохогил	29	» »
Орильский (Орлинский)	15	60	Тапкал	20	» »
Ударский (Удагир)	10	40	Удан	18	» »
Нашикагир	20	80	Няспхагил	110	» »
Уюмкан (Амьконский)	30	120	Аюмкан	88	» »
Чюкчагир («Чипчагир»)			Чукчагыл	48	» »
Торомкан			Торомкон	10	» »
Амкагир	Сведений нет		Амункан	10	» »
Ошикагир	»	»	Босакогил	1	» »
Муктыгир	23	90	Муктэгил	7	» »
			Всего	341	369(423)
Шамагир	100	400	Самагир	280	275(425)
Дилкагир (Нагачский)	50	200	Дигр	31	83(129)
Четелкогир (Дукпинский)	30	120	Олчакогил (Алчака)	11	Св. нет
—	—	—	Аймука (Айнуканский)	48	2
—	—	—	Тумали	4	13(161)
			Всего	374	374
[Ю]камский	40	160	Юкаминкан (Мофа)	Св.нет	49(76)
—	—	—	Дупкан	» »	76(128)
—	—	—	Удыкан	» »	46(46)
—	—	—	Бэльды	» »	46(929)
—	—	—	Прочие	» »	28
			Всего		245

предков негидальцев (амгунских тунгусов) в XVII в. было 125 чел. (всего 500 чел. населения), т. е. столько, сколько их насчитывали Филимон Щербаков и Иван Бессонов.

В XVII в. роды Аймука и Тумали в составе тунгусов, предков современных самагиров, наверное отсутствовали [68]. Сопоставление самагиров и

[67] Данные за 1926 г. заимствованы из статей К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус «Материалы по исследованию негидальского языка» (Тунгусский сборник, 1, Л., 1931, стр. 110), Н. Г. Каргера «Отчет об исследовании родового состава населения р. Гарина» (Гарино-амгунская экспедиция 1926 года, Л., 1929, стр. 21); данные за 1897 г. взяты из труда С. К. Патканова, «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» (СПб., 1906, ч. I, вып. 2, стр. 109, ч. II, стр. 56—57, 146, 152). Цифры за 1897 г. без скобок означают численность негидальцев на Амгуни, самагиров на Гарине и гольдских родов в бассейне Тунгуски. Цифры за 1897 г. в скобках означают общую численность членов соответствующих групп (родов) независимо от места их проживания. Орочи с Тунгуски в эту таблицу не включены.

[68] См. Н. К. Каргер. Отчет об исследовании родового состава населения бассейна р. Гарина. Л., 1929, стр. 11, 12. Ср. Тумалинский улус в списке дючерских улусов у Онуфрия Степанова.

шамагиров в объяснении не нуждается. Несомненным кажется нам и сопоставление Дигр (у Патканова Диэр и Дигэр) и Дилкагир. Сопоставление Олчакогил (Алчакагир, Алчака) и Четелкогир, конечно, не вполне может нас удовлетворить. Однако совокупность остальных данных о родах негидальцев и самагиров делает сопоставление Олчакогил и Четелкогир пока единственно возможным. О роде Олчакогил (Алчакагир) и в современной этнографической литературе данные очень сбивчивы.

Численность самагиров Ивану Бессонову определили в 100 мужчин ясачного возраста, т. е. всего в 400 чел. населения. Относительно численности дилкагиров и четелкогиров никаких данных нет. Но как видно из табл. 205 мы предполагаем, что Дилкагирский род Фролова соответствует Нагачскому роду Бессонова, а Четелкогирский род Фролова — Дукинскому роду Бессонова. Число же плательщиков ясака в Нагачском и Дукинском родах нам неизвестно. Приведем некоторые доказательства в пользу отождествления Дилкагирского и Четелкагирского родов с Нагачским и Дукинским.

Название Нагачского рода по предположению А. Н. Липского, высказанному в личной беседе с нами, происходит от названия сел. Наан на Гарине. Действительно, у Патканова это селение фигурирует под названием Наага, а у Шренка — Нгага [69]. По переписи 1897 г., Наага — самое большое (98 чел.) самагирское селение на Гарине, в котором жила почти четверть всего населения, заселявшего берега этой реки. Очевидно, под названием Нагачского рода в XVII в. было известно население бассейна Гарина. Это был, вероятно тунгусский род Дилкагир, предок современного нанайского рода Дигр.

Алчакагиры (олчакогили, алчака), по Каргеру, перешли на Гарин от негидальцев с верховьев Амгуни сравнительно недавно [70]. Видимо, и алчакагиры жили в верховьях Амгуни. В верховьях же в Амгунь впадает река Дуки, в устье которой в XVII в. находилось зимовье отряда Г. Фролова, поэтому и называвшееся Дукинским. Таким образом, у нас все основания предполагать, что алчакагиры (олчакогили, алчака, «четелкогиры») могли быть известны в XVII в. также и под названием Дукинского рода по своему местожительству. Против такого предложения может быть сделано, однако, одно существенное возражение. Дело в том, что по данным К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус дукинским (Дукинкан) как будто называется современный негидальский род Амункан [71], а не род Алчакагир. Но, с другой стороны, эти же авторы приводят предание, согласно которому роды Амункан и Дукинкан — это различные роды. Из этого же предания явствует, что род Дукинкан жил на р. Дуке раньше, чем здесь появился род Амункан [72]. Поскольку название Дукинкан чисто территориальное и означает дословно «обитатель Дуки, дукинец», то его в разное время могли иметь разные роды лишь потому, что они обитали на речке Дуке. Мог это название иметь и род Алчакагир, когда он жил в бассейне верховьев Амгуни. Может быть, тот род Дукинкан, который фигурирует в вышеупомянутом предании, записанном Мыльниковой и Цинциус, был именно род Алчакагир. В общем мы склоняемся к предположению, что в XVII в. род Алчакагир, как и род Муктегир, еще не входил в число родов негидальцев (амгуньских тунгусов), а представлял самостоятельно существовавший тунгусский род, живший в верховьях Амгуни и известный под названием Дукинского.

---

[69] См. С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. III, СПб., 1912, стр. 996; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, стр. 34.

[70] См. Н. К. Каргер. Отчет по исследованию родового состава реки Гарина, стр. 6—7, 10—11, 14.

[71] См. Тунгусский сборник, стр. 124, 113.

[72] См. там же, стр. 121.

Что касается родов «килэнов» бассейна р. Тунгуски (Кура и Урми), фигурирующих в табл. 205, то род Бэльды, конечно, представляет поздних выходцев из гольдов (нанайцев) долины Амура. Так называемые «прочие», жившие в 1897 г. на Тунгуске, главным образом в сел. Уликэ (Улька), по устному свидетельству А. Н. Липского, принадлежали тоже к родам Юкаминкан, Дункан и Удынкан. Род Мофа, отмеченный здесь переписью 1897 г. (всего 10 чел.) также представлял, по данным Липского, лишь подразделение рода Юкаминкан и в табл. 205 нами объединен с последним. Название рода Удынкан несомненно связано с названием негидальского рода Удан (Удагир), происходящего из района оз. Удыль.

Из табл. 205 видно, что мы отождествляем современный род Юкаминкан с родом, жившим на р. Амгуни, который служилый человек Иван Бессонов в 1681 г. называл «Камский» [73] и название которого, по нашему предположению, надо читать «[Ю]камский». В предании, записанном К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус, рассказывается, что многочисленный род Юкомиль жил в древности на верховьях Амгуни и что, в частности, около устья притока Амгуни Баджал находится брошенная деревня юкомилей Улоджа. Рассказывается также о войнах юкомилей, живших в верховьях Амгуни, с лалэгирами (т. е. лалагирами) [74]. Таким образом, род Юкомиль (Юкамский, Юкаминкан) связан именно с тунгусским миром, с верховьями Амгуни, а не с Амуром, и мы имеем основания включить его в состав тунгусских родов, живших по соседству с Амуром. Из вышеизложенного понятно, почему Иван Бессонов включил [Ю]камский роды, как и Нагачский, в состав населения Амгуни. Видимо, эти роды действительно когда-либо жили на Амгуни или по крайней мере были связаны с тунгусским населением Амгуни и Буреи и в этническом и социально-экономическом отношении.

Род Дункан в известных нам материалах XVII в. не упоминается. Название его, очевидно, восходит к названию «дунькан», как, по данным Н. А. Липской, негидальцы называют живущих в горах «внутренних» тунгусов [75]. Я. Линденау указывал, что название дункан в районе Удского острога относилось к оленным тунгусам, которые держатся в горах [76]. А. Н. Липский характеризует название дункан (донкан, дуонкан и т. д.) как тунгусский синоним нанайского названия килэн [77]. Так или иначе, это название кочевых тунгусов-оленеводов, которыми были, вероятно, предки этого рода. Уже в 1897 г. роды Дункан и Юкаминкан, так же как потомки шамагиров и дилкагиров, были гольдскими (нанайскими). Гольдскими были они, вероятно, и в середине XIX в., во времена путешествия Шренка.

Если на карту нанести негидальцев (амгунских тунгусов) в нижнем и среднем течении Амгуни, алчакагиров (четелкогиров) — в верховьях Амгуни, дилкагиров (Нагачский род) — в бассейне Гарина, юкомилей (Юкамский род) — в бассейне Тунгуски (Кура и Урми), шамагиров (самагиров) — в бассейне р. Буреи (Нюмана), то останется пустое место по Малому Хингану в верховьях рек Биры и Биджана. Мы предполагаем, что именно здесь кочевали «горные», «внутренние», тунгусы «дункан» до того, как они осели в бассейне Тунгуски и были ассимилированы нанайцами. Это предположение подтверждается следующим обстоятельством. По Широкогорову, в составе тунгусов бирарченов (бираров), живущих в настоящее время на правобережье Амура ниже устья Зеи и выше устья Сунга-

[73] См. ДАИ, т. X, стр. 342.

[74] См. Тунгусский сборник, стр. 121—122.

[75] См. Н. А. Липская. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанаев (гольдов). «Советская этнография», вып. III, 1940, стр. 251.

[76] См. «Историк-марксист», 1938, № 2, стр. 75.

[77] См. А. Н. Липский. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура. Первый туземный съезд ДВО, Хабаровск, 1925, стр. XI и сл.

ри, главным образом против устья Буреи, имеются роды Дунагир и Дунаир (Дунанкан) [78]. По-видимому, здесь мы имеем разные варианты названия одного и того же рода. Этот же род, очевидно, вошел в состав килэпов у панайцев под названием Дункан. Поскольку бираречены на правобережье Амура образовались из выходцев с левобережья Амура, живших еще в середине XIX в. главным образом в бассейне Буреи, а в XVII в.— в бассейне Зеи, то существование у тех же бираречев рода Дунагир (Дунаир, Дунанкан, Дункан) может служить свидетельством того, что где-то по соседству с бассейном Буреи в XVII в. жил и род Дункан (Дунагир). Область по Малому Хингану в верховьях Биры и Биджана отвечает этому условию и объясняет само название этих тунгусов: «дункан» — «горные», «внутренние».

Исходя из размеров территории, которая приходится на долю этой группы тунгусов, и сообразуясь с численностью других тунгусских родов в этом районе, мы предполагаем, что в роде тунгусов, жившем по Малому Хингану, в бассейнах Биры и Биджана было около 30 трудоспособных мужчин (всего до 120 человек населения).

Конечно, в начале название «дункан» являлось нарицательным и лишь впоследствии кое-где из него образовались собственные имена — названия отдельных родов.

Остается неясным вопрос, существовала ли в XVII в. какая-либо особая группа эвенков — предков килэпов («Киленского рода») на оз. Болонь или тогда там жили патки — предки собственно панайцев. Мы предполагаем, что под Болинским улусом в ясачной книге Онуфрия Степанова имеется в виду население берегов оз. Болонь, и поэтому включаем район этого озера в территорию патков. Вероятно, предки килэпов — эвенки района оз. Болонь — переселились сюда позже, примерно тогда же, когда намагиры поселились на Гарине и когда, видимо, происходило, с одной стороны, массовое проникновение эвенков в панайскую среду, а с другой, как уже указывалось выше,— продвижение панайцев вверх по Амуру, Сунгари и Уссури на территорию, освобожденную дючерами.

Переходим к тунгусам-оленеводам бассейна Зеи, к бирарам (мокогирам), уиллагирам и манягирам (манеграм). Территория бираров в XVII в. вырисовывается вполне определенно. Это верховья Селемджи, включая р. Быссу, истоки Уда и верхняя часть бассейна р. Шевли, притока Уда. Бассейн самой Зеи в территорию бираров не входил. Под зейскими тунгусами подразумевались, видимо, уиллагиры (см. ниже). Численность бираров можно определить в 100 трудоспособных мужчин (всего 400 чел. населения). В XVII в. бирар называли также тунгусами Мокогирского рода [79]. Возможно, в XVII в. у бираров был и род Гурагир [80].

Шренк первый обратил внимание на то, что Поярков характеризовал бираров как оленных тунгусов, а сын боярский Игнатий Милованов — как конных, и высказал предположение, что за время с 1643 по 1682 г. бирары превратились из оленных тунгусов в конных [81]. Но по крайней мере часть бираров была оленеводами и в 1680 г. Здесь дело, вероятно, в том, что по

[78] См. S. M. Shirokogoroff. Social organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1933, p. 130—131.

[79] См. ДАИ, т. III, стр. 53; т. VII, стр. 369—371; т. VIII, стр. 174—175, 331; т. IX, стр. 214—215; т. X, стр. 236, 260, 349, 356; т. XI, стр. 202, 217, 218, 220—221; т. XII, стр. 6; ЦГАДА, ф. 214, кн. 64, л. 473.

[80] В ДАИ (т. VIII, стр. 174—175) сказано: «Боярского и Мокогирского родов» и «Буярских тунгусов». Но, возможно, здесь допустили ошибки конписты, так как этот документ имеется лишь в Миллеровской копии. Вместо «Боярского» и «Буярских», вероятно надо читать «горатирского» или «гурагирских». Если среди бираров был род Гурагир, то этим может быть объяснено и упоминание о «гурагирах»-бирарах у Миддендорфа. Широкогоров нашел род Гурагир у соседей бираров — у кумарченов.

[81] См. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I. СПб., 1883, стр. 182.

Пояркову, в низовьях Селемджи жили роды «Турчан» (Гурагир?), Ежегун и Дулан. Последний охарактеризован Поярковым как «пашенные тунгусы». Видимо, лошади были и у «Турчанского» и у Ежегунского рода. Может быть, под конными бирарами в 80-х годах XVII в. имелись в виду именно эти конные тунгусы низовьев Селемджи, в том числе род «Турчан» (Гурагир).

Главными родами современных бирарченов являются, по Широкогорову, Мокогир и Макагир и ответвление последнего Малакул. Мокогир и Макагир представляют, видимо, варианты одного и того же названия. Род Мокогил, упоминаемый в преданиях негидальцев [82], тоже, вероятнее всего, представляет не Макагирский род из района Аяна, а бирарский род Мокогир, который существовал у бираров уже в XVII в. Возможно, конечно, что род Макагир в районе Аяна произошел от бирарского рода Мокогир.

В 1642 г. лалагирский князец и шаман Томканей рассказал в Якутске воеводе П. П. Головину, что за волоком с Алдана на Зию, не доходя «хлебных сидячих людей» (дауров), живет «улагирев 100 человек, лутчие люди у них Гаргани шаман да Нирбута» [83]. В это время уиллагиры соседили с лалагирами и подвергались их нападениям. Поярков сообщил в 1643 г., что по притоку Зеи Бряпде (современная Бряпта) «живут тунгусы оленные Уллагири» [84].

Если к сказанному добавить, что на притоке Зеи Гилюе, видимо, кочевали манагиры (манегры), то в территории уиллагиров остается бассейн верховьев Зеи, выше устья Гилюя. Можно также считать, что, судя по размерам сбора ясака в верховьях Зеи, ясачных уиллагиров было меньше сотни, вероятно около 80 чел. (всего примерно 320 чел. населения). Томканей (см. выше), по-видимому, несколько преувеличил их численность.

Мы знаем, что в 1655 г. манагиры во главе с Петрушкой (Ламой), придя с р. Нюгжи, разгромили вакараев (улясинцев), плативших ясак в Тунгирское зимовье [85].

Служилый человек Василий Терентьев в 1676 г. был послан «верх Зеи реки на Гилюй реку», чтобы «призывать Наугирей оленных тунгусов Петрушкина роду» [86]. Под «наугирами» здесь имеются в виду именно манагиры, так как Петрушка (Лама) был манагирский князец. Очевидно, здесь или искажение в подлиннике, или ошибка миллеровского копииста.

Таким образом манагиры были оленеводами, кочевали по Нюкже и Гилюю и по соседству с даурами Лавкая за волоком с Нюкжи на Амур, заходя также на Тунгир. Численность их можно определить в 120 («человек сто и больши») трудоспособных мужчин (всего 480 чел. населения).

По Мааку и Шренку, в середине XIX в. манагиры жили на Амуре от Олдоя до Зеи и в бассейне Зеи, т. е., они как и бирары, несколько подвинулись на юго-восток.

Нам приходилось упоминать о «распросных речах» тунгуса Вакарайского рода Некшака. Приведем его сообщение о известном ему тунгусском населении «Шилки» (Амура): «И тынгусов на Шылке по обе стороны много. А от Лавкая де и братьи ево около первые люди за Шилским волоком род Манагиры князец Едита да Лама, а другое имя ему Петрушка. Другой род Цяцяганы. Третей род Колтогири, а лутчей у них человек князец Утяга, а другой князец Уюма. Четвертой род Итигагиры князец Леттяга, а другой Балра. Пятой род Шамагири, а лучим людем имяя не знает, а людей у них много. Шестой род Атикатири князец Немелка. Седь-

[82] См. Тунгусский сборник, стр. 116—118, 201—207.
[83] Чтения в О-ве истории и древностей..., 1861, кн. 1, отд. V, стр. 3.
[84] ДАИ, т. III, стр. 51; см. также т. VII, стр. 369; т. VIII, стр. 174—175; т. IX, стр. 220; ДАИ, ф. 21, оп. 4, № 29, лл. 63, 67.
[85] ЦГАДА, ф. 214, кн. 355, л. 643 об.
[86] ААН, ф. 21, оп. 4, № 29. л. 64.

мой род Лавлагири князец Микирца, другой князец Сидика. И те роды тунгусские живут меж Шилским волоком и дауры» [87].

На основании этих «распросных речей» в июне 1648 г. из Якутска были посланы «памяти» служилым и промышленным людям, находившимся в бассейне Олекмы, чтобы они брали с этих родов аманатов. В «памятях» указывалось, что эти роды «живут... меж Олекменским и Шилским волоком и дауры и вверх Олекмы и на Витимских вершинах». В ней была сделана также оговорка, что с Киндигирского и «Пучеганского» родов аманатов брать не следует, так как их аманаты уже имеются в Комкосском (Чаринском) зимовье. Названия родов в этом документе транскрибированы так же, как и в предыдущем, только вместо «Итигагиры» написано «Тигагирского» [88].

Попытаемся установить, какие известные нам родовые группы тунгусов перечислены Некшаком. Манагиров мы знаем. Шамагиры — это зейские шамагиры с р. Деп. «Лавлагиры» — несомненно верхнезейские уиллагиры. «Цяцягины» — это, видимо, оленные почегоры («пачеганы») бассейна Нерчи и истоков Олекмы. «Итигагиры» или «Тигагиры» представляют, по всей вероятности, чильчагиров из бассейна Витима.

Остаются два рода: атикагиры и колтогиры. Атикагиров можно сопоставить лишь с лакшикагирами с верховьев Чары. Что касается рода Колтогир, то такой род (Колтагир) имелся среди конных нерчинских тунгусов, живших у устья р. Нерчи. Вряд ли Некшак имел в виду этих колтагиров, так же как и конных колтагиров из бассейна Аргуни. Потомками колтагиров, плативших ясак в Аргунский остров, являются, видимо, колтагиры (колдагиры, кулдугиры), живущие среди тунгусов-коневодов с Большого Хингана (мергенских тунгусов, по Широкогорову).

Но оленные колтагиры в районе Албазина действительно существовали в XVII в. В 1666 или в 1667 (175) г., т. е. примерно через год после возобновления Албазина в 1665 г. Никифором Черниговским, уже был взят в Албазинском остроге в аманаты сын оленного тунгуса «Колтагирского роду» и под него было получено 19 недособолей. В 1667 и 1668 (176) г. было собрано ясака 45 соболей и при этом указывалось, что «кругом де Албазинского острогу оленных тунгусов много и даурские де люди живут» [89]. Если считать, что в 1667—1668 гг. в Албазинский острог платили ясак лишь одни эти колтагиры и исходя из обычного оклада три соболя с ясачного тунгуса, то можно предполагать, что у этих колтагиров было около 15 плательщиков ясака (всего 60 чел. населения). О местожительстве этих колтагиров прямых указаний нет. Но известно, что весной 1650 г. даурский князец Лавкай рассказывал Хабарову о том, что дауров предупредил о походе Хабарова промышленный человек (Лавкай его ошибочно назвал казаком) Иван Квашнин. Этот Квашнин приходил «по Амазару реке к его Лавкаевым улусным людям, к Тунгусам, которые на него Лавкая рыбу ловят, а приходил де тот Ивашко казак к тунгусом трое тунгусов да он Ивашко четвертой человек» [90]. По ряду соображений мы считаем, что эти тунгусы-рыболовы на Амазаре были колтагирами.

На этом мы заканчиваем характеристику этнических групп, племен и родов, живших в середине XVII в. в бассейне Амура и плативших ясак русским. Но, как уже известно, после возобновления Албазина в 1665 г. в бассейне Амура появились некоторые новые роды тунгусов. Это были тунгусы Якутского, Нерчинского и Иркутского уездов Киндигирского, «Украинского» и Почегорского родов [91]. Они начали платить ясак в Ал-

[87] ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, стр. 10, л. 3.
[88] Там же, ст. 66, л. 146.
[89] ЦГАДА, ф. 214, стр. 1659, ч. 1, л. 23.
[90] ААН, ф. 21, оп. 4, № 25, лл. 71—74.
[91] Там же, лл. 413, 415; № 29, л. 63; ЦГАДА, ф. 214, ст. 1659, ч. 1, л. 315, кн. 675, лл. 123, 124; ДАИ, т. XII, стр. 4.

базин с 1673 г., а с конца 1683 г. были единственными тунгусами, платившими ясак в Албазинском уезде, так как описанные выше местные роды тунгусов с этого времени перестали платить ясак русским властям.

Поскольку тунгусы Киндигирского, «Украинского» и Почегорского родов, платившие ясак в Албазинском остроге являлись выходцами из Якутского, Нерчинского и Иркутского уездов и числились в этих уездах, то мы их не включаем в состав первоначального (к середине XVII в.) населения Приамурья (Албазинского уезда) и определяем родоплеменной состав и численность населения Албазинского уезда без этих трех родовых групп.

Остается сказать несколько слов о том населении части Приамурья и Сахалина, которое в XVII в. не входило в состав ни Российского, ни Китайского государств, но которое территориально и этнически было тесно связано с населением, платившим ясак Русскому государству, и в дальнейшем, в середине XIX в., вошло в состав Российского государства. Мы имеем в виду айнов южной части Сахалина, ороков Сахалина и предков орочей и удэгейцев, живших между низовьями Амура, Уссури и Японским морем.

Об айнах впервые упоминают спутники Пояркова (см. выше), слышавшие о них в 1644—1645 гг. Говоря о том, что эти «черные люди», куи, живут «подле моря по правую сторону», они, очевидно, имели в виду южную часть Сахалина. Именно в это время, в 1643 г., голландский мореплаватель де Фриз познакомился с айнами в заливах Анива и Терпения. Район залива Терпения и в середние XIX в. был северным пределом распространения айнов. Таким образом, за два столетия в расселении айнов здесь не произошло изменений [92]. По японским данным, в 1808 г. на Южном Сахалине было 2847 айнов [93]. Выше, в главе XIX, в связи с вопросом о численности айнов (курилов) на Курильских островах мы высказывали предположение, что на Сахалине в XVIII в. айнов было около 3 тыс. чел. Вероятно, примерно столько же их было на Сахалине и в XVII в. После 1808 г. численность айнов на Сахалине резко сократилась, отчасти от болезней, а отчасти вследствие выселения в 1875 г. 834 айнов на о-ов Хоккайдо. В 1897 г. на Сахалине было 1443 айна.

Здесь же на Сахалине, помимо айнов и гиляков, жило в XIX в. небольшое маньчжуро-язычное оленеводческое племя ороков. Японский путешественник Могами Токнай на своей карте Сахалина, помеченной 1786 г., показывает область ороков в бассейне р. Поро-най к северу от айнов. Шренк замечает по этому поводу, что в его время, т. е. в середине XIX в., ороки кочевали и жили не только здесь, но и на северной половине Сахалина, где находилась на восточном берегу дер. Кэкр-во, главное место жительства ороков.

Г. И. Невельский и его сотрудники предполагали, что ороки переселились на Сахалин в конце XVI или в первой половине XVII в. [94] По китайским источникам можно сделать заключение, что ороки были на Сахалине уже около 1709 г. Шренк довольно глухо высказывает предположение о том, что переселение ороков «с острова на материк» (?!) произошло «может быть даже не так-то давно» [95]. Штернберг, очевидно, имеет в виду мнение Невельского и его сотрудников, когда пишет, что «есть указания на то,

---

[92] См. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, стр. 127, 130.

[93] См. С. К. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, стр. 145.

[94] См. Г. И. Невельский. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. М., 1947, стр. 237 и др.

[95] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, стр. 134, 136; см. также стр. 21.

что ороки действительно переселились с Амура сравнительно недавно (в XVII в.)[96].

В 1897 г. на Сахалине было 749 ороков[97], в 1926—1928 гг. на всем Сахалине было учтено 460 ороков.

Мы определяем численность ороков в XVII в. арифметической средней между двумя названными выше цифрами, т. е. всего 600 чел. населения.

Осталось рассмотреть еще одну этнографическую группу, а именно так называемых орочей и удэгейцев, составлявших население бассейнов рек, впадающих в Японское море от залива Петра Великого и до залива Де-Кастри, и живших также в верховьях притоков Уссури и Амура в этом районе.

Поярков называл Амур в районе устья Уссури Шунгалом, а Уссури Амуром и при этом указывал, что «по Амуру (т. е. Уссури.— *Б. Д.*) живут Дючеры же пашенные, а в вершине живут тунгусы, а как Амур сошлась с Шунгалом, и так пошла Амур река и до моря». Далее Поярков сообщает, о том, что гиляки живут улусами в низовьях Амура по обеим его сторонам и по берегу моря «по островам и губам», и добавляет: «...а в Каменю в горе живут Тунгусы»[98].

Тунгусы верховьев Уссури — это, конечно, удэгейцы. Что касается тунгусов, живших в горах («камне») по обе стороны низовьев Амура, то на левобережье — это настоящие тунгусы, в частности негидальцы, а на правобережье — опять-таки несомненно предки орочей (удэгейцев). Таким образом, скупые замечания Пояркова отражают примерно такую же этническую ситуацию по Уссури и по правобережью Амура, какую двести лет спустя, во второй половине XIX в., нашли здесь Шренк, Пржевальский и другие русские исследователи этого края. Разница заключается, видимо, лишь в том, что в XVII в., как мы уже указывали, по Уссури в районе впадения Уссури в Амур вместо гольдов (нанайцев), жили дючеры (маньчжуры) и что в южной части территории расселения удэгейцев не было столь значительного количества китайцев, какое отмечено здесь в середине и во второй половине XVII в.

Впервые название орочи засвидетельствовано Лаперузом, который видел их в заливе Де-Кастри в 1787 г. Что же касается названия удэгейцев, то оно, вероятно, связано с названием оз. Удыль, так же как с названием этого озера связано, видимо, название рода Удыкан у современных курумканских нанайцев.

С. К. Патканов определил численность орочей (удэгейцев) на 1897 г. в 2700—2800 чел.[99] В 1926 г. было учтено 2 тыс. орочей и удэгейцев. Можно предполагать, что в XVII в. их численность была несколько выше, поскольку они тогда еще не подвергались столь систематической эксплуатации со стороны китайских торговцев, как в XIX в. Вероятно, мы на много не ошибемся, если примем для середины XVII в. численность всего населения предков орочей и удэгейцев в 3400 чел., т. е. на 25% больше, чем в 1897 г.

В табл. 206 показаны родоплеменной состав и численность населения всего уезда.

Кроме того, вне русских владений, по смежеству с Албазинским уездом, жило около 1400 сахалинских нивхов, около 3 тыс. сахалинских айнов и около 4 тыс. предков современных ороков, орочей и удэгейцев.

---

[96] Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 9.

[97] См. С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. II. СПб., 1906, стр. 983.

[98] ДАИ, т. III, стр. 55.

[99] См. С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. II., стр. 103—104.

Этнографический состав коренного населения Албазинского уезда

Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			трудоспособных мужчин	всего населения	
Дауры					
Лавкаевы на Амуре	5—6 улусов	1643	300	1 200	
Досауловы на Амуре	2—3 улуса	Ок. 1650	100	400	
Доптыулевы на Зее	1 улус	1643	15	60	
Гойгударовы на Амуре	3—4 улуса	Ок. 1650	250	1 000	Уведены в Маньчжурию на р. Нонни маньчжурскими властями в 1653—1654 гг.
Банбулаевы на Амуре	4—5 улусов	1650	300	1 200	
Толгины на Амуре	5—6 улусов	1650	500	2 000	
Боканскан волость на Зее	Сведений нет	1643	100	400	
Шелогоны на Зее	» »	1643	300	1 200	
Гогули на Зее	» »	1643	200	800	
Шепки на Зее	» »	1643	100	400	
Балдачины на Зее	» »	1643	300	1 200	
Итого			2 465	9 860	
Тунгусы					
Балгир на Зее	2 группы	1643	10	40	
Шемагир на Зее	Сведений нет	1643	100	400	Уведены в Маньчжурию на р. Нонни маньчжурскими властями в 1653—1654 гг. [100]
«Турчаны» на Селемедже	—	1643	40	160	
Ежегун на Селемдже	—	1643	30	120	
Дулаган на Селемдже	—	1643	30	120	

[100] Только часть шемагиров, может быть, вошла в состав современных гаринских нанайцев (самагиров).

Таблица 206 (продолжение)

Этническая племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			трудоспособных мужчин	всего населения	
Тунгусы по р. Томь	—	1643	100	400	
Итого зейских «пашенных» тунгусов			310	1240	
Амгуньские тунгусы (негидальцы)	Роды Чюкчагир, Торомкан, Амкагир, Ошикагир, Адатыгир, Сиквар («Кидагир»), Тугочер, Орильский, Ударский (Удагир), Нашикагир, Уюмкан	1681	125	500	Негидальцы на р. Амгунь
Итого пеших тунгусов			125	500	
Шамагир на Бурее	Сведений нет	1681	100	400	Нанайцы рода Самагир (Самар)
Дилкагир (Нагачский)	—	1681	50	200	Нанайцы рода Дигр
Четелкогир (Олчакогир; Дукинский)	—	1681	30	120	Нанайцы рода Алчака на Гарине
[Ю]камский (Юкаминкан)	—	1681	40	160	Нанайцы рода Юкаминкан
Дункан (?)		—	30	120	Нанайцы рода Дункан, род Дунагир у бирарченов (бираров)
Бирары	Мокогир	1681	100	400	Бирарчены (бирары) родов Мокогир и Малакул
Уиллагир	—	1642	80	320	Род Уилагир у кумарченов (манегров)
Манагир	—	1646	120	480	Род Манагир у кумарченов (манегров)

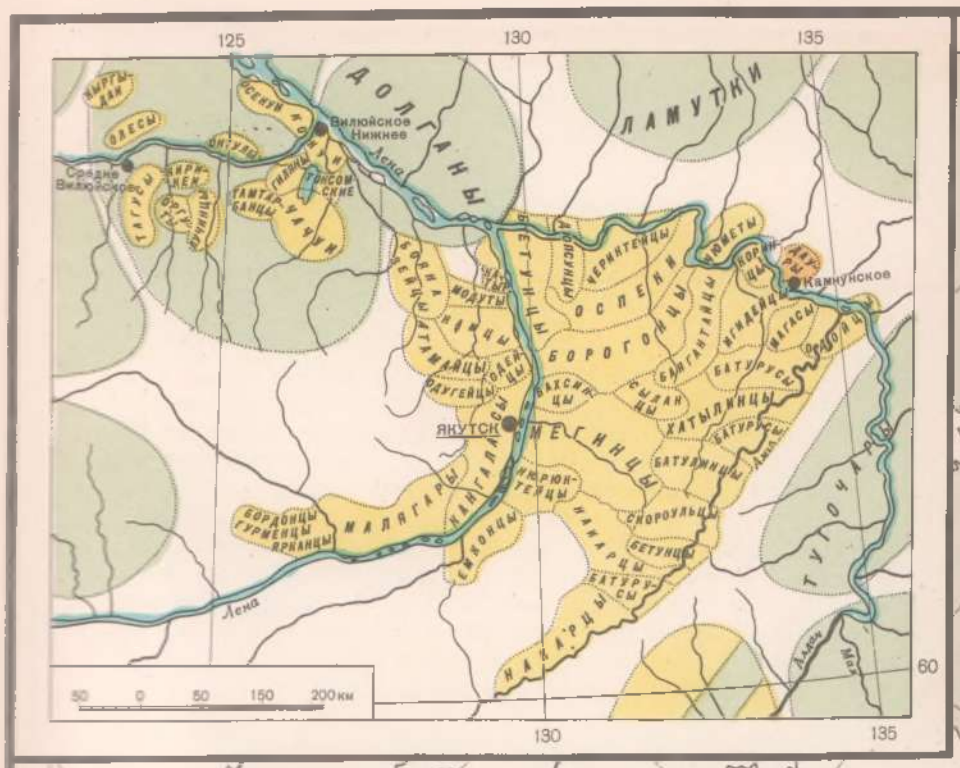
Таблица 206 (окончание)

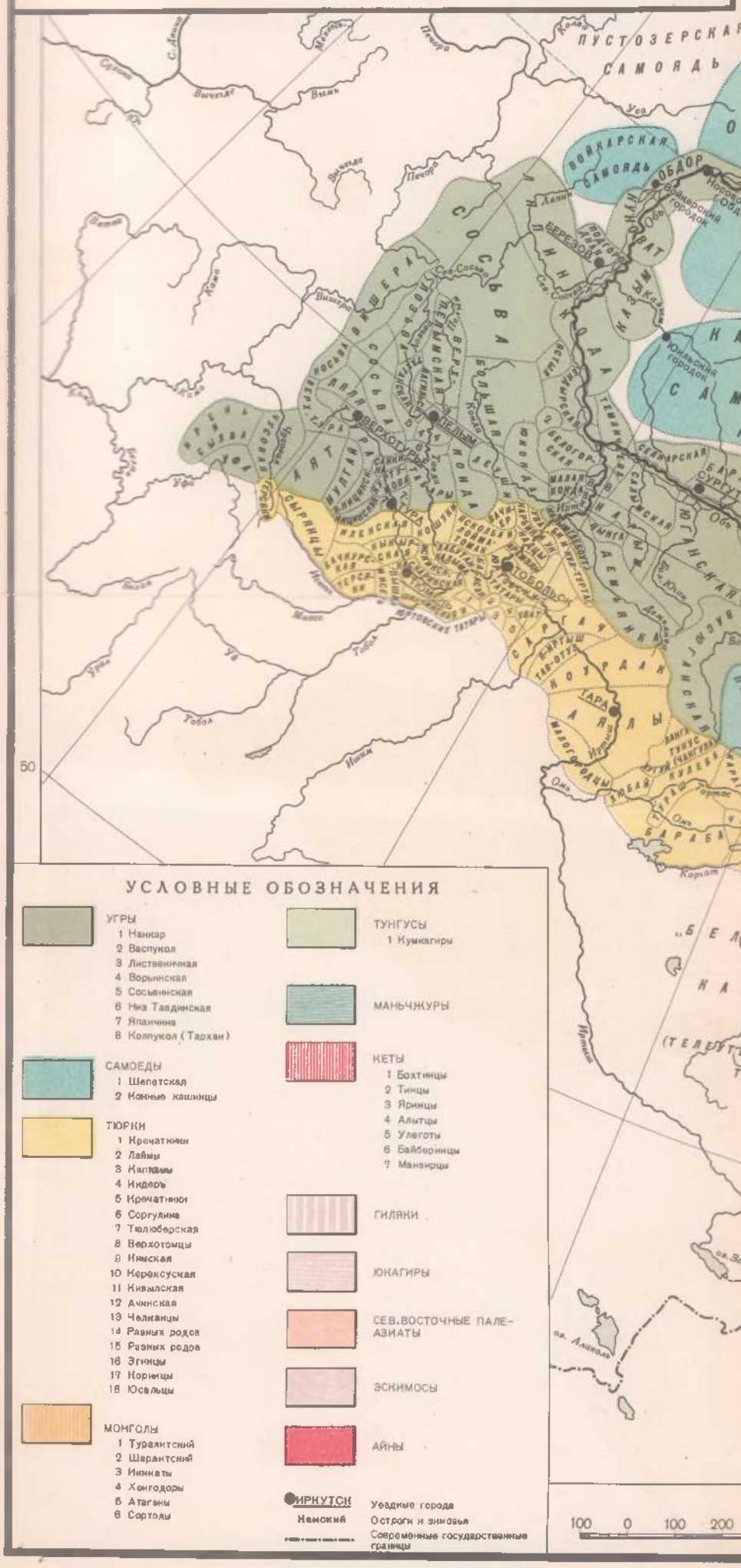
Этническая и племенная группа, основной род	Подразделения племен, роды	Год учета	Численность		Группировки населения в XIX в., соответствующие племенам и родам XVII в.
			трудоспособных мужчин	всего населения	
Колтогир	—	1667	15	60	Род Калтагир у оленных тунгусов Маньчжурии
Итого оленных тунгусов			565	2260	
Всего тунгусов			1000	4000	
Маньчжуры					
Дючеры верхние на Амуре (гогули)	120 (?) улусов	1650	1000	4000	Уведены в Маньчжурию на р. Нонни в 1653—1654 гг.
Дючеры нижние на Амуре	47 улусов	1655	1000	4000	Уведены маньчжурскими властями на р. Хурху (Муданцзян) в 1656 г.
Дючеры низовьев Сунгари	21 улус	1655	500	2000	
Дючеры низовьев Уссури	8 улусов	1655	150	600	
Итого дючеров			2650	10 600	
Натки верхние	11 улусов	1655	500	2000	Основная масса нанайцев
Натки нижние	8 улусов	1655	375	1500	Ульчи (мангуны)
Итого натков			875	3500	
Всего маньчжуров			3525	14 100	
Гиляки амурские	17 улусов	1655	1075	4300	Амурские нивки и часть сахалинских нивхов
Всего			18 065	32 260	

Показанная в табл. 206 картина этнического состава населения Албазинского уезда, как уже отмечалось выше, представляет лишь один из возможных вариантов. Отнесенные нами к даурам такие группы населения уезда, как досауловы дауры на Амуре, доптыулевы дауры на Зее, турчаны на Селемдже, т. е. около 620 чел. населения, могут рассматриваться лишь как более или менее одаурившиеся тунгусы. Так же и волость Гогули на Зее (около 800 чел.) может полностью или по крайней мере наполовину считаться одаурившимися дючерами (см. выше).

С другой стороны, некоторые группы «пашенных» тунгусов из бассейна Зеи, возможно, настолько одаурились к середине XVII в., что правильнее было бы их считать уже даурами. Таковыми могут быть Ежегунский и Дулаганский роды на Селемдже и тунгусы с р. Томи (всего до 540 чел.). Можно надеяться, что будущие специальные и более углубленные исследования окончательно разрешат этот вопрос.

КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН И РОДО




50
60
70
80
90
100
110
120
Земля Франца Иосифа
Новая Земля
КАРСКОЕ МОРЕ
Северная Земля
о. Таймыр
ПУСТОЗЕРСКАЯ САМОЯДЬ
ОБДОРСКАЯ (ЮРАЦКАЯ) САМОЯДЬ
СОМАТУ
ТАСИЙСКАЯ САМОЯДЬ
ТАВГИ
ТИДИРИСЫ
ВАНЯДЫРЫ
СИНИГИРЫ
ЕЛЕГИРЫ (В Т.Ч. СЕНТЕИ)
БАЯГИРЫ
ДОГОЧАГИРЫ
ШЕЛОГО
ГОРАГИРЫ
НЮРИЛЬЦЫ (БУЛАШИ)
ВАРГА
ЧАПОГИРЫ
КОНДОГИРЫ
ТОПОРКИ
ЧЕМДАЛИ
ЯТОЯНЫ
ШИЛЯГИ
МОМОГИРЫ
ЧИЧЕНЦЫ
ЧИЛЫМЧАГИРЫ
КИНДИГИНЦЫ
ЛАМЫ
ЛИМАГИРЫ
ЭВЕНКИ
ЭВЕНЫ
ЭВЕНЫ
ЭВЕНЫ

ЛЕНИЯ ПЛЕМЕН И РОДОВ НАРОДОВ СИБИРИ В XVII в

110
120
130
140
150
160
170
180
170
60
50
40
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
ЧУКОТСКОЕ МОРЕ
БЕРИНГОВО МОРЕ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
Новосибирские о-ва
о. Врангеля
о. Сахалин
п-ов Камчатка
ЧУКЧИ
ЧУВАНЦЫ
ЭВЕНЫ
ЭВЕНКИ
ЮКАГИРЫ
ЧУКЧИ
ЧУВАНЦЫ
ЧУВАНЦЫ
ЧУВАНЦЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главными результатами данной работы являются таблицы этнографического состава коренного населения каждого из 20 сибирских уездов XVII в., помещенные в каждой из глав, и сводная таблица этнического состава всего коренного населения Сибири XVII в., приведенная в табл. 207. Другим результатом работы является прилагаемая карта этнографического состава коренного населения Сибири XVII в.

Как нам кажется, в таблицах и на карте удалось показать все те группы коренного населения Сибири XVII в., которые существовали в то время и были известны русским. В ряде случаев мы смогли указать племенные группировки, в других случаях в таблицах и на карте показаны более дробные группировки — роды и территориальные объединения, в основе которых кое-где (у сибирских татар, например) лежал уже не родовой, а соседский принцип.

В табл. 207 этнического состояния населения Сибири в XVII — начале XVIII в. мы показали в особом разделе и ряд народов, в XVII—XVIII вв. фактически находившихся за пределами тогдашних государственных границ России. Эта таблица подводит итог всей статистической части данной работы.

Поскольку северо-восточные палеоазиаты, эскимосы и курильские айны вошли в состав населения России лишь в XVIII в., а почти все население Албазинского уезда с конца 50-х годов XVII в. выбыло из русского подданства, то фактически в составе русской Сибири в течение большей части XVII в. было лишь около 160 тыс. чел. коренного населения.

Если мы сравним численность коренного населения Сибири в XVII в., определенную нами в табл. 207, с численностью народов Сибири по переписи 1897 г., то найдем следующее.

Согласно С. К. Патканову, в Сибири в 1897 г. было 822 тыс. чел. коренного населения. Увеличение численности коренного населения Сибири с XVII по конец XIX в. произошло главным образом за счет бурят (в XVII в. было около 27,3 тыс., в 1897 г.— 289 тыс. чел.), якутов (в XVII в.— около 28,5 тыс., в 1897 г.— 226 тыс. чел.), а также сибирских татар (увеличение численности с 17 до 53 тыс. чел.), алтае-саянских тюркоязычных народов (с 16,7 до 108,8 тыс. чел.), чукчей (с 2,4 до 11,8 тыс. чел.). Наоборот, численность юкагиров уменьшилась с 4,8 до 1,2 тыс. чел.; уменьшилась также численность ительменов (с 12,8 до 2,8 тыс. чел.), коряков (с 10,7 до 7,3 тыс. чел.), эскимосов (с 4 до 1,3 тыс. чел.), кетов охотников и рыболовов (с 2 до 1 тыс. чел.), энцев (с 3,1 тыс. до 500 чел.). Кеты скотоводы и коневоды и почти все саянские самоеды совсем исчезли. Мало изменилась численность хантов и манси (в XVII в.— 16,3, в 1897 г.— 24,7 тыс. чел.), селькупов (в XVII в. — 3,1, в 1897 г. — 5,8 тыс. чел.), нганасан (в XVII в.— 1 тыс., в 1897 г.— 900 чел.). Характерны данные по тунгусам.

Уезд или группа населения вне российских владений	Этнографическая			
	Угры	Самоеды	Тюрки	Монголы
Верхотурский	1 780	—	80	—
Пелымский	2 780	—	—	—
Туринский	580	—	—	—
Тюменский	—	—	2 620	—
Тарский	—	—	5 340	—
Тобольский	1 700	—	3 740	—
Березовский	6 040	5 740	—	—
Сургутский	3 380	645	—	—
Нарымский	—	1 440	—	—
Кетский	—	550	—	—
Томский	—	530	2 485	—
Кузнецкий	—	—	5 435	—
Мангазейский	—	4 130	—	—
Енисейский	—	—	—	3 150
Красноярский	—	2 250	1 370	550
Илимский	—	—	—	7 490
Иркутский	—	—	170	8 600
Нерчинский	—	—	—	7 500
Якутский	—	—	28 470	25
Албазинский	—	—	—	9 860
Итого	16 260	15 285	49 710	37 175
Кроме того, вне русских владений находились:				
Татары, ушедшие с Кучумом	—	—	1 000	—
Енисейские киргизы	—	—	5 000	—
«Белые калмыки»	—	—	5 000	—
Предки орочей, удэ, ороков	—	—	—	—
Сахалинские гиляки	—	—	—	—
Сахалинские айны	—	—	—	—
Всего	16 260	15 285	60 710	37 175

В XVII в. их было 36,2 тыс. чел., в том числе кочевых оленеводов-охотников около 23,9 тыс. чел., коневодов и скотоводов (главным образом в Забайкалье) около 9 тыс. чел. и оседлых рыболовов (на Охотском море, р. Амгуни и у Байкала) около 3,3 тыс. чел. В 1897 г. тунгусов было: оленеводов — 26,5 тыс., коневодов и скотоводов в Забайкалье (большей частью уже ставших земледельцами и обрусевших) — 30,6 тыс. чел., и оседлых рыболовов — около 700 чел.; всего, следовательно,— 57,8 тыс. чел.

Таким образом, примерно за 250 лет численность тунгусов коневодов и скотоводов возросла в три с половиной раза, численность кочевых тунгусов-оленеводов почти не изменилась, а численность тунгусов оседлых рыболовов уменьшилась в пять раз. Мы видим, что у одного народа разные его части, представлявшие разные хозяйственные типы, имели разную судьбу. Главной причиной роста численности ряда народов Сибири является усвоение ими от русского крестьянства, переселившегося в Сибирь, русской земледельческой техники, превращение преобладающего большинства этих народов в земледельцев, живших в значительной части тем же бы-

Таблица 20

населения Сибири в XVII — начале XVIII вв.[1]

группировка								
Тунгусы	Маньчжуры	Кеты	Гиляки	Юкагиры	Северо-восточные палеоазиаты	Эскимосы	Айны	Всего
—	—	—	—	—	—	—	—	1 860
—	—	—	—	—	—	—	—	2 780
—	—	—	—	—	—	—	—	580
—	—	—	—	—	—	—	—	2 620
—	—	—	—	—	—	—	—	5 340
—	—	—	—	—	—	—	—	5 440
—	—	—	—	—	—	—	—	11 780
—	—	65	—	—	—	—	—	4 090
—	—	—	—	—	—	—	—	1 440
—	—	—	—	—	—	—	—	550
—	—	—	—	—	—	—	—	3 015
—	—	—	—	—	—	—	—	5 435
4 420	—	1 460	—	—	—	—	—	10 010
2 805	—	685	—	—	—	—	—	6 640
160	—	3 420	—	—	—	—	—	7 750
1 620	—	—	—	—	—	—	—	9 110
2 500	—	—	—	—	—	—	—	11 270
8 050	—	—	—	—	—	—	—	15 550
12 680	—	—	—	4 775	25 865	4 000	3 540	79 355
4 000	14 100	—	4 300	—	—	—	—	32 260
36 235	14 100	5 630	4 300	4 775	25 865	4 000	3 540	216 875
—	—	—	—	—	—	—	—	1 000
—	—	—	—	—	—	—	—	5 000
—	—	—	—	—	—	—	—	5 000
—	4 000	—	—	—	—	—	—	4 000
—	—	—	1 400	—	—	—	—	1 400
—	—	—	—	—	—	—	3 000	3 000
36 235	18 100	5 630	5 700	4 775	25 865	4 000	6 540	236 275

том, каким жили в Сибири и русские крестьяне. Это, а также прекращение после прихода русских кровавых межплеменных и межродовых столкновений и некоторые другие обстоятельства создали условия, при которых численность этих народов от естественного прироста увеличилась почти в такой же степени, в какой увеличивалась численность от естественного прироста и русских крестьян, поселившихся в Сибири. Земельной тесноты, помещичьего землевладения, ставивших препятствия для развития хозяйства и культуры широких масс, Сибирь почти не знала. Разумеется, приобщение к земледелию и, таким образом, к новым формам хозяйства и быта могло происходить лишь в тех районах Сибири, где были естественно-географические условия, допускавшие развитие сельского хозяйства при том уровне сельскохозяйственной техники, который тогда существо-

[1] Определяя численность «белых калмыков» и енисейских киргизов, мы взяли наибольшие возможные цифры их численности. В тексте численность каждой из этих трех групп была нами определена в 4 — 5 чел.

вал. У бурят и алтае-саянских народов имел место и приток населения из-за рубежа.

Главная причина сокращения с XVII в. численности ряда народов Сибири (юкагиров, ительменов, энцев, пеших тунгусов и др.) — это опустошительные эпидемии оспы, поражавшие с особой силой отсталые и по этой причине малочисленные народы. Остается фактом, что, например, якуты и буряты не испытали таких опустошений от эпидемий, какие выпали на долю юкагиров, энцев, ительменов, а также некоторых групп северных тунгусов, кетов и др. При этом заметим, что оседлые ительмены так же пострадали от эпидемии оспы, как и кочевые юкагиры или энцы. На судьбе малых охотничьих племен сказалось и то обстоятельство, что они несли на своих плечах главную тяжесть эксплуатации путем ясачного обложения.

В то же время следует иметь в виду, что многие исчезнувшие этнографические группы не вымерли, как это было принято считать. Так, южные кеты — коневоды и скотоводы — и значительные группы саянских самоедов вошли в состав хакасского и тувинского народов, многие из них слились с русскими и якутами, большая часть азиатских эскимосов была поглощена чукчами, много энцев было ассимилировано ненцами и т. д.

Вначале мы ставили перед собой задачу показать в таблицах и на карте в качестве основных этнографических единиц только племена коренных народов Сибири. Роды, общины, улусы предполагалось показать лишь как подразделения племен. Но при осуществлении этой задачи, как уже указывалось во введении к настоящей работе, выяснилось, что наши материалы не позволяют этого сделать с желательной полнотой. В очень немногих случаях в наших материалах имелась типичная, классическая форма этнографической общности в виде племени, разделенного на ряд родов. Таковы, например, племена предков ненцев, энцев, нганасанов и южных кетов коневодов и скотоводов, племена предков бурят — эхэриты и хоринцы. Но уже в отношении бурятского племени булагатов выяснилось, что хотя булагаты считались одним племенем, состоящим из ряда родов, потомки булагатов образуют две территориально обособленные группы родов, говорящие на разных диалектах [2]. Следовательно, у потомков булагатов нарушен такой существенный признак племени, как единство диалекта. Весьма вероятно, что так же обстояло дело у булагатов и в XVII в. Далее, как мы знаем, оказалось несколько народов, у которых как будто выявлялись территориально-диалектальные группы, которые можно считать племенами, но не было обнаружено родовых подразделений этих племен, по крайней мере в привычных нам формах. Такое положение имеет место у ительменов, коряков, чукчей и азиатских эскимосов.

С другой стороны, даже предварительное исследование этнографической структуры одной из групп предков современных нганасан, так называемых «пясидских самоедов», позволяет сделать заключение, что они состояли из двух фратрий: «орлов» и «воронов», каждая из которых распадалась на ряд мелких родов, называвшихся по имени лиц, их возглавлявших. На Оби многочисленные волости (роды) предков селькупов, очевидно, группировались в три-четыре племенных объединения, названия которых — чумылькупы, сюссекумы, шешкумы — дошли до нас. Есть основание предполагать, что упомянутое выше племя «пясидских самоедов» и энецкое племя сомату в более отдаленном прошлом составляли одно племя.

Таким образом, в деле изучения этнографической структуры народов Сибири и истории ее формирования у нас еще очень много перспектив.

---

[2] См. Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, вып. XVIII, 1953, стр. 39—46.

Вообще необходимо отметить, что этнографическая структура ряда народов оказалась весьма своеобразной, не всегда совпадающей с нашими обычными представлениями на этот счет.

Вопрос о полной реконструкции этнографической структуры народов Сибири и точной квалификации и характеристики всех ее звеньев пока остается открытым и требует дополнительных специальных исследований. Как известно, у народов Сибири преобладали различные формы патриархально-родового строя, от самых ранних до сравнительно поздних. Развитие у охотников и рыболовов патриархально-родовых отношений, вместе с особенностями предшествующего развития и влияниями со стороны более культурных народов, а также особенностями развития, обусловленными переселениями оленеводческих родов все далее на север, и вызвали, вероятно, ту сложность и своеобразие родоплеменной структуры народов Сибири, которую приходится констатировать.

Выше мы отмечали у охотников-оленеводов Сибири роды в 300—700 чел. Такой род, конечно, не мог вести совместное хозяйство и жить в одном месте. Для подобных больших коллективов естественные ресурсы Сибири, особенно северной, слишком скудны. Реальным хозяйственным коллективом было подразделение такого большого рода. Если этот большой род называть фратрией, то его подразделения и будут собственно роды.

В свое время С. П. Толстов отметил роль охотничьего коллектива в качестве ячейки человеческого общества на ранних ступенях его развития[3], а П. Н. Третьяков показал большое значение коллективной охоты для народов северной Сибири[4]. При этом Третьяков обратил особое внимание на так называемую «поколюгу», или «поколку», т. е. на способ охоты на стада диких оленей при их переправах через водные рубежи. При помощи охоты на поколках предки нганасанов, юкагиры, северные тунгусы обеспечивали себя запасами мяса на весь год. Места поколок были хорошо известны, и на каждой поколке обычно охотилась определенная группа. Характерно, что подразделения больших родов, т. е. фратрий, у народов северной Сибири в XVII в. состояли примерно из такого количества мужчин-охотников, какое обычно участвует в коллективной охоте на диких оленей, в частности на поколке. Например, численность родов одной части предков нганасанов, так называемых тавгов, в 1634 г. была 15, 15, 14, 10, 18 трудоспособных мужчин. У упомянутых выше тунгусов Ванядырского рода было шесть родов, насчитывавших в 1682 г. 22, 22, 19, 16, 26, 18 мужчин. У хантайских энцев в 1625 г. было восемь родов численностью в 10, 15, 33, 21, 22, 19, 9 и 4 мужчины.

Таким образом, реальной хозяйственной единицей являлся, видимо, именно этот малый род, коллектив охотников. Не случайно у нганасанов одним словом «фонка» обозначался и такой род и копье, употреблявшееся на поколке. Что касается большого рода в несколько сот человек, то его функции, по-видимому, были другого, в основном, вероятно, социально-правового характера.

У большинства народов Сибири, как мы уже указывали, не выявляется каких-либо форм племенной организации, хотя существование племен как этнографических единиц вряд ли вызывает сомнения.

За исключением западносибирских татар, у народов Сибири в XVII в. не существовало своей государственности, хотя на многие из них распространялось влияние соседних феодальных государств. Но своеобразие

---

[3] См.: С. П. Толстов. Проблемы дородового общества. «Советская этнография» № 3-4, 1931.

[4] П. Н. Третьяков. Первобытная охота в Северной Азии. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1935.

развития народов Сибири, по сравнению хотя бы с развитием народов Америки и Австралии, заключалось в том, что многие из них издавна испытывали некоторое влияние древних цивилизаций Восточной и Средней Азии. Отдельные народы Сибири даже являются выходцами из местностей, расположенных по соседству с теми областями, где возникали эти цивилизации. Эти обстоятельства необходимо учитывать, изучая особенности социальной структуры и даже родового (фратриального) и племенного состава народов Сибири, не говоря уже о многих характерных чертах их материальной и духовной культуры. Конечно, указанные выше влияния были слабее на севере и сильнее на юге Сибири. Изучение этих «внесибирских» связей народов, населявших Сибирь в XVII в., представляет большую благодарную задачу.

Вместе с тем необходимо уделить внимание установлению древних связей между самими народами Сибири.

Введение в научный оборот большого количества родовых и племенных названий XVII в. у народов Сибири, наряду с уточнением локализации родов и племен, позволяет придать более надежный характер сопоставлениям родовых названий у разных этнических общностей или у отдельных частей (племен) одного народа для установления происхождения отдельных родов и племен, а также целых народов. Мы теперь можем утверждать, например, что на Оленек тунгусское население пришло с Алдана, а в верховья Яны — с Охотского побережья, что современные тунгусы, живущие в бассейне Оби и Томской области, пришли из бассейна Ангары и в значительной своей части являются потомками исчезнувших асанов, что исчезнувшее тунгусское племя (или род) Ванядыр сейчас существует в виде вадеевских иганасанов, и т. д. Любопытные совпадения обнаруживают родовые названия самоедов бассейна Таза (роды Ючи, Чёр, или Тёр) и тюркоязычных племен бассейна верхней Томи (роды Юты, Юс, или Юж, Чёр, или Шор). Сходны, как известно, также родовые названия якутов (кангаласы, коринцы, катылинцы (катагины), батулинцы, намцы и др.) с родовыми названиями бурят и обуряченных тунгусов (хенгелдеры, хоринцы, хатагины, батулинцы, намяты и др.).

Почти по всем группам коренного населения Сибири XVII в. установлены потомки в составе современного населения Сибири и, наоборот, мы имеем сейчас возможность указать предков почти любой группы современного населения Сибири среди племен и родов Сибири XVII в. Это обстоятельство открывает большие перспективы в разработке конкретных вопросов истории народов Сибири.

Сопоставление данных о родоплеменном составе народов Сибири XVII в. с современными показывает, что с XVII по XIX в. произошли значительные изменения. Появились новые племена (например, вадеевские иганасаны). В новых и старых племенах появились новые роды. Таковы, например, некоторые современные роды илимпейских и куркогирских эвенков, многие роды обдорских ненцев. Изменилась в ряде случаев группировка старых родов по племенам и территории. Например, роды ангарских эвенков входят сейчас в состав эвенков Подкаменной Тунгуски, как называемые «летние» эвенки сейчас вместо бассейна Нижней Тунгуски находятся в бассейне Хатанги и Пясины, тюгесиры с Алдана перешли в бассейн Яны и Индигирки и т. д. Некоторые племена и роды изменили свою этническую принадлежность. Так, долганские роды из тунгусоязычных стали якутоязычными. Многие эскимосы стали чукчами, целые эвенкийские роды стали нанайскими и т. д. Вообще изменилась родовая структура некоторых этнических общностей.

История народов Сибири показывает, что родовой строй не представляет чего-то застывшего и неизменного. В нем беспрерывно протекают процессы, частью вызванные внутренним развитием данного народа,

частью обусловленные внешними влияниями. Перед нами стоит задача раскрыть ход и закономерности этих процессов. Решив эту задачу, мы приблизимся к пониманию тех пока еще недостаточно ясных для нас процессов, которые обусловили этнографический состав населения Сибири, который там застали русские в XVII—XVIII вв.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААН — Архив Академии наук СССР (Ленинград)
ДАИ — Дополнения к актам историческим.
КПМГЯ — Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.
КПЦКЧ — Колониальная политики царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.
РИБ — Русская историческая библиотека.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Часть I.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Глава I. Верхотурский уезд 20
Глава II. Пелымский уезд 28
Глава III. Туринский уезд 34
Глава IV. Тюменский уезд 41
Глава V. Тарский уезд 49
Глава VI. Тобольский уезд 56
Глава VII. Березовский уезд 64
Глава VIII. Сургутский уезд 78
Глава IX. Нарымский уезд 87
Глава X. Кетский уезд 91
Глава XI. Томский уезд 94
Глава XII. Кузнецкий уезд 104

Часть II.

СРЕДНЯЯ СИБИРЬ И ЗАБАЙКАЛЬЕ

Глава XIII. Мангазейский (Туруханский) уезд 119
Глава XIV. Енисейский уезд 183
Глава XV. Красноярский уезд 222
Глава XVI. Илимский уезд 276
Глава XVII. Иркутский уезд 294
Глава XVIII. Нерчинский уезд 326

Часть III.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Глава XIX. Якутский уезд 352
Общие сведения 352
Якуты центральной части уезда 353
Юкагиры и верхоянские якуты 379
Тунгусы и якуты западной части Якутского уезда 442
Тунгусы и якуты восточной части Якутского уезда 491
Население северо-востока и Камчатки 549
Глава XX. Албазинский уезд 579
Заключение 615

Борис Осипович Долгих

Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор издательства Д. М. Коган
Технические редакторы *П.С. Кашина* и *Ю.В.Рылина*

РИСО АН СССР № 93—93В Сдано в набор 17/XI 1959 г. Подписано к печати 30/I 1960 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 39+1вкл. Усл. печ. л. 53,43+1 вкл. Уч.-издат. л. 52,2 Тираж 1500 экз. Т-00145. Изд. № 3474. Тип. зак. № 2524

Цена 33 руб. 65 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
64	9 св.	осняков	остяков
123	27 св.	круга	округа
134	4 сн.	табл. 39	табл. 40
294	3—4 св.	Для	До
320	22 св.	переходить	переходим
330	27 св.	698	689
434	15 св.	супоству	существу
469	17 сн.	Личинцы	Лучинцы
488	9 сн.	«погочер»	«почегор»
492	5 св., 3 гр.	Уплачено	явилось
492	5 св., 5 гр.	явилось	уплачено
494	20 св.	а ниже	а не ниже
497	4 св.	Ламнунского	Камнунского
595	9 св., 2 гр.	«В Шингале вверху»	«В Шингале реке вверху»
613	2 сн., 6 гр.	пивки	пивхи
614	4—5 св.	доптыулевы дауры на Зее, турчаны на Селемдже, т. е. около 620 чел.	доптыулевы дауры на Зее, т. е. около 460 чел.
617	1 св.	Таблица 20	Таблица 207

Б. О. Долгих